Исторія человѣчества.

Томъ пятый.

Исторія человѣчества.

Всемірная исторія.

Составили

профессора: Г. Адлеръ, К. Арендтъ, Т. Ахелисъ, К. Г. Брандисъ, М. ф.-Брандтъ, Б. Бретгольцъ, В. Вальтеръ, К. Вейле, † Э. гр. Вильчекъ, Г. Винклеръ, Г. ф. Влислоцкій, Э. Гейкъ, К. Гэблеръ, А. Клейншмидтъ, К. Клейнъ, І. Колеръ, Ф. ф. Лушанъ, Р. Майръ, Р. Маренгольцъ, В. Милковичъ, К. Нибуръ, К. Паули, І. Ранке, Ф. Ратцель, К. Сете, Р. ф. Скала, Ал. Тилле, Ар. Тилле, Г. Фридъюнгъ, Г. ф. Цвидинекъ-Зюденгорстъ, Э. Шмидтъ, Г. Шіётъ, Г. Шурцъ, Г. Эгельгаафъ, Ю. Юнгъ и др.

подъ общей редакціей д-ра **Г. Гельмольта.**

Полный переводъ съ нѣмецкаго съ значительными дополненіями для Россіи извѣстныхъ русскихъ ученыхъ.

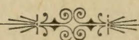
Составленіе дополненій къ переводу, сдѣланному **Б. Ф. Адлеромъ, А. И. Браудо, А. А. Вейнбергомъ, М. Е. Ліономъ, Я. А. Лурье, Е. Л. Петри, М. В. Чепинскою, Л. Я. Штернбергомъ, П. Е. Щеголевымъ,** взяли на себя проф. **В. В. Бартольдъ,** прив.-доц. **И. М. Гревсъ,** проф. **Н. И. Карѣевъ,** проф. **А. А. Кизеветтеръ, † Д. А. Коропчевскій, В. А. Мякотинъ,** академикъ **В. В. Радловъ,** проф. **Е. В. Тарле** и др.

---

*1-й томъ **одобренъ** Учебнымъ Комитетомъ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи;*

***рекомендованъ** Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній для подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній*

260 отдѣльныхъ приложеній, изъ нихъ 60 хромолитографій, 55 картъ въ краскахъ и 145 черныхъ иллюстрацій.



С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,

Забалканскій просп., с. д. 75.

Исторія человѣчества.

Всемірная исторія.

Пятый томъ.

Юго-восточная и Восточная Европа.

Составили:

Проф. д-ръ **Р. ф.-Скала,** проф. д-ръ **Г. Циммереръ,** проф. д-ръ **К. Паули,** д-ръ **Г. ф.-Гельмольтъ,** д-ръ **Б. Бретгольцъ,** проф. д-ръ **В. Милковичъ** и д-ръ **Г. Влислоцкій.**

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей проф. **А. Л. Погодина** (славянскія племена) и проф. **А. А. Кизеветтера** (Россія).

Приложенія: 5 картъ, 4 хромолитографіи, 16 гравюръ и автотипій и 6 родословныхъ таблицъ (изъ нихъ 2 въ текстѣ).

С.-Петербургъ.

Типо-литографія Книгоиздательскаго Т-ва „Просвѣщеніе“,

Забалканскій просп., с. д. 75.

Бумага безъ примѣси древесной массы (веленевая).

Предисловіе къ нѣмецкому изданію.

Настоящій томъ заключаетъ въ себѣ семь болѣе или менѣе обширныхъ отдѣловъ. Содержаніе его составляетъ, отдѣляемая въ предисловіи къ VII тому отъ Западной Европы, Восточная Европа въ самомъ обширномъ смыслѣ. Заглавіе это мы выставляемъ во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній. Восьмая и послѣдняя глава, объ историческомъ значеніи Балтійскаго моря, слишкомъ увеличивающая объемъ тома, переносится нами въ начало шестого тома, гдѣ она должна служить переходнымъ мостомъ отъ одной группы народовъ къ другой и такимъ образомъ она вполнѣ соотвѣтствуетъ введенію къ VI тому.

Въ первомъ отдѣлѣ, озаглавленномъ „Эллинизмъ со временъ Александра Великаго“ въ краткомъ, но вполнѣ исчерпывающемъ предметъ, изложеніи, въ видѣ непосредственнаго продолженія 5-й главы IV тома, разсматривается эллинизмъ и положеніе Греціи въ тогдашнемъ мірѣ. Нашъ сотрудникъ разрѣшилъ старый вопросъ: можетъ ли исторія считаться наукой въ смыслѣ Г. У. Фосса, который смотрѣлъ на исторіографію прежде всего какъ на искусство: здѣсь, послѣ тщательнаго выбора и шлифовки, прикладывался одинъ камешекъ къ другому, такъ что, наконецъ, получилась великолѣпная мозаичная картина. Точно такой же способъ примѣненъ къ подотдѣлу „средне-греческой“ главы, который, на основаніи новѣйшихъ данныхъ, полученныхъ путемъ сравнительнаго метода, оцѣниваетъ всемірное значеніе Византійскаго государства. Все то, чѣмъ мы обязаны культурному вліянію Византіи, изложено здѣсь въ такой формѣ, которая не можетъ дать даже приблизительнаго понятія о приложенномъ къ этой работѣ трудѣ и самоотверженности автора.

Однако и другіе отдѣлы тома, каждый въ области обработки своего матеріала, не мало способствовали разрушенію той толстой стѣны, которая раздѣляла Востокъ и Западъ и на которую до сихъ поръ почти всѣ взирали съ какимъ-то благоговѣйнымъ страхомъ. И хотя именно въ этой области еще многое осталось не сдѣланнымъ (такъ, напр., вопросъ о возникновеніи ленной системы требуетъ еще для окончательнаго своего разрѣшенія болѣе глубокой разработки), однако въ обоихъ сродственныхъ между собой и составляющихъ продолженіе 1-й главы „балканскихъ“ отдѣлахъ: „Европейская Турція (съ Арменіей)“ и „Албанцы“ на извѣстное время совершенно исчерпываютъ современное состояніе изслѣдованія. Исторія Османовъ въ Европѣ, хотя и нашла себѣ въ отдѣльныхъ

частяхъ выдающихся изслѣдователей, однако со временъ Цинкейзейна не была серьезно разрабатываема — здѣсь же пробѣлъ этотъ, наконецъ, вполнѣ заполненъ. Въ виду послѣдовавшей въ 1901 г. смерти составителя „албанскаго" отдѣла, редакторъ принужденъ былъ взять на себя отвѣтственную обязанность дополнить этотъ отдѣлъ.

Исторія многострадальныхъ словенскаго и хорватскаго племенъ заняла мѣсто въ пятомъ отдѣлѣ, такъ какъ южные славяне заслуживаютъ не менѣе внимательной трактовки, чѣмъ чехи и моравы, о которыхъ обстоятельно и знающимъ лицомъ трактуетъ четвертый отдѣлъ подъ заглавіемъ: „Чехія, Моравія и Силезія до ихъ соединенія съ Австріей въ 1526 году".

Богатое въ историческомъ отношеніи развитіе оставшейся нераздѣльной массы прочихъ славянъ въ Восточной Европѣ выпало на долю послѣдней главы. Составитель ея задался цѣлью соединить многочисленные, болѣе или менѣе грубо отдѣланные другими историками, камни въ стройное архитектоническое зданіе. Преимущество нашего отдѣла „Восточная Европа" (въ болѣе тѣсномъ смыслѣ) заключается въ новизнѣ отдѣльныхъ частей (какъ, напр., Начало Русскаго государства и Польши, Польша при послѣднихъ Пястахъ, ея отношенія къ Литвѣ и ея окончательный поворотъ въ 1515 г., Казаки и т. д.), которыя въ этомъ видѣ даются здѣсь впервые, а также въ общемъ съ высокой точки зрѣнія и въ ярко освѣщенномъ обзорѣ общаго развитія славянства и примѣшавшихся къ нему народностей. Способъ расположенія и распредѣленія матеріала, концепція главныхъ отличительныхъ признаковъ (замѣчательная своей объективностью разработка характерныхъ чертъ исторіи Россіи, выведенныхъ изъ природы страны, осторожное сравненіе чисто-славянскихъ элементовъ съ обще-европейскими или общечеловѣческими) — все это преимущества, составляющія неотъемлемую принадлежность и качества работы автора отдѣла. Шиманъ и Брюкнеръ (сотрудники „Всеобщей Исторіи" Онкена) только благодаря предпринятымъ ими съ этой цѣлью путешествіямъ могли разработать отдѣльныя части сочиненія съ никѣмъ еще и до сихъ поръ не достигнутой точностью. Тѣмъ не менѣе отнюдь не безынтересному вѣку между царствованіями Ивана IV и Петра Великаго не удѣлено у Онкена даже приблизительно соотвѣтствующаго вниманія. То же самое мы видимъ и по отношенію къ послѣднимъ двумъ съ половиной столѣтіямъ Польскаго государства. Такимъ образомъ наша „Восточная Европа" является первой, обнимающей все самое важное, исторіей политическихъ движеній и культурныхъ теченій Россіи и Польши, а также ихъ соприкосновеній съ Западной Европой. При обработкѣ этого большого отдѣла мы пользовались просвѣщеннымъ содѣйствіемъ д-ра Гиргензона.

Нѣсколько пояснительныхъ словъ заслуживаетъ и шестой отдѣлъ, отведенный „Дунайскимъ народамъ" — этому клину вдвинутому въ славянскій міръ. Вскорѣ послѣ составленія статей этого отдѣла, автора ихъ постигъ къ сожалѣнію, повидимому, неизлечимый душевный недугъ. Послѣ этого прошло уже шесть лѣтъ. Вся тяжесть присоединенія новыхъ результатовъ изслѣдованія — которые иначе устарѣли бы — легла на редактора. Приходилось при значительной затратѣ времени излагать на ос-

нованіи выводовъ современной науки: походъ гунновъ, раздѣленіе различныхъ болгарскихъ племенъ, происхожденіе румынъ и мадьяръ.

Для открытыхъ вопросовъ исторіи Венгріи намъ съ неизмѣнной готовностью давалъ отвѣты извѣстный спеціалистъ проф. д-ръ Людвигъ Мангольдъ въ Будапештѣ. Объясненіе къ „Золотой Буллѣ“ 1222—1351 г. составлено подъ редакціей проф. д-ра Люшина фонъ Эбенгрейта въ Грацѣ; по виду незначительными, но богатыми содержаніемъ и цѣнными, сообщеніями о среднихъ и южно-американскихъ цыганахъ мы обязаны г. Рикерту, консулу въ Гамбургѣ.

Затѣмъ мы должны еще съ благодарностью упомянуть о сотрудникахъ по художественной части (иллюстраціямъ) этого тома. Мы благодаримъ завѣдующихъ моравскимъ архивомъ въ Брюннѣ, королевской румынской академіей въ Бухарестѣ, королевской публичной библіотекой и королевскимъ кабинетомъ гравюръ въ Дрезденѣ, герцогской библіотекой въ Готѣ, городскимъ архивомъ въ Иглау, Чарторыйскимъ музеемъ въ Краковѣ, Германскимъ національнымъ музеемъ въ Нюрнбергѣ, Національной библіотекой въ Парижѣ, чешскимъ музеемъ въ Прагѣ, императорской библіотекой въ С.-Петербургѣ, Придворнымъ музеемъ, архивомъ и библіотекой въ Вѣнѣ.

Редакторъ. Издатели.

Списокъ приложеній.

Хромолитографіи.

Карты.

Гравюры и автотипіи.

Родословныя таблицы.

Оглавленіе.

V. Словенское и сербо-хорватское племена.

(Проф. Владим. Милковича.)

VI. Придунайскіе народы.

(Генриха Влислоцкаго.)

VII. Восточная Европа.

(Проф. д-ра Вл. Милковича.)

I. Эллинизмъ со временъ Александра Великаго.

Проф. **Рудольфа фонъ Скала.**

1. Эллинизмъ.

А. Міровое положеніе грековъ.

a) Греческій міръ до Александра Великаго.

Долгое сосѣдство съ иллирійцами, малоазіатцами, ѳрако-фригійцами оказало свое вліяніе на языкъ греческихъ племенъ. Кромѣ того, часто занимая при своемъ разселеніи области, уже заселенныя ранѣе другими племенами, греки не могли избѣгнуть своеобразныхъ и глубокихъ вліяній и въ культурномъ отношеніи.

Наоборотъ, прямолинейный, долгій путь развитія греческой религіи, отъ фетишизма къ религіи съ нравственнымъ содержаніемъ, каковою мы находимъ ее въ Элевзинскихъ мистеріяхъ, съ ихъ идеей материнской любви, этотъ путь развитія является чисто гречески-національнымъ. Но въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ можно не только замѣтить слѣды сосѣдскаго вліянія, тутъ замѣчается даже просвѣчивающій иноплеменный фонъ, даже тамъ, гдѣ пришлое греческое населеніе преобладало надъ туземнымъ, и гдѣ уже нельзя говорить собственно о смѣшанномъ населеніи. Какъ католическая церковь приняла въ себя древніе языческіе культы и христіанизировала ихъ, такъ и божества древнихъ слоевъ населенія были приняты греками вмѣстѣ съ мѣстами почитанія ихъ божествъ: божество земли и божества природы малоазіатскаго населенія, оргіастическія культуры ѳракійцевъ, точно такъ же, какъ позднѣе и семитическія и египетскія божества. Чужеземнымъ, негреческимъ кажется намъ культъ ефесской богини съ его замкнутой кастой жрецовъ и кастрированными служителями храма; культъ этотъ такъ же, какъ и культъ богини Реи на Критѣ, принадлежитъ первоначальному малоазіатскому населенію. Великую богиню природы Ма, мать всякой жизни, у ногъ которой лежатъ звѣри лѣсные, и которая разъѣзжаетъ на львахъ, почитаютъ и тамъ, гдѣ люди всего ближе къ солнцу,—на высокихъ горныхъ вершинахъ, получающихъ первый пламенный поцѣлуй его.

Когда мастерская кисть осени украшаетъ умирающіе кусты и траву, тогда фригійцы въ глубокой скорби оплакиваютъ своего великаго бога; но когда весною начинается опять таинственная работа такъ давно уже умершей природы, тогда молодежь отправляется съ танцами и дикой музыкой праздновать въ пробужденіи весны воскресеніе бога Сабизія. Въ лицѣ ѳракійскаго Діонисія греки восприняли подобное же божество (ср. т. IV). Можетъ быть, вмѣстѣ съ этими культами была воспринята греками и сопровождающая ихъ богатая музыка: въ то время, какъ греческая музыка знаетъ только гамму моль, содержащую при повышеніи и пониженіи тѣ же самые звуки и не имѣющую, слѣдовательно, вводнаго тона, проникающая въ нее фригійско-ликійская музыка является уже музыкой

въ гаммѣ дуръ, совпадая приблизительно съ мелодіями въ тонѣ дуръ шотландскихъ (гэльскихъ) народныхъ пѣсенъ. Представителемъ этихъ вліяній считается фригійскій музыкантъ Олимпъ, и вообще сознаніе этихъ культурныхъ заимствованій поразительно долго сохранялось въ именахъ и въ историческихъ понятіяхъ.

Ставшій вполнѣ греческимъ, культъ Аполлона имѣетъ опять-таки своимъ источникомъ поклоненіе ликійскому богу солнца; еще въ эпоху эллинизма Аполлонъ, Артемида и Лето считаются въ Ликіи природными богами; ликійскіе пѣвцы на Делосѣ, какъ напр., Оленъ, продолжаютъ жить въ памяти грековъ. Очень притягательнымъ былъ для грековъ, семитическій по имени и малоазіатскій по существу, культъ Кабировъ въ Самоѳракіи. Культъ финикійской Астарты изъ Паѳоса на Кипрѣ былъ перенятъ, подобно культу Астарты изъ сицилійскаго Эрикса. Здѣсь, какъ и почти вездѣ перенимались и относящіяся къ культу изображенія, сохранившіяся, напримѣръ, въ изображеніяхъ вооруженной Афродиты въ храмахъ Китеры и Спарты, или въ культѣ Аѳины въ Линдосѣ. Человѣческія жертвоприношенія семитовъ были также переняты вмѣстѣ съ священнымъ изображеніемъ въ Акрагасѣ (быкъ Фаларида). И даже въ тѣхъ случаяхъ, когда старое мѣсто культа не лежало непосредственно въ области, вновь населенной греками даже и тогда греки воодушевлялись древними культами, какъ напр., киренцы культомъ Аммона съ бараньими рогами.

Такимъ образомъ, благодаря иноязычной подпочвѣ, благодаря легкой воспріимчивости въ религіозномъ отношеніи, грекамъ трудно было сохранить культурную замкнутость. Общность религіозныхъ интересовъ благопріятствуетъ взаимному вліянію. Выше стоящая культура передаетъ свои формы стоящей ниже: не только сидонско-финикійскій и древне-арамейскій, но и древне-греческій алфавитъ происходятъ отъ первоначальнаго типа фонетическаго письма, отъ типа, созданнаго въ Сиріи и Аравіи и сохранившагося въ еще мало измѣненной формѣ въ надписи моабитскаго короля Мезы (т. III, стр. 122). Семитическія орудія обмѣна и торговли въ томъ видѣ, какъ онѣ чеканились вавилонянами (тамъ же, стр. 37), мѣра и вѣсъ (также вѣсъ монетъ), перешли къ грекамъ. Египетское полое литье имѣло вліяніе на Ройка, имя котораго было найдено въ Навкратисѣ, а также и на позднѣйшую греческую пластику; пестрота ассирійскихъ рельефовъ находитъ себѣ подражаніе, по меньшей мѣрѣ, въ полихроміи греческихъ кипрскихъ произведеній. Въ украшеніяхъ греческихъ вазъ видно вліяніе ассирійской техники обработки металловъ и лидійскаго производства тканыхъ ковровъ. Процвѣтавшее въ земледѣльческомъ Египтѣ искусство измѣренія плоскостей, въ связи съ беззаботнымъ досугомъ египетскихъ жрецовъ, подняло геометрію на такую высоту, которая открыла новые пути Ѳалесу и Пиѳагору.

Такимъ образомъ, въ основныхъ формахъ греческой образованности произошли глубокія измѣненія подъ вліяніемъ чужеземной культуры. Благодаря чему же были вообще возможны такія заимствованія чужой культуры? Благодаря политической принадлежности къ восточнымъ государствамъ, благодаря тѣсному сосѣдскому житью, проходившему иногда въ войнахъ, иногда въ мирныхъ торговыхъ сношеніяхъ, благодаря долголѣтнему мирному сожительству въ однѣхъ и тѣхъ же государственныхъ общинахъ, ибо значительная часть грековъ жила или подъ властью иноплеменниковъ, или рядомъ съ иноплеменниками, или же, наконецъ, вмѣстѣ съ иноплеменниками.

Греческіе города Кипра подчинены ассирійскому владычеству, греческіе князья появляются при дворѣ царя Ассаргадона и Ассурбанипала, города малой Азіи и Кирены подчинены персидскимъ царямъ, греческіе города въ Сициліи находятся подъ властью карѳагенянъ. Такимъ образомъ, открывается уже путь для всякихъ политическихъ вліяній. И греческія

войска сражались съ малоазіатцами, египтянами, ассирійцами, ливійцами, карѳагенянами, иберійцами, кельтами, лигурійцами, этрусками, съ италійскими племенами и иллирійцами, съ аракійцами, скиѳами и персами. Греческіе наемники, по указанію пѣсни поэта Алкая, сражались въ 7 и 6 вѣкѣ въ Вавилонѣ, а какъ видно изъ знаменитыхъ наемническихъ надписей въ храмѣ на скалѣ Абу Симбель, они служили также и въ евфратскомъ флотѣ Сангериба, и въ Египтѣ. Греческія государства заключали договоры съ царями Лидіи и съ египетскимъ царемъ Амазисомъ, съ карѳагенянами, съ персидскими царями и князьями ѳракійцевъ и, наконецъ, съ италійскими племенами.

Мирныя торговыя сношенія грековъ простирались до сѣверныхъ береговъ Европы и до средне-азіатскихъ плоскогорій. Іонійскіе города снабжаютъ рабами и металлами финикійскіе рынки, произведенія Милета идутъ черезъ Сибарисъ въ Этрурію, иллирійскія племена, вплоть до Истріи, получаютъ греческіе товары, а въ городѣ Эпидамнѣ имѣется особое должностное лицо для торговыхъ сношеній съ иллирійцами. Греческое искусство оказываетъ „въ обратномъ движеніи“ сильное вліяніе на искусство финикійское; въ особенности терракотовыя фигуры финикійцевъ носятъ греческій характеръ: онѣ отличаются іоническими локонами, архаической улыбкой и греческими складками. Такіе типы, какъ типъ Силена, просто переняты финикійцами у грековъ.

Колонны въ храмѣ Ефесскомъ строятся на счетъ Креза; руками грековъ сдѣланы роскошные подарки, принесенные лидійскими царями Аліаттомъ и Крезомъ въ храмъ Бранхидовъ въ Дидимоѣ; такъ, серебряный кувшинъ на желѣзномъ подносѣ сдѣланъ Аліатту іонійцемъ Главкомъ. Извѣстіе о кувшинѣ царя Креза, вмѣстимостью 600 амфоръ, является такъ же сомнительнымъ, какъ и дары, принесенные въ Дельфійскій храмъ. Вѣроятнѣе всего, дары эти были просто награблены въ храмѣ бранхидовъ и отданы въ Дельфійскій храмъ на храненіе. Іонійскіе художники жили въ Сардахъ. Въ ходу были смѣшанные браки между лидійцами и греками: царь Алліатъ былъ женатъ на іонянкѣ, и дочь его вышла замужъ за ефесянина Меласа. Поэтъ Алкманъ, пользующійся лидійской музыкой, родомъ изъ лидійской столицы. Такимъ образомъ, объясняется сила лидійскаго вліянія на іонійцевъ; уже Ксенофанъ Колофонскій упрекаетъ своихъ земляковъ въ томъ, что они ходятъ разодѣтые съ лидійской пышностью въ пурпурныя одежды, съ золотыми украшеніями, въ красиво причесанныхъ волосахъ; поэтому лидійское названіе длинной, доходящей до ногъ одежды (*βασσάρα* можетъ быть обозначало прежде вторую часть молитвенной одежды, употребляемой при поклоненіи богу Бассаревсу, т. е, лисью шубу) перешло въ греческій языкъ (точно также лидійское *κύπασσις* и, можетъ быть, также котурнъ). Лидійскій исторіографъ пишетъ, наконецъ, свое сочиненіе на греческомъ языкѣ.

Въ нижнеиталійскихъ Кумахъ жили, по всей вѣроятности, этруски, латинцы, оски, сабеллы, которые и принесли греческій алфавитъ въ свои родныя деревни; слава кумскаго Аполлона, какъ бога врачевателя, побудила римлянъ во время свирѣпствовавшей чумы принять этого бога и оказывать постоянное почитаніе Сивиллинымъ книгамъ. По поводу тяжелаго неурожая въ Римъ были торжественно принесены боги Деметра, Діонисій, Кора, и имъ былъ построенъ храмъ, разукрашенный греческими художниками Дамофиломъ и Горгасомъ; изъ Кампаніи приходятъ жрицы для празднованія мистерій Деметры; въ связи съ ввозомъ хлѣба изъ нижней Италіи и Сициліи находится перенесеніе бога Гермеса и постройка ему храма (съ хлѣбной биржей при немъ), а почитаніе повелителя волнъ Нептуна связано съ заморской торговлей съ Греціей. Философія Пиѳагора находитъ поклонниковъ среди нижне-италійскихъ племенъ. Греческое законодательство оказываетъ свое вліяніе на медленный ходъ развитія го-

сударственныхъ законовъ въ Италіи, въ особенности же на развитіе римскаго уголовнаго законодательства. Борьба за писанные законы переносится изъ Греціи въ Италію, и политическіе лозунги шли, по всей вѣроятности, тѣмъ же путемъ. Греческое искусство оказываетъ свое вліяніе на италійскія племена и города: этрускіе художники, подобно ликійскимъ, учились, по всей вѣроятности въ Греціи, а произведенія греческой поэзіи переводятся на этрускій языкъ.

Очень рано завязываются культурныя сношенія между персами и греками. Персидскіе царскіе дворцы не только блистаютъ греческой военной добычей, примѣромъ чему можетъ служить найденная въ 1901 году въ Сузахъ металлическая баранья кость, которую греки сковали изъ награбленныхъ доспѣховъ и поднесли въ даръ Аполлону Дидимскому, вмѣстѣ со статуей этого бога, работы Канаха изъ Сикіона. По всей вѣроятности, и самые дворцы въ Сузахъ были построены и разукрашены греческими художниками. До насъ дошло имя только одного изъ нихъ, Телефана изъ Фокеи, работавшаго при дворѣ Дарія; но слѣды работы этихъ художниковъ проявляются во всей архитектурѣ: въ гармонической согласованности между внутренними помѣщеніями и фасадомъ, въ большихъ пріемныхъ залахъ и колонныхъ залахъ (apadâna), въ желобчатыхъ колоннахъ и въ основаніяхъ этихъ колоннъ. Свободная, несмотря на сходство, все-таки рѣзко отличающаяся отъ ассирійскаго стиля, манера обработки одежды и волосъ, рисунокъ глазъ и изображеніе походки—все это вполнѣ греческое. Кромѣ греческихъ художниковъ, стоявшихъ, по всей вѣроятности, ближе всего къ Эгинетамъ, въ Персію попадали и многочисленныя произведенія греческаго искусства (Гармодій и Аристогитонъ, Аполлонъ), которыя и служили потомъ образцами.

Греческимъ же характеромъ отличается и художественное ремесло персовъ. Роскошная амфора, двѣ ручки которой хранятся въ Луврѣ и въ Берлинскомъ музеѣ древностей, носитъ, со своими іоническими листьями аканта и персидскими крылатыми козлами, настолько же греческій отпечатокъ, какъ и золотой кувшинъ Ѳеодора Самосскаго, какъ и золотые гроздья винограда съ смарагдовыми ягодами, украшавшіе тронъ Ахеменидовъ, какъ и золотой платанъ,—высокохудожественныя произведенія, переплавленныя потомъ по приказанію Антигона Циклопа. Греками были сдѣланы для персовъ многочисленныя геммы, въ персидской обработкѣ, но по греческимъ мотивамъ. Мы имѣемъ напр., изъ Керчи халцедоновый цилиндръ, на которомъ изображенъ Дарій, наказывающій измѣнника Гавмату, находящагося въ характерной для греческаго искусства колѣнопреклоненной позѣ; другая гемма изображаетъ богослужебную сцену, персидскую царицу передъ божествомъ, при чемъ одежда царицы перекинута, на греческій манеръ, въ видѣ покрывала, черезъ затылокъ. Въ охотничьихъ сценахъ съ персидскими клинообразными надписями, вѣрность природѣ въ изображеніи оленей и деревьевъ указываетъ на греческую работу. Даже политическая раздробленность Греціи находитъ себѣ яркое и сильное выраженіе на одной изъ такихъ персидскихъ геммъ: на ней изображается, какъ знатный персъ бьетъ двухъ нагихъ греческихъ плѣнниковъ, связанныхъ одной веревкой, при чемъ сторожемъ этихъ плѣнниковъ является грекъ, въ полномъ вооруженіи и доспѣхахъ.

И въ другихъ областяхъ персы пользуются греческой образованностью: при дворѣ Дарія работаетъ греческій врачъ Демокедъ изъ Кротона, первый въ ряду лейбъ-медиковъ персидскаго двора; онъ же совершаетъ по порученію царя научное путешествіе. Карійскій изслѣдователь, Скилаксъ изъ Каріанды, описываетъ на греческомъ языкѣ свое, предпринятое также по порученію Дарія, путешествіе къ океану внизъ по рѣкамъ Кабулу и Инду. Изъ тѣснаго взаимнаго общенія вытекаетъ потомъ и то почтеніе, съ которымъ персидскіе цари относились къ греческимъ богамъ; объ этомъ

почтеніи громко свидѣтельствуетъ извѣстный указъ Дарія намѣстнику Гадату, въ которомъ выражается царское неудовольствіе по поводу податей, наложенныхъ намѣстникомъ на служителей храма Бранхидъ. Делосскому Аполлону было пожертвовано 300 талантовъ ладана и обезпечена полная безопасность его поклонникамъ. Такимъ образомъ, культурныя отношенія между греками и персами составляютъ совсѣмъ иную картину, чѣмъ традиціонная исторія персидскихъ войнъ.

Фригійское искусство тоже развивалось подъ вліяніемъ Греціи; фригійскіе фасады надгробныхъ памятниковъ съ египетскими пилонами, съ карійско-микенскими львами, вытѣсняются греческими храмовыми фасадами. Такъ напр., гробницы въ Аяцыну указываютъ на постоянно возрастающее греческое вліяніе, такъ что надгробный фасадъ Гердекъ-Каіази носитъ уже всѣ признаки дорійскаго храма.

Но греки не только живутъ подъ владычествомъ иноплеменниковъ и рядомъ съ иноплеменниками; часто одно и то же государство заключаетъ въ себѣ разноязычные элементы,—и тогда греки живутъ вмѣстѣ съ иноплеменниками, въ тѣснѣйшемъ общеніи съ ними. Удивительнѣйшіе типы городовъ, приспособленные, къ условіямъ новой страны, но не нарушающіе вѣрности общей своей родинѣ, образовывались и развивались всюду: они были разсѣяны по обширному пространству Средиземнаго моря, на пустынномъ краю Барскаго плоскогорія, на плодородныхъ берегахъ Роны, на склонахъ Этны, по берегамъ Чернаго моря и, наконецъ, въ долинѣ Нила.

На вполнѣ греческой почвѣ, какъ напр. на Лемносѣ и Критѣ, сохранились доисторическіе слѣды, уходящіе вплоть до временъ письменности (такъ называемая тирренская надпись въ Лемносѣ и этеокретическія надписи въ Прайзѣ). Разговорный языкъ въ Ефесѣ перемѣшанъ съ лидійскимъ, а въ Тарентѣ обнаруживаетъ италійскіе элементы; въ городѣ Перинтѣ имѣется ѳракійская часть племени (филя), византійцамъ служатъ въ качествѣ крѣпостныхъ ѳракійцы - виѳины, на землѣ сиракузскихъ помѣщиковъ живутъ въ качествѣ оброчныхъ крестьянъ сикелійцы. Народонаселеніе маленькихъ городовъ полуострова Аѳона, ѳракійское, но уже настолько грецизированное, что разговорнымъ языкомъ ему служитъ греческій. Въ городахъ же современной южной Франціи имѣются иберійскіе и греческіе кварталы, и отсюда именно распространялось вліяніе греческой культуры на сѣверную, въ особенности на кельтскую, результаты каковаго вліянія мы называемъ обыкновенно культурой La Tene (ст. I). Греческій языкъ, греческія письмена и греческія произведенія распространяются въ чисто кельтскихъ мѣстностяхъ; благодаря такой совмѣстной жизни и произошли подражанія изображеніямъ греческихъ боговъ и буквъ на кельтскихъ монетахъ, распространенныхъ отъ устья Сены до Богеміи, по торговому пути вплоть до нижняго Рейна и до сѣверной Италіи.

Въ Египтѣ греческіе энклавы, греческіе наемники изъ Дафны (Телль Дефенне) и греческій торгово-промышленный городъ Навкратисъ живутъ въ тѣсномъ общеніи съ египтянами, по обычаю которыхъ выдѣлываютъ и вывозятъ священныхъ жуковъ, и въ добромъ сосѣдствѣ съ которыми создается цѣлый греческо-египетскій циклъ легендъ. Тогда именно возникла красивая сказка о сокровищницѣ царя Рампсинита (т. III, стр. 657), сказка собственно не египетская, а явившаяся лишь подражаніемъ сказанія о Трофоніѣ и Агамедѣ, построившихъ сокровищницу царя Авгія въ Элидѣ. Тогда именно жрецы египтизировали сказаніе о Протеѣ и египетскомъ царѣ, отнявшемъ Елену у Александра, чтобы передать ее мужу. Конечно арестъ Париса въ Египтѣ похожъ, впрочемъ, скорѣе на фривольную пародію греческаго сказанія. Въ подражаніе греческимъ играмъ празднество Персея сопровождалось гимническими состязаніями въ Хеммисѣ; даже весь делосскій циклъ миѳовъ переносится въ Египетъ, и тамъ также открывается и плавучій островъ. При такомъ богатомъ духовномъ общеніи

между греками и египтянами, очень вѣроятно, что шнурокъ, опоясывающій капители египетскихъ колонъ, съ изображеніемъ растеній, является лишь подражаніемъ дорійскимъ annuli. Царь Нехо, послѣ побѣды надъ іудейскимъ царемъ Іосіей при Мегидонѣ, посвящаетъ свою воинскую одежду Аполлону Бранхидъ. Упомянутыя на стр. 4 древнѣйшія греческія надписи, 590/589 годовъ, относятся къ походу царя Псамметиха II противъ Ефіопіи, походу, въ которомъ принимали участіе греческіе наемники (ср. т. III, стр. 666); онѣ вырѣзаны на ногѣ колосса Рамзеса у роскошнаго храма въ скалахъ, въ Абу Симбелѣ, высоко на горахъ Нубіи.

Эллинофилъ Амазисъ жертвуетъ на возобновленіе храма въ Дельфахъ, даритъ храму въ Линдосѣ полотняный панцырь, каждая нить котораго скручена по числу дней древняго года, изъ 360 нитей; онъ же посылалъ подарки и въ Спарту. При немъ поселенія грековъ были перенесены отъ пелусинскаго рукава Нила къ Мемфису, и, кромѣ того, имъ было предоставлено еще мѣсто въ дельтѣ, позднѣйшій Навкратисъ (т. III, стр. 666), совсѣмъ выдѣлившійся изъ Египетскаго государства и получившій совершенно самостоятельное управленіе. Вѣрные своему языку, своимъ нравамъ и обычаямъ, греки устроили здѣсь Элленіонъ, святилище, общее для всѣхъ греческихъ колоній Египта, которыя распространялись отсюда все болѣе и болѣе въ самую глубь пустыни; въ большомъ оазисѣ Уахъ эль-Харгѣ (въ 7 дняхъ пути отъ Ѳивъ) Самосцы основали торговую резиденцію. Въ Навкратисѣ мы встрѣчаемъ брата поэтессы Сафо, въ качествѣ виноторговца; поэтъ Алкай живетъ въ Египтѣ, въ то время какъ братъ его отличается на службѣ у Навуходоносора. Знаменитѣйшіе мужи Греціи частью сами пріѣзжаютъ въ Египетъ, частью же, какъ говоритъ преданіе, черпаютъ мудрость изъ этого вновь открытаго источника; Солонъ и Пиѳагоръ, навѣрное, жили нѣкоторое время въ Египтѣ. Въ то время именно проникаютъ изъ египетскаго языка въ греческій названія для грубаго полотна (*μώσσων* и *ἡμιτόβιον*) и для тонкаго полотна (*σινδών*), а также названіе украшенной бахромою полотняной одежды (*καλάσιρις*).

Въ Эпирѣ, Акарнаніи, Этоліи лежатъ одинъ надъ другимъ три послѣдовательныхъ слоя народонаселенія: общегреческій (эолійскій, или ѳессалійскій), иллирійскій и коринѳскій (или сѣверо-западно-греческій). И эти племена принимались греками за смѣшанныя. Партикуляристическому движенію удалось даже, въ виду сильной иллирійско-ѳракійской примѣси у македонянъ, заклеймить этотъ послѣдній народъ именемъ варваровъ.

Многочисленныя карійскія имена въ Галикарнасѣ доказываютъ, въ какой значительной степени представлено первобытное населеніе, а названіе Гилезцевъ по богинѣ Гекатѣ указываетъ на силу карійскаго культа; имена отцовъ Ѳалеса (Пексамій), Біаса (Тевтамъ) и дяди Геродота (Паніассисъ), несомнѣнно, карійскаго происхожденія; карійское же вѣроятно и имя отца Геродота (Ликсасъ), такія же корійскія имена встрѣчаются и на Самосѣ (Хераміесѣ) и на Косѣ. Все это доказываетъ сильное смѣшеніе народонаселенія. Такое же смѣшеніе наблюдается и въ греческо-ливійскихъ и въ греческо-ѳракійскихъ мѣстностяхъ: Гегесипила, жена Мильтіада,—ѳракійская принцесса. Ѳукидидъ былъ сыномъ отца ея Олороса, въ жилахъ обоихъ Діоновъ и историка Арріана течетъ ѳракійская кровь.

Въ дворянско-крестьянскомъ государствѣ Ликіи греческій элементъ занялъ положеніе торгово-промышленнаго городского населенія и всюду распространилъ греческое искусство. Правители Ликіи чеканятъ монеты со своимъ изображеніемъ въ персидской тіарѣ, но съ изображеніемъ богини Аѳины на другой сторонѣ монеты. Князьямъ ставятся памятники, прославляющіе ихъ и на ликійскомъ, и на греческомъ языкахъ. Аттическая эпиграмма на Columna Xanthia восхваляетъ Гарпагида за то, что онъ, вмѣстѣ съ разрушительницей городовъ Аѳиной, уничтожилъ много высокихъ крѣпостей и принесъ Зевесу болѣе трофеевъ, чѣмъ кто-либо изъ смертныхъ.

Греки совмѣстно съ монархами обсуждаютъ составленное на обоихъ языкахъ соглашеніе относительно порядка празднествъ, какъ это видно изъ надписи въ Изиндѣ. На монетахъ городовъ Маллоса, Иссоса и другихъ мѣстностей Киликійскаго побережья, имѣются надписи греческія наряду съ арамейскими.

Греческіе города Босфорскаго царства, какъ напр., основанная милетцами Пантикопея, расположенная террасами на холмѣ (около теперешней Керчи), не только восприняли культуру матери Фригіи, но часто приспособлялись также къ повседневнымъ привычкамъ скиѳовъ, такъ какъ и послѣдніе жили въ одномъ съ ними политическомъ союзѣ. Такъ напр., они носятъ штаны, совсѣмъ не греческіе, и высокіе сапоги. Изъ этихъ городовъ произошли образцовыя произведенія греческаго искусства, напр. серебряная ваза изъ Керчи. Но, несмотря на это, все сильнѣе сказывается восточное вліяніе въ постройкѣ огромныхъ склеповъ, въ уборкѣ платья золотыми листочками и, наконецъ, въ царскомъ головномъ украшеніи въ видѣ персидской митры и золотой діадемы. И Ольвія также находилась въ живомъ общеніи со скиѳами и не избѣгла ихъ вліянія. По водному пути Днѣстръ-Бугъ-Наревъ производится оживленная торговля вплоть до устья Вислы, а на караванномъ пути въ среднюю Азію, пути, и теперь еще имѣющемъ значеніе и указывавшемъ на линію будущей поперечной дороги, лежалъ среди лѣсовъ, построенный изъ дерева и окруженный палисадами, городъ. Тамъ поселились греческіе земледѣльцы и торговцы мѣхами; они переняли многое изъ языка сосѣднихъ народовъ; вдали отъ родины, среди лѣсовъ поклонялись они своимъ богамъ, предпочтительно же Діонисію. Что здѣсь процвѣтала греческая торговля, это доказывается найденной на Обвѣ греческой чашкой, съ изображеніемъ боя Одиссея съ Аяксомъ, а также, найденнымъ въ Перми, изображеніемъ Гигіейи.

Такимъ образомъ, греческій народъ выросъ въ постоянномъ взаимномъ общеніи со всѣми народами міра, т. е. тогдашняго культурнаго міра. Древнія средства единенія, національныя игры, объединяли грековъ различнѣйшихъ мѣстностей, общіе религіозные центры дѣлали общимъ достояніемъ всего народа вліянія, воспринятыя на какой-нибудь точкѣ периферіи. Только тогда, когда всякое духовное заимствованіе стало излишнимъ, было образовано замкнутое національное государство, посредствомъ исключенія и строгаго отдѣленія всѣхъ государствъ-городовъ; и только въ Аѳинахъ Перикла не признаются уже смѣшанные браки между аѳинянами и неаѳинянками.

И несмотря на всю централизацію въ сердцѣ, полная силъ страна имѣетъ еще столько крови во всѣхъ своихъ членахъ, что западная Греція, присоединившая къ себѣ, во время управленія обоихъ Діонисіевъ, восточныхъ сикелійцевъ, оказываетъ могучее вліяніе на другіе народы; прекраснымъ монетамъ Евайнета Сиракузскаго подражаютъ какъ семиты въ Сегестѣ, Мотіѣ и Панормѣ, такъ и персидскіе сатрапы Фарнабазъ и Таркамъ; греческіе боги и греческое искусство проникли къ западнымъ семитамъ. Греки помогаютъ въ освободительной борьбѣ египтянамъ, и греческіе же наемники и полководцы сражаются въ рядахъ персовъ; греки служатъ лейбъ-медиками при персидскомъ дворѣ, и они же пишутъ персидскую исторію, при чемъ съ весьма сомнительнымъ правомъ считаютъ себя знатоками мѣстныхъ историческихъ источниковъ; такіе греки, какъ Мемнонъ изъ Родоса, были бы лучшей опорой персидскаго царства, если бы зависть и недовѣріе персидскихъ вельможъ не парализовали ихъ вліянія; греческіе наемники, начиная съ похода Кира и кончая послѣдней отчаянной борьбой Дарія Кодоманна, составляли лучшую часть персидскихъ войскъ. Такимъ образомъ, греческій народъ, даже во время рѣшительной борьбы при Александрѣ, поставлялъ лучшихъ воиновъ и лучшихъ полководцевъ для обѣихъ сторонъ и въ то же самое время могъ еще въ изобиліи снабжать весь тогдашній міръ результатами своей культуры.

b) Міровое положеніе греческаго народа при Александрѣ Великомъ.

Съ основаніемъ царства Александра для востока было связано такое распространеніе греческой культуры, такой обмѣнъ восточныхъ и западныхъ произведеній, такое смѣшеніе греческихъ и варварскихъ племенъ, какого еще не зналъ древній міръ. Правда, и раньше уже находились подъ греческимъ вліяніемъ и иберійскія племена Испаніи, и кельтскіе кланы въ южной Франціи, и этрусскіе города, а также италійское искусство, египетское военное дѣло и египетскія сказанія, ликійская надгробная архитектура и карійскіе памятники, скиѳскія золотыя издѣлія и, наконецъ, зданія персидскихъ дворцовъ, такъ что греки добились всемірнаго значенія не столько своей внутренней борьбой, сколько въ качествѣ цивилизаторовъ странъ Средиземнаго моря. Но теперь прекратившаяся уже 2 столѣтія тому назадъ, колонизаціонная дѣятельность грековъ начинается снова въ обширномъ царствѣ, правитель котораго грекъ, войско греческое, политическая жизнь греческая, а управленіе персидское. Основаніе Александріи и возстановленіе Вавилона создало на Востокѣ міровые города, которые, благодаря своей высокой матеріальной и духовной культурѣ, должны были сдѣлаться центрами новаго царства Александра. Весь потокъ богатства изливался на западѣ; давно накопленныя сокровища Ахеменидовъ вновь поступаютъ въ круговоротъ обращенія богатствъ, и халдейскія наблюденія и вычисленія за періодъ въ нѣсколько тысячелѣтій поступаютъ въ распоряженіе греческой астрономіи. Уже Паѳей, а позднѣе Гиппархъ, пользовались вавилонскими мѣрами для опредѣленія звѣздныхъ разстояній. Даже политически-религіозныя преданія Вавилона, подчинившія себѣ уже и ассирійскихъ властителей, заставивъ ихъ смотрѣть на коронованіе въ Вавилонѣ, какъ на послѣднее, необходимое посвященіе, даже эти преданія играли крупную роль въ міровомъ царствѣ Александра и прекрасно подходили къ его тео-династическимъ планамъ: въ числѣ плановъ Александра относительно будущаго, рядомъ съ постройкой гаваней и верфей, занималъ немаловажное мѣсто и планъ сооруженія храма Мардука Эзаджиль (ср. т. III, стр. 16, 22, 30 и 144).

Эти завоеванныя страны стали дѣйствительно духовнымъ достояніемъ грековъ. Въ государственный архивъ Вавилона были сданы на храненіе отчеты генеральнаго штаба, содержавшіе подробное измѣреніе завоеванной страны: собственные чиновники, бематисты (счетчики шаговъ), должны были слѣдить за правильнымъ измѣреніемъ разстояній. Точныя цифры заступаютъ мѣсто тѣхъ, собранныхъ при караванномъ сообщеніи, данныхъ, на невѣрность которыхъ такъ жалуется Аристотель. Становятся извѣстными теченіе Инда и Ганга и островъ Тапробанъ (Цейлонъ). Прежде всего отчеты Неарха Критскаго послужили матеріаломъ для научнаго завоеванія побережья между Индомъ и Евфратомъ. Въ декабрѣ 323 года этотъ человѣкъ, являющійся крупнѣйшей силой въ научномъ штабѣ Александра, въѣхалъ въ Персидскій заливъ со своимъ флотомъ, построеннымъ изъ деревьевъ съ Гималайскихъ горъ; его перу принадлежитъ, безъ сомнѣнія замѣчательнѣйшій, сохранившійся еще у Теофраста отчетъ о плавучихъ растеніяхъ (растущихъ у берега и уходящихъ далеко въ море мангровіяхъ съ ихъ воздушными корнями). Александръ поручилъ Гераклиду изслѣдовать Каспійское море и его связь съ океаномъ, но порученіе это не было исполнено за смертью Александра. По его же порученію, была три раза сдѣлана попытка объѣхать Аравію; но мысъ Музандамъ, окруженный бурнымъ моремъ, не могли обогнуть ни Архей изъ Полы, ни Андросфенъ изъ Тазоса, ни Гіеронъ изъ Солои. Но второму изъ этихъ мореплавателей мы обязаны прекраснымъ описаніемъ острова Тилоса, принадлежащаго къ

группѣ Барейнскихъ острововъ, съ его цвѣтущими садами и прохладными ручьями, на которомъ Андросфенъ пробылъ съ декабря 324 по январь 323 года. Здѣсь впервые замѣчено явленіе сна растеній и въ красивой формѣ описывается, какъ фикусовые листочки индійскаго тамаринда складываются на ночь; здѣсь же изучаются и хлопчатобумажныя насажденія, такъ напоминающія родные виноградники; также и это описаніе, сохранившееся у Теофраста, служитъ прекрасной иллюстраціей разницы въ отношеніи къ вновь завоеваннымъ странамъ въ походѣ Александра, и, съ другой стороны, напр., при завоеваніяхъ арабовъ, которые слишкомъ немногое замѣтили на этомъ замѣчательномъ островѣ. Мы не знаемъ, кому изъ штаба Александра принадлежатъ наблюденія надъ бананами, сдѣланныя, повидимому, въ 326 году, на привалѣ при сліяніи Гидаспа и Акезина, неизвѣстно, кто такъ точно опредѣлилъ различныя породы деревьевъ въ сѣверозападныхъ Гималаяхъ, кто изучилъ половое размноженіе растеній, наблюдая лимонное великоплодное дерево. Какъ ни легко было допустить преувеличеніе именно при описаніи огромныхъ индійскихъ фиговыхъ деревьевъ, у которыхъ бематисты опредѣляли размѣры верхушки въ 1300 метровъ (т. е. много меньше теперь еще существующихъ деревьевъ—великановъ въ Нербудѣ), какъ ни трудно объясненіе воздушныхъ корней, которые, вырастая изъ старыхъ вѣтвей, упираются потомъ въ землю, всюду приходится намъ удивляться ясному пониманію всѣхъ этихъ явленій и опредѣленному взгляду на нихъ. До насъ не дошло ничего изъ отчетовъ горнаго инженера Горга, изслѣдовавшаго, вѣроятно, по порученію Александра, золотые и серебряные рудники, а также залежи соли въ индійскомъ царствѣ Сопейта; забыто теперь и сочиненіе Клеона изъ Сиракузъ о гаваняхъ. Но изъ такихъ отрывочныхъ остатковъ живой дѣятельности ума мы получаемъ представленіе о широтѣ взгляда грековъ на вновь открываемыя области.

Такимъ образомъ, духовное завоеваніе востока удалось, благодаря живой наблюдательности, присущей жителямъ запада. Но бракъ между странами востока и запада, который былъ отпразднованъ брачнымъ пиромъ въ Сузахъ, оставался всегда рабскимъ бракомъ, при чемъ востокъ игралъ роль господина. Правда, включеніе персовъ и вообще другихъ племенъ въ македонское войско обозначало собою побѣду западной организаціи; но планомѣрное включеніе персидскихъ войскъ въ самые ряды македонскихъ фалангъ могло только разрушить эти фаланги.

И все-таки Александръ полагалъ, что политическое господство грековъ надъ всѣмъ міромъ возможно только при условіи сліянія народовъ. Переселенія народовъ изъ Азіи въ Европу и изъ Европы въ Азію должны были создать для этого освященнаго религіей, всемірнаго царства однородныя массы, связанныя только съ династіей, но не между собой. Въ отдаленномъ будущемъ ему представлялся греческій городъ - государство, носитель новой культуры; здѣсь же, на родинѣ, древнее государственное устройство могло стать опаснымъ, и поэтому Александръ, вмѣстѣ съ вытѣсненіемъ всякихъ воспоминаній о Коринѳскомъ союзѣ, издавалъ указы, предписывающіе возвращеніе изгнанниковъ и запрещающіе общія собранія ахейскимъ и аркадскимъ городамъ. Гарнизоны ставились по городамъ, однимъ тиранамъ оказывалось покровительство, другіе были въ опалѣ, такъ что восточный деспотизмъ одержалъ, казалось, побѣду надъ всей западной цивилизаціей.

Мы видимъ, что на востокѣ господство Александра всюду опирается на нижніе слои, служащіе основаніемъ политической организаціи Персидской имперіи. Для своихъ цѣлей Александръ использовалъ религіозное сознаніе египтянъ и вавилонянъ, а, можетъ быть, также и политическія традиціи послѣднихъ; городу Сардамъ и лидянамъ онъ возвращаетъ древнее Лидійское царство.

Наоборотъ, придворный и чиновничій строй заимствуются Александромъ у персовъ. Въ этомъ отношеніи начало было сдѣлано уже его отцомъ Филиппомъ, который подражалъ персидскому обычаю давать при дворѣ военное воспитаніе юношамъ знатнаго происхожденія; это подражаніе объясняется не чтеніемъ исторіи Геродота или „Анабазиса" Ксенофонта, а скорѣе всего пребываніемъ при македонскомъ дворѣ персидскихъ бѣглецовъ. Такимъ образомъ, прививаются такіе придворные обычаи, какъ цѣлованіе земли, многоженство, персидская чиновничья одежда, вводится персидскій уголовный законъ (такъ напр. у Бесса), а вмѣстѣ съ персидскими придворными чиновниками являются и евнухи. Визирь (у Ктезія *ἀζαβαρίτης* у Гезихія *ἀζαραπατεῖς* = армянскому hazarapet, отъ слова hazar, тысяча, т. е. начальникъ 1000 тѣлохранителей-яблоконосцевъ; см. объясненіе таблицы къ стр. 145 III тома) уже со временъ персовъ Эсхила называется по-гречески Киліархомъ, титулъ, который и носитъ оффиціально Гефестіонъ; Хересъ изъ Митиленъ назначается оберъ-камергеромъ (*εἰςαγγελλεύς*), а главный писарь занимаетъ выдающееся положеніе. По древнему персидскому обычаю продолжается въ новой всемірной Македонской имперіи веденіе служебныхъ протоколовъ и царскихъ дневниковъ; именно эти дневники Александра и являются ядромъ нашихъ знаній о его эпохѣ, но ядро это, затемненное позднѣйшей романтической литературой, не всегда различимо. Небольшая часть ихъ, касающаяся послѣднихъ дней Александра, дошла до насъ почти цѣликомъ. Персидская сѣть дорогъ, такъ же какъ и персидская почта, легли въ основаніе новыхъ способовъ сообщенія; управленіе было основано на прежнемъ дѣленіи на сатрапіи, но болѣе централизовано; изъ вѣдѣнія сатраповъ были изъяты военачальническія функціи и управленіе финансами, и они были лишены также права чеканить монету и держать наемниковъ.

Послѣдній годъ жизни Александра является какъ бы символомъ міроваго положенія греческо-македонскаго царства. Къ Александру пріѣзжаютъ, посольства отъ источниковъ Синяго Нила и изъ степей южной Россіи изъ Эфіопіи и отъ скиѳовъ, отъ иберійцевъ, кельтовъ, бреттійцевъ (бруттійцевъ), луканцевъ и этрусковъ, но прежде всего изъ Рима и Карѳагена. Въ это же время предпринимается путешествіе моремъ вокругъ Аравіи, регулированіе орошенія долины Евфрата, посредствомъ устройства запрудъ, очистка каналовъ, постройка плотинъ. Предпринимается также заселеніе острововъ Персидскаго залива, въ древнѣйшихъ священныхъ мѣстахъ грековъ (на Делосѣ, въ Додонѣ и Дельфахъ) точно также какъ и на родинѣ, въ Діонѣ, Амфиполисѣ и Кирросѣ, предполагается сооруженіе храмовъ. Казалось, что древнее культурное наслѣдіе востока соединяется здѣсь съ энергіей запада, и языкомъ культурнаго міра передней Азіи сталъ теперь греческій, какъ тысячелѣтіе тому назадъ былъ вавилонскій. И это наслѣдіе сохранилось. Въ лѣтній вечеръ 323 года (13 іюня) взволнованная толпа въ Вавилонѣ узнала о смерти Александра. Міръ остался безъ владыки, всѣ планы рушились, и распаденіе огромной имперіи было неминуемо. Но Александру принадлежитъ во всякомъ случаѣ, созданіе новаго культурнаго міра, охватывающаго частью и древній востокъ. Безъ этой имперіи Александра не было бы ни всемірной Римской имперіи, ни охватывающаго весь міръ христіанства, ни Византійской имперіи съ провинціями Малой Азіей, Сиріей и Египтомъ.

Когда знаніе земного шара расширилось по направленію къ востоку, благодаря побѣдамъ Александра, тогда же выѣхалъ смѣлый мореплаватель Пиѳей изъ Массиліи, главнаго складочнаго мѣста произведеній сѣвера, янтаря и олова, центра греческаго вліянія на кельтовъ и иберійцевъ. Этотъ удачливый изслѣдователь былъ первымъ грекомъ, явившимся къ германцамъ. Александръ Гумбольдтъ, характеризуя общее теченіе, охватившее во всѣхъ областяхъ умы конца 15 и начала 16 вѣковъ, говоритъ,

что „вѣкъ Колумба былъ въ то же время вѣкомъ Коперника, Аріоста, Дюрера, Рафаэля“. Также и мы можемъ сказать, что вѣкъ Пиѳея былъ въ то же время вѣкомъ Платона, Аристотеля и Лизиппа, Филиппа и Александра Македонскихъ.

Колумбъ двинулся въ путь, руководимый смѣлой вѣрой; это видно изъ его книги libro das profecias (см. т. I.). Пиѳей же не только стоитъ на высотѣ знаній своего времени, но и обогащаетъ науку новыми безсмертными открытіями. Онъ работалъ съ очень скудными средствами наблюденія, съ гномономъ (указатель тѣни), палкой, длина тѣни которой въ полдень равноденствія, сравненная съ длиной самой палки, опредѣляла географическую широту мѣста наблюденія. И несмотря на несовершенныя орудія, высота Массиліи опредѣлена имъ съ точностью 5 минутъ. Старинное мнѣніе, будто полярная звѣзда находится на полюсѣ неба, окончательно опровергнуто имъ. Научные вопросы. вопросъ о величинѣ земного шара, вопросъ о границахъ населенной земли, тянутъ его въ неизвѣданныя страны: онъ стремился добраться до полярнаго круга. Когда смѣлый изслѣдователь выѣхалъ изъ Средиземнаго моря, разнообразныя явленія начинаютъ привлекать его вниманіе; явленія прилива и отлива, очень странно объяснявшіяся еще Платономъ, были теперь Пиѳеемъ впервые правильно объяснены вліяніемъ луны. Сперва ему помогаютъ югозападные вѣтры, затѣмъ уже безъ ихъ помощи, онъ медленнѣе подвигается дальше и на 13 день достигаетъ сѣверо-западной оконечности Испаніи, потомъ выходитъ въ открытое море и въ теченіе 3 дней подвигается на сѣверъ. Полюсъ указываетъ на сѣверное направленіе, а на высотѣ полюса опредѣляется потомъ географическая широта. Западные и югозападные вѣтры уносятъ Пиѳея въ сторону, и, такимъ образомъ, онъ, думая, что подвигается все къ сѣверу, достигаетъ западной оконечности Бретани и острова Уэссанта (Уксизаме). Затѣмъ, подвигаясь въ теченіе 13 дней на сѣверъ, онъ огибаетъ Англію и черезъ 2 дня достигаетъ Шетландскихъ острововъ, которые называетъ Аибудами; онъ опредѣляетъ тамъ самый долгій день въ 19 часовъ, и по точному вычисленію оказывается, что это были именно Шетландскіе острова. До Пиѳея доходятъ извѣстія о Ѳулѣ (Исландіи). Онъ привозитъ съ собой таинственные разсказы о смѣси воды, воздуха и земли, всего болѣе напоминающей свѣченіе морской крапивы или морского легкаго, долго остававшееся непонятнымъ описаніе сѣвернаго сіянія, а не просто густого сѣраго тумана, не позволяющаго различить землю, воду и воздухъ. Затѣмъ онъ плыветъ къ устьямъ Рейна, проникаетъ до Эльбы, къ тевтонамъ, до острововъ, соединяющихся съ материкомъ во время отлива, до острова Абалоса (Гельголанда?), куда вода приноситъ весною янтарь, и наконецъ достигаетъ береговъ Ютландіи.

Пиѳей, открывшій германцевъ, предпринялъ свое смѣлое путешествіе движимый научнымъ интересомъ; онъ открылъ для науки обширнѣйшія новыя области, но его открытія, по неразумнымъ, но вполнѣ объяснимымъ, причинамъ, долго не принимались наукой и относились ею къ области басенъ. Но съ этимъ грандіознымъ путешествіемъ были, можетъ быть, связаны и практическіе результаты: расширеніе области массаліотской торговли и даже основаніе поселенія въ устьяхъ Луары. Преувеличенное сужденіе пройденныхъ моремъ разстояній вызвало представленіе объ огромномъ протяженіи Британіи и внесло ошибки въ составленную Пиѳеемъ карту; но современная наука можетъ вполнѣ оцѣнить крупное значеніе Пиѳея, какъ одного изъ первыхъ и продуктивнѣйшихъ путешественниковъ всѣхъ временъ.

Такимъ образомъ, греческой предпріимчивости и греческому уму открывается тогдашній міръ отъ Шетландскихъ острововъ до нынѣшняго Туркестана, отъ западнаго берега Ливіи до Ганга. Измѣренія Британіи и Персіи, сѣверное сіяніе, отливъ и приливъ въ Атлантическомъ океанѣ.

ростъ бананов и мангровій, янтарь на нѣмецкомъ берегу, золотые и серебряные рудники Индіи, научный вопросъ о внѣшнемъ морѣ и о границахъ земли—все это составляетъ предметъ изслѣдованія для греческаго ума такъ же, какъ и соціальные законы и законъ самаго мышленія. Побѣдной пѣсней этой охватывающей весь міръ мысли звучитъ для насъ философія Аристотеля (384—322); само мышленіе является безплотнымъ божествомъ, причиной всякаго движенія, абсолютнымъ самосознаніемъ.

Изученіе законовъ человѣческаго мышленія есть вѣрнѣйшая исходная точка всякаго познанія. Какъ мы видимъ черезъ призму бѣлый лучъ свѣта разложеннымъ на лучи разныхъ цвѣтовъ, также и въ мышленіи мы прослѣживаемъ различныя частныя дѣйствія одной и той же общей причины. Предметомъ истиннаго сознанія является вещь, которая во всѣхъ измѣненіяхъ сохраняетъ свою сущность. Содержаніе всего развитія заключается въ отношеніяхъ возможности къ осуществленію, матеріи къ формѣ. Если матерія развивается въ форму заранѣе присущую ей, тогда, по законамъ цѣлесообразности и необходимости происходитъ безконечное и не имѣющее начала, непрерывное развитіе отъ чистой безформенной матеріи къ нематеріальной формѣ, т. е. къ божеству. Въ этомъ постепенномъ процессѣ измѣненія, т. е. развитіе присущихъ возможностей, замѣчается уже въ неорганическомъ мірѣ (перемѣна мѣста—механическія измѣненія; измѣненія качества—химическія измѣненія; измѣненія величины—органическія измѣненія), затѣмъ ходъ развитія идетъ дальше черезъ низшіе организмы, съ растительной душой и поднимается до человѣка, душой котораго является разумъ. Цѣль человѣческой жизни есть блаженство, и къ достиженію его ведутъ кромѣ познанія еще и этическія добродѣтели, коренящіяся въ волѣ. Но человѣкъ не можетъ стремиться къ своей цѣли въ одиночку, онъ нуждается въ другихъ людяхъ, въ обществѣ, онъ *ζῶον πολιτικόν*—общественное животное. То ученіе, что человѣкъ только въ государствѣ можетъ развивать присущія ему возможности, является однимъ изъ крупнѣйшихъ пріобрѣтеній эпохи Александра, оно было прекраснымъ протестомъ противъ трусливо эгоистическихъ, анархическихъ глупостей циниковъ и мегарянъ, которые въ возвращеніи къ невозможнымъ некультурнымъ условіямъ и въ пользованіи мимолетнымъ наслажденіемъ видѣли содержаніе единственно возможнаго индивидуальнаго счастья. Каждый разумный человѣкъ понимаетъ, что такіе крупные успѣхи могли быть достигнуты только благодаря соціальному сотрудничеству, и что только общія усилія могли создать эллинизму выдающееся міровое положеніе.

Такимъ образомъ, въ живущемъ уже 2000 лѣтъ образѣ Аристотеля всего лучше олицетворяется та эпоха: изъ достигнутаго уже онъ создаетъ жизненную философію, которая не цѣпляется за политическія фразы, а, изслѣдуя богатый историческій матеріалъ, выводитъ изъ него въ общихъ чертахъ идею государства и его главную задачу—воспитаніе гражданъ.

c) Міровое положеніе грековъ послѣ Александра Великаго.

Центръ тяжести культурнаго міра перешелъ на востокъ, направленіе міровой торговли измѣнилось; узловыми пунктами ея являются теперь уже новые греческіе всеміpные города, по сравненіи съ которыми старые большіе города кажутся небольшими поселеніями. Центромъ богатой Месопотамской равнины дѣлается Селевкія на Тигрѣ, вмѣсто Вавилона, о процвѣтаніи котораго Александръ такъ заботился, мудро сознавая значеніе семитическаго противовѣса персидскому элементу, отчасти же находясь подъ обаяніемъ почтенія къ древнему могуществу и къ древней мудрости. Вся торговля Индіи, Эфіопіи, Аравіи и Египта сосредоточивается въ Александріи, центрѣ всемірной торговли и образованности. Здѣсь похоронена

бренная оболочка пылкаго ума Александра, по близости отъ символа всемірной торговли, мраморнаго маяка Фароса, возвышающагося среди пальмъ и недалеко отъ мѣстъ всемірной образованности,—музея и библіотеки. Какими маленькими кажутся „большіе“ города метрополіи, сравнительно съ городомъ Александра, занимающимъ площадь около 900 гектаровъ и вмѣщающимъ $^1/_2$ милліона жителей! Фабрикація ковровъ и стекла, производство папируса и ладана придаютъ торговому городу отпечатокъ еще и города промышленнаго. Центръ новаго направленія, Александрія, становится также и центромъ новой техники въ искусствѣ рѣзьбы камей: отсюда происходитъ замѣчательная Tazza farnese, по справедливости считающаяся самымъ выдающимся произведеніемъ александрійскаго искусства.

Отсюда распространялось политическое и національное господство надъ долиной Нила, которое сравнивалось уже съ отношеніемъ англичанъ къ Индіи; туземному населенію навязывается языкъ небольшого высшаго слоя населенія, только туземцы облагаются подушной податью, но зато господствующіе классы въ изобиліи воспринимаютъ религіозныя воззрѣнія низшихъ слоевъ. Названія областей, городовъ, деревень замѣняются греческими, и во время самой сильной элленизаціи многіе туземцы даютъ себѣ греческія имена или измѣняютъ свои имена на греческій ладъ (efonch-er—живетъ = *Ἐπώνυχος*, Thaubastis — *Θαυμαστή*); на греческомъ языкѣ издаются не только царкіе указы (иногда съ египетскимъ переводомъ) по гречески пишутся и частные контракты (аренды личнаго найма, купли-продажи). Въ 264/263 г.г. Птоломею Филадельфу удается обратить старинную подать, апомойру (1/6 часть дохода виноградниковъ, плодовыхъ и фруктовыхъ садовъ) въ пользу культа его сестры Арсинои, т. е. въ пользу государства Птоломеевъ, при чемъ уступка туземнымъ храмамъ другихъ податей не помѣшала уменьшенію ихъ доходовъ. Нельзя также отрицать вліянія греческихъ понятій и въ культѣ Сараписа (т. III, стр. 672).

Но мы видимъ, что съ низовъ поднимаются могущественныя вліянія въ противовѣсъ всѣмъ этимъ проявленіямъ греческой національной силы. Не только Александра, но и Птоломеевъ туземные старинные боги подчиняютъ своему вліянію въ такой степени, что имъ всюду строятся храмы. Сохраняется старинное административное дѣленіе, при чемъ, конечно, какъ Александромъ вообще въ Персидской имперіи, такъ и Птоломеями, наряду съ старыми гражданскими должностями учреждаются еще должности военачальниковъ. Тонкая, искусно сплетенная сѣть податей, которой фараоны оплели своихъ подданныхъ, явилась для грековъ желаннымъ учрежденіемъ, была распространена и усовершенствована ими точно такъ же, какъ и монопольное хозяйство, учрежденіе государственныхъ имуществъ, организація придворнаго чиновничества. Древнія заклинательныя формулы, вліяніе маговъ (относительно еще византійскаго времени можно указать на найденную Ал. Гайе могилу волшебницы Митритисъ въ Арсиноѣ), міръ боговъ, религіозныя представленія египтянъ — все это могучими потоками проникаетъ въ эллинизмъ. И хотя египетскій элементъ и видоизмѣняется, особенно Стоей, но ядро остается и воскресаетъ иногда въ странной формѣ. И въ искусствѣ также древній египетскій стиль оказываетъ вліяніе на Птоломеевъ, что видно, между прочимъ, изъ камеи, представляющей женщину изъ дома Птоломеевъ въ видѣ египтянки; цари, во всякомъ случаѣ, изображаются въ египетскомъ одѣяніи.

Древніе города Сиріи стали до такой степени греческими, что новый всемірный городъ Антіохія на Оронтѣ, съ дачнымъ пригородомъ Дафнэ, сдѣлавшійся теперь транзитнымъ пунктомъ евфратской торговли, окруженъ вѣнкомъ греческихъ поселеній. На старой родинѣ и въ Малой Азіи образуются чисто солдатскія поселенія изъ инвалидовъ и туземцевъ, по образцу греческихъ государствъ-городовъ. Здѣсь развивается

городская политическая жизнь съ собраніями совѣта и съ раздѣленіемъ на филы; и совмѣстная жизнь съ восточными народами, въ которой греки, въ противоположность къ прежде приведеннымъ примѣрамъ, имѣли опору въ государственномъ управленіи и представляли изъ себя господствующій классъ, эта совмѣстная жизнь увеличивала еще во сто кратъ греческое вліяніе. Въ какой степени этотъ греческій *πόλις* овладѣлъ семитическимъ востокомъ, доказывается религіозной и правовой жизнью. Въ Аскалонѣ наряду съ Астартой, съ богиней рыбъ Альтаргатисъ-Деркето поклоняются также Зевсу, Посейдону и Аполлону; на дамаскихъ монетахъ изображается, правда, Діонисій, въ видѣ арабскаго бога, но наряду съ нимъ и Артемида, и Аѳина, и Нике. Такъ называемая сирійская книга законовъ образовалась въ этихъ мѣстахъ подъ вліяніемъ греческихъ правовыхъ воззрѣній. Уже во времена Маккавеевъ, правовѣрныхъ евреевъ возмущаетъ гимназія, учрежденная въ Іерусалимѣ, а введеніемъ тирсовъ въ праздникъ кущей, этотъ послѣдній дѣлается похожимъ на празднества Діонисія, учредить которыя однако Селевкиду не удается.

Въ Палестину проникаютъ выраженія, касающіяся государственнаго устройства (напр., выраженіе для гегемона), военнаго дѣла (войско, война, плата наемникамъ), судовъ (сангедринъ, обозначенія обвинителя, защитника, предсѣдателя). Греческое вліяніе замѣчается въ обозначеніи понятій торговаго сословія точно такъ же, какъ и въ греческой надписи на монетахъ со временъ Гасмонеевъ. Затѣмъ изъ Греціи же проникаетъ туда и конопля; получаютъ преобладаніе греческая домашняя утварь, греческія принадлежности костюма, греческія собственныя имена.

Разсѣявшіеся евреи часто совершенно эллинизируются. Переводъ Священнаго Писанія 72 толковниками и былъ именно вызванъ съ цѣлью сохранить для евреевъ, постепенно забывшихъ родной языкъ, возможность ознакомленія со священными книгами. Этимъ было проложено новое могучее русло для распространенія греческаго языка, правда, значительно окрашеннаго гебраизмами, которые давно уже проникли въ еврейско-греческій діалектъ Александріи.

И отдаленныя страны востока также приближаются къ эллинизму. Малоазіатскіе греки принадлежали къ той же имперіи, что и часть индійскаго народа, и, такимъ образомъ, благодаря общенію, хотя и не непосредственному, произведенія греческаго искусства уже въ ранній періодъ могли проникнуть въ Пенджабъ, точно такъ же, какъ результаты духовной дѣятельности, напр., индійское ученіе о переселеніи душъ, проложили себѣ путь въ область, заселенную греками. Уже во времена грамматика Панини Индія познакомилась съ греческимъ алфавитомъ и чеканила даже монеты по аттическому образцу. Но только съ походомъ Александра начинается научное знакомство съ Индіей, и индійская торговля, столь важная для города Александріи, становится частью греческой торговли. Въ греческую культуру переходитъ индійскій обычай украшать драгоцѣнными каменьями золотые сосуды; Стратоника Сирійская приноситъ въ даръ Делосскому храму золотыя, украшенныя драгоцѣнными камнями, чаши. Индійскій гіацинтъ становится любимымъ мотивомъ въ работахъ рѣзчиковъ по камню. Вслѣдъ за наукой и романическая литература овладѣваетъ новымъ краемъ; Индія становится любимой темой романовъ эпохи Александра. Уже ранѣе были съ радостью переняты греками сказочные образы, плоды индійскаго воображенія, какъ, напр., роющіе золото муравьи величиною съ волка и одѣтые въ шкуры; въ этомъ образѣ усматривается обыкновенно тибетскій (одѣтый въ звѣриныя шкуры) народъ. Сказаніе о циклопахъ, позднѣе подъ именемъ лалатакса встрѣчающихся въ Магабхаратѣ, возникло независимо у грековъ и у индусовъ. Люди же съ огромными ушами, въ которыя они заворачиваются вмѣсто постелей, являются безъ сомнѣнія плодомъ индійскаго вообра-

женія и встрѣчаются потомъ въ Магабхаратѣ подъ именемъ Чарнаправарана.

Послѣ Александра поддерживается особенно живое общеніе съ Индіей, и Мегасѳенъ съ изумленіемъ повѣствуетъ о чудной странѣ, ея поросшихъ роскошными лѣсами горахъ, о смѣющихся долинахъ со свѣтлыми ручьями, о сильномъ и гордомъ народѣ, дышущемъ этимъ чистымъ воздухомъ. Что только ни порхаетъ, ни ползаетъ и не бѣгаетъ подъ этими могучими деревьями, вершины которыхъ перешептываются съ вѣтрами! Обезьяны, крупнѣе самыхъ большихъ собакъ, съ бѣлымъ, бородатымъ лицомъ; тигры, величиною вдвое больше львовъ, расхаживаютъ днемъ; ночью летаютъ съ шумомъ огромныя змѣи, съ крыльями, какъ у летучихъ мышей; безчисленныя породы птицъ пищатъ, воркуютъ, поютъ безпорядочной стаей.

Изъ людей же всего замѣчательнѣе философы, которые 37 лѣтъ думаютъ въ уединеніи о міровыхъ загадкахъ и потомъ никогда не философствуютъ съ женщинами, ибо,—разсуждаетъ наивно Мегасѳенъ,—если женщины неспособны понять высокое ученіе, то привлеченіемъ ихъ къ философіи совершается жестокая несправедливость, если же онѣ способны понять ее, то онѣ, навѣрное, откажутся отъ своихъ занятій, т. е., говоря современнымъ языкомъ, будутъ стремиться къ эмансипаціи. Самая философія радостно привѣтствовалась, какъ нѣчто родственное эллинской мудрости; можетъ быть, Мегасѳенъ имѣлъ при этомъ въ виду прежде всего ученіе о переселеніи душъ. Когда греки видѣли праздничную процессію въ честь бога Сивы, проходящую при звукахъ цимбалъ и тимпановъ по заросшимъ виноградомъ долинамъ, они мысленно переносились на родину и вспоминали шумныя процессіи въ честь Діонисія. Вмѣстѣ съ индійскими драгоцѣнными камнями на западъ проникаютъ и названія ихъ (опалъ, бериллъ). На греческихъ романахъ-путешествіяхъ, этихъ предшественникахъ робинзонадъ, замѣтно вліяніе индусскихъ сказокъ; такъ, напр., романъ Ямбула, несомнѣнно, похожъ на приключенія Синдбада, которыя, будучи индусскаго происхожденія, были потомъ распространены шире всего арабами, въ сборникѣ, извѣстномъ подъ именемъ „Тысячи и одной ночи“.

Но вліяніе идетъ и съ запада на востокъ: такъ, напр., индійскія названія предметовъ, относящихся къ военной области (подземный ходъ *σύριγξ*, surunyâ) и уздечка (*χάλινος*, khalîna) греческаго происхожденія, слова же чернила (*μέλαν*, melâ) и тростникъ, служащій для писанія (*κάλαμος*, kalama), перешли изъ греческаго въ санскритскій языкъ. Отголоски жестокой борьбы между греками и индусами слышатся даже еще въ объясненіяхъ къ грамматику Панини, и оба міра связываются множествомъ умственныхъ нитей. Уже Александръ выписалъ себѣ въ Индію трагедіи Эсхила, Софокла, Еврипида, а въ его огромной свитѣ было много актеровъ. Къ вліянію того же времени слѣдуетъ отнести сходство, обнаруживаемое Мритчтчхакатикой (Mritschtschhakatikâ), съ античной комедіей, подражаніе греческой сценѣ, выражающееся въ томъ, что занавѣсъ называется по-индусски „греческимъ“ (yawanika), перенесеніе Гомеровскаго легендарнаго матеріала въ индусскій эпосъ, перенесеніе на индійскую почву животнаго эпоса. Позднѣе, наконецъ, даже и греческіе романы Ахилесса Татія послужили для отдѣлки романа „Kâdamharî“ Bânas'a (въ первой трети 7 столѣтія) и его сына. Образовательныя искусства развиваются и оплодотворенныя греками: дорійская (Кашмиръ), іоническая (Таксила) и коринѳская (Гандгара) колонны возвышаются въ странѣ чудесъ, перешедшей еще при царѣ Асокѣ, по персидскому образцу, отъ деревянныхъ построекъ къ каменнымъ; въ области пластики изъ Греціи въ Индію переносится эмблема бога любви, дельфинъ. Монеты чеканятся по образцу греческихъ. По образцу греческихъ діалоговъ сочинялись разговоры на философскія темы между индусами и греками;

такъ, напр., въ Милинда-панхѣ, произведенiи нѣсколько позднѣйшаго времени, имѣется разговоръ между обращеннымъ въ буддизмъ царемъ Менандромъ (по-санскр. Милиндра, пали: Milinda) и буддистскимъ жрецомъ Найя Сеной.

Политико-религiозныя отношенiя Асоки къ западному мiру довольно смѣло изображаются имъ самимъ въ 13, вырѣзанномъ на скалѣ, эдиктѣ. Нельзя придавать серьезнаго значенiя утвержденiю, будто ему, „благочестивому“, удалось обратить въ буддизмъ также и греческихъ князей Амтiйога (Amtiyoga—Антiохъ), Туламая (Tulamaya — Птоломей), Амтекина (Amtekina—Антигонъ), Мака (Maka—Майя), Аликасадала (Alikasadal — Александръ Эпирскiй). Зато индо-бактрiйское царство и, образовавшiяся изъ него посредствомъ дѣленiя, мелкiя государства долго были оплотомъ эллинизма. Сколько жизненной силы должно было заключаться въ этихъ мелкихъ греческихъ государствахъ завоевателей, если они не старались избѣгнуть даже опасности взаимныхъ распрей! Борьба, ведущаяся отсюда, кажется жителямъ сосѣднихъ странъ могущественнѣе завоеванiй Александра Великаго. И еще слишкомъ мало оцѣнено значенiе этой борьбы, какъ непосредственнаго элемента въ отношенiяхъ между областью греческаго языка, Индiей и Восточной Азiей. Въ бурѣ битвы Мабабхараты (Mabâbhârata) являются царь Деметрiй (180—165) и построенный имъ городъ Деметрiя (Dâttâmittîyaka-yonaka); тибетскiя полчища вытѣснили его изъ Бактрiи и заставили совсѣмъ уйти въ Пенджабъ. Китайскiе источники 1 в. до Рождества Христова описываютъ огромныя золотыя монеты его преемника Евкратида съ бюстомъ царя и всадникомъ (Дiоскуры). Здѣсь индiйская культура и индiйское вѣроученiе одерживали, вѣроятно, медленную побѣду: царь Менандръ (около 125—95 до Р. Х.) уже буддистъ; но уже угасая, греческая культура имѣла все-таки еще достаточно силы, чтобы влiять на сосѣднюю индо-скиѳскую область. Надписи на монетахъ этого царства большею частью на индiйскомъ и греческомъ языкахъ греческими буквами, или только на индiйскомъ языкѣ греческими буквами, или, наконецъ, на собственномъ языкѣ, но все же еще греческими буквами. Своеобразную прелесть имѣютъ для насъ измѣненiя древнѣйшихъ изображенiй: индiйскiй зебу, тибетскiй якъ или греческiе боги (Артемида-Селена, Деметра-Гермесъ).

Но влiянiе распространяется и еще далѣе на востокъ. Бактрiйская провинцiя Фергана (по-китайски Та-Юанъ, должно быть отъ *Τουρούαν*, какъ у Страбона) занимается китайскимъ полководцемъ Ли-Куангъ-ли; въ 101 г. до Р. Х. здѣсь былъ построенъ, такимъ образомъ, мостъ между греческой и китайской культурой, и этимъ путемъ шли влiянiя, приведшiя къ перевороту въ китайскомъ искусствѣ при императорѣ Ву-Ти (140—87 до Р. Х.). Давно уже извѣстно, что именно тогда и именно оттуда китайцы ввезли къ себѣ благородную туркменскую породу лошадей, а также люцерну (по китайски muh отъ *μηδική*), какъ прекрасный кормъ для лошадей. Тогда же былъ введенъ и виноградъ: когда путешественникъ Шангъ-Кiенъ (т. II, стр. 77) привезъ виноградныя лозы изъ Та-Юана въ Китай, императоръ Ву-Ти посадилъ ихъ въ придворныхъ садахъ около Си-нганъ-фу (Ша-нганъ). Именно къ этому времени относитъ уже китайская художественная критика металлическiя зеркала, имѣющiя украшенiя въ видѣ чудныхъ гроздей, также въ видѣ львовъ и крылатыхъ коней. Не на одномъ только предположенiи (Фридр. Гирта) основанъ тотъ фактъ, что въ китайскомъ искусствѣ, неподвижномъ съ 2 тысячелѣтiя до Р. Х., совершается внезапный переворотъ благодаря греческо-бактрiйскому влiянiю и натурализму греческаго искусства.

Раскопки Ауреля Штейна въ 1900—1901 г. въ китайскомъ (восточномъ) Туркестанѣ, въ Котанѣ, дали новыя доказательства распространенiя греческой культуры и обнаружили въ то же время новую станцiю на пути

шествія этой культуры въ Востотную Азію. Аѳина Паллада, изображенная на печати на архейскій манеръ, печать съ изображеніемъ сидячей греческой фигуры, должно быть, Эрота, главное же—печать съ головой, сдѣланной по греческому образцу, но съ чисто китайскими чертами лица (изображена въ книгѣ Штейна „Sand-buried ruins of Khotan“, Лондонъ 1903 г.), всѣ эти находки доказываютъ, что греческая культура прочно утвердилась здѣсь, на полдорогѣ между Западнымъ Ираномъ и Пекиномъ. Изъ греческихъ культурныхъ центровъ Бактріи брались образцы для монетъ Трансоксаніи или Западнаго Туркестана, такъ что найденныя въ Самаркандѣ и Ташкентѣ серебряныя тетрадрахмы, навѣрное, чеканились по образцу монетъ Геліокла и Евтидема; отсюда же путь греческаго вліянія долженъ былъ идти далѣе черезъ Ферганъ, черезъ греческій городъ Александрію черезъ Кашгаръ и Яркандъ въ Кхотанъ.

Въ то время, какъ на крайнемъ востокѣ земель, причислявшихся еще вообще къ тогдашнему міру, на краю восточно-азіатскаго міра, эллинизмъ разорялъ себя безумной тратой силъ и, несмотря на это, могъ еще оказывать вліяніе и на монеты, и на искусство, и на растительный міръ, вплоть до Индіи и Восточной Азіи; въ то время, когда въ долинѣ Нила и въ Вавилонѣ туземные авторы писали на греческомъ языкѣ; въ то время, когда греки изслѣдовали Красное море до Сомальскаго полуострова, Нилъ, Каспійское море и землю Скиѳовъ, въ это самое время эллинизмъ основалъ себѣ на западѣ провинцію съ греческими формами жизни и подчинилъ ее себѣ до полнаго рабства, а именно вновь возродившуюся Римскую имперію, которая, вступивъ въ это міровое общеніе, дала греческому духу новую родину, съ новыми государственно-правовыми формами.

Римская исторіографія, философія, краснорѣчіе, математика и астрономія, медицина, скультура, поэзія, игры Рима, животный и растительный міръ Италіи, формы повседневной жизни, религія Рима,—все это стало греческимъ. Кто хотѣлъ достигнуть мірового господства, тотъ долженъ былъ пріобщиться и къ міровой культурѣ: создать вновь и то, и другое Римъ былъ безсиленъ. Греки принесли въ даръ италійцамъ фруктовыя деревья востока (персики, миндаль, грецкій орѣхъ, каштанъ, сливу). Среди этой обогащенной флоры возвышались уже и въ Италіи греческіе, раздѣленные на двѣ части дома, украшенные греческимъ мраморомъ, или же старые италійскіе дома, преобразованные, съ греческой сѣдлообразной крышей; комнаты этихъ домовъ, носящія греческія названія, раздѣлены греческими ковровыми занавѣсками. Въ столовой (triclinium) гости возлежатъ за трапезой въ длинныхъ шерстяныхъ одеждахъ. Въ употребленіи была мягкая домашняя обувь, туфли, сандаліи; дѣвушки носили дома греческій передникъ (cacomboma). На улицѣ головнымъ уборомъ служила македонская kausia или греческій (широкополый) petasos; для холоднаго времени заимствованъ изъ Греціи даже мѣховой воротникъ arnacis. Обратимъ ли мы нашъ взглядъ на высшія поприща жизни, обученіе съ его тремя степенями и тремя разрядами греческихъ учителей (ludi magister или paedagogus—дома, затѣмъ litteratus и наконецъ rhetor), взглянемъ ли на новые способы производства, вытекающіе изъ развившихся новыхъ вкусовъ (птицеводство, разведеніе дичи и рыбы) — всюду мы замѣчаемъ дѣйствіе греческаго вліянія, замѣчаемъ подражаніе высшимъ формамъ жизни.

Въ древнѣйшія времена отдѣльные боги изъ области греческой культуры переносились въ Италію (ср. стр. 5) подъ вліяніемъ тяжелыхъ бѣдствій (голодъ, чума) или вслѣдствіе практическихъ нуждъ, и эти же причины продолжали дѣйствовать и теперь: по поводу чумы 293 г. до Р. Х. въ Римъ былъ перенесенъ культъ Асклепія изъ Эпидавра, а вмѣстѣ съ нимъ появилась и греческая медицина; бѣдствія войны 249 г. имѣли своимъ послѣдствіемъ перенесеніе изъ Тарента въ Ара Дитисъ (въ „Tarentum'ѣ“ на

Марсовомъ полѣ) греческихъ представленій о подземномъ мірѣ, такъ что теперь Плутонъ и Прозерпина почитались въ качествѣ родныхъ боговъ; пораженіе при Тразименскомъ озерѣ (217) вызвало потребность въ новыхъ богахъ, и въ столицѣ Италіи появляются тогда Венера съ горы Эрикса и Менсъ (*Σωφροσύνη*). Но къ этимъ практическимъ причинамъ примѣшиваются уже и другія: италійцевъ привлекаютъ шумныя греческія празднества; такъ, въ 238 году вводится празднованіе греческой богини подъ именемъ Флоры. И весь способъ культа кажется у грековъ настолько выше, что дѣйствуетъ прежде всего преобразовательно. Такимъ образомъ, италійскія и капитолинскія божества Юнона Соспита въ Ланувіи и авентинская Юнона Регина получаютъ греческое богослуженіе. Къ послѣдней богинѣ паломничествуетъ процессія дѣвушекъ при пѣніи искупительнаго гимна Партенейонъ, сочиненнаго нижне-италійскимъ грекомъ Л. Ливіемъ Андроникомъ (умеръ въ 204 г. до Р. Х.); по греческому образцу устанавливается замкнутый кругъ 12 боговъ; нивеллировка шла и дальше, такъ что, наконецъ, греческая миѳологія совершенно заслонила собою италійскихъ боговъ. Тамъ же, гдѣ все-таки еще сохранилось ясное представленіе о нихъ, тамъ греческое искусство своими мощно разработанными типами боговъ убило послѣдніе остатки туземной миѳологіи. Казалось почти, что эти низложенные боги существуютъ еще только для заполненія пробѣловъ въ исчисленіи времени. Куда дѣвалось то время, когда почитаніе чужихъ боговъ допускалось лишь внѣ городской черты (померіума)! Вслѣдъ за греческой религіей въ Италію проникли и греческая философія, и толкованіе миѳовъ, и религіозное изслѣдованіе. Несмотря на преслѣдованія цензуры (запрещеніе „пиѳагоровыхъ“ книгъ) и высылку нѣкоторыхъ учителей, греческая философія, подъ именемъ школы стоиковъ, заняла въ Римѣ доминирующее положеніе.

Такимъ образомъ, и прошлое Рима также перекрашено и передѣлано на греческій ладъ. Уже темную исторію основанія города преданіе пытается освѣтить, заимствуя многое у Геродота изъ сказанія о Кирѣ; не менѣе темная исторія царей озаряется тѣми же греческими лучами, при свѣтѣ которыхъ были созданы нѣкогда полные жизни образы Зопира, Періанура, Язона Ферскаго. Осада Вейевъ передѣлывается на манеръ Троянской войны, и чертами гомеровскихъ героевъ надѣляются: Нума (Одиссей), Маркъ Валерій (въ борьбѣ съ Тарквиніемъ: Менелай — Парисъ), Камиллъ (Ахиллесъ), Манлій Торкватъ (Гекторъ). По греческому образцу боги принимаютъ участіе въ борьбѣ (такъ напр., діоскуры въ битвѣ на рѣкѣ Сагрѣ въ Бруттіи и при Регильскомъ озерѣ). По греческому же образцу создаются и характеры (децемвиры — 30 тирановъ, Сципіонъ — Алкивіадъ, Фабій — Никій), одинаково описываются ужасы чумы (въ Аѳинахъ, въ Сициліи) и надежды смѣлыхъ мореплавателей. (Путешествіе въ Сицилію является образцомъ для африканскихъ предпріятій Сципіона). Какъ удобно при описаніи завоеванія Рима галлами заимствовать разныя подробности изъ исторіи занятія Аѳинъ Персами! Какъ хорошо восполняютъ картины греческихъ битвъ (битва при Кунаксѣ — образецъ битвы при Циртѣ) и осадной жизни (Галикарнасъ—Сагунтъ) недостатокъ воображенія у римлянъ! Дипломатическіе переговоры (съ коркирейцами — съ кампанскими послами), ироническое отношеніе къ союзникамъ (спартанцы— вольски, которые являются слишкомъ поздно), имена (Бреннъ) и историко-теоретическіе вопросы, — все это служитъ для заполненія той огромной пустоты, которая позднѣе была названа римской исторіей. Не удивительно поэтому, что римскіе историки вплоть до М. Порція Катона писали по-гречески,

Едва ли міру извѣстенъ другой такой примѣръ, чтобы столь обширныя области и столь разнообразные народы пропитывались одной культурой, которая, ставъ „міровой культурой“, тѣмъ не менѣе въ значитель-

номъ большинствѣ своихъ составныхъ частей обнаруживала вполнѣ свое національное происхожденіе. Въ большей части территоріи, подчиненной англо-саксонской расѣ, господствуетъ теперь всемірный англійскій языкъ, но общая культура не чисто англо-саксонская, а имѣетъ лишь англосаксонскую окраску. Описанныя же выше столѣтія до Р. Х., были свидѣтелями того, какъ языкъ Аѳинъ сталъ греческимъ *Κοινή* (общимъ языкомъ), а этотъ послѣдній — всемірнымъ языкомъ, и какъ значительная часть, извѣстнаго тогда пространства земного шара превратилась въ культурномъ отношеніи въ провинцію греческаго ума.

B. Греція въ тѣсномъ смыслѣ, до завоеванія ея римлянами.

Александръ Великій взялъ на себя въ Элладѣ роль защитника свободы, уничтоживъ власть всѣхъ тирановъ и оказывая особое предпочтеніе Аѳинамъ; при этомъ онъ заботился, конечно, объ осуществленіи своихъ теодинастическихъ плановъ по отношенію къ Греціи и требовалъ признанія божественности своего происхожденія. Между тѣмъ какъ въ войскѣ Александра греческая оппозиція была заодно съ недовольнымъ македонскимъ дворянствомъ, государства Эллады въ общемъ успокоились.

Аѳины, для которыхъ отчаянная борьба, возбужденная Демосѳеномъ, обозначала собою отступленіе отъ политики благополучія, поборникомъ которой былъ Евбулъ, послѣ битвы при Херонеѣ вернулись на предначертанные Евбуломъ пути и подъ руководствомъ Ликурга (335—326) расцвѣли съ новой пышностью. Въ эту эпоху мира важнѣйшее значеніе въ государствѣ пріобрѣла финансовая должность, замѣщавшаяся, подобно военнымъ должностямъ, спеціалистами по выбору, а не по жребію, вопреки демократическимъ традиціямъ; чтобы избѣжать частой смѣны чиновниковъ, выборы производились на четыре года. Ликургъ былъ величайшимъ финансистомъ Аѳинъ. Этотъ человѣкъ, среди возраставшей роскоши роднего города, продолжалъ жить съ изысканной простотой и сумѣлъ не только опять довести государственные доходы до 1200 талантовъ, но и обратить на пользу государства свой личный кредитъ, такъ какъ частныя лица давали деньги только за поручительствомъ Ликурга. Въ цѣляхъ повышенія общаго интереса къ ходу государственнаго хозяйства, финансовые отчеты высѣкались на камнѣ и выставлялись публично. Тогда именно былъ воздвигнутъ колоссальный морской арсеналъ въ Пиреѣ; 377 доковъ служили теперь для пристанища кораблей. Были построены также Панаѳинское ристалище, гимназія въ Ликейонѣ, была закончена постройка театра Діонисія, и флотъ приведенъ въ годное для войны состояніе.

Но послѣ паденія Ликурга Аѳины впутались въ войну (ламійскую) противъ Македоніи и, благодаря этому, должны были испытать суженіе круга своихъ политически полноправныхъ гражданъ и допустить помѣщеніе въ городѣ македонскаго гарнизона. Попытка Полиперхона возстановить старое государственное устройство въ демократическомъ духѣ окончилась неудачей, и самостоятельность умѣренно-олигархическихъ Аѳинъ достигается философомъ и ораторомъ Димитріемъ Фалерійскимъ, хотя македонскій гарнизонъ и остается. Во время его правленія процвѣтала не только финансовая мудрость, давшая возможность получать доходы временъ Ликурга, принять на счетъ государственной кассы обременительные взносы на театръ (хорегіи) и давать большія празднества; вѣроятно, благодаря Димитрію суждено было получить примѣненіе въ жизни изслѣдованіямъ его учителя Теофраста въ области права, и, такимъ образомъ, должно было произойти улучшеніе законовъ.

Пышность „тирана“ и поклоненіе, котораго онъ себѣ требовалъ, сдѣлали его однако ненавистнымъ; поэтому Аѳины съ радостью привѣтствуютъ Димитрія Поліоркета, сына Антигона, освободившаго ихъ отъ фаль-

рійца. Вся средняя Греція и Пелопоннесъ, за исключеніемъ, пожалуй, Мессеніи и Спарты, были освобождены отъ македонскихъ и египетскихъ гарнизоновъ, и былъ торжественно возобновленъ Коринѳскій союзъ, при чемъ Димитрій Поліоркетъ, какъ нѣкогда Филиппъ и Александръ, былъ избранъ полководцемъ союза. Отозваніе Димитрія въ Малую Азію его отцомъ Антигономъ, хотя и не сломило непосредственно его господства, но дало все-таки возможность выступить такимъ энергичнымъ противникамъ его, какъ Демохаръ, племянникъ Демосѳена, а послѣ битвы при Ипсѣ (301 г.) повело даже къ отпаденію Аѳинъ. Подъ предводительствомъ Лахара Аѳины оказывали отчаянное сопротивленіе, средства для котораго должны были притекать изъ храмовыхъ сокровищъ и изъ золотой одежды Аѳины Парѳенонской. Все-таки въ 294 тоду Аѳины опять достались Димитрію и съ этихъ поръ, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, охранялись македонскимъ гарнизономъ. Вмѣсто побѣды надъ спартанцами, на которыхъ онъ напалъ, Димитрію улыбалась теперь македонская царская корона; добившись ея посредствомъ завоеванія Беотіи, гдѣ намѣстникамъ былъ историкъ Іеронимъ изъ Кардіи, онъ удержалъ ее однако за собой лишь на короткое время. Сынъ Димитрія Поліоркета Антигонъ Гонатъ господствовалъ затѣмъ надъ Греціей на основаніи новаго договора и черезъ своихъ приверженцевъ, управлявшихъ отдѣльными городами въ качествѣ тирановъ.

Но всюду обнаруживалось, что борьбу противъ монархіи гораздо удобнѣе вести посредствомъ такого союза, чѣмъ посредствомъ прежняго государства-города. Отдѣльное греческое государство-городъ было игрушкой въ рукахъ борющихся между собою царей-діадоховъ; что могли сдѣлать при такой борьбѣ эти непрочные союзы? Сегодня вмѣстѣ, а завтра врозь; при такомъ положеніи вещей не было и силы. Когда удалось, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ столѣтій, сдѣлать дальнѣйшій шагъ и, за предѣлами мѣстнаго союза, найти иную форму единенія, оставлявшую отдѣльному государству-городу самоуправленіе, собственные законы и „конституцію отцовъ“, но дѣлавшую возможнымъ соединеніе всѣхъ государствъ для цѣлей внѣшней политики, тогда только борьба крупныхъ государствъ была поставлена совсѣмъ на другую почву. Органическое соединеніе такихъ государствъ было дано въ *κοινά*, въ союзныхъ государствахъ, въ томъ видѣ, какъ они развивались теперь въ Этолійскомъ и Ахейскомъ союзахъ (около 280 г.). Въ этомъ заключается величайшій прогрессъ греческой исторіи съ 7 столѣтія. Чтобы большія государства-города не были подавлены большинствомъ маленькихъ, въ Ахейскомъ союзѣ голосованіе происходитъ по городамъ, при чемъ каждый городъ имѣетъ соотвѣтственно числу жителей большее или меньшее количество голосовъ. На обязанности высшаго чиновника союза (стратега) лежитъ веденіе текущихъ дѣлъ; въ помощь ему дана коллегія чиновниковъ (апоклеты въ Этолійскомъ, даміурги въ Ахейскомъ союзѣ), предсѣдательствующая въ союзномъ собраніи. Средняя Греція была большею частью объединена въ Этолійскомъ союзѣ, общины Пелопоннеса—въ Ахейскомъ союзѣ (9.000 кв. километровъ), такъ что ядромъ перваго союзнаго государства было населеніе крестьянское, ядромъ же второго—населенія мелкихъ городовъ.

Эти союзы являются носителями политическаго могущества Греціи. Но руководители ихъ—только умные дипломаты, и среди нихъ нѣтъ великихъ людей. Такимъ образомъ, Аратъ (стратегъ Ахейскаго союза съ 251 и 245 гг.; см. т. IV) могъ увеличить территорію союза и добиться временныхъ успѣховъ; но онъ совершенно не былъ способенъ твердо вести весь союзъ къ ясно намѣченной, великой цѣли. Колебаніе между македонской и антимакедонской политикой въ такія серьезныя времена были всего пагубнѣе для греческихъ интересовъ. Ко всѣмъ этимъ колебаніямъ давали поводъ Спарта и ея соціалъ-реформаторская монархія. Борьба между аграріями и

ипотечными кредиторами при царѣ Агисѣ (242), потрясенiе всѣхъ имущественныхъ отношенiй Ликурговскимъ передѣломъ землевладѣнiя при царѣ Клеоменѣ (226), а также и угрожающая ахейцамъ, отчасти уже осуществившаяся, гегемонiя сосѣдней Спарты, — все это повело къ заключенiю обширнаго союза между Антигономъ Дозономъ Македонскимъ, Ахейскимъ союзомъ, ѳессалiйцами, эпейротами, акарнянами, беотiйцами, фокiйцами, локрiйцами и городами Эвбеи (223 г.). Битва при Селлазiи (221 г.) заставила Клеомена покинуть Спарту и удалиться въ Александрiю.

Мирный договоръ, заключенный въ Навпактѣ въ 217 г., соединилъ названныя государства и Этолiйскiй союзъ, подъ влiянiемъ страха, внушаемаго имъ западомъ.

Никто такъ рѣзко не обрисовалъ опасностей, угрожающихъ Грецiи, какъ Агелай изъ Навпакта: „Если поднимающiяся съ запада облака нависнутъ надъ Грецiей, тогда намъ не придется, какъ теперь, играть въ перемирiе и войну; мы будемъ просить тогда у боговъ, какъ милости, чтобы намъ можно было вести войну и заключать миръ, когда мы хотимъ, и вообще быть судьями въ нашихъ собственныхъ распряхъ!“ Какъ бы ни кончилась борьба между Карѳагеномъ и Римомъ—побѣдитель, во всякомъ случаѣ, былъ опасенъ для Грецiи.

Однако греки все-таки старались выяснить себѣ внутреннiе источники могущества Рима; доказательствомъ этому служитъ наполненное частью истиной, частью ложью, письмо царя Филиппа V Македонскаго къ жителямъ ѳессалiйскаго города Лариссы, письмо, въ которомъ онъ рекомендуетъ планомѣрное расширенiе полноправнаго населенiя и насажденiе колонiй въ предѣлахъ Римскаго государства; во всякомъ случаѣ, письмо это является замѣчательнымъ свидѣтельствомъ сознанiя превосходства римскаго государственнаго развитiя. До насъ дошли документальныя доказательства союза, заключеннаго между Филиппомъ Македонскимъ и Карѳагеномъ, представителемъ котораго былъ Ганнибалъ; въ основѣ такого союза лежало стремленiе съ помощью семитовъ бороться противъ угрожающаго усиленiя римскаго могущества. Но македонская политика была слишкомъ неумна и, благодаря ея промахамъ, многообѣщающему союзу въ Навпактѣ не суждено было повести къ всеобщему македонско-греческо-семитическому возстанiю. Этолiйскiй союзъ, вмѣстѣ съ военной монархiей Спарты, мессенцы, элейцы и аѳиняне становятся въ 210 году на сторону Рима, но должны вскорѣ заключить съ Филиппомъ миръ (къ которому въ 208 году присоединяются и Римляне), такъ какъ Ахейскiй союзъ подъ предводительствомъ Филопомена, да и самъ Филиппъ достигли значительныхъ успѣховъ. Соединенное сирiйско-македонское нападенiе на азiатскiя владѣнiя Египта (204—201 г.) не только ведетъ къ союзу государствъ (прежде всего Родоса), желающихъ сохраненiя прежняго равновѣсiя въ восточномъ бассейнѣ Средиземнаго моря, но принуждаетъ также къ вмѣшательству и Римъ. Независимость всѣхъ грековъ, находившихся прежде въ зависимости отъ Македонiи, провозглашается торжественно въ 196 г. на Истмiйскихъ играхъ Т. Квинктiемъ Фламинiемъ.

Недовольство въ Грецiи растетъ, такъ какъ Этолiйскому союзу не удалось добиться присоединенiя Ѳессалiи, а Ахейскому союзу присоединенiя Спарты, гдѣ царитъ коммунистическая, военная монархiя. Вмѣшательство призваннаго на помощь Этолiйцами сирiйскаго царя Антiоха III (192) быстро отражается Римомъ; послѣдствiемъ было то, что Этолiйскiй союзъ потерялъ всякое значенiе. Между тѣмъ расширенiе Ахейскаго союза достигло своей кульминацiонной точки. Но оказывается, что форма союзнаго государства, *κοινόν*, не можетъ преодолѣть различiй во внутреннемъ устройствѣ отдѣльныхъ государствъ. Безпорядокъ въ Спартѣ царитъ такой, что его не могли устранить ни Ахейскiй союзъ, ни приговоръ Рима. Въ 206 году военный царь Набисъ

изгналъ или умертвилъ всѣхъ богатыхъ и раздѣлилъ ихъ имущество, женъ и дѣтей между освобожденными рабами и сбѣжавшимися со всѣхъ сторонъ наемниками. Но и послѣ покоренія Спарты Филопоменомъ (192 и 188 г.) положеніе вещей не улучшилось: Харонъ также конфисковалъ имущества и распредѣлялъ ихъ по своему усмотрѣнію.

И въ другихъ мѣстахъ занимаемой греками области жизнь также шла по наклонной плоскости. Въ Беотіи на должности избирались такіе люди, которые умѣли баловать толпу разными новинками: раздѣленіемъ имуществъ и парализованіемъ уголовной юстиціи; процессы тянулись цѣлую человѣческую жизнь; кто велъ процессъ, не смѣлъ показываться изъ опасенія быть убитымъ. Богатые цѣнили своихъ завсегдатаевъ-сотрапезниковъ выше родственниковъ и даже выше дѣтей, часто получавшихъ меньшее наслѣдство, чѣмъ застольники, которымъ не хватало для пиршествъ дней мѣсяца. Поддѣльная роскошь служила утѣшеніемъ въ пустынѣ жизни, оживляемой лишь гражданской смутой, массовыми казнями и изгнаніями, грабежами и раздѣломъ земель.

Народъ тѣлесно выродившихся нищихъ, падкихъ до наслажденій, безъ чести и вѣры, до самаго послѣдняго свинопаса, безъ вѣры въ себя и безъ надежды на будущее—такъ характеризуетъ съ глубокою скорбью аркадскій историкъ П о л и б і й изъ Мегалополиса своихъ соотечественниковъ 2 вѣка до Р. Х.

Изъ Аркадіи и Мессеніи, изъ Этоліи и Ѳессаліи,—отовсюду доходятъ извѣстія объ отчаянной классовой борьбѣ; даже безнадежной, послѣдней борьбой за независимость пользовались въ своихъ цѣляхъ люди (такъ напримѣръ, союзный полководецъ Діей), привыкшіе ловить рыбу въ мутной водѣ и стремящіеся среди общей сумятицы замять поднимающіяся противъ нихъ, обвиненія. Насмѣшкой надъ этой тяжелой рѣшительной борьбой звучатъ рѣчи вожаковъ, подстрекающихъ сначала противъ Спарты, потомъ противъ Рима и старающихся подкупить толпу уничтоженіемъ долговыхъ законовъ и пріемомъ рабовъ въ ряды войска. Неспособная защищаться, Грецiя почувствовала въ римскомъ господствѣ отчасти спасеніе. Никогда не могъ бы Полибій написать своего сочиненія, если бы, въ виду невыносимыхъ порядковъ, не проникся такимъ чувствомъ. Не только дружеское вліяніе кружка Сципіоновъ научило его цѣнить прочную конструкцію Римскаго государства, но также и контрастъ съ распадающимися а теперь и разорванными Римомъ и государствами Греціи. Коринѳъ—пустыня, всѣ союзы въ политическомъ отношеніи уничтожены и терпимы лишь, какъ организаціи для устройства общихъ празднествъ; наложена дань, и городское управленіе подчинено надзору намѣстника. Такъ кончается на многія столѣтія политическая исторія Греціи въ тѣсномъ смыслѣ.

C. Культурныя пріобрѣтенія эпохи эллинизма.

Аттическій языкъ (см. стр. 21) претерпѣвъ нѣкоторыя измѣненія, ставъ нѣсколько филистерскимъ, благодаря возможно точному обозначенію предлоговъ, завоевалъ греческій міръ и оттѣснилъ всѣ нарѣчія, вплоть до нарѣчій Лаконіи, Беотіи, Фессаліи и сѣверозападной части малой Азіи и, наконецъ, вопреки Ѳеокриту, одержалъ верхъ и надъ общимъ дорическимъ языкомъ. Такимъ образомъ, одинъ общій языкъ (*κοινή*) распространяется по всей обширной области, занимаемой греками. Въ этой области новыя монархіи присваиваютъ себѣ умственное руководительство; въ особенности Александрія пользуется Греціей въ тѣсномъ смыслѣ, какъ поставщицей ученыхъ поэтовъ и художниковъ, но именно благодаря этому и превосходитъ ее много разъ по своему духовному значенію. Но расширеніе въ ту эпоху области распространенія греческой культуры (описанное на стр. 16 и слѣд.) и тусклость внутренней политической исторіи самой Греціи не

могли помѣшать тому, чтобы въ то же самое время произошло и чрезвычайное увеличенiе культурнаго богатства.

Естественныя науки, какъ напримѣръ, землевѣдѣнiе и ботаника пожинаютъ плоды распространенiя греческой культуры; прежде всего слѣдуетъ указать на то, что Эратосфенъ изъ Кирены могъ уже довольно вѣрно опредѣлить величину земли и нарисовать всемiрную карту. Халдейскiя наблюденiя содѣйствовали, вѣроятно, тому, что взглядъ на землю, какъ на центръ вселенной былъ поколебленъ. Наконецъ, Аристархъ изъ Самоса считаетъ уже размѣры солнца такими огромными, что не находитъ возможности держаться старой ошибки и утверждаетъ, что земля вертится вокругъ своей оси и вокругъ неподвижнаго солнца. Обработка естественно-историческаго матерiала, заключающагося въ отчетахъ похода Александра, была образцово выполнена ученикомъ Аристотеля Теофрастомъ. Послѣ Евклида Архимедъ изъ Сиракузъ сдѣлалъ рядъ открытiй въ области геометрiи и физики, довольно точно опредѣлилъ отношенiе дiаметра къ окружности, изучалъ спирали и усѣченные конусы, изслѣдовалъ отношенiе между вѣсомъ и вытѣсненной жидкостью. Стратонъ изъ Лампсака въ научномъ сочиненiи по гидрографiи описываетъ влiянiе воды на измѣненiе земной поверхности. Не забывается и организмъ человѣка: Герофилъ изъ Калхедона нашелъ, что нервы исходятъ изъ головного и спинного мозга и открылъ кругообращенiе крови; Эразистратъ изъ Кеоса дѣлалъ крупныя хирургическiя операцiи.

Само собой разумѣется, что эта полная движенiя эпоха должна была оставить послѣ себя многочисленные памятники и достопримѣчательности; собственно художественное исполненiе прiобрѣтеннаго научнаго матерiала едва ли удалось кому-нибудь. Прекрасное съ военной точки зрѣнiя описанiе походовъ Александра будущимъ царемъ Птоломеемъ, строго правдивое описанiе эпохи послѣ Александра Iеронимомъ изъ Кардiи (см. стр. 22), живая и, пожалуй, живая въ ущербъ правдѣ, исторiографiя тирана Дуриса Самосскаго и Филарха изъ Навкратиса, наконецъ, пропитанная суевѣрiями исторiя западной Грецiи Тимея изъ Тауроменiона, опирающаяся уже на эпиграфическiя и мѣстныя изслѣдованiя,—всѣ эти сочиненiя не могутъ превозмочь противорѣчiя между содержанiемъ и формой, частью же и трудностей исторической критики. Художественнымъ не можетъ быть названо и сочиненiе Полибiя (см. стр. 24), излагающее исторiю распространенiя римскаго господства (264—146, отъ первой пунической войны до разрушенiя Коринѳа). Но критическая разработка здѣсь хороша и произведена она человѣкомъ, который самъ является олицетворенiемъ растворяющагося въ романизмѣ эллинизма. Стоя въ центрѣ событiй, пользуясь вездѣ самыми достовѣрными извѣстiями, глубоко проникая въ причины гибели Эллады и расцвѣта Римскаго государства, онъ можетъ быть въ нѣкоторомъ родѣ приравненъ къ Геродоту, Фукидиду и Ксенофонту.

Отраженiемъ эпохи являются индивидуалистическiя теченiя въ философiи. Какъ философское ученiе Ницше о сверхчеловѣкѣ, такъ и Стоа,—мѣстами носящая не греческiй характеръ благодаря сильно семитической окраскѣ, внесенной ея основателями,—можетъ удовлетворить только мудреца, который, изживъ всѣ свои природныя силы, въ состоянiи достигнуть высшихъ цѣлей человѣчества. Государство и народъ отступаютъ на заднiй планъ; самое большее, чего пытается достигнуть Стоа, это обезпечить себѣ влiянiе на руководящихъ личностей, на царей. Идея всемiрнаго гражданства удовлетворяетъ людей, которые ради человѣчества, которому нельзя ничѣмъ помочь, имѣютъ возможность забыть о братьяхъ, которымъ не хотятъ помочь. Эпикурейское мiровоззрѣнiе не отличалось умственно-аристократическимъ характеромъ въ такой степени; но и оно также на переднiй планъ выдвигаетъ не государство, а отношенiя отдѣльныхъ индивидуумовъ. Безвредное наслажденiе—вотъ послѣднее слово этой философiи.

Эпоха греческихъ республикъ создала искусство, черпавшее вдохновеніе изъ глубины религіознаго сознанія, искусство, доступное только верхамъ человѣчества. Эпоха греческихъ монархій демократизировала искусство; для войска, желавшаго сохранить связь съ греческой родиной, для колонистовъ, покинувшихъ старыя мѣста, цѣнность имѣла только новая комедія, служившая отраженіемъ обыденной жизни. Еще ближе народу были представленія мимовъ и поэтическія произведенія кинедовъ (педерастовъ). Широкой массѣ доставляла удовольствіе эта грубость и вѣрное изображеніе событій повседневной жизни; высшіе классы желали, по крайней мѣрѣ возвращенія къ природѣ, какъ позднѣе въ эпоху пастушковъ Ватто, и видѣли свое изображеніе въ сентиментальныхъ пастухахъ Ѳеокрита. Въ надгробныхъ надписяхъ Леонида изъ Тарента прославляется мелкій людъ. Музыка, подвергшаяся по выраженію Аристоксена „плебейской порчѣ“, могла давать что-нибудь, не являющееся повтореніемъ старыхъ произведеній, лишь въ области комической оперетки, которая въ смыслѣ реализма и грубости стояла наряду съ представленіями мимовъ.

Потребностямъ этой черни соотвѣтствовалъ какъ нельзя болѣе государственный романъ, появившійся около 300 г. до Р. Х., и въ привлекательной формѣ описанія путешествія пытавшійся разрѣшить волнующіе весь міръ соціальные вопросы. Романъ этотъ, священная хроника Евгемера, полагаетъ, что боги—это добродѣтельные люди, ставшіе богами. По имени автора романа сохранилось за натуралистическимъ объясненіемъ боговъ названіе евгемеризма. Жрецы, художники, техники составляютъ первый классъ этого благоустроеннаго государства, лежащаго въ Южномъ океанѣ, недалеко отъ береговъ Индіи. Частной собственности, за исключеніемъ дома и сада, тамъ не существуетъ, всѣ продукты труда должны быть сданы, и жрецы, въ качествѣ чиновниковъ, завѣдующихъ хозяйствомъ страны, распредѣляютъ потомъ эти продукты на извѣстныхъ основаніяхъ, не обусловливающихъ, однако, полнаго равенства. Такимъ образомъ, государство является хозяйственнымъ учрежденіемъ, завѣдующимъ производствомъ и распредѣленіемъ богатствъ.

Наконецъ и образовательное искусство также приблизилось къ повседневной жизни и было приведено къ реализму. Лизистратъ (братъ Лизиппа) приготовляетъ изображенія по гипсовымъ отпечаткамъ. Разнообразіе повседневной жизни проникаетъ въ пластику въ лицѣ нищихъ и старухъ, и великія произведенія стали болѣе доступны пониманію массы: они пародируются въ терракотовыхъ издѣліяхъ! Полное страданія изображеніе человѣка, вытаскивающаго занозу, превращается въ уличнаго мальчишку, который раздувъ щеки дуетъ на свою ногу (Priene); Павзія, рисовавшаго внутренность кухонь и парикмахерскихъ называли „художникомъ грязи“; мозаика на полахъ изображаетъ остатки обѣда, невыметенную комнату.

Гдѣ греческое искусство не стало на службу широкихъ массъ, гдѣ оно не „оплебеилось“, тамъ оно работало отчасти на царей. Статуя Нике изъ Самоѳракіи, съ чудной развѣвающейся одеждой, прославляетъ побѣду Димитрія Поліоркета; умирающій воинъ (на Капитоліи) и галлъ, умерщвленный своей женой, которая затѣмъ сама себя убиваетъ, созданы по поводу побѣдъ Атталы, царя Пергамскаго. Существовала, по всей вѣроятности, цѣлая масса историческихъ картинъ; намъ извѣстно только мозаичное изображеніе битвы Александра (см. таблицу при страницѣ 116, IV т.). Тѣсная связь пластики и живописи, какъ у Лизиппа и Апеллеса, повела къ подчеркиванію общаго впечатлѣнія въ противовѣсъ подробностямъ, къ изображенію мечты вмѣсто дѣйствительности. То же самое замѣчается и въ такъ называемыхъ, саркофагахъ Александра (см. прилагаемую таблицу „Саркофагъ Александра въ Константинопольскомъ музеѣ“); хотя здѣсь мы видимъ еще преобладаніе живописи. Религіозное искусство въ Аѳинахъ

Объясненіе къ хромолитографіи „Саркофагъ Александра“.

Находящійся въ Константинопольскомъ музеѣ „Саркофагъ Александра“ слѣдуетъ отнести къ концу IV столѣтія, и онъ принадлежитъ, вѣроятно, аттическому искусству. Это самый большой изъ греческихъ саркофаговъ, найденныхъ въ 1887 году въ Сидонѣ Гамди-беемъ, заслуженнымъ главнымъ директоромъ императорскихъ турецкихъ музеевъ. Въ этихъ саркофагахъ мы можемъ узнать прототипы всѣхъ позднѣйшихъ, также и римскихъ саркофаговъ. Мнѣніе, будто это собственный гробъ Александра, отвергнуто; разногласіе существуетъ лишь по вопросу о томъ, принадлежалъ ли гробъ одному изъ македонскихъ вельможъ, приближенныхъ Александра, или же одному изъ утвержденныхъ имъ восточныхъ государей. Какъ бы дѣло ни обстояло, но охотничьи и военныя сцены, украшающія обѣ длинныя и обѣ короткія стороны гроба, а также оба фронтона его крышки, суть историческія картины въ полномъ смыслѣ этого слова и мастерскія произведенія греческаго рѣзца. На одной изъ длинныхъ сторонъ изображена конная битва, слѣва самъ царь Александръ скачетъ, чтобы нанести рѣшительный ударъ; полагаютъ, что это битва при Иссѣ. На противоположной сторонѣ изображена охота на львовъ, напоминающая произведеніе Лизиппа и Леохара, предназначенное для Дельфъ. Впечатлѣніе отъ скульптурной работы, исполненной съ чрезвычайной живостью и тонкостью, усиливается еще почти вполнѣ сохранившеюся живописью. Не покрытыя краской части, напр. фонъ рельефа, блестятъ первоначальной теплой бѣлизной пентелійскаго мрамора. Остальныя части сверкаютъ глубокими жирными красками: желтой, фіолетовой, пурпуровой, красной и синей. Фризъ на крышѣ покрытъ желтыми виноградными лозами на фіолетовомъ фонѣ. И здѣсь также подтверждается, что позднѣйшая греческая орнаментика изобрѣла преимущественно заимствованныя отъ природы формы, листья, грозди или вѣтви.

(Преимущественно по книгѣ Карла Вермана: „Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ, т. I; изд. Т-ва „Просвѣщеніе“, Спб.)

 Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Сидонскій „саркофагъ Александра“, нынѣ въ Константинопольскомъ музеѣ.

(По Гамди-Бею и Теод. Рейнаху, „Une nécropole royale à Sidon“, Парижъ 1892; исправлено по указаніямъ проф. Франца Винтера въ Инсбрукѣ).

продолжало творить чудеса, примѣромъ чему могутъ служить Гера Людовизи и Венера Милосская (въ Луврѣ)—произведенія аттической школы. Щедрость въ постановкѣ памятниковъ и обычай носить въ перстнѣ изображеніе монарха, благопріятствовали развитію портретнаго искусства.

Наконецъ, нельзя игнорировать въ греческомъ искусствѣ и вліянія востока. Въ этомъ отношеніи мы пока, правда, мало освѣдомлены: намъ извѣстно правильное расположеніе большихъ городовъ востока, по принципамъ Гипподама изъ Милета, но мы не знаемъ, какъ были использованы полученные отъ востока образцы, которые непосредственно появились опять только въ византійскую эпоху, но, безъ сомнѣнія были живы и все промежуточное время. Относительно скульптуры мы можемъ, пожалуй, наблюдать такія вліянія въ широкомъ реализмѣ родосской школы съ ея группой Лаокоона, а также и въ Серапіонѣ въ Александріи, гдѣ въ обычаѣ было египетско-восточное расположеніе дворовъ и пилоны. Восточные обычаи и пороки, восточная вѣра и восточныя суевѣрія медленно проникаютъ въ эллинизмъ. Жизненный центръ тяжести лежитъ въ крупныхъ греческо-восточныхъ городахъ востока. Греція, въ тѣсномъ смыслѣ, мало производитъ великихъ людей; умственные центры возникаютъ на востокѣ, и на западѣ, въ Сициліи и Италіи.

D. Римское господство (146 до Р. Х. по 395 послѣ Р. Х.).

Римское владычество является для имущихъ классовъ какъ бы залогомъ мира и порядка. Такъ какъ въ общинномъ управленіи государствъ-городовъ имѣется еще много политическихъ элементовъ, то римляне не могутъ подавить политической жизни, и грекамъ кажется, что они пользуются еще политической свободой. Только когда Сулла уничтожаетъ значеніе Аѳинъ, когда берега и святилища Греціи становятся ареной неистовства киликійскихъ пиратовъ, тогда только проявляется въ полной мѣрѣ жалкое положеніе Эллады. Правда, Акрокоринѳъ возрождается, благодаря Цезарю, изъ развалинъ, и самый Коринѳъ становится цвѣтущимъ, торговымъ городомъ, но только въ качествѣ римской колоніи, въ которой господствуютъ латинскій языкъ, римскіе нравы и римское управленіе. Всѣ остатки самостоятельности, всѣ новые запасы силъ, извлеченные изъ старыхъ формъ, изъ пестрой смѣси народонаселенія Аѳинъ, вновь образовавшейся послѣ завоеванія Суллы,—все это было окончательно уничтожено Августомъ; онъ далъ независимость Эретріи и Эгинѣ, и Спартѣ также пришлось быть свидѣтельницей того, какъ рядомъ съ ней была основана „свободная Лаконія“ (составленная изъ 24 прежнихъ городовъ періойковъ). Новая римская колонія образуется въ Патре, на счетъ благосостоянія сельскаго населенія, которое принуждаютъ сконцентрироваться въ новыхъ поселеніяхъ, также и греческая колонія въ Никополисѣ. Императоръ, державшійся того мнѣнія, что можно стричь провинціи, но не слѣдуетъ сдирать съ нихъ шкуру, освободилъ на короткое время Грецію отъ произвола сенатскихъ провинціальныхъ намѣстниковъ, соединивъ Македонію и Ахаю съ императорской провинціей Мезіей.

Провозглашеніе Нерономъ свободы, подтвержденное въ недавнее время документальными данными, было только мѣропріятіемъ, облегчавшимъ финансовое положеніе и обозначало, что Греція будетъ впредь свободна отъ податей; но это не помѣшало Нерону предпринять послѣ пожара Рима систематическое разграбленіе художественныхъ произведеній Греціи. Веспасіаномъ эта свобода отъ податей была вновь уничтожена.

Эпоха возрожденія во 2 столѣтіи вызываетъ всюду энтузіазмъ къ старой греческой культурѣ. Изъ римскихъ императоровъ самымъ блестящимъ представителемъ этого направленія былъ Адріанъ. Воодуше-

вляемый почтительной любовью, онъ не только возстановляетъ старинныя зданія, какъ напр. храмъ Зевса Олимпійскаго въ Аѳинахъ и строитъ новые храмы, но заботится также и о практическихъ потребностяхъ грековъ: устраиваетъ водопроводы и дороги, напр. дорогу изъ сѣверной Греціи въ Пелопоннесъ, а также собираетъ, въ цѣляхъ улучшенія правового порядка, въ одно цѣлое всѣ мѣстные юридическіе обычаи. Императорскому примѣру подражаетъ Тив. Клавдій Аттикъ Иродъ (101—177; Одеонъ). Въ Аѳинахъ расцвѣтаетъ высшая школа, и выборы риторовъ пріобрѣтаютъ такое же значеніе, какъ нѣкогда выборы государственныхъ чиновниковъ. По стеченію людей на пиѳійскія, олимпійскія игры, можно было бы почти подумать, что древняя Эллада процвѣтаетъ по-прежнему, а такое мнѣніе подтверждалось еще той жизненной силой, которую до сихъ поръ обнаруживали старыя нарѣчія. Но страшная задолженность землевладѣльцевъ и всего населенія открываетъ глаза на соціальный упадокъ Греціи, изъ которой деньги утекаютъ при полномъ отсутствіи притока значительныхъ доходовъ: благородные металлы необычайно поднимаются въ цѣнѣ.

Правда, Греція востока, благодаря дарованію Каракаллой гражданскихъ правъ всѣмъ подданнымъ Римской имперіи, пріобрѣтаетъ на востокѣ господствующее значеніе. Но Греція въ тѣсномъ смыслѣ ничего отъ этого не выиграла. Навѣрное произошелъ значительный отливъ народонаселенія въ страны востока, въ новый свѣтъ, и Греція стала еще болѣе безлюдной. Аѳины, воины которыхъ храбро сражались подъ предводительствомъ историка Гереннія Дексиппа, пострадали отъ вторженія готовъ и геруловъ менѣе, чѣмъ Аргосъ и Коринѳъ; но послѣдній мы видимъ въ 267 году уже опять въ числѣ значительнѣйшихъ городовъ Греціи. Въ области же духовной культуры Аѳины со своей блестящей высшей школой все еще продолжаютъ занимать первое мѣсто, хотя часть ихъ художественныхъ сокровищъ, точно такъ же какъ и сокровищъ другихъ городовъ, должны были очутиться въ Константинополѣ. Своими чудными статуями и своей древней славой Аѳины плѣнили короля готовъ Алариха, такъ что онъ заключилъ съ ними договоръ о сдачѣ. Наоборотъ—Коринѳъ, Немея, Аргосъ, Спарта были разграблены готами.

2. Византія.

А. Основаніе Византійской имперіи.

Едва образовалось изъ римскаго родового государства италійское чиновничье государство, какъ оно уже подпало подъ власть военнаго деспотизма. Августъ, правда, обставилъ основанную имъ военную монархію, одержавшую верхъ послѣ 70 лѣтней борьбы, настолько мягкими формами, что она, опираясь юридически на войско и чиновниковъ, казалась болѣе гражданской властью, управляющей при участіи сената. Но уже скоро, въ первомъ же столѣтіи, гвардія, часть войска, всего ближе стоявшая къ источнику власти, выступила на передній планъ и получила рѣшающій голосъ при освобожденіи и занятіи вновь престола. Тогда всему міру сталъ, по выраженію Тацита, „извѣстенъ секретъ“ провозглашенія императоровъ, и провинціальныя войска также не хотѣли отстать въ этомъ. Послѣ этого въ теченіе сравнительно долгаго времени адоптаціей, выборомъ наилучшихъ лицъ, обезпечивался имперіи внутренній міръ и внутреннее могущество; но наслѣдственность уже при первомъ представителѣ, при Коммодѣ, принесла съ собой прежніе невозможные порядки. Въ теченіе 90 лѣтъ до Діоклетіана „правятъ“ почти 50 императоровъ: двое изъ нихъ пали отъ руки внѣшнихъ враговъ, двое отказались отъ престола и одинъ

мирно скончался; всѣ остальные умерли насильственной смертью. Всѣ узы порядка теперь порваны; земледѣліе и скотоводство, промышленность и торговля не существуютъ болѣе; имперія представляетъ изъ себя обширную пустыню; Италія постепенно завоевывается маляріей; города являются лишь памятниками лучшихъ временъ.

Тогда иллиріецъ Діоклетіанъ, по всей вѣроятности албанскаго происхожденія, возстановилъ заново имперію, раздѣливъ ее, впрочемъ, на четыре части, измѣнилъ положеніе императоровъ, придавъ имъ характеръ восточныхъ царей, перенесъ центръ тяжести на востокъ и, превративъ Римскую имперію въ кастовое государство, создалъ общественную организацію, основныя черты развитія которой можно было предвидѣть заранѣе.

а) Западъ опережается востокомъ.

Константинъ познакомился съ восточной культурой при дворѣ Діоклетіана въ Никомедіи. Эллинизмъ и христіанство были силы, съ которыми императорская власть должна была не только заключить союзъ, но и вступить въ обязательственныя отношенія. Малая Азія, Сирія и Египетъ были главными странами, подчинившими себѣ прежде всего эти силы. Пусть надъ древней культурой Сиріи и Египта висѣли сумерки старческаго покоя; ѳракійско-малоазіатскіе слои населенія, частью пропитанные греческой образованностью, частью не затронутые ею, совершенно не романизированные, производили тогда впечатлѣніе жизненной свѣжести и внушали надежду на будущее. Здѣсь, въ Малой Азіи, недовольство господствовавшими на востокѣ смѣшанными восточно-греческими культами повело къ религіозному почитанію императора. Кромѣ того, здѣсь новое христіанское ученіе не встрѣчало противодѣйствія въ древнихъ, фанатическихъ культахъ и могло, подобно пламени въ открытой степи, распространиться по всей странѣ, такъ что Малая Азія становится первой христіанской страной. Слово спасенія раздается сперва въ городахъ и проникаетъ затѣмъ въ отдаленнѣйшія деревни и хижины, такъ что храмы стоятъ пустые, древнія священныя празднества болѣе не празднуются, а жертвенныя животныя не находятъ себѣ покупателей (см. отчеты Плинія Младшаго императору Траяну о Битиніи, 111—113). Уже въ эпоху императора Марка Аврелія здѣсь могло въ высшихъ слояхъ интеллигенціи составиться убѣжденіе, высказанное епископомъ Сардскимъ Мелитомъ, что всемірная христіанская религія и всемірная Римская имперія родились одновременно и были другъ для друга источникомъ счастья и процвѣтанія: „Эта наша философія выросла, правда, первоначально среди другого народа. Но когда она стала цвѣсти потомъ въ этихъ провинціяхъ, при твоемъ предшественникѣ Августѣ, она сдѣлалась для твоей имперіи источникомъ особаго благоденствія, ибо, начиная съ этого времени, Римская имперія стала расти и пріобрѣтать все большій блескъ, Римская имперія, которой ты желанный правитель, какимъ и останешься вмѣстѣ со своимъ сыномъ, если будешь покровительствовать этой философіи, народившейся при Августѣ и возросшей вмѣстѣ съ имперіей, философіи, къ которой, наряду съ другими религіями, относились съ уваженіемъ и твои предки“. Маркъ Аврелій слишкомъ далеко стоялъ отъ этого призыва, далеко въ переносномъ и въ буквальномъ смыслѣ; и пожеланіе Мелита было исполнено только Константиномъ. И христіанство проникло въ самые низшіе слои населенія, не затронутые эллинизмомъ, въ которыхъ живъ былъ еще первобытный ѳракійскій и мало-азіатскій дикій религіозный энтузіазмъ. Христіанская церковь преобразуетъ древнія празднества; новые дни, посвященные памяти мучениковъ, празднуются подобно древнимъ празднествамъ Кибеллы съ шумной пышностью; и въ другой сектѣ, въ сектѣ Мессаліанъ, проявляется дикій религіозный энтузіазмъ древняго населенія; основателемъ

христіанской секты былъ, по всей вѣроятности, бывшій жрецъ Кибелы (Монтанъ); женщины въ качествѣ пророчицъ играютъ большую роль и въ новой религіи, пастухи становятся мучениками новаго ученія. Такимъ образомъ, живая дѣятельность мало-азіатскихъ христіанскихъ общинъ вызываетъ признаніе даже у насмѣшника Лукіана. Изъ кападокійской церкви произошло христіанство готовъ, и здѣсь подготовляется событіе, послужившее примѣромъ и образцомъ для Константина: Арменія становится первымъ христіанскимъ государствомъ (см. ниже).

Какой тусклой и жалкой кажется по сравненію съ этимъ жизнь запада! По мѣрѣ того, какъ старился западный міръ, приходила въ упадокъ и его наука; образовательныя искусства выродились въ грубое ремесленное производство, а поэзія превратилась въ глупую игру. Въ рельефахъ все вниманіе обращено на моментальный эффектъ свѣта и тѣни, что достигается глубокой вырѣзкой рельефныхъ фигуръ; симметрическое единство доходитъ почти до „застывшей кристаллизаціи“, между тѣмъ какъ любовное вниканіе въ подробности окружающаго міра совершенно отсутствуетъ, и такимъ образомъ, вмѣсто художественнаго воспроизведенія получаются ремесленные, шаблонные намеки, какъ мы видимъ, напр., въ продольныхъ полосахъ на аркѣ Константина, помѣщенныхъ подъ украденными прекрасными рельефами, относящимися къ лучшимъ временамъ. Совершенно таковы же и геммы; такъ напр., камея изъ Ахатоникса съ изображеніемъ тріумфальнаго въѣзда Константина II въ Римъ, на которой римскій народъ изображенъ четырьмя фигурами кретиновъ; или сардониксъ съ изображеніемъ тріумфа Лицинія надъ Максиминомъ. Въ выпуклыхъ изображеніяхъ, какъ нѣкогда въ произведеніяхъ пелопонесской школы Поликлета, отсутствуетъ всякое душевное движеніе, но при этомъ нѣтъ и очаровательныхъ тѣлесныхъ формъ, присущихъ упомянутой школѣ и свидѣтельствующихъ объ удивительномъ знаніи природы. Въ этихъ головахъ Константина замѣчается не пренебреженіе тонкой моделировкой, а скорѣе ремесленная неспособность къ наблюденію.

Какъ одряхлѣлъ Римъ и въ отношеніи литературы! Даже ораторскія школы галловъ много превосходили по своему значенію преподаваніе въ столицѣ. Константинъ имѣлъ случай въ 311 г. въ Галліи познакомиться съ этимъ тонкимъ языкомъ и его грубой лестью по отношенію къ нему и другимъ императорамъ, особенно въ устахъ директора галльской школы Евменія, по происхожденію грека. Онъ могъ убѣдиться при этомъ, что здѣсь умы были еще менѣе глубоки, чѣмъ въ столицѣ, но также и въ томъ, что и здѣсь нельзя было искать зародышей возрожденія. Поэзія остановилась на смѣшныхъ стихотворныхъ фокусахъ, стихахъ, которые можно читать задомъ на передъ, или такихъ, у которыхъ начало каждой строки повторяется въ концѣ слѣдующей, на стихотворныхъ руководствахъ къ медицинѣ (рецепты), метрикѣ и охотѣ, на спорѣ между поваромъ и булочникомъ. Дальнѣйшее ея развитіе прекратилось. Сальности и неостроумныя плоскости дѣлали болѣе популярными выводимыя фигуры боговъ; болѣе притязательные умы могли находить удовольствіе въ игрѣ, заключавшейся въ складываніи стиховъ, въ стихотворныхъ попурри, составленныхъ только изъ разныхъ отрывковъ старыхъ поэтовъ, при чемъ такимъ образомъ была составлена даже настоящая трагедія („Медея“ въ Codex Salmasianus), или, наконецъ, въ „геометрическихъ“ стихахъ, въ которыхъ можно было читать и по діагоналямъ или въ которые была вплетена монограмма Христа. Къ сожалѣнію, всѣ эти фокусы нравились также и императору.

Насколько иначе обстояло дѣло на востокѣ, гдѣ наружу пробивались еще подземные ручьи, гдѣ дѣйствовало еще вліяніе великой эпохи востока и эпохи греческаго творчества! Правда, и здѣсь поэзія не могла избавиться вполнѣ отъ вліянія старческой усталости, характеризующей эту

эпоху: математическія задачи въ формѣ эпиграммъ доказываютъ упадокъ поэтическаго вдохновенія. Но здѣсь процвѣтала еще красивая александрійская поэзія во вкусѣ рококо; поэты изъ Малой Азіи, Египта и Сиріи, позднѣе усердно культивировавшіе эпосъ и романъ, являются продолжателями греческой поэзіи (Квинтъ изъ Смирны, Ноннъ) или же работаютъ въ атмосферѣ греческо-восточныхъ новеллъ (сирійскій семитъ Геліодоръ).

Гораздо цѣннѣе для возрожденія прежняго величія и созданія новой христіанско-греческой культуры были образовательныя искусства, какъ они кулитивировались на востокѣ. Уже въ ранній періодъ, въ самой христіанской странѣ (Малой Азіи), надгробные памятники изображали событія, прославлявшія этихъ героевъ вѣры и возбуждавшія преклоненіе передъ ними въ сердцахъ соотечественниковъ. „Въ краскахъ художникъ приносилъ цвѣты своего искусства; на картинѣ онъ изображалъ подвиги мученика, его стойкость, его мученія, мрачныя фигуры насильниковъ, ихъ насмѣшки и, наконецъ, человѣческій образъ Христа, ради котораго велась эта борьба"; такъ описываетъ между 379 и 397 гг. Григорій изъ Ниссы типическія изображенія мучениковъ, такія, какія украшаютъ напр. капеллу Θеодора Тирона въ Евкамитѣ. Въ капеллѣ мѣстной святой Халкедона, Евфеміи, имѣется цѣлый рядъ такихъ картинъ, и онѣ вызываютъ удивленіе и похвалу епископа Астерія Амазейскаго, въ особенности удачнымъ изображеніемъ души героини-святой.

Богатая архитектура большихъ греческихъ городовъ давала цѣнные образцы великому императору-строителю, желавшему проложить дорогу къ сліянію христіанства съ эллинизмомъ. Церковь апостоловъ въ Константинополѣ, большая церковь въ Антіохіи и церковь гроба Господня въ Іерусалимѣ навѣрное служили образцами церковной архитектуры для позднѣйшихъ временъ и стоятъ, такимъ образомъ, въ началѣ новаго періода развитія. Но онѣ являются съ своей стороны также и послѣдними звеньями въ цѣпи греческо-восточныхъ зданій и архитектурныхъ украшеній предыдущаго столѣтія. Колоссальная базилика съ ея башнеобразными придѣлами, церковь съ крестовымъ куполомъ, построенная въ формѣ открывающагося полукругомъ квадрата, сооружены по восточнымъ образцамъ. Первая—по образцу гетитійскаго Илани (см. т. III, стр. 124), вторая напоминаетъ пещерныя могилы Сидона, катакомбы Александріи и Пальмиры, послужившія потомъ образцами и для надземныхъ построекъ (Преторія Мусмійи) и даже имѣвшія уже висячій куполъ (Джерашъ и Куфръ-енъ-Нуейсъ). Украшенія церкви гроба Господня увѣнчаны сирійско-греческими завитками и глубоко вырѣзанными листьями (какъ въ Баалбекѣ и Спалатѣ).

Одинъ изъ позднѣйшихъ историковъ называетъ Константина реформаторомъ и разрушителемъ старыхъ законовъ. Мы можемъ фактически доказать, что отдѣльные правовые принципы грековъ были перенесены въ законодательство Константина, такъ напр., имущество матери переходило по наслѣдству къ дѣтямъ, а отецъ пользовался только доходами его, какъ видно изъ закона Гортина. Такимъ образомъ, вытѣсненіе на задній планъ римскаго элемента и предпочтеніе, оказываемое въ области права,—греческому, перенесеніе центра имперіи на востокъ и принятіе христіанства въ число признанныхъ закономъ религій, — все это представляетъ изъ себя цѣпь съ плотно сомкнутыми звеньями, цѣпь, начало которой коренится въ убѣжденіи, что жизнеспособными странами являются Малая Азія и Востокъ, между тѣмъ какъ Западъ сыгралъ уже свою шестисотлѣтнюю роль.

b) Превращеніе Византіи въ столицу міра—„Константинополь".

Такимъ образомъ, Константинъ выбираетъ на границѣ Азіи и Европы мѣсто, своимъ прекраснымъ положеніемъ на морѣ вполнѣ удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ новой столицы міра: въ разсчетъ при этомъ приняты

только сѣверозападный уголъ Малой Азіи и лежащая напротивъ часть Европы. Находясь въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ новымъ центромъ— съ Малой Азіей и съ Востокомъ, недалеко отъ чудесныхъ проконезійскихъ каменоломенъ, имѣя хорошее сообщеніе съ областью Дуная и иллирійской группой земель, старинный греческій городъ Византія (превосходное военное и торгово-политическое положеніе ея признано было уже Дельфійскимъ оракуломъ), гораздо болѣе могла соотвѣтствовать желаніямъ Константина, чѣмъ мѣстность около Иліона и Александрія въ Троасѣ. Въ борьбѣ съ Лициніемъ онъ имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что, кто владѣлъ мѣстомъ, гдѣ Босфоръ соединяется съ Пропонтидой, т. е., кто владѣлъ Византіей, тотъ могъ стать очень непріятнымъ своему противнику: Лициній, владѣя этимъ городомъ, загородилъ проходъ въ Азію; съ момента же потери его Константинъ не могъ болѣе оказывать успѣшнаго сопротивленія (Т. IV, стр. 452 и слѣд.).

Съ іюля по августъ 325 г. этотъ новый Римъ украшается многочисленными зданіями; 26 ноября 328 г. кладется первый камень для расширенія окружной стѣны (до 23 километровъ длины), въ тотъ день, когда солнце вступило въ созвѣздіе Стрѣльца. 11 мая 330 г. послѣдовало освященіе новаго города, который былъ такъ дивно раскинутъ между моремъ и врѣзывающейся на западѣ бухтой. И теперь дѣлалось съ сознательной энергіей все возможное, чтобы поощрить почти безпримѣрный расцвѣтъ этой новой столицы. Одинъ изъ двухъ консуловъ назначается въ Константинополь. Изъ Рима приглашаются сенаторы и получаютъ дома и имѣнія на азіатской и на европейской сторонѣ Босфора; землевладѣльцы въ сосѣднихъ приходахъ пользуются правомъ дѣлать завѣщанія только въ томъ случаѣ, если имѣютъ домъ въ Константинополѣ. Чернь же привлекается раздачей хлѣба, вина и масла. Для послѣдователей новаго ученія Константинъ соорудилъ свою церковь Апостоловъ, а также и мавзолей, преобразовавъ для христіанскаго міра малоазіатскій открытый квадратъ для гробницъ (см. выше), послужившій образцомъ для церкви съ крестовымъ куполомъ. Древніе культы сохранились только отчасти: подобно Діанѣ, Гекатѣ и Венерѣ должна была и Паллада уступить мѣсто Поліухѣ (Панагіи Поліухѣ). Простыя передѣлки были многочисленны (какъ напр., передѣлка богини Кибелы въ молящуюся); названія дней превратились въ святыхъ (святой Саббасъ). Но въ молодомъ христіанскомъ городѣ все еще строились новые храмы древней Тихѣ и діоскурамъ.

Христіанство не создало еще высоко стоящаго религіознаго искусства, оно старается еще сначала образовать основныя формы. Такимъ образомъ, столица должна была заимствовать свои украшенія у древняго язычества. Весь обширный греко-римскій міръ долженъ былъ содѣйствовать этому: въ огромномъ количествѣ привозятся статуи въ „Цвѣтущую“. Передъ дверьми залы сената возвышаются теперь Паллада изъ Линдоса и Зевсъ изъ Додоны; на ипподромѣ была поставлена знаменитая змѣиная колонна изъ Дельфъ. Какъ Римъ имѣлъ свои императорскіе форумы, такъ и городъ Константина получилъ свой форумъ Константина, обширную овальную площадь, окруженную галлереями, съ могучей порфировой колонной (теперь обгорѣлая колонна Джемберли Ташъ), на верхушкѣ которой находилась статуя императора, изображеннаго въ видѣ Аполлона-Геліоса.

c) Начало византійской исторіи.

Византія была основана, и теперь начинается византійская исторія, все равно, назовемъ ли мы ее такъ, или предпочтемъ названіе восточно-римской, или же выберемъ имя ромейской, такъ какъ византійцы называли себя по гречески римлянами (*Ρωμαῖοι*).

Характеръ этой восточно-римской имперіи, опредѣляющійся ея состав-

ными частями — греческимъ, восточнымъ, и христіанскимъ элементомъ, примыкаетъ сначала къ діоклетіано-константиновскому кастовому государству (см. стр. 29). Вся имперія является смирительнымъ домомъ: всѣ занядія переходятъ по наслѣдству, наслѣдственные арендаторы и общинные товѣты, цехи и войско — все это пенитенціарныя заведенія, въ которыя упрятываютъ даже преступниковъ. Всѣ слои общества раздѣлены ненавистью, стремятся въ разныя стороны, пропасть отдѣляетъ благородныхъ отъ людей низкаго происхожденія, которые не имѣютъ даже права жаловаться на первыхъ въ судъ. Упадокъ торговли, отсутствіе всеобщей безопасности, порча монеты — все это повело къ паденію денежнаго хозяйства и къ необычному возрожденію натуральнаго хозяйства. Теперь должны были оказать цѣлительное дѣйствіе новые элементы, свѣжая струя должна была оросить это одряхлѣвшее общество.

Юліанъ Отступникъ (361—363 гг.) пытается еще разъ разрушить планы Константина. Ему кажется, что язычество еще способно къ возрожденію. Мистеріи Митры, бога солнца, которому онъ посвящаетъ почти вдохновенный этюдъ, привлекаютъ его съ непреодолимой силой, послѣ того, какъ онъ былъ введенъ философомъ Максимомъ Ефесскимъ въ тайное собраніе почитателей этого бога. Хотя восточный культъ солнца и былъ чрезвычайно распространенъ на востокѣ, но Юліанъ совершенно упустилъ изъ вида, что этотъ культъ остался совершенно чуждъ областямъ съ господствующимъ греческимъ языкомъ и нигдѣ тамъ не укоренился. Такъ какъ восточныя религіозныя вліянія не находили никакой почвы въ эллинизмѣ, то было крупной ошибкой думать, что въ солдатскую религію можно ввести идеи Платона. Эта попытка соединенія греческихъ и восточныхъ религіозныхъ элементовъ должна была кончиться неудачей точно такъ же, какъ и устраненіе христіанства, послѣдователи котораго, какъ ему казалось, не получали этическаго воспитанія. Также должно было не удаться и соединеніе неоплатоническихъ идей съ суевѣрной народной религіей. Для новой „византійской“ имперіи христіанство было необходимѣйшимъ элементомъ, руководство которымъ являлось прерогативой императора: поэтому то Константинъ самолично предсѣдательствовалъ на Никейскомъ Соборѣ. Во главѣ новаго процесса развитія стоитъ не только интересъ къ религіознымъ спорнымъ вопросамъ, но и рѣшеніе ихъ самимъ императоромъ: цезаропапизмъ.

d) Нашествіе гунновъ; раздѣленіе Римской имперіи.

Между тѣмъ подъ натискомъ варварскихъ народовъ имперія начинаетъ расшатываться. Народъ наѣздниковъ на сѣверѣ Китая, навѣрное, тюркскаго (а не лезгинскаго) племени, называвшійся Гіунгъ-ну, около 50 г. до Р. Х. раздѣлился на двѣ части; южная часть покорилась китайцамъ, другая же, представлявшая изъ себя жаждущую завоеваній армію, двинулась въ походъ подъ предводительствомъ Чи-чи, завоевала царство Ву-сунъ (Усунъ) у подножья Тянь-шаня и обосновалась въ странѣ киргизовъ. По китайскимъ источникамъ мы можемъ прослѣдить какъ дальнѣйшее движеніе до области между озеромъ Балкашемъ и Аральскимъ моремъ, точно такъ же какъ и связь этой части народа съ Гіунг-ну, оставшимися на родинѣ, въ Китаѣ (Ку-цангъ).

Благодаря отставанію слабыхъ, составился подборъ лучшихъ, которые, несмотря на свою малочисленность, покорили многіе сильные народы, и такимъ образомъ осуществились слова Чи-чи: „Ведя боевую жизнь наѣздниковъ, мы составляемъ народъ, имя котораго наполняетъ ужасомъ всѣхъ варваровъ... и хотя мы умремъ, но слава нашей храбрости будетъ жить, и наши дѣти и внуки будутъ вождями народовъ“.

На Волгѣ были покорены аланы. Затѣмъ натискъ безпощаднаго народа

поразилъ вестготовъ, которые по ихъ просьбѣ были приняты въ Римскую имперію. Но неспособность и измѣна римскихъ чиновниковъ повели къ войнѣ; къ вождю Фритигерну присоединялись со всѣхъ сторонъ колоны, рабы, рудокопы, должники. Жутко стало жить теперь во всѣхъ германскихъ областяхъ вплоть до Эльзаса, куда алламанны слишкомъ рано вторглись. Фритигернъ еще разъ требуетъ уступки Ѳракіи. Отказъ со стороны императора Валента привелъ къ кровавой рѣшительной битвѣ при Адріанополѣ (9 августа 378 года), въ которой Валентъ былъ убитъ. Теперь германская опасность становится огромной. Если бы побѣдили аріанскіе готы, то ортодоксальное противотеченіе усилилось бы тѣмъ болѣе. Заключенный въ 382 г. испанцемъ Ѳеодосіемъ (императоръ 379—395 гг.) миръ признаетъ готовъ въ Мезіи союзниками (foederati); и вообще германскому вліянію широко открываются двери въ войскѣ и въ гражданскомъ управленіи. Франкъ Рихомеръ (Рицимеръ, Рикомеръ) является военачальникомъ и консуломъ, вандалъ Стилихонъ военачальникомъ и мужемъ Серены, племянницы и пріемной дочери императора.

Раздѣленіе имперіи Ѳеодосіемъ на западную и восточную области становится теперь окончательнымъ фактомъ. Съ раздѣленіемъ канцеляріи императоровъ на греческое и на римское отдѣленіе сталъ дѣлаться послѣдній выводъ изъ разницы между латинской и греческой частями имперіи. Діоклетіанъ и потомъ Константинъ продолжали дѣйствовать въ томъ же духѣ, и, наконецъ, раздѣленіе совершилось, но не тогда, когда Аркадій и Гонорій были назначены императорами Запада и Востока (Ѳеодосій назначилъ Стилихона регентомъ для обоихъ и, слѣдовательно, едва ли имѣлъ въ виду окончательное раздѣленіе имперіи), а лишь въ тотъ моментъ, когда (въ 425 г.) Ѳеодосій II или его сестра Пульхерія признали Валентиніана III императоромъ Запада. Раздѣленіе законовъ объявлется только въ 438 году, и еще къ 468 году относится одинъ законъ, общій для Запада и Востока. Признаніе Константинополя все еще кажется необходимымъ Западу: въ 472 г. Юлій Непотъ признается императоромъ Запада Леономъ I Ѳракійцемъ.

Но имперіи ромейцевъ суждено было все-таки пойти по собственному пути развитія, который мы называемъ византійскимъ или восточно-римскимъ. Церковь новаго Рима подчинена мнѣнію императора, который въ 381 году на соборѣ въ Константинополѣ разорвалъ письмена, казавшіяся ему неправильными; такимъ образомъ, является только естественнымъ, что санъ епископа былъ поставленъ по рангу непосредственно послѣ римскаго, и въ этомъ также проявляется дуализмъ, полный символической силы. Съ другой стороны, императоръ подчиняется совѣту церкви. Публичнымъ церковнымъ покаяніемъ долженъ былъ Ѳеодосій искупить рѣзню въ циркѣ въ Ѳессалоникахъ (320 г.); Амвросій, который побудилъ Ѳеодосія къ этому покаянію, съ похвалой указалъ на такой фактъ въ своемъ надгробномъ словѣ императору. И на востокѣ уже проявляется вліяніе восточнаго искусства: въ сооруженныхъ между 388 и 381 годами, золотыхъ воротахъ Ѳеодосія Великаго замѣчаются на архитравѣ египетскія и сирійскія составныя части (желобокъ — высокая подушка). На порогѣ византійской жизни стоятъ, такимъ образомъ, эллинизмъ, христіанство и восточная культура.

B. Византійская имперія до Юстиніана.

Стремленіе къ достиженію цѣли политическаго и церковнаго соединенія восточныхъ провинцій прежней древне-римской имперіи узами греческой культуры, христіанства и преобладанія восточныхъ элементовъ населенія не обошлось безъ внутренней и внѣшней борьбы. Эта цѣль носилась, какъ высшій идеалъ, передъ глазами византійцевъ въ теченіе

почти шести столѣтій, начиная съ церковнаго объединенія всѣхъ восточныхъ вѣрующихъ, о которомъ говорится въ широко растяжимомъ исповѣданіи вѣры (генотиконъ) патріарха Акакія, опубликованномъ (482 г.) императоромъ Зенономъ, вплоть до разрушенія свѣтскаго могущества востока битвой при Манцикертѣ (Малацкердъ, Меласгердъ; 1071 г.), когда были окончательно потеряны Каппадокія, Арменія и восточная Малая Азія.

Сплоченіе затрудняли въ древне-византійскій періодъ чужія народности, германцы и гунны, какъ позднѣе персы, арабы и турки; но въ этой борьбѣ Византія оказалась все-таки передовой культурной силой. И внутри имперіи съ того дня, какъ императоръ Константинъ — въ своемъ цезаропапизмѣ истинный предшественникъ Юстиніана — заявилъ притязаніе на право утверждать пріемъ въ церковь и смѣщать непокорныхъ епископовъ, и до дня опубликованія единаго символа вѣры для всего востока, церковное объединеніе значительно прогрессировало. На пути этого прогресса важнѣйшими фактами были во-первыхъ, безпощадное подчиненіе Іоанномъ Хризостономъ Малой Азіи церковной власти Константинополя, затѣмъ, происшедшая подъ давленіемъ столичной черни, выдача Нестора который, совершенно въ согласіи со своей родной сирійской богословской школой, возставалъ противъ слишкомъ большого значенія, придаваемаго культу Маріи, и наконецъ борьба противъ египетскаго духа сепаратизма. Здѣсь зашли правда сначала дальше цѣли; страхъ передъ іерархомъ Александріи, который на Эфесскомъ соборѣ (449 г.) былъ провозглашенъ вселенскимъ архіепископомъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ также пользовался большимъ значеніемъ, чѣмъ намѣстникъ императора, привелъ къ низложенію тогдашняго патріарха Александріи (Діоскура) на Халкедонскомъ соборѣ подъ предсѣдательствомъ императорскихъ комиссаровъ. Одновременно съ уничтоженіемъ притязаній александрійскихъ патріарховъ въ привилегированное положеніе былъ поставленъ патріархъ византійскій, который былъ, однако, лишь орудіемъ въ рукахъ находившагося тутъ же императора; но, наконецъ, наступаетъ ослабленіе строгой централизаціи и сирійцамъ и александрійцамъ дается возможность оставаться въ томъ же церковномъ союзѣ. Да и какъ можно было обходиться долгое время именно безъ нихъ въ культурномъ мірѣ, который слѣдуетъ руководству востока въ созданіи типовъ въ области пластики, мозаики и миніатюрной живописи, въ культурномъ мірѣ, который и въ области архитектуры (церковныя постройки, пилоны, колонныя цистерны) живетъ вліяніями востока? Но персидская церковь, какъ церковь несторіанская, все-таки отдѣлилась.

Храбрость войска не воспрепятствовала расширенію господства гунновъ въ области Дуная. Образовалось государство, которое, обладая чрезвычайно слабой степенью централизаціи, простиралось отъ Даніи черезъ нѣкоторыя части Германіи, черезъ Россію и Венгрію вплоть до теперешней Сибири. Гунны принимались въ войска Западной и Восточной Римской имперіи; греки и римляне жили среди гуннскаго народа, довольные, что ушли отъ невыносимыхъ порядковъ Римскихъ имперій. Грекъ, котораго около 448 г. византійскій посольскій писецъ Прискъ встрѣчаетъ у гунновъ, слѣдующимъ образомъ отзывается о восточно-римскихъ порядкахъ: онъ говоритъ, что чувствуетъ себя здѣсь лучше; въ Римской же имперіи уголовный законъ существуетъ только для бѣдныхъ, а преступленія богатыхъ остаются безнаказанными. Подобнымъ же образомъ отзывается на западѣ пресвитеръ Сальвіанъ изъ Массиліи: „Наши соотечественники, даже благороднаго происхожденія, уходятъ къ врагамъ и ищутъ у варваровъ римской человѣчности, такъ какъ не могутъ болѣе переносить варварской безчеловѣчности римлянъ“. Король гунновъ Аттила, который перенялъ въ своемъ деревянномъ дворцѣ между Дунаемъ и Тиссой всю роскошь культурныхъ странъ, но отъ себя лично, демонстративно гордясь

первобытною простотою своего наѣздническаго племени, отстранялъ всякую пышность, могъ стать опаснымъ для Восточной Римской имперіи; уже въ 447 году онъ стоитъ передъ воротами Константинополя, и отступленіе гунновъ было куплено дорогою цѣною мира, заключеннаго Ѳеодосіемъ II (единовременная уплата 6000 фунтовъ золота, кромѣ того ежегодная дань и потеря южныхъ придунайскихъ областей). Но цѣль Аттилы лежала на западѣ; на Мавріаценскихъ поляхъ (между Меромъ на Сенѣ и Труна) эта цѣль ускользнула отъ него, и этимъ была окончательно спасена Восточная Римская имперія.

Германцы играютъ въ Новомъ Римѣ, какъ и въ старомъ Римѣ, выдающуюся роль въ эту эпоху. Правда, послѣ одолѣнія Франка Арбогаста, провозглашавшаго императоромъ Евгенія (392 г.), высшее единое руководство имперіей было передано Ѳеодосіемъ въ руки вандала Стилихона; но при стремленіи врозь обѣихъ имперій эта передача обозначала собою только скромное желаніе, которое не могло болѣе осуществиться. Однако, этотъ вандалъ остановилъ все-таки и привелъ къ мирному концу греческій походъ вестгота Алариха, которымъ аріанскіе монахи пользовались въ цѣляхъ искорененія язычества, и при которомъ былъ разрушенъ чудный храмъ въ Елевзисѣ. Съ вспомогательными войсками Стилихона подошелъ къ Константинополю готъ Гайнъ, устранившій жестокаго Magister officiorum Руфина, соединившійся съ возставшимъ во Фригіи Комомъ Трибигильдомъ и вступившій съ побѣдоноснымъ войскомъ готовъ въ Константинополь. Тогда набожное столичное населеніе прогнало аріанцевъ-готовъ; готъ Фравитта позаботился затѣмъ объ окончательномъ уничтоженіи готскаго войска.

Умная опекунша и сестра Ѳеодосія II, Пульхерія, которая въ опекунствѣ слѣдовала за Антеміемъ, также принимала на службу много германцевъ. Когда нужно было исполнить трудное порученіе сопровождать на западъ тетку императора Плацидію, съ ея сыномъ Валентиніаномъ III, то это порученіе было дано готу (не алану) Ардабурію; имъ былъ фактически низложенъ незаконный императоръ Іоаннъ. Сынъ Ардабурія, Аспаръ, въ 434 г. былъ сдѣланъ консуломъ, позднѣе magister'омъ militum и патриціемъ. Послѣ смерти Ѳеодосія II, Пульхерія отдала свою руку храброму сенатору Маркіану изъ Ѳракіи (450 г.), который отличился на службѣ у Аспара. Онъ правилъ въ духѣ готовъ и имѣлъ мужество отказать гуннамъ въ уплатѣ дани, но онъ спокойно смотрѣлъ на успѣхи вандаловъ, которые въ то время заняли Мавританію. Характернымъ для этихъ готсковандальскихъ симпатій является тотъ фактъ, что уже раньше племянникъ Аспара предлагалъ императору Ѳеодосію помощь противъ всякихъ враговъ, кромѣ вандаловъ.

Послѣ смерти Маркіана Аспаръ изъ-за своего аріанскаго вѣроисповѣданія отказался отъ византійской діадемы, но онъ все-таки, подобно Рикимеру на западѣ, возведшему на престолъ сначала Майоріана и затѣмъ Севера, 7 февраля 457 г. сдѣлалъ императоромъ военнаго трибуна Леона Ѳракійца или, какъ его называли византійцы, Макелла (мясника), который по своей необразованности казался ему безопаснымъ. Но послѣдній считалъ обязанности, возлагаемыя принятой короной, выше благодарности къ дѣлателю царей, Аспару, и поэтому онъ отказался „подчинить собственное сужденіе и общественный интересъ волѣ подданнаго“, какъ объ этомъ сообщаетъ Георгій Кедренъ, авторъ, у котораго критика вообще отсутствуетъ, но который въ данномъ случаѣ опирается на исаврянина Кандида, превосходно освѣдомленнаго современнаго историка эпохи императоровъ Леона и Зенона. Освободившаяся отъ готскаго вліянія политика Леона была направлена прежде всего къ борьбѣ съ вандалами. Но походъ 468 г. кончается позорно, и кажется, что безъ готскаго вліянія ни въ чемъ нѣтъ удачи. Такимъ образомъ, Леонъ былъ принужденъ

сдѣлать цезаремъ сына Аспара. Но уже въ 471 г. Леонъ посредствомъ убійства освободился отъ Аспара и одного изъ его сыновей, между тѣмъ какъ новый цезарь и третій сынъ Аспара спаслись.

Германское преобладаніе начинаетъ уже теперь вытѣсняться восточнымъ вліяніемъ. Леона защищаютъ исаврійскіе тѣлохранители, и руку дочери императора получаетъ исаврянинъ Траскализай, который, подъ именемъ Зенона, сталъ въ ноябрѣ 474 г. императоромъ Византіи. Съ появленіемъ племянника Аспара, остгота Ѳеодориха Страбона, сына Тріарія, и Амала Ѳеодориха, сына остгота Ѳеодемира, судьбы Византіи начинаютъ опять зависѣть отъ германцевъ. Годы 478 — 481 были свидѣтелями отчаянной борьбы, при чемъ то императоръ пользовался Амаломъ противъ Ѳеодориха Страбона, то оба Ѳеодориха возставали противъ императора, то опять императоръ оказывался въ союзѣ со Страбономъ. Здѣсь появляются впервые (482 г.) на исторической сценѣ болгары, заключившіе союзъ съ Зенономъ; имя ихъ происходитъ отъ рѣки Волги, гдѣ болгары жили долго время. Послѣ смерти Ѳеодориха, сына Тріарія, Амалъ Ѳеодорихъ получаетъ земли, консульское и патриціанское достоинство, и наконецъ ему дается „порученіе“ завоевать Италію. Въ 488 году, въ тотъ годъ, когда Ѳеодорихъ отправился въ походъ съ цѣлью создать для себя на итальянской почвѣ новое царство, Восточная Римская имперія окончательно освободилась отъ германскаго вліянія.

Отдавъ свою руку всѣми уважаемому Анастасію I „Дикоросу“ изъ Епидамна, вдовствующая императрица желала опереться на силы греческой части Балканскаго полуострова; исаврійское солдатское господство удается уничтожить совершенно. Но при всемъ предпочтеніи, оказываемомъ интересамъ основной, европейской части имперіи, не удается все-таки побѣдить вторгающихся славянъ, болгаръ, для защиты отъ которыхъ должна была служить стѣна, тянувшаяся отъ Селимбріи на Пропонтидѣ до Деркона на Понтѣ; не удалось также избѣжать и войны съ Персіей, вызванной, главнымъ образомъ, заступничествомъ за персидскихъ армянъ. Разумное обращеніе съ князьями германцевъ ведетъ къ тому, что Ѳеодорихъ — будто онъ былъ римскимъ чиновникомъ — чеканитъ на своихъ монетахъ только изображеніе императора Анастасія (на серебряныхъ монетахъ имѣется еще и имя Ѳеодориха; только уже надпись изъ временъ императора Юстина, говорящая объ осушеніи понтійскихъ болотъ, даетъ Ѳеодориху титулъ императора [dominus]... semper Aug[ustus]). Далѣе Хлодовикъ принимаетъ знаки консульскаго достоинства, а можетъ быть, и титулъ патриція, точно также бургундскій король Гундобатъ и вестготскій король Аларихъ II: въ глазахъ германскихъ королей древняя Римская имперія продолжаетъ еще существовать нераздѣльной. Но несмотря на это, полнаго мира нельзя было сохранить и здѣсь, такъ какъ пришлось вести сосѣдскую войну съ Ѳеодорихомъ, но главное—три опасныя войны съ Виталіаномъ (вѣроятно потомокъ Аспара), который становится особенно опаснымъ, какъ пособникъ ортодоксальной столичной черни. Императоръ отличался въ концѣ концовъ монофизитическими наклонностями; союзъ съ Тразамундомъ, враждебнымъ католичеству королемъ вандаловъ, навлекъ на него подозрѣніе въ аріанствѣ; его обвиняли даже и въ ереси манихеевъ. Еще до возстанія Виталіана былъ разъ провозглашенъ другой ортодоксальный императоръ-соперникъ, процарствовавшій только недолгое время; послѣ того какъ Виталіанъ былъ побѣжденъ, палестинскіе монахи начали сильную оппозицію противъ византійскаго направленія.

Въ это время существующіе титулы (illustres=*ἰλλούστριοι*, spestabiles=*περίβλεπτοι*, clarissimi = *λαμπρότατοι*) получаютъ еще большее развитіе въ качествѣ знаковъ отличія; напримѣръ, чиновники канцелярій epistularum, libellorum, dispositionum при уходѣ на покой производятся въ clarissimi (396), точно также и advocati comitis rerum privatarum и proconsulis Asiae (427),

fisci patroni дѣлаются respectabiles (506), decuriones palatii получаютъ званіе illustres (415), точно такъ же какъ и другіе decuriones и silentiarii (432). Къ высшимъ чиновникамъ относятся: praefectus paetorio, prraefectus urbi, magistri peditum et equitum, praepositus sacricubiculi, magister officiorum, quaestor sacri palatii, comes sacrarum largitionum, comes sacrarum privatarum, comes domesticorum. На ряду съ традиціонными титулами появляются новые; такъ, напр., около 400 г. титулъ magnificus = μεγαλοπρεπέστατος, первоначально принадлежавшій градоначальнику, дается потомъ между прочимъ и консуламъ, и патриціямъ, затѣмъ титулъ императорскихъ чиновниковъ gloriosissimi = ἐνδοξότατοι, принятый можетъ быть для отличія ихъ отъ духовенства. Дѣти высшихъ чиновниковъ, будучи еще несовершеннолѣтними, получаютъ титулъ clarissimi. Dominus становится теперь уже титуломъ только второго ранга, до второго ранга опускается постепенно и nobilissimus (обозначеніе для членовъ императорскаго дома); градоначальникъ становится eminentissimus; появляется титулъ excellentissimus для сенаторовъ, бывшихъ консуловъ и патриціевъ. Уже въ 408/9 годахъ дѣлается различіе между родовой аристократіей (nobiliores natalibus), служилой аристократіей (honorum luce conspicui) и денежной аристократіей (patrimonio ditiores). Несмотря на христіанство, дворъ императора все еще называется sacer.

Уже въ этомъ періодѣ Византійской исторіи видно, какъ здѣсь окончательно устанавливается для всего міра форма церкви и ея ученій, какъ образуется штатъ чиновниковъ, вырабатывается должностной стиль и этикетъ, какъ новое содержаніе вливается въ старыя формы, и старое содержаніе сохраняется въ новыхъ размѣренныхъ формахъ. Въ то время какъ вокругъ весь ходъ жизни становится такимъ непостояннымъ, въ то время, какъ новый, находящійся въ броженіи міръ презираетъ или отбрасываетъ, не желая понять, всѣ традиціи, въ это время Византійская имперія, сохранившая даже до извѣстной степени порядокъ династическаго престолонаслѣдія, становится для молодыхъ германскихъ государствъ источникомъ авторитета и вмѣстилищемъ всѣхъ традицій Греціи и Рима, вмѣстилищемъ, которое вновь притекающіе восточные ручьи спасаютъ отъ застоя и гніенія.

C. Высшая точка расцвѣта древней Византіи при Юстиніанѣ.

a) Юстинъ.

Передъ смертью императора Анастасія, начальникомъ гвардіи былъ Юстинъ, человѣкъ крестьянскаго происхожденія изъ Таврезіума, около Бедеріаны въ Дарданіи (около теперешняго Ускюба на границѣ Албаніи). Высокое уваженіе, которымъ онъ пользовался у войскъ и духовенства, побудило евнуха Амантія, завѣдывавшаго императорскимъ казначействомъ, предложить въ императоры именно этого Юстина, хотя онъ и былъ крайне необразованъ и едва умѣлъ читать и писать. Самъ императоръ, уже старикъ, давно призвалъ въ столицу сына своей сестры, Флавія Петра Савватія Юстиніана и далъ ему блестящее воспитаніе. Онъ былъ опорой, совѣтникомъ и соправителемъ своего дяди и своимъ умомъ пріобрѣлъ себѣ любовь духовенства и даже папы, восторгъ народа и уваженіе сената. Проявляя ортодоксальность въ религіозномъ отношеніи, будучи расточителенъ въ своихъ играхъ и любезнымъ къ знати, онъ могъ даже позволить себѣ жениться на бывшей танцовщицѣ и дочери вожака медвѣдей, Θеодорѣ. Можно считать, что его вліяніе начинается уже съ 518 г.; съ 520 г. его прямо-таки называютъ повелителемъ (напр., Леонтій Византійскій). Опасный соперникъ Виталіанъ (см. стр. 37) былъ устраненъ съ дороги, по всей вѣроятности, по совѣту Юстиніана во время пира.

Единая политика въ государственныхъ и церковныхъ дѣлахъ, въ цѣляхъ пріобрѣтенія симпатій Запада заключающая миръ съ папой Гормиздасомъ (519) и возстанавливающая Chalkedonense (ср. т. IV), такая политика носитъ на себѣ ясную печать плановъ Юстиніана, такъ что мы можемъ считать ее дѣломъ его рукъ. Въ найденномъ въ 1889 г. на границѣ Пипидіи и Кибиратиса, указѣ обоихъ императоровъ, относящемся къ 527 году и написанномъ на двухъ языкахъ, выражается забота о защитѣ церковныхъ земель противъ главныхъ враговъ всѣхъ землевладѣльцевъ, противъ солдатъ, проходящихъ или живущихъ по сосѣдству. Въ этомъ документѣ видна та же любовь къ порядку, что и въ позднѣйшихъ новеллахъ самодержца Юстиніана. Только во второстепенныхъ вещахъ, какъ, напримѣръ, въ варварской чеканкѣ монетъ, сохраненной еще и Юстиніаномъ до 538 года, можно еще, пожалуй, узнать недоступный никакой культурѣ, духъ Юстина.

b) Юстиніанъ I.

1 августа 527 года Юстиніанъ становится единственнымъ повелителемъ имперіи, которая и остается подъ его управленіемъ до 14 ноября 565 года. Родной языкъ императора былъ латинскій, а фамилія (Савватій) ѳракійская, но ему приписывалось также и славянское происхожденіе. Говорили, что его первоначальное имя было Управда, которое было потомъ переведено по латыни „Юстиніанъ“; отца его будто звали Истокомъ, а мать Бѣлениссой. Но „Жизнь Юстиніана“ Ѳеофила, вновь найденная Джемсомъ Брайсомъ въ Барберинской библіотекѣ въ Римѣ, является единственнымъ источникомъ этихъ позднѣйшихъ и неудачныхъ славянскихъ образованій именъ, которыя въ лучшемъ случаѣ могутъ лишь свидѣтельствовать о позднихъ славянскихъ легендахъ, создавшихся вокругъ имени Юстиніана (основавшаго на сербской и болгарской территоріи церкви въ Прицрендѣ и Сердикѣ), но, всего вѣроятнѣе, просто выдуманы далматомъ Луккари (1605) и его земляками. Такимъ образомъ, падаетъ всякое основаніе для мнѣнія о славянскомъ происхожденіи Юстиніана. Скорѣе можемъ мы съ полной достовѣрностью узнать въ немъ ѳрако-иллирійца, который, будучи рожденъ на рубежѣ упадка ѳракійской народности и все большаго расцвѣта народности иллирійской, т. е. албанской, носитъ ѳракійское имя, но проявляетъ чисто албанскую народную энергію.

Мягкій и снисходительный, онъ тщеславился однако этими своими качествами. Полный самообладанія по отношенію къ врагамъ, онъ былъ простъ до аскетизма въ своихъ жизненныхъ привычкахъ, отличался рѣдкой добросовѣстностью въ трудѣ, для котораго онъ поднимался среди ночи (поэтому *βασιλεὺς ἀκοίμητος* — монархъ, никогда не спящій), исполненный сознанія своего императорскаго достоинства, которое дѣлаетъ его будто способнымъ создавать и толкованія законовъ, и богословскія объясненія, и планы военныхъ дѣйствій. Ревнивый деспотъ, часто колеблющійся и нерѣшительный, но всегда находящій поддержку въ подвижности своего богатаго ума, Юстиніанъ уже по своимъ природнымъ качествамъ превосходитъ всѣхъ своихъ ближайшихъ предшественниковъ, Въ красивой головѣ съ маленькимъ ртомъ и сильными губами, прямымъ носомъ, мягкимъ выраженіемъ глазъ, какъ онъ изображается мозаиками въ Санъ Апполинаре Нуово и Санъ-Витале въ Равеннѣ, мы скорѣе могли бы предположить какого-нибудь клирика или простого чиновника, чѣмъ великаго императора, творчество котораго видно въ области права и въ архитектурѣ, который сдѣлалъ такъ много въ области управленія, и который лишь въ военной и богословской области сильно повредилъ имперіи своими минутными успѣхами.

Установленіе основъ права является прочной заслугой Юстиніана;

имъ только завершена была работа Константина. Константинъ устроилъ великое примиреніе стараго культурнаго міра съ христіанствомъ; его новый Римъ со всѣми своими произведеніями является плодомъ этого союза (см. стр. 32). Но христіанство, въ лицѣ своихъ вождей, духовенства, все еще было упорнымъ противникомъ, главнымъ образомъ, правовой организаціи и правовыхъ воззрѣній античнаго государства: правовыя воззрѣнія Моисеева законодательства были духовенству ближе, чѣмъ римское право, и прежде всего широкая масса народа раздѣляла, вѣроятно, такой же взглядъ. Такимъ образомъ, право и религія являются враждебными другъ другу. Судья, творящій судъ по „языческому" праву, до тѣхъ поръ остается чуждымъ своему народу, пока не предпочтетъ стать чуждымъ своему праву, которое никѣмъ не цѣнится; невѣжество царитъ во всемъ. Вмѣстѣ съ познаніемъ римскаго права блѣднѣютъ всѣ національныя правовыя воззрѣнія; увеличивается это познаніе, и послѣднія не могутъ уже противопоставить никакого препятствія единодержавію римскаго права. Къ этой „непогрѣшимой силѣ" Юстиніанъ питалъ глубочайшее почтеніе; поэтому-то онъ и старается установленіемъ римскаго права окончательно уничтожить восточныя вліянія. Помощникомъ его въ этой работѣ былъ Трибоніанъ, памфиліецъ изъ отдаленнаго угла Малой Азіи. Живой умъ, величайшій ученый своего вѣка, онъ можетъ писать и о природѣ счастья, и объ обязанности власти, и о гармонической системѣ міра. Онъ является на своемъ мѣстѣ и въ качествѣ предсѣдателя различныхъ комиссій для кодификаціи права, и на мраморныхъ полахъ византійскаго императорскаго дворца, человѣкъ совершенно не стѣсняющійся въ преслѣдованіи своихъ личныхъ цѣлей,—вотъ характеристика того, кто былъ душой и правой рукой законодательной работы. Колоссальную работу собранія всѣхъ императорскихъ указовъ (constitutiones) въ одну книгу (Codex Justinianeus) удалось, благодаря превосходности канцелярскихъ регистратуръ, выполнить въ 14 мѣсяцевъ. Устарѣлыя постановленія, замѣненныя новыми или просто вышедшія изъ употребленія, пропускались. Хронологическое распредѣленіе внутри отдѣльныхъ главъ облегчаетъ пользованіе кодексомъ. Съ 16 апрѣля 529 года правосудіе во всей обширной имперіи должно было основываться только на этомъ кодексѣ. Съ похвальной послѣдовательностью для сомнительныхъ случаевъ и спорныхъ вопросовъ были изданы особыя рѣшенія (quinquaginta decisiones), которыми исправлялось древнее право.

Исполнивъ эту труднѣйшую работу и освободивъ, такимъ образомъ область права отъ безполезнаго балласта, Юстиніанъ учредилъ комиссію, которая должна была составить сборникъ сочиненій старыхъ юристовъ и сдѣлать выборки изъ нихъ. Предсѣдатель комиссіи, Трибоніанъ, съ гордостью называетъ цифры, которыя должны намъ дать представленіе о чисто технической величинѣ работы, цифры, едва ли однако соотвѣтствующія истинѣ: 2000 книгъ съ 3 милліонами строчекъ были сжаты въ 50 книгъ съ 150000 строчекъ. Профессора и практики въ трехъ большихъ отдѣленіяхъ дѣлали выборки рѣшеній, каждый по своей спеціальности и приводили при этомъ авторовъ и заглавія тѣхъ книгъ, изъ которыхъ сдѣланы извлеченія. Противорѣчій нельзя было вполнѣ избѣгнуть; спеціальные комментаріи были запрещены, такъ какъ они явились бы вторженіемъ въ права императора. Уже 30 декабря 533 года этотъ сборникъ дигестъ или пандектовъ получаетъ силу закона.

Недоставало еще подготовки будущихъ ученыхъ юристовъ, въ духѣ этихъ новыхъ источниковъ права, учебникъ права, содержащій основы и первоначальныя составныя части элементарной юриспруденціи, институціи, долженъ былъ быть приведенъ въ согласіе съ формами, въ которыя были облечены теперь источники права. Эту работу исполнили Ѳеофилъ, учитель права въ константинопольской школѣ, и Дороѳей изъ юридической школы въ Берптѣ — разумѣется, подъ наблюденіемъ Трибоніана и съ по-

мощью лучшихъ извѣстныхъ въ то время учебниковъ, главнымъ образомъ, институцій Гая, устарѣлыя выраженія, которыя могли отпугнуть, были выброшены, чтобы ими не запугивались „Новые Юстиніаны“, какъ теперь называли молодыхъ учениковъ юриспруденціи (вмѣсто прежняго имени „двухфунтовиковъ“).

И вотъ теперь явилась необходимость вновь переработать предписанія (конституціи), среди которыхъ находились еще нѣкоторыя, являвшіяся въ виду собранной теперь юридической мудрости, излишними или противорѣчивыми. Поэтому было предпринято второе изданіе (только и дошедшее до насъ), примыкающее къ дигестамъ.

Наконецъ, съ завершеніемъ этого великаго труда законодательная дѣятельность самого Юстиніана не прекратилась: она продолжалась до смерти Трибоніана (545) и вылилась въ „Novellae“, написанныхъ по-гречески или по-латыни (нѣкоторыя на двухъ языкахъ). Онѣ сохранились много полнѣе, чѣмъ прежнія предписанія, принятыя въ Codex Justinianeus, и дошли до насъ только въ частныхъ, а не въ оффиціальныхъ сборникахъ.

Упрощеніе профессіональнаго труда ученыхъ юристовъ, насыщеніе права христіанскими принципами, въ противоположность къ Моисееву законодательству, установленіе полнаго единства въ области права (ради этого единства была закрыта юридическая школа въ Аѳинахъ, культивировавшая греческое право), наконецъ, особое поощреніе мелкой буржуазіи— вотъ тѣ цѣли, которыя руководили Юстиніаномъ и его учеными. Преобладаніе богатыхъ было сломлено привилегированнымъ положеніемъ, въ которое была поставлена военная каста предписаніями относительно раздѣла земельныхъ наслѣдствъ, установленіемъ права наслѣдованія для женщинъ, законодательствомъ о ростовщичествѣ (запрещеніе брать съ сельскаго населенія болѣе 4%) и облегченіемъ положенія должниковъ (такъ напримѣръ, посредствомъ beneficium inventarii, ограниченія отвѣтственности наслѣдника величиной наслѣдства, опредѣленной въ инвентарѣ). Этимъ сильно подчеркивалась христіанская защита бѣдныхъ; смягченіе отцовскаго права имѣетъ въ виду ту же цѣль,—уничтожить послѣдніе остатки стараго родового государства. И если снисходительность къ слабостямъ подданныхъ, подражаніе божескому милосердію выставляются въ качествѣ руководящихъ принциповъ, то этимъ выказывается противорѣчіе какъ древне-римскому праву съ его ученіемъ о „наградѣ и принужденіи“, такъ и Моисееву закону; очень характернымъ для взглядовъ императора является, употребленное имъ по другому поводу, выраженіе о „дурной и еврейской манерѣ“.

Возстаніе Ники помогаетъ Юстиніану уничтожить существующія еще народныя организаціи и установить совершенно неограниченное господство. До этого времени партіи ристалища (гипподрома), организованныя въ димы (*δῆμοι*), гражданскія и военныя отдѣленія, могли еще разсматриваться какъ нѣкотораго рода народное представительство, принимавшее даже участіе въ выборахъ императора (еще при Юстинѣ). Будучи по собранію произведеній искусства (на гипподромѣ стояли бронзовые кони и Гераклъ Тригесперъ Лизиппа, оселъ изъ Акціума, волкъ и гіена, Елена и масса другихъ произведеній искусства) преемникомъ римскаго Форума и греческой Агоры, гипподромъ сохранилъ также и отголоски политическаго значенія Форума. Во главѣ гражданскихъ отдѣленій стояли дипархи, а во главѣ военныхъ—демократы: такъ демократомъ синихъ былъ domesticus scholarum, демократомъ зеленыхъ—domesticus excubitorum. Такая военная организація даетъ также возможность временно пользоваться димами для защиты городскихъ стѣнъ. Господство наиболѣе сильной въ данный моментъ партіи (при Юстиніанѣ господство синихъ) приводило къ невозможнымъ порядкамъ. Безпартійность Юстиніана, который одинаково на-

казалъ преступниковъ и синей, и зеленой партіи (11 января 532 г.), ведетъ къ соединенію обѣихъ партій (возгласъ „Ника“=побѣди!), къ поджогу и уничтоженію Халка, императорскаго дворца, книгъ Зевксиппа, церкви св. Софіи (13 января). 16 и 17 января новые пожары уничтожаютъ многочисленныя зданія, и всюду кипитъ уличная борьба; уже былъ провозглашенъ императоромъ Гипатій, племянникъ императора Анастасія, и только твердость Θеодоры удержала Юстиніана отъ бѣгства. Соглашеніемъ съ синими и избіеніемъ Велизаріемъ въ циркѣ зеленыхъ (при чемъ погибло будто 30000—50000 человѣкъ) были подавлены эти послѣднія проявленія духа византійской народной свободы.

Въ области внѣшней политики Юстиніанъ лелѣялъ великіе планы. Позднѣе (въ „Новеллахъ“) онъ открыто высказалъ, что питаетъ твердую надежду съ Божіей помощью завладѣть и тѣми областями, которыя завоевали нѣкогда древніе римляне, вплоть до обоихъ океановъ, и которыя они потомъ потеряли благодаря своей беззаботности. Король вандаловъ Гильдерихъ подчинился византійскому вліянію, чеканилъ монеты съ изображеніемъ Юстина I, но 19 мая 530 года былъ низложенъ за его невоинственный характеръ и за византійскія симпатіи. Двукратное заступничество Юстиніана за Гильдериха встрѣтило довольно рѣзкій отпоръ со стороны вновь избраннаго короля Гелимера; однако, въ виду персидской войны, въ виду недостатка морскихъ силъ и большихъ денежныхъ средствъ, Юстиніанъ не считалъ возможнымъ предпринять походъ для отмщенія Гелимеру. Но ненависть къ аріанизму привела все-таки въ концѣ концовъ къ войнѣ. Велизарій былъ поставленъ во главѣ флота, который отплылъ въ концѣ іюня 533 года. Несмотря на то, что путешествіе продолжалось долго, что приходилось прилагать большія усилія, чтобы корабли не разсѣялись (окраска парусовъ въ красный цвѣтъ, вывѣшиваніе 3 фонарей), Велизарій уже 15 сентября прибылъ въ Карθагенъ. Въ половинѣ декабря 533 года все войско вандаловъ было разбито. Въ концѣ марта или началѣ апрѣля 534 года сдался Гелимеръ, послѣдній король вандаловъ, который послѣднее время своей робостью и нерѣшительностью много содѣйствовалъ такому исходу.

Введеніе вновь римской податной системы и строгое подавленіе аріанизма сдѣлали, правда, византійское господство ненавистнымъ; но оно все-таки укрѣпилось, благодаря планомѣрной борьбѣ противъ вторженія мавровъ (берберовъ) и благодаря расцвѣту Карθагена, который со своими дворцами, церквами и банями Θеодоры сталъ теперь однимъ изъ роскошнѣйшихъ городовъ. Теперь Византія имѣетъ латинскую провинцію; ибо дипломатическимъ и должностнымъ языкомъ по дѣламъ съ римлянами оставался у вандаловъ латинскій. Провинція эта охватываетъ Триполитану, Бизацену, проконсульскую Африку (Зевгитану), Нумидію Мавританію Ситифензисъ, между тѣмъ какъ въ западной Африкѣ Византіи принадлежатъ только нѣкоторыя мѣста, какъ напр.: Цезарея (Херхель) и неприступный Септемъ. Присоединены Сардинія, Корсика и Балеарскіе острова. Результаты завоеванія были не такъ печальны, какъ изображаетъ Прокопій, въ рѣзкихъ выраженіяхъ описывающій обезлюденіе, разореніе и дурное управленіе Африки. Управленіе Африкою пріобрѣло большое значеніе для основной формы византійской военной провинціи въ томъ отношеніи, что именно здѣсь обнаружилась впервые необходимость соединенія (раздѣленныхъ со временъ Константина) гражданской и военной власти; Соломонъ, напр., былъ и гражданскимъ, и военнымъ намѣстникомъ (535 и 539 гг.—magister militum и praefectus praetorio); нельзя опредѣлить, въ какой степени были соединены при немъ и остальныя семь гражданскихъ поднамѣстничествъ (praesides) съ четырьмя военными (duces и comites). Еще и теперь многочисленные остатки византійскихъ крѣпостей, охранявшихся пограничными войсками (limitanei), свидѣтельствуютъ о вниманіи императора къ Африкѣ.

Лептисъ Магна и Сабрата (въ Триполитанѣ), Капса и Ѳелепта, Аммакдера, Хузира, де Ларибусъ, Мамма, Кулулисъ въ Бизаценѣ, Карѳагенъ, Вага, большая крѣпость Борджи-Галаль, Сикка Венерія въ проконсульской Африкѣ; Ѳевеста, Багаи, Ѳамугади, Ламфона въ Нумидіи, Ситифисъ въ Мавританіи Ситифензисъ — это только немногія имена въ длинномъ рядѣ вновь построенныхъ или возобновленныхъ крѣпостей. 150 городовъ возродилось вновь изъ развалинъ. Юстиніанъ сталъ въ Африкѣ „мстителемъ за церковь и освободителемъ народовъ“, и его полководецъ Велизарій, „слава ромейцевъ“ (какъ значилось на монетѣ въ честь его побѣдъ), везъ за своей тріумфальной колесницей дорогія вазы, роскошные экипажи, золотыя издѣлія, попавшія въ сокровищницу вандаловъ благодаря удачнымъ походамъ. Мозаичныя изображенія на стѣнахъ императорскихъ дворцовъ прославляли завоеваніе Африки.

Цѣлыхъ 18 лѣтъ (536—554) продолжалось завоеваніе и уничтоженіе государства остготовъ въ Италіи. И здѣсь, по крайней мѣрѣ въ началѣ борьбы, дѣйствовали также и религіозные мотивы. 554 годъ приноситъ съ собой наконецъ распространеніе византійскаго господства и на Испанскій полуостровъ, гдѣ возникаетъ небольшая провинція, центромъ которой является Кордова. Наоборотъ, персидскія войны (531—532, 539—562) принесли мало славы и успѣха; первая кончается миромъ, по которому Византія была обложена ежегодной данью. Второй миръ 562 года былъ заключенъ на такихъ же условіяхъ, лишь подслащенныхъ уступкой Византіи Ларистана. Между тѣмъ волны народовъ подходятъ къ самой стѣнѣ Анастасія. Цаберганъ, глава котригуровъ (котургуровъ или котраговъ, гуннскаго племени, жившаго между Дономъ и Днѣпромъ [по И. Маркварту — черной Болгаріи], а не глава [внутреннихъ] болгаръ, жившихъ въ Молдавіи и Бессарабіи) наводитъ въ 558 г. ужасъ на Византію: войско его становится лагеремъ около Мелантіаса (Буюкъ Джекмадже) въ 18 миляхъ отъ Византіи. Уже сносятся въ укромныя мѣста сокровища изъ сосѣднихъ церквей, и страхъ охватываетъ дрожащихъ зрителей на городскихъ стѣнахъ. Но Велизарій одерживаетъ побѣду, а на разбитыхъ котригуровъ нападаетъ на обратномъ пути родственное, но враждебное имъ племя утигуровъ (утургуровъ въ Старой или Великой Болгаріи). Укрѣпленія, возведенныя по всей обширной Византійской территоріи, оказываются непрактичными; они требуютъ слишкомъ большого количества гарнизонныхъ войскъ, вмѣсто того, чтобы, наоборотъ, дать возможность уменьшить эти войска.

Гораздо плодотворнѣе была мирная дѣятельность Юстиніана. Прокопій посвятилъ цѣлую книгу колоссальной работѣ императора въ области строительства. Мы узнаемъ изъ этой книги, что многочисленные города были предметомъ заботливости Юстиніана: въ Дару онъ посылаетъ Анѳимія изъ Траллеса и Исидора изъ Милета, въ Зеновію—болѣе молодыя силы; изъ вновь найденной надписи въ сирійской Халкидѣ явствуетъ, что Изидоръ находился и тамъ. Относительно церкви св. Маріи въ Іерусалимѣ императоръ дѣлаетъ самыя подробныя распоряженія, имъ назначено было мѣсто этой церкви и опредѣлена величина ея. Церковь св. Виталія въ Равеннѣ съ ея мозаиками (см. выше, стр. 39), представляющими, можетъ быть, прославленіе обоихъ естествъ Христа, построена, вѣроятно, при ближайшемъ участіи Юстиніана: въ ней переносятся на италійскую почву малоазіатскія вліянія (см. ниже, стр. 63). Церковь св. Софіи, построенная Юстиніаномъ, является послѣдней въ длинномъ рядѣ, видное мѣсто въ которомъ занимаютъ Сирійскія ротонды въ Басѣ и Эсрѣ, а также и церкви св. Сергія и Вакха; слѣдуетъ обратить вниманіе еще и на развитіе малоазійской куполообразной базилики (Бинбиркилисса, Коджа Калесси и Адалія) и сирійско-египетско-малоазіатскаго поперечнаго корабля съ куполомъ. Юстиніанъ вызвалъ въ Византію малоазійскихъ архитекторовъ Анѳимія и Изидора; они соединяютъ богатые мотивы востока въ одномъ роскошномъ зданіи

(см. стр. 51), которое, съ своей стороны, становится образцомъ для другихъ.

Торговлѣ Юстиніанъ удѣляетъ свое полное вниманіе; войны противъ персовъ, навѣрное, были отчасти коммерческими войнами, имѣвшими своею цѣлью оттѣснить Персію отъ торговли шелкомъ. Торговые интересы и религіозные мотивы ведутъ къ союзу съ крымскими готами. Также и союзъ съ аксумитами (т. III, стр. 588) слѣдуетъ разсматривать съ той же точки зрѣнія. Уже во время императора Юстиніана существовалъ союзъ, побудившій Елесбаса (или Калеба) Аксумскаго къ походу противъ еврея Іосифа ду Нуаса (Новаса), короля гиміаровъ (тамъ же, стр. 248).

Непосредственнымъ поводомъ къ возобновленію сношеній между Византіей и Аксумомъ было то обстоятельство, что тогдашній король Аксума (едва-ли называвшійся однако Адамомъ, какъ говорятъ Малалъ и Ѳеоѳанъ, а скорѣе — согласно одной монетѣ — Димеаномъ, котораго писатели превратили въ гиміарскаго короля Даміана) далъ обѣтъ принять христіанство, если побѣдитъ гиміаровъ и теперь, послѣ побѣды, обратился къ Юстиніану за епископомъ. Наконецъ, привезъ изъ Серинды (вѣроятно изъ китайскаго восточнаго Туркестана, Котана; см. т. II, шелковичнаго червя и чрезвычайно поднялъ византійскую шелковую промышленность. Съ этихъ поръ въ шелковомъ производствѣ, бывшемъ монопольнымъ и оттѣснившемъ на задній планъ сирійскія фабрики, стали примѣнять персидскіе и китайскіе способы (см. ниже, стр. 63).

Церковная политика Юстиніана находилась въ связи съ еге великодержавными планами и съ его сильными богословскими наклонностями, которыя создавали даже новыя догмы. Онъ хотѣлъ овладѣть западомъ, а потому и сталъ въ хорошія отношенія съ Римомъ (см. стр. 39) къ великому негодованію Сиріи и Египта. Именно попытки къ примиренію со стороны императора и принудили этихъ монофизитовъ къ выходу изъ церкви, точно такъ же, какъ и богословскія склонности Юстиніана, желавшаго имѣть рѣшающее слово и въ церковныхъ дѣлахъ, хотя именно въ то время стремленіе церкви къ независимости заявляетъ о себѣ особенно громко. Епископъ герміанскій, Факундъ, проповѣдуетъ настоятельнѣйшимъ образомъ: „Лучше, чтобы каждый держался въ отведенныхъ ему границахъ; кто ихъ преступаетъ, можетъ погубить многихъ и не принесетъ никому пользы". Съ большой убѣдительностью ставится въ примѣръ императору его предшественникъ Маркіанъ: „Никогда благочестивый и мудрый императоръ не думалъ, что онъ, міряникъ, можетъ безнаказанно опровергать то, что рѣшили св. отцы въ вопросахъ вѣры". Ни добромъ, ни силой нельзя было возстановить единства церкви. Умная и поразительно дальновидная императрица Ѳеодора поняла, въ противоположность Юстиніану, что корни византійскаго могущества лежатъ на востокѣ; но вмѣшательство Рима воспрепятствовало отказу отъ Chalkedonense (см. стр. 39), а дипломатическое возобновленіе генотикона, какъ бы хитроумно оно ни было придумано, не могло поправить насилій, совершенныхъ надъ монофизитами въ Александріи. Въ этомъ лежитъ крупнѣйшая ошибка Юстиніана: провинціи, являющіяся и въ политическомъ, и въ культурномъ отношеніи сильнѣйшими опорами Византіи, принуждаются къ выходу изъ церкви, а проявляемая по отношенію къ нимъ уступчивость, уступчивость все-таки еще недостаточная, вызываетъ уже опять негодованіе запада.

Хотя военная дѣятельность Юстиніана и не увѣнчалась окончательными успѣхами, хотя раздѣленіе силъ въ великодержавныхъ стремленіяхъ и принесло много вреда, но значеніе царствованія Юстиніана сказывается въ другихъ областяхъ. Истинное призваніе Византійской имперіи — служить соединительнымъ пунктомъ западныхъ и восточныхъ духовныхъ силъ — въ высшей степени поощрялось и было вполнѣ выражено имъ.

Искусство Малой Азіи, Сиріи и Египта сливается на византійской почвѣ въ одно цѣлое. Право Запада, примиренное съ христіанствомъ, распространяется по всему міру и мѣшаетъ образованію реакціонныхъ правовыхъ нормъ. Государственное управленіе римскихъ временъ дифференцируется и утончается, охватывая почти всѣ области человѣческой жизни. Придворная пышность Востока изливаетъ свой свѣтъ надъ трономъ. Богословскую міровую борьбу, въ которой еще нашли себѣ убѣжище послѣдніе остатки свободы мысли, свѣтскій владыка ведетъ самъ; но въ этой области онъ способствовалъ отдѣленію Востока отъ Запада. Благодаря Юстиніану Византія занимаетъ свое положеніе оплота древнихъ традицій и первой культурной державы, каковое положеніе и сохраняется за нею въ теченіе столѣтій.

c) Исторіографія эпохи Юстиніана.

Прокопій изъ Цезареи (около 490—563 гг.) не только является неоцѣнимымъ исторіографомъ юстиніановой эпохи, но, представляя изъ себя смѣсь несоединимыхъ элементовъ, является также рѣдкостнымъ ублюдкомъ византизма. Происходя изъ греко-сирійскихъ областей, онъ вполнѣ принялъ греческую культуру, и только его языкъ выдаетъ пограничное происхожденіе этого эллинизма. Будучи скептически настроенъ противъ христіанства, онъ живетъ въ изысканно-архаическихъ суевѣріяхъ, раздѣляя взгляды Геродота на сны и примѣты. Онъ еще полонъ сознанія величія римскаго міра и необходимости управлять имъ на основаніи закона; онъ все еще думаетъ, что слѣдуетъ поддерживать старые порядки и сохранять первенствующее положеніе за высшими классами общества. Поэтому онъ ненавидитъ варвара на тронѣ Юстиніана (въ противоположность римлянину Анастасію), который управляетъ, какъ ему нравится, разрушаетъ старые порядки и въ своемъ законодательствѣ оказываетъ предпочтеніе низшимъ классамъ населенія. Въ этомъ, обладающемъ такимъ энергичнымъ перомъ, сирійцѣ вновь ожила классическая древность (Геродотъ, Ѳукидидъ, Полибій).

Разнообразіемъ использованныхъ источниковъ, какъ и интересомъ къ этнографіи, неизбѣжно возникшимъ благодаря пестрой смѣси византійскаго населенія, Прокопій много превзошелъ своихъ античныхъ учителей. Его военная исторія (въ восьми книгахъ, начата въ 545/546 гг., первыя двѣ книги въ 550 г., восьмая книга закончена и опубликована 553/554 г.) основана на подробнѣйшихъ изысканіяхъ и наблюденіяхъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ качествѣ частнаго секретаря (съ 527 г.) и — съ 533 г. — ассесора (*πάρεδρος*) Велизарія. Его тайная исторія (550 г.) въ общемъ совпадаетъ съ военной исторіей, хотя онъ и выкладываетъ здѣсь все, что подсказываетъ ему ненависть къ Юстиніану и Ѳеодорѣ, и что ему даютъ, по примѣру Суетона, лакейскія сплетни. Фактовъ онъ не выдумываетъ, но всюду подставляетъ самые дурные мотивы. Сочиненіе о постройкахъ Юстиніана, составленное, вѣроятно по порученію императора (560 г.), содержитъ въ себѣ такія сильныя похвалы Юстиніану, что подъ этими черезчуръ густыми красками чувствуется иронія Прокопія. Ему же эта книга доставила мѣсто префекта Константинополя, такъ какъ ею остались чрезвычайно довольны.

Менандръ, который долженъ былъ изучать юриспруденцію, началъ скоро бездѣльничать, удѣлять свое вниманіе борьбѣ партій гипподрома и танцамъ въ пантомимѣ, какъ онъ описываетъ въ превосходномъ предисловіи. Только когда на престолъ вступилъ императоръ Маврикій, защитникъ народа и музъ, тогда только Менандръ началъ приходить въ себя и принялся за писаніе своей исторіи (охватывающей періодъ 558—582 гг.); онъ даетъ важныя свѣдѣнія, особенно о посольствахъ **Земарха** къ туркамъ. Однако, онъ думаетъ, что его скромная свѣчка совсѣмъ затме-

вается блескомъ Прокопія. Его изложеніе, отличающееся простотой и отсутствіемъ всякихъ украшеній, тѣмъ не менѣе превосходно; какъ живо, напримѣръ, описаніе трехъ шатровъ, въ которыхъ три дня подрядъ обѣдаетъ Земархъ (Зимархъ): стѣны, украшенныя шелковыми и пестрыми коврами, святыни въ разныхъ формахъ, золотые сосуды, повелитель турокъ, возсѣдающій на золотой перинѣ, которую поддерживаютъ четыре золоченныхъ павлина, на колесницахъ серебряныя изображенія животныхъ, ничѣмъ не уступающія византійскимъ. Любовное описаніе подробностей и тонкая обрисовка великихъ событій: вотъ достоинства Менандра.

И поэтъ Агаѳій изъ Эолиды, особенно въ своемъ историческомъ сочиненіи (552—558), чувствуетъ себя продолжателемъ Прокопія, въ качествѣ искуснаго изобразителя событій и старой исторіографіи. Іоаннъ Малалъ въ своей всемірной хроникѣ (доходящей до 565, а можетъ быть и до 574 г.) совсѣмъ наоборотъ, обращается къ народной массѣ; онъ написалъ превосходнѣйшую народную книгу на наивно-народномъ греческомъ языкѣ, имѣвшую огромное вліяніе. Не только его сирійскіе земляки (Іоаннъ Эфесскій, Іоаннъ Антіохійскій, Іоаннъ Никейскій и Іоаннъ Дамаскинъ), но и греческіе историки (сочинитель пасхальной хроники Ѳеоѳанъ, Георгій Монахъ, косвеннымъ образомъ и Кедренъ) и даже славяне (которымъ пресвитеръ Григорій далъ около 900 г. переводъ этой книги) и грузины пользовались этимъ неоцѣнимымъ памятникомъ византійскаго народнаго духа.

Отмѣтить историческія памятники эпохи Юстиніана необходимо не только съ критической точки зрѣнія: они даютъ намъ также полную картину умственнаго движенія эпохи, въ которой верхніе слои интеллигенціи являются еще хранителями и защитниками всѣхъ классическихъ сокровищъ, но въ то же время и эпохи, въ которой новые народные элементы пробуждаются къ кипучей жизни, въ которой широкіе слои народа завоевываютъ себѣ свою долю участія въ культурѣ и на измѣненномъ греческомъ языкѣ, принявшемъ въ себя латинскіе и восточные элементы, создаютъ себѣ свою наивную картину міра. Такимъ образомъ, „неподвижный“ византизмъ мы должны отнести къ области историческихъ басенъ, точно такъ же, какъ и „неизмѣняющуюся“ китайщину.

d) Отъ Юстина II до Фоки (565—610).

Ни племянникъ Юстиніана, Юстинъ II (565—578), провозглашенный сенаторами его преемникомъ, ни полковникъ дворцовой гвардіи Тиверій (578—582), еще при жизни Юстина сдѣланный, по совѣту императрицы Софіи, его соправителемъ, не могли продолжать жить въ великодержавныхъ мечтахъ Юстиніана, въ такой же степени, какъ онъ самъ.

Тиверій былъ первымъ настоящимъ грекомъ, вступившимъ на византійскій престолъ, который, послѣ уничтоженія династическаго престолонаслѣдія, постоянно занимали—не считая исаврійца Зенона I — романизированные варвары Балканскаго полуострова. Этотъ фактъ вступленія на престолъ грека является важнымъ событіемъ во внутренней національно-греческой формировкѣ Византійской имперіи, вопреки традиціонному объясненію такой формировки поощреніемъ греческаго государственнаго языка Маврикіемъ.

Юстинъ отказался, правда, платить дань аварамъ, которые черезъ Галицію проникли въ Верхнюю Венгрію, въ Яцигіи между Тиссой и Дунаемъ и заняли области гепидовъ, а въ Панноніи область лангобардовъ и господствовали надъ Богеміей, Моравіей, Галиціей, позднѣе также надъ Молдавіей и Валахіей; но все-таки послѣ потери Сирміума въ 581 г. сѣверныя области были потеряны для Византіи. Въ своемъ быстромъ побѣдномъ шествіи лангобарды еще въ 568 г. завоевали въ Италіи Форумъ Юліи, Вичен-

цу, Верону и всю Венецію, за исключеніемъ побережья; послѣдующіе годы были свидѣтелями того, какъ одна часть Италіи за другой терялась для византійскаго господства: въ 569 г. Лигурія и Миланъ (кромѣ побережья и Тицинума) цизальпинская Галлія; въ 570—572 гг. Тоскана, Сполеціумъ, Беневентъ, Тицинумъ и ихъ будущая столица Павія; въ 579 г. Классисъ. Эти Лангобарды въ противоположность съ остготами порываютъ со старыми традиціями имперіи; они не признаютъ византійскаго верховенства и основываютъ вполнѣ германское государство на итальянской территоріи, такъ что въ этихъ годахъ Западная Римская имперія была разрушена болѣе основательно, чѣмъ въ обычно упоминаемомъ 476 г. Только на персидскомъ театрѣ войны 581 г., такъ неблагопріятный для господства Византіи въ Европѣ, принесъ побѣду Константина надъ Персами, предводительствуемыми Тамхузраемъ при Теля д'манцалатѣ (Константинѣ).

Еще въ первой половинѣ 6 столѣтія на востокѣ образовалась сильная имперія, съ которой Византіи приходилось поддерживать дружественныя отношенія; это была Турецкая имперія. Имя турокъ встрѣчается первый разъ въ одной надписи 732 г. (найдена Гейкелемъ въ 1820 г. въ Монголіи въ долинѣ верхняго Орхона и разобрана Томсономъ; см. т. II) надписи, сдѣланной китайскимъ императоромъ въ честь турецкаго принца; но можно доказать присутствіе передовыхъ частей турецкаго народа уже въ 4 столѣтіи во время похода Александра къ Скиѳамъ на Яксартѣ, гдѣ братъ короля Картазиса носитъ просто турецкое названіе Kardâshi (его братъ); собственно существованіе главной массы турецкаго народа было извѣстно грекамъ по караваннымъ извѣстіямъ еще въ 7 столѣтіи до Р. Х., какъ это видно изъ отчета Аристея Проконнезскаго. Достигшая теперь могущества вѣтвь турокъ находится въ связи съ Гіунгъ-ну; ея мѣстомъ жительства въ 6 в. по Р. Х. былъ восточный край китайской провинціи Кансу, у Южныхъ Золотыхъ Горъ. Въ Византію прибыло посольство турецкаго вассала; въ 568 и 576 гг. греческіе послы находились при дворѣ хахана сѣверныхъ турокъ, Дицабула (или Сильцибула—по китайски Ти-тсу-пу-ли), у подножья Сѣверныхъ Золотыхъ Горъ и заключили съ этими турками союзъ. Менандръ разсказываетъ намъ подробно (см. стр. 45) объ этихъ посольствахъ и договорахъ, которые давали византійской имперіи хорошую опору въ средней Азіи.

Оставшійся въ живыхъ счастливый полководецъ въ персидской войнѣ, Маврикій, греческо-каппадокійскаго происхожденія (какъ говорятъ, изъ древняго римскаго рода), сдѣлался преемникомъ Тиверія. Вторая персидская война приноситъ многочисленные успѣхи на полѣ битвы (побѣда Филиппика надъ Кардариганомъ полководцемъ Ормазда IV при Солахонѣ въ 586 г., смерть Маруцаза при Мартирополисѣ въ 588 г. и Мебодо тамъ же въ 590 г.), но заключенный въ 591 г. миръ былъ не такъ успѣшенъ. Маврикій, самъ взошедшій на престолъ послѣ военной карьеры, не могъ не видѣть тѣхъ затрудненій, которыя возникали для византійскихъ провинцій Италіи и Африки, благодаря раздѣленію гражданской и военной власти. Такимъ образомъ, военачальникамъ этихъ обѣихъ провинцій (magistri militum per Italiam и per Africam) дается новый пышный титулъ — экзархъ (экзархъ Италіи упоминается первый разъ въ письмѣ папы Пелагія II 584 г., экзархъ Африки—впервые въ письмѣ Григорія I отъ 591 г.), и чрезвычайно большія полномочія. Эти экзархаты являются исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшей организаціи военныхъ провинцій (Темы; см. стр. 65).

Сѣверныхъ же границъ Балканскаго полуострова, постоянно наводняемыхъ варами и славянами, Маврикій защитить уже не въ силахъ. Не только сѣверная часть становится совершенно славянской, но и въ Греціи поселяются вторгающіяся славянскія орды; онѣ не были, правда, настолько многочисленны, чтобы уничтожить, какъ думаетъ Як. Фил. Фалльмерайеръ

(1790—1861) [1], потомковъ древнихъ эллиновъ и создать славянскую Грецію; но сильная примѣсь славянской крови является вполнѣ доказанной. И нельзя отрицать господства славянъ въ Греціи съ 588 по 705 г. Благодаря чумѣ 746—747 гг., греческій элементъ былъ вытѣсненъ еще болѣе; по словамъ императора Константина VII Порфиророднаго „вся страна" (Эллада) „стала славянской и варварской" (*ἐσθλαβώθη πᾶσα ἡ χώρα καὶ γέγονε βάρβαρος*). Весь этотъ ходъ событій подтверждается важными свидѣтелями: 1) Іоаннъ Эфесскій (около 585 г.) говоритъ о славянахъ 577—582 гг.: „они были господами страны и жили въ ней свободно, какъ въ собственной. Это продолжалось 4 г., пока императоръ воевалъ съ Персами (до 582 г.). Благодаря этому, они могли дѣлать въ странѣ, что имъ было угодно, и были ограничены лишь волей Божьей. И до сихъ поръ они преспокойно живутъ въ римскихъ провинціяхъ, и безъ заботы и страха, грабя, убивая, сожигая; они разбогатѣли, имѣютъ золото и серебро, стада коней и много оружія и изучили военное дѣло лучше ромейцевъ". 2) Хроника города Монембазіи (въ *Ἱστορικὰ μελετήματα* Лампроса, Аѳины 1884 г.) даетъ хорошее изображеніе славянскаго господства 588—705 г., а также изображеніе небольшой византійской группы, управляемой стратегомъ, на восточномъ берегу Пелононнеса. 3) Отчетъ Вилибальда Эйхштеттскаго о его путешествіи 723—728 гг., заключающійся въ жизнеописаніи Вилибальда, составленномъ гейденгеймской монахиней. Въ этомъ отчетѣ говорится, что Монембазія находится въ странѣ славянъ (Monafasiam in Slavinica terra).

Къ этимъ свидѣтельствамъ слѣдуетъ прибавить еще—кромѣ названій селъ, рѣкъ и горъ, среди которыхъ наряду съ греческими много славянскихъ,—сообщенія церковнаго историка Евагрія Епифанскаго (около 593 г.), разсказывающаго объ опустошеніи всей Греціи славянами, Менандра, Ѳомы пресвитера Эмезскаго, согласно которому славяне въ 623 г. напали на Критъ и греческіе острова, наконецъ, сопоставленія чудесъ св. Димитрія Ѳессалоникскаго. Здѣсь точно называются имена славянскихъ племенъ, принимавшихъ участіе во вторженіи 581 г. (а не въ томъ, которое было въ 676 г.): дрогубиты (драговичи), сагулаты (по рукописи сагудаты), бѣлегецеты (белегостичи; ср. „Велестино" въ Ѳессаліи), баюнеты (войничи), берцеты (Вьrzaci), рунхины, струманы. Эти племена позднѣе отхлынули отчасти на русскую территорію. О дрогубитахъ Іоаннъ Каменіатъ (около 904 г.) говоритъ еще, что они живутъ около Ѳессалоники; Константинъ Порфирородный называетъ ихъ данниками князя Кіевскаго; по Нестору, которому извѣстно еще, что они нѣкогда составляли особое государство, они живутъ между Припетью и Двиной. Сагулаты появляются еще позднѣе въ мѣстности около Ѳессалоники. Бѣлегецеты упоминаются какъ жители Ѳивъ и Деметріи и какъ прилежные земледѣльцы. Баюнеты живутъ въ мѣстности Байнѣ (Вайнѣ) около города Радовичъ въ Македоніи; родственныя имена попадаются и въ Россіи (Войничи). По имени берцетовъ названа въ Македоніи или Ѳессаліи мѣстность Берцетія, управлявшаяся въ 799 году княземъ Акамиромъ. Рунхины живутъ на притокѣ Стримона, а на самомъ Стримонѣ живутъ Струманы. Такимъ образомъ, оказывается, что на сѣверѣ Греціи поселилось значительное количество славянскихъ племенъ. Относительно же Пелопоннеса намъ извѣстно, что тамъ жили миленцы (*Μιληγγοί*) и езерцы (*Ἐρηζῖται*) на Эвротѣ, маньяцы (*Μαινῶται*) въ южномъ Тайгетѣ.

---

[1] Въ своей гипотезѣ о полномъ уничтоженіи въ Греціи эллиновъ славянами Фалльмерайеръ ссылался на отрывки исторіи Аѳинъ изъ монастыря Анаргировъ, въ каковыхъ отрывкахъ говорится будто бы, что „Аѳины 400 лѣтъ лежатъ опустошенныя" (*διὰ τετρακοσίους σχεδὸν χρόνους*). При изданіи оказалось, что тамъ сказано „въ теченіе трехъ лѣтъ" (*διὰ τρεῖς σχεδὸν χρόνος*), и при вѣрной оцѣнкѣ этого извѣстія оказывается, что оно говоритъ о годахъ 1688—91! Наконецъ, эти отрывки составлены въ нашемъ столѣтіи (Питтакисомъ) и представляютъ изъ себя выдержки изъ хроники Анѳима, тоже совсѣмъ недавняго происхожденія. Такимъ образомъ—и это составляетъ заслугу Карла Гоифа—падаетъ гипотеза о четырехсотлѣтнемъ запустѣніи Аѳинъ и о полномъ уничтоженіи эллинизма.

Въ византійскомъ войскѣ еще при Юстиніанѣ признавались прекрасныя качества славянъ: Доброгостъ командовалъ въ 555 г. понтійскимъ флотомъ, Оногостъ получаетъ въ 575 г. патриціанское достоинство; побѣдитель славянъ Прискъ, разбившій полководца Радгоста и взявшій въ 593 г. въ плѣнъ короля Музока, поручаетъ препровожденіе плѣнныхъ славянину Татиміру. Патріаршій константинопольскій престолъ занимаетъ съ 766 по 780 г. славянинъ Никита; тестю Христофора, сына императора Романа I Лекапена, приписывается знатное славянское происхожденіе изъ Пелопонеса, утвержденіе же араба Гамзы о славянскомъ происхожденіи армянскаго царя Василія, разумѣется, такъ же невѣрно, какъ и сказка Θеоѳила о „славянинѣ“ Юстиніанѣ.

Въ этихъ аваро-славянскихъ передвиженіяхъ мы должны видѣть настоящее переселеніе народовъ, волну народовъ, то приливающую, то отливающую опять обратно. Храбрые полководцы, какъ напр. Прискъ, наносили тяжелыя пораженія обоимъ народамъ; но однажды случилось такъ, что только чума въ лагерѣ аваровъ спасла Константинополь. Требованія, предъявленныя къ войску, растутъ поэтому необычайно. Войско возстаетъ и провозглашаетъ императоромъ центуріона Фоку (602—610), который казнитъ Маврикія и его пять сыновей. Но противъ такой дерзости войска возмущается населеніе, прежде всего на родинѣ императора, въ Анатоліи и Киликіи, затѣмъ въ Палестинѣ, Сиріи, Египтѣ, въ особенности-же монофизиты (стр. 44). Персы пытаются отомстить за Маврикія, и миръ съ аварами долженъ былъ быть заключенъ какой бы то ни было цѣной. Однако, византійскія понятія о государствѣ стоятъ уже настолько высоко, что неспособный унтеръ, отличавшійся величайшей жестокостью при подавленіи возстаній, не могъ быть долго терпимъ на престолѣ. Генералъ Прискъ соединяется съ африканскимъ экзархомъ Геракломъ, и послѣдній становится императоромъ. Среди убійствъ закончилась эпоха Юстиніана; имперія была почти близка къ распаденію, и только мечъ спасъ ее.

D. Восточные элементы византійской культуры.

Городъ Константинополь — Византія — Новый Римъ былъ, какъ и древній Римъ, раздѣленъ на 14 частей; къ утѣшенію византійцевъ, знакомыхъ съ исторіей, при нѣкоторомъ воображеніи и доброй волѣ, здѣсь можно было найти даже и семь холмовъ. Древнія патриціанскія фамиліи, уже со временъ Константина на Босфорѣ, присутствуя при зрѣлищахъ въ циркѣ, являвшихся точнымъ подражаніемъ древне-римскимъ, могли жить въ убѣжденіи, что ничто не измѣнилось сравнительно съ древнимъ Римомъ. Военное дѣло, составлявшее силу и гордость римлянъ, даже и въ то время, когда войско состояло уже не изъ италійцевъ и отчасти даже не изъ подданныхъ имперіи, продолжаетъ и въ Византіи носить римскій характеръ; только команда была въ 7 столѣтіи на греческомъ языкѣ, при чемъ древняго слова „эллинскій“ нельзя было теперь употреблять, ибо оно стало равнозначащимъ слову „языческій“. Старыя традиціи римскаго сената, полстолѣтія тому назадъ названнаго краснорѣчивыми устами эллина (Кинея) обществомъ царей, продолжаютъ жить и въ новомъ Римѣ: восточно-римскій сенатъ сохранилъ совсѣмъ маленькій кусочекъ порфиры, формально признавъ императора. Государственная идея Византійской имперіи осталась римской и пріобрѣла лишь абстрактный и болѣе космополитическій характеръ. Въ войско принимались гунны, армяне, хазары, болгары, персы; они, какъ и позднѣйшія постоянныя соприкосновенія съ государствомъ арабовъ и персовъ, сильно содѣйствовали тому, что византійская имперія въ умственномъ и нравственномъ отношеніи получила отпечатокъ восточнаго государства. Не только императорское достоинство окружается какимъ-то ореоломъ таинственности, такъ что императоръ можетъ

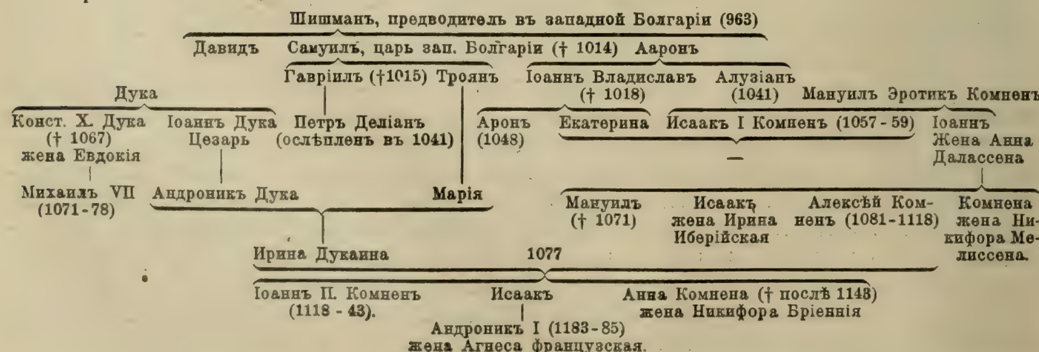
показываться публично только въ совершенно особыхъ случаяхъ, окруженный величайшей и смѣшной пышностью, — но и присущее западу чувство чести постепенно исчезаетъ; высокое положеніе византійскихъ вельможъ нисколько не мѣшаетъ тому, что ихъ при случаѣ подвергаютъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Зацѣпенѣніе и окостенѣніе классоваго и кастоваго государства въ томъ видѣ, какъ его поставилъ Діоклетіанъ (стр. 27), сдѣлало невозможнымъ какое либо свѣжее движеніе снизу; высшіе классы продолжаютъ идти по старымъ, въ теченіе столѣтій глубоко протореннымъ колеямъ. Они были бы лишены всякихъ возбуждающихъ стимуловъ, если бы религіозная борьба не давала случаевъ къ личному выраженію мнѣній, и если бы восточныя вліянія, вновь оживающія восточныя художественныя и правовыя воззрѣнія, поднимающіяся со дна азіатскихъ провинцій, не вносили движенія, подобно ключамъ, бьющимъ въ стоячихъ водахъ.

Не одни только азіатскіе намѣстники были выше по рангу, чѣмъ европейскіе; представители восточныхъ народовъ, особенно армяне, также получаютъ все большее и большее значеніе при дворѣ и въ войскѣ, между начальниками котораго особенной извѣстностью пользуются Мануилъ (при императорахъ Ѳеоѳилѣ и Михаилѣ III) и Іоаннъ Куркуасъ (940—942 г. главнокомандующій въ войнѣ противъ арабовъ, „второй Траянъ“). Неоднократно даже жемчужная діадема восточно-римскихъ императоровъ украшаетъ головы армянъ (Варданъ [Филиппикъ], Артаваздъ [† 743], Левъ V, Василій I, Романъ Лакапенъ, Іоаннъ I Цимисхій), а одинъ разъ мы видимъ ее на головѣ араба (Никифоръ I). Внучка только что упомянутаго Романа I выходитъ въ 927 г. за болгарскаго царя Петра (стр. 35); Дуки и Комнены гордятся своимъ родствомъ съ царемъ западной Болгаріи, Самуиломъ, который былъ человѣкомъ Востока, несмотря на свое жительство въ Европѣ [1].

Въ жилахъ царицы Ирины, бывшей съ 732 г. женой Константина V, течетъ финская кровь: она дочь хазарскаго кагана. Болгарскій ханъ уже при Юстиніанѣ II [† 711) становится патриціемъ имперіи, такъ же какъ и одинъ персъ изъ царскаго рода Сасанидовъ. Василій Дигенисъ Акритъ, византійскій полководецъ, наполнявшій шумомъ своихъ сраженій берега Чернаго моря, славу котораго съ энтузіазмомъ превозноситъ одна эпическая поэма 10 столѣтія, былъ сыномъ арабскаго эмира Али Эдесскаго и гречанки; семья Эмира Анемаса на Критѣ состоитъ на службѣ у Іоанна Цимисхія; Георгъ Маніакъ, завоевавшій вновь Сицилію (въ 1038 г.), носитъ турецкую фамилію.

Чтобы получить наглядное представленіе о странной смѣси западныхъ и восточныхъ элементовъ, взглянемъ на самый городъ Константинополь, какимъ онъ являлся взору путешественника въ эпоху императора Юстиніана.

Скользя на византійской дромонѣ по сверкающимъ волнамъ Босфора, мы видимъ возвышающіяся надъ пологими никомидійскими горами, снѣж-

1


ныя вершины виѳинскаго Олимпа, являющіяся какъ бы вѣхами, указывающими путь въ Азію. Но съ лѣвой стороны наши взгляды привлекаетъ огромный всемірный городъ съ его дворцами и куполами церквей (см. рисунокъ „Константинополь не задолго до и въ первое время послѣ завоеванія его турками“, гл. II). За крѣпкими валами защищающими берега, между продолговатымъ гипподромомъ и дворцомъ, состоящимъ изъ многихъ частей, возвышается храмъ св. Софіи, обитые металломъ купола котораго сверкаютъ на солнцѣ золотомъ. Въ заливѣ Золотого Рога наше судно пробирается между сотнями дромонъ и лодокъ, подобно тому, какъ и мы, благополучно причаливъ, чтобы добраться до церкви св. Софіи, должны протискиваться сквозь пеструю толпу, состоящую изъ болгаръ въ тюрбанахъ и широкихъ шароварахъ, изъ желтыхъ некрасивыхъ гунновъ, изъ персовъ въ высокихъ барашковыхъ шапкахъ. Внутренность церкви, въ которую мы теперь вступаемъ, озаряется могучими потоками свѣта, падающаго черезъ 40 оконъ; свѣтъ останавливается на сверкающихъ яшмовыхъ, порфировыхъ, алебастровыхъ и мраморныхъ колоннахъ, скользитъ по перламутровой инкрустаціи и отражается тысячью огненныхъ лучей отъ густо позолоченныхъ мозаикъ (см. объясненіе къ рисунку „Христосъ на тронѣ“ въ IV т.). Безпокойная роскошь, отсутствіе пластическаго чувства и выступающая вмѣсто того на первый планъ облицовка плоскостей, отличаются безусловно восточнымъ характеромъ. Такой же восточный характеръ носятъ и капители колоннъ, каменные облицованные кубы, въ которыхъ мы должны видѣть возвращеніе къ финикійско-сирійскимъ художественнымъ традиціямъ, а также соломенные узоры мозаикъ, въ которыхъ видна западная обработка первоначально китайскихъ, затѣмъ персидско-сирійскихъ узоровъ съ сѣтью ромбовъ.

Это впечатлѣніе дополняется прогулкой по Константинополю. У золотого трона Ѳеодосія Великаго возвышаются огромные египетскіе пилоны; мы проходимъ мимо большихъ сирійскаго типа водоемовъ и бросаемъ взглядъ на колонныя цистерны египетскаго происхожденія. Если мы войдемъ въ домъ вельможи, то увидимъ, что полъ—по древней традиціи востока—выложенъ изразцами; домашнюю утварь покрываетъ, гдѣ только возможно, тяжелое листовое золото, что является возрожденіемъ ассирійства, проникшаго черезъ посредство Византіи даже ко двору Карла Великаго (см. стр. 63). Въ лежащихъ кругомъ шелковыхъ работахъ намъ бросаются въ глаза своеобразныя фигуры животныхъ, дѣтски-фантастическія формы которыхъ мы бы встрѣтили и на крайнемъ востокѣ. Произведенія изъ золота, сквозныя и наполненныя въ прорѣзахъ прозрачной лазурью, указываютъ на восточныя традиціи, точно также и чрезмѣрная роскошь находящихся въ этихъ покояхъ вельможъ и ихъ женъ. На длинной туникѣ мужчинъ, на ихъ богато разукрашенной хламидѣ, на ихъ обуви сверкаетъ золото, драгоцѣнные камни и прозрачный стеклярусъ, а на мечахъ мы видимъ старинную ассирійскую рельефную насѣчку.

Широкія одежды женщинъ снизу доверху покрыты вышивкой; талію опоясываетъ широкая шаль, а на плечи надѣта вышитая узкая накидка; все это моды, которыя мы находимъ впослѣдствіи при дворѣ Каролинговъ, носившихъ лишь нѣмецкую прическу.

А огромный императорскій дворецъ уже самъ по себѣ цѣлый городъ со всѣми его чудесами!

Человѣкъ, пріѣхавшій туда съ мужицкаго запада, долженъ былъ съ изумленіемъ созерцать всѣ эти чудеса, принимая ихъ за ожившія сказки востока. Какъ нѣкогда при древне-персидскомъ дворѣ, сверкаютъ золотые наконечники копій тѣлохранителей (см. рисунокъ при стр. 145 т. III); роскошь красокъ въ одеждахъ восточнаго же происхожденія. Таинственное движеніе предупреждаетъ о чемъ-то великомъ: звонъ золотого колокола и пѣніе священниковъ, глухо нарастающій шумъ привѣтствій извѣщаютъ о

появленіи императора. Послу, вступающему для аудіенціи въ императорскій залъ, бросался въ глаза огромный золотой платанъ, который возвышался за трономъ, какъ нѣкогда и при персидскомъ дворѣ; въ вѣтвяхъ его порхали и пѣли искусственныя птицы, золотые львы рычали около трона, и среди всего этого ошеломляющаго блеска сидѣла неподвижно фигура, почти утопающая въ дорогихъ, усыпанныхъ золотомъ и драгоцѣнными камнями одеждахъ, фигура, кажущаяся скорѣе образомъ, принципомъ, мыслью, чѣмъ человѣкомъ. Это императоръ. И въ древне-восточномъ почитаніи, въ проскинезисѣ, все падало къ его ногамъ; медленно поднимается кверху тронъ и, кажется, что онъ виситъ въ воздухѣ. Никогда до сихъ поръ западные владыки не прибѣгали къ такимъ умопомрачительнымъ пріемамъ. Здѣсь восточная роскошь красокъ и любовь къ чудесамъ (см. объясненіе къ рисунку при стр. 267 III т.) вступили на службу къ деспотизму. Выйдя вновь изъ дворца, мы услышимъ звуки уличной пѣсни, по восточному обычаю сложенной чернью въ честь императора.

Такимъ образомъ византійскій смѣшанный стиль представляетъ изъ себя разложеніе римско-греческаго стиля на его первоначальныя азіатскія составныя частички, которыя еще сильнѣе развиваются благодаря родной почвѣ. Забыто чудное пластическое чувство Греціи, исчезъ римскій имперскій стиль, если онъ когда-либо существовалъ; закрытіе и облицовка плоскостей, восточный вышивочный и накладной стиль—вотъ что является теперь идеаломъ византійцевъ.

Да и вообще духовная жизнь проявляетъ черты восточной изнѣженности. Писатели заставляютъ своихъ героевъ и героинь, съ непріятной, только вліяніемъ востока объяснимой, изнѣженностью и сентиментальностью разливаться слезами и падать въ обморокъ. Не жалѣя времени, что такъ характерно для созерцательнаго востока, не только романисты, но и историки даютъ описаніе своей личности, по своей подробности граничащее съ примѣтами въ объявленіяхъ о розыскѣ. Изъ египетско-греческаго культурнаго круга, изъ давно покрытой другими наслоеніями культуры Египта, гдѣ стремленіе индивидуума къ вѣчной жизни создало изображенія въ муміяхъ на гробницахъ и документальныя изображенія въ завѣщаніяхъ, эти подробнѣйшія описанія пробиваются также къ новой жизни въ Византіи, при посредничествѣ позднихъ греческихъ образцовъ 2 столѣтія. Въ области изящной литературы индійская басня и романъ приключеній переплетаются съ позднимъ греческимъ любовнымъ романомъ, такъ что мотивы, впервые появляющіеся въ индійскихъ басняхъ, распространяются затѣмъ на Западъ, гдѣ слѣды ихъ можно найти даже въ „Декамеронѣ“ Боккачіо. Архитектура обнаруживаетъ непосредственную связь съ арабскими образцами: императоръ Ѳеоѳилъ (829 — 842), по совѣту хорошо знакомаго съ арабами Іоанна Грамматика, строитъ свой лѣтній дворецъ по образцу дворца калифовъ въ Багдадѣ, а во дворцѣ Гебдомонѣ мы видимъ подражаніе арабскимъ украшеніямъ.

Восточныя иностранныя слова въ изобиліи проникаютъ въ греческій языкъ, отчасти вмѣстѣ съ появленіемъ у грековъ обозначаемыхъ ими предметовъ: арабскія названія для пива (*φουκκᾶς*), для книги гаданій (*ῥαμπλίον*, по-арабски raml), для фитиля (*φατλίον*, по-арабски fatila), для безопасности (*ἀμανάτη*, по-арабски amanat) прививаются именно въ это время. Вмѣстѣ съ персидской царской мантіей, употребляемой при короновании (Mandiga), и обыкновенной царской мантіей (Skaramangion) получаютъ право гражданства и персидскія названія ихъ; названіе же жемчужной діадемы, которую носили Арсакиды и Сасаниды, не появляется.

Въ кругозорѣ византійцевъ блѣднѣетъ представленіе о западѣ и о крайнемъ западѣ, между тѣмъ, какъ народы востока получаютъ болѣе ясныя очертанія. Уже Прокопій Цезарейскій († 563) высказываетъ странныя мысли относительно вида Британіи. Въ книгѣ церемоніаловъ,

трактующей о сношеніяхъ съ туземными правителями, говорится о князьяхъ Баваріи и Саксоніи, что имъ принадлежитъ земля „нѣмцевъ“; около 900 года о германцахъ знаютъ немногимъ болѣе одного имени, даннаго имъ славянами и мадьярами, и посолъ императора Оттона I занимаетъ за византійской придворной трапезой низшее мѣсто, чѣмъ посолъ болгарскій. Наоборотъ, восточныя страны становятся все болѣе извѣстными. Около 620 года историкъ Θеоθилактъ Симокатъ набрасываетъ, вѣроятно, по турецкимъ свѣдѣніямъ (на основаніи письма хакана турокъ къ императору Маврикію, привезеннаго въ 598 г. послами въ Византію), хорошій очеркъ Китая. Въ виду византійскихъ споровъ изъ за престола, онъ называетъ счастливыми китайцевъ, не знающихъ такихъ вещей и отзывается съ большимъ сочувствіемъ о мудрыхъ законахъ и о запрещеніи мужчинамъ носить золото и серебро; однако, и у него фигурируетъ сказаніе, будто Александръ Великій былъ основателемъ двухъ большихъ китайскихъ городовъ. Такимъ образомъ, все то, что давало жизненные импульсы Византіи, большею частью уже давно жило въ нижнихъ восточныхъ слояхъ культуры или ведетъ свое происхожденіе изъ восточныхъ круговъ, находящихся внѣ византійской народной жизни. Если мы назовемъ благодаря этому византійскую культуру *смѣшанной культурой*, то она все-таки была настолько жизнеспособна, что оказывала еще *вліяніе* и на *другія* культуры на востокѣ и западѣ, точно такъ же, какъ нѣкогда финикійско-переднеазіатская смѣшанная культура. Роль честнаго маклера между востокомъ и западомъ играла болѣе мѣстная, самостоятельная культура Сиріи.

E. Византійская провинція Сирія въ качествѣ посредницы между западомъ и востокомъ.

Если южныя провинціи византійской имперіи вообще поддерживали живыя сношенія съ востокомъ (изъ Египта горячій восточно-римскій патріотъ Козьма Индикоплевстъ отправился въ Индію, которую описалъ потомъ живыми красками), то Сирія въ особенности служила акклиматизаціоннымъ садомъ для восточныхъ и западныхъ вліяній и осталась таковымъ, когда византійское господство въ 640 г. прекратило тамъ свое существованіе, и страна перешла къ арабамъ (т. III, стр. 301). Во время Римской имперіи греко-римская культура одержала здѣсь полную побѣду; только въ отдаленнѣйшихъ деревняхъ раздавались еще звуки мѣстнаго арамейскаго языка. Христіанство, въ качествѣ истинной демократической силы, взяло подъ свою защиту родной народный языкъ и въ короткое время сдѣлало его языкомъ всемірнымъ. Произведенія греческаго ума были переведены на сирійскій языкъ.

Въ умственной жизни Византіи на переднемъ планѣ стоятъ сирійско-греческіе *писатели*, которые по своей національности едва могутъ быть раздѣлены на настоящихъ сирійцевъ, сирійцевъ изъ давно уже *грецизированныхъ* родовъ и грековъ изъ старинныхъ родовъ. Величайшій сочинитель гимновъ, принадлежащій къ писателямъ Средней Греціи, Романъ Мелодъ (около 500 г.), происходитъ изъ Сиріи. Эта страна дала массу историковъ: Прокопія Цезарейскаго, Іоанна Эпифанскаго, знавшаго хорошо Персію, Евагрія Схоластика (около 600 г.), Іоанна Малала (по-сирійски malal=rhetor), для котораго, несмотря на политическую столицу Византію, умственнымъ фокусомъ была Антіохія. Въ области грамматики работаютъ многосторонній Іоаннъ Филопонъ изъ Цезареи, Сергій изъ Эмезы въ качествѣ зоолога, Тимоθей изъ Газы. Сирійскаго же происхожденія и Аэтій изъ Амиды въ Месопотаміи, бывшій позднѣе лейбъ-медикомъ императора (см. „Jahresberichte der Geschichtswissenschaft“ 22, IV, 199$\frac{1590}{}$), хотя онъ и началъ изученіе древнихъ медиковъ въ Александріи. Его ближайшій землякъ открываетъ собою рядъ догматическихъ бого-

слововъ Сиріи, къ которымъ принадлежитъ между прочимъ и родившійся въ Палестинѣ, но дѣйствовавшій въ Сиріи „Предтеча схоластики". Представителемъ умственныхъ интересовъ является, далѣе, въ области толковничества Прокопій изъ Газы; къ этому же ряду относятся друзья историка Евагрія, аскетъ Симеонъ Стилитъ († 460), восхвалявшій монашескую жизнь, и духовный ораторъ Григорій, патріархъ Антіохійскій. Такимъ образомъ, въ византійской литературѣ ранняго періода провинція Сирія играетъ огромную роль, далеко не пропорціональную количеству своего народонаселенія. Въ школахъ вводились изученіе и толкованіе Аристотеля, мудрость Пиѳагора и Платона; вновь привлекаетъ къ себѣ вниманіе громкое краснорѣчіе псевдо-изократовскихъ рѣчей: ими особенно много занимался врачъ Сергій изъ Рас-а-ина († 536). Переводятся также и позднѣйшіе писатели (какъ напримѣръ, Северъ Антіохійскій, Іоаннъ Филлипонъ, Порфирій, Секст. Юлій Африканъ, Евзебій, Апологія Аристида); переводятся также персидскія сочиненія (Квелилагъ и Дамнагъ) сказаніе о Барламѣ и Іосафатѣ см. ниже, стр. 56), и еврейскія. Отсюда произошли легенды о нахожденіи креста, о семи спящихъ отрокахъ, о крещеніи Константина. На листкахъ древняго сирійскаго евангелія пишутся „жизнеописанія св. женъ". Послѣдній разсказъ въ этой серіи описываетъ искушеніе Ясты Антіохійской схоластикомъ Аглаидомъ, который, послѣ неудачи своего сватовства, обращается къ волшебнику Кипріану. Этотъ послѣдній связанъ написаннымъ кровью договоромъ съ однимъ демономъ, который берется побѣдить дѣву, но самъ вынужденъ признать себя побѣжденнымъ крестнымъ знаменіемъ. Тогда Кипріанъ отказывается отъ всякаго волшебства, убѣжденный въ недостаточности самопріобрѣтеннаго знанія и движимый страстнымъ стремленіемъ къ истинѣ. Эта легенда о Кипріанѣ, несомнѣнно, возникшая на сирійской почвѣ, неоднократно пріобрѣтала большое значеніе для западнаго міра; она оказала свое вліяніе на сказаніе о Фаустѣ, а также на фабулу, положенную въ основаніе „Чудодѣя Мага" Педро Кальдерона.

По пространственнымъ размѣрамъ своего распространенія сирійское посредничество было еще успѣшнѣе. По берегамъ Индіи, въ Гималаяхъ и на Цейлонѣ жили сирійскіе христіане, оказывавшіе глубокое вліяніе на Индію. Отзвуки воспоминанія о нихъ имѣются въ индійскомъ эпосѣ „Магабгарата"; легенды о рожденіи полубога Кришны и о его преслѣдованіи Канзой; система Аватара является, вѣроятно, подражаніемъ христіанскому догмату о происхожденіи Христа, почитаніе матери Кришны, Деваки,—служатъ краснорѣчивыми свидѣтельствами этихъ воспоминаній. Появленіе же греческаго астронома Птоломея въ качествѣ демона (Азура) Майи и многочисленные греческіе термины въ индійской астрономіи объясняются только сношеніями съ Александріей. Поддерживали ли сирійскіе христіане Индіи настолько живыя сношенія съ странами запада, что еще король Альфредъ Англійскій могъ отправить къ нимъ посольство, это навѣрное не установлено.

Въ таинственныя плоскогорія Средней Азіи проникаютъ сирійскіе миссіонеры; въ правленіе великаго императора Тай-Цзуна (627—649; см. т. II), передъ волей котораго склонялась сѣверная Индія, и котораго Персія молитъ о помощи (Ездегердъ III въ 638 г. противъ арабовъ; (см. Т. III, стран. 300), появились въ Китаѣ вдохновенные проповѣдники изъ Сиріи. Составленная въ 781 г. на китайскомъ языкѣ надпись, въ которой имѣются однако и сирійскія строки, была найдена у блистательнаго Си-нганъ-фу (Хубданъ у Ѳеоѳилакта Симоката) въ 1625 г.; эта надпись свидѣтельствуетъ какъ о религіозномъ рвеніи сирійцевъ, такъ и о терпимости китайскаго императора, который велѣлъ перевести и распространить Священное Писаніе и выстроить церковь чистой вѣры: „Честныя ученія не имѣютъ неизмѣннаго имени, святые мужи не имѣютъ неизмѣннаго мѣста жительства; наставленія даются смотря по мѣстности, съ

цѣлью осчастливить народъ повсюду. Достопочтеннѣйшій Алапеннъ (Олопенъ) изъ царства Тацинъ (азіатскихъ провинцій Римской имперіи), привезъ свои священныя книги и картины изъ этой далекой страны и подарилъ ихъ нашей резиденціи и столицѣ. Познакомившись съ ученіями этой религіи, мы нашли ее превосходной и естественной... полезной для всѣхъ существъ, отмѣнной для людей". Такимъ образомъ, мнимое политическое посольство въ Китай (около 642 г.) византійскихъ регентовъ эпохи малолѣтства Констана II, превратилось, вѣроятно, въ религіозное посольство сирійскихъ несторіанъ.

Изъ степной почвы Туркестана недалеко отъ Исы куля были въ 1885 году извлечены сирійскія надгробныя надписи. Человѣкъ, облагораживаясь, прежде всего обращается къ культу могилъ, чтобы спасти отъ забвенія память дорогихъ ему людей и установить связь между извѣстной сей жизнью и таинственнымъ загробнымъ міромъ; точно такъ же и бѣдные турки Семирѣчья пользовались благодѣяніями сирійскаго языка и письменности, чтобы сохранить память о своихъ покойникахъ. Поисхожденіе изъ сирійскаго письма алфавита Манджу, Уйгуровъ, а черезъ посредство послѣднихъ—и алфавитовъ монголовъ, можно объяснить именно изъ могущественной роли сирійцевъ. Обладая въ то время въ полной мѣрѣ восточной культурой, они оказывали большое вліяніе и на восточные народы; достовѣрныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, при которыхъ появилось у Уйгуровъ сирійско-несторіанское письмо, даетъ намъ памятникъ въ Кара Бальгассунѣ.

Такую же важную роль играютъ сирійцы и на Западѣ. Уже Іеронимъ говоритъ: „Корыстолюбіе заставляетъ ихъ рыскать по всему свѣту, и ихъ страсть къ торговлѣ доходитъ до того, что они и теперь еще, когда міромъ владѣютъ варвары, среди мечей и труповъ ищутъ богатства и, подвергаясь опасностямъ, побѣждаютъ бѣдноту". И дѣйствительно, мы находимъ сирійцевъ разсѣянными повсюду не только до, но и послѣ паденія Западной Римской имперіи. Тиръ, нѣкогда, еще въ 11 столѣтіи по Р. Х. бывшій метрополіей финикійской торговли, теперь въ 5 и 6 столѣтіяхъ по Р. Х. является центромъ торговли шелкомъ, затѣмъ Сидонъ и Беритъ посылаютъ своихъ торговцевъ, главнымъ образомъ, въ Италію (въ Верону, Равенну, Неаполь), На основаніи надписей можно доказать ихъ присутствіе и въ различныхъ городахъ франконскаго государства. Мы находимъ сирійцевъ въ Нарбонѣ, Бордо, Віенѣ, Ліонѣ, Генэ, Безансонѣ, Орлеанѣ, Турѣ, Ла Шапелль Сэнъ-Клу, Парижѣ. На германской территоріи они появляются въ Страсбургѣ, Трирѣ, Рейнцабернѣ и Баваріи; въ Англіи въ Су-Шильдѣ. Въ ихъ рукахъ находится торговля виномъ и египетскимъ папирусомъ; они поднимаютъ искусство садоводства и привозятъ съ родины растенія, изъ которыхъ упомянемъ только шалотту (слово происходитъ отъ города Аскалона). Они распространяютъ сдѣланныя на родныхъ фабрикахъ шелковыя матеріи; узоры этихъ матерій персидскіе, прежде всего два всадника въ центрѣ, но фонъ, на сирійскій манеръ, заполненъ (виноградными лозами, вѣтвями съ листьями и гроздьями); встрѣчаются также уже и чисто сирійскіе сюжеты (одежда съ изображеніемъ нимфы въ берлинскомъ музеѣ императора Фридриха; покрышка на реликвіяхъ въ сокровищницѣ въ Ахенѣ, съ фономъ, заполненнымъ по-сирійски). Соотвѣтственно съ этимъ проникаютъ на западъ и сирійскія вліянія въ живописныхъ украшеніяхъ: нарисованный въ 781—783 г. для Карла Великаго Евангеліаръ Годескалька заключаетъ въ себѣ сирійскій источникъ жизни съ фигурами животныхъ, точно такъ же какъ и сдѣланная въ 566 г. Библія сирійскаго монаха Рабулы. Черезъ посредство сирійцевъ проникаетъ на западъ разсказъ индійскаго происхожденія о королевскомъ сынѣ, который, не находя удовольствія въ блескѣ и роскоши и ужаснувшись невыразимаго горя, разрывающаго человѣческія сердца, бѣжитъ въ уединеніе, чтобы примирить себя и людей по-

средствомъ новаго, спасающаго міръ, ученія: это разсказъ о Варлаамѣ и Іосафатѣ, въ которомъ Европа имѣла уже біографическій очеркъ Будды еще прежде, чѣмъ она познакомилась съ буддизмомъ.

Не по греческимъ, а по сирійскимъ преданіямъ, было создано на западѣ сказаніе объ Александрѣ; нѣкоторыя основныя черты первоначальнаго сказанія о Фаустѣ, какъ уже упомянуто на стр. 54, имѣютъ, вѣроятно, своимъ источникомъ антіохійское сказаніе о Кипріанѣ, а въ основаніи разсказа о Юліи въ императорской хроникѣ лежитъ, вѣроятно, одинъ сирійскій романъ. Послѣ обозрѣнія этой богатой посреднической дѣятельности насъ не удивитъ, что Карлъ Великій привлекаетъ именно сирійцевъ къ имѣвшемуся имъ въ виду исправленію текста Евангелій.

F. Византія въ качествѣ культурнаго центра для Востока и Запада въ древневизантійскую эпоху.

α) По отношенію къ востоку.

a) Византійскія вліянія на арабовъ.

Посредническая роль восточно-римской провинціи Сиріи продолжалась и тогда, когда Сирія была завоевана арабами и была потеряна, такимъ образомъ, для византійскаго владычества. Уже раньше арабы находились подъ вліяніемъ греческо-византійскаго образа жизни, въ особенности же арабы Ширата (Хира) и Гассана (см. Т. III, стр. 242). Греческіе, или же знакомые съ традиціями греческаго искусства, художники построили по ту сторону Іордана въ области Моабъ, въ $1^1/_2$ дняхъ пути на востокъ отъ Іерихона, дворецъ ель-Мешета (М'шата) для одного изъ Гассанидовъ (скульптурныя украшенія южнаго фасада находятся съ конца 1903 года въ Берлинскомъ музеѣ императора Фридриха). Раздѣленіе стѣнъ зигзагообразными линіями рельефной работы настолько же мало отличается семитическимъ характеромъ, какъ и шестилопастныя или восьмиугольныя розетки въ угловыхъ поляхъ. Также и виноградныя вѣтви, бывшія на одной вазѣ, симмитрически тянущіяся вверхъ и обладающія массой листьевъ, обнаруживаютъ восточный, не разработанный въ Византіи, вышивочный стиль (стр. 49—50). Подробности соотвѣтствуютъ какъ древневизантійскимъ образцамъ, напр., колоннымъ тамбурамъ въ Чинили-Кіоскѣ, такъ и средневизантійскимъ мотивамъ, напр., рисункамъ на мраморной доскѣ въ церкви Пресвятой Богородицы въ Ѳивахъ; но по своей здоровой тонкой техникѣ рельефныя работы въ ель-Мешеттѣ сродни только древневизантійскому искусству и, навѣрное, относятся къ 5 или 6 столѣтію. Находящіеся вблизи развалины ель-Касталь (Castellum), по достовѣрнымъ преданіямъ построены Гассанидами; руина на востокѣ отъ Дамаска (Хирбетъ ель Беда) относится, вѣроятно, къ той же эпохѣ. Какъ германцы переняли отъ римлянъ обозначенія предметовъ, относящихся къ области строительства (кирпичи, известка, столбы, пилястры и др.), точно также и многія греческія обозначенія перешли въ арабскій языкъ, что является весьма понятнымъ при пользованіи византійскими рабочими. Такъ, напр., слово черепица *κεραμίς* перешло въ арабскій языкъ въ видѣ слова qirmîd, греческое *κῶνος* (шипъ) превратилось въ qaunas; кажется даже, что греческое *ψῆφος* (камушекъ), который подавался при голосованіи, сохранился въ арабскомъ подъ именемъ fiçe (отсюда tafaçfaça).

Объ этой совмѣстной жизни, въ которой византійцы играли роль дающихъ, мы получаемъ живое представленіе по надписямъ того времени на двухъ и на трехъ языкахъ. На юго-востокѣ отъ Алеппо, на равнинѣ Джебулъ сохранились развалины базилики, въ которой мы можемъ еще различить основной планъ съ большимъ среднимъ кораблемъ, двумя боко-

выми кораблями, апсидой на восточной и главными воротами на западной сторонѣ. Въ этой базиликѣ имѣлись надписи объ основаніи ея, на греческомъ, сирійскомъ и арабскомъ языкахъ. Въ этихъ надписяхъ сообщается по гречески, что эта церковь св. мученика Сергія основана въ Цебедѣ 24 Горпіея (Ilûl) 823 селевкиденеры (т. е., 29 сентября 512 г.), и приводятся греческія (нѣсколько искаженныя) и семитскія имена. Сирійская надпись начинается словами; „Хвала Отцу и Сыну и св. Духу“ и далѣе повторяются тѣ же данныя объ основаніи храма; въ арабской надписи греческое слово *οἰκόνομος* передается арабскимъ kanama. Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ каждый слой населенія прославляетъ надписями на своемъ языкѣ постройку общаго храма: правящій чиновничій классъ—по-гречески; широкіе слои народонаселенія—по-сирійски, и, наконецъ, по-арабски, уже въ то время проникшіе сюда и обращенные сирійцами въ христіанство сѣверные арабы, старѣйшій сохранившійся памятникъ языка которыхъ мы и имѣемъ въ этой Цебедской надписи. Такъ какъ отцы носятъ семитическія имена, а сыновья—имя мученика Сергія, то, вѣроятно, обращеніе въ христіанство произошло именно въ это время. Другая греческо-арабская надпись изъ Гаррана въ Трахонитской области (см. карту „Западная Азія въ эпоху калифовъ“ при стр. 308 т. III) относится къ 568 г.

Арабы выступаютъ на арену исторіи совершенно некультурнымъ народомъ пустыни; поэтому византійская торговля удовлетворяла ихъ растущія потребности; поэтому мѣрою вѣса служитъ у нихъ греческій фунтъ (по-гречески *λίτρα;* по арабски ritl); поэтому, когда они сами вступили въ число торговыхъ народовъ, они стали называть свои товарные склады по греческому образцу (*πανδοχεῖον*) фундуками (отъ арабовъ это слово перешло потомъ опять на западъ въ видѣ fondaco). Восточные фрукты они узнаютъ подъ греческими именами; арабское слово albarquq, нашъ абрикосъ, происходитъ отъ греческаго *βερικούκκα* (первоначально латинское praecoqua), за арабскимъ словомъ, обозначающимъ орѣхъ bunduq скрывается вовсе греческое обозначеніе мѣста—*(κάρυον) ποντικόν*, Наконецъ, бедуины называли и листъ бумаги на греческій манеръ (*χάρτης*, по-арабски qiϑrâs). Когда затѣмъ изъ арабскихъ племенъ образуется крупное государство, мы, не смотря на религіозный фанатизмъ арабовъ, даже и въ религіозныхъ отношеніяхъ, имѣемъ доказательство того, что арабы и здѣсь сохраняютъ сознаніе воспринятой культуры: Омаръ молится на ступеняхъ церкви Константина, хотя и отклоняетъ приглашеніе патріарха Софронія помолиться въ церкви. Экономическая и правовая жизнь арабовъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ Византіи. Арабы пользуются въ Дамаскѣ, Баальбекѣ, Гомсѣ и Тиверіадѣ греческими монетами, на которыхъ вычеканиваютъ только названіе города; когда они начинаютъ сами чеканить монету, они выпускаютъ ее съ греческими надписями, иногда, напр., на такъ называемыхъ, гераклейскихъ динаріяхъ, съ латинскою надписью вокругъ. Вліяніе Византіи видно въ заключеніи договоровъ найма и аренды, а также и въ томъ, что сыновья, по римскому обычаю, освобождались отъ опеки только по достиженіи 25 лѣтняго возраста.

Византіецъ, пожелавшій послѣ завоеванія Сиріи арабами взглянуть съ Антиливана, съ старой караванной дороги, на этотъ рай, среди котораго въ зеленомъ вѣнкѣ садовъ сверкало обширное море домовъ Дамаска, могъ бы, при видѣ увѣнчанныхъ куполами мечетей, отчасти построенныхъ еще греческими архитекторами и сохранившихъ форму креста, подумать, что вся эта полная свѣта страна, отъ разорванныхъ вершинъ Гебель-есъ-шейхъ и до раскаленной почвы пустынь, все еще находится подъ владычествомъ грековъ. Это мнѣніе было бы еще болѣе укрѣплено, если бы онъ спустился внизъ и увидѣлъ арабскія войска, вооруженныя по византійскому образцу и марширующія на византійскій манеръ, если бы онъ посѣтилъ городскіе дома, въ которыхъ всюду нашелъ бы римскія во-

рота (ostium) и открытый дворъ (atrium), если бы онъ посѣтилъ сирійскія гавани и увидѣлъ, что арабскіе корабли построены по образцу дромонъ (стр. 51).

Греческіе художники и рабочіе часто служили распространителями этого византійскаго вліянія на арабское государство. Такъ, напр., по сообщенію Абдерахмана ибнъ-Халдуна († 1406), греческій императоръ по просьбѣ калифа Валида, въ первомъ десятилѣтіи 8-го вѣка послалъ ему архитекторовъ для перестройки церкви св. Іоанна въ Дамаскѣ; греки же работали и при перестройкѣ мечети въ Мединѣ (по Табари, † 923). Христіанскіе (т. е., вѣроятно, греческіе) мастера работали, должно быть, при постройкѣ Куббетъ есъ-Сахры, точно также и при постройкѣ Джами ель-Аксы, которая въ средней части своей напоминаетъ церковь Св. Маріи Юстиніана. Самымъ удивительнымъ фактомъ является позднѣйшее, отдаленное вліяніе византійской культуры въ Испаніи, гдѣ Абдуррахманъ III (912—961), по сообщенію Маккара († 1631), пользуется византійскими рабочими. Особенно ясно видно это культурное вліяніе въ святая святыхъ мечети въ Кордовѣ. Сверкающія золотомъ и пестрыми красками мозаики этого храма были, также и по сообщенію Едризи (1164—65), сдѣланы греческими рабочими, посланными византійскимъ императоромъ. Желѣзныя двери и колодезь въ Кордовѣ точно такъ же, какъ и бронзовый фонтанъ въ Царѣ, безъ сомнѣнія, греческаго происхожденія. Византійское вліяніе распространяется и на ремесленное искусство; это ясно видно по одному арабскому ящику въ Луврѣ, съ надписью, въ которой упоминается имя Альмогуейны (сына Абдуррахмана). Византійцы же содѣйствовали ознакомленію испанскихъ арабовъ съ греческой наукой: переводъ Діоскорида производится впервые, при живомъ содѣйствіи заинтересованныхъ арабскихъ ученыхъ, византійцами и однимъ языковѣдомъ евреемъ.

Такимъ образомъ, вліяніе на арабовъ греческой культуры и просвѣщеніе ихъ было подготовлено въ Сиріи и сирійской народностью и можетъ быть распространялась далѣе изъ Александріи, мѣста, которое вплоть до 7-го столѣтія можетъ разсматриваться, какъ умственный центръ Византійской имперіи. Здѣсь, въ Египтѣ, арабская орнаментика восприняла, во всякомъ случаѣ, и общіе элементы античнаго искусства позднѣйшаго періода, что видно по пальметтовому фризу, по волнообразнымъ завиткамъ, по листьямъ акантуса въ профилѣ на мечети Ибнъ-Тулунъ въ Каирѣ (т. III., стр. 681). Можетъ быть, и здѣсь можно узнать также мѣстныя вліянія, византійски окрашенныя вліянія античнаго искусства позднаго періода. Политическая центральная власть въ Константинополѣ часто сознательно содѣйствовала этому культурному процессу; напр., посылкой византійскихъ рабочихъ, національности которыхъ мы, однако, къ сожалѣнію, не знаемъ; часто только сильная государственная власть и дѣлала возможными эти культурныя вліянія.

β) Византійскія вліянія на Арменію.

Какъ византійское вліяніе на арабовъ было подготовлено въ Сиріи, точно также сирійская культура проложила путь вліянію Византіи на Арменію. Главныя понятія западной культуры, политическая императорская власть (по-армянски kaisr=*καῖσαρ*) и религіозное мученичество (по-армянски maturn=*μαρτύριον*), можетъ быть, непосредственно перешли въ Арменію изъ области греческой культуры, такъ что уже рано, въ первыя три столѣтія существовали сношенія съ греками; но существеннѣйшія позднѣйшія вліянія пришли черезъ Сирію.

Основатель армянской церкви, Григорій Лузаворичъ вводитъ сирійское богослуженіе, пользуется, какъ разсказываетъ Моисей Херонскій, сирійскими буквами для армянскаго письма и назначаетъ сирійца Давида

главнымъ наблюдателемъ за всѣми епископами. Если даже исключить сирійское, какъ утверждаютъ, происхожденіе армянскаго символа вѣры, то и тогда сирійскія религіозныя вліянія остаются доказанными, такъ какъ этотъ символъ связанъ съ лже-аѳанасіевымъ символомъ вѣры. Изъ посѣщаемыхъ молодыми армянами школъ Эдесская пользуется предпочтеніемъ передъ Александрійской и Константинопольской, благодаря своей близости и прекрасной библіотекѣ. Монастыри и епископскіе престолы основываются сирійцами въ Арменіи, многочисленныя сирійскія сочиненія переводятся на армянскій языкъ и сирійскіе патріархи стоятъ во главѣ армянской церкви, хотя признаются отнюдь не всѣми; еще въ 6-мъ столѣтіи мы находимъ въ Арменіи сирійскихъ епископовъ. Произведенія искусства, сирійскія миніатюры вводятся въ Арменію. Миніатюры эчміадзинскаго евангелія въ подробностяхъ орнаментики (въ растеніяхъ, птицахъ по бокамъ вазы) а также въ типологическомъ изображеніи (въ благовѣщеніи Захаріи, въ благовѣщеніи Маріи, въ крещеніи Христа) настолько тѣсно связаны съ сирійской библіей монаха Рабулы 586 г., что мы должны предположить существованіе болѣе древняго сирійскаго оригинала.

Связь Арменіи съ центральной властью въ политическомъ и культурномъ отношеніи долгое время значительно отстаетъ отъ этой культурнорелигіозной связи съ византійской провинціей Сиріей. Правда, уже въ 323 году былъ заключенъ союзъ между основателемъ Константинополя и Хозроемъ II, сыномъ Трдата Великаго. Но уже Валенсъ находитъ болѣе выгоднымъ соединиться съ персами (Шапуромъ II) противъ армянъ (374 г.; см. „Исторію Ирана" Фердинанда Юстиса въ „Очеркахъ иранской филологіи" Гейгеръ-Куна); находящимся подъ византійскимъ владычествомъ армянамъ не позволяется болѣе пользоваться сирійскими буквами. Но національное объединеніе армянскаго народа совершается при поощреніи Византіи. Армянскій національный алфавитъ пишется св. Месробомъ († 19-го февраля 441 г.; собственно Мастотсъ) въ сирійской Самосатѣ; шесть учениковъ армянскаго католикоса пріѣзжаютъ въ 432—433 г. въ Константинополь, чтобы вполнѣ овладѣть греческимъ языкомъ. Можетъ быть, и вѣренъ тотъ фактъ, что стремленіе католикоса Сахака (384—386) вовлечь и западныхъ армянъ въ эту національную пропаганду, встрѣтило противодѣйствіе со стороны византійскихъ намѣстниковъ; просьба католикоса и отвѣтъ императора, который разрѣшаетъ принятіе армянскаго алфавита, приведены у Моисея Херсонскаго, но едва ли они подлинны. Сознаніе необходимости культурныхъ заимствованій беретъ верхъ надъ противоположностью политическихъ и религіозныхъ интересовъ: армяне заимствуютъ у грековъ почти всю свою письменность и церковное пѣніе; признавая эту духовную зависимость, императоръ Ѳеодосій II и его всемогущая сестра Пульхерія († 453) поощряютъ переводческую дѣятельность, какъ духовной, такъ и матеріальной помощью изъ государственной казны.

Армянскіе патріархи воспитываются въ „Греціи", т. е., вѣроятно, въ Византіи. Джіутъ (патріархъ отъ 465—475 г.) подчеркиваетъ свою духовную зависимость отъ Византіи, откуда онъ получаетъ и предметы, необходимые для существованія, напр. одежду. О Нерсесѣ III (640—661) разсказываютъ, что онъ получилъ воспитаніе въ Греціи. Уже Юстиніаномъ были построены въ Арменіи, по крайней мѣрѣ, двѣ церкви и одинъ монастырь, другія были возобновлены, и въ послѣ юстиніановскую эпоху возникла главная церковь въ Эчміадзинѣ съ ея куполами. Потомъ Нерсесъ III построилъ близъ города Валаршапата церковь, въ сохранившихся еще капителяхъ которой имѣется его монограмма. У этихъ капителей Юстиніановская корзина, но іонійскія валюты вмѣсто византійскихъ животныхъ, такъ что здѣсь получается возрожденіе болѣе древнихъ греческихъ мыслей въ византійской рамкѣ. Еще въ серединѣ 8-го столѣтія въ одномъ

разсужденіи о допустимости картинъ въ церквахъ имѣется прямое утвержденіе, что и въ области живописи всѣ произведенія происходятъ изъ Грецiи, „откуда мы вообще все имѣемъ". Позднѣе, въ теченіе столѣтій, существовала народная ненависть между армянами и греками, такъ что, напр., при императорѣ Гераклѣ († 641) оба войска не хотѣли стоять вмѣстѣ лагеремъ, византійскія пословицы говорятъ, что „армянскій другъ хуже всякаго врага", а остроумная писательница Казія обрисовываетъ отвратительными чертами армянскій національный характеръ. Но несмотря на эту ненависть, вліяніе, оказываемое Византіей на армянскую письменность и архитектуру, опредѣляетъ нашъ взглядъ на отношенія обоихъ народовъ. Кромѣ того армянскіе придворные чиновники, армянскіе офицеры, армяне въ византійской администраціи и судѣ (см. стр. 50), благодаря своимъ сношеніямъ съ родиной и родственниками, прибавили къ византійскимъ вліяніямъ, идущимъ черезъ литературу, тысячи каналовъ повседневной жизни, каналовъ, черезъ которые эта высшая культура вмѣстѣ съ элементами языка течетъ въ Арменію. Греческія слова въ изобиліи проникаютъ сначала въ армянскій научный языкъ: метеорологическія явленія обозначаются греческими словами, точно также и минералы; математика, астрономія, исчисленіе времени, юриспруденція вынуждены пользоваться заимствованными у грековъ терминами.

Выраженія, употребляемыя въ государственномъ управленіи и церкви, большею частью, проникаютъ сначала черезъ посредство науки. Но здѣсь уже участвовало, вѣроятно, и народное заимствованіе; это заимствованіе ввело затѣмъ въ армянскій языкъ массу греческихъ выраженій — для обозначенія человѣка, его качествъ и занятій, для обозначенія понятій природы, города и деревни, монетъ, мѣръ и вѣсовъ, дома и жилища, одежды и украшеній, игръ и искусствъ.

γ) Византійскія вліянія на Кавказъ и Персію.

Вѣроятно, кавказскіе народы познакомились съ византійской культурой, прежде всего, благодаря армянскимъ вліяніямъ; грузины — точно такъ же, какъ и болгары, сербы, русскіе, валахи — восприняли греческую церковную поэзію въ пѣніи и музыкѣ. Византійскими придворными титулами гордятся повелители независимыхъ племенъ, какъ, напр., князь алановъ на Кавказѣ, которому, по милости Византіи, былъ дарованъ титулъ государя; другіе назывались также архонтами. Такимъ образомъ, и здѣсь, на востокѣ, для византійскаго вліянія была открыта обширная область, которая часто и воспринимала высшую культуру, и притомъ не всегда только внѣшнимъ образомъ.

Несмотря на сильное стремленіе отдѣльныхъ персидскихъ царей къ западной культурѣ, до сихъ поръ едва ли можно было доказать существованіе въ Персіи кромѣ греческаго (см. стр. 6) и обще-римскаго вліянія еще и спеціально византійскаго теченія. Правда, давно уже было сдѣлано наблюденіе, что дворецъ Сасанидовъ въ Ктезифонѣ, построенный Хозроемъ I (т. III, стр. 285), въ раздѣленіи фасада и украшеніи стѣнъ отличается такими же полукруглыми аркадами и пилястрами, что и дворецъ Діоклетіана; было замѣчено также видоизмѣненіе римскихъ мотивовъ въ золотыхъ издѣліяхъ; такъ напр., на львѣ съ чашей изображенъ играющій на лирѣ Эротъ, но въ восточной одеждѣ. Но всѣ эти вліянія отличаются такимъ общимъ характеромъ, что здѣсь можетъ быть скорѣе рѣчь только о вліяніи античнаго искусства поздняго періода. Самое большее, въ чемъ можно видѣть византійское вліяніе, такъ это въ капителяхъ въ формѣ трапецій, акантусовое же украшеніе на одной капители въ Исфагани обнаруживаетъ еще эллинскую форму.

b). Вліяніе Византіи на западныя страны.

Трудно изслѣдовать культурное вліяніе Византіи на западныя страны въ раннюю эпоху. Пока господствовало мнѣніе, что будто только древне-римское или „древне-христіанское“ искусство плодотворно вліяло на западныя страны, до тѣхъ поръ едва ли можно было безъ предубѣжденія приступить къ изслѣдованію памятниковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно, что греческо-восточныя вліянія дѣйствовали на Западѣ еще до византійскаго посредничества, „византійскій“ вопросъ становится еще болѣе запутаннымъ. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ разсмотрѣть здѣсь вліянія отдѣльныхъ восточныхъ областей византійской имперіи, поскольку о нихъ не было еще рѣчи при разсмотрѣніи глубокаго вліянія Сиріи (см. выше, стр. 53 — 56).

Культуры Византіи и государствъ Запада сначала находятся въ такомъ же взаимоотношеніи другъ къ другу, какъ лѣвое и правое мозговыя полушарія и какъ правая и лѣвая половины тѣла, которыя снабжаются кровью весьма неодинаковымъ образомъ. Съ одной стороны, находятся государства, съ трудомъ выпутывающіяся изъ послѣдствій переселенія народовъ и паденія Западно-Римской имперіи, крестьянское населеніе съ изолированными городами безъ всякихъ сношеній, народы, которые въ тяжелой борьбѣ на развалинахъ Римской имперіи пытаются образовать собственныя государства, монархіи, образовавшіяся изъ этихъ попытокъ, но вынужденныя исчезнуть передъ лицомъ сложившихся обстоятельствъ,—это стороны развитія, не могущія создать высокой культуры. Съ другой стороны, государство, которое, послѣ основанія чисто германскаго государства лангобардовъ на западно-римской почвѣ, является единственнымъ преемникомъ всемірно-имперскихъ традицій, государство, которое, въ противоположность, хотя и глубокимъ, но все-таки мѣстно-ограниченнымъ, измѣненіямъ среди германскихъ государствъ, одно только могло вести всемірную политику; стройное бюрократическое государство, покоящееся на многовѣковомъ практическомъ опытѣ государственной жизни, общество, обладающее всемірнымъ городомъ неслыханной роскоши, многочисленными другими цвѣтущими городами, имѣющее хорошо организованную, охватывающую весь міръ торговлю, воспринявшее всю утонченность греческой, римской и восточной культуры, религіозная община, изъ которой исходятъ всѣ основныя формы религіозныхъ изображеній, церковная община, въ которой протекала съ упорной страстностью вся борьба за установленіе церковныхъ догматовъ. Однимъ словомъ, съ одной стороны германскія государства, съ другой—Византія.

a) Вліяніе государства и церкви.

Чеканятся ли на французскихъ монетахъ имена Тиверія и Маврикія, приносятъ ли послы императора Анастасія консульское званіе Хлодовику, и такимъ только образомъ дѣлаютъ его законнымъ правителемъ надъ римскими подданными, приносятъ ли переговоры съ Тиверіемъ Гильпериху и Гундобаду сокровища и денежныя средства, обѣщаютъ ли, наконецъ, лангобардскіе герцоги принять византійскую одежду — во всемъ Византія выступаетъ, какъ древняя культурная богатая держава передъ бѣдными выскочками. Пусть послѣдняя воля императора Маврикія, раздѣлившаго востокъ и Италію — съ столицей Римомъ—между двумя своими сыновьями, была только сновидѣніемъ старой всемірной политики, но этотъ сонъ продолжала видѣть, навѣрное, не одна только Византія. Землевладѣльческія семьи Италіи, изъ которыхъ происходили начальники византійскихъ маленькихъ крѣпостей трибуны, видѣли въ Византіи солнце всей ци-

вилизаціи; отдѣленіе діоцезъ Нижней Италіи и Сициліи, которыя были теперь еще грецизированы и такимъ образомъ шли по совсѣмъ другому пути развитія, соотвѣтствовало также и желаніямъ господствующихъ слоевъ. Неаполь, въ качествѣ гавани Рима, и Равенна, какъ центръ византійскаго управленія были тѣми большими воротами, черезъ которыя проникало въ Италію византійское вліяніе, при чемъ Истрія можетъ считаться вполнѣ византійской областью, въ предѣлахъ которой религіозныя основы, государственный порядокъ и художественныя вліянія (соборъ въ Паренцо) обнаруживаютъ самую тѣсную связь съ Византіей. Марсель же, наоборотъ, сохраняетъ свои старыя восточныя привычки и непосредственно передаетъ западной Европѣ восточныя вліянія (отчасти черезъ Монпелье).

Византійское управленіе, глава котораго въ Италіи, экзархъ равеннскій, получалъ приказы на греческомъ языкѣ, не мало содѣйствовало распространенію греческаго вліянія. Но еще болѣе сдѣлано въ этомъ отношеніи религіозной мыслью и церковно-монашескими вліяніями. Стоитъ только вспомнить о томъ, что, какъ въ Равеннѣ въ теченіе первыхъ четырехъ столѣтій имѣются только сирійскіе епископы, такъ же и въ Римѣ число грековъ и сирійцевъ между папами 7-го и первой половины 8-го столѣтія было необычайно велико: Бонифацій III (606—607), Теодоръ (642—649), Агаѳонъ (678—681, Леонъ III (682—683), Кононъ (686—687), Іоаннъ VI (701 — 705), Іоаннъ VII (705—707), Захарія (741—752) — это все греки; Іоаннъ V (685—686), Сергій (687—701), Сисиній (708), Константинъ (708—715), Григорій III (731—641) — сирійцы. Греческо-восточное монашество наводняетъ прежде всего среднюю и южную Италію и завоевываетъ затѣмъ весь обширный христіанскій міръ. Грекъ Ѳеодоръ изъ Тарса реформировалъ съ 669 г. англосаксонскую церковь и ввелъ въ Англіи богатую культуру; во Франціи, какъ и въ Италіи, греческое вліяніе особенно сильно сказывается въ постройкѣ и убранствѣ церквей. Въ качествѣ отдѣльныхъ примѣровъ этого церковно-коммерческаго эллинизма достаточно будетъ упомянуть о греческомъ берегѣ (Ripa Graeca) Тибра, о греческой школѣ при Санта Маріа въ Schola gräca (позднѣе въ Космединѣ), объ основаніи папой Павломъ I (757—767) монастыря San Silvestro in capite, въ которомъ процвѣтало греческое церковное пѣніе. Византійская всемірная торговля также сильно способствовала распространенію византійско-греческой культуры. Въ этомъ отношеніи и сирійцы, по сообщенію Григорія Турскаго, говорившіе, большею частью, по-гречески, также могутъ считаться распространителями общевизантійской культуры.

β) Вліянія искусства и художественнаго ремесла.

Болѣе свѣжій и жизненный духъ востока, побудившій когда-то Константина подчинить восточному вліянію свою имперію [см. стр. 30], одержалъ побѣду и въ самомъ Римѣ. Восточныя художественныя вліянія замѣтны въ мозаикахъ церкви Санта Марія Маджіоре середины 4 столѣтія, также въ прекрасной рѣзьбѣ на деревянныхъ дверяхъ церкви Санта Сабина, въ которой замѣтно сирійское пониманіе распятія, и, наконецъ, въ базиликѣ Санъ Пьетро съ поперечнымъ кораблемъ, которую построила Евдокія въ 442 году. Затѣмъ древне-византійское искусство утвердилось и вообще въ Италіи. Константинопольское искусство и художественное ремесло пользовались такой отличной славой, что епископъ сипонтскій, родственникъ императора Зенона, выписываетъ изъ Константинополя, „особенно пышныхъ“ въ архитектурѣ художниковъ. Въ Равеннѣ конечно уже со временъ Галлы Плацидіи (см. рис. при стр. 458, IV тома) работали византійскіе художники. Постройки въ Италіи Нарзеса и Велизарія (мостъ черезъ Аніо на Via Salaria nova, Ксенодохіонъ при Via Lata и монастырь San Iuvenale близъ Орты), навѣрное, были возведены византійскими силами.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ Юстиніана созданъ былъ циклъ мозаикъ въ санъ Витале въ Равеннѣ, начатый послѣ 539 г., циклъ прославляющій оба естества Христа (см. выше, стр. 42). Въ этихъ мозаикахъ мы видимъ оригинальное примѣненіе библейскаго круга идей, несомнѣнно, восточнаго происхожденія и нашедшаго себѣ блестящаго представителя въ лицѣ Амврозія Миланскаго. Именно церкви Равенны вводятъ насъ въ этотъ всемірный союзъ, установившійся между востокомъ и западомъ, благодаря посредничеству Византіи: здѣсь мы опять встрѣчаемъ китайскіе соломенные узоры (см. стр. 49), перешедшіе изъ матерій въ украшенія стѣнъ, точно такъ же, какъ въ храмѣ св. Софіи въ Константинополѣ и въ Ѳессалоникахъ.

Дворецъ Теодориха въ Павіи строится по равеннскому образцу. Наоборотъ, въ Ахенѣ можно найти слѣдовъ Византіи менѣе, чѣмъ думали ранѣе. Конная статуя Теодориха, мраморныя мозаики, классическіе рельефы перешли въ Ахенъ непосредственно изъ Константинополя, передній же дворъ дворца, халке, имѣется и въ Ахенѣ, и въ Равеннѣ, и въ Константинополѣ; даже зала, пересѣкающая этотъ дворъ, сохранила въ Ахенѣ свое названіе (Cortinea). Но прежнее мнѣніе о томъ, что въ ахенскомъ соборѣ имѣются подражанія византійскимъ или, по крайней мѣрѣ, равеннскимъ образцамъ, оказалось совершено несостоятельнымъ. Что остается отъ этого мнѣнія послѣ убѣдительныхъ доводовъ Іосифа Стржиговскаго, доказавшаго непосредственныя восточныя вліянія и указавшаго на поразительное сходство съ Вираншеромъ въ Мессопотаміи! Никто не станетъ утверждать, что иконостасъ и эмпоры носятъ византійскій характеръ. Эклектизмъ, проявляющійся въ византійскихъ вѣяніяхъ, замѣтныхъ въ сѣверозападной рѣшеткѣ верхняго этажа и въ заполненіи аркадъ, не можетъ еще быть названъ пристрастіемъ къ византійскимъ сюжетамъ. То же, что есть восточнаго, должно было проникнуть на западъ непосредственно, т. е. черезъ Марсель. Базилика съ двойными хорами, такая же, какъ въ Эрментѣ въ Верхнемъ Египтѣ, какъ въ Бальбекѣ въ Сиріи, какъ въ Орлеансвилѣ въ Алжирѣ, появляется и въ Бретани (Сенъ-Мало); вѣнецъ капеллъ въ Эрментѣ, въ монастырѣ шенутовъ около Сохага, какъ и въ Турѣ, вѣнцеобразная базилика въ Рочеллѣ ди Сквиласѣ въ Калабріи и въ Сициліи носятъ на себѣ слѣды восточныхъ вліяній, хотя и идущихъ изъ Византіи, но не принадлежащихъ къ общевизантійскому теченію искусства.

Наоборотъ, одежда, придворные обычаи, художественное ремесло, ковры, также на западѣ и при дворѣ Карла Великаго носили на себѣ слѣды вліянія самой Византіи. Сочиненное на Карла стихотвореніе Ангильберта указываетъ на византійское обиліе золота при дворѣ Карла, а Теодульфъ указываетъ на византійскій обычай держанія женщинъ подъ стражей. Въ византійскомъ стилѣ листового золота сдѣланъ тронъ Карла на его могилѣ въ Ахенѣ: деревянное квадратное крыло, обитое листовымъ металломъ и украшенное драгоцѣнными камнями; также и ручной алтарь (обитая свинцовыми позолоченными листами деревянная рама) сдѣланъ въ томъ же накладномъ стилѣ. Съ меньшей достовѣрностью можно говорить о византійскомъ стилѣ упоминаемыхъ Эйнгардомъ столовъ. Восточные ковры и шелковыя издѣлія въ изобиліи вывозятся изъ Византіи, которая учредила шелковую и бархатную монополію и этимъ погубила сирійскія шелковыя фабрики. Придворные Карла Великаго, по сообщенію „Санъ Гилленскаго монаха", выписывали свои шелковыя, окаймленныя пурпуромъ одежды черезъ венеціанскихъ купцовъ съ востока, т. е., навѣрное, изъ Византійской имперіи. Масса тканей, подражающихъ персидскимъ узорамъ, распространялась изъ Византіи по всей западной и средней Европѣ (такъ напр. ткань № 84221 въ художественно-ремесленномъ музеѣ въ Берлинѣ, вѣтвь съ цвѣточными головками чертополоха въ

сокровищницѣ ахенскаго собора, святое дерево съ дракономъ въ церкви Серваса въ Мастрихтѣ, замѣчательныя розетки въ ковчегѣ Ламберта въ Люттихѣ, охотящаяся на пантеръ амазонка въ церкви въ Зекингенѣ). Точно также и въ 11 столѣтіи Византія является посредницей этого художественнаго ремесла (см. ниже). Византійскія издѣлія изъ слоновой кости не только завоевали Италію, но ихъ характерныя черты снова обнаруживаются въ искусствѣ запада: уже надъ диптихами господствуетъ византійскій реализмъ, какъ онъ проявляется въ звѣриныхъ и другихъ цирковыхъ бояхъ; въ верхнихъ частяхъ замѣтна, кромѣ того, торжественно-церемоніальная важность византійскаго искусства. Слабая выпуклость рельефовъ того времени указываетъ на непосредственно-византійское происхожденіе (см. стр. 51). Мелкія украшенія, вѣроятно, въ изобиліи распространялись изъ Византіи; въ Венгріи, какъ и въ Рейхенгаллѣ, мы находимъ оригинальныя кольца съ коробочками въ видѣ барабана, крышка которыхъ украшена рядомъ филигранныхъ зеренъ съ стекляной каплей посерединѣ. До шведскаго острова Эланда (Ферьестаденъ) и въ западную Готландію (Менъ) проникаютъ византійскія украшенія; золотая діадема изъ Ферьестадены, вѣроятно, древне византійскаго происхожденія.

γ) Вліянія торговли и военнаго искусства.

Византійскія монеты уже въ то время проникаютъ далеко на западъ и на сѣверъ и являются краснорѣчивыми свидѣтельствами всемірной торговли Константинополя; стоитъ только вспомнить о находкахъ въ Вестфаліи, Голштиніи, на Узедомѣ, Готландѣ, Борнгольмѣ. Если византійская размѣнная монета, при употребленіи въ качествѣ мелкой монеты восточныхъ мѣстныхъ денегъ и при особенной распространенности египетскихъ драхмъ, даетъ намъ картину государственнаго управленія Византіи, то византійская золотая монета, преобладающая въ Европѣ до появленія цехиновъ и флориновъ, показываетъ намъ могущество всемірной торговли Константинополя и его денежную силу.

Наконецъ, въ области военной исторіи вліяніе Византіи распространялось далеко и, навѣрное, также на Францію. Успѣхи византійцевъ въ борьбѣ съ врагами, достигнутые не крупными сраженіями а умными проволочками, должны были получить извѣстность на западѣ. Конница играла выдающуюся роль при всѣхъ нападеніяхъ во время царствованія Льва, Константина и Ирины; въ войнахъ противъ наѣздническихъ народовъ не старые легіоны, а кавалерійскіе полки (*θέματα καβαλλαρικά*) стали ядромъ византійскаго войска: армяне, иберійцы, малоазійцы. Эти всадники закованные въ желѣзо (въ желѣзныя латы — *κλιβάνιον*, въ кольчатый панцырь — *περιτραχήλιον*, въ желѣзныя перчатки, набедренники, сапоги), со своимъ короткимъ копьемъ, мечомъ (*σπάδιον*, spatha) и дротикомъ, со своимъ шлемомъ послужили образцомъ для конницы Франціи, куда проникло и названіе caballarius, вооруженіе ихъ (spatha) византійскаго происхожденія въ Торсбергскомъ болотѣ, находится теперь въ Кильскомъ музеѣ; короткое копье, въ противоположность къ германскимъ длиннымъ копьямъ; можетъ быть и длинный ножъ scramasax, *παραμήριον*, о которомъ неизвѣстно, чтобы онъ раньше существовалъ у франковъ; наконецъ, византійскій панцырь, тоже находящійся въ Кильскомъ музеѣ) и ихъ снаряженіе (византійское сѣдло въ сокровищницѣ собора въ Труа). Вооруженіе лукомъ и стрѣлами, на подобіе византійскихъ всадниковъ въ панцыряхъ, имѣется у аббата Фульрада (810), боевой же топоръ (*τζικούριον*, securis) могъ появиться и подъ западно-римскимъ вліяніемъ; общеримская метательная машина (onager, manganum) могла появиться во Франціи только черезъ посредство Византіи, въ видѣ fundibulum.

Западный міръ преклонялся передъ культурой Константинополя.

Государство и церковь, искусства и художественное ремесло, всемірная торговля и военная наука — все стремится къ тому, чтобы распространять лучи этой культуры на западъ. И для того времени также имѣли значеніе слова „Ex oriente lux“.

G. **Героическая борьба и варварство при военной монархіи (610—717).**

Вторженія персовъ въ Византійскую имперію при императорѣ Геракліѣ (710—641) отняли у византійцевъ не только Сирію (въ 611 г. Антіохію, Апамейю, Эмезу, въ 614 г. Дамаскъ) и Египетъ (въ 619 г. Александрію), но въ 619 г. также и, имѣвшую большое значеніе, Анкиру, въ Малой Азіи; Но еще болѣе ужасно то, что въ 615 г. въ руки невѣрныхъ попали и св. мѣста, и св. крестъ. Было предпринято три крестовыхъ похода въ Персію; битва при Ниневіи (17 дек. 627 г.) рѣшила дѣло въ пользу византійцевъ, такъ что они получили обратно римскія провинціи и 14 сент. 629 г. въ Іерусалимѣ императоромъ и народомъ могъ быть со всей пышностью отпразднованъ праздникъ Воздвиженія (см. объясненіе къ таблицѣ „Хозрой II персидскій“ при стр. 267 т. III.). Хотя, въ виду тяжелой борьбы на востокѣ, невозможно было удержать испанскія владѣнія и области, лежащія на сѣверъ отъ Балканъ, но сама столица оказалась все-таки (626 г.) оплотомъ противъ аваровъ и славянъ, а мудрая политика Гераклія пріобрѣла въ болгарахъ опаснаго врага для нихъ.

Но оказалось, что персы стали такъ опасны только потому, что отдѣльныя части имперіи, благодаря церковному отдѣленію и благодаря формальному образованіе коптской и сирійской церквей, не были болѣе вѣрны Византіи и видѣли въ персахъ желанныхъ союзниковъ. Въ Египтѣ же ортодоксовъ презрительно называли царскими приверженцами (*βασιλικοί*, мельхиты). Формула единой воли („Богочеловѣкъ, состоящій изъ двухъ естествъ, дѣлалъ все съ единой богоподобной энергіей“) была ближе монофизитскому ученію объ единомъ естествѣ, такимъ образомъ, благодаря также мудрости императора, состоялось примиреніе, распространившееся и на армянъ. Осужденіе ученія объ единой волѣ (монотелетизмъ) патріархомъ Іерусалимскимъ Софроніемъ сильно запутало положеніе, и его указъ (эктезисъ) разрушилъ едва установившееся единство въ такой же степени, какъ и неудачная попытка примиренія со стороны императора. Поэтому сирійцы (въ 635 и 636 г.) и египтяне (641—643 г.) попали подъ власть надвигающихся арабовъ такъ же быстро, какъ римскіе граждане подъ власть германцевъ, хотя сдачѣ Египта всего болѣе содѣйствовала измѣна Мокавка (намѣстника); экономическія причины, вѣроятно, также играли здѣсь роль, ибо государственно-соціалистическій строй арабскаго государства давалъ большую силу завоевателямъ.

Если при внукѣ Гераклія Констансѣ (641—688), родственники котораго уродовались на восточный манеръ, удалось удержать за собой Малую Азію и принудить даже арабскаго калифа Муавія къ уплатѣ дани, то такой успѣхъ могъ быть достигнутъ, главнымъ образомъ, благодаря начавшемуся уже при Иракліѣ, преобразованію имперіи въ военныя провинціи (темaты). Соотвѣтственно важному значенію военныхъ намѣстниковъ въ Африкѣ и въ Италіи (экзархи; см. стр. 48), условія времени заставили уже при Иракліѣ также и столицу, и прилегающія провинціи организовать въ видѣ военнаго корпуса (тема опсикіонъ); ѳракійская тема должна была вести борьбу съ болгарами, анатолійская и арменійская съ арабами, флотъ же былъ вскорѣ раздѣленъ на два отряда: тема кибираіотонъ (южный берегъ Малой Азіи) и тема двѣнадцати острововъ. Опекающее правительство Константа пытается положить конецъ богословской распрѣ изданіемъ типоса (648 г.), по которому подданнымъ „не разрѣшалось болѣе спорить и

ссориться другъ съ другомъ изъ-за вопроса объ одной силѣ и одной волѣ или о двухъ воляхъ и двухъ силахъ". Папа Мартинъ I осудилъ этотъ указъ на Латеранскомъ соборѣ 649 г., а бывшій секретарь императора Максимъ возстановилъ римскую Африку противъ цезаропапизма; тогда императоръ отправилъ папу въ ссылку въ Крымъ и отдалъ Максима подъ судъ. Именно въ это время были увезены Констансомъ бронзовыя статуи изъ римскаго Пантеона. Сильно грецизированный, благодаря иммиграціи, островъ Сицилія долженъ былъ стать базой для отнятія обратно изъ рукъ арабовъ Африки, завоеванной ими въ 647 году. Но изъ столицы Сиракузъ удается завоевать только Карѳагенъ.

При сынѣ Констанса Константинѣ IV Погонатѣ Константинополь долженъ былъ обороняться отъ арабовъ (съ апрѣля до сентября 673 г.), что удалось, главнымъ образомъ, благодаря огню сирійца Каллиника. Ѳессалоники же должны были обороняться отъ славянъ (675 г.) и Аваровъ (677 г.). Но самую сильную опасность для имперіи представляло теперь управляемое царемъ Исперихомъ, болгарское царство, въ которомъ турецкіе завоеватели постепенно (но, навѣрное, не раньше этого времени) переняли языкъ покоренныхъ славянъ. Среди всѣхъ этихъ опасностей, по крайней мѣрѣ, хоть церковное присоединеніе къ Риму, совершившееся въ въ 680/681 г. на VI вселенскомъ соборѣ въ Константинополѣ, должно было создать нравственную поддержку. Юстиніанъ II (685—695; 705—711) заключилъ, правда, благопріятный договоръ съ арабами и побѣдилъ славянъ; но крупныя политическія, военныя и экономическія ошибки (переселеніе сирійскихъ Мардаитовъ въ Малую Азію и Ѳракію, зачисленіе въ ряды войска ненадежныхъ славянъ, вымогательства) приводятъ къ возстанію одного изъ генераловъ, Леонтія (695—698), и къ окончательному установленію диктатуры войска. При обоихъ, возведенныхъ войскомъ на престолъ, военныхъ императорахъ, Леонтіи и Тиверіи III (698—705), были потеряны Африка и Киликія; Юстиніанъ, бѣжавшій къ Торвелю, преемнику Исперихa, возращается обратно при помощи болгарско-славянскаго войска; теперь онъ набрасывается, какъ бѣшенный, на своихъ противниковъ. Противъ болгаръ, арабовъ и противъ возставшаго города Херсона онъ борется неудачно. Такими же неспособными оказываются возведенный вмѣсто него на престолъ армянинъ Филиппикъ (711—713) и преемникъ храбраго Анастасія II (713—715) Ѳеодосій II (715—717).

Въ то суровое время литература замолкла. Это время порождало сильныя натуры, которыхъ вело въ битву религіозное суевѣріе: гражданамъ Патре на помощь приходитъ апостолъ Андрей на конѣ и обращаетъ въ бѣгство славянъ. Св. Димитрій Ѳессалоникскій былъ городскимъ богомъ и во всѣхъ подробностяхъ представлялъ изъ себя подражаніе Христу: онъ слѣдуетъ рѣшенію Бога передать городъ въ руки его противниковъ, является защитникомъ города, его „милосердньмъ провидѣніемъ", и въ концѣ концовъ составляетъ даже формальную Троицу съ Христомъ и Св. Духомъ. Чудеса св. Димитрія являются для насъ цѣннымъ источникомъ для той эпохи, когда славяне въ своихъ долбленыхъ лодкахъ ѣздили по греческимъ водамъ, мѣшали торговлѣ и повседневной жизни, наводняли съ женами и дѣтьми Паннонію, Дакію, Дарданію, Мизію, Ѳракію, Ахаію и даже округъ города Константинополя. Изъ деревень населеніе стремится въ города или спасается на одинокихъ мысахъ и основываетъ отдаленнѣйшія поселенія (Монембазію, Коронъ, Каламату, Мантинею въ Мессеніи) Изъ грековъ и славянъ образуется смѣшанная раса, которая оживляетъ опустѣлыя области, вновь населяетъ также и покинутые острова и на сѣверѣ смѣшивается съ болгарами. Мечъ и епископскій жезлъ правятъ греческимъ міромъ, на поверхность котораго выплываютъ древне языческія традиціи; наука и искусство почти совершенно замираютъ въ европейскихъ и малоазіатскихъ областяхъ.

H. Возрожденіе имперіи при сирійской династіи (717—802).

а) Левъ III Исаврянинъ въ качествѣ законодателя.

Въ виду успѣховъ враговъ Византіи, въ виду все уменьшающагося участія Византіи во всемірной торговлѣ и въ виду стѣсненныхъ финансовыхъ обстоятельствъ, единственное спасеніе было въ сильномъ правительствѣ; сиріецъ (Исаврянинъ) Левъ, отличившійся въ борьбѣ съ арабами въ качествѣ полководца и дипломата, былъ провозглашенъ императоромъ (717—741). 25 марта 717 года онъ въѣхалъ въ Константинополь; 15 августа къ городу подступилъ Маслама, полководецъ Соломона (Сулеймана, т. III, стр. 294). Благодаря неутомимости Льва, благодаря греческому огню и суровой зимѣ, во время которой снѣгъ покрывалъ землю въ теченіе 100 дней, страданія арабовъ были ужасны. Въ то время, какъ византійцы могли ловить рыбу, арабы ѣли мясо вьючныхъ животныхъ, кожу, древесные листья, — но греческая легенда, недовольная еще такими извѣстіями (имѣющимися у Табари), выдумала, будто арабы питались и человѣческимъ мясомъ. Тяжелое пораженіе, нанесенное арабамъ болгарами, послужило послѣднимъ толчкомъ къ снятію осады съ Константинополя (въ августѣ 718 г.). Такимъ образомъ, Византія выказала себя, какъ оплотъ христіанства. 718 годъ, по его историческому значенію, можно поставить наряду съ 490 годомъ до Р. Х.; обратный походъ персовъ послѣ мараѳонской битвы можно сравнить съ отступленіемъ арабовъ въ 718 г.

Старая податная система діоклетіано-константиновскаго кастоваго государства, въ которомъ, по закону 319 г., общинные совѣтники (декуріоны) были отвѣтственны за поступленіе всей поземельной подати ихъ городской общины (см. стр. 32), была унаслѣдована и Византійской имперіей. Такимъ образомъ, хотя на крупныхъ землевладѣльцахъ и лежала тяжелая отвѣтственность, но зато они пользовались большой властью и значительнымъ вліяніемъ среди своихъ согражданъ. Императоръ Левъ III поступилъ чрезвычайно умно, снявъ съ куріаловъ эту тягость, увеличившуюся въ смутные годы, но вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожилъ на долгое время ихъ значеніе; съ этого времени о взиманіи поземельной подати должны были заботиться императорскіе финансовые чиновники. Съ этихъ поръ императорскіе чиновники ведутъ во всей имперіи списки родившихся мужского пола, для взиманія подушной подати.

Императоръ, въ заботѣ о процвѣтаніи общества, внесъ разнообразныя улучшенія и въ положеніе сельскаго населенія. Каждый собственникъ сельской общины былъ отвѣтственъ за поступленіе податей; всякая недоимка восполнялась добавочной суммой (*ἐπιβολή*), налагавшейся на каждаго. Такъ какъ при плохомъ хозяйствѣ одного страдали, такимъ образомъ, всѣ, то и было признано право выкупа подлежащихъ продажѣ участковъ. Кромѣ крестьянъ-собственниковъ, существовали еще свободные рабочіе (*μισθωτοί*, колоны) и adscripticii (*ἐπανόγραφοι*) на помѣщичьихъ земляхъ: первые лично всегда свободны, но черезъ 30 лѣтъ прикрѣпляются къ землѣ; вторые же съ самаго начала не могутъ пріобрѣтать имущества и только немногимъ (дѣйствительностью ихъ браковъ) отличаются отъ рабовъ. Эти порядки были коренннымъ образомъ измѣнены аграрнымъ закономъ Льва III. (*Νόμος γεωργικός*). Сельскіе рабочіе были теперь раздѣлены на десятиниковъ (*μορτῖται*) и половниковъ (*ἡμισειασταί*), при чемъ и тѣ, и другіе не прикрѣплены къ землѣ. Первые отдавали въ качествѣ ренты десятую часть урожая, вторые, обрабатывавшіе землю инвентаремъ помѣщика (*χωροδότης*), должны были отдавать ему половину дохода. Свободныя крестьянскія общины владѣютъ землей сообща (*κοινωνοί*), и частная собственность возникаетъ только изъ раздѣла общей.

Уничтоженіе барщины и установленіе свободы передвиженія—великая заслуга этого законодательства, выросшаго на загадочной почвѣ. Сначала находили сходство съ Моисеевымъ закономъ о десяти снопахъ (2 кн. Моисея 27, 30 и слѣд.; 3 кн. Моис. 18, 21) и о періодѣ въ 7 годовъ (2 кн. Моис. 23, 10, 11 и 3 кн. Моис. 25, 3 слѣд.), очевидно, предполагали заимствованіе изъ Библіи. Найденная I. де Моргано́мъ въ дек. 1901 и янв. 1902 г., книга законовъ вавилонскаго царя Гаммураби (можетъ быть, происходящаго изъ Аравіи), книга, завезенная около 1100 г. до Р. Х. изъ Сиппара въ Сузы, дала иное рѣшеніе этого вопроса. Не только сельскіе рабочіе, половники, существовали въ древнеарабско-семитической культурѣ (Гаммураби, 46), что, само по себѣ, еще ничего бы не говорило (по этому поводу см. предостереженіе Іосифа Колера въ „Нѣмецкой литературной газетѣ" отъ 6 февр. 1904 г.),— но и отдѣльныя постановленія удивительно сходны между собой. Такъ напр., постановленія о возвращеніи пустошей на четвертомъ году (Гаммураби, 30, 44; *Νόμ. γεωργ.* I, 12), хотя и разнящіяся другъ отъ друга, но происходящія изъ того же круга идей; затѣмъ постановленія объ обработкѣ земли и рубкѣ деревьевъ безъ вѣдома помѣщика (Гаммураби, 59; *Νόμ. γεωργ.* I, 2, 7), и о возвращеніи земли, обработанной въ отсутствіи собственника (Гаммураби, 30, 31; *Νόμ. γεωργ.* X, 4), что стоитъ въ противорѣчіи съ постановленіемъ Юстиніанова законодательства о пріобрѣтеніи права собственности на обрабатываемую въ теченіе двухъ лѣтъ землю. Такимъ образомъ, аграрная политика императора Льва въ своихъ частностяхъ находилась подъ вліяніемъ семитическихъ, консервативно сохраняемыхъ принциповъ права, хотя необходимость преобразованія древняго колоната вытекала уже изъ притока многочисленныхъ новыхъ поселенцевъ, въ особенности славянъ; относительно свободной сельской общины можно даже безусловно предположить наличность славянскихъ вліяній.

Въ основаніи родосскаго морского права (*νόμος Ῥοδίων ναυτικός*, въ 10 столѣтіи продолженный въ tabula Amalfa), по которому хозяинъ судна и грузоотправитель въ эти трудныя для торговли времена дѣлили между собой опасность, увеличившуюся хотя бы благодаря славянамъ и арабамъ, въ основаніи этого права лежатъ древне-семитическія воззрѣнія: для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только справиться съ Гаммураби, 237, по которому мореходецъ, въ случаѣ несчастія, происшедшаго благодаря его небрежности, долженъ былъ возмѣстить грузоотправителю всѣ убытки. Наконецъ, въ уголовномъ правѣ также замѣчается нѣкоторая связь, пока еще недостаточно выясненная. Такъ что и здѣсь, въ виду сильной проявляющейся идеи таліона (возмездія по отдѣльнымъ частямъ тѣла), слѣдовало бы предположить наличность семитическаго вліянія. Можно ли удивляться усиленію семитическихъ вліяній въ области права въ тѣ времена, когда сирійская культура, воспитавшая и императора Льва, подчинила себѣ и востокъ, и западъ.

Къ семейной жизни законодательство Льва относится совершенно иначе, чѣмъ Юстиніаново право, которое вмѣшивалось въ область чувствъ между родителями и дѣтьми, опредѣляя законныя причины родительскаго гнѣва! Въ законодательствѣ Льва мы всюду замѣчаемъ нѣжное вниманіе, уваженіе къ интимности семейной жизни. Женщина занимаетъ болѣе высокое положеніе, чѣмъ прежде. Отцовская власть, превращается въ семейную власть, такъ какъ при вступленіи дѣтей въ бракъ теперь требуется согласіе также и матери, и вообще мать пользуется одинаковыми съ отцомъ правами надъ дѣтьми и послѣ смерти отца сохраняетъ эти права въ качествѣ опекунши. Общность имущества въ бракѣ соотвѣтствуетъ высокому понятію о бракѣ, какъ объ общности, которая не можетъ быть ни принижена вступленіемъ въ третій бракъ, ни легкомысленно разорвана разводомъ безъ крайне основательныхъ причинъ. Уди-

вительные взгляды проводятся однако въ „Эклогѣ“ (извлеченіе изъ законовъ): бракъ разрѣшается только между христіанами православнаго исповѣданія и при этомъ затрудненъ распространеніемъ причинъ, препятствующихъ браку, и на духовное родство (запрещеніе брака между сыномъ крестнаго отца и крестницей); это церковное воззрѣніе захватываетъ все большіе круги и черезъ короткое время проникаетъ даже къ германскимъ народамъ, у которыхъ, по крайней мѣрѣ, само кумовство стало препятствіемъ къ браку, какъ о томъ говорятъ „Капитуляріи“ Пипина (755—757). Требованіе письменнаго брачнаго договора, вѣроятно, имѣетъ корни своего происхожденія въ восточныхъ частяхъ Византійской имперіи, и оно вполнѣ соотвѣтствуетъ, какъ взгляду на достоинство брака, такъ и торжественно-важному формализму.

Кто, пройдя самъ карьеру полководца, желалъ сковать имперію желѣзными цѣпями, тотъ долженъ былъ устранить половинчатость, которая заключалась въ существованіи гражданскихъ провинцій, потерявшихъ всякое значеніе въ эти боевыя времена; полководцу не должны были мѣшать гражданскія власти, какъ бы слабы онѣ ни были. Поэтому начальникамъ военныхъ округовъ, темъ (см. стр. 48 и 65), была передана и вся гражданская власть. Важное значеніе анатолійскаго военнаго корпуса обусловило раздѣленіе анатолійской темы на собственно-анатолійскую (букелларіи) и на западную область, охватывавшую Азію, Лидію, часть Каріи и Фригіи I и называвшуюся по стоявшимъ тамъ полкамъ ѳракійской темой. Затѣмъ казалось необходимымъ поддержать военную дисциплину и сохранить знанія прошлаго, послѣднимъ плодомъ которыхъ было изобрѣтеніе пороха (греческаго огня). Можетъ быть, въ виду этой необходимости императоръ издалъ военно-научное сочиненіе „Тактику“, въ которой авторъ, опираясь на предыдущія работы, говоритъ о военномъ правѣ, о сухопутной и морской войнѣ, но въ этой книгѣ не замѣтно свѣжаго реформаторскаго духа, и поэтому, можетъ быть, авторомъ ея былъ другой Левъ (VI, 886—911 г.).

Для возстановленія могущества войска и имперіи требуются дисциплинированная храбрость и знаніе; поэтому большія опасенія возбуждаетъ тотъ фактъ, что уже въ Сиріи города и отдѣльные индивидуумы въ борьбѣ полагаются на иконы и амулеты. Среда, въ которой выросъ Левъ въ Германикеѣ (на границахъ Каппадокіи, Сиріи и Арменіи), навѣрное, близко соприкасалась съ павликіанами, главный городъ которыхъ Самосата лежалъ такъ недалеко. Монамалисъ около Самосаты въ Коммагенѣ былъ родиной того Константина, который, подъ именемъ Силвана, возродилъ въ 660 г. секту павликіанъ (вѣроятно армянская форма вмѣсто павліановъ, названныхъ такъ по имени Павла Самосатскаго, жившаго въ 4 столѣтіи); Кибосса въ Арменіи и Фанароя въ Геленопонтѣ стали центрами религіозной общины, перенесшей въ христіанское ученіе идею злого и добраго начала, древнеарійскій дуализмъ, общины, не признававшей особаго духовнаго сословія и видѣвшей священника въ каждомъ человѣкѣ, и, наконецъ, общины, въ своемъ строгомъ пониманіи божества, отрицавшей почитаніе Богородицы и святыхъ. Неоднократно уже указывалось на сходство этой секты съ позднѣйшими богумилами (см. ниже), патаренцами, альбигойцами и вальденсами, каковое сходство у послѣднихъ сектъ объясняется общимъ ихъ происхожденіемъ изъ адоптіанскаго ученія; подъ вліяніемъ этихъ же идей сложились, вѣроятно, и религіозныя убѣжденія Льва III.

b) Начало иконоборчества.

Къ чему привели эти столѣтія борьбы! Почитаніе святыхъ затемнило идею Бога, какъ это ясно доказываетъ примѣръ съ Димитріемъ Ѳессалоникскимъ (см. стр. 66). Вѣра въ чудеса привела къ господству ея отвратительное дѣтище, суевѣріе. И если въ однихъ мѣстахъ святые,

подобно древнимъ богамъ и героямъ, едва маскируя эту свою основную форму, являются во время битвы на помощь сражающимся и приносятъ имъ побѣду, то въ другихъ мѣстахъ (напр., въ городѣ Пергамѣ) для пріобрѣтенія силы прибѣгаютъ къ отвратительнымъ видамъ, вродѣ, напр., погруженія рукъ въ отваръ человѣческаго мяса. Неодушевленныя иконы Христа, Маріи и святыхъ цѣнятся болѣе, чѣмъ живая вѣра. Тотъ пойметъ вполнѣ ихъ значеніе, кто посмотритъ въ нынѣшней Россіи, преемницѣ Византіи, какъ везутъ на шестеркѣ лошадей къ больному икону Иверской Божіей Матери, копію иконы съ Афона. Вошло въ обычай сцарапывать краску съ иконъ и пить ее съ виномъ, падать ницъ передъ иконами, цѣловать ихъ, кадить имъ ладаномъ. Древнее язычество, продолжавшее еще жить въ празднествахъ Пана и Бахуса и господствовавшее въ нѣкоторыхъ округахъ Греціи (въ Майнѣ вплоть до 9 столѣтія), было, наконецъ, запрещено на соборѣ 692 г. Но иконы, по вновь появившемуся термину, нерукотворныя (*ἀχειροποίητοι*) пользовались чрезвычайнымъ почитаніемъ. Древнее язычество проникло въ самое христіанство. Тогда-то императоръ Левъ III, значительно опередивъ свое столѣтіе, предпринялъ смѣлую борьбу съ иконопочитаніемъ, борьбу, которая была направлена не только противъ монашества, посредствомъ культа иконъ вліявшаго на массу и жившаго отчасти торговлей иконами.

Эта грандіозная борьба представлена намъ въ извращенномъ видѣ позднѣйшими противниками, приверженцами иконопочитанія или иконодулами: Никифоромъ, патріархомъ константинопольскимъ (806—815) и пользующимся отчасти тѣмъ же источникомъ монахомъ Ѳеоѳаномъ, который писалъ между 811 и 815 гг., и котораго императоръ Левъ V держалъ въ плѣненіи на Самоѳракіи. Также и „Папскія письма" къ императору Льву III могуть дать намъ, пожалуй, картину настроенія, но не болѣе: они приписываются Григорію II (715 — 731), но на самомъ дѣлѣ являются поддѣлкой позднѣйшаго писателя, плохо знакомаго съ хронологіей, политической географіей и топографіей.

Но уже и изъ этихъ скудныхъ источниковъ мы можемъ получить представленіе о сдержанной энергіи императора: находясь подъ вліяніемъ не юдаизма и не ислама, а подъ вліяніемъ павликіанства, онъ ставитъ себѣ цѣлью утвержденіе единства и чистоты религіи. Онъ издаетъ указъ объ обращеніи евреевъ и монтанистовъ; первые подчиняются этому указу, вторые же согласны лучше умереть. Одинъ изъ павликіанскихъ старѣйшинъ Генезій получаетъ, однако, по испытаніи въ правовѣріи, охранную грамоту; здѣсь останавливается миссіонерская дѣятельность. Съ 726 г. начинается дѣятельность по утвержденію чистоты религіи; первымъ указомъ Льва предписывается не просто помѣщать иконы повыше, а совершенно уничтожать ихъ. Школы, очаги суевѣрія, воспитывавшія юношество въ старомъ духѣ, уничтожаются, и на основаніи этого факта создалась легенда о сожженіи вмѣстѣ съ профессорами и библіотекой, школы на Желѣзномъ базарѣ. Когда знаменитая икона спасителя (Антифонетъ) была унесена императорскими офицерами, на нихъ напала толпа фанатическихъ женщинъ и убила ихъ, что очень радуетъ автора псевдогрегоріанскихъ писемъ. Такимъ образомъ, строгія мѣры должны были быть приняты не противъ черни, а противъ образованныхъ, которые поддерживаютъ борьбу за суевѣріе.

Тяжесть налоговъ и преданность иконопочитанію были причиной возстанія Греціи и острововъ Эгейскаго моря, приведшаго къ избранію другого императора (Козьмы). Повстанцы подступили къ самому Константинополю (727), но, благодаря греческому огню и превосходству императорскаго флота, движеніе это было скоро подавлено. Жертвой собранія (Silentium) въ 729 г. палъ патріархъ Германъ: приверженецъ иконопочитанія и другъ монаховъ, онъ покидаетъ патріаршій престолъ, и на его мѣсто избирается Анастасій, торжественно одобрившій теперь церковную политику Льва.

Но Анастасій не былъ признанъ папой Григоріемъ II, который завелъ опасныя сношенія съ Карломъ Мартелломъ. Италія обращается противъ иконоборцевъ; казалось, что возстанія оторвутъ отъ Византіи весь полуостровъ, папскій же авторитетъ Григорія II и Григорія III отчасти поддерживалъ эти антивизантійскія стремленія. Дѣло не желаютъ лишь довести до избранія новаго императора.

Армада Льва двинулась противъ Италіи, но погибла въ Адріатическомъ морѣ. Въ виду такого положенія вещей, Левъ въ 733 г. приступилъ къ установленію церковнаго единства въ своей имперіи. Онъ отрываетъ отъ Рима въ церковномъ отношеніи Сицилію и Калабрію (Реджіонъ, Северіану, Гидрусъ-Отранту) и подчиняетъ ихъ константинопольскому патріарху. Церковныя имѣнія конфискуются. Такимъ образомъ продолжалось начатое при императорѣ Константинѣ грецизированіе нижней Италіи и Сициліи (см. стр. 66), и былъ проложенъ путь къ различному ходу развитія, съ одной стороны, южной Италіи и остальной Италіи—съ другой стороны. Это грецизированіе усиливается еще, благодаря массовой иммиграціи греческихъ монаховъ (опредѣляется въ 50,000), которые, со своими „нерукотворными иконами", переселяются въ западныя области Византійской имперіи, пользовавшіяся большей свободой. Такое же большое значеніе имѣетъ и уничтоженіе стараго противорѣчія въ положеніи Иллиріи. Въ то время, когда Валентиніанъ I владѣлъ вмѣстѣ съ Западной имперіей также и Иллиріей, было весьма естественно, что власть папы Дамазія (366—389) распространялась и на промежуточную область между западомъ и востокомъ. Но когда иллирійская префектура была перенесена затѣмъ при Ѳеодосіи къ востоку, Римъ все-таки, продолжалъ поддерживать свое церковное верховенство, и митрополитъ ѳессалоникскій считался намѣстникомъ апостольскаго престола; когда позднѣе Мезія и Македонія были переданы Юстиніаномъ епископу охридскому, обѣ эти провинціи оставались въ церковномъ отношеніи попрежнему въ зависимости отъ Рима. Этотъ послѣдній остатокъ распространенія церковной власти Рима на территорію Византійской имперіи былъ уничтоженъ теперь Львомъ III, и Иллирія подчинена константинопольскому патріарху.

Благодаря отдѣленію Исавріи отъ антіохійскаго патріархата и подчиненію этихъ церковныхъ округовъ константинопольскому патріархату, границы политическаго и церковнаго господства—границы Византійской имперіи и епархіи вселенскаго патріарха—совпали. Никакая чужеземная пастырская власть не должна была признаваться отнынѣ въ предѣлахъ Византійской имперіи. И этотъ цезаропапизмъ былъ гораздо жизненнѣе, чѣмъ программа: *βασιλεύς καὶ ἱερεύς εἰμι* (я—императоръ и пастырь), которая хотя и примѣнялась Львомъ въ иконоборчествѣ, но которую проводить долгое время было невозможно.

c) Конецъ царствованія Льва III.

На императора Льва мы можемъ смотрѣть, какъ на современнаго намъ человѣка. Разносторонняя общественная дѣятельность этого покровителя свободнаго крестьянства, цѣнителя брака, свирѣпаго врага суевѣрія, защитника правъ государства противъ церкви, военнаго реформатора заслоняетъ, къ сожалѣнію, отъ насъ его оригинальнѣйшую личность, являющуюся, несомнѣнно, одной изъ крупнѣйшихъ фигуръ Византійской имперіи. Онъ былъ своимъ собственнымъ министромъ финансовъ, собственнымъ фельдмаршаломъ, въ одномъ церковномъ гимнѣ онъ прославляется, какъ освободитель церкви отъ арабовъ, въ области права имъ руководятъ воспоминанія съ его родины, правосудіе онъ хочетъ сдѣлать безплатнымъ для бѣдняковъ, наконецъ, въ церковной области проявляется его цѣльный характеръ: онъ съ энтузіазмомъ защищаетъ первобытное христіанство и отказывается отъ

всякихъ компромиссовъ съ язычествомъ. Во всемъ этомъ за политикомъ вырисовывается въ общихъ чертахъ фигура великаго человѣка.

d) Отъ Константина V до Ирины (741—802).

Сынъ Льва III Константинъ V (741—775), которому его конюшенныя склонности доставили благоуханное прозвище Копронима (*κοπροϑέσιον* — стойло), безъ сомнѣнія, довелъ до крайности ожесточенность иконоборческой распри. Въ немъ были черты жизнерадостности, онъ любилъ музыку, танцы и празднества и вмѣсто иконъ, по его приказанію, рисовались плоды, цвѣты и охотничьи сцены; благодаря своей мягкости онъ прощалъ своей дочери Анфусѣ иконопочитаніе; благодаря его заботливости былъ возобновленъ водопроводъ Валенса, и столица получила, такимъ образомъ, здоровую питьевую воду; его имя упоминается также въ „Эклогѣ“ Льва и Константина. Всѣ эти хорошія черты являются болѣе глубокими и первоначальными въ характерѣ Константина, чѣмъ та черствость, съ которой онъ засадилъ въ преторію Стефана и 342 монаховъ, чѣмъ та жестокость, съ которой онъ ослѣплялъ людей, отрубалъ руки, ноги, уши, носы, убивалъ и заставлялъ еще волочить трупы убитыхъ по улицамъ города. Измѣна его зятя, Артавазда, (изъ Мараша въ Коммагенѣ; 743 г.) и сопротивленіе монаховъ указу, осуждающему иконопочитаніе, указу, подтвержденному и на соборѣ 754 г., сопротивленіе, слѣдовательно, и императору, и церкви, возбудили въ немъ дикую жажду мести. Фанатизмъ свободомыслія, не терпящій болѣе приставки „святой“ и возмущающійся восклицаніемъ „Марія, помоги“, доходитъ у него съ 761 г. до такой степени, что приводитъ къ ожесточенной борьбѣ съ монахами, въ которыхъ олицетворялось наиболѣе рѣзко не только иконопочитаніе, но и „духовное государство“ въ государствѣ; „не я, а монахъ является императоромъ“, говорилъ въ бѣшенствѣ Константинъ. Монастыри не были уничтожены однимъ законодательнымъ актомъ, какъ это можетъ казаться на основаніи отрывковъ патріарха Никифора въ одной рукописи Θеоθана. Но монастыри конфисковывались отдѣльными распоряженіями Константина и передавались (совсѣмъ какъ beneficia на западѣ, называвшіяся на Востокѣ *διὰ χαριστικῆς*) безъ всякаго письменнаго документа свѣтскимъ лицамъ, у которыхъ эти „лены“ могли быть опять отобраны.

Это было бурное время броженія, когда изъ суровой боевой эпохи развивались новые зародыши, это было время перемѣщенія народовъ, такъ какъ ужасная чума отъ 745 до 746 г. почти опустошила столицу, и мѣсто вымершихъ жителей заняли греческіе переселенцы съ острововъ и изъ Эллады. Эллада же и Θракія предоставили новыя земли не только императорскимъ колонистамъ изъ Сиріи и Арменіи, но и славянскимъ переселенцамъ. Тогда именно поселились славяне въ Виθиніи (280,000) и на Кипрѣ. Не раздражала ли императора бездѣтность монаховъ въ эту эпоху обезлюденія? Безъ сомнѣнія, удаленіе отъ міра его вельможъ возбуждало въ немъ сильный гнѣвъ.

Искусные походы и нарушеніе обѣщаній,—вотъ оружіе, которымъ Константинъ борется съ болгарами. Уже въ это время послѣ правителей изъ рода Дуло и другихъ болгаръ (имена которыхъ сохранились до 765 г. въ одномъ славянскомъ текстѣ съ древне-болгарскими словами) встрѣчаются имена правителелей, указывающія на выдающуюся роль валахо-болгаръ (Паганъ и Сабинъ). Церигъ или Телеригъ (763 —775) перехитрилъ въ концѣ концовъ Константина и выпыталъ у него имена всѣхъ грекофиловъ въ Болгаріи, которые и были тотчасъ же умерщвлены.

Сынъ Константина Левъ IV (775 — 680) Хазаръ, названный такъ по племени его матери, продолжалъ въ болѣе мягкой формѣ церковную политику своего отца. Присяга, которую Левъ заставляетъ принести его сыну

Константину, замѣчательна по количеству присягающихъ: не только провинціальные начальники (начальники темъ), министры и сенаторы, не только всѣ присутствующіе солдаты, но и представители ремесленныхъ гильдій и всѣхъ классовъ гражданъ должны были присягнуть на вѣрность будущему императору Константину VI (780—797). Его мать Ирина (вѣрнѣе Эйрина), аѳинянка, не присягнула ему; она причинила глубокую боль восемнадцатилѣтнему юношѣ, уничтоживъ въ 788 г. его помолвку съ Ротрудой (Руотрудисъ), дочерью Карла Великаго. Она положила жестокій конецъ всѣмъ разногласіямъ съ юношей, ослѣпивъ его въ 797 г. Отчаянная борьба между фаворитами Ирины, жалкое поведеніе по отношенію къ арабамъ, полное отступленіе въ вопросѣ иконоборчества—вотъ главныя черты правленія этой женщины-звѣря (797—802).

Вселенскій соборъ 787 г. сдѣлалъ обязательнымъ иконопочитаніе, хотя государство и не потеряло права высшаго надзора. Такимъ образомъ, споръ былъ рѣшенъ въ пользу иконопочитателей (иконодуловъ) и монаховъ и было уничтожено все, къ чему стремился главнымъ образомъ Левъ III. Никто не противоставилъ этому Никейскому собору такой рѣзкой критики, какъ Карлъ Великій. Извлеченія изъ „Каролинскихъ книгъ“ написанныхъ, вѣроятно, Алкуиномъ, были посланы въ Римъ, чтобы опровергнуть рѣшенія собора. Латинскій переводъ протоколовъ собора, посланный Карлу папой Адріаномъ (въ переводѣ говорится о „поклоненіи“ иконамъ; слово adoratio отождествено съ *προσκύνησις*), вызвалъ, можетъ быть, эту рѣзкость критика и заявленіе Карла, что поклоняться слѣдуетъ лишь Богу, святыхъ же можно только почитать. Но все-таки остается еще достаточно основаній считать Карла Великаго единомышленникомъ византійскихъ императоровъ Льва III и Константина V. Константинъ возмущается возгласомъ „Марія, помоги“ и тому подобными вещами и у Карла мы можемъ найти такія же рѣзкости: онъ осуждаетъ напримѣръ, какъ богохульство, такія фразы византійскаго канцелярскаго стиля, какъ „Богъ да правитъ съ ними“, „Богъ проситъ папу принять участіе въ собраніи“. Карлъ полагаетъ, что неразумно зажигать передъ иконами свѣчи, которыхъ онѣ не видятъ, и курить ладономъ, запаха котораго онѣ не чувствуютъ. Неодушевленныя иконы, являющіяся только произведеніями рукъ человѣческихъ (стало быть, не *ἀχειροποίητοι*; см. стр. 70), недостойны поклоненія (adoratio), оказываемаго и живымъ людямъ; въ послѣднихъ словахъ видно презрѣніе германца къ римско-византійскому культу царей. Имперскій синодъ во Франкфуртѣ соединилъ съ авторитетомъ императора авторитетъ имперіи и высказался противъ иконопочитанія.

Но затѣмъ папизмъ, не задерживаемый догматическими разногласіями, бросился въ объятія франковъ. Бѣгство папы Льва III въ Сполето и, окруженное очарованіемъ поэзіи свиданіе Карла съ папой на Падеборнской степи, когда латники, подъ предводительствомъ Карла и при звукѣ трубъ, прискакали навстрѣчу папѣ, привело къ неожиданному коронованію на Рождествѣ 800 г. въ церкви Св. Петра. Юридическій вопросъ о высшемъ положеніи византійскаго императора, положеніи, признаваемомъ еще въ 799 г. Алкуиномъ въ письмѣ къ Карлу, былъ все-таки этимъ не разрѣшенъ, а лишь обойденъ, ибо взглядъ лорійскихъ лѣтописей, будто съ переходомъ императорскаго достоинства къ женщинѣ, это достоинство упраздняется, не казался еще юридическимъ обоснованіемъ; это было, вѣроятно, причиной, почему Карлъ не особенно былъ склоненъ къ преждевременному концу многихъ совѣщаній. Съ Ириной, которая въ 798 г. отправила еще посольство къ Карлу, можно бы было, пожалуй, „ради мира“ устроить соглашеніе, если бы впереди такого соглашенія не стоялъ какъ разъ планъ, упоминаемый одной византійской хроникой, а именно—планъ брака между Карломъ и Ириной. Не плохой выдумкой является сообщеніе, будто главнымъ препятствіемъ при этомъ былъ одинъ византійскій придворный (Аэцій; см.

ниже); ибо византійская придворная жизнь, безъ сомнѣнія, должна была погибнуть при соединеніи Западной и Восточной имперій.

I. Окончаніе иконоборчества; освобожденіе эллинизма отъ Рима.

а) Отъ Никифора I до Льва V (802—820).

При Иринѣ наступили порядки, уничтожившіе всю работу императоровъ Льва и Граклія. Аэцій, первый министръ Ирины (котораго называли *ὁ παραδυναστεύων*) завѣдывалъ двумя темами, т. е. былъ военнымъ и гражданскимъ начальникомъ двухъ провинцій. Его власть возбудила негодованіе высшихъ чиновниковъ, и изъ ихъ среды вышелъ преемникъ вскорѣ низложенной Ирины, генеральный казначей Никифоръ (802—811). Свергнутъ рядъ сирійскихъ правителей, новый рядъ появляется на сценѣ. Уже тотъ фактъ, что опять мужчина занялъ византійскій престолъ, опровергъ толкованіе коронованія Карла, какъ упраздненіе Римской имперіи; такъ Никифоръ обладалъ, напр., достаточной силой, чтобы оставить безъ отвѣта присланный Карломъ проектъ мирнаго договора. Только когда Венеція, отпавшая въ 806 г. отъ Византіи, въ 807 году вновь присоединилась къ ней и была за это наказана Пипиномъ (810 г.), только тогда Никифоръ отправилъ своего посла Арсафія на западъ, чтобы заключить предварительный миръ. Карлъ въ своемъ письмѣ къ Никифору радуется по поводу того, что стремленіе къ миру можетъ быть, наконецъ, удовлетворено.

Но когда послы Карла прибыли въ Византію, черепъ Никифора служилъ уже кубкомъ для вина великому болгарскому царю Круму (802—814); Крумъ завоевалъ почти всѣ европейскія владѣнія Византіи. Онъ овладѣлъ прежде всего Софіей и, послѣ короткой, удачной для Никифора войны, уничтожилъ императора со всѣмъ его войскомъ. Центромъ этого болгарскаго царства была Мезія, далѣе оно распространялось на территорію теперешняго королевства Румыніи, захватывало Зибенбюргенъ, откуда болгары вывозили соль въ Моравію, и доходило до Днѣстра, а, можетъ быть, даже и до Днѣпра. Резиденція царей была въ Преславѣ (Маркіанополисѣ) на большомъ Камчикѣ. Исламъ проповѣдывался, повидимому, въ 9 столѣтіи; но сильнѣй было вліяніе покоренныхъ славянъ, которые передали завоевателямъ свой языкъ и нравы и переняли отъ нихъ одно лишь имя (Blъgare *Βούλγαροι*). Греческая культура играла роль уже въ раннюю эпоху; уже въ 8 столѣтіи одинъ болгарскій царь имѣлъ совѣтниковъ, говорившихъ по-болгарски, по-славянски и по-гречески. На войнѣ употребляются греческія осадныя машины и греческій огонь; на греческомъ языкѣ—хотя, правда, уже не на классическомъ—составляются надписи, напр., надпись Омортага (между 820 и 836 г.) на сохранившейся и понынѣ въ Тырновѣ красной мраморной колоннѣ, описывающая предпринятую, вѣроятно, также по греческому образцу, постройку дворца и надгробнаго памятника.

Послѣ того, какъ неспособный Михаилъ I Рангабе (811—813) былъ разбитъ Крумомъ близъ Адріанополя (813), императоръ Левъ V (813—820) могъ только въ 817 г. заключить миръ съ упомянутымъ Омортагомъ. Такъ же счастливъ былъ Левъ и въ борьбѣ противъ арабовъ, но менѣе повезло ему въ дѣлахъ низложенія патріарха Никифора и въ созваніи синода 815 г. (изображено въ полемической картинкѣ въ Псалтири), который оживилъ почти уже погребенное иконоборчество; будучи нѣкогда выдающимся духовнымъ движеніемъ, этотъ споръ приводитъ теперь къ отчаянному деспотизму и этимъ самъ лишаетъ себя своего освободительнаго значенія.

b) Рядъ фригійскихъ царей (820—867).

Левъ V „Хамелеонъ“, нѣкогда при своемъ вступленіи на престолъ былъ слишкомъ низко оцѣненъ фригійцемъ Михаиломъ II (820—829), который предложилъ колеблющемуся Льву на выборъ: „или я отворю тебѣ своимъ мечомъ врата Византіи, или же вонжу его въ твою грудь“. Этотъ „дѣлатель“ царей, недовольный своей второстепенной ролью, былъ затѣмъ арестованъ, но бѣжалъ и убилъ своего бывшаго протеже въ придворной часовнѣ, куда онъ и его пособники проникли, переодѣтые въ священническія одежды. Его соперникъ въ достиженіи власти, славянинъ Ѳома, былъ иниціаторомъ опаснѣйшаго возстанія покоренныхъ народовъ противъ чужеземнаго греческаго владычества. Ѳома поднялъ противъ имперіи нижніе слои арабовъ, славянъ Балканскаго полуострова кавказскіе народы и армянъ. Ссылаясь на мнимое право на престолъ, такъ какъ онъ выдавалъ себя за ослѣпленнаго Константина, Ѳома былъ коронованъ патріархомъ антіохійскимъ. Опираясь на большое войско и хорошій флотъ, этотъ „ученикъ стараго чорта“, какъ его называетъ императоръ Михаилъ, былъ только вблизи столицы побѣжденъ императоромъ съ помощью болгарскаго царя Омортага. Изъ письма, посланнаго въ 824 году Михаиломъ къ императору Людовику Благочестивому, ясно видно, до какой степени потрясена была Византійская имперія этимъ возстаніемъ. Послы передали Людовику это письмо вмѣстѣ съ цѣнными подарками: зелеными и желтыми матеріями, тирскимъ пурпуромъ, яркокрасными и яркосиними тканями. Съ этимъ письмомъ совпадаетъ въ нѣкоторыхъ оборотахъ рѣчи замѣчательное письмо на папирусѣ въ „Archives nationales“ (К. 17, № 6), но это послѣднее письмо отправлено было только въ 839 году императоромъ Ѳеоѳиломъ къ императору Людовику. Въ немъ заключается поздравленіе Людовика съ побѣдой и увѣщаніе примириться съ Лотаремъ, къ которому въ это же время было отправлено византійское посольство.

α) До возстановленія иконопочитанія (843 г.).

Императоръ Михаилъ тамъ, гдѣ ему не помогаютъ болгары, оказывается далеко не сильнымъ: занятіе Крита арабами (823 г.), отпаденіе отъ Византіи далматскихъ городовъ, успѣхи завоеванія арабами Сициліи,—все это показываетъ, въ какомъ критическомъ положеніи находилась при Михаилѣ Византійская имперія. Умѣренность Михаила въ вопросѣ иконоборчества возбудила большія надежды въ предводителѣ церковной партіи независимости, аббатѣ Ѳеодорѣ Студіонскомъ (752—826). Крушеніе этихъ надеждъ возбудило его пылкій духъ къ рѣзкой оппозиціи императору. Уже раньше этотъ ярый врагъ цезаропапизма, не терпѣвшій, чтобы „слово хоть одинъ часъ оставалось скрытымъ“, не боявшійся ни церковнаго начальства, ни синодовъ, требовалъ, чтобы законъ и Евангеліе стояли выше императора и указывалъ на то, что въ Евангеліи объ императорѣ не упоминается. Онъ говоритъ, что церковь должна устанавливать божественные догматы, императоръ же и князья должны помогать ей и подтверждать ея рѣшенія. Вражда этого умнаго и энергичнаго князя церкви повредила бы власти византійскихъ императоровъ гораздо болѣе, если бы онъ не оскорбилъ греческаго національнаго чувства постояннымъ подчеркиваніемъ церковнаго верховенства Рима, ибо, несмотря на всѣ его еретическіе порывы, Римъ казался ему единственной безопасной гаванью для всей церкви. Возстановивъ противъ себя грековъ, онъ облегчилъ только путь Фотію, вождю греческой партіи независимости. Ѳеодоръ прославляетъ тихій монастырскій міръ въ жизнеописаніи аббата Платона и въ эпиграммахъ, въ которыхъ каждый полезный членъ монастырской общины, начиная съ брата мило-

сердія и кончая аббатомъ, освѣщенъ поэзіей исполненія долга; въ его привѣтствіяхъ имѣются настоящія жемчужины глубокой любви къ человѣчеству. Въ нихъ, какъ и въ біографіи его матери Θеоктисты и въ его письмахъ—„я никогда не устану писать“—говоритъ онъ въ послѣднемъ письмѣ сборника,—видна цѣльная и богатая натура, непреклонную силу которой не могли сломить ни трехкратная тюрьма, ни бичеваніе. Но его высокія церковно-политическія идеи шли противъ греческаго теченія. Его монастырь былъ часто мѣстомъ умственной работы; отсюда распространялась и усовершенствованная греческая скоропись, какъ доказываютъ четыре—Евангелія (Порфирія Успенскаго) 835 года.

Иконоборчество въ духѣ Константина V продолжалось при сынѣ Михаила Θеоθилѣ (829—842), который тюрьмой и клейменіемъ хотѣлъ добиться торжества своихъ взглядовъ. При смотринахъ невѣстъ Θеоθилъ хотѣлъ вручить яблоко прекраснѣйшей. Больше всѣхъ ему понравилась дѣвица Казія. Θеоθилъ обратился къ ней съ словами: „Женщина принесла въ міръ несчастіе“, на что она отвѣтила: „и все-таки женщина является источникомъ счастья“. За это она была отвергнута Θеоθиломъ и основала монастырь. Тамъ ея поэтическое дарованіе получило дальнѣйшее развитіе. Она отказалась отъ старыхъ поэтическихъ рамокъ и, опираясь на народное творчество, рѣшилась сочинять по ударенію. Воспоминанія о Менандрѣ и библейскіе отзвуки не могли парализовать ея собственнаго разума; въ ея пѣсняхъ ненависти сказывается гордая, самостоятельная натура: „Я ненавижу того, кто приспособляется ко всякимъ нравамъ“! Мы вѣримъ, что эту гордую натуру возмущаютъ легкомысліе и вялость, что ее болѣе привлекаетъ трудовая жизнь въ сообществѣ мудрыхъ людей, чѣмъ веселіе въ компаніи дураковъ.

Увы! слабо одаренному императору Θеоθилу также выпало на долю мало радости. Успѣхи сарацинъ въ Малой Азіи были остановлены только однимъ персидскимъ княземъ (христіанское имя его Θеоθобъ); они вторглись даже въ арабское царство. Но возмездіемъ было опустошеніе города Аморіона (послѣ осады 7—15 августа 838 г.) калифомъ Мутазимомъ (Мотассимомъ, 833—842 г.); мученическая смерть 42 грековъ въ Аморіонѣ запечатлѣлась надолго въ памяти грековъ. На западѣ арабы завоевали городъ Палермо. Несмотря на насилія, вѣра въ иконы все еще была въ полномъ расцвѣтѣ: три восточныхъ патріарха повторяютъ въ письмѣ къ Θеофилу въ 839 г. исторію отпечатка лика Маріи на колоннѣ въ Лиддѣ. Θеофилъ, заботы котораго о наукѣ (выдача ученымъ свидѣтельствъ на право обученія), о безопасности столицы и о строительствѣ (см. стр. 52) прославляются, отплатилъ черной неблагодарностью своему величайшему полководцу и зятю Θеофобу: онъ казнилъ его, что и было послѣднимъ актомъ его правленія.

Въ качествѣ регентовъ, вмѣсто трехлѣтняго сына Θеоθила, Михаила III (842—867), управляли государствомъ его мать Θеодора, дядя Бурдасъ, безпощадный насильникъ, и magister Мануилъ. Повидимому, связи послѣдняго съ монахами высокочтимаго монастыря Студіона оказали вліяніе на рѣшеніе въ пользу возстановленія иконопочитанія. Долгая борьба заканчивается синодомъ 843 г., память котораго греческая церковь празднуетъ подъ именемъ *Κυριακὴ τῆς ὀρθοδοξίας*. Всѣ явленія безумія цезарей замѣчаются у молодого императора Михаила III, пьяницы: пристрастіе къ цирку и къ дурному обществу (грубые и низкіе люди, шуты и цирковые конюхи), безумная расточительность, пьянство и ненасытное сладострастіе, дѣтская жестокость. Злая радость осмѣянія того, что священно другимъ людямъ (оскверненіе Св. Даровъ, процессія собутыльниковъ въ епископскихъ одеждахъ), происходила у Михаила изъ той же страсти къ оскверненію, какъ и приказаніе Калигулы поставить свою статую въ іерусалимскомъ храмѣ. Вообще вѣрнѣе сравнить его съ Калигулой, чѣмъ съ Нерономъ, какъ это дѣлаютъ византійскіе историки.

β) Появленіе русскихъ.

Какъ ужасное напоминаніе объ опасностяхъ, грозящихъ слабой Византіи съ сѣвера, появились русскіе (по-славянски Русь, по-гречески *'Ρῶς*, по-арабски Rûs, по-фински Ruotsi, что значитъ, вѣроятно, гребцы) передъ Константинополемъ (15 іюля 860 г., согласно сообщенію анонимнаго автора изъ Брюсселя). Эти скандинавскія (не остзейско-славянскія и не крымско-готскія) полчища прославились уже въ началѣ 9 столѣтія. У нихъ сѣверныя имена (Рюрикъ=Hroerekr, Олегъ=Helgi, Игорь=Ingvarr) и они называютъ также скандинавскими именами днѣпровскіе водопады, по которымъ спускались на своихъ долбленыхъ челнокахъ (ulvorsi=островной водопадъ, aeifor=всегда впереди, gelandi=дающій эхо, varuforos=паденіе волнъ, leanti=hlaejandi=смѣющійся, strakun, по-шведски struk=рвущій потокъ). Въ договорахъ русскихъ съ Византіей 907, 911, 945 и 971 г.г. мы встрѣчаемъ ту же сѣверную клятву на оружіи, что и въ договорѣ Карла Лысаго съ Регнеромъ въ 845 г. и въ договорѣ Зигфрида и Гальфдана съ Людовикомъ Нѣмецкимъ. Другихъ же остатковъ сѣверныхъ именъ и обозначеній довольно мало: въ славянскомъ названіи города Турова открывается имя Тури, вмѣстѣ съ Рогволодомъ=Rag (e) vald пришедшаго въ Россію; Иворская улица въ Новгородѣ и мѣсто въ Кіевѣ, гдѣ поклонялись богу Тору,—вотъ почти единственные сѣверные остатки, къ которымъ, пожалуй, еще можно прибавить „кнутъ“.

Эти сѣверные герои, какъ представители высшей народности, были призваны славянами, Чудью, Кривичами и Вессами: „Наша земля велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ, придите, владѣйте нами“ говорили славяне, по лѣтописи Нестора. Но дикими и грубыми, „наиболѣе запятнаннымъ убійствами“ народомъ казались они византійцамъ, которые, не довѣряя собственнымъ силамъ, по словамъ Фотія, приписывали отступленіе русскихъ и скорое обращеніе ихъ въ христіанство, погруженію одеждъ Богоматери въ волны Босфора. Русскіе столицами своего государства сдѣлали тогда Новгородъ и Кіевъ; въ первомъ городѣ они долго оставались скандинавами, во второмъ же, несмотря на сѣверную свиту (дружину), ославянились уже около 1000 года. Хотя они приняли христіанство подъ вліяніемъ Византіи и отъ Византіи заимствовали свою образованность и культуру, но все это было гораздо позднѣе: при заключеніи мира 907 года приносится еще клятва богамъ Перуну (имѣющему много родственнаго съ Торомъ) и Волосу (это никоимъ образомъ не Василій). Только супруга Игоря Ольга приняла крещеніе, а народъ крестился при Владимірѣ (980—1015 г.).

Изъ этихъ русскихъ составилось отдѣленіе флота, а позднѣе отдѣленіе императорскихъ тѣлохранителей: варяги (по древне-сѣверному Varinjar, отъ vaeri—защита, т. е. граждане-защитники, чѣмъ русскіе обозначали особенное положеніе своихъ скандинавскихъ согражданъ) или въ славянскомъ носовомъ произношеніи варанги *(Βάραγγοι)*.

γ) Кириллъ и Меѳодій.

Ростиславъ Моравскій (Моравіей называлась тогда земля по рѣкѣ Моравѣ, часть нижней Австріи до Дуная и сѣверная Венгрія между Дунаемъ и Граной) считаетъ въ это время (863 г.) Византію не только центромъ культуры, но и центромъ христіанства; онъ проситъ императора Михаила III прислать знающаго по-славянски миссіонера и ставитъ себѣ цѣлью введеніе славянской литургіи, установленіе „славянско-греческаго порядка въ церковномъ дѣлѣ“. Братья Константинъ и Меѳодій не только сдѣлали господствующимъ церковно-славянскимъ языкомъ славянское нарѣчіе этой мѣстности, въ Моравіи нѣсколько перемѣшанное съ нѣмецкими

словами, но они вообще положили здѣсь начало той смѣшанной культурѣ, которую можно разсматривать какъ византійско-славянскую культуру. Соотвѣтственно византійскому происхожденію этой культуры, въ ней сильно представлены восточные элементы; у славянъ, благодаря способу ея распространенія, она всюду получила національно-церковную окраску. Трудно окинуть однимъ взглядомъ все заимствованное славянствомъ у Византіи. Государственное устройство и государственное управленіе, право и искусство, религіозныя воззрѣніе и богослуженіе, преданія, сказки—все это притекаетъ отъ Византіи къ славянскимъ народамъ по узкимъ, но многочисленнымъ, каналамъ. Такимъ образомъ, современныя противорѣчія между народами опредѣляются не германизмомъ и славянствомъ, а германизмомъ и византизированнымъ славянствомъ.

О жизни обоихъ братьевъ мы узнаемъ по ихъ жизнеописанію, по, такъ называемымъ, паннонскимъ легендамъ, которыя едва ли были написаны ученикомъ Меѳодія подъ его диктовку. Скорѣе онѣ были написаны по-гречески ученымъ славяниномъ изъ Болгаріи во второй половинѣ 10 столѣтія, переведены затѣмъ на славянскій языкъ и дополнены богословскими рѣчами въ 12—13 столѣтіяхъ; дополнительныя свѣдѣнія даютъ намъ (особенно о поведеніи Германриха Пассаускаго) папскія письма британскаго Сборника и, такъ называемая, итальянская легенда, сочиненная епископомъ Гандерихомъ Веллетрійскимъ (умеръ въ 898 г.). Братья Константинъ и Меѳодій были чисто греческаго происхожденія. Они родились въ Ѳессалоникахъ, недалеко отъ славянскихъ племенъ, и въ раннемъ возрастѣ научились языку послѣднихъ, такъ что Меѳодій, до своего удаленія на малоазіатскій Олимпъ, управлялъ славянскимъ княжествомъ въ Ѳессаліи. Въ Византіи Константинъ стоялъ близко къ Ѳотію, который, будучи тогда асикритомъ (*ἀσηκρῆτις*, asecretis), былъ отправленъ вмѣстѣ съ нимъ къ арабамъ (855—856 г.г.), Въ 860—861 г.г. онъ отправляется въ качествѣ миссіонера къ хазарамъ, затѣмъ, 863 г., по просьбѣ Ростислава, вмѣстѣ съ Меѳодіемъ въ Моравію, куда онъ, безъ сомнѣнія, привезъ уже отрывки Ветхаго Завѣта въ славянскомъ переводѣ. Еретическая позиція Ѳотія принуждаетъ братьевъ отвернуться отъ Византіи и обратиться къ Риму, гдѣ папа Адріанъ II посвящаетъ ихъ въ епископы (868 г.); здѣсь впервые признается славянское богослуженіе (папой Адріаномъ II въ 869 г. и папой Іоанномъ VIII въ 880 г.), но позднѣе оно было опять запрещено (въ коммониторіумѣ папы Стефана VI и въ его письмѣ къ Святополку, найденномъ въ монастырѣ Св. Креста). Константинъ, или, какъ его теперь называютъ, Кириллъ (Cyrill) умираетъ въ 869 г.; Меѳодій работаетъ на Платенскомъ озерѣ, распространяетъ свое вліяніе до Кроаціи и умираетъ въ Моравіи въ 885 г. Борьба противъ славянскаго богослуженія велась духовенствомъ съ большимъ рвеніемъ; побѣда этого богослуженія, несмотря на ограниченіе его папой Стефаномъ VI, давала славянству большое преимущество передъ германскими народами въ отношеніи національно-церковной организаціи: здѣсь замѣчается уже вліяніе византійско-церковнаго духа независимости.

Кириллъ изобрѣлъ національно-славянскій алфавитъ, глаголицу, положивъ въ основаніе его греческую скоропись (см. таблицу „Начало евангелія Луки“ въ V отдѣлѣ). Алфавитъ этотъ содѣйствовалъ укорененію христіанства среди славянъ. Область распространенія написанныхъ глаголицею памятниковъ идетъ отъ Моравіи и Богеміи (пражскіе отрывки, отрывки Миссала) до Кроаціи, Истріи (островъ Велія съ надписью въ церкви св. Лючіи, относящейся къ 11 столѣтію) и Далмаціи. Упрощеніемъ глаголицы является кириллица, изобрѣтенная, какъ думаютъ, Климентомъ, епископомъ дреновичскимъ при царѣ Симеонѣ, при чемъ въ основу этого алфавита положена греческая унціала (древнѣйшая надпись кириллицей: камень Германа на восточномъ берегу озера Пресны, 992, 993; древнѣйшая книга: Остромирово Евангеліе, 1056, 1057).

Обращеніе въ христіанство болгарскаго князя Бориса и болгарскаго народа, навѣрное, произошло не подъ непосредственнымъ вліяніемъ Меѳодія и не подъ вліяніемъ картины страшнаго суда, ошибочно приписанной славянскому апостолу, котораго смѣшали съ однимъ художникомъ. Обращеніе это было результатомъ всего христіанскаго движенія и вліянія Византіи. Находясь на низкой ступени культуры, болгары сохраняли грубость нравовъ и сильное суевѣріе. У нихъ сохранились еще тюрбанъ у мужчинъ, а у женщинъ узкія одежды, длинные, усаженные серебряными и золотыми пуговицами пояса и фата, закрывающая лицо. Орудіемъ обмѣна у нихъ служатъ быки и овцы; рабы находятся у нихъ въ полной зависимости и продаются также въ Византію. Больныхъ обвѣшиваютъ чудотворными камнями, вмѣстѣ съ покойникомъ зарываютъ въ могилу его слугъ и женъ. Глубокая пропасть раздѣляетъ правителя отъ подданныхъ, изъ которыхъ даже самые знатные не имѣютъ права ѣсть за однимъ столомъ съ княземъ (ханъ, *ὀβιγη*=öwedhü, по-кум.-турецки высокій. Ядро народа составляетъ высшее и низшее дворянство, *βοϊλάδες* (съ греческимъ окончаніемъ) и *βαγαῖνοι.* (см. стр. 74).

δ) Разрывъ съ Римомъ.

Борисъ созналъ необходимость для Болгаріи принятія христіанства и крестился самъ, при чемъ его крестнымъ отцомъ былъ императоръ Михаилъ, именемъ котораго онъ и былъ названъ при крещеніи. Менѣе яснымъ былъ вопросъ, къ кому примкнуть, къ Византіи или же къ Риму. Начатое имъ самимъ преслѣдованіе язычниковъ, и наводнившіе эту новую христіанскую страну миссіонеры разнообразнѣйшихъ сектъ (напр. павликіанъ), христіане-міряне, выдающіе себя за священниковъ, греческіе священники, смѣшавшіе христіанство со всѣми суевѣріями своей родины, евреи, желающіе распространить свою религію, не содѣйствуютъ тому, чтобы привить любовь къ новому ученію. А тутъ пришло еще со стороны высшаго византійскаго церковнаго авторитета, патріарха Фотія, наставленіе, которое должно было совсѣмъ смутить болгарскаго князя: онъ получилъ изложеніе сущности и отличительныхъ признаковъ православія, богословское сочиненіе о Троицѣ и исторію семи вселенскихъ соборовъ и важнѣйшихъ ихъ дѣятелей! Обязательство вести своихъ подданныхъ къ „этимъ мыслямъ истины“ ничего не говорило ему. Но что было ему ясно, такъ это требованіе, чтобы его народъ, или, по крайней мѣрѣ, онъ самъ, сдѣлалъ скачекъ отъ первобытнаго состоянія къ византійскому придворному идеалу, при которомъ отнюдь не разрѣшалось быстро говорить, слишкомъ громко смѣяться, говорить безъ извѣстныхъ правилъ приличія. Такимъ образомъ, болгарскій князь пытается завязать сношенія съ западомъ, и папа Николай I, понявъ потребности простого народа, отвѣчаетъ на частью весьма странные запросы. Онъ является сторонникомъ внутренняго измѣненія человѣка и не желаетъ измѣнять законныя привычки и одежду. Въ мягкой формѣ онъ начинаетъ борьбу противъ суевѣрій и жестокости. Высокая степень пониманія въ существенныхъ вопросахъ и осторожность въ привитіи высшей цивилизаціи обезпечили бы Риму постоянное вліяніе, особенно въ виду поведенія Византіи, развивавшей ненужную богословскую ученость и церемоніальность. Но упорство въ личныхъ вопросахъ, отказъ дать своего епископа, разрушило эту связь съ Римомъ. Рѣзкое поведеніе Рима по отношенію къ греческимъ посланцамъ въ Болгаріи, которыхъ просто прогоняли, и признаніе недѣйствительными произведенныхъ ими миропомазаній, дали Фотію, бывшему съ 858 г. патріархомъ константинопольскимъ и смѣщенному уже 863 г. римскимъ синодомъ, послѣдній поводъ къ разрыву съ Римомъ. Богословское обоснованіе разрыва съ Римомъ, имѣющее міровое историческое значеніе, энциклика 867 г. (*ἐγκύκλιος*

ἐπιστολή), не представляло трудностей, но оно же было и очень легковѣсно. На западѣ исповѣдывали ученіе о происхожденіи Святаго Духа отъ Отца и Сына и этимъ, по мнѣнію Фотія, разрушали монархическое расчлененіе тройственности; согласно такому взгляду, измѣнили тамъ и Символъ Вѣры, прибавкой словъ „и отъ сына", противъ каковаго измѣненія свидѣтельствуетъ Символъ Вѣры, написанный еще папой Львомъ III на серебряныхъ доскахъ въ церкви св. Петра.

И, чтобы еще сильнѣе пошатнуть права Рима на занимаемое имъ положеніе, Фотій утверждаетъ, что, вмѣстѣ съ перенесеніемъ изъ Рима въ Новый Римъ резиденціи императора, въ Византію перешелъ и папскій престолъ. Этотъ доводъ, что Византія стала центромъ также и церковной жизни, имѣлъ большое значеніе: позднѣйшее рѣшеніе болгарскаго вопроса также и противниками Фотія показываетъ, какъ ненавистны были права Рима въ предѣлахъ Византійской имперіи.

Но самое важное значеніе имѣло отклоненіе отъ очень многихъ церковныхъ обычаевъ, тѣсно связанныхъ съ національно-греческой жизнью. Фотій открылъ, такимъ образомъ, глубокую пропасть между востокомъ и западомъ, пропасть эта національнаго характера и лишь окрашена церковнымъ оттѣнкомъ. Позднѣйшіе сочувственные адреса ремесленниковъ Фотію доказываютъ, какъ восторженно встрѣчена была его политика, и какъ именно низшіе слои населенія чувствовали защиту ихъ жизненныхъ привычекъ.

Между тѣмъ свѣтская власть перешла къ бывшему армянскому конюху и другу Михаила, соимператору Василію (стр. 50), по приказанію котораго Михаилъ былъ убитъ.

Теперь только, долгое время спустя послѣ потери восточныхъ провинцій, греки сплотились и выработали единое національное самосознаніе.

K. Средневизантійская имперія при македонской династіи и при первыхъ Комненахъ (867—1071).

Сношенія съ востокомъ и принадлежность нѣкогда къ имперіи восточныхъ, вліятельныхъ въ духовномъ отношеніи, провинцій, оказывали свое дѣйствіе въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Восточныя вліянія, армянскіе колонисты и малоазіатцы при дворѣ играли большую роль (см. стр. 50), Но сплоченіе греческихъ элементовъ уже началось: національное объединеніе сказалось, прежде всего, въ церковныхъ дѣлахъ. Затѣмъ перерождаются въ древне-визатійскомъ и греческомъ духѣ образованіе и воспитаніе, право и литература, и все государство является сильнѣйшимъ выраженіемъ греческаго духа.

Установленная Богомъ власть императора, неограниченная, не связанная законами, духовная и въ то же время свѣтская, царитъ въ этой Византіи. Онъ назначаетъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ; созываетъ призрачный сенатъ. Министръ финансовъ имперіи (*λογοθέτης τοῦ γενικοῦ*), министръ финансовъ императора (*λογοθέτης τῶν οἰκειακῶν*), начальникъ лагерной стражи (*δρουγγάριος τῆς βίγλας*) и министръ почты (*λογοθέτης τοῦ δρόμου*), другія превосходительства (*πατρίκιοι*) и протоспатари, тайный секретарь (*ὁ πρωτασηκρῆτις*), начальникъ города (*ἔπαρχος*, въ то же время praefectus urbi и praefectus praetorio, столичный судья), квесторъ (*κοιαίστωρ*, бывшій тогда, вѣроятно, начальникомъ полиціи), всѣ эти чиновники толпятся вокругъ трона и исполняютъ приказанія императора въ области управленія и суда.

Генералы управляютъ провинціями (*θέματα*) и играютъ большую роль при дворѣ. Они получаютъ огромное жалованье: патрицій (начальникъ дивизіи) получаетъ 40 фунтовъ золота (36,547,20 марокъ), стратегъ получалъ раньше 32,892,48 марокъ, а со времени Льва Мудраго 27,410,20 марокъ,

турмархъ (начальникъ бригады) 10.964.16, а со времени Льва 9136.80 марокъ. Жалованье офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, принимая во вниманіе, что они жили на всемъ готовомъ, можно также считать хорошимъ: (Друнгорій — маіоръ: 5482,08, позднѣе 4568,40 марокъ; комесъ — капитанъ 2741,04 марокъ; пентеконтархъ — лейтенантъ 1827,36 марокъ) и унтеръ-офицеры (декархи 913,68 марокъ). Само войско передано вождямъ, оно не получаетъ жалованья, но получаетъ полное содержаніе и одежду, и о немъ очень заботятся. Объ этомъ свидѣтельствуютъ не только свобода отъ податей и роскошныя бани въ Дорилле, могущія вмѣстить 7000 человѣкъ. Яркимъ доказательствомъ служитъ и тотъ фактъ, что на солдатъ; сражающихся противъ арабовъ, смотрятъ какъ на мстителей и избавителей христіанства, и было выставлено требованіе зачислять въ ряды мучениковъ всѣхъ павшихъ солдатъ.

Могущественное духовенство, имѣющее въ своемъ распоряженіи какъ огромныя монастырскія имѣнія, такъ и бѣдные монастыри, властвуетъ надъ толпой и въ политическомъ отношеніи, такъ какъ оно пользуется религіозными распрями въ цѣляхъ политической оппозиціи и, воодушевивъ толпу, ведетъ ее на борьбу по поводу религіозныхъ разногласій. Изъ духовнаго сословія вышла преимущественно „туча гуманистовъ, которые занимались стихоплетствомъ, строили фразы, нищенствовали и были нахальны“. Благодарную публику они имѣли въ лицѣ многочисленнаго класса богачей, которые, будучи падки до титуловъ, покупали себѣ ихъ и даже небольшое жалованье въ видѣ пожизненной ренты.

Затѣмъ идетъ сословіе горожанъ, изъ которыхъ, благодаря стремленію удалиться отъ міра, пополнялось духовное сословіе. Изъ горожанъ же пополнялось покупкою мѣстъ придворное и государственное чиновничество, при чемъ разъ купленныя мѣста передавались въ бюргерскихъ семьяхъ по наслѣдству. Ремесленныя гильдіи защищали старинные церковные обычаи, какъ неприкосновенныя религіозныя пріобрѣтенія.

Далѣе—крестьянское сословіе, уменьшенное благодаря притягательной силѣ монастырей и, благодаря выкупу, почти погубленное плохими условіями кредита. Вокругъ столицы, въ районѣ провинціи городской стѣны, образовались латифундіи, на которыхъ крѣпостные крестьяне работяли на императора, на патриціевъ и на монастыри — вотъ картина всей имперіи. Крестьянинъ, работающій на этихъ земляхъ (*ἰδιόστατα*), бывшій нѣкогда самъ свободнымъ, не можетъ быть прогнанъ, но онъ не пользуется за то свободой передвиженія и платитъ много больше, чѣмъ прежнюю десятину урожая; онъ долженъ платить деньги за право пастьбы и десятую часть приплода; онъ теперь просто крѣпостной (*πάροικος*). Уменьшеніе свободнаго крестьянскаго сословія замѣтно сказалось и въ увеличеніи полчищъ наемниковъ въ войскахъ, какъ это было и въ Аѳинахъ 4 столѣтія. Такимъ образомъ, эта эпоха расцвѣта Византійской имперіи, естественно, характеризуется постоянной борьбой за защиту, сохраненіе и умноженіе свободнаго крестьянскаго сословія. Эту цѣль имѣетъ особенно въ виду законъ о крестьянскихъ хозяйствахъ императора Романа Лакапена, издавшаго въ 934 г. законъ, по которому сильные (*δυνατοί*) не могли покупать деревень и поселковъ у бѣдныхъ (*πένητες*); они должны были даже возвратить уже купленные земельные участки, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они успѣли уже возвести на нихъ цѣнныя постройки. Сильными считались всѣ высшіе чиновники и вельможи, представители высшаго духовенства и всѣ пользовавшіеся богатствомъ и почетомъ. Старая связь землевладѣнія съ военной службой сохранилась, о чемъ свидѣтельствуетъ возродившійся институтъ имѣній, на доходы съ которыхъ владѣльцы должны были содержать себя и покупать оружіе. Пріобрѣтать эти имѣнія могли только наслѣдники владѣльцевъ, соратники ихъ и соплательщики.

Классъ рабочихъ отличается суевѣріемъ, тупоуміемъ и несмотря на христіанство, преданъ древнимъ культамъ. Наконецъ, самый нижній слой представляютъ изъ себя многочисленные рабы, которыми велась оживленная торговля. Богатѣйшая аристократка Пелопоннеса., Данилисъ даритъ своему пріемному сыну Василію 500 рабовъ (въ томъ числѣ 100 евнуховъ) и 100 рабынь; послѣ ея смерти (888 г.) императоръ освобождаетъ 3000 ея рабовъ и поселяетъ ихъ въ Нижней Италіи.

Силу Византійской имперіи составляютъ войско и флотъ. Наемники и вновь поселившіеся подданные, на ряду съ владѣльцами солдатскихъ имѣній (см. стр. 81), играютъ видную роль. Императорскій флотъ подъ начальствомъ друнгара (стр. 80; нѣмецкое слово, общаго корня съ „Gedränge“) содержится на счетъ государственной казны, провинціальный флотъ содержится на счетъ тематъ (провинцій), при чемъ большая часть кораблей принадлежитъ къ императорскому флоту. На переднемъ концѣ дромонъ уставлены орудія для греческаго огня. Во флотѣ служатъ русскіе норманны (стр. 77) въ качествѣ наемниковъ, а ранѣе сирійскіе мардатлы (см. стр. 66) въ качествѣ варваровъ, поселившихся въ имперіи и обязанныхъ военной службой, наконецъ, коренное населеніе островной провинціи, Самосской и Кибиріотской провинцій. Съ потерей этой послѣдней области падаетъ и морская сила Византіи, такъ что въ XI и въ началѣ XII столѣтія морскіе разбойники всюду являются господами моря. Когда въ борьбѣ противъ норманнскаго флота обнаружилась нужда въ морскихъ силахъ, тогда пришлось прибѣгнуть къ помощи венеціанцевъ, которые и сражались за греческаго императора.

Ядромъ Византійской имперіи была Малая Азія, для защиты которой отъ арабовъ приходилось вести постоянную борьбу. На Черномъ морѣ Византія владѣетъ еще Крымомъ, центромъ торговли съ окружающими народами, главнымъ образомъ, съ хазарами. Печенѣги и болгары живутъ вокругъ небольшой части Ѳракіи и Македоніи, оставшейся еще за греками. Пелопонесъ, благодаря поведенію славянскихъ племенъ, остается только въ номинальной зависимости. Отличное соединительное звено съ Апеннинскимъ полуостровомъ представлялъ изъ себя Дирахіонъ. Рядомъ съ независимымъ королевствомъ итальянскимъ съ столицей Павіей, Калабрія все еще держалась, какъ греческая провинція; Византія пыталась даже держать въ этихъ водахъ свою морскую полицію. Въ Сициліи же, наоборотъ, только немногіе пункты остались еще въ византійскихъ рукахъ.

а) Отъ Василія I до Романа II (867 — 963).

Василій I (867 — 886) подготовилъ внутреннее и внѣшнее укрѣпленіе имперіи. Онъ происходилъ изъ армянскаго семейства военныхъ колонистовъ около Адріанополя; мать его звали Панкало; по сообщенію Табари, она была славянка. Вмѣсто Сициліи, перешедшей скоро совсѣмъ къ арабамъ (878 г. при императорѣ Львѣ были потеряны Сиракузы, въ 889 году была проиграна битва при Милай, въ 902 г. была потеряна Таормина), при чемъ византійскими остались одни законы, Василій присоединилъ къ Калабріи еще и вторую провинцію южной Италіи, Лангобардію. Венеція фактически отпала въ 812 г. (см. стр. 74) договоромъ 840 г. (Pactum Lotharii), утвержденнымъ императоромъ Людовикомъ II (857 г.), создала себѣ неуязвимое морское положеніе. Поэтому верхомъ дипломатическаго самообладанія было со стороны Василія I, когда ему удалось, при помощи отправки посольства и подарковъ и дарованія достоинства протоспатара дожу Урсу Партиціаку, подчинить опять, хотя бы только формально, Венецію. Выростаетъ цѣлая масса построекъ, какъ говорятъ, болѣе 100 церквей (Св. Гавріила и Св. Иліи съ роскошными мозаиками) и дворцовъ (Кенургій, вѣроятно съ сирійскими, украшенными виноградными листьями ко-

лоннами и изображеніями сраженій). Къ Риму императоръ Василій относится настолько дружелюбно, что умный, ученый, неутомимый патріархъ Фотій, который еще въ 867 г., на, такъ называемомъ, соборѣ смѣстилъ папу Николая I (стр. 79), былъ теперь на восьмомъ вселенскомъ соборѣ въ Константинополѣ (869—870) лишенъ своего сана и вмѣсто него былъ назначенъ патріархъ Игнатій. Та мысль, что всѣ христіане должны исповѣдывать единую вѣру, побудила, вѣроятно, прелатовъ востока, находившихся подъ вліяніемъ императора, подписать формулу подчиненія Риму. Съ этой церковной политикой вполнѣ согласуется преслѣдованіе Василіемъ павликіанъ (см. стр. 69), которые, будучи переселены при Цимисхіѣ на Балканскій полуостровъ, возродились въ сектѣ богумиловъ. Преслѣдованіе Василіемъ евреевъ въ южной Италіи можно объяснить, пожалуй, возобновленіемъ притязаній Льва Исаврянина (см. стр. 71), на установленіе единой религіи во всемъ государствѣ. На орнаменты построенной въ 873|4 году церкви въ Скрипу можно ночти смотрѣть, какъ на символъ умственнаго теченія той эпохи,—масса сюжетовъ, представляющихъ намъ полную силъ жизнь, но исполненіе этихъ сюжетовъ еще грубо; они являются отголоскомъ тяжелой борьбы византійскаго народа, изъ каковой борьбы произошелъ и древній языкъ, неоднократно измѣненный. Наслѣдственность престола, существовавшая съ 867 по 1028 г., особенно сильно подчеркивалась соправленіемъ сыновей (при Василіѣ I: Левъ VI и Александръ, при Романѣ II: Василій II и Константинъ VIII), но порядокъ этотъ фактически нарушался мажордомами (см. ниже, стр. 86).

Ученый императоръ Левъ VI (Мудрый, 886 — 911), котораго сравниваютъ съ императоромъ Клавдіемъ, имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ „ученый безумецъ“ на римскомъ престолѣ, ученые труды котораго не оказали никакого вліянія на его эпоху. Хотя строго утилитарныя соображенія побудили къ накопленію всего предыдущаго знанія, особенно же науки юстиніановой эпохи, но они же привели и къ полному возрожденію науки. Всѣ слѣды господствовавшаго со временъ Гераклія упадка были, казалось, уничтожены; даже въ описаніяхъ провинцій, какія даетъ, напр., императоръ Константинъ VII Порфирородный, основою служитъ шестое столѣтіе, несмотря на нововведенія Льва VI. Примѣромъ такого возрожденія можетъ служить юридическій сборникъ Базиликъ въ 60 книгахъ, составленный въ 887—893 г.. Уже Василій въ своемъ „Прохиронѣ“ возстановилъ по-возможности эту основу (напр., въ супружеско-имущественномъ правѣ), и все юстиніановское законодательство заключалось не только въ области брачнаго права, при разводахъ и распространеніи брачныхъ договоровъ лишь на знатныхъ (см. стр. 41), но и въ семейномъ правѣ, въ постановленіяхъ объ отцовской власти, о непремѣнныхъ наслѣдникахъ, о процентахъ.

Но и въ еще болѣе важномъ отношеніи Левъ воскрешаетъ Юстиніанову блестящую эпоху. Цезаропапизмъ вновь возрождается: издаются указы о допустимости женатыхъ кандидатовъ на званіе епископа, о предѣльномъ возрастѣ иподіаконовъ, назначаются праздники для знаменитыхъ проповѣдниковъ, даются разрѣшенія на вступленіе въ бракъ. Сопротивлявшійся его желаніямъ патріархъ Николай, другъ его дѣтства, удостоенный имъ званія довѣреннаго, былъ принужденъ императоромъ подать въ отставку, когда отказался благословить четвертый бракъ его, и даже отлучилъ императора (907 г.). Такимъ образомъ, было вполнѣ понятно, что императоръ опредѣлялъ и первенство прелатовъ по рангу. Теперь были приняты и области, подчиненныя прежде Риму: Никополь, Стелла, Сицилія, Стримонъ, Кефалленія, Ѳессалоники, Дирахіонъ, Далмація окончательно отторгаются отъ Рима и подчиняются Византіи. Эти округа разсматриваются какъ провинціи (темы) и въ качествѣ таковыхъ зачисляются въ новое распредѣленіе темъ. Уже въ то время къ императорамъ, за

исключеніемъ самыхъ великихъ, можно было примѣнить утвержденіе Константина Порфиророднаго, что имперія распалась на намѣстничества, т. е., что императоръ не имѣетъ уже прежней власти. Богатыя фамиліи, особенно, на границахъ имперіи, собираютъ себѣ свиту, превращаютъ крестьянъ въ солдатъ и кладутъ начало византійскому феодализму.

Богословскіе интересы побуждаютъ Льва выступить съ торжественными рѣчами на церковныхъ собраніяхъ; ученыя познанія увлекаютъ его къ подражаніямъ латинскому стихоплетству (стр. 30). Но ему было приписано многое, вовсе не принадлежащее его перу, а между тѣмъ содѣйствовавшее его дурной славѣ. Въ томъ же, что Левъ былъ дѣйствительно авторомъ „Тактики“ (стр. 79) едва ли можетъ существовать еще сомнѣніе въ виду сильнаго подчеркиванія успѣховъ его отца Василія и полководца Никифора Фоки, а также упоминанія о завоеванномъ Ѳеодосіополисѣ и о превосходномъ передъ греками положеніи арабовъ. Противъ христіанъ-болгаръ Левъ воспользовался „въ качествѣ палачей“ язычниками мадьярами, но нельзя сказать, чтобы успѣшно; царь Симеонъ съ полнымъ правомъ могъ упрекнуть его въ этомъ нарушеніи христіанской солидарности.

Торговый вопросъ, обложеніе греческо-болгарской торговли большими пошлинами и отливъ этой торговли отъ Константинополя, побудили могущественнаго царя Симеона (893 — 927 г.) начать войну съ Византіей. Его планы обнаружились въ полной мѣрѣ назначеніемъ болгарскаго патріарха въ Ахридѣ (съ 893 по 1767 г. бывшей умственнымъ центромъ западно-балканскихъ странъ) и принятіе имъ титула царя (Car, царь, первоначально cêsare, позднѣе cesare — caesar) болгаръ (917) и грековъ (924 г.). Онъ велитъ передать императору свои слова: „это—государство, доставшееся мнѣ“! Онъ полагаетъ также, что болгары привыкли желать чужого, греки же — уступать свое! Симеонъ, жившій до вступленія на престолъ въ монастырѣ, куда удалились и его дяди, желаетъ именно принятіемъ греческой образованности возвысить свой народъ. Онъ самъ читалъ въ Византіи, въ дни своей юности, Демосѳена и Аристотеля. Предпринимается изданіе справочной научной книги (сборника), обнимающей богословскія, философскія и историческія науки и переведенная затѣмъ въ 11 столѣтіи на русскій языкъ; дѣлаются также извлеченія изъ греческихъ законовъ. Въ это же время Григорій переводитъ Малала (см. стр. 46), его двоюродный братъ Теодоръ Дутсовъ переписываетъ рукописи въ монастырѣ, экзархъ Іоаннъ въ своемъ предисловіи къ Сестодневу (Гекземерону) описываетъ резиденцію царя, которая въ блескѣ византійскаго зодчества и живописи съ сверкающими золотомъ одеждами князей и вельможъ представляетъ собою такой рѣзкій контрастъ съ обычными въ странѣ соломенными кровлями. Здѣсь приходится бороться противъ свѣжихъ силъ и противъ только что воспринятой, новой культуры. Тюркскій, теперь уже славянизированный, болгарскій народъ въ эту эпоху собиранія націй, представлялъ изъ себя ядро славянства и, благодаря своимъ военно-политическимъ способностямъ являлся передовымъ борцомъ его.

Императору Льву мадьяры (Венгры = гунны и угры) казались народомъ, который скорѣе всего можетъ придти къ нему на помощь въ борьбѣ противъ Симеона. Ядро этого народа финско-венгерское, такъ какъ его числительныя и названія главнѣйшихъ предметовъ житейскаго обихода совпадаютъ со словами языка вогуловъ, народа финско-угрскаго происхожденія (стрѣла по-вогульски nal, по-остякски naŧe, по-мадьярски nyil; собака по-вогульски amƀ, по-мадьярски eƀ; лошадь по-вогульски lôx, lû, по-мадьярски ló). Изъ далекой родины на Ишимѣ, Иртышѣ и Оми мадьяры, псовая охота предковъ которыхъ была описана Аристеемъ Проконезкимъ, на коего ссылается Геродотъ (см. т. II, стр. 142 и слѣд., и т. IV, стр. 271) передвинулись въ теченіи $1^1/_2$ тысячелѣтій въ мѣстность между Каспійскимъ и Чернымъ

морями, въ страну между Кубанью и Дономъ, гдѣ они занялись, кромѣ охоты, еще и рыболовствомъ. Затѣмъ, около 860 года, они поселились въ Лебедьѣ, между Дономъ и Днѣпромъ, гдѣ подпали подъ вліяніе хазаровъ и переняли много турецкихъ словъ (напр., kende, по-хазарски Kendercharn, царь, при которомъ состоитъ еще высшій судья dsila—*γυλᾶς*, можетъ быть, Gyula). Вѣдь тогда хазары, принявшіе скоро послѣ 860 г. іудейскую религію, владѣли царствомъ, простиравшимся отъ Яика до Днѣпра и Буга, отъ Каспійскаго моря и южныхъ отроговъ Кавказа до средней Волги и Оки. Тѣснимые далѣе, мадьяры попадаютъ въ страну Ателькуцу (Атель — потурецки itil рѣка; Uzu—Днѣпръ), гдѣ они владычествуютъ надъ славянами и продаютъ ихъ въ качествѣ рабовъ (Oger—кровопійца), но въ то же время находятся подъ вліяніемъ славянъ, и перенимаютъ ихъ обычаи и общеупотребительныя слова (начальники семи племенъ называются voevod, *βοέβοδοι* воеводы).

Сначала мадьярамъ везло въ борьбѣ съ болгарами, но, возвращаясь домой, они потерпѣли крупное пораженіе; кромѣ того, противъ нихъ ведутъ теперь войну печенѣги, которые, подражая византійской системѣ, выпускаютъ на мадьяровъ болгаръ. Ихъ оставшіяся въ бессарабскихъ степяхъ семьи были или уничтожены, или взяты въ плѣнъ, и тогда весь народъ, въ 896/7 г., въ царствованіе Арпада (890 — 907 г.), рѣшилъ отправиться далѣе на западъ, гдѣ онъ и занялъ свое теперешнее мѣстожительство, отдѣливъ другъ отъ друга южныхъ и сѣверныхъ славянъ и предпринималъ большіе походы по Европѣ. Этимъ закончилось второе переселеніе народовъ. Древніе мѣстные источники были только въ 13 столѣтіи, въ ненадежныхъ „Gesta Hungarorum“, переработаны анонимнымъ нотаріусомъ короля Белы IV; поэтому лучше пользоваться мѣстами изъ „Тактики“ Льва и изъ Константина Багрянороднаго, а также арабскими разсказами, восходящими до Муслима-бенъ-Абу-Муслима-аль-Гарми (около 845 г.), какъ напр., разсказомъ Ибнъ-Русты, писавшаго въ 912/3 году.

Ужасное разграбленіе Θессалоникъ ренегатомъ Львомъ (изъ сирійскаго Триполиса, 904 г.), показало, что флотъ все еще не въ состояніи выполнить задачи морской полиціи; жалобы патріарха Николая (см. стр. 83), раздававшіяся въ храмѣ Св. Софіи, относятъ тоже къ слабости имперіи.

Интересно то, что, несмотря на грабительскіе набѣги арабовъ, въ Константинополѣ поддерживались довольно хорошія отношенія съ ними. По свидѣтельству патріарха Николая, они имѣли даже въ столицѣ мечеть (*εὐκτήριον*) и могли свободно исповѣдывать свою вѣру.

Безразсудная провокація со стороны преемника Льва Александра (912 — 913), оскорбившаго пословъ Симеона, вызвала возобновленіе войны между нимъ и Византіей, которая и подверглась осадѣ въ 913 году. Новая Великая Болгарія охватывала скоро Балканскій полуостровъ отъ Мезембріи до Родопы, отъ Олимпа до устья Каламы за исключеніемъ небольшой приморской полосы Македоніи; въ сторону Сербіи она простиралась до соединеннаго Дрина, Бѣлаго Дрима, Ибара и до Савы. Огромное царство закруглялось Валахіей, частями Венгріи и Трансильваніи.

Константинъ VII Порфирородный (Порфирогеннетъ, 912 — 959) рано посвятилъ себя научной дѣятельности. Возстановленіе имъ старинная высшаго училища (см. стр. 27) идетъ рука объ руку съ возрожденіемъ древности въ области исторіи, географіи, сельскаго хозяйства, естественной исторіи и медицины. Въ эту эпоху, правда, вообще процвѣтала любовь къ собиранію древнихъ литературныхъ сокровищъ, какъ показываютъ другіе, предпринятые безъ участія Константина, сборники (напр., сборникъ древнихъ эпиграммъ, составленный Константиномъ Кефаломъ), но, во всякомъ случаѣ, вліяніе Константина наложило особенно рѣзкую печать на эту „энциклопедическую эпоху“; ему посвящаютъ свои сочиненія толкователи древнихъ литературныхъ сокровищъ (какъ напр., Василій Неокесарійскій).

Онъ удѣлялъ много вниманіе придворному этикету (въ сочиненіи „De caeremoniis“), военному и гражданскому управленію, но также и народной поэзіи, какъ показываетъ его сборникъ привѣтственныхъ пѣсенъ въ честь императора (аккламаціи). Несмотря на весь научный матеріалъ прошлыхъ временъ, въ немъ сохранилось убѣжденіе, что языкъ не можетъ оставаться скованнымъ, а долженъ развиваться соотвѣтственно съ духомъ времени. Онъ было продолжалъ историческую оцѣнку своего дѣда Василія I, начатую Θеоθаномъ, но производилъ эту оцѣнку въ сильно хвалебномъ духѣ.

Въ его время развивается византійское мажордомство. Не подлежитъ сомнѣнію, что мы можемъ назвать именно мажордомами, принявшихъ въ концѣ концовъ императорскій титулъ базилейопаторовъ (какъ напр. уже Стиліанъ Зауцъ 897 г.). У франковъ мажордомы образовались изъ королевскихъ гражданскихъ чиновниковъ, изъ управляющихъ императорскимъ дворомъ, въ Византіи же должность мажордомовъ развивалась, большею частью, случайно изъ должности начальниковъ иностранной гвардіи. Но это обстоятельство не имѣетъ большого значенія для различія между должностями мажордомовъ и базилей опаторовъ. Большее значеніе имѣетъ та разница, что каролинги становились только „подкоролями“, византійскіе же начальники становились настоящими царями, наряду съ царями армянской династіи, при чемъ эта династія даже формально занимаетъ второе мѣсто.

Романъ I Лакапенъ (919 — 944 г. соимператоръ), зять Константина, оттѣснилъ послѣдняго не только на второе, но, благодаря коронованію трехъ сыновей, даже на пятое мѣсто. Такимъ образомъ, совершенно наоборотъ, чѣмъ на западѣ, здѣсь не оказывалось даже внѣшняго почета царствующему дому.

Въ Болгаріи послѣ заключенія мира 924 г. и послѣ смерти Симеона въ 927 г., благодаря признанію болгарскаго патріархата и бракосочетанію внучки Романа, Маріи, съ царемъ Петромъ (стр. 50) установились дружескія отношенія къ Византіи. Магометанская фаланга была разбита при помощи союза съ эмиромъ мелитенскимъ (928 г.). Арменія, связанная столькими частными узами съ восточнымъ Римомъ и ставшая въ царствованіе могущественнаго Асота (915 — 928) великой державой, вступила теперь и въ государственномъ отношеніи въ тѣсный союзъ съ Византіей, а торговымъ договоромъ 945 года и русскіе, послѣ понесенныхъ ими тяжелыхъ пораженій, были приняты въ этотъ дружескій союзъ.

Узурпированная корона Романа озарялась столь важнымъ для византійскаго народа блескомъ вновь пріобрѣтенныхъ реликвій, въ особенности же эдесской иконы Христа, перенесенной изъ Рима. Для своихъ цѣлей Романъ пользуется и куріей: онъ заключилъ съ ней формальную „унію“ (920 г.), и возведеніемъ на патріаршій престолъ сына своего Θеофилакта, большого знатока лошадей, заручился и фактически ея содѣйствіемъ. Вступилъ ли Романъ въ финансовые переговоры о передачѣ правъ съ покровителемъ куріи, сенаторомъ Альберихомъ, это сказать трудно. Въ концѣ концовъ Константинъ VII съ помощью сыновей Романа избавился отъ отца ихъ, а затѣмъ и отъ нихъ самихъ.

b) Высшая точка расцвѣта Византійской имперіи при Никифорѣ II Θокѣ, Іоаннѣ Цимисхіѣ и Василіѣ II (963—1025 г.).

Если можно сказать мало хорошаго о государственныхъ талантахъ Константина, то, какъ человѣкъ, онъ стоитъ все-таки выше своего сына Романа II (959—963 г.), который въ девятнадцатилѣтнемъ возрастѣ женился на Θеоθано, прекрасной дочери одного мелкаго собственника. Іосифъ Брингъ, бывшій собственно душой правительства, предоставилъ борьбу

противъ Крита опытному Никифору Ѳокѣ, который въ 961 г. завоевалъ этотъ островъ и обратилъ его опять въ христіанство. Онъ взялъ уже киликійскіе города и Алеппо, когда пришло извѣстіе о смерти Романа II. За малолѣтнихъ сыновей его, Василія II и Константина VIII, царствомъ должна была управлять ихъ мать Ѳеоѳано. Тогда Никиѳоръ явился въ столицу и завладѣлъ престоломъ, не безъ содѣйствія предсѣдателя сената Василія, незаконнаго сына Романа Лакапена.

Никифоръ II (963—969 г.), молчаливый аскетъ съ пламенной душой, который въ лишеніяхъ военной и монастырской жизни упражнялся въ подавленіи своего я, неуклюжій, растрепанный, некрасивый, сталъ мужемъ обольстительнѣйшей и утонченнѣйшей женщины, вдовствующей императрицы Ѳеоѳано, которая, такимъ образомъ, завладѣла побѣдоноснымъ полководцемъ. Тутъ сошлись двѣ противоположности: типъ большого города съ его утонченностью и испорченностью и типъ, вышедшій изъ нѣдръ простого и грубаго народа Каппадокіи. Съ свойственнымъ его племени фанатизмомъ (стр. 29) онъ велъ противъ ислама религіозную войну, павшіе въ которой считались мучениками (см. стр. 81). Все должно служить военнымъ цѣлямъ, войску и флоту, которыя имѣлись, будто бы, только у Византіи, какъ хвастался императоръ передъ Ліутпрандомъ. Финансы правительство старается поправить порчей монеты, ограниченіе же имѣній мертвой руки (которая непрерывно старалась пріобрѣтать новыя земли), а можетъ быть, и ограниченіе права ближайшаго выкупа (см. стр. 67) лишь лицами одного ранга, должно было увеличить способность нести военныя тяготы. Обширная пограничная черта, отдѣлявшая Византію отъ владѣній арабовъ, съ ея крѣпостями Эль Авассимъ, стала военной границей, крайне нуждавшейся въ заселеніи.

Здѣсь пришлось прибѣгнуть къ терпимости: якобитскіе переселенцы должны были быть избавлены по императорскому приказу отъ всякихъ догматическихъ придирокъ (Халкедонъ). Правда, здѣсь обѣщанія императора шли далѣе того, что желало выполнить духовенство: несмотря на эти обѣщанія сирійцевъ таскали въ столицу для религіознаго экзамена. Монархи понимали свое положеніе не такъ строго, какъ императоръ, желавшій сложить у ногъ Ѳеоѳано всѣ сокровища міра, самъ же не имѣвшій никакихъ потребностей. Его идеаломъ была лавра на горѣ Аѳонъ, построенная по его иниціативѣ Анастасіемъ около 968 г.; здѣсь удаленіе отъ міра было проведено въ строжайшей формѣ, въ духѣ восточнаго монашества, въ духѣ аббата Ѳедора Студіонскаго (стр. 75).

Когда Никифоръ сталъ удерживать часть жалованья, когда цезаропапизмъ грозилъ воскреснуть въ самой рѣзкой формѣ, и безъ разрѣшенія императора не могли производиться епископскіе выборы, не могъ быть занятъ ни одинъ епископскій престолъ, когда правительство стало пользоваться хлѣбной монополіей прямо-таки по-ростовщически, тогда началось броженіе по всей имперіи. Ѳеоѳано, помогавшая дворцовой революціи, во главѣ которой стоялъ молодой армянинъ Іоаннъ Цимисхій, устроила такъ, что спальня ея мужа была найдена отпертой, и Никифоръ могъ быть убранъ съ дороги. Императрица Ѳеоѳано была отправлена патріархомъ въ изгнаніе, Іоаннъ же Цимисхій долженъ былъ половину своего состоянія пожертвовать въ пользу обѣднѣвшаго крестьянства столичной темы и на расширеніе и устройство большой больницы въ Константинополѣ. За это онъ былъ провозглашенъ императоромъ и коронованъ въ храмѣ св. Софіи въ 969 г. Цимисхій ведетъ съ блестящимъ успѣхомъ войну противъ русскихъ и освобождаетъ Болгарію. Но онъ не возвращаетъ болгарскаго царства освобожденному изъ плѣна царю Борису II, и Болгарія остается съ этихъ поръ подъ властью Византіи. Только небольшая часть Македоніи и Албаніи отдѣлилась въ 963 г. при династіи Шишманидовъ и стала независимой. Цимисхій сражался съ огромнымъ успѣхомъ

противъ арабовъ, руководимыхъ египетскими Фатемидами, завоевалъ Сирію и перешелъ черезъ Ливанъ. Въ то именно время были основательно разграблены реликвіи востока. Цимисхій умеръ при возвращеніи домой въ 976 г., при чемъ подозрѣваютъ, что онъ былъ отравленъ.

Дѣлатель царей того времени, евнухъ Василій, объявляетъ самостоятельнымъ властителемъ 20-лѣтняго Василія II (976—1025 г.). Сознаніе обязанностей, налагаемыхъ властью, совершенно преобразило послѣдняго: преданный всякимъ излишествамъ юноша превратился въ твердаго, почти аскетическаго мужа.

Западное болгарское царство подъ властью династіи Шишманидовъ съ центрами Преспой, а потомъ Ахридой, продолжало еще существовать, и въ царствованіе Самуила (976—1014 г.) даже значительно увеличилось въ размѣрахъ. Византійцы потерпѣли тяжелое пораженіе (991 г.), южная часть адріатическаго берега досталась болгарамъ, сѣверная съ далматскими островами—кроату Крезмиру I, Сербія стала вассальнымъ государствомъ Болгаріи. Но уже пораженіе Самуила при Сперхеѣ и еще болѣе послѣдовавшее при горѣ Белазицѣ (1014 г., южнѣе ущелій Клидіона и Кимполунга) взятіе въ плѣнъ 15000 болгаръ рѣшили судьбу болгарскаго царства. Плѣнники были ослѣплены, при чемъ оставлялся глазъ на каждые 100 человѣкъ одному, который долженъ былъ вести остальныхъ (поэтому Василія называютъ Болгароктономъ—убійцей болгаръ). Неудивительно, что у Самуила разорвалось сердце, когда къ нему были приведены эти ужасныя толпы слѣпыхъ.

Въ 1018 г. Василій выступаетъ въ Архиду, гдѣ ему достаются великолѣпныя государственныя сокровища, золототканныя одежды, украшенная жемчугомъ корона Шишманидовъ. Болгарское дворянство, сохранившее свои привилегіи, можетъ теперь наслаждаться почетными византійскими титулами. Осталась и старая податная система: по мѣркѣ хлѣба, маиса и овса на каждую упряжку быковъ. Наконецъ, и болгарской церкви также дается независимость; ея первый архіепископъ былъ болгаринъ, преемникомъ же его былъ грекъ Левъ. Признавъ размѣры области, находившейся въ то время въ вѣдѣніи архіепископства Архиды, императоръ, по просьбѣ архіепископа, возстановилъ даже приходы въ прежнемъ размѣрѣ, какъ они существовали при царѣ Петрѣ, хотя отъ этого страдали греческіе приходы, въ особенности Ѳессалоники. Хорошее отношеніе къ новымъ подданнымъ особенно ясно проявилось въ томъ фактѣ, что происхожденіе знатныхъ родовъ велось отъ болгарской династіи Шишманидовъ (см. стр. 50). Такимъ образомъ, Василій дѣйствовалъ вполнѣ согласно съ принципомъ, выраженнымъ имъ въ указѣ 1020 г. „Если мы и стали господами страны, то сохраняемъ все-таки неприкосновенными всѣ ея права“; Болгарія была теперь соединена съ Византіей только личной уніей. За пріобрѣтеніе, посредствомъ такой примирительной политики, новыхъ провинцій, западной Болгаріи и Сербіи, и за побѣду греческаго элемента надъ болгарскимъ, Василій приноситъ благодарственную молитву въ храмѣ Богоматери Аѳонской, которой посвящаются драгоцѣнные сосуды изъ Ахриды.

Въ соціальномъ отношеніи Василій шелъ по пути Романа I Лакапена, усердно препятствуя образованію крупнаго землевладѣнія, онъ расширяетъ кругъ знатныхъ лицъ, не имѣющихъ права пріобрѣтать деревни и поселки (стр. 81), присоединивъ къ этому кругу и своихъ тѣлохранителей, онъ уничтожаетъ для вельможъ право пріобрѣтенія имѣній посредствомъ 40 лѣтней давности и требуетъ представленія подлинныхъ документовъ о пріобрѣтеніи. Въ Киликіи и Каппадокіи онъ конфисковалъ крупныя имѣнія, разрушилъ виллу одного земельнаго спекулятора и раздѣлилъ его землю между мелкими собственниками. Вся тяжесть военной повинности въ теченіе по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ десятилѣтій, падаетъ

на знатныхъ и на крупныхъ землевладѣльцевъ, при чемъ богатые сосѣди были отвѣтственными (ἀλληλέγγυον) за недоимки мелкихъ крестьянъ.

Его борьба противъ крупной собственности является по существу въ то же время и борьбой европейскаго византизма противъ малоазіатскаго крупномѣстнаго дворянства. Не даромъ былъ данъ императору совѣтъ, тяжелыми податями заставить богачей удѣлять болѣе заботъ пріобрѣтенію средствъ къ существованію и отвлечь ихъ такимъ образомъ отъ политики. Василій неутомимо пріобрѣталъ въ Малой Азіи армянскія области, раздавалъ ихъ въ видѣ леновъ и всюду увеличивалъ крѣпости и гарнизоны. О крупныхъ размѣрахъ его пріобрѣтеній можно судить по новымъ епископствамъ кельценскимъ. Здѣсь онъ проявлялъ большую снисходительность по отношенію къ присоединенному въ 1021 г. армянскому царству, такъ что армянскій историкъ Матвѣй Ураци восхваляетъ его милосердіе и заботливость.

При Василіѣ Византійская имперія достигла не только наибольшихъ размѣровъ, но и высшей точки внутренней силы и значенія императорской власти.

c) Начало раздробленія (1026—1071).

Правительство Константина VIII (1026—28 г.), несмотря на хозяйничанье фаворитовъ, было все-таки еще способно отбивать нападенія внѣшнихъ враговъ, какъ напр., арабовъ и печенѣговъ. Его дочери, Зоя и Ѳеодора, играли большую роль въ судьбѣ его преемниковъ. Старый сенаторъ Романъ Артропулъ женился на Зоѣ и вступилъ на престолъ подъ именемъ Романа III (1028—1034). Его роль философа на тронѣ повредила ему. Жестокое отношеніи его къ сирійскимъ схизматикамъ, возбуждавшее неудовольствіе даже въ свѣтскихъ кругахъ Византіи, заставило многихъ сирійцевъ переселиться въ области арабовъ. Походъ его противъ сарацинъ кончился неудачей, послѣ того, какъ онъ отвергъ мирныя предложенія калифа. Выдающійся полководецъ Георгій Маніакъ (см. выше, стр. 51) завоевалъ все-таки Эдессу.

Зоя, вѣроятно, устранила императора съ дороги ради своего любовника, который правилъ, если это можно назвать правленіемъ, подъ именемъ Михаила IV (1034—47 г.); онъ былъ братъ евнуха и начальника сиротскаго дома Іоанна, который и былъ истиннымъ правителемъ, занимая постъ государственнаго канцлера. Но и на него сознаніе обязанностей, налагаемыхъ властью, повліяло настолько, что онъ былъ въ состояніи защищать государство отъ набѣговъ. Въ его лицѣ на престолъ опять выступилъ ревностный богословъ и философъ, покровительствовавшій обществу теософистовъ, Птохіотрофейонъ, зала, выстроенная имъ въ Константинополѣ, служила рефекторіемъ для бѣднаго вѣрующаго люда. Съ помощью многочисленныхъ отрядовъ наемниковъ ему удается отбить набѣги сарацинъ. Предполагаемое вторичное завоеваніе Аѳинъ послѣ возстанія ихъ противъ императора приписывается сѣверному герою Гаральду Гардраде, сыну Зигурда, но извѣстіе это невѣрно и произошло изъ ложнаго толкованія одной рунической надписи на гигантскомъ львѣ въ венеціанскомъ арсеналѣ. Такимъ образомъ, разлетается въ прахъ красивый отголосокъ величія Аѳинъ въ исландскихъ пѣсняхъ. Но Гаральдъ дѣйствительно сражался съ блестящимъ успѣхомъ въ 1034 и 1035 г. противъ сарацинъ у береговъ Африки и Сициліи и противъ болгаръ на Балканахъ. Тоска по родинѣ гонитъ его на сѣверъ, хотя императоръ Константинъ и не хотѣлъ отпускать его. Опаснымъ казалось возстаніе славянъ, привилегіи которыхъ, пріобрѣтенныя ими во время царствованія Василія, теперь не соблюдались. Внукъ Самуила Петръ Делеаносъ провозглашается болгарскимъ царемъ, и къ болгарамъ присоединяются еще албанцы, недовольные тяжестью налоговъ. Но бле-

стящая защита Ѳессаловикъ и измѣна другого болгарскаго князя дали Михаилу возможность безпощадно сломить церковную независимость Болгаріи.

Надменная заносчивость Михаила V Калафата (1041—42) привела къ провозглашенію царицами Зои и Ѳеодоры, и въ 1042 г. Зоя вышла замужъ за Константина IX Мономаха (1042—54 г.). Возстаніе полководца Маніака, вновь завоевавшаго въ 1038 г. Сицилію, кончилось смертью Маніака, что было счастливой случайностью для Константина. Другая опасность не могла быть уничтожена поселеніемъ печенѣговъ въ предѣлахъ Византійской имперіи, такъ какъ такимъ поселеніемъ не была еще разорвана связь между языческими и христіанскими членами этого безпокойнаго племени. Занятіе греками армянскихъ епископствъ, и присоединеніе второй части армянскаго царства, вызвали сильнѣйшую ненависть армянъ противъ Византіи, такъ какъ съ такимъ занятіемъ, очевидно, была связана конфискація церковныхъ имуществъ. Армяне, по крайней мѣрѣ отчасти, видѣли въ сельджукахъ своихъ освободителей.

Это отдѣленіе получило еще большее значеніе, когда сама восточная церковь обособилась и совершенно порвала съ Римомъ (1054 г.). Папа Левъ IX надѣялся, правда, что греческій и германскій императоры, какъ двѣ руки церкви уничтожатъ норманновъ. Но предшествовавшее заклейменіе константинопольской церкви, какъ очага всякой ереси, и отвѣтъ патріарха Михаила Керуляра, что онъ и есть истинный вселенскій патріархъ, повелитель церквей всего міра, папа же — только епископъ римскій, были причиной сильнаго взаимнаго раздраженія. Несмотря на честныя старанія императора Константина водворить миръ, римскіе легаты положили на алтарь храма Св. Софіи буллу отлученія противъ патріарха Керуларія, созванный синодъ предалъ анаѳемѣ эту буллу и ея авторовъ. Такимъ образомъ раздѣленіе церквей было окончательно закрѣплено.

Въ Константинополѣ въ это время Мономахъ возстановилъ древнюю высшую школу юриспруденціи, философіи и филологіи. Настоящимъ инціаторомъ этого возстановленія былъ писатель Михаилъ Пселлъ. Находясь подъ сильнымъ вліяніемъ поэзіи и философіи древнихъ грековъ, особенно подъ вліяніемъ Гомера и Платона, онъ въ совершенствѣ владѣлъ греческимъ языкомъ. При всестороннемъ знакомствѣ его съ разнообразнѣйшими областями, и притомъ знакомствѣ не сухо энциклопедическомъ, не удивительно, что ему приписывались сверхъестественныя знанія. Отъ шума столицы и ея интригъ онъ удаляется въ одеждѣ монаха на мистическій Олимпъ, гдѣ поднимаются къ небу своими вершинами платаны и кипарисы, и гдѣ въ кустахъ раздается пѣніе птицъ. Затѣмъ изъ одиночества, гдѣ некому было оцѣнить его ума, онъ возвращается опять къ придворной толпѣ и пользуется своимъ перомъ, какъ оружіемъ, которое онъ продавалъ. Онъ служилъ при цѣломъ рядѣ императоровъ, и при Михаилѣ VII Парапинакѣ онъ сталъ первымъ министромъ. Это одна изъ интереснѣйшихъ и безсовѣстнѣйшихъ фигуръ византійской исторіи,

Послѣ смерти Константина IX бразды правленія взяла въ свои руки Ѳеодора (см. стр. 89). Она управляла государствомъ съ большимъ умомъ, пользуясь помощью священника Льва Параспондила, пока непріязненное поведеніе патріарха Керуларія не привело ее къ рѣзкой оппозиціи церкви. Армянская династія кончается со смертью этой императрицы, передавшей діадему генералу Михаилу VI Стратіотику (1056—57 г.)

Избранный затѣмъ богатый землевладѣлецъ Исаакъ I Комненъ (1057—59) выступаетъ противъ притязаній восточной церкви, но затѣмъ удаляется самъ въ монастырь Студіонъ и передаетъ тяжелыя обязанности правленія своему другу Константину X Дуку (1059—67), какъ оказывается, безъ всякаго на то нравственнаго права. Отовсюду напираютъ мадьяры, печенѣги, уцы. При предполагавшемся соединеніи церквей вполнѣ

отразилось малое уваженіе, которымъ пользовалась Византія: Гагикъ Армянскій разрываетъ объединительную формулу, произноситъ имѣвшую большой успѣхъ и одобренную потомъ Константиномъ рѣчь объ армянской вѣрѣ и приказываетъ умертвить патріарха Кесарійскаго. Затѣмъ древній городъ армянскихъ царей, Ани, попадаетъ въ руки сельджуковъ, и армянскій народъ почти разсѣивается.

Вдовствующая императрица Евдокія дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ, попытку избраніемъ генерала Романа IV Діогена (1067—71 г.) добиться реорганизаціи военнаго дѣла. Всѣ упущенія послѣднихъ лѣтъ должны были быть вдругъ исправлены и изъ плохихъ солдатъ составлено хорошее войско. При этомъ Романъ имѣетъ враговъ не только спереди, въ лицѣ Турокъ, но и позади себя — все придворное общество, которое тотчасъ же старается наемниками подорвать его положеніе: „Онъ беретъ въ руки щитъ и этимъ думаетъ остановить натискъ враговъ, беретъ длинное копье, чтобы заколоть ихъ. И по этому поводу всѣ кричатъ ура, аплодируютъ“. Государство, образованные классы котораго такъ смѣялись надъ серьезными усиліями, само отказывалось отъ дальнѣйшаго существованія. Благодаря измѣнѣ турецкикъ наемниковъ, негодности и подкупности византійскихъ офицеровъ, битва при Манцикертѣ (см. стр. 35) кончилась для Романа настолько неудачно, что онъ былъ разбитъ на голову и взятъ въ плѣнъ. Онъ былъ, правда, отпущенъ, но по его возвращеніи попалъ въ руки жестокаго Іоанна Дуки, который возвелъ на престолъ своего племянника Михаила, а Романа приказалъ ослѣпить. Послѣ битвы при Манцикертѣ мало-азіатскія владѣнія Византійской имперіи подверглись окончательному раздробленію. Среди борьбы мѣстныхъ царей-соперниковъ и наемническихъ вождей турецкія стремленія играли особенно важную роль, что и проявилось въ основаніи султаната Иконіи. Всѣмъ этимъ былъ нанесенъ смертельный ударъ процвѣтанію Византіи.

L. Пріостановка въ раздробленіи Византіи при Комненахъ (1071—1185).

а) До смерти Алексѣя I (1118),

И безъ того весьма трудное послѣ битвы при Манцикертѣ положеніе Византіи было ухудшено еще неспособностью императора Михаила VII Дуки Парапинака (1071—78), который въ 1073 г, находясь въ стѣсненномъ положеніи, обратился къ папѣ Григорію VII за помощью противъ турокъ и обѣщалъ за это возстановить согласіе между Римомъ и его дочерью, константинопольской церковью, а также глупымъ поведеніемъ императора Никифора IIIБотаніата (1078—81) по отношенію къ норманнамъ. Характерна роль турокъ при его восшествіи на престолъ: противъ него должны были сражаться войска султана Иконіи, склоненныя на свою сторону приверженцами Михаила VII; но находившійся на службѣ у Никифора турецкій начальникъ наемниковъ убѣдилъ эти войска удалиться. Турки играютъ и здѣсь, и въ другихъ случаяхъ рѣшающую роль, отдавая свои войска за плату то одному, то другому изъ двухъ соперничающихъ императоровъ.

Благодаря измѣнѣ нѣмецкаго офицера наемническихъ войскъ Ганно, Алексѣю I. Комнену (1081—1118) удается взять Константинополь. Алексѣй былъ умнымъ дипломатомъ и превосходнымъ полководцемъ. Ему удалось бы съ большой силой броситься на турокъ, если бы передъ Византіей не всталъ новый врагъ, норманскій герцогъ Робертъ Грискаръ, соединившійся съ папой Григоріемъ VII. Калабрія уже досталась въ руки врага, и теперь взоры его были устремлены на Балканскій полуостровъ. Робертъ завоевалъ большую часть Иллиріи. Большими деньгами Алексѣй старался склонить на свою сторону императора Генриха IV, но тотъ обратилъ свое оружіе только противъ папы, союзника Роберта. Были проданы

церковныя драгоцѣнности, и общность интересовъ съ Венеціей была использована для борьбы противъ общаго врага. Венеціанцы замѣнили своимъ флотомъ византійскій флотъ, погибшій благодаря потерѣ малоазіатскихъ провинцій, и съ ними былъ заключенъ въ маѣ 1082 г. формальный договоръ. По этому договору имъ давались широкія привилегіи въ области торговли по всей имперіи: свобода отъ пошлинъ на товары, отъ торговыхъ пошлинъ и другихъ налоговъ, а также независимый кварталъ въ гавани Перѣ. Этимъ было положено начало колоніальному господству Венеціи на востокѣ и господству византійской культуры, въ особенности же искусства въ Венеціи (см. стр. 63). За данныя Венеціи торговыя привилегіи въ Византіи надѣялись получить цѣнныхъ соратниковъ въ борьбѣ за существованіе имперіи. Венеціанцы обязались защищать владѣнія дружественнаго государства; въ 1111 г. и пизанцы обязались заставить своихъ живущихъ на византійской территоріи гражданъ вести оборонительную борьбу противъ вторженій. Наступательная политика норманновъ закончилась пока побѣдой императора Алексѣя и смертью Гюискара (1085 г.), такъ какъ вліятельный норманнскій князь Рожеръ старался войти въ соглашеніе съ Византіей.

Серьезная опасность угрожала Византійской имперіи со стороны печенѣговъ (1088—91; стр. 85) Алексѣй уже потерпѣлъ отъ нихъ пораженіе. Второго пораженія онъ сумѣлъ избѣжать, купивъ содѣйствіе другого турецкаго племени, к у м а н о в ъ, или уцовъ (по-венгерски куноки, по-русски половцы), которые впервые появляются къ 1055 г. въ Россіи и въ 1065 г. вытѣсняютъ изъ Ателькуцу печенѣговъ, прогнавшихъ передъ этимъ венгерцевъ (стр. 84); случайно, благодаря куманскому словарю, намъ извѣстенъ языкъ печенѣговъ.

Раздѣленіе царства сельджуковъ 1092 г. (т. III, стр. 352) подало Алексѣю надежду прогнать турокъ, хотя и не самостоятельно, а съ помощью запада. Въ сохранившемся письмѣ императора къ графу Роберту I Фландрскому имѣются нѣкоторыя неточности перевода, но, во всякомъ случаѣ, письмо это свидѣтельствуетъ о томъ, что Алексѣй просилъ о помощи, и наряду съ другими мотивами на к р е с т о н о с ц е в ъ повліялъ также и его призывъ. Въ 1065 г. на соборѣ въ Піаченцѣ была прочитана просьба Алексѣя о защитѣ св. церкви, и папа Урбанъ П, 1088—99) обращается 27 ноября 1055 г. въ Клермонѣ съ призывомъ къ освобожденію восточныхъ церквей (какъ мы это видимъ изъ подобнаго же посланія къ фландрцамъ). Вопросъ объ уніи не былъ тогда затронутъ Урбаномъ изъ идеалистическаго энтуіазма, Алексѣемъ же—по умному разсчету.

Ученая дочь императора, А н н а К о м н е н а, которая въ исторіи своего отца (1069 — 1118), эпической поэмѣ „Алексѣй“, пользовалась устными и писаными источниками, своимъ, выработавшимся на Ѳукидидѣ и Полибіи, искусственнымъ языкомъ разсказываетъ намъ удивительныя вещи о тогдашнемъ н а с т р о е н і и в ъ В и з а н т і и. Вмѣсто наемниковъ, которымъ платятъ, тутъ были неистовые воины, сами бравшіе себѣ плату, вмѣсто того, чтобы быть помощью для императора, они были корыстными борцами за свое собственное богатство и нарушителями договоровъ; съ ужасомъ смотрѣлъ народъ на шествіе этихъ западныхъ варваровъ, грабившихъ греческіе острова и берега; „болѣе искренніе“ (*ἁπλούστεροι*) составляли меньшинство ихъ, большинство же состояло изъ „бѣднѣйшихъ“, стремившихся къ грабежу. Затрудненія смягчались благодаря личному обаянію Алексѣя, обаянію, живѣйшимъ образомъ отражающемуся въ разсказахъ князей крестоносцевъ, напр., въ письмѣ графа Стефана Блуа; и Готтфридъ Бульонскій, относившійся сначала враждебно къ императору, также не устоялъ передъ его вліяніемъ и приноситъ ему ленную клятву. Широкая масса сдѣлала, повидимому, за всѣ потери и неудачи отвѣтственнымъ „негодяя“ и „измѣнника“ Алексѣя и пустила въ ходъ разныя крылатыя словечка, какъ

напр., о борьбѣ турокъ и франковъ, къ которой Алексѣй относится такъ, какъ будто бы это грызлись между собою собаки,

Норманнъ Богемундъ, сынъ Роберта Гюискара, предложилъ сначала императору планъ самостоятельнаго господства, но потомъ принесъ ему все-таки ленную присягу. Послѣ завоеванія Антіохіи онъ хотѣлъ оставить за собой этотъ въ высшей степени важный городъ. Это онъ могъ сдѣлать только, призвавъ авторитетъ папы на помощь противъ византійской ереси. Но Урбанъ II высказался на соборахъ въ Бари и въ Римѣ за примиреніе церквей. Только его преемникъ Пасхалій II (1099—1118) пытался черезъ своего легата помочь Богемунду, который самолично прибылъ въ Европу, чтобы претворить въ дѣло ненависть къ грекамъ и чтобы крестовымъ походомъ Европы противъ Византіи отпарировать опасныя нападенія византійскаго императора на Антіохію. Но сильной бури, необходимой, по словамъ Богемунда для того, чтобы вырвать съ корнемъ высокій дубъ, такой бури не могъ вызвать и онъ, несмотря на то, что въ своихъ проповѣдяхъ въ Шартре онъ говорилъ, что крестоносцы противъ Византіи завоюютъ богатые города и, несмотря на то, что при господствовавшемъ раздраженіи противъ императора ему легко было навязать ту мысль, что разсчитанный на успѣхъ крестовый походъ долженъ начаться въ борьбѣ противъ Византіи. При энергіи Комненовъ потребовалось цѣлое столѣтіе, чтобы эта мысль созрѣла. Согласно мирному договору 1107-8 г., заключенному послѣ пораженія при Дураццо, Богемундъ долженъ былъ принести присягу за свой ленъ Антіохію, теперь значительно уменьшенный. Антіохія стала опять греческой въ церковномъ отношеніи сейчасъ же, въ политическомъ же отношеніи—послѣ смерти Богемунда (1111 г.). Обѣщаніе покоренія крестоносцевъ Алексѣемъ имѣло пока меньшее значеніе. Упадокъ папства въ 1111 г. (т. VI) побудилъ затѣмъ Алексѣя предложить ему свою помощь и единеніе и потребовать взамѣнъ римской императорской короны. Пасхалій II заявилъ, что считаетъ такое единеніе возможнымъ при условіи подчиненія (членовъ головѣ) и отказа отъ закоренѣлости.

b) Территорія и населеніе имперіи.

Около 1100 года Восточно-римская имперія владѣла Балканскимъ полуостровомъ, включая и Болгарію, до Дуная; Сербія, Боснія и Кроація были потеряны. Южная часть Крыма принадлежала Византіи, южный берегъ Чернаго моря съ Трапезунтомъ былъ только въ 1107 г. отнятъ у грузинскаго князя Григорія и въ 1108 г. отданъ ему же въ ленное владѣніе. Острова Эгейскаго моря: Критъ, Родосъ, Кипръ принадлежали Византіи. Правда, власть Византіи была часто только номинальная. На Критѣ и Кипрѣ, благодаря тяжелымъ налогамъ, происходили безпорядки; на Родосѣ истинными господами были морскіе разбойники. Учредительная грамота монастыря Христодула на Патмосѣ отъ апрѣля 1088 г. указываетъ на то, что этотъ островъ былъ пустыней, заросшей терніемъ, безъ деревьевъ, безъ строеній, за исключеніемъ жалкаго молитвеннаго дома въ древнемъ храмѣ. И даже эта скалистая пустыня всегда подвергалась нападеніямъ турокъ и христіанъ пиратовъ, прогнавшихъ св. Христодула съ горы Лероса вблизи Галикарнаса, оттуда на Косъ и, наконецъ, на Патмосъ. Древнія малоазіатскія морскія провинціи, изъ жителей которыхъ набирался экипажъ флота, попали всѣ, вплоть до Мраморнаго моря, въ руки турокъ; турокъ Цехасъ изъ Смирны владѣлъ съ титуломъ царя не только всѣми, вокругъ лежащими материковыми землями, но и Хіосомъ, Самосомъ и большей частью Лесбоса, которые лишь съ 1092 г. переходятъ опять къ Византіи. Такимъ образомъ, употребляемую еще фразу „флотъ—это глава Романіи", слѣдуетъ считать лишь отголоскомъ великихъ временъ (см. карту „Западная Азія въ эпоху халифовъ" при стр. 308 III тома).

Населеніе было пестро-смѣшанное. Не только въ столицѣ, но и во время октябрьской ярмарки въ Өессалоникахъ, въ Гальмирѣ стекаются купцы изъ всѣхъ странъ свѣта, какъ это свидѣтельствуетъ относительно Византіи при Мануилѣ путешественникъ-еврей Веніаминъ Тудельскій (умеръ въ 1173 году): „Купцы изъ Багдада, Месопотаміи, Мидіи, Персіи, Египта, Палестины, Россіи, Венгріи, страны печенѣговъ, Италіи и Испаніи“. Греческое населеніе въ это время оправилось и жило въ многолюдныхъ селахъ и городахъ; писавшій въ 1153 г. по порученію Рожера II, арабъ Эдризи называетъ въ этомъ числѣ Аркадію, Лакедемонъ, Астипалею, Ахриду, Іоаннину, Касторію, Лариссу, Платамуну, Китръ, Диррахію, Химару, Бутротонъ, Коркиру. На западномъ склонѣ Парнона, между теперешними городами Лениди (*ναὸς τοῦ Ἁγίου Λεωνίδου*, документъ 1292 г.) и Гагіей Андреей жили цаконы, потомки древнихъ лаконянъ (*ἐξ Ἀκωνίας?*); здѣсь населеніе со своими античными именами сохранилось въ наиболѣе чистомъ видѣ. Славянская иммиграція отложила плотный слой надъ греческимъ народонаселеніемъ. Не говоря уже о многочисленныхъ еврейскихъ колоніяхъ, албанцы и валахи также стали примѣшиваться къ греческому неселенію: часть Өессаліи называется Велико-Валахіей; въ войскѣ мы также встрѣчаемъ валаховъ. Въ это распадающееся государство понемногу начинаетъ впускать свои колоніальныя вѣтви и италійскій западъ; разрывающая сила этихъ разрастающихся чужеземныхъ элементовъ играла большую роль въ процессѣ разложенія Византіи. Тутъ имѣло значеніе высасываніе силъ не торговлей, а колоніальнымъ хозяйствомъ, которое было основано на избыткѣ собственнаго капитала и избыткѣ рабочихъ рукъ въ гибнущей Византійской имперіи. Этотъ принудительный трудъ, при которомъ прежніе византійскіе крѣпостные крестьяне становились вполнѣ рабами, принесъ итальянскимъ общинамъ тѣ богатства, происхожденіе которыхъ никоимъ образомъ нельзя было бы приписать одной левантинской торговлѣ.

c) Великодержавныя мечтанія до смерти Андроника (1185).

Іоаннъ II Комненъ (1118—43), называемый также Калоіоанномъ, далъ мягкій отпоръ честолюбивымъ стремленіямъ своей сестры Анны (см. стр. 92), желавшей возвести на престолъ своего мужа Никифора Бріеннія Младшаго. Онъ съ успѣхомъ сражался противъ печенѣговъ (1122), сербовъ (1123) и венгровъ, въ Азіи—противъ сельджуковъ (1126—37) и армянъ (1137). Договоръ 1108 г. былъ въ 1037 г. возобновленъ съ преемникомъ Богемунда I Раймундомъ Пуату [1] и измѣненъ въ томъ смыслѣ, что Антіохія должна перейти къ Греціи, Раймундъ же долженъ получить въ наслѣдственный ленъ области, которыя будутъ завоеваны на турецкой территоріи (Галебъ и маленькіе города на верхнемъ Оронтѣ). Походъ императора противъ Антіохіи былъ строго осужденъ папой Иннокентіемъ II въ буллѣ 1138 г., и латинцамъ было приказано не входить съ нимъ ни въ какія сношенія и не поступать къ нему на службу. Въ эту эпоху византійское духовенство ощущаетъ всего сильнѣе пропасть, отдѣляющую его отъ папства: „папа это императоръ, а не папа“, говоритъ одинъ грекъ, пребывавшій временно въ Монте Кассино, а архіепископъ Өессаллоникскій даетъ рѣзкій отпоръ

---

[1] Робертъ Гюискаръ Апулійскій, † 1085.
|
Богемундъ I, Антіохійскій (съ 1098 г.), † 7 марта 1111 г.
|
Богемундъ II, * 1108, † въ февр. 1130,
Жена его Алиса (Элиза), дочь Балдуина II Іерусалимскаго, † около 1136 г.
|
Констанція (Констанца)
1136: 1. Жена Раймунда I, Пуату, сына Вильгельма Аквитанскаго, † 29 іюня 1149 г.
|
Богемундъ III, † 1201 г.

манерѣ Рима „такъ свысока бросать свои приказанія“, ибо тогда греки превратились бы въ рабовъ, которымъ ни къ чему ни знаніе наукъ, ни ученость ихъ учителей, ни блестящіе умы Греціи“. Милостивый и мудрый, Іоаннъ не привелъ въ исполненіе ни одного смертнаго приговора; будучи бережливъ, онъ ограничилъ роскошь двора и оставилъ послѣ себя богатую казну. Вообще Іоаннъ поднялъ блескъ государства и расширилъ его границы. Только Италію пришлось окончательно потерять, такъ какъ послѣднее византійское владѣніе въ Италіи, Неаполь, перешло въ 1138 г. къ норманнамъ. Также не удалась и попытка освободиться изъ желѣзныхъ тисковъ Венеціи, ибо послѣдняя начала опустошать острова.

Въ лицѣ четвертаго сына императора Іоанна, Мануила I Комнена (1143—80) воззрѣнія западно-европейскаго рыцарства соединяются съ византійской образованностью и искусной политикой. Правда, мы не можемъ довѣрять свидѣтельству вѣчно восхваляющаго „поэта-попрошайки“ Ѳедора Продрома, который съ большимъ остроуміемъ и съ большой охотой воспѣваетъ все, что только можетъ ему принести деньги. Но у насъ есть другіе свидѣтели, историки Киннамъ (толковый солдатъ) и Никита Акоминатъ, продолжатели Анны Комнены. Бѣшеная отвага, съ которой императоръ въ сопровожденіи лишь двухъ приближенныхъ пробивается сквозь большую толпу турокъ, какъ онъ одинъ со знаменемъ въ рукахъ бросается на ряды венгровъ, какъ онъ послѣ перехода черезъ Саву, хотя и не сжигаетъ, но заставляетъ уйти корабли, какъ онъ возвращается домой съ четырьмя турками, привязанными къ сѣдлу и потомъ участвуетъ въ турнирѣ въ честь своей жены, ловкость, съ которой онъ на турнирѣ въ Антіохіи выбиваетъ изъ сѣдла двухъ латинскихъ рыцарей—все это дѣлаетъ его близкимъ по духу съ воинственнымъ западомъ. Онъ казался западникомъ среди грековъ. И ко всему этому такъ подходитъ его жена, нѣмка Берта фонъ Зульцбахъ, невѣстка Конрада III, которая, вопреки сенатскому и придворному этикету, дала торжественное выраженіе своему радостному восхищенію героемъ-мужемъ. Съ этимъ согласуется даже и суевѣрная любовь къ гаданію по звѣздамъ, которое защищается императоромъ въ особомъ сочиненіи. На высшія офицерскія и гражданскія должности назначаются лица западнаго происхожденія. Въ Византіи вводится большой западный щитъ и длинныя копья.

Путь къ примиренію запада и востока казался проложеннымъ, и этой цѣной, по мнѣнію Мануила, римская и греческая церковь могутъ соединиться подъ римскимъ главенствомъ. Папа Александръ III слушалъ охотно эти предложенія, пока онъ велъ борьбу съ императоромъ Фридрихомъ I Барбароссой (1161). Въ это время кардиналъ-пресвитеръ Вильгельмъ Павіанскій говоритъ совсѣмъ въ византійскомъ духѣ о томъ угнетеніи, къ которому привела церковь тиранія варваровъ съ тѣхъ поръ, какъ они овладѣли императорскимъ именемъ. Такимъ образомъ, становится вполнѣ понятнымъ, что сангвиникъ Мануилъ еще въ 1175 г., старается посредствомъ новаго крестоваго похода, заручиться помощью запада. Но греческое духовенство относится къ вопросу объ объединеніи совершенно враждебно и рѣзко протестуетъ противъ сравненія греческой церкви съ заблудшей овцой, говоря, кромѣ того, что церковь эта ничего не прибавила къ символу вѣры (см. стр. 80). На Западѣ собираются густыя тучи; Барбаросса пишетъ императору Мануилу въ концѣ 1177 года, что не только Римская имперія, но и греческая должны слушаться мановенія его руки и управляться согласно съ его волей. Въ „теоріи двухъ мечей“ нѣтъ мѣста для Греческаго государства; даже въ греческо-церковныхъ дѣлахъ Фридрихъ навязываетъ свое посредничество. Такимъ образомъ, на западѣ за 27 лѣтъ до уничтоженія греческаго государства выставлялись политическія теоріи, прямо отрицавшія существованіе Греческой имперіи.

Въ виду неудачъ въ попыткахъ склонить на свою сторону курію и въ дипломатической борьбѣ съ Германской имперіей, какая польза была Мануилу отъ того, что онъ имѣлъ свои партіи въ Римѣ, въ Венеціи, въ Далмаціи и Венгріи, что онъ старался заручиться благосклонностью государствъ, участвовавшихъ въ крестовыхъ походахъ большими предпріятіями для нихъ, а благосклонностью вообще латинянъ—торговыми привилегіями и воспитаніемъ на казенный счетъ рагузскихъ дворянъ! Страшное пораженіе, понесенное Мануиломъ при истокахъ Маіандра, при Миріокефалонѣ въ 1176 г. въ битвѣ съ Иц-ед-дин-Килиджи, Арсланомъ (1156—93; т. III, стр. 369), было, правда, скоро уравновѣшено двумя большими побѣдами; но желѣзная энергія Мануила была сломлена. Могущественное положеніе Барбароссы и его собственное пораженіе показываютъ, что ему не далась карьера дипломата и полководца.

При несовершеннолѣтнемъ Алексѣѣ II (1180—83), за котораго управляла его мать Марія Антіохійская, прорвалась горячая національная ненависть грековъ противъ латинянъ. Безпощадная эксплоатація труда и финансовъ западными народами была жестоко отомщена 2 мая 1182 года. Алкивіадъ средневизантійской имперіи, Андроникъ (I) Комненъ, возбудилъ это возстаніе и, въ качествѣ освободителя, сталъ въ 1183 г. во главѣ государства, сначала какъ соправитель, а затѣмъ, послѣ убійства Алексѣя въ 1184 г., и единодержавнымъ монархомъ. Любимецъ женщинъ, обладавшій неотразимымъ личнымъ обаяніемъ, ораторъ, передъ увлекательной рѣчью котораго никто не могъ устоять, превосходный полководецъ, отличный правитель, безпощадно боровшійся противъ крупнаго землевладѣнія и феодальнаго дворянства, онъ, будучи безсовѣстнымъ человѣкомъ въ частной жизни, управлялъ государствомъ образцово. Онъ старался еще разъ организовать администрацію, поднять уровень чиновничества, съ желѣзной силой подавлялъ сепаратистическія стремленія вельможъ и наказывалъ ихъ, какъ за государственную измѣну. Но, когда устроенное изъ мести кровавое избіеніе латинянъ въ Ѳессалоникахъ (24 августа 1185 г.) и ограниченіе игрищъ въ высшей степени возбудили народъ, Исааку Ангелу, помилованному послѣ смертнаго приговора, удалось быть избраннымъ въ императоры послѣ бурныхъ избирательныхъ собраній 12 сентября 1185 г. Такимъ образомъ, пришелъ конецъ эпохѣ мира, когда „каждый спокойно сидѣлъ подъ тѣнью своихъ деревьевъ и беззаботно ѣлъ плоды ихъ, когда устраивались каналы и водопроводы, уменьшались налоги, эпохѣ, въ которую народонаселеніе имперіи поразительно увеличилось". Сцены послѣ паденія Андроника, когда чернь грабила во дворцѣ, въ цейхгаузѣ и въ церкви, какъ въ непріятельской странѣ, бросаютъ ужасный свѣтъ на положеніе столицы.

M. Упадокъ и гибель имперіи при династіи Ангеловъ (1185—1204).

Царствованіе Исаака II Ангела (1185—95), такъ же, какъ и брата его Алексѣя III (1195—1203), знаменуются полнымъ упадкомъ имперіи. Чернь и столица играютъ главнѣйшую роль. Слабость Византійской имперіи, не могущей отразить разбойничьи набѣги, была уже ясна для всѣхъ подданныхъ. Сборы податей на свадьбу Исаака II ложились особенно тяжело на болгаръ и валаховъ. Два брата изъ древняго рода болгарскихъ царей, выросшіе среди валаховъ и любимые ими, Петръ и Іоаннъ Асѣни, воспользовались политическимъ недовольствомъ и религіознымъ энтузіазмомъ для того, чтобы поднять возстаніе; Петръ сдѣлался царемъ болгаръ и грековъ (1185). Новое государство находитъ поддержку въ сербскомъ князѣ Неманѣ. Хотя союзъ съ Фридрихомъ I Барбароссой и не привелъ къ желанной цѣли, признанію императорскаго титула, хотя сербскій король Стефанъ II Немана былъ разбитъ Исаакомъ въ 1194 г., Іоаннъ умерщвленъ

въ 1196 и Петръ Азенъ въ 1197 г., но все-таки Калоянъ (1197 — 1207) имѣлъ уже подъ своею властью государство, простирающееся отъ Бѣлграда до Нижней Марицы и Агаѳополиса, отъ устьевъ Дуная до Стримона и верхняго Вардара.

Имперская армія Исаака, вождь которой Алексѣй Бранасъ провозгласилъ себя императоромъ, была разбита Конрадомъ Монферратскимъ при помощи франковъ, варяговъ, турецкихъ и грузинскихъ купцовъ. Судьбы Византіи рѣшаются уже не греками. И безъ того уже въ значительной степени негреческое войско пополняется еще колонистами и венгерскими наемниками. Что касается внѣшняго положенія, то пораженіе, при Адріанополѣ показываетъ полную неспособность полководцевъ и войска, это же показываетъ и крестовый походъ императора Барбароссы. Изъ прежнихъ составныхъ частей имперіи Македонія и Ѳракія находятся во владѣніи болгаръ. Корфу (отъ *κορυφός* вмѣсто *κορυφή* скала; Корифусъ уже въ 968 г. у Ліутпранда), Кефалленія, Цакинтъ находятся во владѣніи Маргаритона Бриндизійскаго, бывшаго сначала адмираломъ Танкреда, а потомъ занимавшагося морскимъ разбоемъ за свой счетъ. За землю отъ Диррахія до Ѳессалоникъ императоръ Генрихъ VI требовалъ въ видѣ ленной дани сначала 50, потомъ 15 центнеровъ золота. Такимъ образомъ, государство трещало по всѣмъ швамъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ появляются архонты и управляютъ ими совершенно самостоятельно. Гдѣ распоряжаются или хотя бы появляются лишь временно императорскіе чиновники, „привилегированные пираты“, тамъ они только выжимаютъ подати для Византіи, для себя и для всей своей падкой на добычу свиты, такъ что — какъ во времена Таліи при Людовикѣ XIV — населеніе предпочитаетъ оставлять поля необработанными и разбѣгается.

Ужасающую картину этой бѣдственной эпохи развертываетъ передъ нами малоазійскій уроженецъ, архіепископъ Аѳинскій Михаилъ Акоминатъ, храбро защищавшій Акрополь противъ архонта Льва Сгура Навплійскаго и указывающій на привилегіи своей резиденціи, никѣмъ болѣе не признаваемыя. Правда, Аѳины сохранили еще отблескъ своей славы, такъ что царь грузинскій посылаетъ туда учиться ежегодно по 20 юношей (изъ ихъ числа вышелъ грузинскій поэтъ Лота Руставелль), а англичанинъ Джонъ Бэзингстокъ, поздѣе архидіаконъ Лейчестэрскій, восхваляетъ, какъ образецъ учености, свою незабвенную аѳинскую учительницу Константину. Но, по большей части, иностранцы являются носителями греческой образованности, которую Акоминатъ — судя по его жалобѣ на свое омужиченье въ Аѳинахъ — мало замѣчаетъ.

Алексѣй III въ 1195 г. приказалъ ослѣпить своего брата Исаака и заточилъ его сына Алексѣя. Что онъ боится зятя[1] послѣдняго, видно изъ договора 1198 г. съ Венеціей; по этому договору венеціанцы обязывались защищать Византію и противъ нѣмецкаго короля Филиппа. Тогда именно были опредѣлены права венеціанскаго консула (багіулъ—байло; такъ онъ называется у Ѳедора Ласкариса): ему принадлежитъ гражданская и уголовная юрисдикція надъ венеціанцами, въ чемъ мы можемъ видѣть начало консульскаго суда. Но Алексѣй III былъ настолько неразуменъ, что самъ нарушилъ этотъ договоръ, требуя отъ венеціанцевъ все новыхъ пошлинъ и выдвигая на первый планъ связи съ Пизой и Генуей.

Молодой Алексѣй (IV) бѣжитъ черезъ Римъ ко двору Филиппа, который отправляетъ теперь пословъ въ Венецію; гдѣ собрались уже въ

[1]

Андроникъ Ангелъ

Исаакъ II Ангелъ, до 1204 г. жена Маргарита Венгерская			Алексѣй III.	
Алексѣй IV., † 1204 г.	Ирина, † 27 авг. 1208 г. съ 1197 г. жена Филиппа Швабскаго	Мануилъ	Анна; жена Ѳеодора Ласкариса, † 1222	Ирина; жена Алексѣя Палеолога (см. стр. 106).

значительномъ количествѣ князья для новаго, такъ называемаго, **четвертаго крестоваго похода**.

Надежда на вознагражденіе, сознаніе, что они защищаютъ законнаго наслѣдника, и перспектива объединенія церквей — все это побуждало ихъ возвести на престолъ Алексѣя, обѣщающаго помощь крестовому походу людьми, продовольствіемъ и средствами для содержанія флота. Венеціанцы добиваются еще завоеванія для нихъ Цары войскомъ крестоносцевъ; будущій императоръ обезпечилъ имъ кромѣ того и торговую монополію. Такимъ, образомъ дружественный монархъ долженъ примирить всѣ противоположные интересы. 17 іюля 1203 г. пала Византія. Алексѣй III спасается бѣгствомъ, и **Алексѣй** VI сажается латинянами на тронъ рядомъ съ освобожденнымъ изъ темницы отцомъ своимъ Исаакомъ. Борьба латинянъ противъ магометанъ и ихъ мечети, построенной для нихъ Исаакомъ, борьба черни противъ колонистовъ являются прологомъ большого пожара, опустошавшаго Константинополь съ 21 по 24 августа. Но Алексѣй IV съ трудомъ могъ выполнять свои финансовыя обязательства, не говоря уже о томъ, чтобы отклонить грековъ отъ ненависти къ латинянамъ. И для него пришелъ день, когда предъявляемыя къ нему требованія затронули его гордость и слова дожа Энрико Дандоло: „мерзкій мальчишка, мы вытащили тебя изъ грязи и бросимъ тебя опять въ грязь“, освѣтили ему весь ужасъ его положенія.

Національная реакція выдвинула на сцену **Алексѣя** V **Мурцуфла**, который приказалъ задушить въ тюрьмѣ Алексѣя IV и категорически заявилъ, что скорѣе готовъ умереть, чѣмъ поддерживать походъ въ св. Землю и осуществить обѣщанное соединеніе церквей. Тогда западныя государства рѣшили **подѣлить** между собой Византійскую имперію. Три четверти добычи получила Венеція, одна четверть досталась франкамъ. Венеціанцы сохранили и старыя торговыя привилегіи. Обѣ части выставляютъ по 6 избирателей для выбора императора, которому оставляется одна четверть имперіи. Церковь св. Софіи и право избранія патріарха дается не той націи, изъ которой избирается императоръ. Раздача леновъ и регулировка ленныхъ отношеній предоставляются совѣту 12 мужей. Завоеваніямъ предполагается посвятить еще слѣдующій годъ, на что испрашивается разрѣшеніе папы. 12-го апрѣля двумя кораблями были взяты крѣпостныя башни; одни изъ городскихъ воротъ разрушаются Петромъ Амьенскимъ и въ то время, какъ Византія была охвачена пламенемъ, императоръ, тщетно, призывавшій къ сопротивленію, ищетъ спасенія въ бѣгствѣ. Избранный въ храмѣ св. Софіи, новый императоръ Ѳеодоръ Ласкарисъ также принужденъ бѣжать за Босфоръ. Неслыханные ужасы, разрушеніе, грабежи, убійства и оскверненія свирѣпствуютъ въ городѣ. Всего хуже была месть колонистовъ. Пало 2.000 гражданъ; только лунное затменіе 16 апрѣля остановило эти ужасы. Вѣроятно, никогда раньше не было разрушено столько памятниковъ классической древности. Металлическія статуи, стоявшія на гипподромѣ, были расплавлены и перелиты въ мелкую монету. Тогда погибли художественныя произведенія, украшавшія гипподромъ (стр. 44), кромѣ того—колоссальная статуя Геры самосской, металлическій обелискъ съ женской фигурой, вращавшейся при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, Беллерофонъ съ Пегасомъ, орелъ со змѣей, сфинксъ, гиппопотамъ, возничій, Парисъ, подающій яблоко Афродитѣ. Только великолѣпные кони Лизиппа были спасены дожемъ Энрико Дондоло и увезены въ Венецію,

N. Византійскія вліянія на западѣ и на сѣверѣ отъ X до XIII столѣтія

Византійская культура, въ особенности искусство, и въ эту эпоху, какъ и въ предшествующую, оказывала глубокія вліянія на западныя страны. Греческіе художники неоднократно упоминаются въ источникахъ,

какъ носители этого вліянія на Западѣ. Что Иллирія и Далмація, эти древнія страны смѣшаннаго восточно-западнаго культурнаго развитія, и теперь еще находятся подъ духовнымъ господствомъ востока, это само собой понятно; Рагуза со своими греческими именами и выраженіями (*δρυμῶν* drmun=огороженный лѣсокъ, *προίκιον* prochivium=приданное, *ἐκταγιατικά*=sportula ectagi) служитъ прекраснымъ доказательствомъ тому. Затѣмъ главною областью, въ которой дѣйствовали восточныя вліянія, была, конечно Италія. Правда, до насъ не дошло преданіе о постройкѣ монастыря Гротаферрата и аббатства Санъ Сильвестро-е-Мартиріо близъ Орвіето греческими монахами, но по надписямъ мы можемъ доказать, что фрески Каприньяно близъ Отроито (одно довольно грубое избраженіе Христа и другое болѣе тонкой работы) сдѣланы греческими художниками (Θеоѳилактъ 959 г., Евстахій 1020 г.). Мы не будемъ говорить о недостовѣрномъ преданіи, будто дожъ Піетро II Орсеоло пригласилъ около 1000 г. архитекторовъ изъ Константинополя въ Венецію для перестройки церкви св. Марка, но мы находимъ преданіе вполнѣ достовѣрное у Льва Остійскаго о приглашеніи византійскихъ художниковъ аббатомъ Дезидеріемъ въ Монте Кассино въ 1066 г. Согласно этому преданію, стѣны апсиса и притворъ базилики украсили мозаиками византійскіе художники, и они же выложили мраморомъ полъ; можно даже утверждать, что подъ византійскимъ вліяніемъ Дезидеріемъ была основана настоящая художественно-ремесленная школа. Хотя впрочемъ, Дезидерій, какъ говоритъ въ своей хроникѣ монахъ Аматъ изъ Монте Кассино, пригласилъ также и арабскихъ художниковъ изъ Александріи. Такимъ образомъ, мы не должны удивляться, что въ украшеніяхъ построенной Дезидеріемъ церкви Санъ Анджело въ Формисѣ сохранена еще византійская одежда. Византійскія вліянія въ баптистеріи въ Пармѣ относятся къ XII столѣтію. Въ Падуѣ упоминаются греческіе художники уже въ 1143 г., такъ напр. Калоіоаннъ; надъ соборомъ въ Пизѣ работалъ также греческій архитекторъ Бусхетъ, и, можетъ быть, ему именно слѣдуетъ приписать форму креста съ слишкомъ длинными трансептами и разноцвѣтныя украшенія наружной части. Императоръ Алексѣй I говоритъ совершенно опредѣленно о посылкѣ въ 1099 году средствъ для окончанія постройки собора. Примѣръ непосредственнаго вывоза художественныхъ произведеній изъ Византіи въ Италію мы видимъ на цѣломъ рядѣ церковныхъ дверей, на бронзовыхъ доскахъ которыхъ исполнены рисунки въ серебряной оправѣ (большею частью по иниціативѣ патриціанской фамиліи Мавровъ-Панталеоновъ). Такія двери были отлиты въ 1070 году литейщикомъ Ставракіемъ для церкви св. Павла въ Римѣ, затѣмъ неизвѣстными лицами для Амальфи (см. статью Гельмольта въ сборникѣ въ память Ратцеля, Лейпцигъ 1904 г., стр. 182), Монте Кассино, Санъ-Анджело въ Формисѣ и Санъ Микеле на горѣ Гаргано, Санъ Сальваторе въ Альтрани около Амальфи, въ Салерно и въ церкви св. Марка въ Венеціи.

Въ области искусства Византія создала себѣ на итальянской территоріи двѣ настоящихъ провинціи, о которыхъ, вмѣсто всякихъ источниковъ, свидѣтельствуютъ сами произведенія искусства: такими провинціями были Венеція и Нижняя Италія съ Сициліей. Только съ 1154 года у насъ имѣются свѣдѣнія о приглашеніи греческихъ мозаичныхъ мастеровъ, напр. Марка Индріомени, въ Венецію. Но церковь св. Марка, перестроенная изъ базилики въ куполообразное зданіе по образцу церкви Апостоловъ, весь венеціанскій церковный стиль, съ его византійской роскошью золота и камня, дворецъ дожей, съ его пестрой стѣной, все это показываетъ намъ, что Византія давала тутъ основныя формы, красиво соединенныя съ готическимъ стилемъ и съ арабскими образцами. Что многочисленныя нити соединяютъ съ Византіей Сицилію, съ ея многочисленнымъ греческимъ населеніемъ, съ ея греческой литургіей, съ ея греческимъ правомъ (сильное вліяніе эклоги Льва и Константина стр. 68), съ греческой канце-

ляріей норманскихъ царей, это является само собой понятнымъ. Указы архіепископовъ мессинскихъ свидѣтельствуютъ о постоянномъ пребываніи въ Мессинѣ византійскихъ художниковъ. Многочисленные ткачи шелковыхъ матерій изъ Коринѳа, Ѳивъ и Аѳинъ приглашаются въ 1154 году королемъ Рожеромъ II Сицилійскимъ въ Палермо, для того чтобы это „знаменитое искусство распространилось также и на Западѣ". Можно предположить, что двери Палатинской капеллы сдѣланы византійскими бронзовыми мастерами, относительно же большого колокола въ соборѣ, это извѣстно съ достовѣрностью (Біонъ 1136). Непосредственно восточными, произведеніями искусства являются: церкви въ Палермо (Санъ Катальдо, Ла Марторана, Санъ Джіованни делли Эремити), Санта Тринита ди Делія и въ Нижней Италіи Бари, Трани, Каноза, Сипонто; мозаики въ Кефалу, Палермо, Монреалѣ, великолѣпныя скульптурныя работы на колоннахъ въ Кіостро Монреалѣ и въ Атрани, Бари, Трани, Канозѣ.

Греческіе купцы, художники, греческіе монахи и греческія принцессы поднимаются вверхъ по Дунаю, по древнему византійскому торговому пути. Купцы привозятъ съ собой греческія ткани, рѣзьбу изъ слоновой кости, золотыя издѣлія, переплеты для книгъ, эмалевыя издѣлія. Греческіе художники и архитекторы даютъ образчики древняго искусства, послы служатъ посредниками въ созданіи семейныхъ связей и ими, напр., устроенъ бракъ византіянки Ѳеоѳано съ Оттономъ II (972 г.). Греческая принцесса и ея свита оказали сильное вліяніе на развитіе придворнаго этикета. Какъ въ прежнее время (см. стр. 63), такъ и теперь, привозились на западъ изъ Византіи въ большомъ количествѣ драгоцѣнныя ткани. Изъ этихъ тканей слѣдуетъ прежде всего упомянуть о шелковой пурпурнофіолетовой ткани въ ковчегѣ св. Анно въ Зигбургѣ. На ней изображены лежащіе львы и вѣтви съ гранатами; изготовлена она была въ византійской государственной мастерской между 921 и 931 годами „въ царствованіе Романа и Христофора, христіанскихъ монарховъ". Намъ извѣстны, кромѣ того, пурпурнокрасная шелковая матерія съ львами натуральнаго цвѣта, стоящими другъ противъ друга и другъ надъ другомъ, изготовленная при Константинѣ VIII и Василіи II между 976 и 1025 годами и хранящаяся теперь въ промышленномъ музеѣ въ Дюссельдорфѣ; находящійся въ монастырѣ Санктъ-Вальдбургъ около Эйсштедта желтый шелковый дамаскъ съ изображеніемъ битвы между грифами и битвы между слонами; желтый шелковый дамаскъ съ саркофага св. Виллигиса, находящійся теперь въ церкви св. Стефана въ Майнцѣ; ткань съ розетками въ ковчегѣ св. Ламберта въ Люттихѣ; свѣтлозеленый шелковый атласъ съ деревомъ жизни и съ орлами съ саркофага св. Гергарда (933 — 1022) въ Гильдесгеймѣ. Въ 11 столѣтіи матерія по греческому образцу была сдѣлана по заказу аббата Ротинга въ Фульдѣ,

Тонкая рѣзьба изъ слоновой кости и теперь еще цѣнится на западѣ. Парные диптихи зеленаго свода въ Дрезденѣ и въ Ганноверѣ, крестообразный реликварій въ Кортонѣ триптихъ изъ Гербавиля въ Луврѣ, переплетъ евангелій графа Строганова и находящагося во дворцѣ Барбарини показываютъ, какъ цѣнились на западѣ византійскія произведенія. Но уже и нѣмецкіе мастера подражали византійскимъ образцамъ, какъ это показываетъ рѣзьба на слоновой кости на эхтернахскомъ евангеліаріѣ съ Христомъ византійскаго типа (относится къ 983 — 991 г. и предназначалась для двора Ѳеоѳано; теперь находится въ музеѣ въ Готѣ); въ этой рѣзьбѣ рѣзко выдѣляются боковыя фигуры тонкой работы византійскаго золотыхъ дѣлъ мастера. На лоршскомъ золотомъ кольцѣ замѣтно вліяніе византійскихъ мастеровъ. Зальманъ, аббатъ Лорша (972 — 998), того аббатства, фасадъ котораго такъ поразительно совпадаетъ съ фасадами дворца дожей въ Венеціи и сераля Текфуръ въ Константинополѣ, ввелъ книжные переплеты византійскаго происхожденія. Было извѣстно и очень цѣнилось так-

же и искусство эмалированія. Это видно изъ описанія финифтяныхъ работъ и стекляной мозаики, содержащагося въ книгѣ монаха Ѳеоѳила (Рогкеръ Гельмарсгаузенъ?), который сдѣлалъ также переносный алтарь съ греческой надписью (въ сокровищницѣ падерборнскаго собора). По всей вѣроятности, привозъ произведеній искусства послужилъ затѣмъ поводомъ къ перенесенію основныхъ чертъ искусства—прежде всего греческими монахами (Буртшейдъ, Гильдесгеймъ, Рейхенау). Но попытка греческаго художника написать портретъ дочери Генриха I Саксонскаго, Гедвиги, не удалась, благодаря стремленію принцессы представить себя какъ можно уродливѣе, чтобы сдѣлать невозможнымъ бракъ съ принцемъ Константиномъ.

Живопись вообще могла прежде всего оказывать вліяніе на западное искуство черезъ посредство картинъ въ книгахъ. Эти послѣднія въ отдѣльныхъ формахъ служили руководствомъ для рейнскаго круга искусства (Триръ, Рейхенау), о которомъ можно сказать, что въ остальномъ онъ находился подъ вліяніемъ древне-христіанской и сирійско-египетской живописи (Псалтырь Эгберта въ Трирѣ, относящаяся по своему происхожденію, приблизительно, къ 980 г.; въ отношеніи красокъ и расположенія картинъ художникъ слѣдовалъ тутъ греческимъ образцамъ). Въ 11 же столѣтіи Регенсбургъ по передачѣ красокъ и формъ, по изображенію фигуръ и одеждъ сталъ оплотомъ византизма; въ сакраментаріѣ Генриха II, въ собраніи отрывковъ св. писанія мюнхенской библіотеки, въ Іотскомъ евангеліаріѣ въ Нидермюнстерѣ, съ его плоскимъ стилемъ и византійской вьющейся вѣтвью, мы находимъ рѣзко выраженное вліяніе восточныхъ образцовъ. Этимъ произведеніямъ искусства подражали потомъ въ Зальцбургѣ, какъ доказываетъ Кустосъ Бертольдъ въ рукописи монастыря св. Петра. Тюринго-саксонская школа живописи взяла на себя въ 13 столѣтіи посредничество въ перенесеніи восточныхъ вліяній. Въ собраніи собственноручныхъ картинъ аббатиссы Геррадъ фонъ Ландспергъ замѣтно также слѣдованіе византійскимъ образцамъ въ изображеніи Рождества Христова, Благовѣщенія и въ другихъ изображеніяхъ. Миніатюры евангеліаріа въ Госларѣ и гальберштедтскаго служебника, а также отличающіеся византійскимъ характеромъ картины на стѣнахъ нейверкской и фракенбергской церквей напоминаютъ о времени послѣ разграбленія Константинополя латинянами и о времени распространенія на востокѣ многочисленныхъ произведеній искусства. Вестфалія (Сестъ) стала, вѣроятно, центромъ такого вліянія, распространившагося въ теченіе столѣтія въ картинахъ (стѣнная картина въ церкви Маріи на Высотѣ, картина въ берлинскомъ музеѣ) и въ антипендіяхъ (музей въ Мюнстерѣ). Родословное дерево Христа, выросшее изъ корня Іессеева, Христосъ, изображенный въ видѣ судьи міра, пророки и патріархи на деревянномъ потолкѣ средняго корабля церкви св. Андрея въ Гильдесгеймѣ, — всѣ эти произведенія глубоко проникнуты византійскимъ духомъ.

Италія, вѣроятно, рано восприняла византійскую технику живописи и, по крайней мѣрѣ, уже въ 13 столѣтіи приняла византійскій ландшафтный шаблонъ. Гораздо слабѣе оказывается восточное вліяніе въ области архитектуры. Изъ произведеній древнѣйшей эпохи примѣромъ могутъ служить уже упомянутыя хоры въ Лоршѣ. Часовня церкви св. Варѳоломея въ Падерборнѣ была, навѣрное, построена греками при епископѣ Мейнверкѣ (1009 — 1036 г.). Въ искусствѣ русиновъ, напр., въ францисканской церкви въ Галичѣ, мы видимъ, какъ на территоріи современной Австро-Венгріи византійское пониманіе борется съ западными теченіями.

Наличность вліяній восточной скульптуры можно доказать въ Кведлинбургѣ, Бамбергѣ, Страсбургѣ и Реймсѣ. Затѣмъ непосредственно изъ Византіи идутъ теченія въ южную Францію, напр. въ Тулузу

(скульптура на порталѣ въ Сэнъ-Серненѣ) и въ Везель. Вопросъ о византійскихъ вліяніяхъ въ Испаніи, несмотря на изслѣдованіе Лампереца, недостаточно выясненъ. Описанная Г. Шлумбергеромъ гробница принцессы Константины, дочери Іоанна III Ватаци (см. ниже, стр. 105), принадлежитъ къ позднѣйшей эпохѣ.

Западно-европейцы, посѣщавшіе дивный городъ на востокѣ, видѣвшіе блескъ его церквей и дворцовъ, сохраняли также навсегда воспоминаніе и о придворномъ церемоніалѣ, налагавшемъ желѣзныя узы даже на самого императора. Такимъ образомъ, какъ въ прежнее время, императорская одежда (корона съ крестомъ и обувь, употреблявшаяся при короновaніи), такъ теперь и придворный церемоніалъ западныхъ государствъ часто находился подъ вліяніемъ византійскихъ учрежденій (напр. вліяніе черезъ Θеоθано). Обычаи востока служили образцомъ какъ въ серьезномъ дѣлѣ, такъ и въ забавахъ; напр., придворные карлики, присутствіе которыхъ можно удостовѣрить при убійствѣ Никифора Θоки въ 10 столѣтіи и при Константинѣ Манассѣ въ 12 столѣтіи, появляются также и на западѣ. Вліяніе же востока на западное военное искусство, вліяніе, наличность котораго утверждали съ такой категоричностью, на самомъ дѣлѣ подлежитъ сомнѣнію. Правда, теорія трехъ сраженій, рекомендуемая „Тактикой" императора Льва, примѣнялась позднѣе во французскомъ и нѣмецкомъ боевомъ порядкѣ, и обоимъ фланговымъ отрядамъ, наличность которыхъ впервые можно доказать въ войскѣ Генриха IV при Негельштедтѣ въ 1075 г., также приписывается восточное происхожденіе. Но къ предполагаемому перенесенію этихъ образцовъ начальниками наемниковъ въ Италію въ 940 г. слѣдуетъ прибавить также дѣйствительное, непосредственное сношеніе при сраженіяхъ 921 и 990 г. во Франціи, при сраженіяхъ 1075, 1106, 1128 и 1167 г. въ Германіи; кромѣ того, наличность „трехъ сраженій" уже въ 843 г. заранѣе исключаетъ вліяніе „Тактики", если только они были дѣломъ Льва VI (см. стр. 69).

Наконецъ, мы укажемъ кратко на то, что лучи византійской культуры распространяются на славянъ (см. стр. 77) и проникаютъ далѣе къ финско-угрскимъ народамъ, кареламъ и мордвинамъ. Съ другой стороны, византійскія вліянія проникали въ Моравію и Богемію (между Нейгофомъ и Рабштейномъ, гдѣ каменотесы приготовляли кресты съ поперечинами, суживающимися отъ середины къ концамъ).

O. **Латинская монархія (1204—1261).**

a) Раздѣленіе имперіи.

Резиденція Алексѣя V была въ Цурулонѣ, далѣе на западъ была резиденція Алексѣя III въ Мозинополисѣ. Левъ Згуръ (ср. стр. 97) проникъ до Θессаліи. Подъ владычествомъ двоюроднаго брата Алексѣя III находились деспотія Эпиръ отъ Навпакта до Диррахіи на Кефалленіи, Цанта, Итака, Санта Маура, Баксо. Въ Азіи внукъ Андроника I, Алексѣй Комненъ, съ помощью своего брата Давида и грузинской царицы Тамары основалъ Трапезунтское царство, охватывавшее понтійскую и пафлагонскую береговую область и Крымъ. Венеціанцы получаютъ полосу земли отъ Адріанополя до Пропонтиды, острова Эгейскаго моря съ Критомъ, значительную часть Мореи съ гаванями Модоной и Патраи, берега Іоническихъ острововъ до Диррахіона. Деспотъ (подеста) венеціанской колоніи въ Константинополѣ становится сановникомъ имперіи и носителемъ доли верховной власти. Θессалоникское царство, лежавшее на западъ отъ Нестоса, царю Бонифацію приходится отвоевывать у Льва Згура и его союзника Алексѣя III, при чемъ отвоевать Аθины и Θивы ему было легко (оба города были переданы Оттону де ла Рошъ), отвоевывать же Пелопоннесъ ему удалось только съ помощью

Готфрида Виллегардуинскаго и Вильгельма Шамплитскаго. Также и успѣхи брата царя Балдуина, Генриха, симпатичнѣйшей личности среди латинянъ, и Людовика Блоа въ ихъ борьбѣ съ Ласкарисомъ были значительны, пока, наконецъ, безграничная ненависть къ латинянамъ не заставила грековъ заключить союзъ съ болгарскимъ царемъ Іоанницей. Въ битвѣ при Адріанополѣ (15 апрѣля 1205 г.) царь Балдуинъ былъ взятъ въ плѣнъ. Теперь все предается огню и мечу. Плѣнные приносятся въ жертву богамъ, такіе города какъ Филиппополь уничтожаются до основанія. Тогда новый регентъ и съ 20 авг. 1206 г. „царь“ Генрихъ старается использовать господствовавшее среди грековъ неудовольствіе противъ болгаръ для того, чтобы установить міръ между греками и латинянами. Ѳедоръ Вранъ, латинофилъ, становится правителемъ Адріанополя и Дидимотеиха. На даровитѣйшаго ромейца, надежду собравшагося въ Никеѣ греческаго духовенства и дворянства, Ѳедора Ласкариса, коронованнаго въ 1206 г., были теперь направлены взоры и друзей, и враговъ. Когда ему угрожали, съ одной стороны, Давидъ Комненъ, ставшій лѣтомъ 1206 г. по своему желанію, леннымъ княземъ латинскаго императора, а съ другой стороны, султанъ сельджуковъ Гіятъ ед-динъ Кай Хосрой Иконійскій, принявшій у себя Алексѣя III, тогда онъ не задумался призвать на помощь болгаръ, этотъ бичъ латинянъ. Послѣ убійства Іоанницы около Ѳессалоникъ (9 окт. 1207 г.) его царство распадается (Борилъ или Борисъ II въ Трновѣ, Стрецъ въ Прозекѣ и Славъ или Эсклазѣ въ Мелениконѣ).

2 мая 1210 г. въ долинѣ Равенникѣ около Зейтуна, или Ламіи, собрался греческій парламентъ. Владѣнія были распредѣлены слѣдующимъ образомъ. Преимущественно французамъ досталась Греція въ тѣсномъ смыслѣ; правителемъ всей Ахеи былъ Вильгельмъ Шамплитскій (умеръ въ 1209 г.). Двѣнадцать князей Мореи (*μορέα* тутовое дерево, затѣмъ тутовая страна, большею частью, такъ называлась Элида, затѣмъ названіе было распространено на весь полуостровъ) были всѣ французы: де Брюцеръ въ Каритенѣ, де Розьеръ въ Аковѣ, Алеманъ въ Патрасѣ, Валенкуръ въ Велигости, Нивеле въ Гераки, Турнэй въ Калавритѣ, Лиль де Шарпиньи въ Востицѣ, Тремуилъ въ Халандрицѣ, Нейли въ Пассавѣ („Passavant“ происходитъ отъ боевого клича), Вильгельмъ въ Никли, Люкъ въ Гриценѣ, Готфридъ Виллегардуинскій въ Мизитрѣ.

Аѳины и Ѳивы находятся подъ властью Сэнъ-Омера и Оттона де ла Рошъ; Амѳиссой владѣютъ Стромонкуры. Ломбарды заняли Македонію и Ѳессалію съ Эвбеей, гдѣ поселились далле Карчери; Бодоницей у Ѳермопилъ правили Паллавичини; Венеція же выбрала себѣ острова, владѣла въ Константинополѣ колоніей и патріархатомъ. Наконецъ, фламандцамъ принадлежала столица и императорская власть. Въ столицѣ, при первомъ императорѣ Балдуинѣ, греческій элементъ былъ оттѣсненъ совсѣмъ на задній планъ, между тѣмъ какъ его братъ Генрихъ, человѣкъ большого государственнаго ума, сознаlъ необходимость привлеченія византійцевъ къ государственному управленію.

Островомъ Цериго владѣютъ Веніери, Цериготто — Віари, Тиносомъ и Миконосомъ—Гизи, Андросомъ—Дандоли, Ціей (Кеосомъ) и Серфеной (Серифосомъ)—Джустиніани, Микіели, Гизи; Сануди принадлежатъ Делосъ, Гіаросъ, Сира, Терміа (Китнъ), Сифанто (Сифносъ), Поликандро (Фолегандросъ), Ніо (Аннея), Наксосъ, Паросъ, Милосъ, Цимолосъ, Антипаросъ. Маркъ Санудо, судья венеціанской колоніи, завоевалъ 17 острововъ и намѣревался сдѣлать Наксосъ центромъ владѣнія, составлявшаго „герцогство двѣнадцати острововъ“. На Санторинѣ, sancti Herini въ 1207 году упоминается у Энрико Дандоло, названіе происходитъ отъ св. Ирины, Тера) и Теразіей правятъ Бароцци, на Нампіи (Анапе)—Фосколи, на Скиросѣ, Скіатосѣ, Хелидроми, Скопелосѣ, Аморгосѣ — Гизи, на Негропонтѣ (*στὸν Εὔριπον*)—далѣе Карчери, Пеккорари и въ Веронѣ, на Лемносѣ—Навигайози,

на Никаріи (Икаріи) — Беаццани, на Стамполи (Астипалея) — Квирини, на Скарпанто (Карпатосъ), на Низиросѣ, на Пископіи и на Калхи—Гаваласы. Такимъ образомъ, Греческой имперіи удалось сохранить за собой только Лесбосъ, за государствомъ Романіей остались теперь только Хіосъ и Самосъ.

b) Смѣсь культуры.

На греческія, славянскія и армянскія части Балканскаго полуострова ложится слой франкскихъ рыцарей и итальянскихъ колонистовъ: странная смѣсь народовъ, общественныхъ и государственныхъ учрежденій. Живую картину этого взаимнаго проникновенія двухъ чуждыхъ другъ другу культуръ даетъ намъ морейская хроника, въ своемъ первоначальномъ видѣ составленная на греческомъ народномъ языкѣ, вскорѣ послѣ 1300 года. Авторъ хроники былъ, вѣроятно, настоящимъ франкомъ, а не полуфранкомъ и не гасмуломъ (сыномъ франка и гречанки; должно быть, слово басмулъ происходитъ отъ идентичныхъ корней *βας* [сравни bastard=fils de bas] и *μοῦλος* mulato, mulâtre), ибо въ противномъ случаѣ онъ былъ бы настроенъ болѣе грекофильски. Но никто изъ людей нашего времени не понялъ такъ глубоко духъ этого смѣшенія народовъ, какъ Гете въ третьемъ актѣ второй части „Фауста“, гдѣ онъ въ замкѣ Фауста и Елены описываетъ Мизитру. Правда, греческій и французскій элементы остаются долгое время чуждыми другъ другу. Смѣшанные браки были сначала рѣдки; но медленно и неуклонно проникаетъ франкскій феодализмъ въ греческую жизнь и всѣ связанныя съ нимъ выраженія—въ греческій языкъ. Здѣсь мы находимъ: *ὁμάντζο* = = hommage, *παρλαμᾶ* = parlament (также *βουλή* или *συντυχία*), *λίζιος* = lige (ленный строй), *κόντος* = comte, *ἡ μπαρουνία* = baronie, *πρεσαντίζω* = présenter, *ῥεβεστίζω* = revestir, *παραοφρίζω* = paroffrir, *κομεντούρης* = commendore, *ῥιτζίστρο* = régistre, *κοντόσταυλος* = conte stabulum. Вся придворная жизнь (*κούρτη*) развивается въ роскоши. За Готфридомъ II Виллегардуинскимъ постоянно слѣдуетъ свита изъ 80 рыцарей съ золотыми шпорами; при дворѣ Вильгельма II Виллегардуинскаго живутъ 800 человѣкъ — цвѣтъ западноевропейскаго рыцарства. Двѣнадцать родовъ властвуютъ въ Мореѣ надъ греческими и славянскими крестьянами. *Πάροικοι*, зависимые, сдѣлались parigi, rustici и должны были отбывать барщину на латифундіяхъ франкскихъ рыцарей. При строгомъ проведеніи порядковъ франкскаго леннаго государства въ Греціи исчезаютъ послѣдніе остатки свободнаго крестьянства.

На горныхъ отрогахъ, на холмахъ, круто спускающихся во всѣ стороны, возвышаются франкскіе замки: сначала, на одномъ изъ отроговъ Тайгета, построенная восьмиугольникомъ и защищенная могучими башнями Мизитра (отъ *μυζήθρα* сыръ, *μυζηθρᾶς* продавецъ сыра, позднѣе сокращено въ *μυστρᾶς*; см. приложенную таблицу „Развалины Мистры въ Лаконіи“, на которой видны, впрочемъ, на переднемъ планѣ постройки изъ позднѣйшей греческой эпохи; здѣсь можно еще доказать наличность французскихъ вліяній). Затѣмъ Акова въ Сѣверной Аркадіи, на холмѣ въ 583 метра вышины, господствующемъ надъ Алфейской долиной, а стало быть, и надъ главной дорогой, пролегающей по полуострову Каритенѣ. Наконецъ, совершенно средневѣковый замокъ Грицена между Ирой и Итомой, съ могучими зубчатыми стѣнами, надъ которыми возвышаются круглыя и четыреугольныя башни. Возвышаются также церкви въ странномъ готическомъ стилѣ ранней эпохи: Св. Софія въ Андравидѣ и Изовѣ надъ лѣвымъ берегомъ Алфея. Здѣсь въ цѣльныя окна прежней греческой церкви вставлены готическія остродужныя окна и капители колоннъ восьмигранныя. Тутъ развивается богатая жизнь съ турнирами и каруселями; выступаютъ трубадуры и состязательное пѣніе раздается во дворцахъ и

Исторія человѣчества. V.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Развалины Мистры въ Лаконіи.

(По фотографіямъ Рорера въ Аѳинахъ.)

долинахъ. Благодаря превосходству военнаго искусства и формъ общежитія франковъ, ихъ выраженія проникли въ греческій языкъ: *κάστρον*, *σαγίττα*, *βούκκινον* = buccina, *σκουτάρι* scutum, *γαρνιζοῦν* = garnison, *τριπουτσέτο* trébouchet, *φλάμουρον* flammour, *ῥογατόροι* отъ roga наемникъ, *κουρσατόροι* cursatores, *σέντζιον* siége, *παρτοῦν* pardon, *ἀσεντζεύω* assiéger, *διαφεντεύω* diffendere (по-армянски также difentel), *ἀσεντζίζω* asseggiare, *ἀπλικεύω* = applicare, *ἀμιράλης* = франц. amiral отъ арабскаго amir, *ἄρματα* arma, *κουγκέστα* conqueste. Въ греческій языкъ перешли обращенія: *μανδάμα* madame, *ντάμα* dame, *μίσιρε* mesire и титулы *ῥόϊ* roi, *ῥηγίνα* королева, *βικάριος* (и по-армянски тоже bikar), *ντζενεράλ* vicar général, *πρίνκιπας*, princeps. Зато черезъ нѣсколько десятилѣтій франкскіе рыцари въ Мореѣ говорятъ уже на греческомъ народномъ языкѣ; это доказывается какъ всей морейской хроникой въ цѣломъ, такъ и призывнымъ возгласомъ Годефруа де Бріера въ битвѣ при Була Лагосъ въ 1259 г.: „Мы всѣ говоримъ на одномъ языкѣ!“.

Но слишкомъ глубоко засѣло въ душахъ грековъ воспоминаніе объ ужасномъ разгромѣ Константинополя въ 1204 г., и потому они не могли быть соблазнены всѣмъ вышеописаннымъ. Глубокая религіозная рознь не давала, въ особенности въ средѣ монашества и духовенства, заснуть ненависти противъ латинства. Истиннымъ носителемъ греческой національной идеи являлось теперь духовенство. Что настоящимъ господиномъ Византіи считалась никейская династія, бѣжавшая на азіатскую сторону имперіи, это доказывается позднѣйшимъ письмомъ духовенства къ Ѳедору Ласкарису, въ которомъ послѣдній, въ качествѣ законнаго правителя, приглашается какъ можно скорѣе вступить въ Константинополь. Такимъ образомъ, зданіе Латинской имперіи было построено на пескѣ. Хотя Морея и считалась западноевропейскими рыцарями высшей школой рыцарства и долгое время привлекала къ себѣ молодежь,—но сама Латинская имперія пала, какъ только на западѣ было признано, что она гораздо менѣе, чѣмъ Греческая имперія способна выполнить свою задачу — служить опорнымъ пунктомъ въ дальнѣйшихъ крестовыхъ походахъ.

Новая земля, открывшаяся франкскому рыцарству, стала, разумѣется, ареной для приключеній, какъ сама Византія была страной чудесъ. Въ греческой странѣ, пропитанной франкской культурой, грекъ сочинилъ эпосъ о Бельтандрѣ и Хризанцѣ. Еще болѣе на почвѣ франко-греческой смѣшанной культуры выросъ эпосъ Либистъ и Родамна; вѣроятно, на Родосѣ, или, скорѣе, на Кипрѣ, были созданы эти, проникнутые теплымъ чувствомъ стихи. Меньшее значеніе имѣетъ переводъ французскихъ романовъ, какъ напр. „Стараго Рыцаря“ или итальянская переработка „Флоры и Бланшефлура“ (Флоріосъ и Плаціафлора).

Западъ, движимый религіознымъ энтузіазмомъ, рыцарской жаждой брани, стремленіемъ къ смѣлымъ подвигамъ и побѣдамъ, переноситъ свою организацію и на другія части бывшей Византійской имперіи. Арменія, правитель которой Левъ II называетъ себя „королемъ милостью папскаго престола и императора“, сознательно подражаетъ западнымъ феодальнымъ порядкамъ. Послѣ того, какъ здѣсь давно уже, какъ и въ Греціи, пріобрѣли права гражданства романскіе термины и учрежденія феодальнаго строя, послѣ того, какъ французскіе бароны заняли всѣ придворныя должности и играли большую роль, чѣмъ туземное дворянство, на армянскій престолъ вступаетъ наконецъ, французскій родъ Лузиньяновъ (1345—1370).

Достигшее пышнаго расцвѣта западное мѣщанство также поселяется во всѣхъ областяхъ бывшей Византійской имперіи. И теперь также опять оправдалась выгодность мѣстоположенія Тира. Вершины Ливана, все еще покрытые кедровыми и кипарисовыми лѣсами, взирали на пеструю суетню, на бойкую торговлю и оживленную промышленность. Венеціанцы, генуэзцы, пизанцы имѣютъ свои собственные кварталы; ихъ торговыя ко-

лоніи, подчиненныя своему правленію группируются вокругъ конторы и торговаго склада, въ которомъ сложены произведенія передней Азіи и Китая. Флотиліи, называемыя по-арабски караванами, привозятъ два раза въ годъ на родину товары, а также растительныя богатства и мѣстныя произведенія, ибо итальянскимъ колонистамъ были даны въ окрестностяхъ цвѣтущіе участки земли, Казаліи, на которыхъ сирійскіе крестьяне обрабатывали сахарныя плантаціи и виноградники, разводили апельсины, фиги и миндаль. Въ самихъ городахъ, особенно въ Тирѣ, все еще процвѣтаютъ пурпуровыя красильни и стекляныя фабрики. Шелковыя фабрики снабжаютъ дорогими бѣлыми матеріями жадныя до роскоши западныя государства. Въ Арменіи выростаютъ итальянскіе города; въ магометанскомъ Галебѣ венеціанцы владѣютъ цѣлымъ кварталомъ, Такимъ образомъ, создались обширныя колоніальныя государства, сильно эксплоатировавшія туземное населеніе.

Р. Никейское царство.

Ѳедоръ I Ласкарисъ, бывшій въНикеѣ сначала деспотомъ, а потомъ царемъ, мастерски сумѣлъ направить другъ противъ друга различныя силы и использовать въ своихъ цѣляхъ сельджуковъ, болгаръ и франковъ. Битва около Антіохіи на Меандрѣ (въ началѣ лѣта 1211 года) поставила въ затруднительное положеніе сельджуковъ; эта битва была въ значительной мѣрѣ рѣшена личнымъ поединкомъ императора съ Каемъ Хозроемъ (см. стр. 103). Герцогъ Наксоса, Маркъ Санудо, будучи взятъ въ плѣнъ, сталъ зятемъ Ласкариса. Преемникомъ Ласкариса былъ его второй зять Іоаннъ (III) Дукъ Ватаци (1222—1254). Въ 1224 г. онъ склонилъ Адріанополь, въ 1234 г.—болгарскаго царя Іоанна Асѣню II къ союзу противъ франкскаго государственнаго строя и въ 1246 г., благодаря удачнымъ переговорамъ съ Дмитріемъ Ангеломъ Эпирскимъ (Ѳессалоники), низвелъ эту область на степень простого намѣстничества.

Безъ сомнѣнія, все, что имѣло въ Византіи претензіи на высшее образованіе, бѣжало отъ варварства латинской монархіи въ Никею, ко двору Ѳедора II Ласкариса, который, несмотря на тѣлесныя болѣзни, проявилъ необычайную энергію духа. Изъ Малой Азіи прокладывается путь къ полному возрожденію греческой жизни. Никифоръ Блеммидъ, величайшій ученый своего времени, воспиталъ наслѣднаго принца Ѳедора. Мягкій, впечатлительный, скромно выслушивающій порицанія своего учителя, склонный къ мирной наукѣ,—такимъ былъ Ѳедоръ передъ вступленіемъ на престолъ. Полный сознанія своихъ способностей, смѣлый несмотря на болѣзнь, вполнѣ понимая изолированное положеніе грековъ („греч. элементъ лишь самъ помогаетъ себѣ и жертвуетъ изъ своего имущества"), такимъ былъ Ѳедоръ II Ласкарисъ въ качествѣ императора (1254—1258). Онъ былъ мягокъ и заботливъ по отношенію къ друзьямъ, особенно къ своему совѣтнику Георгію Муцалону, но съ мрачной рѣшительностью отказывается онъ отъ того, чтобы „малодушно уступать и дать ослабить энергію власти". Движеніе славянъ при царѣ Михаилѣ Асѣнѣ онъ отбилъ послѣ блестящаго зимняго похода и заключилъ миръ въ 1256 году.

За сына его Іоанна IV Ласкариса регентство принялъ въ качествѣ „деспота" Михаилъ Палеологъ [1], пока онъ уже 1 января 1259 г. не былъ провозглашенъ соимператоромъ.

---

[1] Алексѣй III Ангелъ (стр. 97)
|
Ирина 23 февраля 1200 г. Алексѣй Палеологъ
Авдроникъ Палеологъ

Михаилъ VIII Палеологъ, * 1227, † 11 декабря 1282 г. жена его Ѳеодора Дукаина (потомки, стр. 109)

Марфа въ 1258 подверглась истязаніямъ, какъ волшебница.

Q. Нововизантійская имперія (1261—1453).

15 августа 1261 г. Михаилъ VIII Палеологъ торжественно вступаетъ въ Константинополь. „Злая болѣзнь“ латинства, какъ выражались греки (Никита), была пережита; „благороднѣйшій членъ“, „дитя римской церкви, зачатое въ скорби“ было потеряно „къ стыду латинскаго имени“, какъ говорилъ папа Урбанъ IV (1261—1264). Талантъ полководца пригодился Михаилу въ борьбѣ противъ латинянъ въ Мореѣ, противъ Эпира, сербовъ и болгаръ, а также противъ Карла Анжуйскаго. Въ борьбѣ противъ Михаила II Ангела Эпирскаго онъ пріобрѣтаетъ въ 1265 г. Янину и въ началѣ апрѣля 1281 г. битвой при Бератѣ (въ Албаніи) обезсилилъ Карла Анжуйскаго, но онъ проявилъ также и замѣчательное дипломатическое искусство, возстановивъ генуэзцевъ противъ венеціанцевъ, направивъ со всѣхъ сторонъ враговъ противъ Карла Анжуйскаго и отстранивъ курію отъ борьбы противъ Византіи. Изгнаніе западниковъ изъ всѣхъ византійскихъ областей, уничтоженіе западныхъ варваровъ, должно быть сдѣлано возможнымъ, и всякимъ будущимъ натискамъ должно быть положено препятствіе посредствомъ союза съ папизмомъ. Сициліанская монархія и курія борятся между собой изъ-за обладанія Византіей и въ этой борьбѣ выигрываетъ прежде всего сама Византія. Въ 1261 г. еще Вильгельмъ Виллегардуинъ призывалъ къ крестовому походу противъ Византіи и папа приказалъ проповѣдывать этотъ походъ во Франціи, Польшѣ и Арагонѣ, и хотѣлъ употребить въ пользу его сборы съ молодыхъ священниковъ за три года. А теперь (6 іюля 1274 г.) какая рѣзкая разница: символъ вѣры поется совмѣстно греками и латинянами, и греческіе послы должны публично на площадяхъ заявлять объ участіи греческаго императора въ крестовомъ походѣ! Съ признаніемъ первенства Рима, исхожденія св. Духа изъ Отца и Сына (см. стр. 79 и слѣд.) и дѣйствительности жертвоприношенія прѣснымъ хлѣбомъ, объединеніе церквей стало свершившимся фактомъ; какъ выражается папа Григорій X, „никто не считалъ возможнымъ безъ этого заключеніе свѣтскаго условія“. Правда, греческое духовенство сильно возставало противъ соединенія на такихъ условіяхъ, но Михаилу удалось заставить его подчиниться. Патріархъ болгарскій и примасъ сербскій также подчинились и, благодаря церковному включенію въ Ромейскую имперію, были опять связаны болѣе тѣсными узами съ Византіей. Могущественный союзъ, основанный Карломъ Анжуйскимъ 3 іюля 1281 г. въ Орвіето, съ цѣлью возстановленія Латинской имперіи, казался, правда, опаснымъ; союзъ этотъ, вмѣстѣ съ Венеціей и зятемъ Карла, носившимъ титулъ латинскаго императора, Филиппомъ-де-Куртенэ, сыномъ Балдуина II, при содѣйствіи куріи, долженъ былъ привести къ „возстановленію могущества апостольскаго престола“. Карлъ заказалъ уже машины для осады Константинополя и назначилъ грандіозный походъ на 1283 г., когда, 30 марта 1282 г., сициліанцы возстали противъ тяжелыхъ налоговъ („сициліанская вечеря“); съ ними вступилъ въ соглашеніе Петръ III Арагонскій, который и былъ коронованъ въ Палермо. Такимъ образомъ Михаилъ былъ спасенъ отъ повелителя Италіи, Бургунда и Прованса, котораго угодливымъ подчиненнымъ былъ папа Мартинъ IV (1281—85).

Андроникъ II (1282—1328) далъ имперіи новую церковную организацію и сталъ другомъ ортодоксальнаго духовенства; гибнущая имперія не была избавлена и отъ того бича, какимъ являлись для страны наемники; даже и послѣ того, какъ гидальго въ 1311 г. избрали постояннымъ мѣстомъ жительства Аѳины и Ѳивы, каталонцы, все предававшіе огню, были страшнѣе турокъ. О страхѣ, какой они внушали, и о томъ почитаніи, которымъ пользовались храбрые защитники, мы можемъ судить по по-

сольству ритора Өомы магистра, въ монашествѣ Өеодула, отъ имени города Өессалоникъ, испрашивавшаго у императора между 1314 и 1318 гг. награды для полководца Хандрена. Вѣроятно, именно тогда написалъ свою большую энциклопедію монахъ Іосифъ, происходившій изъ знатнаго рода съ острова Итаки. Украшенная цѣнными картинами свадебная пѣснь на свадьбу Андроника II (съ дочерью Стефана V Венгерскаго?) даетъ намъ живое представленіе о тогдашней придворной одеждѣ. Михаилъ VIII носитъ на головѣ круглую, украшенную жемчугомъ, корону, придворные носятъ бѣлыя шапки съ полосами, служащими знаками ихъ чина; женщины носятъ косы или длинные, распущенные волосы.

Въ эту эпоху временнаго отдыха византійское искусство создало опять много великихъ произведеній: мозаики Кахри-Джами, раньше Мони (*γῆς χάρας* = fuori le mura), представляющія жизнь Христа и жизнь Богородицы, отличались естественностью, свѣжестью, лица носили характеръ индивидуальности, какъ будто Петръ былъ египетскимъ изображеніемъ; все было полно движенія, какъ будто примѣсь западной крови освѣжила и искусство, совершенно иначе, чѣмъ въ миніатюрной живописи той эпохи (книга Іова; Варлаамъ и Іосафатъ въ Парижѣ). Контрастомъ съ этой богатой жизнью можетъ служить толпа нищенствующихъ поэтовъ, въ умственномъ отношеніи высоко стоящихъ людей, которые, какъ напр., Мануилъ Филъ, посвящали гладкіе, льстивые стихи каждому, кто утолялъ ихъ голодъ и жажду или дарилъ имъ русскую шубу. Толпа безполезныхъ тунеядцевъ, цѣнившихъ себя слишкомъ высоко для настоящей работы, развращенныхъ кліентовъ, которые своей лестью развращали и патроновъ—все это было очень характернымъ для тогдашней Византіи.

Андроникъ III (1328—41) освободился отъ опасности, угрожавшей со стороны болгаръ, благодаря сербскому царю Стефану V (IV) Уросу (3.; 1320—31), разбившему царя Михаила Бдинскаго (Виддинскаго) при Вельбуздѣ (Кестендиль; 28 іюня 1330 г.). Но теперь появилась опасность со стороны великой Сербской имперіи, основанной сыномъ Стефана, Стефаномъ Душаномъ (1331—55).

Эта имперія охватывала значительную часть Македоніи и Иллиріи, и поглотила также Эпиръ, отнятый въ 1334—35 гг. Андроникомъ у династіи Ангеловъ (см. историческую карту во II гл.). Болѣе повезло Андронику въ пріобрѣтеніи Хіоса (1329), Лесбоса (1336) и Өокеи (1340). Противъ несовершеннолѣтняго Іоанна V (1341—76 и 1379—91) и противъ Мегаса Дукса (верховный адмиралъ) Алексѣя Апокавка возсталъ вскорѣ верховный дворецкій Іоаннъ VI Кантакузенъ, которому, благодаря помощи болгаръ, турокъ и эпирскаго намѣстника Іоанна Ангела, удалось 3 февраля 1347 г. торжественно вступить въ столицу. Мы можемъ вполнѣ повѣрить Кантакузену, что онъ, не столько изъ личныхъ интересовъ, сколько ради общаго блага, рѣшился стать императоромъ ромейцевъ и выдержалъ борьбу противъ такого колоссальнаго сплетенія всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ; это былъ сдержанный, благородный государственный мужъ, которому приходилось работать въ трудныя времена.

Но какими жалкими силами располагала теперь Византія! Разрозненные кусочки Балканскаго полуострова и нѣсколько острововъ составляли теперь всю „имперію!“ Округъ столицы и Өракія (треугольникъ отъ Соцополиса черезъ Адріанополь до Христополиса) является ядромъ ея. Өессалоники съ Халкидикой, часть валашской Өессаліи и албанскаго Эпира, деспотатъ Мизитра были тремя провинціями, разрозненными, отчасти совсѣмъ окруженными сербскими владѣніями. Изъ острововъ Греческой имперіи принадлежали съ 1269 г. Кеосъ, Серифосъ, Сифанто, Сикино, Поликандро, Ніо, Скиросъ, Скіатосъ, Хелидроми, Лемносъ, съ 1310 г. Скопелосъ, съ 1333—46 Хіосъ и Самосъ, съ 1337—57 Кефалонія, Цанта, Итака; постоянно принадлежалъ Греціи Лесбосъ. Въ 1346 г. Стефанъ

Душанъ былъ коронованъ и сталъ „царемъ сербовъ и грековъ". Съ помощью, съ одной стороны, венеціанцевъ и сербовъ, съ другой — турокъ, боролись между собой оба императора, при чемъ Іоаннъ VI проложилъ османамъ путь въ Европу.

Между тѣмъ на горѣ Аѳонѣ, въ государствѣ-монастырѣ пріютился аскетизмъ крайне мечтательнаго характера. Этотъ монастырь сталъ скоро національной греческой святыней. Омфалопсихиты (созерцатели пупка) положили начало распрѣ гезихастовъ. Движеніе это было протестомъ греческо-національнаго богословія противъ проникновенія западной схоластики. Побѣда гезихастовъ и привела къ разрыву съ западомъ. Ученіе гезихастовъ было послѣднимъ выводомъ изъ развитія греческой мистики; начало ему положилъ Симеонъ Младшій (963—1042), выставившій ученіе о нерукотворномъ свѣтѣ и вытекающее отсюда ученіе о созерцаніи божественной сущности.

Грекъ изъ западной Греціи Варлаамъ Калабрійскій, одинъ только допускавшій примѣненіе къ познанію Божества аристотелевской логики и вытекающихъ изъ нея доказательствъ отъ разума, высказался самымъ рѣзкимъ образомъ противъ аѳонской мистики. Противъ этого восточнаго углубленія возстаетъ и Григорій Акиндинъ, приводя при этомъ аргументы Ѳомы Аквинскаго, защищается же оно Григоріемъ Паламой, который уже въ 1347 г., поддерживаемый Іоанномъ Кантакузеномъ, игралъ видную роль и завязалъ также сношенія съ царемъ Стефаномъ Душаномъ. Древнія секты павликіанъ (стр. 69) и богумиловъ оказали вліяніе на секту паламитовъ, а отсюда вліяніе перешло даже на русскую секту стригольниковъ. То обстоятельство, что паламитизмъ вышелъ побѣдителемъ, чему во всякомъ случаѣ способствовалъ страстный богословъ Іоаннъ VI Кантакузенъ, чрезвычайно расширило пропасть между западомъ и востокомъ, но тѣмъ прочнѣе стало зато церковное единство Греціи. Впрочемъ, противъ этого религіознаго мистицизма возникаетъ въ самой Греціи протестующее нравственное движеніе. Въ это время основываются idiоритмическіе монастыри, въ которыхъ каждый можетъ жить по-своему, въ которыхъ каждый можетъ пріобрѣтать собственность. Монархическое устройство монастырей уступаетъ мѣсто не демократическому, а аристократическому, при которомъ оба эпитропа были лишь исполнительной комиссіей синаксиса изъ 15 братьевъ. Общежитіе достигаетъ значительной степени процвѣтанія. Возникаетъ и замѣтно растетъ интересъ къ классикамъ и къ философіи.

Императору Мануилу II (1391—1423) пришлось послѣ завоеванія Болгаріи турками пережить настоящую осаду Константинополя. Западная помощь сопровождалась различнымъ успѣхомъ; но крестовый походъ кончился страшнымъ пораженіемъ, нанесеннымъ при Никополисѣ Баязетомъ I (описано Іоанномъ Шильтбергеромъ изъ Мюнхена; см. т. VII, стр. 234). Морея стала данницей турокъ; но французскому войску, пришедшему на помощь подъ предводительствомъ маршала Бусико, удалось освободить столицу. Императоръ былъ на содержаніи у французовъ и сочинялъ стихи въ честь французско-фландрскихъ ковровъ, патріархъ былъ на содержаніи у русскихъ. Такъ обстояли дѣла, когда монголъ Тимуръ (т. II, стр. 178) разрушилъ царство Баязета (1402). Эмиръ Магометъ I съ 1413 года велъ дружбу съ Мануиломъ, который, вмѣстѣ со своимъ сыномъ [1], установилъ порядокъ въ Мореѣ. Но онъ поссорился съ венеціанцами, которые въ 1419 г. отняли у него Монембазію.

[1] Андроникъ Палеологъ (стр. 106).

Михаилъ VIII Палеологъ — Евлогія

Андроникъ II., † 13 февраля 1332 г. — Евдокія, съ 1282 г. жена Іоанна II Трапезундскаго — Марія, съ 1272 г. жена Константина Азена Болгарскаго.

Михаилъ IX * 1277, † 1320 г.

Тактика турокъ принимать у себя византійскихъ претендентовъ на престолъ примѣнялась теперь и византійцами, но настолько неудачно, что въ 1422 Византія съ трудомъ отбила нападеніе; при этомъ впервые на востокѣ были турками примѣнены пушки. За этимъ слѣдовало ужасное опустошеніе Мореи. Даровитый и ловкій стилистъ, писавшій духовныя церковныя пѣсни, защищавшій христіанство противъ ислама въ 26 діалогахъ, опытный во всѣхъ рыцарскихъ искусствахъ, хорошій ораторъ, Мануилъ былъ поставленъ на неудачное мѣсто. Пораженный параличемъ въ 1423 г. онъ удаляется въ монастырь, гдѣ и умираетъ 21 іюля 1425 г. Вѣроятно, онъ выглядѣлъ болѣе здоровымъ человѣкомъ, чѣмъ его изображаетъ блѣдная живопись 15 столѣтія на заглавномъ листѣ рукописи св. Діонисія (теперь въ Луврѣ), подаренной имъ монастырю Сенъ-Дени. Къ нему и къ его сыну Ѳедору II, деспоту морейскому, обращается Гемистъ Плеѳонъ въ своихъ обоихъ сочиненіяхъ о политическомъ и соціальномъ возрожденіи Пелопоннеса. Исходя изъ факта чистоты греческаго населенія, онъ предлагаетъ все населеніе раздѣлить на воиновъ и земледѣльцевъ. Капиталистовъ, общинныя и правительственныя власти онъ предлагаетъ зачислить въ третій классъ. Онъ желаетъ видѣть исключенными отъ всякаго участія въ общественномъ доходѣ людей, предающихся тихому размышленію и ведущихъ созерцательный образъ жизни. Люди должны были именно жить трудомъ своихъ рукъ, а не благочестивыми вымогательствами. Все частное имущество должно было перейти въ общую собственность; каждому принадлежитъ его поле только до тѣхъ поръ, пока онъ обрабатываетъ его. Онъ хочетъ отмѣнить уродованіе преступниковъ и вмѣсто этого ввести каторжныя работы. Подобно, тому какъ въ древніе времена, такъ и теперь монета должна была быть уничтожена, и весь ввозъ оплачиваемъ хлопчатой бумагой, что должно было служить доказательствомъ изобилія. Вывозъ произведеній, необходимыхъ для внутренняго употребленія, допускался лишь по уплатѣ большой пошлины. Во второмъ сочиненіи (*Νόμων συγγραφή*) онъ яростно нападаетъ на офицеровъ, занимавшихся торговлей. Тройная подать, трудомъ, деньгами и натурой, напоминаетъ о настоятельной необходимости урегулированія податей.

При Іоаннѣ VIII (1423—1448) эта Ромейская имперія стала жалкимъ мелкимъ государствомъ, владѣвшимъ маленькимъ Босфорскимъ полуостровомъ и нѣсколькими городами, но должна была платить подать за эти владѣнія. Ѳессалоники достаются въ 1430 г. туркамъ, Морея же стала совсѣмъ греческой. Еще разъ прозвучало спасительное слово—единеніе. Но не только упорнѣйшій противникъ объединенія, Маркъ Евгеникъ заявляетъ во Флоренціи: „Я не подпишу, что бы не случилось. И народъ также не соглашается на флорентинскую унію 1439 г. Все-таки Евгеній IV велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ, который привелъ къ побѣдѣ на Куновицѣ около Ниша (24 декабря 1443 г.), но также и къ пораженію при Варнѣ (10 ноября 1444). Несмотря на крупное пораженіе въ Мореѣ (4 декабря 1446 г.), этотъ полуостровъ былъ въ началѣ 1437 го-

---

Жена его Ксенія (Марья) армянская — Алексѣй II (1297—1330)

Андроникъ III, † 1341 г. — Мануилъ, † 1320 г.

Іоаннъ V, † 16 февраля 1391 г. — Марія съ 1337 г. жена Михаила, сына Стефана Душана Болгарскаго.

Андроникъ IV, * 1346 г., † 1385 г., — Мануилъ (II), 1391—1423 гг. † 21 іюля 1425 г. — Ѳедоръ (I) Мизитрскій (1387—1407 гг.).

Сынъ Андроника IV: Іоаннъ VII 1376—90 г. † около 1408 г.

Сыновья Мануила (II):

Іоаннъ VIII 1423—48 гг.	Ѳедоръ II Мизитрскій † 1448 г, въ Селимбріи.	Константинъ XI Драгадъ * 1405, † 1453 г., въ Анхіалосѣ и Мезембріи, съ 1443 г. въ Мизитрѣ, съ 1449 г. императоръ.	Андроникъ 1414 г. намѣстникъ въ Ѳессалоникахъ.	Димитрій II, деспотъ Морейскій † 1470 г.	Ѳома деспотъ, Морейскій † 1465 г.

да предоставленъ Палеологамъ за опредѣленную арендную плату. Въ столицѣ время проводили еще очень весело. Устраивались большія процессіи, религіозныя церемоніи, драматическія представленія въ церкви св. Софіи, какъ ихъ описываетъ Бертрандонъ де ла Брокьеръ От времени до времени всемилостивѣйше принимаются еще послы, какъ напр. рагузскій посолъ Вольціусъ де Баваліо, котораго отпустили домой, осыпаннаго подарками и привилегіями. Повидимому, въ Константинополѣ не сознавали крупной опасности и близкой гибели.

Въ славной борьбѣ противъ турокъ палъ послѣдній византійскій императоръ Константинъ XI (1449—53), погребенный на Вефской площади, въ сѣверной части города; тамъ живетъ еще воспоминаніе о послѣднемъ Палеологѣ. Трагическая гибель описывается не только греками. О міровомъ значеніи столицы, несмотря на маленькіе размѣры самого государства, свидѣтельствуютъ разсказы представителей различныхъ націй. Венеціанцы (Николо Барбаро), флорентинцы (Жакъ Тедарди), брешіанцы (Убертино Пусколо), генуэзскій подеста, армянскій монахъ, настоятель францисканцевъ въ Галатѣ, славяне (янычаръ Михаилъ, сербъ изъ Островицы) описываютъ послѣдніе дни Византіи, производившіе такое глубокое впечатлѣніе на очевидцевъ. Эту тему разрабатываютъ греческія народныя пѣсни, возбуждающія надежду („Ваша будетъ она опять, когда придетъ время“), а также искусственная поэзія (*῞Αλωσις Κωνσταντινουπόλεως*), призывающіе всю Европу къ спасенію, по собственной винѣ павшей Греціи. Четыре писателя описываютъ появленіе турокъ и паденіе Греціи: Лаоникъ Халкондилъ знатный Аѳинянинъ, отправлявшійся въ 1446 г. посломъ къ Мураду II, описываетъ періодъ съ 1298 по 1463 г.; воспитанный на Геродотѣ и Ѳукидидѣ, онъ не могъ не отдать дани удивленія возникающему величію Османской имперіи. Дукъ, секретарь генуэзскаго подесты въ Ѳокеѣ, описываетъ годы 1341—1462. Георгій Францъ великій логофетъ, попавшій въ 1454 г. въ плѣнъ къ туркамъ, бѣжитъ въ Венецію и въ Римъ; въ противоположность Халкондилу, онъ пылаетъ ненавистью противъ турокъ, Критобулъ Имбрійскій пишетъ исторію эмира Магомета II (до 1467 г.). Онъ былъ подражателемъ Ѳукидида и, въ общемъ, являлся поклонникомъ турокъ.

Попытка эллинизаціи Балканскаго полуострова, Малой Азіи, Сиріи и Египта, какъ продолженіе эллинизаціи, имѣвшей мѣсто въ вѣкъ эллинизма, была сдѣлана Византіей. Но народный элементъ, на который опирается Византія, настолько малочисленъ, что мы не можемъ присоединиться къ упреку въ слабости, которую, будто бы, проявила она въ этой своей попыткѣ. Для современнаго культурнаго развитія было бы, конечно, чрезвычайно выгодно, если бы Византіи удалось создать изъ Балканскаго полуострова единую область греческаго языка и, такимъ образомъ, устранить цѣлую массу препятствій къ развитію народовъ и къ всеобщему миру. Но при слабой опорѣ, которую самъ греческій народный элементъ давалъ Византійской имперіи, уже въ ранній періодъ пришлось дѣлать столько заимствованій у чужихъ народовъ, что только еще государственная идея да греческая церковь вмѣстѣ съ культурой являлись соединяющимъ звономъ всѣхъ этихъ различныхъ составныхъ частей византійской народности. Воинскій талантъ создалъ въ этомъ государствѣ военныя организаціи. Византійская наука пыталась хоть сохранить въ Византіи сокровища греческаго прошлаго, если не могла оживить ихъ. Богословская борьба въ теченіе многовѣковой распри возвела совершенно самостоятельное зданіе греческо-восточной церкви. Но всѣ эти попытки не могли создать на Балканскомъ полуостровѣ греческо-византійской народности, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Греческо-восточная церковь, по существу своему, національна, и поэтому въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи она не могла помѣшать національной самостоятельности остальныхъ

націй (болгаръ). Огромная литература, оставленная Византіей, обнаруживаетъ удивительнѣйшіе зигзаги развитія.

R. Распространеніе греческой культуры на Италію.

Упомянутый уже (стр. 109) Варлаамъ Калабрійскій, знакомый, по свидѣтельству императора Кантакузена съ Евклидомъ Аристотелемъ и Платономъ, завязалъ при Авиньонскомъ дворѣ дружбу съ Петраркой, и послѣдній надѣялся познакомиться черезъ него съ греческимъ языкомъ. Бокаччіо добился того, чего не достигъ Петрарка, и научился греческому языку у Лентія Пилата, который сталъ первымъ греческимъ профессоромъ на западѣ (во Флоренціи). Собственно основателемъ изученія греческаго языка въ Италіи является Мануилъ Хризолоръ. Объ энтузіазмѣ, охватившемъ тогда Италію, свидѣтельствуетъ Леонардъ Бруни изъ Ареццо, день и ночь бредившій великой греческой литературой. Кардиналъ Безаріонъ играетъ въ Римѣ выдающуюся роль. Козьма Медичи и папа Николай V соперничаютъ между собою въ коллекціонированіи рукописей и въ составленіи переводовъ.

Значеніе этого изученія греческаго языка и все увеличивающагося знакомства съ сокровищами классической древности — въ меньшей мѣрѣ значеніе греческихъ художниковъ (живописецъ Маркъ въ 1313, Дмитрій въ 1371 г. въ Генуѣ, Георгій въ 1404 г. въ Феррарѣ, сношенія бенедиктинскихъ монаховъ изъ Субіако съ греческими живописцами)—сильно преувеличивалось въ прежнее время. Казалось, что возрожденіе и гуманизмъ своимъ происхожденіемъ обязаны исключительно этимъ посланникамъ, артистамъ и бѣглецамъ изъ Константинополя. На дѣлѣ же это возрожденіе, начавшееся уже съ „Vita nuova“ Данте, обозначало собою скорѣе возрожденіе силъ варварскихъ, чѣмъ античныхъ. Несомнѣнно, что моменты возрожденія древности, пережитые Византіей, были слишкомъ исключительными повтореніями старины, они случались слишкомъ часто и какъ бы прививали невоспріимчивость къ глубокимъ вліяніямъ; въ противоположность этому, итальянское возрожденіе многимъ обязано изученію древности. И все-таки въ новѣйшее время совершенно справедливо предостерегали отъ переоцѣнки вліянія древности на новую жизнь, на порогѣ которой стоитъ, въ качествѣ символа, „Vita nuova“. Въ противоположность византизму и возвращаясь къ природѣ, именно Джіетто создалъ новое искусство. Къ сокровищамъ прошлаго должна была быть присоединена сила настоящаго, чтобы не была подавлена собственная духовная жизнь этого настоящаго, и чтобы сильные стимулы развязали глубочайшія духовныя силы.

3. Новая Греція.

A. Турки — наслѣдники Византійской имперіи (1453—1821).

И турецкія племена также не могли избѣжать вліянія Византіи и западныхъ народовъ. Правда, дикіе сельджуки, въ своемъ бѣшенномъ порывѣ къ разрушенію превосшедшіе арсакидовъ и сасанидовъ, въ своей великой малоазіатской имперіи взяли себѣ въ учительницы не византійское искусство, а Персію (см. стр. 60); но уже образовавшіяся изъ имперіи сельджуковъ отдѣльныя княжества находились въ близкихъ сношеніяхъ съ Византіей и съ западными владыками востока. Всѣ связи между старымъ міромъ и его политической организаціей и новыми господами освѣщены еще недостаточнымъ образомъ. Но мы видимъ, во всякомъ случаѣ, что въ противоположность къ частичному сохраненію темъ на европейской территоріи, византійское дѣленіе въ Малой Азіи было совершенно уничтожено, ибо древнѣйшее этнографическое раздѣленіе оказалось сильнѣе. Уже

князья, отдѣлившіеся отъ имперіи сельджуковъ, владѣютъ мѣстностями, болѣе или менѣе въ ихъ прежнихъ границахъ: Саруханъ владѣетъ Лидіей, Аидинъ Іоніей, Ментеше Каріей, Текке Памфиліей и Ликіей; имена этихъ князей сохранились въ названіяхъ Эйалетовъ, Между этими туркменскими князьями и ихъ сосѣдями завязываются многочисленныя сношенія; герцогъ Наксоса, генуэзцы съ Хіоса и изъ Фокеи, Гаттилузіо съ Метелины платятъ дань Сарухану. Какъ ни враждебно держались эти туркмены по отношенію къ Византіи, огромный ростъ османскихъ княжествъ приводитъ къ тому, что Саруханъ и Аидинъ заключаютъ союзъ съ Андроникомъ III Палеологомъ въ Фокеѣ (1327 г.).

Но болѣе того; тотъ фактъ, что въ это время, около 1328 г., османы (см. стр. 122 и 124) чеканятъ монету, побуждаетъ и другихъ князей, отдѣлившихся отъ османскаго царства, также чеканить монету. Уже рядъ турецкихъ князей изъ династіи Данишмендовъ въ Каппадокіи, начиная съ 1100 г., въ теченіе десятилѣтій чеканитъ монеты, сначала съ греческой надписью и съ изображеніемъ Христа совершенно по образцу монетъ Танкреда Антіохійскаго, позднѣе же безъ этого изображенія и съ греческо-арабской надписью. Соперники османовъ подражаютъ gigliati (называемымъ такъ по лиліямъ на крестѣ, на обратной сторонѣ), монетамъ, которыя чеканились Карломъ II Анжуйскимъ (1285—1309) и его сыномъ Робертомъ (1309—42). Намъ извѣстны только монеты князя Сарухана—„moneta que fit in Manglasia“ (Magnesia), монеты внука Аидина, Омара Бега—„moneta que fit in Theologos“ (по Ἅγιος Θεόλογος, св. Іоанну, былъ названъ Айасолукъ, на мѣстѣ, гдѣ находился Эфесъ) и ментеши (чеканенныя Урханомъ [Орханъ] въ Палатіи-Міусѣ, съ плохой латинской надписью); но, вѣроятно, и другіе туркменскіе князья Малой Азіи не желали отставать отъ османовъ. Съ изумленіемъ видимъ мы, какъ эти фанатичные поклонники ислама чеканятъ не только свое изображеніе, какъ напр. Ангіовины на образцовыхъ монетахъ, но и изображаютъ себя съ короной на головѣ, со скипетромъ и украшенной крестомъ державой и даже снабжаютъ обратную сторону крестомъ, украшеннымъ лиліями. Сначала эти монеты чеканили монетчики западнаго происхожденія, потомъ же имъ пытались подражать и неопытные мѣстные мастера, не понимавшіе латинской надписи.

Но одно изъ княжествъ, османовское, побуждавшее остальныя къ такому тѣсному общенію съ западной культурой, само, въ лицѣ своего величайшаго организатора Ала-эддина (см. стр. 116 и 124) также повиновалось западнымъ вліяніямъ. Уже семейныя связи приблизили византійскую культуру: первая жена Урхана (см. стр. 122 и 128), ставшая потомъ матерью Мурада I, была гречанка; дочь императора Іоанна VI Кантакузена, Θеодора, тоже выходитъ замужъ за Урхана, который и вмѣшивается теперь въ сосѣдскія распри изъ-за престола. Мы еще не можемъ получить полнаго представленія о вліяніи на османовъ византійской и западной культуръ. Затрудненіе заключается въ томъ, что въ искусствѣ сельджуковъ есть много персидскихъ элементовъ и что тюркскія племена также и въ другихъ областяхъ жизни (напр, въ политическо-соціальномъ дѣленіи) переняли многое отъ бывшей имперіи Сасанидовъ. Тюрко-персидскія сношенія были очень оживлены уже въ раннюю эпоху: персы временъ Ильхановъ (т. II, стр. 169; т. III, стр. 350) заимствовали тюркскіе военные термины (yagna—грабежъ, ugraq—багажъ, urdu—лагерь; а также выраженія, обозначающія армію, стражу, шатеръ, оружіе), персидское же вліяніе на турокъ восходитъ до парсизма (по-персидски isdan—Богъ, iczda въ Codex Cumanicus, по-мадьярски—isten; по-персидски pahlivan, по-турецки palvan—святой; по персидски djadu, по турецки djada—волшебство). Слова, свойственныя болѣе высокому уровню культуры, напр. турецкое chasineh, сокровище, заимствованы изъ персидскаго языка (gaza); несомнѣнно также заимствованіе звѣзды и полумѣсяца съ монетъ Сасанидовъ.

Эти взаимныя персидско-тюркскія вліянія стали, вѣроятно, особенно сильны со временъ господства турецкихъ преторіанцевъ при Аббасидахъ въ 9 столѣтіи (т. III, стр. 316) и со временъ султана Махмуда Газна (т. II, стр. 413), основателя прочнаго религіознаго господства ислама въ Индіи и скупого покровителя Фирдуси (т. III, стр. 327). Такимъ образомъ возникаетъ вопросъ, не былъ ли ленный строй турокъ, несомнѣнно, служившій основой ихъ военной организаціи, заимствованъ у персовъ (это пытались уже доказать относительно слова timar=мелкій ленъ). Или, можетъ быть, византійскія помѣстья, раздававшіяся за службу наемникамъ, служили образцомъ для турецкихъ ціаметовъ и тимаровъ (крупные и мелкіе лены)? Или же мы должны, можетъ быть, разсматривать ленный строй, какъ древне-тюркское учрежденіе? Или же, наконецъ, западно-европейскіе феодальные порядки служили образцомъ для турокъ? Несомнѣнно, что персы знали институтъ вассаловъ (разсматриваніе вассаловъ, какъ рабовъ такъ же невѣрно, какъ если бы мы видѣли рабовъ въ западныхъ vassi); несомнѣнно далѣе, что у персовъ, при Сасанидахъ, въ лицѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, дикановъ, существовало рыцарское дворянство. Это дворянство должно было поставлять тяжелую конницу, и его слѣдуетъ разсматривать какъ родъ леннаго дворянства, ибо оно пользовалось правомъ патроната въ сельскихъ общинахъ. При монголѣ Газанѣ (1295—1304; т. II, стр. 170) происходитъ затѣмъ измѣненіе ленныхъ порядковъ на персидской территоріи и замѣна монетами бумажныхъ денегъ (т. III, стр. 352), такъ что здѣсь возрожденіе старыхъ ленныхъ порядковъ могло дать образецъ для новыхъ турецкихъ. Такимъ образомъ, казалось бы, многое говоритъ за вліяніе со стороны Персіи. Но оказывается, что въ тѣхъ областяхъ, гдѣ чище всего сохранились древне-тюркскіе элементы, въ ханствахъ Кокандѣ и Хивѣ, существуетъ ясно выраженный ленный строй: у узбековъ (езбеговъ) дворянство (Spaḥi) набираетъ войска изъ среды мелкихъ землевладѣльцевъ (некеровъ). Такъ какъ въ этихъ чисто древне-тюркскихъ областяхъ, мало доступныхъ чужеземнымъ вліяніямъ, можно допустить только мѣстный, самостоятельный ходъ развитія, то мы находимся передъ загадкой: исыптывалъ-ли иранскій народъ, персы, на себѣ тюркское вліяніе или же здѣсь происходилъ параллельный, самостоятельный процессъ, каковое параллельное развитіе можно наблюдать на всѣхъ пунктахъ земного шара, когда небольшой по количеству народъ сохраняетъ за собой господство надъ обширными областями? Относительно же развитія ленныхъ отношеній въ Европѣ, гдѣ въ южной Франціи около 930 г. впервые появляется слово feodum, и гдѣ въ общемъ признаютъ наличность чужеземныхъ вліяній, тамъ возникаетъ вопросъ: слѣдуетъ ли искать эти вліянія на востокѣ? Этимологическое сопоставленіе (feodum — по-арабски fiada, польза, доходъ) слѣдуетъ признать непригоднымъ. Также несостоятельна и принятая Карломъ Гопфомъ гипотеза о вліяніи западныхъ феодальныхъ учрежденій на тюркскій ленный строй.

Въ отдѣльныхъ чертахъ тюркскихъ леновъ можно доказать наличность византійскаго вліянія. Турецкія ленныя помѣстья точно такъ же какъ и византійскія имѣнія, раздававшіяся наемникамъ (*φία*), имѣли точно опредѣленную цѣну: ціаметы должны были обладать цѣнностью болѣе 20,000 асперовъ (= 500 піастровъ или 10,000 пара, тимары цѣнностью ниже 20,000 асперовъ, точно такъ же, какъ въ византійскихъ имѣніяхъ по новеллѣ императора Константина VII Порфиророднаго (стр. 85) цѣнность для всадниковъ и высшихъ разрядовъ моряковъ была назначена въ 4 фунта золота, а для остальныхъ матросовъ въ 2 фунта золота (у Никифора I въ 4 ф. и для тяжело вооруженныхъ въ 12 ф.). Эти наемническія имѣнія существуютъ, по меньшей, мѣрѣ еще въ 1345 г., какъ видно изъ кодекса Гарменопула, и они могутъ, слѣдовательно, въ этомъ ихъ подраздѣленіи служить образчиками, давно существовавшихъ у турокъ

леновъ. Какъ въ византійскихъ учрежденіяхъ отсутствовалъ внутренній духъ леннаго строя, наслѣдственная и взаимная вѣрность, такъ отсутствовалъ онъ и у турокъ; но турки, благодаря господствовавшему среди нихъ духу недовѣрія, не переняли также и наслѣдственности большихъ леновъ, а предоставляли сыновьямъ крупныхъ ленниковъ маленькіе лены.

Что византійское земледѣльческое право продолжало вообще существовать и при турецкомъ владычествѣ, этого можно было заранѣе ожидать и это можно доказать многочисленными примѣрами. Право выкупа (*προτίμησις* стр. 67) въ тѣсномъ смыслѣ право предпочтительной покупки сосѣдомъ, перешло въ турецкое право, по меньшей мѣрѣ, уже въ 16 столѣтіи (As Schifaat). Меньшее значеніе имѣютъ, принимая во вниманіе всеобщность нѣкоторыхъ принциповъ права (срв. законы Гаммураби; стр.68), турецкіе законы о новой обработкѣ покинутыхъ полей (Ihya el-emwat), какъ мы находимъ ихъ въ *Νόμος γεωργικός* (стр. 67) Льва III; jus talionis подчеркиваемое императорами и саврянами (стр. 68) и играющее роль въ турецкомъ уголовномъ правѣ (Al Djinayat) не должно было быть непремѣнно заимствовано.

Уже отъ 1263 г. у насъ имѣются свѣдѣнія о дарованіи лена (тимаръ) однимъ сельджукскимъ султаномъ; точная регулировка существовавшихъ уже ленныхъ отношеній приписывается Тимурташу, начальнику завоеванныхъ европейско-византійскихъ областей при Мурадѣ I (1359-89). Носящій, несомнѣнно, военный характеръ ленный строй, при которомъ доходъ съ леновъ назывался „наградой побѣдителя", былъ организованъ такимъ образомъ, что мелкіе лены (тимары) раздавались намѣстниками, крупные же (ціаметы)—только центральной властью. Владѣльцы большихъ леновъ должны были позднѣе выставлять по 15 всадниковъ, владѣльцы тимаръ—по 2 всадника; изъ отношенія между ціаметами и тимарами въ шести греческихъ провинціяхъ можно судить и объ отношеніи между крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ. Такъ какъ отношеніе между ціаметами и тимарами въ Мореѣ было 1: 3, въ Эпакто же 1: 22, то, слѣдовательно, въ первой сохранилось крупное землевладѣніе, между тѣмъ какъ во второмъ рѣшительно господствуетъ мелкая собственность (Негропонтъ 1: 15, Θессалія 1:5, Картили - Этолія 1:22, Акарнанія 1:10, Янина 1: 5). Такимъ образомъ, если мы имѣемъ здѣсь дѣло съ древне турецкимъ учрежденіемъ, то византійское вліяніе придало ему вѣроятно болѣе прочныя, опредѣленныя формы. Но и вообще можно доказать наличность византійскихъ вліяній въ турецкомъ государствѣ: старое воззрѣніе, будто бы всѣ византійскія учрежденія, найденныя турками, были уничтожены ими до основанія, оказывается тѣмъ болѣе невѣрнымъ, чѣмъ глубже проникаютъ наши знанія. Все раздѣленіе правительства на европейскій и азіатскій отдѣлы (*τῆς Δύσεως* и *τῆς Ἀνατολῆς*) было сохранено въ Румиліи и Анатоліи. Эпархъ города Константинополя (Стамбулъ-'ς *τὴν πόλι* (locativis), образующаго самостоятельную единицу управленія, остался и въ Турецкой имперіи подъ именемъ Sehrimaneti. Чауши (*Σιαοῦς* у Анны Комнены, придворники), выступающіе съ серебряными жезлами, на которыхъ звенятъ серебряныя цѣпи, были подражаніемъ манглавитовъ византійскаго двора, такъ что чаушъ-баши (*μέγας τζαοῦς*) соотвѣтствовалъ вѣроятно начальнику манглавитовъ. Какъ протоманглавитами въ Византіи, такъ въ первое время существованія Османской имперіи и чаушами пользовались постоянно въ качествѣ чрезвычайныхъ пословъ; названіе ихъ переходитъ затѣмъ и въ Византію.

Служебная переписка первыхъ эмировъ и султановъ ведется на странномъ греческомъ языкѣ, примѣромъ чему можетъ служить ультиматумъ венеціанцамъ 1570 года. Рядъ греческихъ выраженій, употребляемыхъ въ Турецкой имперіи, тоже служитъ доказательствомъ наличности соотвѣтственныхъ учрежденій. Дефтердаръ получилъ свое названіе отъ греческа-

го *διφθέραι* (кожа, затѣмъ книга); греческое названіе канововъ перешло въ турецкій языкъ (Канунъ, Kanun-nameh; см. ниже, стр. 124); рядъ выраженій указываетъ на связь съ византійскими финансовыми учрежденіями *κομμέρκιον* отъ commercium=gümrük таможня, *τόπος*=tapi поземельная подать, *δημόσιον* фискъ=болгарскому dimosija, армянскому dimos, *δῆμος*=dimos, сданный въ аренду, доходъ хлѣбомъ или деньгами; *μαγγάνα*=mangane aktschessi пошлина съ бочекъ. Характерно, что эфенди (господинъ, происходитъ отъ греческаго *ἀφέντης-αὐθέντης*. Само собой разумѣется, что турки въ области домостроительства, домоустройства и мореплаванія выраженія для новыхъ понятій заимствовали съ греческаго (дворъ, фундаментъ, крыша, окно, задвижка; морякъ, паромъ, галера, грузъ, уключина, берегъ, заливъ, гавань, маякъ, буря, сѣверозападный вѣтеръ, всѣ породы рыбъ). Названія монетъ мѣръ и вѣсовъ также отчасти заимствованы изъ Византіи. Уже первоначальную организацію имперіи, созданную при младшемъ братѣ Урхана и при визирѣ Ала-эд-динѣ, можно объяснить только сознаніемъ выдающагося значенія западной культуры. Сильное подчеркиваніе права чеканки монеты, какъ прерогативы власти, произошло, вѣроятно, подъ вліяніемъ знакомства съ западнымъ представленіемъ о верховной власти; учрежденіе постояннаго войска по греческому образцу, позднѣе изъ дѣтей христіанъ (стр. 123), показываетъ, какъ цѣнились завоеванныя и еще подлежащія завоеванію земли. Наконецъ, западъ является какъ бы широкой публикой, передъ лицомъ которой серьезно разбирается вопросъ о головномъ уборѣ (стр. 19). Продолжавшіе еще жить въ Византійской имперіи греческіе мимы (см. стр. 26) появляются вновь въ Турціи, въ лицѣ, можетъ быть, подслушанныхъ у китайцевъ карагезовъ (китайскія тѣни; стр. 126). При этомъ появляется даже великій Гераклъ подъ именемъ сына слѣпца Кероглю, побѣждающій льва.

Такимъ образомъ, въ исторіи турецкаго народа слѣдуетъ видѣть не только расширеніе господства, но и воспріятіе чужой культуры и чужихъ народныхъ элементовъ, съ того времени, когда они около 1300 г. поселились около Зегуда (*Σαγουδάους* у Анны Комнены) недалеко отъ древняго Дорилеума и до взятія ими Византіи, прошло только полтора столѣтія. Если мы обратимъ вниманіе на годы ихъ движенія впередъ, то не можемъ не удивиться наступательной силѣ этого народа: въ 1326 году они завоевали Никомедію и Брузу, въ 1330 Никею, послѣ 1340 года древнюю Мизію, въ 1358 Галлиполи, въ 1360 Анкиру, въ 1361 Адріанополь, въ 1362 г. Филиппополь, въ 1385 Бѣлградъ до 1393 г. большую часть Малой Азіи. Разгромъ Турецкой имперіи татариномъ Тимуромъ былъ перенесенъ легко, и уже черезъ 50 лѣтъ Константинополь палъ передъ силой османовъ, достигшей своей высшей точки при Магометѣ II (1451—81), но увеличившейся еще при Селимѣ II (1512 —20) благодаря тому, что этотъ послѣдній сталъ также и верховнымъ религіознымъ главой.

При этомъ иноплеменные элементы были дѣйствительно поглощены: уже въ 1334 году Марино Санудо говоритъ, что Малая Азія до Филадельфіи отуречена; даже уже крестоносцамъ и византійцамъ въ 12 столѣтіи пришлось пережить непріятное испытаніе: греки южной Малой Азіи (у озера Пунгуды) стали на сторону верхнеазіатцевъ. О тѣсномъ общеніи въ позднѣйшее время свидѣтельствуютъ взятыя съ турецкаго греческія слова, обозначающія матеріи (дамаскъ, тафта, сафьянъ), растенія (гіацинтъ, жасминъ, сирень, крокусъ, фіалка), предметы одѣянія (башмаки, шаровары) и украшенія (ожерелье), игры (шахматы и кости) занятія (мясникъ, жестяникъ, торговецъ овощами и самый цехъ), предметы, относящіеся къ военному дѣлу (оружіе, пуля, патроны, порохъ). На противоположное указываютъ, впрочемъ, ругательства (лѣнивый, глупый, горбатый, болтливый), и курьезно, что именно слова, обозначающія споръ, насиліе, хлопоты и непотизмъ взяты съ турецкаго.

Тюркское племя приняло въ себя столько западной крови, что оно совершенно измѣнилось въ антропологическомъ отношеніи, и тюрки, сохранившіеся въ ханствахъ, совершенно отличаются отъ османовъ: послѣдніе разрываютъ свое отношеніе къ востоку, называя первыхъ словомъ туркъ (грубый, жестокій; см. ниже, стр. 122). Этимъ опредѣляется историческій жребій османовъ; лишенные поощренія и связи съ востокомъ, лишенные идущихъ оттуда элементовъ обновленія, османы оставались въ то же время внутренне чуждыми и западу, и имперія застываетъ въ еще большей степени, чѣмъ ея предшественница-Византія. Эрратическій валунъ на поляхъ Европы, она дожидается того времени, когда могучія руки сдвинутъ ее обратно въ Азію, и истинный наслѣдникъ византизма вновь завладѣетъ св. Софіей.

B. Королевство Греція (съ 1832 г.).

Какъ во время существованія перваго королевства [1] (1832 — 62; Оттонъ Баварскій: см. т. VIII,), такъ и во время второго королевства (съ 1863 г. Вильгельмъ Датскій подъ именемъ Георга I) Греція колеблется между попытками внѣшняго расширенія и внутренняго укрѣпленія. Дарованная 16 марта 1844 г. конституція даетъ партіямъ возможность, въ безплодной борьбѣ, являющейся каррикатурой парламентской жизни, парализовать всякій прогрессъ. Особенной причиной внутреннихъ смутъ былъ критскій вопросъ въ 1866 — 69 и 1897 г. Берлинская конференція въ 1881 году присудила Греціи Ѳессалію и часть Албаніи (см. карту „Турція и сосѣднія страны по Берлинскому трактату“ на большой двойной картѣ „Историческія карты Европейской Турціи“ во II отдѣлѣ). Нужда въ деньгахъ, поведшая въ 1893 г. къ государственному банкротству, была вызвана маніей величія полуобразованныхъ, которые играютъ самую большую роль въ странѣ, они же являются виновниками и греческо-турецкой войны, показавшей неспособность греческихъ полководцевъ и недостаточность военной подготовки. Превосходное умѣніе пользоваться конницей и резервами со стороны Эдема паши и блестящая подготовка турецкой артиллеріи быстро привели къ концу эту войну. Мирный договоръ между Турціей и Греціей, подписанный 4 декабря 1897 года, принесъ съ собой для Греціи измѣненіе границъ, сопровождавшееся особенно большими потерями въ долинѣ Пенея (между, Лариссой и Триккалой) и обязательство уплатить военную контрибуцію въ 4 милліона турецкихъ фунтовъ (75 милл. марокъ), и кромѣ того 100,000 турецкихъ фунтовъ вознагражденія за убытки, понесенные собственниками въ районѣ военныхъ дѣйствій. По II пункту предварительнаго мирнаго договора отъ 18 сентября, иностранная долговая комиссія въ Афинахъ должна была слѣдить за финансами страны.

Затрудненія къ водворенію порядка, безъ сомнѣнія, чрезвычайно велики; но теперь, когда безконечной смѣнѣ партій порядка и авантюры (трикуписты и деліанисты) положенъ, вѣроятно, конецъ распаденіемъ партіи деліанистовъ (въ 1903 г.), теперь есть гораздо болѣе надежды, что народъ, гордящійся принадлежностью къ одному племени съ Сократомъ, пойметъ наконецъ справедливость изрѣченія послѣдняго: „Если я хочу исправить флейту, я иду къ мастеру флейтъ, если хочу починить корабль, иду къ кораблестроителю, для исправленія же государства всякій считается пригоднымъ“. Какъ незначительны произведенія земли, только $^1/_7$ часть которой обработана, показываютъ данныя 1901 года, по которымъ вывозу (на сумму 67,2 милліоновъ драхмъ), въ томъ числѣ вывозу коринки (23,1

[1] Какъ стремленіе къ отпаденію отъ Османской имперіи, греческая освободительная борьба является составною частью турецкой исторіи и помѣщена во II отдѣлѣ; поскольку въ ней участвуетъ Западная Европа, о ней говорится на стр. 148—150 и 156—158 VIII тома.

миллiоновъ драхмъ), фигъ (34, милл. драхмъ), табаку (4,4 милл. драхмъ), масла и оливокъ (6,6 милл. драхмъ) противостоитъ ввозъ на сумму 122,8 миллiоновъ драхмъ (въ томъ числѣ хлѣба на 34,1 миллiоновъ драхмъ). Ввозъ тканей на сумму почти въ 19 миллiоновъ доказываетъ низкiй уровень промышленности, которая въ этой области въ состоянiи вывезти лишь на сумму въ 1,3 мил. драхмъ, между тѣмъ какъ за удовлетворенiе другихъ промышленныхъ потребностей приходится уплачивать за границѣ 57 миллiоновъ.

Привычка къ дѣятельности, выучка среднеевропейской работѣ, обученiе земледѣлiю и расширенiе обрабатываемой области, главнымъ же образомъ, оттѣсненiе полуобразованныхъ, все еще играющихъ первенствующую роль въ политикѣ и журналистикѣ истинно образованными (см. т. VIII, стр. 653) и частью еще здоровыми, хотя и не имѣющими навыка въ работѣ, низшими классами населенiя, прекращенiе противнаго хвастовства, которое находило удовольствiе въ краснобайствѣ и въ безвкусныхъ роскошныхъ постройкахъ (Академiя Наукъ и Библiотека), желѣзная дисциплина въ бюрократiи и въ войскѣ—вотъ что можетъ спасти страну, которой всѣ мы обязаны глубочайшей благодарностью за прежнiя неувядаемыя заслуги.

II. Европейская Турція и Арменія.

Профессора д-ра **Генриха Циммерера.**

1. Начало Турецкой имперіи.

А. Происхожденіе и судьбы Османовъ до 1360. г.

Корни османскаго могущества и турецкой народности, какъ теперь, такъ и съ самаго начала турецкаго государства, лежатъ въ Азіи. Поэтому историкъ Европейской Турціи не можетъ не бросать постоянно своихъ взоровъ на востокъ, откуда пришелъ воинственный народъ, болѣе трети тысячелѣтія державшій въ страхѣ весь европейскій міръ и теперь еще задающій западнымъ дипломатамъ загадку сфинкса, называемую „восточнымъ вопросомъ".

Относительно происхожденія теперешнихъ турокъ мы со времени находки „Орконинскихъ писменъ" въ верховьяхъ Енисея въ Сибири (1889/90; см. также выше, стр. 47), такъ хорошо освѣдомлены, что можемъ безъ колебанія причислить ихъ предковъ къ чисто монгольской расѣ. Съ древнѣйшихъ временъ ихъ кочующія племена образовали прочныя государственныя организаціи, которыя не только мѣрились силами въ частыхъ пограничныхъ схваткахъ со своими сосѣдями китайцами, но, какъ доказываютъ надписи 8 столѣтія послѣ Р. Х., обладали извѣстной степенью азіатской образованности и имѣли даже родъ письменности. Но въ общемъ фактъ все-таки тотъ, что огромное пространство между Байкаломъ и Каспійскимъ моремъ въ теченіе столѣтій оставалось варварской ареной кочевыхъ тюркскихъ и татарскихъ племенъ; въ этотъ долгій періодъ въ восточномъ и западномъ Туркестанѣ, неисчерпаемой колыбели народовъ, въ зародышѣ образовались всѣ воинственныя и мирныя качества, которыя еще и нынѣ можно найти у тюркскаго племени, по крайней мѣрѣ въ Малой Азіи, несмотря на тысячекратное смѣшеніе съ народами арійской, хамитской и семитской крови. Мы говоримъ о добродѣтеляхъ воина, по звуку трубы послушно раскладывающаго или свертывающаго свой шатеръ, взнуздывающаго или разнуздывающаго свою маленькую лошадку, устанавливающаго на любомъ мѣстѣ свой походный котелъ и, довольствуясь малымъ, сидя, какъ сынъ степей, на землѣ, вкушающаго свой скромный обѣдъ, переносящаго съ безконечнымъ терпѣніемъ всѣ трудности походной и бродячей жизни, склоняющагося въ набожной и смиренной молитвѣ передъ восходящимъ солнцемъ, исполняющаго всѣ обязанности гостепріимства тамъ, гдѣ онъ чувствуетъ себя господиномъ и хозяиномъ, но тамъ, гдѣ онъ встрѣчаетъ сопротивленіе, по примѣру своихъ братьевъ (аваровъ и гунновъ, печенѣговъ, сельджуковъ и монголовъ), съ жестокостью степного охотника, убивающаго свои жертвы и такъ опустошающаго страну, что трава не растетъ тамъ, гдѣ ступила его нога.

Сколько разъ въ теченіе хода исторіи полчища тюркскихъ и тюркменскихъ наѣздниковъ передвигались съ востока на западъ по низменностямъ аральскаго и волжскаго бассейновъ въ Европу и по Аму-дарьинской и

Сыръ-дарьинской низменностямъ въ Персію Афганистанъ и Индію, этого не можетъ установить теперь никакое изслѣдованіе. Намъ извѣстно, что они уже въ 8 столѣтіи приняли исламъ, что они опрокинули въ Персіи царство калифовъ, что они проникли даже въ Индію и задолго до того, какъ появились въ Малой Азіи и Европѣ, были извѣстны между иранцами и семитами въ качествѣ народа властелиновъ и воиновъ. Еще въ то время, когда они жили въ средней Азіи, около 1209 г., они переняли уже, вѣроятно, отъ китайцевъ въ качествѣ герба и изображенія на знамени полумѣсяцъ, символъ, происходящій еще изъ эпохи до принятія ими ислама, когда они исповѣдывали культъ звѣздъ (см. выше, стр. 113).

а) Турки въ Малой Азіи.

Первоначальное появленіе турокъ въ Малой Азіи (см. т. III, стр. 354) было чудесно разукрашено благочестивой турецкой легендой. Около 1225 г. орда въ 50.000 душъ, подъ предводительствомъ начальника племени Сулеймана или Солимана (I) переселилась, спасаясь отъ меча монголовъ (т. II, стр. 162) изъ Хорасана въ Арменію. Эртогрулъ, сынъ Сулеймана (1231—88) сталъ данникомъ султана сельджуковъ Ала-эд-дина Кей-Кобада (1219—36), въ Иконіи (Коніи), давшаго ему полосу земли въ Битиніи. Красивая и богатая долина Зегудъ, въ 7 часахъ отъ Эскишегира и въ 12 часахъ отъ Лефке (древней Левки на Сангари), стала колыбелью государства Османовъ. Неслыханному распространенію разъ уже проникшихъ въ Европу турокъ содѣйствовали, съ одной стороны, прочная военная организація новаго Турецкаго леннаго государства въ Малой Азіи, съ другой— слабость Византійской имперіи въ Азіи и Европѣ, хрупкое строеніе славянскихъ государствъ Балканскаго полуострова, разъединенность христіанскихъ западныхъ державъ, въ особенности тѣхъ, которымъ прежде всего угрожала опасность, т. е. Венеціи, Генуи, Венгріи, Польши и Австріи. Но оружіе для этого побѣдоноснаго шествія турокъ было выковано въ Азіи. Османъ I (1299—1326), сынъ погребеннаго въ Зегудѣ Эртогрула, не удовлетворялся, какъ его отецъ, мирной пастушеской жизнью. Находясь сначала въ свитѣ султана Иконскаго, онъ скоро сталъ во главѣ войска, добился независимости, сталъ чеканить монету (стр. 112), сдѣлался господиномъ значительной части Битиніи, и съ помощью своего сына Урхана, расширилъ государство, завоевалъ Брузу, Никомедію и Никею (1326—1330). Хотя онъ принадлежалъ къ сильному кочевому племени тюрковъ, но называлъ своихъ воиновъ османли, т. е. сыновьями Османа, что равнозначуще слову костоломъ. Мусульмане Анатоліи, Месопотаміи и европейской Турціи, чтущіе память Османа, до сихъ поръ считаютъ почти оскорбленіемъ, если ихъ называютъ турками.

Эмиръ Урханъ (Орханъ, 1326—59; повелитель османовъ сталъ называться „султаномъ" только съ 1473 г.) считается первымъ устроителемъ Турецкаго государства въ передней Азіи. Введенному имъ порядку османское войско, государство и народъ обязаны своимъ непобѣдимымъ могуществомъ въ Азіи и въ Европѣ. Урханъ удержалъ обычай Османа раздавать завоеванную землю въ видѣ отдѣльныхъ ленныхъ помѣстій (тимары) своимъ соратникамъ; но чтобы достигнуть большей энергичности и большаго единообразія въ управленіи, онъ раздѣлилъ свое государство на два, позднѣе на три военныхъ отдѣленія (санджаки); устройствомъ милиціи онъ создалъ ядро своему войску и опору государству.

Эртогрулъ и Османъ предпринимали свои походы съ помощью туркменскихъ всадниковъ, акинджи, которые въ случаѣ нужды набирались господами изъ числа вассаловъ и потомъ опять отпускались. Но они оказались непригодными для осады укрѣпленныхъ городовъ; первыя завоеванія въ Малой Азіи были сдѣланы скорѣе благодаря измѣнѣ визан-

тiйскихъ полководцевъ и намѣстниковъ. Урханъ впервые основалъ отрядъ пѣхотинцевъ. Отрядъ этотъ былъ постоянный, состоялъ на жалованьи и назывался яя или пiада, т. е. пѣшеходы; каждый получалъ ежедневно по акдже или серебряному крейцеру; десятки, сотни и тысячи предводительствовались декурiонами, центурiонами и полковниками. Организацiя была, очевидно, подражанiемъ византiйскому военному устройству, когда-то такъ много сдѣлавшему раздѣленiемъ Византiйской имперiи на темы или провинцiи (стр. 65). Но этотъ отрядъ, избалованный жалованьемъ, скоро своимъ непослушанiемъ, безчинствами и чрезмѣрными требованiями увеличилъ еще безпорядокъ, для уничтоженiя коего онъ былъ учрежденъ. Тогда эмиръ, совмѣстно со своимъ братомъ и визиремъ Ала-Эд-диномъ рѣшился на единственную въ своемъ родѣ насильственную мѣру. Кади или военному судьѣ Биледжика, Кара Халиль Чендерли, принадлежала мысль замѣнить туземныхъ пѣхотинцевъ отрядомъ, состоящимъ исключительно изъ насильно обращенныхъ въ магометанство дѣтей христiанъ. Въ этомъ рѣшенiи, во всякомъ случаѣ, религiозный фанатизмъ игралъ меньшую роль, чѣмъ умный разсчетъ и вѣрно понятая необходимость, ибо, находящаяся въ связи съ ихъ предыдущей кочевой жизнью непригодность туркменовъ къ регулярной пѣхотной службѣ, заставила Кара Халиля обратить въ 1330 г. вниманiе на христiанскихъ подданныхъ его властелина. Поразительно быстрое процвѣтанiе этого войска коренится не столько въ принужденiи, примѣненномъ при его основанiи, отчасти дѣйствительно, отчасти лишь существовавшимъ въ позднѣйшемъ изображенiи движимыхъ ненавистью христiанъ, сколько въ той готовности, съ которой погрязшее въ нищетѣ, благодаря безсилiю своихъ византiйскихъ повелителей, христiанское населенiе, встрѣтило, повидимому, планы Урхана. Молодые христiане (аджемъ огланъ, неопытные мальчики) не только не сопротивлялись, но наоборотъ, привлекаемые высокимъ жалованьемъ и другими выгодами, вступали въ новое войско добровольно и даже поощрялись въ этомъ своими родителями. Тяжелой стала эта кровавая дань лишь позднѣе въ Европѣ, особенно же въ Грецiи, гдѣ она равнялась массовому истребленiю. Но византiйцы не заслуживали иной судьбы. Ибо цѣлое столѣтiе передъ этимъ они все кричали: „Мы желаемъ лучше подчиниться туркамъ, чѣмъ латинянамъ". Они достигли своихъ желанiй. Это войско, чери, называлось новымъ, iени, и имя янычаровъ скоро перенеслось на крыльяхъ побѣды изъ Азiи въ Европу. Свое имя такъ же какъ и отличительную форму бѣлой войлочной шляпы они получили отъ дервиша Гаджи Бегташа, основателя, еще и теперь распространеннаго по всей Османской имперiи, монашескаго ордена и знаменитаго монастыря. Въ качествѣ какъ бы предзнаменованiя щедраго питанiя новаго войска, названiя офицерскихъ чиновъ были взяты, чисто по-турецки отъ кухонныхъ должностей. Начальникъ камеры, т. е. полка, назывался чорбаджи, что значитъ дѣлатель супа, слѣдующiе за нимъ офицера—ашджибаши, т. е. старшiй поваръ и сакабаши—водоносъ. На кроваво-красномъ знамени сверкалъ серебряный полумѣсяцъ и обоюдоострый мечъ Омара. Полковой святыней былъ мясной котелъ, вокругъ котораго собирались не только для ѣды, но и для совѣщанiй. Впослѣдствiи опрокидыванiе этого котла служило часто сигналомъ къ возстанiю.

Къ янычарамъ около этого времени, вѣроятно также по иницiативѣ Ала-эд-дина, была присоединена регулярная конница, которая подобно янычарамъ получала жалованье и первоначально была раздѣлена на два отдѣла—на сипаевъ или рыцарей и на силидаровъ или простыхъ всадниковъ. Сначала ихъ было только 2400 человѣкъ, и они составляли, по образцу основанной еще халифомъ Омаромъ почетной стражи Магомета, четыре эскадрона. Имъ же была поручена и охрана имперскаго знамени, пока позднѣе, при Селимѣ I, оно не было замѣнено знаменемъ пророка.

Войско создалъ Урханъ; его братъ Ала-эд-динъ, Нума Помпилій османовъ, прибавилъ два института: право чеканки монеты и уставъ объ одеждѣ. Предписаніе опредѣленной одежды, впослѣдствіи особенно мелочное для должниковъ, имѣло цѣлью прежде всего введеніе единообразнаго головного убора, войлочной шапки, изъ которой у турокъ возникъ древне-арабскій тюрбанъ. Такія, издаваемыя сообразно съ потребностями государства узаконенія „фетвы“, являются четвертымъ источникомъ магометанскаго государственнаго права, который не долженъ стоять въ какомъ-либо противорѣчіи съ тремя другими, высшими источниками: словомъ Божіимъ, Кораномъ, и словомъ и жизнью пророка, Сунной, преданіемъ, толкованіемъ и рѣшеніями четырехъ первыхъ халифовъ или, скорѣе, четырехъ великихъ имамовъ. Только ихъ умалчиванія и пробѣлы пополняетъ этотъ четвертый источникъ законодательства, подъ названіемъ урфъ, т. е. свѣтское произвольное законодательство. Поэтому-то оно подлежало и подлежитъ измѣненіямъ; и современное законодательство турокъ, которое должно давать законодательную санкцію тысячамъ отношеній новаго міра къ востоку, не предусмотрѣнныхъ въ Коранѣ,—это законодательство также называется урфъ. Это единственная — брешь, черезъ которую законнымъ путемъ могла проникнуть европейская цивилизація. Эти узаконенія уже въ ранній періодъ Турецкой имперіи назывались греческимъ словомъ (kanon) kanun, что обозначаетъ „руководящую нить“. Каноническая книга, заключавшая собраніе этихъ законовъ, называлась Kanun-nameh (см. стр. 116).

Но самымъ важнымъ фактомъ для всей турецкой исторіи было престолонаслѣдіе эмира Урхана (см. „Родословную турецкихъ эмировъ и султановъ“ на стр. 125). Урханъ не былъ старшимъ сыномъ Османа; старшимъ былъ его братъ Ала-эд-динъ. Но этотъ послѣдній, человѣкъ ученый, не обладалъ воинственными наклонностями. Такой человѣкъ не могъ стать во главѣ вновь образующагося государства, которое только борьбой могло отстоять свое существованіе. Поэтому, съ его согласія, эмиръ Османъ назначилъ своимъ преемникомъ воинственнаго Урхана, а Ала-эд-дина (умеръ въ 1333 г.) его визиремъ. Этимъ былъ уничтоженъ прямой порядокъ престолонаслѣдія въ домѣ Османа; порядокъ престолонаслѣдія былъ основанъ въ то же время на арабскомъ правѣ (см. томъ III, стр. 302), по которому, напр., въ семействѣ Омеджадовъ законнымъ наслѣдникомъ считался не сынъ, а братъ монарха: самъ Магометъ не оставилъ послѣ себя потомства мужескаго пола, а лишь одну дочь, родоначальницу Алидовъ. Пока продолжались еще османскія завоеванія, и народъ составлялъ почти одно съ кочующимъ войскомъ, до тѣхъ поръ руководство имъ нельзя было предоставить ребенку; а такой случай могъ бы очень легко произойти, такъ какъ эмиры тогда сражались еще вмѣстѣ съ войскомъ, какъ простые воины, и подвергали себя всѣмъ опасностямъ. Въ такія времена лучше всего было, чтобы сильные люди слѣдовали въ правленіи одинъ за другимъ, хотя бы они и не были связаны тѣснѣйшими узами крови. Но когда наступили тишина и спокойствіе, а съ ними началась трудная и продолжительная работа надъ мирными задачами прогресса, тогда сталъ необходимъ строго опредѣленный порядокъ престолонаслѣдія; сынъ долженъ былъ получать возможность докончить начатое отцомъ. Тогда и отецъ могъ начинать такія предпріятія, которыя онъ не надѣялся докончить самъ, ибо онъ могъ разсчитывать, что они будутъ доведены до конца его семьей. Если Турціи суждено превратиться когда-нибудь изъ завоевательнаго государства въ государство дѣйствительно правовое и стать передовой, цивилизованной державой ислама, то для этого необходимо измѣненіе порядка престолонаслѣдія: сеніоратъ долженъ быть замѣненъ правомъ первородства. То, что этого до сихъ поръ не случилось, слѣдуетъ считать одной изъ причинъ упадка имперіи.

Родословная турецкихъ эмировъ и султановъ.

Сулейманъ (I), около 1225.

Эртогрулъ, 1231—88

1. Османъ I. ель-Гаци (борецъ за вѣру), 1299—1326, * 1259.

Принцъ Ала-эд-динъ, † 1333 — 2. Урханъ (Орканъ), 1326—59.

Принцъ Сулейманъ † 1358 — 3. Мурадъ (Амуратъ) I. Худавендкіаръ (господинъ), 1359—98, * 1319.

4. Баязетъ I. Ильдиримъ (Iildirim; молнія), 1389—1402, † 1403 — принцъ Якубъ, † 1389.

Принцъ Эртрогрулъ, † 1400 — Сулейманъ I., 1402—10 внукъ Урхана, † 1453 — 5. Могаммедъ (Магометъ) I. Челеби, 1413—21, * 1387 — Пр. Иза, † 1404 — Пр. Муза, 1410—13 — Пр. Мустафа. † 1402.

6. Мурадъ II., 1421—51 * 1401 — Принцъ Юсуфъ — Принцъ Магоммедъ — Пр. Мустафа, * 1409, † 1422

7. Могаммедъ II. Буюкъ (Великій) или Фати (завоеватель), 1451—81 * 1430

8. Баязетъ II, 1481 до 26 мая 1512, * 1447 — Принцъ Джемъ, * 1458, † 24 февраля 1495 въ Неаполѣ

Принцъ Ахмедъ † 1513 — Принцъ Коркудъ † 1512 — 9. Селимъ I Яуцъ (Iauz; строгій), 1512 до 21 сент. 1520

Принцъ Мурадъ — 10. Сулейманъ II. (Солиманъ I.) ел-Кануни (законодатель), 1520—66 * 1495

Мустафа, † 1553 — Джигангиръ † 1553 — 11. Силимъ II. Местъ (пьяница), 1566—74, * 1520 — Баязетъ, † 1561

Ибрагимъ, † 1553 (сынъ Мустафы) — 4 сына, † 1561 (сыновья Баязета)

12. Мурадъ III., 1574—95, * 1546

13. Могаммедъ III., 1595—1603, * 1566

14. Ахмедъ I., 1603—17, * 1589 — 15. Мустафа I., 1617—17; 1622—23

16. Османъ II., 1618—21, * 1605 — 17. Мурадъ IV., 1623—40, * 1609 — Баязетъ и Сулейманъ, † 1634 — 18. Ибрагимъ 1640—48

19. Могаммедъ IV., 1648—87; * 1638 (42?), † 1692 — 20. Сулейманъ III. (Солиманъ II.), 1687—91 — 21. Ахмедъ II. Авджи (охотникъ), 1691—95, * 1642

22. Мустафа II, 1695—1703, * 1664, † 1703 — 23. Ахмедъ III., 1703—30; * 1673 † 1736

24. Махмудъ I., 1730—54 — 25. Османъ III., 1754—57, * 1700

Могаммедъ ханъ, † 1756 — 26. Мустафа III., 1757—73, * 1717 — 27. Абдулъ-Гамидъ I., 1774—89

28. Селимъ Ш., 1789—1807; * 1761, † 1808 — 29. Мустафа IV., 1807—1808 † 16 ноября — 30 Махмудъ II., 1808—39. * 1785

31. Абдулъ Меджидъ, 1839—61, * 1823 — 32. Абдулъ Ацицъ (Азисъ). 1861—76, * 1830

33. Мурадъ V., 30 мая до 31 авг. 1876 г., * 21 сент. 1840, † 29 авг. 1904 г. — 34. Абдулъ Гамидъ II., 1876—X, * 1842.

Какимъ духомъ было проникнуто создающееся государство, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать отрывокъ изъ оды Ашика, современника Урхана, озаглавленной „Къ культурѣ“.

„Всѣ формы, которыя пусты, суть тѣла безъ души;
Все, обработанное въ мірѣ, представляетъ изъ себя міровую душу.
Культурой оживляется міръ, безъ нея онъ останется формой бездушной.
Наука, дыханіе души, есть душа всѣхъ душъ.
Безъ науки мертва и умерла сейчасъ же душа;
Посредствомъ науки человѣческая душа властвуетъ надъ султанами.
Безъ знанія не хватаетъ жизни. Это—слово истины“.

Если мы оставимъ въ сторонѣ древнѣйшіе западно-турецкіе сельджукскіе литературные памятники (см. т. II, стр. 147), то рядъ литературныхъ произведеній открывается въ началѣ 14 столѣтія большимъ мистическимъ стихотвореніемъ Ашика паши (умеръ 1332 г.). Стихотвореніе это ясно обнаруживаетъ слѣды вліянія персидскихъ поэтовъ. Ашикъ паша былъ мудрый дервишъ изъ ордена Мевлеви, „вертящихся", который насчитывалъ въ своихъ рядахъ нѣсколькихъ поэтовъ, и въ томъ числѣ замѣчательнѣйшимъ былъ самъ основатель ордена, знаменитый Джелал-эд-динъ Руми (т. III, стр. 344). Титулъ паши, который ему принадлежитъ, обозначаетъ здѣсь не придворную должность, не визиря государства, а визиря въ области духа. Въ этомъ смыслѣ имѣется много поэтовъ съ титулами шейхъ, эміръ, гюнкіаръ (монархъ), шахъ, султанъ. Вся поэзія османовъ и даже ихъ теперешній литературный языкъ, въ духѣ своего образованія постоянно испытывалъ на себѣ вліяніе этой книги; и хотя предки османовъ огузы, гуцы или куны (т. II, стр. 150) не были свободны отъ вліянія китайской культуры—отъ духовнаго родства не осталось теперь ничего, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ грамматическихъ конструкцій и „карагеза" — копіи китайскихъ тѣней, которыя являлись продолженіемъ греческихъ мимовъ (стр. 26) на византійской почвѣ. Тамъ, гдѣ ихъ культура развилась не подъ чисто-арабскимъ,. т. е. религіознымъ вліяніемъ, тамъ она черпала все-таки изъ арабско-персидскихъ источниковъ. Наиболѣе самобытными и приноровленными къ юмору турецкаго крестьянства являются грубые фарсы османскаго Эйленшпигеля, Ходжи Насръ-эд-дина, священника и учителя въ Акшегирѣ, жившаго, приблизительно, во времена предпослѣдняго сельджукскаго султана Ала-эд-дина Кай-Кобада (умеръ въ 1307 г.) и еще во времена Тимура (умеръ въ 1404 г.). Его прозаическіе фарсы были съ самаго начала чрезвычайно распространены и теперь еще читаются и разсказываются старымъ и малымъ всѣхъ классовъ общества. Фридрихъ Гиртъ описалъ многочисленныя нити, связывающія китайскую торговлю съ Римской и Сирійской имперіей и вообще съ западомъ; Эдмундъ Науманнъ въ своей книгѣ „Отъ Золотого Рога до истоковъ Евфрата" указалъ на родство японскаго и турецкаго языковъ. Многочисленныя новыя имена, данныя первобытными турецкими племенами, на древнихъ мѣстахъ персидской и греческой образованности городамъ и землямъ, лѣсамъ и рѣкамъ, горамъ и долинамъ, можно узнать и въ топографическихъ наименованіяхъ въ нынѣшнемъ Китаѣ. Византійское вліяніе было, повидимому, исключено, благодаря разницѣ религіи, но оно все же выразилось въ матеріальныхъ, военныхъ, политическихъ и общественныхъ учрежденіяхъ (напр. учрежденіе евнуховъ), навязанныхъ имъ побѣдителю.

b) Византія до 1356 года.

Византійская имперія въ противоположность своей старшей западной сестрѣ, давно погибшей подъ могучими ударами германцевъ, обѣщалась, казалось, жить вѣчно. Начиная съ своего основателя Константина и законодателя Юстиніана, она все возвышалась. 10-столѣтіе было эпохой возрожденія въ гражданскомъ, экономическомъ и военномъ, а для грековъ также и въ духовномъ отношеніи. Имперія благополучно вышла изъ гигантской борьбы съ исламомъ. Покоривъ славянъ и пріобрѣтя Арменію, Византійская имперія достигла въ 1025 г. неслыханныхъ со временъ Юстиніана размѣровъ (см. карту при 308 стр. I тома). Императоръ Василій, „Убійца болгаръ", соединявшій въ себѣ силу съ кротостью, оставилъ милліонамъ своихъ славянскихъ подданныхъ ихъ мѣстныя учрежденія и свободы. Сейчасъ послѣ него начинается неудержимый упадокъ имперіи. Крупные землевладѣльцы-помѣщики превратили слѣдующихъ императоровъ въ свою игрушку, выжимали соки изъ азіатскихъ и европейскихъ провинцій,

погубили непосильными налогами мелкое крестьянство, лишили славянъ ихъ національныхъ привилегій, оказывали во всемогущемъ сенатѣ парализующее вліяніе на лучшихъ генераловъ и, благодаря вторженію сельджуковъ въ 1071 году потеряли лучшія провинціи имперіи въ Азіи: Каппадокію, Арменію и Иконію (см. выше, стр. 91; т. III, стр. 331). Западомъ завладѣли норманны. Смертельный же ударъ, отъ котораго она никогда не оправилась, нанесъ Византіи латинскій крестовый походъ 1204 г. Уже только тѣнь монархіи переселилась въ Никею, и тѣнь же ея вернулась въ 1261 г. съ Палеологами въ городъ Константина. Вмѣсто того чтобы мирно поладить съ молодыми развивающимися государствами болгаръ и сербовъ и спасти то, что еще можно было спасти, романтическіе императоры съ призрачной властью, послѣ того какъ формы древней неограниченной монархіи невозвратно погибли въ западныхъ ленныхъ государствахъ „крестоносцевъ", гонялись за призракомъ древняго великодержавія, за „великой идеей" (Гейнрихъ Гельцеръ), которая и понынѣ приводитъ къ крушенію всѣ лучшія предпріятія эллиновъ.

Эта пагубная манія величія была отравлена пустѣйшими монашескими дрязгами, богословскими распрями и жестокой ненавистью патріарха, священниковъ и народа къ „латинянамъ". Одновременно съ развитіемъ турецкаго могущества на Востокѣ, на западѣ выросли славянскія государства. Сербскіе короли достигли верховной власти на Балканскомъ полуостровѣ: сила болгарскаго государства (см. первую маленькую карту на „Историч. картахъ Европейской Турціи" при стр. 165) была побѣждена въ 1330 г., и когда Стефанъ Душанъ вступилъ на престолъ, казалось, что сербской монархіи удастся удержать турокъ по ту сторону Босфора. Но у славянъ не было флота, чтобы съ успѣхомъ вмѣшаться въ ожесточенную торговую войну между венеціанцами и генуэзцами, полстолѣтія свирѣпствовавшую на греческихъ водахъ. Неоднократно вспыхивала гражданская война въ Византіи; Іоаннъ V Палеологъ опирался на венеціанцевъ и сербовъ, Іоаннъ VI Кантакузенъ—на османовъ. Уже въ 1336 году Андроникъ, такъ же безсовѣстно, какъ и христіанскія республики Италіи, соединился съ сельджуками Азіи противъ турокъ, и благодаря этому онъ потерялъ лучшіе города Іоніи. Въ 1353 году османы побѣдили сербовъ при Дидимотейхтѣ, и Кантакузенъ взялъ себѣ въ соправители своего сына Матвѣя. Въ это время въ 1355 г.; умеръ Стефанъ Душанъ съ нимъ погибла и надежда спасти Европу отъ ига ислама. Сербскіе и албанскіе вожди отпадали, Боснія объявила себя независимой. Такъ разрывали другъ друга христіане Балканскаго полуострова, когда приближался уже роковой часъ; въ своемъ ослѣпленіи Кантакузенъ призвалъ даже на помощь самихъ турокъ. Тогда Урханъ, владѣвшій Брусой, Никеей и Никомедіей, думалъ, что наступилъ моментъ, когда блестящій Константинополь и прекрасная Грецiя по ту сторону Геллеспонта лежали передъ нимъ какъ жертвы, заманчивыя по своей беззащитности.

На двухъ плотахъ изъ бревенъ, соединенныхъ ремнями и шкурами, наслѣдный принцъ Сулейманъ поплылъ съ 80 храбрецами во Ѳракію и посредствомъ неожиданнаго нападенія завладѣлъ замкомъ Тимбе (нынѣ Чини). Завоеваніе Каллиполиса (нынѣ Галлиполи), имѣвшее мѣсто годъ спустя (въ 1357 г., если только мы можемъ довѣрять обычной хронологіи), открыло путь для увеличенія Турецкой имперіи въ Европѣ. Звучными побѣдными письмами возвѣстилъ Урханъ эту радость сельджукскимъ князьямъ и другимъ соперникамъ; съ этихъ поръ, въ теченіе столѣтій такія посланія друзьямъ и врагамъ давали государственной канцеляріи Османовъ матеріалъ для упражненія въ самомъ блестящемъ стилѣ. Государственной мудрости императора Іоанна VI чуть-чуть не удалось откупить Каллиполисъ обратно у Урхана, которому онъ далъ въ жены свою дочь (стр. 113). Но землетрясеніе разрушило всѣ города и крѣпости на ѳракій-

скомъ Херсонесѣ, и турки безъ боя завладѣли всей страной, если мы только можемъ повѣрить императорскому исторіографу, который, будучи смѣщенъ въ 1355 году, жилъ монахомъ на Аѳонѣ и умеръ въ 1383 г. въ Миситрѣ. Сулейманъ умеръ на соколиной охотѣ еще ранѣе своего отца Урхана. Его гробница находится въ Булайрѣ (по-гречески Плагіари) на берегу Геллеспонта. Долѣе столѣтія эта гробница была единственной гробницей османскихъ монарховъ на европейской территоріи. Изъ всѣхъ героическихъ гробницъ османовъ эта посѣщалась всего усерднѣе, ибо принадлежала второму визирю имперіи, счастливому побѣдителю Дарданеллъ.

В. Турки въ Европѣ 1360 — 1450 гг.

а) Мурадъ I.

Въ 1360 г. эмиръ Мурадъ I (1359—89 г.) переправился черезъ Геллеспонтъ. Уже черезъ годъ онъ завоевалъ важнѣйшія крѣпости Цурулонъ и Дидимонтейхъ и, несмотря на храброе противодѣйствіе непріятелей, завоевалъ Адріанополь, второй городъ имперіи. Этотъ городъ, лежащій при сліяніи Марицы съ ея притоками Ардой и Тунджей, въ плодородной долинѣ, богатой всѣми прелестями подтропической природы, виноградомъ, розовыми полями, айвовыми садами, сталъ (послѣ Брузы) первымъ, и послѣ завоеванія Константинополя вторымъ городомъ имперіи Османовъ; въ немъ впослѣдствіи возвышалась прославленная мечеть султана Селима II, считаемая турками красивѣйшею мечетью магометанъ. Бруза стала отнынѣ чтимымъ мѣстомъ погребенія султановъ и теперь еще въ своихъ мечетяхъ и баняхъ даетъ образчики перваго расцвѣта персидско-турецкой архитектуры. Визири Мурада Лалашагинъ и Эвреносъ проникли вверхъ по долинѣ Марицы. Все, города и деревни, крѣпости и поля, съ огромной добычей достались имъ почти безъ удара меча. Въ 1363 г. Лалашагинъ увѣнчалъ свое побѣдоносное шествіе завоеваніемъ Филиппополя (по-турецки Филиба, по-болгарски Пловдіо), принадлежавшаго съ 1344 г. къ болгарскому царству; эмиръ Мурадъ сдѣлалъ этотъ богатѣйшій болгарскій городъ передовымъ постомъ своего ежедневно растущаго государства, расширилъ и укрѣпилъ его, включивъ въ кольцо стѣнъ четыре большія сіенитовыя скалы и построивъ каменный мостъ черезъ Марицу. Богатство Филиппополя состояло тогда преимущественно изъ рисовыхъ полей, доходъ съ которыхъ турецкій историкъ Сеадъ-эд-динъ для одной государственной казны опредѣляетъ въ 4 милліона асперовъ. Позднѣйшей выдумкой является сообщеніе, будто бы Мурадъ вскорѣ послѣ того (въ 1365 г.) заключилъ договоръ съ далматской республикой Рагузой, владѣвшей всей торговлей на материкѣ Балканскаго полуострова.

Для противодѣйствія этимъ успѣхамъ османовъ мелкія христіанскія государства не могли объединиться; у нихъ не было постояннаго войска. Императоръ Іоаннъ V жилъ во враждѣ со своимъ сыномъ Андроникомъ. Когда онъ въ 1365 г. въ Трновѣ на Янтрѣ, въ древней столицѣ Болгаріи, хотѣлъ завести переговоры о союзѣ противъ турокъ, онъ былъ взятъ въ плѣнъ царемъ Шишманомъ, и находился въ плѣну, пока не былъ освобожденъ своимъ двоюроднымъ братомъ, графомъ Амедеемъ VI Савойскимъ. Тогда преслѣдуемый судьбою императоръ отправился въ Авиньонъ, чтобы побудить курію къ снаряженію похода ему на помощь; онъ подписалъ, не прочитавъ, латинскую формулу уніи. Папа Урбанъ V вернулся съ нимъ въ Римъ, гдѣ съѣхались уже германскій императоръ Карлъ IV, королева Іоанна Неаполитанская и рыцарственный король Кипра, Петръ I Лузиньянскій, который съ 1362 года объѣзжалъ западные дворы и 1 апр. 1363 г. въ Авиньонѣ вмѣстѣ съ Іоанномъ Добрымъ, королемъ французскимъ (умеръ въ 1364 г.), и Амедеемъ далъ обѣтъ предпринять крестовый походъ. Но онъ

былъ недостаточно поддержанъ остальными державами Европы и 10 окт. 1365 г. только на время занялъ Александрію. Ожидали также и пріѣзда Стефана Боснійскаго. Но объединеніе не состоялось (см. по этому вопросу изъ новыхъ авторовъ особенно В. Нордена „Папство и Византія", стр. 704). Какъ низко пала репутація нѣкогда всемогущаго императора ромейцевъ! Венеціанскіе банкиры, ссудившіе ему деньги на поѣздку въ Авиньонъ, задержали его въ Венеціи; Андроникъ отказался заплатить за ненавистнаго ему отца, въ 1369 г. формально перешедшаго къ римской церкви, и только младшій сынъ его, правившій въ Ѳессалоникахъ, съ большими жертвами доставилъ отцу въ 1370 г. возможность вернуться домой; Іоаннъ V въ 1371 г. отстранилъ своего сына Андроника отъ престолонаслѣдія и назначилъ наслѣдникомъ Мануила.

Когда Андроникъ въ 1371 г. соединился съ возставшимъ сыномъ Мурада, Сауджи, то Мурадъ обезглавилъ турецкаго принца и ослѣпилъ Андроника. Но послѣднему удалось заручиться помощью генуэзцевъ, которые въ 1376 г. заставили столицу открыть ему ворота, низложили отца и короновали Андроника IV. Въ 1379 г. старый императоръ бѣжалъ изъ тюрьмы къ Мураду, который ввелъ его обратно въ столицу. Черезъ два года императоръ помирился со своимъ старшимъ сыномъ, но въ 1385 г., послѣ его смерти, устранилъ внука, Іоанна VII, и передалъ право на престолъ своему любимцу Мануилу.

Но эти восточно-римскія событія были почти второстепенной интермедіей къ грандіозной морской войнѣ между Венеціанской и Генуэзской республиками, — въ войнѣ, которой положилъ конецъ только Туринскій миръ 8 авг. 1381 г. Не менѣе плохо обстояли дѣла и въ Пелопоннесѣ. Изъ Ѳракіи Мурадъ проникъ на западъ до Балканскихъ ущелій. Когда онъ затѣмъ вторгнулся въ лежащую южнѣе прекрасную Ѳессалію и появился даже у Ѳермопилъ, тогда Рожеръ де Лаурія, намѣстникъ въ Аттикѣ сициліанскаго короля Фридриха III, призвалъ его въ 1363 г. на помощь противъ каталанскихъ соперниковъ въ вопросѣ о владѣніи Аѳинами, противъ Елены Фадрики Арагонской и венеціанскаго байло (намѣстника см. стр. 97 и 141) Негропонта на Евбеѣ. Въ качествѣ союзниковъ Рожера, турки вступили даже въ городъ Ѳивы, резиденцію правительства и важнѣйшій пунктъ аѳинскаго герцогства. Изъ этого можно совершенно ясно видѣть, какъ вѣрно замѣчаетъ Фердинандъ Грегоровіусъ, что и испанцы, и каталанцы, и сицилійцы были чужеземцами въ латинско-феодальной Греціи, съ которой ихъ не связывало чувство родины. Вѣсть объ этомъ наполнила ужасомъ всѣ западныя страны. Урбанъ V обратился съ воззваніемъ объ отпорѣ къ венеціанцамъ, какъ къ хозяевамъ Евбеи, къ архіепископу патрасскому, ко всѣмъ прелатамъ и властелинамъ изъ временъ Латинской имперіи, къ деспотамъ Мизитры (Мистры; см. таблицу при стр. 104) и къ Гвидону Энгіенскому въ Аргосѣ.

И на сѣверѣ, тоже по призыву папы, готовилось сопротивленіе. Греческій военачальникъ Филиппополя бѣжалъ къ королю сербскому; на его зовъ о помощи соединились короли Венгріи, Сербіи, Босніи и князь валашскій для общаго похода противъ турокъ, угрожающихъ уже ихъ границамъ. Быстрыми переходами они дошли до Марицы въ двухъ дняхъ пути выше Адріанополя, но въ ночь съ 25 на 26 сентября 1371 г. потерпѣли ужасное пораженіе, благодаря внезапному нападенію Гаджи Ильбека; ихъ войско было разбито и загнано въ рѣку. Поле этой битвы до сихъ поръ называется Сирб-синдюги, т. е. пораженіе сербовъ. Эта битва была первой, въ которой мадьяры сражались противъ турокъ.

Затѣмъ слѣдовало нѣсколько лѣтъ мира. Эти годы Мурадъ использовалъ для увеличенія имперіи въ Малой Азіи. Онъ устроилъ бракъ своего старшаго сына Баязета (Баязида) съ дочерью Якуба Керміанскаго и принцесса принесла своему жениху Кутагію (Кютагію) и другіе цѣнные

округа сельджукскаго государства. Вскорѣ затѣмъ другія войска Мурада подъ предводительствомъ Тимурташа ринулись черезъ Родопскія горы къ Аксіосу, дошли до границы Албаніи, гдѣ они завоевали города Монастырь (Битолія) и Истипъ. По ту сторону Балканъ Индже Балабанъ уже два года осаждалъ укрѣпленную Софію (древн. Сардика), пока она не была, наконецъ, взята хитростью въ 1382 году. Софія, важнѣйшій стратегическій пунктъ и ключъ къ Болгаріи, Македоніи и Ѳракіи, роскошно расположенныя на Боянѣ, въ широкой, орошаемой Искеромъ, долинѣ, возродилась изъ развалинъ.

Черезъ ущелья Балканъ турки ворвались уже въ Боснію, но въ тѣснинахъ и горахъ Динарскихъ Альпъ имъ было нанесено нѣсколько пораженій соединившимися босняками и сербами. Въ 1387 г. Стефанъ Вукъ Лазарь изъ Призрена во главѣ 30.000 человѣкъ угрожающе двинулся на югъ. Мурадъ, прежде чѣмъ переправить свои войска черезъ Балканы, найденныя имъ, къ его изумленію, незанятыми противникомъ, отпраздновалъ со своими войсками съ большой роскошью въ долинѣ Іенишегира свадьбу свою и своихъ трехъ сыновей съ византійскими принцессами и обрѣзаніе своихъ трехъ внуковъ, сыновей Баязета. На Амзельфельдѣ (Коссово поле, на западъ отъ Приштины) произошла рѣшительная битва 15 іюня 1389 г. Противъ турокъ, подъ предводительствомъ эмира Мурада и его сына Баязета, выступили сербы, предводительствуемые Лазаремъ и его племянникомъ Вукомъ Стефаномъ Бранковичемъ Приштинскимъ, а босняки, предводительствуемые своимъ королемъ Стефаномъ Твартко (Тордко) и воеводой Владко Грани; вмѣстѣ съ ними сражались кроаты подъ начальствомъ своего бана Ивана Хорвата, затѣмъ болгары, спасшіеся отъ гибели, постигшей ихъ родину, валашскія вспомогательныя войска и многочисленные албанцы. При началѣ сраженія (по другимъ сообщеніямъ — послѣ сраженія) эмиръ Мурадъ былъ убитъ въ своемъ шатрѣ сербскимъ дворяниномъ Милошемъ Обиличемъ; но и Лазарь попалъ въ плѣнъ и былъ вмѣстѣ со многими сербскими рыцарями, обезглавленъ у трупа Мурада. Новый эмиръ Баязетъ I похоронилъ своего отца въ Брузѣ, въ построенной самимъ Мурадомъ великолѣпной мечети. Задушеніемъ своего брата Якуба онъ ввелъ печальный обычай, который, опираясь на стихъ корана, рекомендуетъ въ династіи Османа братоубійство, какъ законное средство для поддержки престола.

в) Баязетъ I.

Новый эмиръ Баязетъ I (1389—1402) могъ теперь готовиться къ завоеванію Греціи (см. „Историческія карты Европейской Турціи“, при стр. 165). Съ Палеологами онъ обращался презрительно. Филадельфія, которая одна въ Малой Азіи оставалась греческой и сохраняла до сихъ поръ свою независимость, должна была сдаться ему на выгодныхъ условіяхъ (съ тѣхъ поръ „Алашеръ“). Мануилъ былъ въ его свитѣ. Этимъ обстоятельствомъ злоупотребилъ сынъ Андроника, Іоаннъ VII, получившій въ видѣ отступного Селимбрію (нынѣ Силиври) и Ѳессалоники; онъ свергнулъ своего дѣда въ 1320 г. Мануилъ возстановилъ, правда, власть своего отца, но, когда Баязетъ принудилъ стараго императора прекратить начатое возстановленіе стѣнъ столицы, тогда Іоаннъ VII, огорченный такимъ позоромъ, умеръ 16 февраля 1391 года, послѣ правленія, столько же продолжительнаго, сколько и безславнаго. Въ видѣ наказанія за самовольное занятіе престола Мануиломъ, султанъ отнялъ Ѳессалоники (1391 г.), блокировалъ столицу и взялъ городъ болгарскихъ царей Трново, Виддинъ, Никополь и Силистрію въ 1393 г. Изъ этого можно было видѣть, что Баязетъ серьезно намѣревался уничтожить послѣднюю тѣнь Ромейской имперіи. Въ 1392 г. его полководецъ Евреносъ-Бегъ изъ Сереса (Серрае принадлежитъ тур-

камъ съ 1373 г.) проникъ до Истма. Неріо Аччіаджуоли, съ 1385 г. правившій вмѣсто каталанцевъ Аѳинами, тщетно призывалъ венеціанцевъ на помощь и спасся только уплатой дани и заявленіемъ покорности. Съ этого момента гибель Аѳинъ была только вопросомъ времени. Митрополита Димитрія подозрѣвали въ томъ, что онъ изъ ненависти къ латинянамъ призвалъ турокъ. Онъ былъ смѣщенъ патріархомъ константинопольскимъ; но и его преемникъ Макарій, ослѣпленный національной ненавистью, велъ тайные переговоры съ турками. Неріо Аччіаджуоли отдѣлился отъ Ахайи и бросился въ объятія короля Ладислава Неаполитанскаго († 1414), который только что присоединился къ большой лигѣ, устроенной Франціей, Венеціей, Генуей и папой съ цѣлью предпринятія крестоваго похода. Послѣ того, какъ Тимурташъ занялъ нижній городъ Аѳинъ, турки были прогнаны венеціанцами, подоспѣвшими, наконецъ, на помощь изъ Эвбеи. Съ конца 1394 до конца 1403 года знамя съ изображеніемъ льва св. Марка развѣвалось надъ зубцами замка Кекропса и на башнѣ латинской церкви Пресвятой Дѣвы въ Акрополисѣ.

Неизвѣстно, какъ далеко проникли турки въ то время въ Беотіи и Аттикѣ. По Хилкондилу, являющемуся главнымъ источникомъ для знакомства съ первымъ большимъ походомъ турокъ, этотъ послѣдній имѣлъ мѣсто еще до битвы при Никополисѣ. Часть грековъ находилась въ союзѣ съ турками. Полагаютъ, что измѣнникъ архіепископъ Фокиды, Серафимъ, привлекъ эмира въ эти роскошныя охотничьи мѣста. Елена Кантакузенъ, вдова послѣдняго Фадрика Салонскаго (Амфисса; см. карту при стр. 165), открыла ворота города; ея дочь пошла въ гаремъ Баязета. Но побѣдоносное шествіе его было внезапно остановлено извѣстіемъ о томъ, что Сигизмундъ (Сигмундъ) Венгерскій, котораго императоръ Мануилъ призвалъ для своего спасенія, приближался къ Дунаю съ блестящимъ войскомъ французскихъ и нѣмецкихъ рыцарей (см. томъ VII, стр. 234). Баязетъ отъ Галлиполи, откуда онъ блокировалъ столицу, и отъ Сереса двинулся на сѣверъ, чтобы дать отпоръ христіанскому войску. Въ Валахіи къ Сигизмунду присоединился князь Мирца (Мирча), который осенью 1394 года отбросилъ Баязета за Дунай. 12 сентября 1396 г. христіанскія войска дошли до Велико-Никополя на правомъ берегу Дуная. Здѣсь Баязетъ, благодаря своему превосходному таланту полководца, нанесъ 28 сентября кровавое пораженіе христіанамъ, у которыхъ надменность и распущенность французскихъ рыцарей портила самые умные стратегическіе планы. Отъ послѣдствій этого пораженія должны были страдать христіане Балканскаго полуострова. Евреносъ-Бегъ двинулся въ Пелопоннесъ, гдѣ правилъ отъ имени византійцевъ „деспотъ" Мизитры Ѳедоръ Палеологъ (1384—1407; сынъ Іоанна V). Разбитый при Леондари, въ области источниковъ Алфея 21 іюня 1397 г., онъ долженъ былъ согласиться на уплату ежегодной дани. Но храбрый князь соединился съ Венеціей и родосцами, которымъ онъ (1400—1404) предоставилъ Коринѳъ и другія крѣпости.

По просьбѣ осажденнаго императора Мануила, къ нему на помощь пришелъ французскій маршалъ Жанъ ле Менгръ, по прозв. Бусико, который еще разъ очистилъ окрестности столицы отъ турокъ. Іоаннъ VII помирился со своимъ дядей, и Мануилъ объѣздилъ государства запада, гдѣ ему всюду былъ сдѣланъ блестящій пріемъ. Венеціанцы находились еще тогда на вершинѣ своего могущества. Три тысячи ихъ торговыхъ кораблей плавали по Средиземному морю. Въ 1386 г. они овладѣли даже Корфу; на Пелопоннесѣ имъ принадлежали Лепанто, Патрасъ, Метони (Модонъ), Коронъ и Навплія; ихъ собственностью были также Негропонтъ и Критъ; уже въ 1355 году байло Константинополя уговаривалъ сенатъ просто завладѣть наслѣдіемъ Византіи. Но теперь они потеряли Аѳины (въ маѣ 1402 г.); Антоній Аччіаджуоли собралъ войска въ Ливадіи, укрѣпленнѣйшемъ пунктѣ страны, и въ концѣ 1403 года взялъ крѣпость послѣ геройской обороны.

Но взоры всѣхъ были обращены въ то время на востокъ, куда изъ Азіи хлынули, подъ предводительствомъ Тимура, бурныя массы народовъ, подобныя тѣмъ, какія велъ нѣкогда Чингисъ-ханъ. Монгольскій повелитель Самарканда, при распространеніи своихъ завоеваній на западѣ, натолкнулся на эмиратъ Османовъ. Борьба двухъ могучихъ противниковъ за обладаніе передней Азіей была рѣшена 20 іюля 1402 года кровопролитной Ангорской битвой; самъ Баязетъ попалъ въ руки Тимура и умеръ 8 марта 1403 года въ плѣну. Въ этотъ моментъ Турецкая имперія лежала разбитой у ногъ хана самаркандскаго; облегченно вздохнулъ христіанскій міръ, когда Тимуръ изъ Брузы и изъ разрушенной въ декабрѣ 1402 года Смирны весной 1403 года повернулъ обратно и не перешелъ черезъ Геллеспонтъ, такъ какъ у него не было иныхъ кораблей, кромѣ 22 трапезунтскихъ судовъ; покоренныхъ сначала Мурадомъ, потомъ Баязетомъ, сельджукскихъ князей Ментеша, Керміана, Аидина и Карамана онъ возстановилъ въ ихъ владѣніяхъ въ качествѣ своихъ вассаловъ.

c) Возрожденіе Османской имперіи послѣ монгольскаго разгрома (первая половина 15 столѣтія).

Спасшіеся изъ кровопролитія сыновья Баязета боролись сначала между собою изъ-за престола, который они возстановили въ Брузѣ и въ Адріанополѣ; Бруза и Аидинъ (Бозель Гиссаръ, древняя Траллесъ) должны были отнынѣ стать цитаделями чистѣйшаго османизма въ Азіи. Этотъ невозвратимый моментъ безсилія османовъ христіанская Европа пропустила, слишкомъ занятая внутренней борьбой; папство же было ослаблено расколомъ. Еще прежде, чѣмъ императоръ Мануилъ вернулся изъ Парижа, гдѣ онъ получилъ извѣстіе о пораженіи Баязета, старшій сынъ низложеннаго, Сулейманъ (Солиманъ I) провозгласилъ себя эмиромъ въ Адріанополѣ. Греческіе князья поспѣшили возстановить свои прежнія ленныя отношенія къ Высокой Портѣ. Антоніо Аччіаджоли лично отправился къ Сулейману, чтобы попросить его о помощи противъ Венеціи въ борьбѣ изъ за обладанія Аѳинами. Венеціанцы вынуждены были 31 марта 1405 года оставить Аѳины во владѣніи Антонія; онъ согласился лишь называть себя ихъ вассаломъ. И все-таки ихъ отступленіе изъ Аттики имѣло мѣсто въ то время, когда ихъ власть въ Левантѣ возростала, и когда ихъ перевѣсъ на морѣ былъ еще неоспоримъ. Въ то время, какъ ея соперница Генуя была уже близка къ гибели, владычица Адріи, управляемая дожами Микеле Стено (1401—13) и Томазо Мочениго (1414—23) находилась еще на высотѣ своего могущества. Поэтому, когда она теперь, вмѣстѣ съ государствами запада, пропустила моментъ отомстить за Никополь, ея сила сопротивленія скоро стала недостаточной для отпора окрѣпнувшимъ и подвигающимся впередъ османамъ; при дожѣ Франческо Фоскари (1423—57) осторожная республика старалась пріобрѣтеніемъ итальянской Terra ferma установить болѣе прочныя основы для своего исчезающаго и постоянно оспариваемаго могущества.

Войны, которыя вели между собою вокругъ трона пылающіе завистью и ненавистью другъ къ другу, четыре сына Баязета, продолжались цѣлое десятилѣтіе. Счастьемъ для турецкаго государства было то, что не произошло раздѣла, и что былъ сохраненъ основной принципъ османскаго дома — династическое единство. Сулейманъ (I) былъ убитъ за Адріанополемъ 5 іюня 1410 года, въ то время, какъ онъ спасался бѣгствомъ отъ своего брата Музы; у этого послѣдняго Магометъ I (1413—21), третій и самый счастливый изъ враждующихъ братьевъ, отнялъ потомъ, послѣ побѣды въ долинѣ Чаморлу, недалеко отъ Софіи (10 іюля) и престолъ, и жизнь. Магометъ, заключившій тѣсный союзъ съ Мануиломъ и находившійся съ нимъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ, возвратилъ ему нѣсколько отнятыхъ Му-

зой пунктовъ въ Македоніи и Θессаліи, между ними и великолѣпныя Θессалоники. Еще разъ казалось, что обстоятельства ромейцевъ нѣсколько поправляются. Также и остальнымъ союзникамъ христіанской лиги, венеціанцамъ, генуэзцамъ, іоаннитамъ на Родосѣ, герцогу Джакопо Криспо на Наксосѣ, эмиръ предоставилъ значительныя облегченія въ уплатѣ дани, торговыя льготы и сдѣлалъ территоріальныя уступки. Чувствуя себя въ безопасности благодаря миру съ османами, греческій императоръ Мануилъ, безпокойный соправитель котораго, Іоаннъ VII, умеръ въ монастырѣ, могъ теперь посѣтить жалкія развалины своего государства. Зиму 1414 и 1415 годовъ онъ провелъ въ Θессалоникахъ, владѣніи своего сына Андроника; затѣмъ онъ помогъ своему сыну Θеодору II, деспоту Мизитры, покорить строптивыхъ бароновъ и топарховъ Пелопоннеса (1415). Въ то же время онъ усердно старался о постройкѣ гексамиліона, стѣны черезъ Истмъ, которая, какъ нѣкогда во времена персовъ, должна была служить защитой противъ варваровъ. Писатели той эпохи Георгій Францъ, Лаоникъ Халкондила, Гемистъ Плефонъ и Мануилъ (или Максимъ) Мацарисъ выражали удивленіе передъ этимъ больверкомъ, какъ будто его можно было сравнить со знаменитыми валами Адріана; но вскорѣ имъ пришлось убѣдиться, что этотъ больверкъ не былъ неопреодолимъ для янычаръ. Когда же появился наслѣдный принцъ Іоаннъ (VIII), чтобы изъ Мизитры предпринять укрощеніе возставшаго генуэзца центуріона Захарію Ахейскаго (1404 — 30/32), и когда онъ напустилъ своихъ албанцевъ и на венеціанскія владѣнія, тогда Мануилъ поссорился съ республикой; она стала на сторону центуріона и къ 1419 году отняла у ромейцевъ важный пунктъ Монембазію, родину высокочтимаго Мальвазія.

Магометъ, который благодаря своей неутомимой энергіи вновь покорилъ всѣхъ эмировъ Малой Азіи, былъ всегда честнымъ союзникомъ ромейцевъ. Поэтому шагъ, сдѣланный Мануиломъ, былъ очень недальновиденъ; онъ почти принялъ сторону одного мятежника, выдававшаго себя за принца Мустафу, пропавшаго безъ вѣсти въ 1402 году, и когда умеръ въ 1421 г. Магометъ, онъ далъ своему сыну Іоанну (VIII) уговорить себя поддерживать Лже-Мустафу противъ молодого наслѣдника престола Мурада II (1421—51). Мустафа былъ побѣжденъ и въ началѣ 1422 года задушенъ въ Адріанополѣ. Мурадъ съ пятидесятитысячнымъ войскомъ подошелъ въ іюнѣ 1422 года къ Константинополю. Но еще разъ была спасена столица, заключившая союзъ съ Мустафой, мятежнымъ младшимъ братомъ эмира; но и онъ былъ побѣжденъ и устраненъ. Теперь можно было начать дѣло мести. Воинственный Мурадъ послалъ своего визиря Турахана прежде всего въ Θессалоники, которыя были спасены только благодаря помощи венеціанцевъ; Андроникъ уступилъ ихъ въ 1423 г. Венеціанской республикѣ за 50000 дукатовъ. Но затѣмъ Тураханъ двинулся изъ Θессаліи, чтобы прогнать Θедора (II) изъ Мизитры, а изъ Мореи—венеціанцевъ, которымъ онъ долженъ былъ еще отомстить за уничтоженіе Піетро Лореданомъ турецкаго флота у Галлиполи 29 мая 1416 года. Стѣна черезъ Истмъ была взята янычарами приступомъ и разрушена 22 мая 1423 года. Побѣдитель ограничился тѣмъ, что заставилъ пелопоннесцевъ присягнуть ему и платить дань. Разбитый параличемъ Мануилъ въ 1423 г. отказался отъ властп и въ 1424 году вступилъ въ монашескій орденъ. Его сынъ Іоаннъ VIII (1423 — 48) заключилъ миръ съ Мурадомъ, по которому обязался заплатить 30000 дукатовъ за Морею и лишался большинства владѣній въ Македоніи и на Черномъ морѣ.

Тѣмъ успѣшнѣе расширяли предпріимчивые братья императора, Θома и Константинъ Палеологи, свое господство на Пелопоннесѣ, гдѣ они съ 1428 по 1430 г. соединили въ своихъ рукахъ послѣдніе остатки владычества франковъ, за исключеніемъ венеціанскихъ крѣпостей. Укрѣпленныя же Θессалоники, древняя столица королевства ломбардовъ, откуда

была завоевана Греція франками болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ, были взяты теперь Мурадомъ II 29 марта 1430 года; подъ именемъ „Селаникъ“ (Салоникъ) онѣ сдѣлались съ этихъ поръ важнѣйшимъ торговымъ городомъ и портомъ европейской Турціи. Послѣ паденія Ѳессалоникъ эмиръ послалъ своего пашу Синана для покоренія Эпира. Тамъ зять Антонія, Карло I Токко, скончался 4 іюля 1429 года въ Янинѣ, не оставивъ кровныхъ наслѣдниковъ. Его прекрасное государство, основанное имъ изъ Албаніи и Акарнаніи, Итаки, Цакинфа, Кефаллоніи и Левкадіи въ 1381 г., перешло теперь къ его племяннику Карло II (1429—48), сыну его брата Леонардо. Но турки соединились съ Мемнономъ, честолюбивымъ незаконнымъ сыномъ покойнаго, и послѣ продолжительной осады они добились сдачи Янины 9 октября 1430 года. Карло II Токко сталъ послѣ этого данникомъ эмира Эпирскаго и Акарнанійскаго.

Между тѣмъ, императоръ Іоаннъ VIII, въ отчаяніи отъ потери Ѳессалоникъ, поспѣшилъ на западъ, чтобы искать спасенія въ подчиненіи римской церкви черезъ унію. Къ величайшему гнѣву Мурада онъ еще разъ обратилъ къ Риму свои взоры съ мольбой о помощи. Г. Гельцеръ достаточно сильно заклеймилъ эти шатанія схизматической церковной политики, а В. Норденъ освѣтилъ, съ истинно исторической точки зрѣнія, эти многочисленныя попытки къ новому соединенію обѣихъ сторонъ. Съ усердіемъ поддерживалъ новые планы уніи папа Евгеній IV, который обманывалъ и себя, и Іоанна, будто умѣренная помощь, оказываемая имъ лишь временно, можетъ навсегда уничтожить опасность турецкаго нашествія. На этотъ разъ, въ виду критическаго положенія, императору и большинству прелатовъ, какъ-то вселенскому патріарху Іосифу и позднѣйшимъ кардиналамъ Василію Виссаріону и Исидору Кіевскому, было чрезвычайно важно достигнуть объединенія, которое равнялось подчиненію. Florentinum, декретъ объ уніи, торжественно прочитанный 6 іюля 1439 года въ флорентинскомъ соборѣ, имѣетъ значеніе въ томъ отношеніи, что онъ сталъ догматической основой фактической уніи между русинами, румынами, якобитами, несторіанцами и маронитами. Но въ Константинополѣ дѣло обстояло иначе. Монахи и народъ не утвердили договора, заключеннаго императорскимъ правительствомъ и высшимъ духовенствомъ. Эти послѣдніе были побѣждены въ неравной борьбѣ съ національной волей, которая, по словамъ Игнатія Деллингера, во всемъ прочемъ оказывалась безсильной, въ этомъ же одномъ пунктѣ, въ ненависти къ латинянамъ, была упорна и непобѣдима. Состоявшееся во Флоренціи объединеніе было вновь разорвано, храму св. Софіи суждено было стать мечетью.

Турки опустошили весной 1441 года не только нижнюю Венгрію до Тиссы, но и Славонію, и землю между Савой и Дравой. Къ счастью для христіанскаго міра, Іоаннъ Гуніади, за вѣрную службу сдѣланный графомъ Темешварскимъ и въ 1441 г. герцогомъ Трансильванскимъ, принялъ на себя высшее начальствованіе въ южныхъ пограничныхъ городахъ; между прочимъ, онъ разбилъ и румелійскаго беглербега Кулле-Шагина весной 1442 года при Вазапѣ на Яломитѣ. Папа Евгеній въ трогательныхъ письмахъ приглашалъ западныхъ князей къ единенію и отпору; въ началѣ 1443 года общимъ циркуляромъ онъ обложилъ церковь десятинной податью на нужды турецкой войны, онъ послалъ кардинала Джуліано Кезарини въ Венгрію и епископа Христофа Коронскаго въ Молдавію, Валахію и Албанію для ускоренія приготовленій. Въ Венеціи началась мобилизація флота. Но большинство западныхъ князей осталось равнодушно. Исключеніями были Польша и Валахія, да въ Венгріи простой народъ всюду брался за оружіе. Въ іюлѣ 1443 года войско крестоносцевъ двинулось, предводительствуемое королемъ польскимъ Владиславомъ III и Гуніади и сопровождаемое кардиналомъ Чезарини и бѣжавшимъ сербскимъ королемъ Георгомъ Бранковичемъ. Оно прошло черезъ Сербію, разбило турокъ 3 ноября при

Нишѣ, достигло Софіи и, перебравшись черезъ хребетъ между Балканами и Ихтиманской Средней Горой около Миркова, дошло, наконецъ, до Златицы. Пораженіе турокъ на Куновицѣ (24 декабря 1443 года) имѣло своимъ послѣдствіемъ возстаніе албанцевъ подъ предводительствомъ Георга Кастріота (Скандербегъ; см. отдѣлъ III) и, несмотря на протесты кардинала, венгерцы въ серединѣ 1444 года заключили въ Сегединѣ съ Мурадомъ миръ на десять лѣтъ, по которому Валахія оставалась за Венгріей (подъ условіемъ уплаты Турціи дани), Болгарія оставалась за Портой, Сербія возвращалась Бранковичу, ни турки, ни венгерцы не должны были болѣе переходить Дуная.

Но въ это время папскій флотъ, предводительствуемый Луиджи Лоренадо и Франческо Кондольміери появился въ Левантинскихъ водахъ; ихъ письма заклинали венгерцевъ воспользоваться благопріятнымъ моментомъ. Побѣжденные краснорѣчіемъ Чезарини, венгерцы нарушили мирный договоръ. Мурадъ, переправившій свое войско черезъ Геллеспонтъ на генуэзскихъ корабляхъ, встрѣтился съ ними на берегахъ Чернаго моря. 10 ноября 1444 года произошла битва при Варнѣ (Warna; см. выше, стр. 110 и историческую карту при стр. 165), въ началѣ счастливая для христіанъ, но кончившаяся потомъ тяжелымъ ихъ пораженіемъ: король Владиславъ былъ убитъ, послѣ того какъ, распаляемый чувствомъ соревнованія съ Гуніади, необдуманно бросился на янычаръ; Чезарини погибъ во время своего бѣгства. Только Гуніади остался во главѣ своихъ войскъ, въ порядкѣ отступавшихъ за Дунай. Западный христіанскій міръ совсѣмъ упалъ духомъ. Императоръ Іоаннъ VIII старался умиротворить эмира подарками; венеціанцы, заботясь о своей торговлѣ, заключили съ турками отдѣльный миръ 23 февраля 1446 года.

Только Константинъ Мизитрскій (стр. 110 и 134) упорствовалъ въ сопротивленіи и вторгнулся даже въ среднюю Грецію, ибо онъ надѣялся на помощь Скандербега. Но послѣдній былъ занятъ войной съ Венеціей; вѣроятно, синьорія не была чужда возстанію албанскихъ вождей, вызванному турками; ибо Скандербегъ поддерживалъ тѣсныя сношенія съ королемъ неаполитанскимъ Альфонсо, врагомъ венеціанцевъ. Когда у Мурада были, такимъ образомъ, развязаны руки, онъ, призванный Неріо II Аччіаюоли и своимъ, находившимся въ средней Греціи, полководцемъ Тураханомъ, поспѣшилъ изъ Сереса весной 1446 г. въ Пелопоннесъ, чтобы разбить храбраго Палеолога. Константинъ предложилъ ему за Морею сѣверную Грецію. Въ отвѣтъ на это предложеніе Мурадъ бросилъ въ тюрьму пословъ Константина и между ними—историка Халкондила. Началась борьба, послѣднее усиліе эллиновъ остановить варварскую Азію, которая, какъ нѣкогда при Ксерксѣ, готова была ринуться на островъ Пелопса. Турки настолько овладѣли уже ужаснымъ изобрѣтеніемъ запада, артиллеріей, что стѣны греческихъ городовъ не могли болѣе оказывать имъ сопротивленія. Въ теченіе трехъ дней ядра пробивали бреши въ укрѣпленіяхъ Гексамиліона и 10 декабря начался штурмъ крѣпости янычарами и сербами; 14 декабря 1446 года ими былъ взятъ послѣдній оплотъ греческой свободы. Весь Пелопоннесъ былъ открытъ передъ ними; съ колоссальной добычей и съ 60.000 военноплѣнныхъ рабовъ вернулся Мурадъ въ Ѳивы, куда весной 1447 г. прислали своихъ уполномоченныхъ Константинъ и Ѳома. Цѣною поголовной подати они купили дальнѣйшее существованіе своей сомнительной власти на Пелопоннесѣ. Годъ спустя послѣ этого мира скончался, 13 октября 1448 г., византійскій императоръ Іоаннъ VIII; въ замкѣ Мизитры (Мистры), на развалинахъ Спарты, принялъ его сынъ 6 января 1449 г. депутатовъ отъ столицы, поднесшихъ ему діадему и пурпуръ.

Съ разрѣшенія эмира, къ которому онъ въ началѣ декабря послалъ своего совѣтника Франца, принялъ послѣдній потомокъ Константина Великаго,

Константинъ XI Драгазъ терновый вѣнецъ ромейцевъ и 12 марта отправился на каталанскихъ корабляхъ въ Византію. Братья же его Ѳома и Димитрій подѣлили между собою Пелопоннесъ. Съ великимъ ликованіемъ былъ принятъ императоръ въ своемъ новомъ государствѣ, которое опять, какъ въ древнегреческія времена, ограничивалось только городомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сраженія при Варнѣ, эмиръ нанесъ благородному Гуніади Венгерскому новое пораженіе, послѣ трехдневной битвы на Коссовомъ полѣ (см. стр. 130) 17 — 19 октября 1448 года. Это пораженіе на столько испугало и безъ того боязливаго папу Николая V, что онъ посовѣтовалъ венгерцамъ, черезъ своего нунція, держаться въ предѣлахъ своего государства; не Греческая имперія, а Венгрія должна была служить теперь щитомъ противъ турокъ. Но въ то же время папа, ободренный Гуніади, поддерживалъ сопротивленіе албанцевъ и босняковъ. Король Босніи Стефанъ уже въ 1444 году при Евгеніи IV вернулся въ лоно римской церкви; но для Николая V было особенно важно выступить противъ находившейся въ союзѣ съ турками, секты патаренцевъ. Бѣлое и черное духовенство пыталось, строя свои разсчеты на благосклонности эмира, наложить руку на боснійскія церковныя имущества; вѣдь именно боснійскіе, т. е. славянскіе магнаты съ энтузіазмомъ примкнули къ исламу. Но къ славянскому же племени принадлежалъ и знаменитый христіанскій герой Георгій Кастріота, который началъ свою борьбу съ турками побѣдой въ Дибрѣ въ 1444 г. и въ теченіе 20 лѣтъ неустрашимо, часто поддерживаемый папой, водружалъ знамя свободы въ Албаніи. Этотъ же папа съ величайшимъ интересомъ и самопожертвованіемъ принималъ участіе во всѣхъ стадіяхъ борьбы за Родосъ и островъ Кипръ, которому скоро стали угрожать турки. Царю Кипра онъ предоставилъ половину денегъ, получаемыхъ во Франціи за индульгенціи. Съ 1454 по 1455 годъ впервые была напечатана подвижными буквами майнцской библіи 1450 г. нѣмецкая народная книжка, озаглавленная „Eyn manung der cristenheit widder die durken„. Книжка эта увѣщевала взяться за оружіе противъ турокъ и уничтожить ихъ до послѣдняго человѣка. Она находится въ прямой связи съ кипрскимъ отпущеніемъ грѣховъ.

2. Расцвѣтъ Турецкой имперіи (1451—1566).

А. Разрушеніе Византійской имперіи.

Мурадъ, скончавшійся 5 февраля 1451 года оставилъ своему могучему сыну Магомету II (1451—81; см. таблицу при стр. 149), 21 года вступившему на престолъ османовъ, воинственное наслѣдство. Въ томъ же году, какъ Мурадъ, умеръ и Неріо II, герцогъ Аѳинскій Магометъ II не былъ намѣренъ оставлять Аттику въ рукахъ венеціанцевъ, которые лѣтомъ 1451 года завладѣли островомъ Эгиной. Пока онъ послалъ сына Антонія Аччіаюоле, Франко (Франческо II), жившаго при дворѣ султана въ Аѳины, гдѣ онъ былъ радостно принятъ дружественнымъ туркамъ православнымъ населеніемъ въ (1455 г.).

Какъ съ другими мелкими князьями, такъ и съ ромейцами, онъ торжественно возобновилъ миръ и дружбу. Но въ то время, какъ онъ былъ занятъ усмиреніемъ въ Азіи непокорнаго эмира Караманскаго Ибрагима, императору Константину XI Драгазу пришла несчастная мысль потребовать отъ турокъ удвоенія суммы, платимой ими за содержимаго въ плѣну османскаго принца Урхана. Дружественно расположенный къ грекамъ великій визирь Халифъ паша испугался, когда греческіе послы принесли въ Акшегирскій лагерь это неразумно дерзкое требованіе. Магометъ сейчасъ же помирился съ эмиромъ Караманскимъ и удовлетворилъ день-

гами янычаръ, чтобы, будучи свободнымъ со всѣхъ сторонъ, всѣ свои силы направить противъ Константинополя. У Адріанополя онъ отнялъ доходныя статьи на Стримонѣ (нынѣ Вардаръ), которыя предназначались для содержанія Урхана. Затѣмъ онъ приступилъ весной 1452 года къ постройкѣ крѣпости на самомъ узкомъ мѣстѣ Босфора, гдѣ ширина его равняется 550 метрамъ: сильное теченіе, называемое турками и теперь еще Scheitan akyntysy („Чортовъ потокъ"), гонитъ тамъ корабли съ азіатской стороны на европейскую, къ мысу Герміону. Здѣсь нѣкогда переправился черезъ Босфоръ по понтонному мосту Мандрокла Дарій со своимъ войскомъ; на этомъ же мѣстѣ намѣченъ на планѣ нѣмецкими инженерами постоянный желѣзнодорожный мостъ будущей Багдадской дороги. Противъ Анадоли Гиссара, выстроеннаго уже Баязетомъ, возвышался изъ развалинъ византійскихъ государственныхъ тюремъ, „башенъ Леты", бастіонъ со стѣнами въ 25 футовъ толщины и 60 футовъ высоты; этотъ бастіонъ турки называли Богаскессенъ, греки Лемокопіономъ, т. е. головоотрѣзателемъ. Владѣя обѣими крѣпостями Румили и Анадоли Гиссаръ, Магометъ отрѣзалъ также генуэзцамъ и венеціанцамъ сообщеніе съ ихъ понтійскими колоніями. Эмиръ не обращалъ вниманія ни на какія представленія и жалобы императора; онъ исполнилъ свою угрозу и обезглавилъ второго посла, а въ іюнѣ 1452 года открыто объявилъ войну.

Константинъ XI, казалось, склонялся теперь опять въ пользу уніи съ латинянами; но если онъ и думалъ серьезно объ этой уніи, то у него не было силы провести свою волю въ народѣ. Въ маѣ 1452 г. папа послалъ кардинала Исидора (стр. 134), греческаго патріота, въ качествѣ легата въ Византію и съ нимъ 200 человѣкъ вспомогательнаго войска; въ его свитѣ находился архіепископъ Леонардъ Митиленскій, которому и принадлежитъ дошедшій до насъ разсказъ объ осадѣ города. Празднованіе уніи, которое состоялось 12 дек. 1452 года въ храмѣ св. Софіи и сопровождалось молитвами какъ за папу, такъ и за живущаго съ 1450 г. въ изгнаніи уніатскаго патріарха Григорія, было, въ сущности, только комедіей. Схизматическое духовенство было въ бѣшенствѣ по поводу открытаго присоединенія императора къ уніи, чернь проклинала уніатовъ, и портовые рабочіе пили за погибель папы. „Великій герцогъ" (главный адміралъ и начальникъ артиллеріи) Лука Нотаръ, высшій чиновникъ разслабленнаго государства, говорилъ съ чисто ортодоксальной односторонностью: „Намъ пріятнѣе видѣть въ городѣ турецкую чалму, чѣмъ папскую тіару". Кромѣ папы и Альфонса Великодушнаго, короля Арагоніи и Наварры, Неаполя и Сициліи — въ сущности преслѣдовавшаго лишь свои собственныя политическія цѣли — дѣйствительную помощь оказывали только обѣ республики Генуя и Венеція; имъ принадлежали неоцѣнимыя общинныя и частныя имущества въ Галатѣ, Перѣ и въ понтійскихъ колоніяхъ. Еще незадолго передъ этимъ генуэзцы усилили укрѣпленія въ Галатѣ и сдѣлали выше издревле знаменитую башню; Генуя и ея колонія Хіосъ послали два корабля и 700 воиновъ подъ предводительствомъ Джіовими Джуліо Лонго изъ дома Джустиніани. Венеціанцы только еще 10 сентября 1451 г. возобновили торговые договоры съ Магометомъ; поэтому инструкція, данная начальнику флота, Джакопо Лоредано, при отправкѣ его въ греческія воды была очень двусмысленна. И десяти папскимъ галерамъ, вышедшимъ изъ Порто Реканати 28 апрѣля и сопровождаемымъ въ качествѣ легата архіепископомъ Рагузы Джакопо Веніеро, не пришлось вмѣшаться.

a) Завоеваніе Константинополя.

Эмиръ Магометъ 23 марта 1453 выступилъ изъ Адріанополя и 6 апрѣля подошелъ на разстояніе полумили отъ Константинополя со своимъ 165 тысячнымъ войскомъ, жаднымъ до добычи и фнаатичнмъы (см. прило-

женную таблицу „Константинополь незадолго до и вскорѣ послѣ завоеванія его турками“). Греческій императоръ для противодѣйствія этой силѣ могъ выставить всего 4973 вооруженныхъ грековъ и около 2000 иностранцевъ: генуэзцевъ, венеціанцевъ, критянъ, римлянъ и испанцевъ. Скоро началась осада, подробности которой переданы намъ цѣлымъ рядомъ очевидцевъ (Францессъ, Сеадъ-эдинъ и др.). Четырнадцать баттарей со стороны суши и 12 большихъ орудій на отдѣльныхъ пунктахъ бросали день и ночь каменныя ядра вѣсомъ до 500 фунтовъ въ храбро защищаемый городъ. Храбрѣе всѣхъ тамъ были самъ императоръ и Джустиніани со своими иноземными войсками: они неусыпно старались вновь заполнять всѣ бреши. Еще и теперь колоссальныя стѣны съ ихъ башнями и брешами, свидѣтельствуютъ какъ о величинѣ византійскихъ укрѣпленій, такъ и объ ужасной битвѣ, свирѣпствовавшей здѣсь. Нѣмецъ Іоаннъ Грантъ даже принудилъ турокъ посредствомъ контръ-минъ (у Эгрикапскихъ воротъ) совершенно отказаться въ маѣ мѣсяцѣ отъ минной войны у Блахернскихъ воротъ. Но многіе греки, вмѣсто того, чтобы принимать участіе въ борьбѣ, утѣшались пророчествами своихъ монаховъ, будто турки дойдутъ въ городѣ до колонны Константина, но потомъ будутъ ангеломъ небеснымъ не только прогнаны изъ города, но и оттѣснены до персидской границы.

Судьба города была рѣшена, когда Магометъ началъ нападеніе со стороны моря, чего онъ долгое время не могъ сдѣлать, благодаря греческому огню. Посредствомъ діолкоса онъ ночью съ 21 на 22 апрѣля перетащилъ корабли по деревянному пути изъ Топ-гане на Босфорѣ черезъ перешеекъ въ Кассимъ Пашу. Послѣднее предложеніе сдать городъ было Константиномъ отклонено. Въ 2 часа ночи, во вторникъ, 29 мая 1453 г., начался грандіозный приступъ. Саганъ паша проникъ, наконецъ, со своими янычарами въ городъ черезъ большую брешь; Джустиніани былъ раненъ и скрылся на кораблѣ. Константинъ XI нашелъ смерть подъ грудою труповъ своихъ вѣрныхъ соратниковъ. Его прекрасная смерть,—говоритъ Гиббонъ,—была славнѣе, чѣмъ долгая блестящая жизнь византійскихъ цезарей. Когда, наконецъ, былъ найденъ его окровавленный трупъ, одинъ турокъ отрѣзалъ ему голову и отнесъ ее эмиру. Съ свирѣпой радостью велѣлъ послѣдній водрузить ее на вершинѣ металлической колонны Юстиніана; позднѣе онъ послалъ ее напоказъ намѣстникамъ своихъ азіатскихъ провинцій. У кардинала Исидора хватило присутствія духа снять свой пурпуръ и надѣть вмѣсто него одежду убитаго солдата; онъ попалъ въ плѣнъ, но позднѣе бѣжалъ въ Морею и въ Венецію, чтобы разсказать на западѣ первыя подробности историческаго событія. Тысячи искали спасенія въ храмѣ св. Софіи, въ той самой церкви, въ которой они съ декабрьскаго праздника уніи отказывались искать спасенія души. „Если бы въ этотъ моментъ,—говоритъ греческій историкъ Іоаннъ Дука, — съ неба снизошелъ ангелъ и изрекъ: примите объединеніе церквей, то и тогда они лучше бы отдались туркамъ, чѣмъ римской церкви“. Рѣзнѣ, происходившей въ городѣ и въ церкви, положило конецъ только то соображеніе, что живые дадутъ больше выкупа, чѣмъ мертвые. Согласно замѣткѣ въ дневникѣ венеціанца Барбаро, число плѣнныхъ равнялось 60,000; стоимость добычи была 300,000 дукатовъ и позднѣе къ богатымъ людямъ примѣнялась поговорка, что они, должно быть, присутствовали при взятіи Константинополя. Когда Магометъ, утромъ 30 мая, въѣхалъ въ опустѣлые покои Константина, видѣвшіе столько столѣтій блеска, бывшіе парадныцмъ дворцомъ столькихъ монарховъ, тогда ему вспомнились стихи персидскаго поэта: „Паукъ ткетъ свою сѣть въ царскомъ домѣ, и сова будитъ своимъ замогильнымъ крикомъ эхо въ королевскихъ покояхъ Афразіабовъ (Самаркандъ.“) Съ тѣхъ поръ каждую пятницу, вплоть до нашихъ дней, поднимается проповѣдникъ (chatib) на кафедру (mimber) въ Agia Sophia, что-

Объясненіе къ планамъ Константинополя.

A. **Константинополь** за одно столѣтіе до завоеванія турками; изъ „Liber insularum archipelagi“, editus per presbyterum Christoferum de Bondelmontibus de Florentia, 1422. Древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ плановъ.

Старинный художникъ изобразилъ море тёмно-зеленой краской, стѣны города и дома коричневой сепіей, башни розовой краской, большинство крышъ красной и выступы синей краской.

(Нарисовано отъ руки Францемъ Этцольдомъ по фотографическому снимку съ рукописи, размѣромъ 28,5 : 21 сантим., находящейся въ Парижской Національной библіотекѣ.)

Объясненіе надписей:

1. Porta lacherne = Porta Blachernarum.
2. Porta messe = *μέση*.
3. Porta piscaria (въ рукописи: piscarie).
4. Porta iudaea (въ рукописи: iudea).
5. Arsana = arsenal.
6. [Sanctus] Demetrius (въ рукописи: Dimetrius). Въ рукописи внизу написано: Oriens; это указаніе обозначаетъ страну свѣта на картѣ.
7. S[anctus] Georgius de mangana (in manganis; monasterium).
8. Hodigitria = *ὁδηγητρία*.
9. Port[us] di[vi] palatii imp [er]ator[um] (scil. Bucoleontis).
10. Receptac[u]l[u]m fustar [um], d[i]c[tu]m Condoscalae (въ рукописи: candoscalli) = portus Heptascali.
11. Portus V(o)langa, отъ новогреческаго *αὖλακας* (въ рукописи: porto valanga).
12. S[anctus] Joh[annes] de studio.
13. Porta a[n]tiq[ui]ssi[m]a pulc[h]ra = porta aurea, lapidea.
14. Hic thurci semper p[roe]liant[ur,] q[ui]a locus est debilior.
15. Apostoli (Апостольская церковь).
16. S[ancta Sophia (съ 1453 называется Ая-Софія и является главной мечетью Стамбула).

Кромѣ того, на верхнемъ краю надпись Pera; сверху на правой сторонѣ: Constantinopolis.

Ср. И. Мордтманъ, Esquisse topographique de Constantinople (Лилль, 1892); E. Legrand, Description des îles de l'Archipel par Chr. Buondelmonti, I (Парижъ, 1897); Э. Обергуммеръ, статья „Constantinopolis“ въ „Реальной Энциклопедіи классической древности“ Паули-Виссовы, т. IV, столбцы 963—1013 (отдѣльный оттискъ, Штуттгартъ, 1899).

B. **Константинополь,** черезъ два столѣтія послѣ завоеванія, нарисовано (и издано) Giovanni Andrea Vavassore detto Vadagnino, Венеція 1520 (?)

(Нарисованъ Францемъ Этцольдомъ съ фотографическаго снимка съ оригинала, хранящагося въ Нѣмецкомъ Національномъ музеѣ въ Нюренбергѣ. Размѣръ оригинала — 37 : 52 сантим.)

Преимущества плана Вавассоре, послужившаго основаніемъ для плановъ Валтазарэ Енихена и Себастіана Мюнстера, бросаются въ глаза, если сравнить ихъ съ планомъ въ книгѣ „Augerii Gislenii von Busbeck Vier Sendschreiben der Türkischen Bottschaft, welche von den Roem. Keyser Ferdinand dem I an Solimann, damaligen Türkischen Keyser ihm aufgetragen worden“ (на нѣм. яз., Нюренбергъ, 1664), или съ большимъ, въ $1/2$ метра шириною, но все-таки искусственно нагроможденнымъ проспектомъ Михаила Вольгемута или Вильгельма Плейденвурфа въ книгѣ Гартмана Шеделя „Buch der Croniken und Geschichten“ (Нюренбергъ, Кобергеръ, 1493). Этотъ проспектъ заключаетъ въ себѣ главныя зданія Константинополя отъ (новаго) арсенала до Золотого Рога. Было бы излишнимъ сравнивать эти оба плана съ планами Парижскимъ и Нюренбергскимъ, такъ какъ планъ Шеделя имѣетъ цѣну только въ качествѣ гравюры для нѣсколькихъ любителей, планъ же Бусбека не имѣетъ никакой цѣны; срв. V. v. Loga: „Виды городовъ въ „Всемірной Хроникѣ“ Гартмана Шеделя (Jahrbuch der Konigl. preuss. Kunstsammlungen IX, 194). Большій интересъ можетъ имѣть проспектъ Меріана въ Archontologia cosmica (Франкфуртъ на М., 1695).

Константинополь незадолго до и

(По фотографіямъ оригинальныхъ плановъ 1422

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

…скорѣ послѣ завоеванія турками.

…1520 (?) гг. нарисовано Францемъ Этцольдомъ.)

Константинополь незадолго до и

(По фотографіямъ оригинальныхъ плановъ 1422

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

корѣ послѣ завоеванія турками.

520 (?) гг. нарисовано Францемъ Этцольдомъ.)

бы произнести пятничную проповѣдь (chutbe). При этомъ онъ взмахиваетъ блестящимъ мечомъ въ память завоеванія.

в) Послѣдствія паденія Константинополя.

Ключъ для Востока къ Черному и Средиземному морямъ былъ теперь въ рукахъ Магомета II. Новый повелитель удовлетворился тѣмъ, что наложилъ на покоренныхъ поголовную подать (karadj), и старался завлечь въ свои сѣти греческое духовенство; для этого онъ сталъ на сторону враговъ уніи и назначилъ патріархомъ ортодоксальнаго Геннадія (того, который, подъ именемъ Георгія Столарія, игралъ видную роль на объединительномъ соборѣ 1438 — 39 года). Отнынѣ эмиръ ревностно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы за нимъ сохранились всѣ права, принадлежавшія прежнимъ императорамъ, главнымъ же образомъ, право утвержденія патріарховъ. Тутъ не могъ имѣть мѣста споръ объ инвеститурѣ. Съ этихъ поръ патріархъ долженъ былъ за большую сумму покупать свой высокій санъ у эмира, а потомъ и у вельможъ. Такимъ образомъ, благодаря турецкому произволу и греческой испорченности, совершилось позорное паденіе высокочтимаго патріаршества. Магометъ завоеватель превратилъ храмъ св. Софіи (Премудрой) въ мѣсто молитвы слугъ Аллаха. Новый патріархъ получилъ для своего служенія вторую по красотѣ церковь—церковь Апостоловъ (см. прил. табл.); но уже черезъ два года она была снесена и на ея мѣстѣ была позднѣе построена гробница могучаго основателя имперіи. Только въ 1606 году христіанамъ въ Фанарѣ, въ греческомъ кварталѣ на Золотомъ Рогѣ, былъ данъ религіозный центръ въ скромной церкви Св. Георгія. Поселенныя здѣсь семейства изъ Трапезунта, Каффы, Амастриса и другихъ мѣстъ составили изъ себя аристократическую плутократію; въ качествѣ банкировъ они стали необходимы, вѣчно нуждающемуся въ деньгахъ османскому правительству. Фанаріоты получали доходнѣйшія мѣста; ихъ дочери пріобрѣтали вліяніе въ гаремахъ Сераля и турецкихъ вельможъ. Высшіе духовные и свѣтскіе слои грековъ составили со своими магометанскими господами выгодную коммерческую компанію для безграничной эксплоатаціи христіанской райи, подчиненнаго класса народонаселенія. Греки изъ Константинополя, Смирны, Пелопоннеса и съ островов стали все постояннѣе занимать епископскіе престолы въ Турецкой имперіи и наполняли монастыри Аѳона греческими монахами. Фанаріотское духовенство, не связанное со своими прихожанами національными узами, было часто совершенно чуждо вѣрующимъ въ Европѣ и въ Азіи. эта церковная и свѣтская власть грековъ надъ славянами, румынами и арабами возбудила къ себѣ со временемъ большую ненависть. Эта же власть была позднѣе и причиной путаницы въ отношеніяхъ языка и религіи, путаницы, которая и теперь еще осложняетъ и обостряетъ національные вопросы и національную борьбу балканскихъ государствъ. Греческое духовенство съ этихъ поръ всюду охотнѣе готово было принять сторону османовъ, чѣмъ стать подъ опеку папы; въ концѣ концовъ власть султана считалась сноснѣе и прибыльнѣе, чѣмъ, напр., ненавистный режимъ венеціанцевъ, заковывавшихъ не только тѣла, но и души. Именно это направленіе умовъ должно быть особенно принято во вниманіе (по мнѣнію Генриха Гельцера), какъ весьма существенный факторъ въ исторіи расширенія и укрѣпленія Турецкой имперіи въ Европѣ.

Магометъ пригласилъ также въ Константинополь армянскаго архіепископа въ Брузѣ и сдѣлалъ его патріархомъ; съ тѣхъ поръ въ турецкую станицу стали стекаться многочисленные армянскіе переселенцы, которые живутъ въ кварталахъ Перѣ, Панкальди, Певруцъ-ага, Галатѣ, Псаматіо, Джедикуллѣ, Кумкапу, Балатѣ и Эюбѣ, а также въ Скутари и въ деревняхъ по Босфору—Румили-Гиссарѣ, Ортакіоѣ, Куручесмѣ и Эмиргіанѣ.

Баронъ Іосифъ фонъ-Гаммеръ-Пургсталь и Г. Гельцеръ полагали, что Турецкая имперія обязана своимъ величіемъ только христіанамъ. Такъ какъ ея геніальные визири, капуданъ-паши и намѣстники, почти безъ исключенія были греки, кроаты, герцеговинцы и сербы, албанцы армяне, грузины и итальянцы, такъ какъ правильно практиковавшееся похищеніе мальчиковъ (см. выше, стр. 123), доставляло имперіи не только ея храбрѣйшихъ генераловъ, но и ея значительнѣйшія умственныя силы, то Османская имперія и возвысилась, будто бы, не благодаря туркменской грубости, а благодаря греческой и славянской тонкости и хитрости, благодаря упорству и стойкости босняковъ и кроатовъ, благодаря свойственной всѣмъ ренегатамъ храбрости и безсовѣстности; когда же должна была прекратиться эта живая дань, тогда имперія потеряла корни своей силы. Но противъ этого можно возразить, что большинство такихъ ренегатовъ съ самаго нѣжнаго возраста, въ качествѣ воспитанниковъ янычаръ и пажей въ сералѣ, получали магометанское и турецкое воспитаніе. Впрочемъ, благодаря уже рано практиковавшимся похищенію и покупкѣ женщинъ, большинство турокъ обязано своимъ происхожденіемъ матерямъ христіанкамъ или вообще матерямъ не монгольской расы.

Вѣсть о великой побѣдѣ турокъ надъ „христіанскими собаками" быстро проникла во всѣ страны Востока. Эмиръ Магометъ имѣлъ теперь на своей сторонѣ успѣхъ, а успѣхъ всегда на востокѣ цѣнился еще болѣе, чѣмъ на западѣ. Западныя же государства огласились громкими жалобами на тяжелую потерю христіанъ. Литература той эпохи находитъ себѣ отголосокъ въ ѳренахъ—пѣсняхъ, оплакивающихъ паденіе вѣчнаго города (см. выше, стр. 111). Съ 20.000 или 30.000 воиновъ и съ нѣсколькими кораблями христіанская Европа могла бы спастись; теперь же лабарумъ, крестовое знамя, склонилось передъ санджакъ-шерифомъ, священнымъ знаменемъ Магомета. Возмездіе не заставило себя ждать. Въ теченіе двухъ столѣтій трепетали западные народы передъ магометанскими повелителями на Босфорѣ. Извѣстіе о паденіи восточнаго Рима и о кровавомъ концѣ храбрѣйшаго Палеолога прежде всего получила Венеція, 19 іюня. Синьорія сообщила это извѣстіе 20 іюня папѣ, который, глубоко потрясенный, тотчасъ же отправилъ легатовъ къ разрывающимъ другъ друга итальянскимъ государствамъ, съ цѣлью склонить ихъ къ миру. 30 сентября Николай V издалъ уже большую буллу, возвѣщающую крестовый походъ, и офенское собраніе избрало въ 1454 году Гуніади генералъ-капитаномъ. Венеціанецъ же Бартоломео Марчелло, наоборотъ, заключилъ 18 апрѣля 1454 г. съ властелиномъ правовѣрныхъ миръ, который сталъ основою всѣхъ дальнѣйшихъ отношеній Венеціи къ Портѣ. Первый пунктъ этого позорнаго договора гласилъ: „Между эмиромъ Магометомъ и синьоріей Венеціи существуетъ по прежнему миръ и дружба". При этомъ эмиръ казнилъ въ Константинополѣ венеціанскаго байло (управитель, bajulus) и задержалъ, въ качествѣ плѣнниковъ, 500 венеціанскихъ подданныхъ. Но рѣшающее значеніе имѣли — боязнь передъ воинственными итальянскими сосѣдями, возрастающія финансовыя затрудненія и, надъ всѣмъ господствующіе, торговые интересы. Въ Фондако деи турхи въ Венеціи турки стали своими людьми. И Генуя также старалась завязать сношенія съ эмиромъ, а въ Неаполѣ, Флоренціи и Миланѣ открыто радовались замѣшательству попавшей въ стѣсненныя обстоятельства царицы морей. Всѣ остальныя западныя государства держались безучастно. Правда, въ этомъ никто не признавался; оффиціально всѣ князья, наоборотъ, увѣряли, что готовы принять участіе въ изгнаніи турокъ. Кромѣ Венгріи, одинъ только Альфонсъ Португальскій дѣйствовалъ серьезно; но онъ былъ отвлеченъ отъ своего похода сѣвероафриканскими мавританскими князьями Феца и Цеуты.

Съ Кипра и съ Родоса въ Римѣ получались печальныя вѣсти о

томъ, что турецкій флотъ изъ 56 кораблей напалъ въ Черномъ морѣ на Монкастро, разгромилъ Севастополь, посѣтилъ Каффу, Судакъ и Балаклаву, опустошилъ береговую область „Готію“ (Крымъ).

По приглашенію Николая V состоялся мирный конгрессъ въ Римѣ. 30 августа 1454 года учредили здѣсь на 25 лѣтъ лигу для защиты своихъ государствъ правительства Венеціи, Милана и Флоренціи. Съ этого мирнаго договора начинается собственно возрожденіе искусствъ и наукъ въ Италіи. Многочисленные проповѣдники крестоваго похода, разсылаемые Николаемъ V, были въ то же время развѣдчиками и комиссіонерами. Они были снабжены значительными суммами и должны были во всѣхъ покоренныхъ турками странахъ разыскивать занесенныя изъ Константинополя рукописи и покупать ихъ, не стѣсняясь цѣной. Это былъ пока единственный осязательный результатъ, хотя и результатъ лишь литературнаго похода.

Гораздо хуже обстояло дѣло съ военными задачами, особенно въ Германіи. Императоръ Фридрихъ III въ 1454 году на рейхстагахъ въ Регенсбургѣ, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ Винеръ-Нейштадтѣ тщетно просилъ имперію о помощи противъ турокъ. „Что значатъ, — замѣчаетъ Людвигъ Пасторъ въ своей исторіи папъ,—всѣ вдохновенныя рѣчи такихъ благородныхъ умовъ, какъ Эней Сильвій де Пикколоминъ и Іоаннъ Капистрано, сравнительно съ эгоизмомъ, недовѣрчивостью и завистью господъ и сословій. При всей честности помысловъ, эти благородные умы только теряли напрасно свои лучшія силы, проповѣдуя идею крестоваго похода“. Слишкомъ много было переговоровъ и слишкомъ мало дѣйствій. А между тѣмъ положеніе было чрезвычайно скверное. Торговлѣ и судоходству угрожала опасность, Родосъ, Трапезунтъ (гдѣ императоръ Іоаннъ IV Каліоанъ поневолѣ подчинился верховенству Порты) и черноморскія колоніи были почти потеряны. Папа Каликстъ III 15 мая 1455 г. издалъ новую буллу, возвѣщающую крестовый походъ. Члены ордена миноритовъ совершали чудеса краснорѣчія въ качествѣ проповѣдниковъ крестоваго похода; въ особенности, Капистрано и Генриху Кальтейзену Кобленцкому удалось воспламенить и собрать народныя массы. Французскій же король Карлъ VII, наоборотъ, прямо запретилъ наборъ крестоносцевъ въ своей странѣ, задержалъ корабли крестоносцевъ и повелъ эти корабли противъ Англіи. Бургундъ присвоилъ себѣ предназначавшіяся для крестоваго похода деньги, Альфонсъ Неаполитанскій воспользовался папскимъ флотомъ для похода противъ Генуи, а король датскій и норвежскій Христіанъ въ 1455 году забралъ изъ ризницы Роскильдскаго собора благочестивыя турецкія приношенія. Тщетно призывалъ, по распоряженію Каликста, звонъ Angelus'а всѣхъ христіанъ въ обѣденный часъ для молитвы противъ наслѣдственнаго врага.

B. Послѣднія 25 лѣтъ правленія Магомета II.

a) До смерти Гуніади.

Магометъ II видѣлъ безплодность усилій святого отца побудить европейскую семью народовъ къ дружному отпору исламу. И это укрѣпило его въ рѣшеніи самому перейти въ наступленіе. Онъ совершенно справедливо разгадалъ въ Гуніади и Скандербегѣ своихъ опаснѣйшихъ противниковъ. Въ іюлѣ 1455 г. онъ взялъ хорошо укрѣпленный сербскій рудокопный городъ Новобердо со всѣми его сокровищами. Въ Крушевацѣ на западной Моравѣ, онъ устроилъ литейный заводъ, на которомъ его рабочіе, нѣмцы, венгерцы, итальянцы и другіе христіане, день и ночь были заняты отливкой тяжелыхъ орудій для осады Бѣлграда; такая заботливость въ военныхъ приготовленіяхъ, заботливость, простирающаяся до по-

слѣднихъ мелочей будущаго снабженія провіантомъ, въ то время была почти неслыхана на Западѣ. Осажденные съ іюня 1456 года начали уже падать духомъ, когда приблизились „три Іоанна“. Гуніади, Капистрано и папскій легатъ Карваялъ 14 іюля 1456 года подступили къ Греческому-Бѣлграду съ войскомъ крестоносцевъ, которое, впрочемъ, состояло изъ плохо вооруженныхъ горожанъ, крестьянъ, монаховъ, отшельниковъ и студентовъ, только въ незначительной части изъ нѣмецкихъ ландскнехтовъ и изъ 300 поляковъ. Карваялу не удалось примирить императора Фридриха III съ королемъ венгерскимъ Ладиславомъ Постумомъ; даже венгерское дворянство держалось въ сторонѣ. И все-таки борцамъ, воодушевленнымъ увлекательной силой краснорѣчія Капистрано, удалось, послѣ пятичасового кроваваго боя прорвать рядъ турецкихъ кораблей на Дунаѣ. Смѣлой вылазкой осажденные освободились; самъ эмиръ былъ раненъ. Бѣлградъ, передовой фортъ христіанства, былъ спасенъ. Но Сербія была потеряна, ибо ужасная чума опустошила войско, и отъ нея же умеръ 11 августа 1456 г. герой Гуніади; за нимъ послѣдовалъ и старикъ Капистрано, умершій 23 октября въ Иллокѣ (Ꙇucctium) на Дунаѣ, красивѣйшемъ городѣ Сирміи.

b) До смерти Кастріото.

Въ виду полной пасивности западныхъ государствъ, папа въ декабрѣ 1456 года обратился съ просьбою о помощи противъ турокъ даже къ христіанскому королю Эѳіопіи, къ христіанамъ въ Сиріи, Грузіи и Персіи, даже къ Уцунъ-Гасану, предводителю туркменовъ „Бѣлыхъ Барановъ“ (т. II, стр. 176). Турки послѣ смерти деспота Георга Бранковича (24 декабря 1457 г.) съ легкостью завоевали Сербію, ибо Елена, вдова его, уже въ концѣ января 1458 г. умершаго сына Лазаря, дочь Ѳомы Палеолога, надѣясь этимъ спасти страну, отдала ее въ видѣ лена папѣ. Весь народъ поднялся возмущенный такимъ поступкомъ; онъ охотнѣе желалъ сейчасъ же броситься въ объятія турокъ, чѣмъ, цѣною потери вѣры отцовъ, купить чрезвычайно ненадежную помощь латинскаго Запада. Албаніи и Босніи суждено было скоро раздѣлить ту же участь. Въ Босніи свирѣпствовала страсть къ междоусобіямъ, сектантская ненависть и раздоры какъ въ дружественномъ Риму правящемъ домѣ, такъ и среди магнатовъ и среди враждебныхъ Риму и дружественныхъ туркамъ патареновъ. Король Стефанъ Томашевичъ за свое двусмысленное отношеніе къ королю венгерскому Матвѣю (1458 г.), былъ обезглавленъ Магометомъ въ 1463 г.; 30000 молодыхъ босняковъ были зачислены въ корпусъ янычаръ. При такихъ условіяхъ могло ли помочь завѣщаніе матерью Стефана Екатериной папскому престолу ея потерянной уже страны? И сынъ Гуніади Матвѣй Корвинъ, несмотря на завоеваніе Яицы (1 октября 1463 года), не могъ остановить поступательнаго движенія турокъ до ущелій Герцеговины (задушенный въ 1459 году король Стефанъ Томашъ получилъ отъ нѣмецкаго императора Фридриха III для области, лежащей къ югу отъ Босніи, герцогскій титулъ) и до Чрнагоры (Черногоріи), и не могъ остановить побѣды ислама въ 1464 г. Францисканцы были единственной защитой и единственнымъ прибѣжищемъ тѣхъ христіанъ, которые остались въ Босніи, терпимые тамъ благодаря разрѣшенію и охранной грамотѣ Магомета.

Благодаря геройскому духу Скандербега, несмотря на измѣны соперничающихъ вождей его воинственнаго народа, въ Албаніи было оказано геройское сопротивленіе и осенью 1457 года одержана въ Томорницѣ кровавая побѣда надъ войскомъ Изабега. Одновременно и папскій флотъ, подъ начальствомъ Лодовико Скарампи одержалъ надъ турками побѣду при Метелино. Но лѣтомъ 1458 г. дикія войска Магомета наводнили и опустошили Морею и Аттику, въ іюнѣ турки взяли Аѳины и

6 августа Коринѳъ. Въ 1453 и 1454 г. Турахан, призванный на помощь деспотами Мореи, Ѳомой и Димитріемъ Палеологами, послѣ ряда кровавыхъ сраженій, усмирилъ возставшихъ противъ нихъ албанцевъ; но теперь и самимъ грекамъ пришлось испытать на себѣ кулакъ завоевателя. Въ борьбѣ герцога аѳинскаго Франко II Аччіаюоли со вторымъ мужемъ вдовы Неріо II, Хіары, бѣжавшимъ въ Стамбулъ Бартоломео Контарини, эмиръ рѣшилъ распорядиться по-своему; Омаръ паша, сынъ Турахана, вступилъ въ іюнѣ 1456 г. въ Аѳины, въ то время какъ сильный голодъ опустошилъ страну, и народъ былъ напуганъ появленіемъ кометы; черезъ два года, какъ уже было упомянуто, сдался и Акрополь. Самъ эмиръ, послѣ того какъ былъ вырѣзанъ весь Пелопоннесъ, по приглашенію своего паши, въ послѣднюю недѣлю августа въѣхалъ въ Аѳины съ блестящей свитой. Онъ принесъ съ собой рабство на 4 столѣтія; но онъ былъ милосерднѣе, чѣмъ Ксерксъ или Мардоній. По словамъ его льстиваго біографа Критобула онъ восхищался зданіями города и его мѣстоположеніемъ. Но греки слишкомъ рано обрадовались оставленію римскимъ духовенствомъ латинской церкви въ Парѳенонѣ. Когда Магометъ, осенью 1460 г., вторично появился въ городѣ, онъ, разсерженный неоднократнымъ отпаденіемъ его, превратилъ храмъ Богоматери въ мечеть. Франко Аччіаюоли былъ, правда, въ 1458 г. помилованъ, но уже годъ спустя казненъ въ Ѳивахъ за измѣну; его сыновья затерялись среди тѣлохранителей — янычаръ. Его вдова, дочь правителя Мореи Димитрія, была отдана въ жены бывшему протовестіарію Георгу Амоируцису, который въ 1461 г. измѣннически выдалъ султану „Великаго Комнена", Давида Трапезунтскаго (брата умершаго въ 1458 императора Іоанна IV., стр. 141). Аѳины исчезли съ горизонта Европы. Въ 1462 г. османы приступили къ покоренію Валахіи, тираническій правитель которой, христіанскій воевода Владъ (Владиславъ IV, по прозвищу Дракулъ), раздражилъ султана коварнымъ истребленіемъ турецкаго войска, предводительствуемаго Гамзой Ценевизи пашой. Во время, предпринятаго съ цѣлью отомщенія похода, Магометъ долженъ былъ пройти черезъ ужасный дубовый лѣсъ: въ теченіе получаса на 20,000 мѣстахъ виднѣлись трупы турокъ и болгаръ, посаженныхъ на колъ Владомъ въ 1461 году. Владъ Дракулъ бѣжалъ къ Матвѣю Корвину, который задержалъ его, такъ какъ онъ и его хотѣлъ выдать эмиру; его братъ, Радулъ, заложникъ Магомета, получилъ Валахію отъ Турціи въ видѣ лена.

Пій II (прежде Эней Сильвій де Пикколомини) во время шестилѣтняго своего пребыванія на папскомъ престолѣ (1458 — 64) неустанно ратовалъ за всеобщій крестовый походъ. Уже 13 октября 1458 г. онъ высокопарной буллой приглашалъ христіанскихъ князей на военный совѣтъ въ Мантуѣ; но французскіе кардиналы противодѣйствовали и тайно, и явно. Король французскій Людовикъ XI не только присвоилъ себѣ предназначавшуюся для крестоваго похода десятинную подать, но и удержалъ герцога Филиппа Бургундскаго отъ выполненія даннаго папѣ обѣщанія. Фридрихъ III въ 1459 году заставилъ венгерскихъ магнатовъ поднести ему корону Матвѣя Корвина; тщетно папскій легатъ кардиналъ Виссаріонъ принималъ всѣ усилія на нюренбергскомъ рейхстагѣ къ тому, чтобы уладить распрю между императоромъ и Венгріей. Но скоро послѣдовали пораженія одно за другимъ. Островъ Лемносъ, принадлежавшій генуэзскому роду Гаттилузіо, уже весной 1456 г. былъ, благодаря измѣнѣ грековъ, взятъ турецкимъ флотомъ; въ сентябрѣ 1462 года и Лесбосъ перешелъ подъ власть Магомета II. 7 марта 1461 года, лишившійся престола деспотъ Мореи, Ѳома, прибылъ изъ Корфу въ Римъ. Его братъ Димитрій въ концѣ мая 1460 г. подчинился эмиру и далъ ему въ жены свою дочь; онъ скончался монахомъ въ Адріанополѣ въ 1470 году. Дочь Ѳомы, принцесса Зоя, вышла въ 1472 г. замужъ за московскаго великаго князя Ивана III

Васильевича и перенесла, такимъ образомъ, свои притязанія на Россію; Иванъ принялъ въ качествѣ новаго герба Россіи двуглавый орелъ, который и теперь еще можно видѣть въ московскомъ Кремлѣ; онъ отправилъ даже—конечно безрезультатно—посла въ Стамбулъ. Карлъ Ротъ на основаніи изслѣдованій русскаго историка Владимира Ивановича Саввы о московскихъ царяхъ и византійскихъ императорахъ (1901 г.) оспаривалъ эти государственныя и наслѣдственноправовыя послѣдствія брака Ивана съ Зоей Палеологъ, прозванной Софіей; болѣе основательны были, пожалуй, притязанія, унаслѣдованныя Александромъ I Польскимъ, мужемъ Елены, дочери Зои. Недостойный же братъ Зои Андрей, послѣдній мужской отпрыскъ дома Палеологовъ, признанный папой Павломъ II въ 1465 г. въ качествѣ номинальнаго деспота Мореи, вѣчно нуждаясь въ деньгахъ, продалъ свои права въ 1494 г. французскому королю Карлу VIII и завѣщалъ ихъ при своей смерти (7 апрѣля 1502 г.) испанской королевской четѣ Фердинанду и Изабеллѣ.

Лѣтомъ и осенью 1461 года и княжество Синопское (эмиръ Измаилъ) и царство Трапезунтское (царь Давидъ) стали добычей турокъ; въ 1463 г. были потеряны Аргосъ (3 апрѣля) и, какъ уже было упомянуто, вся Боснія (лѣтомъ). Благодаря этому, сильная опасность угрожала и Рагузѣ. Папа дерзнулъ сдѣлать попытку обращенія въ христіанство и попытался даже обратиться съ такимъ предложеніемъ къ самому эмиру, обѣщавъ доставить ему за это владѣніе всѣмъ востокомъ. Наконецъ 19 іюля 1463 года благодаря стараніямъ папы, состоялось примиреніе императора съ королемъ венгерскимъ, и былъ подписанъ Вѣнско-Нейштадтскій договоръ. Этимъ договоромъ признавалось пожизненное царствованіе Корвиновъ, но въ случаѣ бездѣтной смерти Матвѣя, престолонаслѣдіе обезпечивалось за Габсбургскимъ домомъ. Около этого времени Венеція и Венгрія заключили между собою наступательный и оборонительный союзъ, послѣ чего Скандербегъ въ Албаніи опять открылъ враждебныя дѣйствія. На заднемъ планѣ стояли Сфорца въ Миланѣ и флорентинцы и злорадно посмѣивались по поводу венеціанскихъ неудачъ (неудачное нападеніе на Коринѳъ, смерть генерала Бертольдо Эсте и многія другія); флорентинскій лѣтописецъ разсказываетъ даже, что его земляки доставляли эмиру перехваченныя письма венеціанцевъ. Тщетно рисовалъ папа флорентинцамъ грандіозный планъ раздѣла Турціи, планъ, первый въ цѣломъ рядѣ другихъ, идущихъ до нашихъ дней. Когда наконецъ войско крестоносцевъ въ Анконѣ, наскучивъ ожиданіемъ, разбѣжалось, тогда скончался Пій II, въ виду венеціанскихъ галеръ, не достигнувъ своей цѣли (14 августа 1464 г.).

Его преемникъ (венеціанецъ Піетро Барбо) Павелъ II, съ энергіей сталъ преслѣдовать любимую идею своего предшественника. Особенно важно было освободить храбраго Скандербега, осажденнаго въ крѣпости Кружѣ (Крожѣ). Дѣйствительно, турки были разбиты въ 1466 и 1467 г. ихъ предводитель Балабанъ былъ убитъ, и Кружа спасена. Но 17 января 1468 г. умеръ отъ лихорадки въ Алессіо шестидесятилѣтній Искандербегъ. Со смерти Гуніади и Капистрана христіане не имѣли такой тяжелой потери. „Они потеряли свой мечъ и щитъ“, говорилъ ликуя Магометъ. Послѣ разсѣянія албанскаго войска болѣе богатая и знатная часть албанскаго населенія приняла исламъ, между тѣмъ какъ другая часть, предки теперешнихъ католическихъ Геговъ, предпочла уйти въ неприступныя горы и стать тамъ пастухами и клефтами.

c) Семидесятые годы 15 столѣтія.

Венеціанцы съ 1465 по 1468 г., подъ предводительствомъ Сигизмонда Малатесты († 1468 г.), Ветторе Капелло († 1467 г.) и Никколо да Канале

одержали кое какія побѣды въ греческихъ водахъ. Но это побудило только энергичнаго Эмира значительно увеличить въ 1469 г. свой флотъ. Экипажъ его состоялъ изъ лучшихъ моряковъ того времени, евреевъ и грековъ, въ особенности изъ, такъ называемыхъ, стратіотовъ, служившихъ тогда наемниками во всей Европѣ. Магометъ въ 1470 г. во главѣ стотысячнаго войска отправился въ Грецію, а его адмиралъ Махмудъ Паша отплылъ съ флотомъ въ 300 парусовъ, 12 іюля послѣ отчаяннаго сопротивленія палъ Негропонтъ (Халкида на Эвбеѣ). Счастьемъ для христіанскаго міра было то, что туркменскій князь Узунъ Гасанъ (стр. 140) увелъ въ Азію главную массу турецкихъ войскъ; ибо турецкіе всадники носились уже по Кроаціи и проникали до Штиріи и Каринтіи. 24 іюня 1471 года открылся подъ предсѣдательствомъ императора въ Регенсбургѣ знаменитый „великій христіанскій съѣздъ". Ужасныя извѣстія и мольбы о помощи настоятельнѣе, чѣмъ когда либо, тревожили слухъ императора. Тщетно настаивалъ папскій легатъ на прекращеніи витнельсбахской братоубійственной распри, тщетно давали блестящія обѣщанія венеціанскіе послы, тщетно принимались рѣшенія объ отправкѣ въ Польшу и Венгрію посольствъ съ предложеніемъ заключить миръ: эгоистическая точка зрѣнія, которой придерживался вялый императоръ въ вопросѣ о помощи противъ турокъ и въ вопросѣ о реформѣ имперіи, къ сожалѣнію, опредѣлила и точку зрѣнія имперскихъ князей. Рейхстагъ, сравнительно съ тѣми надеждами, которыя на него возлагали, окончился очень позорно (см. т. VII, стр. 236).

Папа Сикстъ IV (1471—84) также имѣлъ намѣреніе создать общій союзъ европейскихъ государствъ, направленный противъ турокъ. Но 18 ноября, 1472 г. скончался благородный Виссаріонъ, бывшій душой и двигающей силой политики сопротивленія въ куріи. Онъ и другіе выдающіеся греки—Халкондила, Ласкарисъ, Газа, въ качествѣ апостоловъ эллинизма, внесли свою долю участія въ основаніе въ Италіи тѣхъ великихъ мастерскихъ духа, изъ которыхъ тогда вышелъ гуманизмъ, въ началѣ 19 столѣтія филэллинизмъ, а наконецъ, и современная образованность. Но пока пораженіе слѣдовало за пораженіемъ. Венеціанцы и кардиналъ-адмиралъ Каража раздѣлились, несмотря на то, что ихъ соединенный флотъ одержалъ побѣды при Сataліи и Смирнѣ. Храбрый какъ левъ Магометъ 26 іюля 1473 года побѣдилъ при Терджанѣ повелителя Персовъ Узунъ Гасана и сталъ теперь тѣснить своихъ враговъ въ Албаніи, на Адріатическомъ морѣ и на дунайской границѣ. Молдавскому воеводѣ Стефану Великому нисколько не помогло пораженіе, нанесенное имъ превосходнымъ силамъ врага при Раковѣ 4 января 1475 года. Въ іюнѣ пала генуэзская колонія Каффа въ Крыму; Магометъ II назначилъ въ 1478 г. татарина Менгли Гирея ханомъ Крыма и сѣвернаго берега Чернаго моря, малой Татаріи, подъ протекторатомъ Турціи (т. II, стр. 177). Въ очень затруднительномъ положеніи были Лепанто и Левкада (май 1477 г.). Въ Албаніи турки завладѣли Круджей, столицей (15 іюня 1478 г.), Шаблякомъ, Алессіо и Дривасто; они дѣлали часто опустошительные набѣги и въ область австрійскихъ Альпъ. Тогда республика св. Марка, посѣщенная ужасной чумой, приняла роковое рѣшеніе отказаться отъ кровавой борьбы, оставить на произволъ судьбы Албанію (кромѣ Дураццо и Антивари), и домъ Токко (въ западной средней Греціи), Эвбею и Лемносъ, и все это для того, чтобы спасти Левантійскую торговлю. За эту цѣну Венеція черезъ Джіованни Даріо заключила миръ съ султаномъ 27 января 1479 года.

Но завоеватель не стоялъ на мѣстѣ, Леонардо III Токко лѣтомъ 1479 года былъ прогнанъ изъ Левкады. Родосъ оказалъ еще разъ сопротивленіе (съ мая до 28 іюля 1480 г.) подъ предводительствомъ Великаго Магистра ордена іоаннитовъ, Пьера д'Обюссона. Но 11 августа 1480 года

невѣрные завладѣли Отранто въ Апуліи, при чемъ были совершены ужасающія жестокости. Вѣсть объ этомъ событіи какъ громомъ поразила христіанскій міръ. Но во время боязливыхъ приготовленій къ отпору пришло извѣстіе о смерти Магомета II, могучаго завоевателя, цѣлое поколѣніе державшаго въ страхѣ Европу. Онъ умеръ 3 мая 1481 года въ Гункіарѣ Чаири между Гебзе и Гераке въ Малой Азіи, недалеко отъ Аикирона, въ которомъ закрылъ глаза Константинъ Великій, основатель этого завоеваннаго Магометомъ города. И уже 10 сентября Отранто былъ снова освобожденъ кардиналомъ-легатомъ Фрегозо и королемъ Неаполя Ферранте.

d) Значеніе Магомета II.

Съ западно-европейской точки зрѣнія трудно составить себѣ понятіе о характерѣ Магомета и о его значеніи въ турецкой исторіи. Султану не было еще и 53 лѣтъ въ тотъ моментъ, когда онъ испустилъ духъ, окруженный своимъ войскомъ, а Османской имперіей онъ правилъ уже въ теченіе 30 лѣтъ. Все, что писалось о немъ современниками, является почти исключительно выраженіемъ безграничнаго рабскаго удивленія или же ненависти и ужаса, по поводу несчастій, причиненныхъ имъ главнымъ образомъ христіанскому міру. Ему никоимъ образомъ не могли быть пріятны жестокости его войскъ въ Австріи, жестокости, только напрасно разбивавшія его силы, а свирѣпости въ Отранто настолько не нравились ему, что онъ казнилъ виновнаго въ нихъ пашу. Но чтобы обезпечить себѣ спокойное обладаніе трономъ, онъ убилъ своего брата, грудного младенца, и онъ же ввелъ въ сборникъ законовъ Кануннимехъ (стр. 123) статью о братоубійствѣ (см. стр. 129), ссылаясь при этомъ на ученіе корана: „Безпорядокъ вреднѣе убійства“.

Послѣ своей побѣды онъ построилъ въ Стамбулѣ мечеть Эюба (Айюба). знаменосца пророка, въ которой съ этихъ поръ опоясывались мечомъ Омара всѣ султаны. Безчисленны предпринятыя имъ постройки, исполненныя преимущественно архитекторомъ Христобуломъ. Въ его крупнѣйшемъ зданіи, Мехмедіи, красуются внутри, написанныя золотыми буквами, слова пророка: „Они завоюютъ Константинополь; счастливы и монархъ и войско, которые сдѣлаютъ это“. Мечети, кмареты (кухмистерскія), медрессе (учебныя заведенія), госпитали, каравансараи, дома для умалишенныхъ, библіотеки, фонтаны и старый сераль обязаны ему своимъ происхожденіемъ. Подъ псевдонимомъ Ауни, т. е. щедрый своей помощью, онъ писалъ стихотворенія (по упсальской рукописи изданы въ 1904 году Георгомъ Якоби). Въ поэзіи турокъ до завоеванія Константинополя господствовало мистическое и религіозно-дидактическое теченіе. Магометъ I открываетъ собою рядъ монарховъ поэтовъ; наряду съ нимъ появляется глазной врачъ Шенхи, написавшій романтическій любовный эпосъ „Хозревъ и Ширинъ“, въ сущности лишь подражаніе персидскому. Мурадъ II, удалившійся въ уединеніе въ Магнезію (Манисса) на Симимъ, собиралъ два раза въ педѣлю „рыцарей духа“, щедро одарялъ ихъ и упражнялся самъ въ писаніи стиховъ. Съ завоеваніемъ Константинополя имперія получаетъ прочную, опредѣленную форму, и вмѣстѣ съ ней возникаетъ цехъ поэтовъ. Ахметъ Паша, Неджали, Кіали и Мезиги считаются значительнѣйшими османскими музагетами. Эти эпиграмматическія кружева поэта природы Хуфи напоминаютъ Ганса Сакса. Среди роя поэтовъ, окружавшихъ обладавшаго артистической душой султана, имѣются уже двѣ поэтессы, Зеинебъ и Михри, посвятившія султану свой диванъ (сборникъ стихотвореній). Будучи основателемъ многочисленныхъ училищъ, завоеватель содержалъ на жалованьи персидскихъ и индійскихъ ученыхъ, какъ напр. Ходжу Джигана и Джами (т. III, стр. 372). То же дѣлалъ впослѣдствіи и Баязетъ II.

Онъ самъ, подобно своему брату Джему и, кончившему также трагически, принцу Коркуду, занимался искусствомъ и поэзiей. Мечеть Баязета или Голубиная мечеть въ Стамбулѣ съ ея переднимъ дворомъ и теперь еще является роскошнѣйшимъ произведенiемъ османской архитектуры. Передъ Iенишегирской битвой Баязетъ отвѣчалъ одержавшему передъ тѣмъ побѣду при Брузѣ Джему, предложившему ему по-братски раздѣлить царство, слѣдующимъ арабскимъ стихомъ: „Мечъ монарха разрѣзаетъ даже узы крови, султанъ и братьямъ своимъ не родня". Селимъ I, Сулейманъ Великiй и Селимъ II слѣдовали по его стопамъ, завоевывали государства и при всей своей жестокости служили музамъ. Здѣсь слѣдуетъ также упомянуть о шейхѣ Вефасадгъ: выдающаяся личность его, какъ и древне-римскiй характеръ, дѣлаютъ его типомъ мудреца блестящей эпохи Магомета II. При немъ же былъ назначенъ впервые придворный поэтъ въ лицѣ Сатиса, которому было поручено сочинять ежегодно по три Кассиды (стихотворенiе къ извѣстному случаю) къ началу весны и къ обоимъ праздникамъ Байрама. Но османскiй поэтъ прежде всего фокусникъ и рифмоплетъ. Форма для него важнѣе содержанiя, оборотъ важнѣе мысли, образъ важнѣе чувства; формы онъ заимствовалъ большею частью у арабовъ и на нихъ лежитъ отпечатокъ ихъ родной пустыни. Не даромъ поэзiя называется у нихъ schür, шерстяная матерiя, какъ по нѣмецки, Dichtung, Verdichtung (сгущенiе), beït обозначаетъ дистихъ и шатеръ.

С. **Баязетъ II и Селимъ I.**

а) Баязетъ II.

Послѣ смерти Магомета II Турецкой имперiи угрожали двѣ опасности: возстанiе янычаръ и внутреннее распаденiе. Баязетъ II (1481—1512) справился съ обѣими опасностями. Янычаръ онъ богато одарилъ. подарки этимъ преторiанцамъ при каждой смѣнѣ престола достигли такой высоты, что отмѣна ихъ стала финансовой необходимостью. Принцъ Джемъ, находившiйся въ рукахъ враговъ, наоборотъ, еще долго нагонялъ страхъ на султана. Разбитый 20 iюня 1481 года при Iенишегирѣ, онъ бѣжалъ изъ Конiи въ Камръ, разбитый вмѣстѣ съ Казимбекомъ Караманскимъ весной 1482 года при Конiи, онъ отдался 23 iюня родосскимъ рыцарямъ, которые за турецкое содержанiе въ 45000 дукатовъ въ годъ держали его подъ охраной сначала въ Русильонѣ, конторѣ ордена на Ронѣ, а съ февраля 1483 г. въ Ле-Пюи. Всѣ монархи Европы старались другъ за другомъ завладѣть „великимъ туркомъ".

13 марта 1489 года принцъ, въ то же время выдающiйся поэтъ (какъ и его братъ), прибылъ въ качествѣ почетнаго плѣнника въ Ватиканъ. Онъ скончался 24 февраля 1495 года, послѣ того какъ Александръ VI долженъ былъ выдать его французскому королю Карлу VII (см. стр. 144). Говорятъ, что онъ умеръ отъ яда, даннаго ему еще въ Римѣ папой, подкупленнымъ Баязетомъ.

Дворъ Баязета сталъ уже теперь ареной дипломатовъ Европы, мѣсто меча заняли договоры и посольства. Главнымъ образомъ шесть итальянскихъ державъ соперничали между собою въ старанiяхъ снискать благосклонность султана; онѣ не стѣснялись даже съ помощью невѣрныхъ уничтожать своихъ христiанскихъ противниковъ. Въ то время, когда Баязетъ завоевалъ въ Молдавiи два важныхъ пункта, Килiю и Акерманъ, когда Фридрихъ III былъ занятъ войной съ Матвѣемъ Корвиномъ и когда, послѣ смерти венгерскаго короля (6 апрѣля 1420 года), возникли раздоры изъ за престолонаслѣдiя, въ это самое время Испанiя, благодаря завоеванiю Гренады, получила возможность самостоятельно вмѣшиваться въ судьбы Европы. Еще незадолго передъ тѣмъ король неаполитанскiй Фер-

ранта I тайно помогалъ маврамъ противъ испанцевъ; теперь онъ заключилъ миръ съ Испаніей, откуда изъ гавани Палоса, великій землякъ папы Колумбъ, выѣхалъ для открытія новаго свѣта. Подъ впечатлѣніемъ этихъ событій султанъ послалъ папѣ цѣнный подарокъ, священное копье Лонгина. Изъ Испаніи по указу великаго инквизитора Торквемады отъ 31 марта 1492 года было изгнано около 300,000 евреевъ. Они были радушно приняты Баязетомъ и поселились въ Константинополѣ, Салоникахъ, Смирнѣ и Алеппо. Спаніолы или сефардимъ выходили изъ крупныхъ центровъ, служившихъ имъ убѣжищемъ, достигали большихъ богатствъ, занимали очень почетныя должности, служили Портѣ даже въ качествѣ дипломатовъ и на этомъ поприщѣ ихъ обгоняли лишь греки, армяне и левантинцы.

31 марта 1495 г. Венеція, Фердинандъ и Изабелла испанскіе, Максимиліанъ I, Людовикъ Моро и папа составили священную лигу для защиты христіанства отъ турокъ. И все-таки уже весною 1496 г. были завоеваны нѣсколько венгерскихъ крѣпостей въ Босніи. Въ 1497 году турки, татары и валахи ворвались въ Польшу, опустошая страну на большое пространство вокругъ Лемберга, Пржемисля вплоть до Банчуга. 26 августа 1499 года палъ Лепанто, послѣднее владѣніе Венеціи въ Коринѳскомъ заливѣ; и изъ Босніи турки дѣлали опустошительные набѣги на самый материкъ Венеціи и доходили до Виченцы. Берега южной Италіи были разграблены; въ августѣ 1500 г. венеціанцы потеряли въ Мореѣ Модонъ, Наваринъ и Коронъ. Не помогло и большое юбилейное отпущеніе грѣховъ, написанное Александромъ VI. Бенедетто Пезаро отвоевалъ только обратно Эгину, да еще въ концѣ того же года Кефаллинію, въ 1501 г. Алессіо и въ 1502 г. Сомта Мауру (Левкада); но Дураццо былъ потерянъ въ 1501, Бутринто въ 1502 году. Венеція пожинала плоды своей вялой, мирной политики: по миру 6 октября 1503 года она должна была отдать обратно Санта Мауру.

Венгрія, которая могла только производить разбойничьи набѣги на турецкую территорію, заключила 20 августа перемиріе на 7 лѣтъ. Священная Римская имперія не была даже въ состояніи собрать „Общій пфенигъ" (т. VII, стр. 240), который былъ установленъ на нѣсколькихъ рейхстагахъ. Гуманистъ Яковъ Вемфелингъ изъ Страсбурга тщетно жаловался въ 1505 году въ своей „Epitome rerum Germanicarum", на упадокъ имперіи, на эгоизмъ князей и на побѣдоносное шествіе турокъ. Уже 50 лѣтъ до него Гансъ Розенблютъ въ „Турецкой комедіи" трогательно предостерегалъ: „Нашъ повелитель турокъ, очень богатъ и могущественъ и очень почитаетъ своего Бога, такъ что тотъ во всемъ помогаетъ ему и ему все удается. Что бы онъ ни предпринималъ, все выходило по его желанію".

Послѣдніе годы султана Баязета были омрачены внутренними раздорами и возущеніемъ его сыновей. Тѣ же янычары, которые нѣкогда возвели его на престолъ, заставили его 25 апрѣля 1512 года отказаться отъ престола въ пользу третьяго сына, Селима.

b) Селимъ I.

Селимъ I (1512—20), деспотичный и воинственный монархъ, возобновилъ выполненіе плановъ Магомета II и угрожалъ христіанству смертью и гибелью. Онъ отравилъ своего отца Баязета, двухъ братьевъ и пять племянниковъ, построилъ огромный флотъ въ 500 кораблей и разбилъ 23 августа 1514 года при Чальдаранѣ шаха персидскаго Измаила (т. III, стр. 377), котораго онъ вызвалъ къ войнѣ заточеніемъ и убійствомъ 40,000 шіитовъ на турецкой территоріи. Затѣмъ онъ завоевалъ Арменію, западную часть Азербейджана, Курдистана и Месопотаміи и уничтожилъ въ 1516 г. въ Сиріи и Палестинѣ могучее царство египетскихъ мамелюковъ.

Исторія человѣчества. V. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Шесть турецкихъ султановъ.

Объясненіе къ портретамъ.

Вверху направо: **Магометъ II.** Буюкъ (великій), Гази (побѣдитель невѣрныхъ) или Фатихъ (завоеватель; 1451—81). Портретъ написанъ 25 ноября 1480 г. Джентиле Беллини (1426—1507).

Портретъ вставленъ въ — непомѣщенную здѣсь — раму въ стилѣ ренессансъ, на баллюстрадѣ которой виситъ вышитый коверъ. На лѣвой сторонѣ этой баллюстрады имѣется надпись: Terrarum marisque victor ac domnator orbis . . . Sultan . . . inte . . Mahometi resultat ars vera Gientilis militis aurati Belini naturae . . . qui cuncta reducit in prorpiam propria simulacra; на правой доскѣ: MCCCCLXXX Die XXV mensis Novembris. Портретъ взятъ изъ собранія портретовъ Паоло Джовіо въ Комо и находится въ настоящее время въ галлереѣ сэра G. Layard'а въ Венеціи.

Вверху налѣво: **Сулейманъ II.** Эль-Кенани (Великій или Великолѣпный); (1520—66).

Изъ альбома портретовъ султановъ, написаннаго въ началѣ 19 столѣтія пастелью однимъ итальянцемъ. Портреты эти были собраны Тевфикомъ пашей въ фоліантъ, который хранится въ настоящее время въ библіотекѣ Багдадъ-Кіоска въ старомъ сералѣ, но не показывается публикѣ. (Альбомъ этотъ былъ воспроизведенъ фотографическимъ способомъ и изданъ братьями Абдулла въ Константинополѣ).

Въ серединѣ справа: **Селимъ III.** (1789—1807); основатель новѣйшей организаціи турецкой арміи.

(Съ портрета.)

По серединѣ налѣво: **Махмудъ II.** (1808—39); онъ пригласилъ Мольтке, уничтожилъ корпусъ янычаръ.

(Съ портрета.)

Внизу направо: **Абдулъ-Меджидъ.** (1839—61); съ 1656 г. (по Парижскому миру) „величество" и „императоръ".

(Съ портрета.)

Внизу налѣво: **Абдулъ-Азисъ** (1861—76), 32-ой турецкій султанъ.

(Съ фотографіи.)

(см. т. III, стр. 689), которыми былъ еще побѣжденъ его отецъ 1485—1491 г. Послѣ битвы при Геліополисѣ онъ вступилъ 26 января 1517 года въ Каиръ; послѣдній бурджитъ Туманъ II Бей былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ 13 апрѣля. Когда завоеватель пребывалъ въ своемъ дворцѣ у Миджаса (измѣрителя Нила) на островѣ Родѣ, онъ пригласилъ исполнителей „Карогеза“ (стр. 126) и они представили ему къ великому его удовольствію, повѣшеніе Тумана на Торцувелѣ, при чемъ веревка два раза разрывалась. Селимъ выломалъ изъ цитадели красивѣйшія мраморныя колонны и привезъ ихъ въ Стамбулъ.

Каиръ опустился на степень провинціальнаго города. Богатѣйшіе купцы переселились въ Константинополь. Селимъ признанный Меккой и Мединой ихъ покровителемъ, заставилъ послѣдняго потомка аббасидскихъ Калифовъ, Мутаваккиля, передать ему свои верховныя права; такимъ образомъ онъ хотѣлъ самъ стать калифомъ, т. е. высшимъ духовнымъ и свѣтскимъ главой всѣхъ послѣдователей ислама. Правда, это званіе никогда не признавалось за нимъ ни персидскими шіиттами (т. III, стр. 376) ни фактическими арабами священныхъ городовъ, видѣвшихъ въ своемъ шерифѣ духовнаго главу, родственнаго пророку. Но для того времени это событіе обозначало собою крайнее усиленіе власти на востокѣ.

Алжиръ также попалъ въ руки турокъ; и итальянскія гавани разграблялись уже приплывавшими на корабляхъ турками (корсарами). Въ Венгріи турецкая напасть была сильнѣе, чѣмъ когда либо; Крайна, Штирія, Каринтія и Австрія были совершенно беззащитны и всегда могли стать добычей турокъ. На мирномъ конгрессѣ въ Камбрэ 1517 г. императоръ Максимиліанъ I предложилъ монархамъ формальный планъ раздѣла Турціи; этимъ планомъ должны были быть наивыгоднѣйшимъ для каждаго образомъ улажены всѣ ихъ раздоры. На рейхстагѣ въ Аугсбургѣ былъ въ 1518 г. утвержденъ планъ крестоваго похода Льва X. Но изъ похода этого ничего не вышло.

D. Сулейманъ II Великолѣпный.

Немного лѣтъ спустя въ руки турокъ попали двѣ главныхъ цитадели христіанства—Бѣлградъ 29 августа 1521 г. и Родосъ 21 декабря 1522 г.; теперь на престолъ вступилъ сынъ Селима, славный Сулейманъ (Солиманъ II, 1520—1566; см. приложенную таблицу „Шесть турецкихъ султановъ“). Онъ построилъ въ честь своего отца на пятомъ холмѣ Стамбула роскошную мечеть Селимдже и посвятилъ воинственному, могучему властелину слѣдующую надгробную надпись: „Здѣсь покоится Селимъ, гроза міра, но здѣсь лишь его тѣло, сердце же все еще сражается“. Онъ отомстилъ ордену Іоаннитовъ за пораженіе, нанесенное ими у Родоса завоевателю Византіи: послѣ геройской обороны и полугодовой осады сильная островная крѣпость была взята. Сынъ Джема, найденный Сулейманомъ на Родосѣ, былъ задушенъ. Родосцы переселились въ 1527 году на опустѣлую Мальту, которую имъ подарилъ Карлъ V, и во владѣніи которой ихъ утвердилъ въ 1530 году папа.—Точно также взялъ Сулейманъ Бѣлградъ, отомстивъ такимъ образомъ за позоръ Магомета II въ 1456 г. (стр. 142). Европа содрогалась; „наѣздники“ поджигатели Сулеймана были уже подъ Вѣной. Нѣмецкая народная пѣсня изображаетъ намъ тотъ ужасъ, который охватилъ тогда Священную Римскую имперію: „Бѣшенный турокъ недавно привелъ въ Венгрію огромное войско, завоевалъ греческій Бѣлградъ, поэтому онъ такъ и заносчивъ. Изъ Венгріи онъ скоро при свѣтѣ дня можетъ очутиться въ Австріи. Баварія у него тогда сейчасъ же подъ рукой, оттуда онъ попадетъ въ другія страны и скоро онъ можетъ появиться на Рейнѣ, чтобы не дать намъ ни отдыху, ни сроку. Наша лѣнь и себялюбіе, задоръ по отношенію къ ближнему, ненависть, зависть, коварство,—все это доставляетъ побѣду туркамъ“.

а) Могачъ и Вѣна.

Дѣйствительно турки въ 1522 г. опустошили уже часть Венгріи и готовились ворваться въ нижнюю Австрію и Баварію. Мехметъ Бей занялъ Валахію; въ маѣ онъ опустошилъ весь Карстъ до Фріоля и былъ уже подъ Лайбахомъ. Венеціанцы не тронулись, когда палъ Родосъ—они прочно засѣли въ Кандіи; Франнцискъ I, „наихристіаннѣйшій король Франціи", искалъ даже союза съ султаномъ противъ императора. Дворянская олигархія въ Венгріи также была не прочь имѣть повелителемъ Великаго Турка; Іоаннъ Заполья, графъ ципсскій и воевода трансильванскій, старался при помощи султана получить венгерскую корону. Петервардейнъ на Дунаѣ былъ уже завоеванъ великимъ визиремъ. Тогда произошла рѣшительная битва въ долинѣ Могача, гдѣ 29 августа 1526 года христіанское войско со своимъ королемъ послѣ геройскаго сраженія было разбито; самъ Людовикъ II, послѣдній Ягеллонъ въ Венгріи, погибъ въ болотѣ во время бѣгства. 2000 головъ торчало на шестахъ передъ шатромъ владыки, 4000 плѣнниковъ было убито, Офенъ былъ уничтоженъ пламенемъ, вплоть до Раби и до „города Этцеля" Грана была опустошена страна. Заполья, только что на колѣняхъ присягнувшій султану, перенесъ корону изъ Офена въ Шульвейсенбургъ и короновался тамъ 11 ноября. Король Фердинандъ, зять погибшаго Людовика, былъ 16 декабря въ Прессбургѣ избранъ королемъ Венгріи; такимъ образомъ день могачской битвы сталъ днемъ рожденія Австро-Венгерской монархіи. Съ этихъ поръ всѣ враги императора Карла V и короля Фердинанда стали на сторонѣ турокъ и Запольи. Даже герцоги Вильгельмъ и Людовикъ Баварскіе по поводу своихъ притязаній на Богемію вели тайные переговоры съ Великимъ Туркомъ.

Скоро султанъ предупреждалъ короля Фердинанда въ открытомъ письмѣ: „Ты долженъ ожидать, и въ этомъ я увѣряю тебя цѣлостью своей короны, что мы скоро съ 13 королевствами посѣтимъ тебя въ Вѣнѣ со всей нашей силой и предадимъ всѣхъ твоихъ помощниковъ ужаснѣйшей смерти, какую только придумаемъ". Приближеніе турокъ и крейсированіе турецкаго флота у береговъ Сициліи ускорило заключеніе полнаго мира между императоромъ Карломъ V и папой въ Барцелонѣ 29 іюня 1529 года, черезъ 2 мѣсяца послѣ окончанія Шпейерскаго рейхстага. И Франнцискъ I заключилъ въ Камбрэ миръ съ императоромъ, но втайнѣ онъ продолжалъ поддерживать сношенія съ „владыкой всѣхъ владыкъ, раздавателемъ коронъ монархамъ, тѣнью Бога надъ обоими мірами"; Заполья долженъ былъ въ 1528 году принять сына Франциска Генриха, въ качествѣ наслѣдника для Венгріи. 21 сентября турки появились передъ Вѣной. Турецкое войско численностью въ 250,000 человѣкъ занимало въ 16 лагеряхъ 25,000 палатокъ. Графъ Николай Сальмъ очистилъ и сжегъ предмѣстья и разрушилъ замокъ на Каленбергѣ. Полный презрѣнія къ смерти онъ заперся въ городѣ съ 12 тысячнымъ гарнизономъ. Имперское войско, назначенное шпейерскимъ рейхстагомъ и протестующими сословіями, прибыло въ количествѣ 100 всадниковъ и 14 пѣхотныхъ значковъ. Тѣмъ не менѣе дѣлались частыя вылазки и было отбито 5 сильныхъ приступовъ. Сулейманъ поклялся не успокоиться до тѣхъ поръ, пока молитва пророка не будетъ раздаваться съ башни св. Стефана; и все таки 15 октября онъ снялъ осаду, принужденный къ тому, недостаткомъ провизіи, неблагопріятной погодой и ропотомъ янычаръ.

О вѣнскія стѣны разбился прибой могущества турокъ. Но Венгрія осталась за султаномъ, который отдалъ ее въ ленъ Запольѣ (14 сентября). Венеціанцы поспѣшили поздравить султана и воеводу, которому они оказывали шпіонскія услуги. Пользуясь религіозной смутой въ Германіи,

Казимбегъ (стр. 147) совершилъ опустошительный походъ по Австріи, а Заполья съ валахами походъ въ Моравію и Силезію. Имперское войско, составлявшее вмѣстѣ съ войсками императора 50,000 человѣкъ, оказало сопротивленіе. Клементій VII прислалъ денежную помощь, а также своего племянника Ипполита Медичи. Еще разъ былъ отбитъ натискъ Магомета отъ стѣнъ Гюнса (9—28 августа 1532; т. VII, стр. 280), геройски защищаемаго Николаемъ Юришицомъ. Но имперское войско опять разошлось.

Когда посолъ Фердинанда восхвалялъ передъ Ибрагимомъ пашой могущество императора, великій визирь прервалъ его словами: „Помирился ли онъ съ Мартиномъ Лютеромъ?“ Замѣчательно отношеніе Лютера къ турецкой напасти. Онъ предостерегалъ народъ отъ оказыванія помощи противъ турокъ, „ибо турокъ въ десять разъ умнѣе и благочестивѣе, чѣмъ наши князья“. Гансъ Саксъ, восторженный поэтъ реформаціи, въ многочисленныхъ изрѣченіяхъ и пѣсняхъ прославляетъ побѣды надъ заклятымъ врагомъ (1529): „Проснитесь, сердце, умъ и мужество, помогите мнѣ восхвалять добрыхъ ландскнехтовъ, ихъ рыцарскіе подвиги, совершенные нынѣ въ Австріи, въ городѣ Вѣнѣ“. Лютеръ же въ своихъ застольныхъ рѣчахъ и въ 1529 г. въ своей „проповѣди войску противъ турокъ“ часто говоритъ вещи, объяснимыя лишь глубокимъ недовольствіемъ по поводу раздоровъ князей и медленныхъ успѣховъ евангелическаго движенія. „Венеціанцы,—говоритъ Лютеръ,—никогда не сдѣлали ничего хорошаго, они не воины, а только перцовые мѣшки. Если бы у насъ былъ единый господинъ, мы бы легко справились съ туркомъ, но паписты — это злѣйшіе враги, и имъ пріятнѣе, чтобы Германія была опустошена. Паписты скажутъ, что турокъ приходитъ благодаря моему ученію, ибо Богъ хочетъ наказать Германію за то, что не уничтожаютъ Лютера и его ученія. Мнѣ же пріятнѣе имѣть турокъ врагами, чѣмъ испанцевъ защитниками и покровителями. Какъ папа до сихъ поръ подъ предлогомъ турецкой войны и отпущенія грѣховъ грабилъ деньги изъ нѣмецкихъ земель, такъ и князья хотятъ по папскому примѣру выманить у насъ теперь деньги. Пусть же намъ поможетъ лучше Господь Іисусъ Христосъ к поразитъ и повергнетъ во прахъ и турокъ, и папу“. Но у Лютера находятся также и патріотическія ноты. Турокъ для него populus irae Dei, слуга дьявола; трогательно предостерегаетъ онъ отъ перехода въ исламъ, ободряетъ храбрецовъ и утѣшаетъ плѣнниковъ. Онъ рѣзко подчеркиваетъ противуположность между турецкой дисциплиной и нѣмецкимъ непослушаніемъ. Но постоянно прорываются ноты христіанской распри: „Если нами завладѣетъ турокъ, то мы попадемъ въ руки дьявола; если же мы останемся подъ властью папы, то попадемъ въ адъ“.

b) 1533 — 1566 г.

Наконецъ лѣтомъ 1533 года былъ заключенъ кое-какъ миръ между султаномъ и императоромъ. Этимъ перерывомъ воспользовался Сулейманъ для того, чтобы, перейдя черезъ Евфратъ, свести счеты съ Персіей (т. III, стр. 378); онъ взялъ Табрисъ (Тебризъ, Тавризъ) и Багдадъ и, одержавъ побѣду, вернулся въ январѣ 1536 г. Въ 1535 г. были заключены капитуляціи между Францомъ I и Портой. Эти капитуляціи служили основой всѣхъ дальнѣйшихъ договоровъ того же рода и съ другими націями, при чемъ дѣлалась постоянно ссылка на Францію, бывшую государствомъ, всегда дружественнымъ Турціи и наиболѣе благопріятствуемымъ. Эти капитуляціи регулировали свободу торговли для турокъ во Франціи и для „франковъ“ во всѣхъ турецкихъ земляхъ. Они сдѣлались переходнымъ пунктомъ консульскаго суда (см. стр. 97), упорядочили важный вопросъ о святыхъ мѣстахъ и выговорили для французовъ нѣкоторое право покровительства надъ латинскими (католическими) подданными султана; на это право и понынѣ ссылается французскій „протекторатъ“.

Чтобы облегчить жребій военно-плѣнныхъ и остановить ужасные морскіе разбои, Карлъ V предпринялъ въ 1535 году свой много воспѣтый походъ противъ Туниса. Была завоевана Галетта, взято много орудій и между ними пушки съ французскими лиліями, 20000 христіанскихъ рабовъ были освобождены, и Тунисъ отданъ Мулей Гасану въ видѣ лена испанской короны. Карлъ V подумывалъ уже о завоеваніи Алжира, завоеваннаго въ 1506 и 1509 г. Фердинандомъ Католикомъ вмѣстѣ съ Ораномъ и Буджіей, но въ 1515 опять оставленнаго Хорукомъ Барбароссой, и даже о завоеваніи Константинополя (см. т. IV, стр. 249). Но въ то время, какъ Сулейманъ послѣ смерти Запольи (21 іюля 1540 г.) въ сентябрѣ 1541 г. почти всю Венгрію сдѣлалъ турецкой провинціей, походъ Карла на африканскомъ берегу не удался: корабли были разбиты сильными бурями или же разсѣянные въ одиночку достигли испанскихъ гаваней. Францискъ I, громко выражалъ свою радость по поводу несчастія императора, поздравлялъ султана „съ пораженіемъ общаго врага“ и отчеканилъ монеты въ память этого событія съ надписью: „Non contra fidem, sed contra Carolum“. Францискъ I и Венеціанская республика посылали султану денежную помощь въ такомъ размѣрѣ, что тотъ хвастался, что французскій король даетъ больше, чѣмъ составляетъ вся остальная платимая ему дань. Со слезами на глазахъ молилъ Фердинандъ въ Регенсбургѣ протестующія сословія о помощи. Въ то время, какъ Сулейманъ приближался черезъ Венгрію (1542 г.), завоевалъ Вальпо, Сиклосъ, Фюнфкирхенъ, Гранъ, Тату и Штульвейсенбургъ, а Фердинандъ могъ выставить противъ него только 4000 человѣкъ, въ это самое время Каиръ-ад-динъ Барбаросса присталъ къ турецкимъ флотамъ у Реджіо въ Калабріи, опустошилъ побережье, соединился около Тулона съ французскимъ флотомъ и завоевалъ 20 августа 1543 г. Ниццу, послѣднее убѣжище герцога Савойскаго. Этотъ же Каиръ-ад-динъ Барбаросса раньше, въ 1538 г., тщетно осаждалъ Корфу, но завоевалъ Каксосъ, Тиносъ и Серифосъ, въ 1539 г. Кастельнуово въ Далмаціи и 2 октября 1540 г. принудилъ Венецію къ уступкѣ Мальвазіи, Наполи ди Романіа, Кадика и Ураны. Между тѣмъ Сулейманъ (Солиманъ) паша, намѣстникъ египетскій, наводнялъ ужасомъ страны вплоть до Индійскаго моря, побѣдилъ тамъ португальцевъ, взялъ городъ Діу и покорилъ арабскихъ князей на берегахъ Краснаго моря. Годы 1546 и 1547 были свидѣтелями смерти четырехъ могущественнѣйшихъ мужей эпохи: скончались Францискъ I, Генрихъ VIII, Лютеръ и Каиръ-ад-динъ Барбаросса. Этотъ великій морской герой и въ могилѣ своей на правомъ берегу Босфора, около Бешикъ-Шанга (Язоніона) оставался образцомъ и путеводной звѣздой для своихъ преемниковъ. Со времени побѣды, одержанной престарѣлымъ предводителемъ корсаровъ въ 1538 г. надъ Андреемъ Доріей, близъ Превецы, турки и въ войнѣ, и въ морскомъ разбоѣ занимали первое мѣсто на Средиземномъ морѣ.

Въ то время, какъ Морицъ Саксонскій въ 1552 г., отдалъ королю французскому Генриху II. города Мецъ, Тулъ и Верденъ, посольство короля Фердинанда отправилось къ султану Сулейману, въ его военный лагерь въ Амазію, въ Малой Азіи. О французскомъ королѣ тогдашній англійскій посолъ Рожеръ Эшемъ говорилъ, что онъ готовъ одновременно отдаться и протестантамъ, и папистамъ, туркамъ и дьяволу, лишь бы повредить императору. Не обладая этимъ маккіавеліевскимъ духомъ, но хорошо знакомый съ наукой возрожденія, отправился посолъ Фердинанда, Ожье Гизеленъ Бусбекъ въ Амазію (1555). Онъ привезъ съ собой договоръ о перемиріи съ „славнымъ, великолѣпнымъ“ побѣдителемъ Персіи. Но въ связи съ этимъ посольствомъ находится и другое событіе — открытіе Бусбекомъ въ Ангорѣ Monumentum Ancyranum „королевы надписей“, а въ связи съ этими стоитъ также расцвѣтъ въ западной Европѣ изученія древностей, дипломатики, эпиграфики и нумизматики. Тотъ же посолъ

привезъ въ Европу луковицу тюльпана и сирень. Кромѣ четырехъ большихъ латинскихъ писемъ, въ которыхъ онъ разсказываетъ о своемъ посольствѣ, онъ обратился еще въ одномъ письмѣ къ императору съ совѣтомъ, какъ вести упорную войну съ исконнымъ врагомъ христiанскаго имени и рода, какъ сдѣлать, чтобы знамена безстрашно развѣвались на полѣ битвы и чтобы была одержана побѣда". Это произведенiе выставляетъ турецкую военную дисциплину въ самомъ лучшемъ, нѣмецкую же въ печальномъ свѣтѣ. Но въ немъ содержатся также многочисленные планы реформъ. Должно было пройти еще цѣлое столѣтiе, прежде чѣмъ это сѣмя могло взойти. Римскiй императоръ нѣмецкой нацiи, какъ таковой, не отправлялъ вообще пословъ къ Портѣ, ибо въ своей коронацiонной присягѣ онъ клялся вѣчно вести войну съ невѣрными; только въ качествѣ венгерскаго короля разрѣшалось ему, отправлять посольства. Постояннаго нѣмецкаго посольства въ Константинополѣ не было, какъ не было тамъ и нѣмецкой колонiи. О торговыхъ сношенiяхъ тогда почти не было еще и рѣчи; только Венецiя, Флоренцiя и Генуя вели торговлю съ Левантой и Чернымъ моремъ. Экспедицiонная торговля на Балканскомъ полуостровѣ и въ Венгрiи, находилась почти исключительно въ рукахъ рагузанцевъ, которые имѣли особенно большую колонiю въ Iокюбѣ. Признаваемое даже исламомъ, священное право неприкосновенности пословъ часто обходилось турками подъ тѣмъ предлогомъ, что европейскiе послы будто бы не что иное, какъ шпiоны и что ихъ можно разсматривать въ лучшемъ случаѣ, какъ заложниковъ.

Бусбекъ описываетъ подробно придворную жизнь, блестящiй дворъ, но и ужасную семейную трагедiю, запятнавшую кровью императорскую порфиру Сулеймана. Ради своей жены Рокселаны, Хурремъ султанши, по происхожденiю русской, владыка пожертвовалъ въ 1553 году, своимъ первенцомъ отъ перваго брака Мустафой и его маленькимъ сыномъ Ибрагимомъ; Джигангиръ покончилъ съ собой надъ трупомъ своего брата на глазахъ жестокаго отца. Его младшiй братъ, Баязетъ, возсталъ противъ Селима (II), старшаго сына Рокселаны и долженъ былъ въ 1561 году бѣжать въ Персiю, гдѣ его даже и при дворѣ шаха настигли шпiоны султана и задушили вмѣстѣ съ четырьмя сыновьями.

Лѣтомъ 1565 г. мальтiйскiй орденъ отбилъ грозное нападенiе турецкаго флота; и чтобы обезопасить себя и на будущее время, великiй магистръ Жанъ Паризо де ла Валеттъ основалъ въ 1566 г. городъ ла Валенту, который благодаря позднѣйшимъ сооруженiямъ сталъ первоклассной крѣпостью. Но походъ, предпринятый императоромъ Максимилiаномъ II съ 60 тысячнымъ войскомъ, кончился очень печально. Напрасно пожертвовалъ собой храбрый Црини (т. VII, стр. 303) въ Цигетварѣ; послѣ его геройской смерти 7 сентября крѣпость пала, и Гiула, главный городъ комитата Бекеша также была потеряна вмѣстѣ съ цѣлымъ округомъ.

c) Значенiе Сулеймана II.

Но у Цигетвара умеръ (5 сент,) и левъ, рыканье котораго заставляло такъ долго дрожать весь христiанскiй мiръ. Сулейманъ II довелъ Турецкую имперiю до высшей точки ея могущества и блеска. Въ то же самое время Измаилъ (стр. 149) посредствомъ объединенiя государства возстановилъ силу Персiи, Сигизмундъ II еще разъ упрочилъ величiе и благоденствiе Польши, Иванъ IV Васильевичъ „Грозный", завоеванiемъ Астрахани положилъ начало значенiю Россiи: это были три опасныхъ сосѣда и современника. Но первое мѣсто среди какъ воинственныхъ, такъ и мирныхъ князей занималъ безъ сомнѣнiя Сулейманъ Великолѣпный. При немъ возникла поговорка: „Сокровища въ Индостанѣ, мудрость во Франкистанѣ, великолѣпiе въ домѣ османа". Оба крупнѣйшiе нѣмецкiе историки

Турціи, Гаммеръ-Пурксталь и Цинкейзенъ не устаютъ хвалить его правленіе, выставляя Сулеймана болѣе великимъ, чѣмъ былъ Константинъ, и болѣе мудрымъ, чѣмъ Соломонъ. Онъ возвелъ массу построекъ въ столицѣ и вообще въ имперіи, школы, богадѣльни, для бѣдныхъ (имареты), госпитали, фонтаны, гробницы, мосты, водопроводы, укрѣпленія, монастыри въ Меккѣ и Railroad Мединѣ, мечети Шахзаде и Сулейманіехъ въ Стамбулѣ. мечеть Семидже въ Адріанополѣ, бани въ Офенѣ. Всѣ эти сооруженія прославляли и понынѣ Сулеймана а также его архитектора Синана, его адмирала Піали Паши, завоевателя Хіоса, и беглербега и (съ іюня 1565 г.) великаго визиря Магомета Соколли.

При этомъ величайшемъ изъ всѣхъ султановъ началась золотая эра для турецкихъ поэтовъ и ученыхъ. Появляется лирикъ Баки. Фацли пишетъ аллегорически-мистическій эпосъ „Роза и соловей". Халиль является выдающимся элегическимъ поэтомъ. Джелили, Фикри, Сурури († 1561 г.) и въ особенности плодовитый Ламіи переводили и комментировали образцовыя произведенія персидской поэзіи. Съ ними соперничаютъ Эмри, Хіали и Яйа. Появляются басни и животный эпосъ, и входятъ въ моду сочинители историческаго эпоса Шахнамеджи (писатели царскихъ книгъ); они являются глашатаями славы и защитниками ея. Шейхъ Ибрагимъ Галеби († 1549 г.) составляетъ второй сборникъ законовъ Mül-teka ül Buhur („соединеніе морей"), религіозный, политическій и военный, гражданскій и уголовный кодексъ. Сочиненіе Али Веисси (Али-и-Вази) Humayun nameh (царская книга), является лучшимъ произведеніемъ турецкой прозы. Фирдуси Длинный, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ его великимъ одноименникомъ (т. III, стр. 344), написалъ Suleiman nameh, сборникъ восточныхъ сказаній и легендъ. Знамениты работы Хоттатовъ, т. е. каллиграфовъ Пшеркефа, Гасанъ Эффенди и Карагисара. Самъ султанъ Сулейманъ оставилъ послѣ себя „диванъ" подъ псевдонимомъ Мугубби, т. е. дружественно-любящій. Во время его правленія никогда не высыхаютъ мечъ и перо. Вѣсти о побѣдѣ перемежаются съ пѣснопѣніями, и надъ военными трофеями кипитъ блестящая умственная жизнь. Это была августовская эра въ жизни турокъ.

Всюду величіе, могущество и блескъ, о которомъ теперь еще свидѣтельствуютъ сокровища въ древнемъ сералѣ и въ замкахъ султановъ. Этотъ блескъ мѣшалъ тогда даже и проницательнѣйшему взору замѣтить, какъ подъ пышными тропическими цвѣтами начинаютъ уже гнить корни здороваго развитія. Турецкая каллиграфія, составленіе писемъ и музыка имѣли въ своей основѣ арабскіе образцы; точно также и турецкая поэзія обращала большое вниманіе на форму, была въ сущности выдуманнымъ искусственнымъ, сознательнымъ подражаніемъ. Она начала съ религіозно-мистическихъ и дидактическихъ цвѣтистыхъ украшеній и развивалась далѣе въ тепличной атмосферѣ двора и канцелярій. Даже языкъ этой поэзіи былъ и остался чѣмъ то особеннымъ, непонятнымъ народной массѣ. Поэзія эта была отраженіемъ уровня развитія правящаго общества „верхнихъ десяти тысячъ". Ни одинъ изъ турецкихъ поэтовъ не вышелъ изъ круга теологическихъ воззрѣній въ другой широкій кругъ гуманистическихъ взглядовъ. Понятіе возвышенной любви и свободы отсутствуютъ: любовь остается преимущественно чувственной; фантазія не пробуждается изъ пріятнаго полусна, называемаго турками кейфомъ. Деспотизмъ, освобожденный отъ всѣхъ узъ права и нравственности, жестокое уничтоженіе всѣхъ выдающихся, и потому именно и опасныхъ членовъ династіи и двора, серальное воспитаніе молодыхъ принцевъ и полная изолированность ихъ отъ общественной жизни, многоженство и рабство—все это убило свободу умственной и политической жизни, уничтожило силу правящей династіи и правительства. Храбрый воинственный народъ изнѣжился въ удовольствіяхъ мирной жизни; солдатское отродье янычаръ

становилось все разнузданнѣе и стало опасностью для государства вмѣсто того чтобы быть опорой его.

3. Упадокъ Турецкой имперіи (1566—1792 г.)

А. Отъ Селима II до Мурада IV (1566—1640).

Долгая и дорогая война съ Сулейманомъ Славнымъ до дна истощила императорскіе финансы Габсбургскаго дома. Въ 1568 г. Максимиліанъ II долженъ былъ согласиться на уплату ежегодной дани въ 60,000 дукатовъ Селиму II (1566—74). И все-таки опустошительные набѣги этой „пограничной стражи“ на австрійскія земли продолжались, и турки въ мирное время изъ года въ годъ уводили оттуда около 20000 христіанъ въ рабство. Одно жалованье пограничной стражѣ, въ 21000 человѣкъ на пограничной чертѣ 400 нѣмецкихъ миль въ 96 пуктахъ, составляло ежегодно 1,400,000 гульденовъ и вдвое больше того въ военное время. 1 февраля 1570 года Селимъ II писалъ венеціанской синьоріи: „Я требую у васъ Кипра“, и венеціанцы сами, въ качествѣ „христіанскихъ турокъ“ бывшіе подозрительны державамъ, могли найти помощь только у папы. Пій V назначилъ юбилейный сборъ на турецкую войну и взывалъ къ протестантскимъ князьямъ: „Долой религіозныя распри передъ угрожающей всѣмъ опасностью“! Онъ поддерживалъ мальтійцевъ, укрѣпилъ Италію и хлопоталъ о заключеніи союза съ Венгріей, Франціей и Испаніей. Но французскій король Карлъ IX только недавно возобновилъ свой дружескій и торговый договоръ съ султаномъ, и даже удержалъ англійскую королеву отъ „помощи противъ турокъ“. Въ Римѣ было уже получено извѣстіе о кровавомъ концѣ Никозіи (Левкозіи) на Кипрѣ 9 сентября 1570 года: съ Маркантонія Брагадино, до 1 августа 1571 г. геройски защищавшаго Фамагуста, была 18 августа, по приказанію Лалы Мустафы, съ живого содрана кожа Все-таки священная лига была торжественно основана только 20 мая 1571 года.

а) Лепанто.

Донъ Жуанъ Астурійскій (незаконный сынъ императора Карла V.), выѣхалъ наконецъ 15 сентября 1571 г. изъ Мессины съ флотомъ въ 208 кораблей и 800000 солдатъ, набранныхъ изъ Испаніи. Венеціи, церковнаго государства Мальты и Савойи. Въ Лепантскомъ заливѣ (Навпакте, Эпактѣ) произошла 7 октября битва при Курцоларскихъ островахъ. Турецкимъ флотомъ (277 кораблей съ 120000 человѣкъ), надъ которымъ развѣвался еще побѣдоносный флагъ Каиръ-ед-дина (стр. 151), предводительствовали Капуданъ—Паша Муедзинъ Саде (Мупсинсаде) Али, беглербегъ алжирскій Улюджъ Али, и бегъ Негропонійскій, Магометъ Шаулакъ. На сторонѣ христіанъ сраженіемъ руководили Донъ Жуанъ, Маркантоніо Колонна, Агостино Барбариго и Себастіано Венгеро, Джіанадреа Доріа и Александръ Фарнезе. Сервантесъ (срв. т. VIII) потерялъ въ этомъ сраженіи лѣвую руку; „этотъ безсмертный день“, говоритъ онъ въ Донъ-Кихотѣ, „сломилъ гордыню турокъ и разочаровалъ весь міръ, считавшій турецкій флотъ непобѣдимымъ“.

Но приказъ испанскаго короля и раздоры между союзниками свели къ нулю всѣ плоды этой уничтожающей побѣды. Іоаннъ, человѣкъ посланный Богомъ, какъ его назвалъ торжествующій папа, долженъ былъ въ 1574 г. отдать турецкому адмиралу Синану пашѣ, завоеванную въ 1535 г. Карломъ V, Голетту вмѣстѣ съ пріобрѣтенными имъ въ 1573 г. Тунисомъ и Бизертой. Онъ умеръ въ горѣ 1 октября 1578 г., преслѣдуемый недовѣріемъ своего царственнаго сводного брата Филиппа II. Бронзовая статуя

Жуана, произведеніе Андрея Каламеха, находящаяся на площади делл'Аннунціата въ Мессинѣ, и теперь еще напоминаетъ о его славномъ возвращеніи изъ Лепанто. Синьорія Венеціи, послѣ отдачи Кипра заключившая 8 марта 1573 г. отдѣльный миръ съ турками, вѣрная своимъ традиціямъ (1523, 1526, 1529, 1541, 1543, 1551, и 1560 гг.) поздравила султана и съ удачей 1574 г., и великій визирь Соколли (стр. 154) старый соратникъ Сулеймана, опора имперіи при Селимѣ II, иронически благодарилъ венеціанскаго байло въ слѣдующихъ словахъ: „Завоеваніемъ Кипра мы отрѣзали у васъ руку — уничтоженіемъ нашего флота вы подстригли намъ только бороду".

Оживленныя дипломатическія сношенія Порты съ западными государствами Европы нашли себѣ выраженіе въ многочисленныхъ торговыхъ договорахъ; въ особенности Англія и Франція соперничали между собою въ снисканіи благосклонности султана, при чемъ имъ однако не удалось добиться союзничества Порты противъ Испаніи. Еще въ 1573—78 гг. императорскіе ораторы Давидъ Унгнадъ, баронъ фонъ-Стернокъ и Преубургъ и нѣкій графъ Зинцекдорфъ разсказываютъ слѣдующія подробности объ аудіенціи, которую они имѣли у султана; передъ аудіенціей они послали султану черезъ слугъ цѣнныя приношенія, деньгами, серебряной посудой и часами, во время аудіенціи они, схваченные за руки и пригнутые къ землѣ двумя чаушами (капитанами), должны были въ колѣнопреклоненномъ положеніи поцѣловать рукавъ султана. По возвращеніи изъ сераля въ ихъ тюрьму, укрѣпленное посольское зданіе на вершинѣ Перы, они чуть не были даже побиты камнями янычарами. День сраженія при Лепанто, когда къ ужасу всего мусульманскаго міра провалилась крыша мечети, подалъ знакъ къ укрѣпленію Дарданеллъ вторымъ замкомъ — „ключемъ моря", Килидъ-юль-Баромъ.

b) Цитва-Торокъ.

Селимъ пережилъ только тремя годами пораженіе своего флота и умеръ 12 декабря 1574 г., истощенный излишествами и пьянствомъ. Его сынъ Мурадъ III (1574—95) укрѣпилъ за собой тронъ, убивъ своихъ пять братьевъ. Тщетно старались папы Григорій XIII (1572—85) и Сикстъ V, устроить новый всеобщій союзъ противъ враговъ христіанства. Сикстъ V (1585—90), одинъ изъ величайшихъ папъ и дальновиднѣйшихъ правителей ,лелѣялъ планы относительно завоеванія Египта, возстановленія Суэцкаго канала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и старой міровой торговли, освобожденія Гроба Господня, союза съ Персіей, друзами, Россіей и Польшей; но могущественнѣйшіе изъ правителей Европы находились въ союзѣ съ султаномъ. Въ палатахъ дивана слѣдуетъ искать противоположный Риму полюсъ: нѣчто вродѣ повторенія отношеній между папствомъ и Византіей. Здѣсь часто развивалась и подготовлялась совмѣстная дѣятельность протестантско-магометанскаго міра. Но „католическая" Франція, въ качествѣ прислужницы Порты, находилась въ рядахъ враговъ Габсбургскаго дома, и гордая побѣдительница испанской Армады, Елизавета (т. VII, стр. 301), сумѣла, наконецъ, подзадорить султана къ морской войнѣ съ Испаніей „въ отместку за Лепанто". По внушенію молодой королевы на турецкихъ верфяхъ было построено 200 галеръ.

Императоръ Рудольфъ II былъ данникомъ турокъ. Подобно своему отцу онъ долженъ былъ ежегодно посылать въ знакъ почтенія султану, султаншамъ и вельможамъ Порты 130,000 гульденовъ и, кромѣ того, массу серебряной посуды и часовъ. При этомъ нарушенія мира все еще продолжались. Относительно набѣговъ на Венгрію было бы однако ошибкой думать, что нападающей стороной всегда были турки. Въ большомъ военномъ лагерѣ, которымъ являлась Венгрія въ теченіе десятилѣтій, на-

рушенія границы и мира съ обѣихъ сторонъ были обыденнымъ явленіемъ. Императорскіе солдаты дрались съ такой же яростью и ожесточеніемъ, какъ и турки; это было наканунѣ тридцатилѣтней войны. Скальпировать послѣ побѣды головы убитыхъ, выставлять ихъ на шестахъ передъ лагеремъ, набивать кожу головы сѣномъ или посыпать ее порохомъ и затѣмъ зажигать, все это было такъ же въ обычаѣ, какъ и ограбленіе труповъ, насилованіе женщинъ, какъ нарушеніе слова при сдачѣ крѣпостей, измѣнническія нападенія и коварства всякаго рода. И все это сопровождалось съ обѣихъ сторонъ увѣреніями въ богобоязненности и благочестіи.

Послѣ убійства благороднаго и умнаго великаго визиря Соколли (11 октября 1579 г.) воспреемникомъ былъ албанецъ Синанъ (1580 г.). Будучи еще намѣстникомъ Египта, онъ отличился завоеваніемъ Іемена (1571 г.) или Голетты (1574 г.), но, благодаря возстанію янычаръ, ему уже два раза пришлось уступить большую печать своимъ врагамъ и соперникамъ Ферхаду и Сіавушу. Ставъ въ 1593 г. въ третій разъ великимъ визиремъ, онъ побудилъ миролюбиваго султана къ открытой борьбѣ и къ объявленію (13 августа) войны императору. Синанъ, въ то время, какъ визири его начали войну въ Босніи, подумывалъ уже о завоеваніи Богеміи. Во главѣ 150 тысячнаго войска онъ взялъ Тотисъ (Тоту) и въ 1594 г. завоевалъ Раабъ, очень важный пунктъ. Послѣ смерти Мурада III, Магометъ III (1595—1603 гг.), удавивъ сначала своихъ 19 братьевъ, самолично отправился на „священную войну". Михаилъ Храбрый, національный герой Валахіи (см. четвертый отдѣлъ этого тома), нанесъ ему, правда, уничтожающее пораженіе при Калугарени 13 августа 1592 г., но, сопровождаемый своимъ мудрымъ учителемъ, константинопольскимъ муфтіемъ и исторіографомъ Сеадъ-эд-диномъ (стр. 126, 138 и 158), Магометъ завоевалъ Эрлау 13 октября 1595 г. „Пьянство, этотъ главный порокъ нѣмцевъ,—писалъ изъ лагеря лютеранскій богословъ Георгъ Миліусъ,—въ войнѣ съ трезвыми и бдительными турками сыграло для насъ роль величайшаго измѣнника". 20 октября была разрушена Каница, передовой оплотъ Штиріи. Сигизмундъ Баторій, съ 1588 г. самостоятельный правитель Трансильваніи, стремился съ 1592 г. къ освобожденію отъ союза съ Турціей; въ 1597 и 1599 гг. онъ отказался отъ власти и въ 1602 г. былъ совершенно изгнанъ изъ Трансильваніи императорскими войсками. Самимъ крестьянамъ турецкій режимъ казался легче, чѣмъ тираннія магнатовъ, а эти послѣдніе по религіознымъ мотивамъ желали свергнуть иго ультракатолическаго Габсбургскаго дома. Въ 1604 г. Стефанъ Бочкай заключилъ союзъ съ турками и въ 1605 г. былъ признанъ правителемъ Венгріи и Трансильваніи. Расположенный на возвышенности Гранъ уже въ 1604 г. достался опять туркамъ. Наконецъ, 23 іюня 1606 г. былъ заключенъ миръ съ уполномоченными Бочкая въ Вѣнѣ, а 11 ноября и съ турками въ Цитва-Торакѣ (Ситваторокъ, около Коморна). Но на какихъ условіяхъ былъ заключенъ этотъ миръ! Турки должны были получить все, что было ими до сихъ поръ завоевано, и ежегодную дань въ 200,000 гульденовъ. Бочкай былъ признанъ пожизненымъ правителемъ въ Трансильваніи и въ восьми комитатахъ Венгріи. Императоръ Рудольфъ II объявилъ въ тайномъ протестѣ свою подпись вынужденной и не обязывающей его на будущее время. Къ этому его принудили протестующіе государственные чины имперіи и Венгріи, братоубійственная борьба въ Габсбургскомъ домѣ, неурожай и дороговизна повсюду, негодность и соперничество его воиновъ: ибо не подросло еще тогда геройское поколѣніе, вышедшее изъ нидерландской военной школы пармскаго и оранскаго домовъ, поколѣніе появившееся скоро на венгерскомъ театрѣ войны съ мастерскими хитроумными маневрами и превосходящее турокъ въ фортификаціонномъ и осадномъ искусствѣ.

Послѣ Цитва-Торжскаго мира 1606 г. Габсбурги недолго уже остава-

лись данниками султановъ; со времени этого мира территорія Турецкой имперіи уже не увеличивалась; наступаетъ остановка въ развитіи турецкаго могущества, переходная эпоха передъ начинающимся упадкомъ: таково историческое значеніе этого мира. Корректуры мирнаго договора только въ 1616 г. были представлены австрійскимъ посланникомъ въ Чернинѣ; онъ былъ первымъ христіанскимъ посланникомъ, вступившимъ въ Константинополь открыто съ крестовой хоругвью и съ музыкой.

c) Время дворцовыхъ смутъ; военная граница.

Двѣ вещи спасли священную Римскую имперію отъ гибели: внутреннія смуты и борьба изъ-за престола въ Турціи и укрѣпленіе военной границы. Въ 1603 г. персы отняли опять у султана Тебрисъ (Тавризъ; стр. 152) и Багдадъ и убили въ открытомъ бою болѣе 50,000 человѣкъ. Полумѣсяцъ склонялся къ закату. Правда, „волнорѣзу восточнаго и западнаго переселенія народовъ у Золотого Рога“ былъ подвластенъ еще цѣлый міръ, отъ рифовъ Марокко до морей Аравіи, отъ Оманскаго залива до Дона, отъ поворота Дуная у Вайцена до Грузіи. Но ясно видно, какъ постепенно уменьшаются силы Порты въ теченіе 15-лѣтней борьбы (1591—1606 гг.), какъ постепенно расшатываются устои ея въ Азіи и внутренніе враги, болѣе опасные, чѣмъ персы и египтяне, подкапываются подъ войско и флотъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подъ власть теократическаго султаната. Этому мусульманскому государству недоставало національной опоры; религіозная идея ислама заглушала ростъ всякаго національнаго движенія.

Хотя начало упадка Турціи и коренится въ этихъ вспышкахъ послѣдней четверти 16 столѣтія, въ солдатскихъ возмущеніяхъ, въ частой смѣнѣ великихъ визирей и высшихъ властей имперіи, но главными виновниками являются все-таки сами султаны. Малодушіе, трусость, жадность, сладострастіе Мурада III находились въ тѣсной связи съ произволомъ великихъ визирей, съ женскимъ господствомъ гарема и съ высасывающей системой беглербеговъ, „губокъ султана“. Странныя противорѣчія соединялись въ его характерѣ. Со своимъ современникомъ Рудольфомъ II онъ былъ связанъ миролюбіемъ и склонностью къ искусству и наукамъ. Многочисленныя сооруженія, возведенныя особенно въ бытность виликимъ вмзиремъ Синана, новый сераль въ Скутари, мечеть въ Адріанополѣ, Магнезіи, на Сипилѣ и на Кипрѣ, точно также какъ и могучія укрѣпленія въ Эривани, Карсѣ и Шемахѣ, канализація въ Меккѣ свидѣтельствуютъ о пониманіи султаномъ искусства и о его страсти къ постройкамъ. Даже самые враждебные ему авторы хвалятъ его за любовь къ музыкѣ, юриспруденціи и исторіи. Но какъ у Рудольфа II, такъ и у него хозяйничанье фаворитовъ оказывало рѣшающее вліяніе на всѣ правительственныя дѣйствія.

Альфредъ Лёбль называетъ въ числѣ этихъ фаворитовъ прежде всего поэта Шемзи, историка Сеадъ-ед-дина, дефтердаря Овейса и главнаго гофмейстера Бенефера—не слѣдуетъ, кромѣ того, забывать и властолюбивую валиде, венеціанку Нуръ Бассу, и другихъ женщинъ, отъ которыхъ Мурадъ имѣлъ не менѣе 102 человѣкъ дѣтей.

Въ 33 года Магометъ III (1595—1603 гг.) былъ уже больнымъ, дряхлымъ старикомъ. Впервые со времени основанія имперіи на престолѣ былъ падишахъ, дрожавшій при одномъ звукѣ пушечнаго выстрѣла, между тѣмъ, какъ его предшественники ежедневно показывались передъ войсками и упражнялись на окмеиданѣ въ стрѣльбѣ изъ лука и въ бросаніи джерида. Ахметъ I (1603—11 гг.) подражалъ своему отцу: онъ былъ развратенъ, неспособенъ и отличался безумной гордостью. Ахметъ умеръ 12 ноября 1617 г. послѣ безплоднаго 14-лѣтняго царствованія. Памятни-

комъ Ахмету служитъ прекрасное сооруженiе, мечеть Ахмета на Атмейданѣ въ Стамбулѣ съ ея минаретами; куполъ огромной и все-таки тонкой, легкой, наноминающей воздушное строенiе, мечети покоится на четырехъ колоссальныхъ мраморныхъ пилястрахъ, внутренность которыхъ могла вмѣстить четыре маленькихъ мечети. Такъ какъ въ количествѣ минаретовъ видѣли умаленiе достоинства главной мусульманской святыни, Каабы въ Меккѣ, то султанъ и долженъ былъ согласиться прибавкой седьмого минарета къ Хараму Каабы, возстановить это достоинство и успокоить ортодоксальное духовенство.

Ахметъ оставилъ послѣ себя семь сыновей, старшему изъ которыхъ Осману, было только 12 лѣтъ. Поэтому на престолъ вступилъ Мустафъ I (1617—18), братъ умершаго султана. Но Мустафъ былъ слабоумный. Тогда корпорацiи улемовъ, муфти и диванъ впервые рѣшились низложить султана и засадить его въ башню стараго Сераля. Османъ II (1618—1622 гг.), несмотря на его несовершеннолѣтiе, былъ возведенъ на престолъ. Когда ему исполнилось 14 лѣтъ, онъ освободился отъ опеки визирей, убилъ своего младшаго, способнаго брата и предпринялъ войну противъ Польши, при чемъ театромъ войны были лѣса и степи Хотина. Его янычары были побѣждены, и когда онъ хотѣлъ наказать и уничтожить ихъ, они и его заключили въ семибашенный замокъ, гдѣ онъ и былъ задушенъ Даудомъ Пашой въ маѣ 1622 г. Въ правленiе слабоумнаго Мустафы, выпущеннаго изъ темницы, перешли въ 1822 г. опять къ Персiи провинцiи Грузiя, Эривань, Багдадъ и Басра.

Мустафа I былъ низложенъ вторично и на престолъ возведенъ Мурадъ IV (съ 1623 до 9 февраля 1640 г.), младшiй братъ Османа II. Уже въ 1620 году Гаврiилъ Бетленъ черезъ Франца Балассы, Стефана Корлата и даже черезъ посольство „зимняго короля“ Фридриха V Пфальцскаго просилъ у Порты признанiя его королемъ Венгрiи, каковая просьба сопровождалась богатыми подарками. Въ уплату за это пошелъ Вайценъ, перешедшiй 5 ноября 1621 г. въ руки офенскаго паши. Государствомъ управляла вмѣсто несовершеннолѣтняго внука своего Мурада IV султанша валиде Кассему Махпейкеръ, которой Константинополь обязанъ самымъ большимъ и красивымъ каравансараемъ, Валиде Ханомъ. Въ это время ханъ крымскихъ татаръ (т. II, стр. 172) Магометъ Гирей III уничтожилъ турецкiй флотъ, казаки разграбили Буюкдере. Эрзерумскiй паша поднялъ возстанiе, и Валленштейнъ въ 1626 году, двинувшись противъ Мансфельда и Бетлена (т. VII, стр. 312), принудилъ турокъ къ снятiю осады съ Неограда. Когда въ 1634 году Георгъ I Ракочи, преемникъ Бетлена († 15 ноября 1629 г.) медлилъ выступить вмѣстѣ съ султаномъ противъ поляковъ, то послѣднiй обратилъ свою милость на Чекели и Стефана Батлена, брата Гаврiила, за которыхъ были и посланники Францiи и Голландiи. Между тѣмъ въ 1634 г. свирѣпый Мурадъ послѣ грандiозныхъ походовъ завоевалъ Тавризъ и Эривань, убилъ своихъ братьевъ, Баязета и Сулеймана, и въ 1638 году взялъ опять Багдадъ.

Христiанство въ лицѣ императорскаго правительства оказываетъ замѣчательно энергичное сопротивленiе, оно идетъ медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ, укрѣпляя военную границу, что и помогло ему въ концѣ концовъ одержать побѣду. Начало устройству военной границы положили еще Матвѣй Корвинъ и Фердинандъ I, она представляла изъ себя потомъ линiю укрѣпленiй, длиною около 200 нѣмецкихъ миль, отъ Трансильванiи до Далмацiи; вполнѣ закончена она была только при Максимилианѣ II-мъ. Эрцгерцогъ Карлъ былъ назначенъ „постояннымъ намѣстникомъ кроатскихъ и виндскихъ пограничныхъ земель“. Еще послѣ паденiя Бѣлграда въ 1521 году началъ переливаться на австрiйскую территорiю потокъ „ускоковъ“, сербскихъ и боснiйскихъ бѣглецовъ. Уже въ 1535 г. имъ были дарованы Фердинандомъ I большiя привиллегiи и свобода отъ пода-

тей, и они были поселены въ карстовыхъ пустыняхъ Зихельбургскаго округа, въ теперешнихъ ускокскихъ горахъ. Все больше прибывало перебѣжчиковъ, охотно бравшихъ на себя составленіе пѣхотнаго и коннаго ополченія. Изъ нихъ правители Австріи образовали ту милицію, которая въ качествѣ пограничной стражи на Дунаѣ и на Савѣ, въ теченіе двухъ столѣтій, являлась какъ бы плотиной противъ натиска турокъ. Храбрѣйшими же изъ нихъ и бичами въ рукахъ Австріи противъ турокъ считались Ценгскіе ускоки на приморской границѣ. Болѣе чѣмъ столѣтіе они были грозою Адріи и наносили чувствительнѣйшія потери какъ владычицѣ морей Венеціи, такъ и, господствующей на сушѣ Турціи. По всему Средиземному морю занимались морскими разбоями варварійскія государства, Алжиръ, Тунисъ и Триполисъ, мальтійцы, сициліанцы и неаполитанцы. — Ценгскіе ускоки были королями морского разбоя на Адріатическомъ морѣ; изъ своей неприступной крѣпости Ценга (Сигна, Senj) на служившемъ имъ защитою, Кварнеро, родинѣ ужасной Боры, они совершали свои смѣлые походы вплоть до береговъ Персіи; газеты приносили даже извѣстіе о морскомъ сраженіи между ними и персами около Лакоозона.

B. Отъ Ибрагима I до Махмуда I (1640—1754).

За Мурадомъ, турецкимъ Нерономъ, который, какъ и послѣдній, былъ страстнымъ поклонникомъ музыки, слѣдовалъ его братъ Ибрагимъ I (1640 — 48), турецкій Геліогабалъ. Противъ его заносчивости и опасныхъ причудъ соединились даже съ янычарами въ своей мечети Ортаджами ученые юристы. Ибрагимъ былъ первымъ султаномъ, который былъ низложенъ и убитъ съ соблюденіемъ якобы законныхъ формъ (18 августа 1648 года).

a) Магометъ IV.

Его сынъ Магометъ IV (1848 — 87) вступилъ на престолъ въ томъ году, когда Германія только что оправилась отъ разгрома тридцатилѣтней войны. Счастьемъ для священной Римской имперіи было то обстоятельство, что въ теченіе этихъ десятилѣтій цѣлый рядъ безсильныхъ султановъ, борьба съ персами и внутренняя смуты ослабили ту руку, которая такъ часто угрожала христіанскому міру уничтожающимъ ударомъ. Благодаря борьбѣ изъ-за опекунства надъ десятилѣтнимъ, — можетъ быть надъ семилѣтнимъ, — султаномъ, Турецкая имперія чуть чуть не распалась. Жертвой этой борьбы пала въ 1651 г. мать трехъ султановъ, прекрасная греческая рабыня Тарханъ (Терханъ), память о которой до сихъ поръ жива въ Стамбулѣ въ огромныхъ сооруженіяхъ. Имперія была близка къ распаденію. Разстроенные финансы правительство пыталось поправить увеличеніемъ втрое податей и порчей монеты. Въ началѣ 1656 года изъ Анатоліи приходили толпы крестьянъ сь жалобой на неслыханный гнетъ намѣстниковъ; за ними, въ качествѣ наслѣдія постояннаго угнетенія, сохранилось навсегда названіе „рунджиберъ" т. е. полные мученія. Бунты янычаръ и возстанія визирей учащались; Магометъ IV пожертвовалъ подошедшимъ къ сералю мятежнымъ гвардейцамъ 30 головъ своихъ совѣтниковъ, которые были повѣшены на знаменитомъ платанѣ на Этмен-данѣ. Франческо Моросини завоевалъ Лемносъ и Тенедосъ, а Лоренцо Марчелло уничтожилъ у входа въ Дарданеллы 70 турецкихъ кораблей.

α) Оба Кеприли.

Но тутъ явился человѣкъ, чтобы спасти имперію. Магометъ Кеприли сдѣлался великимъ визиремъ въ сентябрѣ 1656 года. Сынъ албан-

скаго крестьянина, онъ мальчикомъ попалъ въ Стамбулъ и, несмотря на неумѣніе читать и писать, благодаря сильному уму и желѣзной волѣ, достигъ высшаго положенія въ государствѣ. Киприли задушилъ возстаніе кровью 30.000 человѣкъ; онъ взялъ себѣ за образецъ Мурада IV, ученика Макіавелли. Онъ уничтожилъ венеціанскій флотъ Лаццаро Мочениго, опять завоевалъ въ 1657 г. Лемносъ и Тенедосъ, взялъ крѣпости на Дарданеллахъ. Въ 1657/58 г. онъ разбилъ войска добившагося независимости Георгія II Ракочи и сдѣлалъ правителемъ Ахатія Борчая, увеличивъ получаемую съ него дань на 40.000 дукатовъ. Казаковъ онъ отбросилъ за Днѣпръ. Въ началѣ 1659 г. онъ убилъ 30 пашей Малой Азіи и Сиріи, коварно напавъ на нихъ изъ засады близъ Алеппо, и въ цѣляхъ устрашенія выставилъ на стѣнахъ сераля массу головъ, которыя привозились цѣлыми телѣгами. Онъ осмѣлился даже оказать сопротивленіе (1659) безумной расточительности сераля и гарема; только его походъ противъ Крита былъ остановленъ, благодаря тому, что кардиналъ Мазарини послалъ помощь венеціанцамъ, находившимся тамъ въ затруднительномъ положеніи. За это Киприли безъ всякихъ разговоровъ посадилъ въ 1658 году въ тюрьму французскаго посла Жака де ла Гай и не обращалъ никакого вниманія на угрозы Людовика XIV.

Киприли умеръ 1 ноября 1661 года, въ 80-лѣтнемъ возрастѣ. Магометъ IV посѣтилъ его у смертнаго одра и обѣщалъ ему назначить великимъ визиремъ его сына А х м е т а К е п р и л и, фактъ почти безпримѣрный въ исторіи этого высокаго сана. Ахметъ былъ человѣкомъ высокообразованнымъ, знатокомъ Корана, Сунны и всѣхъ мусульманскихъ наукъ; имѣвъ возможность познакомиться съ дѣлами въ качествѣ паши Эрзерума и Дамаска, а также каймакама Стамбула, онъ въ 27 лѣтъ сдѣлался великимъ визиремъ. Султану было 23 года, онъ былъ преданъ роскоши, охотѣ и юношамъ, позднѣе и женщинамъ и жилъ въ Адріанополѣ. Войска Леопольда въ 1662 г. завладѣли Серимваромъ въ Трансильваніи, Ахметъ выступилъ противъ нихъ весной 1663 года; получая мало денегъ отъ скупого султана, онъ завоевалъ все-таки Нейгейзель (27 сентября), Уйваръ, Серимваръ и Гранъ.

Но 1 августа 1664 г. онъ былъ разбитъ при С а н к т ъ Г о т а р д ѣ, монастырѣ на рѣкѣ Р а а б ѣ (т. VII, стр. 490). Эта битва является поворотнымъ пунктомъ въ военной исторіи Турціи. Къ австрійцамъ и венгерцамъ присоединилось 6000 французовъ съ цвѣтомъ французскаго дворянства подъ предводительствомъ графа Жана Колиньи и Франсуа д'Обюссона виконта де ля Фенадъ; напудренныхъ и надушенныхъ французовъ въ ихъ пестрой формѣ великій визирь счелъ за дѣвушекъ. Войскомъ предводительствовалъ австрійскій фельдмаршалъ графъ Монтекукколи. Передъ битвой кавалерійскій генералъ Іоаннъ фонъ Шпоркъ обнажилъ голову и молился: „О всемогущій генералиссимусъ тамъ вверху, если ты не хочешь помочь намъ, твоимъ вѣрующимъ христіанскимъ дѣтямъ, то не помогай, по крайней мѣрѣ, турецкимъ собакамъ, и ты увидишь хорошую штуку!" Затѣмъ французы Колиньи съ грознымъ крикомъ „Tue" ринулись на вражескіе ряды, и ружейные залпы одержали здѣсь свою первую побѣду. Еще и теперь цѣла близъ Санктъ-Готарда часовня, напоминающая объ уничтоженіи турецкаго войска. Недовѣріе и зависть не дали, правда, по обыкновенію христіанамъ воспользоваться плодами своей побѣды: по миру, заключенному въ Васварѣ 10 августа 1664 года, Портѣ достались крѣпости Серимваръ и Уйваръ. Но моральное значеніе этой побѣды было велико. Санджакъ-и-шерифъ, знамя пророка, напрасно только развернутое 13 августа 1595 года, опять было посрамлено.

Чтобы вознаградить себя, Ахметъ Киприли долженъ былъ стремиться къ завоеванію К р и т а. 27 сентября 1669 г., въ 10 час. утра, провведиторъ Моросини (стр. 160) передалъ великому визирю ключи Кандіи, которой ве-

неціанцы владѣли 465 лѣтъ. Помощь французовъ, предводительствуемыхъ герцогами Анной Жюлемъ Ноальскимъ и Франсуа Вандомскимъ, была такъ же тщетна, какъ и помощь флота, посланнаго папой Климентомъ IX. Нентель, французскій посолъ, возобновилъ 3 іюня 1673 г. договоры Франциска I съ Портой, по которымъ признавались особыя привилегіи за французкимъ посломъ, французскими товарами, за остъ-индской торговлей, за живущими въ Турціи католиками, за церковными зданіями, за французами въ Перѣ и Галатѣ, за святыми мѣстами.

Незадолго передъ тѣмъ Бэконъ Веруламскій и Германъ Конрингъ писали о разрѣшеніи восточнаго вопроса. Эту мысль продолжалъ проводить въ 1670 и 1671 г.г. Г. В. Лейбницъ въ обширномъ мемуарѣ. „De propositione Egyptiaca“, лично прочитанномъ имъ наихристіаннѣйшему королю въ Парижѣ. Онъ предлагалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ завоеваніе Египта и прорытіе Суэцкаго канала. Одинъ французскій дипломатъ писалъ иронически объ этомъ проектѣ: „Mais vous savez, que les projets d'une guerre sainte ont cessé d'être à la mode depuis Saint Louis“.

На мѣсто державъ, имѣвшихъ главное значеніе до тѣхъ поръ, выступили теперь два новыхъ враждебныхъ полумѣсяцу государства—Польша и Россія. Порта назначила мятежнаго украинскаго казацкаго гетмана, Дорошенку, санджакъ-беемъ, или намѣстникомъ, какъ будто дѣло шло о турецкой провинціи; когда Польша совершенно справедливо протестовала противъ этого, вспыхнула война. Магометъ IV и Ахметъ Куприли со сто пятьюдесятьютысячнымъ войскомъ въ концѣ лѣта 1672 г. опустошили Польшу до Каменца, Львова и Люблина и принудили безсильнаго короля Михаила Корибута Вишневецкаго, 18 сентября 1672 года, по мирному договору въ Буджакѣ (Bucsacs) уступить Подолію и Украину. Но уже годъ спустя полководецъ Іоаннъ Собѣсскій при Хотинѣ (Chocim; 10—11 ноября 1673 г.) одержалъ побѣду надъ великимъ визиремъ и сераскиромъ Гуссейномъ пашой и отнялъ у нихъ зеленое знамя, которое и теперь еще виситъ въ храмѣ св. Петра въ Римѣ. Іоаннъ III Собѣсскій, ставшій королемъ, освободилъ города Умань и Львовъ и на голову разбилъ зятя Куприли, Кара Мустафу. Дорошенко кинулся въ объятія Россіи. Московскому царю Ѳедору III была объявлена священная война, но въ трехъ слѣдовавшихъ одна за другою кампаніяхъ, въ 1677—79 г.г., онъ остался побѣдителемъ; Ахметъ Куприли скончался уже въ началѣ ноября 1676 года. По миру въ Радынѣ (Radzyn) 11 февраля 1681 г. поляки вновь получили части Украины и Подоліи, которыя должны были быть имъ уступлены уже по миру въ Журавнѣ, заключенному 27 октября 1676 г. между Собѣсскимъ и Ибрагимомъ Шейтаномъ. Русскіе, съ разрѣшенія запорожскихъ казаковъ, получили доступъ къ судоходству по Черному морю. Съ этого года начинается гибельная дѣятельность русскихъ въ Турецкой имперіи.

β) Вѣна и Офенъ.

Путь къ этой работѣ долженъ былъ быть проложенъ австрійскими побѣдами и австрійской кровью. Порта 10 августа 1683 г. назначила мятежнаго графа Эмериха Текелія (т. VII, стр. 503) королемъ той части Венгріи, которая принадлежала Австріи. Возбудилъ ее къ такому поступку французскій король Людвикъ XIV, посломъ котораго при графѣ Текели состоялъ де Ферріоль. Это былъ достаточный поводъ для войны. Принцъ Евгеній Савойскій позднѣе открыто высказалъ въ своихъ мемуарахъ: „Безъ Людовика XIV мусульмане и мятежные венгры никогда не подступили бы къ воротамъ Вѣны“.

Тщеславный и невѣжественный Кара Мустафа, бывшій сераскиромъ и сердаромъ съ неограниченной властью, мечталъ объ основаніи второй Турецкой имперіи, главой которой былъ бы онъ самъ, а столицей—

Вѣна. Императоръ Леопольдъ I бѣжалъ въ Линцъ. Иннокентій XI устроилъ 31 марта 1683 года союзъ императора съ поляками. Карлъ Лотарингскій съ войскомъ въ 40,000 человѣкъ не могъ помѣшать туркамъ перейти черезъ рѣку Раабъ и расположился лагеремъ за Каленбергомъ, съ нетерпѣніемъ ожидая прибытія помощи отъ имперіи или отъ поляковъ. Графъ же Ридигеръ фонъ Штарембергъ заперся съ десятитысячнымъ войскомъ въ Вѣнѣ. 14 іюня 200,000 турокъ расположились лагеремъ передъ городомъ и вмѣстѣ съ татарами, предводительствуемыми ханомъ Селимомъ Гиреемъ I, окружили его со всѣхъ сторонъ. Началась ужасная осада, продолжавшаяся 45 дней; турки шли 18 разъ на приступъ; а осажденные сдѣлали 24 вылазки. Несмотря на блестящую защиту, городъ былъ уже близокъ къ паденію, когда ночью съ 6 по 7 октября взвились съ Каленберга и Леопольдсберга ракеты, возвѣщающія приближеніе вспомогательнаго войска, собравшагося въ Тульнѣ на Дунаѣ. Съ Карломъ Лотарингскимъ, Іоанномъ Георгомъ III Саксонскимъ, Максимиліаномъ Эмануиломъ Баварскимъ и Георгомъ Фридрихомъ Вальдекскимъ соединилъ свое войско король польскій Іоаннъ III и 12 сентября, начавъ битву съ Каленберга, со своимъ семидесятитысячнымъ войскомъ нанесъ туркамъ полное пораженіе (см. т. VII, стр. 504). 13 сентября онъ вступилъ въ Вѣну, привѣтствуемый какъ освободитель. Императоръ возвратился домой только тогда, когда всякая опасность уже миновала.

Турки навсегда бѣжали изъ Германіи, оставивъ за собой несмѣтныя сокровища. Собѣсскій преслѣдовалъ ихъ вмѣстѣ съ Карломъ Лотарингскимъ, нанесъ имъ пораженіе при Парканахъ и взялъ Гранъ. Кара Мустафа бѣжалъ въ Бѣлградъ, гдѣ онъ и былъ 25 декабря удавленъ по приказанію султана. Многочисленныя современныя брошюры и картины иллюстрируютъ его трагическій конецъ. Затѣмъ императорскія войска одержали въ 1684 г. побѣды надъ Сулейманомъ пашей при Вышеградѣ, Вайценѣ,囗Пештѣ и Гамзабегѣ. Графъ Лесли побѣдоносно проникъ въ Боснію. Для Турецкой имперіи время побѣдъ прошло. 19 августа былъ взятъ приступомъ Нейгейзель. Но крупнѣйшимъ событіемъ этого похода были осада и паденіе Офена 2 сентября 1686 года. При этомъ была спасена часть библіотеки Корвиновъ. Полководецъ германскаго императора Карлъ Лотарингскій, поддерживаемый нѣмецкимъ курфюрстомъ, Максимиліаномъ Эмануиломъ и войсками всѣхъ нѣмецкихъ племенъ (баварцами, саксонцами, бранденбуржцами), вырвалъ у невѣрныхъ оплотъ турецкой имперіи, столицу земель, принадлежавшихъ коронѣ Стефана, а потомъ и всѣ эти земли. Такимъ образомъ, свобода мадьяровъ отнюдь не была пріобрѣтена храбростью этого гордаго и воинственнаго народа. 12 августа 1687 года неутомимый Карлъ Лотарингскій одержалъ побѣду надъ шестидесятитысячнымъ войскомъ Сулеймана паши также въ битвѣ при Могачѣ (т. VII, стр. 507), чѣмъ отомстилъ за побѣду Сулеймана II въ 1526 г.

Изъ брошюры 1687 г., озаглавленной: „Торжествующій имперскій орелъ“, мы узнаемъ, какія смѣлыя надежды возлагало общественное мнѣніе на побѣды Австріи и на одновременные успѣхи венеціанцевъ въ Мореѣ, поговаривали уже о томъ, что султанъ долженъ, будто бы, перенести свою резиденцію въ Каиръ, Дамаскъ или въ Алеппо. Въ 1688 г. и Трансильванія также покорилась императору и королю венгерскому, при чемъ четыре признанныя въ ней христіанскія религіозныя общины получили свободу вѣроисповѣданія. Какъ разъ въ этотъ годъ Турецкая имперія сильно пострадала отъ голода и отъ пожаровъ. Поляки хотя и проникли въ 1685 г. до Яссъ, но были разбиты при Боянѣ. Тѣмъ крупнѣе были побѣды въ Мореѣ, венеціанцевъ, предводительствуемыхъ защитникомъ Кандіи, генералъ-капитаномъ Франческо Моросини. Они прогнали турокъ изъ Далмаціи, завоевали Санта Мауру, Превецу, Арту, Коринѳъ, Аргосъ, Патрасъ, Корон(и), Модонъ, Наваринъ, Наполи ди Романію и Мальвазію. Знамя св. Марка вновь развѣ-

валось въ Греціи; благодарный сенатъ водрузилъ во дворцѣ дожей тріумфальную арку „пелопонесцу Моросини“. Но при осадѣ Аѳинъ венеціанцами пострадалъ безсмертный Парѳенонъ. 26 сентября 1687 г., въ 7 ч. вечера, бомба, выпущенная батареей венеціанскаго генерала Оттона Вильгельма графа Кенигсмаркскаго произвела въ Парѳенонѣ взрывъ пороха и окончательно разрушила древнее святилище Паллады Минервы, Мадонны и Панагіи. Со времени паденія Константинополя и Аѳинъ никогда не была еще такъ близка къ осуществленію постоянная мечта филэллиновъ Европы и постоянное страстное желаніе порабощенныхъ грековъ. Но опьяненіе аѳинянъ свободой продолжалось только до 9 апрѣля 1689 г., когда Моросини, избранный дожемъ, опять отдалъ Аѳины, которыхъ нельзя было отстоять. Онъ увезъ изъ Порто Ліоне (Пирея) неповрежденными Аѳинскихъ Львовъ, стоящихъ теперь передъ арсеналомъ въ Венеціи. Они служатъ памятниками неудачнаго освобожденія Аѳинъ и разграбленія ихъ произведеній искусства и служатъ дополненіемъ къ желѣзнымъ конямъ подъ порталомъ св. Марка, которые были взяты при разграбленіи Константинополя въ 1204 году. Три года оставался городъ Паллады покинутымъ своими обитателями, пока султанъ не разрѣшилъ въ 1690 г. аѳинянамъ вернуться. Вмѣсто этого трехлѣтняго опустѣнія Филиппъ Фалльмерайеръ, обманутый отрывками изъ монастыря Анаргири, сдѣлалъ заключеніе о 400 лѣтнемъ опустѣніи Аѳинъ съ 6 по 10 столѣтіе (см. стр. 48).

b) Карловицъ и Пошаревацъ.

Постоянныя неудачи привели къ возстанію янычаръ и улемовъ и къ низложенію султана, котораго они заточили въ сераль гдѣ онъ и умеръ, всѣми забытый, 5 лѣтъ спустя. Обойдя сыновей Магомета IV, 23 лѣтняго Мустафу и 14 лѣтняго Ахмета, они провозгласили султаномъ его брата Сулеймана III (1687—91). Нѣмцы продолжали свои завоеванія. Предводительствуемые маркграфомъ Людовикомъ Вильгельмомъ Баденскимъ, они взяли Липпу, Иллокъ, Петервардейнъ и Эрлау. 11 августа 1688 г. Бѣлградъ былъ осажденъ 53 тысячнымъ императорскимъ и имперскимъ войскомъ подъ предводительствомъ курфюрста Максимиліана Эмануила Баварскаго и 6 сентября взятъ приступомъ. Но уже 18 октября 1690 года онъ былъ вновь завоеванъ великимъ визиремъ Мустафой Кеприли. Карлъ Лотарингскій сражался на Рейнѣ; этотъ полководецъ, вѣрный своему девизу „aut nunc aut numquam!“, послѣ паденія Бѣлграда проникъ бы до Константинополя. Мустафа Кеприли, прозванный Фацилемъ, т. е. добродѣтельнымъ, былъ теперь опорой гибнущей имперіи. Въ новомъ узаконеніи „Низамъ джедидъ“ онъ установилъ вѣротерпимость по отношенію къ христіанамъ, онъ возстановилъ въ 1690 г. договоры 1673 г. съ посломъ Людовика XIV, маркизомъ де Шатоневъ. Послѣ побѣды Текелія при Цернештѣ надъ генералами Гейслеромъ и Доріей, онъ побѣдоносно вновь началъ войну взявъ Ниссу, Виддинъ, Семендрію и Бѣлградъ.

23 іюля 1691 года скончался Сулейманъ III, и ему наслѣдовалъ братъ его Ахметъ II (1691—95). Великій визирь, въ войскѣ котораго находились 300 французскихъ офицеровъ, былъ 19 августа при Сланкаменѣ на голову разбитъ маркграфомъ Баденскимъ („турецкимъ-Луи“) и бранденбургскимъ генераломъ Гансомъ Альбрехтомъ фонъ Барфусомъ (т. VII, стр. 507); вмѣстѣ съ нимъ пало 13 пашей, много офицеровъ и 20,000 солдатъ. И нѣмцы также понесли большія потери. Послѣ смерти Ахмета II (6 февр. 1695 г.) и послѣ вступленія на престолъ Мустафы II (1695—1703), Капуданъ паша Гуссейнъ паша „Меццоморто“ опять отнялъ у венеціанцевъ Хіосъ (18 февр.). Мустафа самъ разбилъ 22 сентября при Лугосѣ храбраго графа Фридриха фонъ Ветерани-Маллентгеймъ и отнялъ Липпу, между тѣмъ какъ русскій царь Петръ Великій въ іюлѣ 1696 года принудилъ турокъ къ сдачѣ Азова.

ИСТОРИЧЕСКІЯ КАРТЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ.

Турція и вассал. земли 1699-1877 г.

Турція и сосѣд. земли послѣ берлинск. конгр. 1878, 1881 и 1885 г.

Исторія человѣчества. V.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Тогда состоялось 5 іюля 1697 года назначеніе принца Евгенія Савойскаго главнокомандующимъ надъ всѣмъ императорскимъ войскомъ. Уже 24 іюня прибылъ 34-лѣтній принцъ, заслужившій свои шпоры подъ Вѣной, и съ этого момента военное счастье покидаетъ турокъ. Усмиривъ возстаніе въ верхней Венгріи, онъ быстрыми переходами преслѣдовалъ султана до Центы. Послѣ заката солнца, 11 сентября, 20,000 турокъ осталось лежать на полѣ битвы, 10.000 были на днѣ Тиссы; спаслось только 2000 человѣкъ. Султанъ долженъ былъ съ противоположнаго берега смотрѣть на уничтоженіе своего войска; онъ бѣжалъ въ Темешваръ и отступилъ за Дунай. Память объ этомъ лучшемъ подвигѣ императорской арміи сохранилось въ грубой, нѣмецкой народной пѣснѣ; „Турокъ! теперь дѣло дошло до того, что ты совсѣмъ обремизился, такъ какъ мы рѣшили положить конецъ твоему царству, хотя злой, безстыдный французъ, провонявшій весь міръ, и помогаетъ тебѣ тайкомъ, и думаетъ, что намъ тогда плохо придется...“ Въ это же время графъ Рожеръ де Бюсси-Рабютенъ съ 30,000 всадниковъ вторгся въ Банатъ и взялъ Уйпаланку на Дунаѣ.

Но плоды Рисвикскаго мира (т. VII, стр. 511) и битвы при Центѣ не могли быть использованы, такъ какъ императоръ долженъ былъ сражаться на четырехъ театрахъ войны. Кромѣ того, австрійская военная администрація пришла въ полное разстройство. Послѣ трехмѣсячныхъ переговоровъ, при которыхъ нужно было сломить противодѣйствіе Польши и Россіи морскимъ державамъ-посредницамъ, Голландіи и Англіи, и парализовать вліяніе французскаго посла въ Стамбулѣ, былъ заключенъ, наконецъ, миръ въ Карловицѣ на Дунаѣ 26 января 1699 года (см. приложенную „Историческую карту Европейской Турціи“). По этому миру императоръ получилъ Трансильванію и большую часть Венгріи, польскій король — Каменецъ; за республикой Венеціей осталась Морея безъ Лепанто, Рагуза же была присоединена къ Турецкой имперіи. Но самое главное то, что этотъ миръ регулировалъ дипломатическія отношенія императора и султана на основаніяхъ, соотвѣтствовавшихъ достоинству императора. Этотъ послѣдній могъ бы теперь укрѣпить отношеніе свое къ землямъ, принадлежавшимъ коронѣ Стефана; но, къ сожалѣнію, онъ не обладалъ для этого достаточнымъ политическимъ талантомъ. Возстанія магнатовъ Франциска II Ракочи, Антона Эстергази-Форхтенштейна, Александра Кароліи и др., а также протестантскаго населенія, часто дѣлали сомнительнымъ владѣніе этой, такъ дорого купленной, провинціей.

Мустафа II удалился въ Адріанополь. Великій визирь Гуссейнъ Кеприли воспользовался Карловицкимъ миромъ для удачныхъ реформъ; но на бѣду Турецкой имперіи онъ умеръ слишкомъ рано, уже въ 1703 г. Его преемникъ Мустафа Далтабанъ проявилъ большую жестокость по отношенію къ католикамъ-армянамъ. Онъ, вмѣстѣ съ великимъ муфтіемъ Фейсуллахомъ, былъ принесенъ въ жертву янычарамъ. Янычары низложили затѣмъ и султана и возвели на престолъ его брата Ахмета III (1703—30) подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ перенесъ свою резиденцію опять въ Константинополь; Мустафа II былъ заточенъ въ сералѣ, гдѣ онъ и умеръ отъ яда черезъ 4 мѣсяца послѣ своего низложенія. Ахметъ, какъ и его предшественники, принадлежалъ къ тѣмъ султанамъ, которые лично занимались поэзіей. Первымъ важнымъ событіемъ его царствованія было прибытіе въ Бендеры разбитаго русскими при Полтавѣ въ 1709 году шведскаго короля Карла XII, изъ дома Виттельсбаховъ (правнука Іоанна Казимира Пфальцъ-Цвейбрикенскаго). Великій визирь Али Чорли обѣщалъ ему помощь крымскаго хана и склонилъ его такимъ образомъ двинуться на Украину, несмотря на перевѣсъ русскихъ силъ. Великій визирь будучи смѣщенъ, не могъ исполнить своего обѣщанія. „Карлъ желѣзная голова“ (Демирбашъ), какъ его называли турки, выставилъ у Черновицъ, на границѣ Молдавіи, 1000 человѣкъ для

наблюденія за русскими и вмѣстѣ съ своимъ вѣрнымъ Станиславомъ Понятовскимъ побудилъ турокъ объявить войну Россіи (21 ноября 1710 г.), которая уже завязала тайныя сношенія съ греческими подданными султана. Великій визирь Балтаджи Магометъ, обладавшій въ три раза большими силами, совершенно окружилъ царя Петра съ его 30 тысячнымъ войскомъ у Куша на Прутѣ; но будущей царицѣ Екатеринѣ удалось посредствомъ подкупа Османа Аги и великаго визиря 22—21 іюля 1711 г. добиться освобожденія царя и благопріятныхъ мирныхъ условій. Послѣ этого царь опять отказался отъ Азова и Азовской области. Шведскій король, послѣ полнаго приключеній путешествія верхомъ черезъ среднюю Европу, вернулся въ ноябрѣ 1714 г. изъ Демотики въ Штральзундъ.

Съ помощью измѣнниковъ грековъ, предпочитавшихъ турецкое иго католическому правительству, великимъ визиремъ Дамадомъ Али была отнята у венеціанцевъ въ 1715 г. Морея, но они, изнѣженные и ослабѣвшіе въ роскоши своихъ дворцовъ, ничего не сдѣлали, чтобы удержать за собой это цѣнное сокровище. Союзныя отношенія папы и императора покоились еще на „Священномъ союзѣ“ 1697 года. Соединенный флотъ плавалъ по архипелагу подъ папскимъ флагомъ; въ 1716 г. Корфу благодаря храброй защитѣ венеціанскаго полководца Іоанна Матвѣя графа Шуленбургскаго былъ освобожденъ отъ турецкой осады (19 августа; на воздвигнутомъ ему венеціанскимъ Сенатомъ въ 1718 г. мраморномъ памятникѣ на Корфу имѣется красивая надпись „Adhuc viventi“). Принцъ Евгеній настаивалъ на исполненіи casus foederis и собралъ свое войско въ Футакѣ близъ Петервардейна. 5 августа онъ вмѣстѣ съ принцемъ Александромъ Вюртембергскимъ одержалъ побѣду при Петервардейнѣ, этомъ „венгерскомъ Гибралтарѣ“; великій визирь Али Камурджишъ палъ на полѣ битвы. Папа Климентъ XI послалъ принцу освященный мечъ и шляпу. Банатъ былъ завоеванъ Клавдіемъ Флоримундомъ графомъ Мерси, и Темешваръ былъ взятъ (13 октября; см. т. VII, стр. 532). Евгеній рѣшительно отказался отъ попытокъ посредничества со стороны морскихъ державъ и двинулся къ Бѣлграду. 23 іюля началось обстрѣливаніе этого города, когда изъ Семендріи приблизилось турецкое войско. Къ императорскимъ войскамъ присоединилось еще 6 пѣхотныхъ батальономъ кургерцогства Баварскаго и полкъ драгунъ, и баварскіе принцы Карлъ Альбрехтъ и Фердинандъ находились также теперь передъ стѣнами, на которыхъ ихъ отецъ въ 1688 году совершилъ свой самый блестящій подвигъ (стр. 164). Принцъ Фердинандъ Альбрехтъ (II) Брауншвейгъ-Бевернскій началъ 17 августа приступъ и битву; черезъ день Бѣлградъ сдался съ 25 тысячнымъ гарнизономъ. Слава „благороднаго рыцаря“ была у всѣхъ на устахъ.

Весной 1717 года начались мирные переговоры въ Пошаревацѣ (Пассаровицъ) на Дунаѣ. Тѣ же христіанскія державы, которыя нѣкогда были такъ безсильны въ борьбѣ противъ врага христіанства, очень старались теперь о томъ, чтобы уменьшить могущество священной Римской имперіи. 21 іюля былъ заключенъ мирный договоръ. Порта уступила Банатъ съ Темешваромъ, Бѣлградомъ и пограничной полосой, лежащей на югъ отъ Савы; юрисдикція императорскихъ консуловъ надъ подданными римскаго императора въ Турецкой имперіи была подтверждена въ торговомъ договорѣ.

c) Бѣлградскій миръ.

Трудная война турокъ съ персидскими шахами сефевидами Госайномъ и Тамаспомъ (т. III, стр. 364) привела 30 сентября 1730 г. къ низложенію Ахмета III, который совершенно напрасно выдалъ янычарамъ требуемыя ими головы великаго визиря Дамада Ибрагима, Капудана

паши и Кіая-бега (министра внутреннихъ дѣлъ). Изъ этой войны извлекли пользу только русскіе, завоевавшіе Дагестанъ и другія провинціи на Каспійскомъ морѣ. Ахметъ умеръ отъ яда въ 1736 году, когда вновь вспыхнула война между Россіей и Турціей. Онъ оставилъ золотые слѣды въ турецкой архитектурѣ. Извѣстный беллетристъ Эдмондо де Амичисъ еще въ 1877 году писалъ въ слѣдующихъ восторженныхъ выраженіяхъ о памятникахъ этой архитектуры: „Право, руки, создавшія такія дивныя вещи, не могли быть руками варвара. Знаменитый фонтанъ Ахмета III—это чудо граціи, богатства и терпѣнія, которое слѣдовало бы сохранять подъ стекляннымъ колпакомъ, это вещь, сдѣланная не только для услажденія глаза, но какъ будто даже испускающая изъ себя благоуханіе. Каковъ былъ этотъ огромный брилліантъ, когда онъ 160 лѣтъ тому назадъ новенькій и сіяющій открылся глазамъ зрителей“!

Махмудъ I (1730—54), племянникъ Ахмета, былъ ученымъ монархомъ, любившимъ роскошь, науки и красивыя сооруженія. Онъ обогатилъ Стамбулъ четырьмя библіотеками, мечетью, нѣсколькими колодцами и восемью кіосками на берегахъ Босфора; онъ ограничилъ строгими наказаніями потребленіе вина и далъ такимъ образомъ поводъ къ тому, что хрустальный стаканъ былъ замѣненъ у мусульманъ кофейной чашкой. Не менѣе строгимъ выказалъ онъ себя и по отношенію къ свободѣ женщинъ: „Ихъ голому тѣлу давалось единственное одѣяніе, синяя ткань морскихъ волнъ“, говоритъ историкъ Изи (Ицци). Реформаторскому движенію Магомета Абдъ-Эль-Ваггаба и ваггабитовъ въ Аравіи (1745) онъ противопоставилъ дѣятельную ревность въ вѣрѣ и съ расточительной роскошью разукрасилъ Каабу въ Меккѣ. Янычарамъ онъ предоставилъ чрезмѣрное вліяніе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ.

И все-таки въ его царствованіе Турецкая имперія вновь возвысилась. Турецкій походъ противъ австрійцевъ и русскихъ закончился 18 сентября Бѣлградскимъ миромъ, послѣ неудачнаго для австрійцевъ сраженія при Крочкѣ (Трикорніумъ; 23 іюня 1739 г.). Чувствовалось, что принца Евгенія († 21 апрѣля 1736 г.) уже нѣтъ въ живыхъ. Императорскіе генералы Фридр. Гейнр. фонъ Секендорфъ, Людв. Андр. графъ фонъ Кевенгюллеръ, принцъ Іосифъ Фридрихъ фонъ Саксенъ-Гильдбурггаузенъ, Георгъ Оливье графъ Уэлльскій и Вильг. Рейнг. графъ фонъ Нейппергъ, благодаря взаимной зависти, сдѣлали невозможнымъ какой бы то ни было успѣхъ и должны были отступить изъ Сербіи и Босніи черезъ Саву и Дунай. Они приняли, формулированныя французскимъ дипломатомъ де Вилленевомъ, предложенія: уступку Бѣлграда, Орсовы, малой Валахіи и Босніи. Здѣсь на долгое время остановилась восточная политика Австріи. Россія же, послѣ Сѣверной войны утвердившаяся на Балтійскомъ морѣ, (т. VII, стр. 519) подумывала о томъ, чтобы стать въ восточномъ вопросѣ наслѣдницей Австріи; пока она должна была однако удовлетвориться Азовомъ на Черномъ морѣ, который она пріобрѣла 1 іюля 1736 года при первомъ опустошеніи ею Крыма. Остальныя же завоеванія она должна была возвратить.

Никогда турецкая политика не была такъ тѣсно связана съ европейской, какъ теперь, при Махмудѣ I, этомъ Соломонѣ на Золотомъ Рогѣ. Здѣсь толпились дипломаты всѣхъ государствъ и соперничали между собою въ пріобрѣтеніи благосклонности монарха и его визирей, въ заключеніи выгодныхъ торговыхъ договоровъ. Самымъ большимъ вліяніемъ пользовались французскіе послы, какъ то: Вилленевъ, Кастелянъ и Дезайеръ, возобновившіе и умножившіе старыя капитуляціи (стр. 152 и 164). Своими успѣхами въ походахъ 1737—39 г.г. турецкое войско было отчасти обязано умнымъ совѣтамъ французскаго ренегата Клода Александра, графа Бонневаля („Ахмедъ паша“; 1675—1747); въ 1747 г. Людвикъ XV, въ числѣ многихъ роскошныхъ подарковъ, послалъ султану и 22 артиллеристовъ

для обученія пользованія новыми орудіями. Высокая Порта въ 1747 году предложила королю свое посредничество въ заключеніи Ахенскаго мира; турецкое высокомѣріе достигло своей высшей точки. Турецкій оффиціальный исторіографъ Изи (стр. 167) повѣствуетъ о заключеніи мира въ такихъ выраженіяхъ: „Богъ далъ собакѣ восторжествовать надъ свиньей“.

C. **Отъ Османа III до мира въ Яссахъ (1754—92).**

Братъ Махмуда I († 13 декабря 1754 г.) Османъ III (1754—57) вышелъ изъ темницы 54 лѣтнимъ старикомъ, озлобленнымъ и ожесточеннымъ. При немъ смѣнилось 15 великихъ визирей. Старшій сынъ Ахмета III, подававшій большія надежды принцъ Магометъ ханъ, умеръ раньше Османа III, поэтому ему наслѣдовалъ второй сынъ Ахмета, Мустафа III (1757—73). Его правленіе замѣчательно дѣятельностью великаго визиря Рагиба Магомета, вновь поднявшаго Турецкую имперію, и стяжавшаго также значительную славу на литературномъ поприщѣ. Онъ усмирилъ въ 1747 году беевъ мамелюковъ въ Каирѣ, и 23 марта 1761 года заключилъ съ Фридрихомъ Великимъ прусскимъ дружескій договоръ, регулировавшій также вопросы судуходства и торговли и имѣвшій своею цѣлью ни болѣе, ни менѣе, какъ отнятіе у австрійцевъ плодовъ Карловицкаго и Пошаревацкаго мирныхъ договоровъ.

Польскій вопросъ далъ поводъ къ новой войнѣ между Портой и Россіей. 6 октября 1769 года великій визирь Гамза заключалъ въ Семибашенный замокъ русскаго посла Обрѣзкова. Ногайскій ханъ К(е)римъ Гирей вторгнулся въ русскія области на Днѣпрѣ и на Днѣстрѣ; но его смерть (въ мартѣ 1769 г.) освободила Россію отъ этого врага. Мустафа III принялъ уже имя Гаци (Побѣдоносный). Какъ великаго визиря Магомета Эмина, такъ и молдавскаго воеводу Каллимахи султанъ обезглавилъ за ихъ неуспѣшную борьбу на Прутѣ съ русскими, предводительствуемыми Алекс. М. Голицынымъ и Петромъ А. Румянцевымъ. Халиль паша былъ разбитъ въ 1770 году при Журжевѣ, Бухарестѣ и Златинѣ. Между тѣмъ русскій флотъ, подъ начальствомъ Григорія Орлова, Спиридова и Джона Эльфинстона, прибылъ изъ Балтійскаго моря въ Архипелагъ и причалилъ у Витило въ Мореѣ, а Алексѣй Орловъ разбилъ и сжегъ турецкій флотъ 6 іюля на рейдѣ Чесмы (Крини у Хіоса). Затѣмъ подъ предводительствомъ русскихъ офицеровъ противъ турокъ массами возстали христіане — черногорцы, майноты и прочіе греки Мореи (особенно въ Каламатѣ). Но часъ освобожденія еще не пробилъ. Русскій флотъ не могъ пробиться въ Дарданеллы укрѣпленныя венгерско-французскимъ барономъ Францемъ Тоттомъ (1733—93); возстаніе грековъ было кроваво подавлено съ помощью нанятыхъ Портой албанцевъ. Албанцы страшно опустошали Грецію до тѣхъ поръ, пока сама Порта не приняла противъ нихъ мѣръ; но только въ 1779 году они были почти уничтожены Гасаномъ пашей при Триполицѣ. Румянцевъ же взялъ Карталъ, Бендеры и Браилу. Султанъ рѣшился черезъ посредство интернунція, Й. А. Франца де Паулы фонъ Тугута предложить императору раздѣлъ Польши, за которую онъ только что поднималъ оружіе: онъ не подозрѣвалъ, что этотъ раздѣлъ былъ уже рѣшеннымъ дѣломъ для сѣверныхъ державъ. Между тѣмъ генералъ Вейсманъ одержалъ въ 1771 г. новыя побѣды при Журжевѣ и Тульджѣ на Дунаѣ, а Василій М. Долгорукій въ Крыму („Крымскій“). Янычары роптали и отказывали въ повиновеніи. Въ августѣ собрался мирный конгрессъ въ Фокшанахъ. Россія категорически отказалась отъ предложеннаго посредничества Австріи и Пруссіи. А война между тѣмъ продолжалась. Русскіе одерживали новыя побѣды. Вейсманъ палъ при Кайнарджи (1 іюля 1773 г.); Румянцевъ проникъ черезъ Силистрію до Варны (10 ноября) Въ

Сиріи и Египтѣ возстали Али Бей (т. III, стр. 692) и Тагиръ, поддерживаемые русскими деньгами. А. Орловъ обстрѣливалъ Бейрутъ.

Тогда умеръ Мустафа III, 24 декабря 1773 года. Такъ какъ сыну его Селиму (III) было только 12 лѣтъ, то колеблющійся тронъ занялъ братъ Мустафы, Абдулъ Гамидъ I (1774—89). 21 іюля 1774 г. былъ въ мѣстечкѣ Кучукъ-Кайнарджи, въ четырехъ часахъ отъ Силистріи, заключенъ тотъ миръ, который Тугутъ назвалъ мастерскимъ произведеніемъ русской дипломатіи. Россія получила нѣкотораго рода право покровительства надъ Молдавіей, Валахіей и надъ православными христіанами въ Турціи; такъ по крайней мѣрѣ толковался позднѣе русскими пунктъ этого договора, касающійся одной церкви въ Перѣ и іерусалимскихъ пилигриммовъ; кромѣ того, она получила нѣсколько мѣстъ въ Крыму и право свободнаго плаванія по Черному и Эгейскому морямъ.

Но миръ былъ заключенъ не „на вѣчныя времена". Уже въ 1783 г. Григорій А. Потемкинъ вторгнулся опять въ Крымъ и завладѣлъ полуостровомъ Таманью. Онъ прогналъ крымскаго хана Шагина Гирея и присоединилъ эти земли вмѣстѣ съ землями по Кубани къ Россійской имперіи подъ именемъ Таврической области и Кавказа. Іосифъ II въ апрѣлѣ 1780 г. имѣлъ въ Могилевѣ свиданіе съ императрицей Екатериной II и угрозой войны принудилъ султана къ уступчивости. Въ маѣ 1787 года произошло затѣмъ знаменитое свиданіе монарховъ въ Херсонѣ, при чемъ Потемкинъ на южныхъ воротахъ декорированнаго города выставилъ хвастливую надпись: „Путь въ Византію". Великій визирь, чтобы предотвратить возстаніе янычаръ, засадилъ 16 августа въ Семибашенный замокъ (Едикуле) русскаго посла Булгакова. Александръ Вас. Суворовъ началъ вторую войну 12 октября (Кинбурнъ). Австрія никогда не вела еще противъ турокъ такого огромнаго войска: 245,000 пѣхоты, 37,000 кавалеріи и 900 орудій; но не хватало планомѣрнаго и единодушнаго дѣйствія съ русскими. Принцъ Іосія Саксенъ-Кобургскій взялъ въ 1788 г. Хотинъ, а знаменитый Лаудонъ Нови и Дубицу въ Босніи; Потемкинъ взялъ Очаковъ (17 декабря 1788 г.) и въ Крыму крѣпость Хаджибей, будущую Одессу (осенью 1789 г.).

1 апрѣля 1789 г. скончался Абдулъ Гамидъ I, и на престолъ вступилъ единственный сынъ Мустафы III, энергичный Селимъ III (1789—1807; см. рисунокъ при стр. 149), занимавшійся до тѣхъ поръ въ סералѣ своими науками. Онъ былъ отчаяннымъ врагомъ Австріи. Первымъ важнымъ событіемъ продолжаемой войны была побѣда Кобурга и Суворова при Фокшанахъ (1 августа; ср. выше) и генерала Карла Іосифа графа Клерфэ при Мегадіи на Чернѣ близъ Орсовы; 22 сентября послѣдовала побѣда Суворова и Кобурга при Мартинестіи на Рымникѣ. 8 октября сдался Бѣлградъ, и императорское знамя снова развѣвалось надъ зубцами крѣпости. Но система Іосифа какъ въ Нидерландахъ, такъ и въ Венгріи встрѣтила сильнѣйшее противодѣйствіе. Австрія должна была согласиться на переговоры въ Систовѣ. Русскіе категорически отказались прислать уполномоченныхъ на конгрессъ и отвергли всякое вмѣшательство постороннихъ державъ. Суворовъ только что, 22 декабря 1790 г., взялъ приступомъ Измаилъ, сильнѣйшую изъ всѣхъ крѣпостей на Дунаѣ. Революція во Франціи принудила къ примиренію Австрію и Пруссію (т. VIII, стр. 18); плодомъ этого примиренія былъ договоръ, заключенный 4 августа 1791 года въ Систовѣ на Дунаѣ. Союзные европейскіе дворы не достигли своей цѣли, раздѣла Европейской Турціи. Леопольдъ II (императоръ съ 20 февраля 1790 г.) долженъ былъ опять возвратить плодородную Валахію и даже пріобрѣтеніе Лаудона, Бѣлградъ; рѣчушка Черна должна была быть впредь пограничной чертой. Россія вела въ Галацѣ отдѣльные переговоры черезъ князя Николая В. Рѣпнина. Она удовлетворилась Очаковымъ и днѣстровской границей, и послѣ смерти Потемкина (16 октября 1791 года)

былъ заключенъ окончательный миръ генераломъ Александромъ А. графомъ Безбородко 9 января 1792 г. въ Яссахъ. Сѣверный берегъ Чернаго моря перешелъ къ Россіи.

4. Эпоха реформаторскихъ попытокъ (1 половина XIX столѣтія).

А. Конецъ Селима III.

Селимъ III принялъ на себя трудную задачу защищать, угрожаемую со всѣхъ сторонъ, Турецкую имперію. Почти одновременно освободились отъ власти Порты Сирія, Египетъ и Румелія: Джессаръ паша въ Сэнъ-Жанъ д'Акрѣ, мамелюки въ Капро и Пассванъ-оглу въ Виддинѣ на Дунаѣ (вмѣстѣ съ преданной ему ордой кирджаліевъ и ихъ предводителемъ, много воспѣтымъ болгариномъ, воеводой Инджей). Бонапартъ задумалъ въ 1797 году уничтожить Венеціанскую республику и заявилъ Директоріи, что Франція должа удержать за собой Корфу: „ибо Корфу и Цанте,—писалъ онъ Талейрану,—дѣлаютъ насъ господами Адріатическаго моря и Востока. Тщетно было бы заботиться о сохраненіи Турецкой имперіи". Уже до этого Талейранъ указывалъ на Египетъ. Теперь Бонапарту было поручено завладѣть Мальтой и Египтомъ, прогнать англичанъ изъ Краснаго моря и прорыть каналъ черезъ Суэцкій перешеекъ. 1 іюля 1798 г. 36,000 французовъ завладѣли Египтомъ. Талейранъ старался убѣдить султана въ томъ, что походъ направленъ, будто бы, только противъ мамелюковъ. Вмѣшательство въ восточный вопросъ должно было и Россію также возстановить противъ Франціи. Порта объявила 1 сентября войну Франціи, заключила въ Семибашенный замокъ (Едикуле) французскаго посла Рюфена, присоединилась на нѣкоторое время къ европейской коалиціи и соединила свой флотъ съ русскимъ, который отнялъ у французовъ Іоническіе острова. Но послѣ побѣды Бонапарта при Абукирѣ 25 іюля 1799 г. (т. III, стр. 693), султанъ опять сталъ держаться нейтралитета и заключилъ миръ съ Франціей, ибо ему еще нужно было справиться съ опаснѣйшими врагами внутри имперіи, съ разстройствомъ финансовъ, съ непослушаніемъ пашей Янины (Али; см. фиг. 2 на рис. при стр. 186), Виддина, Сиріи и ваггабитовъ Аравіи.

Въ 1802 г. султанъ рѣшился на „новое устройство" (Низамъ Джедидъ) войска, что было равносильно государственному перевороту. Новое войско, милиція по европейскому образцу, должно было служить противовѣсомъ янычарамъ, и гаттишерифъ 1805 г. заставилъ стать подъ новое знамя цвѣтъ турецкаго юношества.

Въ 1804 г. въ Сибницѣ, Делиградѣ, Сталацѣ, Нишѣ вспыхнуло возстаніе сербовъ противъ произвола янычаръ. Сербами предводительствовалъ Георгъ Петровичъ, прозванный Чернымъ, или Карагеоргіемъ. Благодаря русскому вліянію ихъ поддерживали господари Молдавіи и Валахіи, Константинъ Мурузи и Константинъ Ипсиланти. Въ 1805 г. возстаніе распространилось; въ 1806 г. сербы разбили турокъ при Шабацѣ, завоевали—послѣ того, какъ были временно оттѣснены турками — Бѣлградъ въ декабрѣ 1806 года, одержали побѣду при Ушицѣ подъ предводительствомъ Милана Обреновича въ 1807 году и учредили народное представительство (скупщину). На западѣ въ этомъ воинственномъ возстаніи видѣли уже начало всеобщаго освобожденія христіанской „райи" (стада) отъ владычества турокъ. Въ этомъ заключается его всемірное историческое значеніе.

Но прежде всего война началась на обширномъ сѣверномъ театрѣ. Наполеонъ I не только добился у султана признанія себя императоромъ (1806 г.), но и достигъ черезъ своего маршала Гил. М. А. Брюна,

бывшаго съ 1803 по 1805 г. французскимъ посланникомъ въ Константинополѣ, того, что султанъ, нарушивъ Ясскій договоръ 1792 г., смѣстилъ валашскихъ воеводъ. Въ отвѣтъ на это царь тотчасъ же послалъ на Дунай войско подъ предводительствомъ Ив. Ив. Михельсона, между тѣмъ какъ англійскій флотъ, силою пробравшись черезъ Дарданеллы, появился въ Мраморномъ морѣ. Но столица была приведена въ оборонительное положеніе французскимъ посломъ, генераломъ Гораціемъ Франс. графомъ Себастіани, и флотъ былъ принужденъ уйти къ Египту. Наполеонъ писалъ 11 ноября 1806 г. изъ Берлина султану, что судьба предназначила его быть спасителемъ Турціи. Онъ старался устроить союзъ между Турціей и Персіей, у которой Россія отняла сначала Мингрелію (1803-4 г.), а въ 1805 г. Карабагъ и Ширванъ. Правда, въ Тильзитскомъ мирѣ (7 іюля 1807 г.) царь и императоръ заключили тайное условіе отнять у Турціи ея европейскія владѣнія до Константинополя и подѣлить ихъ между собой (т. VIII, стр. 62); корсиканецъ заявилъ, что Константинополя онъ никогда не уступитъ, ибо этотъ городъ принадлежитъ всему міру. Впослѣдствіи царь Александръ заявилъ французскому посланнику графу Арм. А. Л. Коленкуру герцогу Виченцскому, что для Россіи Константинополь былъ бы только пограничнымъ провинціальнымъ городомъ, что этотъ городъ предназначенъ ему уже самой географіей, и что онъ долженъ имѣть ключъ отъ двери своего дома.

Между тѣмъ Турція была потрясена въ самыхъ своихъ основаніяхъ внутренними смутами. Селимъ III хотѣлъ принудить нѣкоторую часть войскъ надѣть мундиръ Низамъ Джедидовъ, и тогда, 29 мая 1807 года, вспыхнуло возстаніе. Напрасно пожертвовалъ перепуганный монархъ головами своихъ совѣтниковъ, которыя были переброшены черезъ стѣны сераля и тщетно обѣщалъ онъ распустить Низамъ Джедидовъ. Селимъ былъ низложенъ фетвой муфтія (31 мая 1807 года), и улемы возвели на престолъ Мустафу IV (1807—08 г.). Напрасно явился въ столицу изъ Рущука побѣдоносный генералъ Мустафа Байрактаръ (см. фиг. 1 на табл. при стр. 186) — низложенный султанъ былъ уже задушенъ. Напрасно вытащилъ онъ изъ убѣжища до смерти перепуганнаго принца Махмуда и провозгласилъ его султаномъ, какъ второго сына Абдулъ Гамида I (28 іюля 1808 г.), напрасно устроилъ онъ рѣзню убійцъ Селима, возстановилъ Низамъ Джедидовъ подъ именемъ „Сейменовъ", добился у султана казни Мустафы IV и готовился уничтожить янычаръ. Все это послужило къ его собственной гибели. Народъ возсталъ вмѣстѣ съ янычарами, и осажденный Байрактаръ въ критическій моментъ взорвалъ себя 14 ноября на воздухъ вмѣстѣ съ осаждающими.

B. **Махмудъ II.**

Махмудъ II (1808—39; см. рис. при стр. 149) 18 ноября торжественнымъ гаттишерифомъ призналъ янычаръ въ качествѣ прочнѣйшей опоры трона; народъ и войско привѣтствовали единственнаго, оставшагося въ живыхъ, потомка дома Османа и тысячеголосное „Tschok jascha Sultan Mahmud" раздавалось въ мечетяхъ, на улицахъ и площадяхъ. Династія Османа была спасена какъ будто чудомъ. 23 лѣтнему султану приходилось бороться съ двумя опасными противниками: съ сербами и съ Россіей, которая поддерживала какъ ихъ, такъ и черногорцевъ противъ турокъ и французовъ въ Далмаціи. Но война на Дунаѣ велась безъ энергіи. Только послѣ того, какъ Россія пріобрѣла по Фридрихгамскому миру, 17 сентября 1809 г. у Швеціи Финляндію и получила отъ Наполеона завѣреніе въ томъ, что Польша не будетъ возстановлена, тогда только турецкая война выступила въ русской политикѣ на передній планъ. На мѣсто князя Петра И. Багратіона начальникомъ 80-тысячнаго войска былъ сдѣланъ

графъ Николай М. Каменскій. Онъ тотчасъ же перешелъ черезъ Дунай, взялъ уже 3 іюня Базарджикъ и потомъ Силистрію, Систово, Рущукъ, Журжево и Никополь.

Страхъ передъ Наполеономъ и передъ возстаніемъ Польши остановилъ дальнѣйшія предпріятія. Послѣ смерти Каменскаго, 65-лѣтній Голенищевъ-Кутузовъ (т. VIII, стр. 74) на голову разбилъ турокъ 12 октября 1811 г. при Слободзѣ и Рущукѣ. Эта побѣда рѣшила исходъ войны. Англійскій флотъ угрожающе сталъ передъ Дарданеллами на тотъ случай, если султанъ вздумаетъ присоединиться къ континентальной системѣ Наполеона. По Бухарестскому миру 12 мая 1812 года были вновь подтверждены договоры, подписанные въ Кучукъ-Кайнарджи и въ Яссахъ и кромѣ того, Россіи была уступлена Бессарабія, сербамъ дана амнистія, большая независимость и расширены границы Сербіи. Фанаріоты братья Мурузи, уполномоченные султана, по возвращеніи были казнены за слишкомъ большую уступчивость царю.

a) Основаніе Сербскаго княжества.

Русскіе пріобрѣли въ Сербіи то вліяніе, которымъ нерѣшительно пренебрегла Австрія. Поэтому, когда русскіе находились въ маѣ 1813 г. на Одерѣ и Эльбѣ, турецкія войска опять появились въ Сербіи; Георгій Петровичъ бѣжалъ черезъ Австрію въ Россію. Тяжела была для Сербіи турецкая месть. Тогда въ вербное воскресеніе (11 апрѣля) 1815 г. явился Милошъ Обреновичъ съ старымъ воеводскимъ знаменемъ; весь народъ присоединился къ нему. Только крѣпости остались въ рукахъ турокъ. 6 ноября 1817 г. Милошъ былъ признанъ воеводой епископами, князьями и народомъ, Карагеоргій же, вернувшійся съ намѣреніемъ соединиться съ греческой гетеріей, былъ убитъ.

b) Греческая борьба за свободу.

Въ Греціи почти одновременно съ основаннымъ въ 1812 г. въ Аѳинахъ, обществомъ филомузовъ образовалось тайное общество филиковъ, *φιλική ἑταιρία* дѣятельность котораго дѣйствительно привела черезъ нѣсколько лѣтъ къ открытой борьбѣ за свободу. Три молодыхъ грека, Ник. Скуфасъ изъ Арты, Аѳ. Цакалофъ изъ Янины и Панаг. Анагностопуло изъ Андрицены, основали въ концѣ 1814 г. въ Одессѣ новую гетерію и поклялись, „что впредь только мечъ и огонь будутъ посредниками между ними и врагами родины". Всѣ прибывающіе члены общества связывались страшными клятвами. Этотъ духъ свободы родился на питательной почвѣ умственнаго возрожденія народа. Со времени завоеванія Византійской имперіи турками греки были, правда, лишены политической свободы, но подъ духовнымъ покровительствомъ ихъ патріарха въ Фанарѣ и въ монастыряхъ (на Аѳонѣ, въ Янинѣ, въ Эпирѣ, и въ пелононнеской богословской школѣ въ Димицанѣ) искра науки и свободы продолжала тлѣть подъ пепломъ и непрерывно поддерживалась на языкѣ церкви и евангелія. Какъ армянамъ и евреямъ, такъ и грекамъ ихъ умъ и ихъ подвижность доставляютъ высшія должности въ непосредственной близости къ падишаху. Съ тѣхъ поръ, какъ имъ досталось мѣсто перваго толмача Порты (въ концѣ 17 столѣтія), черезъ нихъ велись всѣ переговоры съ иностранными державами; они были, главнымъ образомъ, послами при иностранныхъ дворахъ, и изъ нихъ назначала обыкновенно Порта, начиная съ 18 столѣтія господарей Молдавіи и Валахіи. Существуетъ извѣстное, переведенное Гете, сужденіе одного англійскаго дипломата объ этихъ фанаріотахъ, незадолго до начала греческой революціи: „Подъ такимъ гнетомъ, ежедневно увеличивающимся благодаря турецкому деспотизму, въ греческомъ характерѣ

выработалась чрезвычайная изобрѣтательность на увертки, нѣкотораго рода косоглазіе въ нравственныхъ вопросахъ, изъ чего при постоянномъ рабствѣ образовалась привычная двуличность, сразу такъ поражающая иностранца". И все-таки взоры всѣхъ грековъ, несмотря на то, что Порта какъ будто оказывала имъ предпочтеніе, послѣ того, какъ по Пошаревацкому миру вся Морея перешла во владѣніе турокъ, были съ тоской обращены на освободительницу-Россію.

Аѳины и острова были пощажены въ тѣхъ грозахъ, которыя разражались надъ Греціей съ 1770 г., благодаря попыткѣ Россіи освободить Морею, когда призванные турками албанцы безчеловѣчно опустошали Элладу и Пелопоннесъ; сами турки были принуждены въ 1779 г. уничтожить неистовыхъ албанцевъ, что и было исполнено Гасаномъ пашой при Триполицѣ. По мирному договору къ Кучукъ-Кайнарджи, въ 1774 г., Россія еще разъ должна была отдать грековъ туркамъ; но это иго становилось все легче по мѣрѣ того, какъ ослабѣвали силы турецкаго государства. Греки обогащались торговлей: паруса торговыхъ судовъ, высылаемыхъ греческими островами, покрывали Средиземное море. Во время французской революціи почти вся левантійская торговля венеціанцевъ и французовъ перешла въ ихъ руки. Число греческихъ матросовъ опредѣлялось въ 10,000 человѣкъ. Въ борьбѣ съ морскими разбойниками ихъ корабли никогда не снимали воинскаго снаряженія и воспитали, подобно арматоламъ, служившимъ въ европейскихъ войскахъ, поколѣніе сильное, суровое, неприхотливое и воинственное. Въ горахъ Майны, Албаніи и Ѳессаліи скрывался свободный духъ бродячихъ пастуховъ, „клефтовъ", которые никогда не склонялись передъ турецкимъ мечомъ. Дѣти богатыхъ купцовъ, объѣзжавшія берега Европы, учились въ школахъ запада и жадно всасывали освободительныя идеи Сѣверо-американскихъ Штатовъ и французской революціи. Въ 1796 г. Константинъ Ригасъ изъ Феры (Велестино въ Ѳессаліи; т. VIII, стр. 653) составилъ въ Вѣнѣ планъ общаго возстанія, и эта идея, воспѣтая имъ въ пламенныхъ стихахъ, нашла себѣ горячихъ приверженцевъ. Въ то время, когда онъ хотѣлъ завязать сношенія съ Наполеономъ, въ которомъ видѣлъ героя свободы, онъ былъ въ 1798 г. арестованъ въ Тріестѣ и вмѣстѣ съ пятью товарищами выданъ австрійской полиціей бѣлградскому пашѣ, который и казнилъ его въ маѣ мѣсяцѣ. Онъ умеръ геройской смертью со словами: „Я посѣялъ сѣмя; мой народъ пожнетъ сладкій плодъ".

Въ Парижѣ Адамантій Кораисъ (1748—1833) изъ Смирны еще до паденія Наполеона трудился вмѣстѣ со своимъ кружкомъ ради духовнаго возрожденія, „палингенезіи" грековъ. Еще на Вѣнскомъ конгрессѣ графъ Іоаннъ Каподистрія изъ Корфу основалъ гетерію филомузовъ, носившуюся съ мыслью, основать академію въ Аѳинахъ. Этимъ гетеріямъ недоставало лишь предводителя, подобно сербамъ.

Этотъ предводитель явился наконецъ изъ Россіи. Александръ Ипсиланти, происходившій изъ уважаемаго фанаріотскаго рода (род. 12 дек. 1792 г.), внукъ господаря Валахіи, носившаго то же имя и 80-лѣтнимъ старикомъ замученнаго турками, сынъ Константина Ипсиланти, господаря Валахіи, который, будучи смѣщенъ въ томъ же году, бѣжалъ, онъ, еще во время Вѣнскаго конгресса, находясь при царѣ въ качествѣ адъютанта, пріобрѣлъ его горячія симпатіи въ пользу гетеріи. Полагаясь на молчаливое согласіе своего монарха, онъ отправился въ сентябрѣ 1820 г. въ Кишиневъ въ Бессарабіи, чтобы отсюда завязать сношенія съ главарями союза въ Придунайскихъ княжествахъ и въ Константинополѣ, на островахъ и на материкѣ. Воспользовавшись тѣмъ, что Турція была занята мятежомъ Али Паши въ Янинѣ, Александръ Ипсиланти, сопровождаемый своимъ братомъ Константиномъ и княземъ Кантакузеномъ, переправился 6 марта 1821 года черезъ Прутъ, торжественно въѣхалъ въ Яссы, еще въ

ту же ночь извѣстилъ царя, бывшаго тогда на Лайбахскомъ конгрессѣ (т. VIII, стр. 149), и выпустилъ воззваніе къ греческому народу. 12 марта онъ отправился въ Валахію; только 9 апрѣля онъ съ 5000 человѣкъ добрался до Бухареста. Но съ этихъ поръ начались неудачи. Царь, который былъ связанъ Священнымъ союзомъ и „легитимностью", объявилъ грековъ мятежниками; русскій консулъ въ Яссахъ высказалъ открытое порицаніе предпріятію фанаріотовъ. Теперь выяснилось, какъ мало любви заслужили они на Дунаѣ. Бояре сопротивлялись, крестьяне покидали ихъ, сербы задерживали, измѣна была въ ихъ собственномъ лагерѣ. Что могло при такихъ условіяхъ сдѣлать геройство „Священнаго отряда" при Драгашанахъ (въ малой Валахіи; 19 іюня 1821 г.) въ сраженіи съ превосходными силами пашей Силистріи и Браилы! 26 іюня Ипсиланти спасся на австрійскую территорію, гдѣ онъ и протомился лучшіе годы своей жизни въ тюрьмахъ въ Мункачѣ и Терезіенштатѣ; онъ умеръ измученный 31 января 1828 года, вскорѣ послѣ своего освобожденія. Послѣдняя жертва геройской кучки, Георгакисъ, сынъ Николаоса, 20 сентября взорвалъ себя на воздухъ въ монастырѣ Секко (въ Молдавіи). Такимъ образомъ была устранена фантастическая мысль объ основаніи Великой Греціи, охватывающей также и Придунайскія государства.

Но тѣмъ сильнѣе пылало пламя возстанія на югѣ, въ свободной отъ войскъ Мореѣ (Каламата). Архіепископъ Патрасскій Германъ первый поднялъ въ Калавритѣ знамя креста и возстанія. Когда пламя возстанія охватило материкъ и острова, даже аѳонскіе монахи взялись за оружіе. Въ ночь съ 6 на 7 мая 2000 крестьянъ съ возгласами „Христосъ Воскресе" завладѣли нижнимъ городомъ Аѳинъ. Острова Гидра, Спетсе и Псара выслали уже 3 мая флотъ изъ 18 кораблей и брандеровъ.

Тогда въ напуганномъ магометанскомъ мірѣ началось ужасное движеніе противъ грековъ. Ожесточенные янычары и народъ бросились въ столицѣ и въ Смирнѣ на беззащитныхъ христіанъ. Среди фанаріотовъ были произведены многочисленныя казни; между прочимъ были казнены первый толмачъ Порты Константинъ Мурузи, Алекс. Маврокордато, Ѳеодоръ Рицо и др.; даже престарѣлый патріархъ Григорій V палъ жертвою народной ненависти. Русскій посланникъ 18 іюля заявилъ протестъ противъ наказанія невинныхъ, выѣхалъ 10 августа изъ Константинополя и 13 встрѣтился съ царемъ въ Великихъ Лукахъ, близъ Одессы; послѣдствіемъ этого свиданія было скопленіе русскихъ войскъ на Прутѣ.

Во всей Европѣ пробудился энтузіазмъ къ грекамъ. Благороднѣйшіе умы приняли участіе въ борцахъ, которые изъ своего почтеннаго прошлаго черпали гордость несокрушимаго народнаго духа и защищали крестъ противъ полумѣсяца. Со времени занятія Аѳинъ венеціанцами, въ 1688 г., взоры всей образованной Европы были вновь обращены къ городу Минервы. Венеціанскіе инженеры Вернада и Феличе набросали тогда подробный планъ Акрополя и города, напечатанный потомъ Франческо Фанелли въ его „Atene attica" (1707). Ш. дю Канжъ (т. VIII, стр. 529) написалъ въ 1657 г. свою исторію Константинопольской Имперіи во время франконскихъ императоровъ, а въ 1680 г. свою „Historia byzantina". Со времени герцога Георга Букингама (1592—1628) и графа Ѳомы Арундельскаго (1586—1646) г.) въ Англіи пробудился вкусъ въ собиранію греческихъ произведеній искусствъ: богатые лорды посылали своихъ агентовъ въ Грецію и на Востокъ, или же сами предпринимали поѣздки туда, какъ напр. лордъ Клермонтъ, для котораго Ричардъ Дальтонъ приготовилъ въ 1749 г. рисунки аѳинскихъ памятниковъ и статуй. Джемсъ Стюартъ и Николай Реветтъ, начиная съ 1751 г., рисовали „Аѳинскія Древности" (вышли въ 1762 и 1787 гг.). Въ 1776 г. появились „Путешествія по Греціи" Рич. Чендлерса; въ 1732 г. образовалось въ Лондонѣ общество дилеттантовъ (Society of dilettanti) съ рѣзко выраженными филэллинскими цѣлями. Въ 1764 г.

появилась „Исторія искусства древности“ I. I. Винкельмана, а въ 1787 г. Эдв. Гиббонъ закончилъ свою „History of the decline and fall of the Roman Empire“. Съ 1812 г. драма Бетховена „Развалины Аѳинъ“ наполняла ужасомъ и состраданіемъ сердце каждаго чувствительнаго человѣка. Цѣлый міръ увлекательныхъ картинъ и воспоминаній возникъ въ Европѣ, которая и сама только что сбросила ярмо Корсиканскаго завоевателя. Почти всюду возникли въ 1821 г. филэллинскіе кружки, имѣвшіе цѣлью помогать оружіемъ и деньгами „героямъ Мараѳона и Саламина“. Банкиръ Жанъ Габр. Эйнаръ въ Женевѣ, вюртембергскій генералъ Норманнъ (см. т. VIII, стр. 151), французскій графъ Гаркуръ, Сѣверная Америка, Англія, въ Баваріи страстный поклонникъ искусства король Людовикъ I и художникъ майоръ Карлъ Вильг. Гейдеггеръ (съ 1844 г. барона фонъ Гейдекъ) посылали деньги, оружіе, корабли или вольныя дружины. Греческія пѣсни Вильгельма Миллера, стихи лорда Георга Байрона: „Горы взираютъ на Мараѳонъ, а Мараѳонъ взираетъ на море“ и его геройская смерть (19 апрѣля 1824 г. въ Миссолунги) воодушевили гражданъ Европы. Даже холодный въ политическомъ отношеніи царь поэтовъ Гете, воспламененный сербскими и греческими народными пѣснями, положилъ и свое вѣское слово на вѣсы человѣчности.

Не такъ вели себя правительства. Въ особенности удерживала царя отъ вмѣшательства Австрія, подавляющее вліяніе которой только что обнаружилось въ рѣшеніяхъ конгрессовъ въ Карлсбадѣ, Троппау и Лайбахѣ (т. VIII, стр. 138 и 146). Князь Меттернихъ не забылъ еще тильзитскихъ и эрфуртскихъ плановъ Франціи и Россіи относительно раздѣла; потому державы, по его предложенію, хотя и настаивали на уступкахъ со стороны Порты, но при этомъ требовали полнаго подчиненія повстанцевъ ихъ „законнымъ властелинамъ“. Политическое положеніе было чрезвычайно благопріятно для перваго предложенія. Персы находились въ пограничныхъ азіатскихъ провинціяхъ, Кандія была въ состояніи возстанія, паша Янины Али стойко держался противъ войскъ султана, вѣрность Мехмеда Али была очень сомнительна, суліоты, предводительствуемые Маркомъ Боцарисомъ нанесли туркамъ чувствительное пораженіе на Пассаронской равнинѣ. И дѣйствительно, султанъ сдѣлалъ уступку: онъ отозвалъ свои войска съ Дуная и назначилъ новыхъ господарей. Военное счастье грековъ колебалось при Ѳермопилахъ, въ Аѳинахъ, въ Вониццѣ (въ Акарнаніи), въ Лепанто, въ Навпліи, въ Коринѳѣ и въ Патрасѣ, гдѣ турки твердо держались. Первое національное собраніе въ Аргосѣ, потомъ въ Піадгѣ избрало въ декабрѣ 1821 г. Александра Маврокордато своимъ предсѣдателемъ („проэдросъ“) и 13 января 1822 г. объявило себя независимымъ. Но несмотря на „Органическій законъ Эпидавра“ у палликаровъ и морскихъ героевъ не хватало сознательной цѣлесообразности въ дѣйствіяхъ; приматы и капитаны Ѳ. Колокотрони, Одиссей, П. Мавромихалисъ, Ѳ. Негри, Г. Караискаки, Діакосъ, Г. Кондуріоти постоянно ссорились между собою. Въ это время былъ убитъ Али Паша въ Янинѣ; его голова и его неисчислимыя сокровища были привезены въ Стамбулъ (5 февр. 1822 г.); такимъ образомъ турецкая армія освободилась для дѣйствій противъ грековъ. 11 апрѣля началось вырѣзаніе населенія острова Хіоса. Крикъ ужаса пронесся по Европѣ. Геройскіе подвиги смѣлыхъ начальниковъ брандеровъ К. Канари, А. Пипино (Пепини) Ѳеохари, I. Томбаци, А. Міаули уничтожили турецкій флотъ. Храбрый Маркъ Боцарисъ погибъ 21 августа 1823 г. вмѣстѣ со своими суліотами при вылазкѣ изъ осажденныхъ Миссолунговъ (см. „Историческую карту“ при стр. 165).

Теперь султанъ, вынужденный критическимъ положеніемъ, обратился за помощью къ своему вассалу, котораго боялся, къ Мехмеду Али въ Египтѣ. Этотъ послѣдній послалъ сначала обученныя французскими офицерами войска. подъ начальствомъ сына своего Ибрагима, въ Кан-

дію для подавленія возстанія. Потомъ Ибрагимъ появился въ Мореѣ (22 февр. 1825 г.), гдѣ штыки и кавалерія дали ему большой перевѣсъ надъ храбрыми, но плохо дисциплинированными и плохо вооруженными греками. И все-таки они рѣзко протестовали противъ мирнаго протокола державъ отъ 24 августа 1824 г., рекомендовавшаго имъ подчиниться Портѣ и обѣщавшаго прощеніе султана, и это послѣ того, какъ еще 4 іюля было перебито почти все населеніе скалистаго острова Псары. Среди самихъ грековъ образовались три партіи: Маврокордато былъ за Англію, Каподистрія за Россію и пиндовалахъ Іоаннъ Колетти за Францію. Англійское вліяніе побѣдило. Въ это время скончался 1 декабря 1825 г. въ Таганрогѣ императоръ Александръ, и на престолъ вступилъ молодой Николай I. Онъ быстро подавилъ военное возстаніе въ Петербургѣ и рѣшилъ сломить вліяніе Меттерниха. Тогда Каннингъ отправилъ герцога Веллингтона въ Петербургъ, и 4 апрѣля 1826 г. обѣ великія державы подписали протоколъ, согласно которому онѣ хотѣли превратить Грецію въ сравнительно независимое, но обязанное данью вассальное государство Турціи, на подобіе Сербіи. Карлъ X согласился на это, тронутый геройской защитой Миссолунги. Только Австрія поощряла тайкомъ султана къ подавленію возстанія. И дѣйствительно, помощь, оказанная грекамъ лордомъ Ѳомой Кочреномъ и генераломъ Рич. Черчемъ, полковниками Чарльзомъ Ник., барономъ Фабвіеромъ, Вотье и Гейдекомъ, не могла остановить турецкихъ побѣдъ. 5 іюня сдался, завоеванный уже Акрополь, и съ нимъ была опять потеряна для грековъ вся Эллада.

Но смѣлый шагъ, отъ котораго ждали укрѣпленія, какъ разъ пошатнулъ тронъ султана. 28 мая 1826 года Махмудъ II издалъ гаттишерифъ о реформѣ янычаръ. Когда они возмутились, то султанъ, хорошо вооруженный и на этотъ разъ поддержанный улемами и народомъ, встрѣтилъ ихъ на Этмейданѣ и сталъ разстрѣливать картечью. Онъ сейчасъ же занялся устройствомъ новаго войска по европейскому образцу. Первое появленіе Махмуда передъ глазами правовѣрныхъ въ мундирѣ, узкихъ брюкахъ, сапогахъ и въ красной фескѣ вмѣсто чалмы, было событіемъ чрезвычайной важности для Турецкой имперіи. Но его торжество было преждевременно, его войско было на нѣкоторое время ослаблено, реформа не доведена до конца. Врагъ опять уже ломился въ двери имперіи. 6 октября 1826 г. уполномоченные султана подписали въ Аккерманѣ соглашеніе, которымъ удовлетворялись требованія Россіи для Сербіи и придунайскихъ княжествъ кромѣ одного, — свободы Греціи. Тщетно представилъ онъ уже 10 іюня 1827 г. ультиматумъ державамъ, въ которомъ говорилось, что ему одному принадлежитъ право разрѣшенія греческаго вопроса. 11 апрѣля 1827 г. Каподистрія изъ Корфу былъ сдѣланъ подъ русскимъ вліяніемъ президентомъ республики, и Россія, Англія и Франція порѣшили 6 іюля сосредоточить свои флоты въ греческомъ морѣ. Такимъ образомъ, произошло одно изъ ужаснѣйшихъ морскихъ сраженій, при Наваринѣ[1]. Въ этомъ сраженіи въ теченіе 4 часовъ было уничтожено 120 турецкихъ военныхъ и транспортныхъ судовъ.

Такое „неожиданное событіе“ обозначало собою дальнѣйшее торжество русской политики, которая только что пріобрѣла въ Азіи Грузію, Имеретію (Колхиду 1810 г.), Гулистанъ (1813 г.) и въ 1828 г., по Туркманчайскому миру, оплотъ армянской церкви Эчміадзинъ, чѣмъ обезпечила себѣ тылъ въ верхней Арменіи. Но султанъ послѣ Наваринской битвы былъ непреклоннѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ объявилъ во всѣхъ мечетяхъ торже-

[1] Наварино называются остатки укрѣпленія, лежащаго на юго-западѣ отъ мессенскаго прибрежнаго мѣстечка Неокастрона, у южнаго входа въ гавань; старая же крѣпость у сѣвернаго входа въ гавань называется Палэо Наваринонъ. Въ маѣ 1904 года греческій генералъ-майоръ Станкосъ получилъ разрѣшеніе изслѣдовать при помощи водолазовъ тамошнее морское дно.

ственный гаттишерифъ, въ которомъ выражалъ твердое намѣреніе отстоять свою самостоятельность и бороться съ Россіей, „которая уже въ теченіе 50—60 лѣтъ является главнѣйшимъ врагомъ Порты“. Однако ему не хватало способныхъ офицеровъ, главнымъ же образомъ, войска, которое онъ теперь только намѣревался создать, лишь бы ему дали время на это. Такимъ образомъ, главное войско Порты состояло, какъ всегда, вплоть до нашихъ дней, изъ безпорядочныхъ азіатскихъ ордъ, природная необузданная сила которыхъ не могла замѣнить европейской дисциплины и тактическихъ знаній. „Собери весь свой духъ,—писалъ поэтому Махмудъ въ военный лагерь къ великому визирю,—ибо опасность велика“. 7 мая русскіе переправились черезъ Прутъ въ Европѣ, 4 іюня черезъ Арпачай въ Азіи. Иванъ Ф. Паскевичъ завоевалъ Карскую область, Ахалцыхъ между верхней Курой и Араксомъ и создалъ себѣ прочную операціонную базу противъ Эрзерума. На Дунаѣ русскіе подвигались впередъ медленнѣе. Только послѣ паденія Браилы 17 іюня и Варны 11 октября 1828 года, русскіе осмѣлились двинуться на Балканы, эту природную крѣпость. Но наступившая зима положила конецъ войнѣ. Гельмутъ ф.-Мольтке говоритъ въ классическомъ описаніи этой войны (1845 г.): „Если сообразить, какихъ огромныхъ жертвъ стоила Россіи эта война, то будетъ дѣйствительно трудно сказать, кѣмъ проиграна или выиграна война, русскими или турками“.

Такимъ образомъ, споръ могъ быть рѣшенъ только вторымъ походомъ. Въ Восточной Румеліи русскіе 15 февраля 1829 года завладѣли гаванью Сизополь, важной для снабженія войска провіантомъ. Уже 24 февраля Дибичъ (т. VIII, стр. 158) взялъ на себя главное начальство, перешелъ въ маѣ черезъ Дунай и 11 іюня при Кулевчѣ, благодаря превосходству своей артиллеріи, обратилъ въ бѣгство войско великаго визиря Решида Мехмеда. Затѣмъ сдалась Силистрія (26 іюня), и Дибичъ двумя колоннами, въ 13 дней (14—26 іюля) перешелъ черезъ Балканы. 7 іюля Паскевичъ занялъ въ Азіи Эрзерумъ. Переходъ черезъ горную преграду, считавшуюся непреодолимой, произвелъ ошеломляющее впечатлѣніе на турокъ, такъ какъ многіе видѣли въ успѣхахъ русскихъ справедливое наказаніе за реформы султана. Дибичъ „Забалканскій“ дошелъ до Адріанополя. Но изъ Босніи приближался уже Мустафа паша; ужасныя болѣзни свирѣпствовали въ русскомъ войскѣ, которое уменьшилось до 20,000 человѣкъ. И все-таки Дибичъ возстановилъ свои сообщенія съ Сизополемъ на Черномъ морѣ и Эносомъ на Эгейскомъ морѣ, хотя англійскій флотъ и появился въ Дарданеллахъ для защиты столицы, отъ которой русскіе находились только въ 30 миляхъ.

Обѣ стороны страстно желали мира. Но только открытіе развѣтвленнаго заговора приверженцевъ старины сломило мужество султана. Адріанопольскій міръ, заключенный при посредничествѣ прусскаго генерала барона Карла фонъ Мюффлинга 14 сентября, былъ достаточно жестокъ. Въ манифестѣ, изданномъ передъ войной, царь обѣщалъ не дѣлать завоеваній. Теперь, въ августѣ 1828 г., онъ требовалъ дунайскихъ острововъ, азіатскій берегъ отъ устья Кубани до порта Св. Николая, крѣпости и округа Атцгиурскій, Ахалцихскій и Ахалкалакскій, новыхъ правъ и расширенія границъ Молдавіи, Валахіи и Сербіи. Въ 10 пунктѣ султанъ противъ своей воли утвердилъ Лондонское соглашеніе отъ 6 іюля 1827 года. Державы не только продолжали помогать президенту Каподистріи деньгами и займами, но рѣшили даже 19 іюня 1828 г. въ Лондонѣ предпринять экспедицію въ Морею, что и было поручено Франціи. Ибрагимъ удалился со своимъ войскомъ, а генералъ Ник. Жоз. Мезонъ занялъ полуостровъ (7 сент.). Вооруженные по-европейски греки, паликары и тактическія войска съ филэллинами побѣдили въ концѣ 1828 года, при Стевенико, Мартини, Салонѣ, Лутраки и Вониццѣ, заняли въ маѣ 1829 г. Лепанто, Миссолунги и Анатоликонъ. И на Кандіи также вспыхнуло опять въ 1828 г. побѣдоносное возстаніе.

23 іюля 1829 г. національное собраніе, утомленное внутренними раздорами, приводившими часто къ гражданской войнѣ, передало диктаторскую власть президенту. 3 февраля 1830 г. державы провозгласили независимость Греціи, которую султанъ долженъ былъ признать 24 апрѣля.

c) Конецъ царствованія Махмуда.

Тогда Іюльская революція въ Парижѣ вновь уничтожила соглашеніе державъ. Кромѣ того Франція завладѣла Алжиромъ, который до того былъ подчиненъ верховной власти султана; варварійскія государства лишились, такимъ образомъ, возможности заниматься морскимъ разбоемъ. И въ Турціи также началось движеніе, въ которомъ мы позднѣе (стр. 189 и слѣд.) узнаемъ литературное и политическое революціонное движеніе младотурокъ. Непоколебимый Махмудъ возобновилъ свои стремленія къ единству имперіи, но онъ былъ побѣжденъ египетскимъ пашой. Мехмедъ Али, монархъ, значительнѣе котораго Востокъ давно не производилъ (род. 1769 г. въ Кавалѣ въ Румеліи, противъ острова Өазоса), прибылъ въ 1800 г. съ албанскими наемниками въ Египетъ, дослужился въ борьбѣ съ французами, англичанами и мамелюками (1811; см. т. III, стр. 696) до высшаго положенія, побѣдилъ ваггабитовъ, покорилъ Аравію и Нубію, и благодаря грандіозной военной реформѣ, создалъ себѣ способное къ бою войско. Когда Махмудъ II не исполнилъ своихъ широкихъ обѣщаній, данныхъ имъ за помощь противъ грековъ, тогда Ибрагимъ, пріемный сынъ Мехмеда, первоклассный полководецъ, вторгнулся въ 1831 г. въ Сирію, три раза разбилъ турокъ, завоевалъ въ 1832 г, Акку и проникъ въ 1833 г. до Кіутагіи въ Малой Азіи. Растерявшійся Махмудъ обратился за помощью къ Россіи. Россія сейчасъ же послала на Босфоръ 15,000 человѣкъ, между тѣмъ какъ французскій и англійскій флоты ревниво охраняли Дарданеллы. Махмедъ Али былъ 4 мая 1833 г. принужденъ заключить миръ и оттѣсненъ за Тавръ. Но важнѣе всего была благодарность за русскую помощь, къ которой султанъ далъ склонить себя. Ему показали письма французскаго посла, изъ которыхъ явствовало намѣреніе тюльерійскаго кабинета, замѣнить династію Османа династіей его намѣстника въ Египтѣ и Сиріи. Это привело (26 мая) 8 іюня 1833 года къ договору въ Гункьяръ-Скелеси (царская лѣстница на Босфорѣ). Въ дополнительномъ пунктѣ къ этому договору напуганный султанъ обязался закрыть на будущее время Дарданеллы для всякой, враждебной Россіи державы. Когда односторонній договоръ, нарушающій международное право, сталъ извѣстенъ, государства Западной Европы были возмущены, и Меттернихъ остроумно назвалъ султана „le sublime portier des Dardanelles au service du czar“, Морскія державы выразили протестъ противъ упомянутаго добавленія къ договору и вывели свои флоты изъ Дарданеллъ.

Въ Греціи 9 октября 1831 года опытный и дѣльный президентъ Каподистрія былъ убитъ майонотами Константиномъ и Георгомъ Мавромихалисъ; передъ тѣмъ (13 августа 1831 г.) партикуляристъ острова Идры, престарѣлый Міаулисъ, сжегъ греческій флотъ въ гавани Поросѣ (Калаврія). Второй президентъ, Августинъ Каподистрія, продержался только короткое время. Какъ нѣкогда въ древней Греціи, такъ и теперь приматы и поликары раздирали другъ друга, движимые партійностью и корыстолюбіемъ, завистью и ревностью. Въ мартѣ 1832 г. баварскому принцу Оттону, второму сыну Людвига I, была предложена греческая корона. 15 апрѣля филэллинъ и баварскій надворный совѣтникъ Фридрихъ Тиршъ организовалъ правительственную комиссію. Казалось, что водворится миръ между партіями, когда король Оттонъ I торжественно вступилъ въ Навплію. Сэръ Стратфордъ Канингъ вновь прибылъ въ Порту въ качествѣ посланника и настойчиво отстаивалъ греческое дѣло. Заливы Воло и Арта были назначены

сѣверными границами новаго королевства, Самосъ объявленъ автономнымъ государствомъ, обязаннымъ платить дань Портѣ. Въ тотъ же годъ, когда Порта завладѣла регентствомъ въ Триполисѣ, подавила возстаніе въ Албаніи, Босніи, Месопотаміи и Курдистанѣ (1834 г.), король Оттонъ I въѣхалъ 1 января въ городъ Паллады, найденный имъ въ развалинахъ. Благодаря щедрости богатыхъ грековъ, мѣстныхъ и живущихъ за границей (Сина, Урсакисъ, Іоаннъ Варвакисъ, Аверовъ, Цаппасъ, Сингросъ, Стурнарисъ, Тозица, Валтиносъ, Бернардакисъ и многіе др.), Аѳины могли въ теченіе немногихъ десятилѣтій подобно фениксу возродиться изъ развалинъ и пепла и стать политической и духовной столицей эллиновъ, красивѣйшимъ городомъ греческаго востока. Новое государство имѣло, правда, благодаря недоброжелательности державъ и сопротивленію Порты, весьма небольшіе размѣры; но все-таки его можно было еще назвать большимъ по сравненію съ государствами древней Греціи.

Пока—какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ Стамбулѣ—больше всего значенія имѣла воля царя. Поэтому Махмудъ запретилъ австрійцамъ взорвать скалы на Дунаѣ у Орсовы и запретилъ также своимъ подданнымъ пользоваться кораблями основаннаго въ 1836 г. въ Тріестѣ Австро-венгерскаго Ллойда. Но этому послѣднему удалось все-таки благополучно возстановить старыя торговыя сношенія венеціанцевъ съ Левантой. Русскій посланникъ относился недоброжелательно къ намѣреніямъ султана и сераскира, которые обратились съ просьбой къ прусскому посланнику графу Кенигсмарку о присылкѣ прусскихъ офицеровъ для имѣвшейся въ виду реорганизаціи войска. Случайность рѣшила дѣло. Желѣзный Хозревъ паша открылъ въ разговорахъ съ прусскими офицерами генеральнаго штаба фонъ Бергомъ и Гельмутомъ фонъ Мольтке, которые были какъ разъ тогда въ Константинополѣ, цѣлый новый міръ военныхъ знаній. По его предложенію, султанъ обратился въ Берлинъ съ просьбой разрѣшить Мольтке болѣе долгое пребываніе въ Константинополѣ. Фридрихъ Вильгельмъ III, настолько же сдержанный въ услужливости, насколько другія державы были навязчивы, сначала разрѣшилъ только продленіе отпуска на три мѣсяца; но это привело все-таки къ замѣчательному вліянію прусской организаціи войска на турецкую армію, вліянію продолжающемуся еще понынѣ. Мольтке въ качествѣ „Барона Бея“ сопровождалъ въ 1837 г. султана въ его поѣздкѣ по Европейской Турціи, при чемъ державнаго реформатора всюду встрѣчали оваціями. Онъ составилъ мемуаръ о примѣненіи прусской системы ландвера къ турецкимъ условіямъ, объѣхалъ важнѣйшія крѣпости имперіи и Дарданеллы и съ высоты, выстроенной Махмудомъ башни сераскировъ чертилъ большой планъ Константинополя и его окрестностей. Вмѣстѣ съ капитанами Генрихомъ фонъ Мюльбахомъ, барономъ Карломъ фонъ Винке-Ольбендорфомъ и Фридрихомъ Леопольдомъ Фишеромъ онъ сопровождалъ генерала Махмеда Гафиза пашу, когда этотъ послѣдній лѣтомъ 1837 г. заканчивалъ начатое Решидомъ пашой дѣло умиротворенія Курдистана. Эту экспедицію, какъ и слѣдующую за ней, Мольтке изобразилъ намъ просто и ясно въ своихъ безсмертныхъ письмахъ (1841 г.).

Въ 1837 г. былъ построенъ первый мостъ черезъ Золотой Рогъ между Ункапау и Азабкапузи; только въ 1845 и 1877 г.г. былъ построенъ новый мостъ, названный Валидомъ, по имени матери Абдулъ Меджида. 16-го августа 1838 года англійскимъ уполномоченнымъ Пансонби въ Балта-Лиманѣ на Босфорѣ, въ домѣ Решида паши, былъ подписанъ таможенный и торговый договоръ, ставшій образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ. Изъ благодарности за это англійскій флотъ сопровождалъ турецкій всюду въ его движеніяхъ по Средиземному морю до тѣхъ поръ, пока онъ не передался Махмеду Али. Этому послѣднему султанъ Махмудъ объявилъ войну въ маѣ 1839 г., когда друзы въ Гауранѣ возстали противъ сирійскихъ

властителей. Но султанъ умеръ 1 іюля, не успѣвъ получить извѣстія о полномъ пораженіи своего войска при Низибѣ (24 іюня) и измѣнѣ флота въ Александріи (14 іюля). Мольтке позднѣе, несмотря на то, что сераскиръ пренебрегъ совѣтами прусскихъ офицеровъ, защищалъ передъ Высокой Портой доблесть Гафиза паши, противуставляя ее распущенности войска. Ибрагимъ не преслѣдовалъ войскъ своего монарха, такъ какъ не могъ этого сдѣлать вслѣдствіе крайняго утомленія своихъ собственныхъ солдатъ.

Махмудъ II умеръ мученикомъ своихъ идей и плановъ: даже важнѣйшія реформы остались въ зачаточномъ состояніи. Но его труды не пропали все-таки даромъ: онъ является основателемъ новой эры для Турціи, точно такъ же, какъ для Россіи Петръ Великій, съ которымъ онъ любилъ себя сравнивать. Неблагопріятныя политическія условія, ошибки его предшественниковъ, рабскій характеръ домашняго распорядка и придворнаго этикета были источникомъ тѣхъ препятствій, которые часто омрачали душу султана, такъ что онъ искалъ утѣшенія въ винѣ, добровольно разрушая свои силы.

C. Первая половина царствованія Абдула Меджида (1839—50).

Абдулъ Меджидъ (1839—61; см. рис. при стр. 149), шестнадцатилѣтній сынъ Махмуда, взялъ на себя управленіе государствомъ, которое неизбѣжно досталось бы египетскому пашѣ, если бы образовавшійся 15 іюля 1840 г. четверной союзъ (Англія, Россія, Австрія и Пруссія) не помѣшалъ честолюбивымъ замысламъ Франціи. Вмѣшательство этого союза принудило побѣдоноснаго пашу Мехмеда Али очистить Сирію; послѣ заключенія мира онъ получилъ отъ султана островъ Ѳазосъ, колыбель его рода, въ качествѣ удѣла вицекоролей Египта, во владѣніи котораго онъ находится и понынѣ. Важнымъ шагомъ впередъ былъ Гюльханейскій гаттишерифъ (3 ноября 1839 г.), установившій принципы, на которыхъ были потомъ основаны многіе отдѣльные законы Tansimati hairije (благодѣтельное устройство). Реформа эта придала законодательную санкцію тому, что уже давно признавалось обычнымъ правомъ, а именно, теоретическому равенству передъ закономъ всѣхъ подданныхъ всякой національности, расы и всякаго вѣроисповѣданія. На практикѣ однако примѣненіе этихъ названныхъ принциповъ встрѣчало свои затрудненія. Да авторъ „гата“, Решидъ паша и не былъ искренно заинтересованъ въ этихъ реформахъ, онъ думалъ только пріобрѣсти ими расположеніе великихъ христіанскихъ державъ. Уже въ 1830 г., напримѣръ, была произведена всенародная перепись, первая во всей Турецкой имперіи, и она совершенно не удалась, ибо ни одинъ чиновникъ не имѣлъ права войти во внутреннія помѣщенія мусульманскаго дома, въ которомъ находились женщины и дѣти. Кромѣ того для податныхъ чиновниковъ было выгодно уменьшить данныя относительно числа домовъ и семействъ своего округа, чтобы положить въ карманъ излишекъ полученныхъ податей. Поэтому Мольтке именно тогда (въ 1841 г.) высказалъ важную мысль, не потерявшую еще и теперь вполнѣ своего значенія. Порта, бывшая не въ состояніи твердой властью, каковой былъ военный деспотизмъ Ибрагима, держать въ повиновеніи Сирію, не могла и правосудіемъ и хорошимъ управленіемъ пріобрѣсти симпатіи турецкаго населенія, ибо у нея не было для этого главнаго предварительнаго условія, честныхъ чиновниковъ. Не Гюльханейскій гаттишерифъ и не послѣдовавшій въ 1856 г. гатти-Гумаюнъ, а европейское оружіе, поспѣшившее на помощь для спасенія полумѣсяца, дало постоянный отнынѣ девизъ „A la franca“ и побудило турецкій міръ къ подробному ознакомленію съ западомъ, къ изученію европейскихъ языковъ и наукъ, къ введенію западныхъ учрежденій. Въ этомъ заключается преобразующая сила „благодѣтельнаго устройства“.

И на литературѣ также отразился этотъ переворотъ умовъ. Въ концѣ 18 столѣтія появился еще одинъ поэтъ съ древневосточнымъ дарованіемъ, Галибъ, и еще одинъ поэтъ-султанъ несчастный Селимъ III. И султанша Гейбетъ уллахъ, сестра султана Махмуда II, какъ и тетка министра-реформатора Фуада, достигла также еще нѣкоторой популярности. Но паденія старыхъ формъ или, вѣрнѣе, зари новой эпохи, турецкой „Moderne“, они не могли задержать. Изученіе культурныхъ языковъ востока отступало все болѣе и болѣе на задній планъ передъ необходимостью познакомиться съ западными языками. Новое поколѣніе болѣе знакомо съ Лафонтеномъ, Монтескье и Викторомъ Гюго, чѣмъ съ туркомъ Баки († въ 1599 г.), персіяниномъ Гафизомъ († въ 1389 г.) или съ арабомъ Мотенебби (Мутанабби; † въ 965 г.). Практическое направленіе реформы сдѣлало то, что честолюбіе турокъ болѣе удовлетворялось признаніемъ удачности редакціи какой-нибудь дипломатической ноты, чѣмъ сочиненіемъ кассидета или стихотвореніемъ на случай. И Востокъ также потеряетъ свою средневѣковую поэзію.

Однако это новое поколѣніе, выросшее въ западныхъ правилахъ, не восприняло въ то же время честности европейскаго чиновничества. Вмѣсто уничтоженія милиціи янычаръ, теперь водворилось господство бюрократіи, которая была такъ же всемогуща, дѣйствовала такъ же дружно и монополизировала все государственное хозяйство. Эта аристократія константинопольскихъ эффенди, которую можно сравнить со служилымъ дворянствомъ эпохи упадка римской республики, выставила формальный принципъ, что сынъ чиновника долженъ непремѣнно сдѣлаться чиновникомъ; всякое другое занятіе, какъ бы оно ни называлось, было для него аїb (позоръ). Она стала между султаномъ и народомъ, между султаномъ и заграницей, какъ опущенная преграда, и была всегда готова опустошить кассы государства и карманы подданнымъ, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали. Это были гибельныя послѣдствія „благодѣтельнаго устройства“.

По заключенному съ великими державами въ Лондонѣ 13 іюля 1841 г. Дарданелльскому договору, Порта обязалась въ мирное время держать Дарданелльскій проливъ и Босфоръ закрытыми для иностранныхъ военныхъ судовъ. Этимъ она содѣйствовала стремленію Россіи занять первенствующее положеніе на Черномъ морѣ. Въ тотъ же годъ ей пришлось заняться подавленіемъ возстанія на Критѣ и въ Болгаріи. Жестокости, совершенныя при этомъ албанскими войсками, бросаютъ яркій свѣтъ на принципы Гюльханейскаго гата. Грозила также вспыхнуть война съ Персіей, благодаря нарушенію границъ шахомъ Махмедомъ въ аравійскомъ Иракѣ, въ Сулейманіехѣ, Багдадѣ, Кербелѣ и въ Арменіи (Ванѣ). Эта война была лишь съ трудомъ предотвращена созванной мирной комиссіей въ Эрзерумѣ. Въ Придунайскихъ княжествахъ происходили неоднократно столкновенія суверенныхъ правъ Турціи съ протекторскими правами Россіи. Въ Сербіи Порта торжественно провозгласила 14 ноября 1842 г. Александра Карагеоргіевича башбегомъ, великимъ княземъ Сербіи; Россія однако добилась того, что Александръ добровольно отказался отъ княжескаго достоинства; только въ 1843 г., послѣ своего вторичнаго избранія въ Топчидерѣ, близъ Бѣлграда, онъ былъ утвержденъ Россіей. Римско-католическіе армяне (уніаты), испытавшіе уже въ 1828 г. жестокія преслѣдованія по проискамъ своихъ грегоріанскихъ единовѣрцевъ, добились лишь въ 1835 г. терпимости и признанія самостоятельности ихъ церкви (Millet), а также собственнаго представителя (векиля). Та же враждебность, поощряемая изъ Эчміадзина Россіей, проявилась въ 1845 г. противъ армянъ протестантовъ. Только въ 1850 г. энергичному посланнику сэру Стратфорду Каннингу удалось добиться для нихъ свободы, а въ 1853 г. была окончательно признана ихъ самостоятельная церковь (Millet).

Опаснѣе былъ дипломатическій разрывъ Порты съ Греціей (1847 г.). Это молодое государство, избалованное благосклонностью и соревнованіемъ европейскихъ державъ, ко времени вступленія на престолъ Абдула Меджида, опираясь на русскую партію, господствовавшую въ парламентѣ, воспользовалось тѣмъ, что Порта была тогда такъ слаба въ борьбѣ съ Мехмедомъ Али. Греки послали помощь и хищническими набѣгами клефтовъ неоднократно наносили чувствительный ущербъ Турціи на эпиро-ѳессалійской границѣ. Съ парламентской трибуны министръ-президентъ Коллетти (1844—47; см. стр. 176) неоднократно призывалъ къ одиненію всѣхъ грековъ. Даже Мольтке еще въ 1842 г. защищалъ такую мысль: „По нашему мнѣнію, единственно естественное, единственно возможное разрѣшеніе восточнаго вопроса заключается въ созданіи христіанско-византійской имперіи въ Константинополѣ. Возстановленіе такой имперіи начато уже въ Элладѣ по волѣ Европы“. При этомъ умный военный писатель категорически высказывался противъ раздѣла Турціи между державами, которымъ онъ предостерегающе указывалъ на примѣръ Польши. „Съ раздѣломъ Турціи,—восклицалъ онъ,—дѣло обстоитъ такъ же, какъ съ раздѣломъ бриліантоваго перстня: кому владѣть Константинополемъ, этимъ драгоцѣннымъ солитеромъ?“ Однимъ словомъ, постоянныя раздраженія привели, наконецъ, въ 1846 г. къ столкновенію турецкаго посланника съ греческимъ королемъ, къ разрыву дипломатическихъ сношеній и къ мстительнымъ выходкамъ Порты противъ своихъ греческихъ подданныхъ. Дѣло чуть не дошло до войны между Греціей и Турціей, Англіей и Франціей. Только въ декабрѣ 1847 года, благодаря вмѣшательству царя, лично обратившагося къ королю Оттону, было возстановлено согласіе между обоими сосѣдями.

5. Крымская война и ея послѣдствія для Турціи (третья четверть 19 столѣтія).

a) Предвѣстники войны (1848—53).

Потрясшій Западную Европу революціонный 1848 годъ съ его освободительными идеями прошелъ для Турціи почти безслѣдно. Шекибъ эффенди по порученію султана, который охотно желалъ бы передать куріи французскій протекторатъ надъ католиками востока, торжественно привѣтствовалъ папу Пія IX въ Римѣ (1848 г.). Св. отецъ послалъ архіепископа Ферьери съ обращеніемъ къ восточнымъ исповѣданіямъ, каковое посольство не привело однако къ уніи, имѣвшейся въ виду Портой и Св. Престоломъ. Возстаніе бояръ и польскихъ бѣглецовъ въ Молдавіи и Валахіи привело на короткое время къ укрѣпленію господаря Мих. Стурдзы и къ замѣнѣ Г. Дим. Бибеско Кантакузеномъ. Надежды Порты на ослабленіе Австріи венгерскимъ возстаніемъ были разрушены капитуляціей Вилагоса (т. VIII, стр. 249). Но зато султанъ, ободренный стоявшимъ въ Дарданеллахъ англійскимъ флотомъ отказался выдать венгерскихъ бѣглецовъ.

За это Австрія и Россія отомстили Портѣ требованіемъ, внесеннымъ Франціей. Изъ за святыхъ мѣстъ въ Палестинѣ спорили между собою двѣ партіи, католики и православные. Первые находились всегда подъ покровительствомъ Франціи или папы, послѣдніе съ 1720 г.—подъ покровительствомъ Россіи. Чтобы вырвать мѣста, гдѣ жилъ и умеръ Спаситель, изъ рукъ мусульманъ, велись крестовые походы. Саладинъ (т. III стр. 341) разрѣшилъ въ 1187 году латинскому духовенству богослуженія въ Храмѣ Гроба Господня, Робертъ Анжуйскій откупилъ въ 1342 г. св. мѣста у калифа (тамъ же, стр. 687). Послѣ завоеванія святого города сул-

таномъ Селимомъ (1517 г.), грузины получили часть Голгофы; всѣ остальныя св. мѣста принадлежали съ 1558 г. латинянамъ. Главнымъ образомъ, капитуляціи Франціи съ султанами (1535, 1621, 1690 и 1740; см. выше, стр. 167) подтверждали эти права; изъ-за этихъ привилегій, особенно же изъ-за владѣнія Гробомъ Господнимъ, происходили отвратительнѣйшія столкновенія между армянами, православными и католиками. Въ 1808 году, послѣ того, какъ пожаръ разрушилъ храмъ Гроба Господня, православные собственноручно уничтожили гробницы Готфрида Бульонскаго и Балдуина. Православные выстроили вновь на русскія деньги храмъ Гроба Господня; въ концѣ концовъ латиняне, такъ какъ и усердіе Франціи ослабло, владѣли въ 1820 году только двумя часовнями.

Въ 1850 г. папа и католическій патріархъ въ Іерусалимѣ обратились прежде всего къ Франціи, а черезъ нее къ Портѣ, съ просьбой о защитѣ противъ православныхъ. Порта изъ страха передъ Россіей рѣшила этотъ вопросъ почти всецѣло въ пользу православныхъ и разрѣшила католикамъ только совмѣстное съ православными пользованіе одними вратами въ Вифлеемской церкви. Опираясь на 33 пунктъ состоявшагося еще въ 1740 г. соглашенія, императоръ Николай, который недавно еще (1 мая 1849 г.) одержалъ политическія побѣды на Балта-алиманскомъ договорѣ, касающемся Придунайскихъ княжествъ и Дарданеллъ, заявилъ, что такимъ разрѣшеніемъ чрезвычайно оскорбляется религіозное чувство православныхъ русскихъ. Одновременно съ Россіей оскорбленная Австрія добилась 14 февраля 1853 г. въ Стамбулѣ черезъ графа Христіана Лейнингенъ-Вестербурга отозванія турецкихъ войскъ изъ возставшей Черногоріи и немедленнаго удовлетворенія нѣкоторыхъ гражданскихъ требованій австрійскихъ подданныхъ. Когда императоръ Николай черезъ князя Александра С. Меньшикова потребовалъ поручительства въ безусловномъ первенствѣ православной церкви въ св. мѣстахъ, и когда ему въ такомъ поручителствѣ было отказано, онъ объявилъ Турціи войну въ манифестѣ отъ 20 октября (1 ноября) 1853 года, въ которомъ говорилось: „Россія вызвана на брань: ей остается,—возложивъ упованіе на Бога,—прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы принудить Порту къ соблюденію трактатовъ и къ удовлетворенію за тѣ оскорбленія, коими отвѣчала она на самыя умѣренныя Наши требованія и на законную заботливость Нашу о защитѣ на Востокѣ Православной Вѣры, исповѣдуемой и народомъ Русскимъ“. Султанъ переселился тогда изъ верхней части сераля въ выстроенный въ 1853 г., роскошный дворецъ въ Долма Багче; съ тѣхъ поръ зданія, лежащія въ Стамбулѣ, называются Старымъ Сералемъ. Этимъ актомъ была нарушена еще одна священная традиція; всѣ слѣдующіе султаны жили на берегахъ Босфора.

b) Военныя событія; Парижскій конгрессъ; гаттишерифъ 1856 года.

Уже 2 іюля 1853 г. 40 тысячное войско подъ начальствомъ Михаила А. Горчакова вступило въ Придунайскія княжества. Послѣ этого и султанъ объявилъ войну, вынужденный къ тому раздраженіемъ магометанскаго населенія; 4 ноября Омеръ паша (см. рис. 3, на табл. при стр. 186) разбилъ русскихъ при Ольтеницѣ. Соединенный французскій и англійскій флотъ изъ Бесикскаго залива вошелъ черезъ Дарданеллы въ Босфоръ и послѣ того, какъ турецкій флотъ былъ уничтоженъ русскимъ 30 ноября при Синопѣ, а также послѣ отклоненія императоромъ Николаемъ мирныхъ предложеній Вѣнской конференціи, западныя державы послали свои флоты въ Черное море, отозвали изъ Петербурга своихъ пословъ и заключили 12 марта 1854 г. союзъ съ исконнымъ врагомъ христіанства противъ святой Руси. Такъ измѣнились времена! Никто не помогалъ Россіи. Сербія, Молдавія, Валахія и Болгарія оставались спокойными; только на Ар-

тскомъ заливѣ вспыхнуло возстаніе. Австрія и Пруссія требовали очищенія Придунайскихъ княжествъ и угрожали войной, если русскіе перейдутъ черезъ Балканы. Русскіе перешли обратно черезъ Дунай, когда западныя державы послали большой флотъ въ Балтійское море. Только въ Арменіи война приняла благопріятное для Россіи теченіе. Французы, предводительствуемые Сэнъ-Арно (см, т. VIII, стр. 262), и англичане, въ числѣ 60,000 человѣкъ подъ начальствомъ барона Фицроя Раглана, рѣшили завоевать Крымъ. Вскорѣ взоры всей Европы въ теченіе 11 мѣсяцевъ были обращены на осажденный Севастополь. Союзники точно такъ же, какъ и русскіе получили значительныя подкрѣпленія; въ маѣ 1855 г. и Сардинія также послала своего военнаго министра, генерала Альфонсо Ферреро Кавальера дель Ламармора съ 15000 человѣкъ въ Крымъ (тамъ же, стр. 291). Только 11 сентября побѣдоносныя войска заняли дымящіяся развалины города. Императоръ же Николай умеръ еще 2 марта. Потеря людей, особенно со стороны англійскаго войска, была чрезвычайно велика, несмотря на образцовое веденіе войны французами.

Въ февралѣ 1856 года по предложенію Австріи въ Парижѣ былъ созванъ мирный конгрессъ, на который, несмотря на противодѣйствіе Англіи была допущена также и Пруссія (см. табл. „Парижскій конгрессъ“ при стр. 292 VIII тома). Россія должна была опять возвратить устья Дуная и часть Бессарабіи и Карской области, а также отказаться отъ односторонняго права протектората надъ Придунайскими княжествами, судоходство по Дунаю было объявлено свободнымъ, учреждена европейская Дунайская комиссія въ Галацѣ и Сулинѣ, Черное море сдѣлано нейтральнымъ, и Россіи воспрещено имѣть тамъ болѣе судовъ, чѣмъ Турціи (этотъ пунктъ былъ снова уничтоженъ Россіей въ 1871 г, на Лондонской конференціи: т. VIII, стр. 410). Пока Турція была спасена отъ завоевательныхъ стремленій Россіи, и военный блескъ послѣдней померкъ. Наполеонъ III сталъ могущественнѣйшимъ человѣкомъ Европы, и союза съ нимъ искали многіе. Основанное въ 1851 г. въ Марсели, общество „Messageries Maritimes“ получило львиную долю въ новыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Левантой.

Турція, принятая теперь въ концертъ европейскихъ державъ, обѣщала новыя реформы въ Гатти-Гумаюнъ отъ 18 февраля 1856 г., вновь дававшемъ гражданское равноправіе всѣмъ подданнымъ. Этотъ гатъ былъ принятъ и турками, и христіанами съ одинаковымъ неудовольствіемъ; только съ 1867 года иностранцы получили право пріобрѣтать землю въ Турціи. Если изъ бумажныхъ свободъ и возникъ вообще какой-нибудь прогрессъ, то это случилось не благодаря фирманамъ султана, а благодаря усилившемуся передвиженію людей и проникновенію такимъ образомъ свѣта просвѣщенія въ самую глубину Азіи. Въ 1851 г. была уже построена первая желѣзная дорога изъ Александріи черезъ Каиръ къ Суэцкому перешейку; скоро началось судоходство по Суэцкому каналу. Въ самой Турціи прокладывались новыя военныя дороги устраивались гавани, усовершенствовалась организація почты, особенно послѣ событій въ Джиддѣ и на Ливанѣ (въ 1858 и 1860 гг.), проводились телеграфныя линіи.

c) Конецъ царствованія Абдула Меджида.

Оборотной стороной такого прогресса было разстройство финансовъ. Приблизительно съ 1848 г. почувствовала Порта первыя финансовыя затрудненія. Внѣшнихъ государственныхъ долговъ тогда, правда, еще не было, но было 200 милліоновъ неполновѣсной монеты (биллоновъ) съ дѣйствительнымъ содержаніемъ металла только въ $23\frac{1}{2}$ процента, кромѣ того неконтролированная и недоступная контролю масса бумажныхъ де-

негъ безъ металлическаго обозначенія, да еще неуплаченное жалованье гражданскимъ чиновникамъ и военнымъ на очень большую сумму. Во время Крымской войны, кромѣ значительныхъ внутреннихъ долговъ, былъ заключенъ еще заемъ на 140 милліоновъ марокъ въ Англіи. За этимъ займомъ послѣдовали еще три займа въ 1858, 1860 и 1861 г. Расходы, благодаря высокимъ процентамъ, выросли до 280 милліоновъ марокъ въ годъ, приходъ же равнялся только 180 милліонамъ. Въ 1861 г., благодаря финансовымъ затрудненіямъ, наступилъ торговый кризисъ, который надѣялись устранить выпускомъ бумажныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ на 1250 милліоновъ піастровъ. Въ то время, какъ высшіе чиновники, банкиры и предприниматели, какъ напр. „графъ" Андр. Ланганъ-Дюмонсо, Эжень Бонту и баронъ Морицъ Гиршъ богатѣли, провинціи все бѣднѣли, благодаря тягости податей и безполезной жестокости ихъ взысканія. Европейскій „концертъ" послѣ Крымской войны взялъ на себя поручительство въ первомъ государственномъ займѣ, но получилъ за это представительство въ смѣшанной наблюдательной финансовой коммиссіи; отсюда произошло съ 1882 г. международное завѣдываніе турецкими государственными долгами; это было первое юридическое основаніе для западно-европейской опеки надъ турецкими дѣлами вообще, опеки, которой позднѣе требовали для Арменіи и Крита.

Такимъ образомъ, Порта не могла воспрепятствовать тому, что въ 1859 г. по предложенію Франціи въ Молдавіи (29 января) и въ Валахіи (17 февраля) былъ избранъ въ князья полковникъ Александръ Іоаннъ Куза, и такимъ образомъ учреждена личная унія, которая въ 1861 году превратилась въ реальную унію обоихъ вассальныхъ государствъ подъ именемъ Румыніи. Когда 22 февраля 1866 г. было низвергнуто деспотическое правительство Кузы и на престолъ избранъ Карлъ Гогенцоллернскій, страна достигла значительной степени процвѣтанія. Но полнаго спокойствія въ ней нельзя было достигнуть, вслѣдствіе политической незрѣлости народа и безнравственности высшихъ классовъ. Въ Сербіи 21—22 декабря 1858 заставили отказаться отъ престола преданнаго султану Александра Карагеоргіевича (стр. 181) и призвали обратно семейство Обреновичей. Послѣ смерти 80 лѣтняго Милоша (26 сентября 1860 г.) Портой, былъ утвержденъ Михаилъ Обреновичъ II. Подъ революціоннымъ и литературнымъ вліяніемъ „Омладины" („молодежи") Сербія стала очагомъ панславистскихъ и антивенгерскихъ движеній, которыя распространялись на территорію Босніи и Герцеговины и стали даже опасны абсолютизму Михаила. 6 марта 1867 г. — по добровольнымъ соглашеніямъ отъ 4 сентября 1862 г. и 3 марта 1867 г. — послѣднія турецкія войска очистили сербскую территорію. Послѣ убійства князя 10 іюня 1868 года, скупщина выбрала единственнаго оставшагося въ живыхъ Обреновича, 14 лѣтняго Милана, и рѣшила 29 іюня 1869 года ввести новую конституцію.

Къ тому же Турція опять поссорилась съ западными державами, своими покровительницами: въ 1858 г. изъ-за убійства англійскаго и французскаго консуловъ въ Джиддѣ въ Аравіи и въ 1860 г. изъ-за жестокостей, совершенныхъ друзами надъ христіанами въ Ливанѣ и въ Дамаскѣ (т. III стр. 372). Чтобы предупредить вмѣшательство державъ, на мѣсто тотчасъ же былъ посланъ съ неограниченными полномочіями великій визирь, Фуадъ паша, одинъ изъ величайшихъ государственныхъ дѣятелей Турецкой имперіи въ 19 столѣтіи; но только послѣ появленія французскаго войска были привлечены къ отвѣтственности высокопоставленные зачинщики и учреждена „Ливанская провинція, управляемая христіанскимъ намѣстникомъ. Главной заслугой Фуада было тогда учрежденіе вилайетовъ, раздѣленіе Турціи на санджаки и казы, чѣмъ онъ отличился еще въ Дунайской провинціи. Если бы ему не противодѣйствовало дружно все общество старотурокъ, имамовъ, муллъ, мютевиліевъ, годжей, дерви-

шей и софтъ въ мечетяхъ, школахъ, монастыряхъ и кофейняхъ, ему удалось бы, можетъ быть, очистить большія Авгіевы конюшни азіатской лѣни.

d) Абдулъ Азисъ (1861—76).

Послѣ смерти Абдула Меджида 26 іюня 1861 года, трудныя задачи остались на плечахъ его брата, новаго султана Абдула Азиса (1861—76 г. см. табл. при стр. 149). Могли ли его плечи снести эту тяжесть? Добродушный Абдулъ Меджидъ въ общемъ предоставлялъ дѣло управленія своимъ великимъ визирямъ, но уже съ 1858 г., когда его казна обанкротилась, впалъ въ полную бездѣятельность и вялую чувственность. Его братъ и преемникъ Абдулъ Азисъ, несмотря на разстройство внутреннихъ порядковъ имперіи, обѣщалъ царствованіе мира, бережливости и реформъ. Это былъ человѣкъ во цвѣтѣ лѣтъ и со стороны казался обладающимъ испытанной силой характера и проникнутымъ сознаніемъ важности своего призванія. Но всѣ эти достоинства парализовались преступно запущеннымъ воспитаніемъ. Повелитель 40 милліоновъ подданныхъ едва былъ тогда въ состояніи написать двѣ строчки на своемъ родномъ языкѣ. Такимъ образомъ случилось, что его первые шаги къ упорядоченію управленія и финансовъ были неудачны, чѣмъ онъ былъ чрезвычайно удрученъ. Хотя до 1871 имъ и руководили два такихъ выдающихся человѣка, какъ Фуадъ паша и Али паша (см. фиг. 4 на прилагаемой табл. „Шесть вліятельныхъ турецкихъ сановниковъ въ 19 столѣтіи“), но все-таки благодаря недостатку твердости и проницательности, благодаря нервной возбужденности, дѣлавшей его часто невмѣняемымъ, благодаря все возрастающей безумной расточительности, онъ очутился совершенно въ рукахъ Игнатьева, этого „отца лжи“, и тѣ же недостатки были въ концѣ концовъ и причиной его гибели.

Въ торговыхъ договорахъ 1861 и 1862 г. свобода торговли не распространялась на порохъ, соль и табакъ. Введенный вскорѣ налогъ на соль былъ несчастной ошибкой. Овцеводство сильно пострадало отъ этого: благодаря лишенію соли, овечьи стада опустошались ежегодно эпидеміями и это привело къ упадку торговли шерстью и ковроваго производства. Производство оливковаго масла и разведеніи табаку также пострадали, благодаря новому налогу. Таможенныя придирки всякаго рода стѣсняли передвиженіе внутри имперіи.

Къ этому прибавились военныя и политическія замѣшательства. Особенную опасность представляло возстаніе на Критѣ (весною 1866 г.), ибо Греція, послѣ низложенія баварскаго принца, избравшая новаго короля, Георга I (принца Вильгельма Шлезвигъ-Гольштинія-Зондербургъ-Глюксбургскаго) и получившая въ 1864 году отъ Англіи 7 іоническихъ острововъ, несмотря на печальное состояніе финансовъ, помогала своимъ единомышленникамъ и единовѣрцамъ на Критѣ деньгами, оружіемъ, войсками и кораблями. Только послѣ предъявленія Греціи ультиматума, Портѣ удалось подъ давленіемъ конференціи державъ въ 1869 г. справиться съ этимъ возстаніемъ, стоившимъ столькихъ жертвъ. Между тѣмъ Измаилу пашѣ египетскому было дано право прямого престолонаслѣдія (въ 1866 г.) и въ 1867 г. титулъ „хедива“ (т. III, стр. 697). Не обращая вниманія на интриги Англіи, „вицекороль“ продолжалъ преслѣдовать задачи своихъ предшественниковъ и прежде всего руководимую Лессепсомъ постройку Суэцкаго канала. Онъ увеличилъ войско, строилъ броненосцы, избралъ себѣ особаго министра иностранныхъ дѣлъ въ лицѣ армянина Нубара паши, объѣздилъ Европу и пригласилъ въ 1869 г. дворы всѣхъ державъ на блестящее торжество открытія канала; личнымъ посѣщеніемъ Константинополя, большими подарками и увеличеніемъ дани онъ укрѣпилъ за собой въ 1873 году суверенныя права, на которыя имѣлъ притязанія.

Исторія человѣчества. V. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Шесть влiятельныхъ турецкихъ сановниковъ 19 столѣтія.

Объясненіе къ портретамъ вліятельныхъ турецкихъ сановниковъ 19 столѣтія.

Налѣво вверху: 1. **Мустафа Байраќдаръ** (или Алемдаръ = знаменосецъ зеленаго знамени пророка), родился въ 1775 г., съ 1806 г. паша въ Рущукѣ, въ 1808 г. хотѣлъ возвести опять на престолъ смѣщеннаго янычарами султана Селима III, арестовалъ новаго султана Мустафу IV, убійцу Селима, провозгласилъ 28 іюля 1808 года султаномъ брата Мустафы, Махмуда II, сдѣлался его великимъ визиремъ, погибъ во время возстанія черни, улемовъ и янычаръ, взорвавъ на воздухъ себя вмѣстѣ со своими преслѣдователями.

(По старинной литографіи.)

Направо вверху: 2. **Али,** паша янинскій, родился въ 1742 г. въ Тепелени въ Албаніи въ семьѣ Гиссовъ изъ племени тосковъ, съ 1766 г. властитель Тепелени, съ 1787 г. паша въ Трикалѣ въ Ѳессаліи, въ 1788 году завладѣлъ городомъ Яниной и въ 1789 г. большею частью Арты, послѣ покоренія суліотовъ въ 1803 году главный намѣстникъ Румеліи, съ 1807 г. властитель надъ Албаніей, Эпиромъ, Ѳессаліей и южной Македоніей, съ 1815 до 1820 г. довелъ численность своего войска до 100,000 человѣкъ, размѣщенныхъ въ многочисленныхъ укрѣпленіяхъ. Въ 1820 г. преслѣдуемый султаномъ Махмудомъ онъ сдается. Запертый Хуршидомъ-пашой въ Янинѣ, онъ былъ коварно убитъ 5 февраля 1822 г.

(По портрету, нарисованному Л. Дюпре въ 1819 г.)

Въ серединѣ налѣво: 3. **Омеръ**-паша, родился 24 ноября 1806 года въ Пласки Хорватской Военной Границѣ, раньше носилъ имя Михаила Латоши, служилъ юнкеромъ въ Огулнакомъ пограничномъ полку, дезертировалъ въ 1828 г., поступилъ на службу визиря Гуссейна паши въ Виддинѣ, перешелъ въ исламъ и сдѣлался воспитателемъ дѣтей Гуссейна. Въ 1834 году занимаетъ подъ именемъ Омера-эфенди мѣсто писца въ военномъ министерствѣ въ Константинополѣ, затѣмъ обучаетъ письму принца, а потомъ султана, Абдулъ-Меджида, получаетъ чинъ юзбаши (капитана) въ турецкомъ войскѣ. Въ 1839 г., будучи уже полковникомъ, онъ разбилъ Ибрагима-пашу при Бексайѣ въ Сиріи. Сдѣлавшись въ 1840 г. военнымъ губернаторомъ на Ливанѣ, онъ взялъ въ 1843 г. въ Албаніи въ плѣнъ бунтовщика Джулеку и усмирилъ въ 1846 г. возставшихъ курдовъ. Съ 1848 по апрѣль 1850 г. онъ занимаетъ постъ военнаго губернатора въ Бухарестѣ, одерживаетъ 4 ноября 1853 г. побѣду надъ русскими при Ольтеницѣ. Въ 1854 г. онъ освободилъ Силистрію и во главѣ 30,000 турокъ пришелъ къ Севастополю. Затѣмъ онъ былъ губернаторомъ Багдада, изгнанный въ 1859 г. въ Курспутъ, былъ опять возвращенъ въ 1861 г. Въ 1862 г. подавилъ возстаніе въ Герцеговинѣ, въ 1864 г. получилъ чинъ мушира (фельдмаршала) и былъ сдѣланъ командующимъ 3 армейскимъ корпусомъ въ Монастырѣ. Въ 1867 г. былъ на Критѣ, но не имѣлъ тамъ успѣха, въ 1868—1869 г. былъ военнымъ министромъ, умеръ въ чинѣ сердаря-экрема (генералиссимуса) 18 апрѣля 1871 года.

Внизу направо: 4. **Мехемедъ Эминъ-Аали**-паша, родился въ 1815 г. въ Константинополѣ, съ 1835 г. былъ вторымъ секретаремъ посольства въ Вѣнѣ, съ 1838 г. совѣтникомъ посольства, 1840—1844 г. посломъ въ Лондонѣ, 1846—52 министромъ иностранныхъ дѣлъ, съ 1852 г. великимъ визиремъ, съ октября 1852 года намѣстникомъ въ Бруссѣ, въ мартѣ 1855 г. отправился съ дипломатическими порученіями въ Вѣну. Съ іюля 1855 г. онъ былъ опять великимъ визиремъ (гаттигумаюнъ 18 февраля 1856 г.), 1 ноября 1856 г. сдѣлался министромъ безъ портфеля, въ январѣ 1858 г. въ третій разъ великимъ визиремъ, въ четвертый разъ онъ былъ великимъ визиремъ съ августа по ноябрь 1861 года, затѣмъ опять министромъ иностранныхъ дѣлъ, съ февраля 1867 г. въ пятый разъ великимъ визиремъ, съ лѣта 1867 г. регентомъ. Онъ былъ душой всѣхъ, лежащихъ въ предѣлахъ возможности, реформаторскихъ попытокъ турецкаго правительства. Умеръ 6 сентября 1861 г. въ Эренкени въ Малой Азіи.

Въ серединѣ направо: 5. **Гуссейнъ-Авни**-паша, родился въ 1819 г. въ деревнѣ Достъ-кіой около Испарты, въ Малой Азіи, съ 1845 г. былъ младшимъ учителемъ въ военной школѣ (хакбіе-мердебъ), въ 1850 году сдѣлался маіоромъ, въ 1853 г. полковникомъ, въ 1855 г. начальникомъ генеральнаго штаба Омера-паши въ Арменіи (Карсъ), въ 1856 г. директоромъ военной школы и начальникомъ генеральнаго штаба, въ 1864 г. муширомъ (командующимъ генераломъ) гвардейскаго корпуса. Въ 1869 г. онъ подавилъ критское возстаніе и сдѣлался сераскиромъ (военнымъ министромъ). Въ 1871 г. былъ изгнанъ въ Испарту, въ 1872 г. сдѣланъ генералъ-губернаторомъ Смирны, 13 февраля 1874 г. великимъ визиремъ, уволенъ 25 апрѣля 1875 г., въ августѣ 1875 г. сдѣланъ опять военнымъ министромъ, 2 октября 1875 г. былъ опять уволенъ, въ маѣ 1876 г. вмѣстѣ съ Мидхатомъ-пашой и другими противниками Махмуда-паши устроилъ заговоръ противъ Абдулъ-Азиса, сопровождалъ въ ночь съ 29 мая на 30 мая 1876 года Мурада въ Долму Багче и позаботился объ убійствѣ Абдулъ-Азиса. Въ ночь съ 15 на 16 іюня 1876 г., будучи военнымъ министромъ, онъ былъ убитъ въ домѣ Мидхата офицеромъ Гассанъ-беемъ.

Внизу налѣво: 6. **Мидхатъ**-паша, родился въ 1826 г. въ Болгаріи отъ турецкихъ родителей, принадлежавшихъ къ магометанской сектѣ бекташей, съ 1840 г. онъ былъ писцомъ (кіатибомъ) въ Рущукѣ, въ 1865 г., благодаря благосклонности великаго визиря Фуада-паши, сдѣлался вали новаго придунайскаго вилайета въ 1867 г. президентомъ государственнаго совѣта при министерствѣ. Въ 1869 г. сдѣлался вали Иракъ-Араби въ Багдадѣ, послѣ паденія Махмуда-Недима-паши, 1 августа занялъ постъ великаго визиря, былъ уволенъ 19 октября 1872 г., въ августѣ 1875 г. сталъ министромъ юстиціи, 2 мая 1876 г. добился вновь паденія Махмуда-Недима, 30 мая 1876 г. онъ вмѣстѣ съ Гуссейномъ-Авни свергаетъ съ престола султана Абдулъ-Азиса. 22 декабря 1876 г. становится опять великимъ визиремъ, объявляетъ 23 декабря 1876 г. конституцію по проекту 1 іюня, 18 января 1877 г. отвергаетъ предложенія конференціи великихъ державъ (послѣдствіемъ чего была война съ Россіей). 5 февраля 1877 г. онъ былъ изгнанъ Абдулъ-Гамидомъ, въ 1878 г. дѣлается генералъ-губернаторомъ Сиріи, въ 1880 г. вали Смирны, въ 1881 г. приговоренъ къ смерти, но смертная казнь замѣнена пожизненной ссылкой въ Аравію, умеръ 8 мая 1884 г. въ Таифѣ.

(3—6 по фотографіямъ изъ Перы.)

Лѣтомъ 1867 года султанъ въ сопровожденіи Фуада пріѣхалъ въ западную Европу; это былъ первый случай въ Турецкой исторіи, что султанъ перешагнулъ черезъ границы своего государства не для завоеваній, а для пріобрѣтенія большей благосклонности своихъ союзниковъ. Въ 1863 г. султанъ посѣтилъ уже хедива въ Египтѣ. Онъ побывалъ на всемірной выставкѣ въ Парижѣ и поспѣшилъ въ іюнѣ 1867 года въ Лондонъ; 24 іюля онъ привѣтствовалъ прусскую королевскую чету въ Кобленцѣ и 7 августа возвратился черезъ Вѣну въ Константинополь. То обстоятельство, что Фуаду пашѣ удалось склонить султана къ такому шагу, слѣдуетъ приписать его дипломатическимъ способностямъ и его патріотизму; къ сожалѣнію это путешествіе, стоившее огромныхъ денегъ, не принесло ожидаемой пользы. Когда 11 февраля 1869 года умеръ Фуадъ, а 6 сентября 1871 г. скончался и его достойный другъ и соперникъ Али, тогда, одновременно съ паденіемъ второй имперіи, было похоронено и то направленіе политики Турецкой имперіи, которое началось у стѣнъ Севастополя и кончилось при Седанѣ. Вліяніе западныхъ державъ прекратилось, и мѣсто его заняло вліяніе Россіи и Пруссіи. Умирая, Фуадъ еще 3 января 1869 г. писалъ изъ Ниццы султану Абдулу Азису: „Стремительный прогрессъ нашихъ сосѣдей и непонятныя ошибки нашихъ предковъ поставили насъ въ критическое положеніе; чтобы предупредить угрожающую катастрофу, Ваше Величество должны порвать съ прошлымъ и повести свой народъ навстрѣчу новымъ судьбамъ“. Правительственная комиссія, объѣзжавшая въ 1864 г. провинціи имперіи, еще рѣзче выразила эту же мысль: „Чиновники обогащаются податями, между тѣмъ какъ народъ страдаетъ и работаетъ, какъ негръ подъ ударами бича. Налоги же раздѣляются между чиновниками, вмѣсто того, чтобы притекать въ государственную казну“.

Результатомъ заграничной поѣздки султана была постройка желѣзныхъ дорогъ въ Турецкой имперіи. Желѣзно-дорожныя линіи Черная Вода—Кюстенджи (1857 г.), Смирна-Аидинъ (1858 г.), Рущукъ-Варна (1861 г.), возникшія подъ англійскимъ давленіемъ, остались безъ дальнѣйшаго развитія и были построены лишь въ цѣляхъ распространенія англійской торговли. По рекомендаціи австрійскаго правительства, Порта дала въ 1868 г. концессію на турецкія желѣзныя дороги бельгійцу Лангранъ-Дюмонсо (стр. 185). Когда послѣдній постыдно обманулъ всѣ ожиданія, постройку желѣзныхъ дорогъ взялъ на себя и отчасти довелъ до конца баронъ Гиршъ въ 1869 г.; но онъ началъ постройку желѣзнодорожной сѣти тамъ, гдѣ она обходилась всего дешевле: у моря, въ Константинополѣ, Дедеагачѣ и Салоникахъ, и совсѣмъ не принималъ во вниманіе справедливыхъ или лицемѣрныхъ требованій австрійскаго правительства, чтобы турецкая желѣзнодорожная сѣть была соединена съ австрійской. Этимъ наносился естественнымъ торговымъ интересамъ прежде всего Австро-Венгріи, а затѣмъ и Германіи, болѣе постоянный вредъ, чѣмъ тотъ, какой могла причинить имъ враждебная торговая политика Турціи, ибо отнынѣ англійскіе корабли владѣли турецкими гаванями, а также и торговлей черезъ посредство дорогъ, построенныхъ Гиршемъ отъ берега во внутрь страны. Точно также и вверхъ по Дунаю, вплоть до Виддина, плавали исключительно англійскіе корабли, до тѣхъ поръ, пока не были окончательно упорядочены Желѣзныя Ворота (1896 г.). Соединеніе пресловутой „Ligne principale“ съ венгерской желѣзнодорожной сѣтью совершилось также лишь въ 1888 году. Весной 1870 г. „турецкіе выигрышные билеты“ были впервые брошены на денежный рынокъ, подъ шумъ рекламныхъ, хвалебныхъ статей вѣнской и прусской прессы. Подъ крылышкомъ Австріи баронъ Гиршъ устроилъ Турціи заемъ почти въ 800 милліоновъ франковъ, несмотря на то, что предприниматели знали о скверномъ положеніи Турціи, ея финансовомъ крахѣ 1875 года, о прекращеніи платежа процентовъ и премій и должны были, слѣдовательно, предвидѣть значительное паденіе цѣны новыхъ билетовъ. Весь убытокъ

держателей турецкихъ билетовъ составлялъ въ 1882 году 306,900,000 франковъ, при чемъ пострадало на половину австрійское, на половину нѣмецкое и французское національное богатство.

Когда декретомъ великаго визиря Махмуда паши отъ 6 октября 1875 г. было объявлено государственное банкротство, тогда Англія, владѣвшая, по крайней мѣрѣ, 2 милліардами турецкихъ государственныхъ облигацій, поспѣшила скупить акціи Суэцкаго канала (177, 602 штуки на 70 милліоновъ марокъ) и занять островъ Сокотору у входа въ Аравійскій заливъ; это было прологомъ къ отнятію Кипра (въ 1878 г.) и Египта (въ 1882 г.). Султанъ, предававшійся все большей и большей расточительности и истощавшій государственную казну роскошными постройками и снаряженіемъ войска и флота, теперь руководствовался при выборѣ своихъ совѣтниковъ лишь одной мыслью: измѣнить порядокъ престолонаслѣдія и, введя право первородства, сдѣлать своего сына Юсуфа Иццъ Эддина наслѣдникомъ престола. Такой отказъ отъ древняго сеніоральнаго порядка (стр. 124) встрѣтилъ ожесточенное сопротивленіе у правовѣрныхъ старотурокъ, улемовъ и магометанскаго духовенства, но тѣмъ большее сочувствіе встрѣтилъ онъ у русскаго посланника Игнатьева, увѣрявшаго султана, что въ крайности русскій флотъ и армія поддержатъ новый порядокъ престолонаслѣдія.

Россія непрерывно и съ постоянно возрастающимъ успѣхомъ работала надъ тѣмъ, чтобы завоевать себѣ вновь положеніе на Востокѣ, утерянное благодаря Крымской войнѣ. Такъ какъ Игнатьевъ видѣлъ теперь въ грекахъ уже не безсильныхъ кліентовъ, а опасныхъ соперниковъ, то онъ и замѣнилъ идею защиты единовѣрцевъ идеею защиты всѣхъ славянскихъ подданныхъ Турціи. Освободительныя движенія христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова не остались безъ вліянія на болгаръ. Уже въ 1762 году проигуменъ Паисій въ монастырѣ Хиландарѣ на Аѳонѣ составилъ словенско-болгарскую исторію, которую можно разсматривать, какъ исходную точку духовнаго подъема Болгаріи. Изданныя въ 1806 году болгарскія проповѣди епископа Софронія Врачанскаго (Софроній изъ Врацы или Врачи) были первой книгой, напечатанной на ново-болгарскомъ языкѣ. Въ греческой освободительной борьбѣ 1821 года, какъ и въ русскомъ походѣ 1829 года, принимали участіе болгары, у которыхъ разсадникомъ свободы былъ монастырь Черпичъ. Азбука Беровича (1824 г.), грамматика, словарь и остальныя сочиненія Юрія И. Венелина (1802—39) пріобрѣли у нихъ значеніе классическихъ. Въ 1835 г. была основана въ Габровѣ первая болгарская школа, въ 1839 г. первая національная типографія; уже въ 1872 г. въ Филиппольской экзархіи было 305 начальныхъ школъ, 16 главныхъ школъ и 24 школы для дѣвочекъ съ 393 учителями, учительницами и 14,665 учениками. Въ 1844 г. появилась первая болгарская газета „Любословье“ Фотинова въ Смирнѣ; въ 1846 г. Богаровъ началъ издавать въ Лейпцигѣ первый политическій органъ. Крѣпнущее національное самосознаніе не желало болѣе терпѣть эксплоатаціи греческо-фанаріотскимъ духовенствомъ. Начались жаркія стычки (продолжающіяся еще и теперь въ „Македонскомъ вопросѣ“), которыя или кончались тогда изгнаніемъ греческихъ поповъ и епископовъ, или же кроваво подавлялись турецкими башибузуками. Тщетно старались въ 1854 г. Франція и папа использовать болгарское движеніе въ цѣляхъ устройства союза съ Римомъ. Тогда въ мартѣ 1870 г. пробилъ для болгаръ часъ церковнаго освобожденія (отдѣленія отъ греческаго патріархата, учрежденіе собственнаго болгарскаго экзархата въ Константинополѣ); освободителями были: проклинаемые греческимъ патріархомъ великій визирь Али и Игнатьевъ.

При помощи Бисмарка, Россія должна была во время Франко-прусской войны на конференціи въ Лондонѣ добиться отмѣны наложеннаго въ 1856 г. Парижскимъ миромъ (§§ 11 и 13) запрещенія имѣть военные корабли на Черномъ морѣ. Турціи, которая только что должна была послать

значительное войско въ Іеменъ и въ Аравію и получала также тревожныя извѣстія изъ Сиріи, съ персидской границы, изъ Сербіи и Болгаріи, не оставалось ничего другого, какъ согласиться вмѣстѣ съ остальными державами 13 марта 1871 г. удовлетворить желаніе Россіи и въ то же время постановить извѣстные пункты, касающіеся урегулированія плаванія по Дунаю. Въ 1873 г. военный министръ Милютинъ преобразовалъ русское войско по нѣмецкому образцу. Была введена всеобщая воинская повинность, было значительно увеличено число отдѣльныхъ частей и количество солдатъ въ военное время. Послѣ этого панславистской партіей опять былъ пущенъ въ ходъ восточный вопросъ. Благодаря ея агитаціи, въ Герцеговинѣ вспыхнуло возстаніе, котораго Турція не могла тотчасъ же подавить. Когда ни консульская комиссія державъ, ни посредничество Австріи не могли ничего подѣлать, Турція стала дѣйствовать рѣшительно и, благодаря превосходству своихъ силъ, она возстановила бы спокойствіе, какъ въ Черногоріи, такъ и въ Герцеговинѣ и Сербіи, если бы Игнатьевъ не выступилъ въ защиту Черногоріи. На несчастье Порты случилось еще убійство германскаго и французскаго консуловъ при безпорядкахъ въ Салоникахъ 6 мая 1876 г., убійство, стоившее ей большихъ жертвъ. Едва только было установлено, благодаря меморандуму Горчакова, двухмѣсячное перемиріе для повстанцевъ, какъ возстали и болгары въ Дреновѣ, Панаджіуриштѣ, Копривщицѣ, Габровѣ и въ Среднегорѣ. Эти возстанія были подавлены фанатическимъ населеніемъ съ ужасными жестокостями, „bulgarian atrocities", какъ ихъ назвалъ Гладстонъ и англійская пресса.

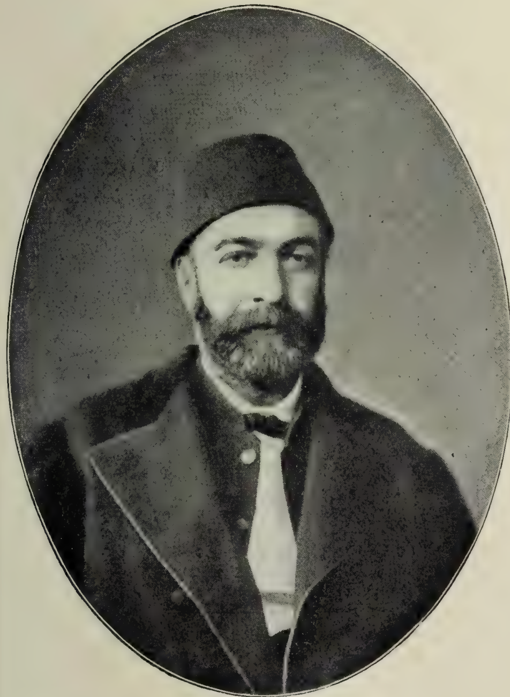
e) Мурадъ V; младотурки (1876).

10 мая 1876 г. вооружились въ столицѣ софты, студенты богословія, и повелительно потребовали у султана, которому приписывалась слѣпая преданность Россіи, увольненія великаго визиря Махмуда Недима паши, удаленія Игнатьева и объявленія войны Черногоріи. Тщетно пытался Абдулъ Азисъ успокоить бурю призваніемъ Мехмеда Рюшди; чаша была переполнена. Уже 29 мая новый великій визирь, военный министръ Гуссейнъ Авни и Мидхатъ паша объявили султана низложеннымъ и возвели на престолъ Мурада V, старшаго сына Абдулъ Меджида. Абдулъ Азисъ былъ отвезенъ въ его сказочно роскошный дворецъ Чираганъ и тамъ убитъ (согласно результатамъ разслѣдованія, произведеннаго въ 1882 г.); нѣсколько дней спустя также и Гуссейнъ паша палъ въ домѣ Мидхада съ нѣсколькими министрами подъ кинжалами мстителей. Еще до путешествія въ Европу султана Абдула Азиса былъ открытъ заговоръ, направленный, главнымъ образомъ, противъ тогдашняго великаго визиря Али паши. Главари его называли себя младотурками, la Jeune Turquie, въ отличіе отъ того, что мы понимаемъ подъ „молодой Германіей" или подъ la Giovine Italia. Главныя цѣли заговорщиковъ были: возстановленіе старотурецкихъ порядковъ, возстановленіе Турецкой имперіи, полное подавленія немагометанъ; въ качествѣ ближайшаго средства они предлагали вооруженіе всѣхъ мусульманъ, убійство свободомыслящаго Али и, какъ конечную цѣль, войну противъ Западной Европы. Когда затѣмъ 1876 годъ принесъ съ собой демонстраціи софтъ, паденіе Махмуда Недима паши, низложеніе султана и печальное крушеніе дипломатіи великихъ державъ, тогда и шовинизмъ поднялъ опять свою голову. Уже въ октябрѣ 1875 года, турецкая правительственная газета „Bassiret" напечатала воззваніе къ крестовому походу ислама противъ невѣрныхъ, воззваніе, подстрекающее къ возстанію. Главнымъ образомъ имѣлись въ виду Алжиръ, Остъ-Индія, Ява, Суматра, Крымъ и Кавказъ. Въ 1876 г. „Sabah" (утро) грозилъ выставить 300 милліоновъ магометанъ, которые завоюютъ и превратятъ въ пустыню прежде всего Англію и Россію, затѣмъ Францію и Австрію; Германію же обѣщали пощадить, если она будетъ держаться нейтралитета.

Главную роль при низложеніи султана Абдула Азиса и возведеніи на престолъ султана Мурада V играли Мидхатъ, Гуссейнъ Авни Мютерджимъ (см. фиг. 5 и 6 на табл. при стр. 186), Мехмедъ Рюшди и Ція бей, изъ которыхъ первый и послѣдній были младотурками, остальные же два старотурками, если только можно вообще проводить такое различіе. Кромѣ того, главнымъ образомъ, члены Молодой Турціи возлагали свои надежды на принца Мурада (Эффенди), ожидая отъ него изданія основного государственнаго закона. Новый султанъ дѣйствительно объявилъ 15 іюля 1876 г. о своемъ намѣреніи даровать конституцію; но уже тогда умъ его былъ помраченъ, и судьба рѣшила иначе. Душой конституціоннаго движенія былъ Мидхатъ паша. Зимою 1876 года онъ составилъ записку, представленную имъ державамъ. Причины упадка Турецкой имперіи онъ видѣлъ не во враждѣ религій и расъ, а въ несправедливомъ управленіи и въ расточительныхъ капризахъ султана Абдула Азиса.

Мидхадъ паша пользовался услугами преимущественно двухъ выдающихся писателей, Кемала и Ція бея. Они были въ то же время и вождями „младотурокъ“ (см. объясненіе къ прилагаемой табл.). Но у нихъ были цѣли не только политическія, а преимущественно литературныя. И въ этой области ихъ вѣчная заслуга. Они рѣшительно отвернулись отъ виртуозности формы классической поэзіи и отъ куріальнаго стиля прозы. Образецъ себѣ они нашли въ неизсякаемомъ источникѣ турецкой народной поэзіи или, для „Moderne“, во французской литературѣ. Пониманіе турецкой народной литературы сдѣлало большіе успѣхи, благодаря такимъ знатокамъ, какъ Вильгельмъ Радловъ, Герм. Вамбери, И. Куносъ и Г. Якобъ. Раньше же ограничивались лишь ссылками на фарсы Годжи Насръ-Эддина. Сокровища поэзіи и нравственной силы, главнымъ же образомъ, сокровища чистаго, неподдѣльнаго турецкаго языка, заключавшіяся въ сказкахъ, фарсахъ, мошенническихъ исторіяхъ, разсказахъ, народныхъ книгахъ, рыцарскихъ и пѣвческихъ романахъ, народныхъ пѣсняхъ, представленіяхъ китайскихъ тѣней, загадкахъ и пословицахъ турецкаго народа, ждали только кладоискателей, которые извлекли бы ихъ на свѣтъ Божій. Такимъ образомъ, стремленія младотурокъ обозначали собою оздоровленіе Турецкой культуры, хотя они въ своихъ стремленіяхъ къ реформаціи или къ революціи часто переходили границы дозволеннаго и возможнаго.

Али Соави (Али Суави) эффенди представлялъ изъ себя нѣчто среднее между Петромъ Амьенскимъ и Мадзини, но онъ стоялъ вполнѣ на почвѣ корана. Ція бей (Паша; см. приложенную табл.) уже въ 1859 г. издалъ исторію господства арабовъ на иберійскомъ полуостровѣ, подъ заглавіемъ Andalus Tarichi. Сочиненіе это, опираясь на шестую книгу Луи Віардо, прославляло магометанскую культуру и относилось враждебно къ Европѣ и къ христіанству. Кемаль бей, вѣрный ученикъ своего учителя Шинаси эффенди (см. фиг. 1 и 2 приложенной табл. „Основатели младотурецкаго движенія“), создавшаго новую турецкую литературу и языкъ, сталъ крупнѣйшимъ изъ турецкихъ поэтовъ новѣйшаго времени. Подъ заглавіемъ „Ibret“ (образецъ) онъ издалъ журналъ, въ которомъ самъ защищалъ парижскую Коммуну. Крупнѣйшая драма его была „Силистрія“ или „Vatan“ т. е. отечество. Фабула этой драмы, заключающаяся въ геройской защитѣ дунайской крѣпости въ 1854 г., грѣшитъ противъ исторической правды, но онъ впервые съ силой ударилъ по струнамъ любви къ „отечеству“, каковое понятіе вообще отсутствовало у магометанъ. Это, въ связи съ популярнымъ стилемъ, было причиной его успѣха. Но такой успѣхъ, послѣ представленія драмы въ Константинополѣ въ 1873 году, навлекъ изгнаніе на ея автора. Вмѣстѣ съ Мехмедомъ беемъ, племянникомъ великаго визиря Махмуда Недима паши, онъ основалъ турецкій журналъ „Muchbir“ т. е. докладчикъ. Журналъ этотъ былъ запрещенъ и возбужденъ процессъ противъ „La Jeune Turque“; заговорщики бѣжали въ Парижъ. Здѣсь они



Исторія человѣчества. V. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Основатели младотурецкаго движенія.

(По современнымъ фотографіямъ.)

Объясненіе къ портретамъ.

Вверху направо: Ибрагимъ **Шинасси-эфенди**, родился въ 1828 г. (въ 1242 гиджры) въ Константинополѣ, журналистъ и поэтъ. Онъ отправился въ Парижъ и по возвращеніи оттуда старался замѣнить единственно употреблявшійся тогда высокопарный стиль, недоступный пониманію широкой публики, простымъ неприкрашеннымъ турецкимъ языкомъ. Въ 1859 г. (1276 гиджры) онъ основалъ газету Terdschüman-i-ahwal („Государство"), въ 1864 г. (1281 гиджры) переселился вторично въ Парижъ. Онъ является основателемъ новѣйшей турецкой литературы. Умеръ 15 сентября 1871 г. (5 реджеба 1288 года гиджры).

Вверху налѣво: **Кемалъ-бей,** родился 21 декабря 1840 г. (26 шевваля 1256 г.) въ Галлиполи или въ горахъ Текфуръ (Родосто), учился въ Софіи, съ 1857—1858 г. (1274 гиджры) былъ ученикомъ Шинасси-эфенди, является самымъ выдающимся турецкимъ поэтомъ и писателемъ новѣйшаго времени, умеръ 2 декабря 1888 года (28 ребю'л-авевля 1306 г.) на Хіосѣ.

Внизу направо: Принцъ **Фазиль Мустафа**-паша изъ Египта, братъ умершаго въ 1895 г. хедива Измаила-паши и основатель младотурецкой партіи реформъ; въ 1846 г. (1262 гиджры) прибылъ въ Константинополь, съ 1851 (1267) ула перваго разряда, съ 1857—1858 (1254) визирь, съ 1861 г. (1278) министръ безъ портфеля, съ 1862 г. (1279) министръ народнаго просвѣщенія, 13 ноября 1862 г. (21 реджеба 1279 г.). будучи министромъ финансовъ, попалъ въ немилость, съ 1865 г. (1282) предсѣдатель финансоваго совѣта, завѣдывающаго казначействомъ, съ 1869 г. вторично министръ безъ портфеля, умеръ въ 1875 г. (1292) за границей. Дочь Фазиля Мустафы-паши, живущая въ Каиро, принцесса Назли-Ханумъ, точно также поддерживаетъ сношенія съ младотурецкой партіей.

Внизу налѣво: **Абдулъ-Гамидъ-Ція**-паша, поэтъ и публицистъ, родился въ Константинополѣ въ 1825 г. (1241 гиджры), съ 1855 г. (1271 гиджры) состоялъ секретаремъ во дворцѣ султана, переводилъ испанскія и въ особенности французскія произведенія („Эмиля" Руссо), при Абдулъ-Азисѣ былъ губернаторомъ Кипра, отправленъ Абдуломъ-Гамидомъ въ Сирію, Конію и наконецъ въ Адану, гдѣ и умеръ въ 1881 г. (1298 гиджры).

Позднѣйшіе главные представители младотурецкаго движенія, поставившаго себѣ цѣлью превращеніе Турціи въ конституціонное государство, къ которому стремился и авторъ турецкой конституціи 1876 г. Митхадъ-паша, самъ не принадлежавшій къ младотурецкой партіи: 1) Ахметъ Риза-бей, издатель выходящей въ Парижѣ революціонной газеты „Meschweret" („Совѣщаніе"); 2) Мурадъ-бей, предсѣдатель „Comité Ottoman d'Union et de Progrès" (Оттоманскаго комитета „Единство и Прогрессъ"); онъ издавалъ нѣкоторое время въ Каирѣ журналы „Zemân" („Время") и „Mizân" („Вѣсы"), а теперь вмѣстѣ съ Ахметъ-Риза-беемъ редактируетъ выходящую 2 раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ, на турецкомъ языкѣ, газету „Osmanli", органъ Comité Ottoman. 3) Халилъ Гакемъ, христіанинъ изъ Сиріи, изъ Бейрута, живетъ въ Парижѣ и сотрудничаетъ въ „Journal des Débats". Онъ былъ депутатомъ отъ Сиріи въ турецкомъ парламентѣ, въ настоящее время предсѣдательствуетъ въ Comité Turco-Syrien, издающемъ въ Парижѣ газету „La jeune Turquie" („Молодая Турція"); 4—6) Ціа-бей, Али-Суави-эфенди и Агіахъ-эфенди, издававшіе въ 1867—68 въ Лондонѣ газету „Muchbir" („Вѣстникъ"); 7) Вассифъ-эфенди, проживающій теперь въ Парижѣ, бывшій секретарь Митхада-паши; 8) Махмудъ Джелалъ-еддинъ-паша, мужъ Сенихи, сестры нынѣшняго султана Абдулъ-Гамида, бѣжалъ въ 1899 г. въ Парижъ; 9) Тевфикъ Эбузія, другъ Кемалъ-бея и издатель его сочиненій, находится въ настоящее время въ изгнаніи въ Коніи, талантливый поэтъ и писатель.

Всѣ упомянутые дѣятели, кромѣ обозначённыхъ подъ номерами 4—6, живы и теперь.

Однимъ изъ любимѣйшихъ и пріятнѣйшихъ современныхъ поэтовъ является Шемси-бей, прославившійся въ особенности своими военными пѣснями. Затѣмъ слѣдуетъ назвать еще: Ахмета Митхада, который въ романахъ и повѣстяхъ особенно возстаетъ противъ турецкаго брака, Муаллимъ-Надши, Сами-бея, Сецайи, Махмудъ-Кемала, Мустафу-Решида, Гуссамъ-еддина и Мехмеда Рифата; всѣ они заботились и заботятся теперь о распространеніи западноевропейской образованности среди соотечественниковъ.

встрѣтились съ Фазилемъ Мустафой (Мустафа Фазиль) пашой (см. приложенную табл.), братомъ хедива Измаила, изгнаннаго послѣднимъ за свой протестъ противъ египетскаго престолонаслѣдія. „Muchbir“ продолжалъ издаваться въ Парижѣ и Лондонѣ и въ тысячахъ экземпляровъ провозился контрабандой въ Турцію; отдѣльные номера выходили и на французскомъ языкѣ. Но для европейской публики они надѣвали маску терпимости и скрывали свои фанатически - мусульманскіе принципы, притворяясь свободомыслящими. При Махмудѣ пашѣ они были амнистированы и возвращены, и изъ нихъ, главнымъ образомъ, Ція и Риза бей, бывшій посланникъ въ Тегеранѣ и Петербургѣ, наставляли великаго визиря въ сложномъ болгарскомъ и католико-армянскомъ вопросахъ.

Съ этого времени въ Константинополѣ возникъ и турецкій театръ съ репертуаромъ въ 40 — 50 пьесъ, частью оригинальныхъ, частью переводныхъ — Мольера въ переводѣ Ахмеда Вефика, Шиллера въ переводѣ Ахмеда Мидгата эффенди, редактора турецкой правительственной газеты; Вефикъ издалъ также для школъ нѣсколько ландкартъ съ турецкими надписями и участвовалъ также въ составленіи большого словаря. Мюнифъ эффенди перевелъ часть „Entretiens et dialogues philosophiques“ Вольтера и внесъ, по примѣру Фуада, проектъ упорядоченія и расширенія кривыхъ и узкихъ улицъ Стамбула. Учреждались публичныя библіотеки; Абдулъ Азисъ устроилъ Зоологическій садъ, въ медицинской школѣ въ Галатскомъ сералѣ былъ сдѣланъ доступнымъ для публики естественно-научный кабинетъ. Основаніе въ Константинополѣ „университета“ можно считать неудавшимся. Черезъ нѣсколько десятилѣтій въ вопросѣ эмансипаціи женщинъ, о которомъ писалось съ 1895 г. въ газетѣ Тагира Эффенди „Chanimlara machsus gazeta“; сотрудницы этой газеты, какъ напр. Фатима Алиджа, Ниджіаръ Хаминъ, Хамижети Цехра, Фахръ - енъ-Низа, Макбуле Леміанъ, Эмине Вахида и Ренезія, несмотря на основательное знакомство съ восточными и европейскими языками и нравами, высказались, какъ это ни странно, рѣшительно въ духѣ младотурокъ, т. е. за усиленіе въ воспитаніи юношества мусульманскихъ элементовъ и за устраненіе элементовъ европейскихъ. И все-таки Вамбери именно отъ этого женскаго движенія ждетъ приближенія къ нравамъ Запада и плодотворной реформы общества и государства.

Трудно составить себѣ полное и ясное представленіе объ идеяхъ и цѣляхъ нынѣшнихъ младотурокъ. Первымъ оффиціальнымъ вождемъ младотурокъ былъ черкескій генералъ Гуссейнъ паша. Къ нему примыкало много людей, называвшихъ себя федаиджи, т. е. заговорщиками, а также мучениками. Уже тогда (въ 1860 году) этотъ вольный турецкій союзъ стремился, къ преобразованію Турціи черезъ турокъ, безъ различія вѣроисповѣданія, а не черезъ Европу, къ устраненію деспотизма, къ учрежденію отвѣтственнаго министерства, состоящаго изъ честныхъ государственныхъ дѣятелей и палаты, состоящей изъ представителей всѣхъ расъ и религій Турецкой имперіи (Бернгардъ Штернъ). Хаиръ Эддинъ паша и Халиль Шерифъ паша преслѣдовали въ царствованіе Абдула Азиса тѣ же цѣли; имъ помогали уже упомянутые Ція бей и Кемаль бей словомъ и перомъ, Али и Фуадъ своей правительственной дѣятельностью. Они набрасывали широкіе планы, и нѣкоторые изъ этихъ плановъ имъ удалось дѣйствительно провести у деспотическаго султана, который призвалъ даже министерство христіанина, армянина Агаѳона эффенди. Программа Мидхата 1876 г. развивала въ общемъ европейскіе принципы: господство законовъ, общее равноправіе, усиленіе власти дивана сравнительно съ властью сераля, свободу печати, независимость судовъ, реорганизацію государственнаго управленія съ соблюденіемъ мусульманскихъ законовъ, но при руководствѣ опытомъ Запада, установленіе порядка въ дворцовомъ управленіи, измѣненіе восточнаго порядка престолонаслѣдія, европейское воспитаніе принцевъ, женитьбу прин-

цевъ на европейскихъ принцессахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уничтоженіе рабства, многоженства, хозяйничанья второстепенныхъ женъ и внуковъ. Вмѣстѣ съ Фазилемъ и Серверомъ пашой Мидхатъ отстаивалъ въ своей газетѣ „Iftihad“ свои творенія — конституцію, парламентъ и сенатъ. Онъ требовалъ полнаго отдѣленія калифата отъ султаната, устраненія теократическаго режима; этимъ онъ глубоко оскорбилъ сильную церковную партію улемовъ; поэтому онъ палъ при слѣдующемъ султанѣ. Наслѣдники его идей, турки-реформаторы или либералы, какъ они себя охотнѣе называютъ,—Ахметъ Риза, издатель „Meschweret“, политическій хамелеонъ Мурадъ бей, редакторъ „Misan'a“, Ѳеодръ Кассопе, блестящій журналистъ „Haial'a“, Измаилъ Кемаль бей, Вассилаки бей, Мехмедъ Убеидуллахъ, Саидъ бей, Ція бей и Ферди бей, даже шуринъ султана Махмудъ Дамадъ († 18 января 1903 въ Брюсселѣ) тщетно боролись до послѣдняго времени (еще въ маѣ 1904 года общее вниманіе было привлечено слухами объ арестѣ высокопоставленныхъ младотурокъ) за освобожденіе султана Абдула Гамида II и своего народа изъ рукъ придворной камарильи.

6. Абдулъ Гамидъ II (съ 1876 г.).

Съ тоской вспоминаетъ турецкая народная пѣсня о низложеніи „любимаго повелителя Абдула Азиса“. Но черныя крылья судьбы были все еще распростерты надъ трономъ Османа: 31 августа 1876 г. Мурадъ V, надежда младотурокъ, былъ объявленъ сумасшедшимъ и заточенъ (29 августа 1904 г.).

Ему наслѣдовалъ Абдулъ Гамидъ II (родился 21 сентября 1842 г.). Это былъ 37 султанъ изъ династіи Османа и 28-ой со времени завоеванія Константинополя. Реформа школы, государственнаго устройства, поощреніе торговли и экономической жизни грандіознымъ расширеніемъ желѣзнодорожной сѣти, — таковы были задачи, которыя твердо имѣлъ въ виду самъ высокоодаренный монархъ, желавшій привести „народъ джентльменовъ“, какъ называлъ турокъ Бисмаркъ, на вершину цивилизаціи. Тщетно отбросилъ сербовъ сердарій Абдулъ Керимъ у Алексинаца (1 сентября 1876 г.), въ долину Моравы (1 ноября его башибузуки переходили уже черезъ Джунисъ и Столацъ и доходили до Бѣлграда) — телеграмма императора Александра II отъ 31 октября изъ Ливадіи повелительно потребовала прекращенія враждебныхъ дѣйствій. Не помогло и то, что дипломатически миролюбивый султанъ рѣшился на крайнюю уступчивость при заключеніи мирнаго договора отъ 28 февраля 1877 года. Въ отвѣтъ на требованіе державами самоуправленія для Болгаріи, Мидхадъ паша, великій визирь съ 22 декабря 1876 года, сдѣлалъ шахматный ходъ конституціей, навязанной султаномъ своей имперіи 23 декабря. Это народное представительство, состоящее изъ 200 мусульманъ и 60 христіанъ, отклонило предложенія конференціи державъ. Тогда Игнатьевъ объѣздилъ дворы Европы и добился „Лондонскаго протокола“, еще разъ рекомендовавшаго Высокой Портѣ учрежденіе двухъ автономныхъ провинцій, Болгаріи и Восточной Румеліи, съ христіанскими губернаторами. Но Мидхадъ былъ низложенъ дворцовой революціей 5 февраля 1877 года и Эдемъ Паша, его преемникъ, убѣдилъ султана рѣзко отклонить русскія предложенія 9 апрѣля. Уже 23 апрѣля императоръ Александръ II объявилъ своимъ войскамъ въ Кишиневѣ, что война объявлена. Въ ночь на 24 казаки перешли черезъ Прутъ, и все войско вступило въ Румынію, на этотъ разъ не для „освобожденія христіанъ“, какъ раньше, а для освобожденія „славянскихъ братьевъ“. Румынія заключила 16 апрѣля съ Россіей договоръ, которымъ разрѣшался проходъ русскимъ войскамъ. Это было принято Турціей, какъ поводъ для войны и съ Румыніей, послѣ чего палата въ Бухарестѣ провозгласила

независимость. Турки съ 180 тысячнымъ войскомъ стояли вдоль по Дунаю; въ Азіи у нихъ было 80,000. Россія была увѣрена въ благожелательномъ нейтралитетѣ Германіи, а съ Австріей она заключила въ январѣ 1877 года условіе въ Рейхштадтѣ, по которому Австро-Венгріи, въ случаѣ ея невмѣшательства, обѣщана была Боснія и Герцеговина. 3 мая турки объявили блокаду береговъ Чернаго моря, 6 мая султанъ принялъ титулъ „защитника вѣры“ и провозгласилъ священную войну.

Уже въ самомъ началѣ турецкій броненосецъ „Сейфи“ подвергся нападенію русскихъ миноносокъ и былъ потопленъ ниже Мачина на Дунаѣ; 11 мая русская батарея въ Браиловѣ гранатными снарядами взорвала турецкій мониторъ „Лутфи Джалиль“ со всѣмъ его экипажемъ. Русская кавказская армія, предводительствуемая великимъ княземъ Михаиломъ, взяла приступомъ 17 мая Ардаханъ и осадила Карсъ. Но, благодаря побѣдѣ Мухтара паши надъ Лорисъ Меликовымъ, русскіе принуждены были въ серединѣ іюля отступить на свою территорію; турецкій флотъ, поддерживаемый возстаніемъ черкесовъ на Кавказѣ, обстрѣливалъ русскіе форты на Абхазскомъ берегу и занялъ Сухумъ Кале, который пришлось однако въ августѣ опять очистить. Такъ какъ русскіе взяли опять Карсъ и побѣдоносно проникли до Эрзерума, Мухтаръ паша взялъ на себя оборону Константинополя. Хотя русскіе, благодаря наводненіямъ, только 27 іюня перешли черезъ Дунай у Систова и Зимницы, но они уже 7-го были все-таки у Тырнова, а генералъ Іосифъ Вл. Гурко 13 іюня перешелъ черезъ Балканы (Шипка). Генералъ Шильдеръ-Шульднеръ былъ отбитъ Османомъ Нури пашой при Плевнѣ, и опасность угрожала линіи отступленія русскихъ. Если бы турецкіе полководцы дѣйствовали единодушно, и если бы они энергично напали на русскихъ, то послѣднимъ едва ли удалось бы спастись на лѣвый берегъ Дуная. Между тѣмъ къ русскимъ подошли подкрѣпленія и желанное теперь румынское войско, чтобы поймать „плевненскаго льва“, еще и понынѣ прославляемаго въ турецкой народной пѣснѣ († 5 апрѣля 1900 г.). 11 сентября, въ день тезоименитства русскаго императора, началась послѣ грандіозныхъ приготовленій большая аттака на окопы Османа, крупнѣйшее пораженіе русскихъ во всемъ походѣ: со стороны нападающихъ 16,000 убитыхъ и раненыхъ покрывали поле передъ окопами, и это была цѣна за одинъ только Гривицкій окопъ. Наконецъ, 10 декабря раненый Османъ долженъ былъ съ 40,000 солдатъ, 2000 офицеровъ и 77 пушками сдаться втрое сильнѣйшему непріятелю.

Паденіе Плевны воодушевило и сербовъ у Ниша 11 января 1878 года, черногорцамъ это внушило смѣлость къ завоеваніямъ на берегу Адріатическаго моря 19 января 1878 года; греки перешли 2 февраля ѳессалійскую границу. Въ Болгаріи Гурко въ концѣ декабря 1877 года съ невыразимыми трудностями перешелъ черезъ Этропольскій Балканъ и соединился въ Филиппополѣ съ Ломской арміей. 29 іюня русскіе, которымъ удалось взять въ плѣнъ шипкинское войско, уничтожить корпусъ Сулеймана и занять Адріанополь, дошли до Мраморнаго Моря у Родосто. Уже 31 января было заключено перемиріе. Тогда англійскій флотъ въѣхалъ въ Мраморное море. Теперь русскіе подошли къ самому Константинополю и продиктовали 3 марта Санъ-Стефанскій миръ. Этотъ миръ требовалъ отъ Турціи полной независимости Румыніи, Сербіи, Черногоріи, автономіи Болгаріи, уступки русскимъ Арменіи и румынамъ Добруджи и, кромѣ того, еще основанія Румеліи и Македоніи, что повело бы къ раздѣленію Европейской Турціи на двѣ части. На это Англія отвѣтила угрозой объявленія войны, перемѣстила въ Мальту индійскія войска и вмѣстѣ съ Австріей потребовала созванія конгресса. Абдулъ Гамидъ 14 февраля распустилъ парламентъ и никогда болѣе не созывалъ его. 20 мая онъ съ кровавой жестокостью подавилъ заговоръ Али Соави въ пользу Мурада и 25 мая сдѣлалъ Мехмеда Рюшди пашу великимъ визиремъ. Этотъ по-

слѣдній заключилъ тайный договоръ съ Англіей, которая взяла на себя защиту Азіатской Турціи и въ вознагражденіе за это заняла Кипръ. Но уже 4 іюня Мехмедъ Рюшди паша былъ замѣненъ Сафветомъ пашой.

Требованія Санъ Стефанскаго мира были значительно сокращены на Берлинскомъ конгрессѣ (отъ 13 іюня до 13 іюля 1878 года), и прежде всего Восточная Румелія была оставлена подъ верховной властью Турціи (см. историческую карту при стр. 165). Но Австріи было поручено занять Боснію и Герцеговину и учредить подъ верховенствомъ султана наблюдательный корпусъ въ санджакѣ Новомъ Базарѣ. Румынія получила плохую благодарность за цѣнныя услуги, оказанныя ею Россіи: вмѣсто уступленной Россіи Бессарабіи она получила неплодородную Добруджу. Греціи было разрѣшено исправить свои границы на сѣверѣ; но только въ 1880 г. въ ея владѣніе перешли Ѳессалія и округъ Эпира Арта. Уплачиваемая Портой Россіи контрибуція составляла 802 милліона франковъ. Въ 1882 г. и Боснія, которая должна еще была быть шагъ за шагомъ завоевана австрійскими войсками, предводительствуемыми барономъ Іосифомъ Филипповичемъ фонъ Филиппсбергомъ, получила гражданское управленіе, при которомъ эта плодородная страна замѣтно развивается и процвѣтаетъ. Берлинскій договоръ былъ подписанъ представителями всѣхъ державъ, но никто не скрывалъ отъ себя, что этотъ договоръ заключаетъ въ себѣ только зародышъ для новыхъ осложненій. Панславистская партія въ Россіи приписывала неблагопріятные результаты Берлинскаго Конгресса „измѣнѣ нѣмецкихъ друзей“, каковое отношеніе было названо Бисмаркомъ въ его „Мысляхъ и воспоминаніяхъ“ „безчестной фикціей“. Россія просто не чувствовала себя достаточно сильной въ военномъ отношеніи, чтобы вести войну съ Австріей и Англіей послѣ того, какъ она упустила благопріятный моментъ для занятія Константинополя. Отвѣтственность за неудачу русской политики князь Горчаковъ, безъ сомнѣнія, раздѣляетъ со своими младшими единомышленниками, но, во всякомъ случаѣ, онъ не свободенъ отъ этой отвѣтственности.

Такимъ образомъ, когда великій германскій канцлеръ 7 октября 1879 г. заключилъ союзъ съ Австріей и вскорѣ затѣмъ (въ 1883 г.) былъ основанъ тройственный союзъ, тогда проницательный султанъ понялъ, что только опираясь на этотъ могучій оплотъ мира въ Европѣ, онъ можетъ доставить благоденствіе своимъ государствамъ. Правда, при низложеніи Измаила въ 1879 году ему не удалось возстановить прежняго верховенства Порты; въ 1882 г. долина Нила досталась англичанамъ (т. III, стр. 699), которые завоевали даже опять Суданъ. Франція учредила 12 мая 1881 г. и 8 іюня 1883 г. протекторатъ надъ Тунисомъ (т. IV, стр. 246). Но несмотря на это онъ лояльно соблюдалъ постановленія Берлинскаго конгресса и старался посредствомъ цѣлаго ряда учрежденій поднять благосостояніе своей имперіи. Въ 1880 г. онъ силою заставилъ Албанскую лигу покориться и уступить Дульчинье Черногоріи. Остававшіеся до сихъ поръ безнаказанными государственные дѣятели Миджадъ, Махмудъ Дамадъ и Нури паша были 29 іюня 1881 г. приговорены къ смерти и сосланы въ Аравію. Съ помощью нѣмецкихъ чиновниковъ султанъ въ 1881 г. добился соглашенія съ кредиторами и провелъ благодѣтельную для государства финансовую реформу. Для увеличенія доходовъ была введена въ 1883 г. табачная регалія. Но болѣе всего онъ усилилъ государство, пригласивъ нѣмецкихъ офицеровъ для улучшенія военнаго дѣла (1880 г.) и для выработки военнаго устава, вступившаго въ силу въ 1887 году. Съ 1887 года всѣ способные къ службѣ мужчины, по достиженіи ими совершеннолѣтія, причислялись къ какому-нибудь отдѣлу войска, подчинялись дисциплинѣ и зачислялись въ линейныя войска для обученія. Въ офицерской школѣ въ Константинополѣ, директоромъ которой былъ 1883—95 г. баронъ Фольмаръ фонъ деръ Гольцъ, количество воспитанниковъ возросло съ 4000 до 14000 человѣкъ. Въ 1880 г. въ садахъ

Сераля (Чинили кіоскъ) былъ выстроенъ старый, а въ 1891 г. новый музей древностей, въ 1889 г. рядомъ съ этимъ музеемъ была основана Гамди-беемъ художественная школа (école des beaux arts), въ которой, вопреки запрещенію Корана изображать человѣческое лицо, постоянно болѣе 130 молодыхъ турокъ обучаются живописи, скульптурѣ и архитектурному рисованію.

Еще большую мудрость проявилъ султанъ своей сдержанностью по отношенію къ смутамъ въ балканскихъ государствахъ, сдержанностью, которую онъ проявилъ несмотря на то, что Россія, недовольная подвластными ему славянами, побуждала его къ насильственнымъ дѣйствіямъ и несмотря на то, что младотурки ставили ему въ упрекъ такую „слабость". Румынія была провозглашена королевствомъ 26 марта 1881 года, Сербія—6 марта 1882 г. 29 апрѣля 1879 г. болгарское собраніе избрало княземъ принца Александра Баттенбергскаго, онъ устранилъ посредствомъ государственнаго переворота 9 мая 1881 г. радикальное правительство и уничтожилъ вліяніе великоболгарскихъ агитаторовъ въ Восточной Румеліи и въ Македоніи, но уже 19 сентября 1883 г. возстановилъ тырновскую конституцію; 20 сентября 1885 г., онъ взялъ на себя управленіе также и Восточной Румеліей, что было весьма нежелательно для Россіи. Послѣ этого завистливая Сербія объявила Болгаріи войну (13 ноября), но король Миланъ, послѣ кратковременнаго успѣха въ Дрогоманскомъ ущельи, былъ уже 18 и 19 ноября побѣжденъ княземъ Александромъ при Сливницѣ и Пиротѣ, отброшенъ къ Цариброду и при заключеніи мира въ Бухарестѣ (3 марта 1886 г.) пощаженъ только въ виду желанія Австріи. Легкомысленная финансовая политика быстро смѣнявшихся министровъ Гарашанина, Ристича, Груича, Христича, Таушановича, Симича и др., агитація радикаловъ, распри въ королевской семьѣ, разводъ (1888 г.) и отказъ отъ престола короля Милана въ пользу своего сына Александра I (1889 г.), сдѣланный послѣднимъ государственный переворотъ (1893 г.) и его женитьба на Драгѣ Машиной (1900 г.),—все это не способствовало водворенію мира и справедливости въ несчастной странѣ. Возстаніе и объединеніе Болгаріи съ Восточной Румеліей, 5 октября 1886 г., возбудили ревность и гнѣвъ царя и панславистовъ. Ночью 21 августа князь Александръ былъ схваченъ въ своемъ конакѣ и принужденъ къ отказу отъ престола. Когда ему, по своемъ возвращеніи, не удалось помириться съ царемъ, онъ былъ окончательно изгнанъ изъ княжества 7 сентября 1886 года († 17 ноября 1893). Послѣ кратковременнаго регентства Стамбулова и послѣ возмутительнаго поведенія русскаго генерала барона Ник. Каульбарса, народное собраніе 7 іюля 1887 г. избрало княземъ принца Фердинанда Кобургъ-Когари. Несмотря на холодность султана, на гнѣвъ царя, на панславистскія убійства, ему удалось все-таки утвердиться въ странѣ. Въ 1893 г. онъ женился на принцессѣ Маріи Луизѣ Пармской и съ 1896 г. воспитывалъ своего сына въ православной вѣрѣ. Послѣ убійства Стамбулова князь помирился уже съ царемъ, былъ признанъ султаномъ и добился въ Македоніи назначенія болгарскихъ епископовъ. Въ благодарность за это Болгарія до 1897 г. оставалась нейтральной. Но плодородная страна не могла успокоиться вслѣдствіе чрезмѣрнаго изобилія въ ней честолюбивыхъ парламентаріевъ и профессіональныхъ политиковъ; только въ македонскомъ вопросѣ болгары одержали рѣшительно верхъ, благодаря враждѣ между сербами и греками. Тѣмъ воинственнѣе держали себя Сербія и Греція, почему Турція и была принуждена, въ свою очередь, вооружиться, и ей пришлось сдѣлать обременительный заемъ у Оттоманскаго банка. Въ 1889 г. турецкія желѣзныя дороги перешли по приговору третейскаго суда изъ рукъ барона Гирша (стр. 185) во владѣніе Порты. По нѣмецкой иниціативѣ началась также и постройка анатолійскихъ желѣзныхъ дорогъ, которыя уже въ 1896 г. доходили до Ангоры и Коніи. Эти дороги въ будущемъ, по достиженіи ими Персидскаго залива, должны послужить къ чрезвычайному усиленію Турціи въ

стратегическомъ, торгово-политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Неутомимыя старанія основаннаго въ 1881 году, нѣмецкаго общества для торговли съ Востокомъ, потерпѣли крушеніе. Тогда торговлю съ Востокомъ стало съ успѣхомъ вести, основанное въ 1889 г. въ Гамбургѣ, акціонерное общество пароходства, „Нѣмецкая левантинская линія", введшее комбинированные желѣзнодорожные и пароходные тарифы.

Дряхлая имперія, еще прежде, чѣмъ она была охвачена желѣзными тисками этихъ идущихъ черезъ Багдадъ рельсовыхъ путей, была глубоко потрясена двумя тяжелыми событіями: армянскимъ возстаніемъ и ѳессалійской войной. 61 параграфъ Берлинскаго трактата требовалъ для торговаго и трудолюбиваго армянскаго народа реформъ въ управленіи и защиты отъ разбойничества чиновниковъ, курдовъ и черкесовъ. Эти реформы, благодаря равнодушію и подкупности чиновниковъ, вводились очень вяло, и благодаря этому вспыхнули въ 1894 г. безпорядки въ Сассунѣ, которые были подавлены съ кровавой жестокостью. Но эти безпорядки сейчасъ же зажгли пламя возстанія въ Трапезунтѣ, Гюмшханѣ, Самсунѣ, Агджа-Гунѣ и вообще въ армянскихъ вилайетахъ. Возстаніе было прекращено съ страшной жестокостью при помощи властей, турецкихъ солдатъ и курдовъ.

Окопавшіеся въ горахъ Киликіи въ Зейтунѣ армяне долго выдерживали правильную осаду, и армянскіе агенты изъ Лондона, Аѳинъ, Парижа, Женевы и Тифлиса несли сѣмя возстанія въ горы Верхней Арменіи и Тавра. Одни и тѣ же города западной Европы служили убѣжищами какъ армянскимъ агентамъ, покровительствуемымъ Англіей, такъ и ихъ смертельнымъ врагамъ, младотуркамъ, которыми Франція пользовалась иногда для давленія на Порту. 30 сентября 1895 г. армяне собрались передъ Высокой Портой съ требованіемъ реформъ, 26 августа 1896 эти армянскіе заговорщики напали на Оттоманскій банкъ; вслѣдъ за этимъ, послѣ ихъ освобожденія, началась рѣзня армянъ въ столицѣ, руководимая, повидимому, солдатами и полицейскими. Когда, наконецъ, державы запротестовали противъ этого кровопусканія, избіенія были прекращены и обѣщаны реформы; но армянскій вопросъ оставался все-таки фигурой на шахматной доскѣ европейской политики, а эта послѣдняя была отвлечена осложненіями въ Сѣверной Америкѣ, восточной Азіи и южной Африкѣ. Счастливѣе для отличающагося вообще такой мягкостью султана, но не для христіанъ, прошелъ греческій походъ. Наконецъ, двукратное посѣщеніе германскаго императора повысило и укрѣпило репутацію Абдулъ Гамида II и выдвинуло на первый планъ нѣмецкое вліяніе въ Портѣ.

На Критѣ непримиримая вражда между христіанами и турками, несмотря на ихъ племенное родство, привела, послѣ нарушенія Галепскаго договора (1878 г.) и введенія ограничительной конституціи (1889 г.), къ кровавымъ событіямъ, которыя все разростались уже съ 1886 г., благодаря надеждѣ на присоединеніе къ метрополіи и несмотря на блокаду державами греческихъ гаваней. Когда въ 1896-97 г. вновь начались волненія, греческій полковникъ Вассосъ съ 2000 солдатъ занялъ 15 февраля 1897 года Платанію на Критѣ и отъ имени короля Георга завладѣлъ островомъ. Губернаторъ Георгъ Беровичъ Паша покинулъ Критъ; державы протестовали противъ такого нарушенія международнаго права, бомбардировали со своихъ кораблей повстанцевъ и блокировали островъ. Когда Греція и послѣ ультиматума державъ не отозвала своихъ войскъ, Порта объявила войну 17 апрѣля 1897 года. Турецкое войско, подъ начальствомъ Эдема паши, вступило въ Ѳессалію и разбило плохо дисциплинированное и плохо организованное греческое войско, предводительствуемое греческимъ наслѣднымъ принцемъ Константиномъ, при Турнавосѣ, Ларисcѣ, Ферсалѣ (Фарсалѣ), Домокосѣ и въ Эпирѣ. 19 мая было заключено при посредничествѣ державъ перемиріе, и 18 сентября 1897 года состоялся мирный договоръ въ Константинополѣ, по которому Греція теряла нѣсколько пограничныхъ окру-

говъ на сѣверѣ Ѳессаліи и обязывалась уплатить военное вознагражденіе въ размѣрѣ 4 милліоновъ турецкихъ фунтовъ=75 милліонамъ марокъ. Самымъ тяжелымъ наказаніемъ для Греціи былъ, учрежденный по предложенію Германіи, контроль надъ ея финансами, благодаря плохому состоянію которыхъ больше всего убытковъ потерпѣли нѣмцы. Греція отозвала свои войска съ Крита. Островъ получилъ полную автономію подъ суверенитетомъ султана, при чемъ намѣстникомъ былъ назначенъ греческій принцъ Георгъ. Греція, только въ 1893 году закончившая прорытіе канала черезъ Коринѳскій перешеекъ и не соединившая еще своей желѣзнодорожной сѣти съ болѣе развѣтвленной сѣтью балканскихъ государствъ, находится теперь на пути къ большому прогрессу.

Въ теченіе кратковременнаго похода обнаружилось, что заботы нѣмецкихъ учителей объ организаціи, обученіи, мобилизаціи, командованіи и поведеніи турецкихъ войскъ принесли хорошіе плоды. Такъ Турція дожила до конца столѣтія. Вамбери, Адольфъ Вармундъ и фонъ деръ Гольцъ условно дали турецкому государству новую жизнь и новую силу. Они ожидаютъ отъ духовнаго подъема лучшихъ элементовъ націи также и пробужденія силъ, дремлющихъ въ глубинѣ народной жизни и побѣды европейскаго міросозерцанія надъ азіатскимъ, примиренія ислама съ христіанствомъ, мирнаго сожительства обѣихъ міровыхъ религій. При почти неисчерпаемомъ и отчасти весьма доброкачественномъ человѣческомъ матеріалѣ Азіи, оборона заключеннаго въ свои естественныя границы государства посредствомъ развитія военнаго дѣла, желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ является обезпеченной. Ахиллесова пята Турціи это незащищенный съ суши Босфоръ, Дарданеллы же укрѣплены достаточно. Корень всѣхъ золъ лежитъ въ недостаткахъ администраціи, и въ широкой системѣ шпіонства, убивающей всякое довѣріе, въ постоянныхъ дефицитахъ, покрываемыхъ принудительными займами и удержаніемъ жалованья чиновниковъ, въ очень плохой статистикѣ народонаселенія и происходящихъ отсюда злоупотребленіяхъ при взиманіи податей. Но главной причиной является единодержавіе султана, которое весьма неразумно свело къ нулю значеніе великихъ визирей. Арабскій калифатъ долженъ быть примиренъ съ турецкимъ султанатомъ. Центръ тяжести государства не долженъ лежать непремѣнно въ Константинополѣ, этомъ главномъ военномъ сборномъ пунктѣ: онъ лежитъ въ надежномъ совѣтѣ короны и въ хорошемъ составѣ чиновничества. Только когда повелитель всѣхъ правовѣрныхъ рѣшится отказаться отъ хозяйничанія сераля и придворныхъ и поставитъ во главѣ управленія хорошихъ европейцевъ вмѣстѣ со способными турецкими чиновниками, тогда только пессимизмъ младотурокъ будетъ неосновательнымъ. Воплощенный въ тайномъ обществѣ С(е)нусси панисламизмъ, пламенныя идеи котораго воодушевляютъ народы Африки и Азіи, не опасенъ, если только христіанскія миссіи сумѣютъ противодѣйствовать ему исключительно дѣлами милосердія, которыя одни только импонируютъ мусульманину. Тогда значеніе будетъ имѣть не стихъ третьей суры корана: „правовѣрные, не заключайте дружбы съ тѣми, которые не принадлежатъ къ вашей религіи!“, а стихъ второй суры: „Богу принадлежитъ Востокъ, Богу принадлежитъ Западъ. Онъ ведетъ, кого захочетъ, по правильному пути“.

7. Арменія.

„Ахъ, скажи мнѣ, мать рѣка Араксъ,
Почему нѣтъ въ тебѣ веселости?
Почему ты, какъ и я, печальна
Даже въ благодатное весеннее время?“
Рафаилъ Патканьянъ.

Недавнія освободительныя движенія армянъ въ Турціи, въ Россіи и въ Персіи, затопленныя въ крови и слезахъ, могутъ быть поняты лишь

съ исторической точки зрѣнія. Только неистовство магометанъ и жестокости разбойниковъ-курдовъ обратили вновь вниманіе Европы на значеніе этой замѣчательной вѣтви индо-германской семьи народовъ и христіанской вѣры. А между тѣмъ, именно, этотъ народъ (теперь около 3 миллióновъ душъ) имѣлъ за собой, подобно грекамъ, обширную литературу и исторію. Позднее сознаніе славнаго прошлаго открыло, именно, лучшимъ элементамъ армянской націи глаза на постыдность того гражданскаго положенія, въ которомъ она находилась уже нѣсколько столѣтій. Но въ то время, какъ у грековъ въ 19 столѣтіи освободительная война предшествовала нравственному и умственному возрожденію и только послѣ образованія свободной Греціи послѣдовалъ замѣтный подъемъ въ области искусства и науки, армяне не могутъ похвалиться какой-нибудь, достойной упоминанія, политической свободой; невѣроятно также, чтобы они когданибудь пріобрѣли какую-нибудь государственную самостоятельность, хотя бы и на очень ограниченной территоріи, ибо они разсѣяны на слишкомъ большомъ пространствѣ Азіи и Европы (см. карту при стр. 200). И всетаки у нихъ, благодаря пробужденію воспоминанія о прошломъ политическомъ, литературномъ и, главнымъ образомъ, религіозномъ единствѣ, создалась умственная крѣпость, приковывающая къ себѣ историка, именно, вслѣдствіе отсутствія рѣзко очерченной географической основы. Образованные классы армянъ собственно лишь въ концѣ 18 столѣтія пришли къ сознанію своего права на достойное людей существованіе, приблизительно, соотвѣтствующее государственной жизни остальныхъ народовъ Европы. Въ концѣ концовъ они стали гордиться тремя вещами, въ которыхъ имъ нельзя было отказать: во-первыхъ, славной исторіей нѣкогда объединеннаго царства, во-вторыхъ, грандіознымъ церковнымъ и богословскимъ развитіемъ христіанской мысли, которая крѣпко держалась однажды принятой монофизитской догмы (стр. 44) и упорно защищала ее, въ третьихъ, тѣлесной и духовной связью съ цивилизаціей Западной Европы.

Арену, на которой разыгрывалась эта исторія славы и страданій, можно опредѣлить именами Большой Арменіи, Малой Арменіи и Киликійской Арменіи. Кромѣ того армяне были разсѣяны въ древнее время по Малой Азіи, Персіи, Кавказу, Россіи, Сиріи, Египту, Балканамъ, даже вплоть до Польши, Галиціи, Венгріи и Италіи. Но кореннымъ мѣстомъ жительства ихъ была всегда Арменія въ тѣсномъ смыслѣ, находившаяся при истокахъ Евфрата и Тигра, Ріона, Куры и Аракса. Суровая, но плодородная мѣстность изобиловала лѣсами, лугами, садами и виноградниками. Центръ этой страны составляли вздымающіяся къ небу вершины Арарата и Алагеза, границами же ея были озера Ванъ и Урмія, Черное и Каспійское моря и Кавказъ. „Никогда нельзя забыть впечатлѣнія, — пишетъ Максъ Фридерихсенъ, — производимаго впервые на путешественника высочайшей изъ вулканическихъ горъ Арменіи, двойнымъ конусомъ Арарата, одѣтымъ въ пурпуръ заходящаго солнца“. Впечатлѣніе, производимое всей системой вулкановъ, увеличивается еще ихъ разбросанностью и большой разницей въ высотѣ между низиной Аракса, имѣющей только 800 метровъ вышины, и вершиною Большого Арарата въ 5211 метровъ вышины. Такого относительнаго повышенія въ 4400 метровъ кромѣ восточной Африки нѣтъ на всемъ земномъ шарѣ, и оно-то, можетъ, и придало горѣ ковчега ея библейскій видъ. Здѣсь, на границѣ трехъ государствъ, Турціи, Персіи и Россіи, возвышается и національная святыня армянъ, Эчміадзинъ (на западъ отъ Эривани).

Клинообразныя ассирійскія надписи въ Ванѣ лишь послѣ изслѣдованій Вальд. Белька и Фридр. Лемана (1891 и 1898 г.) познакомили насъ подробнѣе съ существовавшимъ раньше Арменіи, царствомъ Урарту, съ алародійцами Геродота, туранскимъ народомъ халдовъ, которые въ борьбѣ съ ассирійцами завоевали себѣ независимость и устроили себѣ столицу

въ утопающемъ въ садахъ городѣ Ванъ-Туспѣ. Послѣ вторженія киммерійцевъ и сакійскихъ скиѳовъ и сколотовъ въ 7 и 6 столѣтіяхъ до Р. Хр. они были вытѣснены, покорены и поглощены настоящими армянами (см. т. III, стр. 125—129). Наука еще недостаточно выяснила происхожденіе этого новаго народа, которое величайшимъ его историкомъ, Моисеемъ Хоренскимъ, въ его географіи Арменіи (440 г. по Р. Хр.) для сыновей Гайка выводится изъ страны „Ѳессаліи". Сродни ли они великому культурному народу геѳитовъ, памятники которыхъ до сихъ поръ возбуждаютъ удивленіе путешественниковъ по Малой Азіи и Сиріи, принадлежатъ ли они къ ѳрако-фригійскому племени — во всякомъ случаѣ, изслѣдованіями Г. Гибшмана съ несомнѣнностью установлено, что ихъ языкъ является самостоятельной вѣтвью индо-германскихъ языковъ, несмотря на то, что въ древне-армянскомъ языкѣ есть сильная примѣсь персидскихъ, сирійскихъ и греческихъ элементовъ, а въ ново-армянскомъ—много турецкихъ и славянскихъ заимствованій. Въ антропологическомъ отношеніи ихъ слѣдуетъ, по мнѣнію Феликса фонъ Лушана, разсматривать какъ едва измѣнившихся потомковъ древняго первобытнаго населенія Малой Азіи. Это доказывается формой ихъ черепа, которая у чистаго типа, какъ у друзовъ и маронитовъ, характеризуется крутымъ затылкомъ. Кожа у нихъ свѣтлѣе, чѣмъ у персовъ, приблизительно, такая, какъ у смуглыхъ южноевропейцевъ; волосы на головѣ и бородѣ густые, очень черные; горбатые носы и мясистыя губы придаютъ имъ сильно семитическій отпечатокъ.

A. Героическій періодъ.

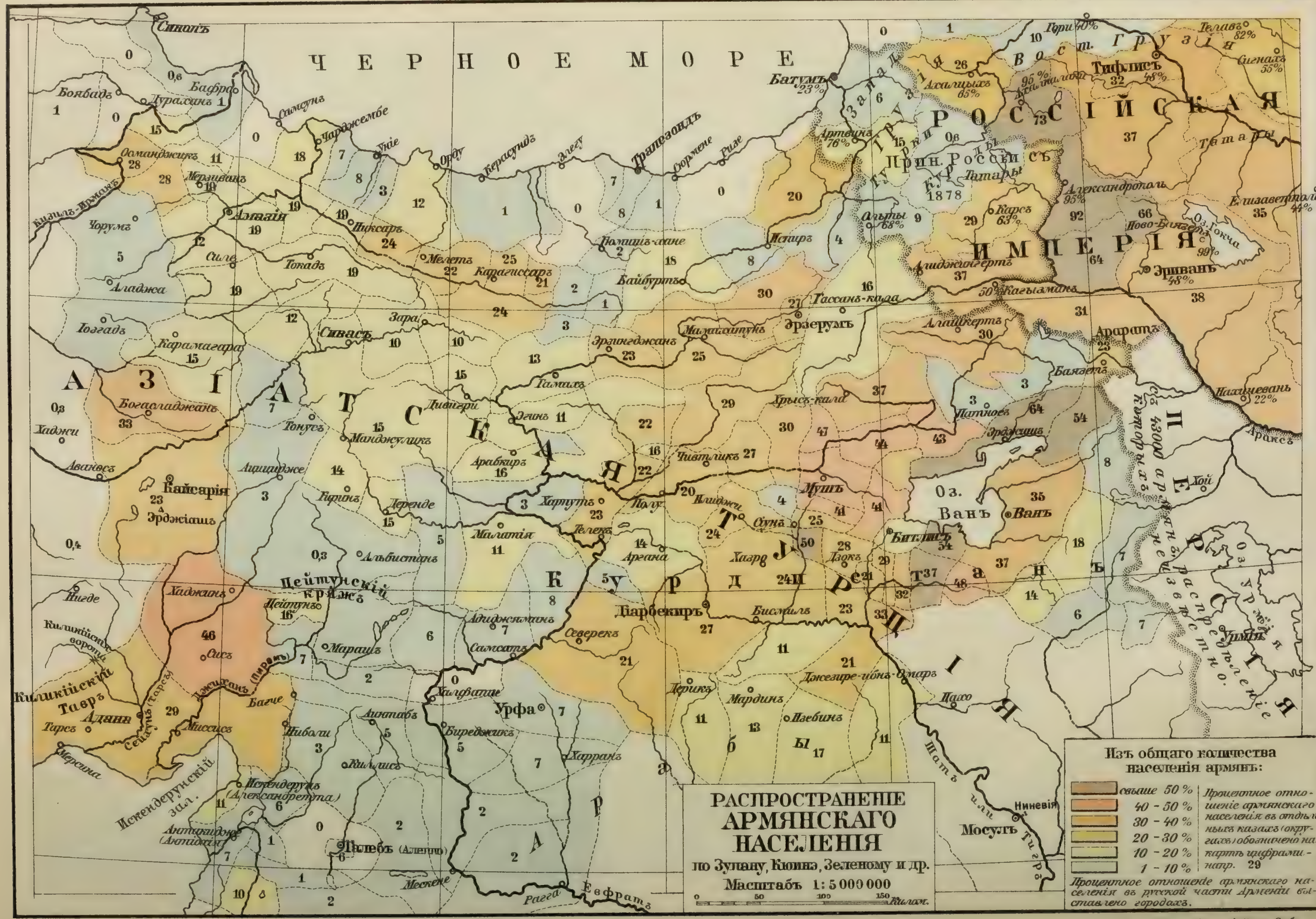
Осѣвши на своихъ историческихъ мѣстахъ жительства, армяне находились сначала подъ властью мидянъ, потомъ персовъ и парсовъ. Они жили въ дружбѣ съ дворомъ и вельможами, у нихъ была та же религія и тѣ же нравы, пока Тигранъ I не освободился отъ власти парсовъ и не основалъ великаго армянскаго царства, которое однако пало въ 68 г. до Р. Хр. подъ ударами военнаго искусства Лукулла и Помпея (т. III, стр. 274). Національныя армянскія „пѣсни древнихъ" восходятъ назадъ до этого великаго „царя царей" Арменіи, Понта и Сиріи, о чемъ неоднократно сообщаетъ хвалебную вѣсть Моисей Хоренскій. Переходъ народа и царя въ христіанство (тамъ же, стр. 275; кромѣ того выше, стр. 30) совпадаетъ съ временемъ паденія парсскихъ Арсакидовъ и основанія царства Сасанидовъ въ Персіи, въ 226 году по Р. Хр. Армянскій апостолъ, Григорій Лузаровичъ (Григорій Просвѣтитель), получившій греческое образованіе въ Цезареѣ-Мацакѣ въ Каппадокіи, крестилъ царя Трдата (Тиридатъ; † въ 341 г.), который заставилъ дворянство и народъ отказаться отъ язычеcко-персидскаго маздаизма (т. III, стр. 246). Византійская церковь, греческій и сирійскій языки и нравы проникаютъ въ Арменію (см. выше, стр. 59), но не надолго. Католикосъ Сахакъ († въ 439 г.) и его другъ Месровъ († въ 441 г.), по изобрѣтеніи армянскаго алфавита, создаютъ армянскій литературный языкъ, переводъ библіи и національную литературу, которая часто впрочемъ опирается на греческіе и сирійскіе образцы. Но когда соборъ католикоса Бабка въ Валаршапатѣ (491 г.) съ сирійцами и египтянами призналъ правильнымъ только строго монофизитское ученіе и торжественно осудилъ рѣшенія Халкедонскаго собора (451 г.), тогда отдѣленіе уже съ 367 г. автокефальной церкви отъ греческой завершилось вполнѣ. Послѣ паденія царства Сасанидовъ (651 г.; т. III, стр. 280) армяне подпали подъ власть арабовъ и съ тѣхъ поръ, съ небольшими перерывами, были постоянно подданными магометанскихъ правителей, арабовъ, сельджуковъ, монголовъ, татаръ, персовъ и турокъ, не подчиняясь однако исламу. Магометане относились терпимо къ ихъ религіи и освободили ихъ отъ Византіи, къ которой они

относились съ ненавистью (см. выше, стр. 60 и 89) до самаго конца среднихъ вѣковъ. Эта ненависть проходитъ красной нитью во всей богословской литературѣ, несмотря на всѣ временныя объединительныя стремленія обѣихъ сторонъ.

Но насколько удалось армянамъ въ теченіе эпохи Парсовъ и Сасанидовъ дѣйствительно армянизировать народы „Великой Арменіи", это до сихъ поръ не въ достаточной степени изслѣдовано. Но Г. Кипертъ замѣчаетъ, что въ равнинѣ верхняго Тигра и долинѣ верхняго Евфрата еще въ первомъ тысячелѣтіи христіанской эры, по категорическимъ показаніямъ армянскихъ и сирійскихъ писателей и судя по названіямъ мѣстностей, преобладало арамейское, сирійское и (въ восточныхъ горахъ) курдское населеніе; въ сѣверныхъ же областяхъ, вплоть до Базеаны (Фазіаны), господствующая армянская нація, какъ и теперь, составляла небольшое меньшинство сравнительно съ иноплеменными народностями, принадлежащими, большею частью, къ иберійцамъ, грузинамъ (см. приложенную карту „Распространеніе армянъ"). Согласно съ этимъ Г. Гибшманъ, на основаніи собранныхъ Инджиджеаномъ названій мѣстностей, предполагаетъ, что болѣе густое армянское населеніе существовало только въ Верхней Арменіи, въ областяхъ Арарата, Туруберана и Васпуракана. По сообщенію Вильгельма Томашека, въ кантонахъ Сассунѣ и Хоѣ еще въ 10 столѣтіи существовалъ неармянскій народъ, говорившій не на армянскомъ языкѣ. При возстановленіи старыхъ границъ Византійской имперіи во Ѳракіи, послѣ паденія Восточноболгарской имперіи (970 г. по Р. Хр.; стр. 87), виновниками подъема были, наоборотъ, не греки, а армяне, которые между 867 (Василій I) и 1025 г. (Василій II) давали Византіи ея лучшихъ императоровъ и полководцевъ (см. стр. 50). Для укрѣпленія вновь завоеваннаго Филиппополя армянинъ Іоаннъ I. Цимисхій, какъ нѣкогда Константинъ V (стр. 72), поселилъ въ окрестностяхъ большое число земляковъ.

Но высшей степени процвѣтанія Армянское царство достигло при еврейскомъ родѣ Багратидовъ, которые съ 859 по 1045 г. при девяти царяхъ почти независимо управляли могущественнымъ государствомъ, бывшимъ буферомъ между міровыми державами арабскихъ калифовъ и византійскихъ императоровъ. Тогда процвѣталъ укрѣпленный царскій городъ Ани на Арпатче и Аладжадже, какъ второй Иліонъ, полный замковъ, дворцовъ и церквей, развалины которыхъ еще и понынѣ возбуждаютъ изумленіе путешественника на западѣ Алагеза. Чорукъ на Кавказѣ былъ родиной Багратидовъ, которые послѣ своего обращенія въ христіанство получили царскую власть въ Грузіи, какъ и въ Арменіи и, подобно своему великому предку Тиграну, всегда относились дружелюбно къ евреямъ. Многочисленныя колоніи евреевъ поселились поэтому въ Эреванташадѣ, Ванѣ, Нахичевани и Артаксатѣ. Но изъ страха передъ вторженіемъ сельджуковъ Сенекеримъ, послѣдній изъ рода Арцруни, въ 1021 г., и Гаджикъ, изъ рода Багратуни, въ 1045 г., уступили свои царства византійцамъ, что не помѣшало, конечно, сельджукамъ и монголамъ опустошить эти области.

Послѣ разрушенія Ани (стр. 90) многочисленные бѣглецы поселились на Кавказѣ и въ Понтійскихъ горахъ, въ Трапезунтѣ, въ Византійской имперіи, даже въ Россіи, въ Крыму, въ Польшѣ и въ Галиціи. Большое количество ихъ поселилось по ту сторону Тавра въ богатой Киликіи. Здѣсь въ Тарсѣ и Сисѣ армяне еще разъ основали собственное царство („Малую Арменію"). Управляемое Багратидомъ Рупеномъ (Рубенъ; т. III, стр. 333) и его преемниками, царство это часто въ борьбѣ противъ Византіи вступало въ дружескія отношенія съ крестоносцами и даже стремилось къ уніи съ Римомъ. Такая унія часто заключалась, но всегда оканчивалась опять разрывомъ, такъ какъ армяне упорно держались своей національной литургіи.



Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Но когда въ 1375 году послѣдній царь, Левъ VI изъ дома Лузиньяновъ (см. стр. 106), долженъ былъ сдать свой послѣдній замокъ египетскимъ мамелюкамъ, тогда за націей сохранилось уже только церковное существованіе въ резиденціяхъ патріарховъ Сисѣ и Эчміадзинѣ. Но какъ огонь подъ пепломъ, продолжали тлѣть языкъ, поэзія и литература, культивируемые въ безчисленныхъ монастыряхъ передней Азіи и южной Европы. Трудолюбивое населеніе занималось скотоводствомъ и земледѣліемъ въ ущельяхъ Тавра и на горахъ высокой Арменіи, ловкіе же горожане, разсѣянные въ Византіи, Смирнѣ, Дамаскѣ и Александріи закладывали тамъ основаніе своимъ богатствамъ. Самымъ блестящимъ представителемъ ихъ, тогда такъ богатой, литературы былъ Нерсесъ Клаетси, прозванный Сноргали (красивый); онъ былъ католикосомъ съ 1166 по 1173 годъ. Многіе гимны и пѣсни были приняты въ Шараканъ, армянскую церковную книгу, и поются еще и теперь. Народные же пѣвцы, „ашуги и сасандары“, имена коихъ забыты, хранили неизсякаемый источникъ народныхъ пѣсенъ. Они были организованы въ цехи и подъ защитой своего патрона, Сурба Карапета (св. Іоанна), устраивали ежегодно состязанія въ его святилищѣ въ Мушѣ.

Въ 14 столѣтіи армяне, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ, подпали подъ власть турокъ. Но турецкое иго было настолько легко, что они скоро послѣ завоеванія Константинополя получили въ 1463 году собственнаго патріарха, заслужили даже довѣріе Высокой Порты и пріобрѣли большія богатства. Правда, въ Персіи имъ пришлось еще пережить тяжелыя времена, когда шахъ Аббасъ I переселилъ (т. III, стр. 363) лучшую часть армянскаго народа въ Испагань (въ предмѣстье Джульфа), при чемъ это переселеніе сопровождалось всякими неистовствами. Въ 1614 г. онъ перенесъ въ Персію даже національное святилище армянъ, которое только въ 1638 г. было вмѣстѣ съ мощами св. Григорія возвращено опять въ Эчміадзинъ.

B. Армянская эпоха Возрожденія мехитаристовъ.

Во время персидскихъ преслѣдованій армяне разсѣялись далеко на западъ, до Италіи и Франціи. Въ Польшѣ, во Львовѣ, образовалась большая колонія, которая скоро, въ 1625 году, вмѣстѣ со своимъ епископомъ, подъ вліяніемъ іезуитовъ, приняла римскую унію. Это было началомъ великаго умственнаго движенія, охватившаго скоро всю Арменію. Изъ Эчміадзина разсылались священники для устройства армянскихъ типографій. Таковыя были основаны въ 1616 году во Львовѣ, въ 1640 г. въ Джульфѣ и Ливорно, въ 1660 г. въ Амстердамѣ (въ 1672 г. перенесена въ Марсель), въ 1677 году въ Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ. „Но возвращеніе армянъ въ лоно европейской культуры,— говоритъ Г. Гельцеръ,— является незабвенной заслугой Мехитара и его ордена, мехитаристовъ. Они жили съ 1717 года на островѣ Санъ-Лаццаро, близъ Венеціи, и кромѣ миссіонерства между католическими армянами, своей литературной дѣятельностью, а также и своей большой типографіей оказали огромное вліяніе на развитіе ново-армянской литературы и увеличеніе научныхъ знаній среди армянскаго народа“. Мехитаръ (утѣшитель) да Піетро родился 7 февраля 1676 г. въ Себастѣ (Сивасѣ) и, послѣ долгихъ преслѣдованій со стороны своихъ земляковъ, основалъ въ 1701 году въ Константинополѣ конгрегацію армянскихъ христіанъ, которая скоро стала подозрительной патріарху, вслѣдствіе своей склонности къ латинской церкви. Поэтому Мехитаръ въ 1703 году переселился въ Метони (Модонъ) въ Мореѣ, гдѣ онъ получилъ отъ Венеціанской республики разрѣшеніе построить монастырь и церковь. Послѣ своего перехода къ римско-армянской уніи, конгрегація была въ 1712 г. утверждена папою Климентомъ XI и получила

уставъ, заимствованный у Бенедиктинскаго ордена. Вспыхнувшая въ 1714 г. война между турками и венеціанцами принудила ихъ переселиться въ Венецію; тамъ они получили въ 1717 г. отъ сената островъ Санъ-Лацаро, на которомъ возвышался потомъ ихъ величественный монастырь.

Мехитаристы сохранили свой собственный ритуалъ при богослуженіи и посвятили себя, особенно съ 1789 г., когда возникла первая типографія, изданію классическихъ произведеній на армянскомъ языкѣ. Наиболѣе извѣстны изданіе библіи и исправленное изданіе Мехитара (1733 г.), переизданное въ 1805 г. по новымъ рукописямъ. Каталогъ типографіи съ 1716 по 1898 г.г. насчитываетъ около 1000 заглавій, большею частью, на армянскомъ языкѣ. Книги эти непосредственно съ рукописей передавали армянскому народу науку Запада и исторію армянскаго Востока. Уже раньше писали въ Европѣ по-армянски итальянцы Ривола, Фиромалли и Клементе Галанусъ въ XVII столѣтіи, французы Виллотъ, Лакрозъ и Виллефруа въ XVIII столѣтіи; братья Вильямъ и Георгъ Уистоны перевели въ 1736 году исторію и географію Моисея Хоренскаго; вѣчную цѣнность имѣетъ сокровищница армянскаго языка I. I. Шредера (Амстердамъ 1711 и 1733 г.). Но ихъ заслуги были единичны и разбросаны, соединенныя же силы мехитаристовъ, сознательно направленныя къ опредѣленной цѣли, принесли Арменіи эпоху возрожденія и положили основаніе для армянской филологіи въ Европѣ.

Съ 1810 г. мехитаристы имѣютъ также и въ Вѣнѣ большой монастырь, коллегію мехитаристовъ, собственную типографію и книжную торговлю. Дѣло въ томъ, что послѣ смерти Мехитара изъ Санъ-Лаццаро переселились въ Тріестъ 21 священникъ, гдѣ они 13 мая 1733 г., поддерживаемые городскимъ епископомъ и намѣстникомъ, основали тріестскую конгрегацію мехитаристовъ. Императрица Марія Терезія дала конгрегаціи значительныя преимущества и вручила ей 30 марта 1775 г. жалованную грамоту, по которой этотъ духовный орденъ получалъ санкцію отъ государства и участокъ земли. Послѣ этого была основана въ 1776 г. мехитаристская типографія. Но французская администрація 1810 года уничтожила монастырь и типографію, которая напечатала уже много армянскихъ, нѣмецкихъ, латинскихъ, древнегреческихъ и новогреческихъ, итальянскихъ и французскихъ книгъ. Изгнанные изъ Тріеста мехитаристы, пиллигримами, нуждаясь въ самомъ необходимомъ, отправились въ Вѣну. И здѣсь, также гостепріимно принятые императоромъ Францемъ, они основали въ 1811 г. новую большую типографію, которая, несмотря на нѣкоторыя затрудненія (1848 г.), достигла высокой степени процвѣтанія. Она печатала, главнымъ образомъ, латинскихъ и армянскихъ отцовъ церкви и церковныя книги, служебники, хоральныя книги и бревіаріи; поддерживаемая обществомъ Араміанъ, она распространяетъ свою дѣятельность далеко на востокъ. (См. отчетъ Калемкіара, 1898 года). Филіальное отдѣленіе существуетъ въ Москвѣ.

Библіотека въ Санъ-Лаццаро по богатству восточныхъ рукописей принадлежитъ къ значительнѣйшимъ въ Европѣ. Въ 1816 г. конгрегація приняла названіе академіи и стала выбирать въ почетные члены также и не католиковъ. У мехитаристовъ училась съ этихъ поръ лучшая часть армянской молодежи. Открывая скрытыя литературныя сокровища своего народа, какъ это дѣлали, напримѣръ, Михаилъ Чамчіанъ, Арсеній Багратуни, Левъ Алишанъ, въ живыхъ описаніяхъ и стихотвореніяхъ прославлявшіе героическую эпоху Арменіи, они оказывали большую услугу не только собственной націи, но тѣмъ самымъ помогали и западно-европейскимъ оріенталистамъ, которые, съ своей стороны, дали армянскому языку и армянской исторіи западноевропейскую методику. Особенно велика заслуга благочестивыхъ отцовъ потому, что они оплодотворили не только церковную жизнь своей націи, но подъ дыханіемъ итальянскаго неба посредствомъ

хорошихъ переводовъ классическихъ писателей знакомили своихъ соплеменниковъ съ искусствами и науками Запада. Они переводили на новоармянскій языкъ стихотворенія Гомера, Виргилія и Мильтона, сочиненія Геродота, Ѳукидида, Ксенофонта, Плутарха, Демосфена и Тацита, произведенія Байрона, Шиллера, Альфіери, Корнеля, Расина, Данте и Тассо.

Ученики, воспитанные въ высшихъ школахъ мехитаристовъ въ Вѣнѣ и Венеціи, отправлялись, большею частью, въ Константинополь и въ Смирну. Здѣсь армянская знать, сгруппированная вокругъ своего патріарха, пользуясь сравнительно большимъ довѣріемъ со стороны Порты, служила даже въ Сералѣ, занимала важныя мѣста въ администраціи и забрала въ свои руки торговлю, финансы и даже промышленность Турціи. На ряду съ греками и евреями армянское населеніе Турціи въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій, при лѣнивомъ управленіи снисходительныхъ султановъ, играло роль пружины прогресса въ области образованія и въ развитіи податныхъ силъ государства. Армяне были пѣвцами и музыкантами, и въ извѣстномъ смыслѣ даже создали и усовершенствовали турецкую музыку; армяне были актерами и комиками въ томъ, что называется турецкимъ театромъ, они же были архитекторами и художественными ремесленниками; главные дворцы и мечети Константинополя построены по планамъ армянскихъ архитекторовъ армянскими же ремесленниками. Это способное населеніе художниковъ, купцовъ, откупщиковъ податей, комиссіонеровъ, мѣнялъ, лавочниковъ, ремесленниковъ и носильщиковъ или же священниковъ, ученыхъ и учителей было, такимъ образомъ, вполнѣ подготовлено къ воспріятію внезапно ворвавшихся лучей свободы и просвѣщенія. Но ихъ увеличивающееся богатство и превосходство ихъ пріобрѣтательныхъ способностей возбудили общую ненависть и зависть, такую же, какую возбуждаютъ евреи въ остальной Европѣ.

Изъ этихъ сѣмянъ выросла прежде всего младоармянская литература, написанная не на старомъ, труднопонятномъ церковномъ языкѣ, а на языкѣ народа, который, подобно новогреческому, существенно отличается отъ языка древности. Поэты, какъ напр. Дзеренцъ, Хоренъ Нарбей, другъ Виктора Гюго и Ламартина, Бешикташіанъ, Терсіанъ, Туріанъ, Осганіанъ, Руссигнанъ, Одіанъ ставили произведенія западноевропейскихъ драматурговъ на армянской сценѣ. Проникнутые духомъ 1848 г., они отражали въ себѣ идеи французской романтической школы, и уже одинъ этотъ духъ былъ причиной раздора между ними и „амирами“, знатью и людьми, проникнутыми церковнымъ духомъ. Болѣе всего возбудили армянъ переведенные Мамуріаномъ „Miserables“ Виктора Гюго и „Juif errant“ Евгенія Сю, ибо въ этихъ образахъ они узнавали самихъ себя. Появились ѣдкіе памфлеты Бароніана, пламенныя рѣчи Демирджибашіана, Берберіана и Черы, которые въ тысячахъ брошюръ и газетъ распространяли взгляды Шопенгауера, Леопарди и Бодлера; госпожа Дуссапъ проповѣдывала эмансипацію женщинъ, а Арпіаръ Арпіаріанъ писалъ о соціальномъ вопросѣ. Ученые, какъ напр. Каракашіанъ и Вартапетъ (Вартабедъ) Элизе́ Туріанъ, начали критическую разработку армянской исторіи. Эта умственная революціонная работа привела къ основанію цѣлаго ряда народныхъ и среднихъ школъ въ Константинополѣ и во всѣхъ провинціяхъ трехъ государствъ, въ которыхъ живутъ армяне. Ихъ вождями въ Азіи были католикосъ Криміанъ, епископъ Сирванцдіанцъ и другіе въ монастыряхъ Эчміадзинѣ, Babakѣ, въ Ванѣ и Св. Іакова въ Іерусалимѣ. На Кавказѣ цитаделью свободы былъ Тифлисъ, гдѣ Абовіанъ, другъ Фридриха Боденштедта, и Рафаилъ Патканіанъ (см. стр. 198), находившіеся подъ вліяніемъ нѣмецкой романтики, встряхнули народъ отъ дремоты. Народная и эпическая поэзія нашла себѣ славнаго представителя не только въ „Ашугѣ“ или „Сасандарѣ“ Саятнова изъ Тифлиса (1712 — 95 г.). Она особенно усердно

культивировалась въ Зейтунѣ въ Киликіи, этомъ оплотѣ армянской свободы, въ которомъ вспыхнуло первое пламя, и въ Сассунѣ, очагѣ возстанія 1895 года.

C. Отношеніе къ Россіи.

Армянъ, съ 1555 года повиновавшихся туркамъ и персамъ, очень ободряли заискиванія России. Въ 1768 г. императрица Екатерина II сообщила католикосу Симону II, что, будто, уже ея предшественники Петръ Великій и Екатерина I въ 1724 и 1726 годахъ, собственноручнымъ письмомъ къ католикосу увѣряли армянскій народъ въ своей особой благосклонности къ нему. Новыя посланія императора Павла I въ 1798 и 1800 годахъ обѣщали армянскимъ вождямъ и духовенству дѣятельнѣйшую помощь Россіи въ ихъ стремленіяхъ, если только армяне подчинятся русскому протекторату. Такъ какъ и персидскіе правители дѣлали патріархамъ подобныя же обѣщанія, то Екатерина II, опасаясь, чтобы отъ Россіи не ускользнуло право „защиты" Арменіи, заключила формальный договоръ съ архіепископомъ Аргутіаннцемъ, будущимъ патріархомъ, въ которомъ армянамъ было обѣщано ни болѣе, ни менѣе, какъ возстановленіе ихъ древняго, независимаго, христіанскаго царства. Опьяненные такими обѣщаніями, армяне во всѣхъ походахъ русскихъ противъ турокъ и персовъ оказывали имъ важныя услуги. Многочисленные эмигранты были горячими апостолами св. Руси, защитницы грегоріанской церкви. Россія твердо, шагъ за шагомъ, подвигаясь впередъ на Кавказѣ, пріобрѣла въ 1802 году Грузію. По мирнымъ договорамъ Туркманчайскому (10 февраля 1828 г.; стр. 177) и Адріанопольскому (1829 г.) Россіи досталась отъ Персіи важнѣйшая часть Верхней Арменіи, а отъ Турціи мѣстность вокругъ Ахалциха и Ахалкалаки. Послѣ войны 1853—55 г. она получила еще часть турецкой Арменіи (стр. 184), а Берлинскій трактатъ 1878 г. (стр. 194) продвинулъ ея границы въ Малой Азіи еще дальше въ предѣлы Арменіи. Желѣзнодорожныя линіи идутъ изъ Тифлиса до Баку и Батума, изъ Тифлиса до Карса, т. е. почти до Эрзерума, этого турецкаго Бельфора. Нынѣ нѣкогда „самостоятельное" армянское государство представляетъ изъ себя вторую Польшу: оно раздѣлено на три части между Турціей, Персіей и Россіей. Сфера русскихъ интересовъ простирается по послѣднему договору съ Турціей до Ангоры, и персидскій Азербейджанъ похожъ на русскую губернію.

Три древнихъ монастыря, Эчміадзинъ, Гагхпадъ и Санахинъ находятся съ 1828 года на русской территоріи. Въ этотъ годъ армянскій народъ похоронилъ, вмѣстѣ съ тѣломъ своего великаго патріарха Аргутіанца, и свои надежды. Еще въ 1827 году генералъ Сибячинъ издалъ прокламацію къ армянамъ, въ которой говорилось: „Армяне! Ваши услуги будутъ вознаграждены; отнынѣ вы будете сражаться подъ собственными знаменами, и русскій царь снабдитъ васъ оружіемъ, чтобы вы могли оборонять и защищать свое отечество". Но, когда Россія побѣдоносно закончила въ 1828 году персидскую войну, генералъ Паскевичъ отдѣлался отъ патріарха Нерсеса, принесшаго большія жертвы постройкой хлѣбныхъ магазиновъ и снаряженіемъ вольныхъ армянскихъ дружинъ, рекомендовавъ ему просто обратиться къ царю. Съ этихъ поръ избранные патріархи должны были утверждаться царемъ. По замѣчанію компетентныхъ путешественниковъ, благодѣяніемъ было то, что Россія уничтожила различныя мелкія княжества Закавказья и прекратила старинныя распри; особенно справедливо это относительно послѣднихъ царей Мингреліи, „Дадіановъ", близкихъ родственниковъ абхазскаго рода Шарвашидзе. Но армяне были обмануты. Ихъ надежды соединились теперь вокругъ гигантскаго конуса Арарата, этого „алтаря міра". Эчміадзинскій монастырь являлся восточнымъ оплотомъ образованности, Санъ Лаццаро, городъ

въ лагунахъ, былъ вторымъ оплотомъ. Но Нерсесъ († 1857 г.) всѣ свои силы тратилъ на бумажные протесты противъ нарушенія его, признанныхъ когда то Россіей, привилегій, особенно же противъ пресловутаго положенія 1836 г. Этимъ положеніемъ началась руссификація Арменіи: армянскія школы были закрыты, преподаваніе армянскаго языка въ правительственныхъ школахъ запрещено, и армяне призваны на службу въ русскихъ войскахъ.

Вотъ какъ жаловался тогда одинъ изъ пламеннѣйшихъ апостоловъ свободы, Раффи, въ своемъ романѣ „Джелалледин" (палачъ): „О отцы и предки, я не благословляю вашей памяти. Если бы вы вмѣсто монастырей, покрывающихъ нашу страну, строили крѣпости, если бы вы вмѣсто крестовъ и священныхъ сосудовъ покупали оружіе, если бы вы дыму ладана, наполняющему наши храмы, предпочитали пороховой дымъ, тогда наша страна была бы счастлива. Право же я не благословляю вашей памяти, о священныя книги и науки, ибо вы давали намъ не то, чего требуетъ жизнь, чего требуетъ міръ. Вы наполняли нашъ мозгъ пустыми абстрактными призраками, сдѣлали насъ трупами, въ которыхъ угасло всякое рыцарское чувство. Вы навязали намъ цѣпи и пріучили насъ къ позорному игу рабства". У Крикора Арцруни изъ Тифлиса (1879 г.) слышатся такія же ноты: „Можетъ быть, армянамъ суждено своимъ мирнымъ терпѣніемъ опровергнуть тотъ нравственный принципъ, который еще и въ нашъ просвѣщенный вѣкъ господствуетъ въ Европѣ и является девизомъ цивилизованнаго міра: „Je m'insurge, donc je suis". Можно было бы почти подумать, что армяне до сихъ поръ говорили: „Я работаю, я терплю, слѣдовательно, я существую". Если армяне не побѣдятъ съ этими добродѣтелями, если они будутъ уничтожены или должны будутъ выселиться изъ своей древней родины, то это ляжетъ позорнымъ пятномъ на Европу, которая не помогла имъ осуществить принципъ культуры будущаго, т. е, мирную революцію, иначе говоря, реформу! Если турецкіе армяне, такъ много боровшіеся и страдавшіе за христіанскую вѣру, въ этотъ моментъ (1879 г.), когда Зейтунъ проливаетъ свою кровь, берутся за оружіе только для защиты противъ тирана, а не для нападенія, если армяне одной рукой держатъ молотъ, плугъ или лопату, а въ другой—ружье, то это должно, можетъ быть, стать единственнымъ средствомъ для сохраненія ихъ національной жизни". Такія слова не могли остаться неуслышанными. Всеобщее настроеніе народа уже въ 1878 году привело къ посылкѣ патріархомъ депутаціи, которая изложила Берлинскому конгрессу свои жалобы. Передъ этимъ цѣлый рядъ армянскихъ писателей и поэтовъ (Арпаріанъ, Шахназаръ, Пашаліанъ, Зографъ, Севаджеіанъ, Хрантъ) въ Константинополѣ какъ и въ Женевѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Аѳинахъ и Тифлисѣ основывали комитеты и газеты и вносили горючій матеріалъ національнаго энтузіазма въ образованные круги Арменіи. Угнетенный же народъ пастуховъ, ремесленниковъ и крестьянъ продолжалъ еще тупо переносить грабежи и мучительства лазовъ, курдовъ и черкесовъ. И все-таки еще въ 1840 г. Абовіанъ реалистически обнажилъ въ одномъ романѣ „Раны Арменіи", а Налбандіанъ сочинилъ для своихъ соотечественниковъ пѣснь свободы, которая, подобно греческому гимну, глубоко потрясла душу народа: „Пусть надъ моей головой ревутъ порохъ, огонь, желѣзо, я докажу врагу свое мужество". Только Арцруни далъ этой пѣснѣ крылья въ своей газетѣ „Мшакѣ". Агхаіанъ, Камаркатиба, Керопе, Раффи, Петканіанъ и Эминъ провозглашали евангеліе насилія.

D. Борьба грегоріанъ съ уніатами и протестантами.

Кромѣ того армянскій народъ былъ глубоко потрясенъ еще и умственно-политическимъ движеніемъ, черезъ распри и борьбу приведшимъ

его къ единству, къ сознанію своей національной цѣлости, существовавшей несмотря на церковный расколъ. Мы говоримъ о борьбѣ грегоріанской церкви, главнымъ образомъ, константинопольскаго патріарха противъ армянъ римско-уніатовъ и протестантовъ.

а) Армяне уніаты.

Армяне, вступившіе въ унію съ римскимъ престоломъ, сохранились со времени крестовыхъ походовъ и униторовъ, и постепенно они умножились, хотя и не значительно. Въ 1562 г. папа Пій IV устроилъ для нихъ типографію армянскимъ шрифтомъ, въ которой въ 1567 году впервые печатались псалмы и другія сочиненія, Пій V подарилъ имъ церковь Св. Маріи Египетской, госпиталь и прилегающія зданія. Со времени Урбана VIII армянскіе воспитанники препоручались коллегіи „пропаганды“. Почти одновременно съ расцвѣтомъ мехитаризма (стр. 200) былъ основанъ католикатъ, дѣйствительно находившійся въ общеніи съ Римомъ. Авраамъ, бывшій съ 1710 г. армянско-католическимъ епископомъ въ Алеппо, основалъ на Ливанѣ монастырь Керемъ, которому онъ далъ уставъ Св. Антонія. Въ 1740 г. онъ былъ возведенъ своими приверженцами въ сисскіе патріархи и получилъ въ 1742 г. отъ папы Бенедикта XIV паллій. Но, преслѣдуемый грегоріанцами и старовѣрческимъ (ортодоксальнымъ) сисскимъ католикосомъ, онъ не могъ удержаться въ Киликіи и перенесъ свою резиденцію на Ливанъ, гдѣ и умеръ въ 1749 году. Тогда многіе армяне-католики переселились въ Ливорно и отдали себя и свою церковь подъ покровительство великаго герцога Тосканскаго, „наслѣдника и потомка Рупенидовъ и кипрскихъ Лузиньяновъ“. Послѣ этого съ 1840 по 1866 г. 8 человѣкъ носило фиктивный титулъ Сисскаго патріарха, при чемъ резиденціей имъ служилъ Бецумаръ на Ливанѣ. Ихъ власть простиралась на Киликію и Сирію.

Константинопольскіе же и малоазіатскіе армяне-уніаты были подчинены жившему въ столицѣ делегату римско-апостольскаго престола; въ свѣтскомъ отношеніи они подчинялись константинопольскому старовѣрческому патріарху. Это было очень неудобно и привело въ 1828 году къ жестокому преслѣдованію католическихъ армянъ въ Константинополѣ. Уже въ началѣ января 1828 года нѣсколько уніатскихъ сарафовъ, банкировъ, было выслано изъ Константинополя. Черезъ нѣкоторое время, среди чрезвычайно суровой зимы, былъ внезапно изданъ гаттишерифъ, предписывавшій армянамъ-католикамъ, происходящимъ изъ Ангоры и сосѣднихъ деревень, въ теченіе 12 дней вернуться на родину. Около 12,000 душъ, между ними 42 священника, были изгнаны изъ Константинополя; говорятъ, что около 400 дѣтей умерло по пути въ Ангору отъ голода и холода. Многіе приняли магометанство, чтобы избавиться отъ тяжелой участи. Пертевъ эфенди, истый турокъ, былъ подкупленъ патріархатомъ, и сумѣлъ добиться согласія султана, представивъ ему докладъ, обвинявшій ненавистныхъ конкуррентовъ правовѣрныхъ сарафовъ въ государственной измѣнѣ и союзѣ съ „иностраннымъ сувереномъ“, т. е. съ папой. Но когда монофизитскій патріархъ хотѣлъ изъ бѣдствія соотечественниковъ извлечь пользу для своей религіи, тогда министръ военный и полиціи, Хозревъ паша, запретилъ ему всякую прозелитическую дѣятельность. Онъ заявилъ ему, что если Портѣ важно обращеніе католиковъ, то они должны переходить въ магометанство, а не отъ одной религіи къ другой, такой же скверной. Лишь послѣ русско-турецкой войны и вслѣдствіе вмѣшательства Франціи въ 1831 г., „диссиденты“, несмотря на возраженія со стороны Россіи, добились самостоятельности въ качествѣ особаго миллетъ (націи). Они получили магометанина векиля (представителя; стр. 182), а въ 1835 г. и патріарха въ лицѣ епископа Агопоса Чукуріана, которому принадлежала

юрисдикція и надъ мельхитами, и халдеями, греческими уніатами Сиріи и несторіанами Месопотаміи. Духовную власть получилъ примасъ, зависѣвшій отъ папы, патріархъ же, пользовавшійся свѣтской властью, оставался подданнымъ султана.

Такое двойственное государственно-правовое положеніе не могло не привести къ осложненіямъ тѣмъ болѣе, что армянско-католическая церковь становилась все сильнѣе, благодаря многочисленнымъ обращеніямъ въ Урфѣ, Бireджикѣ, Марашѣ, и Малатіи. Когда Пій IX въ 1867 году, по желанію католическихъ армянъ буллой, „Reversurus“ перенесъ резиденцію примаса съ Ливана въ Константинополь, тогда синодъ уніатовъ отказался признавать папскаго патріарха, Гассуна, ибо послѣдній ограничилъ существовавшія до того времени, привилегіи уніи; въ 1870 году, они совершенно отдѣлились отъ Рима, поводомъ къ чему послужилъ Ватиканскій соборъ. Дѣло дошло до столкновеній и насилій въ Константинополѣ, при чемъ въ насиліяхъ этихъ принимали участіе турецкіе солдаты. Самые выдающіеся въ умственномъ отношеніи люди, всѣ антоніане, большинство венеціанскихъ мехитаристовъ, были на сторонѣ отпавшихъ. Только въ 1888 году произошло примиреніе послѣ того, какъ уже въ 1879 году Купеліанъ, ихъ патріархъ, подчинился папѣ; Левъ XIII торжественно согласился на ихъ требованія, изъ которыхъ главнымъ было сохраненіе армянскаго языка и литургіи. Общее число армянъ-уніатовъ по даннымъ листовъ пропаганды, составляетъ 103,000 человѣкъ; но въ это число не входятъ армяне-уніаты Венгріи, Россіи и Персіи.

b) Протестантизмъ въ Арменіи.

Исторія армянскаго протестантизма является въ то же время и исторіей его страданій. Уже въ 1760 году священникъ Дебаши въ Константинополѣ сталъ безпощадно бичевать духовенство и епископовъ своего народа; онъ вскрылъ противорѣчіе между ихъ ученіемъ и ихъ жизнью и бросилъ народу упрекъ въ безсмысленномъ суевѣріи и въ приверженности къ внѣшней, обрядовой сторонѣ богослуженія. Но образованіе евангельскихъ общинъ является уже плодомъ новѣйшаго времени, и произошло прежде всего (1813 г.) изъ распространенія староармянскаго перевода библіи русскимъ (1815 г.) и англійскимъ (1817 г.) библейскими обществами. Такимъ образомъ, было оказано вліяніе на духовенство, а въ 1823 г. англійское библейское общество старалось посредствомъ новоармянскаго и турецкаго переводовъ сдѣлать Священное Писаніе доступнымъ и для мірянъ, но его стремленія встрѣтили сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны грегоріанской церкви. Въ томъ же самомъ году, когда американское миссіонерское общество конгрегаціоналистовъ впервые отправило миссіонера Порсона въ Іерусалимъ, были посланы и первые нѣмецкіе миссіонеры изъ Базеля въ Арменію. Два принципа, остающіеся и по сю пору руководящими идеями ихъ плодотворной дѣятельности, были внушены съ особой заботливостью: ихъ задачей должно было быть не „обращеніе“, а возрожденіе посредствомъ Слова Божія умершей церкви первыхъ временъ христіанства, слѣдовательно, отнюдь не превращеніе ея въ одну изъ существующихъ западныхъ церквей: переводъ, объясненіе и введеніе въ пониманіе библіи — вотъ тѣ средства, которыми они должны дѣйствовать письменно и устно, въ школѣ и въ проповѣдяхъ. Въ Шульшѣ работала базельская миссія, руководимая своими піонерами Дитрихомъ, Зарембой, Гогенакеромъ, Веромъ, Пфандеромъ, Гаазомъ, Юдтомъ; но дѣятельность ихъ прекратилась, благодаря запрещенію русскаго правительства и католикоса. Точно также плодотворна была вплоть до недавняго времени дѣятельность американцевъ и шведовъ въ Шемахѣ, Каракалѣ, Тифлисѣ, Баку и Ленкоранѣ, хотя имъ и приходилось иногда много страдать отъ придирокъ и нетерпимости какъ русскаго правительства, такъ и армянскаго духовенства.

Съ 1831 года агенты американскаго бюро дѣйствовали въ столицѣ, гдѣ самими армянами было основано духовное училище; въ Бебекѣ была основана американцами въ 1840 г. духовная семинарія, въ 1862 г. она была перенесена въ Мерсиванъ и роскошно обставлена американцемъ Робертомъ. Ихъ благодѣтельное вліяніе вскорѣ при Эли Смитѣ, Двайтѣ и Гуделѣ распространилось черезъ многочисленыя школы и госпитали по всѣмъ тремъ государствамъ. Особенно близки они были жаждущему спасенія народу тѣмъ, что учили его на его родномъ языкѣ. Въ болѣзняхъ, нуждѣ и при голодѣ они помогали всѣмъ безъ различія расы и вѣроисповѣданія. Тысячи армянъ, грековъ, сирійцевъ, якобитовъ и друг. христіанъ получали воспитаніе въ протестантскихъ школахъ, не оставляя своей церкви. Магометане же не учились въ нихъ лишь потому, что имъ не позволяли ихъ власти.

Большое вліяніе, оказываемое протестантами, какъ косвенно, такъ и непосредственно, особенно ясно проявилось при организованной ими помощи, когда, послѣ Берлинскаго конгресса, начались преслѣдованія армянъ. Еще въ 1883 году изслѣдованіе американскаго бюро, объѣхавшаго станціи своей миссіи, выяснило, что въ сущности всѣ армяне хотятъ исповѣдывать только одну вѣру, ту, которую принесъ имъ Григорій Просвѣтитель. У армянъ религія и національность связаны нераздѣльно. Поэтому американцы уже въ 1839 году поссорились съ высшимъ духовенствомъ, и въ 1844 году патріархъ константинопольскій Матвѣй, по требованію патріарха эчміадзинскаго, русскаго правительства и султана, произнесъ страшное проклятіе надъ новой сектой, которая всѣмъ тремъ казалась все болѣе и болѣе опасной. Затѣмъ посыпались преслѣдованія, заключенія въ тюрьму и въ сумасшедшій домъ, изгнанія, нападенія черни. Мученики евангелія испытывали на себѣ ненависть и презрѣніе своихъ единоплеменниковъ, школы ихъ закрывались, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока англійскій посланникъ, сэръ Стратфордъ Каннингъ, не принялъ горячаго участія въ ихъ судьбѣ. Въ 1846 г. онъ добился для нихъ вѣротерпимости, въ ноябрѣ 1850 г. полнаго отдѣленія ихъ въ качествѣ религіознаго цѣлаго (миллетъ), во главѣ котораго стоялъ векиль (стр. 182 и 208), а въ 1853 г. и полнаго равноправія ихъ съ остальными милетами. Порта такъ долго медлила съ своимъ согласіемъ потому, что боялась нарушить установленный для райи Магометомъ II въ 1459 г. порядокъ духовнаго управленія, помогавшій держать въ дремотѣ рабскаго повиновенія подвластную ей райю.

E. **Армянскій вопросъ.**

Но вотъ Турецкой имперіи пришлось испытать послѣднее тяжелое потрясеніе. Въ 1876 г. побѣдоносныя русскія войска были въ Эрзерумѣ и передъ стѣнами Стамбула. 16 пунктъ Санъ-Стефанскаго мирнаго договора 1877 года заключаетъ въ себѣ слѣдующее чреватое послѣдствіями требованіе: „Такъ какъ очищеніе области, занятой теперь русскими войсками въ Арменіи и подлежащей возврату Турціи, можетъ повести къ несогласіямъ и осложненіямъ, роковымъ для сохраненія хорошихъ отношеній между обоими государствами, то Высокая Порта обязуется немедленно ввести въ провинціяхъ, обитаемыхъ армянами, реформы и улучшенія, соотвѣтствующія мѣстнымъ нуждамъ, и она должна поручиться за безопасность армянъ отъ курдовъ и черкесовъ“.

Англійское правительство (лордъ Биконсфильдъ) протестовало противъ этого договора, ибо онъ ставитъ Турцію въ зависимость отъ милости Россіи и находится въ противорѣчіи съ постановленіями другихъ договоровъ, которыми вліяніе на Турцію обезпечивалось за великими державами. По предложенію Англіи, лѣтомъ 1878 г. собрался Берлинскій конгрессъ, на которомъ были представлены всѣ великія державы. 13 іюля того же года

былъ подписанъ Россіей, Англіей, Австріей, Франціей, Германіей, Италіей и Турціей Берлинскій трактатъ, отмѣнявшій условія Санъ-Стефанскаго мира, Берлинскій трактатъ призналъ требуемую уступку территоріи въ Азіи, кромѣ долины Алашгерда и Баязетскаго округа и, вмѣсто вышеприведенныхъ постановленій въ пользу армянъ, въ 61 пунктѣ его содержатся слѣдующія требованія: „Высокая Порта берется немедленно ввести въ обитаемыхъ армянами провинціяхъ Эрзерумѣ, Ванѣ, Битлисѣ, Діарбекирѣ, Мамуретѣ Эль-Азирѣ и Сивасѣ (см. карту при стр. 200) улучшенія и реформы, соотвѣтственно съ мѣстными нуждами и ручается за безопасность армянъ отъ черкесовъ и курдовъ. Отъ времени до времени она должна давать отчетъ о предпринятыхъ ею въ этомъ направленіи шагахъ шести подписавшимся державамъ, которыя будутъ слѣдить за исполненіемъ этихъ реформъ“. Въ этомъ 61 пунктѣ, предложенномъ тогдашнимъ статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ (ср. т. VIII) лордомъ Солисбери, обязательство Турціи передъ Россіей относительно защиты армянъ было замѣнено обязательствомъ передъ шестью державами; армяне, видѣвшіе послѣ Санъ-Стефанскаго мира друга въ Россіи, должны были теперь обратить свои взоры къ ней. Армянскій патріархъ Нерсесъ, благодаря просьбамъ котораго былъ включенъ 16 пунктъ въ Санъ-Стефанскій договоръ, изобразилъ теперь передъ Берлинскимъ конгрессомъ жестокую судьбу своего народа; однимъ изъ его делегатовъ былъ архіепископъ Криміанъ, католикосъ эчміадзинскій. Хотя армяне въ качествѣ подданныхъ султана и не имѣли голоса на конгрессѣ, но фактически 61 пунктъ былъ отвѣтомъ на ихъ мольбы.

4 іюня 1878 года англійскимъ правительствомъ и Турціей былъ тайно подписанъ другой документъ. Вскорѣ, еще до окончательнаго подписанія Берлинскаго трактата, опубликованная „Кипрская конвенція“ обезпечивала Турціи союзъ Англіи въ случаѣ, если Россія захочетъ присвоить еще какую-нибудь часть армянской территоріи; она обѣщала также реформы для армянъ и разрѣшила Англіи занять островъ Кипръ (стр. 194). Англійскимъ политикамъ было извѣстно точно такъ же хорошо, какъ и всѣмъ знатокамъ Востока, что Турція, благодаря противодѣйствію своихъ магометанскихъ подданныхъ, въ особенности почти независимыхъ курдовъ и черкесовъ, не сможетъ провести требуемыхъ реформъ, если она не будетъ поддержана силой, т. е. русскими войсками, продолжающими стоять въ турецкой Арменіи. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, добившись отозванія русскихъ войскъ до введенія реформъ, тѣмъ самымъ отдалъ армянъ опять во власть ихъ палачей, курдовъ и черкесовъ. Близорукость, проявившаяся въ желаніи изъ Кипра защищать азіатскія границы Турціи, была еще превзойдена фантастичностью ожиданія отъ султана добровольныхъ реформъ, которыя бы создали ему на востокѣ имперіи вторую Болгарію и Восточную Румелію. Совершенно вѣрно выразился тогда (за два десятилѣтія до бурской войны) герцогъ Георгій Аргильскій: „Нигдѣ наша національная политика не руководилась такими безнравственными и безсмысленными мотивами, какъ тамъ“. Тѣмъ не менѣе англійское правительство неуклонно продолжало проводить эту политику. Въ 1879 году Англія основала военныя консульства въ восьми важныхъ центрахъ Турціи и понуждала Порту сейчасъ же ввести требуемыя реформы въ администраціи. Однако ничего не было сдѣлано. Военныя консульства возбудили въ армянскомъ населеніи ложное представленіе, будто ему скоро будетъ дано самоуправленіе, и оно обращалось теперь съ своими просьбами и жалобами не къ турецкимъ чиновникамъ, а прямо къ консуламъ.

Министерство Гладстона добилось 11 іюня 1880 года предъявленія Портѣ всѣми державами одинаковой ноты, требовавшей „полнаго и немедленнаго выполненія 61 пункта Берлинскаго трактата“, а 7 сентября 1880 г. коллективной ноты, разбиравшей всѣ требованія въ отдѣльности и указывавшей на настоятельную необходимость ихъ. Одно положеніе въ этой

нотѣ оказалось пророческимъ, а именно: беззаконіе, царящее въ армянскихъ провинціяхъ, по всей вѣроятности, будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ уничтоженіе христіанскаго населенія въ этихъ областяхъ. Но занявъ въ 1882 г. Египетъ, Англія легкомысленно потеряла довѣріе Порты. Теперь наступилъ полный поворотъ въ отношеніи къ армянскому вопросу великихъ державъ. Англія удержала за собой военныя консульства въ Ванѣ, Діабрекирѣ и Эрзерумѣ. Россія перемѣнила свое поведеніе, что находилось въ связи съ измѣненіемъ политики сейчасъ же послѣ смерти Александра II. Теперь началась руссификація и сильное недовѣріе къ народнымъ и освободительнымъ теченіямъ. Съ 1884 г. въ Константинополѣ вполнѣ понимали, что въ армянскомъ вопросѣ, по всей вѣроятности, нечего боятся Россіи, которая носилась съ широкими планами относительно средней и восточной Азіи.

F. Возстанія и ихъ подавленіе.

Но въ Арменіи событія не стояли на мѣстѣ. Тамъ отсутствіе безопасности и законности, притѣсненія откупщиковъ податей, разбои курдовъ и черкесовъ, создали при содѣйствіи англійскихъ военныхъ консуловъ и заграничныхъ армянскихъ агентовъ среди просвѣщеннаго городского населенія и терпѣливаго крестьянства тяжелую грозовую атмосферу, предшествующую бурѣ. Черкесы во время завоеванія Кавказа русскими переселились въ Турцію и сохранили свое право разбоя въ Верхней Арменіи и въ Таврѣ. Курды, разъѣзжавшіе изъ своего главнаго мѣста жительства Битлиса на озерѣ Ванѣ до Евфрата и Галиса, никогда не были окончательно покорены и взимали дань (кафиръ) съ армянскихъ селеній. Подобно дикимъ звѣрямъ, эти кочевники постоянно мѣняли поле своихъ дѣйствій, то по одну, то по другую сторону неприступныхъ ущелій Курдистана и Персіи, внося грабежами, разбоемъ и насильничествомъ ужасъ то въ одну, то въ другую долину. Къ несчастью въ 1891 г. султану пришла въ голову мысль, соединить этихъ необузданныхъ людей въ кавалерійскіе полки (гамидіехъ) и вооружить ихъ современнымъ оружіемъ, чтобы направить по лучшему пути ихъ воинственныя наклонности. Но если ихъ тактика и дисциплина уже во время русской войны не оправдала ожиданій, то въ мирное время они стали бичемъ страны и были проклинаемы одинаково, какъ христіанами, такъ и турками; впрочемъ, при необезпеченности этихъ мѣстъ и при обусловленной ею безнаказанности, среди самихъ армянъ появились смѣлые паликары и клефты вродѣ греческихъ героевъ свободы. Поощряемые трусливымъ сельскимъ населеніемъ и умышленно-плохой охраной русской и персидской границъ, они совершали грабежи и убійства, поражавшіе одинаково честныхъ и безчестныхъ, и заставляли нести наказаніе; какъ виновныхъ, такъ и невинныхъ. Такъ, напр., атаманъ разбойниковъ Серопъ со своей хорошо вооруженной шайкой бѣглецовъ („федаи"), постоянно прибывающихъ изъ Россіи и Персіи, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тревожилъ вилайетъ Битлисъ.

Но пламя возстанія ярко вспыхнуло впервые не въ Верхней Арменіи, а въ киликійскомъ Таврѣ, на сѣверо-западѣ отъ Тарза и Искандеруна. Въ Зейтунскомъ горномъ узлѣ, у Сиса, Мараша и Андруна, со времени паденія царства Рупенидовъ (стр. 200) жило способное къ сопротивленію, состоятельное и трудолюбивое населеніе пастуховъ, рудокоповъ и земледѣльцевъ, державшееся почти независимо по отношенію къ туркамъ и туркменамъ. Династіи „принцевъ Зейтунскихъ" платили, правда, дань Портѣ, но въ остальныхъ отношеніяхъ были, какъ напр. теперь, албанцы и курды, независимы. Ихъ пѣвцы, ашуги, прославляли побѣды надъ турками (1819, 1849, 1857, и 1862 г. г.) и не давали заглохнуть патріотическимъ идеямъ. 15 іюня 1876 года, во время русско-турецкой войны, произошли новыя стычки.

Въ 1878 году турецкая комиссія хотѣла ввести 61 пунктъ Берлинскаго трактата. Зейтунцы, склоненные къ тому обѣщаніями англійскаго консула въ Алеппо, сдались и позволили построить турецкую казарму. Но въ 1884 году кровавое сопротивленіе жестокому собиранію податей турецкими солдатами вызвало опять возстаніе, и тайное общество Сиранганъ (любящихъ) руководило партизанской войной, которая велась то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ. Изъ Парижа и Лондона поспѣшили на помощь своимъ землякамъ образованные армяне, какъ напр., Карапетъ Нишанъ. Четыре зейтунскихъ „барона": Млехъ, Грачія, Абахъ и Агасси, организовали ожесточенное сопротивленіе, руководимое ихъ главой Карапетомъ Джиромъ Паносіаномъ, прозваннымъ Джелладъ (палачъ); подобно греческимъ и албанскимъ Паликарамъ или героямъ Черногоріи, онъ и Тавръ превратилъ въ маленькую Черногорію. Когда турки разрушили одинъ французскій монастырь и убили патера Сальвадоре, армяне поспѣшили на помощь къ католикамъ. Оказалось, что расколъ, внесенный различными миссіями въ армянскую церковь, давно стушевался передъ высшимъ „единеніемъ во Христѣ". До 1896 года они вмѣстѣ со своими храбрыми женами сопротивлялись туркамъ, которые, наконецъ, въ числѣ 40,000 человѣкъ, предводительствуемые Хемзи и Эдемомъ пашой, осадили Зейтунъ. Въ концѣ концовъ, зейтунцы благодаря европейскому вмѣшательству, получили прощеніе, христіанскаго каймакама и собственную жандармерію. Теперь началась благотворительная дѣятельность европейцевъ и американцевъ, ибо свирѣпствовали голодъ и эпидеміи.

Но сопротивленіе Зейтуна и успѣшность этого сопротивленія пробудили духъ независимости также и въ горахъ Верхней Арменіи. Еще въ 1887 г. въ Россіи главный представитель армянской національной идеи, армянинъ и русскій генералъ Михаилъ И. Тайновъ графъ Л о р и с ъ-М е л и к о в ъ, соединился съ египетскими армянами, министрами и государственными дѣятелями Нубаромъ, Тиграномъ и Богхомъ, и основалъ Association anglo-armenienne, поставившую себѣ задачей стремиться дипломатическимъ путемъ къ возстановленію старой Арменіи. Но тогдашняя Россія (см. стр. 210) не была уже болѣе расположена создавать для Турціи на востокѣ новую „неблагодарную Болгарію". Арменія стала скорѣе для русской политики плодомъ, который долженъ созрѣть и самъ свалиться къ ней въ руки. Какъ въ Польшѣ, Венгріи, Персіи и Египтѣ, такъ богатые и умные армяне играли давно видную роль и въ Россіи. Генералы Тергукасовъ, Лазаревъ, Бебутовъ, Аргутинскій, Мадатовъ и художникъ Адамьянъ были армяне.

Но пока ихъ вліяніе должно было уступить мѣсто болѣе могущественнымъ силамъ. Въ 1887 г. образовались одновременно въ Лондонѣ и Парижѣ подъ руководствомъ Гамаунцуна, Даніеля, Гаро и Данадіана т а й н ы я с о о б щ е с т в а „Гинчакъ" (Колоколъ) и „Дрошакъ" (Знамя), которыя— въ отвѣтъ на заявленіе одного турецкаго министра: „Чтобы уничтожить армянскій вопросъ, есть только одинъ путь это уничтожить самихъ армянъ"— приступили прямо къ дѣлу.

Южнѣе отъ плодороднаго плоскогорія Муша и отдѣляя его отъ сѣверной части большой Месопотамской равнины, лежитъ дикая, но въ долинахъ плодородная, мѣстность, на высотѣ 2 — 3000 метровъ надъ уровнемъ моря, изрѣзанная только горными тропинками и во многихъ мѣстахъ поросшая лѣсомъ. Здѣсь армяне жили въ тѣснѣйшемъ сосѣдствѣ съ курдами и платили имъ обычную дань (кафиръ). Въ 1893 году нѣкоторые изъ этихъ разбойниковъ были подговорены напасть на армянскія села въ Талорійскомъ округѣ. Отбитые курды пожаловались властямъ на „бунтовщиковъ", и турецкія войска помогли имъ „собрать подати". Такъ произошла С а с с у н с к а я кровавая баня, въ которой погибло отъ 900 до 1500 человѣкъ. По представленіямъ державъ 26 января 1895 г. была послана

14*

турецкая комиссія для „разслѣдованія преступныхъ дѣйствій армянскихъ разбойниковъ“. Наконецъ, агенты консульствъ сами отправились въ Сассунъ и Мушъ и установили невиновность армянскаго населенія. Державы потребовали 11 мая 1895 года учрежденія постоянной наблюдательной комиссіи подъ предводительствомъ особаго лица. Турецкое правительство отвѣтило предложеніемъ подробнаго плана реформъ въ 16 пунктахъ и объявило широкую амнистію всѣмъ заподозрѣннымъ армянамъ.

30 сентября 1895 года константинопольскіе армяне хотѣли подкрѣпить настояніе державъ на выполненіи обѣщаній Берлинскаго трактата подачею великому визирю просьбы, въ которой они изложили всѣ жалобы и требованія своего народа. Процессія изъ 200 армянъ двигалась по улицамъ Стамбула по направленію къ Высокой Портѣ. Произошла драка съ софтами; завязалась перестрѣлка, при которой былъ убитъ одинъ майоръ, и полиція разогнала демонстрантовъ; нѣкоторые, смятые чернью, были застрѣлены жандармами, арестованныхъ закалывали въ полиціи штыками, ночью были разгромлены армянскіе ханы (корчмы). 500 армянъ было арестовано потомъ. Всеобщая паника загнала остальныхъ въ армянскія церкви, откуда они были освобождены только благодаря вмѣшательству пословъ. Это роковое событіе послужило сигналомъ для сотенъ избіеній, которыя слѣдовали одно за другимъ, начинались и заканчивались при трубныхъ звукахъ. Они происходили во всѣхъ шести провинціяхъ, которыя должны были быть осчастливлены реформами, и кромѣ того еще въ четырехъ провинціяхъ. Отъ нихъ христіанское населеніе пострадало ужасно и оставшіеся въ живыхъ были обречены на голодную смерть или же должны были перемѣнить свою вѣру. Изъ Константинополя разгромъ распространился на Акиссаръ, Трапезунтъ, Эрзинджанъ, Байбуртъ, Битлисъ, Эрзерумъ, Арабкиръ, Діарбекиръ, Малатію, Харпутъ, Сивасъ, Амазію, Аинтабъ, Мерсиванъ, Марашъ, Кайсаріе, Урфу. Изъ посольскаго отчета султану отъ 4 февраля 1896 г. видно, что съ августа 1895 по февраль 1896 года было перебито около 70—90,000 человѣкъ и, что еще больше народу погибло отъ голода и холода. Особенно въ Англіи, Германіи и Швейцаріи лучшіе представители народа прилагали свои силы къ посылкѣ помощи. Іоаннъ Лепсіусъ въ Берлинѣ своей брошюрой „Арменія и Европа“ и своей газетой „Христіанскій Востокъ“ возбудилъ сочувствіе въ сотняхъ тысячъ людей. Амирханіанцъ, Аватараніанъ и Карапетъ Тумаянъ дѣйствовали словомъ и перомъ для смягченія нужды своихъ единовѣрцевъ.

Но и революція Гинчака не дремала. Ободренные возстаніемъ грековъ на Критѣ, гинчакисты разослали посламъ и турецкому правительству воззванія съ требованіемъ введенія реформъ и угрожали безпорядками, если преслѣдованія, заключенія въ тюрьму и пытки не прекратятся. Эти угрозы были повторены въ августѣ 1896 года. 26 августа 26 армянъ-революціонеровъ изъ Россіи сдѣлало внезапное нападеніе на оттоманскій банкъ въ Константинополѣ; они заявили, что не выйдутъ изъ него и взорвутъ его на воздухъ, если отъ султана получится отрицательный отвѣтъ на ихъ требованія. Но русскому драгоману удалось все-таки уговорить ихъ оставить банкъ, послѣ того, какъ онъ обѣщалъ имъ свободный выходъ. Между тѣмъ возбужденный городъ, руководимый курдами и лазами готовился отплатить, и эта отплата стоила жизни 7000 человѣкъ. 27-го англійскій уполномоченный въ дѣлахъ, грозилъ высадить моряковъ, если всеобщая рѣзня не прекратится. Депеша пословъ султану гласила: „Очень сожалѣемъ о событіяхъ, должны сейчасъ же прекратиться или ставятъ подъ сомнѣніе существованіе Турціи и ея династіи“. Коллективная нота отъ 31 августа напирала на то, что эти безпорядки отнюдь не были дѣломъ случайныхъ скопищъ фанатической черни, и что здѣсь имѣются налицо всѣ признаки особой организаціи, извѣстной агентамъ власти, если и не прямо руководимой ими. Съ ре-

формами однако дѣло не подвигалось: все ограничилось бумажными протестами великихъ державъ.

Арменія обезсилѣла отъ такого кровопусканія; въ армянскомъ вопросѣ наступилъ застой. Это однако отнюдь не исключаетъ мѣстныхъ повтореній рѣзни, какъ послѣдствій самоуправства и непокорности отдѣльныхъ армянскихъ шаекъ, какъ, напримѣръ, шайки Антраника между Мушемъ и Сассуномъ, отъ ноября 1901 до мая 1904 года. Соперничество Россіи (въ январѣ 1904 г. смѣстившей грегоріанскаго епископа Грузіи, Кеворка Сурeніана, за его противодѣйствіе дальнѣйшей руссификаціи финансоваго управленія епархіи) и Англіи цѣлыхъ полстолѣтія препятствовало всякому энергичному вмѣшательству; вниманіе Европы было привлечено болѣе важными событіями: театрами войны въ Китаѣ, на Кубѣ, на Филиппинахъ и въ южной Африкѣ. Уже 20 февраля 1894 года французскій посолъ Пьеръ Поль Камбонъ писалъ Казимиру Перье: „Нѣтъ разрѣшенія армянскаго вопроса“. Въ томъ то именно и дѣло, что армянскій вопросъ является частью восточнаго вопроса, а этотъ послѣдній— лишь фигурой на шахматной доскѣ высшей политики. Политическія цѣли армянъ заключаются не въ возстановленіи ихъ стараго царства, что было бы дѣломъ совершенно невозможнымъ по причинѣ совмѣстной жизни на одной территоріи съ различными чужими народностями, а лишь въ сохраненіи ихъ національности, церкви и языка, въ связи съ улучшеніемъ соціальнаго и нравственнаго положенія ихъ. Для этого имъ очень желательно установленіе свободы передвиженія, которой можно достигнуть лишь путемъ реформы администраціи. Реформа духовенства и управленія епископствами, созданіе средствъ для улучшенія христіанскаго и національнаго воспитанія народа, прекращеніе эмиграціи—таковъ былъ идеалъ недавно умершаго католикоса эчміадзинскаго. Павелъ Рорбахъ совершенно справедливо замѣтилъ, что всякое сужденіе объ армянахъ будетъ ложно, если не принять во вниманіе того факта, что это, по своему происхожденію, воспитанію и міровоззрѣнію, народъ восточный. Если бросить на одну чашу вѣсовъ недостатки армянскаго народа, то онъ можетъ бросить на другую чашу свои страданія.

III. Албанцы.

Проф. д-ра **Карла Паули**

переработалъ и дополнилъ д-ръ Гансъ Ф. Гельмольтъ.

1. Территорія Албаніи.

Между 39 и 43 градусами сѣверной широты лежитъ береговая полоса земли, длиною въ 100 часовъ пути и шириною, приблизительно, въ 30 часовъ, населенная своеобразнымъ племенемъ, которое мы называемъ **албанцами**. Страна мало изслѣдована; собственно свѣдѣніями о ней мы обязаны двумъ лицамъ. Одно изъ нихъ—Іоаннъ Георгъ фонъ Ганъ, въ качествѣ австрійскаго генеральнаго консула, полстолѣтія тому назадъ тщательно изслѣдовавшій страну и ея жителей и собравшій массу весьма цѣннаго матеріала; другому, Густаву Мейеру, мы обязаны научнымъ изслѣдованіемъ албанскаго языка. Албанцевъ называютъ сербы арбанасами, греки арванитами, турки и болгары арнаутами, сами себя они называютъ на своемъ языкѣ шкипетарами. Первое изъ этихъ именъ происходитъ отъ мѣстности Арбери, какъ она называется на тоскскомъ, или Арбени, на гегскомъ нарѣчіи. Мѣстность эта находится въ области акрокераунических горъ, но имя ея было распространено на весь народъ (какъ это сообщаетъ, между прочимъ, Тацитъ и объ имени германцевъ). Имя шкипетаръ значитъ „понимающій“, и имъ назывались понимавшіе мѣстный языкъ. Но этого нельзя утверждать съ полной достовѣрностью. Если бы имѣлись только формы skjiroig, „я понимаю“, которую производятъ отъ латинскаго excipere, и skjipetàr, то едва ли можно бы было что-нибудь возразить противъ этого. Но существуетъ и болѣе простая форма skjip, что значитъ „по-албански“; отсюда происходитъ прежде всего прилагательное skjipe, „албанскій языкъ“. Но едва ли нарѣчіе skjip можетъ происходить отъ латинскаго excipere. Уже фонъ Ганъ указываетъ на это затрудненіе, говоря: „Такъ какъ глаголъ skipóig по своей формѣ является производнымъ, то спрашивается, не значилъ ли онъ первоначально „понимать по-албански“ и лишь потомъ пріобрѣлъ болѣе общее значеніе“. Можно предполагать, „что основное значеніе skjip было „ясно, понятно“.

Албанцы населяютъ не всю вышеупомянутую мѣстность. Только на сѣверѣ населеніе чисто албанское, на юго-востокѣ оно чисто греческое, на юго-западѣ же обѣ народности настолько перемѣшаны, что дѣти научаются одновременно обоимъ языкамъ. Кромѣ того на Пиндѣ живутъ румыны, а въ пограничныхъ мѣстахъ сербы и болгары. Съ другой стороны, **мѣста жительства албанцевъ простирались и далеко за границы ихъ страны.** На Шардагѣ они занимаютъ весь западъ турецкой Сербіи, захватываютъ часть Босніи и живутъ кромѣ того въ горахъ на западѣ и юго-западѣ отъ Новаго Базара. Албанцы живутъ большими группами еще и въ Греческомъ королевствѣ, гдѣ ими занята почти вся Аттика, кромѣ Аѳинъ и Пирея, Мегара кромѣ города, Беотія и острова Гидра и Специя и еще нѣкоторыя другія области. Но въ теченіе 19 столѣтія албанскій элементъ здѣсь внѣшнимъ образомъ значительно стушевался: такъ какъ

греки считались высшей націей, то многія албанскія семьи переняли греческій языкъ и нравы. Въ Италію переселилось около 80,000 албанцевъ, которые распредѣлились по прежнимъ провинціямъ Калабріи ультеріоре и цитеріоре, Базиликатѣ, Капитанатѣ, Терра д'Отранто, Абруццо ультеріоре и Сициліи. Первые были около 1460 года переселены королемъ Фердинандомъ I Неаполитанскимъ. Ихъ число было сначала, вѣроятно, значительнѣе; но и изъ нихъ многіе по языку, одеждѣ и нравамъ стали вполнѣ итальянцами. Наконецъ, три маленькихъ албанскихъ колоніи находятся и на австрійской территоріи: одна на Савѣ между Шабацемъ и Митровицей, одна у Цары, и одна у Полы.

2. Населеніе Албаніи.

Албанцы дѣлятся на два главныхъ племени, которыя и по языку разнятся другъ отъ друга, на тосковъ и геговъ. Первые живутъ на югѣ, вторые въ центрѣ и на сѣверѣ страны. Нарѣчія обоихъ племенъ настолько различны, что они съ трудомъ понимаютъ другъ друга, и каждое должно сначала постепенно привыкнуть къ говору другого. Впрочемъ, между обоими племенами издавна существуетъ сильная антипатія. Разницу нарѣчій пытались объяснить тѣмъ, что жители сѣвера были, будто бы, въ древности иллирійцами, жители же юга эпиротами. Но такую гипотезу едва ли можно принять. Не говоря уже о томъ, что намъ еще не вполнѣ извѣстна этнографія древнихъ эпиротовъ, далѣе будетъ указано на то, что предками албанцевъ были вообще не иллирійцы, а фракійцы. Можно, пожалуй, сказать, что гегскій языкъ—это ѳракійскій языкъ, передѣланный иллирійцами, тоскскій же—это ѳракійскій, передѣланный греками; такимъ образомъ, между ними разница, приблизительно, такая, какъ между ломбардскимъ и тосканскимъ нарѣчіями итальянскаго языка: первое—латинскій, переработанный галлами, второе—латинскій, переработанный этрусками.

И въ религіозномъ отношеніи страна также не представляетъ изъ себя чего-нибудь единаго. Въ то время, какъ на сѣверѣ исповѣдуется преимущественно римско-католическая религія, на югѣ преобладаетъ православная. Кромѣ того, почти по всей странѣ распространенъ исламъ, и число его послѣдователей, приблизительно, равняется числу христіанъ. Знатныя семейства, особенно въ городахъ, магометане; но существуютъ кромѣ того отдѣльные замкнутые сельскіе округа вполнѣ магометанскіе. Всѣ они были, конечно, нѣкогда христіанами и, только подъ давленіемъ проявляющагося въ разнообразнѣйшихъ формахъ гнета турокъ, принимали магометанство въ разное время вплоть до нашего столѣтія. Только племя миридитовъ на сѣверѣ осталось чисто католическимъ, ибо каждый членъ, отпавшій отъ вѣры, подлежитъ немедленному изгнанію. Кромѣ того, существуютъ еще округа, принявшіе магометанство только для вида, втайнѣ же попрежнему считающіе себя христіанами.

Хотя албанцы раздѣлены такимъ образомъ пространственно, въ религіозномъ отношеніи и по языку, но они все-таки представляютъ изъ себя единую націю съ рѣзко выраженнымъ національнымъ характеромъ; итальянскій албанецъ Винченцо Дорза былъ совершенно правъ, посвятивъ въ 1848 г. свою книгу объ албанцахъ „Alla mia nazione divisa e dispersa ma una". Это единство ихъ народнаго характера основано прежде всего на проникающей всю народную жизнь, идеѣ семьи. Замкнутостью семьи объясняется то упорство, съ которымъ албанцы придерживаются древнихъ обычаевъ, сопровождающихъ всѣ событія семейной жизни: рожденіе, обрученіе, свадьбу, смерть; ею объясняется и страшный бичъ народа, кровавая месть, ею же—и политическое безсиліе страны при чрезвычайной храбрости ея обитателей.

A. Остатки народныхъ вѣрованій изъ языческой эпохи.

Благодаря рѣзко выраженной консервативной чертѣ, наряду съ различными религіями, къ которымъ албанцы причисляютъ себя оффиціально, у нихъ сохранились еще многочисленные остатки болѣе древней, языческой народной вѣры. Въ качествѣ такихъ остатковъ фонъ Ганъ приводитъ: эльфовъ, домового, трехъ чудищъ, называемыхъ Кучедра, Сюкьеннеза и Любья, Ору, Маути, Фатилъ, Диву, Флямею, Кукуди, Вурвулака (у геговъ называется Любгатъ и Карканчоли), Штригею, Драмгую, хвостатыхъ людей. Впрочемъ, эти демоническія существа не должны быть непремѣнно остатками древнихъ, чисто албанскихъ вѣрованій: по всей вѣроятности мы имѣемъ здѣсь отчасти дѣло и съ остатками народныхъ вѣрованій древне-греческихъ, римскихъ, славянскихъ, турецкихъ и, можетъ быть, цыганскихъ. Происхожденіе отдѣльныхъ элементовъ этой народной вѣры установить трудно. Можно было бы по именамъ отдѣльныхъ существъ предположить, что они принадлежатъ тому же народу, на языкѣ котораго они названы. Но это было бы ошибочно: запасъ албанскихъ словъ во всѣхъ областяхъ жизни представляетъ изъ себя такую пеструю смѣсь всевозможныхъ языковъ, что и въ миѳологіи вполнѣ возможны чужія названія мѣстныхъ, родныхъ образовъ.

Эльфы, называемые счастливыми или невѣстами горы, имѣютъ много общаго съ одноименными фигурами германской миѳологіи. Они большею частью женскаго пола, ростомъ, приблизительно, съ двѣнадцатилѣтнее дитя, очень красивы, одѣты въ бѣлое и испускаютъ благоуханіе. Они ночью приходятъ съ горъ въ жилища людей и берутъ красивыхъ дѣтей, чтобы танцовать съ ними, иногда они вынимаютъ и маленькихъ дѣтей изъ колыбели, чтобы играть съ ними на крышахъ, но потомъ приносятъ ихъ невредимо обратно. На нихъ похожа и Маути, какъ она называется въ Эльбассанѣ, существо, по всей вѣроятности, идентичное съ южно-албанской „красавицей земли“. И она также фея, одѣтая въ золото и въ фескѣ, украшенной драгоцѣнными камнями. „Кто украдетъ у нея эту феску, тотъ счастливъ на всю жизнь“. Ора и Фатилы — это богини судьбы. Первая ходитъ по землѣ и сейчасъ же исполняетъ всѣ благословенія и проклятія, которыя слышитъ. Фатилы — это совершенно то же самое, что древне-греческія Мойры. У аттическихъ албанцевъ только одна изъ нихъ носитъ еще имя Мойры; но всѣ дары, приносимые ей при рожденіи въ домѣ, тройные. Отвратительными демонами являются женщины-чудовища, пожирающія людей Кучедра, Сюкьенеза и Любья. Родственна имъ Флямея, тоже демонъ женскаго пола, вызывающая падучую болѣзнь. Дифъ, или во множественномъ числѣ Дивы — это великаны, обладающіе, сверхчеловѣческой силой. Домашній же духъ, Виттора, представляется въ видѣ маленькой пестрой змѣи, живущей въ стѣнахъ дома, которую обитатель дома, если увидитъ, привѣтствуетъ съ почтеніемъ и благословеніями. Вурвулаки, тамъ и сямъ, называемые также Вампирами, обнаруживаютъ свою природу этимъ послѣднимъ именемъ. Имъ подобны Любгаты „турецкіе трупы съ огромными ногтями, которые расхаживаютъ завернутые въ саваны, пожираютъ все, что находятъ и душатъ людей“, а также Карканчоли, или Кукуды, цыганскіе трупы, дыханіе которыхъ приноситъ смерть.

B. Литература албанцевъ.

На литературномъ поприщѣ албанцы сдѣлали очень мало. Все, что можно было бы назвать ихъ литературой, ограничивается переводами библіи и другими произведеніями церковнаго характера, народными пѣснями и немногочисленными попытками искусственной поэзіи, какъ у итальян-

скихъ албанцевъ, такъ и въ самой Албаніи. Изъ первыхъ слѣдуетъ назвать Джироламо де Рада (1870), бравшаго темы для своей поэзіи изъ греческой эпохи своего народа, т. е. изъ временъ борьбы Скандербега (стр. 223). У коренныхъ албанцевъ наибольшею популярностью пользуется поэтъ Незимъ (Нецимъ) Бей изъ Премета. Онъ былъ ученый человѣкъ, хорошо знакомый съ арабской и персидской литературами, и поэтому его стихотворенія написаны подъ сильнымъ вліяніемъ восточной литературы, что проявляется и внѣшнимъ образомъ въ сильной примѣси арабскихъ и персидскихъ словъ. Но и духъ ихъ совершенно восточный, и сходство, напр., съ Гафизомъ несомнѣнно. Народныя пѣсни не чужды своеобразной прелести.

Чтобы образовалась настоящая литература, должно было быть исполнено одно предварительное условіе: долженъ былъ быть созданъ единый алфавитъ. До сихъ поръ все печаталось частью греческимъ, частью латинскимъ шрифтомъ. Но такъ какъ албанскій языкъ очень богатъ звуками, то обоихъ алфавитовъ не хватало, и приходилось прибѣгать къ помощи діакритическихъ знаковъ, точекъ, черточекъ. Лучшій изъ примѣнявшихся до сихъ поръ алфавитовъ, это алфавитъ Константина Кристофоридиса изъ Эльбассана: въ немъ латинскій алфавитъ дополненъ извѣстнымъ количествомъ раціонально придуманныхъ діакритическихъ знаковъ. Кромѣ того (въ Эльбассанѣ и Бератѣ) существуетъ „національный" алфавитъ изъ 52 знаковъ, по Густаву Мейеру, изобрѣтенный къ концу 18 столѣтія въ Эльбассанѣ греческимъ школьнымъ учителемь Ѳедоромъ.

3. Историческія судьбы албанцевъ.

А. **Ихъ происхожденіе.**

Откуда происходятъ албанцы и къ какой этнографической группѣ принадлежатъ, намъ точно неизвѣстно. Въ общемъ предполагаютъ, что они—потомки древнихъ эпиротовъ, о которыхъ многіе думаютъ, что они не были греками; далѣе полагаютъ, что эти эпироты были иллирійцами, иллирійцы же, наконецъ, нѣкоторыми отождествляются съ пеласгами. Другіе опять-таки высказывали предположеніе о переселеніи албанцевъ съ Кавказа, гдѣ имѣется народъ съ похожимъ именемъ (т. III, стр. 274); ни исторія, ни языковѣдѣніе не оправдываютъ такого предположенія. Но и всѣ другія вышеупомянутыя гипотезы тоже шатки.

Современный албанскій языкъ—это языкъ очень смѣшанный и, пожалуй, мало найдется другихъ языковъ, равныхъ ему въ этомъ отношеніи: къ чисто албанскимъ словамъ примѣшаны слова латинскія, итальянскія, румынскія, греческія, турецкія и, наконецъ, слова изъ различныхъ славянскихъ нарѣчій. Но во всякомъ случаѣ, теперь вполнѣ установлено, что это языкъ индогерманскій. Это даетъ возможность привести ихъ въ связь съ иллирійцами, ибо иллирійцы были индогерманцами. Но самые важные звуковые законы языка албанцевъ не совпадаютъ съ законами языка иллирійцевъ. Достаточное количество остатковъ древнеиллирійскаго языка мы имѣемъ въ собственныхъ именахъ римскихъ надписей изъ разныхъ провинцій иллирійскаго языка, а также въ мессатическихъ и венеціанскихъ надписяхъ. Изъ этихъ источниковъ видно, что индогерманскіе небные звуки у иллирійцевъ превращаются въ c и g (χ) у албанцевъ же въ s и z, индогерманскіе придыхательные средніе у иллирійцевъ превращаются въ спиранты, у албанцевъ же въ чистыя среднія; наконецъ, индогерманское s между гласными у иллирійцевъ превращается, вѣроятно, въ h, у албанцевъ же въ s. Эти звуковыя различія рѣшительно отдѣляютъ албанцевъ отъ иллирійцевъ и указываютъ на ихъ принадлежность къ совсѣмъ другой группѣ индогерманцевъ.

Въ виду такого положенія остается только одно предположеніе: что албанцы происходятъ отъ ѳракійцевъ. Вышеупомянутые звуковые законы совпадаютъ съ ѳракійскими вполнѣ. Кромѣ того, Густавъ Мейеръ указалъ на то, что измѣненіе латинскаго элемента въ албанскомъ языкѣ совершенно совпадаетъ съ измѣненіемъ его въ языкѣ румынскомъ. И онъ совершенно справедливо дѣлаетъ отсюда заключеніе о тождественности этнологической основы обоихъ языковъ. Но онъ ошибается, предполагая, что или румыны до-римскихъ временъ говорили на языкѣ родственномъ, иллирійскому или, что оба народа до своей романизаціи восприняли въ свои языки нѣчто чужое, не индогерманское. Едва ли можно спорить противъ того, что составною частью румынъ до-римскаго періода были даки; эти же послѣдніе, какъ по свѣдѣніямъ древнихъ, такъ и судя по остаткамъ языка, правда немногочисленнымъ, принадлежали къ ѳракійскому племени. Изъ этого слѣдуетъ, что и албанцы ѳракійскаго происхожденія. Кромѣ того намъ ничего болѣе неизвѣстно о существованіи въ тѣхъ мѣстахъ какого-нибудь не-индогерманскаго осколка, ибо появленіе болгаръ относится къ гораздо позднѣйшей эпохѣ.

И съ географической стороны предположеніе о томъ, что предками ѳракійцевъ были албанцы, не встрѣчаетъ затрудненій. Ѳракійцы были нѣкогда распространены вплоть до Македоніи, и отсюда вела совершенно открытая дорога въ Иллирію и Эпиръ черезъ долину Галіакмона (теперешній Граммонъ), отъ истоковъ котораго можно легко спуститься по долинѣ Эордея (теперешняго Деволе). Черезъ эту долину мы попадаемъ въ область Эльбассана. Хотя этотъ городъ и не тождественъ съ упоминаемымъ Птоломеемъ Альбанополисомъ, столицей альбановъ (Эльбассанъ назывался въ древности Скампой), область тѣхъ албанцевъ лежитъ именно въ этой мѣстности, ибо они упоминаются рядомъ съ тавлантіями, эордайцами и дассаретами, и нынѣшняя мѣстность Арбери, отъ названія которой мы выше произвели имя албанцевъ, лежитъ только немного южнѣе.

B. Исторія албанской автономіи до Скандербега.

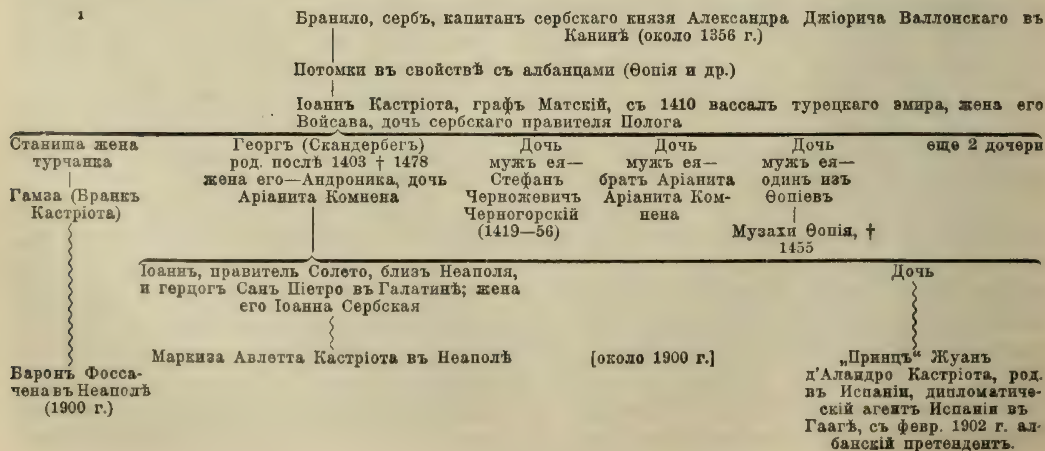
Собственно исторія албанцевъ въ значительнѣйшей ея части намъ мало извѣстна. Какихъ-нибудь туземныхъ источниковъ не существуетъ; мы должны довольствоваться только упоминаніями объ албанцахъ, находимыми у народовъ, приходившихъ съ ними въ соприкосновенія. Большую часть свѣдѣній мы черпаемъ у византійскихъ лѣтописцевъ „которые весьма рѣдко думали объ этой отдаленной провинціи“. Наиболѣе раннія непосредственныя извѣстія относятся къ 1092 году, когда, послѣ усмиренія возстанія болгаръ, Михаилъ Пафлагонъ, намѣстникъ Дирахіума, собралъ въ своей провинціи войско въ 60,000 человѣкъ и отправился съ нимъ противъ сербовъ. За завоевательными походами норманновъ (1081--1101; стр. 91) слѣдуетъ господство деспотовъ эпирскихъ изъ дома Комненовъ (до 1318; см. стр. 107). Послѣ этого страна опять достается византійскимъ императорамъ, но неспокойный народъ неоднократно возставалъ, и даже жесточайшія наказанія не могли упрочить владѣнія Албаніей.

Когда въ 1343 году возникли новыя смуты, сербскій король Стефанъ Душанъ воспользовался ими для завоеванія всей Албаніи, Ѳессаліи и Македоніи и принялъ титулъ царя этихъ странъ (стр. 107 и слѣд.). Когда, послѣ его смерти, возникли смуты въ Сербіи, сынъ послѣдняго деспота, Никифоръ, пытался захватить власть въ Албаніи, но былъ (въ 1357/58 г.) разбитъ албанцами и самъ палъ въ сраженіи. Албанія вновь, въ нѣкоторой части своей, попала въ руки сербскаго деспота Симона. Но такъ какъ онъ мало заботился о странѣ, то албанцы основали два, фактически самостоятельныхъ, государства: одно южное, управляемое Джиносомъ Ваджe,

другое сѣверное подъ управленіемъ Петра Льеши. Тогда началось переселеніе албанцевъ, которые изъ Дураццо заняли значительныя части Македоніи, Θессаліи, Этоліи и Акарнаніи. Отсюда потокъ албанцевъ переливается далѣе въ Ливадію, Беотію, Аттику, южную Эвбею и Пелопоннесъ (см. выше, стр. 217). Послѣ смерти Петра Льеши Іоаннъ Спата завладѣлъ городомъ Артой. Онъ велъ борьбу съ различными противниками, продолжавшуюся почти до самой его смерти (1400 г.). Около этого времени Карло I Токко завоевалъ большую часть страны († 4 іюля 1429 г.); наслѣдникомъ его былъ его племянникъ Карло II Токко Кефалленійскій (стр. 134), который долженъ былъ однако въ 1430 г. уступить городъ Янину Мураду II и признать его сюзеренитетъ. Тогда началась **магометанизація** страны, продолжающаяся еще и теперь. Особенно часто принимали исламъ знатныя семьи, и именно поэтому могли появиться туземные **правители**, которые отчасти получали даже наслѣдственную власть. Наибольшей извѣстности изъ этихъ янинскихъ пашей достигъ Али. Онъ родился въ Тепеленѣ въ 1741 г. и 5 февраля 1822 года былъ убитъ Хуршидомъ пашой въ виллѣ на Янинскомъ озерѣ (см. фиг. 2 на табл. при стр. 186).

Сѣверная Албанія, ставшая сербской провинціей, имѣла свою собственную исторію. Около 1250 года она перешла въ лоно католической церкви, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ письма папы Иннокентія IV. Воспоминаніе о самомъ этомъ фактѣ сохранилось въ семейномъ сказаніи главы миредитовъ. Отдѣленіе отъ Сербіи, во время котораго особенно выдвигается благородное семейство Балша, произошло послѣ смерти Стефана Душана (1355 г.) около 1368 года.

Съ 1383 года начинаются вторженія турокъ, противъ которыхъ албанцы защищаются съ помощью венеціанцевъ. Изъ этихъ турецко-албанскихъ войнъ особенно замѣчательны тѣ, которыя велъ **Скандербегъ**. Георгъ Кастріота[1] родился вскорѣ послѣ 1403 года. Онъ былъ сыномъ Ивана Кастріота, правителя Мата и Войсовы, и сербской принцессы изъ Пологa. Въ 1423 году онъ былъ, при вторженіи турокъ въ южную Албанію, вмѣстѣ со своими тремя братьями, увезенъ Эмиромъ Мурадомъ II, въ качествѣ заложника, гарантирующаго вассальную вѣрность его отца и назначенъ на службу въ султанскомъ сералѣ. Тамъ онъ получилъ магометанское воспитаніе, и ему было дано имя Скандеръ (Искандеръ—Александръ) Бегъ. Отличаясь красотой и умомъ, онъ скоро получилъ высшую должность въ управленіи. Когда въ 1442 г. умеръ отецъ Георга Кастріота Иванъ, эмиръ занялъ его княжество и убилъ его братьевъ; возстанія, руководимыя Аріанитомъ Комненомъ († въ 1461 г.), Депомъ (Θопіей) и Ценемписсой, были подавлены турками.

[1]


Кастріота скрылъ свою жажду мести и остался на турецкой службѣ, какъ будто ничего не случилось. Но когда въ концѣ 1443 года венгерцы побѣдоносно сражались съ турками (стр. 135), Георгъ съ 300 албанцами бѣжалъ изъ турецкаго лагеря и хитростью занялъ Круджу (Кроджу): Вернувшись въ лоно христіанской церкви и воодушевивъ своихъ соотечественниковъ къ борьбѣ за независимость, онъ въ одинъ мѣсяцъ завладѣлъ всей страной. Всѣ вожди подчинились его верховенству и платили ему дань для продолженія возстанія. Скандербегъ энергично продолжалъ вести войну и въ 1444 году, имѣя въ своемъ распоряженіи только 15,000 человѣкъ, разбилъ въ мѣстности Дибрѣ (Дивра, на Черномъ Дримѣ), 40-тысячное турецкое войско, предводительствуемое Али пашей, а также и другихъ турецкихъ полководцевъ. Въ 1449 году на него напалъ самъ Мурадъ съ 100-тысячнымъ войскомъ, но былъ разбитъ и вынужденъ отступить отъ осажденной имъ Круджи.

И послѣ смерти Мурада II (1451 г.), побѣда оставалась вообще за Скандербегомъ, несмотря на раздоры вождей и нѣсколько понесенныхъ имъ пораженій (стр. 143); по заключенному въ маѣ 1461 года договору о 10-лѣтнемъ перемиріи, Албанія была формально уступлена ему. Онъ оказался также и ловкимъ организаторомъ и сдѣлалъ свою страну цитаделью христіанства, которое защищалъ съ такой энергіей, что папа Пій II въ 1464 году назначилъ его полководцемъ для проектируемаго крестоваго похода (стр. 144). Вслѣдствіе этого война вновь разгорѣлась, и турки были опять разбиты. Но 17 января 1468 года Скандербегъ умеръ въ Алессіо (Льешъ, близъ устья Дрина). Благодаря несовершеннолѣтію его сына, турки одержали побѣду. Но только послѣ десятилѣтней борьбы имъ удалось 15 іюня 1478 года вновь завоевать Круджу и, благодаря уступчивости Венеціи (стр. 146), въ 1479 году опять подчинить себѣ всю страну. Съ тѣхъ поръ изъ сѣверной Албаніи переселилась масса людей; тогда именно возникло большинство теперешнихъ албанскихъ колоній въ Италіи (см. выше, стр. 218). Другая часть покоренныхъ албанцевъ предпочла остаться на своихъ мѣстахъ и приняла исламъ, третья укрылась въ ущельяхъ горъ.

C. Албанія въ XIX столѣтіи.

40-лѣтняя борьба Али за упроченіе его деспотіи (стр. 175 и 222) настолько пріучила къ военной жизни этотъ дикій народъ, что, когда, послѣ низверженія деспота (сдача Янины 10 января 1822 г.), вспыхнула греческая революція, онъ жадно ухватился за новый случай для грабежа и разбоя. Магометанскіе албанцы стали на сторону турокъ, христіане же, въ особенности живущіе въ южныхъ горахъ арматолы и клефты (и изъ нихъ особенно суліоты), приняли сторону грековъ. Въ этой долгой борьбѣ со своими магометанскими братьями большая часть албанцевъ-христіанъ погибла. Послѣ Наваринской битвы (1827 г.) энергія албанцевъ обратилась противъ турокъ. Предводительствуемые Арсланъ-Беемъ и Мустафой пашей скутарскимъ, они возстали, поощряемые войной Турціи съ Россіей, одновременнымъ возстаніемъ Дауда паши въ Багдадѣ и непокорностью Мехмеда Али въ Египтѣ. Тогда, послѣ заключенія Адріанопольскаго мира 1829 г., пришелъ Решидъ паша со всѣмъ турецкимъ войскомъ. Въ 1831 г. вспыхнуло еще разъ движеніе, но когда Мустафа былъ разбитъ Решидомъ пашей при Перлапе, албанцы должны были еще разъ покориться. Новое возстаніе магометанскаго населенія, вызванное распоряженіемъ о наборѣ войска, распространилось черезъ горныя мѣстности Румыніи вплоть до Болгаріи. Но Омеръ паша разбилъ албанцевъ при Капланли и при Калкандело и завоевалъ Приштину. Еще одно возстаніе лѣтомъ 1847 года было скоро подавлено.

Въ 1879 году сѣверныя племена албанцевъ возстали и отказались признать постановленіе Берлинскаго мирнаго договора объ уступкѣ Сербіи и Черногоріи частей Албаніи. Они были усмирены Дервишемъ пашей въ 1880 году и, послѣ новаго возстанія, въ 1881 году. Въ 1887 году въ Албаніи произошли безпорядки по поводу новой поземельной подати. Безпорядки повторялись изъ года въ годъ, вызываемые обычаемъ кровавой мести, пограничными распрями и т. п.; еще въ началѣ 1902 года Хемзи паша съ трудомъ возстановилъ опять порядокъ, а въ 1904 году вспыхнули новыя возстанія. Замѣчательно, что одинъ изъ участниковъ младотурецкаго движенія, Измаилъ Кемалъ Бей (стр. 192), живущій въ Брюсселѣ, усердно занимается разрѣшеніемъ „албанскаго вопроса“. Національно-албанскія тенденціи проявлялъ весною 1902 года — но пока безъ всякаго успѣха — Аладро Кастріота, считающійся потомкомъ Скандербега (см. родословную на стр. 222).

IV. Чехія, Моравія и Силезія до ихъ соединенія съ Австріей въ 1526 году.

Д-ра **Бертольда Бретгольца.**

1. Предварительныя географическія замѣчанія.

Принятое объединеніе Чехіи, Моравіи и Силезіи подъ однимъ названіемъ „судетскихъ земель“ въ географическомъ отношеніи лишь отчасти находитъ себѣ оправданіе. Правда, по отношенію къ Алпійскимъ и Карпатскимъ землямъ они являются одной областью, отдѣльныя части которой не отдѣлены высокими горами другъ отъ друга и, наоборотъ, отдѣлены отъ сосѣднихъ земель общими горными цѣпями; но съ другой стороны, всѣ три страны своей гидрографической самостоятельностью и принадлежностью къ различнымъ бассейнамъ обнаруживаютъ свою независимость другъ отъ друга. Вся рѣчная сѣть Чехіи соединяется въ Эльбѣ и течетъ къ Нѣмецкому морю, воды Моравіи текутъ черезъ Мораву въ Дунай, главная же рѣка Силезіи, Одеръ, вливается вмѣстѣ съ притоками въ Балтійское море. Но и въ топографическомъ отношеніи двѣ изъ этихъ странъ не отличаются замѣтно отъ сосѣднихъ странъ. Только Чехія представляетъ изъ себя страну, окруженную со всѣхъ сторонъ естественными границами; Моравія же на югѣ совершенно открыта въ сторону Австріи, отъ Чехіи же она отдѣлена чешско-моравскими возвышенностями. Силезія имѣетъ естественныя границы, собственно говоря, только на югѣ и юго-западѣ, т. е. отдѣлена отъ Чехіи и Моравіи, но не имѣетъ такихъ границъ на сѣверѣ и востокѣ.

Три мощныя самостоятельныя **горныя цѣпи** отдѣляютъ Чехію отъ сосѣднихъ неавстрійскихъ земель: Чешскій Лѣсъ отдѣляетъ ее отъ Баваріи, Рудныя горы отъ Саксоніи, отъ Силезіи же Исполиновыя горы и Судеты, являющіяся въ то же время сѣверовосточною границей Моравіи. Моравско-венгерскую границу заполняютъ западные отроги Карпатъ, а рядъ возвышенностей внутри страны является какъ бы мостомъ, соединяющимъ Карпаты и Альпы. Всѣ эти горныя цѣпи не очень высоки (высочайшія вершины въ Исполиновыхъ горахъ достигаютъ, приблизительно, 1600 метровъ), но онѣ очень лѣсисты и отличаются дикими романтическими формами. Основной характеръ Рудныхъ горъ вулканическій, что проявляется въ многочисленныхъ древнихъ, исторически знаменитыхъ термахъ и цѣлебныхъ источникахъ.

Гидрографическая сѣть Чехіи представляетъ изъ себя одну водную жилу, которая идетъ посрединѣ страны съ юга на сѣверъ, и въ которую вливаются всѣ воды съ запада и востока. Молдава беретъ начало въ Чешскомъ Лѣсу и только сѣвернѣе Праги, у Мельника, впадаетъ въ Эльбу, текущую съ Исполиновыхъ горъ сначала въ южномъ, а потомъ въ сѣверозападномъ направленіи. Теченіе Молдавы указываетъ на наклонъ страны съ юга на сѣверъ, теченіе же притоковъ — слѣва Волтавы, Берунки (Beraun) и Огры (Eger), справа Лужницы и Сазавы — на наклонъ отъ краевъ къ срединѣ. Моравія же имѣетъ только одинъ наклонъ къ югу, что доказывается теченіемъ Моравы; рѣка эта принимаетъ въ себя,

какъ притоки, берущіе начало на западѣ въ чешско-моравскихъ возвышенностяхъ, Цвиттаву, Шварцаву, Ославу, Иглаву и Таю, такъ и рѣки, текущія съ Судетовъ и Карпатъ, Тисъ, Быстрицу, Бечву и Ольшаву. Одеръ только въ своемъ верхнемъ теченіи принадлежитъ къ разсматриваемой нами области; рѣка эта беретъ начало еще на моравской территоріи, одною частью своею составляетъ границу между Моравіей и Силезіей и принимаетъ притоки какъ съ Судетовъ (Оппу), такъ и съ Бескидовъ (Остравицу, Олсу). Естественный, сравнительно довольно легкій, переходъ отъ Одера къ Моравѣ у „Моравскихъ воротъ" дѣлалъ долину этихъ обѣихъ рѣкъ уже въ древнѣйшія времена однимъ изъ важнѣйшихъ трактовъ, значеніе котораго въ достаточной степени характеризуется его названіемъ „янтарная дорога". Его назначеніе было соединить берега Балтійскаго моря непосредственно съ Дунаемъ и служить путемъ изъ римскаго міра въ германскій. У насъ нѣтъ никакихъ писаныхъ источниковъ изъ этой эпохи, но топографія говоритъ намъ о томъ важномъ значеніи, какое имѣли для всемірной торговли, по крайней мѣрѣ, двѣ изъ этихъ областей.

Въ Чехію, кромѣ Эльбской дороги издревле былъ еще путь и черезъ нѣсколько горныхъ ущелій; здѣсь образовались первые торговые пути, которые всегда, несмотря на измѣненія культуры и перемѣщенія народовъ, оставались характерными чертами топографіи страны. Прежде всего нужда въ соли, которой нѣтъ въ Судетскихъ земляхъ, побуждала искать выхода во всѣ страны свѣта, изъ Чехіи въ Саксонскія земли (Галле), изъ Чехіи и Моравіи въ область Дуная (Зальцкаммергутъ), изъ Моравіи и Силезіи въ Венгрію и Польшу. Кромѣ того, во времена Каролинговъ въ эти славянскія земли ввозилось желѣзо и металлы, вывозились же мѣха, воскъ, лошади и рабы. Прага была въ X столѣтіи важнымъ торговымъ пунктомъ, въ который, по свидѣтельству еврейскаго путешественника Ибрагима Ибнъ-Якуба, предпринимали торговыя путешествія русскіе и славяне изъ Кракова, мусульмане и евреи. Она была соединена съ Пассау и Регенсбургомъ дорогами, идущими черезъ Чешскій Лѣсъ, съ Эрфуртомъ и Галле, ущельями Рудныхъ горъ, съ Мизіей трудной „Сербской тропой". Исполиновыя горы прорѣзываетъ, по свидѣтельству Титмара, издревле извѣстная трудная дорога, направляющаяся къ Иглау, т. е. къ чешско-моравской границѣ и встрѣчающаяся здѣсь съ древними соединительными путями, которые изъ центра Чехіи ведутъ черезъ Моравію, съ одной стороны, въ Польшу, съ другой—въ Венгрію. Мосты черезъ рѣку Таю устанавливали удобное сообщеніе Моравіи съ Австріей.

Роль путеводителей при устройствѣ поселеній играли главныя рѣки, протекающія черезъ страну, и дороги, ведущія въ нее извнѣ и, кромѣ того, внутри страны сильно развитая сѣть мелкихъ рѣкъ. Оставляя въ сторонѣ раннюю германскую культуру первыхъ вѣковъ христіанской эры, географическое распространеніе которой съ точностью опредѣлить нельзя, можно съ достовѣрностью утверждать, что славянскіе переселенцы перешли черезъ пограничный лѣсистый хребетъ и завладѣли долинами и равнинами. Здѣсь они построили по обѣ стороны дороги свои маленькія деревни, расположенныя кругомъ, а еще чаще оваломъ; здѣсь знатные изъ нихъ строили свои „замки" часто на болотистой почвѣ и на рѣчныхъ островахъ. Вышеупомянутый Ибрагимъ такъ описываетъ намъ еще во второй половинѣ 10 столѣтія дорогу въ Прагу: „Дорога идетъ черезъ горы и дикія мѣста; на краю лѣса находится болото, приблизительно, въ двѣ мили, и черезъ него построенъ мостъ до самаго города Праги". Козьма говоритъ о моравскомъ замкѣ Подивинѣ, что онъ находится посрединѣ рѣки Цуратки (Шварцовы).

Топографическая картина сильно измѣнилась благодаря нѣмецкой колонизаціи. Въ Силезіи славяне въ теченіе шести столѣтій использовали едва одну треть всей годной для обработки площади; и если мы

взглянемъ, какія огромныя пространства на востокѣ и сѣверѣ Моравіи были колонизованы впервые только нѣмцами, мы можемъ составить себѣ общее представленіе о культурномъ развитіи Судетскихъ земель, начиная съ 12 и 13 столѣтія. Князья, призвавшіе нѣмцевъ въ славянскія земли, знали хорошія качества почвы своихъ областей и понимали, что онѣ явятся новымъ плодотворнымъ полемъ для всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства, уже давно хорошо извѣстныхъ въ западной Германіи. Примѣненіе тяжелаго нѣмецкаго желѣзнаго плуга, вмѣсто легкой славянской мотыги, заставило почву давать гораздо лучшіе урожаи. Новыя культуры, главнымъ образомъ, винодѣліе, принесенныя нѣмецкими колонистами, въ теченіе многихъ столѣтій играли видную роль въ хозяйствѣ городовъ и монастырей. Корчеваніе и вырубка лѣсовъ идутъ рука объ руку съ расширеніемъ колонизаціи. Нѣмцы занялись горной промышленностью и открыли этимъ источникъ богатства, о которомъ и не подозрѣвали въ славянскую эпоху; нѣкоторые города (Кутенбергъ въ Чехіи, Иглау въ Моравіи, Бенишау въ Силезіи и др.), обязаны своимъ возникновеніемъ и развитіемъ шурфованію рудъ. Во главѣ этой культурной миссіи стояли сначала, основанные въ большомъ числѣ князьями и дворянами и поощряемые ими, монастыри, главнымъ образомъ, монастыри цистерцинскаго и премонстратскаго орденовъ, дѣятельность которыхъ можно особенно ясно прослѣдить въ Моравіи и Силезіи. Обѣ страны, до 12 столѣтія бѣдныя монастырями, получаютъ въ этомъ и въ слѣдующемъ столѣтіи цѣлый рядъ такихъ центровъ умственной и экономической культуры, центровъ, которые въ короткое время превращаются въ крупнѣйшія земельныя владѣнія. Наряду съ ними города и деревни развиваются въ самостоятельныя хозяйственныя единицы на основаніи германскаго права, частью въ новыхъ, до тѣхъ поръ необитаемыхъ мѣстахъ. Эта новая картина, сложившаяся въ 12 столѣтіи и просуществовавшая долгое время, дополнялась многочисленными замками мелкихъ и крупныхъ князей, высшаго и низшаго дворянства. Замки эти, построенные, большею частью, на возвышенностяхъ, горныхъ вершинахъ, надъ крупными обрывами и на скалахъ, господствовали надъ всей окружающей мѣстностью, надъ пролегающими въ ихъ сосѣдствѣ сухопутными и водяными дорогами; большая часть этихъ замковъ уже въ 14 столѣтіи превратилась въ пользующіяся такой дурной славой рыцарскія разбойничьи гнѣзда. Они вызывали постоянныя жалобы со стороны, главнымъ образомъ, городского населенія, и ихъ романтическія развалины являются послѣднимъ остаткомъ прежняго политическаго и экономическаго могущества рыцарства.

Этому историческому процессу развитія соотвѣтствуетъ въ общемъ національная группировка, хотя въ частностяхъ она претерпѣвала въ разныя времена различныя измѣненія. И до сихъ поръ въ Чехіи славянское населеніе живетъ въ равнинахъ, занимаетъ средину страны и восточную, прилегающую къ Моравіи часть ея, нѣмцы же окружаютъ его почти непрерывнымъ поясомъ съ сѣвера, запада и юга. Кромѣ того и внутри страны разбросаны отдѣльныя области, небольшія и болѣе крупныя, съ господствующимъ нѣмецкимъ языкомъ. Наконецъ, нѣмцы составляютъ значительную часть населенія всѣхъ большихъ городовъ; древнѣйшимъ поселеніемъ нѣмцевъ въ Чехіи была нѣмецкая колонія въ Прагѣ, которая, по вполнѣ достовѣрнымъ даннымъ, существовала уже въ 11 столѣтіи. Менѣе рѣзко обозначены національные границы въ Моравіи; но и здѣсь наиболѣе сплошная нѣмецкая область находится на гористомъ сѣверѣ и на нижнеавстрійской границѣ. Яснѣе, чѣмъ въ Чехіи, бросается здѣсь въ глаза первоначально вполнѣ нѣмецкій характеръ всѣхъ большихъ городовъ; къ нимъ примыкаютъ также и здѣсь отдѣльныя болѣе или менѣе крупныя области нѣмецкаго языка: около Иглавы, Брюнна, Вишау, Нейтитшейна и др.

Относительно количества народонаселенія средневѣковыхъ городовъ Чехіи, Моравіи и Силезіи едва ли сохранились гдѣ-нибудь непосредственныя извѣстія, и исчисленіе сдѣлано только для немногихъ пунктовъ. Такъ полагаютъ, что въ Эгерѣ было въ 1390 году 7155, въ 1446 г.— 7340 и въ 1500 году 5525 жителей. Происходящія изъ ненадежнаго источника данныя относительно города Ольмюца (въ 1060 году 10,000, въ 1415 г.—29,000 жителей) противорѣчатъ всѣмъ другимъ свѣдѣніямъ. Заимствованныя же изъ одной папской грамоты 1466 года данныя, по которымъ въ Брюннѣ было около 12,000 причастниковъ, заслуживаютъ полнаго довѣрія.

Выдающаяся роль, которую играли Судетскія земли, объясняется тѣмъ, что онѣ являлись соединительнымъ звеномъ между востокомъ и западомъ, сѣверомъ и югомъ Европы, а также богатствомъ ихъ и плодородіемъ ихъ почвы. Неоднократно пытались сдѣлать ихъ центромъ великой имперіи, такъ напримѣръ, во времена Само и при моравскихъ Моймировичахъ, затѣмъ со стороны Чехіи въ эпоху господства Пржемысловичей и, наконецъ, люксембургскими королями. Неудача, которой рано или поздно кончались всѣ эти попытки, объясняется въ значительной степени тѣмъ, что связь этихъ трехъ странъ между собою гораздо слабѣе, чѣмъ обусловленная уже самой топографіей связь Силезіи съ сѣверными, а Моравіи съ южными сосѣдними странами.

2. Доисторическія свѣдѣнія.

Мнѣнія изслѣдователей о доисторической эпохѣ Чехіи, Моравіи и Силезіи сильно разнятся другъ отъ друга. Хотя большинство полагаетъ, что здѣсь, какъ и въ другихъ странахъ средней Европы, слѣдовали одни за другими кельты, германцы и славяне, но находятся все-таки ученые, говорящіе объ автохтоніи въ этихъ странахъ славянъ. Имѣются также и среднія между этими двумя крайностями мнѣнія, что геркинскіе бои не были вовсе предками кельтійскихъ боевъ, что центръ маркоманскаго царства былъ въ Баваріи, или что кельты, какъ и позднѣе германцы, заняли только очень незначительныя части Чехіи и Моравіи. Хотя мы ничего съ достовѣрностью утверждать не можемъ, но было бы все-таки очень странно предположить, чтобы въ сердцѣ Европы огромныя области, подобно уединенному острову среди бурнаго океана, оставались бы нетронутыми въ теченіе столѣтій, чтобы могучія волны кельтскихъ и германскихъ народовъ отбились отъ пограничныхъ горъ Чехіи и сосѣднихъ восточныхъ земель. Гораздо вѣроятнѣе, что уже самыя первыя волны германцевъ, которыми гнались къ югу около 115 года до Р. Хр. кимвры и тевтоны, омывали также и чешско-моравскую территорію. Извѣстія Посидонія о томъ, что кимвры на пути подверглись нападенію боевъ въ Геркинскомъ лѣсу, были отброшены ими и спустились къ Истру, слѣдуетъ истолковывать такимъ образомъ: кимвры ворвались въ Чехію съ сѣвера черезъ Рудныя горы, послѣ неудачной борьбы съ боями они уклонились въ сторону, въ равнину Моравы, и оттуда къ Дунаю, въ Паннонію и проникли дальше до скордисковъ, жившихъ на Савѣ.

Приблизительно, черезъ 2 столѣтія послѣ этихъ событій, около 60 г. послѣ Р. Хр., бои очистили большую часть страны, которой они дали свое имя—Boiohaemium, Boiahaim, Богемія—и удалились въ Паннонію или Норикумъ. Во времена К. Юлія Цезаря жителями Геркинскихъ лѣсистыхъ горъ называютъ кельтское племя Volcae Tectosages; но они были вытѣснены или покорены около 12 года до Р. Хр. пришедшими съ Майна

маркоманнами, предводительствуемыми Марбодомъ (Márободомъ). Почти одновременно съ маркоманнами поселились въ Моравіи и близкіе родственники ихъ квады. Имя этой страны въ древнѣйшей своей формѣ Mar-aha, Mar-awa составлено изъ двухъ старо-германскихъ словъ, изъ которыхъ одно обозначаетъ источникъ, а другое воду; и въ самомъ дѣлѣ, имя страны совпадаетъ съ названіемъ главной ея рѣки Моравы. Не менѣе достовѣрныя, чѣмъ относительно Чехіи и Моравіи, имѣются у насъ данныя и относительно ранняго поселенія германцевъ въ Силезіи; имя этой страны происходитъ отъ названія вандальскаго племени Силинговъ, которые и по сообщенію Птоломея жили именно въ этой мѣстности. Изъ исторіи маркоманновъ и квадовъ въ Чехіи и Моравіи извѣстны ихъ воинственныя столкновенія съ римлянами, изъ которыхъ крупнѣйшее имѣло мѣсто при императорѣ Маркѣ Авреліи въ 165—180 годахъ послѣ Р. Хр. Тріумфальная колонна, построенная имъ въ память своей побѣды надъ этими народами, сохраняетъ до сихъ поръ великолѣпное описаніе этой борьбы и цѣнныя отдѣльныя картины изъ жизни квадовъ въ Моравіи.

Какъ ни печаленъ былъ исходъ войны для этихъ народовъ, но они просуществовали все-таки еще 3 столѣтія, пока Аттила въ своемъ движеніи на западъ не прогналъ главную часть маркоманновъ и квадовъ съ ихъ родины, какъ онъ это сдѣлалъ и со многими другими германскими племенами. Полагаютъ, что покинутыя маркоманнами и квадами мѣста служили въ 5 и 6 столѣтіяхъ родиной и другимъ германскимъ племенамъ, геруламъ, ругамъ, лангобардамъ; но точныхъ свѣдѣній у насъ не имѣется; центръ тяжести исторіи находился тогда уже исключительно на западѣ и югѣ Европы, гдѣ нѣсколько германскихъ племенъ пыталось основать новыя царства на развалинахъ Рима.

Въ эти столѣтія, когда надъ исторіей средней Европы опускается непроницаемая завѣса, совершается постоянная **иммиграція славянъ** въ обширныя области между Эльбой и Вислой и на югъ до Дуная, ставшія пустыней, благодаря массовому отливу германцевъ на римскую территорію. Однако, не совсѣмъ ясно, происходила ли эта иммиграція только изъ областей, лежащихъ по верховьямъ Вислы, или же существовалъ значительный приливъ въ Моравію и сѣверную Венгрію также и изъ южныхъ славянскихъ государствъ.

Но прежде, чѣмъ славянскія племена успѣли политически сорганизоваться на своихъ новыхъ мѣстахъ, они около средины 6 столѣтія были побѣждены **аварами**, проникшими съ нижняго Дуная на западъ и на сѣверъ вплоть до Тюрингіи. Болѣе полустолѣтія продолжалось это рабство славянскихъ племенъ прежде, чѣмъ имъ удалось на среднемъ Дунаѣ свергнуть аварское иго, при чемъ ими предводительствовалъ Само, франконское происхожденіе котораго несомнѣнно [1]. Послѣдствіемъ этого освобожденія было образованіе обширнаго славянскаго государства, центръ котораго лежалъ, вѣроятно, въ теперешней Моравіи и Чехіи. Но это государство самостоятельно существовать не могло; послѣ смерти Само (658 г.) оно распалось.

3. Моравское царство Моймировичей.

Въ нашихъ свѣдѣніяхъ о дальнѣйшемъ ходѣ славянской иммиграціи, о распространеніи и организаціи славянъ имѣется широкій пробѣлъ болѣе полутора столѣтій. О ходѣ внутренняго развитія ихъ мы можемъ сдѣлать заключеніе только на основаніи **богемской легенды о Крокѣ, Любушѣ и Пржемыслѣ**, записанной въ началѣ XII сто-

---

1 По всей вѣроятности, Само происходилъ изъ славянъ, поселившихся на Рейнѣ. *Прим. ред.*

лѣтія. Пржемыслъ, крестьянинъ изъ Стадица, взятый отъ плуга и возведенный на престолъ, былъ родоначальникомъ перваго чешскаго княжескаго и королевскаго дома.

Гораздо быстрѣе и энергичнѣе развивалась, вѣроятно, за этотъ періодъ политическая и соціальная жизнь въ Моравіи, ибо еще прежде, чѣмъ Чехія, изъ тѣни миѳовъ вышла на полный свѣтъ исторіи, въ Моравіи, безъ всякаго легендарнаго доисторическаго періода, появилось единое государство, которое по имени основателя династіи Моймира называется моравскимъ царствомъ Моймировичей. Оно проявило все свое могущество не въ воинственныя времена Карла Великаго, а только уже во время мирнаго правленія Людовика Благочестиваго. Моймиръ, принося присягу и поднося подарки германскому императору, въ то же время распространялъ свое могущество на востокъ и прогналъ сосѣдняго славянскаго князя, имѣвшаго свою резиденцію въ Нитрѣ. Франконскіе графы въ Восточной Маркѣ и въ Панноніи могли видѣть ростъ сосѣдняго моравскаго царства, и то обстоятельство, что изгнанный изъ своихъ владѣній славянскій князь нашелъ у нихъ убѣжище и защиту, показываетъ, что стремленія Моймира не находили съ ихъ стороны одобренія. Однако, серьезное противодѣйствіе возникающей на границахъ его государства силѣ не входило въ рамки политики Людовика Благочестиваго.

Людовикъ Нѣмецкій, послѣ Верденскаго договора (843 г.), вмѣстѣ съ полученной имъ частью земель на востокѣ, взялъ на себя и задачу охранять утвержденное нѣкогда императоромъ Карломъ верховенство имперіи надъ сосѣдними славянами. И тогда только вспыхнула между обоими государствами такая борьба, какой франки съ этой стороны едва ли ожидали. Даже по недостаточнымъ описаніямъ, дошедшимъ до насъ, можно составить себѣ представленіе о жестокости и грандіозности этой борьбы, въ которой слабѣйшая сторона, княжество Моймировичей, несмотря на неоднократныя неудачи, съ геройской настойчивостью постоянно вновь выходила на бой. Самъ Моймиръ скрылся въ своихъ укрѣпленныхъ замкахъ при первомъ воинственномъ натискѣ нѣмецкаго короля, имѣвшемъ мѣсто въ 846 году. Но его правленію положилъ конецъ заговоръ, во главѣ котораго стоялъ собственный его племянникъ Растичъ (Ростиславъ); тогда наслѣдіе своего дяди получилъ изъ рукъ франковъ второй Моймировичъ, чтобы управлять имъ подъ ихъ верховенствомъ. Но борьба скоро возобновилась, такъ какъ и Ростиславъ сталъ идти по слѣдамъ своего предшественника и стремился къ полной независимости отъ франковъ. Нѣсколько разъ, въ 855, 864, 866 и 869 годахъ, нѣмецкія войска вступали въ Моравію, но до рѣшительной битвы дѣло ни разу не доходило; то притворной покорностью, то бѣгствомъ въ свои неприступные замки Ростиславъ всякій разъ принуждалъ франковъ или къ заключенію мира, или къ уходу изъ негостепріимной страны. И опять измѣна въ собственномъ домѣ отдала моравскаго князя въ руки Людовика Нѣмецкаго (870 г.); измѣнившій Ростиславу племянникъ его Святополкъ (Свентиболдъ), подъ покровительствомъ франковъ добился власти надъ всей Моравіей, самъ же Ростиславъ былъ ослѣпленъ и заточенъ во франконскій монастырь.

Политическая борьба за основаніе могущественнаго славянскаго государства съ самаго начала сопровождалась серьезной попыткой также и въ церковной области развязать тѣсныя узы, связавшія эти земли съ Германіей. Явный вредъ, причиняемый одновременной дѣятельностью нѣмецкихъ, итальянскихъ и греческихъ священниковъ, далъ князю Ростиславу внѣшній поводъ обратиться сначала къ папѣ Николаю I съ просьбой, чтобы онъ рѣшилъ, какіе священники будутъ впредь пользоваться исключительнымъ правомъ дѣятельности въ Моравіи. Когда же папа, какъ говорятъ, отвѣтилъ на эту просьбу отказомъ или, можетъ быть, разрѣшилъ

ее въ нежелательномъ для моравскаго князя смыслѣ, тогда этотъ послѣдній попросилъ въ 863 году греческаго императора Михаила III прислать новыхъ учителей, которые проповѣдывали бы моравскому народу истинную вѣру на его родномъ языкѣ. Миссія эта выпала братьямъ Константину (Кириллу) и Меѳодію изъ Солуни (стр. 78). Ихъ религіозная дѣятельность въ Моравіи началась въ 864 году; но эта дѣятельность ограничивалась подготовкой учениковъ, такъ какъ братья не имѣли права посвящать въ священники. Но чтобы исполнить цѣль своей миссіи, введеніе богослуженія на славянскомъ языкѣ, какъ въ Моравіи, такъ и въ сосѣднемъ славянскомъ государствѣ паннонскаго князя Коцела, оба брата, сопровождаемые лучшими своими учениками, отправились въ 867 году въ Римъ, чтобы добиться отъ папы согласія на славянскую литургію. Папа Адріанъ II исполнилъ, какъ полагаютъ, въ 868 г. желаніе жителей Моравіи. Но въ предчувствіи близкой смерти Константинъ рѣшилъ не возвращаться болѣе въ Моравію; онъ вступилъ въ Римѣ въ монастырь, принялъ имя Кирилла и вскорѣ, 14 февраля 869 года, умеръ. Продолженіе его апостольскаго труда было возложено на его брата Меѳодія, который получилъ въ Римѣ санъ епископа. Но едва вернулся Меѳодій въ Моравію, чтобы продолжать начатую съ такимъ успѣхомъ борьбу противъ нѣмецкаго духовенства, какъ совершился вышеупомянутый переворотъ, стоившій Ростиславу трона и свободы и превратившій Моравію почти во франконскую пограничную область. Тогда и Меѳодій былъ побѣжденъ своими противниками; два съ половиной года — это было въ первые годы правленія Святополка въ Моравіи — онъ провелъ въ качествѣ плѣнника въ одномъ нѣмецкомъ монастырѣ.

Но въ началѣ такія дружественныя отношенія новаго моравскаго князя съ сосѣднимъ нѣмецкимъ государствомъ, особенно съ Карломаномъ, графомъ Восточной Марки, продержались лишь короткое время. При первомъ подозрѣніи, которое Карломанъ возымѣлъ противъ Святополка, онъ завладѣлъ имъ и держалъ его въ полуплѣну при своемъ дворѣ, надѣясь, что послѣ его удаленія, будетъ тѣмъ легче упрочить франконское господство въ Моравіи. Но тогда въ нѣдрахъ притѣсняемаго моравскаго народа вспыхнуло пламя отчаянной борьбы за свободу. Карломанъ полагалъ, что никто не пригоденъ болѣе Святополка для борьбы съ этимъ движеніемъ, такъ расположилъ къ себѣ этотъ славянинъ нѣмца. Но едва Святополкъ очутился среди своихъ, какъ прорвалась наружу его затаенная ненависть, и однимъ ударомъ онъ уничтожилъ не только посланное съ нимъ, ему въ помощь войско, но и вообще франконское господство въ Моравіи. Карломанъ и въ послѣдующіе годы (872 и 873 г.) не могъ сломить сопротивленія Святополка. У насъ имѣется непосредственное извѣстіе лишь отъ 874 года о заключеніи мира въ Фохгеймѣ, при чемъ Святополкъ обѣщалъ наблюдать вѣрность и послушаніе и обязался платить ежегодную дань. Послѣ этого примиренія 8 лѣтъ продолжалось спокойствіе.

Во время своего національнаго возстанія моравы вспомнили и о Меѳодіи, находящемся въ плѣну на чужбинѣ; ихъ жалобы въ Римѣ возымѣли, наконецъ, то дѣйствіе, что папа Іоаннъ VIII приказалъ баварскимъ епископамъ отпустить моравскаго апостола. Меѳодій отправился сначала (приблизительно, въ началѣ 873 года) въ паннонское княжество къ Коцелу, а затѣмъ и въ Моравію, гдѣ онъ былъ съ большимъ почетомъ принятъ и народомъ, и княземъ. Но Святополкъ не понималъ, какъ полезно для его политическихъ плановъ укрѣпленіе въ странѣ славянской церкви. Въ догматическихъ спорахъ между Меѳодіемъ и баварскимъ духовенствомъ онъ сохранялъ нейтралитетъ; онъ хотѣлъ даже, чтобы Меѳодій доказалъ свое правовѣріе въ Римѣ передъ папскимъ престоломъ. Такимъ образомъ, Меѳодій долженъ былъ вторично совершить путешестіе въ Римъ

и вернулся затѣмъ въ 880 году въ свою епархію подъ полнымъ покровительствомъ папы и признанный вновь въ своемъ епископскомъ достоинствѣ. Но и теперь ему не суждено было одержать полную побѣду надъ своими противниками въ Моравіи: баварское духовенство сохранило свою позицію въ странѣ и ограничивало дѣятельность Меѳодія. Лишь въ послѣдніе годы жизни (онъ умеръ 6 апрѣля 885 г.) выпало ему на долю спокойное существованіе въ Моравіи.

Въ это именно время происходила жестокая политическая борьба между Святополкомъ и сосѣдними франконскими областями (882—884 г.г.). Въ спорѣ двухъ фамилій изъ-за графскаго достоинства въ Траунгау и въ Восточной Маркѣ, моравскій князь выступилъ защитникомъ одной стороны, Арнульфъ (Арнольфъ) же, сынъ Карломана, управлявшій марками Карантаніей (Каринтіей) и Панноніей, поддерживалъ противную партію. Въ 882 г. Святополкъ свирѣпствовалъ, „какъ волкъ", въ Панноніи, и въ слѣдующемъ году враждебныя дѣйствія возобновились. Лишь появленіе осенью 884 г. императора Карла III въ Восточной Маркѣ укротило воинственную ярость обѣихъ сторонъ. Въ 885 году былъ заключенъ миръ между Святополкомъ и Арнульфомъ, и вскорѣ затѣмъ наступило настолько полное примиреніе, что, когда Арнульфъ получилъ во Франкфуртѣ нѣмецкую корону, Святополкъ усердно помогалъ ему въ этомъ.

При этихъ обстоятельствахъ дѣло Кирилла и Меѳодія не могло процвѣтать въ Моравіи, особенно, когда оно послѣ смерти послѣдняго перешло въ слабыя руки одного изъ его учениковъ. Еще въ годъ смерти Меѳодія (это былъ годъ примиренія Святополка съ франками) началось повсемѣстное преслѣдованіе учениковъ его въ Моравіи; только немногіе изъ нихъ съ разрѣшенія Святополка могли покинуть Моравію. Тогда славянскіе священники нашли убѣжище въ южнославянскихъ земляхъ, а славянская литургія нашла тамъ себѣ чрезвычайно благодарное поле (стр. 79).

Какъ въ церковномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, Моравія до 820 года находилась въ мирной зависимости отъ франконскаго государства. Но затѣмъ, благодаря различію въ пониманіи и отношеніяхъ моравскаго князя къ нѣмецкому королю, возникли новыя несогласія, которыя могли быть разрѣшены только новой войной. Уже въ первомъ походѣ, въ 892 г., особенно же въ слѣдующемъ году поле битвы осталось за моравскимъ княземъ; но когда въ 895 году должно было послѣдовать третье испытаніе устойчивости славянскаго государства, тогда вдругъ скончался естественной смертью Святополкъ. Вмѣстѣ съ этимъ угасъ немедленно и весь блескъ моравскаго государства. Яростная братоубійственная борьба между наслѣдниками Святополка ускорила паденіе; отпаденіе чешскихъ и силезскихъ частей, на которыя Святополкъ распространилъ свое господство, ослабило внѣшнюю силу государства. Въ такомъ состояніи Моравія не могла долго сопротивляться дикому натиску мадьяръ. Жертвой этого врага, котораго она едва успѣла даже узнать, а не то что ужъ бороться съ нимъ, Моравія пала въ 906 году. Передъ этимъ, въ 901 году, она заключила со своимъ болѣе крупнымъ противникомъ, франками, миръ, значительно ограничивавшій ея политическую самостоятельность. Маймировичи видѣли лишь тѣ преграды своему національному развитію, которыя лежали на западѣ, и не замѣчали опасностей, угрожавшихъ ихъ открытымъ восточнымъ границамъ; это-то и разрушило ихъ искусственную постройку.

4. Царство Премысловичей.

А. **Войны перваго періода (до 1140 года).**

Благодаря гибели старо-моравскаго государства, въ періодъ высшаго могущества Моймировичей, очистилось мѣсто для возникновенія другихъ

славянскихъ государствъ, находившихся подъ ихъ властью и покровительствомъ: чешскаго герцогства на западѣ и польскаго на сѣверо-востокѣ Моравіи. Въ особенности судьбы Чехіи были въ IX столѣтіи часто связаны съ судьбами могущественнаго восточнаго сосѣда. Военныя предпріятія франковъ нѣсколько разъ направлялись противъ обоихъ государствъ. Дѣятельность славянскихъ апостоловъ въ Моравіи не прошла, повидимому, безслѣдно и для Чехіи: имѣется извѣстіе, что чешскій герцогъ Боривой былъ крещенъ Меѳодіемъ. Но въ подробностяхъ трудно выяснить культурныя и политическія отношенія обоихъ государствъ тѣмъ болѣе, что исторія Чехіи почти до половины IX столѣтія отличается легендарнымъ характеромъ. Послѣ цѣлаго ряда миѳическихъ правителей, имена которыхъ дошли до насъ, Боривой, современникъ Святополка, является первой исторически установленной личностью изъ князей Чехіи.

Но созданіе единаго государства и упроченіе христіанской вѣры въ Чехіи совершилось уже только въ правленіе сыновей Боривоя, Спытигнѣва и Вратислава, и его внуковъ Вацлава Святого и Болеслава I.

Но уже при Вацлавѣ (Венцеславъ, Венцель, см. фиг. 1 и 2 на табл. при стр. 246) произошло первое неизбѣжное столкновеніе съ усилившейся со времени Генриха I, Германской имперіей, этого новаго славянскаго государства, появившагося на исторической аренѣ какъ разъ во время роковыхъ для Германіи венгерскихъ войнъ. Вацлавъ былъ миролюбивымъ княземъ, думавшимъ болѣе о религіозныхъ дѣлахъ, чѣмъ о преходящихъ благахъ: онъ охотно призналъ верховенство нѣмецкаго короля и согласился платить прежнюю дань, когда Генрихъ I въ 928 году появился передъ Прагой. Но когда, послѣ внутреннихъ смутъ, Вацлавъ былъ убитъ въ 935 году своимъ братомъ и его союзниками, и герцогомъ сдѣлался Болеславъ I „Братоубійца“, тогда вновь возгорѣлась война съ нѣмцами. Долго сопротивлялся чешскій герцогъ въ своемъ защищенномъ пограничными валами и засѣками государствѣ королю Оттону I, тѣснимому тогда многочисленными врагами; но наконецъ силы Болеслава все-таки истощились: въ 950 году онъ покорился на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ подчинялись нѣмецкому господству его братъ и предшественники послѣдняго. Въ битвѣ на рѣкѣ Лехѣ въ 955 году чешское войско сражалось уже вмѣстѣ съ соединившимися нѣмецкими племенами; Болеславъ, укрѣпившій границы своего государства противъ неистовыхъ венгровъ, преслѣдовалъ побѣжденныхъ враговъ и нанесъ имъ новое пораженіе.

У развивающагося княжества Премысловичей появился около этого времени опасный соперникъ въ лицѣ Польскаго государства. Объ этой новой державѣ, возникшей въ низменностяхъ между Одеромъ и Вартой, мы узнаемъ лишь послѣ половины X столѣтія, около 963 года; политическій центръ этого государства былъ въ Гнѣзнѣ, а на юго-западѣ оно простиралось до нынѣшней Силезіи, гдѣ и находилось въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Чехіей. Сначала оба славянскія княжества вступили между собой въ дружескія сношенія: польскій герцогъ Мешко I (Мечиславъ, Мециславъ, Мисеко; умеръ въ 992 г.) женился на Дубравѣ, дочери Болеслава I чешскаго. Она именно и склонила своего мужа и весь народъ къ принятію христіанской вѣры; уже въ 968 г. въ Познани было основано епископство для Польши, между тѣмъ, какъ епископство въ Прагѣ было основано не раньше 973, а вѣроятнѣе и 975 года. Чешскія войска помогали Мешку въ его борьбѣ противъ сѣверныхъ сосѣдей; польскій князь и чешскій— сынъ Болеслава I, тоже Болеславъ — соединились и помогали сообща баварскому герцогу Генриху въ его борьбѣ противъ императоровъ Оттона II и Оттона III въ 976 и 983—985 годахъ. Но затѣмъ порвались дружескіе узы между обоими шуринами — Дубрава умерла въ 977 году; источники 990 года говорятъ „о яростной враждѣ“, возникшей изъ-за того, что польскій герцогъ отнялъ у чешскаго значительную область (regnum) и

въ послѣдующей борьбѣ сумѣлъ удержать ее за собой. Болѣе точныя топографическія данныя отсутствуютъ, и только изъ упоминанія мѣстности Нимчъ (Немчи) можно заключить, что театромъ войны была Силезія. Теперь послѣдовалъ длинный періодъ борьбы между двумя сосѣдними государствами, борьбы, въ которой устойчивость государства Премысловичей была подвергнута тяжкому испытанію.

Чехія въ это время, послѣ, приблизительно, столѣтней исторіи, достигла поворотнаго пункта, который характеризуется, съ одной стороны, обратнымъ движеніемъ въ развитии ея политическаго могущества, съ другой — сильными внутренними потрясеніями. Это было то время, когда Адальбертъ, второй пражскій епископъ, оставивъ на произволъ судьбы „слѣпой и добровольно погибающій народъ“, покинулъ свой епископскій престолъ и родину и предпочелъ лучше принести себя въ жертву въ миссіонерской дѣятельности среди дикихъ пруссовъ (997); это было время, когда благородная туземная фамилія, изъ которой произошелъ и Адальбертъ, была съ жестокостью уничтожена Болеславомъ II и дворянствомъ. Вскорѣ внутреннее разложеніе охватило и княжескій домъ Премысловичей, и Чехія управлялась теперь герцогами, которыхъ лѣтописцы снабжаютъ такими, наприм., прозвищами, какъ „василискъ“ или „ядовитая гадина“.

Болеславъ III, старшій сынъ Болеслава II, едва вступивъ въ 999 г. на престолъ, сдѣлалъ попытку избавиться отъ своихъ обоихъ младшихъ братьевъ Яромира и Ольдриха (Ульриха); когда же это ему не удалось, онъ изгналъ ихъ вмѣстѣ съ матерью изъ Чехіи; они нашли себѣ убѣжище и помощь въ Германіи, при дворѣ императора. Такое положеніе дѣлъ дало возможность воинственному польскому герцогу Болеславу I Храброму (992 — 1025 гг.) въ началѣ 1003 года съ помощью недовольныхъ чешскихъ дворянъ завладѣть Чехіей. Передъ этимъ онъ уже завоевалъ пограничныя нѣмецкія области между Одеромъ и Эльбой, а также и Моравію. Но такъ какъ онъ отказался принять свои новыя владѣнія въ качествѣ лена отъ Германіи, то Генрихъ II рѣшилъ отнять у польскаго герцога обратно всѣ его послѣднія завоеванія. Чехія была завоевана обратно съ перваго же удара (1004 г.), и принцъ Яромиръ возведенъ на чешскій, герцогскій престолъ. Изъ-за остальныхъ завоеваній польскаго герцога началась между поддерживаемымъ Чехіей, германскимъ императоромъ и Болеславомъ Храбрымъ долгая война, заполнившая почти все время правленія этого князя.

Въ борьбѣ между Чехіей и Польшей, побѣда опять склонилась на сторону первой, особенно, когда послѣ смерти Болеслава Храбраго (1025 г.) для Польши наступило время внутреннихъ смутъ; въ Чехіи же, послѣ кратковременнаго правленія Яромира, на престолъ вступилъ его братъ Ольдрихъ, которому помогалъ его храбрый сынъ Брячиславъ. Главнымъ образомъ, Брячиславу слѣдуетъ приписать, что въ 1029 году у поляковъ была отнята Моравія, послѣднее изъ ихъ большихъ завоеваній временъ Болеслава Храбраго. Моравія была присоединена къ Чехіи, что сильно подняло значеніе и могущество дома Премысловичей.

Ставъ послѣ смерти своего отца Ольдриха въ 1034 г. единоличнымъ правителемъ, Брячиславъ предпринялъ въ 1039 году съ большимъ войскомъ походъ въ Польшу и, среди грабежей и опустошеній, побѣдоносно дошелъ до Гнѣзна. На томъ мѣстѣ, гдѣ погребено послѣ мученической кончины у пруссовъ (997 г.) тѣло пражскаго епископа Адальберта, Брячиславъ искупилъ неблагодарность своихъ предковъ къ этому благородному человѣку: на его могилѣ онъ заставилъ свое чешско-моравское войско отречься отъ ряда вкоренившихся языческихъ обычаевъ, противъ которыхъ возставалъ еще Адальбертъ. „Святая ноша“, прахъ мученика, была доставлена обратно на родину. Но отдѣльныя завоеванныя части Польши

пришлось опять оставить, когда противъ этихъ завоеваній запротестовалъ Генрихъ III. Какъ раньше Генрихъ II держалъ себя по отношенію къ польскому герцогу, такъ и его сынъ не хотѣлъ позволить Брячиславу чешскому основать на востокѣ Германіи большое славянское государство, простирающееся дальше своихъ первоначальныхъ границъ. Брячиславъ сначала принялъ вызовъ и въ первый годъ войны (1040 г.) имѣлъ даже огромный успѣхъ. Но въ слѣдующемъ году походъ, въ значительной степени благодаря вѣроломному переходу отдѣльныхъ магнатовъ на сторону императора, кончился такъ неудачно, что Брячиславъ долженъ былъ просить мира. Изъ всѣхъ польскихъ завоеваній ему были оставлены только двѣ области въ Силезіи, которыя онъ вскорѣ долженъ былъ возвратить польскому герцогу за ежегодную дань. Съ этого момента Брячиславъ отказался отъ всякихъ воинственныхъ предпріятій противъ Германской имперіи; онъ даже помогалъ императору въ его походахъ, особенно въ Венгрію. Своимъ землямъ онъ обезпечилъ спокойствіе, необходимое для культурнаго и экономическаго развитія; во время его правленія въ Чехіи и Моравіи было основано нѣсколько большихъ монастырей. Посредствомъ раздѣла наслѣдства онъ разсчитывалъ и послѣ своей смерти сохранить прочный порядокъ въ странѣ. Своему старшему сыну Спытигнѣву онъ вмѣстѣ съ верховной властью передалъ управленіе Чехіей; Моравію онъ раздѣлилъ между тремя младшими сыновьями Вратиславомъ, Конрадомъ и Оттономъ; пятый, Яромиръ, былъ предназначенъ для духовнаго званія.

Но Брячиславъ настолько недостаточно обезпечилъ исполненіе своихъ распоряженій, что сейчасъ же послѣ его смерти (въ 1055 г.) наступила реакція. Спытигнѣвъ лишилъ власти своихъ братьевъ въ Моравіи и уничтожилъ моравское дворянство, пытавшееся оказать сопротивленіе его насильственнымъ дѣйствіямъ. По непонятнымъ причинамъ онъ изгналъ изъ Чехіи нѣмцевъ, которые пріобрѣли большое вліяніе во время правленія его отца; съ ними вмѣстѣ подверглась изгнанію и его мать Юдиѳь Швейнфуртская, первая нѣмецкая принцесса на престолѣ Премысловичей. Но правленіе Спытигнѣва продолжалось меньше шести лѣтъ (1055 — 61 гг.).

Его братъ и преемникъ, герцогъ Вратиславъ II какъ въ управленіи Моравіей, такъ и въ отношеніяхъ къ Германской имперіи, пошелъ по стопамъ отца. Брячиславъ построилъ въ Моравіи первый монастырь въ Райгернѣ (1048 г.), Вратиславъ же, несмотря на затрудненія, которыя ему ставилъ его братъ, пражскій епископъ Яромиръ-Гебгардъ, основалъ въ 1062 г. Ольмюцское епископство, ставшее церковнымъ центромъ Моравіи. Очень большое значеніе какъ для Чехіи, такъ и для Германской имперіи, имѣли близкія отношенія, связывавшія герцога Вратислава съ императоромъ Генрихомъ IV; несмотря на отпаденіе отъ императора всѣхъ князей и несмотря на предостереженія папы Григорія VII, эти близкія отношенія сохранились въ теченіе всего времени правленія обоихъ монарховъ. За такую личную вѣрность и за неоднократную военную помощь, которую чешскій герцогъ оказывалъ своими грозными войсками императору, онъ получилъ сосѣднія области, но не могъ ихъ, однако, сохранить за собой на долго. Въ 1086 году онъ получилъ королевское достоинство, но только для себя лично. Уваженіе, которымъ Вратиславъ пользовался въ Германіи, было такъ велико, что архіепископъ Вецило Майнцскій, извѣщая папу о возведеніи въ королевское достоинство чешскаго герцога, прибавилъ слѣдующія слова: „Въ томъ сходятся всѣ, что онъ былъ бы достоинъ и еще большей милости, если бы ему можно было оказать таковую". Только въ своемъ собственномъ домѣ не суждено было Вратиславу наслаждаться миромъ. Почти непрерывно происходили раздоры то съ его братомъ, епископомъ пражскимъ, то съ остальными братьями, моравскими князьями, и даже съ сыномъ и племянниками. Часто происходили безпорядки въ

странѣ, и ему приходилось даже воевать со своими противниками. Причиной этихъ раздоровъ между Премысловичами, продолжавшихся еще полтора столѣтія, былъ тотъ порядокъ престолонаслѣдія „Justitia Bohemorum“ (по чешскому праву), который установилъ, какъ полагаютъ, на своемъ смертномъ одрѣ герцогъ Брячиславъ, и по которому престолъ принадлежалъ старѣйшему въ родѣ.

Моравскіе удѣльные князья особенно часто возставали противъ власти чешскихъ герцоговъ и пытались отвоевать себѣ право на чешскій престолъ. Сильныя смуты были вызваны во время правленія обоихъ преемниковъ Вратислава († 1092 г.), его сыновей Брячислава II и Боривоя, борьбой съ Ольдрихомъ Брюнскимъ и Лютольдомъ Знаимскимъ (1101 г.), а нѣсколько лѣтъ спустя (въ 1105 и 1107 гг.), борьбой съ герцогомъ Святополкомъ Оломуцскимъ. Въ то же самое время государство Премысловичей вело и многочисленныя внѣшнія войны, то противъ Венгріи, то противъ Польши, то по собственному почину, то въ качествѣ союзника нѣмецкихъ королей. Всѣми этими обстоятельствами дружба съ имперіей не омрачалась; наоборотъ, императоръ считался часто естественнымъ третейскимъ судьей. Эта борьба, принимавшая все болѣе и болѣе драматическій характеръ, достигла высшей степени своего развитія въ 1125 году. Герцогъ Владиславъ, тоже сынъ короля Вратислава II, умеръ, и ему наслѣдовалъ его младшій братъ Собеславъ. Противъ него поднялся его двоюродный братъ, оломюцскій князь Оттонъ, нашедшій себѣ могущественнаго союзника въ лицѣ короля Лотаря Сюплингенбургскаго. Между тѣмъ, какъ до сихъ поръ нѣмецкіе короли не вмѣшивались непосредственно въ борьбу чешскихъ князей, Лотарь самъ повелъ свое войско въ Чехію на помощь покровительствуемому имъ Оттону. Такъ произошла ужасная битва при Хлумцѣ (Kulm) 18 февраля 1126 года, въ которой погибли не только нѣмецкіе рыцари, бывшіе въ свитѣ короля, но былъ убитъ и моравскій князь.

Этимъ борьба изъ-за престолонаслѣдія не закончилась. Во время правленія Собеслава (1125—40) внутреннія смуты почти не прекращались. Но герцогъ сурово подавлялъ одинъ заговоръ за другимъ и добился такимъ образомъ спокойствія, необходимаго для веденія всѣхъ его внѣшнихъ войнъ, главнымъ образомъ, войнъ противъ Польши, которую его войска часто грабили (1132—35), затѣмъ войнъ, которыя онъ велъ, какъ союзникъ короля Лотаря, съ которымъ помирился сейчасъ же послѣ битвы при Хлумцѣ, войнъ въ Германіи, въ Италіи и въ Венгріи.

B. Владиславъ II и его преемники до договора 1197 г.

При преемникѣ Собеслава, его племянникѣ Владиславѣ II, тлѣющій огонь ярко вспыхнулъ. Нѣсколько чешскихъ принцевъ изъ дома Премысловичей, моравскіе князья въ Брюннѣ, Ольмюцѣ и Знаимѣ, часть чешскаго дворянства—всѣ сразу подняли оружіе противъ молодого чешскаго герцога. Но благодаря собственной рѣшительности, благодаря вѣрности своихъ друзей (въ томъ числѣ своего брата Теобальда и ольмюцскаго епископа Генриха Здика), а также благодаря сильной помощи, присланной императоромъ Конрадомъ III, своднымъ братомъ его жены Гертруды, ему удалось заставить союзниковъ отступить.

Еще цѣлые годы продолжалась борьба чешскаго герцога съ моравскими Премысловичами, главнымъ образомъ, съ Конрадомъ Знаимскимъ, пока, наконецъ, силы послѣдняго не истощились, и пока, съ другой стороны, волнующая міръ идея второго крестоваго похода и здѣсь не отвлекла умы отъ утомительныхъ внутреннихъ раздоровъ. Близкія въ то время отношенія Чехіи къ Германской имперіи, а также дѣятельность епископа Генриха Ольмюцскаго привели къ тому, что политическія волны

доходили и сюда, и что, какъ призывъ къ крестовому походу въ Палестину, такъ и мысль одновременнаго похода противъ языческихъ вендовъ (на нижней Эльбѣ и Вислѣ) была съ восторгомъ принята въ Чехіи и Моравіи. Одни подъ предводительствомъ епископа Генриха отправились съ сѣвернымъ войскомъ крестоносцевъ, въ то время, какъ герцогъ Владиславъ съ не менѣе блестящимъ войскомъ присоединился къ Конраду III и отправился съ нимъ на востокъ. Самъ онъ, однако, не вынесъ слишкомъ большихъ трудностей похода и вернулся изъ Константинополя или Никеи.

Нѣсколько лѣтъ спустя, 25 іюня 1150 г., смерть отняла у герцога его вѣрнаго совѣтника, епископа Генриха Ольмюцскаго. Церковное, въ особенности же политическое вліяніе этой личности было чрезвычайно велико. Нѣмецъ по характеру и по образованію, онъ пользовался огромнымъ уваженіемъ какъ со стороны императора Конрада III, такъ и со стороны папы Евгенія III, и употреблялся ими для важныхъ дипломатическихъ переговоровъ, такъ напр., по предмету соединенія греческой и римской церквей, къ которому стремился папа. Не пустой фразой были слова, сказанныя имъ объ этомъ епископѣ въ одномъ изъ писемъ къ императору: „Хотя мы съ удовольствіемъ оставили бы на нѣкоторое время у себя этого благочестиваго и угоднаго Богу человѣка, мы посылаемъ его все-таки обратно къ твоему Величеству, ибо мы убѣдились, какъ онъ тебѣ нуженъ“. Въ 1142—47 годахъ онъ ежегодно, по крайней мѣрѣ, по разу пребывалъ при нѣмецкомъ дворѣ и среди ближайшихъ, окружавшихъ императора Конрада лицъ. Какое положеніе онъ занималъ въ имперіи, видно изъ словъ императора въ одной изъ грамотъ; онъ говоритъ въ этой грамотѣ, что въ виду безукоризненной вѣры епископа ольмюцскаго, онъ избралъ его себѣ изъ всѣхъ епископовъ имперіи какъ бы учителемъ и посредникомъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся служенія Богу. Значеніе его дѣятельности для Чехіи и Моравіи было, впрочемъ, значительно ослаблено и парализовано, благодаря безконечнымъ раздорамъ Премысловичей между собою. Но и то уже важно, что, благодаря его связямъ съ Германіей, былъ перекинутъ, прежде всего въ Моравію, мостъ для проникновенія германскихъ правовыхъ воззрѣній въ земли Премысловичей; онъ добился для ольмюцской церкви иммунитета совершенно по нѣмецкому образцу, и эта привилегія, которой эти области до тѣхъ поръ не знали, получила скоро огромное значеніе для развитія права въ Чехіи и Моравіи.

Правленіе Владислава продолжалось еще долгое время послѣ смерти епископа Генриха, и до самыхъ послѣднихъ лѣтъ было правленіемъ счастливымъ и даже славнымъ. Опасность со стороны Моравіи была пока устранена назначеніемъ чешскихъ Премысловичей князьями въ моравскія удѣльныя княжества и, хотя на чужбинѣ жили еще кое-гдѣ изгнанные принцы изъ дома Премысловичей, ожидавшіе только момента, когда пошатнется тронъ Владислава, но все-таки ему долго удавалось уберечь свою власть отъ всякихъ серьезныхъ потрясеній. Это слѣдуетъ приписать въ значительной степени тому, что Владиславъ своевременно и не безъ ловкаго посредничества епископа пражскаго Даніила вступилъ по отношенію къ Фридриху I Барбароссѣ, занявшему въ 1152 г. германскій престолъ, на традиціонный путь в ѣ р н о с т и и м п е р а т о р у и и м п е р і и. Въ іюнѣ 1156 г. узы, связывавшія обоихъ монарховъ, стали еще тѣснѣе: Фридрихъ даровалъ чешскому герцогу, обязавшемуся помогать императору своими войсками въ его большихъ военныхъ предпріятіяхъ, кромѣ небольшихъ территоріальныхъ привилегій еще и к о р о л е в с к о е д о с т о и н с т в о, ровно 70 лѣтъ тому назадъ дарованное императоромъ Генрихомъ IV дѣду Владислава, Вратиславу II.

Теперь для чеховъ началось время войнъ. Прежде всего они приняли участіе въ польскомъ походѣ Фридриха Барбароссы, въ 1157 году, и, перейдя черезъ Одеръ, проложили императорскому войску дорогу далеко

вглубь незнакомой страны. Предпріятіе это не имѣло никакого значенія для образованія самостоятельнаго Силезскаго княжества. Ибо послѣдствіемъ этого похода и его повторенія въ 1163 году было то, что польскій князь Болеславъ IV Кудрявый, свергшій въ 1146 г. съ престола своего брата Владислава II († 1162—1163 г.) и заставившій его бѣжать въ Германію къ находящемуся въ дальнемъ родствѣ съ нимъ, императору Конраду III, [1] теперь призвалъ обратно сыновей Владислава и отдалъ имъ наслѣдіе ихъ отца: Бреславль, Глогау и Оппельнъ. Верховная власть Польши надъ этими странами сохранялась, правда, еще долгое время. Но три князя Болеславъ, Мешко (Мечиславъ, Мсциславъ) и Конрадъ, проведшіе всю свою юность въ Германіи, первые пріобщили Силезію къ западной культурѣ. Большое историческое значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что въ первой попыткѣ отдѣлить Силезію отъ Польши и приблизить ее къ Германской имперіи принималъ участіе чешскій король.

Черезъ годъ послѣ польской войны чехи были призваны къ походу противъ Милана. Съ восторгомъ былъ принятъ этотъ зовъ молодыми чешскими рыцарями, между тѣмъ какъ старое дворянство было недовольно новой политикой, ибо Владиславъ безъ совѣта съ магнатами принялъ 11 января 1158 г. на рейхстагѣ въ Регенсбургѣ королевскую корону изъ рукъ императора, и безъ ихъ же одобренія согласился на предложенныя Фридрихомъ условія. Но ихъ противодѣйствіе не имѣло значенія. Чешскіе воины своимъ мужествомъ и храбростью облегчили императору побѣду, какъ въ этомъ году, такъ и во время слѣдующихъ походовъ и битвъ въ Италіи (1161, 1162 и 1167 гг.), но благодаря ихъ грабительствамъ какъ въ земляхъ враговъ, такъ и союзниковъ, имя ихъ стало повсюду ненавистнымъ. Удаченъ былъ и походъ, предпринятый королемъ Владиславомъ въ 1164 г. въ Венгрію съ цѣлью доставить въ борьбѣ изъ-за престолонаслѣдія перевѣсъ покровительствуемому имъ Стефану III надъ Стефаномъ IV, которому помогалъ византійскій императоръ; добыча, награбленная въ греческомъ лагерѣ, была очень велика.

Въ концѣ правленія Владислава дружба его съ Фридрихомъ Барбароссой по разнымъ причинамъ пошатнулась. И когда онъ рѣшился безъ согласія Барбароссы передать чешскій престолъ своему сыну Фридриху, нѣмецкій императоръ воспротивился самовольнымъ дѣйствіямъ чешскаго короля и сдѣлалъ вмѣсто Фридриха чешскимъ княземъ его двоюроднаго брата Собеслава II. Это повлекло за собой долгую борьбу изъ-за престола. Сначала Фридрихъ долженъ былъ уступить. Но позднѣе онъ вернулъ себѣ благосклонность императора и отвоевалъ у Собеслава престолъ (1179).

Въ этой борьбѣ онъ былъ поддерживаемъ частью Германіей, частью же и, главнымъ образомъ, моравскимъ княземъ Конрадомъ Оттономъ, который, происходя, по всей вѣроятности, отъ боковой линіи чешскихъ Премысловичей, еще при королѣ Владиславѣ II получилъ власть въ Знаимскомъ княжествѣ, послѣ того какъ угасла мѣстная линія. Со времени вступленія на престолъ Собеслава Брюнномъ и Ольмюцемъ управляли его младшіе братья Ольдрихъ и Вацлавъ (Венцель), такъ что уже около 1174

---

[1] Императоръ Генрихъ IV., † 1106

Агнеса — Императоръ Генрихъ V., † 1125

Первый мужъ ея Фридрихъ I Швабскій, † 1105
Второй мужъ Леопольдъ Святой Австрійскій, † 1136

1) Фридрихъ (II) Одноглазый, Швабскій † 1147 жена его Юдиѳь, сестра Генриха Гордаго — Императоръ Конрадъ III. † 1152 — 2) Леопольдъ IV † 1141 — Генрихъ II Язомирготъ † 1177 — Оттонъ Фрейзинскій † 1158 — Агнеса мужъ ея Владиславъ II Польскій † въ концѣ 1162 или началѣ 1163

Императоръ Фридрихъ I Барбаросса, † 1190

Болеславъ I Долгій Бреславльскій (см. фиг. 9 табл. при стр. 246). — Меско Ратиборскій — Конрадъ Глогаускій (см. фиг. 10 табл. при стр. 246).

года моравскія вѣтви Премысловичей совершенно исчезли. Но борьба между Чехіей и Моравіей возгорѣлась еще разъ. Второе правленіе Фридриха, „неопытнаго возницы", какъ его называетъ современный лѣтописецъ, продолжалось также недолго: народное возстаніе заставило его бѣжать; онъ обратился къ императору. Чешскій княжескій престолъ долженъ былъ, казалось, достаться моравскому князю Конраду Оттону, соединившему уже въ своихъ рукахъ всѣ три моравскія удѣльныя княжества. Но Фридрихъ Барбаросса вызвалъ обоихъ Премысловичей къ себѣ на судъ въ Регенсбургъ. 29 сентября 1182 г. онъ постановилъ, чтобы Фридрихъ, какъ и досихъ поръ, правилъ Чехіей, а Конрадъ Оттонъ владѣлъ бы отнынѣ одинъ и независимо отъ Чехіи Моравіей, которая была сдѣлана маркграфствомъ, находящимся въ непосредственной ленной зависимости отъ имперіи. Это рѣшеніе имѣло бы огромное значеніе для внутренняго развитія государства Премысловичей, если бы оно сохранилось въ своей первоначальной формѣ. Но этого не случилось; вниманіе императора Барбароссы и его преемника было событіями внутри имперіи совершенно отвлечено отъ юговосточныхъ дѣлъ, а безъ поддержки его болѣе слабая Моравія не могла сохранить свою независимость отъ Чехіи. Императоры не отказались, правда, отъ непосредственной ленной зависимости Моравіи отъ имперіи; но они и не помѣшали чешско-моравскимъ князьямъ регулировать свои отношенія другъ къ другу, какъ имъ заблагоразсудится. Вѣроятно, чтобы получить чешскій престолъ уже Конрадъ-Оттонъ въ 1186 г., послѣ воинственнаго столкновенія, не имѣвшаго однако рѣшительнаго исхода, отказался отъ независимости Моравіи отъ Чехіи. Фактически онъ уже въ 1189 г. сталъ княземъ чешскимъ и соединилъ такимъ образомъ въ своихъ рукахъ оба государства.

Послѣ его смерти, постигшей его вдали отъ родины, въ свитѣ Генриха VI въ Сициліи (9 сентября 1191 г.), повторилась еще разъ борьба между обѣими линіями, Собеслава и Владислава, изъ-за власти въ Чехіи и Моравіи. Императоръ рѣшилъ, наконецъ, споръ въ пользу линіи Владислава, отдавъ Чехію и Моравію двумъ младшимъ братьямъ герцога Фридриха (умершаго въ 1189 г.), Премыслу Оттокару и Владиславу Генриху, а именно, первому изъ нихъ Чехію, второму Моравію. Но и теперь миръ не былъ еще установленъ: ихъ прогналъ двоюродный братъ Генрихъ Брячиславъ, епископъ пражскій, который и управлялъ обоими государствами до 1197 года. Казалось, что его смерть дастъ поводъ къ новымъ спорамъ изъ-за престола между обоими братьями, Премысломъ Оттокаромъ и Владиславомъ Генрихомъ. Но дѣло было улажено, благодаря миролюбію послѣдняго: передъ лицомъ готовыхъ къ битвѣ войскъ онъ вошелъ со своимъ братомъ 6 декабря 1197 года въ соглашеніе относительно раздѣла государства. По этому соглашенію Премыслъ Оттокаръ долженъ былъ править въ Чехіи, а Владиславъ Генрихъ въ Моравіи, но у обоихъ должны быть „какъ одинъ умъ, такъ и одно правленіе". Какъ ни мало соотвѣтствуетъ это соглашеніе о полномъ равноправіи дальнѣйшему фактическому ходу событій, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что этимъ договоромъ начинается новая эпоха въ исторіи государства Премысловичей.

С. Эпоха расцвѣта государства Премысловичей.

Братское соглашеніе 1197 года почти неожиданно заключило собою мало плодотворный отдѣлъ чешской исторіи, періодъ, во время котораго непрестанные споры изъ-за престола царили во внутренней политикѣ страны, задерживали экономическое и культурное развитіе ея и только воспитывали въ народѣ необузданную воинственность. На поворотѣ 12 столѣтія воинственный элементъ въ исторіи чешскихъ земель отступаетъ на задній

планъ, и верхъ беретъ культурный элементъ. Распри и несогласія въ правящей династіи прекращаются, братская любовь и согласіе содѣйствуютъ выполненію смѣлыхъ плановъ, задумываемыхъ главой фамиліи, чешскимъ княземъ, для увеличенія могущества своего государства и своего дома. Нѣмецкій король не устраиваетъ теперь по своему усмотрѣнію порядки въ Чехіи, а наоборотъ, чешскій князь самъ извлекаетъ пользу изъ смутъ и войнъ въ Германской имперіи.

Новому чешскому князю, въ дипломатическихъ и военныхъ предпріятіяхъ безкорыстно поддерживаемому братомъ, моравскимъ маркграфомъ Владиславомъ Генрихомъ, удалось ловко использовать споръ изъ за престола между нѣмецкими королями Филиппомъ Швабскимъ и Оттономъ Брауншвейгскимъ. Онъ добился сначала отъ Филиппа, потомъ, послѣ своего перехода къ другой партіи, и отъ Оттона и, наконецъ, отъ папы Иннокентія III, признанія чешскаго королевскаго достоинства для себя и для своихъ потомковъ (1204). И едва появился на исторической аренѣ молодой Штауфенъ Фридрихъ II, какъ онъ и отъ него добился сначала, въ 1212 году, признанія своего королевскаго достоинства, а потомъ (1216) вмѣстѣ съ другими привилегіями также и признанія своего старшаго сына наслѣдникомъ чешскаго престола. Это было окончательной побѣдой порядка престолонаслѣдія, основаннаго на правѣ первородства, надъ существовавшимъ до того времени правомъ старшинства въ родѣ. Политическій подъемъ сопровождался крупными внутренними измѣненіями: при обоихъ монархахъ Премыслѣ Оттокарѣ и Владиславѣ Генрихѣ Чехія и еще болѣе Моравія, нѣсколько отставшая въ культурномъ отношеніи, старались приспособиться къ экономической жизни германскаго Запада.

Въ политическомъ отношеніи германская колонизація принесла славянскимъ землямъ новую сельскую и городскую организацію сельскаго и городского управленія, а въ соціальномъ отношеніи неизвѣстныя дотолѣ сословія свободныхъ крестьянъ и горожанъ. Она научила славянъ болѣе тщательной обработкѣ почвы, эксплоатаціи болотъ и лѣсовъ, добыванію изъ нѣдръ горъ рудъ и обработкѣ ихъ. Она оживила торговлю, содѣйствовала развитію ремеслъ и искусства. Послѣдствіемъ ея былъ переворотъ во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ, переворотъ, единственный во всемъ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи этихъ земель. Здѣсь проявилась воспріимчивость къ чужимъ учрежденіямъ, правамъ и обычаямъ, воспріимчивость, совершенно неожиданная у народа, который вообще отличается такимъ развитымъ чувствомъ національнаго самосознанія.

Эта первая удачная нѣмецкая колонизація съ успѣхомъ продолжалась и при королѣ Вацлавѣ I (1230—53), несмотря ни на разныя военныя осложненія, въ которыхъ запуталась тогда Чехія, главнымъ образомъ по отношенію къ Австріи, ни на страшную опасность монгольскаго вторженія, угрожавшую ей въ 1241 году. Но Чехія и теперь была пощажена судьбой.

Только Моравіи и, главнымъ образомъ, Силезіи суждено было сильно пострадать отъ варваровъ. Годы 1157 и 1163 (стр. 240) имѣли какъ въ политическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніяхъ огромное значеніе для исторіи Силезіи, ибо правленіе трехъ силезскихъ князей знаменовало собою и здѣсь начало грандіозной германизаціи. Особенно отличились въ этомъ отношеніи герцогъ Болеславъ I Долгій (1157—1202), его сынъ Генрихъ I Бородатый (1202—38), прославившійся своимъ участіемъ въ основаніи нѣмецкаго ордена въ Пруссіи, и его отпрыскъ Генрихъ II. (1238—41). Власть послѣдняго простиралась далеко за предѣлы трехъ первоначальныхъ силезскихъ княжествъ: онъ владѣлъ Краковомъ и той частью Великой Польши, которую уже отецъ его отвоевалъ въ постоянной борьбѣ со своими польскими двоюродными братьями. Но это блестящее развитіе силезскаго княжества испытало жестокое потрясеніе: въ мартѣ

1241 года приблизились монголы, попутно превратившіе Польшу въ пустыню, и они принудили силезскаго герцога выступить противъ нихъ, если только онъ не хотѣлъ, чтобы культурная работа цѣлаго столѣтія была разрушена безъ всякаго сопротивленія. Кровавая Вальштадтская битва близъ Лигница (9 апрѣля 1241 г.) стоила жизни Генриху и многочисленнымъ рыцарямъ изъ его свиты, но угрожавшая Западной Европѣ буря прошла. Татары перемѣнили направленіе, они уклонились отъ встрѣчи съ войскомъ, выставленнымъ подъ предводительствомъ короля Вацлава на чешско-силезской границѣ близъ Циттау, и поспѣшили вернуться къ своимъ главнымъ силамъ въ Венгріи. Только восточная часть Моравіи была при этомъ сильно опустошена. Всѣ дальнѣйшія событія монгольскаго нашествія, продолжавшагося до весны 1242 года и все время державшаго въ страхѣ сосѣднія страны, Австрію и Моравію, происходили на венгерской территоріи (см. т. II).

Слѣдующимъ важнымъ событіемъ чешской исторіи была смерть австрійскаго герцога Фридриха II, павшаго 15 іюня 1246 г., на Лейтѣ, въ битвѣ съ венграми. Онъ былъ послѣднимъ мужскимъ отпрыскомъ Бабенбергскаго дома. Бракъ между его племянницей Гертрудой и чешскимъ принцемъ, а теперь одновременно и моравскимъ маркграфомъ, Владиславомъ, рѣшенный уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но теперь только состоявшійся, долженъ былъ, повидимому, отдать въ руки Премысловичей бабенбергское наслѣдство. Опаснѣйшимъ противникомъ чешскихъ притязаній былъ императоръ Фридрихъ II, желавшій завладѣть австрійскими землями, какъ освободившимся имперскимъ леномъ. Но борьба изъ-за наслѣдства герцога Фридриха приняла скоро совершенно неожиданный оборотъ, когда умерли въ 1247 году маркграфъ Владиславъ и въ 1250 г. императоръ. Наслѣдственныя и юридическія притязанія отступили на задній планъ и рѣшающее значеніе получили большая сила, большая дипломатическая ловкость спорящихъ изъ-за добычи сосѣдей-монарховъ, чешско-моравскаго, венгерскаго и баварскаго. Новый моравскій маркграфъ, Премыслъ Оттокаръ, второй сынъ короля Вацлава I, послѣ короткой борьбы побѣдилъ баварскаго герцога Оттона въ Верхней и Нижней Австріи, еще въ 1251 году его признали тамъ въ качествѣ герцога дворянство и города, и онъ укрѣпилъ, кромѣ того, за собой свои завоеванія посредствомъ брака съ Маргаритой, сестрой послѣдняго Бабенберга и вдовой короля Генриха VII, на которой онъ женился въ февралѣ 1252 г., несмотря на то, что она была много старше его.

Только изъ-за владѣнія Штиріей началась долгая борьба между Премысломъ Оттокаромъ II, унаслѣдовавшимъ въ 1253 г. послѣ смерти своего отца также и королевское достоинство въ Чехіи (см. фиг. 17, табл. при стр. 246), и королемъ венгерскимъ Белой IV. Сначала, благодаря, главнымъ образомъ, покровительству папы, перевѣсъ склонялся на сторону мадьярскаго короля (1254); но въ концѣ концовъ и здѣсь верхъ взялъ чешскій король, послѣ того какъ онъ въ іюлѣ 1260 г. выигралъ битву при Кройссенбруннѣ (близъ Моравскаго прохода). Уничтоженіе брака съ старѣющей Маргаритой, женитьба на юной внучкѣ венгерскаго короля, Кунигундѣ (1261), пріобрѣтеніе въ ленъ отъ нѣмецкаго короля Рихарда (1262) обоихъ герцогствъ Австріи и Штиріи — вотъ послѣднія событія, на рѣдкость счастливой, первой трети правленія короля Премысла Оттокара II.

И въ слѣдующее десятилѣтіе (до 1273 г.) слава и побѣда сопровождала чешскаго короля въ его многочисленныхъ военныхъ предпріятіяхъ. Онъ увеличилъ также въ это десятилѣтіе свои владѣнія пріобрѣтеніемъ Каринтіи и Крайны и частичнаго патроната надъ Эгеромъ и его округой. Премыслъ Оттокаръ II достигъ тогда высшей степени своего могущества. Во внутренней политикѣ онъ продолжалъ развивать ту германизаторскую колонизацію, которую начали въ государствѣ Премысловичей его отецъ

и дѣдушка. Въ этой работѣ онъ нашелъ себѣ ревностнаго помощника въ лицѣ епископа Бруно Ольмюцскаго, который, происходя изъ графскаго дома голштинскихъ Шаумбурговъ, управлялъ съ 1245—81 г. моравскимъ епископствомъ. Онъ былъ лучшимъ совѣтникомъ короля во всѣхъ его дипломатическихъ и политическихъ начинаніяхъ. Епископъ Бруно, епископъ Генрихъ Здикъ Ольмюцскій и епископъ Адальбертъ Пражскій — это три духовныя звѣзды въ исторіи государства Премысловичей, которыя въ религіозномъ, культурномъ и политическомъ отношеніяхъ, разливали свой свѣтъ далеко за предѣлами своей родины.

Нѣмецкое городское право широко распространилось тогда въ Чехіи и Моравіи; значительно усилилось разселеніе нѣмцевъ по деревнямъ и городамъ и ихъ участіе въ торговлѣ и промышленности, особенно въ горномъ дѣлѣ. Эти культурныя пріобрѣтенія являются прочнымъ результатомъ широкой разносторонней дѣятельности Премысла Оттокара II, колоссальное же политическое зданіе чешско-австрійской монархіи, возведенное имъ, повидимому, съ такимъ искусствомъ, не могло сохраниться въ прежней своей формѣ: оно слишкомъ ужъ разсчитывало на безсиліе Германской имперіи, на слабость и безпомощность нѣмецкихъ призрачныхъ королей. Поэтому избраніе римско-германскимъ императоромъ Рудольфа Габсбургскаго (10 октября 1273 г.) обозначало собою для Премысла Оттокара начало паденія чешскаго могущества. Быстро совершился этотъ поворотъ. Премыслъ, отказывавшійся признать своимъ сюзереномъ вновь избраннаго нѣмецкаго короля, объявилъ войну ему и имперіи. Почти на два года удалось чешскому королю задержать грозившее ему отпаденіе Штиріи и Австріи, ибо Рудольфъ не только былъ занятъ въ это время въ другихъ мѣстахъ, но и не имѣлъ средствъ, чтобы энергично поддерживать своихъ явныхъ и тайныхъ сторонниковъ въ этихъ земляхъ. Но когда осенью 1276 года Рудольфъ черезъ Австрію подошелъ со своимъ войскомъ къ Вѣнѣ, и когда Оттокаръ былъ покинутъ не только австрійскими, но и нѣкоторыми могущественными чешскими дворянами, тогда дѣло не дошло даже до битвы: чешскій король предпочелъ на этотъ разъ лучше покориться, чѣмъ пытать счастья въ сраженіи, исходъ котораго былъ для него весьма сомнителенъ. Вѣнскій миръ 21 ноября 1276 года стоилъ Премыслу Оттокару II его положенія въ качествѣ монарха великой державы; онъ долженъ былъ отдать Австрію, Штирію, Каринтію и другія завоеванныя, а не унаслѣдованныя области, Чехію же и Моравію принять въ ленъ отъ нѣмецкаго императора.

Но этотъ унизительный договоръ никоимъ образомъ не могъ служить основой дальнѣйшаго поведенія для гордаго короля. Разногласія возникли изъ-за вопроса о теперешнемъ отношеніи Моравіи къ имперіи, изъ-за нѣкоторыхъ важныхъ пунктовъ Вѣнскаго договора, и особенно изъ-за включенія въ этотъ договоръ чешскихъ дворянъ, отпавшихъ отъ Премысла Оттокара и, наконецъ, изъ-за брака сына и дочери одного монарха съ дочерью и сыномъ другого. Эти разногласія вскорѣ привели къ новой войнѣ съ Рудольфомъ, такъ желанной для чешскаго короля. Въ битвѣ при Дюрнкрутѣ (на Моравскомъ Полѣ), 26 августа 1278 года, Премыслъ Оттокаръ II, послѣ геройской обороны, былъ въ истомленномъ состояніи взятъ въ плѣнъ и убитъ изъ личной мести нѣсколькими рыцарями.

Земли Премысловичей покорились теперь почти безъ сопротивленія нѣмецкому императору, котораго нѣмецкіе народы, часть дворянъ и не изъ послѣднихъ епископъ Бруно встрѣтили съ большой радостью. Но серьезные безпорядки и возстанія дворянъ были вызваны регентствомъ въ Чехіи Маркграфа Оттона Бранденбургскаго, котораго Рудольфъ Габсбургскій назначилъ опекуномъ надъ семилѣтнимъ сыномъ Премысла Оттокара Вацлавомъ. Моравію же онъ совсѣмъ оставилъ за собой въ видѣ залога, и управленіе ею поручилъ епископу Бруно. Къ безпорядкамъ прибавился

еще голодъ и общая нищета, какъ слѣдствіе долгихъ годовъ войны. Первые годы послѣ смерти великаго короля прошли такимъ образомъ несчастливо для Чехіи. Но затѣмъ, когда въ 1283 году на престолъ вступилъ Вацлавъ II, поддерживаемый своимъ тестемъ, нѣмецкимъ императоромъ (см. фиг. 18 табл. при стр. 246), для дома Премысловичей наступила, казалось, новая эпоха расцвѣта. Богатство страны, особенно доходы съ серебряныхъ рудниковъ, облегчило этотъ поворотъ къ лучшему. Живой умъ молодого короля, любовь къ искусству и наукамъ прославили чешскій дворъ и сдѣлали его предметомъ вожделѣнія для художниковъ и ученыхъ.

Рука объ руку съ этимъ внутреннимъ подъемомъ шла удача во внѣшней политикѣ. Исторія Силезіи, послѣ имѣвшей мировое значеніе монгольской войны 1241 г., получаетъ опять рѣзко выраженную мѣстную окраску; страна все еще раздроблена на мелкія княжества, и нѣкоторыя изъ нихъ, находясь въ вѣчной враждѣ съ Польшей, ищутъ сближенія съ царствомъ Премысловичей, родственнымъ имъ по культурѣ и національности. Въ рѣшительномъ сраженіи на Моравскомъ Полѣ герцоги Бреславля, Глогау (см. фиг. 10 таб. „Чешскіе, моравскіе и силезскіе князья") и Оппельна участвовали въ качествѣ свободныхъ союзниковъ чешскаго короля. Наибольшаго могущества достигъ въ то время изъ силезскихъ князей Генрихъ IV Бреславльскій (1273—90; см. фиг. 12 той же табл.), который еще разъ, подобно своему дѣду Генриху II, пріобрѣлъ великое княжество Краковское, а съ нимъ и верховную власть надъ всей Польшей. Но послѣ того, какъ онъ умеръ, не оставивъ дѣтей, въ Польшѣ и Силезіи начались еще большія смуты. Во время этихъ смутъ королю чешскому Вацлаву удалось, при помощи нѣсколькихъ силезскихъ герцоговъ, признавшихъ уже его своимъ сюзереномъ, завоевать въ 1291 г. Краковъ. Въ 1300 году на него была возложена въ Гнѣзнѣ польская королевская корона, и, такимъ образомъ, онъ соединилъ въ однѣхъ рукахъ наслѣдіе Пястовъ съ владѣніями Премысловичей.

Болѣе того. Когда въ слѣдующемъ году (1301) въ Венгріи кончился мужской стволъ королевскаго рода Арпадовъ, чешскому королю была предложена одной изъ партій венгерская корона. Самъ онъ ея не принялъ, но передалъ своему сыну Вацлаву III, который и былъ коронованъ въ Штульвейсенбургѣ. Но этотъ счастливый сонъ Премысловичей продолжался лишь короткое время. Венгерскій престолъ нельзя было отстоять противъ притязаній дома Анжу, и въ 1304 году Вацлавъ III покинулъ Венгрію. Въ то же время возгорѣлась война между Вацлавомъ II и нѣмецкимъ императоромъ Альбрехтомъ. Но еще во время этой войны въ 1305 г. Вацлавъ II умеръ 34 лѣтъ отъ роду. Въ слѣдующемъ году (1306) его наслѣдникъ собирался отправиться въ Польшу, чтобы отбить натискъ польскаго претендента Владислава Локотка. Но въ Ольмюцскомъ замкѣ онъ палъ отъ руки убійцы. Ему было 17 лѣтъ, онъ былъ женатъ, но потомства у него не было, и въ его лицѣ угасъ послѣдній мужской отпрыскъ дома Премысловичей.

5. Люксембургская династія.

A. Король Іоаннъ.

На чешское наслѣдство были заявлены притязанія съ двухъ сторонъ. Генрихъ Каринтійскій ссылался на право своей супруги Анны, старшей сестры короля Вацлава III; нѣмецкій же императоръ Альбрехтъ смотрѣлъ на Чехію и Моравію, какъ на освободившіеся имперскіе лены, и отдалъ ихъ своему старшему сыну, герцогу Рудольфу Австрійскому. Только послѣ

преждевременной смерти послѣдняго, въ 1307 году, удалось Генриху Каринтійскому собрать въ свою пользу большинство голосовъ чешскаго дворянства, и только въ Моравіи король Альбрехтъ могъ добиться признанія своего второго сына, Фридриха. Но когда уже въ слѣдующемъ году (1308) Альбрехтъ былъ убитъ своимъ племянникомъ Іоанномъ (Parricida,— Отцеубійца), тогда герцогъ Фридрихъ долженъ былъ не только отказаться отъ всякой попытки дальнѣйшей борьбы противъ Генриха въ Чехіи, но и въ Моравіи былъ вынужденъ отдать нѣсколько городовъ, бывшихъ у него въ залогѣ въ обезпеченіе военныхъ издержекъ.

Но Генрихъ Каринтійскій не могъ справиться съ затрудненіями, порождаемыми отношеніями партій въ Чехіи. Дворянство и король, дворянство и города постоянно враждовали другъ съ другомъ; произошли безпорядки и насилія, при чемъ Генрихъ потерялъ то уваженіе, которымъ пользовался въ странѣ. Образовалась новая партія, съ аббатомъ Конрадомъ Кэнигсзальскимъ во главѣ, желавшая получить новаго государя, посредствомъ выдачи въ замужество младшей дочери короля Вацлава, Елизаветы. Выборъ палъ на молодого сына новаго нѣмецкаго короля Генриха VII Люксембургскаго, Іоанна (см. фиг. 3 и 4 при приложенной табл. „Чешскіе, моравскіе и силезскіе князья конца среднихъ вѣковъ“). Въ Шпейерѣ была отпразднована 1 сентября 1310 года свадьба 14 лѣтняго нѣмецкаго принца и 18 лѣтней чешской принцессы. Передъ этимъ, уже въ іюлѣ мѣсяцѣ, нѣмецкій король освободилъ во Франкфуртѣ чеховъ отъ ихъ присяги Генриху Каринтійскому и отдалъ освободившіеся имперскіе лены, Чехію и Моравію, своему сыну. Завоеваніе страны продолжалось не долго, ибо король Генрихъ, сознавая безнадежность сопротивленія, скоро вступилъ въ переговоры и добровольно покинулъ страну. Завладѣніе Моравіей представило также мало трудностей. Іоаннъ присвоилъ себѣ даже титулъ короля польскаго въ знакъ того, что онъ не намѣренъ оставлять притязаній своихъ предшественниковъ, Премысловичей, на эту корону.

Но скоро правленіе его стало довольно безпокойнымъ, благодаря несогласіямъ между высшимъ чешскимъ дворянствомъ и нѣмецкими совѣтниками, съ архіепископомъ Петромъ Майнцскимъ во главѣ, которыхъ король Генрихъ приставилъ къ своему неопытному сыну. Потерявъ со смертью отца въ 1313 году твердую опору въ Германской имперіи, Іоаннъ вынужденъ былъ удалить нѣмцевъ изъ Чехіи и довѣрить дѣло управленія самому могущественному изъ чешскихъ бароновъ, Генриху изъ Липы. Но этимъ спокойствіе отнюдь не было обезпечено. Финансовыя разногласія между королемъ и его высшимъ сановникомъ, бросающаяся въ глаза интимная близость между Генрихомъ изъ Липы и вдовствующей королевой Елизаветой, бывшей женой Вацлава II и герцога Рудольфа, которая имѣла свою резиденцію въ Кенигингрецѣ (Кролевскій Градецъ) и затмевала дворъ настоящей королевы, все это, а также и другія обстоятельства, привели къ насильственному удаленію Липы, послѣ чего архіепископъ Петръ опять сдѣлался намѣстникомъ. Но послѣ двухлѣтняго правленія онъ вновь долженъ былъ отступить передъ могущественной дворянской партіей (1317). Король Іоаннъ, которому надоѣли внутреннія смуты, обратилъ свое вниманіе на внѣшнія дѣла, особенно на борьбу Людовика Баварскаго и Фридриха Красиваго Австрійскаго изъ-за нѣмецкой короны: поэтому его жена, королева Елизавета, взяла на себя управленіе Чехіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и борьбу противъ дворянства, въ которой мужъ очень слабо поддерживалъ ее. Дѣло кончилось всеобщимъ возстаніемъ противъ короля (1318), подавить которое онъ былъ не въ силахъ, такъ что ему пришлось, наконецъ, при посредничествѣ короля Людовика Баварскаго, заключить съ возставшими баронами постыдный договоръ въ Таусѣ; по этому договору король долженъ былъ довольствоваться только титуломъ, своимъ высокимъ положеніемъ и богатыми доходами своей страны.

Объясненіе къ рисункамъ, помѣщеннымъ на оборотѣ.

1 и 2. Герцогъ Вацлавъ Святой († 935).

1. Лѣвая треть триптиха Ѳомы Моденскаго: Мадонна съ младенцемъ между св. Вацлавомъ и св. Палмаціемъ. До 1780 г. на стѣнѣ главнаго алтаря крестовой капеллы въ Кралёвомъ Тынѣ (близъ Праги), теперь въ Вѣнскомъ придворномъ музеѣ. (По книгѣ Іосифа Нейвирта: „Средневѣковыя картины замка Карлштейна въ Чехіи".)
2. Статуя 14 столѣтія съ ремесленнымъ клеймомъ Петра Парлера, изъ пражскаго собора.

3. Король Іоаннъ (1311—46).

4. Королева Елизавета Чешская.

Изъ рукописи вѣнской придворной библіотеки: (По книгѣ Іосифа Нейвирта: „Циклъ картинъ Люксембургской родословной изъ Карлштейна".)

5 и 6. Карлъ IV (1346—78).

5. Маркграфомъ моравскимъ или наслѣднымъ принцемъ.
6. Императоромъ.

7. Венцеславъ IV, какъ нѣмецкій король, называвшійся Венцелемъ (1378—1419).

8. Іобстъ маркграфъ Моравскій (1375—1411).

(5—8 по миніатюрамъ Иглавской „Рукописи горнаго права" въ городскомъ архивѣ въ Иглавѣ.)

9—15. Печати силезскихъ государей.

9. Болеславъ Долговязый (1162—1201), единственная подлинная печать, съ рукописи, помѣченной Леубусъ 1175. Кругомъ надпись: Bolezlaux dux Zle[sie].
10. Конрадъ I (—1266) изъ Глогова; первая герцогская печать, приложенная задней стороной, на рукописи, помѣченной Леубусъ 1253. На лицевой сторонѣ надпись: Conradus dei gra[tia] dux Zlesie et Polonie; на задней сторонѣ: S[igillum] ducis Conradi.
11. Генрихъ III (1241—66) въ панцырѣ и латахъ, съ мечомъ и щитомъ съ изображеніемъ орла, съ непокрытой головой стоитъ подъ воротами замка или города; съ грамоты, помѣченной Бреславль, 1266 г.
12. Генрихъ IV (1266—90), съ мало стертыми чертами лица, съ обнаженной головой, фигура замѣчательно совпадаетъ съ изображеніемъ его на надгробномъ памятникѣ въ бреславльской крестовой церкви; технически прекрасно выполненная лицевая печать съ грамоты, помѣченной Бреславль, 1288. Кругомъ двѣ надписи — наружная: Sigil[lum] Henrici quarti dei gra[tia] ducis Slesie; внутренняя et domini Wratizlavie
13. Конрадъ I Эльскій; съ грамоты, помѣченной Требницъ, 1341.
14. Вацлавъ I Бригскій; съ грамоты, помѣченной Бреславль, 1353.
15. Ладиславъ Оппельнскій; съ грамоты, помѣченной Бреславль, 1386.

(9 и 10 по книгѣ Альвина Шульца: Печати Силезскія до 1250 г.; 11 и 12 по книгѣ Павла Пфотенгауера: Силезскія печати съ 1250 по 1300 г.; 13—15 по 26 тому журнала Общества для изученія исторіи и древностей Силезіи.)

16—24. Печати чешскихъ королей.

16. Венцеславъ I (1230—53); съ грамоты, помѣченной 1252. Лицевая сторона.
17. Премыслъ Оттокаръ II (1253—78). Лицевая сторона.
18. Венцеславъ II (1283—1305), предпослѣдній Премысловичъ. Лицевая сторона.
19. Сигизмундъ (1419—37).
20. Ладиславъ Постумъ (1452—57); королевская печать.
21. Георгъ Подебрадъ (1458—71).
22. Владиславъ (1471—1516).
23. Матвѣй Корвинъ (1479—90).
24. Людовикъ (1516—26).

(16—24 по оригиналамъ, находящимся въ моравскомъ національномъ архивѣ въ Брюннѣ.)

3

1

2

4

15

9

11

13

12

10

14

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Чешскіе, моравскіе и силезскіе государи конца среднихъ вѣковъ по миніатюрамъ, памятникамъ и печатямъ.

Король Іоаннъ, безпокойная, жизнерадостная, довольно распутная, но при этомъ высоко-одаренная рыцарская натура, многочисленными предпріятіями и дѣлами, въ которыхъ онъ постоянно участвовалъ, пріобрѣлъ для Чехіи огромную массу земель. Послѣ смерти Маркграфа Вальдемара Бранденбургскаго ему достались Верхнія Лужицы (1319). Городъ Эгеръ съ его округомъ онъ получилъ въ залогъ въ 1322 г. отъ Людовика Баварскаго; и этотъ городъ остался за Чехіей навсегда. Моравію онъ окончательно освободилъ отъ всѣхъ притязаній и требованій, какія могли еще предъявлять къ этой странѣ Габсбурги. На нѣсколько лѣтъ (1331—33) онъ завладѣлъ даже частью Ломбардіи, управленіе которой онъ поручилъ своему старшему сыну, Карлу; женивъ въ 1330 г. своего младшаго сына на Маргаритѣ Маульташъ, онъ доставилъ ему Тироль, который его наслѣдники также не могли удержать за собой на долгое время (только до 1441 года).

Значительнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ короля Іоанна, благодаря которому Чехія дѣйствительно получила огромный приростъ территоріи и могущества, была Силезія. Въ правленіе короля Іоанна было окончательно закрѣплено присоединеніе силезскихъ князей (см. фиг. 13—15 прилагаемой таблицы) къ Чехіи, присоединеніе, начавшееся еще при послѣднихъ Премысловичахъ, но разстроившееся послѣ того, какъ угасъ этотъ домъ. Уже въ 1327 году, въ связи съ походомъ Іоанна противъ Польши, ему присягнули верхнесилезскіе герцоги — Тешенскій, Фалькенбергскій, Аушвицсій, Ратиборскій и, наконецъ, Оппельнскій. Еще въ томъ же году Бреславль призналъ чешскаго короля своимъ верховнымъ властителемъ. Въ 1329 году то же сдѣлало большинство нижнесилезскихъ герцогствъ, Лигницъ, Бригъ, Саганъ, Эльсъ; Глогау въ 1331 г. былъ, подъ угрозой войны, принужденъ Іоанномъ къ заявленію покорности. Кромѣ того, король Іоаннъ въ договорѣ (1335 г.), заключенномъ съ польскимъ королемъ Казиміромъ, сыномъ Владислава Локотка (стр. 245), отказался отъ королевской польской короны, на которую онъ до сихъ поръ заявлялъ притязаніе, въ качествѣ наслѣдника Премысловичей. За это Польша признала за нимъ владѣніе силезскими областями, и такимъ образомъ пріобрѣтенія его получили еще болѣе прочную основу.

B. **Король Карлъ IV.**

26 августа 1346 года, въ годовщину смерти Премысла Оттокара II, палъ въ битвѣ при Креси король Іоаннъ, этотъ „вѣнецъ рыцарства“. Благодаря его безпорядочному, расточительному управленію, внутреннія дѣла Чехіи были въ большомъ разстройствѣ. Но благодаря своей счастливой внѣшней и военной политикѣ, онъ оставилъ своему сыну и наслѣднику, Карлу, положеніе, значительно перевѣшивавшее весь нанесенный имъ ущербъ, ибо чешскій король владѣлъ теперь такимъ количествомъ земель, какого не соединялъ въ рукахъ ни одинъ изъ его предковъ, кромѣ Премысла Оттокара II. Кромѣ того онъ пріобрѣлъ и достоинство нѣмецкаго короля, которое досталось ему, благодаря многолѣтнимъ дипломатическимъ переговорамъ его отца, 11 іюля 1346 г., послѣ низложенія императора Людовика Баварскаго. Теперь онъ назывался уже „Карломъ IV“.

Карлу, когда умеръ его отецъ, было уже за тридцать лѣтъ, при чемъ пережитая имъ юность была богата опытомъ (см. фиг. 5 и 6 табл. при стр. 246). Отецъ уже въ раннемъ возрастѣ отправилъ его для воспитанія къ французскому двору; но умственная зрѣлость скоро уже дала возможность посвятить его въ дѣла управленія. Уже въ 15-лѣтнемъ возрастѣ онъ долженъ былъ, живя въ Пармѣ, управлять новыми завоеваніями своего отца въ Италіи, и защищать ихъ. При Санъ Феличе въ 1332 г.

шестнадцати-лѣтній юноша одержалъ блестящую побѣду надъ своимъ сильнымъ противникомъ. Но оказалось, что итальянскія владѣнія нельзя удержать за собой надолго, и король Іоаннъ уже въ слѣдующемъ году отказался отъ нихъ. Съ 1333 г. Карлъ вмѣстѣ съ титуломъ маркграфа Моравскаго принялъ на себя и управленіе обоими полученными въ наслѣдство государствами. Здѣсь онъ упорядочилъ разстроенное финансовое хозяйство королевства. Интриги дворянъ вызывали иногда серьезныя недоразумѣнія между отцомъ и сыномъ, которыя достигли своей кульминаціонной точки въ 1336 и 1337 годахъ, когда Карлъ долженъ былъ отказаться отъ управленія Чехіей; но уже въ 1338 г. послѣдовало полное примиреніе, и въ 1341 году король Іоаннъ самъ настоялъ, чтобы Карлъ, еще при его жизни, былъ признанъ его наслѣдникомъ въ Чешскомъ королевствѣ. Чрезвычайно важенъ для Карла былъ 1342 годъ, когда его бывшій учитель и другъ при французскомъ дворѣ, архіепископъ Петръ Рожеръ Руанскій, подъ именемъ Клемента VI вступилъ на папскій престолъ. Уже во время своего знакомства въ Парижѣ эти высокоодаренные люди предсказали, какъ говорятъ, другъ другу дальнѣйшую судьбу. Помощи папы обязанъ Карлъ тѣмъ, что въ 1344 году Пражское епископство, принадлежавшее дотолѣ къ Майнцской метрополіи, было сдѣлано самостоятельнымъ архіепископствомъ, которому были подчинены епископство Ольмюцское въ Моравіи и вновь основанное епископство Литомышльское въ Чехіи; кромѣ того, Климентъ VI энергично содѣйствовалъ возведенію будущаго чешскаго короля на нѣмецкій престолъ. Карлу не пришлось бороться съ низложеннымъ 11 іюля 1346 года, императоромъ Людовикомъ Баварскимъ: когда онъ хотѣлъ выступить противъ него съ войскомъ, получилось извѣстіе о его смерти.

Съ тѣмъ большимъ рвеніемъ Карлъ могъ отдаться теперь дѣламъ управленія. Для управленія полученными въ наслѣдство землями онъ нашелъ себѣ желаннаго помощника въ лицѣ брата своего Іоанна Генриха, которому онъ 26 декабря 1349 года отдалъ въ наслѣдственное ленное владѣніе маркграфство Моравію. Всю свою жизнь Іоаннъ Генрихъ относился къ Карлу съ братской любовью и дружбой и помогалъ ему ревностно и безкорыстно во всѣхъ военныхъ и дипломатическихъ предпріятіяхъ; ихъ отношенія напоминаютъ отношеніе другъ къ другу короля Премысла Оттокара I и Владислава Генриха (стр. 242). Одновременно съ основаніемъ люксембургской секундогенитуры въ Моравіи, область Ольмюцскаго епископства и Троппау были объявлены самостоятельными, независимыми отъ маркграфства Моравіи ленами чешской короны. Герцогство Троппау, основаніе которому положилъ еще король Премыслъ Оттокаръ II, отдавъ его въ кормленіе своему незаконному сыну Николаю, было уже королемъ Іоанномъ въ 1318 г. отдано въ ленъ сыну Николая, носившему то же имя. Такимъ образомъ, распоряженіе Карла является лишь утвержденіемъ акта, совершеннаго его отцомъ. Остальную Силезію Карлъ IV уже въ 1348 году, будучи нѣмецкимъ королемъ, присоединилъ къ чешской коронѣ.

Изреченіе императора Максимиліана, что Карлъ IV былъ архи-отчимомъ имперіи, но архи-отцомъ Чехіи, слѣдуетъ признать, во второй своей части, справедливымъ. Вся политическая дѣятельность Карла проникнута стремленіемъ возвеличить свой домъ и упрочить за своей страной положеніе великой державы. Съ самаго начала своего самостоятельнаго правленія онъ не переставалъ заботиться о томъ, чтобы Чехія въ культурномъ и духовномъ отношеніи сравнялась съ самыми передовыми странами. Особенно много вниманія онъ удѣлялъ главному городу Прагѣ, развитію которой онъ положилъ основаніе. Онъ расширилъ площадь, занимаемую городомъ и разукрасилъ ее такими сооруженіями, какъ соборъ св. Вита, Градышинскій замокъ, Тынская церковь, Молдавскій мостъ.

Онъ созвалъ въ Прагу выдающихся художниковъ, большею частью, нѣмцевъ и итальянцевъ, архитекторовъ и живописцевъ, литейщиковъ и скульпторовъ, ювелировъ и другихъ спеціалистовъ въ области художественнаго ремесла. Его живому интересу къ наукѣ — онъ самъ пробовалъ свои силы въ качествѣ историка и богослова — Пражскій университетъ обязанъ своимъ возникновеніемъ въ такое время, когда по сю сторону Альпъ, за исключеніемъ Франціи, такихъ школъ еще не существовало (1348; т. VII, стр. 165); для внутренней организаціи этого университета образцами послужили Болонскій и Парижскій университеты. Чрезвычайно много вниманія удѣлялъ Карлъ дѣлу правосудія. Въ имперіи онъ сумѣлъ улучшить внутренніе порядки изданіемъ положенія о земскомъ мирѣ „Золотой Буллы" (1356; тамъ же стр. 196) и другими постановленіями, и для Чехіи и Моравіи онъ также хотѣлъ создать въ „Majestas Carolina" единый законодательный кодексъ, но его намѣреніе потерпѣло крушеніе вслѣдствіе противодѣйствія мѣстнаго дворянства. Но зато въ Силезіи въ его царствованіе были совершены важныя законодательныя работы: земская книга для герцогства Бреславльскаго, „грандіозная работа, служившая основой для всѣхъ позднѣйшихъ кадастровъ", силезское земское право, обработка „Саксонскаго зерцала" съ своеобразными уклоненіями и, наконецъ, собственное бреславльское городовое право. Съ такимъ же усердіемъ заботился Карлъ и о матеріальномъ благосостояніи своихъ наслѣдственныхъ земель. Горное дѣло, лѣсоводство, полеводство и садоводство достигли тогда высшей степени доходности. Прага стала наряду съ Бреславлемъ, которому онъ удѣлялъ не меньше вниманія, однимъ изъ значительнѣйшихъ торговыхъ центровъ средней Европы, узловымъ пунктомъ сношеній юга съ сѣверомъ, запада съ востокомъ.

Эта набросанная въ общихъ чертахъ творческая дѣятельность Карла IV въ области духовной и матеріальной культуры заслуживаетъ тѣмъ большаго признанія, что въ первые годы его правленія свирѣпствовали ужасныя народныя болѣзни, черная смерть, избіенія евреевъ, процессіи самобичующихся (см. цвѣтную табл. къ стр. 195, т. VII). Эти болѣзни хотя и не были въ наслѣдственныхъ земляхъ Карла такъ опустошительны, какъ въ другихъ мѣстахъ, но все-таки дѣйствовали задерживающимъ образомъ на торговлю и сношенія, на образованность и искусство.

Не слѣдуетъ упускать изъ вида и того, что императоръ, отвлекаемый политическими дѣлами, военными походами и поѣздками въ имперію, часто по цѣлымъ мѣсяцамъ не жилъ въ своихъ наслѣдственныхъ земляхъ. Результаты тридцатилѣтняго правленія Карла IV обѣщали обезпечить счастливую будущность прежде всего Люксембургскому дому, мужское поколѣніе котораго было тогда очень многочисленно. Карлъ частью смѣлымъ противодѣйствіемъ, частью мудрыми переговорами уменьшилъ вліяніе до тѣхъ поръ столь могущественныхъ Виттельсбаховъ и пріобрѣлъ отъ нихъ, наконецъ (1373; тамъ же, стр. 198) для своего дома Бранденбургскую марку. Въ началѣ его правленія у него были враги въ лицѣ польскаго короля и въ лицѣ герцога Болко Швейдницъ-Яуерскаго, послѣдняго независимаго отъ Чехіи государя въ Силезіи. Съ первымъ изъ нихъ чешскій король уже въ 1348 г. заключилъ наступательный и оборонительный союзъ. Болко же онъ сумѣлъ настолько склонить на свою сторону, что тотъ въ 1364 г. заключилъ съ Чехіей договоръ о престолонаслѣдіи. Этотъ договоръ давалъ Карлу, женившемуся въ 1353 г. третьимъ бракомъ на Аннѣ, дочери Швейдницскаго герцога, полную надежду на то, что это герцогство перейдетъ къ нему. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1368 г., эта надежда оправдалась со смертью Болко.

Опаснымъ врагомъ Карла былъ его зять, Рудольфъ IV Австрійскій. Преисполненный ненасытимымъ стремленіемъ къ блеску и могуществу, онъ хотѣлъ создать для своего государства исключительное положеніе

между нѣмецкими княжествами, и когда Карлъ помѣшалъ выполненію его честолюбивыхъ стремленій, не стѣснялся никакими средствами для ихъ осуществленія. Онъ предъявлялъ фальшивыя грамоты и часто, что было еще опаснѣе, соединялся съ иноземными государями противъ императора. Особенно поддерживалъ онъ короля венгерскаго Людовика, который неоднократно доставлялъ Карлу IV серьезныя непріятности. Но, благодаря своей дипломатической ловкости, послѣднему всегда удавалось постепенно устранять такія опасности и поворачивать ихъ въ свою пользу. Герцогъ Рудольфъ IV съ 1363 г. былъ занятъ завоеваніемъ Тироля и нуждался въ помощи императора. Тогда этотъ послѣдній въ февралѣ 1364 года на съѣздѣ въ Брюннѣ побудилъ его къ заключенію важнаго договора, по которому, въ случаѣ прекращенія одного изъ обоихъ домовъ въ мужской и женской линіи, земли одной стороны переходятъ во владѣніе другой.

Но Карлъ, обогатившій свой домъ землями, пріобрѣтенными покупкой и иными способами, главнымъ образомъ, въ верхнемъ Пфальцѣ и въ Лужицахъ, старался и еще однимъ путемъ доставлять ему виды на сосѣдніе престолы, а именно, установленіемъ умно задуманныхъ родственныхъ связей. Какъ Рудольфъ IV, такъ и братъ его, герцогъ Альбрехтъ III, наслѣдовавшій ему въ 1365 г. въ австрійскомъ герцогствѣ, былъ женатъ на дочери Карла IV. Своего сына Вацлава (родился въ 1361 г. отъ его супруги Анны) онъ обручилъ сначала съ племянницей и тогдашней наслѣдницей короля венгерскаго Людовика. Но когда у послѣдняго родились позднѣе собственныя дочери, обрученіе это было уничтожено, и Вацлавъ женился въ 1371 г. (!) на Іоаннѣ, дочери баварскаго герцога Альбрехта; своего второго сына Сигизмунда Карлъ старался женить на Маріи, старшей дочери и главной наслѣдницѣ Людовика Венгерскаго.

Карлъ IV умеръ 29 ноября 1378 года въ 63-лѣтнемъ возрастѣ. Династію свою онъ оставилъ въ блестящемъ положеніи. Вацлавъ уже въ 1376 г. былъ избранъ курфирстами въ нѣмецкіе короли и владѣлъ, кромѣ того, Чехіей и Силезіей. Второй сынъ Сигизмундъ получилъ Бранденбургскую марку, младшій, Іоаннъ, часть Лужицъ. Чешскій король былъ верховнымъ сюзереномъ маркграфства Моравіи, какъ и герцогства Люксембургскаго, въ которомъ до 1383 года правилъ братъ Карла IV, Вацлавъ. Послѣ смерти маркграфа Іоанна въ 1375 году произведенъ былъ въ Моравіи раздѣлъ земель между тремя сыновьями его: Іо(б)стомъ (Іодокомъ), Прокопомъ и Іоанномъ Собеславомъ.

C. Король Вацлавъ; появленіе гуситовъ.

Рѣдко можно встрѣтить такое глубокое различіе натуры и характера у дѣда, отца и сына, какое мы находимъ между Іоанномъ, Карломъ и Вацлавомъ; отъ всего дипломатическаго таланта короля Іоанна, который у Карла превратился въ высшую государственную мудрость, мы у Венцеля едва ли найдемъ хотя бы какіе-нибудь скромные остатки политическаго ума; расточительность дѣда у сына уступаетъ мѣсто удивительной хозяйственности, а у внука превращается въ скупость. Іоанна мы представляемъ себѣ какъ пламенную, рыцарскую натуру, которая ищетъ смерти и находитъ ее среди шума битвы; Карлъ — это болѣе патріархальная натура, не питающая особой любви къ войнѣ, но и далеко не трусливая; у Вацлава съ годами все болѣе и болѣе ясно выступаютъ страсть къ наслажденіямъ, вырождающаяся въ распутство, а также грубость и трусость наряду съ жестокостью, наконецъ, лѣнь и нерѣшительность.

И такому государю (см. фиг. 7 на табл. при стр. 246) выпала на долю задача не только управленія наслѣдственными владѣніями одной изъ крупнѣйшихъ династій, но и управленіе огромной Германской имперіей съ ея

разнообразнѣйшими интересами и это въ такое время, когда накопилось такъ много политическаго и соціальнаго горючаго матеріала. Не задолго до смерти Карла IV случилось событіе, ярко освѣтившее затруднительность общаго положенія: одновременно было двое папъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ своихъ приверженцевъ между государями и духовенствомъ: Урбанъ IV, имѣвшій резиденцію въ Римѣ, и Климентъ VII, въ Авиньонѣ. Вацлавъ, котораго обязанностью, въ качествѣ нѣмецкаго короля, было прежде всего уничтожить церковную схизму, спокойно смотрѣлъ на вторженіе этого зла во всѣ жизненныя отношенія. Другая трудная задача возникала для него изъ позиціи, занятой его братомъ Сигизмундомъ въ Венгріи. Онъ былъ женатъ на Маріи, старшей дочери не имѣвшаго сыновей короля Людовика I, которому принадлежала не только венгерская, но съ 1370 г. также и польская корона. Послѣ смерти своего тестя въ 1382 г., люксембургскій принцъ заявилъ притязанія на польско-венгерское государство. Попытка его завладѣть Польшей кончилась однако полной неудачей, пріобрѣтеніе же Венгріи стоило ожесточенной борьбы, требовавшей отъ Вацлава затраты такихъ силъ, какихъ у него не было. Въ имперіи опять-таки король имѣлъ много непріятностей, благодаря борьбѣ между князьями и городами. Сначала онъ принялъ сторону послѣднихъ, потомъ, когда города, несмотря на его помощь, не могли побѣдить, онъ проявилъ полную нерѣшительность и въ концѣ концовъ потерялъ вообще всякій интересъ къ событіямъ въ Германіи. Такое поведеніе отдалило его отъ всѣхъ партій.

Всѣ эти разнообразныя внѣшнія осложненія, для счастливаго разрѣшенія которыхъ у Вацлава не было ни ума, ни воли, ни терпѣнія, были тѣмъ опаснѣе, что и въ его собственныхъ, наслѣдственныхъ земляхъ возникали политическія, соціальныя и религіозныя затрудненія, справиться съ которыми онъ былъ не въ силахъ. Въ началѣ его правленія въ Чехіи нельзя еще было, правда, предвидѣть угрожающихъ опасностей. Нѣкоторое время дѣйствовалъ еще установленный Карломъ IV порядокъ, а Вацлавъ не былъ человѣкомъ, который по собственной иниціативѣ пошелъ бы по новымъ путямъ. Онъ продолжалъ работу надъ широкими культурными задачами, начатую его отцомъ; онъ расширилъ университетъ; литературная дѣятельность, особенно на чешскомъ языкѣ, процвѣтала и при немъ: вѣдь именно въ его царствованіе Гусъ измѣнилъ и упростилъ чешское правописаніе.

Однако противорѣчія въ общественной жизни Чехіи замѣтно обострялись. Расколъ проявился прежде всего въ Пражскомъ университетѣ. Съ тѣхъ поръ какъ численное отношеніе чешской націи къ тремъ остальнымъ, баварской, саксонской и польской, измѣнилось въ пользу первой, она потребовала соотвѣтствующаго измѣненія въ соотношеніи голосовъ въ коллегіяхъ и корпораціяхъ. Скоро чешская нація отдѣлилась отъ трехъ остальныхъ и по религіознымъ вопросамъ, волновавшимъ со временъ Карла IV духовный міръ. Въ то время нѣмецкій проповѣдникъ Кондратъ Вальдгаузеръ, приглашенный Карломъ изъ Австріи въ Прагу, вмѣстѣ съ чешскимъ проповѣдникомъ Миличемъ Кремзирскимъ, проповѣдывали противъ безнравственности какъ мірянъ, такъ и духовенства. Но когда оба они еще при Карлѣ умерли, дѣятельность ихъ преемниковъ пріобрѣтала все болѣе и болѣе націоналистическій характеръ и была направлена, съ одной стороны, противъ нѣмецкихъ нищенствующихъ монаховъ, доминиканцевъ и августинцевъ, съ другой—противъ высшаго духовенства, пражскаго архіепископа и капитула. И Вацлавъ также былъ вовлеченъ въ этотъ споръ и слишкомъ рѣзко выступилъ противъ пражскаго архіепископа Яна изъ Іенштейна и его чиновниковъ. Во время борьбы они были взяты въ плѣнъ, допрошены подъ пыткой и жестоко наказаны. Одинъ изъ нихъ, докторъ Іоаннъ изъ Помука, про-

званный Непомукомъ, получилъ такія поврежденія, что на выздоровленіе его не было надежды; по приказанію короля его утопили въ Молдавѣ. Это случилось въ 1393 году.

Уже въ слѣдующемъ году король долженъ былъ убѣдиться, на какой зыбкой почвѣ покоится въ Чехіи его власть, которой онъ пользовался такъ тиранически. Знатнѣйшіе дворянскіе роды заключили между собою союзъ господъ, имѣвшій своею цѣлью низверженіе совѣтниковъ короля и пріобрѣтеніе вновь того значенія въ управленіи, какимъ эти роды когда-то обладали.

Предпріятіе ихъ стало особенно опаснымъ для Вацлава, когда они соединились съ двоюроднымъ братомъ короля, моравскимъ маркграфомъ Іостомъ (Іобстомъ, Іодокомъ). Іостъ, личность котораго съ этого момента начинаетъ играть выдающуюся роль въ жизни Вацлава, послѣ смерти своего отца Іоанна (1375) сдѣлался маркграфомъ и верховнымъ господиномъ въ Моравіи (см. фиг. 8 на табл. при стр. 246). Оба брата его получили по завѣщанію большія имѣнія, но они были совершенно независимы отъ Іоста. Однако съ самаго начала между ними не было согласія; враждебныя отношенія между Іостомъ и Прокопомъ превратились въ ожесточенную, братоубійственную войну въ Моравіи, отъ которой долго и сильно страдало все маркграфство, въ особенности же, Ольмюцское епископство. Іостъ, честолюбивая и умная голова, сумѣлъ пріобрѣсти довѣріе несамостоятельнаго чешскаго короля и за хорошее вознагражденіе взять на себя часть его правительственныхъ обязанностей. Сначала (въ 1383 г.) онъ былъ сдѣланъ имперскимъ викаріемъ въ Италіи, ибо Вацлавъ надѣялся, что двоюродный братъ подготовитъ ему почву для путешествія въ Римъ. За военную помощь, оказанную имъ Вацлаву и Сигизмунду въ Венгерской войнѣ, Іостъ получилъ въ 1388 г. въ залогъ Бранденбургскую марку, вскорѣ затѣмъ Люксенбургъ и званіе ландфогта въ Эльзасѣ. Когда Вацлавъ впервые (приблизительно, въ 1387 г.) сталъ носиться съ мыслью объ отказѣ отъ нѣмецкой королевской короны, онъ имѣлъ въ виду передать ее своему двоюродному брату, моравскому маркграфу; и насколько серьезны были въ то время надежды Іоста на полученіе этого достоинства, показываетъ то обстоятельство, что онъ въ 1389 г. заключалъ условія и договоры съ герцогомъ Альбрехтомъ III — „на случай, если онъ сдѣлается нѣмецкимъ королемъ“. Но планъ этотъ не осуществился. Когда Іостъ въ 1390 г. вновь былъ назначенъ имперскимъ викаріемъ въ Италіи, съ тѣмъ, чтобы онъ серьезнѣе занялся папскимъ вопросомъ и вопросомъ о коронованіи Вацлава императорской короной, тогда маркграфа удержали отъ поѣздки возникшія въ Чехіи смуты. Іостъ лично сталъ во главѣ направленнаго противъ короля союза господъ, которому онъ обезпечилъ также помощь короля Сигизмунда Венгерскаго, герцога Альбрехта Австрійскаго и маркграфа Вильгельма Мейссенскаго.

Вацлавъ могъ опереться только на скромную помощь своего двоюроднаго брата Прокопа Моравскаго и своего младшаго брата, Іоанна Герлицскаго. Но прежде, чѣмъ дѣло дошло до открытыхъ враждебныхъ дѣйствій, союзу господъ удалось взять короля въ плѣнъ (8 мая 1394 г.). Попытка обоихъ союзниковъ освободить его имѣла своимъ послѣдствіемъ только то, что Вацлавъ былъ заключенъ сначала въ одинъ чешскій, потомъ въ австрійскій замокъ. Іостъ сдѣлался, между тѣмъ, регентомъ въ Чехіи. Когда заговорщикамъ стала угрожать Германія, король былъ отпущенъ на свободу; но въ Чехіи и Моравіи теперь вспыхнула борьба, которая, при непостоянствѣ Вацлава и враждебности другъ къ другу отдѣльныхъ членовъ королевской семьи не могла скоро кончиться. Прежде всего венгерскій король Сигизмундъ вытѣснилъ съ арены борьбы своего двоюроднаго брата Іоста; онъ тайкомъ примирился со своимъ братомъ Вацлавомъ, и какъ бы въ обезпеченіе за собою въ будущемъ нѣмецкой коро-

левской короны, добился назначенія своего уже теперь (въ мартѣ 1396 г.) генеральнымъ викаріемъ въ Германіи. Но менѣе, чѣмъ черезъ годъ (въ февралѣ 1397 г.), Вацлавъ опять уже помирился съ Іостомъ и сдѣлалъ его чѣмъ-то вродѣ соправителя въ Прагѣ.

Но вдругъ онъ прогналъ Іоста и въ 1398 г. сдѣлалъ своимъ постояннымъ совѣтникомъ Прокопа. Это было какъ разъ въ то время, когда настроеніе нѣмецкихъ курфирстовъ по поводу слабаго правленія Вацлава приняло угрожающій характеръ. Вацлавъ отправился въ Германію и послѣ рейхстага во Франкфуртѣ (1398 г.) поѣхалъ къ королю французскому, Карлу VI, чтобы вмѣстѣ съ нимъ обсудить трудный вопросъ о прекращеніи папскаго раскола. Въ это самое время вновь началась въ Чехіи борьба противъ Вацлава и Прокопа со стороны союза господъ, поддерживаемаго Іостомъ и Сигизмундомъ, и эта борьба еще продолжалась, когда въ концѣ августа 1400 года получилось извѣстіе о низложеніи короля Вацлава и о выборѣ въ нѣмецкіе короли Рупрехта Пфальцскаго. Вацлавъ былъ, разумѣется, въ бѣшенствѣ отъ нанесенной ему обиды. Но онъ не могъ рѣшиться на немедленную борьбу для возвращенія потеряннаго сана.

Онъ, правда, пытался вновь помириться съ Сигизмундомъ; но при вопросѣ о томъ, на какихъ условіяхъ выступитъ венгерскій король въ защиту Вацлава противъ имперіи, оба брата вновь поссорились, и Сигизмундъ съ неудовольствіемъ удалился обратно въ Венгрію. Это положеніе Іостъ использовалъ для рѣшительнаго шага. Въ союзѣ съ чешскими баронами, пражскимъ архіепископомъ и маркграфомъ Мейссенскимъ онъ навязалъ Вацлаву правительственный совѣтъ и въ Чехіи и добился вновь того, что ему были отданы во владѣніе Лужицы и Бранденбургская марка (въ августѣ 1401 г.).

Чтобы избавиться отъ этой опеки, Вацлавъ въ началѣ 1402 года вновь помирился съ Сигизмундомъ, сдѣлалъ его регентомъ или соправителемъ въ Чехіи и далъ ему званіе имперскаго викарія въ Германіи. Венгерскій король отблагодарилъ своего брата за довѣріе тѣмъ, что сначала (въ мартѣ 1402 г.) взялъ въ плѣнъ его самого, а затѣмъ и его вѣрнаго помощника, маркграфа Прокопа; онъ вошелъ въ тѣсныя сношенія съ австрійскими герцогами, отдалъ имъ подъ надзоръ въ августѣ того же года чешскаго короля и заключилъ съ ними важные договоры о наслѣдованіи, въ значительной степени въ ущербъ Іосту Моравскому, Бранденбургской маркой котораго онъ свободно распоряжался. Только возстаніе въ Венгріи, принудившее Сигизмунда удалиться изъ Чехіи, и бѣгство Вацлава изъ Австріи на родину (въ ноябрѣ 1403 г.), гдѣ онъ на этотъ разъ, послѣ ненавистнаго австрійскаго правленія, былъ принятъ съ радостью, произвели полный переворотъ въ положеніи дѣлъ. Іостъ вновь пріобрѣлъ благосклонность Вацлава, особенно послѣ того, какъ умеръ братъ послѣдняго Прокопъ, съ которымъ онъ былъ въ вѣчной враждѣ. Онъ съ успѣхомъ отразилъ нападенія Сигизмунда и Габсбурговъ на чешскаго короля. Южная Чехія, Моравія и Австрія были въ 1404—1406 годахъ страшно опустошаемы войнами князей, а также опасной дѣятельностью рыцарскихъ разбойничьихъ шаекъ, которыя сдѣлались въ это время тяжелымъ бичемъ для страны.

Правленіе короля Вацлава было и для Силезіи не менѣе печально, чѣмъ для Чехіи и Моравіи. Въ самомъ началѣ своего правленія онъ принялъ сторону города Бреславля въ яростномъ спорѣ послѣдняго съ тамошнимъ капитуломъ (1381) и жестоко расправился съ послѣднимъ. Но скоро онъ самъ сталъ причиной того, что этотъ важный торговый пунктъ изъ-за поручительства на крупную сумму за нуждавшагося въ деньгахъ короля, былъ вовлеченъ въ долгую борьбу съ Оппельнскими герцогами. Во время этой борьбы особенно большіе убытки терпѣли странствующіе бреславльскіе купцы. Нѣкоторые силезскіе князья, особенно Тешенскіе,

оставались вѣрны Вацлаву и достигали высокихъ степеней при чешскомъ дворѣ; но другіе разрывали ленныя узы, связывавшія ихъ съ Чехіей и вступали въ болѣе тѣсныя отношенія съ тогдашнимъ польскимъ королемъ Владиславомъ Ягеллой.

Можетъ быть, эти разнообразные признаки регресса и упадка въ люксембургскихъ наслѣдственныхъ земляхъ не были бы такъ опасны, если бы одновременно религіозное и національное движеніе въ чешскомъ народѣ не достигло высшей степени своего развитія и не объявило съ поразительной рѣшительностью войны, какъ католической церкви, такъ и всему нѣмецкому. Въ лицѣ Іоанна Гуса, который въ 1396 г. занималъ выдающееся положеніе между профессорами университета и своими проповѣдями въ Вифлеемской часовнѣ въ Прагѣ привлекалъ огромныя массы слушателей изъ всѣхъ слоевъ народа, реформаторское направленіе чешскаго духовенства пріобрѣло себѣ своего знаменитѣйшаго представителя. Онъ и его приверженцы говорили на чешскомъ языкѣ противъ безнравственности духовныхъ и мірянъ, особенно противъ покупки церковныхъ должностей (симоніи), благодаря которой духовное сословіе фактически наводнялось недостойными лицами. Въ Чехіи и Моравіи было столько бенефицій, что даже при маленькихъ церквахъ жило много священниковъ, которымъ нечего было дѣлать. Эти и многіе другіе непорядки были тогда очень распространенной болѣзнью эпохи, противъ которой уже въ серединѣ 14-го столѣтія ратовали въ Чехіи Вальдгаузенъ и Миличъ въ Германіи Генрихъ Герфордскій, въ Англіи Джонъ Виклефъ. Но нигдѣ эти распри духовенства не упали на такую плодородную почву національнаго недовольства, какъ въ Чехіи. Борьба возгорѣлась именно изъ-за сужденія о сочиненіяхъ Виклефа, проникшихъ сюда и восторженно встрѣченныхъ реформаторскимъ духовенствомъ. Требованіе, предъявленное соборнымъ капитуломъ къ университету, принять мѣры противъ распространенія книгъ и ученія Виклефа, встрѣтило возраженіе со стороны чешскаго народа, руководителемъ котораго и тогда уже (1403 г.) считался Гусъ; существующій національный антагонизмъ въ университетѣ и въ народѣ обострился. Такой же разладъ произошелъ и нѣсколько лѣтъ спустя по вопросу о прекращеніи папскаго раскола. Пизанскій соборъ (1409) требовалъ до окончательнаго рѣшенія спора церковной нейтральности, т. е. чтобы послушаніе не оказывалось ни тому, ни другому папѣ. Но въ Пражскомъ университетѣ только одна чешская нація радостно привѣтствовала эту мысль; три остальныя народности вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ признавали римскаго папу Григорія XII. Но король Вацлавъ въ противоположность Рупрехту высказывался за церковный нейтралитетъ. Поэтому чехамъ удалось побудить его къ изданію роковаго указа, которымъ чешской національности, несмотря на ея меньшинство, давались при всѣхъ совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ университета три голоса, остальнымъ же тремъ не чешскимъ націямъ всѣмъ вмѣстѣ только одинъ голосъ. Это было насильственное подавленіе нѣмцевъ и иноземцевъ. Имъ не оставалось ничего другого, какъ выселиться въ другіе университеты Германіи. Этому обстоятельству обязанъ своимъ возникновеніемъ Лейпцигскій университетъ (въ концѣ 1409 г.).

Гусъ, которому слѣдуетъ приписать инициативу этого роковаго шага, съ замѣчательнымъ успѣхомъ освободился отъ своихъ университетскихъ противниковъ. Тѣмъ смѣлѣе вступилъ онъ въ борьбу съ высшимъ духовенствомъ, особенно съ архіепископомъ пражскимъ Збинекомъ. Этотъ послѣдній не только сжегъ экземпляры сочиненій Виклефа, насильно отнятые имъ у священниковъ, но онъ принималъ также всюду мѣры противъ слишкомъ ревностнаго проповѣдничества, стремясь ограничить его только приходскими церквами. Когда Гусъ не подчинился этимъ распоряженіямъ и продолжалъ проповѣдывать въ Виѳлеемской часовнѣ свое реформаторское

ученіе, онъ былъ отлученъ отъ церкви. Но широкая масса народа, университетъ, дворъ, королева Софія (съ 1389 г. вторая жена Вацлав) и даже самъ король стояли на сторонѣ Гуса, между тѣмъ какъ архіепископъ находилъ опору только въ своемъ духовенствѣ и въ новомъ папѣ Іоаннѣ XXIII.

На дальнѣйшее теченіе этихъ смутъ большое вліяніе оказало общее политическое положеніе того времени. Король Рупрехтъ умеръ въ 1410 г. Избраніе обоихъ Люксембурговъ, Іоста Моравскаго и Сигизмунда Венгерскаго, представляло изъ себя только временную опасность, ибо первый изъ нихъ умеръ уже въ январѣ 1411 года. Отъ Люксембургскаго дома, нѣкогда имѣвшаго столь многочисленныхъ представителей, остались только два брата, король чешскій Вацлавъ и король венгерскій Сигизмундъ, изъ которыхъ ни у того, ни у другого не было мужского потомства. Безъ затрудненій подѣлили они наслѣдство своего моравскаго двоюроднаго брата и вообще прекратили всякую, существовавшую дотолѣ вражду. Сигизмундъ получилъ Бранденбургскую марку, которую онъ тотчасъ же заложилъ бургграфу Фридриху Нюренбергскому; Моравію и Лужицы Вацлавъ соединилъ непосредственно съ Чехіей. Сигизмундъ былъ теперь единогласно провозглашенъ нѣмецкимъ королемъ; Вацлавъ поставилъ себѣ цѣлью пріобрѣтеніе императорскаго достоинства.

Они старались точно также уничтожить и церковную схизму, и поэтому изъ трехъ папъ, заявлявшихъ притязаніе на тіару, они признавали только Іоанна XXIII, имѣвшаго свою резиденцію въ Римѣ. Надежда на всеобщее признаніе побудила папу измѣнить свое поведеніе по отношенію къ Гусу и отказаться отъ вызова послѣдняго въ Римъ. Сдѣлать это казалось тѣмъ легче, что главный противникъ Гусса, архіепископъ Збинекъ, также умеръ въ 1411 г., а его престарѣлый преемникъ былъ безвольнымъ орудіемъ въ рукахъ короля Вацлава. Но Гусъ не желалъ уменьшить своего рвенія въ проповѣдываніи противъ злоупотребленій церкви и въ поученіи народа, тѣмъ болѣе, что Іоаннъ XXIII распространеніемъ индульгенцій, доставлявшихъ ему деньги для борьбы съ противниками, давалъ поводъ для новыхъ серьезныхъ жалобъ. Гусъ, его ученики и друзья имѣли вновь на своей сторонѣ симпатіи народа. И все-таки король Вацлавъ, на этотъ разъ по политическимъ соображеніямъ, рѣшился принять энергичныя мѣры противъ оппозиціи. Нѣсколько человѣкъ, открыто возражавшихъ папскимъ комиссарамъ, было арестовано и казнено. Гусъ былъ вновь обвиненъ передъ папскимъ престоломъ и отлученъ отъ церкви (1412). Онъ удалился правда, изъ Праги, но дѣйствовалъ съ тѣмъ большимъ рвеніемъ въ странѣ, всюду, гдѣ бы онъ ни находился. Въ самой же столицѣ борьба партій нисколько не уменьшилась.

Тогда Сигизмундъ вобразилъ, что, вызвавъ Гуса къ отвѣту передъ Констанцскимъ соборомъ, ему удастся прекратить религіозныя распри, глубоко волновавшія чешскія наслѣдственныя земли, Чехію, а также Моравію. На этотъ соборъ, созванный для прекращенія церковной схизмы и проведенія общей церковной реформы, съѣхались выдающіеся представители политической и церковной Европы. За 14 дней до перваго засѣданія собора, 3 ноября 1414 г., прибылъ Гусъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ чешскихъ дворянъ и съ охранной грамотой нѣмецкаго короля Сигизмунда. Но это не помѣшало собору уже 28 ноября взять Гуса подъ стражу; и король Сигизмундъ, и Вацлавъ допустили это, несмотря на свое обѣщаніе обезпечить ему безопасность поѣздки на соборъ и обратно. Дворянство Чехіи и Моравіи все настойчивѣе и настойчивѣе вступалось за Гуса и посылало королю и собору предостереженія и просьбы. И все-таки, послѣ болѣе чѣмъ шестимѣсячнаго мучительнаго заточенія, Гусъ былъ 6 іюля 1415 года въ качествѣ еретика лишенъ соборомъ своего духовнаго сана, послѣ чего свѣтская власть совершила надъ нимъ казнь

посредствомъ сожженія на кострѣ (см. приложенную табл. „Сожженіе Іоанна Гуса Констанцскимъ соборомъ 6 іюля 1415 г.“).

Гусъ умеръ, какъ истинный мученикъ за свою вѣру. Передъ констанцскими судьями онъ выказалъ стойкость и твердость, любовь къ истинѣ и презрѣніе къ смерти, которыя должны были побудить его многочисленныхъ приверженцевъ въ Чехіи и Моравіи къ еще большей вѣрности его ученію. Незадолго до смерти Гуса одинъ изъ его учениковъ, Іаковъ (Jacobellus) изъ Миса, опираясь на св. Писаніе, выступилъ съ требованіемъ, чтобы Св. Причастіе давалось впредь въ обоихъ видахъ (sub utraque specie), тѣла и крови Христовыхъ. Такъ какъ Гусъ не противился этому, то приверженцы его нашли въ этомъ требованіи желанный осязательный признакъ своего уклоненія отъ католической церкви. По этому признаку, возведенному въ символъ гуситства, приверженцы его получили имя утраквистовъ. Не признавались тѣ священники, которые не давали причастія въ обоихъ видахъ, но Констанцскій соборъ указалъ, что и это новшество противорѣчитъ принятымъ обычаямъ церкви. Такимъ образомъ, былъ данъ поводъ, для повсемѣстнаго изгнанія католическихъ священниковъ. Скоро владѣтельные князья и рыцари, слѣдуя духу времени, заключили союзъ для защиты причастія въ двухъ видахъ и свободной проповѣди, и рѣшили до выбора новаго папы признавать высшей церковной властью не соборъ, а только Пражскій университетъ.

Отцы собора поспѣшили принять строгія мѣры противъ отщепенцевъ, предать ихъ отлученію и запрещенію. Въ Ольмюцѣ были сожжены послѣдователи Гуса, старавшіеся распространить тамъ его ученіе, въ Констанцѣ былъ сожженъ 30 мая 1416 г. второй пражскій магистръ Іеронимъ. Епископъ Іоаннъ Литомышльскій, котораго послѣ Сигизмунда считали всего болѣе отвѣтственнымъ за осужденіе Гуса, былъ назначенъ епископомъ ольмюцскимъ и ревностно старался совершенно искоренить ересь. Все это послѣ смерти Гуса съ каждымъ годомъ обостряло расколъ и дѣлало его непоправимымъ. И новый папа Мартинъ V не примѣнялъ другихъ средствъ, кромѣ отлученій и проклятій. Средства эти были тѣмъ менѣе дѣйствительны, что между гуситами начали уже образовываться секты и партіи, оставлявшія далеко за собой положенія пражскихъ учителей. Крупнѣйшей и позднѣе важнѣйшей изъ этихъ сектъ была секта таборитовъ, получившая свое названіе отъ горы Табора, на которой происходили сначала ея собранія. Табориты говорили, что въ церковномъ отношеніи они хотятъ вернуться къ порядкамъ первобытнаго христіанства, придерживаться только библіи. Въ своихъ политико-соціальныхъ воззрѣніяхъ и планахъ они были очень радикальны. Для отличія отъ нихъ умѣренные гуситы или утраквисты назывались по своему символу каликстинами (чашечниками) или называли себя еще пражцами, такъ какъ ихъ духовнымъ центромъ былъ Пражскій университетъ.

Революціонное движеніе становилось все опаснѣе и охватывало все болѣе и болѣе широкіе круги, поэтому король Вацлавъ, послѣ смерти Гуса покровительствовавшій его ученикамъ, побуждаемый теперь своимъ братомъ королемъ Сигизмундомъ и папой, рѣшилъ принять серьезныя мѣры. Въ началѣ 1419 г. онъ обновилъ католиками гуситскій совѣтъ пражскаго Новаго Города и пригласилъ обратно изгнанныхъ священниковъ. Но взаимная ненависть зашла уже слишкомъ далеко, такъ что гуситы, которымъ католики помѣшали при одной процессіи и даже надсмѣялись надъ ними, завладѣли 30 іюля 1419 г. подъ предводительствомъ Жишки ратушей въ Новомъ Городѣ и выбросили изъ окна нѣсколькихъ католическихъ совѣтниковъ, которые и были убиты разъяренной толпой. Волненіе въ городѣ и въ странѣ еще усилилось, когда нѣсколько недѣль спустя, 19 августа 1419 г., умеръ король Вацлавъ, на котораго сильно подѣйствовала вспыхнувшая революція.

Исторія человѣчества. V. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб

Сожженіе Іоанна Гуса Констанцскимъ соборомъ 6 іюля 1415 г.

(Изъ написаннаго въ 16 столѣтіи Канціонала, хранящагося въ Чешскомъ музеѣ въ Прагѣ.)

D. Король Сигизмундъ; гуситскія войны.

Сигизмундъ, послѣдній представитель Люксембургской династіи (см. фиг. 19. табл. при стр. 246), стоялъ передъ трудной задачей: онъ долженъ былъ вступить во владѣніе наслѣдіемъ своего брата, вступить въ управленіе Чехіей, Моравіей и Силезіей. Въ каждой изъ этихъ странъ политическое положеніе было иное, и различны были шансы на то, что его признаютъ королемъ. Въ Чехіи онъ долженъ былъ ожидать самаго ожесточеннаго сопротивленія, пока оставался противникомъ гуситскаго движенія. Въ Моравіи это движеніе также пустило глубокіе корни среди дворянства и сельскаго населенія. Но здѣсь надъ искорененіемъ ереси энергично работали Ольмюцское епископство и его многочисленные вассалы подъ предводительствомъ епископа Іоанна „Желѣзнаго“; кромѣ того большинство населенія важнѣйшихъ городовъ, Брюнна, Ольмюца, Знаима, Иглау и другихъ, осталось католическимъ и нѣмецкимъ и не думало нарушать наслѣдственныя права Люксембургской династіи. На полное признаніе Сигизмундъ могъ разсчитывать въ совершенно онѣмеченной Силезіи, гдѣ на происходящую въ Чехіи борьбу смотрѣли прежде всего съ національной точки зрѣнія и видѣли, главнымъ образомъ, ея германофобскій характеръ. Поэтому Сигизмундъ не поѣхалъ въ Чехію, а поручилъ управленіе ею вдовствующей королевѣ Софіи (стр. 255) давъ ей въ помощь нѣсколькихъ совѣтниковъ изъ умѣренной дворянской партіи. Самъ же онъ прибылъ въ декабрѣ 1419 г. въ Брюннъ, куда имъ былъ созванъ сеймъ. И изъ Чехіи явилось къ нему посольство, которое должно было просить короля о признаніи четырехъ пунктовъ, принятыхъ гуситскими партіями незадолго передъ тѣмъ на Пражскомъ сеймѣ: 1) о свободной проповѣди Божьяго слова, 2) о причащеніи подъ обоими видами, 3) о секуляризаціи владѣній церкви и духовенства, 4) о строгомъ преслѣдованіи и наказаніи смертныхъ грѣховъ. Сигизмундъ уклонился отъ всякихъ объясненій и отдѣлался отъ делегатовъ, сказавъ имъ, что самъ пріѣдетъ въ Чехію.

Но онъ не отправился туда, а поспѣшилъ изъ Брюнна въ Бреславль, куда и въѣхалъ съ большой торжественностью 5 января 1420 года. И здѣсь онъ обнаружилъ свое истинное отношеніе къ гуситамъ, какъ къ религіознымъ и политическимъ противникамъ. Въ послѣдніе годы правленія Вацлава бреславльскіе ремесленники возмутились противъ патриціанскаго совѣта и всего королевскаго правительства, подобно пражскимъ гуситамъ убили совѣтниковъ и захватили въ свои руки власть. Сигизмундъ не замедлилъ призвать ихъ на свой судъ. Часть изъ нихъ (23) онъ казнилъ на площади 4 марта 1420 г., многочисленные бѣглецы были приговорены къ смерти in contumaciam и лишены имущества и правъ, привилегіи всѣхъ цеховъ и ихъ особыя юрисдикціи были значительно сокращены. Этимъ онъ обращался съ Quos ego! къ чехамъ и еще явственнѣе былъ для нихъ этотъ возгласъ, когда Сигизмундъ 15 марта 1420 г. сжегъ, какъ еретика, одного пражскаго гражданина, который осмѣлился въ Бреславлѣ громко высказаться противъ осужденія Гуса и открыто заявить о своихъ гуситскихъ убѣжденіяхъ. Черезъ два дня онъ велѣлъ прочитать съ каѳедръ всѣхъ бреславльскихъ церквей крестовую буллу папы Мартина V противъ гуситовъ. Неудивительно поэтому, что Пражское посольство, прибывшее и сюда для переговоровъ съ королемъ, въ разочарованіи покинуло Бреславль, вернулось въ Прагу и весьма разумно выступило за соединеніе умѣренныхъ каликстиновъ съ радикальными таборитами и уговаривало къ борьбѣ противъ общаго врага, Сигизмунда.

Нѣсколько недѣль спустя Сигизмундъ съ сильнымъ, прекрасно организованнымъ войскомъ, составленнымъ изъ нѣмцевъ и силезцевъ, всту-

пилъ въ Чехію. Онъ могъ здѣсь разсчитывать на поддержку многихъ городовъ, оставшихся католическими и нѣмецкими (напр. Куттенберга) и на тѣ преимущества, которыя ему давало обладаніе двумя господствующими надъ Прагой замками, Градишиномъ и Вышеградомъ. Но осада Праги (съ мая по іюнь 1420 г.) не удалась; изъ попытки освободить защитниковъ Вышеграда ничего не вышло, и въ кровопролитной битвѣ 1 ноября 1420 г. войско короля было разбито, а съ нимъ и большая часть католическаго дворянства изъ Моравіи, подошедшаго къ нему на помощь. Когда Сигизмундъ въ февралѣ 1421 года еще разъ попыталъ счастья въ борьбѣ противъ чеховъ, онъ долженъ былъ отступить черезъ Моравію въ Венгрію, при чемъ его отступленіе было похоже на бѣгство. Неустрашимое войско таборитовъ, предводительствуемое Жишкой, три раза одерживало побѣду. Въ сознаніи своей силы оно перешло въ наступленіе и завоевало рядъ городовъ и дворянскихъ замковъ, оставшихся католическими. Рука объ руку съ этимъ, въ Богеміи шло превращеніе нѣмецкихъ городовъ въ чешскіе, поскольку оно уже не было вызвано предыдущими событіями; только немногіе изъ нихъ оказали успѣшное сопротивленіе этому перевороту. Король уже на Чаславскомъ сеймѣ въ іюнѣ 1421 г. былъ, какъ „смертельный врагъ чешской націи", объявленъ лишеннымъ короны; временное правительство предложило занять чешскій престолъ польскому королю.

Сигизмундъ напоминалъ своего дѣда, короля Іоанна, своей неустрашимостью, неутомимостью и многими другими хорошими и дурными чертами характера. Онъ принялъ вызовъ несмотря на то, что ему угрожали опасности и въ Венгріи, и онъ безъ посторонней помощи не могъ и думать о продолженіи войны въ Чехіи. Въ Германіи по его призыву снаряжалось войско крестоносцевъ, доведенное, благодаря подкрѣпленіямъ изъ Мейссена и Силезіи, будто бы, до 200,000 человѣкъ; но, едва вступивъ въ сентябрѣ 1421 г. въ Чехію, оно должно было съ большими потерями отступить обратно передъ неудержимымъ натискомъ гуситскихъ отрядовъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ имперія могла снарядить новый походъ противъ Чехіи.

Важнѣе всего для Сигизмунда была поддержка, оказываемая ему съ самаго начала и до конца войны герцогомъ Альбрехтомъ V Австрійскимъ, который сопровождалъ его во всѣхъ сраженіяхъ. За это онъ получилъ хорошую награду: Сигизмундъ отдалъ ему руку своей единственной дочери и предполагаемой наслѣдницы Елизаветы, кромѣ того отдалъ ему сначала нѣсколько городовъ и замковъ, потомъ намѣстничество и, наконецъ, по договорамъ 1 — 4 октября 1423 г., уступилъ ему и владѣніе всѣмъ маркграфствомъ Моравіей. Альбрехтъ сумѣлъ, въ союзѣ съ ольмюцскимъ епископомъ, постепенно освободить эту страну отъ гуситскаго вліянія, побѣдить гуситскихъ бароновъ и сдѣлать Моравію опорнымъ пунктомъ операцій противъ Чехіи.

Эти обстоятельства и побудили въ 1427 г. Жишку обратить свое вниманіе на сосѣднюю страну. Но въ самомъ началѣ похода могучій полководецъ скончался отъ похожей на чуму болѣзни въ Пржибиславѣ, городкѣ на чешско-моравской границѣ. Уже передъ его смертью между отдѣльными партіями гуситовъ происходили сильные раздоры, которые однако улаживались, благодаря энергіи могучаго полководца. Послѣ его смерти сейчасъ же произошелъ расколъ, и вѣрные друзья его отдѣлились подъ именемъ „сиротъ" отъ таборитовъ; предводительство надъ послѣдними взялъ на себя Прокопъ Голый (Бритый), который въ слѣдующіе годы войны занялъ самое выдающееся мѣсто во всемъ гуситскомъ войскѣ; главнымъ образомъ, именно онъ побуждалъ съ 1424 г. чеховъ къ походамъ во всѣ сосѣднія страны и перенесъ гуситскую войну въ Австрію и Венгрію, Силезію и Лужицы, Саксонію и Бранденбургъ, въ Пфальцъ и во Франконію. Ежегодно повторялись походы гуситовъ то въ одну, то въ

другую страну, и они приносили съ собой страшное разореніе для всей средней Европы. Въ нѣкоторыхъ странахъ, главнымъ образомъ, въ Силезіи, гуситы не ограничивались грабительскими набѣгами, а оставляли въ завоеванныхъ городахъ и замкахъ постоянные гарнизоны, которые терзали и грабили всю окружающую область. Усиленіе опасности побудило имперскихъ князей лѣтомъ 1427 года, въ то время, какъ король Сигизмундъ былъ занятъ турецкой войной, предпринять второй крестовый походъ противъ Чехіи. Когда 2 августа крестоносцы встрѣтились при Таховѣ съ гуситами, привыкшими къ побѣдамъ, дѣло опять кончилось тѣмъ, что нѣмецкое войско было охвачено паникой, и его отступленіе походило на бѣгство. Казалось, — и военные подвиги гуситовъ въ слѣдующемъ году только подкрѣпили такое мнѣніе,—что этихъ враговъ совершенно невозможно побѣдить на полѣ битвы.

Въ 1431 году начался послѣдній актъ этой грандіозной трагедіи въ исторіи Чехіи. На совсѣмъ новыхъ основаніяхъ Сигизмундъ хотѣлъ добиться во что бы то ни стало развязки: борьба была вызвана соборомъ, и соборъ же долженъ былъ положить ей конецъ. Папа Мартинъ V, котораго ему, наконецъ, удалось убѣдить въ правильности этой мысли, созвалъ общій церковный соборъ въ Базелѣ и поручилъ кардиналу Джуліано Чезарини руководить этимъ соборомъ и включить въ кругъ подлежащихъ его разрѣшенію задачъ также и уничтоженіе гуситской ереси. Но предварительно ему было приказано, да онъ и самъ желалъ этого, попытаться, не исполнитъ ли скорѣе всего этой задачи войско крестоносцевъ подъ его духовнымъ руководительствомъ. Но когда и походъ въ Чехію также кончился ужаснымъ пораженіемъ нѣмцевъ при Таусѣ 14 августа 1431 г., тогда они вступили на путь переговоровъ, къ которымъ умѣренныя партіи въ Чехіи уже довольно давно обнаруживали склонность. Въ то время, какъ гуситскія войска въ 1432 и 1433 годахъ грабили и убивали въ Австріи, сѣверной Венгріи, Силезіи, Саксоніи и Бранденбургѣ до самаго моря, въ Базель прибыло въ первые мѣсяцы 1433 г. посольство изъ Праги. Когда здѣсь ни къ чему не пришли, послы отъ собора отправились въ Прагу и здѣсь 30 ноября 1433 г. были, наконецъ, составлены Пражскіе Компактаты. Главное содержаніе и основа ихъ заключалась въ признаніи (хотя условномъ и неполномъ) четырехъ пражскихъ пунктовъ 1419 г., относительно которыхъ императоръ Сигизмундъ, во время предъявленія ихъ въ Брюннѣ, не отвѣтилъ, принимаетъ ли онъ ихъ или же отвергаетъ.

На дальнѣйшій ходъ событій большое вліяніе оказалъ расколъ между умѣренными каликстинцами, къ которымъ принадлежало большинство дворянства въ Чехіи, съ одной стороны, таборитами и сиротами—съ другой. 30 мая 1434 г. произошло при Липанѣ сраженіе между обѣими партіями, при чемъ радикалы потерпѣли жестокое пораженіе. Теперь была очищена почва для мира, который и былъ заключенъ на Иглаускомъ ландтагѣ 5 іюля 1436 г., при чемъ были опубликованы Пражскіе Компактаты. Вскорѣ за примиреніемъ Чехіи съ церковью послѣдовало примиреніе ея съ королемъ Сигизмундомъ, котораго за разныя политическія и національныя уступки признали чешскимъ королемъ. Только полтора года мирно пользовался онъ обладаніемъ этой короной; онъ умеръ 9 декабря 1437 г., въ то время, когда между гуситами замѣчалось уже сильное движеніе противъ него, вызванное различными недоразумѣніями и несоблюденіемъ договоровъ.

6. Король Альбрехтъ и Владиславъ Габсбургскіе.

Еще на смертномъ одрѣ Сигизмундъ рекомендовалъ окружавшимъ его чешскимъ дворянамъ избрать въ короли его зятя Альбрехта V Авст-

рійскаго. Притязанія Альбрехта (II), унаслѣдовавшаго отъ Сигизмунда также нѣмецкую и венгерскую короны, на владѣніе Чехіей, Моравіей и Силезіей основывались на люксембургскомъ законѣ о престолонаслѣдіи изъ эпохи Карла IV, а также на различныхъ договорахъ о наслѣдованіи и на братскихъ союзахъ между Люксембургами и Габсбургами. Но государь этотъ, хорошо извѣстный въ Чехіи по гуситскимъ войнамъ, могъ разсчитывать на признаніе со стороны только двухъ изъ господствовавшихъ тогда въ странѣ партій: католиковъ, во главѣ которыхъ стоялъ баронъ Ульрихъ изъ Розенберга, и каликстинцевъ, вождемъ которыхъ былъ Мейнгардъ изъ Нейгауза. Табориты, главой которыхъ тогда былъ Генрихъ (Гинкъ) Птачекъ изъ Пиркштейна, предложили чешскую корону славянину Казиміру, брату польскаго короля Владислава. Они вызвали этимъ не только гражданскую войну въ самой Чехіи, но и вторженіе поляковъ, какъ въ эту страну, такъ и въ Силезію, которая присягнула уже Альбрехту.

Исходъ борьбы не былъ еще рѣшенъ, когда Альбрехтъ скоропостижно скончался 27 октября 1439 года, не оставивъ послѣ себя мужского потомства; только въ февралѣ 1440 года вдова его Елизавета разрѣшилась отъ бремени сыномъ, которому было дано имя Ладиславъ (Владиславъ IV) Постумъ (см. фиг. 20 на табл. при стр. 246). Хотя онъ и имѣлъ неоспоримыя права на наслѣдіе своего отца, но партія Птачека изъ Пиркштейна не обратила на наслѣдственныя права Габсбурговъ никакого вниманія и добилась на одномъ Пражскомъ ландтагѣ почти единогласнаго избранія чешскимъ королемъ герцога Альбрехта Баварскаго. Но тотъ, внявъ тайнымъ предостереженіямъ вождя католиковъ, Ульриха изъ Розенберга, отказался принять эту корону. Тогда табориты попытались склонить къ принятію чешской короны императора Фридриха, дядю и опекуна Владислава, а когда и этотъ планъ не удался, они хотѣли признать даже и Владислава, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ былъ воспитанъ въ Чехіи. Во всякомъ случаѣ, въ этой безконечной борьбѣ партій побѣда осталась на сторонѣ Ульриха изъ Розенберга. Будучи самымъ могущественнымъ властителемъ въ странѣ, онъ изъ смутъ безкоролевья извлекъ наибольшую пользу. Въ его рукахъ и въ рукахъ его союзниковъ каликстинцевъ была большая часть страны и главный городъ Прага; таборитамъ принадлежали тогда изъ тринадцати округовъ Чехіи только четыре.

Это положеніе измѣнилось лишь тогда, когда, послѣ смерти Птачека изъ Пиркштейна въ 1444 г., молодой Георгъ (Юрій) Подѣбрадъ Кунштадтскій принялъ руководительство строго-гуситской партіей. Въ 1448 г. онъ посредствомъ смѣлаго нападенія овладѣлъ Прагой и обезпечилъ тамъ полную свободу для своей партіи. Два года свирѣпствовала опять въ Чехіи ожесточенная гражданская война. Наконецъ, въ самомъ концѣ 1450 г. на пражскомъ сеймѣ сошлись на томъ, чтобы вновь просить императора о передачѣ въ Чехію на воспитаніе молодого короля. На этотъ разъ Фридрихъ III, обойдя всѣхъ остальныхъ вождей партій, вступилъ въ соглашеніе непосредственно съ Юріемъ Подѣбрадомъ, передавъ ему въ 1451 г. управленіе Чехіей на время несовершеннолѣтія Владислава. Чешскія сословія одобрили такое рѣшеніе на сеймѣ 27 апрѣля 1452 года. Но Подѣбрадъ сохранилъ за собой регентство и тогда, когда въ слѣдующемъ году, послѣ революціоннаго возстанія австрійскаго дворянства противъ императора, 13-лѣтній Владиславъ былъ освобожденъ отъ опеки и вступилъ, по крайней мѣрѣ номинально, въ управленіе Австріей, Венгріей и Чехіей. Въ октябрѣ 1453 г. — достопамятный годъ завоеванія Константинополя турками — онъ вступилъ въ Прагу, гдѣ на него была возложена чешская королевская корона. Передъ этимъ, во время проѣзда Владислава черезъ Моравію, ему присягнули сословія этой страны, къ немалому огорченію чеховъ. Въ Чехіи моло-

дой государь попалъ въ полную зависимость отъ Юрія Подѣбрада; этотъ послѣдній былъ не только его министромъ и политическимъ совѣтчикомъ, но и его, какъ онъ себя называлъ, „гофмейстеромъ“, ни на минуту не выпускавшимъ юношу изъ глазъ. Онъ задержалъ его болѣе, чѣмъ на годъ, въ Чехіи и сопровождалъ потомъ въ Бреславль и Вѣну. Здѣсь только оставилъ Владислава его чешскій гувернеръ и возвратился въ Чехію, чтобы править тамъ отъ имени короля. Хотя Юрій Подѣбрадъ и сумѣлъ использовать для своей личной выгоды благосклонность молодого государя и былъ богато одаренъ принадлежавшими королю удѣльными имѣніями, но все-таки время его намѣстничества (1451—57 г.) считается счастливымъ періодомъ въ чешской исторіи. Ему удалось сохранять миръ внутри государства, упрочить общую безопасность и порядокъ, поднять торговлю и ремесла. 23 ноября 1457 г. внезапно умеръ король, павшій жертвой какой-то болѣзни, вродѣ чумы. Ему было ровно 18 лѣтъ, и онъ умеръ въ то время, когда происходили приготовленія къ торжеству его бракосочетанія съ дочерью короля Карла VII Французскаго.

7. Король Юрій Подѣбрадъ.

Юрій Подѣбрадъ (см. фиг. 21 на табл. при стр. 246) дѣйствовалъ такъ ловко, что уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Владислава, 2 марта 1458 г., ему удалось добиться, чтобы его возвели на чешскій королевскій престолъ. Сосѣднія страны Моравія, Силезія, прежде всего могущественный Бреславль, и Лужицы сначала отказались признать его. Въ Моравіи, впрочемъ, только католическіе города Брюннъ, Ольмюцъ, Знаимъ, Иглау и др. не хотѣли подчиниться гуситскому королю. Когда появился Юрій съ войскомъ, только Иглау продолжалъ еще упорствовать, поддерживаемый эрцгерцогомъ Альбертомъ VI Австрійскимъ, братомъ императора Фридриха III. Этотъ городъ былъ жестоко наказанъ за свое сопротивленіе. Въ Силезіи и Лужицахъ поворотъ въ пользу Юрія произошелъ тогда, когда ему удалось, благодаря разнымъ политическимъ осложненіямъ, склонить на свою сторону тамошняго претендента, герцога Альберта (III, Великодушнаго) Саксонскаго. Упроченію его положенія содѣйствовало еще то обстоятельство, что онъ, послѣ своего коронованія, какъ это ни странно, заявилъ покорность католической церкви. Такимъ образомъ, онъ заручился могущественной поддержкой папы, который, будучи увѣренъ въ томъ, что Юрій Подѣбрадъ возвратитъ Риму всю Чехію, приказалъ католикамъ въ Чехіи, Моравіи и Силезіи присягнуть новому королю. Даже Бреславль, въ своемъ изолированномъ положеніи, не могъ упорствовать во враждѣ къ Юрію, когда папа Пій (Эней Сильвій), послалъ туда въ 1459 г. своихъ легатовъ, чтобы достигнуть примиренія съ чешскимъ королемъ; 13 января 1460 г. при посредничествѣ бреславльскаго городского писца и хрониста Петра Эшенлоера, были заключены чрезвычайно важные договоры, въ которыхъ бреславльцы заявляли, свою покорность королю Юрію, но присягу откладывали еще на три года.

Юрію Подѣбраду нечего было бояться за свою власть въ Чехіи, Моравіи и Силезіи; со всѣми сосѣдними государями и съ нѣмецкимъ королемъ онъ былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, папскій престолъ называлъ его „любезнѣйшимъ сыномъ“. Теперь онъ могъ стремиться къ болѣе высокой цѣли. Надежда на венгерскій королевскій престолъ представилась ему (или его сыну Генриху), какъ сопернику короля Матвѣя Корвина (Т. VII, стр. 230), уже въ 1459 г.; но въ виду неопредѣленнаго положенія вещей въ Венгріи онъ колебался и въ концѣ концовъ отказался отъ венгерской короны, которая и досталась королю Фридриху III. За это онъ имѣлъ то удовлетвореніе, что оба борящіеся между собой изъ-за вен-

герскаго престола государя искали союза съ нимъ. Уже въ августѣ 1459 года императоръ не только отдалъ ему въ ленъ чешскія земли, но и связалъ себя важными обѣщаніями; въ то же время Матвѣй не безъ успѣха искалъ дружбы чешскаго короля. Сумѣвъ использовать для себя вражду обоихъ государей, Юрій рѣшилъ въ то же самое время войти въ сношенія съ противниками императора въ Германской имперіи и безъ посторонней помощи проложить себѣ путь къ нѣмецкому королевскому престолу. Эти планы чешскаго короля были въ зародышѣ разрушены, главнымъ образомъ, враждебной ему работой маркграфа Альбрехта Ахилла.

Скоро произошелъ и роковой для Юрія разрывъ съ папой. За непродолжительнымъ періодомъ блестящаго расцвѣта послѣдовало почти цѣлое десятилѣтіе тяжелой, безплодной борьбы. Пій II требовалъ отъ чешскаго короля строгихъ мѣръ противъ утраквистовъ и утверждалъ, что исполнить требованіе обязываетъ Юрія принесенная имъ королевская присяга. Когда переговоры не привели ни къ какому результату, папа отправилъ лѣтомъ 1462 г. своего легата въ Прагу. Здѣсь произошла 14 августа бурная сцена, во время которой Юрій въ отвѣтъ на требованія папы открыто заявилъ, что онъ не хочетъ отступать отъ компактатовъ, которые Пій II уже раньше объявилъ недѣйствительными; король арестовалъ, кромѣ того, легата, публично обвинявшаго его въ нарушеніи клятвы и угрожавшаго ему духовными и свѣтскими карами. Такимъ образомъ, были порваны всякія узы, связывавшія чешскаго короля съ папой. Но борьба ограничилась пока только тѣмъ, что папа старался побудить католиковъ въ Чехіи, Моравіи и Силезіи къ отпаденію отъ короля; эти увѣщанія имѣли дѣйствительный успѣхъ только въ Бреславлѣ. Государей, къ которымъ папа Пій обратился съ призывомъ противъ Юрія, нельзя было склонить къ войнѣ, отчасти по причинамъ родства, какъ напр., его зятя, Матвѣя Корвина венгерскаго, отчасти же по причинамъ политическаго характера, какъ напр. польскаго короля и особенно императора Фридриха III (т. VII, стр. 230), который въ 1462 и 1463 годахъ находился въ очень стѣсненномъ положеніи; императоръ выступилъ тогда даже передъ папой съ ходатайствомъ за Юрія Подѣбрада.

Но это положеніе измѣнилось, когда въ 1464 году на папскій престолъ вступилъ вмѣсто Пія II гораздо болѣе рѣшительный Павелъ II, и когда умерла Екатерина, дочь Юрія Подѣбрада, смерть которой развязала руки ея мужу, Матвѣю Корвину, въ его отношеніяхъ къ бывшему своему тестю. Папа Павелъ въ 1466 году отлучилъ Юрія, какъ еретика, отъ церкви и возбудилъ въ Бреславлѣ и въ Чехіи противъ него борьбу, которая была потомъ перенесена и въ Чехію дворянскимъ Союзомъ Господъ. Несмотря на это король, пока сосѣдніе князья сохраняли нейтралитетъ, могъ еще справиться съ противниками въ собственной странѣ. Только тогда, когда Матвѣй Корвинъ въ 1478 году рѣшился послѣдовать призыву папы къ крестовому походу противъ чешскаго короля, Юрій потерялъ всю Моравію и части Силезіи. Но скоро ему удалось окружить около Вилимова (въ февралѣ 1469 г.) венгерскаго короля, слишкомъ смѣло вторгшагося въ Чехію; послѣдній долженъ былъ согласиться на перемиріе для веденія переговоровъ объ окончательномъ мирѣ. Но мирный договоръ не былъ заключенъ; папскому легату и чешскимъ баронамъ удалось помѣшать заключенію мира, такъ какъ они выставили такія требованія, которыхъ Юрій не могъ принять, Они уговорили даже Матвѣя Корвина провозгласить себя 3 мая 1469 г. чешскимъ королемъ и заставить присягнуть себѣ по, крайней мѣрѣ, жителей Моравіи, Силезіи и Лужицъ.

Это сдѣлало неизбѣжнымъ продолженіе войны. Юрій, признавшій польскаго принца Владислава своимъ преемникомъ и поддерживаемый за это Польшей, сражался не безъ успѣха; но онъ не дождался исхода борьбы

и скончался отъ болѣзни 22 марта 1471 года г. Юрій былъ одной изъ оргинальнѣйшихъ личностей, занимавшихъ когда-либо чешскій престолъ; ни до, ни послѣ него не было въ Чехіи государя такого низкаго происхожденія, который бы изъ простого предводителя партіи сдѣлался сначала могущественнымъ правителемъ, а потомъ и королемъ. Онъ обладалъ большимъ государственнымъ умомъ и находилъ среди современниковъ ревностныхъ поклонниковъ и преданныхъ друзей. Владѣнія его страдали, правда, отъ непрерывныхъ войнъ, но управленіе находилось въ твердыхъ рукахъ. Только религіозный вопросъ, наслѣдіе гуситскихъ временъ, мѣшалъ всѣмъ его успѣхамъ и сталъ въ концѣ концовъ причиной крушенія всѣхъ его плановъ.

8. Польскіе Ягеллоны на чешскомъ престолѣ.

А. Король Владиславъ (1471—1516).

Совсѣмъ иной личностью былъ преемникъ Юрія на чешскомъ престолѣ, полякъ Владиславъ. Его называли по его любимому выраженію — королемъ „ну, ладно“ (см. фиг. 22 на табл. къ стр. 246). Еще восемь лѣтъ продолжалась война противъ короля Матвѣя, частью на чешско-моравской территоріи, частью въ Силезіи (Бреславль), частью въ Венгріи. Военное счастье склонялось то на одну, то на другую сторону; финансовыя затрудненія обоихъ государей и партій, приближающаяся опасность со стороны турокъ (стр. 145), все это было причиной заключенія временныхъ перемирій и привело въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ переговоровъ къ заключеніе Ольмюцскаго мира 21 іюля 1479 г. Было рѣшено, что Владиславъ сохранитъ за собой Чехію и титулъ чешскаго короля, но что и Матвѣй Корвинъ будетъ пожизненно называться чешскимъ королемъ (см. фиг. 23 на табл. при стр. 246) и будетъ владѣть Моравіей, Силезіей и Лужицами; послѣ его смерти эти страны могутъ быть выкуплены Владиславомъ за неимовѣрно-колоссальную для того времени сумму въ 400,000 дукатовъ.

Вопросъ о церковномъ единствѣ, о возвращеніи утраквистовъ въ лоно католической церкви, вопросъ изъ-за котораго и была возбуждена Римомъ вся эта борьба, совсѣмъ не былъ затронутъ въ мирномъ договорѣ: король Владиславъ при своемъ вступленіи на престолъ обязался соблюдать компактаты. Такимъ образомъ, по окончаніи внѣшней войны, могла и должна была возобновиться въ Чехіи партійная борьба между католиками и утраквистами. Особенно сильныя смуты происходили осенью 1485 года. Умерщвленіе и выбрасываніе изъ окна совѣтниковъ, разграбленія церквей и монастырей, преслѣдованія и погромы нѣмцевъ и евреевъ повторялись постоянно. Удивительно, что именно этотъ дикій взрывъ страстей менѣе чѣмъ черезъ два года привелъ къ примиренію обѣихъ религіозныхъ партій. Примиреніе это состоялось на основѣ признанія компактатовъ и полнаго уравненія въ правахъ утраквистовъ съ католиками.

Съ этихъ поръ вліяніе секты утраквистовъ въ Чехіи падаетъ. Она тѣмъ болѣе потеряла свое значеніе, что какъ разъ въ это время стала сильно распространяться секта „моравскихъ братьевъ“ (по крайней мѣрѣ, при возникновеніи своемъ, не очень отличавшаяся отъ утраквистовъ). Тотъ фактъ, что изъ ствола гуситизма, такъ долго спустя послѣ его возникновенія, выросла столь здоровая вѣтвь новаго вѣроученія, показываетъ, какіе глубокіе корни пустили вь народѣ гуситскія идеи; поэтому всѣ старанія Рима объединить въ Чехіи утраквистовъ съ католиками оказались тщетными, несмотря на то, что въ этихъ стараніяхъ принимали участіе такіе крупные умы, какъ Николай Кузанскій (т. VII, стр. 166), Іоаннъ

изъ Капистрано (см. выше, стр. 141) и Эней Сильвій. Чрезвычайно многочисленны были секты, которыя наряду съ главными направленіями возникали и опять исчезали въ теченіе 15 столѣтія въ Чехіи и Моравіи. Болѣе прочнаго значенія достигла только выше упомянутая секта „моравскихъ братьевъ“. Она была основана нѣсколькими людьми, которыхъ не удовлетворяло ученіе утраквистовъ, и первая колонія ея была устроена въ 1457 году въ Румвальдѣ, чешской деревнѣ, принадлежавшей королю Юрію Подѣбраду. Сообщество это не избѣгло преслѣдованій и мученичества; редственникъ основателя Григорія, магистръ утраквистовъ Іоаннъ изъ Рокицаны, а также и самъ король были ярыми врагами его. Несмотря на это, секта уже тогда очень распространилась какъ въ Чехіи, такъ и въ Моравіи. Смерть обоихъ могущественныхъ преслѣдователей освободила въ 1471 году моравскихъ братьевъ прежде всего въ Чехіи отъ тяжелаго гнета. Ни внутреннія распри, ни изгнаніе изъ Моравіи (1480) не могли надолго остановить распространеніе этой секты.

Причина неодинаковаго отношенія къ моравскимъ братьямъ въ Чехіи и Моравіи лежала въ отдѣленіи Моравіи и Силезіи отъ чешской короны и въ различіи политики Владислава въ Чехіи и Матвѣя въ Моравіи и Силезіи. Первый, по своей слабости и добродушію, далъ отнять у себя власть дворянскимъ партіямъ; второй, наоборотъ, съ самаго начала энергично защищалъ свою королевскую власть противъ притязаній сословій. Въ Моравіи Матвѣй предоставилъ дѣло управленія умному намѣстнику Цтибору изъ Цимбурга, который занималъ эту должность еще раньше, съ 1469 г., и продолжалъ занимать ее и послѣ смерти Матвѣя до 1494 г. Но еще болѣе эта твердая, опредѣленная политика Корвина проявилась въ Силезіи. Благодаря главнымъ образомъ ему, были поставлены теперь на прочную почву повторявшіяся уже почти въ теченіе цѣлаго столѣтія, попытки путемъ опредѣленной организаціи управленія объединить въ государственномъ отношеніи всѣ отдѣльныя разрозненныя княжества. Устройство княжескихъ съѣздовъ, учрежденіе главнаго намѣстничества, все это было дѣломъ Матвѣя. Если его царствованіе оставило по себѣ все-таки дурную память, то это объясняется непомѣрностью налоговаго бремени, которое долженъ былъ нести народъ при постоянной нуждѣ Корвина въ деньгахъ. Въ особенности усердно снабжалъ Корвина деньгами на счетъ народа, его намѣстникъ въ Силезіи, Георгъ фонъ Штейнъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими вѣрными друзьями, при чемъ подати собирались совершенно безконтрольно.

Но когда Матвѣй скончался 6 апрѣля 1420 г., не оставивъ законныхъ наслѣдниковъ и на венгерскій престолъ вступилъ чешскій король Владиславъ, тогда, согласно съ прежними договорами, въ его владѣніе перешли также Моравія и Силезія. Онъ однако никогда не выполнилъ условія о выкупѣ этихъ земель за 400,000 дукатовъ, такъ что принадлежность ихъ въ то время къ чешской коронѣ оспаривалась не безъ основанія.

Время царствованія короля Владислава II является однимъ изъ самыхъ печальныхъ періодовъ въ исторіи этихъ земель. Великій экономическій и религіозный переворотъ, которымъ сопровождался въ концѣ 15 столѣтія переходъ Европы въ новую историческую эпоху, засталъ Чехію и Моравію въ состояніи жестокой сословной борьбы. Наслѣдственная монархія, вслѣдствіе событій, происшедшихъ со временъ гуситскихъ войнъ, оказалась учрежденіемъ расшатаннымъ, безсильнымъ и не имѣющимъ прочнаго вліянія послѣ потери имуществъ короны, нѣкогда столь значительныхъ. Дворянство стало экономически и политически первой силой въ государствѣ. Но оно не знало границъ въ своемъ властолюбіи, всячески старалось ослабить королевскую власть, боролось противъ городскихъ вольностей и привилегій и низвело народную массу въ крѣпостное со-

стояніе. Высшія государственныя должности находились въ исключительномъ владѣніи дворянъ и рыцарей; они полновластно распоряжались на ландтагахъ и создали (1500 г.) „Владиславово земское положеніе“, которое разъ навсегда укрѣпило за ними господство въ странѣ. Король соглашался на всѣ крупныя и мелкія ограниченія власти короны со стороны дворянства. Но сословіе горожанъ рѣшило тѣмъ болѣе энергично сопротивляться этимъ насиліямъ въ правовой области, что оно и въ матеріальномъ отношеніи очень страдало отъ своеволія дворянъ. Послѣдніе нарушали монополію городского пивоваренія, не давали городамъ пріобрѣтать имѣнія, препятствовали свободному подвозу на рынокъ и тому под. Города приносили жалобы королю. Но эти жалобы не имѣли результатовъ, ибо Владиславъ со времени восшествія на венгерскій престолъ, перенесъ свою резиденцію изъ Праги въ Офенъ и цѣлые годы не показывался въ Чехіи. Кромѣ того, между дворянскимъ сословіемъ и сословіемъ горжанъ шла непрерывная борьба, для которой обѣ стороны составляли другъ противъ друга союзы. Кратковременное пребываніе Владислава въ Прагѣ въ 1502 г. не измѣнило положенія дѣлъ: король сталъ сначала на сторону дворянства и рѣшилъ споръ не въ пользу городовъ, потомъ онъ взялъ свое рѣшеніе обратно, но не могъ заставить дворянство подчиниться этой отмѣнѣ перваго рѣшенія. Нападенія и насилія, совершаемыя то одной, то другой партіей, дѣлали борьбу все болѣе и болѣе ожесточенной и съ каждымъ годомъ обостряли положеніе. Король же съ 1503 по 1509 г. жилъ въ Венгріи и предоставилъ событіямъ въ Чехіи и Моравіи идти своимъ путемъ.

Для исторіи Силезіи царствованіе Владислава имѣло то значеніе, что государь этотъ, очень щедрый въ раздаваніи милостей, далъ силезскимъ сословіямъ важный основной законъ 28 ноября 1498 г. Законъ этотъ подтверждалъ старыя грамоты вольностей и давалъ нѣкоторыя новыя права: главный намѣстникъ короля въ Силезіи долженъ былъ отнынѣ назначаться изъ числа силезскихъ князей; сословія получили теперь право утвержденія податей, облегченія въ воинской повинности и высшій судъ, получившій названіе „княжескаго закона“ и служившій высшей инстанціей для всѣхъ сословій. На этой основѣ могла развиваться впослѣдствіи вся система государственнаго управленія въ Силезіи. Впрочемъ, и въ Силезіи слабое, руководимое изъ Офена правительство Владислава давало много случаевъ для всякихъ междоусобій. Бреславльское епископство изъ-за выбора неугоднаго епископскаго кандидата и изъ-за другихъ вещей должно было вести многолѣтнюю борьбу, вплоть до 1504 г., съ городомъ Бреславлемъ и съ нѣсколькими силезскими князьями. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ (1497) умеръ на эшафотѣ герцогъ Николай Оппельнскій, казненный за насиліе, совершенное имъ надъ главнымъ намѣстникомъ, герцогомъ Казимиромъ Тешенскимъ. Городъ Бреславль находился во враждѣ то съ однимъ, то съ другимъ княземъ; набѣги и разгромы были обычнымъ явленіемъ. Положенія о земскомъ мирѣ и угрозы короля наказаніями помогали здѣсь такъ же мало, какъ и въ другихъ земляхъ.

Вліяніе Владислава было ничтожно, если онъ не появлялся лично и дарованіемъ новыхъ привилегій не покупалъ себѣ взаимныхъ услугъ. Въ 1509 г, король возымѣлъ желаніе, чтобы сынъ его Людовикъ (род. въ 1506 г.), бывшій уже теперь венгерскимъ королемъ, еще при жизни его короновался также и чешской короной. Для достиженія этой цѣли Владиславъ долженъ былъ рѣшиться послѣ семилѣтняго отсутствія опять отправиться въ свои земли, чтобы личнымъ присутствіемъ содѣйствовать успѣшному исходу предпріятія. Главная цѣль была таки скоро достигнута: 17 февраля 1509 г. Владиславъ съ дѣтьми и со всѣмъ дворомъ торжественно выѣхалъ въ Прагу; вслѣдствіе болѣзни Людовика коронованіе его состоялось лишь 11 марта. Другія дѣла, особенно распря между

дворянствомъ и городами, обсуждались на многихъ сеймахъ, но никакого результата достигнуто не было. Въ февралѣ 1510 года Владиславъ уѣхалъ изъ Чехіи и отправился прежде всего въ Ольмюцъ, гдѣ моравскія сословія, получивъ обычныя привилегіи, присягнули Людовику. Отсюда онъ возвратился въ Венгрію, а осенью 1510—1511 г. поѣхалъ съ молодымъ королемъ и со всѣмъ семействомъ въ Силезію, гдѣ точно также добился отъ князей и сословій признанія Людовика наслѣдникомъ. Очень характернымъ для неопредѣленности юридическихъ отношеній при королѣ Владиславѣ является тотъ фактъ, что онъ принялъ присягу отъ силезцевъ не въ качествѣ короля Чехіи, а въ качествѣ короля Венгріи, хотя въ обращенномъ къ чехамъ манифестѣ, изданномъ во время его пребыванія въ Прагѣ (11 января 1510 г.), онъ подчеркивалъ принадлежность Силезіи и Моравіи къ чешской коронѣ.

Но едва король вернулся въ Венгрію, какъ разгорѣлась вновь чешско-моравская борьба сословій, которая становилась тѣмъ опаснѣе, что города твердо рѣшили, повидимому, не уступать; они соединились и заключили 20 іюня 1513 г. оборонительный и наступательный союзъ съ герцогомъ Варѳоломеемъ Мюнстербергскимъ, внукомъ короля Юрія Подѣбрада, который долженъ былъ защищать ихъ интересы при дворѣ короля Владислава. Ему дѣйствительно удалось возстановить короля и его совѣтниковъ противъ вредной дѣятельности дворянской партіи въ Чехіи: уже въ концѣ 1513 г. Владиславъ сталъ милостивѣе, чѣмъ до сихъ поръ, относиться къ требованіямъ городовъ. Но нерѣшительное и двусмысленное поведеніе короля мѣшало окончательному разрѣшенію вопроса, несмотря на то, что послѣ смерти князя Варѳоломея, братъ его, Карлъ Мюнстербергскій, не безъ успѣха продолжалъ его роль посредника между дворянствомъ и городами. Споръ оставался неразрѣшеннымъ, когда скончался Владиславъ II 13 марта 1516 года. Нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, въ іюлѣ 1515 года, онъ заключилъ съ императоромъ Максимиліаномъ I очень важный договоръ о бракѣ между его обоими дѣтьми, Людовикомъ и Анной, и внуками императора, Фердинандомъ и Маріей. Вмѣстѣ съ тѣмъ заключенъ былъ между ними союзъ, въ который былъ принятъ и польскій король Сигизмундъ.

B. **Король Людовикъ I (1516—26).**

Сынъ Владислава, король Людовикъ I (II Венгерскій), хотя и былъ уже коронованъ, былъ еще ребенкомъ. Слѣдовало поэтому позаботиться объ опекѣ, и, послѣ долгихъ переговоровъ, регентство было поручено сословіями Чехіи, Моравіи и Силезіи германскому императору и польскому королю. Точно также и въ Венгріи. Но эти опекуны не имѣли никакого непосредственнаго вліянія на наслѣдственныя земли Людовика: власть и значеніе дворянства (стр. 265) возросли еще болѣе. Въ Чехіи и Моравіи продолжалась борьба сословій; дворяне покоряли и подчиняли себѣ города, рыцари нападали на проѣзжихъ купцовъ и горожанъ, города прибѣгали къ самооборонѣ и часто казнили безъ всякихъ околичностей дворянъ и ихъ союзниковъ; лѣтописи говорятъ также объ отдѣльныхъ крестьянскихъ возстаніяхъ въ Чехіи. Святовацлавскій договоръ 28 сентября 1517 года, заключенный при посредничествѣ моравскаго барона Вильгельма Перннтейнскаго, устанавливалъ нѣкоторое согласіе между дворянами и городами. Договоръ этотъ доказываетъ, какъ велика была нужда хотя бы и не въ полномъ примиреніи. Согласіе было достигнуто, главнымъ образомъ по вопросу о разграниченіи компетенцій земскаго суда и городскихъ судовъ; разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ экономическаго характера и многихъ другихъ было отложено. Полный миръ этимъ договоромъ достигнутъ, впрочемъ, не былъ; при слабости королевской власти борьба должна была бы вновь разгорѣться черезъ нѣсколько лѣтъ, но другія событія отвлекали

уже вниманіе: чума, опустошившая въ 1520 г. Прагу, а въ 1521 г. и всю страну, лютеранство, опасность со стороны турокъ.

Въ январѣ 1522 г. король Людовикъ впервые въ качествѣ самостоятельнаго государя прибылъ въ свое чешское королевство (см. фиг. 24 на табл. при стр. 246), съ цѣлью положить конецъ произвольному режиму небольшой дворянской партіи съ пражскимъ обербургграфомъ Зденкомъ Львомъ изъ Рожмиталя во главѣ, которая уже много лѣтъ пользовалась правительственной властью для извлеченія личной выгоды. Но истинной побудительной причиной этого путешествія была неотложная потребность найти также и за предѣлами Венгріи помощь для борьбы противъ турокъ (ср. стр. 150). Путь его лежалъ прежде всего черезъ Брюннъ, гдѣ онъ принялъ присягу отъ моравскихъ сословій, а также пытался уладить нѣсколько споровъ между сословіями. Оттуда онъ отправился на чешскую границу, гдѣ его встрѣтили чешскія депутаціи. Послѣ короткаго пребыванія въ нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ Чехіи, король 28 марта 1522 г. торжественно въѣхалъ въ Прагу вмѣстѣ съ своей молодой супругой и своимъ другомъ и воспитателемъ маркграфомъ Георгомъ Бранденбургскимъ. Сейчасъ же начались трудные переговоры съ сословіями; нужно было придти къ соглашенію по вопросу о замѣщеніи вакантной должности верховнаго канцлера Чехіи, а также и относительно формулы той присяги, которую король долженъ былъ принести на вѣрность конституціи страны. Выработанный по общему согласію и послѣ долгихъ переговоровъ текстъ этой присяги употреблялся послѣ того въ Чехіи въ теченіе столѣтій. Такъ же медленно шли переговоры и о другихъ дѣлахъ: о коронованіи королевы, объ уничтоженіи большихъ долговъ, оставшихся отъ царствованія Владислава, о снаряженіи вспомогательнаго войска противъ турокъ. Ко всему этому еще вспыхнули лѣтомъ 1522 года сильные безпорядки въ Силезіи, особенно въ городѣ Швейдницѣ. Къ концу этого года между Людовикомъ и господствующей дворянской партіей установились такія враждебныя отношенія, что король на сеймѣ 5 февраля 1523 года настоялъ на отставкѣ всѣхъ чешскихъ чиновниковъ и, прежде всего, на отставкѣ Льва изъ Рожмиталя. Людовикъ подготовилъ при этомъ и такое измѣненіе государственнаго устройства, которое должно было возвратить королевской власти всѣ ея права. Вліятельнаго положенія достигъ теперь въ Чехіи силезскій князь Карлъ Мюнстербергскій: онъ занималъ одновременно должности обергофмейстера, намѣстника Чешскаго королевства и многія другія. Почти годъ пробылъ король Людовикъ въ Прагѣ. Онъ уѣхалъ отсюда 16 марта 1523 г. и отправился въ Венгрію черезъ Моравію, гдѣ велъ опять долгіе переговоры съ сословіями. Порядокъ, установленный въ Чехіи, оказался неустойчивымъ, и скоро началась реакція. Начались вновь безпорядки, сословные и религіозные, какъ слѣдствіе проникновенія въ Чехію и быстраго распространенія здѣсь ученія Лютера.

Изъ Венгріи и отъ короля, несмотря на многочисленныя посольства и просьбы не могло придти помощи; ибо къ происходившимъ тамъ внутреннимъ смутамъ прибавилась опасность со стороны турокъ. Когда султанъ Сулейманъ I съ огромнымъ войскомъ въ апрѣлѣ 1526 г. двинулся изъ Константинополя противъ Венгріи, юный король рѣшилъ выступить ему на встрѣчу. Его войско, въ которомъ служили также чешскіе, моравскіе и силезскіе наемники, было ничтожно въ сравненіи съ полчищами турокъ. Въ битвѣ при Могачѣ, 23 августа 1526 года, оно было, послѣ короткой борьбы совершенно уничтожено; король во время бѣгства утонулъ въ одномъ изъ придунайскихъ болотъ. Смерть двадцатилѣтняго бездѣтнаго короля, послѣдняго Ягеллона на престолахъ Чехіи и Венгріи, имѣетъ міровое историческое значеніе въ томъ отношеніи, что оно послужило внѣшнимъ поводомъ къ образованію австрійской монархіи подъ скипетромъ Габсбурговъ.

Чехію, занимающую центральное положеніе въ группѣ земель, краткую исторію которыхъ мы только что изложили, можно было бы назвать въ 1526 г. тысячелѣтнимъ царствомъ, если считать началомъ ея исторіи поселеніе славянъ въ этихъ областяхъ послѣ ухода германцевъ. На протяженіи этого тысячелѣтія мы видимъ самую разнообразную картину историческаго творчества и историческихъ судебъ народа. Чехія совершенно самостоятельно, на основахъ, заложенныхъ въ ея первобытной исторіи, создала государственный организмъ, завоевавшій себѣ видное положеніе среди остальныхъ государствъ средней Европы и сумѣвшій отстоять это положеніе. На родной почвѣ взрастила Чехія свою династію королей, Премысловичей, династію гордую и могущественную, признаваемую всѣми династіями средней Европы равной себѣ. Территоріальное могущество Чехіи росло. Но національной династіи были положены извѣстныя границы: планъ Оттокара II распространить свое могущество на нѣмецкія области роковымъ образомъ потерпѣлъ крушеніе. Съ прекращеніемъ туземной династіи въ началѣ 14 столѣтія, съ занятіемъ чешскаго престола чужеземцами, положеніе вещей совершенно измѣнилось. Передъ чешскими королями нѣмецкой національности не стояло уже никакого препятствія къ тому, чтобы добиться самаго высокаго положенія въ обширной Германской имперіи; но народъ противился этому превращенію Чехіи въ значительнѣйшее нѣмецкое княжество на счетъ славянской національности. Національное самосознаніе славянства поднялось и вскорѣ одержало побѣду. Но попытка собственными силами создать національное княжество кончилась неудачей. Раньше Чехія отдавала свою судьбу въ руки нѣмецкихъ королей, а теперь должна была довѣрить ее польскимъ государямъ, которые не замедлили оттѣснить ѳту страну на задній планъ, какъ только получили венгерскую корону.

Такимъ образомъ, государственная самостоятельность, а благодаря неоднократной уступкѣ отдѣльныхъ областей, въ особенности, Моравіи, даже и самое право на существованіе Чешскаго королевства, стали часто оспариваться. Поэтому для Чехіи можетъ считаться счастьемъ, что она послѣ смерти Людовика досталась могущественному дому Габсбурговъ. То, чего Оттокаръ II достигъ только на короткое время и то не вполнѣ, на что Карлъ IV смотрѣлъ, какъ на конечную цѣль чешской политики, что осуществилось, по крайней мѣрѣ, номинально, при Владиславѣ Постумѣ, то было закрѣплено окончательно въ 1521 г.: три могущественныхъ государства: Чехія, Венгрія и Австрія соединились въ огромную монархію на юговостокѣ Европы.

V. Словенское и Сербо-Хорватское племена.

Проф. **Владиміра Милковича.**

I. Древнѣйшія извѣстія о южныхъ славянахъ.

Исторія германскихъ племенъ стала впервые извѣстной только благодаря соприкосновенію германцевъ съ греками и римлянами на Рейнѣ, на Дунаѣ и въ странахъ, прилегающихъ къ Средиземному морю. Точно также первыя извѣстія о славянскихъ племенахъ появились благодаря греко-римскому міру, который какъ бы мановеніемъ волшебнаго жезла извлекалъ изъ мрака на свѣтъ всѣ народы, одинъ за другимъ пробуждалъ ихъ къ новой жизни. Въ то время, какъ германцы, благодаря своему географическому положенію, входили въ соприкосновеніе, главнымъ образомъ, съ римлянами, славяне находились болѣе подъ вліяніемъ греческаго міра, хотя вліяніе это и шло тоже черезъ Римскую имперію. Тамъ, гдѣ славяне были непосредственными сосѣдями римлянъ, ихъ исторія восходитъ ко временамъ до начала нашего лѣтосчисленія, славяне же, живущіе сѣвернѣе, вступаютъ на историческую арену только черезъ 5 столѣтій. Славяне, жившіе на Адріатическомъ морѣ и по среднему и нижнему Дунаю, раньше другихъ пришли въ соприкосновеніе съ Римской имперіей. Такимъ образомъ, древнѣйшая исторія славянъ начинается на Адріатическомъ морѣ и на классической, пропитанной греко-римской культурой, почвѣ Балканскаго полуострова.

Племена, которыя населяли области по Дунаю и южнѣе, вплоть до Пелопоннеса, и извѣстные теперь подъ именами словенцевъ, сербо-хорватовъ и болгаръ составляютъ южно-славянскую группу племенъ. Насколько неясно ихъ происхожденіе, настолько же запутана и ихъ исторія; она теряется въ различныхъ областяхъ и земляхъ, входящихъ въ составъ различныхъ государствъ, носящихъ еще теперь различныя названія; племена южныхъ славянъ съ теченіемъ времени, благодаря различнымъ условіямъ жизни, стали рѣзко отличаться другъ отъ друга по языку, письму, нравамъ, религіи и исторіи и даже въ политическомъ отношеніи враждовали другъ съ другомъ.

О древнѣйшей исторіи ихъ намъ извѣстно немногое. Славяне не имѣли такого счастья, какъ германцы, которые уже въ первомъ столѣтіи нашли исторіографа въ лицѣ Тацита. Новѣйшіе изслѣдователи согласны съ знатокомъ славянской древности Іосифомъ Шафарикомъ въ томъ, что славяне вмѣстѣ съ главными европейскими народами, кельтами, греками, римлянами, германцами въ незапамятныя времена появились въ Европѣ и поселились на востокѣ, приблизительно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они и теперь являются автохтонами. Плиній (79 г. по Р. Х.), Тацитъ (100 г. по Р. Х.), Птоломей (175 г. по Р. Х.) знакомы уже съ славянами и съ мѣстами ихъ поселеній. Болѣе подробныя свѣдѣнія о нихъ даютъ историкъ готовъ Іорданъ и византіецъ Прокопій; оба они писали въ 6 столѣтіи. Съ тѣхъ поръ сообщенія о славянскихъ народахъ становятся многочисленнѣе. Греческіе и римскіе писатели называютъ ихъ венетами, германцы же

виндами (венды, винды, а также инды). Съ этой формой находится, можетъ быть, въ связи и имя анты (династы?). Прокопій сообщаетъ также, что анты назывались нѣкогда спорами, въ каковомъ названіи усматриваютъ связь съ именемъ сербовъ. Другое имя, которымъ назывались принадлежащіе къ этой народности, было Slavus (slavinus, stlabus, sclavus, slovanus и др.); употреблялось оно особенно часто византійцами. Тѣ племена, которыя жили въ древнихъ римскихъ провинціяхъ Панноніи, Норикѣ, Ретіи и Винделикіи назывались обыкновенно славянами и словенами. Въ 6 столѣтіи они представляли изъ себя довольно значительную политическую силу и вели уже войну съ баварскимъ племенемъ. Очень вѣроятно, что въ нынѣшней Венгріи, Славоніи, Хорватіи Каринтіи, Штиріи, Краинѣ, Горицѣ, Грацѣ и Приморьѣ въ 6 столѣтіи существовало уже нѣсколько славянскихъ государствъ.

Изъ этой массы славянскихъ народовъ, жившихъ по обѣ стороны средняго Дуная, на Дравѣ и Савѣ, начиная съ 5 или 6 столѣтія многіе уходили на югъ и селились на Балканскомъ полуостровѣ. Были ли они первыми славянскими колонистами или же они нашли въ балканскихъ земляхъ древнее славянское населеніе, извѣстное только подъ другими именами? Такъ долженъ быть поставленъ вопросъ о заселеніи Балканскаго полуострова славянами. Кромѣ того, въ балканскія земли приходили славяне не только изъ вышеупомянутыхъ мѣстностей: имѣются данныя, доказывающія, что и съ востока, и съ сѣвера Европы сюда приходили толпы славянъ. Прежде держались того мнѣнія, что переселеніе славянъ на Балканскій полуостровъ совершилось въ періодъ отъ 5 до 7 столѣтія. Теперь же полагаютъ, что найдены гораздо болѣе ранніе слѣды ихъ. За болѣе раннее пребываніе ихъ здѣсь говорятъ древнѣйшія славянскія названія мѣстностей. Этотъ новый взглядъ[1] легко согласуется съ древнѣйшими историческими свидѣтельствами. Онъ же даетъ естественное объясненіе тому факту, что на Балканскомъ полуостровѣ внезапно появляется такая масса славянъ, что византійскій императоръ вынужденъ принять мѣры противъ славянизаціи Греціи (см. выше, стр. 48), между тѣмъ какъ исторія ничего не говоритъ намъ о насильственномъ вторженіи славянъ и о завоеваніи ими этихъ земель въ историческое время[2]; только изрѣдка находимъ мы упоминаніе о томъ, что императоръ далъ землю для поселенія новымъ толпамъ славянскихъ колонистовъ. Но пока мы не сможемъ съ точностью опредѣлить національность нѣкоторыхъ, жившихъ здѣсь во времена римлянъ народовъ, какъ то ѳракійцевъ, скордисковъ, даковъ, иллирійцевъ и др., до тѣхъ поръ и данный вопросъ не будетъ окончательно разрѣшенъ. Нужно, слѣдовательно, сначала рѣшить, считать ли упомянутые народы „переселенцами“ или же „автохтонами“, при чемъ вопросъ опять сводится въ концѣ концовъ къ болѣе раннему или болѣе позднему появленію ихъ на Балканскомъ полуостровѣ. Жители Босніи и теперь еще отличаются нѣкоторыми этнологическими особенностями, характеризовавшими, по свидѣтельству римскихъ писателей, ѳракійцевъ и даковъ. Такъ напр., Плиній разсказываетъ: apud Dacos mares quoque corpora inscribunt (у даковъ и мужи разрисовываютъ свое тѣло), а какъ извѣстно, татуировка и въ настоящее время въ обычаѣ у босняковъ. И другіе этнологическіе признаки доказываютъ ихъ родство.

---

[1] Въ изложеніи древнѣйшей исторіи славянъ на Балканскомъ полуостровѣ трудно согласиться во всемъ съ г. Милковичемъ: нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы славяне проникли на Балканскій полуостровъ раньше 6 вѣка по Р. Х. Что касается древней Панноніи, то здѣсь, дѣйствительно, кое-что указываетъ на спорадическую славянскую колонизацію уже въ первыхъ столѣтіяхъ нашей эры. *Ред.*

[2] У Прокопія, Маврикія и др. имѣется цѣлый рядъ извѣстій о враждебныхъ вторженіяхъ славянъ въ 6 в. См. А. А. Васильевъ, „Славяне въ Греціи“. *Ред.*

Какъ бы то ни было, о славянахъ, какъ придунайскихъ, такъ и балканскихъ, мы узнаемъ впервые отъ римлянъ и грековъ, когда они утвердили свое господство въ этихъ земляхъ. Послѣ паденія Римской имперіи, славяне приняли здѣсь наслѣдство римской культуры. Страна была усѣяна городами, торговыми факторіями и крѣпостями, всюду были проложены прекрасныя военныя дороги. Во Ѳракіи мы находимъ дороги уже при Неронѣ, по распоряженію котораго на нихъ были устроены корчмы и гостиницы (tabernae et praetoria). Всѣ императоры проявляли особую заботливость по отношенію къ Балканскому полуострову, ибо здѣсь они набирали свои лучшіе легіоны. Но ни одинъ римскій императоръ не прославилъ такъ своего имени въ земляхъ, лежавшихъ по обѣ стороны Балканъ, какъ завоеватель Дакіи, великій Траянъ. Память о немъ сохранялась и теперь еще сохраняется среди славянъ; его имя было причислено даже къ славянскимъ божествамъ[1]. Болгарскія пѣсни, по словамъ Іос. Константина Иречека, и теперь еще воспѣваютъ „царя Траяна". Имя Траяна часто употребляется во многихъ мѣстахъ: мы постоянно встрѣчаемъ то Траяновъ мостъ, то Траянову гору, то Траяновы ворота, то Траяновъ градъ и т. д. Собственное имя Траянъ также очень употребительно. Все это говоритъ за то, что Траянъ самъ находился въ сношеніяхъ съ славянами.[2]

Еще въ 4 столѣтіи провинціи Балканскаго полуострова имѣли, по свидѣтельству современника Евнапія густое и богатое народонаселеніе. Плохія времена наступили для этихъ земель въ 4 и 5 столѣтіяхъ, когда готы и гунны неоднократно посѣщали и опустошали ихъ во время своихъ грабительскихъ походовъ; можетъ быть, среди этихъ грабителей были и отдѣльныя толпы славянъ. Дѣло въ томъ, что съ этого времени пришли въ движеніе и славяне по ту сторону Дуная, особенно въ древней Дакіи. Они наводнили весь Балканскій полуостровъ вплоть до Пелопоннеса, и еще въ 15 столѣтіи на Тайгетѣ говорили по-славянски. Даже византійскіе императоры чувствовали себя не въ безопасности въ своей роскошной столицѣ на Босфорѣ. Императоръ Анастасій (стр. 37) въ 512 г. построилъ со стороны Ѳракіи большую стѣну, въ 280 стадій длины, тянувшуюся отъ Пропонтиды до Понта. Укрѣпленіе полуострова становилось дѣломъ все болѣе и болѣе неотложнымъ. Юстиніанъ выстроилъ вдоль берега Дуная 80 укрѣпленныхъ замковъ и сторожевыхъ башенъ и, кромѣ того, около 600 укрѣпленій въ другихъ мѣстахъ. Но у Византійской имперіи были тогда большія заботы и болѣе важныя задачи, чѣмъ защита балканскихъ земель отъ сѣверныхъ варваровъ, которымъ все еще придавали слишкомъ мало значенія: съ самаго основанія Константинополя фронтъ имперіи былъ обращенъ на востокъ. Это и позволило славянамъ, несмотря на частыя чувствительныя пораженія (стр. 43 внизу), распространяться все дальше. Еще хуже пошло дѣло послѣ смерти великаго Юстиніана. Іоаннъ Эфесскій, сирійскій лѣтописецъ 6 столѣтія, разсказываетъ слѣдующее: „На третій годъ послѣ смерти императора Юстиніана и послѣ вступленія на престолъ Тиверія Благословеннаго появился достойный проклятія народъ славянъ и наводнилъ всю Элладу, окрестности Ѳессалоникъ и всю Ѳракію. Они завоевали много городовъ и крѣпостей, опустошали, грабили и жгли страну и свободно, какъ будто на родинѣ, хозяйничали въ ней..."

Въ 575 г. начались набѣги на Византійскую имперію аваровъ, степного народа, призваннаго нѣкогда на помощь византійцами. Они грабили балканскія земли одни или также въ союзѣ съ славянами. Вскорѣ зашевелились славяне въ Иллиріи и въ альпійскихъ земляхъ. Въ

---

[1] Не божествамъ, а сказочнымъ царямъ. *Ред.*

[2] По объясненію болѣе вѣроятному, славяне, пришедшіе на Балканскій полуостровъ, застали у туземцевъ его, ѳракійскихъ народностей, которыя они ассимилировали, множество преданій о могучемъ царѣ Траянѣ, который получилъ у нихъ значеніе легендарнаго царя. *Ред.*

Далмаціи эти славяне дѣлали набѣги еще при Юстиніанѣ. Около 600 года они начали появляться здѣсь снова и оттѣснили въ прибрежные города, на горы и острова римское населеніе, уже сильно уменьшившееся, благодаря аварамъ. Греческо-римскіе города внутри страны, большею частью, опустѣли. Римскими бѣглецами были основаны новые города, какъ напр., Спалато и Рагуза. Но скоро славянскіе пришельцы научились и мореплаванію. Уже въ предпринятой ими совмѣстно съ аварами осадѣ Константинополя въ 626 году, они повели атаку со стороны моря на маленькихъ челнокахъ (ср. стр. 65 и слѣд.). Въ 641 г. славяне, вѣроятно, изъ Эпира, причалили къ итальянскому берегу и разграбили Апулію. Славянскіе пираты плавали по Іоническому и по Эгейскому морямъ; они посѣщали даже Цикладскіе острова и побережье Малой Азіи. Арабскій писатель 7-го столѣтія, Ал-Ахталъ упоминаетъ о свѣтловолосыхъ славянахъ, какъ о народѣ, хорошо извѣстномъ его читателямъ.

Какъ прежде опасность, угрожавшая Византійской имперіи со стороны персовъ, такъ и теперь опасность, угрожающая ей со стороны арабовъ, благопріятствовала успѣху всѣхъ военныхъ предпріятій славянъ. Главный ударъ они направили противъ Ѳессалоникъ, второго по величинѣ города Византійской имперіи. Нѣсколько разъ окружали они этотъ городъ съ моря и съ суши; одна изъ осадъ продолжалась два года. Но византійскимъ императорамъ постоянно удавалось спасти эту твердыню. Въ 7 столѣтіи завершилась славянская колонизація Балканскаго полуострова; ни одинъ уголокъ не былъ пропущенъ ею. Византійскіе писатели того времени называли Балканскій полуостровъ просто Славиніей.

2. Историко-географическій обзоръ.

Относительно вліянія новой территоріи на политическое и культурное развитіе славянскихъ пришельцевъ мы можемъ только строить общія предположенія и не можемъ прослѣдить это вліяніе во всѣхъ подробностяхъ; но въ общемъ и здѣсь несомнѣнна связь между свойствомъ территоріи, на которой живетъ народъ, и его исторіей. Уже одно положеніе Балканскаго полуострова, благодаря которому южные славяне находились въ гораздо болѣе близкомъ общеніи съ греко-римскимъ міромъ, чѣмъ остальные славяне, содѣйствовало большему вліянію на нихъ этого міра. Южно-славянскія племена долгое время находятся подъ вліяніемъ то Италіи, то Византіи, пока, наконецъ, западная часть ихъ не присоединяется окончательно въ культурномъ и политическомъ отношеніи къ римскому міру, восточная же часть къ византійскому. Но и другія явленія въ жизни южныхъ славянъ имѣютъ глубокія причины, коренящіяся въ свойствахъ поверхности ихъ страны. Если мы обратимъ вниманіе на гидрографію и орографію Балканскаго полуострова, мы сейчасъ же замѣтимъ, что свойства поверхности его должны были вліять на судьбы населенія. Какъ на всемъ материкѣ Европы существуетъ водораздѣлъ, отъ котораго рѣки текутъ частью въ Балтійское море, частью въ Дунай, такъ точно и южный полуостровъ этого материка имѣетъ свой водораздѣлъ, направляющій теченіе рѣкъ частью на сѣверъ, частью на югъ. Какъ сѣверный хребетъ раздѣляетъ въ политическомъ отношеніи народы, живущіе по обѣ его стороны, такъ это дѣлаетъ и Балканскій хребетъ. Сѣверная и южная части полуострова развивались различно и испытали различныя судьбы. Балканскій горный хребетъ, достигающій 3374 метровъ высоты, трудно проходимъ, несмотря на то, что прорѣзывается 13 ущеліями; часто сѣверныя и южныя племена балканскихъ славянъ сражались въ этихъ горныхъ сѣдлахъ. Впрочемъ, существуютъ этнографы, которые именно изъ орографическихъ условій сдѣлали совершенно иные выводы (ср. статью Манойло Смильянича въ Ratzel-Gedächtnisschrift, 1904 г.).

Кромѣ того, весь полуостровъ изрѣзанъ въ различныхъ направленіяхъ горными хребтами, дѣлящими его на части. Каждая изъ этихъ частей могла долгое время развиваться независимо отъ другихъ, подобно тому, какъ это произошло съ западной Европой. Это обстоятельство благопріятствовало въ древней Элладѣ развитію столь многихъ, независимыхъ другъ отъ друга, территорій; въ славянскій періодъ оно сдѣлало возможнымъ образованіе нѣсколькихъ государствъ. Съ этой точки зрѣнія Балканскій полуостровъ не можетъ быть въ строгомъ смыслѣ причисленъ къ восточной Европѣ, его нельзя называть восточно-европейскимъ полуостровомъ. Балканскія земли носятъ во всемъ болѣе западно-европейскій, отчасти англійскій, характеръ. Такимъ образомъ, переселившіеся сюда славяне легко могли продолжать прежній образъ жизни, что вполнѣ соотвѣтствовало ихъ взглядамъ. Поэтому южное славянство и отличается такимъ разнообразіемъ, поэтому оно было и легче доступно различнымъ вліяніямъ. Различія въ свойствѣ поверхности обусловили, разумѣется, и неодинаковую степень культурнаго развитія: одни мѣстности лежатъ на большой дорогѣ, другія же, благодаря своему гористому характеру, трудно доступныя, значительно отстали въ уровнѣ культуры.

И природа въ обѣихъ частяхъ полуострова различна. Къ сѣверу отъ Балканъ, въ бассейнѣ Дуная, климатъ еще суровъ, зима долгая и холодная, какъ и на материкѣ; Дунай иногда совершенно замерзаетъ. Если же мы переберемся черезъ Балканы и спустимся въ Ѳракійскую равнину, то найдемъ тамъ теплый климатъ, при которомъ произрастаетъ даже хлопчатникъ. Флора похожа здѣсь на средиземную, между тѣмъ какъ сѣвернѣе Балканъ она носитъ характеръ среднеевропейскій, а въ восточной части даже степной; замѣчательно, что въ южной части Балканскаго полуострова встрѣчается лавро-вишневое дерево, очень распространенное въ Малой Азіи и Персіи. Преобладающимъ деревомъ всюду является дубъ, что всегда очень благопріятствовало процвѣтанію тамъ свиноводства. И фауна также различна. Важнѣйшія домашнія животныя оселъ и буйволъ. Лошади служатъ только для верховой ѣзды и въ качествѣ вьючныхъ животныхъ. Турки привезли въ эти земли верблюдовъ; во времена войнъ при дорогахъ были устроены постоялые дворы для верблюдовъ. Вмѣстѣ съ турками исчезаютъ теперь и верблюды. Какъ богаты были нѣкогда балканскія земли хищными звѣрями, напр., дикими свиньями, медвѣдями, волками и др., а также хищными птицами (каменные и королевскіе орлы, коршуны и др.), доказывается тѣмъ фактомъ, что, напр., въ одной Босніи еще въ 80-хъ годахъ 19-го столѣтія ежегодно убивали 12—15,000 крупной дичи; и теперь еще всюду на Балканахъ медвѣди, волки, кабаны, отчасти даже коршуны и орлы являются бичемъ страны.

Въ общемъ, развитію народонаселенія всегда благопріятствовало превосходное положеніе Балканскихъ земель при Средиземномъ морѣ. Уже то обстоятельство, что славяне приходили здѣсь въ соприкосновеніе съ моремъ, создало для нихъ новыя условія жизни и вызвало новыя потребности. Они познакомились съ мореплаваніемъ и сдѣлались постепенно торговыми націями. Южные славяне представляютъ изъ себя иной типъ, чѣмъ вся остальная масса славянской семьи народовъ. Страна и сосѣди сдѣлали ихъ народомъ съ особой индивидуальностью.

3. Поселенія южныхъ славянъ, ихъ государственное устройство и религія.

Многочисленны были славянскія племена, нашедшія себѣ мѣсто жительства на Балканскомъ полуостровѣ. Намъ извѣстны различныя

имена, какъ напр. сѣверяне, брзяки (берзеты), смоляне, сагулаты (ср. стр. 48 внизу), велесичи, драговичи, милинцы (миленцы), езериты (езерцы) и др. Но для опредѣленія національности эти имена не имѣютъ большого значенія, ибо, не говоря уже о томъ, что они дошли до насъ часто въ изуродованномъ видѣ, они имѣютъ только топографическое, но отнюдь не этнографическое значеніе. Это суть имена озеръ, рѣкъ, горъ, вокругъ которыхъ поселились данныя племена. И является еще вопросомъ, названы ли озера, горы и рѣки именами этихъ племенъ, или же, что болѣе вѣроятно, сами племена получили древнія имена этихъ озеръ и т. д.? Это можно сказать относительно именъ Тимокъ—тимочане, Морава—мораване, Нарента—нарентане и мног. др. Намъ кажется правильнымъ мнѣніе болгарскаго ученаго Марина Степановича Дринова, что въ разное время здѣсь поселялись разныя племена, или, вѣрнѣе, части разныхъ племенъ, сѣверныхъ и западныхъ славянъ.

Если историки разсказываютъ намъ далѣе, что изъ славянъ западной половины балканскихъ земель сербы и хорваты были самые многочисленные, и что на ряду съ государствомъ болгаръ только они одни основали собственныя государства, то изъ этого факта мы ровно ничего не узнаемъ въ этнографическомъ отношеніи. Мы видимъ, что въ Чехіи, въ Польшѣ, въ Россіи и въ другихъ мѣстахъ маленькое племя, иногда въ силу благопріятныхъ обстоятельствъ, покоряло одно за другимъ остальныя племена, давало имъ свое имя, но само подпадало подъ вліяніе побѣжденныхъ и ассимилировалось съ ними. То же самое могло произойти съ сербами и хорватами, какъ это дѣйствительно и произошло съ болгарами. Весь народъ, слившійся въ единое государственное цѣлое, получалъ тогда ничего не говорящее имя, происходящее, можетъ быть, отъ названія рѣки, горы, озера, города данной страны или отъ имени вождя и т. д., и часто народъ получалъ имя, взятое совсѣмъ изъ чужого языка. Итакъ, въ виду сказаннаго, мы должны ограничиться только слѣдующими общими данными: на ряду съ Болгаріей, на востокѣ полуострова, возникли на западѣ его два крупныхъ государства, сербское и хорватское, каждое изъ которыхъ, подобно Болгаріи, объединяло много племенъ, и оба государства эти получили неподдающіяся объясненію имена—Сербія и Хорватія. Если мы сравнимъ названія славянскихъ поселеній на Балканскомъ полуостровѣ съ таковыми же на сѣверѣ Европы, на Эльбѣ, на Вислѣ, на Прутѣ, на Днѣпрѣ и т. д., то мы найдемъ много одинаковыхъ именъ. Поэтому можно дѣйствительно согласиться съ Дриновымъ, что на Балканскомъ полуостровѣ жили представители всѣхъ славянскихъ племенъ, что онъ заключалъ въ себѣ славянство въ миніатюрѣ.

Итакъ сначала многочисленныя племена назывались различно. Изъ ихъ среды выступаютъ затѣмъ болгары, хорваты и сербы [1] и къ этимъ тремъ племенамъ причисляются всѣ остальныя. Но греки всѣхъ ихъ обыкновенно называли однимъ именемъ славенъ и всю страну Славиніей. Восточная Римская имперія называлась славянами Романіей. Кромѣ того, этимъ именемъ обозначали они и Ѳракійскую равнину (Романья; отсюда турецкое названіе Румили, Румелія). Еще и теперь пограничные горцы называютъ жителей Ѳракійской равнины „романецъ“, а женщину „романка“; хотя вся страна вплоть до мѣстъ, ближайшихъ къ Константинополю, уже славянизирована.

Славяне находились тогда, какъ и большинство народовъ Европы, на ступени культуры, которую можно было бы назвать полукочевничествомъ. Главнымъ источникомъ существованія были скотоводство и охота,

---

[1]. Можно въ угоду современнымъ политическимъ распрямъ говорить о теперешнихъ сербахъ и хорватехъ, какъ будто о различныхъ племенахъ, но раздѣлять сербо-хорватское племя уже въ древности на сербовъ и хорватовъ совершенно ненаучно. *Ред.*

но на ряду съ этимъ существовало и земледѣліе, при чемъ, какъ и у германцевъ, земледѣльческія работы лежали на обязанности женщинъ и рабовъ; одинъ историкъ (Несторъ) сообщаетъ, что авары употребляли въ сельскомъ хозяйствѣ славянскихъ женщинъ вмѣсто вьючныхъ животныхъ, и въ этомъ не было ничего новаго. Земледѣліе, какъ и у всѣхъ кочевниковъ, мѣняло еще свое мѣсто.

Основой соціальной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государственной жизни балканскихъ славянъ (полагаютъ, что и всѣхъ славянъ) была родовая община или домашнее общежитіе (задруга), которая сохранилась тамъ, какъ и въ Литвѣ и Россіи, до нашихъ дней [1]; она не могла, слѣдовательно, возникнуть позднѣе, какъ результатъ византійской и турецкой податной системы; остатки родовой общины мы находимъ и у германцевъ того времени. Поженившіяся дѣти не покидали отеческаго дома, а оставались всѣ вмѣстѣ подъ руководствомъ отца или старшаго въ семьѣ. Всѣ члены такой семьи носили имя главы ея; такъ напр., потомки Родована назывались Родованичи, и такое же имя носило и мѣсто, гдѣ они жили. Когда семья разросталась настолько, что совмѣстная жизнь становилась невозможной, тогда часть ея отдѣлялась, основывала новый поселокъ, получала новое имя и составляла новую задругу, которая сохраняла однако связь съ прежней семьей; связь эта проявлялась прежде всего въ почитаніи одной и той же святыни, которая оставалась, такимъ образомъ, общей для нѣсколькихъ, происшедшихъ изъ одного ствола поселковъ. Задруга состояла изъ 50—60 человѣкъ. Глава ея назывался то старостой или старшиной, то господаремъ, то владыкой, то дѣдомъ или домачиномъ.

Изъ нѣсколькихъ родовыхъ союзовъ составлялось племя. Старѣйшины семьи управляли семейнымъ имуществомъ, распредѣляли работу, въ языческія времена отправляли богослуженіе [2], были внѣшними представителями семьи. Благодаря общности имущества не могло быть нищеты у отдѣльныхъ членовъ рода. Только исключенные изъ родового союза оставлялись на произволъ судьбы. Собраніе старѣйшинъ обсуждало дѣла всего племени. Мѣстность, занимаемая однимъ племенемъ, называлась жупой; центральнымъ пунктомъ жупы, въ которомъ въ языческое время находилась и святыня племени, былъ городъ (градъ). Для управленія жупой избирался одинъ изъ родовыхъ старѣйшинъ, получавшій титулъ жупана, а у хорватовъ бана.

Этимъ общественнымъ устройствомъ, сохранившимся у славянъ дольше, чѣмъ у германцевъ, объясняются всѣ недостатки и преимущества славянскихъ племенъ. Роды не легко отдѣлялись другъ отъ друга и скоро разростались въ племена. Благодаря этому, скотоводство и полеводство при общинномъ трудѣ должны были у славянъ принять большіе размѣры и лучше процвѣтать. Поэтому они и могли колонизировать и надолго сохранять за собой огромныя пространства земли. Въ то время, какъ другіе завоеватели, напр. готы, гунны, подобно урагану, оставляли послѣ себя только слѣды разрушенія и затѣмъ исчезали, славяне оставались жить въ завоеванной странѣ. Славяне, далѣе, не нуждались для своего хозяйства въ чужихъ рукахъ, и поэтому рабство не могло пустить у нихъ такіе глубокіе корни, какъ у германцевъ. Рабы принимались у нихъ по большей части въ родовую общину, о чемъ разсказываетъ и императоръ Маврикій. Это также способствовало у нихъ развитію полевод-

---

[1]. Въ настоящее время вопросъ о древности сербской задруги не можетъ быть рѣшенъ окончательно: во всякомъ случаѣ, ее нельзя сопоставлять съ русской общиной, которая возникла въ эпоху Московской Руси по фискальнымъ соображеніямъ. За древность родового быта у славянъ высказываются Бальцеръ, Кадлецъ и др.; Коваковичъ (въ книгѣ „Село") предполагаютъ новѣйшее происхожденіе сербскаго задружнаго быта. *Ред.*

[2]. Относительно этого, кромѣ аналогіи класической семьи (см. Фюстель де Куланжъ. La cite antique), данныхъ не имѣется. *Ред.*

ства и промышленности. Благодаря долгой совмѣстной жизни и семейной дисциплинѣ, у нихъ въ концѣ концовъ выработалась большая чистота нравовъ, что содѣйствовало также росту народонаселенія. Германцы же, у которыхъ о хозяйствѣ заботились рабы, посвящали себя исключительно охотѣ и войнѣ.

Съ другой стороны, институтъ родовой общины объясняетъ, почему славяне не были основателями государствъ. Совмѣстная жизнь въ семьѣ выработала у нихъ, несмотря на все уваженіе къ старѣйшинѣ, демократическій духъ, враждебный твердой государственной власти. Ни одинъ глава семьи не хотѣлъ признавать надъ собой господства другого главы. Неудивительно, что на этой почвѣ процвѣталъ также обычай кровавой мести. Такимъ образомъ, у славянъ человѣку, стоящему внѣ родового союза, было легче пріобрѣсть власть надъ нѣсколькими родами или племенами, чѣмъ члену этихъ родовъ. Поэтому нельзя объяснять простой случайностью тотъ фактъ, что у славянъ прежде всего чужимъ, часто даже приглашеннымъ ими, племенамъ удалось основать крупныя государства. На эти качества славянъ обратили свое вниманіе византійцы. „У нихъ изобиліе скота и хлѣба, главнымъ образомъ проса и ржи",—разсказываетъ императоръ Маврикій; „но они не терпятъ властителей, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, и живутъ въ несогласіи другъ съ другомъ. Независимость любятъ они больше всего и не даютъ обратить себя въ подданство". И Прокопій разсказываетъ въ 6 столѣтіи, что славяне не желаютъ быть ни подъ чьей властью, и сообща обсуждаютъ свои дѣла. Гордость, честь отдѣльной семьи были для нихъ дороже всего. Только крайняя необходимость могла заставить славянскія племена соединиться и выбрать общаго вождя; поэтому-то чужеземцы такъ легко и господствовали надъ славянами.

Источники мало говорятъ о религіи славянъ. Они были политеисты. Прежде всего вѣрили въ небо и небесныя свѣтила. Мы не находимъ у нихъ слѣдовъ сѣверно-славянскихъ Святовита[1]. и Перуна. Богамъ они поклонялись въ рощахъ, на горахъ и скалахъ. Жертвы приносились съ пѣснопѣніями. Кромѣ боговъ они почитали и другія существа, такъ напр., вилъ, или самовилъ (въ Ѳракіи самодивъ), буденицъ, роженицъ, юдъ, віюличей, духовъ и колдуній (brodnice). Но изслѣдованія по этому вопросу еще не закончены; даже нѣкоторые языческіе боги находятся еще подъ сомнѣніемъ.

4. Территорія, занимаемая южными славянами, и ихъ политическое положеніе.

Области на югъ отъ Дуная и на сѣверъ отъ Адріатическаго моря принадлежали Византійской имперіи, хотя она и рѣдко могла фактически осуществить здѣсь свое господство. Переселившіяся сюда племена иногда номинально признавали за византійскими императорами право собственности на эти земли, но, въ дѣйствительности, не обращали на это право собственности никакого вниманія. Сомнительнымъ является даже, просили ли всегда переселившіяся племена разрѣшенія у императора остаться на римской территоріи, какъ это по весьма понятнымъ причинамъ, любятъ разсказывать византійскіе писатели. Народы приходили, потому что не встрѣчали никакого сопротивленія, и, можетъ быть, тѣмъ легче соглашались признать нѣкоторый суверенитетъ, что сами они не были способны создать государство.

---

[1] Былъ ли, вообще, такой богъ, неизвѣстно; что касается почитанія Перуна, то и сербы, несомнѣнно, знали его. *Ред.*

Менѣе своему оружію, чѣмъ дипломатическому искусству и золоту, а также безпомощности самихъ славянъ обязаны византійцы тѣмъ, что среди всякихъ невзгодъ они сохранили, хотя бы только и номинальный, суверенитетъ надъ этими землями. Несмотря на огромный успѣхъ славянской колонизаціи, славянамъ все-таки не удалось основать на Балканскомъ полуостровѣ самостоятельное государство, въ этомъ отношеніи надъ ними (и надъ германцами) имѣли большой перевѣсъ турецко-татарскія племена (ср. стр. 114). Эти послѣднія ввели у себя конницу, снабженную стременами и благодаря ей достигали большихъ военныхъ успѣховъ. Кромѣ того, они имѣли то преимущество, что преклонялись передъ идеей сильнаго государства, хотя и въ самой грубой формѣ. Эту идею они восприняли отъ древнихъ культурныхъ народовъ Азіи. Въ Европѣ ихъ появленіе, навѣрное, оказало вліяніе на военное искусство и государственное устройство германско-славянскаго міра (прежде всего готовъ), доказательствомъ чему можетъ служить хотя бы вызванное ихъ появленіемъ переселеніе народовъ. Только теперь германцы и славяне образовали болѣе крупныя группы, т. е. государства. Нельзя объяснить одной случайностью, что именно турецко-татарскіе народы впервые основали государства въ областяхъ, населенныхъ славянами. Народы эти были гунны, авары, болгары, хазары, мадьяры, печенѣги, половцы, татары и турки-османы.

А. Господство аваровъ.

Объ отношеніяхъ славянъ къ государству гунновъ намъ почти ничего неизвѣстно. Но зато мы узнаемъ довольно многое о политической жизни славянъ въ тотъ періодъ, когда второй тюркскій народъ, **авары**, въ 6 столѣтіи основалъ большое государство въ областяхъ, занятыхъ славянами. Господство аваровъ простиралось, вѣроятно, на всю область, занимаемую теперь Венгріей, на Чехію и Моравію, на всю внутреннюю часть Австріи, на области, идущія на сѣверъ до Эльбы и Залы, а также южнѣе Дуная на нынѣшнюю Далмацію и Сербію. Такъ какъ они были очень большого роста, то сосѣди называли ихъ просто аварами (=великаны). Происхожденіе имени авары совсѣмъ слѣдовательно не такое, какъ утверждалъ нѣкогда Францъ Миклошичъ. Онъ говорилъ, будто нѣкоторые славянскія племена называли аваромъ всякаго человѣка, отличающагося очень высокимъ ростомъ. Въ дѣйствительности же дѣло обстояло слѣдующимъ образомъ: византійцы называли этотъ народъ просто *Ὄβριμοι*, *Ὄμβριμοι* (т. е. великаны). Отсюда произошло сначала славянское обры (авары) и польское слово olbrzym (великанъ) [1]. Ихъ господство было очень тяжело. Славяне, какъ разсказываетъ хроника Фредегара, въ 7 столѣтіи должны были принимать участіе во всѣхъ походахъ аваръ, и въ то время, какъ авары стояли передъ лагеремъ, они должны были сражаться. Землю обрабатывали исключительно славяне; другіе источники говорятъ, что славянъ употребляли даже въ качествѣ вьючнаго и рабочаго скота. Авары были первымъ чужеземнымъ народомъ, продолжительное господство котораго надъ славянами уже въ 6 столѣтіи, засвидѣтельствовано исторической наукой.

Въ началѣ 7 столѣтія, когда около 626 года авары потерпѣли крупное пораженіе, положеніе славянъ улучшилось. Аварскій ханъ (вѣроятно уже въ 623 г.) предпринялъ походъ съ цѣлью грабежа въ Византійскую имперію и осадилъ Константинополь какъ разъ въ то время, когда импе-

---

[1] Это чистая фантазія: племенное названіе **аваръ**, которое греки передавали въ видѣ *ἄβαροι*, а латинскіе писатели **avari**, звучало, вѣроятно, **abr** — откуда ст.-рус. **обръ**, польск. obrzyn (откуда уже позже olbrzym). *Ред.*

раторъ Ираклій началъ войну противъ персовъ; походъ продолжался, навѣрное, нѣсколько лѣтъ. Въ это именно время (около 623 года) возстали славяне на Дунаѣ, въ районѣ Чехіи и Моравіи и подъ предводительствомъ Само основали независимое государство (стр. 231). Послѣ того, какъ полчища аваръ были уничтожены при Константинополѣ въ 626 г., царство ихъ было сильно ослаблено почти на цѣлое столѣтіе. Такимъ образомъ, угнетаемыя до того времени славянскія племена выступаютъ все болѣе и болѣе на передній планъ. Они примкнули къ Само и выбрали его около 627 года въ короли, чтобы тѣмъ легче обороняться отъ нападеній лангобардовъ, баварцевъ и аваръ. Такъ было основано первое большое, независимое славянское государство, извѣстное исторіи; оно лежало въ области западныхъ частей нынѣшней Австрійской монархіи. Само держался до 662 г. (по другимъ даннымъ до 658 г.), т. е. отъ трехъ до трехъ съ половиной десятилѣтій. Послѣ его смерти основанное имъ государство исчезаетъ съ исторической арены. Если мы позднѣе слышимъ о карантанахъ, ведущихъ войну съ баварцами и подпадающихъ въ концѣ концовъ подъ ихъ власть, если мы въ 8 столѣтіи слышимъ о славянскомъ государствѣ въ Моравіи и о такомъ же въ Паннонiи, то мы должны предположить, что государство Само распалось опять на свои составныя части.

B. Появленіе хорватовъ и сербовъ.

Но основаніе аварскаго царства имѣло еще и по другой причинѣ важное значеніе для славянской исторіи. Тяжелое иго аварскаго владычества привело къ тому, что славяне массами стали покидать свою родину, двинулись на сѣверъ и на югъ и заняли тамъ новыя области. Тогда именно началось, слѣдовательно, болѣе широкое переселеніе славянъ въ балканскія земли. И вообще славяне могли проявить теперь большую силу. Пораженіе аваровъ въ 626 году имѣло въ то время рѣшающее значеніе для славянъ такъ же, какъ и для византійцевъ. Цѣлыя провинціи отпадали отъ аваръ и были занимаемы славянами. Не случайностью было появленіе въ то же самое время двухъ крупныхъ славянскихъ племенъ на сѣверо-западѣ Балканскаго полуострова. Извѣстно, что хорваты, по свидѣтельству императора Константина Багрянороднаго, пришедшіе съ сѣвера около 626 года, одержали побѣду надъ аварами и являются съ этого времени свободными обитателями занятой ими страны. Границу этой страны составляли на сѣверѣ Сава и линія, идущая отъ этой рѣки къ морю параллельно Уннѣ, на западѣ Адріатическое море, на югѣ устье рѣки Цетины и далѣе озеро Имоши, на юго-востокѣ горы, идущія отъ этого озера до источника Врбаса, и, наконецъ, на востокѣ рѣка Врбасъ. Главными населенными пунктами были Біоградъ (нынѣ Зара-Векіа) и Бигачъ. Эти границы существуютъ еще и теперь, хотя онѣ и имѣютъ уже только этнографическое значеніе. Но мы не должны забывать, что вся занимаемая нынѣ хорватами и называющаяся ихъ именемъ земля нѣкогда принадлежала славинумъ и называлась Словеніей. Съ теченіемъ времени славянскія племена слились съ хорватскими. Нынѣ только названіе Славонія, принадлежащее одной части хорватскаго королевства, да еще имя слованскаго племени въ Венгріи напоминаютъ о древнихъ хозяевахъ паннонско-словенскаго государства. Итакъ хорваты заняли сѣверо-западъ Босніи и Далмаціи до Спалато.

Вскорѣ послѣ хорватовъ перешли чересъ Саву сербы и, по свидѣтельству византійскихъ лѣтописцевъ, потребовали отъ императора мѣстъ для поселенія, которыя и были предоставлены имъ. Они заняли нынѣшнюю Боснію, за исключеніемъ хорватской части ея, и теперь еще называемой турецкой Хорватіей, затѣмъ большую часть Герцеговины, южную Далмацію, сѣверную Албанію, Черногорію, старую Сербію (Новый Базаръ),

сѣверные округа Призренскаго пашалыка и нынѣшнюю Сербію. На этой территоріи живутъ сербы еще и теперь. Здѣсь они основали нѣсколько крупныхъ и мелкихъ независимыхъ княжествъ, называемыхъ жупанствами. Начиная съ юга, назовемъ изъ нихъ прежде всего Зету (Ceta), или Дуклію (называемую такъ по Діоклеѣ, мѣсту рожденія императора Діоклетіана). Отсюда произошла династія Неманичей (сравн. стр. 97), подъ скипетромъ которыхъ Сербія находилась потомъ на высотѣ своего могущества. Эта область была всегда убѣжищемъ сербской независимости. Здѣсь возникла Черногорія, сумѣвшая до нашихъ дней сохранить свою свободу; даже во время турецкаго владычества Черногорія находилась только въ очень слабой зависимости отъ турокъ. Отъ Каттаро до Рагузы простиралась Травунія, или Канавлія, приблизительно, въ районѣ нынѣшняго Требинье въ Герцеговинѣ. Отъ Рагузы до залива Стагно и внутрь страны до Наренты простиралась Захлумія, занимавшая, слѣдовательно, и часть Герцеговины около Гацко и Невесинье. Отъ залива Стагно до устья Цетины простиралась Неретва, или Паганія. Жители ея, называвшіеся наречанами, или паганами за то, что они долго не хотѣли принимать христіанства, были грозными пиратами и часто побѣдоносно сражались съ Венеціей. На востокъ отъ Зеты, Травуніи и Захлуміи лежала собственно Сербія, самое обширное изъ жупанствъ, приблизительно соотвѣтствующее нынѣшней Сербіи, но охватывавшее также и Боснію. Съ теченіемъ времени Боснія отдѣлилась. Изъ жупанствъ Сербіи особенно часто упоминается западноевропейскими историческими источниками подъ именемъ Расціи (см. карту при стр. 165), жупанатъ Раша или Расса (нынѣшній Новый Базаръ).

Эта страна хорватовъ и сербовъ, охватывавшая нынѣшнюю Истрію, Боснію, Сербію, Далмацію, Черногорію, Албанію и Герцеговину (около трети Балканскаго полуострова), составляла при римскихъ императорахъ провинцію Dalmatia съ административнымъ центромъ Салоной; въ византійскій періодъ соотвѣтствующая ѳема (стр. 65) носила то же самое имя. Хотя славяне распространились отсюда и на весь полуостровъ, но въ остальныхъ частяхъ его они были ассимилированы. Только въ Македоніи они сохранились, хотя господствующимъ племенемъ осталось здѣсь болгарское. Хорватскія и сербскія княжества сѣверо-запада, управляемыя жупанами, соединялись подъ властью одного великаго жупана только въ случаяхъ большой опасности. Послѣ долгой борьбы достоинство великаго жупана стало постояннымъ, что положило основаніе и возникновенію болѣе крупнаго государства. Болѣе подробныя данныя о хорватскомъ и сербскомъ племенахъ мы получаемъ только со второй половины VIII столѣтія и еще болѣе со времени окончательнаго уничтоженія аварскаго царства Карломъ Великимъ.

C. Вторженіе болгаръ.

Когда владычество аваръ близилось уже къ паденію, другой финно-угорскій народъ, болгары[1], перешелъ черезъ Дунай, сталъ завоевывать земли, занятыя славянами, и угрожалъ даже Константинополю. Иммиграція болгаръ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для исторіи балканскихъ славянъ и Византійской имперіи (стр. 66 и 327). Ни византійцы, ни славяне не могли оказать имъ сопротивленія. Славяне, несогласные между собой, быстро сдались. Уже въ концѣ VII столѣтія на сѣверо-востокѣ полуострова было основано болгарское государство, которое не только успѣшно отстаивало свое существованіе противъ грековъ, но даже серьезно угрожало древней столицѣ императоровъ. До 627 года самыми опасными врагами Византіи были персы и затѣмъ до 750 года арабы, теперь же на первый планъ выступило юное болгарское царство.

---

[1] Болгаръ, родственниковъ которыхъ видятъ въ современныхъ чувашахъ, врядъ ли можно причислять къ финно-угорской группѣ народовъ. *Ред.*

Быстро расширялись границы новаго государства, въ которое вошла мало-по-малу большая часть балканскихъ славянъ. Славянскія племена, вошедшія въ составъ болгарскаго государства, постепенно слились въ одинъ народъ. Но, благодаря болѣе высокой славянской культурѣ, болгары, составлявшіе меньшинство населенія (самое большое 30—50 тысячъ человѣкъ съ женами и дѣтьми), были скоро совершенно ославянены; воинственные завоеватели дали только свое имя государству и народу. Черезъ нѣсколько столѣтій не было уже болѣе болгаръ и славянъ, а былъ лишь одинъ народъ болгары, говорящіе на славянскомъ языкѣ. Отъ первоначальнаго болгарскаго языка сохранились только скудные остатки, между прочимъ списокъ болгарскихъ князей отъ первобытныхъ временъ до 765 года. Этотъ списокъ, правда, тоже славянскій, но въ немъ имѣются и тюркскія слова (ср. стр. 72 и 326).

Во времена переселенія Болгаръ, которымъ закончилось переселеніе народовъ къ югу Дуная, на Балканскомъ полуостровѣ жила чрезвычайно пестрая смѣсь народовъ. Славяне составляли большинство. Между ними, на ряду съ римлянами и греками, гордо называвшими себя также *Ῥωμαῖοι*, долгое время сохранялись остатки древняго населенія, ѳракійцевъ, потомками которыхъ (или иллирійцевъ) считаются албанцы (стр. 221). Кромѣ того тамъ можно было найти еще остатки готовъ и гепидовъ, въ Хорватіи — остатки аваръ. Къ этой-то смѣси народовъ и присоединилось, слѣдовательно, въ VII столѣтіи финно-тюркское[1] племя болгаръ. Началось сліяніе. Многія племена были поглощены другими; на ряду съ этимъ возникали новые народы, какъ напр., румыны. Основаніе болгарскаго царства и славянизированіе болгаръ было и въ политическомъ, и въ этнографическомъ отношеніяхъ выгодно для славянъ. Прежде отдѣльныя племена находились въ слабой зависимости отъ Византіи, при чемъ они легче сохраняли свою національность. Теперь же всякій, живущій въ славянскомъ государствѣ Болгаріи, долженъ былъ рано или поздно ассимилироваться.

Въ то время, какъ авары принесли несчастіе южно-славянскимъ племенамъ, благодаря приходу болгаръ эти послѣднія пріобрѣли опять господствующее положеніе на Балканскомъ полуостровѣ. Политическая жизнь балканскихъ славянъ сосредоточилась теперь вокругъ трехъ центровъ: на востокѣ вокругъ болгарскаго царства, внутри страны вокругъ сербскаго княжества, на западѣ вокругъ хорватскаго. Суверенитетъ Византіи едва ощущался: уплачивалась только небольшая дань; только когда на византійскомъ престолѣ сидѣлъ могущественный монархъ, возжи натягивались сильнѣе, и вспыхивало пламя войны. Позднѣе прекратилась и всякая зависимость отъ Византіи.

Не безъ вліянія на политическія отношенія сѣверозападной части Балканскаго полуострова осталось появленіе на исторической аренѣ Карла Великаго, который около 788 года велъ войну съ Восточной имперіей изъ-за византійскихъ владѣній въ Италіи. Онъ завоевалъ не только Истрію, но также и Далмацію. Славяне, жившіе между Дравой и Савой, платили ему дань до 812 года, когда онъ заключилъ миръ съ Византіей (стр. 74) и отказался отъ земель до Дравы. Еще и теперь находятся въ Аграмскомъ музеѣ памятники изъ эпохи владычества Карла надъ этими землями.

5. Принятіе христіанства южными славянами.

Благодаря географическому положенію южныхъ славянъ, христіанство проникало къ нимъ съ трехъ сторонъ: съ одной стороны, изъ Аквилеи

---

[1] Или финское, или тюркское, но не финно-тюркское. *Ред.*

черезъ посредство итальянскихъ священниковъ, съ сѣверной стороны, изъ Зальцбурга, черезъ нѣмецкихъ священниковъ и, наконецъ, изъ Византіи черезъ греческихъ миссіонеровъ. Кромѣ того, были и еще другія отдѣльныя попытки.

Начала распространенія христіанскаг о ученія и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, теряются во mракѣ прошлаго. Нѣсколько миссіонеровъ пришло изъ царства франковъ. Такъ, напримѣръ, Колумбанъ, по словамъ его біографа Іоны, около 610 года, будучи изгнанъ королемъ Теодорихомъ изъ Бургундіи, возымѣлъ намѣреніе проповѣдывать евангеліе славянамъ въ Норикѣ. Около 613 года въ царство Само прибылъ епископъ Амандусъ изъ Утрехта, рѣшившійся принять здѣсь мученическій вѣнецъ, послѣ чего прибылъ около 650 года св. Эммерамъ въ сопровожденіи священника Виталія, знакомаго съ славянскимъ языкомъ. Болѣе продолжительна была и оставила болѣе прочные результаты дѣятельность епископа Руперта изъ Вормса, основавшаго въ норійской Ювавіи (Зальцбургъ) епископство и монастырь. Съ этого времени зальцбургская діоцезія взяла на себя дѣло обращенія въ христіанство альпійскихъ славянъ, разумѣется, подъ покровительствомъ баварскихъ герцоговъ. Особенно велики заслуги епископа Виргилія, который занималъ Зальцбургскій епископскій престолъ между 745 и 785 г. Онъ посылалъ въ Карантанію способныхъ миссіонеровъ и строилъ тамъ церкви (Марія Сааль, Лурнфельдъ, Ундрима). Даже сами карантанскіе князья признали необходимость принятія христіанства: Хотиміръ приглашалъ къ себѣ, но тщетно, епископа Виргилія. Очень много помогалъ миссіи баварскій герцогъ Тассило II (748 — 788 г.), первый изъ правившихъ Карантаніей. Желая свергнуть иго франковъ, онъ искалъ опоры въ Карантаніи (Хорутаніи), и распространеніе христіанства казалось ему лучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли. Онъ основывалъ монастыри или давалъ разрѣшеніе на устройство таковыхъ, при чемъ миссія брала на себя опредѣленныя обязательства (напр. Инниxенъ и Кремсмюнстеръ). Послѣ побѣды франковъ надъ Тассило, обращеніе было завершено при епископѣ Арно. Этотъ послѣдній получилъ отъ императора и отъ папы необходимыя полномочія и завершилъ организацію церкви, назначивъ епископомъ Теодориха. Въ этомъ дѣлѣ ему опять-таки энергично помогалъ словинскій князь (Инго).

Патріархъ аквилейскій неожиданно запротестовалъ, такъ какъ онъ считалъ эти земли принадлежащими къ его епархіи. Намъ, правда, ничего не извѣстно о миссіонерской дѣятельности патріарха аквилейскаго. Но что-нибудь въ этомъ отношеніи, навѣрное, дѣлалось, ибо споръ былъ разрѣшенъ Карломъ Великимъ въ 810 году, и пограничной линіей была признана рѣка Драва. Такимъ образомъ славяне были распредѣлены отнынѣ по двумъ діецезіямъ.

Но положеніе дѣлъ измѣнилось, когда въ IX столѣтіи начались серьезныя попытки обращенія со стороны Византіи. Первымъ христіанскимъ миссіонерамъ славянскій народъ долгое время оказывалъ противодѣйствіе по той причинѣ, что князья покровительствовали этимъ миссіонерамъ. Но когда они замѣтили, что принятіе христіанства влечетъ за собой потерю свободы, они измѣнили свое мнѣніе. Если ужъ нужно принять христіанство, то лучше, по крайней мѣрѣ, принять его съ той стороны, которая не угрожаетъ угнетеніемъ. Поэтому оставалось сдѣлать только одно, присоединиться къ греческой церкви. Восточная римская имперія съ теченіемъ времени стала противницей стараго Рима; это относится также и къ церковному вопросу. Въ IX столѣтіи Византія предприняла рѣшительные шаги противъ Запада. Съ этихъ поръ культура Византіи окрѣпла и изливалась широкимъ потокомъ на Балканскій полуостровъ. Греческій языкъ, письмо и монеты, греческое искусство и литература, греческое право и военное искусство распространились среди славянскихъ

племенъ. Еще плодотворнѣе была миссіонерская дѣятельность восточно-римской церкви.

Чрезвычайно важное значеніе для судебъ балканскихъ славянъ, а также славянъ вообще, и даже для судебъ всей восточной Европы, имѣлъ тотъ періодъ, когда патріаршій константинопольскій престолъ занималъ Фотій, одинъ изъ величайшихъ византійскихъ ученыхъ. Онъ началъ энергично покровительствовать возрожденію греческой древности и довелъ Византію до высокой степени культуры. Въ церковномъ отношеніи онъ выступилъ противникомъ первенства римскаго престола и былъ иниціаторомъ оффиціальнаго отдѣленія византійской церкви отъ Рима (стр. 75, 79 и сл.). Благодаря ему къ византійской церкви примкнули многіе народы, и онъ пріобрѣлъ для нея огромныя земельныя богатства. Въ императорскую эпоху Римская имперія была раздѣлена на восточную и западную только въ политическомъ отношеніи, теперь же возникло вмѣсто того дѣленіе церковное. Весь востокъ, вмѣстѣ съ обширными землями, заселенными славянами, призналъ позже первенство византійской церкви и въ начавшейся великой борьбѣ стоялъ на сторонѣ Константинополя. Мы не можемъ составить себѣ ясное представленіе о движеніи, вызванномъ дѣятельностью Ѳотія въ Европѣ, движеніи, продолжавшемся нѣсколько столѣтій: источники слишкомъ недостаточно говорятъ объ этомъ. По всей линіи разгорѣлась безпримѣрная борьба двухъ міровъ. Вопросъ шелъ прежде всего о томъ, какой изъ церквей удастся присоединить къ себѣ славянскихъ язычниковъ. Дѣятельности великаго патріарха византійская церковь обязана тѣмъ, что ей удалось одержать верхъ надъ Римомъ. Тщетно прилагалъ Римъ величайшія усилія, чтобы удержать за собой позицію; онъ имѣлъ успѣхъ только тамъ, гдѣ къ его услугамъ было нѣмецкое оружіе. Еще и теперь славяне обвиняютъ нѣмцевъ въ томъ, что они, подъ прикрытіемъ христіанской религіи, хотѣли принести имъ иго рабства. Но германскіе императоры и князья были только шахматными фигурами на великой шахматной доскѣ, и фигуры эти двигала невидимая рука изъ Рима. Позднѣе нѣмецкіе князья отправились на востокъ, но не для распространенія христіанства, а для завоеваній.

Почти въ одно и то же время два славянскихъ князя отправили пословъ въ Византію съ просьбою начать крещеніе ихъ народовъ; это были моравскій князь Ростиславъ (Растичъ; стр. 77, 232 и слѣд.) и болгарскій князь Борисъ (стр. 79). Можетъ быть, двумя годами ранѣе сдѣлалъ то же самое и хазарскій князь (стр. 78). Фотій искусно руководилъ дѣломъ обращенія. Для проповѣдыванія славянамъ евангелія были избраны два брата изъ Ѳессалоникъ, владѣющіе славянскимъ языкомъ и опытные миссіонеры. Для того же, чтобы разъ навсегда прикрѣпить къ византійской церкви вновь обращенные народы и отдѣлить ихъ отъ Рима. Византія стала придерживаться совершенно иного принципа, чѣмъ Римъ; въ то время, какъ послѣдній разрѣшалъ только литургію на латинскомъ языкѣ, первая разрѣшала каждому народу литургію на его родномъ языкѣ. Благодаря этому, кромѣ трехъ священныхъ языковъ, еврейскаго, греческаго и латинскаго былъ признанъ равноправнымъ съ ними и славянскій, какъ прежде того сирійскій, коптскій и армянскій языки.

К о н с т а н т и н ъ (Кириллъ) и М е ѳ о д і й, два апостола славянъ, отправились въ 863 году къ мѣсту своего назначенія, въ М о р а в і ю. Они изобрѣли для славянъ особый алфавитъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ тотъ самый, который теперь называется г л а г о л и ц е й[1] (см. табл. при стр. 286); они перевели на славянскій языкъ Священное Писаніе и являются, такимъ образомъ, основателями славянской литературы. Они организовали сла-

[1] Вопросъ о происхожденіи г л а г о л и ц ы принадлежитъ къ числу самыхъ неясныхъ въ славянской наукѣ. *Ред.*

вянскую церковь, основывали школы, строили церкви и прошли по всей странѣ, всюду принося съ собою свѣтъ культуры и новой религіи. „И славяне были преисполнены счастья, слушая разсказы о чудесахъ Господнихъ на своемъ родномъ языкѣ“,—говоритъ древняя славянская легенда о Меѳодіи. Когда вскорѣ затѣмъ въ церквахъ Моравіи и Панноніи стали раздаваться слова богослуженія на славянскомъ языкѣ, ужасъ объялъ римсконѣмецкое духовенство: оно видѣло, что теряетъ на востокѣ поле для своей будущей миссіонерской дѣятельности. Тотчасъ же духовенство стало осаждать Римъ и германскаго императора настойчивыми указаніями на опасность, грозящую обѣимъ властямъ съ этой стороны. Не желая дать въ зародышѣ заглохнуть своему дѣлу, оба апостола отправились въ Римъ, чтобы представить объясненія и просить о санкціонированіи ихъ дѣятельности. На пути туда они прибыли въ Паннонію, гдѣ на Платенскомъ озерѣ правилъ Коцелъ (ср. 233). Оба брата сумѣли настолько повліять на него въ пользу евангелія, что онъ началъ изучать славянскія книги и приказалъ дѣлать то же самое и нѣсколькимъ юношамъ. Когда славянскіе апостолы склонили затѣмъ на свою сторону папу, и Меѳодій былъ сдѣланъ епископомъ Моравіи, Коцелъ отправилъ въ Римъ посольство съ просьбою, чтобы и его княжество было также подчинено новому епископу; тогда папа сдѣлалъ Меѳодія архіепископомъ съ резиденціей въ Срѣмѣ, гдѣ была раньше діоцезія; этому паннонскому архіепископству была также подчинена Хорватія на Савѣ. Славянская литургія распространялась чрезвычайно быстро; авторитетъ баварскаго духовенства палъ такъ низко, что баварскій архіепископъ уже въ 870 г. долженъ былъ отправиться обратно въ Зальцбургъ.

Сомнительно, чтобы болгарскій князь Борисъ по тѣмъ же политическимъ соображеніямъ, что и Ростиславъ, т. е. съ цѣлью сохранить свою независимость отъ нѣмцевъ, послѣ долгихъ колебаній между Римомъ и Византіей примкнулъ, наконецъ, къ послѣдней. Кромѣ выгодъ славянской литургіи, онъ былъ вынужденъ къ такому шагу еще тѣмъ, что среди его народа очень много христіанъ принадлежало къ греческой церкви, и принятія греческой вѣры все равно нельзя уже было болѣе избѣгнуть. Можетъ быть, это было и въ интересахъ далеко заносящейся болгарской политики, поставившей себѣ цѣлью завоеваніе Константинополя. При крещеніи болгаре, вѣроятно, обратились за совѣтомъ къ обоимъ миссіонерамъ. Въ то же самое время приняли греческую вѣру хорваты. Не могли, наконецъ, избѣжать этого и сербы; мы не знаемъ только времени ихъ обращенія. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ полагаютъ, уже въ 7-мъ столѣтіи, при императорѣ Иракліи, приняли христіанство; но славянская церковь получила здѣсь возможность дальнѣйшаго развитія только послѣ прибытія ученыхъ и священниковъ изъ Панноніи. Дѣло въ томъ, что послѣ смерти Меѳодія въ 885 году славянская церковь не могла болѣе сохранять свое существованіе въ Панноніи; преемникъ Ростислава, Святополкъ, прогналъ учениковъ Меѳодія и подчинилъ свою страну нѣмецкой церкви (стр. 234). Изгнанное изъ Моравіи славянское духовенство нашло радушный пріемъ въ Болгаріи и, благодаря дѣятельности этого духовенства, возникла болгарско-славянская литература. Болгарскій престолъ занималъ тогда сынъ Бориса Симеонъ (893—927; ср. стр. 84), сумѣвшій использовать услуги и знанія пришельцевъ. Прежде всего, по его распоряженію, были переведены греческіе писатели, какъ церковные, такъ и свѣтскіе, на болгарскій языкъ. Такъ напр., монахъ Григорій перевелъ хронику Іоанна Малалы и приложилъ къ ней ветхозавѣтную исторію и Александрію; греческій оригиналъ дошелъ до насъ только въ отрывкахъ, болгарскій же переводъ заключаетъ въ себѣ все сочиненіе. Хроника Георгія Гамартола, въ то время на востокѣ главный источникъ историческихъ знаній, была также переведена и служила затѣмъ образцомъ для славянскихъ хронистовъ. Были пере-

ведены еще и другіе византійскіе писатели, какъ напр. Кириллъ Іерусалимскій, Григорій Назіанскій, Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Климактеръ. Другъ Симеона, Іоаннъ Экзархъ, перевелъ догматику Іоанна Дамаскина и написалъ знаменитое сочиненіе „Гексаэмеронъ“ (Шестодневъ), въ которомъ онъ, по образцу св. Василія, прекраснымъ языкомъ описываетъ сотвореніе міра; кромѣ того онъ сочинилъ великопостныя проповѣди. Ученикъ Меѳодія, Константинъ, перевелъ сочиненія Аѳанасія Александрійскаго противъ аріанъ и др. и писалъ проповѣди на праздники. Монахъ, извѣстный подъ именемъ Храбра, писалъ о славянскомъ алфавитѣ. И самъ Симеонъ занимался литературой. Онъ издалъ собраніе 135 проповѣдей Іоанна Златоуста подъ заглавіемъ „Златоструй“ и энциклопедію („Сборникъ“) византійской учености, заключающую въ себѣ богословскія, философскія, риторическія, историческія и др. статьи двадцати греческихъ писателей. Такимъ образомъ, Симеонъ былъ творцомъ болгарской литературы, которую переняли потомъ другіе славяне; современники сравнивали его съ царемъ египетскимъ Птолемеемъ.

Славянская литература, въ тогдашней Европѣ самая значительная послѣ греко-римской, пріобрѣла для византійской церкви все славянство и облегчила обращеніе его. Теперь и остальные балканскіе славяне пріобщились къ болгарской литературѣ; Болгарія сдѣлалась даже культурной посредницей между Константинополемъ и славянскимъ сѣверомъ. Балканскіе славяне стали задавать тонъ остальнымъ членамъ своей великой семьи народовъ. Пріобщеніе славянства къ греческой цивилизаціи было закрѣплено еще тѣмъ, что упомянутый Константинъ, епископъ Величскій (или епископъ Клементій Древовичскій, ср. стр. 78) вмѣсто неуклюжей глаголицы (стр. 284) приспособилъ греческій шрифтъ къ славянскому и дополнилъ его нѣсколькими новыми, необходимыми для славянскаго языка, знаками. Этотъ алфавитъ называется кириллицей. (См. прилагаемую таблицу „Начало евангелія Луки, писанное глаголицей, съ примѣчаніями кириллицей на поляхъ“).

Общность литературы, культуры и церкви все болѣе и болѣе сближала грековъ съ славянами, пока они не образовали замкнутаго, изолированнаго отъ запада, міра (ср. стр. 78 вверху). Эти событія имѣли рѣшающее значеніе для будущности всего славянства. Въ особенности южные славяне унаслѣдовали всѣ достоинства и недостатки грековъ; не только въ политическомъ отношеніи они раздѣляли судьбы Византійской имперіи. Свойственные греческой церкви лѣнь, равнодушіе, закоснѣлость и другіе недостатки отражаются во всѣхъ соціальныхъ и культурныхъ отношеніяхъ славянъ. Недостатокъ организаторскаго духа и дисциплины въ греческой церкви оказывалъ отнынѣ вліяніе и на политическую жизнь славянъ. Лишенные сами всякой руководящей государственной идеи, они потрясали основы медленно клонящейся къ упадку Византійской имперіи и, раздѣленные на многочисленныя племена, чуждыя всякой идеѣ единства, должны были рано или поздно стать добычей сильнаго завоевателя.

6. Древнѣйшія историческія извѣстія о хорватахъ.

Христіанство и греко-славянская культура были единственными узами, связывавшими балканскія племена; въ остальныхъ отношеніяхъ ихъ пути расходились. Быстро развивающееся болгарское царство стремительными шагами приближалось къ вратамъ Византіи и крѣпло, пока, послѣ страшной борьбы, не было завоевано сначала императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ въ 971 г. (стр. 87) и затѣмъ въ 1018 г. Василіемъ II (стр. 88.) Исторія хорватскаго и сербскаго племенъ, наоборотъ, только очень

Начало Евангелія отъ Луки, написанное глаголицей, съ примѣчаніями на поляхъ кириллицей.

(Съ хранящейся съ 1860 г. въ Петербургѣ рукописи „Quattuor evangeliorum codex Glagoliticus Zographensis“.)

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Объясненіе къ тексту, помѣщенному на оборотѣ.

Текстъ:

ЄВАНГЄЛИЄ ОТЪ ЛОУКЪІ:

Глава I.

I. 1 По нєжє оубо. мнози начаша.
чинити повѣсть. о извѣ
стънъіхъ въ насъ вєштєхъ.
2 ѣкожє прєдашѧ намъ. бывъ
шєі іскони самовидьци.
і слоугъі словєси. 3 ізво
ли сѧ і мьнѣ хождьшю. і
с пръва по всѣхъ. въ істи
нѫ по рѧдоу. псати тєбѣ.
славънъі т'єофилє. 4 да ра
зоумѣєши. о нихъжє наоу
чилъ сѧ єси словєсєхъ.
оутвръждєньє. 5 бъістъ
въ дьни ірода црѣ. іюдєіска.

Переводъ:

ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ ЛУКИ:

Глава I.

1. Какъ уже многіе начали составлять повѣствованія о совершенно извѣстныхъ между нами событіяхъ,

2. Какъ предали намъ то бывшіе съ самаго начала очевидцами и служителями Слова;

3. То разсудилось и мнѣ, по тщательномъ изслѣдованіи всего сначала, по порядку описать тебѣ, достопочтенный Өеофилъ,

4. Чтобы ты узналъ твердое основаніе того ученія, въ которомъ былъ наставленъ.

5. Во дни Ирода, царя Іудейскаго,

Примѣчанія на поляхъ кириллицей:

Началнъіі държавъникъ,	Главный намѣстникъ
На зачатіє Іоана К[рєститєлѧ]	Зачатіе Іоанна Крестителя
Бъістъ во дни ...	Было въ дни . . .

Заключительная строка кириллицей:

На рождєніє Іоана Крєститєлѧ, отъ Лоукъі глава I.	Въ день рожденія Іоанна Крестителя, отъ Луки глава I.

(Примѣчанія кириллицей на поляхъ списаны писцомъ, не понимавшимъ ихъ, и являются, слѣдовательно, цитатами, не имѣющими никакой цѣны.)

медленно выступаетъ на историческомъ фонѣ сѣверо-запада; сербскіе и хорватскіе жупаны играютъ незначительную роль. Чтобы сохранить свою независимость, они колеблются между Болгаріей и Византіей и становятся на сторону то первой, то послѣдней. Многія сербскія и хорватскія жупанства были покорены болгарами. Послѣ завоеванія Болгаріи они должны были подчиниться власти Византіи, а противъ послѣдней искали опоры въ Римѣ.

Раньше сербской начинается исторія Хорватіи, особенно занятаго хорватами побережья, которое итальянцы называли также Славоніей. Полагаютъ, что переселеніе сюда хорватовъ произошло въ 634 году. Они были покорены франками, а послѣ распаденія имперіи Каролинговъ подчинились около 877 г. греческому императору Василію II. Около 900 г. хорваты опять возвратили себѣ независимость, достиженію которой, какъ полагаютъ, они обязаны князю Мутимиру. Въ прибрежной Хорватіи мы уже въ 9-мъ столѣтіи находимъ независимаго князя, который носилъ титулъ Dux Liburniae et Dalmatiae. Центръ тяжести этого герцогства лежалъ на сѣверѣ, близъ Клиса, Ноны, Зары, Векіи и Книна. Въ 9-мъ столѣтіи здѣсь было введено христіанство съ славянской литургіей и съ глаголическимъ алфавитомъ, въ 879 г. въ Нонѣ было основано герцогомъ Бранимиромъ епископство. Глаголица, хотя и была отвергнута римскимъ духовенствомъ на соборѣ въ Спалато въ 924 году, но позднѣе, въ 1248 г., она была опять разрѣшена Иннокентіемъ IV и теперь еще употребляется въ тамошнихъ церквяхъ (въ 1898 г. папою Львомъ XIII были вновь изданы правила относительно употребленія глаголицы и славянской литургіи въ Далмаціи и въ прибрежной Хорватіи).

Въ то время, какъ сербскому вождю Михаилу удалось лишь въ 11 столѣтіи получить отъ Григорія VII королевскій титулъ, хорватскій вождь Тимиславъ получилъ этотъ титулъ, также отъ Рима, уже въ 926 году. Впрочемъ, соотношеніе силъ между хорватами и сербами на пограничной линіи постоянно измѣнялось: то сербскія племена подчинялись хорватамъ, то округа Хорватіи покорялись сербами.

Въ 10 столѣтіи Хорватія стала грозной силой. Не только острова, населенные римлянами, и прибрежные города платили, съ согласія византійскаго императора, ежегодную дань хорватскому князю, чтобы защитить свою торговлю отъ его нападеній, также и венеціанцы, еще въ концѣ 10 столѣтія, уплачивали съ тою же цѣлью ежегодную сумму хорватамъ. Послѣ царствованія Константина Багрянороднаго (около 950 г.), при преемникахъ Тимислава, князьяхъ Кресимирѣ (стр. 87) и Мирославѣ, хорваты могли выставить 100,000 человѣкъ пѣхоты и 60,000 конницы и имѣли 180 кораблей. Но скоро Венеція усилилась настолько, что уже дожъ Петръ II отказался платить дань; въ 1000 году онъ побѣдилъ хорватовъ и нарентанцевъ и принялъ титулъ герцога далматскаго; это было въ первый разъ, что Венеція завладѣла берегомъ Далмаціи. Чтобы спасти престолъ, хорватская династія присоединилась къ торговой республикѣ. Сынъ герцога Крешимиръ женился на Гичелѣ, дочери дожа, и съ 1059 г. опять носилъ титулъ короля Хорватіи и Далмаціи,

Эти событія возбудили зависть и опасеніе при венгерскомъ дворѣ, который разочаровался въ надеждѣ укрѣпиться на Адріатическомъ морѣ и завоевать берегъ Далмаціи. Въ венеціанской республикѣ Венгрія усмотрѣла опаснаго соперника. Арпадамъ удалось обвѣнчать сестру короля Гейзы I съ хорватскимъ герцогомъ Звонимиромъ, который какъ разъ въ то время (1076 г.) получилъ королевскую корону отъ пословъ Григорія XII и призналъ себя за это вассаломъ папскаго престола. Послѣ смерти Звонимира въ 1088 г вдова его призвала, какъ полагаютъ, своего брата Ладислава. Этотъ послѣдній завоевалъ въ 1091 г. внутреннюю Хорватію, но не могъ проникнуть до моря, такъ какъ самой Венгріи угрожали

тогда куманы. Управленіе завоеванной страной онъ поручилъ своему племяннику Альму; Хорватія сдѣлалась, такимъ образомъ, секундогенитурой Венгріи, судьбы которой она и дѣлила съ этихъ поръ. Благодаря этому, Венгрія неизбѣжно должна была занять враждебное положеніе по отношенію къ Венеціи, такъ какъ послѣдней принадлежало въ то время далматское побережье, къ завоеванію котораго она стремилась. Съ этихъ поръ приморская Хорватія (Далмація) была въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій яблокомъ раздора между Венгріей и Венеціей. Если бы Византія хотѣла теперь предъявить свои права, то ей пришлось бы, слѣдовательно, вступить въ борьбу съ Венгріей и Венеціей.

7. Сербія, Черногорія и Боснія до турецкаго владычества.

А. Сербія.

Послѣ побѣды Византіи надъ Болгаріей и послѣ того, какъ Хорватія стала переходить подъ власть то Венгріи, то Венеціи, сербскія племена остались единственными болѣе или менѣе независимыми среди славянъ Балканскаго полуострова, хотя они все еще не составляли единаго государства. Всюду и всегда маленькіе народы только тогда соединялись въ государства, когда имъ угрожала какая-нибудь внѣшняя опасность; такъ возникли государства русское и литовское, такъ образовались всѣ западноевропейскія государства, такъ же возникла и Сербія. При великомъ царѣ Симеонѣ болгары до такой степени опустошили сербскія земли, что онѣ могли быть вновь заселены только уже возвращающимися бѣглецами; часть сербскихъ племенъ должна была подчиниться болгарскому суверенитету. Въ X столѣтіи жупану Чеславу впервые удалось объединить нѣсколько сербскихъ племенъ для общей борьбы противъ Болгаріи. Послѣ уничтоженія болгарскаго царства Василіемъ II (стр. 88) власть Византіи надъ Балканскимъ полуостровомъ чрезвычайно усилилась: такою она была только во времена Юстиніана I. И Византія сохраняла свое положеніе при династіи Комненовъ до конца XII столѣтія. Но чрезмѣрный гнетъ часто вызывалъ возстанія сербовъ. Великій жупанъ Михаилъ (стр. 287) искалъ опоры въ Римѣ, получилъ оттуда королевскій титулъ и долгое время сохранялъ свою независимость отъ Византіи. Онъ не пренебрегалъ также и помощью венгровъ.

а) Неманичи.

Въ 1120 году выступаетъ на историческую арену Урошъ или Бела Урошъ, жупанъ рашскій, родомъ изъ Зеты. Онъ завелъ дружескія сношенія съ Венгріей, выдалъ свою дочь за Белу II и помогъ мадьярамъ завладѣть Босніей. Отъ Рамы, притока Наренты на южной границѣ Босніи, Арпады присвоили себѣ теперь титулъ „король рамскій“.

Но рѣшающее значеніе для сербской исторіи имѣетъ царствованіе сына Уроша, знаменитаго Стефана I Немани. Онъ также родился въ Зетѣ, колыбели его предковъ. Хотя Стефанъ и былъ самымъ младшимъ изъ братьевъ, онъ все-таки мечталъ получить жупу Рашу, а стало быть и верховную власть, чего ему и удалось достигнуть съ помощью византійцевъ. Принадлежа къ римской церкви, онъ, по прибытіи въ Рашу, принялъ крещеніе по греческому обряду, чтобы пріобрѣсти такимъ образомъ расположеніе духовенства и народа. Въ 1165 г. императоръ Эммануилъ I утвердилъ его въ достоинствѣ великаго жупана, за что Неманя поклялся ему въ вѣрности. Въ 1173 г. Неманя разбилъ всѣхъ своихъ родственниковъ и подчинилъ себѣ всѣхъ непокорныхъ жупановъ. Такимъ образомъ, онъ основалъ еди-

ное, наслѣдственное, независимое государство. Здѣсь произошло то же самое, что въ свое время въ Чехіи, Польшѣ, Россіи; и въ этихъ государствахъ племена управлялись сначала по законустаршинства, т. е. старѣйшій изъ членовъ правящей династіи главенствовалъ надъ всѣми остальными, но потомъ совершился переходъ къ наслѣдственной монархіи. Равноправные до тѣхъ поръ члены княжеской династіи становились простыми исполнителями единой княжеской воли; въ Сербіи это случилось много раньше, чѣмъ въ другихъ славянскихъ земляхъ.

Неманя взялся также за организацію сербской церкви. Обращенный въ греческую вѣру, онъ строилъ монастыри и церкви, преслѣдовалъ римскую религію и былъ очень жестокъ по отношенію къ сильно распространенной тогда болгарской сектѣ богумиловъ. Онъ хотѣлъ, такимъ образомъ, основать юное государство на единой религіи. Восточная церковь была сдѣлана сербской государственной церковью, восточное богослуженіе—національнымъ богослуженіемъ, такъ что религія и національность слились въ одно понятіе. Въ прежнія времена сербская церковь и епископства были подчинены римскому архіепископу въ Спалато, а потомъ въ Антивари. Теперь были основаны греческія епископства и одно архіепископство для Сербіи. Его младшій сынъ, Растько, въ 1221 г. на Никейскомъ соборѣ былъ провозглашенъ подъ именемъ Саввы первымъ греческимъ архіепископомъ въ Сербіи. Онъ раздѣлилъ страну на два епископства и позволялъ выбирать въ епископы только сербовъ. Сербскіе архіепископы должны были имѣть резиденцію въ Жицѣ; туда Савва перенесъ позднѣе съ горы Аѳона останки своего отца Немани. Здѣсь же должны были впредь короноваться сербскіе короли (еще 9 октября 1904 г. здѣсь короновался Петръ I). Савва основалъ также въ Сербіи монастыри, всѣ по чину св. Василія, по образцу аѳонскихъ. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ и очень чтимъ теперь, какъ первый сербскій національный святой. Въ 1235 г. сербская церковь была признана автокефальной.

Присоединеніе въ церковномъ отношеніи не помѣшало Неманѣ выступать противъ Византіи въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о выгодѣ его государства. Сейчасъ же послѣ смерти императора Эммануила, въ 1180 году, онъ, въ союзѣ съ венгерскимъ королемъ Белой III, завоевалъ сербскіе округа, подпавшіе подъ власть Византіи. Потомъ онъ снова возобновилъ дружескія отношенія съ императоромъ и добился даже бракосочетанія сына своего Стефана съ племянницей императора Евдокіей. Этотъ бракъ придалъ его дому характеръ легитимности и особый блескъ. Кажется, что честолюбивый Неманя мечталъ даже расширить свою власть и на Византію. Обстоятельства благопріятствовали этому. Сербія была единственнымъ независимымъ государствомъ на Балканскомъ полуостровѣ, Византія была ослаблена раздорами изъ-за престола. Но одинъ Неманя чувствовалъ себя еще слишкомъ слабымъ. Тогда, на пути, во время Крестоваго похода, прибылъ въ Нишъ императоръ Фридрихъ I Барбаросса. Сербскій государь явился къ нему и, по словамъ одного лѣтописца, желалъ получить свои земли въ качествѣ лена отъ Барбароссы, но послѣдній никоимъ образомъ не хотѣлъ раздражать грековъ и отказался отъ предложенія Немани.

Въ 1195 г. Неманя, вѣроятно, чтобы укрѣпить власть за своимъ домомъ, уступилъ корону своему старшему сыну Стефану II (Неманѣ), которому онъ еще раньше даровалъ византійскій титулъ деспота. Второй сынъ его Вуканъ (Влкъ) получилъ Зету. Самъ Неманя, принявъ монашество и имя Симеона, удалился въ основанный имъ монастырь Студеницу; потомъ онъ отправился на Аѳонъ и скончался въ 1200 году въ имъ же основанномъ монастырѣ Хиландарѣ. Между его сыновьями разгоралась борьба изъ-за престола. Вуканъ искалъ опоры въ Венгріи и, главнымъ образомъ, въ Римѣ. Но туда же обратился и Стефанъ, который получилъ отъ папскаго

легата корону въ 1217 году; онъ принялъ титулъ „короля Сербіи, Діоклеціи, Травуніи, Далмаціи и Хлума“. Но этотъ шагъ лишилъ Стефана всей его популярности въ странѣ. Неоднократно выступалъ архіепископъ Савва посредникомъ между своими спорящими братьями; и теперь Стефанъ просилъ его объ этомъ. Передъ большимъ собраніемъ народа Савва короновалъ его въ 1222 г. вторично короною, присланною византійскимъ императоромъ, прочитавъ ему при этомъ символъ православной вѣры.

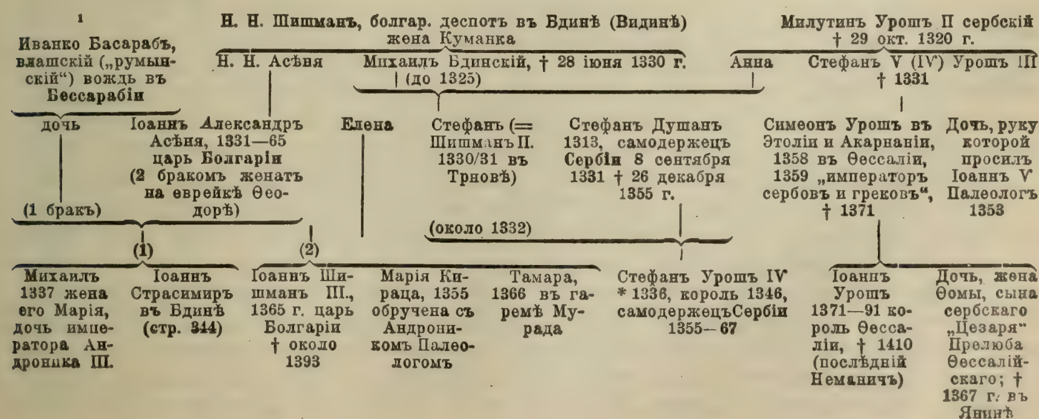
Этой борьбой изъ-за престола воспользовался венгерскій король, чтобы подчинить себѣ Сербію. Въ 1202 году онъ занялъ ее и присвоилъ себѣ титулъ Rex Rasciae; но распря съ братомъ Андреемъ принудила его опять уйти оттуда. Стефанъ держался до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1224 году. Съ тѣхъ поръ ни одинъ сербскій государь не осмѣливался болѣе отпадать отъ византійской церкви, хотя еще многіе входили въ сношенія съ Римомъ.

Изъ потомковъ Немани Милутинъ (= Стефанъ IV Урошъ II; 1275 [или 1281] — 1320) былъ безпощаднымъ завоевателемъ, причемъ онъ не стѣснялся помогать своимъ планамъ неоднократными женитьбами на византійскихъ, венгерскихъ, болгарскихъ княжнахъ; каждой женитьбѣ предшествовалъ разводъ. Онъ отнималъ греческія провинціи и держался въ нихъ также и послѣ смерти императора Михаила VIII Палеолога (1282). Онъ проникъ до Аѳона. Безъ удара меча получилъ онъ отъ Венгріи Боснію въ приданое за своей первой женой. Онъ пріобрѣлъ также благосклонность папы, котораго сумѣлъ провести пустыми обѣщаніями. Такъ какъ у Милутина не было законныхъ наслѣдниковъ мужского пола, то онъ рѣшилъ соединить свое царство съ Византіей, въ чемъ его поддерживала императрица Ирина, сдѣлавшаяся въ 1299 году его второй тещей. Императоромъ долженъ былъ при этомъ стать, конечно, только онъ, а не кто другой. Наслѣдовать ему должны были дѣти Ирины. При немъ и при его сынѣ Стефанѣ V (IV, если считать рядъ королей Стефановъ только съ 1222 г.) Урошѣ III, прозванномъ „Дечанскій“, Сербія пріобрѣла себѣ имя не только на Балканскомъ полуостровѣ, но и въ западной Европѣ.

Между тѣмъ, Болгарія въ концѣ XII столѣтія оправилась отъ своего упадка и вела удачныя войны съ Византіей. Теперь дальнѣйшему ея развитію мѣшало могущественное сербское государство. Борьба двухъ славянскихъ государствъ за гегемонію могла быть теперь только вопросомъ времени. Въ 1323 году болгарскіе бояре избрали царемъ бдинскаго деспота Михаила; имъ начинается царствованіе Шишмановичей бдинскихъ, послѣдней терновской династіи. Новый царь искалъ дружбы Сербіи и женился на дочери Милутина, Аннѣ, чтобы быть въ состояніи принять энергичныя мѣры противъВизантіи и другихъ враговъ. Но скоро положеніе измѣнилось. Михаилъ удалилъ отъ себя Анну (около 1325 г.) и женился на сестрѣ византійскаго императора Андроника III (младшаго). Только благодаря посредничеству сербскаго епископа (и автора житій сербскихъ королей) Даніила удалось избѣжать на этотъ разъ войны съ Сербіей, но въ 1330 г. война все-таки вспыхнула. Михаилу удалось организовать большой союзъ между византійцами, румынами, татарами и бессарабами. Быстрыми переходами пошелъ сербскій король противъ союзниковъ и напалъ на нихъ врасплохъ 28 іюня при Вельбуждѣ или Кюстендилѣ (ср. стр. 108). Въ его войскѣ находилось 300 закованныхъ въ латы нѣмецкихъ наемниковъ; во главѣ отборнаго отряда сражался Душанъ, сынъ Стефана. Болгары были обращены въ бѣгство, ихъ лагерь захваченъ. Стефанъ ограничился тѣмъ, что провозгласилъ Стефана, сына своей, прогнанной Михаиломъ сестры Анны, царемъ, подъ именемъ Шишмана II, и затѣмъ ушелъ изъ Болгаріи. Сербія стала играть теперь руководящую роль на Балканскомъ полуостровѣ.

Печальна была судьба Стефана, побѣдителя при Вельбуждѣ. Нѣкогда ослѣпленный своимъ отцомъ Милутинымъ, онъ нашелъ теперь ужасную смерть. Его бояре возмутились, съ Душаномъ во главѣ, и задушили шестидесятилѣтняго старика, который незадолго передъ тѣмъ провозгласилъ своего неблагодарнаго сына „младшимъ королемъ“. 8 сентября 1331 года 19-лѣтній Стефанъ Душанъ вступилъ на престолъ. Отличаясь бѣшеннымъ мужествомъ на полѣ битвы, Душанъ обладалъ въ то же время всѣми качествами государственнаго дѣятеля. Если Милутинъ думалъ только о соединеніи Византіи и Сербіи, то Душанъ мечталъ уже о созданіи Великой Сербіи, которая охватывала бы всѣ балканскія земли. Воспользовавшись слабостью Византіи и Болгаріи, онъ въ 1336—40 г. и въ 1345 г. завоевалъ Албанію, Македонію, Өессалію и Эпиръ (см. маленькую карту при стр. 165); даже греки, утомленные гражданскими войнами, желали, какъ полагаютъ, его власти. Въ 1346 г. онъ принялъ титулъ царя, сдѣлавъ молодого Уроша королемъ, и отдалъ ему въ управленіе собственную Сербію. Въ его грамотахъ мы встрѣчаемъ титулъ: „Стефанъ, царь и самодержецъ сербовъ и грековъ, болгаръ и албанцевъ. Его царскій титулъ былъ выгоденъ также и для сербской церкви, ибо зависимость сербскаго архіепископства отъ византійскаго патріарха нельзя было согласовать съ существованіемъ независимаго сербскаго царства. Поэтому онъ на соборѣ 1346 года провозгласилъ сербскаго архіепископа патріархомъ, не обращая вниманія на проклятіе византійской церкви. Въ 1352 г. сербская церковь совершенно отдѣлилась отъ византійскаго патріархата. Подъ властью сербскаго патріарха находились отнынѣ 20 митрополитовъ и епископовъ. Сербія находилась на вершинѣ своего могущества. Такъ какъ Душанъ былъ въ свойствѣ [1] съ дворами Бессарабіи и Болгаріи, то образовался союзъ этихъ трехъ силъ, направленный противъ Венгріи и Византіи.

Правленіе Душана можно, главнымъ образомъ, еще и потому считать золотымъ вѣкомъ для Сербіи, что онъ далъ ей лучшую администрацію и судъ, заботился о культурномъ развитіи и о благосостояніи народа. Оставленная имъ послѣ себя книга законовъ (Законникъ), очень важный юридическій памятникъ, навсегда прославила Душана. Его договоры съ Византіей, Дубровникомъ, Венеціей, доказываютъ, что онъ и торговлю не оставилъ безъ вниманія. Горная промышленность, которая возникла при Неманѣ, достигла при Душанѣ высокой степени развитія: при немъ существовало уже 5 золотыхъ и 5 серебряныхъ пріисковъ; работали на нихъ, большею частью, саксонцы, впервые привезенные въ Сербію, какъ полагаютъ, княземъ Владиміромъ. Если Душана и можно упрекнуть въ какой-нибудь политической ошибкѣ, такъ это въ той, что онъ не стремился



всѣми силами къ пріобрѣтенію Босніи, население которой было чисто сербское. Такъ какъ вся Боснія никогда не была соединена съ Сербіей, то тамъ развился духъ партикуляризма, благодаря которому, вскорѣ послѣ смерти Душана, было основано боснійское королевство подъ властью бана Твртко (см. ниже, стр. 295).

Главной цѣлью Душана было завоеваніе Византіи; лѣтописцы упоминаютъ о 13 походахъ его. Въ 1355 году, во время похода противъ Царьграда, Душанъ внезапно скончался. Если бы сынъ его Стефанъ Урошъ IV (см. фиг. 6 и 7 на табл. при стр. 298) кромѣ власти унаслѣдовалъ отъ отца также и его качества, то великое сербское государство могло бы упрочиться. Но Урошъ былъ слабымъ, добродушнымъ, благочестивымъ государемъ; народъ далъ ему прозвище Неякій, т. е. ничтожество. Скоро вспыхнуло возстаніе. Самъ первый совѣтникъ царя, умный Вукашинъ, котораго Душанъ приставилъ къ своему сыну, протянулъ руку къ коронѣ. Урошъ былъ убитъ въ 1367 году. Вмѣстѣ съ нимъ угасла главная вѣтвь дома Немани, около 200 лѣтъ правившая въ Сербіи.

b) Упадокъ Сербіи.

Въ послѣдовавшей затѣмъ гражданской войнѣ сербское дворянство въ 1376 г. возвело на престолъ Лазаря Гребляновича, храбраго и правдиваго человѣка. Но новый государь называлъ себя просто „княземъ“. Между тѣмъ политическое положеніе на Балканскомъ полуостровѣ чрезвычайно измѣнилось. Завоеванныя нѣкогда Душаномъ провинціи отдѣлились. Сербія одна была слишкомъ мала и слишкомъ неразвита въ культурномъ отношеніи, чтобы быть ядромъ крупнаго государства; кромѣ того, и внутреннее управленіе ея оставляло желать многаго.

Къ тому же прибавилась и большая внѣшняя опасность. Долго болгары и сербы боролись съ Византіей, чтобы на ея счетъ увеличить свои владѣнія; они не подозрѣвали при этомъ, что подрубаютъ сукъ, на которомъ сидятъ. Неудержимо двигались изъ Азіи турки противъ Византійской имперіи. Въ 14 столѣтіи ихъ военная слава уже настолько установилась, что византійскіе императоры призывали ихъ на помощь противъ болгаръ и сербовъ. Но вскорѣ оказалось, что всѣмъ имъ угрожаетъ очень серьезная опасность со стороны турокъ. Въ 1361 г. Мурадъ I занялъ Адріанополь и сдѣлалъ его своей резиденціей (стр. 128); Ѳракія стала турецкой провинціей. Византійцы не знали, что дѣлать. Вскорѣ затѣмъ, въ 1366 году болгарскій царь Шишманъ сдѣлался вассаломъ турокъ; его сестра, Тамара, была взята въ гаремъ Мурада. Въ 1371 г. сербскій узурпаторъ Вукашинъ выступилъ противъ турокъ, но былъ разбитъ въ ночь съ 25 на 26 сентября. Онъ палъ въ этомъ сраженіи вмѣстѣ со своимъ братомъ Іоанномъ Углешей; поле битвы называется Ssirb-sündighi, т. е. смерть сербовъ. Но Сербія не была еще покорена. Лазарь былъ вынужденъ стать турецкимъ вассаломъ только въ 1386 г. Страхъ передъ турками угнеталъ всѣхъ. Чтобы спасти честь своего народа, Лазарь приготовился къ борьбѣ, заключилъ союзъ съ Болгаріей, Албаніей и Босніей и разбилъ при Плочникѣ турецкаго намѣстника, въ то время какъ Мурадъ находился въ Азіи. Охваченный гнѣвомъ, онъ цѣлый годъ подготовлялся къ борьбѣ въ Азіи и въ Европѣ и въ 1382 г. пошелъ черезъ Филиппополь на Сербію. Въ день Св. Вита (15 іюня) произошла на Коссовомъ полѣ (ср. стр. 130), знаменитая битва, имѣвшая рѣшающее значеніе для судебъ не только Сербіи, но и всего Балканскаго полуострова, и даже всей юговосточной Европы. Къ сербскому войску Лазаря присоединились хорватскій банъ Иванъ Хорватъ, босняки подъ предводительствомъ своего воеводы Владко Хранича, вспомогательныя войска изъ Румыніи и, кромѣ того, много болгаръ и албанцевъ. На разсвѣтѣ эмиръ Мурадъ былъ убитъ въ своемъ шатрѣ, по

сербскому преданію, Милошемъ Обиличемъ, желавшимъ отклонить отъ себя этимъ подозрѣніе въ измѣнѣ, за что онъ и былъ подвергнутъ жестокой смерти. Во главѣ войска сталъ сейчасъ же сынъ Мурада Баязетъ I. Сербы были разбиты на голову; самъ Лазарь попалъ въ плѣнъ и вмѣстѣ со многими другими былъ обезглавленъ надъ трупомъ Мурада. Въ этотъ день была уничтожена будущность Сербіи.

Легенды и пѣсни оплакиваютъ битву на Коссовомъ полѣ. Не превосходство турецкихъ силъ, говорится въ нихъ, было причиною ужаснаго пораженія, а измѣна одного изъ сербскихъ предводителей, безбожнаго Вука Бранковича. Кромѣ того, въ турецкомъ войскѣ сражался сербскій деспотъ, „королевскій сынъ“ Марко (сынъ Вукашина) изъ Прилѣпа, человѣкъ богатырской силы. Они-то и были виновниками несчастія; сербы же сражались, какъ герои. Еще и теперь эти чудныя эпическія произведенія являются украшеніемъ какъ славянской, такъ и всемірной литературы; уже Гриммъ и Гете восхищались ими. Слѣпцы, старики и нищіе и понынѣ еще поютъ эти любимыя старинныя пѣсни по ярмаркамъ и на дорогахъ подъ аккомпаниментъ гуслей; народъ находитъ въ нихъ утѣшеніе въ погибшей славѣ и щедро вознаграждаетъ пѣвцовъ.

Какъ татары наложили свое ярмо на русскихъ, такъ же сдѣлали это турки по отношенію къ южнымъ славянамъ. Въ теченіе столѣтій должны были славянскія племена терпѣть невыразимыя мученія отъ варварства турокъ. Они должны были вырождаться и отставать въ культурномъ отношеніи, прикрывая въ то же время своей спиной народы западной Европы. Поэтому не слѣдуетъ постоянно упрекать ихъ въ полуварварствѣ, какъ это часто дѣлалось, и на что жалуется уже хорватскій поэтъ Иванъ Мажураничъ.

Баязетъ, очень занятый дѣлами въ Азіи, посадилъ на сербскій престолъ въ качествѣ деспота сына Лазаря, Стефана. Этотъ послѣдній долженъ былъ платить дань и лично, во главѣ своего войска, принимать участіе въ войнахъ турокъ; при Ангорѣ (1402, стр. 132) самъ Тимуръ восхищался храбростью сербовъ. Надежда на возвращеніе старой свободы никогда не угасала среди нихъ. Стефанъ искалъ опоры въ Венгріи и сдѣлался венгерскимъ вассаломъ, подобно тому, какъ и другія придунайскія государства находили теперь поддержку или въ Венгріи, или въ Польшѣ. Послѣ смерти Стефана (1427 г.) на престолъ вступилъ Юрій Бранковичъ, сынъ того Бранковича, измѣнѣ котораго было приписано пораженіе 1389 г. Резиденціей его сдѣлалось Смедерево на Дунаѣ. Между тѣмъ всѣ государства Балканскаго полуострова, послѣ кровавыхъ пораженій, вынуждены были подчиниться турецкому игу: въ 1393 г. Болгарія, затѣмъ царство Видинское, наконецъ, Молдавія; въ 1453 г. пала и Византія. Бранковичу, скончавшемуся 24 декабря 1457 г., наслѣдовалъ его слабый сынъ Лазарь, который уже въ концѣ 1458 г. сошелъ въ могилу.

И уже въ 1459 году Магометъ II совершенно завладѣлъ Сербіей и раздѣлилъ ее на пашалыки. Многія изъ самыхъ знатныхъ семействъ были уничтожены, и около 200.000 человѣкъ уведено въ рабство. Такимъ образомъ сербское государство исчезло съ исторической арены. Какъ нѣкогда, сейчасъ же послѣ своего переселенія, такъ и теперь сербы были покорены изъ Константинополя; здѣсь, на Босфорѣ, рѣшается судьба балканскихъ государствъ. Турецкій потокъ разливался все дальше. Борьбу противъ турокъ должны были теперь начать Венгрія и Польша, а потомъ очередь дошла и до Австріи. Въ этихъ государствахъ искали теперь опоры балканскіе народы. За исключеніемъ сѣверной, населенной хорватами, Далмаціи, находившейся подъ властью поперемѣнно то Венеціи, то Венгріи, турки покорили теперь весь Балканскій полуостровъ. Тягостно было ихъ иго. Но такъ какъ они заботились только о финансовой эксплоатаціи покоренныхъ народовъ и оставляли въ покоѣ ихъ религію и націо-

нальность, то балканскимъ славянамъ и удалось сохранить свою индивидуальность до тѣхъ поръ, пока не пробилъ часъ освобожденія.

B. Черногорія.

Счастливѣе была маленькая Зета, область, откуда произошелъ нѣкогда родъ Неманичей. Эта крошечная горная страна, получившая свое имя отъ рѣки Зеты, или Цетины, составляла когда-то часть римской провинціи Далмаціи. Императоръ Діоклетіанъ образовалъ изъ южной Далмаціи особую провинцію, Praevalis, съ центромъ въ Діоклеѣ, по которой и вся провинція называлась потомъ Dioclitia, или Dioclea. Но въ славянско-сербскую эпоху она называлась Зетой и считалась мѣстомъ происхожденія и родовымъ имѣніемъ Неманичей. Св. Савва (стр. 289) основалъ для Зеты епископство въ монастырѣ Св. Михаила, близъ Каттаро. Всякій наслѣдникъ престола получалъ въ управленіе сначала Зету. Но когда Душанъ сдѣлалъ своего сына Уроша королемъ и передалъ ему въ управленіе собственную Сербію, тогда для Зеты долженъ былъ быть назначенъ другой намѣстникъ; этотъ намѣстникъ былъ выбранъ изъ рода Бальшичей.

Итакъ, послѣ смерти Душана Зетой правилъ родъ Бальшичей (1360—1421), противъ котораго выступилъ потомъ въ верхней Зетѣ знатный родъ Черноевичей, или Юрашевичей. Въ началѣ 15 столѣтія здѣсь начали селиться венеціанцы, пока, наконецъ, вся прибережная Сербія не стала добычей Венеціи, несмотря на упорную борьбу сербовъ. Родъ Черноевичей, стоявшій на сторонѣ Венеціи, добился здѣсь въ 1455 г. власти; Иванъ Черноевичъ сталъ вассаломъ Венеціи и получалъ оттуда жалованье. Резиденція его была въ Заблякѣ и въ 1478 г. (или 1485 г.) онъ основалъ монастырь Цетинье. Резиденція его сына, Георгія, была въ Рѣкѣ и Ободѣ; при немъ были напечатаны въ Ободѣ въ 1493—95 гг. первыя церковно-славянскія книги. Тогда именно (впервые въ 1435 г.) эта страна получила имя „Черногорія".

Послѣ паденія Черноевичей (1528 г.; собственно уже 1516 г.) страной въ теченіе столѣтій управляли епископы (владыки) Цетиньевскіе. Епископъ и настоятель монастыря въ Цетиньѣ былъ въ то же время и княземъ. Невѣрно, будто бы турки никогда не господствовали надъ Черногоріей, и будто бы народъ въ геройской борьбѣ сумѣлъ сохранить свою свободу. Правда, турецкое владычество въ этой гористой странѣ было только номинально, тѣмъ болѣе, что турки не могли извлечь много пользы изъ бѣдныхъ жителей. Но о томъ, что Черногорія была подчинена санджаку Скодрскому и должна была платить туда дань, мы узнаемъ изъ итальянскаго описанія Маріано Болиццы, относящагося къ 1611 г.; въ то время въ Черногоріи было 90 населенныхъ мѣстъ и 8027 человѣкъ, способныхъ носить оружіе.

C. Боснія.

Послѣ смерти Душана отъ Сербіи отпадали одна провинція за другой, сначала Θессалія, Эпиръ, потомъ Македонія и Албанія. Даже и тѣ сербскія племена, которыя до 1355 г. добровольно или недобровольно объединились вокругъ престола Неманичей, преслѣдовали теперь партикуляристическія цѣли. Еще болѣе можно сказать это о родственной Босніи, которая никогда вполнѣ не принадлежала къ Сербіи. Правда, нѣкогда Боснія, вмѣстѣ съ Сербіей и Рагузой, была подчинена римскому архіепископству Спалато, правда, позднѣйшіе государи Босніи категорически объявили себя сербами и потомками Неманичей. Но, несмотря на это, они шли своимъ путемъ. Ихъ первымъ княземъ (баномъ), пользовавшимся

широкой извѣстностью, былъ Кулинъ (1180—1204). Весьма понятно, что Венгрія и Сербія соперничали между собою изъ-за обладанія Босніей, которая воспользовалась этимъ соперничествомъ, чтобы отстоять свою независимость.

Но все-таки маленькая страна эта только однажды пріобрѣла большее значеніе: при банѣ Твртко (Твартко, Тврдко), который считалъ себя потомкомъ Немани, несмотря на то, что его семья происходила изъ рода Котромановичей. Благопріятныя политическія условія позволили ему въ 1376 г. возложить на себя королевскую корону; съ тѣхъ поръ Боснія называлась королевствомъ. Такая отдѣльная жизнь имѣла своимъ послѣдствіемъ развитіе въ Босніи культуры, отличной отъ сербской, что проявилось не только въ преобладаніи вліянія римской церкви, но также и въ литературѣ и даже въ письмѣ. При королѣ Твртко настолько усилилось даже занесенное изъ Болгаріи ученіе богумиловъ (ср. стр. 109 и 332), что онъ объявилъ это ученіе государственной религіей. Такимъ образомъ, Боснія представляла особенность и въ этомъ отношеніи.

Все это привело къ тому, что при турецкомъ владычествѣ дворянство, привыкшее къ религіозному индифферентизму, массами переходило въ магометанство, чтобы обезпечить за собой сословныя привилегіи. Хотя завоеваніе турками Балканскаго полуострова завершилось взятіемъ Константинополя въ 1453 г., Боснія вошла въ составъ Турецкаго государства только въ 1463 г.; нѣкоторыя изъ многочисленныхъ въ Босніи крѣпостей держались даже до 1526 года (см. карту при стр. 165).

8. Владычество турокъ.

Подъ турецкимъ владычествомъ народы Балканскаго полуострова умерли въ политическомъ отношеніи и выродились въ національномъ; только слабая искра воспоминанія о лучшемъ прошломъ тлѣлась еще въ нихъ. Сейчасъ же по завоеваніи какой-нибудь страны въ ней вводилось турецкое управленіе, она раздѣлялась на провинціи (пашалыки), а послѣднія на округа (нахіи). Пашалыкомъ управлялъ паша или визирь, имѣвшій отличіе — 3 лошадиныхъ хвоста, нахіей управлялъ кади. Были пашалыки сербскій, боснійскій, румелійскій, скутарійскій, видинскій и т. д.; впрочемъ, дѣленіе на пашалыки часто мѣнялось. На обязанности турецкихъ чиновниковъ лежала организація несенія военной службы и надзоръ за правильнымъ отправленіемъ ея, сборъ податей и отчасти правосудіе.

На ряду съ турецкими чиновниками большое значеніе имѣлъ институтъ спахій. По взгляду турокъ, вся земля была собственностью султана, который всю завоеванную землю раздавалъ людямъ, принимавшимъ ее въ качествѣ наслѣдственнаго владѣнія (ziam) или владѣнія пожизненнаго (timar; ср. стр. 115) и за это обязанымъ нести военную службу; они, то и назывались spahi (всадники). Такъ напр., пашалыкъ Сербія былъ раздѣленъ, приблизительно, между 900 спахіями, которые сдѣлались такимъ образомъ господами страны и ея населенія. Многія христіанскія дворянскія семьи, принявъ исламъ, сдѣлались наслѣдственными спахіями, въ срединѣ 17 столѣтія въ Румеліи, т. е. кромѣ Босніи, было 1294 спахій, и всѣ онѣ произошли отъ христіанъ, болгаръ, сербовъ, албанцевъ и грековъ.

Кромѣ государственнаго управленія, существовало еще нѣкотораго рода самоуправленіе, оставленное населенію. Каждая деревня избирала своихъ судей и старшинъ (сеоски кнез и кмет), которые рѣшали всѣ сельскія дѣла и творили судъ по обычному праву, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда истецъ и отвѣтчикъ добровольно обращались къ нимъ и

согласны были подчиниться ихъ приговору. Исполнительной властью они не обладали. Недовольные приговоромъ обращались къ турецкимъ властямъ. Во главѣ округа стоялъ обер-кнез, т. е. старшій князь, сначала назначавшійся султаномъ. Выше самоуправленіе не шло. Большею частью, народъ подчинялся приговору своихъ собственныхъ судей и рѣдко обращался къ турецкимъ властямъ, тѣмъ болѣе, что князья и старшіе князья были посредниками между нимъ и турками и въ качествѣ такихъ посредниковъ защищали его. Эти должности, особенно должность старшаго князья, стали потомъ наслѣдственными и пользовались такимъ авторитетомъ, что даже турки должны были считаться съ ними.

Кромѣ того, существовала еще автономная сербская церковь, во главѣ которой стоялъ патріархъ ипекскій. Впрочемъ, высшее духовенство было тогда греческаго происхожденія, и константинопольскій патріархатъ разсчитывалъ черезъ посредство церкви эллинизировать славянъ. Въ 17 столѣтіи независимость сербскаго патріархата была уничтожена, и онъ былъ опять подчиненъ константинопольскому патріархату, какъ до 1346 г. Патріархатъ былъ даже совсѣмъ уничтоженъ въ 1766 году, а въ 1767 г. та же участь постигла и болгарскій патріархатъ въ Охридѣ; епископы посылались только изъ Стамбула. Только духовенство оставалось вполнѣ національнымъ, стояло за народъ и страдало вмѣстѣ съ нимъ.

Таковы были силы, опредѣлявшія положеніе порабощеннаго народа. Жизнь безправной райи, какъ назывались покоренные народы, была ужасна во всѣхъ отношеніяхъ. Прежде всего податное бремя было непомѣрно тягостно. На первомъ планѣ стоялъ султанскій или государственный налогъ. Мужское населеніе въ возрастѣ отъ 7—60 лѣтъ должно было уплачивать въ государственную казну налогъ (хараджъ) въ 3 піастра и 2 пары; даже духовенство и монастыри не были освобождены отъ этого налога. Три раза въ годъ появлялись въ деревняхъ турецкіе чиновники, разбивали тамъ свой шатеръ и собирали хараджъ. Для лучшаго контроля составлялся списокъ мужчинъ и мальчиковъ. Затѣмъ женатые мужчины платили два раза въ годъ, въ дни св. Георгія и св. Димитрія, налогъ, называвшійся порезъ, для покрытія издержекъ управленія; сумма его была неопредѣленна. Въ административномъ центрѣ нахіи собирались князья и разсматривали счетъ годового расхода по управленію, который они потомъ и раскладывали подушно; само собой разумѣется, что сумма была каждый годъ иная. Кромѣ того, казна взимала съ купцовъ за лавки, налогъ съ табаководовъ, пограничныя пошлины, аренду за рыбную ловлю, съ рѣчныхъ судовъ и т. д. Кромѣ казны, райя должна была удовлетворить своихъ помѣщиковъ, спахій. Каждый женатый платилъ 1 піастръ подушной подати, 2 піастра при заключеніи брака, 1 піастръ за пользованіе пастбищемъ (котар), 1 піастръ съ души за помолъ, 2 піастра съ каждаго котла при винокуреніи, 4—10 паръ на каждую свинью за желуди, наконецъ, десятую часть урожая съ полей и садовъ; кромѣ того, они должны были еще работать на барщинѣ. Даже свѣтское духовенство должно было уплачивать спахіямъ эти подати. Само собой разумѣется, что населеніе должно было также содержать своихъ князей, старшихъ князей и духовенство. Епископъ, напр., взималъ съ каждаго дома 12 піастровъ и при объѣздѣ епархіи требовалъ кромѣ содержанія еще 5 піастровъ; такъ какъ онъ платилъ за свой санъ въ Константинополь, то и старался вернуть эту сумму. Священники получали регулярную плату натурой и, кромѣ того, плату за требы.

Еще болѣе, чѣмъ отъ различныхъ податей, страдалъ народъ отъ тогдашняго состоянія правосудія. Въ каждой нахіи судьей былъ кади, при которомъ состоялъ мусселимъ въ качествѣ исполнителя судебныхъ приговоровъ. Выше кади стоялъ верховный судья (мулла) всей провинціи. Такъ какъ эти судьи, по словамъ Веніамина Каллая, могли получить

свои должности только посредствомъ подкупа, то можно себѣ представить, какъ они старались использовать ихъ. Турецкій законъ не зналъ другихъ наказаній, кромѣ денежныхъ штрафовъ, за исключеніемъ политическихъ преступленій; даже за убійство взимался только штрафъ. Чиновники преслѣдовали, большею частью, только свои личные интересы; часто несли наказаніе совершенно невинные люди. Особенный ужасъ внушали мусселимы, ибо они находились въ постоянномъ соприкосновеніи съ народомъ, хорошо были знакомы съ обстоятельствами и, благодаря этому, легко могли овладѣть жертвой своихъ вожделѣній или своей мести. Такъ какъ, кромѣ того, свидѣтельство христіанъ не принималось на судѣ, то турецкое правосудіе превратилось въ настоящее мучительство, спастись отъ котораго можно было только бѣгствомъ.

Другимъ бичемъ христіанской райи была регулярная турецкая пѣхота, янычары. Сначала они не получали земли, а только жалованье. Но потомъ, будучи распредѣлены изъ Константинополя по провинціямъ и, получивъ силу въ государствѣ, они пожелали стать землевладѣльцами, подобно спахіямъ, и насильственно захватывали то, что имъ нравилось. Бѣдная райа никогда не могла быть увѣрена въ сохранности своего имѣнія; они могли утѣшаться словами Виргилія: „Такъ вы, птицы, строите гнѣзда не для себя; такъ вы, овцы, носите шерсть не для себя; такъ вы, пчелы, собираете медъ не для себя; такъ вы, волы, тянете плуги не для себя!“ Особенно ужасенъ былъ повторявшійся каждыя пять лѣтъ наборъ мужской молодежи для обращенія въ исламъ и зачисленія въ корпусъ янычаръ (ср. стр. 123). Только города откупались за крупныя суммы.

Гораздо унизительнѣе и невыносимѣе, чѣмъ всѣ эти тяготы, было обращеніе магометанъ съ райей. Здѣсь только вполнѣ проявлялась разница между завоевателями и побѣжденными. Уже во внѣшности, говоритъ Каллай, подчеркивалась эта разница. Райа обязана была носить болѣе простую одежду. Она не имѣла права носить кафтанъ и одежду, вышитую золотомъ или серебромъ, не могла имѣть болѣе красивыхъ домовъ, держать лучшихъ лошадей. Ей было запрещено носить саблю. Въ городъ райа могъ приходить только пѣшкомъ. Стоя передъ туркомъ христіанинъ долженъ былъ прятать свои пистолеты; при встрѣчѣ онъ долженъ былъ слѣзать съ лошади, а если сидѣлъ—вставать. Кромѣ того, турокъ могъ позвать всякаго христіанина и заставить его носить воду, стеречь лошадей или дѣлать какую-либо иную работу. Христіанскія женщины, понравившіяся туркамъ, безъ всякой пощады должны были отдаваться имъ. При свадьбахъ невѣсту прятали въ погребѣ и закрывали ей голову платками.

Поэтому христіане убѣгали въ неприступные лѣса и горы и оттуда творили месть надъ угнетателями. Число такихъ бѣглецовъ все увеличивалось. Въ славянскихъ провинціяхъ ихъ называли гайдуками, въ Греціи клефтами. Это были разбойники, которые иногда грабили и христіанъ. Но въ нихъ былъ живъ духъ свободы, и они почитались народомъ, какъ его мстители и передовые борцы за свободу. Народъ защищалъ ихъ отъ преслѣдованій турокъ и воспѣвалъ ихъ, какъ героевъ, въ своихъ пѣсняхъ. Такъ какъ христіане не подлежали воинской повинности, то это были единственные люди, способные владѣть оружіемъ.

Въ своемъ несчастіи народъ находилъ утѣшеніе у своихъ князей и старшихъ князей, у спахи, которые обыкновенно хорошо обращались съ нимъ, главнымъ же образомъ, у церкви. Еще большей любовью, чѣмъ свѣтское духовенство, пользовались монахи. Монастыри были тогда очагами національной жизни. Они получили отъ государства извѣстныя привилегіи и находились въ меньшей зависимости отъ турецкихъ властей. Одни монахи могли исповѣдывать и причащать, они были единственными учеными и сохраняли остатки славянской культуры. Изъ отдаленнѣйшихъ

мѣстъ стекался народъ въ монастыри; въ храмовые праздники здѣсь кипѣла жизнь. Купцы предлагали свои товары, на вертелахъ жарились ягнята и свиньи и подъ звуки пастушьяго рожка или волынки сербская молодежь плясала національный танецъ коло (см. фиг. 8 и 9 прилагаемой табл. „Сербско-боснійская культура"), извѣстный также и въ Болгаріи. Старики же пѣли при этомъ національныя пѣсни о юнакахъ.

9. Хорватія, Далмація и Рагуза; хорватская Военная Граница.

A. Хорватія и Далмація до 16 столѣтія.

Въ то время, какъ сербское государство сумѣло сохранить свою независимость до 1389 года, безпокойный, воинственный и даровитый хорватскій народъ уже въ концѣ 11 столѣтія сдѣлался данникомъ своихъ сосѣдей. Сербія легко смогла обогатиться на счетъ распадающихся государствъ Византіи и Болгаріи, Хорватіи же пришлось имѣть дѣло съ находящейся въ періодѣ расцвѣта Венгріей и съ Венеціей, бывшей тогда первой торговой державой Европы. И все-таки Хорватія, можетъ быть, и не была бы побѣждена, если бы ея не ослабляли внутренніе раздоры. Въ то время, какъ внутренняя Хорватія оставалась соединенной съ Венгріей, изъ-за господства надъ Хорватіей приморской (Далмаціей) долгое время и съ перемѣннымъ счастьемъ боролись между собою Венеція и Венгрія. На короткое время въ 14 столѣтіи завладѣлъ Далмаціей и принялъ титулъ „Rex Croatiae et Dalmatiae" король Босніи Твртко; и послѣ его смерти (1391) г.) Боснія сохранила за собой часть южной Далмаціи, которая называлась съ тѣхъ поръ Герцеговиной. Въ 14 столѣтіи притязанія на Далмацію заявили, кромѣ Венгріи и Венеціи, еще неаполитанскіе короли изъ дома Анжу, пока король Ладиславъ не продалъ, наконецъ, область Задра за 100,000 дукатовъ Венеціи, и не рѣшилъ такимъ образомъ въ ея пользу спора изъ-за Далмаціи. Послѣ этого многіе города добровольно подчинялись венеціанскому владычеству, вліяніе же Венгріи все болѣе и болѣе падало.

Такимъ образомъ, оба родственныя племена пошли разными путями. Въ то время, какъ сербы подпали подъ вліяніе Византіи и примкнули къ греческой церкви и культурѣ, Хорватія, связанная съ западомъ, жила въ совершенно иныхъ условіяхъ. Гдѣ лежитъ граница между сербскими и хорватскими поселеніями, тамъ же проходитъ и граница между востокомъ и западомъ Европы, между греческимъ и римскимъ міромъ.

a) Внутренняя Хорватія до завоеванія ея турками.

Но и судьбы обѣихъ частей Хорватіи также были различны. Въ то время, какъ побережье входило въ кругъ вліянія римскаго міра и участвовало въ культурномъ и экономическомъ развитіи его, внутренняя Хорватія оставалась за Венгріей и постепенно пришла въ полный упадокъ. И въ церковномъ отношеніи обѣ части раздѣлились, когда Ладиславъ Святой Венгерскій учредилъ въ Аграмѣ епископство и подчинилъ его Гранскому архіепископству. Въ 1853 г. епископство было сдѣлано самостоятельнымъ архіепископствомъ. Здѣсь, въ Аграмскомъ архіепископствѣ, славянское богослуженіе было постепенно вытѣснено латинскимъ, въ Далмаціи же оно сохранилось. Въ 1248 г. Иннокентій IV призналъ его равноправнымъ съ латинскимъ. Нынѣ славянская литургія разрѣшена во всей Зенгской епархіи, въ остальной же Хорватіи только посланія и евангеліе могутъ читаться по-славянски. Правда, и въ венгерской Хорватіи остались еще приверженцы греческой церкви, число которыхъ во времена

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Сербско-боснiйская культура.

Объясненіе къ таблицѣ.

---

1. Татуировка у католиковъ средней Босніи: кресты простой и сложной формы, круги („Коло“), полукруги („Ограда“; на наружной поверхности руки), повязки („Narukvica“: браслетъ на запястьи), вѣтви („Jelica“, прибавка къ коло), колосъ („Klas“; на внутренней сторонѣ нижней части руки), мѣсяцъ („Mjesec“) и солнце („Sunce“; на задней сторонѣ руки).

2 и 3. Боснійское курсивное письмо (Bosancica) 18 столѣтія:

2. Изъ герцеговинской рукописи;
3. Съ каменнаго памятника изъ окрестностей Фойники.

Текстъ.	Переводъ:
2. Od nas sirjaka (siromaka) Gacana: Mostaj begu Pašinu i Muhamed begu Kapetanovicu i Ibrahim begu Bašagicu Ruku i uogu vi lubimo i u pet vakti namaza sa svi jet našijem famelijama Vam dovu čimimo i molimo Vas, a more biti i da vi je poznato od ulazka Austorije kao što je postavijo ...	2. Отъ насъ бѣдныхъ гакановъ: Мустайбегу сыну паши и Мухамедъ-бегу Капитановичу и Ибрагиму-бегу Башагичу. Мы цѣлуемъ Ваши руки, и ноги со всѣми нашими семьями выражаемъ Вамъ нашу преданность во всѣ пять временъ омовеній и просимъ Васъ, и можетъ быть Вамъ извѣстно, какъ послѣ прихода Австріи было постановлено ...
3. Pera mater Fra Šimunova koja zaspa u gospodinu na 1719.	3. Пера, мать Фра Шимуна, почившая въ Господѣ въ 1719 году.

4. Каменное кресло (судейское кресло) Ивана Павловича, сына Павла Радиновича изъ Буковицы въ Босніи; относится къ первой половинѣ 15 столѣтія. На спинкѣ изображено плоскимъ рельефомъ дерево съ цвѣтами и фруктами. На правой сторонѣ спинки мужская фигура въ шляпѣ, держащая обѣими руками ручку меча; на лѣвой сторонѣ спинки женская фигура съ вѣнкомъ на головѣ, держащая въ рукахъ круглый предметъ. На правой верхней покатости спинки гербъ Павловичей, на лѣвой покатости надпись: Si [j]e stô Pavlovica Ivana (т. е. это стулъ Павловича Ивана).
5. Похожая на фригійскую шапку, рогообразная часть „роговъ“ головного убора, который теперь очень рѣдко носятъ женщины въ Босніи въ округѣ Сребрницѣ. Рогъ сплетенъ изъ высушенныхъ льняныхъ стеблей, конецъ скрученъ изъ пучковъ высушенныхъ стеблей базилики. Принадлежностями этой фригійской шапки являются: скрученный изъ платковъ жгутъ, толщиною въ руку, обтянутый темной матеріей, обрамляющій лобъ въ видѣ дуги; красная повязка шириною около 10 и длиною около 40 сантиметровъ. На концахъ эта повязка вышита бисеромъ и снабжена длинной густой бахромой изъ шелка или изъ бумаги и, проходя черезъ загнутый конецъ шапки, свѣшивается на плечи.

6 и 7. Бронзовая монета сербскаго царя Стефана Уроша (1355—1367). Передняя сторона: изображеніе царя въ стоячемъ положеніи, съ короной на головѣ, со скипетромъ и державой въ рукахъ, по лѣвую сторону его идетъ Левъ (Левъ съ правой стороны стертъ). Надпись: VRO[S]IVS. Задняя сторона: изображеніе Мадонны съ поднятыми для молитвы руками (можетъ быть эта монета изъ Дульчиньо, покровительницей котораго была Мадонна). Надпись: S[AN]C[TAMA]RIA.

8. Коло и охота на оленей на надгробномъ памятникѣ въ Гачко: скачущій охотникъ преслѣдуетъ съ копьемъ въ рукѣ оленя; надъ нимъ молодежь, танцующая парами, а рядомъ передовой танцоръ. Около 1400 г.
9. Коло на надгробномъ памятникѣ въ Некукѣ около Столака: танцующая семья, состоящая изъ 3 мужчинъ, 5 женщинъ и 2 совсѣмъ маленькихъ дѣтей (у края); пляской руководитъ передовой танцоръ.

(По II, III и IV т. научныхъ извѣстій изъ Босніи и Герцеговины, изд. Боснійско-герцеговинскимъ національнымъ музеемъ въ Сараевѣ, подъ редакціей д-ра Морица Гёрнеса; Вѣна 1894—1896.)

турецкаго владычества (со времени Сулеймана II) увеличилось боснійскими и сербскими бѣглецами; правда, и теперь еще тамъ имѣется тринадцать православныхъ монастырей, но все-таки Хорватія осталась совершенно католической страной.

Изъ городовъ извѣстны: древній Сисекъ, основанный во времена римлянъ, и Крейцъ, гдѣ, какъ полагаютъ, венгерскій король Коломанъ въ 1097 году заключилъ договоръ съ хорватами, и гдѣ позднѣе собирался обыкновенно хорватскій сеймъ. Вообще же городская жизнь развилась здѣсь поздно: Вараждинъ, напр., получилъ свои городскія вольности въ 1209 г. отъ Андрея II. Только Бела IV поощрялъ развитіе городовъ новыми привилегіями, къ чему онъ былъ вынужденъ, главнымъ образомъ, опустошеніями, произведенными монголами (1241).

Во главѣ хорватскаго правительства стоялъ банъ, достоинство котораго, соотвѣтствовавшее первоначально достоинству вице-короля, несмотря на всѣ умаленія, испытанныя имъ съ теченіемъ времени, сохранилось до нашихъ дней. Банъ назначался королемъ по предложенію сословій и посланниками короля торжественно вводился въ Аграмъ въ сопровожденіи тысячи всадниковъ, такъ называемаго, „банскаго войска“. Въ правой рукѣ онъ держалъ скипетръ, какъ знакъ рыцарской власти, въ другой рукѣ—знамя, какъ знакъ власти военной. Въ церкви Св. Марка онъ приносилъ сословіямъ присягу по формулѣ, которую онъ повторялъ за королевскимъ уполномоченнымъ. Полномочія бана были широки. Онъ имѣлъ право по своему усмотрѣнію собирать сословія, не испрашивая на то предварительнаго разрѣшенія короля, онъ былъ предсѣдателемъ сейма и подписывалъ его рѣшенія. Онъ былъ верховнымъ судьей, на рѣшенія котораго можно было жаловаться только королю, онъ былъ главнымъ предводителемъ всѣхъ хорватскихъ войскъ и на войнѣ лично предводительствовалъ „банскимъ войскомъ“; печатались даже монеты съ его именемъ. Поэтому Людвигъ Великій въ 1359 г. раздѣлилъ Хорватію между нѣсколькими банами; но это было только временно, ибо опасность, угрожавшая со стороны турокъ, требовала сильной пограничной власти.

Высшимъ законодательнымъ учрежденіемъ Хорватіи всегда былъ сеймъ, до соединенія съ Венгріей созывавшійся королемъ, а послѣ соединенія—баномъ. Сначала онъ собирался въ Далмаціи, а послѣ того, какъ центръ передвинулся къ сѣверу, мѣстомъ его засѣданій былъ одинъ изъ хорватскихъ городовъ: Аграмъ, Крейцъ, Вараждинъ, Чакатурнъ или Карпина. Главнѣйшими функціями хорватскаго сейма были: изданіе законовъ, разрѣшеніе податей, наборъ войска, выборы чиновниковъ и, наконецъ, административныя функціи. Попытка Людовика Великаго соединить финансовое управленіе Хорватіи съ венгерскимъ, вызвала послѣ его смерти возстаніе Хорватіи; поэтому его зять, король Сигизмундъ, отказался отъ этихъ попытокъ.

Несмотря на всѣ эти привилегіи, Хорватія не могла развиваться надлежащимъ образомъ. Въ качествѣ пограничной страны она больше всего страдала при каждой войнѣ. Поэтому она нуждалась въ гораздо большихъ заботахъ, чѣмъ тѣ, которыя проявляла по отношенію къ ней Венгрія, Особенно страдала Хорватія во времена турокъ. Тогда именно обнаружилось всего яснѣе, что Венгрія стоитъ не на высотѣ своей задачи. Страна въ буквальномъ смыслѣ опустѣла, и податная способность Хорватіи становилась все меньше и меньше. Въ то время, какъ раньше въ одномъ Крейцскомъ комитатѣ было около 12,000 домовъ, платящихъ подати, въ концѣ 16 столѣтія ихъ было едва 3000.

b) Далмація подъ властью Венеціи.

Въ венеціанской Далмаціи города и округа пользовались нѣкоторымъ самоуправленіемъ. Во главѣ ихъ стояли воеводы, ректоры, пріоры;

городскія общины процвѣтали на Адріатическомъ морѣ уже во времена римлянъ. Благосостояніе росло, а благодаря этому и культура достигла высокаго уровня. Но и венеціанское владычество кончилось, когда турки съ 1522 и особенно съ 1539 г. завладѣли большею частью Далмаціи, Венеція же могла удержать за собой только одни острова (ср. стр. 152). Въ это время Турція находилась на вершинѣ своего могущества. Даже Венгрія была завоевана, а въ Пештѣ въ 1541 г. надъ крестомъ засіялъ полумѣсяцъ. Такимъ образомъ, судьба обѣихъ частей Хорватіи стала опять одинаковой.

B. Періодъ процвѣтанія Рагузы (Дубровника).

Только небольшой городской области на крайней южной оконечности далматскаго побережья удалось наполовину сохранить свою независимость, а именно, славянской торговой республикѣ Рагузѣ. Область нынѣшней Рагузы (Дубровника) совпадаетъ съ областью древняго греческаго города Эпидавра, упоминаемаго въ послѣдній разъ въ письмахъ Григорія I. Въ византійскій періодъ она составляла часть темы Далмаціи. Послѣ прихода славянъ римляне, по разсказу Константина VII Багрянороднаго, были вытѣснены изъ города и основали неподалеку на неприступной скалѣ новый городъ, называвшійся по-латыни Ragusium, по-гречески *Ῥαούσιον*; по-славянски Дубровникъ. Городъ этотъ былъ резиденціей византійскаго стратега и епископа, подчиненнаго архіепископству Спалатскому. Въ XII столѣтіи здѣсь было учреждено особое архіепископство. „Gens Ragusea" чувствовала себя всё болѣе и болѣе независимой и въ концѣ XI столѣтія сражалась съ норманнами противъ Византіи. Во главѣ государства-города Рагузы стояли, уже въ XII столѣтіи, Consules и Comites, хотя номинально она и была еще подчинена византійскому „Dux Dalmatiae et Diocliae". Противъ Венеціи, которая охотно заняла бы, кромѣ Далмаціи, также и Рагузу, городъ этотъ долженъ былъ вести частыя войны. Когда, послѣ смерти императора Эммануила въ 1180 г., при всеобщей политической сумятицѣ, угрожающее положеніе занялъ Стефанъ Неманя сербскій, тогда Рагуза отдалась подъ защиту норманскихъ королей обѣихъ Сицилій. Послѣ завоеванія Константинополя крестоносцами (1204 г.) въ Рагузу прибылъ венеціанскій флотъ, и она должна была признать суверенитетъ Венеціи. Старое городское устройство было жителямъ Рагузы оставлено, но отнынѣ здѣсь пребывалъ постоянно венеціанскій comes. Во времена венеціанскаго верховенства установились особенно дружественныя отношенія между Рагузой и Сербіей, такъ что сербскіе государи часто дарили республикѣ значительные участки земли. Послѣ смерти Душана, во время мадьярско-венеціанской борьбы изъ-за Далмаціи, Венеція должна была въ 1358 г. отказаться отъ всего участка, лежащаго между Кварнеро и Албаніей, и Рагуза перешла во власть Венгріи. Въ 1526 г., послѣ битвы при Могачѣ, она была присоединена къ Турціи.

Національная физіономія города давнымъ давно измѣнилась. Замкнутый между двумя славянскими племенами, захлумцами и наренчанами, онъ подвергался такому сильному славянскому вліянію, что уже въ началѣ XI столѣтія романскій элементъ былъ въ меньшинствѣ.

Благодаря обширной торговлѣ славянская торговая республика была извѣстна всему востоку; даже арабъ Эдризи упоминаетъ о Рагузѣ. Изъ многочисленныхъ торговыхъ договоровъ первый былъ заключенъ ею съ Пизой въ 1169 году; затѣмъ слѣдуетъ договоръ съ боснійскимъ баномъ Кулиномъ (1189 г.) и съ Болгаріей въ 1230 г. Особенно большія привилегіи получала она отъ сербскихъ государей. За привилегіи Рагуза уплачивала ежегодную подать. Такъ напр., Сербіи она уплачивала ежегодно въ день св. Димитрія по 1000 перперовъ и 50 локтей пурпуроваго

сукна. Стефану Душану она платила только 500 перперовъ, да и тѣ были уступлены имъ монастырю Хиландару на Аѳонѣ. Монастырь получалъ эту подать вплоть до уничтоженія республики французами въ 1808 году. Босніи уплачивалось 500 перперовъ, а потомъ Венгріи 500 дукатовъ. Почти вся торговля на Балканскомъ полуостровѣ находилась въ рукахъ Рагузы, съ которой не могли соперничать даже Венеція и Генуя. Рагузанскія колоніи, разсказываетъ Иречекъ, существовали во многихъ сербскихъ и болгарскихъ городахъ. Флагъ Рагузы можно было въ то время встрѣтить на всѣхъ моряхъ; во всѣхъ крупныхъ городахъ востока она имѣла свои факторіи и консульства. Только во времена турецкаго владычества торговля Рагузы пришла въ упадокъ; хотя она и отъ султановъ получала грамоты съ привилегіями на славянскомъ языкѣ, но она должна была уплачивать ежегодную дань въ 12.500 дукатовъ.

Благодаря благосостоянію маленькой республики, культурный уровень ея, начиная съ 15 столѣтія, сталъ быстро подниматься. Здѣсь нашли себѣ блестящихъ представителей математика, астрономія, литература и въ особенности славянская поэзія. Рагуза оказывала огромное вліяніе и на культурное состояніе остальныхъ славянъ Балканскаго полуострова. Рагузу называли славянскими Аѳинами.

C. Хорватская Военная Граница.

Во времена турокъ не лучшую участь, чѣмъ Сербія, испытывала и венгерская часть Хорватіи: страна опустѣла. Но когда хорваты, независимо отъ Венгріи возвели въ 1527 году на хорватскій королевскій престолъ династію Габсбурговъ, тогда Хорватія стала играть выдающуюся роль въ Австріи; австрійскіе государи признавали значеніе ея въ дѣлѣ обороны отъ турокъ. Скоро храбрые хорваты стали лучшей опорой имперіи не только противъ турокъ, но также и противъ другихъ сильныхъ враговъ на западѣ Европы. Замки и города хорватскихъ магнатовъ были превращены въ крѣпости; кромѣ того, вдоль границы, на важнѣйшихъ пунктахъ были выстроены новыя крѣпости. Населеніе, оставшееся еще тамъ, понуждалось къ военной службѣ; бѣглецы изъ сосѣднихъ турецкихъ земель находили радушный пріемъ. Такимъ образомъ, покинутая жителями страна постепенно опять заселялась. Но въ виду того, что Хорватія одна не могла нести военное бремя, съ другой же стороны, сосѣднія страны только выигрывали отъ военнаго управленія пограничными землями, въ виду этого было вполнѣ справедливо привлечь къ несенію общихъ расходовъ также Краину, Штирію и Каринтію. Этимъ было положено начало къ образованію хорватской Военной Границы. Еще ранѣе, уже Людовикъ I основалъ капитанатъ въ Зенгѣ, и Матвѣй Корвинъ поселилъ на границѣ бѣглецовъ (ускоковъ; ср. стр. 160).

Особенно много сдѣлалъ для организаціи Военной Границы эрцгерцогъ Карлъ Штирійскій. Онъ построилъ большія крѣпости, Карлштадтъ (1579 г.) и Вараждинъ (1595 г.). Такимъ образомъ была укрѣплена мѣстность по ту сторону Кульпы до Адріатическаго моря и славянская пограничная полоса до Савы, и раздѣлена на два генералата; первый изъ нихъ былъ названъ хорватской или карлштадтской Границей, второй—славонской, виндской или вараждинской. Хотя, по хорватскому государственному праву, банъ былъ высшимъ военачальникомъ всѣхъ, находящихся въ Хорватіи войскъ, организованная по военному Граница все-таки очутилась въ положеніи непосредственной зависимости отъ имперіи; обѣ Военныя Границы подчинялись придворному военному совѣту въ Грацѣ. Правда, хорватскія сословія протестовали противъ этого, ибо они считали Военную Границу составною частью Хорватіи, и они добились того, что иногда высшему учрежденію, завѣдывавшему Границей, отдавался приказъ

дѣйствовать по соглашенію съ баномъ. Но во-первыхъ, чужеземные генералы подчинялись неохотно; затѣмъ, кромѣ бана, за независимость Военной Границы были также сословія Краины и Штиріи; они говорили, что Граница была уже безхозяйной землей и только благодаря ихъ жертвамъ осталась за монархіей, Хорватія же потеряла свое право на эту землю.

Несмотря на притязанія хорватовъ, Военная Граница со времени Фердинанда III была особой коронной землей и получила особыя права. Крестьяне были тамъ свободны и были подданными только короля. Съ 18 лѣтъ каждый пограничникъ былъ обязанъ нести военную службу и долженъ былъ всегда быть готовымъ взяться за оружіе для отраженія враговъ. Страна была раздѣлена на округа (капитанаты). Каждая община избирала своего старшину. Всѣ общины округа избирали себѣ общаго судью, который, какъ и старшина, утверждался въ своей должности командующимъ. Такъ какъ греческая церковь имѣла среди населенія больше всего приверженцевъ, то она и получила одинаковыя права съ католической.

Подобно этому организовали хорватскія сословія страну между Кульпой и Унной, а такъ какъ здѣсь главнымъ командующимъ былъ банъ, то эта граница и была названа Банской Границей. Когда, по Карловицкому миру 1699 г., были опять возвращены занятыя нѣкогда турками области Хорватіи и Славоніи, тогда для освобожденной Славоніи былъ учрежденъ въ Эссекѣ третій генералатъ, отъ котораго однако въ 1745 г. были отдѣлены и переданы гражданскому управленію три славонскихъ комитата.

Независимость военной Хорватіи была въ интересахъ и австрійскихъ государей, ибо они имѣли здѣсь первое постоянное войско, всегда готовое выступить въ бой. Императоръ Карлъ VI распорядился поэтому вновь организовать всѣ хорватскія Военныя Границы; генералатъ Эссекъ былъ раздѣленъ на три, Варажадинъ на два, Карлштадтъ на четыре и Банская Граница на два полка. Въ 18 столѣтіи по всей турецкой пограничной линіи до Трансильваніи были организованы Военныя Границы по образцу хорватской; въ 1764 г. Секлерская, въ 1766 г. Валашская граница. Въ мирное время постовая служба неслась только въ Чардакахъ, лежашихъ вдоль турецкой границы. Хотя чужіе солдаты по принципу удалялись отъ границы, но офицерскія мѣста были заняты преимущественно не туземцами; команда практиковалась всюду на нѣмецкомъ языкѣ. Каждый пограничникъ долженъ былъ нести военную службу отъ 17 до 60-лѣтняго возраста. Жители были надѣлены землей. Все болѣе и болѣе крѣпъ воинственный духъ среди хорватскаго населенія. Ихъ вольности породили рѣшительное нерасположеніе по отношенію къ гражданской Хорватіи, гдѣ помѣщики очень притѣсняли своихъ подданныхъ, и гдѣ государственной церковью была католическая.

10. Освобожденіе южныхъ славянъ отъ турецкаго ига.

Турецкій гнетъ, общій врагъ, былъ той связью, которая опять сблизила не только въ политической, но также и въ литературной и въ культурной жизни, разсѣянные осколки сербско-хорватскаго племени. Хорватамъ была дана, по крайней мѣрѣ, хоть возможность въ борьбѣ искать удовлетворенія своему чувству мести. Сербы же, которымъ было даже запрещено ношеніе оружія, должны были съ нѣмой покорностью нести тяжелый жребій. Въ то время, когда Хорватія стала обноситься описаннымъ выше пограничнымъ валомъ и сдѣлалась, такимъ образомъ, болѣе способной къ сопротивленію, Турція находилась на вершинѣ своего могущества, и сербскій народъ не имѣлъ даже луча надежды на лучшее будущее. Поэтому

многіе покидали родныя мѣста и бѣжали за границу въ счастливую Хорватію, чтобы оттуда, по крайней мѣрѣ, вести борьбу противъ своихъ угнетателей.

Но въ 17 столѣтіи, когда турецкое государство политически уже вполнѣ сложилось, оказалось, что основа его пригодна для военной и политической жизни, но не для жизни соціальной и культурной, и что оно поэтому не можетъ прогрессивно развиваться и совершенно неспособно къ господству надъ другими народами. Турецкое государство было построено на теократической основѣ; коранъ былъ одновременно и библіей, и юридическимъ кодексомъ. Если покоренные народы исповѣдывали другую религію, они не могли быть полноправными гражданами турецкаго государства и должны были постоянно оставаться въ подчиненномъ положеніи. Въ западной же Европѣ гражданскій законъ, отличный отъ каноническаго, дозволялъ, чтобы и иновѣрцы были гражданами государства, и благодаря этому они легче сохраняли вѣрность государству и сливались съ его коренными членами. Турція не могла достигнуть этого. Только магометане имѣли права; безправная христіанская райа могла видѣть залогъ лучшаго будущаго только въ уничтоженіи существующаго порядка, т. е. въ уничтоженіи Турецкой имперіи. То же самое можно сказать и о теперешней Турціи. Вполнѣ, слѣдовательно, понятно, что христіанское населеніе постоянно ждало только момента, когда оно сможетъ свергнуть тяжелое турецкое иго. Когда гнетъ становился невыносимымъ, народъ массами эмигрировалъ. Какъ силенъ былъ и какъ силенъ еще сейчасъ у турокъ религіозный фанатизмъ, видно изъ того, что и теперь еще религія господствуетъ у нихъ надъ всей соціальной, культурной и политической жизнью.

Численно славяне превосходили турокъ. Государство кишѣло магометанами славянскаго происхожденія, они были и въ войскахъ, и среди чиновниковъ. По словамъ Паоло Джіовіо (1531) и другихъ свидѣтелей, почти все войско янычаръ говорило по-славянски. Многіе славяне возвышались до степени визирей и великихъ визирей. При Магометѣ Соколовичѣ (Соколли; стр. 156) въ 16 столѣтіи половина визирей состояла изъ славянъ. Многіе султаны владѣли славянскимъ языкомъ; ихъ канцелярія изготовляла славянскіе документы, писанные кириллицей. Турецкая имперія, по замѣчанію сербскаго историка, Чед. Міятовича, была на пути превращенія въ магометанское славянское государство.

А. Помощь Россіи и Австріи.

Но участь христіанской райи не была отъ этого легче. Почти уже три столѣтія стонали эти народы подъ гнетомъ турокъ. Помощь могла придти только извнѣ. Первый лучъ надежды проникъ къ угнетеннымъ, когда австрійскія войска, предводительствуемыя Карломъ Лотарингскимъ, (стр. 163) въ 1684—86 г. нѣсколько разъ разбили турецкія войска и заняли провинціи. Тогда именно вѣнскій дворъ составилъ грандіозный планъ поднять противъ Порты балканскіе народы, съ каковою цѣлью онъ и завязалъ сношенія съ патріархомъ ипекскимъ, Арсеніемъ Черноевичемъ, и съ Георгомъ Бранковичемъ, происходившимъ, будто бы, отъ древне сербской династіи. Бранковичъ въ 1688 г. отправился вмѣстѣ со своимъ братомъ въ Россію, чтобы собирать тамъ деньги на построеніе сербской митрополичьей церкви, и чтобы склонить и Россію къ войнѣ противъ Порты; вѣнскій дворъ возвелъ его въ бароны, а затѣмъ и въ графы. Австрійскій главнокомандующій, маркграфъ Людовикъ Вильгельмъ Баденскій, издалъ воззваніе къ славянамъ Албаніи, Босніи и Герцеговины, въ которомъ приглашалъ ихъ сражаться вмѣстѣ съ нимъ противъ Турціи. Южные славяне склонялись уже на сторону Австріи, когда вѣнскій дворъ схва-

тилъ Георгія Бранковича, называвшаго себя уже деспотомъ Иллиріи, Сербіи, Сирміи, Мизіи и Босніи, и посадилъ его въ заточеніе сначала въ Вѣнѣ, а потомъ въ Эгерѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1711 году. Это, конечно, испортило хорошія отношенія между сербами и Австріей. Но война за освобожденіе все-таки продолжалась. У южныхъ славянъ существовала старинная легенда, что ихъ освободитъ когда-нибудь отъ турецкаго ига герой, который явится на верблюдѣ и въ сопровожденіи чужеземныхъ звѣрей. Воспользовавшись этимъ сказаніемъ, Эней Сильвій Пикколомини, генералъ баденскаго маркграфа, появился среди сербскаго народа, съ верблюдами, обезьянами и попугаями и призвалъ его къ оружію. Въ 1690 г. императоръ Леопольдъ I опять заявилъ, что онъ обязуется сохранить религіозныя и политическія права „за всѣми славянскими народами всей Албаніи, Сербіи, Мизіи, Болгаріи, Силистріи, Иллиріи, Македоніи и Рашской области“; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ призывалъ ихъ къ оружію противъ турокъ. Въ томъ же году 36,000 сербскихъ и албанскихъ семей, съ патріархомъ Арсеніемъ Черноевичемъ во главѣ, эмигрировали изъ Сербіи. Изъ Бѣлграда они послали къ вѣнскому двору епископа Янопольскаго, Исаю Дьяковича, въ качествѣ уполномоченнаго отъ „общества греческихъ райцовъ“. Императоръ далъ желаемыя обѣщанія всему народу, а тремъ Бранковичамъ—въ особой грамотѣ. Черноевичъ былъ признанъ митрополитомъ „надъ всей Греціей, Рашской областью, Болгаріей, Далмаціей, Босніей, Янополемъ, Герцеговиной и надъ всѣми сербами въ Венгріи и Хорватіи“. Затѣмъ сербы перешли черезъ Саву и поселились, главнымъ образомъ, въ Славоніи, Сирміи и въ отдѣльныхъ городахъ Венгріи; резиденціей сербскаго патріарха былъ сдѣланъ Карлштадтъ. Вольности пришельцевъ, часто оспариваемыя венгерскими муниципальными, церковными и политическими властями, всегда подтверждались императорскимъ дворомъ, въ которомъ сербы находили защиту. Болѣе быстрые успѣхи въ борьбѣ съ турками были сдѣланы, когда, въ іюлѣ 1697 года, во главѣ австрійскихъ войскъ сталъ принцъ Евгеній Савойскій. Большая побѣда при Зентѣ (стр. 165) была первой предвѣстницей паденія турецкаго владычества въ Европѣ; съ этого времени особенно успѣшно боролась съ турками маленькая Черногорія.

Но рѣшающее значеніе имѣли лишь турецкія войны Россіи. Долго старалась вся западная Европа склонить Россію къ участію въ борьбѣ; но только Петръ Великій предпринялъ, наконецъ, въ 1711 г. походъ, возбудившій большія надежды во всѣхъ балканскихъ славянахъ. Одновременно съ этимъ, въ Цетинье прибылъ въ качествѣ русскаго перваго посла полковникъ Михаилъ Милорадовичъ, родомъ герцеговинецъ изъ Неретвы, съ письмомъ отъ Петра Великаго, призывающимъ черногорцевъ къ борьбѣ; онъ былъ принятъ торжественно. Затѣмъ Данило Петровичъ Нѣгошъ, митрополитъ и князь Черногоріи (1697 — 1735), отправился въ Россію (1715), получилъ тамъ богатые подарки и обѣщаніе поддержки на будущее время. Южные славяне возлагали съ этихъ поръ бо́льшія надежды на единоплеменную и единовѣрную Россію, чѣмъ на Австрію. Но походъ 1711 г. кончился неудачно. Много лѣтъ прошло прежде, чѣмъ Россія при Екатеринѣ II предприняла новые шаги противъ турокъ. Въ 1774 г. Россія получила протекторатъ надъ придунайскими княжествами и надъ всѣми христіанами православнаго исповѣданія. Екатерина опять обратила вниманіе на воинственную Черногорію и послала въ 1769 г. генерала Юрія Долгорукова въ Цетинье. Въ 1788 — 1791 г. вліяли на Черногорію въ одномъ и томъ же духѣ русскій полковникъ графъ Ивеличъ и австрійскій майоръ Вукасовичъ.

B. **Освободительное движеніе 19 столѣтія.**

Наконецъ, показалась заря свободы. Литература всюду подготовляла ея появленіе; напр, уже въ 1762 г. монахъ Паисій на Аѳонѣ соста-

Родословная Карагеоргіевичей, Обреновичей и Петровичей Нѣгошъ.

I. Георгій Петровичъ, прозваный Чернымъ или **Кара-Георгіемъ** („Черный Георгій), * 21 дек. 1762 г. въ Вышевцахъ близъ Крагуевца, сынъ бѣдныхъ родителей, † 25 іюля 1817
Жена его Елена N. N., * 1765, † 8 февр. 1842.

- Алѣксѣй, * 1801. † 1830
  - Георгій Карагеоргіевичъ * 1827, † 1884
    - Алексѣй, * 1859 (Курортъ Эдлахъ)
    - Божидаръ * 1861, и др. „князья" Карагеоргіевичи
- Александръ, * 11 окт. 1806 г. въ Тополѣ, 14 сент. 1842 — 24 дек. 1858 (3 янв. 1859) Князь Сербіи † 3 мая 1885 въ Темешварѣ, съ 1 іюня 1830 г. женатъ на Персидѣ Ненадовичъ, * 14 февр. 1813, † 10 апрѣля 1873 въ Вѣнѣ
  - Петръ Петровичъ, * 11 іюля 1844 въ Бѣлградѣ король Сербіи съ 15 іюня 1903, съ 11 авг. 1883 г. женатъ на Зоркѣ Любицѣ Черногорской, * 23 дек. 1864, † 16 марта 1890 въ Цетиньѣ
    - Елена * 4 ноября 1884
    - Георгій, * 9 сент. 1887, наслѣдн. князь съ 15 іюня 1903
    - Александръ * 16 дек. 1888
  - Арсеній, * 1859, отставной офицеръ русской гвардіи, въ 1882 г. женился на Аврорѣ Демидовой Санъ-Донато (развелись)
    - Павелъ, * 1892
- Михаилъ (пытался въ 1875 г. поднять возстаніе въ Сербіи)

II. Обреновичи Брусницкіе — 1. бракъ — Вишня — 2. бракъ — Өеодоръ, прозванный Тешо, крестьянинъ въ Добриндьѣ

- (1. бракъ) Миланъ Обреновичъ, † 1810
- (2. бракъ):
  - Милошъ Тодоровичъ, * 1780, съ 1810 г. „Обреновичъ", Князь Сербіи 6 ноября 1817—13 іюня 1839 и 23 дек. 1858 до 26 сент. 1860, жена его Любица (или Милица) Вукамановичъ изъ Брусницы, † около 1850
    - Миланъ Обреновичъ II., род. * 12 окт. 1819, князь съ 13 іюня по 8 іюля 1839
    - Михаилъ Обреновичъ III., * 4 сент. 1823, княжилъ съ 8 іюля 1839 по 7 сент. 1842 и съ 26 сент. 1860 по 29 іюня 1868 (убитъ) 1 авг. 1853 женился на Юліи Гуніади Кетели * 26 авг. 1831 г. (развелись)
  - Іованъ, * 1787, † янв. 1850 въ Нейзацѣ
  - Ефремъ, * 1720 † 1861
    - (Михаилъ) Милошъ Ефремовичъ, † 20 ноября 1861, жена его Марія Катарджи † 16 іюля 1870
      - Миланъ Обреновичъ IV (I.) * 22 авг. 1854, князь съ 2 іюля 1868, сталъ суверреннымъ государемъ 3 марта 1878, король Сербіи съ 6 марта 1882 по 6 марта 1889, † 11 февр. 1901
    - Дочь жена N. N. Константиновичъ
      - N. N. Константиновичъ полковникъ
        - Наталія * 11 окт. 1882, съ 12 іюля 1902 жена князя Мирко Черногорскаго

Петръ Ивановичъ Кешко, русск. полк., жена его Пульхерія Стурдза
- Дочь, мужъ ея князь Гика
- Наталія * 14 мая 1850

Наталія и Миланъ Обреновичъ IV: 17 окт. 1875 (были разведены 1888—93)
- Александръ I., * 14 авг. 1876, король Сербіи 6 марта 1889, достигъ совершеннолѣтія 13 апр. 1893, † 11 іюня 1903 въ Бѣлграеѣ 5 авг. 1900 г. женился на Драгѣ, урожденной Луневизѣ вдовѣ Машиной, * 23 сент. 1867, † 11 іюня 1903

Миланъ Обреновичъ IV и Артемизія Іоанниди (Іоанидисъ) [позднн. г-жа Христичъ] — незакон. сынъ:
- Миланъ Христичъ, назыв. „Prince Georges Obrénowitch", * около 1888 (въ Константинополѣ и Шнепфенталѣ)

III. N. N. Петровичъ изъ рода **Нѣгошей.**

- N. N. Петровичъ
  - N. N.
    - Данило I. Петровичъ Нѣгошъ, * 25 мая 1826, съ 21 марта 1852 по 13 авг. 1860 первый исключительно свѣтскій кн. Черногоріи
    - Мирко Петровичъ, * 19 авг. 1820, † 20 іюля 1867 7 ноября 1840 женился на Анастасіи Мардиновичъ (* 15 іюня 1824, † 12 янв. 1895)
      - Никита (Николай) I. Петровичъ, * 7 окт. 1841 г. княземъ съ 14 августа 1860 г., 8 ноября 1860 г. женился на Миленѣ Вукотичъ, 4 мая 1847 г.
        - Зорка Любица, * 23 дек. 1864, † 17 марта 1890 съ 11 авг. 1883 г. жена Петра Карагеоргіевича
        - Наслѣдный принцъ Данило, * 29 іюня 1871, 27 іюля 1899, женился на Милицѣ (Юттѣ) Мекленбургъ-Стрелицкой
        - Елена * 8 янв. 1873, съ 24 янв. 1896 жена Виктора Эмануила III, короля Италіи.
        - Мирко, * 17 апрѣля 1879 г. 12 іюля 1902. женился на Наталіи Константиновичъ (* 11 окт, 1882)
  - Петръ II. Петровичъ, * 1813, съ 1830 г. владыка, націон. поэтъ, † 31 окт. 1851
- Петръ I., Петровичъ Нѣгошъ, владыка съ 1785, позднѣе причисленъ къ лику святыхъ

Марко Квеквичскій жена его Елизавета графиня Мирковичъ
- Даринка * 31 дек. 1837 г. † 15 февр. 1892 г. (жена Данила I., 12 янв. 1855 г.)
  - Ольга, * 19 марта 1859, † 31 сент. 1896 (Въ 1883 г. была обручена съ Георгіемъ Карагеоргіевичемъ)

вилъ хронику, которая пробудила и поддерживала во всѣхъ болгарахъ воспоминаніе о лучшемъ прошломъ; въ 1806 г. они возстали въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Греки, въ которыхъ принимала участіе не только одна Россія, но и вся Европа, основывали общества. У сербовъ, которые изъ всѣхъ родственныхъ племенъ возстали первыми (1804 г.), движеніе было начато духовенствомъ; во главѣ возстанія сталъ храбрый Карагеоргій (см. родословную I на прилагаемой „Родословной Карагеоргіевичей и т. д.“). Но всего этого было бы мало, если бы Россія вновь не побѣдила турокъ. По Бухарестскому миру (1812) сербамъ была дана амнистія и внутреннее самоуправленіе. Въ 1817 г. сербское народное собраніе избрало въ князья Милоша Обреновича (ср. родословную II). Въ 1821 г. возстали греки подъ предводительствомъ князя Александра Ипсиланти. Новыя русскія побѣды принудили Турцію заключить миръ въ Андріанополѣ (1829) и признать независимость княжества Сербіи и (въ 1830 г.) королевства Греціи. Такъ возникли одно за другимъ маленькія государства, которыя мы находимъ на Балканскомъ полуостровѣ (см. карту при стр. 165). Кромѣ славянъ Далмаціи, которые въ 1797 г. по мирному договору въ Кампо-Форміо перешли къ Австріи, болѣе или менѣе самостоятельное положеніе заняли теперь Болгарія, Сербія и Черногорія. Въ 1809 г. (1811) казалось даже, что на Адріатическомъ морѣ возникнетъ новое славянское государство, Иллирія, которую хотѣлъ создать Наполеонъ (см. карту Средней Европы при стр. 75 т. VIII).

Только Рагуза (стр. 301) перестала тогда играть самостоятельную роль. Во время французской революціи изъ-за обладанія Рагузой боролись между собою русскіе и французы; послѣдніе въ 1806 г. посредствомъ хитрости овладѣли городомъ. Генералъ А. Ф. Л. Вьессъ де Мармонъ, называвшій Рагузу „оазисомъ среди варварства“, жилъ здѣсь съ 1807 по 1809 г. („герцогъ Рагузы“); Наполеонъ, желавшій сдѣлать изъ Рагузы большую французскую гавань для торговли на востокѣ, объявилъ 31 янв. 1808 г. республику уничтоженной. Позднѣе рагузанцы часто желали возстановить старую республику, но имъ не хватало единодушія. Въ 1814 г. генералъ Ѳедоръ Милушиновичъ присоединилъ Рагузу къ Австріи. Это присоединеніе было подтверждено Парижскимъ миромъ и въ 1815 г. на Вѣнскомъ конгрессѣ. Черногорія же, на которую Мармонъ также постарался повліять, тяготѣла, наоборотъ, къ Россіи. Правда, въ 1807—25 г., при Александрѣ I., отношенія стали болѣе холодными; но при Николаѣ I они опять улучшились, и Черногоріи была даже выплачена субсидія, которую Россія была должна ей. Петръ II Петровичъ (см. родословную III), владыка съ 1830 по 1851 г., былъ посвященъ въ этотъ санъ въ Петербургѣ. Онъ уничтожилъ должность свѣтскаго губернатора и управлялъ страной самъ. Онъ основывалъ школы, типографіи, организовалъ податную систему, учредилъ гвардію, какъ ядро постояннаго войска, и создалъ сенатъ, состоящій изъ двѣнадцати членовъ; онъ былъ также выдающимся поэтомъ. Послѣ него бразды правленія принялъ его племянникъ Данило I. (1851—60). Съ согласія Австріи и Россіи, онъ былъ 21 марта 1852 г. провозглашенъ наслѣдственнымъ свѣтскимъ княземъ, и, такимъ образомъ, княжество, до тѣхъ поръ теократическое, сдѣлалось свѣтскимъ государствомъ (см. карту при отдѣлѣ „Болгарія“). Когда Данило 12 августа 1860 г. былъ сраженъ пулею черногорца Тодоро Кадича, на престолъ черезъ день вступилъ его племянникъ, нынѣ правящій князь Никита Петровичъ.

Въ Сербіи, которая, подобно Молдавіи, Валахіи и Греціи, должна была платить дань, туркамъ было еще разрѣшено пока сохранить за собой Бѣлградъ. Милошъ находился подъ вліяніемъ Россіи, и поэтому правилъ безъ народнаго собранія. Онъ присваивалъ себѣ торговыя монополіи и этимъ возстановилъ противъ себя свой народъ до такой степени, что въ 1835 г. вспыхнуло возстаніе противъ него. Въ 1838 г. былъ выработанъ „органи-

ческій статутъ" („Уставъ"), при чемъ народное собраніе было замѣнено сенатомъ; Милошъ присягнулъ конституціи, но все-таки нарушалъ ее и въ 1839 г. отказался отъ престола въ пользу своего старшаго сына Милана (см. родословную II.). Когда этотъ послѣдній умеръ еще въ томъ же самомъ году, правленіе перешло къ его неспособному и деспотическому брату Михаилу III, но тотъ уже въ 1842 г. былъ принужденъ отказаться отъ престола. Скупщина избрала теперь Александра, сына старика Карагеоргія; Порта признала за нимъ титулъ башбега (властителя). Александръ находился подъ вліяніемъ Меттерниха и управлялъ въ консервативномъ духѣ [1]. Когда, на Рождествѣ 1858 г., сенаторы принуждали его къ отреченію, онъ укрылся подъ турецкой защитой въ одной изъ крѣпостей. Тогда скупщина смѣстила его и выбрала вторично княземъ въ 1859 г. 80-лѣтняго Милоша. Но онъ скончался уже въ 1860 г. При его сынѣ Михаилѣ III, точно также во второй разъ принявшемъ бразды правленія, турки, по совѣту Австріи, очистили Бѣлградъ. Противъ Михаила былъ составленъ заговоръ (но не Карагеоргіевичами), и онъ былъ убитъ 29 іюня 1868 г. въ Топчидерскомъ паркѣ [2]. Скупщина избрала княземъ единственнаго остававшагося еще въ живыхъ Обреновича, Милана, который учился тогда въ Парижѣ. Въ 1876 г. возникла война съ Турціей, и хотя она велась неудачно, 3 марта 1878 г. была все-таки провозглашена независимость Сербіи (ср. стр. 192 и 194; см. также карту при отдѣлѣ „Болгарія"). 6 марта 1889 г. Миланъ отказался отъ престола въ пользу своего сына Александра. При немъ былъ въ 1898 г. данъ скупщиной эпитетъ „Великій" родоначальнику Обреновичей храброму Милошу. Нѣсколько разъ мѣнялась въ Сербіи конституція. Въ 1898 г. она была измѣнена въ консервативномъ духѣ. Юный, не лишенный дарованій король охотно придерживался старосербскихъ традицій: такъ напр., онъ въ первый же годъ своего правленія посѣтилъ монастырь Хиландаръ на Аѳонѣ (срв. выше стр. 289). Но въ кровавую ночь съ 10 на 11 іюня 1903 г. и его постигъ роковой жребій. Съ 15 іюня 1903 г. сербскій престолъ снова занимаетъ одинъ изъ Карагеоргіевичей, Петръ, сынъ Александра Старшаго.

Боснія была позднѣе остальныхъ государствъ Балканскаго полуострова завоевана турками (1463), и свободу она также получила позднѣе ихъ, по крайней мѣрѣ, свободу отъ непосредственнаго давленія турецкаго ига. Освобожденіе это также было послѣдствіемъ русскихъ побѣдъ 1877—78 г. На основаніи постановленій Берлинскаго конгресса Боснія и Герцеговина были заняты Австріей, но съ сохраненіемъ турецкаго суверенитета. Македонію пытались умиротворить посредствомъ учрежденія въ 1904 г. интернаціональной жандармеріи, по соглашенію между Австріей и Россіей, состоявшемуся въ Мюрцштегѣ 1 октября 1902 г.

11. Политическое положеніе хорватовъ въ 19 столѣтіи.

Въ болѣе здоровыхъ и въ относительно болѣе благопріятныхъ условіяхъ протекала въ 19 столѣтіи жизнь хорватскаго племени, которое было соединено частью съ Венгріей, частью съ Венеціей. Когда Венеціанская республика, уничтоженная въ 1797 г. Бонапартомъ, вмѣстѣ со всей Далмаціей перешла въ (1814—1822 г.) къ Австріи, всѣ члены хорватскаго пле-

---

[1] Александру Сербія обязана первой кодификаціей права, устройствомъ финансовой части и т. п.; вообще, только Александръ Карагеоргіевичъ ввелъ Сербію въ семью культурныхъ европейскихъ государствъ, тогда какъ Милошъ правилъ на патріархальный ладъ. *Ред.*

[2] Михаилъ Обреновичъ сдѣлалъ для Сербіи очень многое; особенно важна его борьба съ турками, закончившаяся полнымъ удаленіемъ турокъ изъ сербскихъ крѣпостей; есть основаніе думать, что онъ палъ отъ руки именно Карагеоргіевичей (отъ нанятыхъ убійцъ). *Ред.*

мени стали дѣлить одинъ общій жребій. Хотя Хорватія въ концѣ 18 столѣтія опустилась до положенія венгерской провинціи, но пробудившееся въ 19 столѣтіи національное самосознаніе было слишкомъ сильно, чтобы такое положеніе вещей могло долго продолжаться. Венгры въ 1825 г. хотѣли сдѣлать въ Хорватіи свой языкъ оффиціальнымъ и потребовали въ 1830 г. права гражданства и для протестантовъ. Но національная хорватская партія, вождемъ которой былъ графъ Янко Драшковичъ, запротестовала, потребовала установленія тріединаго королевства и желала соединиться съ сербами и словенцами въ одинъ „иллирійскій" народъ. Когда въ 1848 г. вспыхнула революція въ Венгріи, и хорваты подъ предводительствомъ бана Іеллачича сражались за Австрію противъ Венгріи, они потребовали даже присоединенія къ Хорватіи Краины, Каринтіи и Штиріи. Мечта о Великой Хорватіи близилась, казалось, къ своему осуществленію, Іеллачичъ самовольно открылъ хорватскій сеймъ, на который явились и другіе славяне.

По имперской конституціи 4 марта 1849 г., Хорватія была отдѣлена отъ Венгріи и даже Военная Граница была объявлена подчиненной непосредственно коронѣ. Въ 1861 г. хорваты потребовали учрежденія южно-славянскаго королевства, которое было бы соединено съ Австріей только личной уніей; тогда руководилъ движеніемъ националистически настроенный епископъ Іосифъ Георгъ Штроссмайеръ. Отношенія между Венгріей и Хорватіей настолько обострились, что въ 1866 г. національная партія рѣшила даже не посылать депутатовъ въ венгерскій парламентъ. Когда въ 1867 г. сеймъ былъ распущенъ, выборы были произведены подъ такимъ давленіемъ, что въ новомъ сеймѣ оказалось мадьярски настроенное большинство, которое изъявило готовность къ примиренію съ Венгріей. Примиреніе это состоялось 25 іюля 1868 г. Хорваты получили особаго министра для Хорватіи, хорватскій оффиціальный языкъ и должны были посылать 29 депутатовъ въ парламентъ и, кромѣ хорватскихъ магнатовъ, еще двухъ въ палату господъ. Въ 1873 г. этотъ договоръ былъ исправленъ и, между прочимъ, число хорватскихъ депутатовъ увеличено до 34. Когда съ введеніемъ всеобщей воинской повинности Военная Граница потеряла свое право на существованіе, она была соединена съ метрополіей, а въ 1887 г. совершенно инкорпорирована.

Совершенно иную жизнь вели хорваты въ Далмаціи подъ властью венеціанскаго правительства. Вся страна управлялась тогда генералъ-проведдиторе, имѣвшимъ свою резиденцію въ Зарѣ; вся культурная, экономическая и политическая жизнь была сосредоточена въ городахъ, каждымъ городомъ управлялъ одинъ конте-капитано. Въ 1814 г. Далмація перешла къ Австріи, въ 1816 г. была объединена въ одно королевство съ Рагузой и частью Албаніи и въ настоящее время является землею австрійской короны. Находясь долгое время подъ вліяніемъ романской культуры хорваты здѣсь отчасти романизировались.

12. Національная жизнь сербо-хорватскаго племени.

А. Южнославянскія литературы.

Всѣ южные славяне, подобно германскимъ племенамъ на римской территоріи, потеряли бы свои національныя черты, если бы они въ 9-мъ столѣтіи вмѣстѣ съ греческой церковью не ввели у себя славянской литургіи. Но этимъ было заложено также основаніе для славянской литературы. Такимъ образомъ, славяне изъ всѣхъ европейскихъ народовъ, вовлеченныхъ въ кругъ греко-римской культуры, первые создали свою національную литературу; въ 10 столѣтіи она проникла и къ сѣвернымъ

славянамъ. Національная жизнь у южныхъ славянъ стояла уже въ 9-мъ столѣтіи на болѣе прочной основѣ, чѣмъ гдѣ-либо, и только благодаря этому обстоятельству они смогли перенести постигшія ихъ впослѣдствіи тяжелыя испытанія. Если бы не былъ созданъ церковно-славянскій языкъ, то, по замѣчанію В. Ягича, прошлое славянъ было бы болѣе греческимъ и римскимъ, чѣмъ славянскимъ.

Правда, славянская литература состояла сначала исключительно изъ богослужебныхъ сочиненій, но уже въ 10 столѣтіи появились также переводныя съ греческаго и оригинальныя произведенія на славянскомъ языкѣ. Скоро возникли лѣтописи, хроники и законы. Въ Хорватіи рано началась разработка самостоятельной литературы. Здѣсь пресвитеръ діоклейскій написалъ въ концѣ 12 столѣтія свой разсказъ, который долгое время принимали за подлинную хронику. Здѣсь около 1288 г. появился знаменитый сборникъ, называемый „Винодольскій законъ“, затѣмъ книга законовъ съ острова Крка (Велья) и др. Многочисленнѣе всего были сочиненія религіознаго характера. Почти все писалось глаголицей и только нѣкоторыя сочиненія въ южной Далмаціи кириллицей (ср. стр. 286). До начала 15 столѣтія глаголица распространялась все больше и больше. Только съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія она потеряла почву, хотя съ 1483 года начали печатать и глаголицей; уже въ 16 столѣтіи на югѣ появилась, сколько извѣстно, только одна книга, напечатанная глаголицей. Только славяне Труберъ и Унгнадъ (см. ниже, стр. 314) въ своей протестантской пропагандѣ прибѣгли опять къ глаголицѣ. И въ Римѣ также въ 17 столѣтіи печатались церковныя книги глаголицей. Въ 1729 году Винко Змаевичъ, архіепископъ зарскій, получилъ отъ папы разрѣшеніе на учрежденіе глаголической духовной семинаріи. Еще и нынѣ существуетъ въ семинаріи въ Зарѣ каѳедра глаголической церковной литературы.

Въ Далмаціи хорватская литература особенно сильно развивалась, начиная съ 16 столѣтія: въ Спалато писалъ Марко Маруличъ (умеръ 1524), на островѣ Хварѣ Петръ Гекторовичъ (умеръ 1572), въ Рагузѣ Маринъ Држичъ (умеръ 1580), Динко Раньина (умеръ 1607), Динко Златаричъ (умеръ 1610) и др. Въ 17 столѣтіи въ Рагузѣ высокоталантливый поэтъ Иванъ Гундуличъ (умеръ 1638) написалъ свой большой эпосъ „Османъ“.

Въ Славоніи же до 1500 г. существовало только нѣсколько латинскихъ школъ, а во времена турецкаго владычества все представляло изъ себя пустыню. Поэтому-то мы и не находимъ здѣсь до 18 столѣтія слѣдовъ славянской литературы. Въ собственной Хорватіи нѣкоторая жизнь возникла только благодаря реформаціи: графъ Зрини защищалъ здѣсь проповѣдниковъ, которые выпустили нѣсколько книгъ. Но такъ какъ протестантизмъ не нашелъ распространенія въ Хорватіи, то онъ и не принесъ національной литературѣ большой пользы. Еще въ 17 и 18 столѣтіяхъ мы находимъ тамъ мало поэтовъ. Изъ нихъ упомянемъ Петра Зрини, Павла Витезовича и Тита Брезовачкаго.

У сербскаго племени, входившаго болѣе въ кругъ вліянія византійскаго міра, настоящая литература возникла только съ воцареніемъ династіи Неманичей въ 12 столѣтіи, хотя до 17 столѣтія писали не на народномъ, а на церковно-славянскомъ языкѣ. Въ Сербіи писали кириллицей, а занимались литературой только духовныя лица, и незначительная древняя литература вся религіознаго содержанія. Только въ царствованіе великаго Душана появляются лѣтописи, хроники и книги законовъ, изъ которыхъ первая и самая важная—„Законникъ Душана“ (стр. 291). Лучшія времена для сербской литературы наступили съ учрежденіемъ типографій (первая въ Черногоріи, въ Ободѣ, 1493). Въ общемъ появилось довольно мало богослужебныхъ книгъ: турецкое иго было такъ ужасно, что многіе сербы переселились въ Венгрію и въ Россію, гдѣ они зарабатывали себѣ хлѣбъ

учительствомъ. И когда въ 17 и 18 столѣтіяхъ литературная жизнь замерла и у венгерскихъ сербовъ, тогда Россія стала заботиться о нуждахъ сербской церкви и помогала ей, посылая деньги, церковныя книги и облаченія. Теперь въ Сербіи появлялись даже иногда русскіе священники въ качествѣ учителей. И наоборотъ, высоко образованный сербъ Юрій Крижаничъ, владѣвшій многими языками и много писавшій, отправился въ 17 столѣтіи въ Россію, съ цѣлью энергично проводить тамъ благодѣтельныя реформы; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ тайное порученіе агитировать за соединеніе церквей. За это и за свою свободную критику русскихъ порядковъ онъ провелъ 15 лѣтъ въ Сибири. И все-таки онъ остался ярымъ панславистомъ. Широкое образованіе позволяло ему исчерпывающимъ образомъ трактовать въ своихъ сочиненіяхъ вопросы политическіе, культурные и другіе; но сочиненія эти были изданы только въ прошломъ столѣтіи.

Вся сербо-хорватская литература до 19 столѣтія не отличается національнымъ характеромъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. За исключеніемъ народныхъ пѣсенъ, особенно чуднаго народнаго сербскаго эпоса (вполнѣ записаннаго только въ 19 столѣтіи), писанная литература большею частью религіознаго характера. Общій и уже національный матеріалъ для другихъ литературныхъ произведеній, особенно для поэзіи, дало всѣмъ имъ только общее турецкое иго. Это является отличительной чертой южнославянской литературы. Турецкое иго придало ей единый характеръ, подобно тому, какъ ранѣе (стр. 286) она была объединена общимъ вліяніемъ византійской культуры. Только далматы имѣли счастливую возможность принимать участіе въ разработкѣ общечеловѣческихъ мотивовъ и могли создать значительную лирическую, а отчасти и драматическую литературу, примыкающую къ греческо-римскимъ классикамъ.

B. Иллирійское движеніе.

Въ 17 столѣтіи стало очевиднымъ, что турки не непобѣдимы, и надежда на освобожденіе начала воодушевлять славянъ. Южные славяне почувствовали болѣе, чѣмъ когда-либо, что они близки другъ къ другу не только какъ сотоварищи по судьбѣ и союзники, — въ нихъ окрѣпло также сознаніе кровнаго родства: они стали называть себя братьями, членами одного славянскаго племени. Это чувство взаимности распространилось затѣмъ не только на южныхъ славянъ, но и на весь славянскій міръ; слышались воззванія о помощи, обращенныя къ единоплеменной Россіи, и писатели мечтали о большой славянской семьѣ. Сама Австрія помогала этому, ибо она неоднократно убѣждала балканскихъ славянъ общими силами выступить противъ турокъ.

На фонѣ исторіи южныхъ славянъ того времени постепенно выступаетъ призракъ новаго южно-славянскаго государства, которое должно было охватить всѣ южно-славянскія племена. Было придумано и имя для новаго государства: Иллирія. Этимъ хотѣли установить связь съ прошлымъ. Нѣкогда Иллирія была римской провинціей, заключавшей въ себѣ Македонію, Грецію съ Критомъ, Дарданію и Дакію; въ 476 г. она сдѣлалась частью восточно-римской имперіи. Послѣ занятія этихъ земель славянами и послѣ возникновенія славянскихъ государствъ, имя Иллирія вышло изъ употребленія. Когда говорили еще объ „иллирійскомъ народѣ“, то подъ этимъ именемъ подразумѣвали уже только послѣдователей греческой вѣры, и такъ какъ ими были преимущественно сербы, то они и называли себя тогда „райцами или иллирійскимъ народомъ“. Итакъ, теперь названіе Иллирія было распространено также на Хорватію и Славонію. Особенно употреблялось имя Иллирія въ этомъ смыслѣ римской церковью, которая не забыла еще старый церков-

ный приходъ Иллирію и обозначала этимъ именемъ славянъ, жившихъ на западѣ Балканскаго полуострова. Отъ церкви употребленіе этого имени распространилось и далѣе. Въ Венгріи, гдѣ сербскіе бѣглецы были за одно съ хорватами, часто обсуждался иллирійскій вопросъ.

Марія Терезія защищала хорватовъ и сербовъ отъ притѣсненій со стороны мадьяръ и, въ особенности для защиты сербовъ, устроила въ 1746 г. новое придворное учрежденіе, „иллирійскую придворную депутацію“. Вѣнскій дворъ находилъ поэтому въ венгерскихъ сербахъ желанный противовѣсъ противъ мадьяръ. При императорѣ Леопольдѣ II въ 1790 г. въ Темешварѣ собрался иллирійскій національный конгрессъ. На этомъ конгрессѣ были выставлены слѣдующія требованія: выдѣленіе сербскаго народа въ банствѣ и бачкѣ (воеводинѣ), учрежденіе иллирійской придворной канцеляріи, парламентарное равноправіе сербскихъ епископовъ съ венгерскими князьями церкви, назначеніе намѣстникомъ сына императора. Оффиціально понятіе Иллирія было расширено только въ наполеоновскую эпоху. Когда Наполеонъ I послѣ Шенбрунскаго мира (14 октября 1809 г.) отнялъ у Австріи южныя провинціи, онъ основалъ новую провинцію „Иллирію“, въ которую вошли каринтійскій округъ Виллахъ, Краина, Герцъ, Монфальконе, Тріестъ, Фіуме, Истрія, венгерское побережье, а въ 1814 г. Рагуза и часть Хорватіи (ср. стр. 305). Сава составляла границу съ Австріей. Всѣ область была раздѣлена на семь провинцій: Краину, Каринтію, Истрію, Далмацію, Рагузу, гражданскую и военную Хорватіи. Правда, въ 1814 году эти земли опять перешли къ Австріи; но названіе сохранилось. Въ 1816 г. онѣ были даже превращены въ королевство съ губернаторами въ Лейбахѣ (Люблянѣ) и Тріестѣ. Такимъ образомъ, словенское племя отнынѣ также принадлежало къ Иллиріи. Вѣдь въ Далмаціи, Босніи, Сербіи, Хорватіи говорятъ почти на томъ же языкѣ, что въ Штиріи, Каринтіи и Краинѣ [1].

Иллирійская идея пріобрѣтала все болѣе и болѣе сторонниковъ и особенно ревностнаго защитника нашла въ хорватѣ Людевитѣ (Людовикѣ) Гаѣ. Онъ родился 8 іюля 1809 году въ Крапинѣ (Вараждинъ), изучалъ философію въ Грацѣ и Лейпцигѣ, а потомъ юриспруденцію въ Пештѣ. Здѣсь онъ познакомился съ знаменитымъ славистомъ Іоанномъ Колларомъ, поэма котораго „Slavy dcera“ его воодушевила. Онъ издалъ краткія основы „хорватско-славенскаго правописанія“ (Kratka osnova hrvatsko-slavenskoga pravopisanja, Офенъ 1830), въ которыхъ онъ съ такой убѣдительностью доказывалъ преимущества чешскаго правописанія, что оно скоро было введено у всѣхъ южно-славянскихъ католиковъ; самъ онъ писалъ на герцеговинскомъ нарѣчіи. Особенно была увлечена національнымъ движеніемъ учащаяся молодежь; въ 1813 году въ Вѣнѣ образовался кружокъ молодыхъ хорватовъ, поставившій себѣ задачей разработку родного языка.

Въ 1814 г. Георгій Шпоперъ (Матичъ) получилъ разрѣшеніе на изданіе иллирійской газеты; въ своемъ „Иллирійскомъ Альманахѣ“ онъ проводилъ въ 1823 г. идею необходимости общаго южнославянскаго языка. И въ Грацѣ также образовался кружокъ, преслѣдующій ту же цѣль. Кругъ „иллирійцевъ“ становился все шире и шире. Въ 1836 г. начала издаваться „Ilirske novine“ съ беллетристическо-научнымъ приложеніемъ „Danica ilirska“ (Иллирійская утренняя звѣзда). Въ 1838 году былъ основанъ въ Аграмѣ (Загребѣ) кружокъ для совмѣстнаго чтенія подъ предсѣдательствомъ графа І. Драшковича (стр. 306). Этотъ кружокъ положилъ начало всѣмъ остальнымъ національнымъ учрежденіямъ; національныя нужды обсуждались въ національномъ клубѣ. Такъ возникли мало-по-малу театръ, сельско-хозяйственное общество, національный домъ подъ предсѣдательствомъ Гая, литературное

---

[1] Это довольно рискованное утвержденіе, такъ какъ между словинскимъ и сербскимъ языкомъ разница довольно значительна какъ въ звукахъ, такъ и въ словарѣ. *Ред.*

общество „Ilirska Matica“. Гай объѣздилъ Поморье, Далмацію, Черногорію, Сербію, Польшу и Россію. Онъ содѣйствовалъ установленію братскихъ отношеній между хорватами и сербами. Главнымъ образомъ дѣломъ его рукъ было возстаніе ихъ противъ Венгріи; банъ Іеллачичъ (стр. 307) принадлежалъ къ его партіи. Позднѣе Гай удалился въ частную жизнь.

C. Южно-славянская идея.

На ряду съ иллирійскимъ движеніемъ, въ которомъ участвовали только правители, поэты и писатели, которое имѣло только академическое значеніе, не могло найти корней въ народѣ и совсѣмъ заглохло послѣ смерти Гая, на ряду съ этимъ движеніемъ шло еще движеніе народное, ограниченное предѣлами одного племени; ибо каждое племя, даже каждая область, жило въ особыхъ политическихъ, культурныхъ и экономическихъ условіяхъ.

Когда въ 19-мъ столѣтіи всѣ народы пробудились къ національной жизни, тогда повсюду стали основываться газеты и ферейны. Въ Сербіи, благодаря трудамъ Димитрія (позднѣе Досиѳея) Обрадовича (1739—1811), народный языкъ сталъ языкомъ литературнымъ. Къ этому направленію примкнули Лукіанъ Мушицкій (архіепископъ карловицкій; умеръ въ 1837 г.) и особенно другъ Леопольда Ранке, Вукъ Стефановичъ Караджичъ (1787—1864 гг.; ср. т. VIII, стр. 649), который ввелъ фонетическое правописаніе, собралъ и впервые издалъ народныя пѣсни („Srpske narodne pjesme“, 1823—33). Большое вліяніе на сербскую литературу имѣлъ также Іованъ Поповичъ (умеръ въ 1856 г.), который основалъ въ 1847 году Сербское Литературное Общество и органъ этого общества, научный журналъ „Glasnik“; изъ этого общества возникла впослѣдствіи сербская академія наукъ. Въ Вѣнѣ сербы также основали общество, издавали газету и альманахъ; то же самое сдѣлали и венгерскіе сербы.

Въ то время какъ сербы, занятые сами собой, проявляли свою солидарность съ южными славянами и со всѣмъ славянствомъ болѣе теоретически, чѣмъ практически, хорваты, стоявшіе уже на болѣе высокомъ уровнѣ культуры, постоянно стремились превратить сейчасъ же въ дѣло свои южно-славянскія идеи. Когда иллирійское движеніе, носителями котораго они были, заглохло, не принеся никакихъ результатовъ, тогда они главнымъ образомъ стали пропагандировать южно-славянскую идею. Издавались газеты, напр. „Slavenski Jug“; было основано „общество южно-славянской исторіи“ и „Архивъ южно-славянской исторіи“. Въ 1886 году была основана „южно-славянская академія“ въ Загребѣ. Хорваты отказались даже отъ своего языка и сдѣлали литературнымъ языкомъ одно изъ сербскихъ нарѣчій, чтобы облегчить такимъ образомъ соединеніе обоихъ народовъ, которые и безъ того говорили почти на одинаковомъ языкѣ.

D. Сербско-хорватская народность въ настоящее время.

Несмотря на это между хорватами и сербами часто возникали несогласія. И теперь еще нѣтъ дружбы между двумя этими племенами, что можетъ служить лучшимъ доказательствомъ крайне слабыхъ успѣховъ, сдѣланныхъ южно-славянской идеей. Хорватскій народъ очень развился. Хорватская литература была подвинута далеко впередъ, благодаря цѣлому ряду извѣстныхъ писателей, ученыхъ и поэтовъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ Иванъ Мажураничъ (1813—90 гг.), написавшій большой эпосъ „Smrt Smail Age Čengića“ (Смерть Смаиль Аги Ченджича; 1864).

Но въ общемъ хорваты и сербы, благодаря долгому владычеству турокъ, отстали въ культурномъ отношеніи; и еще и теперь Балканскій полуостровъ принадлежитъ къ мало изслѣдованнымъ странамъ Европы,

что объясняется его слабой причастностью къ свѣтской культурѣ. Но по той же самой причинѣ сербо-хорватское племя смогло въ большей чистотѣ сохранить свои исконныя національныя черты, чѣмъ западно-европейскіе народы. Сербо-хорватская народная литература одна изъ богатѣйшихъ, народная жизнь полна еще непосредственности и поэзіи; народныя развлеченія носятъ ясные слѣды первобытной жизни, какой на западѣ Европы нельзя было найти уже нѣсколько столѣтій тому назадъ. Характеренъ распространенный по всему Балканскому полуострову танецъ „коло“ (ср. выше, стр. 298). Въ первобытныя времена каждый танецъ имѣлъ значеніе объясненія въ любви, такой характеръ сохранилъ понынѣ и „коло“, хотя не самъ по себѣ, но по тѣмъ пѣснямъ, которыми онъ сопровождается. О танцѣ сговариваются (и устраиваютъ его, по большей части, сначала однѣ) дѣвушки („Kolo djevojacko“); одна является руководительницей и запѣвалой („Kolovogjica“). По серединѣ кола танцуетъ игрокъ на волынкѣ. Начинаютъ танецъ медленно; затѣмъ хороводъ движется все быстрѣе и оживленнѣе. Парни смотрятъ на танецъ, пока одинъ изъ нихъ не соблазнится и не приметъ участія, ставъ рядомъ съ дѣвушкой, которая ему больше всѣхъ понравилась, разорвавъ для этого предварительно кругъ танцующихъ. Пѣсни, которыя поются при этомъ, всѣ довольно неприличнаго содержанія. Особенно много танцуютъ осенью, послѣ жатвы; весеннее коло носитъ нѣсколько иной характеръ. Въ это время мужская молодежь преисполняется страсти при видѣ дѣвушекъ съ поднятымъ платьемъ, съ душистыми цвѣтами и травами на груди, поющихъ пѣсни, полныя призыва къ любви. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль они танцуютъ цѣлыя ночи напролетъ и поютъ до хрипоты. Все это сильно напоминаетъ греческо-языческія празднества, отчасти діонисіи, отчасти панаѳинеи; Геродотъ разсказываетъ, какъ скиѳскій царевичъ, путешествуя по Греціи, увидалъ праздникъ панаѳиней, который ему такъ понравился, что онъ далъ обѣтъ ввести эти празднества у себя на родинѣ.

13. Словинцы.

А. Господство нѣмцевъ.

Печальный жребій достался на долю всѣмъ южнымъ славянамъ: раздробленные на мелкія племена, они должны были, по большей части, въ одиночку бороться съ могучими врагами. Но особенно тяжкій жребій палъ на долю словинскихъ племенъ, которыя остались сѣвернѣе Савы и теперь только одни сохранили еще названіе словинцевъ. Правда, ни одному изъ южно-славянскихъ племенъ не удавалось создать прочнаго государства; но въ исторіи болгаръ, сербовъ и хорватовъ были, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе продолжительные свѣтлые промежутки, — первобытное же славянское населеніе древней Панноніи, Норика, Истріи и т. д. было просто затоплено позднѣйшими волнами народовъ. Царство Само, паннонскія государства Правины и Коцела, карантанское и великоморавское государства, всѣ ихъ можно сравнить съ метеорами. Эти государства разрушались постепенно аварами и венграми, пока не достались Германіи. На территоріи, занятой нѣкогда словинцами, возникли съ теченіемъ времени различныя провинціи сначала Германіи, а потомъ Австріи: Каринтія, Штирія, Крайна, Нижняя и Верхняя Австрія, Истрія, Герцъ, Грацъ и Тріестъ; не говоря уже о Венгріи. Словинская территорія покрылась нѣмецкими колоніями. Цѣлыя области дарились нѣмецкимъ графамъ, епископамъ, монастырямъ и простымъ колонистамъ. Монастыри взяли на себя дѣло обращенія туземцевъ. Туземцы были подчинены новымъ поселенцамъ. Вмѣстѣ съ нѣмецкимъ управленіемъ и съ нѣмецкой военной службой распространились нѣмецкій языкъ и нѣмецкіе нравы.

То же самое произошло въ южныхъ провинціяхъ, благодаря романскому населенію. Славянство по всей линіи все болѣе и болѣе оттѣснялось на задній планъ; вскорѣ исчезло даже воспоминаніе о древнихъ славянскихъ царствахъ.

Только въ Каринтіи сохранился при переходѣ страны къ новымъ герцогамъ обычай, существовавшій еще въ древнемъ славянскомъ царствѣ. „Австрійская риѳмованная хроника“ Оттокара (умеръ около 1315 г.) и хроника Іоанна Виктрингскаго (умеръ около 1345 г.) описываютъ старинную присягу слѣдующимъ образомъ: подъ Карнбургомъ, не далеко отъ церкви Св. Петра, находится камень, на который садится крестьянинъ, уполномоченный на это по своему происхожденію и въ силу наслѣдственнаго права. Его окружаетъ необозримой вереницей народъ, ожидающій появленія новаго герцога. Этотъ послѣдній, окруженный знатью и рыцарями, снимаетъ свою дорогую одежду и надѣваетъ мужицкое платье, а именно кафтанъ, штаны и плащъ изъ сѣраго сукна, башмаки съ шнурками и зеленую шляпу. Одѣтый такимъ образомъ и держа въ одной рукѣ посохъ, а другою рукой ведя на поводу пѣгую корову и такую же лошадь, герцогъ приближался къ камню, за нимъ шла его свита въ праздничныхъ роскошныхъ одеждахъ. Какъ только сидящій на камнѣ крестьянинъ замѣчалъ герцога, онъ восклицалъ на славянскомъ языкѣ: „Кто это тамъ приближается“? Окружающіе отвѣчаютъ: „Это государь страны“. Затѣмъ крестьянинъ продолжаетъ: „Справедливый ли онъ судья? Дорого ли ему благо страны? Свободнаго ли онъ состоянія? Почитатель ли онъ и защитникъ истинной вѣры?“ Всѣ окружающіе отвѣчали: „Онъ таковъ и таковымъ останется“. „Но по какому праву,—спрашиваетъ далѣе крестьянинъ,—можетъ онъ удалить меня съ этого мѣста?“ „Онъ купитъ его у тебя,—отвѣчали всѣ,—за 60 пфенниговъ, за этихъ пѣгихъ животныхъ и за одежду, которая на немъ; кромѣ того онъ освободитъ твой домъ отъ всякихъ податей“. Тогда крестьянинъ слегка ударяетъ князя по щекѣ, беретъ обоихъ животныхъ и уступаетъ князю мѣсто. Князь садится на камень, взмахиваетъ во всѣ стороны мечомъ и клянется народу быть справедливымъ судьей. Затѣмъ онъ выпиваетъ изъ своей крестьянской шляпы глотокъ свѣжей воды въ знакъ своей и своего народа умѣренности и довольства тѣмъ, что даетъ для пропитанія родная почва. Отсюда князь отправляется на торжественное богослуженіе въ церковь Марія Сааль, обѣдаетъ вмѣстѣ съ дворянами и рыцарствомъ и идетъ потомъ на лугъ около церкви Марія-Сааль. Здѣсь онъ на особомъ сидѣніи творитъ судъ, а потомъ принимаетъ присягу и раздаетъ лены. Герцогъ Эрнстъ Желѣзный былъ послѣднимъ, вступившимъ въ управленіе Каринтійскимъ герцогствомъ (1414 г.) съ соблюденіемъ этого обычая, свидѣтельствовавшаго о независимости каринтійскихъ славянъ. Сынъ его, Фридрихъ III. не хотѣлъ подчиниться обычаю, ибо, какъ разсказываетъ въ 17 столѣтіи краинецъ Вальвазоръ, ему казалось неприличнымъ, чтобы римскій король выступалъ въ крестьянскомъ платьѣ. Императору Максимиліану I только войны помѣшали вновь ввести старый обычай.

Послѣ потери словинскимъ племенемъ политической независимости, сталъ вырождаться и языкъ его. Правда, во внутренней Австріи словинскій языкъ былъ распространенъ. Ульрихъ Лихтенштейнскій говоритъ въ своемъ произведеніи „Vrouwen Dienst“ (1255 г.), что по-словински говорили въ Каринтіи; даже каринтійскій герцогъ привѣтствовалъ его на этомъ языкѣ, по возвращеніи его изъ Италіи. Въ 14 столѣтіи въ Каринтіи, Краинѣ и даже въ Вѣнѣ обѣдня служилась также и на словинскомъ языкѣ; Дуранди въ „Rationale divinorum officiorum“ объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, „что ни одинъ языкъ не распространенъ такъ, какъ этотъ, называемый виндскимъ“. Въ 1495 г. въ Ахенѣ городами Лайбахомъ и Краинбургомъ былъ назначенъ священникъ для словенскихъ пиллигримовъ. Но, несмотря на это, нѣмец-

кій языкъ все болѣе и болѣе распространялся, исходя изъ дворовъ и замковъ. Многочисленнѣе всего сохранились словинцы въ Краинѣ; меньше ихъ въ Штиріи и Каринтіи. Въ Австріи они были совершенно вытѣснены; только имена нѣкоторыхъ мѣстностей, горъ и рѣкъ напоминаютъ о древнихъ славянскихъ поселеніяхъ.

В. **Національная сторона реформаціи въ Краинѣ.**

Около 1500 г. политическая жизнь угасла у всѣхъ южныхъ славянъ. Болгары, сербы, босняки и часть хорватовъ попали въ зависимость отъ Турціи, другая часть хорватовъ—подъ власть Венеціи и третья—Венгріи, словинцы, наконецъ, подъ власть Германіи; легче всего пришлось рагузанцамъ и далматинцамъ. Только реформація оживила хорватовъ и особенно словинцевъ: ибо она пробудила умственную дѣятельность и, какъ у нѣмцевъ, чеховъ и поляковъ, подняла народный языкъ на степень языка литературнаго. И въ словинскихъ мѣстностяхъ проповѣдники также пользовались народнымъ языкомъ. Когда они были изгнаны, они отправились въ Вюртембергъ, бывшій тогда убѣжищемъ религіозной свободы. Въ Тюбингенѣ, по словамъ І. Шумана, словенецъ Матія Грбекъ изъ Истріи былъ профессоромъ въ университетѣ, Матія Влашичъ изъ Истріи ассистентомъ, и Михаилъ Тиффернусъ изъ Тюффера въ нижней Каринтіи канцлеромъ и первымъ совѣтникомъ герцога. Среди эмигрантовъ находился также бывшій лайбахскій соборный настоятель Примусъ Труберъ изъ Рашицы въ нижней Краинѣ. Онъ проповѣдывалъ подъ покровительствомъ Вюртемберга, пока не переселился въ 1547 г. въ Германію. Этотъ превосходный проповѣдникъ задумалъ изъ Вюртемберга посредствомъ своихъ сочиненій вліять на своихъ земляковъ словинцевъ. Онъ издалъ азбуку съ катехизисомъ и „Христіанское ученіе“; обѣ эти книги были напечатаны еще нѣмецкими буквами и вышли въ свѣтъ въ 1550 г. Его поддерживали бывшій епископъ Капо-д’ Истріи, Піетро Паоло Верджеріо, вслѣдствіе своей реформаторской дѣятельности точно также бѣжавшій въ 1553 г. въ Тюбингенъ, и бывшій намѣстникъ Штиріи, Іоаннъ Унгнадъ баронъ Зонеггскій, по той же причинѣ покинувшій свою родину. Послѣдній продолжалъ однако получать доходы со своихъ имѣній и держалъ небольшой дворъ въ Урахѣ. Въ Тюбингенѣ была устроена въ 1560 г. южно-славянская типографія, и были выписаны знакомые и съ кириллицей и съ глаголицей типографскіе наборщики; изъ Истріи пріѣхалъ Стефанъ Консулъ, по указаніямъ котораго были вырѣзаны буквы глаголицы, а изъ Далмаціи Антонъ Далмата, научившій буквамъ кириллицы. До самаго Константинополя должно было проникнуть новое вѣроученіе, ибо, полагалъ Унгнадъ, вѣдь всѣ народы говорятъ тамъ на славянскомъ языкѣ, существуетъ только разница въ нарѣчіяхъ и въ начертаніяхъ буквъ. Какъ первый плодъ общихъ усилій появился въ свѣтъ въ 1562 г. хорватскій катехизисъ, напечатанный глаголицей и кириллицей. Нѣмецкіе государи, въ томъ числѣ и Максиміліанъ II, помогали этому предпріятію. Призванный назадъ въ Краину, Труберъ работалъ опять въ Лайбахѣ въ 1562—64 г.; онъ основалъ тамъ первую типографію, но, благодаря новымъ проявленіямъ враждебнаго отношенія къ нему, вернулся опять въ Вюртембергъ. Онъ умеръ въ 1586 г. въ Дерендингенѣ, близъ Тюбингена, послѣ 36-лѣтней литературной дѣятельности; онъ оставилъ послѣ себя 18 печатныхъ произведеній.

Закончилось реформаторское движеніе послѣ того, какъ Юрій Далматинъ перевелъ на словинскій языкъ все Священное Писаніе. Онъ родился въ Гуркфельдѣ въ Нижней Краинѣ, учился въ Тюбингенѣ, гдѣ получилъ степень магистра. Послѣ того, какъ ректоръ сословной школы въ Лайбахѣ, Адамъ Богоричъ, также магистръ философіи, составилъ словинскую грамматику, рукопись Далматина была исправлена согласно съ этой граммати-

кой и напечатана потомъ на счетъ сословій Каринтіи, Штиріи и Краины въ 1584 г. Хотя во время контръ-реформаціи многія словинскія сочиненія религіознаго содержанія и были уничтожены, но надолго литературнаго движенія нельзя уже было остановить. Въ теченіе 17 столѣтія появились еще многія словинскія сочиненія, словинскія книги стала издавать и католическая партія; въ эту эпоху были напечатаны въ Галле и первыя книги для венгерскихъ словинцевъ.

C. Литературное возрожденіе послѣднихъ полутора столѣтій.

Во второй половинѣ 18 столѣтія литература опять оживилась; толчекъ къ этому оживленію далъ Марко Полинъ, или Маркусъ-де-Санктъ Антоніо Падуано, какъ гласило его монашеское имя. Среди его сочиненій, большею частью религіознаго содержанія, имѣются: словинская грамматика, „Краткое хронологическое описаніе замѣчательнѣйшихъ событій, касающихся достохвальнаго герцогства Краины“ и лексиконъ писателей Краины. При его содѣйствіи возникла между 1781 и 1787 г. „Academia operosorum labancensium“, президентомъ которой былъ Іоаннъ Неп. графъ Эдлингъ, а членами образованнѣйшіе словинцы. Въ это время проявилъ себя въ качествѣ мецената словинской литературы Сигизмундъ баронъ фонъ Цойсъ (умеръ 1819), владѣлецъ майората въ Краинѣ; въ его домѣ вращался Валентинъ Водникъ (умеръ 1819), первый словинскій поэтъ; въ 1796 г. онъ началъ издавать первый словинскій календарь и первую политическую газету, „Ljubljanske Novice“. Въ домѣ Цойса жилъ съ 1799 г. въ качествѣ воспитателя, а позднѣе въ качествѣ секретаря и библіотекаря знаменитый славистъ Ириней (Варѳоломей) Копитаръ (умеръ 1844). Въ томъ же кружкѣ вращался и Матвѣй Равникаръ, впослѣдствіи епископъ Тріеста и Капо-д' Истріи, писавшій чистой прозой сочиненія духовнаго содержанія.

Какъ въ западной Европѣ, такъ и среди южно-славянскихъ народовъ національное движеніе усилилось благодаря французской революціи и владычеству Наполеона. Въ 1809 г. Краина была отдана Франціи, и Любляна была сдѣлана главнымъ городомъ иллирійскихъ провинцій (стр. 310). Въ школахъ французы ввели преподаваніе на словинскомъ языкѣ, за что Водникъ, назначенный директоромъ школъ, въ одномъ изъ стихотвореній прославлялъ Наполеона I. Послѣдствіемъ этого было, что также и австрійское правительство послѣ паденія Наполеона учредило словинскую каѳедру въ Грацѣ, на которую былъ назначенъ Іоаннъ Непомукъ Примецъ (умеръ 1823), уже въ 1810 г. основавшій здѣсь „Societas slovenica“. И въ Каринтіи, Штиріи, Герцѣ, Тріестѣ жили тогда поэты и писатели, помѣщавшіе иногда стихотворенія и статьи также и въ нѣмецкихъ журналахъ, напр. У. Ярникъ (умеръ 1844) въ Каринтіи, В. Станичъ въ Герцѣ, Ст. Модринякъ (умеръ 1826) и Л. Фолькмеръ (умеръ 1817) и др. въ Штиріи. Особенно много сдѣлалъ для штирійскихъ словенцевъ Петръ Данько (умеръ 1873); онъ писалъ прозой и стихами и составилъ для словинцевъ латинскій алфавитъ, дополненный кириллицей, подобно тому, какъ это пытался сдѣлать въ Краинѣ Метелко. Но ни „даньчица“ ни „метельчица“ не могли удержаться. Особенно боролся противъ такихъ новшествъ талантливый Матвѣй Чопъ, нижне-краинскій уроженецъ, который зналъ, какъ говорятъ, девятнадцать языковъ и былъ профессоромъ въ Фіуме, Лайбахѣ и Лембергѣ. Онъ былъ однимъ изъ основателей перваго литературнаго журнала „Kranjska čbelica“ („Краинская пчела“), который началъ въ 1830 г. издавать Мих. Кастелецъ. Въ этомъ журналѣ появились первыя произведенія величайшаго словинскаго поэта, Франца Прешерна (умеръ 1849; ср. т. VIII, стр. 649), при которомъ словинская литература достигла высшей точки своего развитія.

Такимъ образомъ, словинское племя прогрессировало въ области языка и поэзіи. На научномъ поприщѣ оно стало работать только начиная съ середины 19 столѣтія; и здѣсь оно также достигло уже теперь нѣкоторыхъ успѣховъ. По народной переписи 1900 г., число словинцевъ во всѣхъ провинціяхъ составляло 1.192.780, не считая славонцевъ и венгерскихъ словинцевъ, или „прекмурцевъ“, живущихъ по ту сторону Мура. Въ виду малочисленности словинцевъ среди нихъ замѣчается стремленіе сблизиться съ хорватами и образовать съ ними одну народность. Это не можетъ представлять большихъ затрудненій, такъ какъ оба языка незначительно отличаются другъ отъ друга; кромѣ того, вѣдь оба эти племена уже въ древнія времена составляли одинъ народъ.

VI. Придунайскіе народы.

Генриха Влислоцкаго.

Переработано **Гансомъ Ф. Гельмольтомъ.**

1. Гунны [1].

A. Азіатское прошлое.

Около 50 г. до Р. Хр. государство гунновъ (гіунгъ ну) на сѣверѣ Китая распалось на двѣ части, на сѣверную и южную (т. II, стр. 132). Южное государство гунновъ прекратило свое существованіе только въ 142 г. по Р. Хр., при чемъ большая часть его ассимилировалась съ китайцами. Сѣверное же государство, благодаря постояннымъ набѣгамъ болѣе сильныхъ сіенъ-пе и другихъ сибирскихъ тунгузскихъ племенъ, пало уже въ 84 г. Часть гунновъ бѣжала тогда на западъ въ степи Аральскаго моря, гдѣ уже непосредственно послѣ распаденія царства гунновъ было организовано новое государство, во главѣ котораго стоялъ Чи-чи (выше, стр. 34). Это западно-азіатское государство кочевниковъ значительно усилилось благодаря притоку новыхъ бѣглецовъ (около 90 г. по Р. Хр.). Въ теченіе слѣдующихъ столѣтій оно, наконецъ, такъ расширилось, что въ области Каспійскаго моря попало въ кругъ зрѣнія европейскихъ географовъ (такъ напр. Діонисія Періегета около 130 г., Птоломея около 150 г.). Около 300 г. оно вступило въ борьбу съ царемъ Арменіи Трдатомъ Великимъ. Являясь постоянной угрозой для народовъ восточной Европы, оно, благополучно уладивъ мелкія междоусобія, могло, наконецъ, въ серединѣ 4 столѣтія отважиться на массовое передвиженіе далѣе къ западу. При этомъ слѣдуетъ обратить особое вниманіе на то обстоятельство, что составъ гуннскаго народа долженъ былъ сильно измѣниться благодаря присоединенію родственныхъ и чужихъ народностей; мы будемъ всего ближе къ истинѣ, если скажемъ, что теперь въ жилахъ только вождей и знатныхъ людей гуннскихъ ордъ текла монгольская кровь, кровь же большинства неоднократно смѣшивалась съ кровью другихъ вѣтвей урало-алтайскаго ствола, турко-татаръ, финно-угровъ, затѣмъ сарматовъ и т. д.

Все, что намъ извѣстно о нравахъ и обычаяхъ гунновъ, вполнѣ совпадаетъ съ характерными чертами монгольскихъ народностей. То же самое можно сказать и о физическихъ признакахъ ихъ (по описанію современниковъ); они отличались большой круглой головой, глубоко лежащими, маленькими глазами, выдающимися скулами, плоскимъ носомъ, грязнымъ цвѣтомъ кожи, малымъ ростомъ при толстомъ туловищѣ и широкой груди. У нѣкоторыхъ племенъ этотъ первоначальный типъ, благодаря постояннымъ смѣшеніямъ, настолько измѣнился, что трудно было сказать, какихъ чертъ въ немъ больше, турецкихъ или финскихъ [2]. У этихъ

---

[1] По древнѣйшей исторіи гунновъ, по вопросу объ ихъ тюркскомъ происхожденіи и переселеніи въ Европу сдѣлано въ послѣднее время очень много синологами, особенно нѣмецкимъ ученымъ Гиртомъ. *Ред.*

[2] Говоря о финской крови у гунновъ, авторъ разумѣетъ подъ финнами угорскія племена, вѣроятно, мадьяръ. *Ред.*

племенъ дѣтямъ надрѣзались щеки, чтобы воспрепятствовать росту бороды, носъ у нихъ прижимался широкими лентами, а черепъ сжимался съ боковъ. Какъ истые кочевники, гунны не знали ни домовъ, ни хижинъ; въ кибиткахъ они перевозили съ мѣста на мѣсто своихъ женъ (у нихъ существовала полигамія) и дѣтей; лѣтомъ они пасли свои стада въ необозримыхъ степяхъ, зимою же жили по берегамъ рѣкъ. Будучи выносливыми наѣздниками, они день и ночь проводили на сѣдлѣ, ѣли и пили на немъ. Вмѣстѣ съ тѣломъ умершаго въ могилу зарывали его коня, мечъ и любимую утварь; покойника клали въ могилѣ головой на западъ съ лицомъ, обращеннымъ къ восходящему солнцу. Надъ могилой насыпался холмъ; на немъ справляли тризну, во время которой пѣвцы воспѣвали подвиги покойнаго, родственники же покойнаго, въ знакъ траура, стригли себѣ голову и надрѣзали себѣ щеки.

B. **Передвиженіе въ область Дуная.**

Около 372 г. гунны проникли уже въ область по сю сторону Волги и покорили въ 375 г. жившихъ на Дону и у Азовскаго моря алановъ, которые частью скоро слились съ побѣдителями. Подъ предводительствомъ Баламбера, или Баламира, они напали на остготовъ. Король остготовъ Германрихъ (Эрманрикъ; Эрмрихъ „книги героевъ“), которому было уже болѣе ста лѣтъ, проигравъ рѣшительную битву, самъ лишилъ себя жизни. Преемникъ его Витимиръ (Винитарій) палъ въ сраженіи при Ирачѣ (между Днѣпромъ и Днѣстромъ); оба сына его съ немногими спутниками бѣжали къ вестготамъ, большая же часть остготовъ (грентунги), предводительствуемая Гезимундомъ попала подъ власть гунновъ. Вестготты отступили за Прутъ. Когда же гунны скоро перешли также и черезъ Днѣстръ, тогда часть вестготовъ подъ предводительствомъ Атанариха спаслась черезъ Серетъ въ Кавкландію, нынѣшнюю Трансильванію, другая же часть (тервинги) принявшая христіанство, по совѣту епископа Ульфилы, подъ предводительствомъ Фритигерна, отправилась въ Римскую имперію, куда, несмотря на свою ненависть къ Риму, послѣдовалъ за ними въ 380 г. и Атанарихъ, вытѣсненный изъ Трансильваніи.

Теперь гуннскія орды Баламбера наводнили всю страну до Дуная, только нижнее теченіе Дуная и устье его отдѣляли еще гунновъ отъ Римской имперіи. Какъ для культурныхъ, такъ и для варварскихъ народовъ это насильственное вторженіе азіатскихъ кочевниковъ въ Европу имѣло тяжелыя послѣдствія. Слѣды германской полукультуры готскаго происхожденія исчезли; богатыя колоніи и цвѣтущія поселенія были превращены въ развалины. Деревянные дворцы гуннской знати съ каждымъ годомъ все болѣе приближались къ границѣ цивилизаціи, и гуннскіе наемники стали скоро одной изъ главныхъ опоръ клонящейся къ упадку Римской имперіи.

C. **Аттила.**

Въ первой половинѣ 5 столѣтія, послѣ Ульдина (Ульда; 400—408), гуннами управляли три брата: Мундцукъ (въ венгерской передачѣ Бендегузъ), Октаръ и Руа (называемый также Рофъ, Руга, Ругиласъ. Находясь на службѣ у римлянъ, Октаръ нѣсколько разъ отправлялся на Рейнъ и нападалъ на бургундовъ; но онъ умеръ вслѣдствіе неумѣренныхъ кутежей наканунѣ одного сраженія. Наслѣдство подѣлили между собой его братья Мундцукъ и Руа; послѣдній состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Византіей и получилъ отъ Ѳеодосія II вмѣстѣ съ титуломъ полководца жалованье въ размѣрѣ 350 фунтовъ золота (200,000 р.) въ годъ. Послѣ его смерти въ 434 г. по Р. Хр. правленіе перешло къ его племянникамъ Бледѣ (въ венгерской передачѣ—Будѣ) и Аттилѣ, сыновьямъ Мундцука.

Имя Аттилы, величайшаго короля гунновъ пытались объяснить различнымъ образомъ. Одни производятъ его отъ готскаго „atta“ (отецъ) и придаютъ ему значенie „батюшка“; но, по всей вѣроятности, это имя соотвѣтствуетъ имени Волги, данному этой рѣкѣ византiйцами въ 6 столѣтiи. Мадьярскiя сказанiя называютъ его Этеле; германскому эпосу онъ извѣстенъ подъ именемъ Этцеля. Ни мѣсто, ни годъ его рожденiя неизвѣстны. Послѣ ранней смерти своего отца, Мундцука, Аттила былъ отправленъ своимъ дядей Руей въ качествѣ заложника въ Novae (Свиштовъ на Дунаѣ, въ Болгарiи). Тамъ онъ познакомился со своимъ будущимъ противникомъ, Аэцiемъ, который тоже былъ заложникомъ; здѣсь онъ прiобщился къ византiйской образованности. Сейчасъ же послѣ того, какъ онъ принялъ бразды правленiя, оба гуннскiе князя возобновили мирный договоръ съ императоромъ Өеодосiемъ на тяжелыхъ для него условiяхъ: византiйцы должны были уничтожить всѣ союзы съ придунайскими народами, выдать скрывшихся у нихъ гуннскихъ бѣглецовъ и, кромѣ того, уплачивать ежегодно по 500 (а по Приску—даже по 700) фунтовъ золота. Съ цѣлью обогащенiя своихъ фаворитовъ, Аттила постоянно посылалъ то одного, то другого изъ нихъ съ какимъ-нибудь порученiемъ или предложенiемъ къ константинопольскому двору, который и долженъ былъ богато одарять посланца за его мнимое посредничество.

Гуннскiя орды покорили германскiя и славянскiя племена на Дунаѣ; надъ угорскимъ народомъ охотниковъ, акацирами, жившими на Дону, властвовалъ съ 448 г. Эллакъ, старшiй сынъ Аттилы. Скоро Аттила двинулся на западъ, и въ 435—437 г. разгромилъ цвѣтущее государство бургундовъ, на среднемъ Рейнѣ и въ восточной Галлiи; король Гундихаръ (Гундихарiй) былъ убитъ. Въ 441 г. гунны овладѣли городомъ Маргомъ при впаденiи Маргуса (Моравы) въ нижнiй Дунай, и съ этихъ поръ они были постоянными гостями Восточной Римской имперiи. Подъ всевозможными предлогами вторгались теперь полчища Аттилы въ Мизiю, Өракiю и Иллирiю; достаточными поводами были: несвоевременная уплата ежегодной дани или бѣгство какого-нибудь преслѣдуемаго имъ гуннскаго вельможи.

Братъ Аттилы былъ по его приказанiю коварно убитъ въ 445 г. Вскорѣ затѣмъ одинъ гуннскiй пастухъ принесъ якобы упавшiй съ неба мечъ, въ которомъ суевѣрный народъ видѣлъ предзнаменованiе всемiрнаго владычества. Аттила охотно поддерживалъ свой народъ въ этой вѣрѣ. Онъ самъ, видя тогдашнюю слабость Восточной Римской имперiи, былъ убѣжденъ, что достигнетъ всемiрнаго владычества. Въ 447 году онъ дошелъ со своими полчищами даже до Өермопилъ, послѣ чего императоръ Өеодосiй сталъ умолять о мирѣ. Въ началѣ 448 г. миръ былъ заключенъ на условiяхъ уплаты 6,000 фунтовъ золота (5.500,000 марокъ) военныхъ издержекъ и 2,100 фунтовъ золота (1.900,000 марокъ) ежегодной дани (стр. 36). Вскорѣ затѣмъ (въ 448 г.) Аттила послалъ одного изъ своихъ приближенныхъ, Эдико, въ Константинополь за ежегодной данью, которую византiйскiй дворъ могъ собрать съ обѣднѣвшаго народа только путемъ притѣсненiй; кромѣ того, Өеодосiю II было предъявлено требованiе уступки всего праваго берега Дуная. Тогда Хризафiй „Цума“, всесильный евнухъ императора, подкупилъ гуннскаго посла, чтобы онъ убилъ Аттилу. Въ 449 г. къ Аттилѣ явилось посольство для переговоровъ по поводу его новыхъ требованiй. Начальникъ посольства, сенаторъ Максиминъ, и его писецъ Прискъ, риторъ и софистъ изъ Панiона, къ своему счастью, ничего не знали о затѣянномъ убiйствѣ, переводчикъ же Вигилiй былъ посвященъ въ заговоръ. Но Эдико самъ открылъ все своему королю: тотъ съ радостью воспользовался благопрiятнымъ случаемъ, чтобы потребовать у Өеодосiя голову ненавистнаго Хризафiя и увеличенiе ежегодной дани; только съ трудомъ удалось уговорить его отказаться отъ этихъ требованiй.

Ритору Приску обязаны мы чрезвычайно важнымъ описанiемъ

путешествія, дающимъ намъ возможность познакомиться съ жизнью гуннскаго двора. Онъ описываетъ резиденцію и простой дворецъ Аттилы, находившіеся гдѣ-нибудь между Тиссой и Дунаемъ, въ теперешней центральной Венгріи (можетъ быть, близъ Токая). Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ описываетъ также жилища гуннскихъ вельможъ, между прочимъ, жилище министра Онегезія (Гунигисъ, потомокъ ганговъ). При описаніи торжественнаго въѣзда Аттилы, разсказываетъ онъ, впереди шла толпа дѣвушекъ въ бѣлыхъ одеждахъ. Прискъ познакомился и съ королевой Крекой (Рекой), которой онъ передалъ подарки отъ императора. Онъ принималъ участіе въ обѣдѣ, устроенномъ въ честь посольства. За обѣдомъ пѣвцы и шуты забавляли придворныхъ, король же гунновъ сидѣлъ въ угрюмомъ молчаніи, и цѣлая толпа греческихъ переводчиковъ и римскихъ пѣвцовъ ожидала его приказаній. Изъ этого отчета о путешествіи мы узнаемъ, что гуннскій король не былъ чуждъ римской образованности. Онъ значительно превосходилъ современныхъ ему государей дипломатической проницательностью, талантомъ полководца, личной храбростью и мужествомъ. Отъ Рейна до Волги, отъ Балтійскаго моря до береговъ Чернаго моря — всѣ народы робко ждали рѣшенія своихъ судебъ отъ этого коренастаго угрюмаго завоевателя.

Лѣтомъ 450 г. въ Константинополѣ вспыхнули безпорядки: Ѳеодосій умеръ во время возстанія, Хризафій былъ казненъ, Маркіанъ (стр. 36) вступилъ на колеблющійся престолъ. Посламъ Аттилы, которые сейчасъ же послѣ его вступленія на престолъ явились за ежегодной данью, онъ отвѣтилъ кратко: „Золото—для моихъ друзей, желѣзо—для враговъ!“ Аттила, повидимому, удовлетворился такимъ отвѣтомъ. Гейзерихъ, король вандаловъ, благодаря подозрѣнію, вырѣзалъ языкъ (около 446 г.) у первой жены своего старшаго сына, дочери вестготскаго короля Теодориха I. Опасаясь мести готовъ, онъ заключилъ союзъ съ Аттилой, который обратилъ теперь свое вниманіе на Западную Римскую имперію. Западно-римскій императоръ Валентиніанъ III предназначилъ свою сестру, Грату-Юсту Гонорію, къ монастырской жизни; но она вступила въ любовную связь со своимъ прокураторомъ Евгеніемъ и была за это сослана на нѣкоторое время въ Византію. По возвращеніи оттуда, она тайкомъ отправила Аттилѣ кольцо, предлагая ему себя, такимъ образомъ, въ жены; сначала Аттила не удостоилъ отвѣтомъ это предложеніе, но потомъ неоднократно, на основаніи имѣющагося у него кольца, требовалъ, чтобы Валентиніанъ отдалъ невѣсту въ его гаремъ; въ качествѣ приданаго онъ требовалъ половину Западной Римской имперіи. Отрицательный отвѣтъ на эти требованія передалъ гуннскимъ посламъ отъ имени императора товарищъ юности Аттилы, Аэцій, „послѣдній римлянинъ“.

Распаленный гнѣвомъ Аттила превратилъ всю восточную Европу въ военный лагерь. Съ огромнымъ войскомъ (приблизительно въ 500,000 человѣкъ), состоящимъ изъ разнообразнѣйшихъ народностей, онъ отправился весною 451 г. вдоль Дуная въ Галлію, на которую уже въ 448 г. обратилъ его вниманіе бунтовщикъ Евдоксій, потомъ вандалъ Гейзерихъ и одинъ честолюбивый франкъ. Рядъ разрушенныхъ городовъ обозначалъ путь, которымъ прошли гунны. Около Страсбурга Аттила перешелъ черезъ Рейнъ, сжегъ Мецъ и пытался взять Орлеанъ. Но жители города подъ предводительствомъ своего епископа защищались до тѣхъ поръ, пока не приблизился авангардъ войска Аэція, къ которому послѣ долгихъ переговоровъ присоединился и Теодорихъ I (Теодорикъ), король вестготовъ. Аттила снялъ осаду и увелъ войска на широкую равнину, лежащую между Труа и Мери, между Сеной и Марной. На Мавріаценскихъ (Каталаунскихъ) поляхъ произошла въ началѣ іюля великая битва, въ которой сражались между собой два міра: римско-христіанскій и гуннско-языческій. Послѣ страшной рѣзни, Аттила съ наступленіемъ ночи ушелъ

hundert dusent ludes. der gothen koning belef dar dot. De
koning ezzele vor dannen to langbarden vñ besat aquileiã
driv iar. vñ do he se nicht gewinnen ne mochte he wolde dan
nen varen. wan dat he sach dat de storke ere iungen van ď stat
vorden. dar van karde he wið unde
stormde de stat vñ gewan se vñ to vor
de se al. dannen vor he to langbardē
e paues leo quã to eme vñ bat ene
dat he des landes genade hadde dat louede de koning deme
pauese dat he dat don wolde. dar ũme wart he
geschuldeget van den sinen do segede he ich ne
vorchte nicht den paues. En engel stunt bi eme
de hadde en swert in ď hant hedde ich anders ge
dan he hadde mich irslagen. de koning ezzele umbot deme
keisere do. dat he eme sine suster geue od' he wolde dat ri
ke vorvoren. dar van ledegede got dat romische rike alsus

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Аттила, царь гунновъ, передъ Аквилеей; Аттила и папа Левъ I.

(Изъ готской рукописи Саксонской Всемірной Хроники.)

Король Гунновъ Аттила при Аквилеѣ; Аттила и папа Левъ I.

(Дополненія по изданной Людвигомъ Вейландомъ саксонской „Всемірной хроникѣ" во 2 т. „Нѣмецкихъ хроникъ".)

Текстъ.

[In deme 453 jare van godes bort Marcianus quam an dat rike unde was daran seven jar... An sinen tiden quam up de koning Ezzele unde wart to angeste al der werlt... He bedwanc mit sineme here al Dudisch lant, Vrancrike unde Burgunden wante an Borcesere. He wolde oc tovoren dat Romische rike. De keiser Marcianus sande wider ene enen hertogen, de was geheten Ecius, de hadde to helpe de Gothos. Se quamen tosamene to Vrancrike, dar wart en grot strit. Dar worden geslagen driu]hundert dusent ludes. Der gothen koning belef dar dot. De koning Ezczele vor dannen to langbarden unde besat aquileiam driu jar, unde do he se nicht gewinnen ne mochte he wolde dannen varen, wan dat he sach dat de storke ere jungen van der stat vorden. Dar van karde he wider unde stormde de stat unde gewan se unde tovorde se al. dannen vor he to langbarden. De paves Leo quam to eme unde bat ene dat he des landes genade hadde dat lovede de koning deme pavese dat he dat don wolde. Dar umme wart he geschuldeget van den sinen do segede he: Ich ne vorchte nicht den paves. En engel stunt bi eme de hadde en swert in der hant hedd ich anderes gedan he hadde mich irslagen. De koning Ezzele umbot deme keisere do, dat he eme sine suster geve oder he wolde dat rike tovoren. Dar van ledegede got dat romische rike alsus. [He wart enes nachtes verdrunken unde lach mit sineme wive. Do blodede eme de nase vile sere, unde ging eme in den hals, dat he darvan dampede.]

Переводъ.

[Въ 453 г. послѣ Рождества Христова Марціанъ получилъ власть и пользовался ею въ теченіе семи лѣтъ. . . Въ его времена появился король Этцель и сдѣлался грозой всего міра. . . Онъ покорилъ со своимъ войскомъ всѣ нѣмецкія земли, Францію и Бургундію до Портусъ Цезарисъ. Онъ хотѣлъ также разрушить и Римскую имперію. Императоръ Марціанъ послалъ противъ него полководца, по имени Аэція, которому помогали [вест]готы. Они встрѣтились во Франціи; произошла большая битва. Было убито триста тысячъ человѣкъ. Былъ убитъ король готовъ [Θеодорихъ I]. Король Этцель ушелъ въ Ломбардію и три года осаждалъ Аквилею; не будучи въ состояніи взять ее, онъ хотѣлъ уже уйти, но замѣтилъ, что аисты уносятъ изъ города своихъ птенцовъ. Поэтому онъ вернулся, пошелъ на приступъ, взялъ городъ и совершенно разрушилъ его. Затѣмъ онъ отправился въ Ломбардію; папа Левъ [I] явился къ нему и просилъ его пощадить страну. Король обѣщалъ папѣ сдѣлать это. Его люди обвиняли его за это; тогда онъ сказалъ: „Я не боюсь папы. Ангелъ стоялъ подлѣ него съ мечомъ въ рукѣ; если бы я поступилъ иначе, онъ бы убилъ меня". Затѣмъ король Этцель потребовалъ отъ императора, чтобы онъ отдалъ ему свою сестру, угрожая въ противномъ случаѣ уничтожить имперію. Отъ этого Богъ избавилъ Римскую имперію слѣдующимъ образомъ. [Онъ напился однажды ночью и лежалъ около своей жены бургундянки Ильдеко. Тогда у него пошла сильно кровь изъ носа и потекла въ горло, такъ что онъ задохнулся.]

Надъ верхней картиной налѣво написано въ концѣ 13 столѣтія, т. е. въ эпоху, къ которой принадлежитъ и авторъ законченнаго около 1250 г. текста Aquileya, справа Ezcele, надъ нижней картиной слѣва Ezcele (буквы c и e слиты въ лигатуру) и справа Leo.

---

hundert dusent ludes. der gothen koning belef dar dot. De
koning ezzele vor dannen to langbarden vn besat aquilegiam
dru iar vn do he se nicht gewinnen ne mochte he wolde dan-
nen varen. wante he sach dat de storke ere iungen van der stat
droegen dar van karde he wid' vnde
wonne de stat vn gewan se vn to vor-
de se al. dannen vor he to langbarde
ne. paues leo quā to eme vn bat ene
dat he des landes genade hadde dat louede de koning deme
pauese dat he dat don wolde. Dar vmme want he
gescheidegede van den sinen do segede he Ich ne
vorchte nicht den paues. En engel stunt bi eme
de hadde en swert in sine hant heddich anders ge-
dan he hadde mich irslagen. De koning ezzele umbot deme
keisere do dat he eme sine suster geve oder he wolde dat ri-
ke towerpen. Dar van ledegede got dat romische rike alsus.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Аттила, царь гунновъ, передъ Аквилеей. Аттила и папа Левъ I.

(Изъ готской рукописи Саксонской Всемірной Хроники.)

въ свой укрѣпленный лагерь. Число убитыхъ въ этомъ сраженіи, по различнымъ даннымъ, колеблется между 165.000 и 300.000 человѣкъ; согласно позднѣйшему преданію, души павшихъ продолжали сражаться въ воздухѣ. Печальное пѣніе гунновъ, оплакивавшихъ убитыхъ, доносилось до лагеря побѣдителей. Король гунновъ велѣлъ поспѣшно соорудить себѣ костеръ изъ сѣделъ, чтобы сжечь себя въ случаѣ новаго нападенія побѣдоносныхъ враговъ. Но Аэцій не хотѣлъ лишиться удобнаго противовѣса противъ готовъ, и онъ самъ купилъ побѣду только цѣною тяжелыхъ жертвъ; кромѣ того, вестготы ушли домой сейчасъ же послѣ смерти своего короля. Такимъ образомъ, Аттила могъ безпрепятственно отступить въ Паннонію.

Въ слѣдующемъ году (452) Аттила отправился съ многочисленнымъ войскомъ въ Италію. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ осады онъ взялъ городъ Аквилею, ворота Италіи, и сравнялъ его съ землею (см. прилагаемую табл.: „Аттила, царь гунновъ, передъ Аквилеей"). Затѣмъ онъ двинулся къ Риму и по дорогѣ туда сжегъ Падую, Верону, Миланъ и многіе другіе города. Весь цивилизованный міръ съ трепетомъ ожидалъ паденія „вѣчнаго города", но Аттила совершенно неожиданно повернулъ обратно. Къ этому шагу его побудилъ не столько царскій подарокъ, поднесенный ему папой Львомъ I на Минчіо (см. вторую картину на прилагаемой табл.), сколько извѣстіе о томъ, что восточно-римскій императоръ Маркіанъ вторгся въ Паннонію, и что еще болѣе опасный Аэцій собираетъ войско для освобожденія Рима. Кромѣ того, его побудили къ этому невыносимая жара, непривычный климатъ, чума, недостатокъ въ продовольствіи и, наконецъ, не малую роль играло также повѣрье, что завоеватель Рима умретъ скоро послѣ взятія его, какъ это случилось нѣкогда съ Аларихомъ (срв. т. IV). Однимъ словомъ, Аттила отправился домой на берега Тиссы. Онъ угрожалъ, что въ будущемъ году накажетъ Византію, но умеръ отъ кровотеченія зимою 453 г. въ ночь своей свадьбы съ Ильдико, которую нѣмецкій эпосъ называетъ Кримгильдой. Тѣло было погребено на неизвѣстномъ мѣстѣ, и рабочіе, хоронившіе его, были убиты, чтобы никто не могъ выдать послѣднее мѣсто успокоенія короля гунновъ. Римъ и Византія лишились страшнаго врага.

D. Паденіе гуннскаго царства.

Послѣ смерти Аттилы не только государство его, но также и его народъ стали гигантскими шагами идти къ гибели. Преемникъ Аттилы Эллакъ (стр. 321) уже въ ранней молодости познакомился съ римской образованностью и римскимъ военнымъ искусствомъ, но онъ не обладалъ въ достаточной степени качествами, необходимыми для управленія варварскимъ кочевымъ народомъ. Остальные сыновья Аттилы, особенно Денгизихъ (Диницикъ) и Ирнахъ (т. II, стр. 144), напали на новаго владыку. Безплодной, братоубійственной войной воспользовались готы и гепиды и возстали. Эллакъ выступилъ навстрѣчу возставшимъ; но его войско было разбито при ручьѣ Нетадѣ въ Панноніи соединенными силами гепидовъ (Ардарихъ), готовъ, ругіевъ и геруловъ. Эллакъ палъ въ этомъ сраженіи. Денгизихъ сталъ теперь вождемъ гунновъ, оттѣсненныхъ на равнину между Дунаемъ и Дономъ. Два раза, въ 456 и 462 г., онъ нападалъ на паннонскихъ готовъ на Савѣ, но оба раза былъ отбитъ королемъ Валемиромъ. Послѣ этого онъ соединился съ готами и проникнулъ въ Дакію и Мизію; три посланныхъ противъ него византійскихъ войска заманили союзниковъ въ узкую долину, гдѣ они были окружены и большею частью убиты. Въ 469 г. Денгизихъ все-таки опять вторгся во Ѳракію; но на этотъ разъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ римскимъ magister militum; голова его была отправлена въ Константинополь. Съ его смертью прекратила свое существованіе, основанная Руей и Аттилой, государственная организація

восточно-европейскихъ кочевыхъ народовъ, соединенныхъ подъ именемъ гунновъ. Ирнахъ вмѣстѣ со своими братьями, Эмнедзуромъ и Ультзиндуромъ, и съ остатками гунновъ ушелъ далеко въ южно-русскія степи.

Болѣе чѣмъ полстолѣтія не было затѣмъ ничего слышно о гуннахъ. Незадолго до 523 г. византійцы упоминаютъ о гуннскомъ племени утургуровъ (утигуровъ) на Азовскомъ морѣ; король этого племени Горда (Гродъ) принялъ христіанство (уже въ 507—8 г. въ страну сабировъ прибылъ миссіонеръ [кавказско-]албанскій епископъ Кардуктъ Арранскій) и былъ убитъ во время возстанія, во главѣ котораго стоялъ его братъ Муагеръ. Въ серединѣ 6 столѣтія Прокопій подъ гуннами подразумѣваетъ два племени кутургуровъ (котригуровъ) и утургуровъ, которыя, будучи похожи другъ на друга по языку, одеждѣ и т. п., съ осени 558 г. взаимно терзали и ослабляли другъ друга (см. стр. 43). Неудивительно поэтому, что вождь котригуровъ Заберганъ уже около 562 г. обязанъ былъ служить въ войскѣ кагана аваровъ. Эти кутургуры, называемые также черными болгарами, отправились съ аварами, которыхъ они въ свою очередь называли гуннами, въ 568 г., большею частью, въ Паннонію, но должны были удалиться отсюда въ 630 г. послѣ неудачнаго возстанія. Каганъ аваровъ, ставшій теперь господиномъ обоихъ гуннскихъ племенъ, потребовалъ въ 568 г. отъ Юстиніана уплаты ежегодной дани, которую Византія платила раньше гуннамъ. Въ 576 г. мы узнаемъ уже, что утригуры вмѣстѣ со своими сосѣдями, аланами, подчинены западнымъ туркамъ: ихъ князь Анагай появляется на Босфорѣ (Пантикапея) въ качествѣ простого турецкаго генерала. Вскорѣ, затѣмъ. имя утургуровъ совершенно исчезаетъ изъ исторіи, чтобы вполнѣ и навсегда уступить мѣсто болгарамъ въ Старой или Великой Болгаріи (на востокъ отъ Азовскаго моря). Съ именемъ же же кутургуровъ (коцагировъ) встрѣчаемся еще въ 598 г.: вмѣстѣ съ тарніахскими и цабендерскими гуннами, спасаясь отъ преслѣдованія турокъ, они въ количествѣ 10,000 человѣкъ нашли защиту у аварскаго кагана.

Въ началѣ 7 столѣтія оставшимися у Азовскаго моря кутургурами правилъ князь Органа. Будучи союзникомъ императора Ираклія (стр. 65), онъ въ 619 г. принялъ христіанство и старался обратить въ новую вѣру свой народъ; но сдѣлать это удалось только албанскому епископу Израилю Мецъ-Колманкха, который въ 682 г. съ большимъ успѣхомъ проповѣдывалъ Евангеліе (на армянскомъ языкѣ) при дворѣ гуннскаго князя Алпъ-Илутхвера въ Вараканѣ (сѣвернѣе Дарбента на Кавказѣ). Послѣ смерти Органа его двоюродный братъ [1] Кувратъ соединилъ свой народъ съ родственными племенами, болгарами на Кубани, и свергнулъ аварское иго. Изъ этихъ соединенныхъ племенъ послѣ смерти Куврата (668) при его сыновьяхъ образовалось пять различныхъ ордъ; но родовому преданію, на которомъ основывается этотъ разсказъ о раздѣленіи, не слѣдуетъ особенно довѣрять, ибо раздѣленіе (по крайней мѣрѣ, частичное) должно было произойти уже во второй половинѣ 6 столѣтія. Одна изъ ордъ, управляемая старшимъ сыномъ Куврата, Бегъ-Баяномъ, соединилась въ 679 г. съ хазарами, съ которыми болгары уже раньше въ качествѣ сосѣдей находились въ сношеніяхъ, и которыми они теперь были побѣждены. Опасное сосѣдство турецкихъ печенѣговъ побудило мадьяръ около 840 г. заключить союзъ съ хазарами, и подъ ихъ верховенствомъ они еще въ теченіе 20 лѣтъ могли отстаивать свою вторую европейскую родину, Лебедію, на востокъ отъ Дона. Когда венгры скоро послѣ 862 г. покинули эту мѣстность (стр. 84 внизу), къ нимъ присоединились кабары (*κάβαροι*; по-

[1] Кобратъ (Кувратъ) около 635 г. сталъ независимымъ отъ аваровъ вождемъ унугундурскихъ болгаръ, отрасли кутургуровъ (котраговъ); † 668

Баянъ (Бегъ-Баянъ), на Азовскомъ морѣ; 679 г. покоренъ хазарами	Котрагъ, на западъ отъ Дона	Исперихъ (Аспарухъ), бѣжалъ въ 679 г., преслѣдуемый хазарами, прогналъ аваровъ съ южнаго берега Дуная	4-ый сынъ, въ Панноніи	5-ый сынъ

турецки — мятежники), которые, отдѣлившись отъ материнскаго ствола хазаровъ, вмѣстѣ съ венграми, или, вѣрнѣе, для венгровъ, искали новой родины. Хазары, смѣшанные съ этими остатками гунновъ, основали царство, управлявшая которымъ династія между 851 и 863 г. приняла христіанство (срв. стр. 78 и 284), но вскорѣ, уступая давно уже дѣйствовавшимъ въ тиши вліяніямъ евреевъ, перешла въ іудейство. Хазарское царство скоро достигло значительнаго могущества; своими разбойничьими набѣгами (послѣдній въ 799 г.) они внушали ужасъ прежде всего южно-кавказскимъ народамъ; въ привезенномъ въ 1870 г. Абрамомъ Фирковичемъ будто бы изъ Египта письмѣ еврейско-хазарскаго кагана Іосифа къ рабби Хисдаи перечисляется (около 950 г.) цѣлый рядъ народовъ, которые платили дань гуннско-болгарскому царству хазаровъ. Но письму этому, по утвержденію І. Маркварта, просто не слѣдуетъ вѣрить. Около 969 г. (по невѣрному счисленію русской лѣтописи—въ 965 г.) хазарское царство, истощенное, въ концѣ-концовъ постоянными походами, стало добычей русскаго князя Святослава. Вторая орда гунно-болгаръ жила нѣкоторое время на западъ отъ Дона. Третья орда гунновъ, смѣшанная съ другими племенами, предводительствуемая Исперихомъ, основала нынѣшнюю Болгарію. Четвертая же орда — если только тутъ нѣтъ смѣшенія съ вышеупомянутымъ переселеніемъ 568 г.—отправилась въ Паннонію. Потомками этой орды многіе считаютъ упоминаемыхъ въ венгерскихъ преданіяхъ тисскихъ болгаръ, а, можетъ быть, также и живущихъ въ Трансильваніи се́клеровъ.

Такимъ образомъ, гуннскій народъ разложился, слился съ другими народностями и исчезъ.

2. Болгары.

А. Родина болгаръ, ихъ переселенія и подраздѣленія.

Пустыня между Ураломъ, Каспійскимъ моремъ и Аральскимъ моремъ была нѣкогда родиной угорской семьи народовъ, къ которой принадлежали и болгары[1]. Неизвѣстно, какъ долго проживали угры въ этихъ мѣстахъ. Мы не знаемъ также, когда они были вытѣснены оттуда сабирами, которые въ свою очередь отступили передъ аварами, вытѣсненными гуннами; въ это, именно, время переселились на сѣверъ къ Тоболу, Иртышу и Оби вогулы и остяки и, по всей вѣроятности, также нѣкоторые мадьярскіе роды. Южная же вѣтвь, по крайней мѣрѣ, въ большей своей части, попала на Волгу и на Кавказъ, въ области, по сосѣдству съ которыми должны были уже находиться ранѣе переселившіеся сюда болгары. Эти сѣверно-кавказскіе болгары находились подъ чрезвычайно сильнымъ вліяніемъ могучаго потока гунновъ. Извѣстно, что, именно, болгары составляли большую часть гуннскихъ войскъ; такимъ образомъ, объясняются извѣстія о томъ, что болгары въ 4 столѣтіи живутъ въ странѣ алановъ, что вскорѣ послѣ 375 г. лангобарды во время своего далекаго переселенія подверглись нападенію этихъ болгаръ. Въ эти десятилѣтія, слѣдовательно, болгары должны были уступить части гунновъ свое древнее имя. Это явленіе затрудняетъ, разумѣется, чрезвычайно знакомство съ отдѣльными племенами монгольской расы, за судьбами которыхъ съ трудомъ можно слѣдить и на основаніи скудныхъ историческихъ источниковъ. Уже гунны, какъ мы видѣли (стр. 318) постепенно смѣшались съ другими членами урало-алтайскаго ствола. Тюрко-татарскій элементъ въ нихъ на

---

[1] Въ настоящее время все болѣе распространяется взглядъ, по которому предки болгаръ были въ ближайшемъ родствѣ съ чувашами. *Ред.*

столько уменьшился, что относительно посѣщавшихъ Европу полчищъ трудно сказать, какой крови въ нихъ было больше, турецкой или финской. Явленіе это, такъ часто приводящее въ отчаяніе добросовѣстнаго историка, послѣ распаденія гуннскаго единства (въ 469 г. по Р. Хр.) повторяется въ болѣе широкомъ масштабѣ: покоренныя нѣкогда гуннами племена, правда, опять освобождаются, но они такъ долго находились подъ ихъ владычествомъ, такъ усердно перенимали ихъ нравы и обычаи, во время грабительскихъ набѣговъ до такой степени чувствовали себя членами великой гуннской орды и проявляли себя, какъ таковые, что у современныхъ хронистовъ встрѣчаются постоянныя ошибки: аваровъ, сабировъ они называютъ просто „гуннами". Столѣтіемъ позднѣе мы замѣчаемъ обратное явленіе: остатки гунновъ поглощаются болгарами (стр. 324), и хотя гуннскій элементъ вполнѣ еще не былъ уничтоженъ, но имя гунновъ все-таки исчезаетъ изъ исторіи.

Въ безпокойную эпоху переселенія народовъ мы, поэтому, за исключеніемъ упомянутыхъ событій, рѣдко слышимъ о дѣлахъ, которыя съ нѣкоторою достовѣрностью могли бы быть приписаны однимъ сѣверокавказскимъ болгарамъ. Въ 482 г. императоръ Зенонъ (стр. 37) призвалъ ихъ на помощь противъ остготовъ: болгары впервые вступили тогда въ непосредственныя сношенія съ Византіей; въ 505 г. Сабиніанъ, иллирійскій magister militum, во главѣ 10,000 вспомогательныхъ болгарскихъ войскъ былъ на Моравѣ разбитъ гепидомъ Мундо и готомъ Пиціей. Изъ разсѣянныхъ частей оставшихся въ этой мѣстности западныхъ форпостовъ болгаръ образовалась, можетъ быть, или отдѣлилась та вѣтвь, которая въ 670 г. подъ предводительствомъ Альцеко нашла себѣ пристанище въ древнемъ Самніумѣ у лангобардскаго герцога Ромуальда Беневентскаго. Во всякомъ случаѣ, какъ разъ въ то время главная масса сѣверо-кавказскихъ болгаръ пользовалась полной независимостью: около 635 г. К у в р а т ъ свергнулъ аварское иго и вмѣстѣ съ другими, вытѣсненными туда, вѣтвями южныхъ угровъ (срв. выше) основалъ могущественное государство. Можетъ быть, среди племенъ, подчиненныхъ этому Унугундурскому царству, дѣйствительно, находились унигуры, жившіе, по нѣкоторымъ даннымъ, въ 7 столѣтіи въ области Дона, или другіе предки мадьяръ (М а с у д и называетъ еще мадьяръ 925 г. именемъ бургаръ). Если это такъ, то можно легко объяснить наличность турецкихъ элементовъ болгарско-чувашскаго характера въ языкѣ мадьяръ, не приписывая вмѣстѣ съ Герм. Вамбери чисто (алтайско) турецкаго происхожденія мадьярамъ (срв. объ этомъ ниже въ 4 главѣ.)

Но уже въ 679 г. (западно-тюркскіе) х а з а р ы, древнѣйшими завоеваніями и мѣстами поселеній которыхъ были восточно-кавказскія равнины на Терекѣ и Сулакѣ, съ ордами Балангаромъ и Самандаромъ, разрушили могущество унугундурскихъ болгаръ, такъ что отъ нихъ уцѣлѣли еще на нѣкоторое время только маленькіе остатки. Впрочемъ, болгары частью сравнительно скоро оправились и снова заставили говорить о себѣ. Одна часть ихъ совсѣмъ слилась съ хазарами; Исперихъ, третій сынъ Куврата, основалъ по нижнему теченію Дуная новое государство, судьбами котораго мы займемся ниже подробнѣе, четвертый и пятый сыновья вмѣстѣ со своими людьми переселились къ аварамъ; К о т р а г ъ же, второй сынъ Куврата, поселился на правомъ берегу Дона (котраги=кутургуры=коцагиры=ульцягиры или алцягиры) и проникъ отсюда по теченію средней Волги въ область Камы (здѣсь поселились изгилы—второе изъ трехъ [или четырехъ] племенъ этихъ волжскихъ болгаръ). Здѣсь между двумя этилями (рѣками: срв. стр. 84) онъ основалъ В е л и к у ю Б о л г а р і ю. И это наименованіе также порождаетъ затрудненія. Дѣло въ томъ, что побережье Азовскаго моря, населенное тѣми гунно-болгарскими утургурами (стр. 324), которые въ 568 г. сдѣлались жертвой аваровъ (уйгуровъ), а въ 576 г. вмѣстѣ съ

аланами—жертвой западныхъ тюрковъ, также называлось иногда Старой или Великой Болгаріей, пока оно не было занято унигурами (мадьярами; въ первой половинѣ 9 столѣтія). И съ этой Старой Болгаріей на Кубани никоимъ образомъ не должна быть опять-таки смѣшиваема Старая Болгарія въ Европѣ, которая называется такъ съ полнымъ правомъ послѣ исчезновенія всѣхъ остальныхъ болгарскихъ государствъ, въ отличіе отъ современной Болгаріи (въ отношеніи языка и т. д.). Этой Старой Болгаріей мы еще займемся позднѣе. Великая Болгарія, основанная на Волгѣ и Камѣ толпами Котрага въ ихъ замѣчательномъ обратномъ движеніи, имѣла не такое короткое существованіе, какъ упомянутое царство утургуровъ: она процвѣтало съ 9 по 13 столѣтіе. Вмѣстѣ съ Аль-Балхи (Истахри) слѣдовало бы для большей ясности назвать это государство Внѣшней Болгаріей, противопоставивъ его Внутренней Болгаріи (Бурганъ), основанной въ 679 г. Испарихомъ на нижнемъ теченіи Дона; но этими названіями лучше не пользоваться, такъ какъ они мало употребительны. На Волгѣ и Камѣ болгары занимались скотоводствомъ и немного земледѣліемъ. Скоро они вступили въ оживленныя сношенія съ арабами: уже въ 922 г. болгары, какъ это вполнѣ доказано, приняли исламъ. Эти волжскіе болгары, именно, благодаря своимъ сношеніямъ съ арабами, оказывали продолжительное вліяніе на сосѣдніе угорскіе народы (на мадьяръ и др.). Это доказывается памятниками, впрочемъ, немногочисленными, языкъ которыхъ похожъ на языкъ нынѣшнихъ чувашей; такъ, напр., надписями на надгробныхъ памятникахъ, найденныхъ въ развалинахъ города Булгара (Болгара) на Камѣ; затѣмъ—отрывкомъ списка[1] языческихъ князей придунайскихъ болгаръ (до 765 г.); въ этомъ спискѣ возрастъ князей обозначенъ древне-болгарскими числительными, которыя могутъ быть сравнены съ чувашскими числительными. Развитію Великой Болгаріи нѣкоторое время мѣшали приходившіе съ Балтійскаго моря викинги (**руссы**); въ 969 г. они раззорили Булгаръ, большая часть жителей котораго подъ предводительствомъ князей Билы, Бокшу и Хетенда, отправилась въ Венгрію. Тамъ они, называемые въ хроникахъ подъ именемъ измаелитовъ, занимались при Арпадахъ винодѣліемъ. Несмотря на частые набѣги руссовъ, Великая Болгарія еще долго сохраняла свою независимость: намъ извѣстны арабскія монеты 976/77 г., чеканенныя въ Булгарѣ и въ Суварѣ (Шиваръ) отъ имени болгарскаго князя Му'мина-бенъ-Ахмада. На ряду съ земледѣліемъ волжскіе болгары, благодаря иранской иммиграціи, занимались также ремеслами и торговлей. Торговля процвѣтала въ городахъ Суварѣ, Булгарѣ и Биларѣ, торговыя сношенія велись даже съ Персіей. Въ 13 столѣтіи Великая Болгарія потеряла свою независимость: татары завоевали страну, которая еще позднѣе перешла въ руки московскихъ царей.

B. Старая Болгарія въ Европѣ.

а) Колонизація Добруджи и Мизіи.

Между тѣмъ, болгары, отправившіеся въ 679 г. подъ предводительствомъ сына Кубрата, Исперiха (Аспарухъ; стр. 66 и 324), на лѣвый берегъ нижняго Дуная, все болѣе и болѣе расширяли мѣста, занимаемыя ими въ углу между Днѣстромъ, Дунаемъ и Понтомъ. Отсюда они дѣлали набѣги въ Мизію и даже во Ѳракію. Чтобы наказать ихъ, византійскій императоръ Константинъ IV Погонатъ предпринялъ въ 679 г. походъ, который, однако, окончился совсѣмъ не такъ, какъ онъ ожидалъ: болгары побѣдили

[1] Въ этомъ спискѣ дунайско-болгарскихъ князей увѣковѣчены, между прочимъ, подъ именами Безмера и Гостуна Маджакъ (*Μεζάμηρος*)—павшій тогда въ борьбѣ съ аварами, князь славянскихъ антовъ, жившихъ около 560 г. сѣвернѣе кутургуровъ, между Днѣстромъ и Днѣпромъ, на подольскомъ Бугѣ, и его братъ *Κελαγάστης*.

и еще въ томъ же году перебрались на правый берегъ Дуная; Исперихъ занялъ пространство отъ равнины Мизіи до береговъ Чернаго моря (имя Добруджа происходитъ отъ имени болгарско-куманскаго деспота Добротича, который до 1386 г. управлялъ Варной, Каліакрой и др. городами на Понтѣ: см. ниже, стр. 344). Жившіе тамъ славяне тѣмъ охотнѣе подчинились своей судьбѣ, что они освобождались, такимъ образомъ, отъ ненавистнаго византійскаго владычества. Эта европейская Старая Болгарія такъ быстро расширилась, что уже въ началѣ 9 столѣтія она охватывала многочисленныя славянскія племена Балканскаго полуострова. Подъ новой, не слишкомъ жестокой, властью племена эти соединились въ одинъ народъ и, принявъ имя завоевателей, стали называться болгарами. Завоеватели же, незначительные по числу, въ свою очередь черезъ два, три столѣтія были поглощены славянскими подданными, находившимися уже на высшей ступени цивилизаціи, и слились съ ними также и по крови.

Это старо-болгарское государство, центръ котораго лежалъ въ бассейнѣ Камчіи и въ равнинахъ нынѣшней Добруджи, имѣло аристократическое устройство. Государь, называвшійся ханомъ, обладалъ верховной властью; при немъ былъ совѣтъ изъ шести вельможъ (боляре, бояре). Крѣпостничество существовало съ незапамятныхъ временъ, и поэтому боярскій судъ отличался варварскимъ произволомъ. Возставшіе дворяне не только теряли свое имущество, но и вся семья ихъ уничтожалась. Болгаре жили въ многоженствѣ; если мужъ умиралъ, то вмѣстѣ съ тѣломъ его сожигались его жены, или же ихъ зарывали вмѣстѣ съ нимъ въ могилу. Человѣческія жертвоприношенія совершались еще въ 13 столѣтіи при „благочестивомъ“ Іоанницѣ, но въ жертву приносились только враги—латиняне и греки. О фактѣ человѣческаго жертвоприношенія у дикихъ кумановъ имѣется даже извѣстіе, относящееся къ 1241 г.

b) Послѣдній періодъ существованія угро-языческой народности (до первой трети 9 столѣтія).

Едва поселился Исперихъ со своимъ народомъ въ области нижняго Дуная, какъ византійцы, чтобы спасти Ѳракію, должны были въ 679 г. подписать договоръ, которымъ они обязывались къ уплатѣ дани. Когда императоръ Юстиніанъ II Ринотметъ, послѣдній отпрыскъ дома Ираклія, отказался отъ взноса, тогда Исперихъ разбилъ грековъ и наложилъ на нихъ еще бóльшую дань. При его преемникѣ Тервелѣ (около 700—720 г.) болгары изъ (Велико) Преслава (Мегали Перистлава, южнѣе Шумена или Шумлы; нынѣ Эски-Стамбулъ) стали главной опорой изгнаннаго въ 695 г. византійскаго императора. Съ помощью Тервела Юстиніанъ, женившійся, между тѣмъ, на хазарской принцессѣ Ѳеодорѣ, въ 705 г. вновь утвердился въ Константинополѣ. Онъ осыпалъ всякими почестями своего союзника и даровалъ ему титулъ кесаря, но вскорѣ неблагодарно порвалъ этотъ союзъ и напалъ на болгарскаго хана. Однако, онъ самъ былъ въ 705 г. разбитъ ханомъ при Анхіалѣ (по-старо-болгарски—Тутхонъ). Тервелъ принудилъ его къ уплатѣ ежегодной дани и къ уступкѣ ѳракійской мѣстности Загоры, лежавшей на югъ отъ Балканъ. По имени этой области трновскіе болгары часто и назывались у сербовъ, византійцевъ и итальянцевъ загорцами. Когда въ 717 г. арабы осадили Константинополь, болгары поспѣшили на помощь осажденнымъ и освободили городъ (стр. 67).

При слѣдующихъ двухъ государяхъ болгары жили попеременно то въ войнѣ, то въ мирѣ съ византійцами. Но когда восточно-римскій престолъ занялъ иконоборецъ Константинъ V (741—775), онъ снарядилъ походъ противъ болгаръ, могущество которыхъ все болѣе и болѣе усиливалось. Но онъ потерпѣлъ пораженіе въ 759 г. при Анхіалѣ и Варнѣ, въ ущельяхъ Берегавы. Къ счастью для Византіи, среди болгаръ сейчасъ

же послѣ смерти ихъ князя Кормисоша изъ дома Укила, низвергшаго въ 753 г. династію Дуло, начались безпорядки. Передъ тѣмъ (въ 762 г.) силы болгаръ значительно уменьшились еще, благодаря переселенію 200,000 словянъ въ Виѳинію. Болгары провозгласили княземъ юношу изъ дома Угаина, Телека (Телечъ; 760—763): но тотъ, разбитый греками при Анхіалѣ, погибъ подъ ударами собственныхъ возставшихъ воиновъ. Его преемникъ Сабинъ (судя по имени, романскій валахъ) былъ скоро низложенъ и долженъ былъ бѣжать въ Константинополь. При князьяхъ Баянѣ, Умарѣ и Токту внутреннія смуты и внѣшнія затрудненія достигли высшей степени. Византійскія войска заняли часть Болгаріи, другую часть опустошали сосѣдніе славяне. Положеніе вещей измѣнилось, когда (скоро послѣ 763 г.) княземъ сдѣлался Церигъ (Телеригъ; стр. 72). Болѣе посредствомъ хитрости, чѣмъ силою оружія—освободилъ онъ страну отъ византійцевъ, но, прогнанный возставшимъ дворянствомъ, онъ долженъ былъ въ 777(5) бѣжать въ Константинополь, гдѣ его крестили и обвѣнчали съ византійской принцессой. Его преемникъ Кардамъ четыре раза разбилъ грековъ и заставилъ ихъ платить ежегодную дань.

Въ правленіе хана К р у м а (съ 802 до 13 апрѣля 814 или 815), завоевавшаго въ 809 г. Сердику (Тріадица, Софія), явился императоръ Никифоръ, чтобы окончательно завоевать и присоединить къ Византіи Болгарію. Резиденція Крума была сравнена съ землей, мирныя предложенія были отклонены. Но ханъ загородилъ засѣками всѣ горныя ущелья, и при возвращеніи въ ночь съ 25 на 26 іюля 811 г. уничтожилъ все греческое войско вмѣстѣ съ императоромъ. Въ іюлѣ 813 г. Крумъ выступилъ противъ Михаила I Рангабэ, дошелъ до Адріанополя, взялъ этотъ городъ и увелъ на лѣвый берегъ Дуная 10,000 мужчинъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Его преемники, Цокъ (или Дукумъ) и Диценгъ, держались въ предѣлахъ своего государства (стр. 74), а въ 817 г. болгарскій князь О м а р т а г ъ (Мортагонъ) заключилъ съ императоромъ Львомъ V перемиріе на 30 лѣтъ, ибо онъ хотѣлъ начать теперь борьбу съ франками, которые, послѣ изгнанія аваровъ изъ Панноніи, угрожали болгарскому государству. Въ 818, 822 и 824 гг. преденеценты, или восточные абодриты, изъ стараго сербскаго города Браничево (на обоихъ берегахъ Млавы при ея впаденіи въ Дунай), которые при возстаніи паннонскаго славянина Людевита (819—828) свергли болгарское иго, а также тимочане на Тимокѣ—просили Людовика Благочестиваго принять ихъ въ франкскій государственный союзъ. Омартагъ тщетно протестовалъ противъ этого въ 824 г. Въ 827—828 г. онъ успѣшно боролся съ Людовикомъ Благочестивымъ и утвердилъ свое господство надъ паннонскими славянами. Но болгарское владычество продолжалось здѣсь недолго; только окрестности устьевъ Савы и Дравы оставались подъ ихъ властью до прихода мадьяръ: еще въ 885 г. въ Бѣлградѣ имѣлъ свою резиденцію болгарскій чиновникъ. Въ 813 г. на другомъ берегу Дуная были насильственно поселены „македонцы“ изъ Адріанополя и его окрестностей. Около 835 г. они попытались бѣжать въ Романію, воспользовавшись отсутствіемъ части болгаръ, отправившихся подъ предсѣдательствомъ будущаго хана Бо(го)риса Михаила въ походъ противъ Ѳессалоникъ. Имъ удалось нанести такой ударъ хану М а л а м и р у (Балдимиру, Владимиру), внуку Крума, при первомъ извѣстіи о случившемся перешедшему черезъ Дунай, что онъ вынужденъ былъ призвать на помощь мадьяръ, жившихъ недалеко отъ устьевъ Дуная. И все-таки ромейцы благополучно вернулись на родину на корабляхъ, посланныхъ имъ навстрѣчу императоромъ Ѳеофиломъ.

c) Обращеніе ославянившихся болгаръ въ христіанство (840—927).

При ханѣ Пресьямѣ въ болгарскомъ царствѣ начало распространяться христіанство. Преемникъ Пресьяма, Б о р и с ъ (Богорисъ; съ 844

45 или только съ 852), въ первую половину своего царствованія былъ очень занятъ войнами съ греками, сербами, хорватами и франками. Его завоевательные походы кончались большею частью неудачно. Противъ франковъ онъ сражался въ 853 г. въ качествѣ союзника паннонскихъ славянъ, склоненный къ тому Карломъ Лысымъ; но Людовикъ Нѣмецкій нанесъ ему тяжелое пораженіе. Тогда онъ сталъ на сторону восточно-франкскаго короля, противъ котораго возсталъ (862) его сынъ Карломанъ, пользовавшійся помощью Растислава. Карломанъ былъ разбитъ; Людовикъ и Борисъ подписали въ 864 г. въ Тульнѣ на Дунаѣ союзный договоръ, который былъ возобновленъ въ 892 г. императоръ Арнульфомъ и сохранялъ свою силу до конца столѣтія. Въ томъ же или слѣдующемъ (865) году ромейцы уступили болгарамъ Загорію (между важной пограничной крѣпостью Девельтомъ или Валандаромъ и Желѣзными Воротами).

Въ умственной жизни всѣхъ славянъ подготовлялся въ это время, благодаря дѣятельности братьевъ Константина и Меѳодія, крупный переворотъ (срв. стр. 78 и 232). Благодаря имъ, христіанство распространялось такъ быстро въ Нижней Панноніи (если не при Привинѣ уже въ 848—861 г., то во всякомъ случаѣ при Коцелѣ въ 861—874 г.) и въ Моравіи, что болгарскій князь Борисъ, окруженный со всѣхъ сторонъ могущественными сосѣдями—христіанами, былъ убѣжденъ въ необходимости принять ихъ вѣроученіе для сохраненія и укрѣпленія своего государства. Такимъ образомъ, Борисъ принялъ христіанство по политическимъ побужденіямъ (срв. стр. 79). Сначала (864) онъ черезъ посредство короля Людовика велъ переговоры съ папой Николаемъ I, но потомъ предпочелъ отправиться въ Византію; здѣсь онъ въ честь своего крестнаго отца Михаила III принялъ въ крещеніи имя Михаила. Онъ построилъ у себя семь церквей и неутомимо, посредствомъ угрозъ и обѣщаній, съ 864 по 867 г. склонялъ своихъ подданныхъ (также и славянъ на юго-западѣ) къ принятію новой вѣры. Онъ безпощадно подавилъ возстаніе дворянъ, оставшихся вѣрными язычеству, предавалъ жестокой казни женъ и дѣтей ихъ и уничтожалъ цѣлые дворянскіе роды.

Послѣ тридцатишестилѣтняго царствованія Борисъ отказался въ 888 г. отъ короны въ пользу своего старшаго сына Владиміра и удалился въ монастырь. Младшій сынъ Бориса, Симеонъ, усердно изучалъ науки въ Константинополѣ, чѣмъ заслужилъ прозвище „полугрека“, ханъ же Владимиръ велъ въ это время распутную жизнь и поставилъ въ серьезную опасность начатое его отцомъ дѣло. Борисъ былъ вынужденъ черезъ четыре года покинуть на короткое время монастырь, чтобы удалить съ престола Владиміра и посадить на его мѣсто Симеона. Михаилъ-Борисъ умеръ 2 мая 907 г.; какъ креститель своего народа, онъ былъ причисленъ къ лику святыхъ и является первымъ національнымъ святымъ болгаръ.

Въ царствованіе Симеона (893—927) болгарское государство достигло наибольшихъ размѣровъ: оно простиралось отъ береговъ Дуная до Родопскихъ горъ и Пинда (на югъ отъ Месемвріи по направленію къ Андріанополю); кромѣ придунайской Болгаріи, въ его составъ входили Македонія, Ѳессалія, Эпиръ, нынѣшняя Албанія (берегъ Корфу до Дрима, за исключеніемъ нѣсколькихъ византійскихъ гаваней), Сербія же платила дань. Предпринявъ нѣсколько удачныхъ походовъ, Симеонъ привелъ Восточную Римскую имперію на край гибели. Первый поводъ къ нарушенію мира дали сами византійцы, наложивъ на болгарскія произведенія большую пошлину. Когда Симеону не удалось мирнымъ путемъ освободить болгарскую торговлю, онъ объявилъ войну; разбивъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ византійскую гвардію, онъ отрѣзалъ носы плѣннымъ хазарскимъ паемникамъ и въ такомъ видѣ отправилъ ихъ домой. Тогда императоръ Левъ VI призвалъ на помощь язычниковъ, мадьяръ, которые занимали въ это время (894) Молдавію и Валахію. Симеонъ долженъ былъ въ концѣ января

895 г. отступить передъ генераломъ Никифоромъ Фокой, поспѣшно вызваннымъ обратно изъ Малой Азіи. Мадьяры же и хазарскіе кабары (стр. 324), переправленные черезъ Дунай на императорскихъ корабляхъ, подъ предводительствомъ Ліунтиса, сына Арпада, опустошили Болгарію до самой резиденціи (Велико-) Преслава. Симеонъ, дважды побѣжденный ими, укрылся въ крѣпости Дрстерѣ (Силистріи) и черезъ Патрикія Евстафія, друнгарія excubitor'овъ, сталъ просить о перемиріи. Императоръ Левъ согласился и отозвалъ свои войска. Симеонъ тотчасъ же уничтожилъ по сю сторону Дуная мадьяръ, покинутыхъ византійцами (май 895); враговъ же, остававшихся еще по ту сторону Дуная, прогнали союзники Симеона, печенѣги (стр. 85 вверху). Тогда онъ добился отъ Византіи выгоднаго мира, на основѣ безусловной выдачи плѣнныхъ, также и тѣхъ, которые были взяты въ плѣнъ мадьярами и были откуплены у нихъ. Но, вслѣдствіе неудовлетворительнаго исполненія этого пункта договора, Симеону скоро представился поводъ къ новому недовольству Восточной Римской имперіей; однимъ словомъ, онъ нарушилъ миръ и разбилъ византійскія войска, предводительствуемыя начальникомъ гвардіи Львомъ Катакаломъ, при Булгарофигѣ близъ Адріанополя. Императоръ Левъ былъ такъ напуганъ потерею своего полководца, что вооружилъ даже находившихся въ Константинополѣ плѣнныхъ магометанъ (896). Заключенный теперь между болгарами и греками миръ продолжался до смерти византійскаго императора (911).

Симеонъ, принявшій въ 917 г. титулъ болгарскаго царя, воспользовался годами мира для развитія литературы. Воспитанный въ Константинополѣ, онъ сдѣлался на родинѣ усерднымъ христіанскимъ ученымъ и очень заботился о распространеніи среди своего народа новаго просвѣщенія. Послѣ смерти Меѳодія (885), ученики его бѣжали изъ Моравіи и нашли удобный пріютъ какъ въ другихъ южно-славянскихъ земляхъ, такъ и въ Болгаріи (стр. 234). Правленіе царя Симеона было золотымъ вѣкомъ для древне-славянской болгарской литературы; впрочемъ, литература была только церковная. Епископъ Константинъ, попъ Григорій, Іоаннъ Экзархъ, Храбръ Черноризецъ (стр. 286) и другіе писатели подняли при пышномъ дворѣ Симеона церковную литературу на такую высоту, что она не только могла соперничать съ латинской и греческой, но была даже перенесена изъ Болгаріи къ сербамъ и къ русскимъ. По приказанію царя, писались богословскія сочиненія и дѣлались переводы съ греческаго. Живя въ кругу образованныхъ людей, онъ находилъ еще время и самъ заниматься литературой; ему приписывается переводъ большого сборника проповѣдей Іоанна Златоуста, который названъ „Златоструемъ". Не удивительно, что современники сравнивали его съ египетскимъ царемъ Птолемеемъ.

Въ 912 г. мирная дѣятельность Симеона была прервана. Императоръ Левъ скончался, и его преемникъ Александръ (стр. 85) легкомысленно оскорбилъ пословъ царя Симеона, предлагавшихъ ему возобновить мирный договоръ. Симеонъ предпринялъ походъ, чтобы отомстить за нанесенное оскорбленіе, но Александръ не дожилъ до этого; бороться съ Сименомъ пришлось его преемнику Константину VII Багрянородному: несмотря на помощь мадьяръ, сербовъ и арабовъ, битва при Месемвріи 20 августа 917 г. окончилась пораженіемъ византійцевъ. За исключеніемъ Константинополя и нѣсколькихъ береговыхъ полосъ, почти весь полуостровъ очутился въ рукахъ болгаръ. Почти въ то же самое время подъ власть Симеона попали сербы. Симеонъ съ помощью южно-сербскаго захлумца, Михаила Вышевича (912—926), приказалъ убить въ тюрьмѣ сербскаго великаго жупана Петра, относившагося дружественно къ Византіи, и на его мѣсто посадилъ Павла, одного изъ родственниковъ убитаго (917). Въ 919 г. византійскій императоръ, отличавшійся болѣе учеными трудами, чѣмъ политическими талантами, противъ желанія Симеона сдѣлалъ своимъ со-

правителемъ полководца Романа Лакапина (стр. 86). Симеонъ появился въ 923 г. передъ стѣнами столицы—о нападеніи съ моря онъ условился съ фатимидомъ Фадлуномъ Каируанскимъ—и занялъ Адріанополь; только опасеніе нападенія печенѣговъ и мадьяръ на сѣверѣ заставило его уступить личной просьбѣ Романа и заключить миръ 9 сентября 924 г. (по Максу Бюдингеру—только 9 ноября 926 г.). Въ то время, какъ Симеонъ былъ занятъ Византіей, назначенный имъ сербскій жупанъ Павелъ пытался стать независимымъ. Симеонъ послалъ въ Сербію войско, смѣстилъ Павла и въ 923 г. назначилъ жупаномъ нѣкоего Захарію; но тотъ тоже вошелъ въ сношенія съ Византіей и изъ-за этого долженъ былъ бѣжать отъ Симеона въ Хорватію. Своего плана подчинить себѣ также и Хорватію Симеонъ не могъ осуществить, такъ какъ его полководецъ Альпъ-багатуръ (Алобототуръ), былъ побѣжденъ въ 927 г. Умеръ Симеонъ 27 мая 927 г. Онъ былъ величайшимъ царемъ болгаръ,—былъ въ одно и то же время полководцемъ, ученымъ и передовымъ борцомъ за европеизацію Болгаріи.

d) Упадокъ и гибель Старой Болгаріи при Петрѣ и Борисѣ II; богумилы.

Все зданіе Симеона рухнуло при его сынѣ Петрѣ (927—969). Въ его царствованіе внутренніе и внѣшніе враги ускорили гибель юнаго старо-болгарскаго государства. Симеонъ оставилъ послѣ себя четырехъ сыновей [1]: сына отъ перваго брака, Михаила, онъ заточилъ въ монастырь, чтобы обезпечить престолъ Петру; у послѣдняго было еще два брата, Іоаннъ и Боянъ. Боянъ слылъ въ народѣ волшебникомъ. Византійцы, мадьяры, сербы и хорваты ждали только случая, чтобы смирить юнаго царя. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, Петръ 8 сентября 927 г. сочетался бракомъ съ Маріей, внучкою императора Романа (стр. 50), чтобы упрочить такимъ образомъ миръ съ греками. Но этотъ шагъ сталъ роковымъ для Болгаріи. Вмѣстѣ съ пріѣздомъ византійской царицы началось восточно-римское вліяніе на болгарскую политику, принесшее столько вреда въ послѣдующія столѣтія. И въ церкви, и въ государствѣ сказывалось теперь греческое вліяніе. Старѣйшій слой болгарскаго народа, соратники царя Симеона, недовольные новыми порядками, примкнули къ младшему брату Петра, Іоанну. Но возстаніе было скоро подавлено съ помощью византійскихъ войскъ; Іоаннъ былъ увезенъ въ Костантинополь, богато одаренъ тамъ императоромъ Романомъ и обвѣнчанъ съ одной армянской дворянкой. Вскорѣ возсталъ и старшій сынъ Симеона, монахъ Михаилъ, ставшій во главѣ недовольныхъ; но онъ умеръ прежде, чѣмъ ему удалось прогнать изъ Болгаріи византійскихъ придворныхъ. Тлѣвшее недовольство на хозяйничанье византійцевъ при царскомъ дворѣ вспыхнуло опять въ 963 г.: бояринъ Шишманъ возсталъ противъ слабаго правительства и, послѣ непродолжительной борьбы, завладѣлъ западными провинціями, Македоніей и Албаніей (срв. ниже, стр. 333), И сербы также отдѣлились отъ Болгаріи; мадьяры и тюркскій кочевой народъ, печенѣги (срв. стр. 331 и статью Конст. Иречека въ 89 т. Четовъ чешскаго королевскаго Ученаго Общества) дѣлали частые набѣги на Болгарію. Петръ же велъ въ это время созерцательную жизнь въ кругу своихъ греческихъ родственниковъ и придворныхъ.

Также и умственная жизнь болгаръ въ правленіе этого добродушнаго

---

[1] Симеонъ († 927)

Михаилъ. † 929	Петръ († 969), съ 927 г. былъ женатъ на Маріи, внучкѣ византійскаго императора Романа I Лакапина	Іоаннъ, жена его армянка	Боянъ
	Борисъ II (—971); Романъ		

Исторія человѣчества. V.
Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Сраженіе между русскими и болгарскими всадниками въ X вѣкѣ; болгары бѣгутъ.

Изъ славянской рукописи въ Ватиканской Библіотекѣ.

(По соч. Г. Шлумбергера, „Un empereur bysantin au dixième siècle“.)

и образованнаго царя испытала тяжелыя потрясенія. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ введенія въ Болгаріи христіанства въ народѣ возникла своеобразная оппозиція противъ государственно-церковной образованности, впавшей въ ученость и въ переоцѣнку формъ византійской литературы. Оппозицію эту, покоющуюся на древнихъ религіозныхъ преданіяхъ, чрезвычайно привлекала одна вновь возникшая секта. Многочисленные пережитки угро-языческой миѳологіи и космогоніи, въ слабой степени сохранившіеся и понынѣ, были той основой, на которой могла развиться въ Болгаріи секта богумиловъ[1]. Дуалистическое ученіе этой секты уже заранѣе было симпатично душѣ болгарскаго народа. Ученіе богумиловъ возникло на Балканскомъ полуостровѣ, благодаря переселенію туда армянскихъ павликіанъ (стр. 69): въ 746 г. Константинъ V Копронимъ переселилъ большое количество ихъ изъ Сиріи во Ѳракію для охраны границы: преслѣдованія со стороны Василія около 870 г. могли только увеличить ихъ ряды. Въ первую половину царствованія Петра въ Болгаріи выступилъ въ качествѣ преобразователя павликіанскаго ученія попъ Богумилъ, называемый также Іереміей. Его вѣра была только дальнѣйшею ступенью развитія религіозныхъ ученій, представляющихъ изъ себя смѣсь сирійскихъ, персидскихъ и греческихъ воззрѣній съ элементами христіанства и дальнѣйшей стадіей приближенія этихъ ученій къ христіанству. Но остатки древне-языческой космогоніи угровъ не были при этомъ вытѣснены. По преданіямъ угровъ, Богъ создалъ міръ съ помощью сатаны и благодаря этой двойственности—произошло добро и зло. По ученію Богумила, доброе божество было совершеннымъ тріединымъ существомъ, создавшимъ совершенный невидимый міръ, населенный неземными существами; злое же божество (сатана, или чортъ) создало видимый, тѣлесный міръ, вселенную, со всѣми одушевленными и неодушевленными предметами. Противоположность, возникающая изъ противорѣчія между тѣломъ и духомъ, по нравственному ученію богумиловъ, соединяется въ душѣ человѣка: „Она есть падшій съ неба и заключенный въ темницу тѣла ангелъ, который послѣ смерти послѣдняго вернется туда, откуда пришелъ". На ряду съ Библіей у богумилова были и многія другія книги, которыя вмѣстѣ съ ихъ проповѣдью распространялись по всей Европѣ. Самъ Богумилъ составилъ сборникъ апокрифовъ, причислявшійся его приверженцами къ „священнымъ книгамъ". Его мрачное вѣроученіе, проклинавшее всѣ чувственныя вещи, владѣло душами народной массы, дворянство же все тѣснѣе и тѣснѣе примыкало къ восточной церкви.

Царю Петру это умственное движеніе принесло много несчастья. Въ 963 г. на византійскій престолъ вступилъ императоръ Никифоръ II Фока (стр. 87), по тайнымъ проискамъ котораго русскій князь Святославъ въ августѣ 968 г. вторгся въ Болгарію и съ помощью византійцевъ опустошалъ страну (см. прилагаемую табл.: „Сраженіе между русскими и болгарскими всадниками въ X вѣкѣ"). Дворянство примкнуло къ грекамъ, народъ же, усыпленный ученіемъ богумиловъ, пребывалъ въ спокойной безучастности. Но Никифоръ, сознавши, что въ лицѣ русскихъ онъ привлекъ въ свое ближайшее сосѣдство опасныхъ враговъ, добился заключенія мира, который былъ закрѣпленъ двойнымъ бракомъ двухъ болгарскихъ княжескихъ сыновей съ двумя византійскими принцессами; кромѣ того, Петръ послалъ двухъ своихъ сыновей, Бориса и Романа, въ Константинополь. Самъ онъ только короткое время наслаждался этимъ сомнительнымъ миромъ: онъ умеръ 30 января 969 г., оставивъ колеблющійся престолъ своему сыну Борису II. Привлеченный богатствомъ придунайскихъ земель, Святославъ

[1] Относительно угорскихъ элементовъ въ богумильствѣ нельзя говорить такъ рѣшительно, скорѣе указаны иранскіе элементы вѣры въ борьбу добраго и злого. См., напр. Акад. А. Н. Веселовскаго: „Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха".

лѣтомъ 969 г. вторично вторгся въ Болгарію, взялъ въ плѣнъ царя и утвердился въ странѣ; это было смертельнымъ ударомъ для старой Болгаріи, просуществовавшей триста лѣтъ. Новый византійскій императоръ Іоаннъ Цимисхій (стр. 87) освободилъ, правда, въ 971 г. Болгарію отъ русскихъ, но зато онъ присоединилъ ее къ Византійской имперіи. Борисъ долженъ былъ отказаться отъ престола, его младшій братъ, Романъ, былъ оскопленъ.

e) Западно-болгарскіе Шишманичи (963—1014).

Только Западная Болгарія сохраняла свое существованіе, управляемая Шишманомъ I, который отдѣлился и сталъ независимымъ государемъ въ 963 г. при царѣ Петрѣ. Онъ оставилъ послѣ себя четырехъ сыновей, изъ которыхъ его преемникъ, царь Давидъ, палъ въ сраженіи съ кочевыми валахами, Моисей же былъ убитъ при нападеніи на Сересъ; третій сынъ Ааронъ былъ казненъ (срв. стр. 50) по приказанію своего младшаго брата Самуила. Самуилъ вступилъ теперь на западно-болгарскій царскій престолъ и занималъ его среди величайшихъ смутъ почти въ теченіе четырехъ десятилѣтій (976—1014). Его внутренняя политика преслѣдовала единственную цѣль: не возстанавливать противъ себя ни господствующую въ странѣ православную церковь, къ которой принадлежало дворянство, ни римскую церковь, приславшую ему, точно такъ же, какъ въ свое время Симеону и Петру, царскую корону,—ни распространенную по всей странѣ секту богумиловъ.

Когда послѣ смерти императора Цимисхія (976) на византійскій престолъ вступили двое юношей изъ дома Василія I, армяно-македонца, братья Василій II и Константинъ VIII, во всѣхъ углахъ обширной имперіи вспыхнули возстанія. Это побудило царя Самуила освободить только что покоренныхъ въ Мизіи болгаръ и возстановить царство Симеона въ его прежнихъ границахъ. Но Василій II, жестокій властелинъ, несмотря на свой монашескій образъ жизни, сейчасъ же по вступленіи на престолъ поставилъ своей цѣлью добиться полнаго покоренія болгаръ. Самуилъ вторгся во Ѳракію и двинулся на Ѳессалію и Элладу, опустошая по дорогѣ страну. Между Ихтиманомъ и Самоковомъ произошла въ 981 г. битва при Стопоніонѣ (Штипонье); Василій самъ едва успѣлъ бѣжать въ Филиппополь. Въ теченіе 15 лѣтъ продолжался миръ, надолго прерванный тщетной осадой Софіи въ 987 г. Самуилъ завоевалъ, между тѣмъ, адріатическое побережье и сдѣлалъ своимъ вассаломъ сербскаго князя Іоанна Владиміра. Въ 996 г. вспыхнула вторая война противъ Василія II; но на этотъ разъ болгарское войско было уничтожено на берегахъ Сперхея. Въ послѣдующіе годы византійцы почти безъ удара меча заняли болгарскія области; только крѣпость Перникъ (Перинградъ на Струмѣ) держалась съ такимъ же успѣхомъ, какъ и позднѣе въ 1016 г. При началѣ послѣдней войны Самуилъ владѣлъ только западной Македоніей, Албаніей и окрестностями Софіи. Его войско было уничтожено 29 іюля 1014 г. при горѣ Бѣлащицѣ (Валатистѣ; по Вильг. Гецу, на верхней Струмѣ, между Дупницей и Самоковымъ, въ западной Болгаріи), къ югу отъ ущелій Кл(е)идіона и Кимбалонгона (Кимполунгъ въ Руменіи). Царь едва успѣлъ бѣжать въ Прилѣпъ. Василій II приказалъ ослѣпить всѣхъ плѣнныхъ болгаръ, далъ каждой сотнѣ въ вожатые одного одноглазаго и такъ отправилъ ихъ домой. Этого тяжелаго удара Самуилъ не могъ пережить: онъ умеръ скоропостижно 15 сентября 1014 г.

f) Византійское владычество (1018—1186).

При сынѣ и преемникѣ Самуила, Гавріилѣ (Радомирѣ), византійцы опять вторглись въ Болгарію. Гавріилъ, вѣроятно, по проискамъ импера-

тора Василія II, былъ уже въ 1015 г. убитъ на охотѣ своимъ двоюроднымъ братомъ Іоанномъ Владиславомъ. Переговоры убійцы о мирѣ не имѣли успѣха: Василія II нельзя было отклонить отъ разъ поставленной себѣ цѣли. Новое войско вторглось въ Болгарію. Въ битвѣ при Дураццо палъ весною 1018 г. Іоаннъ Владиславъ. Послѣ короткой отчаянной борьбы его сынъ Фружинъ сдался, и императоръ сдѣлалъ его начальникомъ придворной стражи. Начиная съ 1018 г., въ теченіе болѣе полутораста лѣтъ Болгарія болѣе не препятствовала расширенію Византійскаго государства, которое со временъ Маркіана, Льва I и Юстиніана I никогда не пользовалось такимъ могуществомъ на Балканскомъ полуостровѣ, какъ теперь; работа великаго царя Симеона была уничтожена (срв. стр. 88). Большинству бояръ Василій далъ придворныя должности. Дочь Іоанна Владислава, Екатерина (срв. стр. 50), и послѣдняя царица Марія жили въ качествѣ придворныхъ дамъ въ Константинополѣ, принцы же изъ дома Шишманичей занимали высокія военныя должности. Болгарская церковь сохранила, правда, свое самоуправленіе, но глава ея долженъ былъ называться не патріархомъ, а только архіепископомъ. Страна была раздѣлена на округа (темы) и каждымъ округомъ управлялъ стратегъ; такъ какъ эта должность давалась обыкновенно только на годъ, то стратегъ и старался какъ можно скорѣе высосать ввѣренную ему провинцію.

Послѣ смерти Василія II Восточно-Римское государство пришло въ нѣкоторый упадокъ (стр. 89). Петръ Дельянъ, считающійся сыномъ несчастнаго Гавріила, бѣжалъ изъ своего заключенія и былъ въ 1040 г. привѣтствованъ, какъ царь, народомъ. Въ то же время славяне провозгласили при Дураццо царемъ воина Тихомира; но послѣдній былъ скоро низложенъ, и народъ побилъ его камнями. Дельянъ, ставшій единымъ правителемъ, предпринялъ теперь походъ противъ Ѳессалоникъ, гдѣ на сторону болгаръ перешелъ камергеръ императора Михаила IV, Мануилъ Ибацесъ (Иванъ), вмѣстѣ со всѣмъ войскомъ; онъ отдалъ болгарамъ и всѣ императорскія сокровища. Эпиръ и Эллада, измученные вымогательствами стратеговъ, примкнули къ Дельяну. Къ сожалѣнію, Дельянъ въ сентябрѣ 1040 г. взялъ себѣ въ соправители младшаго брата Іоанна Владислава, который въ благодарность одурманилъ и ослѣпилъ его 3 іюля 1041 г. и отправилъ въ Византію. Болгарское возстаніе окончилось еще въ декабрѣ того же года.

Вскорѣ затѣмъ (1048—1053) Болгарія сдѣлалась ареной борьбы съ чисто тюркскимъ народомъ, печенѣгами, уже давно принявшими магометанство (стр. 352). Вытѣсненные родственнымъ народомъ, куманами, изъ своихъ степей, простиравшихся отъ низовьевъ Дуная до Крыма, они незадолго до 1048 г. поселились по обѣ стороны Балканъ. По ту сторону жили одиннадцать племенъ (полагаютъ—80,000 человѣкъ), съ ханомъ Тирахомъ во главѣ.; два же племени (20,000 человѣкъ) вмѣстѣ со своимъ вождемъ Кегеномъ приняли христіанство, получили мѣста для поселенія въ Добруджѣ и теперь вмѣстѣ съ византійцами въ концѣ 1048 г. побѣдили живущихъ по ту сторону Дуная, единоплеменниковъ. Плѣнные были поселены императоромъ Константиномъ IX Мономахомъ (стр. 89) въ западной горной странѣ, въ области Софіи и Ниша, а также въ сѣверной Македоніи, или же употреблены въ качествѣ наемниковъ въ Малой Азіи. Тамъ они, однако, возстали въ 1049 г., заключили послѣ жестокой борьбы съ Византіей миръ на 30 лѣтъ и въ 1054 г. перешли, большею частью, обратно черезъ Дунай, оставивъ послѣ себя прочные слѣды своего пребыванія. Въ 1064 г. они помогли ромейцамъ отбить нападеніе 60,000 куманъ. Въ 1073 и 1086 годахъ они поддерживали болгарскія возстанія противъ Византіи въ Добруджѣ. Только 29 апрѣля 1091 г. византійскимъ войскамъ послѣ многихъ пораженій удалось, наконецъ, въ битвѣ при Лебуніонѣ, съ помощью кумановъ положить конецъ опустошеніямъ, производимымъ дикими пече-

нѣгами (стр. 92). Теперь плѣнные были опять принудительно поселены въ Македоніи или же въ качествѣ военныхъ колонистовъ въ другихъ частяхъ имперіи; съ печенѣжскими лучниками пришлось сражаться въ 1096 г. крестоносцамъ Петра Амьенскаго, а въ 1097 г. норманнамъ Богемунда.

Во время византійскаго владычества секта богумиловъ получила распространеніе, какого никогда никто не ожидалъ. Несмотря на преслѣдованія, часто очень жестокія (Алексѣй сжегъ въ 1118 г. ихъ старѣйшину Василія вмѣстѣ съ его двѣнадцатью „апостолами"), ученіе богумиловъ распространилось на западѣ черезъ византійскую нижнюю Италію. Въ Германіи послѣдователи этого ученія назывались катарами, въ Италіи и Босніи патаренами, во Франціи альбигойцами. Противъ неограниченнаго дуализма прежнихъ временъ (стр. 333), сохранившагося въ македонской церкви, въ Болгаріи возникла во время войнъ 10 столѣтія умѣренно монотеистическая партія, считавшая сатану не за существо, всегда бывшее такимъ, а за падшаго ангела. Секта богумиловъ сыграла большую роль въ культурной исторіи человѣчества (срв. между проч. „Historia Bogomilorum" Іоанна Христ. Вольфа. Виттенбергъ, 1712 г.,—книгу, ставшую библіографической рѣдкостью); замѣчательно, что умственное движеніе, возникшее въ Болгаріи, пріобрѣло вліяніе на народы Западной Европы. Начавшаяся здѣсь борьба противъ римскаго духовенства привела, въ концѣ-концовъ, къ освобожденію отъ оковъ папизма. Такимъ образомъ, въ болгарской сектѣ богумиловъ заключался зародышъ, изъ котораго возникло потомъ великое дѣло реформаціи.

g) Вторичное основаніе самостоятельнаго болгарскаго государства при династіи Асѣни.

Въ то время какъ Болгарія, находясь подъ греческимъ игомъ, испытывала внутреннія и внѣшнія потрясенія, Византійская имперія также склонялась къ упадку. Въ придунайскихъ странахъ хозяйничали куманы, острова и берега Эгейскаго моря опустошали норманны и сарацины, въ Малой же Азіи имперіи угрожали могущественные сельджуки. Когда императоръ Исаакъ II Ангелъ (стр. 96) хотѣлъ вступить въ бракъ съ Маргаритой, дочерью венгерскаго короля Белы III (1172—96), ему не хватало для этого денегъ. Были наложены новыя подати и особенно обременены болгары и валахи. Во главѣ недовольныхъ стали два брата изъ древняго боярскаго рода, Петръ и Іоаннъ Асѣни. Петръ былъ провозглашенъ въ 1186 г. царемъ болгаръ и грековъ, въ Трновѣ былъ назначенъ архіепископъ, независимый отъ константинопольскаго патріарха. Возставшіе, были, правда, въ нѣсколькихъ сраженіяхъ разсѣяны ромейцами, и ихъ предводители должны были бѣжать черезъ Дунай къ тюркскому степному народу, куманамъ (стр. 92 и 335); но въ 1188 г. Асѣня вернулся въ союзѣ съ ними въ Болгарію.

Въ союзѣ съ куманами Калоянъ или Іоанница (1197—1207; стр. 103) дѣлалъ ежегодные набѣги во Ѳракію и въ Македонію, гдѣ онъ поддерживалъ возстаніе боярина Добромира Стреза (Стреганъ; по-гречески—Хризесъ), который въ 1199 г. отнялъ у Византійской имперіи горную страну на Вардарѣ. Въ 1201 г. византійцы были вынуждены заключить миръ также и съ Калояномъ и оставить за нимъ завоеванныя имъ мѣстности. Возстановленное имъ Болгарское царство простиралось отъ Бѣлграда до нижней Марицы и до Чернаго моря, отъ устьевъ Дуная до Стримона. Венгерскій король Эмерихъ (1196—1204) безпокоилъ границы этого царства; несмотря на то, что Калоянъ при помощи кумановъ опустошилъ область сербскаго князя Влкана (Волканъ, Влкъ, Вуканъ; стр. 289), зависѣвшаго отъ Эмериха; венгры отняли у него пять епископствъ въ бассейнѣ нижней Моравы.

Съ цѣлью укрѣпить также и внѣшнимъ образомъ свое право на власть, Калоянъ попросилъ папу Иннокентія III даровать ему титулъ императора и назначить для Болгаріи патріарха, независимаго отъ Константинополя (1202); за это онъ обѣщалъ подчинить Болгарію на вѣчныя времена власти папы. Иннокентій III послалъ въ 1203 г. въ Болгарію кардинала Льва Санта Кроче; кардиналъ 8 ноября 1204 г. возложилъ на Калояна королевскую корону, наканунѣ же онъ посвятилъ архіепископа трновскаго Василія въ примасы и назначилъ его примасомъ Болгаріи. Калоянъ принялъ королевскую корону, но подписывался отнынѣ всегда царемъ (императоромъ) и самовольно замѣнилъ титулъ примаса титуломъ патріарха, Впрочемъ, этотъ союзъ Болгаріи съ Римомъ не оказалъ вліянія на богослуженіе и на вѣроученіе болгаръ.

Между тѣмъ, благодаря паденію Византійской имперіи, положеніе Калояна совершенно измѣнилось. Графъ Балдуинъ Фландрскій (срв. стр. 339) возложилъ на себя въ храмѣ св. Софіи въ Константинополѣ императорскую корону; на Балканскомъ полуостровѣ возникли многочисленныя небольшія государства (стр. 103). Положеніе Калояна становилось со дня на день все болѣе непрочнымъ. Онъ очень хитро предложилъ Балдуину заключить съ нимъ дружескій союзъ, но тотъ гордо отказался отъ этого. Случай къ мести представился Калояну, когда возстало греческое населеніе, предложившее ему императорскую корону. Въ союзѣ съ куманами Калоянъ занялъ Адріанополь и далъ тамъ 14 или 15 апрѣля 1205 г. рѣшительную битву подошедшему Балдуину: латинскій императоръ погибъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Но герцогъ филиппопольскій, Ренье-де-Три, еще 13 мѣсяцевъ сопротивлялся въ Станимакѣ (1205—06) превосходнымъ силамъ врага. Но и Калояна постигъ неожиданный конецъ. При осадѣ Солуни, короля которой Бонифація въ концѣ іюля 1207 г. на разстояніи дня пути отъ Мосинополиса убили тамошніе болгары, онъ былъ во снѣ смертельно раненъ куманомъ Манастрасомъ, вѣроятно, по наущенію своей жены. На другой день (вѣроятно, 8 октября 1207 г.) умеръ Калоянъ, бывшій, несмотря на свою жестокость, однимъ изъ величайшихъ государей Болгаріи.

Въ Трновѣ на болгарскій престолъ въ качествѣ независимаго государя вступилъ Борилъ (Борисъ II; 1207—18), сынъ сестры Калояна, можетъ быть, одинъ изъ соучастниковъ его убійства, женившійся на вдовствующей царицѣ. Законные наслѣдники престола, сыновья Асѣни, Иванъ Асѣня и Александръ, бѣжали въ Россію. Великое государство, созданное и сохранявшееся въ цѣлости желѣзной рукой Калояна, приближалось теперь къ распаденію. Хотя Борилъ и обладалъ завоевательными стремленіями своего дяди, но онъ не имѣлъ ни военныхъ, ни государственныхъ талантовъ его. Впутавшись въ войну съ франками, занимавшими большую часть бывшей Византійской имперіи, онъ былъ 13 іюля 1208 г. при Филиппополѣ на голову разбитъ императоромъ Генрихомъ (стр. 103) и заботился теперь уже только о подавленіи внутреннихъ безпорядковъ. Ученіе богумиловъ до такой степени овладѣло душами, что народъ, утомленный постоянной борьбой и постоянными непосильными поборами, желалъ теперь только спокойствія. Даже придворные круги сопротивлялись теперь предпріимчивости царя. Борилъ вѣрно понялъ причину этого явленія, и 11 февраля 1211 г. созвалъ въ Трновѣ соборъ духовенства, провозгласившій анаѳему ученію богумиловъ; онъ приказалъ также перевести съ греческаго, направленную противъ нихъ, книгу законовъ; самые уважаемые послѣдователи этой секты были, по приказанію Борила, заключены въ тюрьму или изгнаны изъ Болгаріи. Въ 1213 г. императоръ Генрихъ, покинутый всѣми своими союзниками, женился на дочери Борила, Маріи, въ той надеждѣ, что болгарскій царь поможетъ ему въ походѣ противъ сербовъ. Борилъ хотя и снарядилъ вспомогательное войско, но долженъ былъ повести его противъ Ивана Асѣни, который возвратившись изъ Россіи, пріобрѣлъ себѣ

многочисленныхъ сторонниковъ. Въ концѣ-концовъ, царь Борилъ былъ взятъ въ плѣнъ и ослѣпленъ (1218); уже за два года передъ этимъ (11 іюня 1216 г.) скончался въ Солуни императоръ Генрихъ.

Иванъ Асѣня II, одинъ изъ благороднѣйшихъ людей своего времени, вступилъ теперь на болгарскій престолъ (1218—41). Память о немъ, какъ о гуманномъ правителѣ, и понынѣ жива еще среди народа. Византіецъ Георгій Акрополита (умеръ въ 1282), великій логоѳетъ (канцлеръ) императора Витаци, разсказываетъ, что всѣ современники считали его замѣчательнымъ и счастливымъ человѣкомъ: „Ибо онъ не свирѣпствовалъ мечомъ противъ своихъ соотечественниковъ и не запятналъ себя также кровью грековъ, какъ это дѣлали обыкновенно предшествовавшіе ему государи болгаръ. Поэтому его любили и дорожили имъ не только болгары, но также и греки и другіе народы". Хотя онъ удѣлялъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, внутреннему развитію страны, но все-таки въ его царствованіе Болгарія достигла такихъ размѣровъ, какихъ она не имѣла ни раньше, ни позже; онъ пріобрѣлъ, напримѣръ, важную византійскую пограничную крѣпость Бероэ (Augusta Traiana, Стара Загора, у южной подошвы Средней горы). Три моря омывали царство Асѣни, и со временъ царя Самуила всѣ болгарскіе славяне были впервые опять объединены подъ властью одного человѣка (до 1230 г.). Исключеніе составляло, впрочемъ, горное княжество Кричимъ, которымъ съ 1207 г. управлялъ деспотъ Славъ (Стлабосъ или Эскласъ; стр. 103) Мелениконскій, племянникъ Калояна и съ 1208 г. другъ латинскаго императора Генриха, которому онъ отдалъ въ жены свою незаконную дочь. Асѣня II около 1220 г. женился на Маріи, дочери венгерскаго короля Андрея II (срв. родословную на стр. 339), и старался мирнымъ путемъ, главнымъ образомъ посредствомъ выгодной отдачи въ замужество своихъ дочерей, укрѣпить какъ внутри, такъ и извнѣ свое государство.

Между тѣмъ, въ области Пинда, между Коринѳскимъ заливомъ и Марицей, возникло новое государство, основанное Ѳедоромъ Ангеломъ, властителемъ Эпира; въ короткое время онъ завоевалъ Ахриду, Прилѣпъ, Пелагонію, Дураццо, Корфу (1215), Солунь и сталъ называть себя отнынѣ имераторомъ ромеевъ (1222). Асѣня заключилъ съ Ѳедоромъ союзъ и около 1225 г. отдалъ ему въ жены свою (незаконную) дочь Марію. Несмотря на эти родственныя отношенія, Ѳедоръ скоро попытался покорить себѣ царство Асѣни. Въ апрѣлѣ 1230 г. произошла рѣшительная битва при деревнѣ Клокотницѣ, между Филиппополемъ и Адріанополемъ, Федоръ былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ. Адріанополь, почти вся Македонія и Албанія до Дураццо достались побѣдителямъ. Въ остальной части Эпиротскаго государства и въ Солуни Асѣня посадилъ въ качествѣ государя своего зятя Мануила, который принялъ теперь царскій титулъ; сербскаго короля Стефана Владислава онъ привязалъ къ себѣ, отдавъ ему въ 1231 г. въ жены одну изъ своихъ дочерей.

Обезпечивъ, такимъ образомъ, миръ, Асѣня все свое вниманіе обратилъ опять на внутреннеѐ состояніе своего государства. Свою резиденцію онъ превратилъ роскошными постройками въ красивѣйшій городъ Балканскаго полуострова; въ 1231 г. онъ возстановилъ укрѣпленный замокъ на Чепелярской рѣкѣ, близъ Стенимаха (болгарская надпись объ этомъ была двадцать лѣтъ тому назадъ испорчена греческими „патріотами"). Торговлю онъ поддерживалъ большими привилегіями, которыя давались не только болгарамъ, но также и иностранцамъ, главнымъ образомъ, рагузанамъ, державшимъ тогда въ своихъ рукахъ всю внутреннюю торговлю Балканскаго полуострова (стр. 300). Чтобы добиться отъ грековъ признанія независимости болгарской церкви, онъ заключилъ противъ латинскихъ императоровъ въ 1234 г. союзъ съ императоромъ никейскимъ Іоанномъ III, Дукой Ватаціи (стр. 106), и обручилъ свою девятилѣтнюю дочь съ Ѳедо-

Болгарскіе Асѣни и латинская имперія въ 13 столѣтіи.

Балдуинъ V Геннегаусскій (= Б. VIII Фландрскій), жена его Маргарита (М. Эльзасская)

- Балдуинъ VI (IX) Фландрскій и Геннегаусскій, латинскій императоръ съ 9 мая 1204 г., † 15 апрѣля 1205 г.
- Филиппъ Намюрскій
  - Маркграфъ Филиппъ Намюрскій, въ 1219 г. отклонилъ латинскую императорскую корону
- Генрихъ Анжу, *1177 латинскій императоръ съ съ 20 авг. 1206 г., † 11 іюня 1216 г., первая жена его Агнеса Манфератъ - Θессалоникская съ 4 февр. 1207 г., вторая жена Марія Болгарская съ 1213 г.
- Евстафій, съ 1209 г. жена его дочь Михаила I Эпирскаго
- Іоланта, † въ концѣ лѣта 1219 г.; жена Петра Куртене-Оксеръ, въ 1217 г. сталъ латинскимъ императоромъ и умеръ
  - Маркграфъ Филиппъ Намюрскій, въ 1219 г. отклонилъ латинскую императорскую корону
  - Робертъ Куртене-Конше, съ 1219 г. латинскій императоръ, † 1228 въ Мореѣ
  - Балдуинъ II, *1217, съ 1228 г. латинскій императоръ, † въ октябрѣ 1273 г. въ Апуліи
    - Филиппъ Куртене (срв. стр. 108), съ 1273 г. женатъ на Беатрисѣ Анжу Неаполитанской
      - Екатерина Куртене, † 1 янв. 1308, съ 28 янв. 1301 г. жена Карла Валуа
        - Екатерина Валуа, † 1346, съ 1313 г. жена Филиппа Тарентскаго, сына Карла II Неаполитаискаго
  - Агнеса, съ 1217 г. жена Готтфрида II Вильгардуэнскаго (съ 1218 г. князь Ахайскій, срв. стр. 104)
  - Марія, съ 1218 г. жена Θеодора Ласкариса († 1222); [во второмъ бракѣ; срв. стр. 97]
  - Іоланта Оксерская, приблизительно съ 1216 г. жена Андрея II Венгерскаго
    - Марія, † 1239 (около 1220) — жена Іоанна Асѣня II
  - Елена де Шаръ жена Стефана Уроша I сербскаго († 1272
    - Драгутинъ, король съ 1270 по 1275 (81), † 1317 г. герцогомъ Сирміи
    - Милутинъ Урошъ II, *1253, †1320 (стр. 290); съ 1299 г. жена его Симонія, дочь императора Андроника II
      - Анна (срв. стр. 290), до 1325 г. жена Михаила Видинскаго († 1330)
- Сивилла, жена Гюискара IV Божё

NN., благородный болгаро-валахъ, потомокъ древняго рода Шишманидовъ

- Іоаннъ Асѣня I † 1196
- Петръ „царь“ съ 1186, † 1197
- Калоянъ (Іоанница) царь 1197—1207
- Дочь
  - Борилъ (Борисъ II), царь 1207 — 18
    - Марія, съ 1213 г. жена латинскаго императора Генриха († 1216)

Дѣти Іоанна Асѣня I:

- Іоаннъ Асѣня II, царь 1218—41 (вторая жена съ 1240 г. Ирина Ангелъ)
- Александръ
  - Калиманъ II 1257

Дѣти Іоанна Асѣня II и Маріи:

- Марія (незаконная, срв. стр. 341)
- Сынъ † 1239
- Дочь, съ 1231 г. жена серба Стефана Владислава († 1237)
- Елена, *1225, въ 1235 г. обручилась съ Θеодоромъ II Ласкарисомъ († 1258)
  - Іоаннъ IV Ласкарисъ, *1250, ослѣпленъ 1261, съ 1272 г. находился въ Фоджіи.
  - Ирина † 1270, жена серба Константина, внукъ ея Стефанъ Неманья, 1258—77 царь Болгаріи (съ 1272 вторая жена Марія Палеологъ)
    - Михаилъ Багрянородный
  - Марія, съ сентября 1254 г. жена Никифора I Эпирскаго
- Калиманъ, *1232, царь съ 1241 по 1246 г.
- (2) Михаилъ Асѣня, царь съ 1246 по 1257; жена его дочь сербскато короля Стефана II Неманья

ромъ (II Ласкарисомъ), одиннадцатилѣтнимъ сыномъ Ватаціи. Союзники опустошали теперь страну до самаго Константинополя, несмотря на то, что папа Григорій IX 25 мая 1236 г. отлучилъ за это царя Асѣню отъ церкви. Но когда Асѣня замѣтилъ, что могущество его союзника ростетъ, онъ внезапно порвалъ союзъ съ Витаціи и вытребовалъ домой свою дочь, обрученную съ Ѳедоромъ. Разсерженный терпимостью Асѣни по отношенію къ богумиламъ и побуждаемый несовершеннолѣтнимъ латинскимъ королемъ Балдуиномъ II, папа Григорій IX 27 февраля 1238 г. предложилъ Белѣ IV предпринять крестовый походъ противъ болгарскаго царя. Венгры заняли маленькую Валахію, и Бела сталъ уже называть себя королемъ Болгаріи и Румыніи. Но тутъ нагрянула новая буря: куманы (стр. 336), согнанные съ своихъ мѣстъ вторгшимися изъ Россіи монголами, бѣжали частью (7 племенъ) въ Венгрію, частью въ гостепріимную Болгарію, частью даже во Ѳракію и въ Малую Азію, гдѣ они въ количествѣ 10,000 человѣкъ были поселены Ватаци въ качествѣ военныхъ колонистовъ; только часть ихъ, легшая въ основу той смѣси народовъ, которая извѣстна подъ именемъ ногайскихъ татаръ, оставалась еще на старыхъ мѣстахъ; Молдавія, Валахія и сѣверный берегъ Азовскаго моря назывались еще долго Cumania. Въ 1239 г. Асѣня, силы котораго увеличились, благодаря куманамъ, отправился во Ѳракію, чтобы занять греческія крѣпости. Но онъ вернулся обратно, получивъ извѣстіе, что его сынъ и жена погибли въ Трновѣ отъ чумы. Въ 1240 г. Асѣня женился на Иринѣ, дочери находившагося у него въ плѣну и незадолго передъ тѣмъ ослѣпленнаго имъ эпирскаго царя Ѳедора Ангела. Въ іюнѣ 1241 г. Асѣня скончался.

При преемникѣ Асѣни II, несовершеннолѣтнемъ Калиманѣ I (Коломанъ. 1241—46), татары изъ Хорватіи ушли опять въ Россію черезъ Сербію и Болгарію, оставляя всюду за собой слѣды разрушенія (т. II, стр. 165). Калиманъ умеръ неожиданно; вѣроятно, онъ былъ отравленъ. Бывшій союзникъ Асѣни II, императоръ никейскій Витаци, сейчасъ же завладѣлъ всей Родопской областью и сѣверной Македоніей, Михаилъ же II Эпирскій[1] занялъ Албаніюи западную Македонію. Братъ Калимана, тоже несовершеннолѣтній, Михаилъ Асѣня (1146—57) не могъ ничего сдѣлѣть противъ Ватаци и заключилъ съ нимъ миръ; въ 1254 г. пала и Перуштица, не устоявшая передъ разрушительной силой византійскихъ осадныхъ машинъ. 30 октября 1254 г. умеръ Витаци; ему наслѣдовалъ его сынъ Ѳедоръ Ласкарисъ, женатый на дочери Асѣни II. Михаилъ Асеня, пытавшійся отнять у своего шурина потерянныя въ 1246 г. земли принужденъ былъ въ 1256 г. заключить миръ и уступить византійцамъ всѣ болгарскія владѣнія въ Родопахъ и въ Македоніи. Скоро болгарскій престолъ оказался незанятымъ. Въ 1257 г. Михаилъ Асѣня былъ убитъ своимъ двоюроднымъ братомъ Калиманомъ II; но и тотъ въ скоромъ времени неожиданно скончался.

Бояре избрали теперь царемъ серба Константина, внука Стефана (Симеона) Нѣмани, имѣвшаго обширныя владѣнія въ Болгаріи (1258—77);

---

[1] NN. Ангелъ Комнинъ, незаконный братъ Андроника Ангела (срв. стр. 97).

Михаилъ I Ангелъ Комнинъ, съ 1204 г. деспотъ Эпирскій, † 1214 (жена Мелиссена) | Ѳедоръ, съ 1214 г. деспотъ Эпирскій, 1222—30 „императоръ Ромеевъ“. | Мануилъ, съ 1230 г. „императоръ ромеевъ“, † 1241; приблизительно съ 1225 г. женатъ на Маріи Болгарской. | Константинъ, въ Ѳессаліи

(незаконный) Константинъ Ангелъ-Михаилъ II съ 1237 (на Корфу и т. д.), † 1271 | Ирина, съ 1240 г. жена Іоанна Асѣни II | Іоаннъ Ангелъ, † 1244 | Димитрій въ Солунѣ до ноября 1246 г.

Никифоръ I въ Артѣ: первая жена его съ сентября 1256 г. Марія Никейская; вторая жена съ 1265 г. Анна Кантакузенъ | Елена; съ лѣта 1259 г. жена Манфреда Сицилійскаго (†1266) | (незаконный) Іоаннъ Велико-Валашскій (Ѳессалійскій), †1296

Тамара; 1294—1309 жена Филиппа Тарентскаго | Ѳома, 1296—1318 въ Артѣ | сынъ

Іоаннъ II Ангелъ въ Неопатрѣ, 1307 — 1318 (срв. стр. 221)

женатый на внучкѣ Асѣни II, Иринѣ (срв. родословную на стр. 339), онъ сталъ называться Константиномъ Асѣней. Въ его царствованіе Михаилъ VIII Палеологъ (стр. 107) взялъ лѣтомъ 1261 г. Константинополь и положилъ конецъ владычеству франковъ. Царь Константинъ долженъ былъ тогда все свое вниманіе удѣлять Венгріи. Въ 1260—64 годахъ принцъ Стефанъ, которому было ввѣрено управленіе Трансильваніей, предпринялъ пять походовъ противъ болгаръ и однажды проникъ даже до стѣнъ Трнова; вступивъ на венгерскій престолъ подъ именемъ Стефана V (1270—72), онъ присвоилъ себѣ также титулъ „короля болгаръ“, хотя никогда не владѣлъ страною въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Послѣ того какъ умерла Ирина Ласкарисъ, жена Константина, царь женился въ 1272 г. на Маріи, племянницѣ Михаила VIII. (стр. 109). Когда ему не было отдано приданое, города Месемврія и Анхіало, онъ втянулъ византійскаго императора въ войну, которая, только благодаря вмѣшательству хана Ногая, повелителя Золотой Орды (т. II, стр. 109), не имѣла серьезныхъ послѣдствій для Византіи. Михаилъ VIII тѣмъ охотнѣе вступилъ въ переговоры, что послѣ отпаденія дружественныхъ дому Анжу бератскихъ албанцевъ (1273), передъ нимъ выросъ болѣе опасный врагъ—король неаполитанскій Карлъ I Анжу, скоро нашедшій себѣ союзниковъ въ сербахъ и болгарахъ.

h) Ивайло и Тертеричи (1277—1322).

Въ это время Константина постигла тяжелая болѣзнь, вызванная переломомъ ноги, и онъ не могъ двигаться. Эта болѣзнь царя имѣла роковое значеніе для болгаръ. Марія Палеологъ, вторая жена Константина, будучи соправительницей своего несовершеннолѣтняго сына Михаила Багрянороднаго, захватила себѣ всю власть (1277). Своимъ опаснѣйшимъ соперникомъ она считала полунезависимаго деспота Якова Святослава, происходившаго изъ русскаго рода и назначеннаго правителемъ западныхъ Балканъ еще Стефаномъ V. Она пригласила его въ Трново и при торжественномъ богослуженіи объявила его своимъ „сыномъ“ и будущимъ соправителемъ ея собственнаго сына Михаила. Но еще въ томъ же 1277 году Святославъ палъ жертвою замысловъ своей „матери“. Когда ногайскіе татары вторично напали на беззащитную Болгарію, гайдукъ Ивайло Лаханъ (прозываемый также Брдокбой), бывшій пастухъ, одурачившій народъ прорицаніями, собралъ вокругъ себя толпу крестьянъ и два раза разбилъ татаръ. Скоро онъ объявилъ, что святые предложили ему болгарскій престолъ. Народъ, находившійся въ критическомъ положеніи, повѣрилъ ему; къ его приверженцамъ примкнули бояре и даже придворные. Больной царь Константинъ выступилъ со своими вѣрными слугами противъ Ивайла, но они были разсѣяны, и онъ самъ, беззащитный, убитъ (зимою 1277 г.). Теперь болгарскій престолъ занялъ Ивайло (1277—79). Эти событія въ Болгаріи возбудили величайшія опасенія при византійскомъ дворѣ. Императоръ Михаилъ поспѣшно обвѣнчалъ свою дочь съ однимъ изъ членовъ дома Асѣни, который, подъ именемъ Іоанна Асѣни III, заявилъ притязанія на болгарскую корону. Между тѣмъ, интриганка царица Марія обвѣнчалась съ Ивайломъ и короновалась вмѣстѣ съ нимъ (1278). Тѣснимый одновременно монголами и византійцами, Ивайло не могъ долго держаться и безслѣдно пропалъ въ началѣ 1279 г.

Марія, беременная отъ узурпатора, была взята въ плѣнъ и отвезена въ Адріанополь, Іоаннъ Асѣня III, человѣкъ несамостоятельный и слабохарактерный, принялъ бразды правленія, народъ же собирался вокругъ боярина Георгія Тертерія, который, происходя отъ куманской дворянской семьи, состоялъ въ родствѣ съ могущественнѣшими дворянскими родами Болгаріи; чтобы привязать къ себѣ этого опаснаго соперника Асѣня III отдалъ ему въ жены свою сестру; „деспотъ“ Тертерій долженъ

былъ послать въ Никею въ качествѣ заложниковъ свою прежнюю жену, болгарку, и своего сына Өедора Свентслава (слѣдуетъ обратить вниманіе на это славянское имя!). Въ это время передъ вратами Трнова неожиданно появился съ многочисленной дружиной Ивайло, котораго считали умершимъ. Императоръ Михаилъ VIII послалъ лѣтомъ 1280 г. два войска на помощь своему зятю, находившемуся въ критическомъ положеніи, но оба эти войска были разсѣяны. Іоаннъ Асѣня III бѣжалъ въ Константинополь; Георгій Тертерій I былъ сдѣланъ царемъ (1280). Ивайло бѣжалъ, ища помощи, въ южную Россію къ хану Ногаю; тамъ онъ встрѣтился со своимъ врагомъ Іоанномъ Асѣней III; ханъ Ногай долго обманывалъ обоихъ пустыми обѣщаніями, и, въ концѣ-концовъ, перерѣзалъ горло Ивайлу. Асѣня III едва избѣжалъ такой же участи. Въ лицѣ Георгія Тертерія I неаполитанскій король Карлъ I нашелъ превосходнаго помощника въ борьбѣ противъ византійцевъ. Французское войско, высадившееся на Балканскомъ полуостровѣ и подкрѣпленное албанцами, было уничтожено греками при Бератѣ въ началѣ апрѣля 1281 г.; дальнѣйшимъ планамъ Карла I былъ положенъ конецъ Сициліанской вечерею (30 марта 1282 г.). Михаилъ VIII умеръ 11 декабря 1282 г., и его преемникъ Андроникъ II заключилъ миръ съ болгарскимъ царемъ (1284): общій врагъ, монголы, опять угрожалъ обоимъ государствамъ. Но Георгій Тертерій могъ оказать только слабое сопротивленіе натиску татаръ; онъ принужденъ былъ заключить съ ними миръ и отдать одну изъ своихъ дочерей въ жены сыну хана Ногая. Несмотря на это, татарскія орды все-таки остались въ Болгаріи, и прогнанный оттуда Георгій Тертерій попалъ въ плѣнъ къ византійцамъ.

Монголы возвели теперь (около 1292 г.) на болгарскій престолъ боярина Смильца, женатаго на внучкѣ Андроника II. Ханъ Ногай вскорѣ послѣ этого былъ убитъ въ сраженіи съ Токхту, повелителемъ Синей Орды въ Западномъ Кипчакѣ (1190—1312). Сынъ его, Чоки, въ качествѣ зятя Тертерія, заявилъ свои притязанія на болгарскій престолъ; онъ соединился съ Өедоромъ Свентславомъ, проведшимъ свои дѣтскіе годы въ Никеѣ, и прогналъ Смильца. Но Свентславъ неожиданно арестовалъ татарскаго пришельца, который и былъ задушенъ, по его приказанію, еврейскими палачами. Правленіе его (1295—1322) вначалѣ не было посвящено мирной дѣятельности. Три года велъ Свентславъ войну съ Византіей и завоевалъ нѣсколько городовъ и крѣпостей на Гемѣ. На ряду съ царемъ въ странѣ игралъ также крупную роль его дядя Эльтиміръ, бывшій деспотомъ въ Крунѣ (на южномъ склонѣ Балканъ). Византійская имперія находилась въ то время въ довольно затруднительномъ положеніи: Эртогрулъ, предводитель турецкихъ кочевниковъ, около 1250 г. основалъ въ Виөиніи небольшое государство, которое его сынъ Османъ въ 1301 г. расширилъ до береговъ Пропонтиды (стр. 122). Вторая половина почти 28-лѣтняго правленія Свентслава, женившагося въ 1320 г. на внучкѣ престарѣлаго Андроника II, была эпохой мира, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго.

Послѣ смерти Өедора Свентслава на болгарскій престолъ вступилъ въ 1322 г. его сынъ, Георгій Тертерій II. Въ томъ же 1322 г. онъ занялъ Филиппополь, но, благодаря измѣнѣ греческихъ жителей, городъ этотъ уже въ 1323 г. перешелъ изъ рукъ его русскаго полководца Ивана въ руки Андроника Младшаго. Въ томъ же году умеръ послѣдній потомокъ Тертерія (1323).

і) Послѣдніе Шишманичи въ Трновѣ (1323—91).

Бояре избрали теперь царемъ боярина Михаила, деспота Бдина (Видина, Виддина), полу-куманина (1323—30). Онъ былъ сынъ деспота

Шишмана, и имъ начинается третья и послѣдняя династія болгарскаго царства въ Трновѣ, династія Шишманичей. Тогда (1327) свирѣпствовала гражданская война между Андроникомъ (III) и его дѣдомъ, императоромъ Андроникомъ II, который занялъ у Сербіи 2,000 куманскихъ наемниковъ. Царь Михаилъ, который въ 1325 г. отослалъ свою сербскую жену Анну (см. стр. 291 и родословную на стр. 339) и женился на вдовѣ своего предшественника, сестрѣ Андроника младшаго, присоединялся то къ одной, то къ другой изъ борящихся сторонъ. Онъ поставилъ себѣ при этомъ цѣлью завоевать Константинополь и осуществить, такимъ образомъ, мечту древнихъ царей. Но планъ его не удался. Константинополь былъ 24 мая 1328 г. взятъ Андроникомъ III, который низложилъ своего семидесятилѣтняго дѣда (стр. 108). Чтобы укрѣпить свое царство на будущее время, царь Михаилъ принялъ роковое рѣшеніе разрушить сосѣднее государство, могущество котораго стало принимать угрожающіе размѣры. Въ союзѣ съ византійцами, татарами и валахами, онъ выступилъ противъ Стефана Уроша III (стр. 290). 28 іюня 1330 г. произошла рѣшительная битва при Вельбуждѣ (Кюстендилѣ), принадлежавшемъ тогда Сербіи. Болгарское войско было разбито, и царь Михаилъ палъ въ сраженіи. Сербскій король построилъ на полѣ битвы (при деревнѣ Николичевци, на Совольштикѣ) трехглавую церковь Вознесенія, отъ которой нынѣ остались однѣ развалины. На болгарскій престолъ онъ возвелъ свою сестру Анну, отвергнутую жену Михаила, и ея сына Шишмана II. Но сила Болгарскаго царства была уже сломлена. Стефанъ Урошъ III былъ взятъ въ плѣнъ и задушенъ, а на престолъ вступилъ 8 сентября 1331 г. Стефанъ Душанъ. Между тѣмъ, и бояре Болгаріи возстали противъ своей царицы. Анна бѣжала въ Сербію, Шишманъ II къ татарамъ, потомъ въ Константинополь и поселился, наконецъ, подъ именемъ Людовика въ Неаполѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1373 г.

Бояре избрали царемъ Іоанна Александра (1331—65), племянника царя Михаила и зятя румынскаго князя Иванко Басараба. Онъ принялъ имя Асѣни, выдалъ свою сестру Елену замужъ за Стефана Душана вступившаго на престолъ почти одновременно съ нимъ, и устроилъ, такимъ образомъ, союзъ между Сербіей, Болгаріей и Бессарабіей (срв. стр. 291). Стефанъ Душанъ подчинилъ себѣ Македонію, Албанію и Эпиръ, а румынскій государь одержалъ побѣду надъ венграми въ болотахъ Валахіи. Болгарскій же царь разбилъ византійцевъ (1333) между Айтосомъ и Розокастрономъ (при Бургасѣ) и принудилъ ихъ заключить миръ. Позднѣе (1337) этотъ миръ былъ закрѣпленъ женитьбой его сына Михаила на дочери Андроника, Маріи. Когда 15 іюня 1341 г. умеръ Андроникъ III и на престолъ вступилъ сынъ его Іоаннъ Палеологъ, одновременно съ нимъ объявилъ себя императоромъ ученый вельможа Іоаннъ (VI) Кантакузенъ (стр. 109). Во время византійскихъ междоусобицъ царю Александру удалось значительно расширить границы своего государства: въ 1344 г. онъ занялъ городъ Филиппополь, крѣпости на сѣверѣ: Родопъ, Чепино, Кричимъ, Перуштицу, Св. Юстину (Устину), Стенимахо (Станимака), Айтосъ, Беадносъ и Козникъ. Между тѣмъ, паденіе Византійскаго государства было ускорено союзомъ, который обѣ борящіяся стороны заключили съ отдѣльными турецкими князьями, обыкновенно и въ качествѣ „союзниковъ“ превращавшихъ въ пустыню всѣ тѣ мѣстности, черезъ которыя проходили. Въ концѣ 1353 г. (эта дата вѣрнѣе, чѣмъ принимаемая обыкновенно 1356; срв. стр. 127 и слѣд.) турки впервые утвердились въ Европѣ (Цимпа на Геллеспонтѣ); въ 1354 г. палъ Каллиполисъ, и скоро турки занимали уже все пространство до Марицы.

Болгарія ни одну минуту не могла быть теперь увѣренна, что она не станетъ добычей азіатовъ, кромѣ того, и внутренняя жизнь государства подтачивалась религіозными раздорами. Въ монастыряхъ Аѳона (стр. 87)

возникло среди монаховъ около 1340 г. своеобразное мистическое направленіе, приверженцы котораго, называемые гезихастами (стр. 109), углублялись въ созерцаніе своего пупка до тѣхъ поръ пока имъ не начинало казаться, что они видятъ вокругъ него небесный свѣтъ. Монахиня Ирина проповѣдывала монахамъ ученіе богумиловъ, при чемъ происходили не совсѣмъ безупречныя оргіи. Отсюда, благодаря стараніямъ монаха Θеодорита (Θеодоретосъ), началось возрожденіе остатковъ язычества. Θеодоритъ, обладавшій медицинскими познаніями, нашелъ въ Болгаріи многочисленныхъ сторонниковъ. Онъ оживилъ древніе языческіе обычаи и заставилъ даже своихъ послѣдователей поклоняться дубу, у подножія котораго закалывались овцы и ягнята. Его врачебное искусство заключалось, главнымъ образомъ, въ приношеніи жертвъ для того, чтобы умилостивить духовъ болѣзни и склонить ихъ въ пользу больного (до сихъ поръ сохранился обычай приносить жертву намѣстнику—домовому). Почти въ то же самое время появились въ Болгаріи два монаха, Лазарь и Кириллъ, которые направили ученіе богумиловъ по еще болѣе опасному пути, насмѣхаясь надъ святыми, надругиваясь надъ распятіемъ, проповѣдуя презрѣніе къ труду и къ браку. Одинъ монахъ распространялъ даже ученіе адамитовъ, Царь Іоаннъ Александръ заточилъ свою жену въ монастырь и женился на еврейкѣ Θеодорѣ, и поэтому евреи получили особыя привилегіи. Турки расширяли по ту сторону Балканъ все болѣе и болѣе свои владѣнія, внутри же Болгаріи хозяйничали богумилы, гезихасты и адамиты. Наконецъ, ученому монаху Θеодосію удалось склонить царя къ созыву соборовъ (1350 и 1355), на которыхъ были преданы анаθемѣ богумилы, гезихасты и адамиты, и были также ограничены привилегіи евреевъ.

Іоаннъ Александръ Асѣня скончался весною 1365 г. и оставилъ послѣ себя государство въ состояніи раскола и распаденія. Въ Трновѣ правилъ его сынъ Іоаннъ Шишманъ III (1365—93; срв. стр. 291), въ Видинѣ другой его сынъ, царь Іоаннъ Страсимиръ (Іоаннъ Срацимиръ), припонтійскія же земли (Варна, Каліакра, Эмона, Козякъ) приблизительно до 1386 г. были подчинены куманскому деспоту Добротичу, наслѣдовавшему послѣ своихъ братьевъ Балики и Θедора. Послѣ взятія Адріанополя (1361) и Филиппополя (1363), Мурадъ I перенесъ свою резиденцію изъ Брусы въ „Эдренэй“ (стр. 128). Но и съ другой стороны угрожала опасность. Король Венгерскій Людовикъ I лѣтомъ 1365 г. завоевалъ Видинъ, взялъ въ плѣнъ царя Срацимира вмѣстѣ съ его женой и увезъ ихъ въ Хорватію. Уже въ слѣдующемъ (1366) году царь Шишманъ въ союзѣ съ турками напалъ на новую венгерскую провинцію; но его нападеніе было отбито. Только въ 1369 г. болгарскому царю удалось отнять у Венгріи Видинъ.

Въ то время какъ христіанскіе государи Балканскаго полуострова дрались между собой, турки съ каждымъ годомъ расширяли свое юное государство. Наконецъ, возсталъ сербъ Вукашинъ (Влкашинъ); но его войско было уничтожено въ ночь на 26 сентября 1371 г. Верхняя Македонія была присоединена къ Турціи. Сербскіе вельможи должны были служить въ турецкомъ войскѣ; только Марко Кралевичъ (стр. 293) и Константинъ Вельбуджскій сопротивлялись еще нѣкоторое время новымъ господамъ. Иванко, сынъ Добротича, также держался противъ турокъ приблизительно до 1390 г. Въ 1388 г. царь Шишманъ III обязался платить ежегодную дань. Почти въ то же время заявилъ свою покорность турецкому эмиру и Срацимиръ. То же самое сдѣлалъ, въ концѣ-концовъ и Константинъ, братъ кюстендильскаго деспота Іоанна Драгаша. Въ 1394 г. онъ напалъ на Валахію. Память о немъ, какъ о послѣднемъ христіанскомъ правителѣ Вельбужда, Кратова, Струмицы и Штипа, жива и понынѣ. Послѣ битвы на Коссовомъ полѣ (15 іюня 1389 г.; стр. 292), Сербія была присоединена къ Турціи. Теперь былъ направленъ главный ударъ противъ Бол-

гаріи. Гибель Болгаріи была закончена паденіемъ Трнова (17 іюля 1393); Іоаннъ Шишманъ III умеръ, вѣроятно, въ плѣну у турокъ въ филиппопольскомъ замкѣ. Старая Болгарія окончательно прекратила свое существованіе, какъ самостоятельное государство.

к) Староболгарская культура и литература въ до-турецкую и въ переходную эпохи.

Призванные къ господству на Балканскомъ полуостровѣ, болгары сдѣлались основателями культуры и литературы, которую они передали и остальнымъ славянамъ. Болгарская секта богумиловъ потрясла всю южную Европу. Но потомъ болгарская культура, принявъ въ себя изжившій и отжившій византизмъ со всѣми его положительными и отрицательными чертами, погибла вмѣстѣ съ нимъ. Въ 927 г. на болгарскій престолъ вступила первая гречанка, и этимъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ введенію въ Болгарію византійской цивилизаціи. Но этимъ роковымъ вліяніемъ были затронуты только высшіе слои народа, бояре и духовенство въ городахъ; вѣчно же юный источникъ истинаго народнаго духа не изсякалъ въ средѣ болгарскаго крестьянства, и безъ него Болгарія не могла бы воскреснуть. Интересы властолюбивой касты бояръ и интересы, по большей части, крѣпостного народа, само собой разумѣется, далеко расходились. Энергичные цари были всегда ненавистны боярамъ, большая часть которыхъ могла въ своихъ имѣніяхъ какъ угодно распоряжаться подвластными имъ людьми. Принятіе послѣ вторженія турокъ ислама многими боярскими семьями было извѣстнымъ счастьемъ для Болгаріи: такимъ образомъ пропасть между магометанскимъ дворянствомъ и христіанскимъ народомъ еще расширилась, и простой народъ, предоставленный самому себѣ, сталъ тормозомъ для расширенія турецкаго государства.

Съ паденіемъ болгарскаго государства угасла и литературная жизнь. Большинство произведеній до-турецкаго періода было утеряно. Сектѣ богумиловъ слѣдуетъ поставить въ заслугу, что она оставила въ наслѣдство потомству также „церковно-славянскія“ произведенія, написанныя и во время турецкаго владычества. Главной книгой богумиловъ оставались „Вопросы святого Іоанна Богослова, предложенные имъ Господу на горѣ Ѳаворѣ“; эта книга заключаетъ въ себѣ картину конца міра и космогонію, въ которую приняты, приспособленныя къ ученію богумиловъ, древнія языческія преданія угровъ. Изъ Болгаріи произведеніе это попало къ русскимъ и сербамъ, а въ латинскомъ переводѣ верхнеитальянскаго епископа Назарія также въ Италію и во Францію. Очень популярны были, приписываемыя то же святому Іоанну, сочиненія: „Вопросы объ Адамѣ и Авраамѣ на Масличной горѣ“ и „Слово о Матери Божьей“; затѣмъ апокрифическое „Путешествіе Богородицы по аду“, разсказъ о двѣнадцати пятницахъ, исторіи Даніила и Самсона, разсужденіе о „злыхъ женахъ“, вошедшее уже въ сборникъ (стр. 331) царя Симеона. Наряду съ сочиненіями духовнаго содержанія распространялись многочисленные романы и сказки греческаго, арабскаго и индійскаго происхожденія, которые въ болгарскомъ переводѣ перешли къ славянамъ. „Жизнь Александра Великаго“, „Троянская легенда“, индійскія сказки Панчатантры (т. II, стр. 411) нашли себѣ въ болгарскомъ переводѣ широкое распространеніе среди славянъ. Эти религіозные и свѣтскіе романы составляли тогда духовную пищу славянъ, и притомъ не только высшихъ классовъ, но, главнымъ образомъ, простого народа. „Сборники“ даютъ ясное представленіе о томъ, что читали болгары; на ряду съ отрывками изъ богословской литературы византійцевъ въ нихъ имѣются многочисленные апокрифы, сказки, повѣсти о чудесныхъ приключеніяхъ, легенды и свѣтскія сочиненія. Въ дни порабощенія содержаніе ихъ такъ трогало душу народа, что многіе изъ этихъ апокрифовъ,

сказокъ и легендъ, въ національной переработкѣ, слились съ родными пѣснями и древними преданіями.

Изъ произведеній исторической литературы того времени до насъ дошли только нѣкоторые сочиненія и отрывки, такъ, напр., „Извѣстіе объ основаніи болгарскаго патріаршества“ (1235), „Поменикъ“ умершихъ царей, патріарховъ, епископовъ и бояръ, „Обзоръ народовъ и языковъ“, въ которомъ всѣ народы сравниваются съ животными (начало 13 столѣтія), „Списокъ языковъ и письменъ“. Кромѣ того, существуютъ двѣ большія историческія компиляціи (лѣтопись), источниками для которыхъ послужили— Библія, преданіе объ Александрѣ и даже нѣсколько апокрифовъ; одна изъ этихъ компиляцій заканчивается паденіемъ Константинополя (1453). Крупнѣйшимъ историческимъ сочиненіемъ является доведенная до 1078 года хроника Константина Манассіи, переведенная по приказанію царя Александра (1331—65); при немъ же реформаторъ церковной дисциплины, Ѳеодосій Трновскій (стр. 344), вмѣстѣ со своими учениками Діонисіемъ и Евфиміемъ, написалъ много житій національныхъ святыхъ и посланій къ главамъ церкви. Но въ теченіе слѣдующихъ трехъ столѣтій гораздо болѣе рукописей было уничтожено турками, чѣмъ написано вновь болгарами.

C. Эпоха турецкаго владычества.

Самымъ мрачнымъ періодомъ въ исторіи болгарскаго народа было время турецкаго владычества, съ конца 15 столѣтія до начала національнаго возрожденія. Торговля находилась въ рукахъ грековъ; высшія должности замѣщались почти исключительно магометанами. Народъ существовалъ только для того, чтобы нести непосильное податное бремя. Побѣды австрійскихъ войскъ (стр. 303) пробудили надежду также и въ болгарахъ; многіе переселились безъ всякой пользы для себя въ южную Венгрію. Но въ теченіе всего турецкаго владычества всегда находилось достаточное количество людей, которые съ оружіемъ въ рукахъ сопротивлялись турецкимъ притѣсненіемъ и вели свободную жизнь въ горахъ. Жизненной задачей этихъ гайдуковъ былъ не столько разбой, сколько месть угнетателямъ ихъ единовѣрцевъ. Битвы и приключенія гайдуковъ и до сихъ поръ прославляются въ многочисленныхъ пѣсняхъ. Они были рыцарями по натурѣ, имъ надоѣло нести тяжелое иго, и они поставили себѣ задачей грабить и уничтожать магометанъ, христіанамъ же помогать и защищать ихъ.

Послѣ паденія болгарскаго государства и національной церкви, которая была совершенно подчинена грекамъ, многіе богумилы подъ вліяніемъ ожесточенія перешли въ католичество. Боснійскіе францисканцы (Фра Петръ изъ Соли или Туглы, скончавшійся въ 1623 г., и его ученики) въ Чипоровцахъ (при истокахъ Огоста въ западныхъ Балканахъ), въ Калачевѣ (Калачли) и въ другихъ селеніяхъ въ окрестностяхъ Филиппополя обратили въ католичество множество богумиловъ, которые стали называть себя павликіанами (не слѣдуетъ смѣшивать съ прежними павликіанами, стр. 333) и большею частью переселились въ Румынію, Трансильванію и въ южную Венгрію. Въ 1688 году императоръ австрійскій Леопольдъ I оказалъ поддержку возстанію католическихъ болгаръ въ Чипоровцахъ, но возстаніе это было все-таки подавлено турками, населеніе бѣжало въ Румынію. Часть перебралась въ Трансильванію и была поселена въ Девѣ и въ Альвинчѣ. Другіе же, отправившіеся въ 1727 г. изъ Пятикладенцевъ, близъ Никополя на Дунаѣ, въ Малую Валахію, принадлежавшую тогда Австріи, ушли въ 1740 г. въ банство Темешъ (въ южной Венгріи), гдѣ они получили имя павликенъ.

Въ 1762 г. монахъ Паисій (стр. 304) на Аѳонѣ написалъ маленькую „Славяно-болгарскую исторію о болгарскихъ народахъ, царяхъ и святыхъ“, оказавшую большое вліяніе на развитіе современной Болгаріи. Горячая любовь къ отечеству, которой дышитъ каждая строчка этой книжки, встрѣ-

тила сильное сочувствіе. Будучи истиной народной книгой, исторія болгаръ Паисія нашла въ безчисленныхъ спискахъ и передѣлкахъ самое широкое распространеніе. Ученикъ Паисія Стойко, бывшій впослѣдствіи подъ именемъ Софронія епископомъ въ Врацѣ (Врачѣ), продолжалъ работать надъ дѣломъ національнаго возрожденія. Въ его сочиненіяхъ любовь къ родинѣ, ненависть къ грекамъ и презрѣніе къ туркамъ проявляются еще сильнѣе, чѣмъ въ сочиненіяхъ его учителя. Уже въ 1802 году онъ составилъ переводъ греческихъ басенъ, разсказовъ и изреченій. Въ своихъ замѣткахъ онъ далъ въ 1804 году вѣрную картину вѣка. Главнымъ сочиненіемъ его являются проповѣди, первая книга напечатанная на болгарскомъ языкѣ въ 1806 году. Онѣ пользуются популярностью и понынѣ.

Въ 1786 г. въ Венгрію опять пришли болгарскіе эмигранты и поселились въ комитатѣ Торонталѣ. На своей новой родинѣ жители горныхъ мѣстностей остались въ большей или меньшей степени болгарами и понынѣ, жители же долинъ образовали смѣшанный народецъ, принявшій многія особенности болгаръ и сербовъ. Тѣмъ, что они не исчезли все-таки совершенно на своей новой родинѣ, они обязаны, подобно балканскимъ славянамъ, главнымъ образомъ, упорному сохраненію древнихъ обычаевъ, которое позволило имъ даже пережить тяжелыя времена турецкаго владычества. Семейная община (задруга; стр. 277) и нынѣ объединяетъ членовъ семьи въ одинъ союзъ, которымъ управляетъ самый умный, но не всегда самый старшій членъ. Онъ распоряжается общимъ имуществомъ, распредѣляетъ между остальными членами семьи работы и продукты труда. Семейная община, поддерживающая чувство солидарности, дала трезвое направленіе болгарскому характеру, она развила въ болгарахъ разумное міросозерцаніе, довольствующееся фактическимъ положеніемъ дѣлъ, не носящееся съ гордыми мечтами о будущемъ и смотрящее на жизнь съ практической точки зрѣнія. Хозяйственный семейный духъ проявляется и въ унаслѣдованныхъ отъ старины свадебныхъ обычаяхъ. У очага патріархальной семейной жизни болгаръ возникли и эпическія пѣсни ихъ, прославляющія народныхъ героевъ, борцовъ за свободу и гайдуковъ. Гордое національное самосознаніе и упорная приверженность къ стариннымъ обычаямъ нашли себѣ лучшаго представителя въ лицѣ родившагося въ сѣверной Венгріи русина, историка и этнографа, Юрія Ивановича Хуцы, который принялъ фамилію Венелинъ (1802—39); но его стремленія оставались только единичными попытками.

Жизнеспособная литература развилась только въ послѣднія десятилѣтія турецкаго владычества, когда послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ возстаній, подавленныхъ въ самомъ зародышѣ, нѣкоторые жившіе въ Бухарестѣ и въ Одессѣ болгары поставили себѣ задачею распространеніе просвѣщенія среди народа. Беронъ составилъ въ 1824 г. букварь, нашедшій самое широкое распространеніе. Стояновъ и Пешаковъ пытались писать болгарскіе стихи, сначала въ подражаніе народнымъ пѣснямъ. Особенно велики заслугу передъ молодой болгарской литературой учителя, а впослѣдствіи архимандрита (іеромонаха), Неофита Рильскаго (изъ монастыря св. Іоанна Рильскаго; умеръ въ 1881 г.). Онъ издалъ въ 1835 г. для первой чисто болгарской школы въ Габровѣ первую болгарскую грамматику. Кромѣ того, онъ издалъ еще словено-болгарскую энциклопедію, въ которой особенно много мѣста удѣлено отечествовѣдѣнію, составилъ древне-словенскую хрестоматію съ греческо-словенскимъ словаремъ (1852), перевелъ на народный языкъ Новый Завѣтъ и началъ въ 1875 г. печатать греческо-церковно-славянскій новоболгарскій словарь, который, къ сожалѣнію, былъ доведенъ только до слова ὄνος. Вмѣстѣ съ расцвѣтомъ новой болгарской литературы появились сначала за границей въ нѣсколькихъ мѣстахъ типографіи; такъ, напр., въ Смирнѣ при поддержкѣ болгарской колоніи Константинъ Фотиновъ издавалъ въ 1844 г. иллюстрированный ежемѣсячный

журналъ „Любословіе*. Почти въ то же самое время (съ 1852 г.) выступилъ писатель Петко Рачовъ Славейко, завоевавшій себѣ почетное мѣсто среди литераторовъ Болгаріи своими стихами, научными статьями, этнографическими сборниками. Онъ открылъ тотъ рудникъ, изъ котораго позднѣйшіе изслѣдователи народной жизни Д. и К. Миладиновы, Чолаковъ, Верковичъ (срв. т. VIII), Матовъ, Иванъ Д. Шишмановъ (переводчикъ нѣмецкихъ классиковъ), Цепенковъ и, главнымъ образомъ, Сава Георгіевъ (литературный псевдонимъ—Георгій Стойковъ) извлекали богатыя сокровища первобытной поэзіи и духовной мощи. На ряду съ Славейковымъ слѣдуетъ упомянуть, какъ о выдающемся поэтѣ (съ 1845 г.), о Найденѣ Геровѣ, учителѣ, а потомъ вице-консулѣ; съ 1870 года равное мѣсто съ ними занялъ Иванъ Вазовъ, авторъ произведеній, отличающихся совершенствомъ формы. Лучшимъ новеллистомъ былъ Любенъ Каравеловъ (умеръ въ 1879 г.), на ряду съ стихотвореніями написавшій много разсказовъ, написанныхъ на политическія темы; Василій Друмевъ, впослѣдствіи епископъ Климентъ, написалъ въ 1860 году первый романъ „Несчастное семейство“. Въ серединѣ столѣтія появились и первыя произведенія драматической литературы. Первую оригинальную пьесу, комедію „Михаилъ“, написалъ Сава Г. Доброплодный; за нимъ слѣдуютъ Добрё Поповъ Войниковъ, написавшій съ 1868 г. цѣлый рядъ драматическихъ произведеній, и вышеупомянутый Друмевъ, перу котораго принадлежитъ „Иванко“ (1872). Изъ историковъ, заслуживающихъ, дѣйствительно, этого имени, можно упомянуть въ старое время только о Маринѣ Степановичѣ Дриновѣ, родившемся въ 1838 году въ Панагьюриштѣ, но состоявшемъ профессоромъ въ Россіи (въ Харьковѣ, † 1905).

D. Начало новой независимости.

Послѣ 485-лѣтняго рабства для Болгаріи пробилъ, наконецъ, часъ свободы. Въ 1875 году были подавлены послѣднія возстанія (въ сентябрѣ въ Старой Загорѣ, въ апрѣлѣ и маѣ 1876 г. въ Средней Горѣ и въ Родопахъ, здѣсь, именно, имѣли мѣсто „bulgarian atrocities“ или „horrors“ В. Баринга, Э. Шуйлера и Гладстона). Тогда великія державы созвали конференцію въ Константинополѣ (съ декабря 1876 г. до января 1877 г.), причемъ представители великихъ державъ внесли предложеніе объ учрежденіи двухъ провинцій, управляемыхъ христіанскими губернаторами (срв. стр. 193). Турція не согласилась на этотъ проектъ и усилила репрессіи противъ болгаръ. Болгарія сдѣлалась ареной отчаянной борьбы, которая закончилась 3 марта 1878 г. миромъ въ Санъ-Стефано. Собравшійся сейчасъ же послѣ этого конгрессъ великихъ державъ въ Берлинѣ освободилъ Болгарію 13 іюля 1878 г. отъ турецкаго ига (см. прилагаемую карту: „Румынія, Болгарія, и т. д.“).

22 февраля 1879 г. въ Трновѣ открылись засѣданія перваго болгарскаго собранія выборныхъ, давшаго на предварительные вопросы отвѣты въ либеральномъ духѣ (Трновская конституція). Сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ (29 апрѣля) открылось первое великое народное собраніе, въ первомъ же засѣданіи избравшее на болгарскій княжескій престолъ племянника русскаго царя Александра II, 22-лѣтняго принца Александра Баттенбергскаго [1]. При самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ

[1]
Графъ Морицъ Гауке, † 1830, польскій генералъ-лейтенантъ
|
Юлія. *1825, † 1895, сначала „графиня“, съ 1858 г. „принцесса Баттенбергская“. — 1851 — Людовикъ II Гессенъ-Дармштадтскій: Александръ, *1823, †1888, русскій и австрійскій генералъ; [Людовикъ III и Карлъ, † 1877]; Марія, *1824, †1880, Марія Александровна — 1841 — Русскій императоръ Александръ II

Дѣти Юліи и Александра: Людовикъ, *1854, англійскій капитанъ; Александръ, *1857, съ 1879 по 1886 князь болгарскій, съ 1889 г. „графъ Гартенау,“ † 1893; Францъ-Іосифъ, *1861, докторъ философіи, съ 1897 г. женатъ на Аннѣ Черногорской

Сынъ Маріи Александровны и Александра II: Александръ III 1881 — 94

Исторiя человѣчества. V.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

молодой князь вступилъ въ управленіе страной, страдающей отъ партійныхъ раздоровъ и всякаго рода интригъ. Радикалы и консерваторы вели ожесточенную борьбу. Утомленный постоянными раздорами, Александръ въ маѣ 1881 года издалъ манифестъ, въ которомъ заявлялъ, что всѣ его усилія оставались до сихъ поръ тщетными и требовалъ, чтобы новое національное собраніе дало свое согласіе на измѣненіе конституціи и предоставило бы ему на семь лѣтъ чрезвычайныя полномочія, чтобы онъ, дѣйствительно, могъ упорядочить дѣла княжества. Новое національное собраніе въ Систовѣ, въ которое были избраны преимущественно консервативные крестьяне, удовлетворило 18 іюля желаніе князя. Но могущественная партія подготовляла низложеніе Александра; что она вступила для этого въ сношенія съ русскимъ консуломъ Хитрово и съ присланнымъ изъ Москвы въ Болгарію полковникомъ Степановымъ-Поповымъ, нельзя считать доказаннымъ [1]. Во всякомъ случаѣ, царь далъ князю Александру генерала Леонида Н. Соболева въ качествѣ министра-президента, и генерала барона Александра В. Каульбарса, въ качествѣ военнаго министра (5 іюля 1882 г.); но, по мнѣнію консервативныхъ министровъ, ихъ товарищей по кабинету, уже въ началѣ марта вышедшихъ въ отставку, все поведеніе этихъ генераловъ было направлено къ тому, чтобы въ короткое время превратить Болгарію въ русскую провинцію. Чтобы положить конецъ всѣмъ этимъ поползновеніямъ, Александръ потребовалъ, но тщетно, отъ новаго русскаго посредника въ дѣлахъ, А. С. Іонина, въ началѣ сентября отставки обоихъ генераловъ. По слухамъ, далеко, однако, недоказаннымъ, Іонинъ вручилъ тогда слѣдующій ультиматумъ: 1) Александръ долженъ отказаться отъ данной ему въ 1881 г. чрезвычайной власти; 2) должно быть созвано національное собраніе для измѣненія конституціи; 3) князь долженъ предоставить дѣло управленія Соболеву и Каульбарсу; 4) въ случаѣ отказа Соболевъ можетъ освободить подданныхъ князя отъ обязанностей, налагаемыхъ присягой. Въ виду угрожающихъ опасностей всѣ партіи соединились 18 сентября и объявили возстановленной старую трновскую конституцію; на слѣдующій день генералы были замѣнены либеральнымъ министерствомъ Драгана Цанкова. Возникшія, благодаря взаимному отозванію офицеровъ, несогласія съ Россіей были въ ноябрѣ улажены посредствомъ предварительнаго соглашенія. 17 декабря палата утвердила на бумагѣ требуемыя Александромъ измѣненія.

Въ это время 18 сентября 1885 г. возстали жившіе въ Восточной Румеліи болгары, желавшіе присоединенія къ Болгарскому княжеству: съ августа 1878 г. возникшія тамъ въ память столѣтія со дня рожденія нѣмецкаго основателя гимнастики, Фр. Л. Яна, „гимнастическія общества" не переставали стремиться къ тому, чтобы замѣнить подтвержденную берлинскимъ конгрессомъ зависимость отъ Турціи соединеніемъ съ Болгаріей. Александръ тотчасъ же отправился въ Филиппополь и провозгласилъ тамъ 21 сентября объединеніе обоихъ государствъ (см. маленькую карту внизу направо на двойной картѣ при стр. 165). Вслѣдствіе этого король сербскій Миланъ 14 ноября объявилъ войну Болгаріи; послѣ пораженій сербовъ при Сливницѣ (17—19 ноября) и при Пиротѣ (26 и 27 ноября) былъ заключенъ 3 марта миръ въ Бухарестѣ, которымъ возстанавливалось прежнее

[1] Надо имѣть въ виду, что исторія русско-болгарскихъ отношеній изложена авторомъ крайне тенденціозно съ явнымъ желаніемъ отмѣтить стремленія русскаго правительства завладѣть Болгаріей. Окончательное разъясненіе этого вопроса—дѣло будущаго но самыя условія избранія Александра Баттенбергскаго, вмѣсто одного изъ русскихъ великихъ князей или даже генераловъ (какъ хотѣли болгары, но чего не разрѣшилъ императоръ Александръ II), дѣлаютъ весьма мало вѣроятнымъ подозрѣніе автора. Политика Россіи по отношенію къ румелійскому вопросу изложена въ книгѣ Татищева: „Изъ прошлаго русской дипломатіи"; краткій очеркъ вообще русской политики въ Болгаріи можно найти въ книгѣ генерала Овсянаго: „Болгарія". *Примѣч. ред.*

положеніе вещей. Константинопольскимъ протоколомъ 5 апрѣля Александръ былъ признанъ генералъ-губернаторомъ Восточной Румеліи.

Однако, недовольные офицеры ночью 20 августа 1886 г. напали на Александра въ его спальнѣ и перевезли его за границу. Но уже черезъ десять дней побѣдило противоположное теченіе. Телеграммы отъ Стефана Стамбулова и отъ полковника Муткурова вызвали обратно находившагося во Львовѣ изгнаннаго князя. Но Александръ былъ настолько неостороженъ, что въ телеграммѣ къ царю заявлялъ, что все его поведеніе зависитъ отъ его рѣшенія. Когда на эту телеграмму получился рѣзкій отказъ [1], князь 7 сентября окончательно отрекся отъ престола.

Стамбуловъ, Муткуровъ и Г. Чивковъ стояли теперь во главѣ регентства, пока національное собраніе 10 ноября 1886 года не избрало княземъ принца Вальдемара Датскаго, а когда онъ отказался, то 7 іюля 1887 года 26-лѣтняго католическаго принца Фердинанда Саксенъ-Кобургскаго (Когари). При немъ во главѣ министерства долгое время продолжалъ стоять Стамбуловъ, „болгарскій Бисмаркъ", пока 30 марта 1894 г. не взяла опять верхъ русская партія. Стамбуловъ, великій борецъ за національную независимость [2], палъ отъ руки убійцы 15 іюля 1895 года. Съ тѣхъ поръ примиреніе съ Россіей подвинулось далеко впередъ (1895—96 и 1901—02). Внутренняя политика Болгаріи сильно страдаетъ теперь отъ неблагопріятнаго финансоваго положенія и отъ постоянныхъ непріятностей, причиняемыхъ македонскимъ вопросомъ (стр. 196), который до сихъ поръ остается неразрѣшеннымъ, несмотря на постановленія по этому поводу Россіи и Австріи, состоявшіяся при свиданіи обоихъ императоровъ въ Мюрцштегѣ въ 1903 году.

3. Румыны.

А. Происхожденіе румынъ.

Относительно происхожденія румынъ въ ученыхъ и образованныхъ кругахъ существуютъ и постоянно возникаютъ вновь чрезвычайно разнообразныя мнѣнія. Маленькими группами румыны живутъ въ балканскихъ земляхъ, въ Венгріи и въ Трансильваніи, сплошной же массой только въ королевствѣ Румынія. Славяне называютъ ихъ (какъ и всѣхъ романцевъ между Чернымъ и Адріатическимъ моремъ) влахами, валахами (vlach, множественное число vlasi), что вполнѣ соотвѣтствуетъ нѣмецкому слову walh, wälſch; румынскихъ пастуховъ Динарскихъ горъ въ отличіе отъ итальянскихъ горожанъ Далмаціи называютъ „черными" влахами (мороблахи, морлахи; срв. также стр. 361). Подобно итальянскому, испанскому и французскому языкамъ, румынскій происходитъ отъ латинскаго народнаго языка, отъ того языка, на которомъ говорили романизированные подданные Рима съ 1 по 6 столѣтіе по Р. Хр. на нижнемъ Дунаѣ, въ древней Дакіи (Трансильваніи). Поэтому языкъ ихъ называется „дакорумынскимъ" въ отличіе отъ другихъ романскихъ языковъ. Для времени колонизаціи Дакіи римлянами лучшей иллюстраціей служатъ рельефы Траяновой колонны, изображающіе, вѣроятно, войны даковъ; они хорошо

---

[1] Въ телеграммѣ императора Александра III заключался отказъ рекомендовать принцу его образъ дѣйствій, такъ какъ онъ самъ долженъ былъ понять, какими послѣдствіями для несчастной страны грозитъ его возвращеніе въ Болгарію; князь понялъ намекъ, заключавшійся въ телеграммѣ императора, и отрекся отъ престола.
Примѣч. ред.

[2] Тенденціозность автора проглядываетъ уже въ этой характеристикѣ Стамбулова. Болѣе вѣрную характеристику этого грубаго тиранна даетъ г. Амфитеатровъ въ своихъ путевыхъ очеркахъ по Славянскимъ странамъ, изданныхъ отдѣльной книгой.
Примѣч. ред.

воспроизведены В. Френеромъ и Густ. Арозой (1872—74) и образцово Конр. Цихоріусомъ (съ 1896 г.).

Нѣкоторые полагаютъ, что въ 7 и 8 столѣтіяхъ по Р. Хр. изъ Апеннинъ, изъ папской области, изъ Романьи, близъ Равенны (которая нѣкогда называлась Romania), часть скотоводческаго населенія переселилась во время лангобардо-византійскихъ смутъ черезъ Фріуль въ Иллирикъ, нынѣшнюю Боснію и сѣверную Албанію, что, такимъ образомъ, романское племя попало на Балканскій полуостровъ, гдѣ нарѣчіе этихъ пастуховъ распространилось въ славянскихъ областяхъ, и путемъ смѣшенія образовался новый романскій языкъ. Но этого мнѣнія никоимъ образомъ нельзя доказать на основаніи источниковъ, и съ научной точки зрѣнія оно не выдерживаетъ никакой критики. Несомнѣнно только то, что кромѣ фонетическихъ вліяній славянскаго и албанскаго языковъ, въ румынскомъ языкѣ, подобно албанскому, членъ ставится на концѣ слова, что будущее время выражается описательно, что образованіе числительныхъ заимствовано отъ славянскаго языка, и что изъ обоихъ языковъ заимствованы многія слова, характерныя для высшей культуры. Г. Тиктинъ опредѣляетъ количественное отношеніе въ румынскомъ литературномъ языкѣ словъ славянскихъ, народно-латинскихъ, турецкихъ, греческихъ, мадьярскихъ и албанскихъ слѣдующими приблизительными цифрами — 76:52:14:13:10:1. Процессъ образованія языка мы должны представить себѣ приблизительно такимъ образомъ, что первоначальное рѣдкое населеніе дако-ѳракійскаго происхожденія сначала слилось съ многочисленными римскими солдатами и колонистами, народно-латинскій языкъ которыхъ, правда, скоро испыталъ своеобразное измѣненіе, но, несмотря на это никогда не терялъ своего основного романскаго характера. Всего лучше это постепенное измѣненіе описано Н. Іоргой въ I т. его „Исторіи румынскаго народа“ (Гота, 1905). Въ 679 г. (частью уже столѣтіемъ раньше; срв. стр. 324) пришли финно-угрскіе болгары, которые, прежде чѣмъ смѣшаться съ народами Балканскаго полуострова, въ теченіе трехъ столѣтій сохраняли свой „туранскій“ языкъ (срв. стр. 372); въ теченіе этого времени они, кромѣ албанскаго, средне-греческаго и другихъ языковъ, оказывали, разумѣется, вліяніе и на старорумынскій языкъ. Параллельно шло также и постоянное сильное вліяніе славянскаго языка (стр. 274). Послѣ этого только, если вѣрить Моисею Гастеру, измѣненный такимъ образомъ румынскій языкъ встрѣтился съ албанскимъ языкомъ, тоже впитавшимъ въ себя за это время туранскіе и славянскіе элементы (ѳракійское происхожденіе албанскаго[1] языка было нами выяснено на стр. 221). Еще болѣе поздняго происхожденія тѣ измѣненія, которыя румынскій языкъ испыталъ подъ вліяніемъ венгерскаго, турецкаго и новогреческаго.

На ряду съ этимъ главнымъ и единственнымъ литературнымъ нарѣчіемъ румынскаго языка, на которомъ говоритъ 8 милліоновъ въ Молдавіи и въ Валахіи, въ Бессарабіи, въ Трансильваніи и въ Банатѣ, въ части Венгріи и Буковины существуютъ еще два второстепенныхъ нарѣчія: южное или македоно-румынское нарѣчіе куцовлаховъ (kucovlasi=хромающіе валахи) или цинцаръ въ Македоніи, численность которыхъ равняется, какъ полагаютъ, 1 милліону, и полуславянизированное истро-румынское нарѣчіе, на которомъ говорятъ едва 3,000 человѣкъ, вблизи восточнаго берега Истріи и внутри области Карста, и то только на ряду съ господствующимъ тамъ хорватскимъ языкомъ.

Послѣ массового переселенія римскихъ колонистовъ Траяномъ (срв. т. IV) прежняя страна даковъ въ теченіе многихъ десятилѣтій играла въ сущности роль окраины Римской имперіи: по мѣрѣ упадка послѣдней

---

[1] Албанскій языкъ считается, обыкновенно, потомкомъ древне-иллирійскаго, сохранившагося на надписяхъ въ Южной Италіи. *Примѣч. ред*

ее все болѣе и болѣе тревожили варвары, и спокойные промежутки были очень рѣдки и непродолжительны, напр., при императорѣ Максиминѣ (235—238). Уже Авреліанъ, „возстановитель имперіи" (270—275) долженъ былъ уступить готамъ противуположный берегъ Дуная и, переселивъ тамошнихъ колонистовъ на эту сторону, основать на югъ отъ Дуная новую Дакію. Съ этихъ поръ мѣстности на сѣверъ отъ нижняго Дуная были постоянной цѣлью набѣговъ варварскихъ ордъ, стремившихся на юго-западъ. Черезъ столѣтіе послѣ гунновъ и гепидовъ (около 450), появились авары (около 555) и славяне (прежде всѣхъ анты; срв. стр. 326). Затѣмъ (679) пришли болгары (хазары и альціагиры; стр. 326) и, наконецъ, въ дальнѣйшія полтора или два десятилѣтія, приблизительно въ 840—860 г., мадьяры (стр. 324), послѣдніе если и не навсегда, то отчасти, по крайней мѣрѣ, проходомъ черезъ Дакію. Всему, что осталось еще въ эти суровыя времена отъ римской колоніальной культуры, грозила серьезная опасность исчезновенія позднѣе, во время частыхъ набѣговъ печенѣговъ (около 900 г.; стр. 85 и 335) и кумановъ или узовъ (около 1050 г.; стр. 93 и 336). Понятно, что относительно такого смутнаго времени у насъ не имѣется вполнѣ достовѣрной хронологіи по годамъ и по отдѣльнымъ событіямъ. Только въ самыхъ общихъ чертахъ можно установить, что существуетъ одно замѣчательное различіе среди всѣхъ этихъ варварскихъ набѣговъ; отъ германскихъ (вестгото-гепидскихъ) вліяній трудно найти хоть какіе-нибудь осязательные остатки, славянская же и урало-алтайская (сѣверно-монгольская) кровь была привита, по крайней мѣрѣ, оставшемуся въ равнинахъ (въ Бессарабіи, Добруджѣ и Валахіи) дако-романскому населенію. Остатки не смѣшаннаго дако-романскаго населенія сохранялись можетъ быть въ неприступныхъ лѣсистыхъ горахъ сѣверозападной Молдавіи и Трансильваніи, а также въ авреліевой Дакіи, откуда они послѣ наступившаго успокоенія спустились внизъ и, перейдя на ту сторону сѣвернаго Дуная, вплели много замѣтныхъ нитей въ пеструю ткань теперь уже „румынскаго" народа. Замѣчателенъ обычай пастушескаго населенія Карпатъ посылать своихъ овецъ на зимовку въ Молдавію или въ Валахію; точно также ѳессалійскіе валахи лѣтомъ посылаютъ свои стада въ болгарскія горы („странствующее Седмиградіе", по выраженію Іоганна Гинца, „la transhumance—по выраженію Эм. де Мартона). Несмотря на эту правильную перемѣну мѣста, Румынія попрежнему можетъ считаться истинной колыбелью румынскаго народа.

Въ теченіе 10 и 11 столѣтій въ Дакіи возникаютъ небольшія княжества (банства), и тѣ изъ нихъ, которыя отважились изъ Трансильваніи проникнуть слишкомъ далеко въ низменность Тиссы, попали въ зависимость отъ мадьяръ. Княжества же, примыкавшія къ Карпатамъ съ восточной и южной стороны, смогли сохранить свою независимость даже противъ печенѣговъ, кумановъ и монголовъ. Карпаты были исходной точкой для образованія въ 14 столѣтіи двухъ новыхъ государствъ, Молдавіи и Валахіи, которыя, оставаясь долго независимыми другъ отъ друга, имѣли каждое свою собственную исторію.

В. **Валахія**.

а) Династія Басараба (до 1654).

Въ началѣ 13 столѣтія Валахія находилась еще во владѣніи венгерскихъ королей изъ дома Арпада. Бела IV подарилъ ее въ 1247 г. ордену іоаннитовъ, за исключеніемъ полу куманской „terra" „olacus'a" Сенеслава, бывшаго тогда воеводой „Великой Валахіи" на востокѣ отъ рѣки Ольты (Алута, Альтъ), и за исключеніемъ также „keneziatus'a" (судебнаго округа), сравнительно независимаго воеводы Литовоя (Литвой, неправильно называютъ его Литеаномъ или Литеномъ). Когда на венгер-

скій престолъ вступилъ въ 1272 г. несовершеннолѣтній Владиславъ IV Куманинъ, Литовой и его братья сдѣлали попытку свергнуть съ себя бремя ежегодной дани; но Литовой палъ (около 1275 г.), и его братъ долженъ былъ заплатить большой выкупъ. Вскорѣ затѣмъ Басарабъ (Бассараба), сынъ Тихомира (Тугомира; христіанское имя его Иванко; около 1290 г.) и внукъ вышеупомянутаго Сенеслава, основалъ западнѣе Ольты княжество „Transalpina“ (Угровалахія или Малая Валахія); по-молдавски—Мумтенія съ резиденціей въ Арджешѣ. Его „великое воеводство“, въ противуположность Молдавіи, возникшей, главнымъ образомъ, благодаря иммиграціи извнѣ,—является продуктомъ внутренняго творчества. Правда, могущество Басараба значительно уменьшилось, благодаря пораженію при Вельбуждѣ (1330; стр. 343) его союзника Михаила Трновскаго. Но попытка венгерскаго Анжу, Карла I Роберта, вновь вынудить полузабытую присягу на вѣрность, потерпѣла полное крушеніе въ карпатскихъ горныхъ трущобахъ: Басарабъ (умеръ около 1340 г.) остался властелиномъ „всей румынской земли“, представлявшей изъ себя, впрочемъ, пока только зародышъ настоящаго государства. И все-таки эта „Малая Валахія“, начало собственной исторіи которой было столь многообѣщающе, скоро опередила и оттѣснила на задній планъ Великую Валахію.

Сынъ Басараба (Николай) Александръ урегулировалъ въ 1344 г. въ Кронштадтѣ, по собственному желанію, совмѣстно съ королемъ Людовикомъ I Великимъ (1342—82) компетенцію своего воеводства; у себя въ государствѣ ему приходилось бороться со многими недовольными. При немъ было основано Богданомъ новое княжество въ Молдавіи (срв. стр. 359) вокругъ Байи; сосѣдскія отношенія на Балканскомъ полуостровѣ заставили Александра не трогать усиливающагося соперника. Въ 1359 г. византійскій митрополитъ Гіацинтъ изъ Вичины въ устьяхъ Дуная прибылъ въ Угровалахію. Отъ своей первой жены, вѣроятно сербки или боснячки, Александръ Басарабъ имѣлъ сына Влада (Владиславъ, Влайко, Лайко); затѣмъ, около 1350 г. онъ женился на католичкѣ, венгеркѣ Кларѣ, и скончался 16 ноября 1364 г. Лайко (умеръ 1377 или 1382—85) сумѣлъ хорошо отстаивать свое положеніе противъ короля Людовика: уже въ 1369 г. онъ называетъ себя въ грамотахъ: „Владиславъ, милостію Бога и короля венгерскаго воевода Валахіи, банъ Сирміи и герцогъ Фогараша“ (Фогарашъ въ Трансильваніи и позднѣе отдавался венгерскими королями въ ленъ воеводамъ Валахіи, такъ какъ онъ въ эпоху наступившаго уже въ 1367 и 1385 г. турецкаго гнета считался надежнымъ укрѣпленнымъ убѣжищемъ). При Лайко въ Арджешѣ было учреждено римское епископство, хотя воевода и не исполнилъ желанія папы и не перешелъ въ католичество. Наоборотъ, склонность къ греческой вѣрѣ ясно сказалась въ женитьбѣ наслѣдника престола Радула на Каллиникіи, вліянію которой слѣдуетъ приписать дарованіе духовенству большихъ имѣній.

Сыновьями Раду и Каллиникіи были двое враждующихъ между собою братьевъ, Данъ (бывшій государемъ еще въ октябрѣ 1385; умеръ 1393) и Мирчеа Старый или Великій (Мирче, Мирча; 1386—1418). Въ 1390 г. состоялось соглашеніе между Мирчеа и польскимъ королемъ Владиславомъ Ягелло, возобновленное въ 1411 г. Въ 1389 г. онъ отнялъ у болгаръ Добруджу и городъ Силистрію. Но разбитый на Коссовомъ полѣ (стр. 292 и слѣд.) въ 1389 г., онъ сдѣлался полувассаломъ турокъ (1391 и 1394). Чтобы защитить свою страну отъ натиска турокъ, Мирчеа въ 1395 г. прибылъ въ Трансильванію и заключилъ 7 марта въ Кронштадтѣ оборонительный и наступательный союзъ съ королемъ Сигизмундомъ; по этому договору онъ принималъ участіе вмѣстѣ съ войскомъ христіанъ въ несчастной битвѣ при Никополѣ (28 сентября 1396 г.). 3 апрѣля 1904 г. король Карлъ I въ рефератѣ „Никополисъ“, прочитанномъ въ румынской академіи,

прославлялъ этотъ союзъ между нѣмцами и румынами. Мирчеа долженъ былъ вновь признать турецкій суверенитетъ, совсѣмъ отдать туркамъ правый берегъ Дуная и уплачивать ежегодную дань эмиру, какъ полагаютъ, 3,000 красныхъ бановъ или 300 турецкихъ серебряныхъ талеровъ (онъ три года не уплачивалъ этой дани, но въ 1417 г. упорство его было окончательно сломлено). Но зато Порта въ 1411 г. дала странѣ свободное управленіе съ выборными воеводами. Этотъ договоръ, которому пришлось быть до 19 столѣтія основой въ отношеніяхъ между Валахіей и Турціей, былъ въ 1460 г. возобновленъ воеводами Владомъ IV и Мохаммедомъ II. По мнѣнію Н. Іорги, дѣло было совсѣмъ не такъ. Но этому историку, какъ и почти всѣмъ историкамъ юговосточной Европы, присущи нѣторыя національныя пристрастія (особенно въ пользу Молдавіи). Въ спорахъ изъ-за престола, возникшихъ въ 1403 г. послѣ смерти Баязета I (срв. стр. 133), Мирчеа сталъ сталъ на сторону Музы, и это было его счастье, такъ какъ Муза въ февралѣ 1411 г. былъ признанъ повелителемъ Турецкой имперіи и, разумѣется, наградилъ вѣрнаго помощника своей благосклонностью. Поэтому, договоръ 1411 г. можетъ считаться скорѣе союзомъ дружбы. Но эти хорошія отношенія между Валахіей и Портой были непродолжительны. Въ 1413 г. Муза былъ побѣжденъ своимъ братомъ Мохаммедомъ. Съ Лже-Мустафой которому покровительствовалъ Мирчеа Мохаммедъ справился даже до его выступленія; Мирчеа же наказалъ въ 1417 г. покореніемъ, которое даже Іорга вынужденъ назвать „полнымъ". Впрочемъ, можетъ быть, Іорга и правъ, называя договоръ о дани, существовавшій будто бы между Баязетомъ и Мирчеа такой же поддѣлкой, какъ и договоръ между Мохаммедомъ II и Раду Красивымъ (стр. 355); достовѣрныя данныя относительно размѣровъ дани мы имѣемъ только съ 1532 г.

Уже въ 1413 г. Мирчеа сдѣлалъ соправителемъ своего сына Михаила (плохо сохранившаяся стѣнная живопись византійскаго характера въ монастырѣ Козія изображаетъ вмѣстѣ обоихъ государей). Умеръ Мирчеа 31 января 1418 г. Въ 1420 г. умеръ и Михаилъ, уступивъ мѣсто Дану, своему врагу и брату, покровительствуемому турками. Этотъ послѣдній исчезаетъ съ исторической арены въ 1430. Поддерживаемый Молдавіей и Турціей, бояринъ Альдеа, прозванный „Александромъ", послѣ четырехлѣтней борьбы (1432—36) устраняется Владомъ, законнымъ сыномъ Мирчеа, воспитывавшемся при дворѣ императора Сигизмунда.

Время величайшихъ бѣдствій наступило для Валахіи въ правленіе этого деспотическаго воеводы, Влада II, прозваннаго Дракулъ (чортъ). Въ 1432 г. онъ былъ выгнанъ изъ своей резиденціи Тырговища, а турецкія войска опустошали въ это время область по рѣчкѣ Бурзъ и страну секлеровъ. Въ 1436 г. Владъ попалъ даже въ руки турокъ, но, въ концѣ-концовъ, ему удалось все-таки сохранить свой престолъ. Въ 1438 г. онъ повелъ войско Мурада въ Трансильванію и сталъ называть себя герцогомъ Фогараша и Амлаша. Но послѣ битвы при Сентъ-Эндре (1442), предводитель венгерскаго войска, трансильванскій румынъ Янъ Гуніади, вступилъ въ Валахію и принудилъ къ изъявленію покорности турецкаго вассала, Влада Дракула; уже въ 1443 г. послѣдній сопутствовалъ ему въ Сербію. Но такое положеніе продолжалось не долго. Извѣстіе, будто бы Владъ послѣ несчастной битвы при Варнѣ (10 ноября 1444) взялъ въ плѣнъ бѣжавшаго Гуніади, не доказано (по утвержденію Іорги). Но во всякомъ случаѣ могущество Венгріи было настолько ослаблено, что Владъ въ 1446 г. снова заключилъ миръ съ Турціей. Поэтому венгерскій полководецъ въ концѣ 1446 г. вторгся въ Валахію и отдалъ воеводское достоинство нѣкоему Владиславу, который принялъ имя Дана IV; разбитый при Пеговиштѣ, Владъ Дракулъ попалъ въ плѣнъ и былъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ Мирчеа казненъ въ Тыргжорѣ. Долго продолжалась теперь борьба изъ-за воеводскаго достоинства между семьями Дана и

Дракула[1]. Воеводы, пользовавшіеся помощью то венгеровъ, то турокъ, быстро смѣняли другъ друга. Данъ IV въ серединѣ октября 1448 г. помогалъ, правда, съ войскомъ въ 8,000 человѣкъ Гуніади въ битвѣ на Коссовомъ полѣ (стр. 136), но за свою личную безучастность онъ былъ наказанъ лишеніемъ леновъ, расположенныхъ по сю сторону Карпатъ.

Съ 1455 г. (или 1456) до 1462 правилъ второй сынъ Дракула, Владъ IV, котораго достаточно характеризуетъ его прозвище Цепешъ (или Цепелусъ: колющій или сажатель на колъ; портретъ его смотр. на табл. при стр. 356 налѣво вверху). Сейчасъ же послѣ смерти Яна Гуніади (1456) и послѣ смерти Владислава Постума (1457) Владъ IV неожиданно вторгся въ Трансильванію, предалъ пламени Кронштадтъ и посадилъ на колъ всѣхъ плѣнныхъ. Чтобы оградить себя съ тылу, онъ заключилъ въ 1460 г. союзъ съ Портой (стр. 354). Но въ 1461 г. онъ только изъ жажды крови и добычи напалъ на Болгарію и посадилъ на колъ около 20,000 человѣкъ. Чтобы отомстить за эту обиду турки, вмѣстѣ съ Стефаномъ Великимъ Молдавскимъ, весною 1462 г. (стр. 362), выступили противъ него и прогнали его въ Трансильванію. Алибергъ турецкаго эмира Мохаммеда II осенью 1462 г. за ежегодную дань въ 12,000 дукатовъ сдѣлалъ воеводой брата Влада, Раду(ла) Красиваго (см. маленькую карту справа вверху на двойной картѣ при стр. 165); этотъ послѣдній признавалъ также суверенитетъ венгерскаго короля Матвѣя, который держалъ въ плѣну въ Офенѣ двуличнаго Влада и, тоже изгнаннаго, воеводу Молдавіи, Петра V Аарона (стр. 361). Раду былъ осенью 1462 г. вторично и на этотъ разъ окончательно прогнанъ своимъ молдавскимъ сосѣдомъ Стефаномъ Великимъ; въ послѣдовавшихъ затѣмъ смутахъ онъ скоро потерялъ и жизнь. Его преемникъ Лайотъ, названный Басарабомъ старшимъ, вслѣдствіе слишкомъ тѣсной дружбы съ турками, уже въ 1474 г. лишился благосклонности Стефана; молдавскія и трансильванскія войска прогнали и его (20 октября 1474 г.). То же самое случилось съ нимъ вторично въ концѣ 1476 г. И вотъ теперь съ помощью Венгріи Владъ Цепешъ опять занялъ мѣсто воеводы. Онъ скоро умеръ и, послѣ двухлѣтней семейной борьбы между обоими Басарабами, на воеводскомъ мѣстѣ занялъ прочное положеніе младшій Басарабъ, призванный Цепелусомъ (маленькимъ сажателемъ на колъ). Его воеводство продолжалось до 1481 г. Послѣ него господиномъ Угровалахіи сдѣлался бывшій монахъ, принявшій имя Влада V (1481—86). Въ противоположность свободолюбивому Стефану Великому онъ былъ безличнымъ вассаломъ Порты. На основаніи договора 1482 г. границей между Молдавіей и Валахіей была признана рѣка Мильковъ. Сынъ и преемникъ Влада, Радулъ IV или V (1496—1508),[2] въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ носитъ по праву эпитетъ „Великаго“. Онъ старался реформами въ области управленія и церкви (противъ захватовъ константинополь-

[1] Раду(лъ) воевода Валахіи около 1380 г., жена его гречанка Калликинія

Данъ, воевода еще въ 1385 г. † 1393 — Мирче Старшій или Великій, воевода Валахіи 1389, † 31 января 1418

Михаилъ, соправитель съ 1413 г. † 1420 — Данъ, воевода 1420—30 — (Альдае-Александръ, † 1436) — Владъ II Дракулъ, 1432—46 жена его дочь Ильи Молдавскаго (стр. 361)

Владиславъ-Данъ (IV), воевода 1446—55 — Данъ претендентъ † 1460 — Лайотъ, называемый Басарабомъ старшимъ, воевода 1473/74 и съ конца 1474 до 1476 — Мирче † 1446 — Владъ IV Цепешъ воевода съ 1455 по 1462 г. и въ концѣ 1476 г. — Раду Красивый, воевода 1462—73

Басарабъ Младшій, называемый Цепелушъ, воевода осенью 1474 и съ 1477 по 1481, жена его Неага, сестра бояръ альтскихъ и бановъ Крайовскихъ — Михнеа Злой, претендентъ 1508—10

Данчіулъ, претендентъ 1508, † 1610 — Бассарабъ III Неагое, воевода съ 1512 г. до сентября 1521 жена его сербка, племянница митрополита Максима

Өеодосія, 1521—23

[2] См. родословную на стр. 356.

скаго патріарха Нифонта) помочь всеобщей бѣдѣ. Но, несмотря на то, что онъ лично принесъ въ Константинополѣ въ 1504 г. изъявленія своей покорности, турки все-таки отняли у него въ 1507 г. дунайскія таможенныя пошлины. Михаилъ (Михнеа), выдаваемый за сына Влада Цепеша, благодаря направленной противъ него партійной борьбѣ, долженъ былъ послѣ двухлѣтняго управленія (1508—10) отказаться отъ воеводства. Предводитель враждебной ему партіи, Владуцъ или Владиче (маленькій Владъ; 1510—12), призналъ суверенитетъ Венгріи, но онъ былъ побѣжденъ недовольными боярами, соединившимися съ Мохаммедомъ Никопольскимъ, и обезглавленъ 25 января 1512 г. Происходящій съ материнской стороны изъ альтскаго боярскаго рода, Басарабъ III, Неагое (1512—21), занявшій теперь мѣсто воеводы, былъ миролюбивымъ правителемъ и особенно щедро помогалъ церквамъ и монастырямъ; при немъ была освящена въ 1517 г. прекрасная церковь Куртеа де Арджешъ, реставрированная при королѣ Карлѣ въ 1886 г. (т. VIII, стр. 646). Его преемники, Раду де ла Афумати, Мирчеа Чіобанулъ и др. (см. родословную на этой стр.) были съ 1525 или 1530 г. слѣпыми орудіями Турціи, по большей части, находились въ постоянной борьбѣ между собою и почти всѣ пали отъ рукъ убійцъ; даже Іорга, отличающійся вообще подробностью своего изложенія, отказывается внести какой-нибудь хронологическій или генеалогическій порядокъ въ эту путаницу. Казалось, что народъ совершенно лишился національнаго самосознанія; знать говорила по-славянски, частью также по-гречески, и заботилась о своемъ обогащеніи въ союзѣ съ турецкими вельможами.

Въ концѣ 16 столѣтія мѣсто воеводы Валахіи занялъ **Михаилъ II Храбрый** (Михне Витеацулъ; 1593—1601), выдающійся полководецъ и ловкій политикъ (см. его портретъ на приложенной табл. „Князья Молдавіи и Валахіи“); въ 1599—1601 г. онъ занималъ также Трансильванію и Молдавію. Онъ былъ сыномъ воеводы Петраску (1554—57) и въ молодости занимался обширной оптовой торговлей. Черезъ свою жену Станку онъ находился въ родственныхъ отношеніяхъ со многими могущественными семьями, которыя сильно поддерживали его противъ его предшественника, воеводы Александра Мирчеа. Послѣ неудачнаго возстанія Михаилъ, главнымъ образомъ, съ помощью Андроника Кантакузена, добился, наконецъ, въ сентябрѣ 1593 г. престола. 5 ноября 1594 г. Михаилъ заключилъ союзъ съ Баторіемъ и Аарономъ Молдавскимъ и сейчасъ же послѣ этого, уже 13 ноября 1594 г., приказалъ задушить всѣхъ турокъ, жившихъ въ Яссахъ и въ Бухарестѣ. Послѣ этого онъ во время блестящей зимней кампаніи нѣсколько разъ разбивалъ турецкія и татарскія войска (Синанъ паши) и 23 августа 1595 г. нанесъ при Калугаренахъ чувствительное пораженіе самому Синану. Славные подвиги этого храбраго валаха прославлялись въ свое время во всей христіанской Европѣ. 20 мая 1595 г., т. е. до

---

[1] Владъ V Монахъ, 1481—96

Раду V Великій, воевода 1496—1508

Раду Афумати, воевода съ 1525 до января 1529 г. | Петръ, монашеское имя Паисій, воеводой былъ подъ именемъ Раду Калугарула съ 1535 до марта 1545 г.

Мачко | Мирчеа Чіобанулъ, воевода 1545—52, 1553/54 и 1558/59, съ 1546 г. былъ женатъ на Кіайнѣ Молдавской (стр. 361) | Петраску, 1554—57, жена его гречанка Ѳеодора.

Марія, руки которой въ 1560 г. просилъ Якова Базиликосъ († 1563; стр. 364); съ 1566 жена Михаила Кантакузена, называемаго Шайтаноглу († 1578) | Петръ Хромой, воевода 1559—68, †1591, 1-ая жена Череповичъ (трансильванская венгерка), 2-ая жена Марія Амирали Родосская | Александръ Мирчеа, жена его Екатерина Сальваресо | Милошъ, заложникъ въ Константинополѣ. | Петръ Черчель | Михаилъ Храбрый воевода 1593—1601, жена его Станка

Михнеа около 1580 г.; жена его валашская боярка | Марко Черчель, жена его гречанка изъ Константинополя

Дочь замужемъ за Бартоломео Минетги | Раду Михнеа, воевода Валахіи въ 1609 г. и Молдавіи съ 1616 г.; жена его гречанка Аргира

Дочь замужемъ за Мирономъ Барновскимъ (казненнымъ въ 1633 г. въ Константинополѣ) | Дочь замужемъ за Моисеемъ Мовилой | Александръ Коконулъ, съ 1625 г. жена его Роксандра Скарлати изъ Константинополя | (Михнеа III, воевода 1658/59)

Исторія человѣчества. V. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Князья Молдавіи и Валахіи.

Объясненіе къ портретамъ князей Молдавіи и Валахіи.

Справа вверху: 1. **Владъ Цепешъ** князь Валахіи (1455—62; 1483—90).

(По предоставленной намъ Королевской Румынской академіей фотографіи съ оригинальнаго портрета, ноходящагося въ замкѣ Амбрасъ въ Тиролѣ).

Слѣва вверху: 2. **Михаилъ Храбрый**, князь Валахіи (1593—1601). Славные подвиги этого румынскаго князя, храбрыя битвы съ Синаномъ пашой при Тырговиштахъ, Бухарестѣ и Джурджевѣ въ Валахіи въ свое время прославили его имя во всемъ христіанскомъ мірѣ.

По книгѣ Г. I. Іонеску-Джіонъ, Istoria Bucurescilor („Исторія города Бухареста";) Бухарестъ, 1899).

Слѣва внизу: 3. **Матвѣй Басараба**, князь Валахіи (1633—54).

(По копіи съ оригинальнаго портрета, написаннаго Абрамомъ ванъ Вестерфельдомъ, находящейся въ книгѣ Гурмузаки, Documente privitóre la istoria Românilor [„Документы къ исторіи Румыніи"].)

Справа внизу: 4. **Василій Лупуллъ**, князь Молдавіи (1634—53).

(По воспроизведенію гравюры венеціанца Марко Боскини, помѣщенному въ только что названной книгѣ Гурмузаки).

вторженія Синана, онъ, обойденный хитростью, принесъ присягу вассала Сигизмунду Баторію; узнавши объ этой хитрости и освободившись теперь отъ турокъ, онъ заключилъ 9 іюня 1598 г. съ императоромъ Рудольфомъ II союзъ противъ трансильванскаго князя, который и долженъ былъ отказаться отъ престола весною 1599 г. Но, когда на престолъ вступилъ его двоюродный братъ, кардиналъ Андрей, Михаилъ, энергично поддерживаемый днѣпровскими казаками, вторгся въ страну (17 октября 1599 г.), склонилъ на свою сторону секлеровъ, осадилъ Германштадтъ и выигралъ 28 октября битву на Шелленбергскихъ высотахъ; Андрей Баторій во время бѣгства палъ отъ руки убійцы въ странѣ секлеровъ. Михаилъ, назначенный 20 ноября императорскимъ намѣстникомъ, торжественно вступилъ въ Вейсенбургъ (позднѣе Карльсбургъ). Уже 7 мая 1600 г. онъ перешелъ черезъ границу Молдавіи. Воевода Іеремія Могила бѣжалъ въ Польшу. Тогда этотъ смѣльчакъ рѣшилъ, повидимому, захватить и польскую корону; не даромъ валахи и понынѣ называютъ его королемъ Михаиломъ или также Александромъ Великимъ. Онъ готовился уже къ походу въ Польшу, когда принужденъ былъ возвратиться въ Вейсенбургъ для переговоровъ относительно Трансильваніи съ докторомъ Пецценомъ, посломъ венгерскаго короля; 1 іюля онъ заставилъ провозгласить себя государемъ Валахіи, Молдавіи, а отъ имени Габсбурговъ также и Трансильваніи.

Но уже со всѣхъ сторонъ надвигались опасности. Угрожали поляки и турки; Сигизмундъ Баторій хотѣлъ ворваться въ Молдавію. Въ самой Трансильваніи, вслѣдствіе постоянныхъ военныхъ предпріятій Михаила, царила такая нужда, что дворянство открыто возстало противъ него и отказалось сопутствовать ему на войнѣ. Послѣ несчастной битвы при Миришло (Мириславъ; 18 сентября 1600 г.) Михаилъ бѣжалъ и былъ на родинѣ разбитъ полякомъ Яномъ Замойскимъ между Бузау и Плоештами: онъ не могъ даже противустоять Симеону Могилѣ, который разбилъ его при Арджешѣ. Между тѣмъ, трансильванскія сословія 3 февраля 1601 г. въ третій разъ избрали княземъ безхарактернаго Сигизмунда Баторія. Воевода Михаилъ отправлялся въ это время (25 декабря 1600 г.) въ Прагу, чтобы передать двору оправдательную записку; онъ получилъ 80,000 гульденовъ и примкнулъ со своими войсками къ войску австрійскаго генерала Георгія Басты, который, будучи посланъ еще въ 1598 г. для занятія Трансильваніи, успѣшно сражался противъ Андрея Баторія и теперь долженъ былъ имѣть дѣло съ Сигизмундомъ. 3 августа 1601 г. князь трансильванскій былъ разбитъ въ сраженіи при Надь-Горосло (Горославъ на Самошѣ) и бѣжалъ въ Молдавію. Тамъ онъ получилъ письмо, въ которомъ Михаилъ обѣщалъ ему помочь въ достиженіи престола, если только онъ выдастъ ему его жену и дѣтей, находившихся послѣ его паденія въ качествѣ заложниковъ въ Трансильваніи. Баста узналъ объ этой двойной игрѣ, и, по его приказанію, воевода Михаилъ былъ убитъ 19 августа въ Тордѣ.

Послѣ Михаила Храбраго воеводами были все самые незначительные люди. Только Матвѣй Басарабъ (1632 до апрѣля 1654; см. его портретъ на табл. при стр. 356 слѣва внизу) игралъ выдающуюся роль; онъ разбилъ при Бухарестѣ турецкаго кандидата на престолъ Раду, сына молдавскаго воеводы Александра Иліаша, бдительно защищалъ границы отъ захватовъ со стороны придунайскихъ турокъ и заботился о распространеніи въ народѣ общаго образованія въ ущербъ черезчуръ усилившемуся эллинизму. Въ 1652 г. онъ основалъ первую типографію, учреждалъ монастыри и школы, велѣлъ по славянскимъ (1640) и по греческимъ образцамъ составить книгу законовъ, „правила“ (1652), и переводить церковныя книги на валашскій языкъ. Поощряла его къ этому дѣятельность трансильванскихъ князей Гавріила Бетлена Иктарскаго (1613—29) и Георгія I Ракочи (1631—48), который въ 1640 г. устроилъ валашскую

типографію и приказалъ перевести многочисленныя церковныя книги (катехизисы, объясненіе къ Евангелію, Новый Завѣтъ, псалтырь) съ цѣлью распространенія среди валаховъ реформаціи, нашедшей, со времени изданія Германштедтскаго катехизиса 1544 г. и Ветхаго Завѣта 1582 г., последователей также и среди румынъ южной Венгріи. Правда, его дѣятельность, какъ и дѣятельность реформатора трансильванскихъ саксонцевъ, Іоанна Гонтеруса, не принесла прочныхъ результатовъ: ни ученіе Лютера, ни ученіе Кальвина не встрѣтили продолжительнаго отзвука въ душахъ валашскаго народа; но реформація оказала благотворное вліяніе на румынскій литературный языкъ и, вообще, на духовную жизнь народа. Дѣятельности Матвѣя Басараба съ успѣхомъ подражали его современники и противники: воевода молдавскій, Василій Лупуллъ (стр. 365), и одинъ изъ его преемниковъ, Шербанъ II Кантакузенъ (1679 до 8 ноября 1688 г.). Уже въ 1643 г. молдавскій логодоетъ Евстратій перевелъ на молдавскій языкъ византійскіе законы; въ 1688 г. появилась въ прекрасномъ изданіи Библія, переведенная на румынской языкъ двумя мірянами, братьями Гречеану. На ряду съ духовными сочиненіями, большею частью переводными съ греческаго и со славянскаго языковъ, стали мало по малу появляться хроники, какъ, напр., хороника Мих. Мокса (лія), Мирона и Николая Костина, „романиста“ Григорія Урехке, затѣмъ хроники Дановича, Некульче, Аксенте. Подъ вліяніемъ церковной литературы получила развитіе также и духовная лирика, главными представителями которой были митрополитъ Досиѳей изъ Іерусалима, Михаилъ Галицій, великій логофетъ Миронъ Костинъ (казненный Кантемиромъ Старымъ) и Ѳедоръ Корбеа. Но самымъ выдающимся представителемъ тогдашней румынской учености является Димитрій Кантемиръ (1673—1723), совмѣщавшій въ самомъ лицѣ и философа, и поэта, и географа, и историка, и бывшій посредникомъ между восточной литературой и западной.

b) Конецъ независимости (1654—1716), господство фанаріотовъ (1716—1822) и послѣднія десятилѣтія передъ объединеніемъ (1822—1859).

Неблагопріятныя обстоятельства скоро задержали развитіе тѣхъ прекрасныхъ пріобрѣтеній, которыя съ 1680 г. прививались все болѣе и болѣе также и въ Молдавіи. Уже при богатомъ воеводѣ Константинѣ Бранкованѣ (Бранковеану; 1688—1714), который, въ общемъ, управлялъ довольно хорошо, на Валахію вновь стали налетать бури, и во время войнъ Австріи, Польши и Россіи съ турками она превратилась въ настоящую большую дорогу для войскъ. Бранкованъ по совѣту Іенахиты Вакареску заключалъ въ 1689 и 1711 г. союзы, впрочемъ очень непрочные, съ русскимъ царемъ Петромъ Великимъ, но не задолго до Пасхи 1714 г. онъ былъ арестованъ въ Бухарестѣ и казненъ въ Константинополѣ вмѣстѣ со своими четырьмя сыновьями и со своимъ совѣтникомъ. Та же участь постигла и его преемника Стефана III Кантакузена (1714 до іюня 1716).

Вмѣстѣ съ нимъ угасъ послѣдній слабый лучъ валашской независимости: свободные выборы воеводъ были отмѣнены, и наступила эпоха господства воеводъ, назначенныхъ Портой, которые сдѣлали Валахіи столько же зла, или, пожалуй, даже еще болѣе, чѣмъ Молдавіи, привели ее на край погибели и совершенно раззорили ее: взимаемая съ Валахіи дань равнялась тогда 140,000 талеровъ въ годъ. Первый изъ этихъ чужеземцевъ, по большей части, богатыхъ грековъ, Николай Маврокордато, былъ ранѣе два раза княземъ Молдавіи (1716—30; срв. внизу стр. 366). Воцареніе этого перваго греческаго князя—онъ самъ происходилъ, впрочемъ, съ острова Хіоса, т. е. не изъ Фанара—знаменуетъ собою конецъ перваго періода въ развитіи дако-румынской литературы, начало котораго относится приблизительно къ 1550 г.

. Послѣ паденія вліянія Австріи, потерявшей въ 1739 г. пріобрѣтенную въ 1718 г. Ольтскую область, „Малую Валахію", Россія начинаетъ въ теченіе 18 столѣтія все болѣе и болѣе вмѣшиваться во внутреннія дѣла Валахіи, что и провело во время русско-турецкой войны 1770 г. къ занятію ея русскими. На основаніи мирнаго договора въ Кучукъ-Кайнарджи (1774; стр. 169) Валахія, правда, была опять подчинена Турціи, но русское вліяніе продолжало торжествовать: въ 1781 г. Турція согласилась на учрежденіе русскаго генеральнаго консульства для надзора за управленіемъ господарей. Во время турецкой войны (1788) Валахію наводнили австрійскія войска, которыя въ 1789—91 г. занимали также и столицу, Бухарестъ. Въ 1805—6 г. Валахію заняла Россія и очистила ее только послѣ бухарестскаго мира (1812), по которому она пріобрѣла Бессарабію. Проявившіяся въ скоромъ времени греческія освободительныя стремленія поощрили также и румынскій народъ къ борьбѣ противъ чужеземнаго владычества. Но возстаніе было скоро подавлено; Ипсиланти бѣжалъ въ Венгрію, гдѣ онъ былъ арестованъ и заключенъ въ замокъ Мункачъ.

Султанъ опять согласился назначать воеводами только *природныхъ жителей* и сейчасъ же послѣ подавленія возстанія (1822) отдалъ это желанное достоинство Григорію Гикѣ. Онъ добросовѣстно старался о смягченіи печальнаго положенія и о подъемѣ благосостоянія. Но уже въ 1828 г. вспыхнула опять война между Россіей и Турціей. Послѣ аккерманскаго договора (1826) былъ заключенъ миръ въ Адріанополѣ (1829). Суверенитетъ султана надъ Валахіей былъ возстановленъ; генералъ Павелъ Киселевъ далъ странѣ даже нѣчто вродѣ конституціи (Réglément organique 1832 г.) и болѣе свободное самоуправленіе; но русское вліяніе препятствовало всякому прогрессу. Съ другой стороны, мы ясно замѣчаемъ, что въ это время (около 1830) дако-румынская литература отказывается отъ греческаго вліянія, господствовавшаго, приблизительно, начиная съ 1710 г. Западныя вліянія сказываются все сильнѣе и сильнѣе; это видно уже изъ того, что славянскій алфавитъ, сохранявшійся даже въ греческую эпоху, постепенно замѣняется латинскимъ. Этимъ начинается третій періодъ въ развитіи румынской литературы.

Послѣ ухода русскихъ (1834), сначала Григорій, а потомъ и Александръ Гика были низложены враждебными имъ партіями и воеводой избранъ, подъ русскимъ вліяніемъ, Георгій Бибеско (1842). Февральская революція въ Парижѣ (1848) оказала свое вліяніе и на Валахію. Бибеско бѣжалъ въ ночь на 25 іюня въ Кронштадтъ, и было учреждено временное правительство (Геліадъ, два Голеску и др.). Возстаніе было подавлено турецкими войсками въ сентябрѣ; соглашеніе въ Балта-Лиманѣ (1 мая 1849 г.) возстановило старый порядокъ, и воеводой былъ избранъ 16 іюня вмѣсто Бибеско на семь лѣтъ съ чиномъ мушира Дмитрій Барбо Стирбей. Въ это время вспыхнула въ 1853 г. крымская война, и послѣ русскихъ Валахію занимали съ 1854 по 1857 г. австрійцы. Парижскій миръ (1856) вмѣстѣ съ дополненіями его опредѣлилъ, наконецъ, положеніе страны, подчинивъ ее вмѣстѣ съ Молдавіей турецкому суверенитету и поставивъ въ то же время подъ защиту всѣхъ великихъ державъ. Низложенный въ 1842 г., господарь Александръ Гика былъ сдѣланъ уже не княземъ, а каймакамомъ (губернаторомъ); онъ стремился къ тому, чтобы соединить Молдавію и Валахію въ одно государство. 17 февраля 1859 г. законодательное національное собраніе провозгласило княземъ Валахіи полковника Александра *Кузу*,

C. Молдавія.

Границы *Молдавіи* составляютъ на западѣ Карпаты, на сѣверѣ и на востокѣ Прутъ и Россія, на юго-востокѣ Дунай и Добруджа, на югѣ Серетъ. Холмистая страна эта особенно пригодна для скотоводства. Имя

„царства Молдовеи“ обозначаетъ страну на Молдавѣ; румыны, какъ и ихъ славянскіе учителя, селились по рѣкамъ. Имя это появляется въ исторіи только около половины 14 столѣтія. Уже въ 1335 г. воевода Богданъ, сынъ Микулы, своимъ непослушаніемъ королю Карлу I Роберту вызвалъ присылку имперскаго примаса; послѣ того, какъ въ 1342 г. Карлъ Анжу умеръ, и на престолъ вступилъ его 16-лѣтній сынъ Людовикъ, Богданъ опять отложился. Хотя юный король и отнялъ у него послѣ этого воеводское достоинство, но все-таки онъ съ помощью галицкихъ литовцевъ (см. маленькую карту: „Польша, Литва и западная Россія“, на двойной картѣ къ исторіи Польши и т. д.) и съ помощью румынскихъ горцевъ могъ держаться въ Мармарошѣ; ничего не измѣнило въ этомъ отношеніи и признаніе имъ въ 1352 г. своего подданства. Ибо, едва водворилось нѣкоторое спокойствіе въ этомъ южно-европейскомъ уголкѣ, какъ Богданъ въ 1360 г., подражая примѣру Басараба, совершенно свергнулъ венгерское иго, не безъ содѣйствія „дружественнаго нейтралитета“ Польши. Около 1365 г. Богданъ былъ безспорнымъ господиномъ „terrae moldavanae“.

Послѣ его смерти правилъ его старшій сынъ Лацко (Лецко), бывшій почти вассаломъ Польши: онъ допустилъ въ 1370 г. учрежденіе католическаго епископства въ Серетѣ. Затѣмъ слѣдуютъ событія, которыя, несмотря на окружающій ихъ отчасти туманъ, ясно обнаруживаютъ литовско-русскую основу юнаго маленькаго государства. Разговорнымъ языкомъ еще въ 15 столѣтіи былъ малорусскій. Несмотря на это, Молдавія сравнительно скоро стала серьезною помѣхою для распространенія славянства, каковую роль играетъ теперь и Румынія. Все это, въ совокупности съ вліяніемъ географическаго положенія, составляетъ цѣпь фактовъ, которые выдѣляли тогдашнюю Молдавію и выдѣляютъ нынѣшнюю Румынію изъ числа настоящихъ балканскихъ государствъ. Изъ Мармарошской области вмѣстѣ съ завоевателемъ Богданомъ пришли навѣрное, на Серетъ многіе литовцы и русины (еще въ грамотахъ Стефана Великаго во второй половинѣ 15 столѣтія встрѣчаются многія русинскія имена); и тамъ они встрѣтились на востокѣ съ другими малоруссами, которые непріязненно относились къ валаху, какъ чужеземцу. Въ 1374 г., послѣ смерти Лацко въ княжество Байю (греки называли тогда Молдавію Мавровлахіей, Россовлахіей и Молдовлахіей; срв. стр. 352) былъ призванъ литовскій князь (верховный судья) Юрій Корьятовичъ; но онъ скоро исчезъ; вѣроятно, его отравили. Такъ же непродолжительно было и узурпаторское правленіе нѣкоего Стефана (I). Сынъ его Петръ (предположительно 1379—89), принесъ въ 1387 г. во Львовѣ присягу на вѣрность польскому королю Владиславу II Ягелло; онъ завоевалъ и сдѣлалъ своей резиденціей Сучаву. Его младшій братъ Романъ, непосредственно слѣдовавшій за нимъ (соправителемъ онъ былъ, по крайней мѣрѣ, уже съ 1386 г.), по приказанію Владислава увезенъ въ Польшу, и на его мѣсто посаженъ старшій братъ Стефанъ (III). Этотъ послѣдній былъ въ концѣ 1394 г, сдѣланъ данникомъ королемъ венгерскимъ Сигизмундомъ, но уже 6 января 1395 г. снова торжественно признанъ польскій суверенитетъ. Въ 1400 г. очень короткое время былъ княземъ въ Сучавѣ незаконный сынъ Романа, Юга.

a) Эпоха славы (1401—1504).

Въ началѣ 15 столѣтія молдавскій престолъ занялъ первый воевода, достойный упоминанія, второй сынъ Романа, Александръ (срв. родословную на стр. 361), которому уже современники дали прозвище „Добрый“. Въ теченіе своего долгаго управленія (1401—32/3) онъ упорядочилъ финансы и администрацію, реорганизовалъ военное дѣло, составилъ изъ „Базиликъ“ Льва VI (стр. 83) законодательный сборникъ и учрежденіемъ школъ и монастырей содѣйствовалъ развитію духовной жизни

народа. Польскому королю онъ три раза приносилъ присягу на вѣрность (1402, 1404 и 1407; послѣдній разъ въ качествѣ господаря молдавской земли); онъ женился третьимъ бракомъ на Рингаллѣ, „сестрѣ" короля Владислава, которому онъ передъ тѣмъ послалъ войско въ Маріенбургъ на помощь противъ нѣмецкаго ордена. Въ его правленіе въ Молдавіи поселилось много армянъ, большая часть которыхъ ушла потомъ въ Трансильванію, и первые цыгане (срв. ниже, въ 5 отдѣлѣ) появилися въ странѣ въ это время.

При его сыновьяхъ, Ильѣ и Стефанѣ (V), былъ опять признанъ 1433 г. суверенитетъ Польши. Жестокій споръ двухъ братьевъ изъ-за первенства закончился въ 1435 году раздѣломъ: Стефанъ получилъ Васлюй, Берладъ, Текуччъ, Ольтены, Ковурлуи и Килію на югѣ, Илья же— сѣверную Молдавію съ Сучавой. Въ 1442 г. Стефанъ въ виду опасности со стороны турокъ заключилъ союзъ съ венгерскимъ полководцемъ Яномъ Гуніади; въ слѣдующемъ маѣ (1443) Стефанъ ослѣпилъ своего единокровнаго брата. Но Романъ (II), сынъ ослѣпленнаго Ильи [1], убилъ своего дядю (въ серединѣ іюля 1447 г.) и захватилъ воеводскій престолъ. Но уже въ слѣдующемъ году (1448), возвратился Петръ (IV), сынъ Александра Добраго, бѣжавшій ранѣе въ Венгрію къ Яну Гуніади и женившійся на его старой сестрѣ. Онъ пришелъ на родину съ венгерскимъ войскомъ и прогналъ Романа, который бѣжалъ въ Подолію, чтобы просить о помощи польскаго короля. Но Романъ умеръ отъ яда уже 2 іюля 1448 г. Тогда Петръ принесъ присягу на вѣрность королю Казимиру IV и правилъ подъ верховенствомъ Венгріи и Польши до 1449 г. Въ этомъ году воеводой сдѣлался Богданъ (II), незаконный сынъ Александра Добраго; онъ заключилъ 11 февраля и 5 іюля 1450 г. два важныхъ договора съ Гуніади, но былъ уже въ 1451 г. убитъ воеводой Петромъ (V; ранѣе Аарономъ, незакон-

---

[1]

Стефанъ (I; около 1375 г.)
Жена его католичка Маргарита или Мушата изъ Венгріи

Стефанъ (III) † около 1400 г., жена его сестра боярина Михаила	Петръ, съ 1387 г. вассалъ Польши, съ 1390 г. въ Сучавѣ | Ивашко, въ 1393 г. низложилъ своего дядю Романа (самъ онъ не занималъ молдавскаго престола)	Романъ, въ 1386 и 1388 соправитель Петра, былъ прогнанъ въ 1393 г.	Дочь | Стефанъ

Александръ въ 1393 г. привезенъ въ Польшу съ 1401 г. единодержецъ: „Добрый"; 1402, 1404, 1407 польскій вассалъ: 1-ая жена католичка Маргарита, 2-ая жена молдаванка Анна (Неакша) (около 1412—21), 3-я жена Рингалла изъ Польши.	Богданъ въ 1400 г. соправитель	(Юга) съ 1400 г. князь въ Сучавѣ, взятъ въ плѣнъ Мирчеа Старымъ, княземъ Валахіи.

(2) Илья ослѣпленъ въ маѣ 1443 г.; жена его Маринка изъ Польши	(Стефанъ V) † 1447	Петръ (IV) 1448/49	(Петръ V Ааронъ) 1455|57	(Богданъ II) съ 1450 г. венгерскій вассалъ, † 1451 | Стефанъ (IV) Великій † 2 іюля 1504 г. 1-ая жена NN, 2-ая жена Марія изъ Мангупа на Понтѣ, 3-я жена Войхица Марія, жена Радула Красиваго.

Дѣти Ильи:

Романъ II † 2 іюля 1448 г.	Дочь замужемъ за Владомъ II Дракуломъ Валашскимъ (стр. 355)	Александръ „Олехно" † 1455

Дѣти Стефана (IV) Великаго:

Сандринъ или Александръ, † до 1504 г | Стефанъ VIII Лакуста (заложникъ въ Константинополѣ), воевода 1538—1540; жена его сестра одной дамы въ гаремѣ Сулеймана II | ? Константинъ, претендентъ 1578	(Петръ Рарешъ) воевода съ 1527 по 1538 г. и 1541—46, жена его дочь сербскаго деспота Елена	(3) Богданъ III *1475, † въ апрѣлѣ 1517 г.	Романъ	Трифайла	Дочь | Казакъ Димитрій Вишневскій

Дѣти Богдана III: (Стефанъ VII.) *1508, † 14 янв. 1527 г. — Петръ — Корнеа, называемый Александромъ III, воевода 1540

Дѣти Петра Рареша:

Кіайна 1530. 1-ый мужъ ея Владъ Валашскій, 1546 2-ой мужъ Мирче Чіобанулъ Валашскій.	Илья II, воевода 1536—51; подъ именемъ „Мохаммеда" памѣстникъ Силистріи	Константинъ, заложникъ въ Константинополѣ	Стефанъ IX, воевода съ 1551 по 1553 г.	Руксанда жена Александра IV.

(Петръ-Александръ IV Лапуснеану) 1553—61 и съ 1563 по 1568; жена его Руксанда	? Ивонія (стр. 364)

Богданъ IV 1568—72	Петръ, претендентъ 1578

NB. Незаконные сыновья заключены въ скобки.

нымъ сыномъ Александра Добраго). Петръ въ свою очередь долженъ былъ дѣлить господство надъ Молдавіей съ сыномъ Ильи, Александромъ „Олехно“, котораго поддерживала сначала Польша, а потомъ и Венгрія. Въ 1455 г. Александръ „Олехно“ былъ отравленъ своими собственными боярами. Теперь Петръ управлялъ одинъ до 1457 г.; онъ съ трудомъ сохранялъ свой тронъ, проявляя трусливую покорность по отношенію къ Польшѣ и Турціи: съ 1455 г. Порта могла считать молдавскаго воеводу, платившаго ежегодную дань въ 2,000 венгерскихъ гульденовъ, своимъ постояннымъ вассаломъ.

Послѣ этой, почти непрерывной, борьбы изъ-за воеводскаго престола, борьбы, причинившей странѣ огромное зло, наступила, наконецъ, для Молдавіи во второй половинѣ 15 столѣтія эпоха спокойствія и блеска; теперь Молдавія, находившаяся до сихъ поръ въ пренебреженіи и часто называвшаяся „Малой“ Валахіей или Богданіей, начинаетъ играть бо́льшую роль, чѣмъ старая „румынская“ земля, которую оба Влада, Дракулъ и „Сажатель на колъ“ привели въ жалкое состояніе. Сынъ Богдана II, воевода Стефанъ (VI; 1457 до 2 іюля 1504), по праву заслужилъ у своего народа прозвище „Великаго“; его довольно пріятныя черты лица дошли до насъ въ нѣсколько испорченной миніатюрѣ Воронецкаго Евангелія. Онъ былъ выдающимся полководцемъ и политикомъ и не только увеличилъ свое государство, но также и освободилъ его отъ политическаго вліянія сосѣднихъ государствъ. Стефанъ много заботился о молдавской церкви, подчиненной православному патріарху въ Ахридѣ и хорошо организованной, въ противоположность безпорядочному состоянію валашской церкви: онъ основалъ третье епископство (около 1470 г. въ Радауцахъ, гдѣ онъ, кромѣ того, реставрировалъ въ 1478/80 г. старую монастырскую церковь) и построилъ большой монастырь въ Путнѣ и Буковинѣ (1466—69). Онъ присоединилъ къ своему государству бессарабскую пограничную область Валахію, вернулъ въ 1465 г. Хилію и въ декабрѣ 1467 г. успѣшно отбилъ нападеніе венгерскаго короля Матвѣя, который во время этого похода ночью былъ раненъ стрѣлой при Молдовабаньѣ. Несмотря на затрудненія, создаваемыя набѣгами татаръ, Стефанъ сумѣлъ во время чешскаго похода короля Матвѣя вторгнуться въ Трансильванію (1469), а также прогнать воеводу Валахіи, Раду (1471 и 1473). Венгерскій король, до 1475 г. занятый на западѣ, смотрѣлъ сквозь пальцы на эти нападенія Стефана, особенно послѣ того, какъ онъ въ союзѣ съ трансильванскими секлерами 10 января 1475 г. отбилъ при Раковѣ (на „Высокомъ Мосту“, сѣвернѣе Васлюя) 120-тысячное войско Сулеймана паши, ворвавшееся въ Молдавію изъ Удварели и Эсика, и, такимъ образомъ, отвратить опасность также и отъ Венгріи. Этотъ подвигъ является особенно характернымъ для славной эпохи, когда Молдавія служила часто оплотомъ противъ турокъ съ юга, какъ и противъ набѣговъ сѣверныхъ сосѣдей.

Теперь султанъ Мухаммедъ II, съ цѣлью мести, предпринялъ самъ походъ въ Молдавію и одержалъ побѣду 26 іюля 1476 г. при Разбойенахъ въ „Бѣлой Долинѣ“ (Валеа-Альба). Но Стефанъ съ помощью Стефана Баторія, который имѣлъ при себѣ изгнаннаго Влада Цепеша, очистилъ, въ концѣ-концовъ, страну отъ турецкихъ войскъ и заставилъ избрать Влада воеводой Валахіи. Но когда, послѣ смерти Влада (въ концѣ 1476 г.), новый воевода Валахіи, Басарабъ Цепелусъ (маленькій сажатель на колъ), вступилъ въ союзъ съ турками, Стефанъ разбилъ его въ сраженіи при Рымникулъ-Саратѣ (8 іюля 1481 г.) и сдѣлалъ воеводой нѣкоего Мирчеа. Чтобы придти въ болѣе близкое соприкосновеніе съ волжскими татарами, турецкія войска Баязета II вмѣстѣ съ татарами и валахами 1484 г. вторично ворвались въ Молдавію и взяли 14 іюля и 4 августа Хилію и Четатеа-Альбу (ранѣе Бѣлградъ или Монкастро, съ 1484 Аккерманъ); только съ помощью поляковъ, купленной принесеніемъ

присяги, отъ которой онъ ранѣе долго отказывался, удалось Стефану въ 1485 г. спасти свою страну отъ нашествія вражескихъ полчищъ. Воспользовавшись потомъ затруднительнымъ положеніемъ Польши, Стефанъ занялъ въ 1490 г. Покутье, а для того, чтобы закрѣпить за собой это пріобрѣтеніе, онъ сталъ платить даже дань Портѣ, какъ нѣкогда Петръ Ааронъ. Въ 1497 г. польскій король Іоаннъ Альбертъ вторгся въ Буковину съ цѣлью присоединить къ своему государству все воеводство, и осадилъ Сучаву (столицу еще въ 1550 и даже позднѣе). Благодаря посредничеству трансильванскаго воеводы, было объявлено перемиріе, но, въ концѣ-концовъ, польская конница подверглась нападенію въ лѣсу и была разсѣяна (въ Козьминѣ въ день св. Димитрія). Въ 1498 г. Стефанъ появился самъ передъ Львовомъ; около 100,000 человѣкъ было уведено турками въ плѣнъ. 12 (или 18) іюля 1499 г. Стефанъ порвалъ, однако, свой союзъ съ Портой и заключилъ договоръ съ Польшей и Венгріей. По этому договору онъ молча признавалъ опять суверенитетъ обоихъ государствъ надъ Молдавіей, обязывался препятствовать проходу черезъ свое государство турецкихъ войскъ и сейчасъ же извѣщать своихъ сосѣдей о каждомъ враждебномъ движеніи турокъ. Стефанъ исполнялъ свои обязательства: еще въ 1499 г. онъ положилъ конецъ опустошеніямъ Балибега, сына Малкоча (Малкаджоглиса), Но послѣ смерти Іоанна Альберта онъ порвалъ союзъ съ Польшей и возбудилъ татаръ противъ новаго короля Александра; въ то время какъ татары опустошали Подолію, Стефанъ занялъ опять русинское Покутье и послалъ въ 1502 г. своихъ бояръ и сборщиковъ податей въ Снятыхъ, Коломыю и Галичъ. Это былъ послѣдній успѣхъ Стефана, величайшаго изъ всѣхъ румынъ.

b) Молдавскіе воеводы подъ суверенитетомъ Турціи,

Сынъ и преемникъ Стефана, Богданъ III Слѣпой, Одноглазый или Косой (Орбулъ; 1504—17), отказался отъ польскаго Покутья, чтобы жениться на сестрѣ короля Александра, Елизаветѣ, но его и въ этомъ обманули. Чтобы спастись отъ натиска турокъ, онъ обязался уже въ 1504 г. уплачивать султану ежегодную дань въ 4,000 турецкихъ дукатовъ, 40 благородныхъ соколовъ и 40 молдавскихъ лошадей. За это ему—по позднѣйшимъ извѣстіямъ—были обѣщаны сохраненіе вѣры, свободное избраніе воеводъ и независимость внутренняя (см. маленькую карту направо вверху на двойной картѣ при стр. 165), Этотъ договоръ, бывшій до послѣдняго времени основой государственно-правового отношенія Молдавіи къ Портѣ, былъ возобновленъ въ 1529 г. Петромъ Рарешомъ „Безпокойнымъ“ (1527—38, вторично съ конца февраля 1541 г. до сентября 1546 г.); по даннымъ одного документа 1532 г., онъ посылалъ въ Константинополь ежегодно по 120,000 асперовъ или 10,000 дукатовъ. Позднѣе эта дань нѣсколько разъ увеличивалась. Петръ Рарешъ вступилъ на воеводскій престолъ послѣ десятилѣтняго воеводства Стефана (VII), незаконнаго сына Богдана III, и имъ начинается незаконная вѣтвь династіи Драгоша (онъ былъ незаконный сынъ Стефана Великаго). Послѣ тяжелаго пораженія при Могачѣ (29 августа 1526 г.), всѣхъ послѣдствій котораго не предвидѣли ни Стефанъ (VII), ни его дядя Петръ, и онъ всѣ свои усилія употребилъ на то, чтобы извлечь пользу изъ распрей изъ-за престола, вспыхнувшихъ между королемъ Фердинандомъ и Іоанномъ Запольей; нѣсколько разъ вторгался онъ въ Трансильванію, страшно опустошая страну, которая въ 1529 г, не хотѣла добровольно подчиниться ему. Попытка завоевать обратно Покутье и Польшу окончилась пораженіемъ Петра при Обертынѣ 22 августа 1531 г. Отправленный султаномъ въ Трансильванію, посолъ Алоизіо Гритти погибъ въ 1533 г. жертвой коварства Петра.

Послѣ изгнанія Петра (1538) воеводы Молдавіи сдѣлались послушными орудіями Порты. Подъ условіемъ уплаты султану ежегодной дани они могли

какъ угодно хозяйничать въ Молдавіи. Народъ, стонавшій подъ бременемъ непосильныхъ податей и всевозможныхъ вымогательствъ, искалъ спасенія въ борьбѣ партій, во главѣ которыхъ стояли отдѣльныя богатыя семьи, и пытался найти себѣ хоть временное облегченіе, избивая своихъ господъ. Такъ послѣ двухлѣтняго правленія (1538—40) былъ убитъ воевода Стефанъ (VIII) „Турокъ“ или „Лакуста“ (названный такъ по 1538 году, въ которомъ случилось нашествіе саранчи); его преемника Александра (III), законнаго потомка Драгоша изъ Польши, постигла еще въ томъ же году такая же участь. Воевода Илья II (1546—1551), сынъ Петра Рареша, долженъ былъ въ 1550 г., по приказанію султана, вторгнуться въ Трансильванію, но онъ поручилъ сдѣлать это своему брату Стефану. Въ 1551 г. онъ совсѣмъ отказался отъ воеводства, принялъ магометанство и имя „Мухаммеда“ и умеръ вскорѣ затѣмъ намѣстникомъ Силистріи. Послѣ него воеводой былъ его братъ Стефанъ (IX), и въ 1553 г. этотъ послѣдній членъ незаконной вѣтви династіи Драгоша былъ убитъ боярами. Его противникъ и преемникъ Петръ Стольникъ, названный Александромъ (IV) Лапусаномъ, скоро сталъ ненавистенъ боярамъ за свои пытки и казни, которыя онъ хотѣлъ искупить постройкой монастыря въ Слатинѣ. Греческій матросъ Яковъ Василикъ въ 1561 г. захватилъ воеводскій престолъ подъ именемъ „Іоанна I“ (Іоаннъ Воевода). Онъ основалъ въ Котнари (въ восточной Молдавіи) латинскую школу и латинское же епископство, просуществовавшее, конечно, очень недолго. Послѣ двухъ лѣтъ тираннскаго правленія онъ былъ убитъ возмутившимся народомъ (5 ноября 1563 г.). Во время и послѣ короткаго воеводства Стефана (X) Томши (обезглавленъ въ Польшѣ въ 1564 г.), бразды правленія принялъ вновь бѣжавшій въ Константинополь Александръ IV (1563—68); но онъ постепенно ослѣпъ. Его сынъ Богданъ (IV; 1568—72) при посѣщеніи своей невѣсты въ Польшѣ былъ раненъ оскорбленнымъ имъ дворяниномъ. Послѣ этого султанъ сдѣлалъ воеводой Молдавіи мазовецкаго поляка Ивонію (Іоанна II), который перешелъ въ Констатинополѣ въ магометанство (онъ считался тамъ потомкомъ убитаго въ 1553 г. Стефана IX). Чтобы завоевать независимость, Ивонія вступилъ въ союзъ съ казаками (отсюда его прозвище Іоаннъ „Бунтовщикъ“), но былъ окруженъ въ Рошканахъ и казненъ (11 іюня 1574 г.). Казаки, получившіе въ 1576 г. отъ Стефана Баторія не нравившуюся имъ организацію, представляли изъ себя храброе разбойничье товарищество, котораго боялись какъ турки, такъ и татары; они жили на днѣпровскихъ островахъ и оттуда опустошали мѣстности по ту сторону Днѣстра, а при Михаилѣ Храбромъ (съ 1595 г.) они совершали буйные набѣги и въ Валахію. Послѣ этого они въ теченіе сорока лѣтъ, подобно древнимъ викингамъ, парализовали торговлю на Черномъ морѣ.

Назначеннаго султаномъ воеводу Петра VII Хромого (1574—77), сына Мирчеа Валашскаго, низложилъ казакъ Іоаннъ (или Петръ) Подкова (онъ ломалъ подковы и былъ въ этомъ отношеніи предшественникомъ Августа Сильнаго); ранѣе пытался его низложить еще Іоаннъ „Курчавый“ (Эрецулъ), находившійся подъ покровительствомъ казаковъ, но его попытка была заранѣе осуждена на неудачу. Іоаннъ Подкова правилъ только нѣсколько дней, и польскій король Стефанъ Баторій (1575—86) казнилъ его во Львовѣ. Послѣ этого султанъ отдалъ воеводскій престолъ вторично (1577) Петру (VII), но черезъ годъ прогналъ его, а потомъ въ третій разъ назначилъ его опять воеводой (1584—92). Молдавія была въ то время болѣе, чѣмъ когда-либо, игрушкой капризовъ турецкаго двора: султанъ, по своему произволу, назначалъ и прогонялъ воеводъ, а его посланцы со своими войсками грабили и опустошали страну во всѣхъ направленіяхъ. Но прежде назначенія воеводой въ третій разъ Петра, воеводскій престолъ занималъ короткое время въ 1578 г. Александръ, братъ Подковы. Затѣмъ

послѣ смѣны нѣсколькихъ кандидатуръ законныхъ и незаконныхъ претендентовъ, нѣкій Янкулъ (Янкола, Іоаннъ, Лунгулъ), „Саксонецъ" (Сасулъ) изъ Трансильваніи, благодаря богатству своей жены, изъ дома кипрскихъ Палеологовъ, добился въ Константинополѣ низложенія Петра и назначенія себя молдавскимъ воеводой (1579). Со Стефаномъ Баторіемъ у него завязался споръ изъ-за нарушенія польской границы; онъ былъ взятъ въ плѣнъ и обезглавленъ (1582). Одинъ изъ его преемниковъ, Ааронъ, бывшій раньше кучеромъ, а потомъ бояриномъ (помѣщикомъ-дворяниномъ), управлялъ Молдавіей только одинъ годъ (1591), былъ прогнанъ казаками и бѣжалъ въ Константинополь. Петра, снова водвореннаго казаками на молдавскомъ престолѣ (1592), взяли въ плѣнъ трансильванскія войска Сигизмунда Баторія и выдали его султану, которымъ онъ и былъ казненъ. Сдѣланный теперь вторично воеводой, Ааронъ (1592—95), отличавшійся безхарактерной подражательностью иностранцамъ, заключилъ 5 ноября 1594 г. въ Бухарестѣ союзъ противъ турокъ съ Сигизмундомъ Баторіемъ и Михаиломъ Валашскимъ; но онъ обманулъ послѣдняго, былъ взятъ въ плѣнъ трансильванскими войсками, отвезенъ въ Альвинчъ и умеръ здѣсь въ 1597 г. Его преемникъ Стефанъ (XI), Р ѣ з в а н ъ, помогалъ Сигизмунду Баторію въ его походахъ противъ турокъ, но былъ въ концѣ 1595 г. посаженъ на колъ польскимъ канцлеромъ Яномъ Замойскимъ, который вторгся въ Молдавію. Воеводскій престолъ уже въ августѣ получилъ Іеремія Могила (Мовила; 1595—1608); онъ былъ незначительной личностью, и въ его правленіе Молдавія совершенно была подчинена Польшей. Въ это время южная Молдавія поневолѣ должна была принять около 15,000 т а т а р ъ: ханъ крымскихъ татаръ (т. II, стр. 175), находившихся съ 1475 г. подъ верховной властью турокъ и въ о д и н а к о й с т е п е н и б ы в ш и х ъ бичемъ русскихъ, поляковъ и румынъ, получалъ съ 1566 г. „по старому обычаю" дань съ Молдавіи, взамѣнъ чего онъ обязывался не нарушать ея границъ; но теперь и эта дань не помогала. Въ 1637 г. эта отрасль Ногайскаго царства, находившаяся подъ властью „Мичзака" Кантемира, потеряла свою независимость, но грабительскіе набѣги отъ этого не прекратились.

Только въ началѣ 17 столѣтія занялась заря болѣе счастливой эпохи: послѣ боярскаго заговора противъ дружественнаго грекамъ Александра (VII) Илии [1] и послѣ другихъ смутъ на престолъ вступилъ элленизированный албанецъ В а с и л і й Л у п у (1634—1654; см. его портретъ на табл. при стр. 356, направо внизу), который заботился о процвѣтаніи своего государства, устраивалъ школы и благотворительныя учрежденія. Будучи ловкимъ политикомъ, онъ велъ при константинопольскомъ дворѣ интриги противъ государя Трансильваніи, Георгія Ракочи. Но тотъ по соглашенію съ султаномъ послалъ въ Молдавію своего полководца І о а н н а К а м е н и съ войскомъ (1653) и прогналъ воеводу изъ его государства. Василій Лупу бѣжалъ къ казакамъ, сынъ гетмана которыхъ Тимоѳей Богдановичъ Хмѣльницкій былъ его зятемъ. Съ помощью казаковъ онъ скоро вернулся въ Молдавію, но послѣ нѣсколькихъ побѣдоносныхъ сраженій былъ взятъ въ плѣнъ татарскимъ ханомъ (несмотря на то, что былъ женатъ вторымъ бракомъ на родственницѣ хана, черкешенкѣ) и отправленъ въ Константинополь. Казаки сдались русскимъ (8 января 1654). Молдавія же подпала подъ власть Трансильваніи, ибо воевода Стефанъ (III) Г е о р г і й (Джерджиче; или Бурдыса 1654—56), послѣ тайнаго соглашенія съ русскимъ царемъ, вмѣстѣ съ валашскимъ воеводой Константиномъ Басарабомъ отдалъ себя

[1] Александръ Илья воспитывался въ Турціи. Сначала онъ былъ воеводой Молдавіи, потомъ Валахіи, женился на дочери турецкаго бана Янаки Катарджи, по національности грека, который считается родоначальникомъ румынской фамиліи Катарджи (Катарджіу; срв. ниже, стр. 368). Марія Катарджи была матерью короля Милана сербскаго; срв. родословную при стр. 305.

подъ защиту и власть Георгія Ракочи II. За то, что онъ усердно помогалъ послѣднему въ его борьбѣ за польскую корону (1657), онъ былъ лишенъ султаномъ воеводскаго престола и долженъ былъ покинуть Молдавію.

c) Воеводы изъ грековъ и албанцевъ (1758—1712), господство фанаріотовъ (1712—1822) и послѣдній періодъ полунезависимости (1822—1859).

Слѣдующіе затѣмъ годы представляютъ изъ себя картину невыразимаго горя и нужды: послѣдніе мѣстные воеводы продержались съ небольшими перерывами до восьмидесятыхъ годовъ 17-го столѣтія, но на ряду съ ними турецкій дворъ назначалъ (1658—1712) по своему произволу и капризу воеводъ изъ отчасти албанскихъ или греческихъ семей Гики, Дабіи, Дуки, Кантакузена, Росетти (Русетъ) и Кантемира. Каждый изъ этихъ воеводъ могъ держаться только короткое время, несмотря на то, что греческое вліяніе уже съ конца 16 столѣтія сильно распространилось въ румынскихъ семьяхъ.

Новый періодъ въ исторіи Молдавіи открывается съ назначеніемъ воеводами (1712—1822) фанаріотовъ (стр. 139), константинопольскихъ грековъ. Каждый изъ нихъ заботился только о своемъ обогащеніи и всевозможными вымогательствами и поборами доводилъ страну почти до полнаго раззоренія (о чрезвычайно важномъ литературно-историческомъ значеніи греческихъ воеводъ см. въ отдѣлѣ „Валахія“, стр. 352). Воеводскій престолъ буквально отдавался султаномъ въ аренду. Первымъ изъ этихъ воеводъ былъ Николай Маврокордато (1712—16), который управлялъ кое-какъ Молдавіей, пока не получилъ Валахіи (см. тамъ же). Его преемникъ Михаилъ Раковица (1716—26) занималъ уже однажды короткое время воеводскій престолъ (между Антіохомъ Кантемиромъ и первымъ воеводствомъ Маврокордато), При немъ вспыхнула австрійско-турецкая война. Въ 1716 г. въ Молдавію вторглись венгерскіе гусары и увели въ плѣнъ въ Трансильванію сестру воеводы; за это Раковица уговорилъ татаръ напасть на Трансильванію.

При безличномъ воеводѣ Григоріи (II) Каллимаки (1766—69) наступилъ опять поворотъ въ политическомъ положеніи. Вспыхнула русско-турецкая война; за свое присоединеніе къ Россіи воевода былъ взятъ въ плѣнъ и обезглавленъ въ Константинополѣ. Съ 1769 по 1774 г. русскіе занимали Молдавію и отдали воеводскій престолъ Григорію (III) Гикѣ, который былъ потомъ, въ 1777 г., убитъ янычарами въ Яссахъ.

Послѣ смерти Гиги началось раздробленіе Молдавіи. Австрія, владѣвшая съ 1718 по 1739 г. областью Альты (стр. 359), заняла, на основаніи заключеннаго въ 1774 г. договора съ султаномъ, Буковину, которая въ 1777 г. была окончательно присоединена къ австрійскому государству. Послѣ того, какъ въ 1812 г. Бессарабія была присоединена къ Россіи, а воевода Александръ Ипсиланти поддерживалъ греческое освободительное движеніе, Порта рѣшила опять допускать къ занятію воеводскаго престола только природныхъ жителей. Такимъ образомъ, 19 іюля 1821 г. былъ утвержденъ въ воеводскомъ достоинствѣ Іоаннъ Стурдза. Благодаря чрезвычайно сильному русскому вліянію, онъ не могъ осуществить своего намѣренія, — благодѣтельными реформами возстановить благосостояніе страны (О концѣ греческаго литературнаго періода и о дако-румынской новѣйшей литературѣ срв. выше, стр. 359).

Въ 1828 г. произошелъ снова поворотъ къ худшему: опять разгорѣлась война между Россіей и Турціей. Адріанопольскій миръ (24 сентября 1829 г.) подтвердилъ, правда, суверенитетъ Порты надъ Молдавіей, но русское вліяніе усилилось: до 1833 г. генералъ Киселевъ „регулировалъ“

въ этомъ духѣ новую конституцію. Назначенный въ 1834 г. воеводой, Михаилъ Стурдза своими вымогательствами и вымогательствами своихъ русскихъ любимцевъ довелъ и безъ того уже обѣднѣвшую страну до величайшей нищеты. Въ апрѣлѣ 1848 г. угнетенный народъ, наконецъ, возсталъ, но русскія войска подавили возстаніе и Балта-Лиманскій договоръ (1 мая 1849 г.; стр. 183) возстановилъ прежнее положеніе вещей. Порта назначила 19 іюня на семь лѣтъ княземъ Молдавіи Григорія Гику, надѣливъ его чиномъ мушира. Исполненный прекраснѣйшихъ намѣреній, онъ думалъ о томъ, чтобы облегчить всеобщую нужду и исправить плохіе порядки. Но провести благодѣтельныя реформы ему помѣшало вступленіе русскихъ войскъ въ Молдавію и Валахію. Во время Крымской войны въ 1854 г. австрійскія войска, съ цѣлью воспрепятствовать дальнѣйшему движенію русскихъ къ балканскимъ государствамъ, заняли Молдавію. Парижскій миръ (30 августа 1856 г.) снова поставилъ Молдавію подъ суверенитетъ Порты. „Каймакамомъ“ (намѣстникомъ) былъ сдѣланъ Өедоръ Балшъ а послѣ преждевременной смерти его (1 марта 1856 г.) князь Николай Вогоридесъ. Съ этого времени какъ Молдавія, такъ и Валахія стали стремиться къ тому, чтобы соединиться въ одно государство.

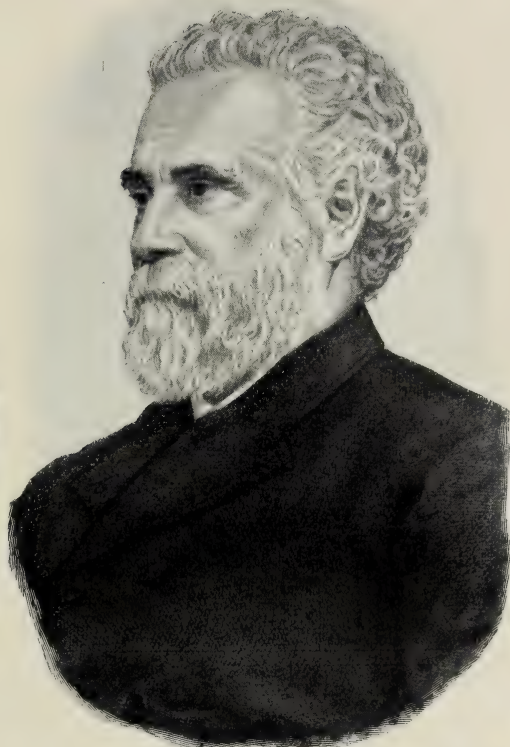
D. Румынія.

Названіе „Румынія“ впервые начинаетъ оффиціально употребляться только послѣ того, какъ Александръ Куза въ 1859 г. противъ воли державъ былъ избранъ княземъ одновременно Валахіи и Молдавіи (срв. стр. 359; см. также маленькую карту налѣво внизу на двойной картѣ при стр. 165). Великія державы 19 августа 1858 г. въ Парижѣ рѣшили, чтобы Молдавія и Валахія избирали себѣ каждая пожизненнаго господаря, выборы же общаго правителя не разрѣшались (несмотря на общую для обоихъ государствъ „центральную комиссію“). Но Наполеонъ III, намѣреваясь вести войну съ Австріей, желалъ пріобрѣсти въ лицѣ Кузы союзника противъ Австріи и поощрялъ выборы его княземъ совмѣстно для Молдавіи и Валахіи. Султанъ Абдулъ Меджидъ утвердилъ 2 декабря 1861 г. эти выборы и, по совѣту французскаго посланника въ Константинополѣ, разрѣшилъ новому князю соединить оба княжества въ одно и сдѣлать Бухарестъ общей столицей государства, находящагося подъ суверенитетомъ Турціи. „Александръ Іоаннъ I“ 1 января 1862 г. энергично принялся за дѣло управленія, преисполненный наилучшихъ плановъ; но господствующій классъ крупныхъ землевладѣльцевъ (бояръ) ставилъ ему препятствія на каждомъ шагу. 14 мая 1864 г. онъ рѣшился, наконецъ, произвести государственный переворотъ: онъ распустилъ палату депутатовъ, назначилъ новые выборы и послѣ выработки новой конституціи уничтожилъ крѣпостное право (аграрный законъ Кузы 26 августа 1864 г.). Въ то же самое время онъ реорганизовалъ дѣло народнаго просвѣщенія, основалъ университеты въ Бухарестѣ и въ Яссахъ и ввелъ другія благодѣтельныя реформы. Но такъ какъ онъ не умѣлъ считаться съ данными условіями, то и довелъ страну до крайняго финансоваго раззоренія. Съ цѣлью по возможности отвратить угрожающую опасность, былъ составленъ заговоръ съ участіемъ войска, главнымъ инціаторомъ котораго былъ румынскій государственный дѣятель Дмитрій Стурдза (см. его портретъ на прилож. къ стр. 368 табл., слѣва внизу). 21 февраля 1866 г. заговорщики ночью напали на князя и рано утромъ 23-го числа заставили его подписать отрѣченіе отъ престола. Слишкомъ мало оцѣнены заслуги Кузы: онъ спасъ свою страну отъ опасности войны и серьезныхъ смутъ, только притворно заключивъ по настояніямъ Наполеона III союзъ съ венгерскими эмигрантами, на основаніи котораго онъ въ случаѣ войны между Фран-

ціей и Австріей долженъ былъ энергично поддерживать имѣвшееся въ виду возстаніе въ Венгріи; такимъ образомъ, планы Наполеона относительно дружественнаго Франціи союза между венграми и румынами противъ Австріи разбились о политическую проницательность Кузы.

Послѣ отреченія Кузы въ управленіе дѣлами вступили Николай Голеску, Ласкарь Катарджи и Николай Хараламбъ; они тотчасъ же созвали парламентъ для избранія новаго князя. Уже 23 февраля 1866 г. на престолъ Румыніи былъ избранъ графъ Филиппъ Фландрскій, братъ бельгійскаго короля, но 27 февраля онъ заявилъ свое несогласіе на принятіе престола. 14 апрѣля 1866 г. начались новые выборы; на этотъ разъ былъ избранъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ членъ католической вѣтви Гогенцоллерновъ, принцъ Карлъ Гогенцоллернъ-Зимгарингенъ (см. его портретъ на прилагаемой табл.: „Созидатели королевства Румыніи", слѣва вверху). Султанъ не одобрилъ этихъ выборовъ и пригласилъ великія державы окончательно урегулировать отношенія. Россія не настаивала на возстановленіи прежняго дѣленія Румыніи на двѣ половины. Пруссія ничего не имѣла противъ этихъ выборовъ, точно также и Наполеонъ III, но Австрія была настроена такъ враждебно, что новый государь могъ только тайкомъ черезъ Зальцбургъ, Вѣну и Пештъ добраться до Дуная и проникнуть въ Румынію. Война, вспыхнувшая между Австріей, Пруссіей и Италіей, воспрепятствовала вмѣшательству державъ. При такихъ обстоятельствахъ Порта должна была отказаться отъ своего плана третейскаго суда, и поэтому она всего охотнѣе просто заняла бы Румынію. Но отъ этого ее удержало мужественное, открытое поведеніе Карла. Сейчасъ же послѣ прибытія въ Бухарестъ (22 мая 1866 г.) онъ по телеграфу извѣстилъ Порту о своемъ вступленіи на престолъ и заявилъ, что будетъ уважать и принимать во вниманіе всѣ претензіи и желанія султана. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ быстро сосредоточилъ румынскія войска на нѣсколькихъ укрѣпленныхъ пограничныхъ пунктахъ. Такое неожиданное поведеніе побудило султана отказаться отъ плана присоединенія Румыніи и пригласить къ себѣ Карла для того, чтобы заявить ему, что онъ признаетъ его государемъ. 24 октября 1866 г. Карлъ отправился въ Константинополь; теперь титулъ и престолонаслѣдіе были обезпечены.

Карлу предстояло разрѣшить трудную задачу. Государство его, бывшее въ теченіе столѣтій походной военной дорогой и терпѣвшее, благодаря этому, обиды какъ отъ враговъ, такъ и отъ друзей, задержанное, кромѣ того, въ своемъ развитіи чужеземнымъ владычествомъ, жаждало теперь благодѣтельныхъ реформъ. Торговля и промышленность находились, по большей части, въ рукахъ иностранцевъ, крупные землевладѣльцы мало интересовались внутренними дѣлами, невѣжественное населеніе занималось земледѣліемъ и скотоводствомъ, при чемъ почти весь продуктъ труда уходилъ на покрытіе непосильныхъ податей. Предоставленный самому себѣ, приверженный къ старымъ нравамъ и обычаямъ, народъ жилъ на богатыхъ пастбищами равнинахъ или въ Карпатскихъ горахъ, гдѣ на ряду съ дѣвственными лѣсами простирались безконечные луга, гдѣ тысячи овецъ находили себѣ обильную пищу на покрытыхъ сѣдыми туманами вершинахъ, въ широкихъ долинахъ, на зеленѣющихъ горныхъ лугахъ. Поля, виноградники, сочные луга и тѣнистые лѣса чередовались между собою. Тихая, молчаливая природа, окружающая жителя Румыніи и развивающая въ немъ склонность къ одинокой созерцательности, опредѣляетъ складъ его души, полной суевѣрій. Однообразно протекаетъ для него жизнь, чѣмъ бы онъ ни былъ: земледѣльцемъ ли въ долинѣ, владѣльцемъ стадъ или пастухомъ высоко въ горахъ. Вся его дѣятельность вертится вокругъ точнаго соблюденія соціальныхъ, этическихъ и религіозныхъ традицій. Вдали отъ пыли широкой столбовой до-



Исторія человѣчества. V.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Созидатели королевства Румыніи.

Объясненіе къ портретамъ, помѣщеннымъ на оборотѣ.

Вверху налѣво: **король Кароль I.**, изъ дома Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ, родился 20 апрѣля 1839. Съ 20 апрѣля 1866 г. „князь Румыніи“, 22 мая того же года вступилъ въ Бухарестъ, 31 августа 1877 г. принялъ команду надъ русско-румынскимъ войскомъ, осаждавшимъ Плевну, въ 1878 г. признанъ суверeннымъ государемъ, 26 марта 1881 г. провозглашенъ королемъ и коронованъ 22 мая того же года въ Бухарестѣ.

(По фототипіи въ книгѣ Стурдзы „Trei-deci de ani de dominie aĭ Regelui Carol I. Cuvîntărĭ şi acte“ [„Тридцать лѣтъ царствованія короля Карла I, рѣчи и акты“], vol. II; Bucurescĭ 1897.)

Вверху направо: **Іоаннъ К. Братіану;** родился въ 1821 г. въ Бухарестѣ, въ 1848—1857 г. жилъ въ качествѣ политическаго эмигранта во Франціи, съ 1865 г. вождь красныхъ (либераловъ), съ марта 1867 до конца 1868 г. министръ внутреннихъ дѣлъ, съ 24 іюня 1876 до апрѣля 1888 г. (съ перерывомъ отъ апрѣля до іюня 1881 г.) націоналъ-либеральный министръ-президентъ, умеръ 16 мая 1891 г. въ Флорикѣ.

(По гравюрѣ Ганса Мейера, Берлинъ, 1893.)

Внизу налѣво; **Димитрій А. Стурдза** изъ Миклаушенъ; родился 10 марта 1833, съ 1857 г. начальникъ канцеляріи дивана Молдавіи, въ февралѣ 1866 г. принималъ участіе въ низложеніи князя Александра Іоанна I Кузы, съ 1866 г. временный министръ общественныхъ работъ, съ 1876 по 1888 г. въ кабинетѣ Братіану попеременно министръ общественныхъ работъ, финансовъ, иностранныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, съ 15 октября 1895 до конца ноября 1896 г. націоналъ-либеральный министръ-президентъ, съ 1897 г. предсѣдатель сената, генеральный секретарь Academia Romană.

(По современной фототипіи.)

Внизу направо: **Михаилъ Когальничеану;** родился 6 сентября 1817 г., выдающійся государственный дѣятель, заслуженный помощникъ своего короля въ дѣлѣ созиданія современной Румыніи; умеръ 20 іюня 1891 г.

(По современной литографіи.)

роги, по которой „крадется все чужое зло", онъ живетъ въ мирной тиши лѣсовъ и полей, погруженный въ безсознательное созерцаніе вѣчно измѣняющейся природы. При этомъ воображеніе находитъ богатую пищу. Оно создало чудную народную поэзію, прекрасные звуки которой окружаютъ жизнь румына блескомъ и ароматомъ сказочныхъ чудесъ. И этотъ богатый источникъ народной поэзіи оказалъ также благотворное вліяніе и на поэтическое искусство (ср, т. VIII, стр, 646).

Не легкой задачей было успѣшно управлять населеніемъ, состоявшимъ изъ господствующаго, но выродившагося верхняго слоя (онъ хорошо обрисованъ Георгомъ Аллапомъ въ его повѣсти „Румынское общество" въ „Nord und Süd", авг. 1880) и порабощенной, застывшей въ мечтаніяхъ массы, управлять населеніемъ, издавна привыкшимъ къ внутреннимъ смутамъ и смѣнамъ престола. И при Карлѣ борьба партій вела къ частымъ смѣнамъ кабинетовъ. Такъ, напр., умѣренно либеральный принцъ Дмитрій Гика (умеръ 27 февраля 1891 г.), сынъ князя Григорія, сдѣлавшагося въ 1822 г. господаремъ Валахіи (стр. 359), уже въ 1868 г. совершенно удалился отъ государственныхъ дѣлъ. Но, несмотря на это, Румынія уже въ первое десятилѣтіе правленія Карла сдѣлала такіе большіе успѣхи почти на всѣхъ поприщахъ, что вспыхнувшія въ 1876 г. на востокѣ смуты застали ее окрѣпшимъ и хорошо организованнымъ государствомъ. Когда началась въ 1877 г. русско-турецкая война, Румынія хотѣла, чтобы европейскія державы гарантировали ей нейтралитетъ по отношенію къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ. Такъ какъ этого добиться не удалось, то Карлъ заключилъ съ императоромъ Александромъ II договоръ, согласно которому русскимъ войскамъ разрѣшался проходъ черезъ Румынію, но права и учрежденія Румыніи должны были остаться неприкосновенными. Порта усмотрѣла въ этомъ договорѣ нарушеніе ея суверенныхъ правъ и, послѣ того какъ Румынія 22 мая 1877 г. объявила себя независимымъ государствомъ, передвинула свои войска къ Дунаю. Когда затѣмъ при проходѣ русскихъ войскъ румынская армія должна была стать подъ начало русскаго главнокомандующаго, Карлъ не согласился на это и ограничился занятіемъ берега Дуная. Пораженія и неудачныя атаки русскихъ на Плевну принудили великаго князя Николая Николаевича неоднократно по телеграфу просить Карла о помощи. При взятіи Плевны, при взятіи редута Гривицы и форта Опанеца, при взятіи Рахова, при осадѣ Смардена и Видина румынское войско оказало неоцѣнимыя[1] услуги; при заключеніи же мира румыны были забыты русскими. По Санстефанскому договору 3 марта 1878 г., заключенному въ отсутствіи румынскихъ пословъ, Румынія получила, правда, Добруджу, но должна была уступить Россіи часть Бессарабіи. Берлинскій конгрессъ подтвердилъ этотъ касающійся Румыніи, пунктъ Санстефанскаго договора (см. карту, „Румынія, Болгарія, Сербія и Черногорія" при стр. 348 и маленькую карту: „Турція и сосѣднія страны послѣ Берлинскаго договора" на двойной картѣ при стр. 165), но въ то же время онъ призналъ и независимость Румыніи.

22 мая 1881 г. Карлъ возложилъ на себя королевскую корону. Сейчасъ же послѣ русско-турецкой войны новое королевство начало развивать успѣшную дѣятельность въ области матеріальной и духовной. Оно представляло изъ себя самую лучшую преграду для слишкомъ большого развитія вліянія балканскихъ славянъ и панславизма. Благодаря оживленнымъ и правильнымъ внѣшнимъ торговымъ сношеніямъ (Силосъ въ Галацѣ и Браилѣ, дунайскій мостъ „Регеле Кароль" около Черноводы), Румынія въ теченіе сравнительно короткаго времени

[1] Не надо забывать, что о „великихъ заслугахъ" румынскаго войска во время русско-турецкой войны русскіе писатели даютъ совсѣмъ другой отзывъ, чѣмъ авторъ.
Прим. ред.

достигла значительнаго благосостоянiя. Благодаря благодѣтельнымъ реформамъ въ области народнаго просвѣщенiя и многочисленнымъ научнымъ учрежденiямъ, она сдѣлала чрезвычайные успѣхи въ культурномъ отношенiи. Кромѣ уже упомянутаго (стр. 367) Д. Стурдзы, принимавшаго участiе во всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ новой Румынiи (1895—96, 1897—99, и съ февраля 1801 г. онъ стоялъ во главѣ нацiонально-либеральнаго министерства), слѣдуетъ назвать еще двухъ выдающихся сотрудниковъ достойнаго короля Карла: Iоанна Братiану, вождя „красныхъ“ (либераловъ; умеръ 16 мая 1891 г.) и Михаила Когальничеану скончавшагося въ Парижѣ 2 iюля (новаго стиля) 1891 г. (ихъ портреты см. на табл. при стр. 356 справа вверху и справа внизу), Благодаря собственно Братiану, Румынiя смогла играть выгодную роль во время русско-турецкой войны; онъ, именно, добылъ независимость для своей родины и королевскiй титулъ для своего государя. Почти въ теченiе двадцати лѣтъ (1876—88) онъ былъ министромъ-президентомъ, Въ общемъ, можно сказать, что Румынiи, несмотря на многiя, не устраненныя еще, помѣхи, предстоитъ прекрасная будущность.

4. Мадьяры.

А. Венгрiя въ домадьярскую эпоху.

Территорiя современной Венгрiи задолго до прихода мадьяръ была прохожей дорогой для переселяющихся народовъ, ареной борьбы и мѣстомъ отдыха для разнообразнѣйшихъ племенъ. Очарованiе первобытной жизни лежитъ на этихъ долинахъ. Рано появились въ пограничныхъ мѣстностяхъ укрѣпленные замки для охраны дорогъ. Почва носитъ еще слѣды тѣхъ, кто пахалъ ее въ тѣ древнiя времена, не исчезъ еще рядъ могилъ, въ которыхъ они нашли успокоенiе отъ радостей и горя. На каменныхъ стѣнахъ и въ землѣ находятся еще знаки, оставленные смѣнявшими другъ друга волнами народовъ. Но надъ шумомъ оружiя и пастушьими криками языческихъ ордъ, надъ звономъ колоколовъ и аллилуiей христiанскихъ пришельцевъ царила глубокая тишина безконечныхъ степей, или уединенiе зеленыхъ карпатскихъ лѣсовъ. Въ давнiя времена кельты и положили начало нѣкоторой цивилизацiи. Потомъ западную и южную часть заняли римляне, въ теченiе двухъ столѣтiй успѣвшiе создать нѣсколько цвѣтущихъ государственныхъ общинъ. Но волны великаго переселенiя народовъ унесли римскiя колонiи вмѣстѣ съ рѣдкимъ варварскимъ населенiемъ другихъ частей страны. Римскiе легiоны, уступая натиску гунновъ (стр. 321), ушли въ Италiю. Послѣ смерти Аттилы (453; стр. 323) его царство распалось; гунны слились съ другими племенами и исчезли съ исторической сцены (стр. 325). Готы, гепиды и лангобарды отдыхали болѣе или менѣе долгое время на освободившихся мѣстахъ и разрушили незначительные признаки культуры, оставшiеся отъ римскаго перiода. Германскiя племена были въ свою очередь вытѣснены аварами, которые, несмотря на пораженiе въ 626 году, сохраняли за собой восточныя марки, пока императоръ франковъ Карлъ не сломилъ въ 803 г. ихъ могущества. Освободившiеся отъ нихъ мѣста, населенныя вмѣстѣ съ остатками аваровъ славянскими кочевниками и немногочисленными болгарами, были въ концѣ 9 столѣтiя заняты тѣмъ народомъ, имя котораго имъ суждено было отнынѣ носить.

В. Ранняя исторiя мадьяръ до Стефана Святого.

а) Происхожденiе мадьяръ и ихъ появленiе въ Венгрiи.

Откуда же пришли въ Венгрiю эти переселенцы и къ какому племени принадлежали они? Вамбери думаетъ, что мадьяры, это—тюрки (ал-

тайцы), которые въ первобытныхъ мѣстахъ своего жительства, на южномъ Уралѣ, на границѣ алтайской (тюрко-татарской) и уральской (финно-угрской) народностей, приняли въ свой языкъ много финно-угрскихъ элементовъ. Но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Болѣе правъ I. Маркваргъ, полагающій, что мадьяры, которые въ первобытную эпоху занимались охотой въ южной Угріи, на Ишимѣ, Иртышѣ, Оми и въ Барабинской степи, и уже очень рано ловили рыбу между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, между Дономъ и Кубанью. (стр. 85), были настоящей вѣтвью финно-угрской группы монгольской расы. Только вслѣдствіе описаннаго на 326 стр. вліянія гуннскихъ сосѣдей, эти угры восприняли скотоводство, какъ часть наслѣдія тюркскихъ кочевниковъ. Подъ облагораживающимъ давленіемъ увеличивающейся опасности, угрожавшей имъ со всѣхъ сторонъ, какъ все болѣе и болѣе выдвигающемуся впередъ форпосту, ихъ національный характеръ измѣнился. Финскія племена не обладаютъ, вообще, большою способностью къ созиданію государствъ и исключеніемъ въ этомъ отношеніи являются можетъ быть только финны въ Финляндіи (Суоми), попавшіе въ 1806 г. въ зависимость Россіи. Но поселившіеся въ Венгріи угры, благодаря упомянутому измѣненію своего національнаго характера, въ концѣ концовъ, нисколько не уступали тюркскимъ племенамъ въ способности къ созиданію государствъ.

Но, пока они пріобрѣли эту способность, должно было пройти много времени. Этимъ совершившимся въ теченіе столѣтій измѣненіямъ въ національномъ характерѣ мадьяры обязаны не только самимъ себѣ. Большую роль въ этомъ отношеніи играло постоянное похищеніе женщинъ, а также вліяніе гунновъ, ясную нить котораго можно прослѣдить отъ разгрома Аттилой западной Европы до той бѣды, въ которую попалъ Людовикъ Дитя. Не даромъ профаны, начиная съ византійской этохи, смѣшивали гунновъ 451 г. съ венграми 933 и 955 годовъ. Кромѣ того, на медленное измѣненіе характера мадьяръ вліяли также и другія племена. Таками „предками" мадъяръ едва ли можно назвать акациров (середина 5 столѣтія; стр. 321), которыхъ слѣдуетъ отождествлять скорѣе съ мордвинами (буртасы).[1] Но таковыми несомнѣнно, являются, несмотря на ихъ, тюркскія имена, гунугуры (оногуры) и унигуры на Дону (7 столѣтіе), а также древне- или велико-болгары (первая половина 9 столѣтія; стр. 326). Къ нимъ же относятся въ значительной степени унугундурскіе болгары на Кубани, сильно смѣшанные съ гуннами, такъ что, какъ мы уже видѣли (стр. 326), имя „бургаръ" примѣняется иногда и къ мадьярамъ.[2] Въ Арменіи (на Курѣ, въ южномъ Гукаркуѣ) уже около 760 г. появляется восточная вѣтвь венгровъ, разбойничье племя севордиковъ *Σαβάρτοι ἄσφαλοι* у Константина Палеолога, сіяварди—у арабовъ), которое, какъ полагаютъ, смѣшалось съ албанскими утіями. Во всякомъ случаѣ, столь выдающіяся впослѣдствіи военныя качества мадьяръ еще въ концѣ 9 столѣтія были такъ не высоки, что семь племенъ въ Ателькузу должны были подчиниться предводительству кабаровъ, отклонившихся отъ тюркскихъ хозаровъ; юный сынъ Сальмучи (Альмуса), Арпадъ, вскорѣ послѣ 862 г. на глазахъ у хозарскаго кагапа избранный княземъ состоявшаго теперь изъ восьми племенъ мадьярскаго народа, былъ кабарскаго, т. е. тюркскаго, происхожденія. Но мадьяры не потому называются у византійцевъ *Τοῦρκοι*. Это названіе, появившееся уже въ 739 г. ведетъ къ опаснѣйшимъ смѣшеніямъ. По Маркварту, оно произошло отъ употребляемаго Геродотомъ имени, *Ἰύρκαι*[2] путемъ перемѣщенія согласныхъ и приставки звука „то", а также отъ имени *Οὔγγροι*, унгры (ungarii, гунгари, агарены, древне-славянскіе огры) или угры, употреблявшагося славянами и западно европейцами вмѣсто обыкновенно употребительнаго первоначальнаго имени „мадьяры".

[1] Что, конечно, весьма сомнительно. *Прим. ред.*
[2] Это совершенно голословное, весьма невѣроятное предположеніе. *Прим. ред.*

Долгое время мадьяры, остановившись въ своихъ странствованіяхъ, жили на равнинахъ нижняго Дуная, гдѣ ихъ главный рынокъ былъ въ Кархѣ (Тамань, по-древне-русски Тмутаракань). Муслимъ бенъ Абу Муслимъ аль-Гарми (около 830—45) смѣшиваетъ мадьяръ съ родственными по происхожденію и по имени башкирами, на востокъ отъ которыхъ, въ степяхъ между Ураломъ и Каспійскимъ моремъ, жили печенѣги, а на сѣверѣ, на Камѣ, изгильскіе болгары. За нимъ это смѣшеніе часто повторяютъ и другіе арабы; благодаря ему возникла очень упорная легенда о существованіи на югѣ Россіи страны „Magna Hungaria“, бывшей первоначальнымъ мѣстомъ жительства мадьяръ. На самомъ же дѣлѣ ихъ область лежала на Азовскомъ морѣ, по сосѣдству съ аланами, хазарами и болгарами и простиралась на сѣверозападномъ краю Кавказа до Кубани; Константинъ VII Багрянородный называетъ ее Лебедьей. Около 833 г. хазары были такъ тѣснимы мадьярами, что попросили помощи у императора Ѳеоѳила; послѣдствіемъ этого было проведеніе укрѣпленнаго рва и постройка крѣпости Саркела на Дону. Отрѣзанные, такимъ образомъ, отъ хазаръ, мадьяры около 839—40 г. ушли на нижній Дунай, гдѣ они вмѣшались въ борьбу болгаръ съ греками (стр. 329).

Но скоро они попали въ нѣкоторую зависимость отъ хазаръ. Хазары же въ союзѣ съ гузами прогнали печенѣговъ изъ занятыхъ ими областей между Этилемъ (Дономъ) и Яикомъ (Ураломъ), и это было невыгодно для мадьяръ въ томъ отношеніи, что печенѣги, мало ослабленные, появились теперь на Дону и заняли угрожающее положеніе; мадьяры ушли тогда (около 862 г.) изъ запертой теперь со всѣхъ сторонъ Лебедьи и поселились на западъ отъ Днѣпра, на Бугѣ и Днѣстрѣ. Теперешней ихъ областью является уже нѣсколько разъ упомянутая Ателькузу (стр. 85). Тѣснимый теперь хазарскій каганъ сдѣлалъ въ Халандіи (Каланча около Перекопа) предложеніе первому мадьярскому начальнику племени (воеводѣ; стр. 85), Лебедьѣ, сдѣлаться подъ его суверенитетомъ царемъ мадьяръ. Но тотъ отказался отъ этого въ пользу вышеупомянутаго Арпада (вскорѣ послѣ 862 г.).

Несмотря на то, что печенѣги были окружены хазарами и мадьярами, ихъ могущество быстро росло. Уже въ концѣ 880-хъ годовъ мадьяры чувствовали себя не въ состояніи предпринимать грабительскіе походы на сѣверъ; поэтому они въ 889 г. покинули потерявшую для нихъ цѣнность, а на востокѣ на Днѣпрѣ прямо-таки небезопасную Ателькузу и пошли далѣе на западъ. Это послѣднее и окончательное вытѣсненіе мадьяръ съ сѣверной стороны Чернаго моря получило всемірно-историческое значеніе; тѣснимые все дальше печенѣгами, мадьяры въ маѣ 895 г. были окончательно прогнаны храбрымъ болгариномъ Симеономъ и съ Балканскаго полуострова, куда они пришли съ Прута и Серетъ въ 894 г. по приглашенію византійцевъ. Теперь (896) они клиномъ втиснулись между славянами юговосточной Европы, прочно утвердились здѣсь, достигли высшей степени культуры и уже въ теченіе тысячелѣтій играютъ чрезвычайно важную, съ германской точки зрѣнія, роль такого клина среди славянства.

Черезъ сѣверныя Карпаты, черезъ ущелье Веречке, мадьяры проникли въ область Тиссы и Дуная. Говорятъ, что вожди отдѣльныхъ племенъ (кромѣ Арпада и его сына Ліунтиса, предводительствовавшаго передовымъ племенемъ кабаровъ, называютъ еще Курсана) во время этого путешествія вступили между собою въ болѣе тѣсныя отношенія: они избрали Арпада своимъ вождемъ и заключили „кровавый союзъ“, собравъ въ кубокъ и выпивъ выпущенную изъ рукъ кровь. Венгры были кочевниками, всегда жили въ степяхъ, и ихъ прельстила на новой родинѣ (Паннонія и Словакія до Бодрога) равнинная природа съ ея просторомъ, обиліемъ свѣта и отсутствіемъ разнообразія въ краскахъ. Какъ истый степной народъ, при-

вычные къ постояннымъ битвамъ, ловкіе наѣздники, они жили на половину добычей, добывая ее путемъ набѣговъ на своихъ осѣдлыхъ сосѣдей. Что они уже до появленія въ долинѣ Тиссы вышли изъ первобытнаго состоянія дикихъ народовъ, это доказывается древними культурными словами мадьярскаго языка. Всѣ угрскіе языки, особенно изъ областей Волги и Дуная, заключаютъ въ себѣ многочисленные иранскіе элементы, звуковой составъ и распространеніе которыхъ могутъ быть объяснены только раннимъ вліяніемъ высшей расы. Не даромъ древніе мадьяры въ теченіе столѣтій жили въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ иранскими аланами и черкесами (кашакъ, касоги) на Кавказѣ: легендарные братья Гуноръ и Магоръ похитили будто бы на нижнемъ Дунаѣ двухъ дочерей аланскаго князя Дулы и, такимъ образомъ, сдѣлались родоначальниками аланъ.

Занятіе новой родины не сопровождалось продолжительной борьбой: некому было преграждать имъ путь. Рѣдкое населеніе скоро слилось съ пришельцами, которые сначала заняли низменныя равнины, гдѣ они находили обильную пищу для своихъ табуновъ и стадъ рогатаго скота. Сражаться приходилось венграмъ только на сѣверо-западѣ, въ области рѣки Вага; наконецъ, и Велико-Моравія уступила ихъ натиску (906; 234 стр.). Отдѣльные вожди поселились со своими племенами въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ и построили себѣ замки, которые были сдѣланы центрами какъ защиты, такъ и управленія. Самъ Арпадъ поселился въ замкѣ Аттилы, въ развалинахъ котораго по Gesta Hungarorum (вообще, впрочемъ, не заслуживающимъ большого довѣрія), анонимнаго нотаріуса короля Белы, венгры „пировали ежедневно; они сидѣли рядами во дворцѣ Аттилы, и передъ ними раздавались звонъ и сладкіе звуки лютней и свирѣлей, разныя пѣсни пѣвцовъ“. Музыканты (tegedös) воспѣвали подъ аккомпаниментъ лютней павшихъ воиновъ, а разсказчики (reges) разсказывали старыя преданія о герояхъ.

Но воинственный духъ жадныхъ до добычи венгровъ находилъ мало развлеченія въ этихъ мирныхъ занятіяхъ. Они начали производить свои набѣги. На своихъ быстрыхъ коняхъ они объѣздили и разграбили въ 899, 921, 924, 941—42, 947 и 951 годахъ всю верхнюю Италію, въ 915 г. Саксонію, зимою 921—22 г. въ 926 и 937 г. среднюю и даже южную Италію, въ 927, 934 и 951 г. Бургундію и южную часть западной Франконіи, въ 937 г. Швабію; въ теченіе полустолѣтія они держали въ страхѣ всю среднюю Европу; домой они всегда возвращались, нагруженные богатой добычей и рабами. Также и чехи, бывшіе во времени паденія Моравскаго царства сосѣдями мадьяръ, часто страдали отъ ихъ прохожденія черезъ Чехію; 5 іюля 907 г. потерпѣли тяжелое пораженіе баварцы. Въ 924 г. мадьярскій отрядъ присоединился, какъ полагаютъ, въ Венеціи къ пиратской экспедиціи арабскаго эмира Тамала Тарсускаго; другіе отряды проникли въ 943 г. въ Галицію и Андалузію. Ни смерть Арпада (907), ни пораженіе, нанесенное венграмъ въ 933 г. нѣмецкимъ императоромъ Генрихомъ I, не прекратили ихъ далекихъ набѣговъ; уже въ 934 г. они предприняли набѣгъ на имперію ромеевъ, на этотъ разъ въ союзѣ или подъ предводительствомъ печенѣговъ, часть которыхъ около 915 г. приняла исламъ. За этимъ набѣгомъ слѣдуетъ признать особенности настоящаго большого военнаго похода: они раззорили пограничную крѣпость Валандаръ и появились у самыхъ стѣнъ Константинополя. То же самое повторилось въ меньшемъ масштабѣ въ 943 и 948 годахъ.

b) Переходъ къ осѣдлой жизни и принятіе христіанства.

Только послѣ того, какъ мадьяры въ 955 г. потерпѣли страшное пораженіе на Лехфельдѣ, близъ Аугсбурга, и потеряли нѣмецкую восточную марку, произошелъ сильный переворотъ въ ихъ образѣ мыслей и

образѣ жизни. Нѣчто новое было внесено соприкосновеніемъ, хотя и враждебнымъ, съ чужими государствами, а главнымъ образомъ—массой иноплеменныхъ рабовъ, слившихся съ венгерскимъ народомъ (срв. выше на стр. 327 объ иммиграціи „измаелитовъ"-болгаръ); высшіе классы скоро убѣдились въ томъ, что ни одинъ народъ, окруженный мирными, культурными народами, не можетъ жить исключительно войной. Уже правнукъ Арпада, „герцогъ" Геза (Гейза; 972—997), принялъ христіанство. Его правленіе было ознаменовано переходомъ венгровъ отъ простой жизни языческихъ кочевниковъ къ осѣдлому состоянію.

Когда въ 997 г. на престолъ вступилъ сынъ Гезы, Вайкъ, въ крещеніи Стефанъ I, онъ нашелъ почву настолько уже подготовленной, что могъ въ теченіе четырехъ десятилѣтій закончить начатую его отцомъ культурную работу и обезпечить, такимъ образомъ, для Венгріи мѣсто въ европейской семьѣ народовъ. Съ мудростью государственнаго человѣка онъ примкнулъ не къ греческой, а къ римской церкви и открылъ, такимъ образомъ, свою страну вліяніямъ западно-европейской умственной жизни. Его жена, нѣмка Гизела, дочь баварскаго герцога Генриха II (умеръ 995), была ему вѣрной сотрудницей. Папа Сильвестръ II (999—1003), въ признательность за его апостольскія заслуги прислалъ ему королевскую корону (1000); кромѣ того, онъ предоставилъ ему и его преемникамъ исключительныя права въ церковномъ отношеніи. Основаніемъ монастырей, приходовъ и епископствъ Стефанъ создалъ прочную почву для организаціи католической церкви въ Венгріи. Правда, нѣкоторые вожди племенъ съ оружіемъ въ рукахъ возстали противъ этихъ новшествъ. Но все-таки христіанство въ короткое время пустило прочные корни въ Венгріи. Тѣмъ, что оно такъ быстро распространилось и сдѣлало Венгрію „царствомъ Маріи" (Nagyasszony országa, царство великой жены), христіанство обязано, между прочимъ, одному обстоятельству, обусловленному народными вѣрованіями: когда мадьяры начали оставлять язычество, поклоненіе Маріи было въ другихъ мѣстахъ уже довольно сильно развито; синодъ въ Эфесѣ (431; срв. т. VI, стр. 195 и 201) подробно опредѣлилъ, какъ слѣдуетъ представлять себѣ дѣву Марію. Когда мадьяры приняли христіанство, въ ихъ народномъ сознаніи продолжало жить представленіе о Nagyasszony (великая жена) или Nagyboldogasszony (великая блаженная жена), какъ о матери боговъ; въ противоположность этой великой женѣ Марія получила теперь имя Kisasszony (малая жена, дѣвица). Народъ просто перенесъ качества Nagyasszony на Kisasszony или Boldogasszony (блаженная жена) и сдѣлалъ ее богиней рожденія. Такимъ образомъ, богиня рожденія языческихъ мадьяръ продолжала жить въ народныхъ вѣрованіяхъ, какъ покровительница роженицъ и дѣтей; даже съ ея теперешними аттрибутами, болѣе или менѣе, разложенными христіанствомъ, она соотствѣтствуетъ матери боговъ у родственнаго мадьярамъ племени мордва, Анге-Пацаи, а также Кавѣ, финской феѣ рожденія.

И въ военной, судебной и экономической сферахъ король Стефанъ сдѣлалъ много нововведеній, сильно измѣнившихъ внутреннюю и внѣшнюю жизнь его подданныхъ. Ему принадлежитъ раздѣленіе государства на комитаты. Хотя вся его творческая дѣятельность была направлена къ мирнымъ цѣлямъ, но все-таки ему приходилось иногда браться за мечъ. Послѣ успѣшнаго похода противъ печенѣговъ и противъ польскаго короля Мечислава II, преемника Болеслава Храбраго (стр. 236), онъ долженъ былъ въ 1030 г. помѣряться оружіемъ также и съ нѣмецкимъ императоромъ Конрадомъ II. Въ результатѣ этой послѣдней войны Стефанъ на основаніи мирнаго договора 1031 г. расширилъ свое государство на западъ по ту сторону рѣки Фиши до Лейты и Дуная. Остатокъ своей жизни великій король провелъ въ горести по своемъ умершемъ сынѣ Эмерихѣ. 15 августа 1038 г. этотъ создатель венгерскаго государства закончилъ

свой богатый подвигами жизненный путь; глубоко почитаемый народомъ, онъ былъ въ 1087 г. причисленъ церковью къ лику святыхъ.

C. Венгрія до битвы при Могачѣ (1038—1526).

a) Отъ смерти Стефана I до прекращенія династіи Арпада.

Споры изъ-за престола и внутреннія смуты мѣшали правильному развитію Венгріи при преемникахъ Стефана Святого, Петрѣ Орсеоло (1038—41 и 1044—46) и Самуилѣ Абѣ (1041—44), Андреѣ I (съ 1046 до дек. 1060), Белѣ I (1060--63), дочь котораго Софію Асканіи, Штауфены, Вельфы и Виттельсбахи считаютъ своей общей родоначальницей, затѣмъ при Соломонѣ (1063—64—1074, въ 1087 г. пропалъ безъ вѣсти, съ 1063 г. былъ женатъ на Юдифи или Софіи, дочери императора Генриха III и Агнесы Пуату) и, наконецъ, при Гезѣ I (Гейза; 1074—1077). Стремленія Германской имперіи сохранить за собой суверенитетъ надъ Венгріей, котораго она достигла въ 1044 г., прекратились въ 1052 г. послѣ безуспѣшной осады Прессбурга императоромъ Генрихомъ III; ибо походъ, предпринятый въ 1074 г. Генрихомъ IV, также не имѣлъ осязательныхъ результатовъ. Подавленіе возстанія языческаго населенія, предводительствуемаго вождемъ Ватой (убитъ 1046) и его сыномъ (?) Янусомъ (умеръ около 1060—61 г.), сломило послѣднюю жизненную силу язычества, такъ что уже Владиславъ I Святой (съ 1077 г. до 29 авг. 1095) и Коломанъ Письменный (Kányves Kölmán; 1095—1114) могли продолжать реформаторскую дѣятельность Стефана. Венгрія заняла видное мѣсто среди независимыхъ государствъ Европы. Владиславъ Святой подчинилъ своей власти среднюю Хорватію, учредилъ (1091) епископство въ Загребѣ и раздѣлилъ вновь пріобрѣтенныя владѣнія на комитаты. Преемникъ Коломана, покровитель литературы и въ области законодательства, покорилъ далматскіе города, съ цѣлью поставить преграду ростущему могуществу Венеціи. Съ этого времени Хорватія входитъ въ составъ Венгерскаго государства.

Въ то время какъ Венгрія расширяла свои границы по направленію къ западу, на востокѣ ее тревожили куманы. Уже въ 1091 г., когда венгры были заняты войной въ Хорватіи, они ворвались въ ихъ государство; въ двухъ кампаніяхъ Владиславъ взялъ большинство ихъ въ плѣнъ и поселилъ въ области рѣки Тиссы. Съ необезпеченностью собственности онъ боролся по мѣрѣ своихъ силъ (decretum III). Въ волновавшей міръ борьбѣ между папствомъ и императорской властью онъ, правда, обѣщалъ римскому престолу помощь противъ императора Генриха IV, но стоялъ все таки благоразумно въ сторонѣ и не вмѣшивался непосредственно въ эту распрю. Въ время Коломана первое крестоносное недисциплированное войско графа Эмико Лейнингенскаго появилось въ Венгріи и вслѣдствіе своего безчиннаго поведенія было прогнано за границы страны. Готфридъ же Бульонскій былъ принятъ очень дружественно.

Послѣ смерти Коломана на престолъ вступилъ его слабоумный и распутный сынъ Стефанъ II (1116—31); при немъ венеціанцы завоевали обратно большую часть долматскихъ областей. Когда онъ умеръ, не оставивъ потомства, венгры подчинились слѣпому Белѣ II (1131—41), котораго вмѣстѣ съ его отцомъ, герцогомъ Альмосомъ Хорватскимъ, нѣкогда ослѣпилъ за участіе въ возстаніи король Коломанъ. Едва слѣпой король вступилъ на престолъ, какъ въ Венгрію съ помощью польскаго герцога Болеслава III вторгся Борисъ, сынъ Коломана отъ русской Эфиміи (въ то время отверженной за невѣрность); онъ долженъ былъ, однако, бѣжать передъ нѣмецкими войсками короля. Но когда послѣ смерти Белы II на престолъ взошелъ его несовершеннолѣтній сынъ Геза II (съ 1141 по май 1161), Борисъ рѣшилъ искать счастья у проходившихъ черезъ

Венгрію крестоносцевъ. Но ни императоръ Конрадъ, ни король Людвигъ VII не согласились поддержать эту авантюру. Теперь Борисъ бѣжалъ къ византійскому императору Мануилу (стр. 95). Этотъ послѣдній около половины 12 столѣтія оживилъ на нѣкоторое время дряхлую Византію и старался доставить опять перевѣсъ греческому вліянію на Балканскомъ полуостровѣ. Но его планамъ мѣшала Венгрія, независимость которой онъ старался поэтому всяческими способами подорвать. По совѣту Бориса, онъ вторгся въ южную Венгрію, но былъ отбитъ Гезой II и принужденъ заключить миръ. Борисъ, предводительствуя греческими войсками, палъ позднѣе въ сраженіи съ куманами. Теперь императоръ Мануилъ взялъ подъ свое покровительство возставшихъ противъ своего брата Гезы и бѣжавшихъ къ нему въ 1158 г. герцоговъ Стефана и Владислава. О происшедшей при Гезѣ массовой иммиграціи нѣмцевъ въ верхнюю Венгрію и Трансильванію см. ниже, стр. 398. Когда послѣ смерти Гезы венгерскую корону унаслѣдовалъ его сынъ Стефанъ III (1161—72), Мануилъ посредствомъ подкуповъ добился избранія, покровительствуемаго имъ Владислава II. Послѣ преждевременной смерти его (въ янв. 1163 г.) императоръ добился провозглашенія королемъ второго брата Гезы, Стефана IV. Но послѣдній, покинутый своими сторонниками, былъ побѣжденъ въ 1164 г. союзникомъ Стефана III Премысловичемъ Владиславымъ II (стр. 240). Мануилъ заключилъ миръ съ Стефаномъ III и взялъ съ собой въ Константинополь для воспитанія его брата Белу. Опасность, угрожавшая Венгріѣ со стороны Византіи, прекратилась одновременно со смертью Мануила въ 1180 г.; незадолго передъ тѣмъ Венгрія, благодаря ему же, получила вое лицѣ Белы III (1172 до апрѣля 1196 г.) короля, который свое греческлъ образованіе употреблялъ только на пользу своего народа. Бела III отнялъ у венеціанцевъ обратно далматскія области и долгое время занималъ Галицію (Галичъ). Благодаря его браку съ Маргаритой, сестрой короля Филиппа II Августа французскаго, въ Венгрію проникло тогда и французское вліяніе.

Сынъ Белы III Андрей II (1205—35), боролся со своимъ братомъ Эмерихомъ (умеръ въ серединѣ сентября 1204), а также и съ его сыномъ Владиславомъ III (умеръ 7 мая 1205 г. въ Вѣнѣ). Въ 1217 г. онъ предпринялъ крестовый походъ. По возвращеніи изъ похода онъ жилъ въ постоянныхъ несогласіяхъ со своими магнатами. Недовольные, предводительствуемые Венедиктомъ Боромъ, прозваннымъ „Банкъ баномъ“ (Banus Bánk), убили въ 1213 г. королеву Гертруду. Послѣ долгой борьбы Андрей II въ 1222 г. издалъ знаменитый основной законъ „Золотую Буллу“, посредствомъ котораго онъ сломилъ могущество графовъ и предоставилъ духовному и свѣтскому низшему дворянству широкія права и обезпечилъ за нимъ постоянное вліяніе въ области управленія и законодательства (см. прилагаемую двойную табл.: „Венгерскій король Людовикъ утверждаетъ 11 декабря 1351 г. Золотую Буллу вольностей короля Андрея II 1222 года“, съ объяснительнымъ листомъ.

Въ царствованіе его сына Белы IV (1235—70) въ мартѣ 1241 г. въ Венгрію вторглись монголы подъ предводительствомъ Батыя (т. II, стр. 165), и страшно опустошали страну въ теченіе цлаѣго года. Австрійскій герцогъ Фридрихъ II Воинственный, послѣдній изъ Бабенберговъ, занялъ, между тѣмъ, западную часть Венгріи и отнялъ у бѣжавшей къ нему королевы Маріи ея драгоцѣнности. Послѣ ухода дикихъ ордъ (весною 1242 г.) король, вернувшійся изъ Далмаціи, въ короткое время—отчасти съ помощью ордена іоаннитовъ—возстановилъ благополучіе (стр. 353) и предпринялъ походъ противъ австрійскаго герцога, который палъ въ сраженіи при Винеръ-Нейштадтѣ (15 іюня 1246 г.), не оставивъ послѣ себя наслѣдниковъ. Теперь Бела IV захватилъ все обширное наслѣдіе его, но въ іюлѣ 1260 года (стр. 243) долженъ былъ подѣлиться съ

Венгерскій король Людовикъ I утверждаетъ 11 декабря 1351 г. Золоту
налѣ) и вводитъ въ то же время право А

(По оригинальной рукописи въ Королевскомъ и Императорско

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Буллу вольностей короля Андрея II 1222 г. (не сохранившуюся въ ориги-
icitas, сохранившее свою силу до 1848 года.

домашнемъ, придворномъ и государственномъ архивѣ въ Вѣнѣ.)

Венгерскій король Людовикъ I утверждаетъ въ 1351 г. Золотую Буллу 1222 г.

Lodovicus dei gratia Hungarie, Dalmacie, Croacie, Rame, Servie, Gallicie, Lodomerie, Cumanie Bulgarieque Rex, princeps Salernitanus et honoris montis sancti Angeli dominus. Omnibus Christi fidelibus presentibus pariter et futuris presencium noticiam habituris Salutem in eo, qui Regibus dat feliciter regnare et victoriose triumphare. Tronus et potentia Regalis dignitatis tunc dinosscitur roborari, cum subditorum quieti et tranquillitati provida circumspectione providetur, Ipsisque digno remuneracionis bravio in libertatibus largiendis, ymo eciam per alios Reges pia consideracione institutis confovendis nec non confirmandis liberaliter respondetur. Nam observancia fidei sui trahens originem debitum racionis native legibus stabilis perseverat, cum benivolencia principis in suos ostensa, Regnicolas sic semper coalesscit in subditos, ut, nisi vite suffocetur igniculus in corpore, vigor fidei non lentescit. Ea propter ad universorum noticiam harum serie volumus pervenire: Quod Baronum nec non procerum et Nobilium Regni nostri cetus et universitatis ydemptitas nostrum Regium conspectum adeundo, fidelitatibus suis et fidelium serviciorum preclaris meritis in cunctis nostris et Regni nostri negocijs prosperis et adversis cum sumpme fidelitatis studio et votiva diligencia nostre majestati exhibitis et impensis declaratis et nostram in memoriam revocatis: exhibuerunt nobis quasdam literas privilegiales Illustrissimi principis domini Andre, tertij Bele Regis filij, olym Incliti Regis Hungarie, Avi et predecessoris nostri pie recordacionis, Aurea bulla sua roboratas libertates ipsorum per Sanctissimum Stephanum Hungarice gentis Regem et Apostolum (ut predicte litere declarabant) Ipsis institutas innovantes et confirmantes tenoris subsequentis supplicantes unanimiter et conformiter nostre humiliter majestati, ut ipsas acceptantes, ratificantes et approbantes presentibus de verbo ad verbum transumpmi faciendo simul cum omnibus libertatibus eorum in eisdem expressis, excepto solummodo uno articulo in subsequentibus declarando, confiirmare, et easdem libertates in dictis literis expressas ex Regie benignitatis clemencia autoritate Regia innovando ipsos in eisdem perhempnaliter fruituros et gavisuros literis nostris privilegialibus mediantibus stabilire dignaremur, quarum tenor talis est:

In nomine sancte trinitatis et individue unitatis. Andreas dei gratia Hungarie, Dalmacie, Croacie, Rame, Servie, Gallicie, Lodomerieque Rex in perpetuum. Quoniam libertas tam nobilium Regni nostri quam eciam aliorum instituta a sancto Stephano Rege per aliquorum Regum potenciam ulcisscencium aliquando iram propriam, aliquando etiam attendencium consilia falsa hominum iniquorum vel sectancium propria lucra fuerat inquamplurimis diminuta, multociens ipsi Nobiles nostri serenitatem nostram et prede-

Людовикъ I Божьей милостью король венгерскій и проч.

Всѣмъ вѣрующимъ христіанамъ нашъ королевскій поклонъ.

Королевскій престолъ стоитъ тогда всего прочнѣе, когда прилагаются разумныя заботы къ обезпеченію спокойствія подданныхъ дарованіемъ и утвержденіемъ вольностей.

Довѣріе за довѣріе, вѣрность за вѣрность; поэтому мы охотно желаемъ удовлетворить просьбу нашихъ бароновъ, знатныхъ и дворянъ

и вновь утвердить свободы, дарованныя имъ однажды Св. Стефаномъ, королемъ и апостоломъ Венгріи, и подтверждены въ Золотой Буллѣ нашимъ предкомъ и предшественникомъ Андреемъ II, сыномъ Белы III. За исключеніемъ одного, ниже объясненнаго пункта.

Текстъ же ея слѣдующій:

Во имя Св. Троицы и недѣлимаго единства. Андрей II Божіей милостью король Венгріи и проч. Дарованныя Св. Стефаномъ вольности дворянамъ и другимъ въ нашемъ королевствѣ неоднократно нарушались нѣкоторыми королями, поэтому они часто просили насъ объ улучшеніи разстроеннаго состоянія

cessorum nostrorum Regum suorum precibus et instancia multa pulsaverunt super reformacione Regni nostri. Nos igitur eorum peticioni satisfacere cupientes in omnibus ut tenemur, presertim quia inter nos et eos occasione hac jam sepius ad amaritudines non modicas est processum, quod ut regia honorificencia plenius conservetur convenit evitari (hoc enim per nullos alios melius fit, quam per eos), concedimus tam eis quam alijs hominibus regni nostri libertatem a sancto Rege concessam ac alia ad statum regni nostri reformandum pertinentia salubriter ordinamus, in hunc modum: ut annuatim in festo sancti Regis nisi arduo negocio ingruente vel infirmitate fuerimus prohibiti Albe teneamur sollempnizare, et si nos interesse non poterimus. Palatinus proculdubio ibi erit pro nobis, ut vice nostras causas audiat, et omnes servientes qui voluerint libere illuc conveniant. Volumus etiam, quod nec nos nec posteri nostri aliquo tempore servientes capiant vel destruant favore alicuius potentis, nisi primo citati fuerint et ordine judiciario convicti. Item nullam collectam nec liberos denarios colligi faciemus super predia servientium, nec domos nec villas descendemus nisi vocati. Super populos etiam ecclesiarum ipsorum nullam penitus collectam faciemus. Si quis serviens sine filio decesserit, quartam partem possessionis filia optineat, de residuo sicut ipse voluerit disponat, et si morte preventus disponere non potuerit, propinqui sui qui eum magis contingunt obtineant, et si nullam penitus generacionem habuerit, rex obtinebit. Comites parochiani predia servientum non discuciant nisi causa monetarum et decimarum. Comites curie parochyani nullum penitus discuciant nisi populos sui Castri, fures et latrones Byloky Regales discuciant ad pedes tamen ipsius Comitis. Item populi coniurati in unum fures nominare non possint, sicut consueverant. Si autem Rex extra Regnum exercitum ducere voluerit, servientes cum ipso ire non teneantur nisi pro pecunia ipsius; et post reversionem judicium exercitus super eos non recipiet. Si vero ex adversa parte exercitus venerit super Regnum, omnes universaliter ire teneantur. Item, si extra Regnum cum exercitu iverimus, omnes, qui Comitatus habent vel pecuniam nostram nobiscum ire teneantur. Palatinus omnes homines regni nostri indifferenter discuciat; sed causam nobilium, que ad perdicionem capitis vel ad destructionem possessionum pertinet, sine conscientia Regis terminare non possit. Judices Vicarios non habeant, nisi unum in Curia sua. Curialis Comes noster, donec in Curia manserit, omnes possit judicare et causam in Curia inchoatam ubique terminare. Sed manens in predio suo pristaldum dare non possit nec partes facere citari. Si quis Jobagio habens honorem in exercitu fuerit mortuus, eius filius vel frater congruo honore sit donandus, et si serviens eodem modo fuerit mortuus, eius filius sicut Regi videbitur donetur. Si hospites, videlicet boni homines, ad regnum venerint, sine consilio Regni ad dignitates non promoveantur. Uxores decedencium vel condempnatorum ad mortem per sententiam vel in duello succumbencium vel ex quacunque alia causa non fraudentur dote sua. Jobagiones ita sequantur Curiam vel quocunque proficiscantur, ut pauperes per eos non opprimantur nec spolientur. Si quis Comes honorifice se juxta Comitatus sui qualitatem non habuerit vel destruxerit populos Castri sui, convictus super hoc coram omni Regno dignitate sua turpiter spolietur cum restitucione ablatorum. Agasones, caniferi et falconarij non presumpma[n t descendere in villis servientium. Integros Comitatus vel dignitates quascunque in predia seu possessiones non conferemus perpetuo. Possessionibus etiam, quas quis justo servicio obtinuerit, aliquo tempore non privetur. Item servientes accepta licentia a nobis possint libere ire ad filium nostrum seu a majori ad minorem nec ideo possessiones eorum destruantur. Aliquem justo judicio filij nostri condempnatum vel causam inchoatam coram ipso, priusquam terminetur coram eodem, non recipiemus nec e converso filius noster. Jobagiones Castrorum teneantur secundum libertatem a sancto Rege constitutam. Similiter et hospites cujuscumque nacionis secundum libertatem ab inicio eis concessam teneantur, decime argento non redimantur, sed sicut terra protulerit vinum vel segetes persolvantur; et si Episcopi contradixerint, non juvabimus ipsos. Episcopi super predia servientium equis nostris decimas non dent nec ad predia Regalia populi eorundem decimas suas

государства. Желая, какъ мы это и должны, исполнить ихъ просьбу, мы даемъ имъ всѣ старинныя вольности и приказываемъ слѣдующее:

1. Ежегодно въ праздникъ Св. Стефана мы должны присутствовать на собраніи въ Штульвейсенбургѣ и только въ крайнихъ случаяхъ насъ можетъ замѣнять паладинъ.

2. Ни одинъ дворянинъ не можетъ быть осужденъ, не бывъ выслушанъ.

3. Имѣнія нашихъ дворянъ и церквей свободны отъ опредѣленныхъ податей; и мы намѣрены пребывать въ нихъ только по приглашенію.

4. Наши дворяне, не имѣющіе сыновей, могутъ свободно распоряжаться своимъ имуществомъ.

5. Юрисдикція начальниковъ комитатовъ надъ подданными дворянъ ограничивается только вопросами о монетѣ и о десятинной подати. Дворовому суду подлежатъ только жители даннаго замка.

6. Воровство не должно быть преслѣдуемо „земскимъ вопросомъ“.

7. Противъ вражескаго нашествія всѣ должны выступать съ войскомъ, при походахъ же заграницу только владѣльцы комитатовъ и завербованные.

8. Юрисдикція паладина также должна быть ограниченной. Судья можетъ имѣть только одного замѣстителя.

9. Нашъ придворный судья судитъ при дворѣ; во время пребыванія въ своихъ имѣніяхъ онъ не можетъ ни вызывать сторонъ, ни посылать людей для собиранія пошлины.

10. Сынъ или братъ павшаго на войнѣ барона или дворянина получаетъ королевское вознагражденіе.

11. Иноземные выходцы не должны безъ согласія государственнаго совѣта получать чины и титулы.

12. Вдовы не должны быть лишаемы своего приданаго. 13. Бароны должны слѣдовать за дворомъ, не притѣсняя крестьянъ.

14. Графъ, опустошающій свое графство, съ позоромъ лишается своего достоинства и долженъ возвратить награбленное. 15. Въ имѣнія дворянъ не должны проникать загонщики, псари, своры собакъ и сокольничьи. 16. Мы больше не будемъ давать графскихъ и иныхъ достоинствъ на вѣчныя времена. 17. Никто не долженъ быть лишаемъ правильно пріобрѣтеннаго имущества. 18. Съ нашего разрѣшенія дворяне могутъ присоединяться къ нашему сыну; мы будемъ также уважать приговоры нашего сына, а онъ наши. 19. Къ жителямъ даннаго замка, а также и къ чужимъ будетъ примѣняться ихъ старинное право. 20. Десятинная подать будетъ вноситься не серебромъ, а смотря по урожаю виномъ или хлѣбомъ.

aportare teneantur. Porci nostri, in silvis vel pratis servientium non pascantur contra voluntatem eorum. Nova moneta nostra per annum observetur a pasca usque ad pasca, et denarij tales sint, quales fuerunt tempore Regis Bele. Comites Camare monetarij, Salinarij et tributarij nobiles regni, Ismaelite et Judei fieri non possint. Sales in medio Regni non teneantur nisi tantum in Zal[n]och et in Zeged et in confinijs, possessiones extra regnum non conferantur; si alique collate vel vendite, populo regni ad redimendum reddantur. Marturine juxta consuetudinem a Colomano Rege constitutam solvantur. Si quis ordine judiciario fuerit condempnatus, nullus potentum eum possit defendere. Comites jure sui Comitatus tantum fruantur, cetera ad Regem pertinentia scilicet cybriones, tributa, boves et duas partes Castrorum Rex obtineat. Item preter hos quatuor Jobagiones scilicet Palatinum, Banum et Curiales Comites Regis et Regine duas dignitates nullus teneat. Et ut hec nostra tam concessio quam ordinacio sit nostris nostrorumque successorum temporibus in perpetuum valitura, eam conscribi fecimus in septem paria literarum et aureo Sigillo nostro roborari. Ita quod unum par mittatur domino Pape, et ipse in registro suo scribi faciat. Secundum penes hospitale. Tertium penes templum. Quartum apud Regem. Quintum in Capitulo Strigoniensi. Sextum in Colocensi. Septimum apud Palatinum, qui pro tempore fuerit, reservetur. Ita quod ipsam Scripturam pre oculis semper habens nec ipse deviet in aliquo in predictis nec Regem vel nobiles seu alios consenciat deviare, ut et ipsi sua gaudeant libertate ac propter hoc nobis et successoribus semper existant fideles et Corone Regie obsequia debita non negentur. Statuimus etiam, ut, si nos vel aliquis successorum nostrorum aliquo unquam tempore huic disposicioni contraire voluerit, liberam habeant harum autoritate sine nota alicuius infidelitatis tam Episcopi quam alij Jobagiones ac nobiles Regni nostri universi et singuli presentes ac posteri resistendi et contradicendi nobis et nostris successoribus in perpetuum facultatem. Datum per manus Cleti, Aule nostre Cancellarii et Agriensis ecclesie prepositi Anno verbi incarnati Millesimo ducentesimo vigesimo secundo venerabili Johanne Strigoniense, Reverendo Ugrino Colocense Archyepiscopis existentibus, Desiderio Chanadiense, Roberto Wesprimiense, Thoma Agriense, Stephano Zagrabiense, Alexandro Waradiense, Bartholomeo Quinqueecclesiense, Cosma Gevriense, Briccio Waciense Episcopis existentibus, Regni nostri anno decimo septimo.

Nos igitur peticioni dictorum Baronum, procerum et nobilium Regni nostri aures exaudibiles Regio cum favore inclinantes consideratis et in memoriam revocatis fidelibus obsequijs et sincerissimis complacentijs eorundem, quibus in cunctis nostris et Regni nostri negocijs prosperis pariter et adversis, specialiter vero in sumpmenda vindicta innoxij sanguinis olim domini Andree Jerusalem et Sicylie Regis, fratris nostri karissimi beate recordacionis, cujus dyre necis acerbitas fere totius orbis fines seu plagas perpulsavit, ad dictum Regnum Sycilie nobiscum proficisscendo inopinatis fortune casibus et varijs personarum periculis sumpma fidelitate fulti intrepide se submittendo nostre majestati studuerunt complacere et se reddere utique gratiosos et acceptos: volentes voto ipsorum gratiose occurrere et eorum beneplacitum adimplere, ut ipsos ad similia fidelitatis opera exercenda devota mente incitemus, predictas literas ipsius domini Andre Regis, Avi et predecessoris nostri karissimi Aurea Bulla sua roboratas omni penitus suspicione carentes de verbo ad verbum presentibus insertas acceptantes, ratificantes et approbantes simul cum omnibus libertatibus in eisdem expressis (excepto solummodo uno articulo modo prenotato de eodem privilegio excluso, eo videlicet: *quod nobiles homines sine herede decedentes possint et queant ecclesiis vel alijs quibus volunt in vita et in morte dare vel legare, possessiones eorum vendere vel alienare;* imo ad ista facienda nullam penitus habeant facultatem, sed in fratres proximos et generaciones ipsorum possessiones eorundem de jure et legitime, pure et simpliciter absque contradictione aliquali devolvantur, ut tenor continet privilegij Bullati domini Andre Regis supradicti) confirmantes et easdem libertates de beneplacita voluntate Serenissime Principisse domine Elyzabeth eadem gratia Regine Hungarie, genitricis nostre karissimc, ac de consilio eorundem Baronum nostrorum, e regie

21. Епископы не обязаны изъ десятинной подати давать кормъ королевскимъ лошадямъ.

22. Королевскія свиньи могутъ только съ разрѣшенія дворянъ пастись въ ихъ лѣсахъ и лугахъ. 23. Наша новая монета должна обращаться въ продолженіе одного года отъ пасхи до пасхи и чеканиться какъ при Белѣ. 24. Должность королевскаго монетнаго, соляного и податного надсмотрщика не могутъ занимать измаильтяне и евреи. 25. Учрежденія для взиманія соляного налога должны существовать только въ Цолнокѣ и въ Цегединѣ, и на границахъ. 26. Имѣнія не должны переходить къ иностранцамъ. 27. Куньи деньги должны уплачиваться по положенію короля Коломана. 28. Уличенные судомъ не должны находить защиту у знатныхъ. 29. Графъ пользуется только опредѣленной частью доходовъ съ графства, другая же часть принадлежитъ королю.

30. Кромѣ паладина, бана и обоихъ гофграфовъ короля и королевы, никто не можетъ занимать двухъ должностей. 31. Всѣ эти распоряженія должны быть скрѣплены нашей золотой печатью и въ 7 одинаковыхъ грамотахъ храниться въ 7 мѣстахъ. Въ случаѣ, если мы, или кто-либо изъ нашихъ преемниковъ, не будетъ соблюдать ихъ, наши дворяне могутъ безъ всякаго опасенія заявить свой протестъ и оказать сопротивленіе (отмѣнено въ 1687 г.).

Дана и проч. въ 1222 г. воплотившагося слова и проч.

эта Золотая Булла короля Андрея II, такова наша воля въ благодарность за вѣрную службу.

(за исключеніемъ слѣдующаго предложенія: „Дворяне не имѣющіе наслѣдниковъ, могутъ отдать при жизни или завѣщать на случай смерти какую угодно часть своего имѣнія церкви или любому лицу“, ибо слѣдующими законными наслѣдниками должны считаться ближайшіе мужскіе родственники мужской линіи и ихъ дѣти (это право такъ называемой Aviticitas дѣйствовало въ Венгріи до 1848 г.). по согласію съ нашей матерью королевой Елизаветой (дочерью польскаго короля Влади-

benignitatis clemencia innovando ipsos in eisdem perhempnaliter commisimus fruituros et gavisuros. Insuper pro tranquiliori statu et pacifico commodo eorundem Regnicolarum nostrorum de voluntate eiusdem genitricis nostre et consilio eorundem Baronum nostrorum ipsis ex folita liberalitate huiusmodi libertates infrascriptas superaddendo duximus concedendas. Quod si prelati vel aliqui viri ecclesiasti[ci] contra nobiles regni nostri in aliqua causa in presencia alicuius judicis Regni nostri processerint et litem habuerint, tunc pro causa, pro qua agitur, Lite pendente interdictum in eos ponere vel contra ipsos sentenciam excommunicacionis non possint promulgare, sicut hactenus usi sunt et consueti, absque scitu et noticia regie majestatis, et si ijdem viri ecclesiastici seu prelati tramite juris observato in alicuius Regi[i] judicis presenciam de jure convicti fuerint, tunc in eiusdem gravaminis penam, quo eorum adversarios intendebant honerare seu agravare, incidant eo facto, nec pro funere hominum per aliquem vel per aliquos interemptorum Archydiaconi mala consuetudine, sicut usi sunt, unam Marcam exhigere valeant atque possint. Minuti etiam Conventus ab emanacione literarum suarum super perpetuacione possessionum conficiendarum cessent, et eorum sigilla omni careant firmitate. Lucrum vero Camere, prout tempore Incliti Principis domini Karoli olym regis Hungarie, genitoris nostri karissimi pie memorie, de quolibet integro fundo Curie tres grossi solvebantur, sic et nunc cum tribus grossis in nostra Camera cudendis (quorum grossorum unus sex denarios Camare nostre in valore et quantitate sex latorum Wiennensium valeat et ipsorum grossorum quatuordecim unum fertonem faciant) persolvatur; superfluos autem denarios videlicet dicarum redempcionem et victualia recipere non valeant. villicos et servientes in proprijs eorum possessionibus commorantes ac servos ipsius lucri Camare dicatores dicare et super ipsos lucrum Camere exhigere non possint; et generaliter dicendo nichil plus quam tres grossos recipere valeant et extorquere. Preterea ab omnibus Jobagionibus nostris aratoribus et vineas habentibus in quibuslibet villis liberis ac etiam udwarnicalibus villis quocunque nomine vocitatis ac reginalibus constitutis (exceptis Civitatibus muratis) nonam partem omnium frugum suarum et vinorum ipsorum exhigi faciemus et domina Regina exhigi faciet; ac predicti Barones et nobiles similiter ab omnibus aratoribus Jobagionibus et vineas habentibus in quibuslibet possessionibus ipsorum existentibus nonam partem omnium frugum suarum et vinorum suorum eorum usibus exhigant et recipiant. Prelati quoque et viri ecclesiastici Jobagiones habentes primo decimas et post hec similiter nonam partem omnium frugum suarum et vinorum suorum exhigant; et si qui in exactione predicta secus fecerint, nos in talium rebellium et presentem nostram stat[uc]ionem alternancium possessionibus pro usu nostro ipsam nonam partem ipsarum frugum et vini exhigi faciemus sine diminucione et relaxacione aliquali, ut per hoc honor noster augeatur et ipsi Regnicole nostri nobis fidelibus possint famulari. de possessionibus enim a nobis et nostris successoribus inveniendis juxta earum quantitatem videlicet de possessione proventus decem marcarum facienti vicecancellarius noster unam marcam et scriptor unum fertonem et de maioribus possessionibus proventus viginti marcarum facientibus duas marcas et scriptor similiter unum fertonem recipere possint et habere, et sic consequenter juxta excresscentiam possessionum de novo inveniendarum. Tributa etiam injusta super terris ficcis et fluvijs ab infra descendentibus et supra euntibus non exhigantur nisi in pontibus et navigijs ab ultra transeuntibus persolvatur, cum in eisdem nobiles et ignobiles regni nostri multo et nimium percepimus agravari. Ceterum si quis nobilis ordine judiciario in facto potentiali succumbitus duelli in pena calumpnie a[tte]stationis falsi testimoni et exhibicionis falsarum literarum ac sentencie capitalis pro quocunque facto in presentia Palatini et judicis Curie nostre aut alterius cuiuscunque judicis presencia convictus fuerit, judex illius cause talem convictum recaptivet et tribus diebus causa reformacionis pacis inter partes fiende et ordinande detineat; et si concordare nequirent, tunc in manus fui adversarij ad infligendam sibi penam juxta regni consuetudinem et de jure debitam assignet. et si tali convicto pars adversa mortem vel aliam penam consuetudinis regni de jure debendam infligerit vel [infligi] fecerit,

слава I и сестрою Казимира Великаго, доставившей на короткое время дому Анжу обладаніе Польшею), и съ нашими баронами всѣмилостивѣйше утвердить соизволили.

Кромѣ того мы даровали еще слѣдующія вольности:

1. Духовныя лица во время судебныхъ споровъ съ дворянами не могутъ употреблять противъ нихъ власть церкви.

2. Архипастыри не могутъ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, требовать при погребеніи убитаго одну марку.

3. Печати маленькихъ церковныхъ корпорацій не имѣютъ доказательной силы въ вопросахъ землевладѣнія.

4. Въ качествѣ удовлетворенія за возобновленіе монеты съ каждаго земельнаго участка какъ во времена нашего отца, короля Карла, должны уплачиваться двору три гроша (по 6 пфениговъ).

5. Мѣстные судьи, королевскіе слуги, сами обрабатывающіе свои имѣнія и ихъ подданные свободны отъ этой подати.

6. Кромѣ того мы можемъ отъ нашихъ крѣпостныхъ, точно также какъ бароны отъ своихъ, требовать уплаты въ качествѣ подати девятую часть доходовъ съ сельскаго хозяйства. Духовенство должно получать со своихъ людей кромѣ десятины также и эту подать.

7. При дареніи большихъ недвижимыхъ имуществъ, за документы, изготовляемые въ нашей канцеляріи, должна уплачиваться пошлина соотвѣтственная доходу съ этихъ имѣній.

8. Несправедливые, дающіе поводъ къ притѣсненіямъ, налоги должны быть уничтожены.

9. Уличеннаго по суду дворянина судья долженъ задержать на три дня, чтобы дѣло могло быть закончено примиреніемъ съ противной стороной. Если примиренія не послѣдуетъ, то его слѣдуетъ по обычаямъ королевства выдать для наказанія противной сторонѣ; въ такомъ случаѣ штрафъ не взимается.

tunc a judice et parte adversa fine recepcione alicuius pecunie vel gravaminis possessionis sue erit expeditus; filijque, fratres, proximi, sorores et uxores pro excessu talis pereuntis hominis non debeant agravari, sed in possessionibus, domibus et bonis ipsorum quieti et pacifici permaneant. Si autem cum parte adversa homo premisso modo convictus posset concordare, judex non ultra nisi quinquaginta marcas dando sibi terminum debitum ad easdem persolvendas recipere possit; et si dato sibi termino solvere non curaret, de possessione sua expirato ipso termino recepto homine Regio et testimonio alicuius Capituli vel credibilis Conventus porcionem vel porciones ipsas quinquaginta marcas valentem vel valentes possit occupare tam diu possidendam vel possidendas, donec per hos, quorum redempcioni eadem vel eidem magis convenire dignoscuntur, pro ipsis quinquaginta marcis redimantur ad eorundem etiam nobilium peticionem annuimus, ut universi veri nobiles intra terminos regni nostri constituti tam in tenutis ducalibus sub inclusione terminorum ipsius Regni nostri existentes sub una et eadem libertate gratulentur. Lucrum etiam Camare nostre nobiles inter fluvios Drawe et Zave ac de Posoga necnon de Walbo cum alijs veris nobilibus Regni nostri unanimiter solvere teneantur, nec ratione collecte marturinarum Banzulusmaya vocatarum a modo et in posterum molestentur, sed ab omni exaccione aliarum quarumlibet collectarum hactenus persolvi consuetarum exempti penitus tanquam ceteri Regni nostri Nobiles aliarum partium inmunes habeantur. Si vero alique minere auri vel argenti, cupri ferri vel alie fodine in possessionibus nobilium invenirentur, absque competenti concambio non auferantur, sed pro talibus possessionibus mineras auri in se germinandis, si Regie placuerit voluntati, equales possessiones conferat nobilibus prenotatis; alioquin si ipsas possessiones minerosas regia majestas pro concambio habere nollet, extunc jus regale seu urburas juri regio pertinentes percipi suo nomine faciet easdem possessiones ipsis nobilibus cum ceteris quibuslibet suis utilitatibus, proventibus et juribus relinquendo, prout etiam idem dominus Karolus Rex, genitor noster karissimus, ipsis regnicolis annuerat literarum suarum per vigorem. Si autem alicui possessionem vel possessiones contulerimus, ille possessionem vel possessiones eidem collatas pro se recapiat et non nomine nostro, sed nomine ipsorum proprio cum contradictoribus in statucione dicte possessionis aparentibus trahat litem ita, quod nomen nostrum ipsi litigionarie questioni non immisceant nec procuratorias literas ad execucionem talium causarum a nobis recipere possint seu inpetrare. nobiles etiam ad loca tributorum ire non compellantur, sed per portus, quos voluerint, libero transitu absque aliquali inpedimento pociantur. nec etiam Jobagiones aliquorum regnicolarum nostrorum ad Regiam vel reginalem celsitudinem pertinentes vel ad ecclesiarum prelatos aut potentes regni nostri attinentes absque voluntaria permissione dominorum eorundem Jobagionum potenter abducantur. denique istam consuetudinem, quod, dum nobiles Regni nostri ad conducendum uxores eorum accedunt et more solito cum eorum uxoribus ad propria redeuntes in pontibus et tributis una marca exhigitur, duximus cassandam et anichilandam. Nichilominus etiam in Civitatibus et liberis villis Regalibus et Reginalibus Prelatorum et baronum ac aliorum nobilium tenutis et possessionibus Jobagiones Regnicolarum nostrorum pro pristinis factis non possint inpediri, prohiberi seu arestari in rebus et personis, sed si ijdem vulnera, lesiones, mortem incendia et alia consimilia enormia perpetrarent manifeste, extunc ex parte eorundem judicium et justicia inpendatur, et quilibet querelantes in propriorum dominorum suorum presencia judicium et justiciam prosequantur congruentem. Porro pro excessibus patris filius nec in persona nec in possessionibus nec in rebus condempnetur. Episcopi quoque, Capitula, Abbates, conventus, prepositi et cetere possessionate ecclesiastice persone cum tribus literis Inquisitorijs (nisi regia majestas destinatis probis viris, quos maluerit, experiatur et informetur inter Nobiles et ecclesias super possessionibus aquirendis) possessionem nec requirere nec retinere possint nisi cum literis privilegialibus Regis vel Reginalibus aut Judicum vices gerentium Regie majestatis. homines autem Capitulorum seu Conventuum, qui ex mandato, Regio pro testimonio ducuntur, non possint esse alij nisi hij, qui dignitates habent in eadem ecclesia, et si ipsius Capi-

10. Родственники осужденнаго никоимъ образомъ не должны быть преслѣдуемы изъ за него. Если уличенный примирится съ противной стороной, то судья долженъ до извѣстнаго срока получить не болѣе 50 марокъ; если до этого срока онѣ не будутъ уплочены, то происходитъ задержанiе въ закладъ.

11. Всѣ дворяне нашего королевства (также и герцогства Склавонiи) пользуются одинаковыми вольностями.

12. Вознагражденiе взамѣнъ возобновленiя монеты, должны дворяне, живущiе между Савой и Дравой, въ Почегѣ и въ Вальпопо уплачивать сообща; но они свободны отъ уплаты куньихъ денегъ и пользуются такими же привиллегiями, какъ и остальное наше дворянство.

13. Владѣнiя дворянъ, содержащiя минеральныя богатства, могутъ перейти въ собственность короля только въ обмѣнъ на имѣнiя равноцѣнныя; въ противномъ случаѣ онѣ остаются за владѣльцами и король получаетъ только горную подать.

14. Въ судебные споры изъ за дарений королевское имя не должно быть замѣшано.

15. Дворяне не обязаны искать таможенныхъ пунктовъ и имѣютъ свободныя гавани (или свободный переѣздъ).

16. Крѣпостные короля, королевы, церкви и дворянъ не могутъ быть увозимы безъ разрѣшенiя ихъ господъ.

17. Пошлина въ одну марку, бывшая въ обычаѣ при свадьбахъ дворянъ, теперь уничтожается.

18. Въ городахъ и на базарахъ короны, церкви и дворянства крѣпостные нашего сельскаго дворянства не могутъ быть задерживаемы за прежнiе проступки.

19. За преступленiе отца нельзя привлекать къ отвѣтственности сына.

20. Духовенство можетъ только на основанiи грамотъ короля, королевы или замѣняющаго придворнаго судьи прiобрѣтать обратно или сохранять за собой имѣнiя.

21. Духовными корпорацiями могутъ посылаться въ качествѣ публичныхъ свидѣтелей въ судебныхъ дѣлахъ дворянъ только члены

iuli vel Conventus testimonium in equo suo proprio ductus fuerit, tunc per diem duos grossos, si vero in equo ipsius Nobilis ducetur, tunc per diem unum grossum ipsi idem nobilis dare teneatur. Homo autem regius, qui ducitur ad citandum vel ad Inquisicionem faciendam, non possit esse aliunde nisi de eodem Comitatu vel districtu, in quo est ille qui citatur vel contra quem sit inquisicio; et Capitulorum testimonium de propinquioribus Capitulis adducatur ad citandum aut ad Inquirendum. et Inquisiciones non possint fieri per alium modum nisi mediantibus literis Regalibus vel[1] palatini aut Judicis Curie Regie, et congregentur nobiles illius Comitatus vel districtus in unum, et ab eis inquiratur manifeste. Causantes enim, in quacumque maxima et ardua causa concordare voluerint, Judex prohibere non possit, et de judicio pacis ab ipsis non plus quam tres marcas exhigere valeat quoquomodo. universe etiam cause in facto possessionum mote et movende in tertio termino absque dilacione et prorogacione aliquali terminentur.

Et ut presentis nostre confirmacionis, innovacionis, constitutionis et libertatum largicionis ac concessionis series robur optineat perpetue firmitatis nec ullo unquam tempore, per nos et nostros successores in aliqua sui parte quomodolibet valeant in irritum revocari, presentes concessimus literas nostras privilegiales pendentis et autentici Sigilli nostri duplicis munimine roboratas. Datum per manus venerabilis in Christo patris domini Nicolai, eadem gratia et Apostolice sedis Episcopi Zagrabiensis, Aule nostre vicecancellarii dilecti et fidelis nostri, Anno domini Millesimo Trecentesimo Quinquagesimo primo, tertio Ydus decembris, Regni autem nostri anno decimo, venerabilibus in Christo patribus et dominis Nicolao Strigoniense Locique eiusdem Comite perpetuo et Dominico Spalatense Archyepiscopis, fratre Dyomisio Archyelecto Colocense, Nicolao Agriense, Demetrio Waradiense, Andrea Transilvano, Colomano Jauriense, Nicola Quinqueecclesiense, Mychaele Wachiense, Johanne Wesprimiense, Thoma Chanadiense, fratribus Thoma Syrimiense, Peregrino Boznense, Stephano Nitriense, Blasio Tyniense episcopis, ecclesias dei feliciter gubernantibus.

этихъ корпорацій, которые и имѣютъ тогда право на вознагражденіе за путевые расходы.

22. Подданные короны могутъ свидѣтельствовать только относительно жителей своего графства.

23. Слѣдствіе можетъ производиться только по предписанію короля, паладиновъ или придворнаго судьи, въ присутствіи всѣхъ дворянъ графства. 24. Примиренію между сторонами не слѣдуетъ препятствовать; за потраченный трудъ судья можетъ требовать три марки. 25. Всѣ споры о владѣніи должны быть заканчиваемы въ третій срокъ.

Подпись и печать.

Дана 11 декабря 1351 г. при нижеслѣдующихъ духовныхъ (и свѣтскихъ) сановникахъ въ качествѣ свидѣтелей . . . .

чешскимъ королемъ Премысломъ Оттокаромъ II, а потомъ и совсѣмъ отказаться отъ этого наслѣдія. Могущество Чехіи простиралось теперь до Адріатическаго моря, въ Германіи же наступило „ужасное время, безъ императоровъ“, эпоха междуцарствія.

Владиславъ IV (1272—90), сынъ Стефана V (1270—72) и внукъ Белы IV, помогъ 26 августа 1278 г. Рудольфу Габсбургскому одержать побѣду надъ Оттокаромъ при Дюрнкрутѣ. Время свое онъ растрачивалъ въ пиршествахъ съ куманами, которымъ приходился сродни со стороны своей матери, дочери куманскаго предводителя. Онъ едва былъ въ состояніи прогнать татаръ. 31 августа 1290 г. во время пиршества онъ былъ убитъ тѣми, кого больше всего любилъ, куманами. Сама по себѣ несправедливая, попытка Рудольфа Габсбургскаго передать Венгрію, какъ незанятый имперскій ленъ, своему сыну Альбрехту, имѣла своею цѣлью только добиться тамъ извѣстныхъ уступокъ.

Противъ Андрея III (съ 1290 г. до 14 янв. 1301) папа Николай IV выставилъ другого короля, Карла Мартелла Анжу, зятя Рудольфа Габсбургскаго, котораго признали, однако, только Далмація и Хорватія. Со смертью Андрея прекратилась мужская линія Арпадовъ. При нихъ венгерскій народъ восприняль духъ христіанской культуры, не принося въ то же время въ жертву религіи своихъ національныхъ интересовъ. Въ общемъ, политика Арпадовъ заключалась въ томъ, чтобы установить свободную связь между національнымъ развитіемъ венгровъ и культурой запада и мечемъ свободнаго человѣка бороться противъ невѣрія и варварства. Венгрія покрылась церквами, монастырями и школами, изъ которыхъ университетъ въ Веспримѣ рано сдѣлался разсадникомъ искусства и науки. Христіанскимъ духомъ проникнуты также и древнѣйшіе остатки венгерской литературы. Первый, написанный на венгерскомъ языкѣ, памятникъ 13 столѣтія, это—„Надгробная рѣчь съ относящейся къ ней молитвой“ (Halotti beszéd); въ ней ясно отражается духъ народа, который проводилъ жизнь на конѣ среди пронизываемой вѣтромъ степи и еще недавно хоронилъ своихъ мертвецовъ вмѣстѣ съ конями.

b) Укрѣпленіе сословной монархіи династіей Анжу.

Послѣ прекращенія мужской линіи династіи Арпада притязанія на королевскій престолъ заявили различные родственники по женскимъ линіямъ (срв. родословную: „Послѣдніе Арпады и неаполитанскіе Анжу въ Венгріи“ при стр.) 379. Отпрыскъ неаполитанскихъ Анжу, Карлъ Робертъ, какъ внукъ Маріи, дочери Стефана V, еще при жизни Андрея III, собралъ въ 1295 г. значительную партію. Но все-таки венгры, если вѣрить сомнительному въ данномъ случаѣ преданію, избрали на простолъ чешскаго короля Вацлава II (стр. 245), мать котораго Кунигунда (Кинга) Галическая происходила изъ рода Арпадовъ. Но Вацлавъ не принялъ венгерской короны, а передалъ ее своему сыну Вацлаву III, который и вступилъ въ 1302 г. на венгерскій престолъ подъ именемъ Владислава (V). Но партія Карла Роберта настолько отравила ему пребываніе въ странѣ, что онъ уже въ 1304 г. вернулся въ Чехію. Партія Вацлава избрала теперь королемъ Оттона III, (герцога Нижнебаварскаго, мать котораго Елизавета тоже происходила изъ рода Арпадовъ), (срв. родословную при стр. 379). При посѣщеніи Трансильваніи онъ былъ схваченъ трансильванскимъ воеводой Владиславомъ Апоромъ (1307); освобожденный черезъ годъ изъ неволи, онъ отказался отъ короны и покинулъ страну (умеръ въ 1312 г.).

При посредничествѣ папы королемъ былъ избранъ, наконецъ, Карлъ Робертъ (Carolobertus, какъ его называетъ Эльзевиръ 1634 года.—„Respublica et status regni Hungariae“). Онъ почти на цѣлое столѣтіе утвердилъ въ Венгріи власть дома Анжу. Карлъ Робертъ былъ превосходнымъ

правителемъ, который не только держалъ въ уздѣ олигархію, но и содѣйствовалъ подъему благосостоянія нововведеніями въ областяхъ военной и экономической. Онъ познакомилъ свой народъ и съ итальянской культурой (срв. т. VII, стр. 156 и слѣд.). Своему сыну и наслѣднику престола Людовику онъ обезпечилъ польскую корону, другому же своему сыну Андрею доставилъ путемъ брачнаго союза неаполитанскую корону.

Послѣ смерти Карла Роберта на престолъ вступилъ его сынъ Людовикъ I (съ 1342 до 11 сентября 1382 г.). Въ его лицѣ Венгрія получила высокообразованнаго, рыцарскаго государя, котораго она въ благодарность надѣлила эпитетомъ „Великаго“. Дворянству, на которомъ лежало бремя военной службы, онъ предоставилъ девятую часть собираемаго крѣпостными урожая плодовъ и винограда, чтобы оно могло легче исполнять лежавшую на немъ тяжелую повинность (срв. § 6 на стр. III объясненія къ прилагаемой двойной табл.), и новшество это имѣло очень благодѣтельныя послѣдствія. Запрещеніемъ отчужденія дворянскаго землевладѣнія изъ даннаго рода онъ положилъ начало венгерскому „авитицитету“ (отъ слова avitus унаслѣдованы). Благодаря упомянутому нововведенію, Людовикъ имѣлъ прекрасное войско. Вскорѣ его вмѣшательства потребовали смуты, возникшія въ королевствѣ Неаполитанскомъ, гдѣ его братъ Андрей былъ убитъ собственной женой Іоанной I 18 сентября 1345 г. Съ большимъ войскомъ онъ явился въ концѣ 1347 г. въ Неаполь, завоевалъ городъ и наказалъ сообщниковъ своей невѣстки, которая въ январѣ 1348 г. бѣжала въ Провансъ. Побѣда венгерскаго оружія въ Неаполѣ доставила имени Людовика уваженіе во всей Европѣ. Вслѣдствіе противодѣйствія папы Климента VI, онъ не могъ, правда, надолго удержать за собой это завоеваніе; но долгое пребываніе въ Италіи (1347—48 и 1350) имѣло большое вліяніе на образованіе его дворянъ. Въ двухъ походахъ (1356 и 1378) онъ смирилъ Венеціанскую республику и закончилъ обратное завоеваніе Далмаціи отъ Кварнеро до Дураццо. Короткое время (1365—69) онъ занималъ также часть Болгаріи (срв. стр. 344). Но какъ разъ въ его царствованіе христіанской Европѣ стала угрожать огромная опасность, благодаря постоянному поступательному движенію турокъ на Балканскомъ полуостровѣ; въ 1366 г. Людовику удалось только на короткое время остановить это движеніе. Для того, чтобы увеличить могущество своего дома, онъ обручилъ свою дочь и наслѣдницу Марію съ Сигизмундомъ Люксембургскимъ, младшимъ сыномъ отъ четвертаго брака германскаго императора Карла IV. Самъ Людовикъ былъ женатъ раньше на Маргаритѣ (умерла 1349), дочери Карла отъ его перваго брака съ Бланкой Валуа. Вторую дочь свою Ядвигу онъ обручилъ съ Вильгельмомъ, герцогомъ Австрійскимъ. Но обѣ онѣ умерли бездѣтными въ 1395 и 1399 г. Польскую корону Людовикъ получилъ только въ 1370; его „archiregnum“ простиралось отъ Балтійскаго моря до Адріатическаго, нѣкоторое время даже до Чернаго моря. Это увеличеніе территоріи, хотя и подняло его значеніе и вліяніе на остальныя государства Европы, но довольно мало содѣйствовало укрѣпленію венгерскаго государства, благодаря непокорности польскаго дворянства и благодаря хозяйничанью фаворитовъ его матери Елизаветы.

Такъ какъ у Людовика I не было сыновей, то на престолъ послѣ его смерти вступила его дочь Марія (съ 1382 по 17 мая 1395), но не могла удержаться на немъ. Польша получила владѣнія ея сестры Ядвиги, вышедшей замужъ за Ягелло Литовскаго (т. VII, стр. 200). Въ Венгріи же Маріи пришлось тотчасъ же по вступленіи на престолъ начать борьбу съ возстаніемъ отдѣльныхъ дворянскихъ родовъ, которые въ 1385 г. пригласили изъ Неаполя на венгерскій престолъ короля Карла (III) Малаго Дураццкаго. Анжу, дѣйствительно, короновался („Карлъ II“), но былъ убитъ послѣ 36-дневнаго царствованія (24 февраля 1386 г.). Дворянская

Послѣдніе Арпады и неаполитанскіе Анжу въ Венгріи.

Венгерскій король Бела III (1172—96): перв. жена Агнеса (Анна) Антіохійская; вторая жена Маргарита Французская.

Эмерихъ (1196 до середины сентября 1204 жена его Констанція Арагонская.

Ладиславъ III (сентября 1204 до 7 мая 1205

Маргарита, съ 1186 г. жена Исаака II Ангела Византійскаго (стр. 95).

Андрей II (1205—35), первая жена Гертруда Меранская († 1213); около 1216 женился вторымъ бракомъ на Іолантѣ де Куртенэ-Оксерръ (стр. 335); третья жена Беатриче Эсте.

1. Бела IV (1235—70), жена Марія Ласкарисъ.

1. Коломанъ. до 1218 король Польскій, † 1241 жена Саломея Польская.

1. Елизавета Святая († 1231), съ 1221 жена Людовика IV Святого Тюрингенскаго († 1227)

1. Марія († 1239) съ 1220 жена Ивана Асѣни II Болгарскаго († 1241; стр. 335).

3. Стефанъ Постумъ жена его Томасина Морозини.

Стефанъ V (1270—72), жена его Елизавета, дочь половца Котяна.

Бела, † до 1270 г.

Елизавета жена Генриха I Нижнебаварскаго († 1290)

Оттонъ III Нижнебаварскій (* 1261, † 1312), король Венгріи 1305—08; съ 1276 г. женатъ на Екатеринѣ Габсбургской († 1283)

Анна, жена Растислава Галичскаго

Кунигунда (Кинга) Галичская съ 1262 г. жена Премысла Оттокара II Чешскаго.

Вацлавъ II († 1305); съ 1287 первая жена его Ютта Габсбургская.

Вацлавъ III († 1306) = Ладиславъ V Венгерскій, послѣдній Премысловичъ (въ 1289 г. обручился съ →) въ 1305 г. женился на Віолѣ Тешенской

третья дочь, жена Драгутина Сербскаго († 1318)

Андрей III (1220 до 1301), послѣдній изъ династіи Арпадовъ; перв. жена полька Фененна, съ 1296 г. вторая жена Агнеса Австрійская († 1364)

Елизаветой (съ 1308 г. монахиня, † 1338)

Карлъ II Неаполитанскій († 1309) 1270

Марія († 1323)

Ладиславъ IV Кумянъ (1272—90), перв. жена Изабелла Сицилійская; вторая жена Куманка Эдуа († 1290)

Андрей, въ 1272 г. похищенъ

Карлъ Мартеллъ († 1295), въ 1281 г. жен. на Клеменціи Габсбургской († 1295)

Карлъ I Робертъ († 1342), въ 1320 г. жен. на Елизаветѣ Польской († 1380)

Людовикъ I Великій (1342—82), первая жена Маргарита Люксембургъ-Валуа († 1349); съ 1353 г. вторая жена Елизавета Боснійская († 1387)

Марія († 1395), послѣдняя Анжу съ 1395 г. жена Сигизмунда Бранденбургскаго, Венгерскаго и Чешскаго († 1437)

Ядвига († 1399), жена Ягелло = Владиславъ II Польскій († 1434)

Андрей († 1345)

Карлъ († 1348)

Робертъ Неаполитанскій († 1343)

Карлъ Калабрійскій († 1328), жена Марія Валуа

Іоанна Неаполитанская (1382)

Іоаннъ Дураццо († 1335)

Карлъ Дураццо († 1347)

Маргарита

1368

Людовикъ Гравинскій († 1362)

Карлъ III (II) Малый Неаполитанскій и Венгерскій (1385—86)

Ладиславъ (коронованъ въ 1403 г.)

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

партія захватила королеву Марію; мать ея Елизавета была задушена. Мужъ Маріи Сигизмундъ Люксембургскій (срв. т. VII, стр. 200 и 209) появился еще во время въ Венгріи съ чешскимъ вспомогательнымъ войскомъ Вацлава и освободилъ свою жену; за это онъ былъ въ концѣ марта 1387 г. назначенъ регентомъ. Въ то время, какъ внутреннія смуты подрывали силу Венгріи, турки продолжали дѣлать завоеванія на Балканскомъ полуостровѣ. Послѣ того, какъ въ 1389 г. была рѣшена судьба Сербіи (стр. 292), послѣ того, какъ въ 1393 г. пала крѣпость Видинъ, погибла династія Шишманичей Трновскихъ и Болгарія была покорена турками (стр. 343), Сигизмундъ обратился за помощью къ христіанскимъ государствамъ. Но при Никополѣ его блестящее войско, состоявшее изъ болѣе чѣмъ 50,000 человѣкъ, на половину венгровъ, было уничтожено турками (стр. 131). Южная Венгрія превратилась скоро въ пустыню. Послѣ этого Сигизмундъ затѣялъ долгую и безуспѣшную войну съ Венеціей изъ-за обладанія Далмаціей; въ качествѣ германскаго императора онъ, начиная съ 1410—11 г., долженъ былъ въ теченіе многихъ лѣтъ удѣлять свое вниманіе смутамъ церковнаго раскола (срв. стр. 254 и слѣд. и т. VII, стр. 210 и слѣд.). Вслѣдствіе сожженія реформатора Іоанна Гуса (выше, стр. 254),въ Чехіи разгорѣлось гуситское движеніе, разрушительное пламя котораго перекинулось и въ верхнюю Венгрію.

c) Эпоха Гуніади и Корвина.

Послѣ 50-лѣтняго царствованія Сигизмундъ умеръ и оставилъ престолъ мужу своей дочери Елизаветы, Альбрехту (Альберту) Австрійскому. Въ его правленіе (1437—1439) Венгрія едва не перешла во владѣніе турокъ. Ее спасъ отъ погибели Іоаннъ Гуніади, баронъ Сольнокскій и графъ Темешварскій (собственно Сибиньянинъ Янко (Янкуль), трансильванскій румынъ; срв. Іорга: „Исторія румынскаго народа“ и т. I наш. изданія), одинъ изъ превосходнѣйшихъ полководцевъ и благороднѣйшая личность среди мадьяръ. Послѣ неожиданной смерти Альбрехта (стр. 260) начались внутреннія и внѣшнія войны. Часть магнатовъ избрала королемъ Владислава III Польскаго, другая же партія предложила корону сыну Альбрехта Владиславу (Постуму), родившемуся 22 февраля 1440 г. послѣ его смерти. Эти споры изъ-за престола кончились только со смертью вдовствующей королевы Елизаветы (19 декабря 1442 г.); королемъ былъ признанъ Владиславъ I (1442—44). Блестящія побѣды, которыя одержалъ Гуніади надъ турками, вторгшимися въ Трансильванію и южную Венгрію, побудили въ 1443 г. короля напасть на нихъ въ ихъ собственной странѣ. Онъ разбилъ ихъ и въ серединѣ 1444 г. принудилъ заключить миръ въ Сегединѣ (стр. 135). Но черезъ нѣсколько дней Владиславъ, увлеченный оптимизмомъ римской куріи, нарушилъ этотъ мирный договоръ. Послѣдствіемъ такой необдуманности было полное пораженіе его въ сраженіи при Варнѣ 10 ноября 1444 г.; Владиславъ и кардиналъ Джуліано Чезарини пали на полѣ битвы. О тогдашнихъ отношеніяхъ къ Молдавіи см. выше стр. 361.

Избранный въ правители государства на время несовершеннолѣтія короля Владислава (V) Постума (съ 5 іюня 1446 г. до Рождества 1452 г.), Гуніади прилагалъ нечеловѣческія усилія къ тому, чтобы обуздать своеволіе дворянства и положить предѣлъ поступательному движенію турокъ. Послѣ взятія Константинополя турецкія полчища появились передъ Бѣлградомъ. Вслѣдствіе горячихъ проповѣдей минорита Іоанна Капистрано (стр. 142), народъ массами присоединялся къ войску Гуніади. и Бѣлградъ вскорѣ былъ освобожденъ (21 іюля 1456 г.). Вся Европа радовалась этому выдающемуся подвигу. Но уже 11 августа угасла геройская жизнь Гуніади. Король Владиславъ не оказалъ должнаго уваженія памяти

этого великаго человѣка. Внявъ наговорамъ враговъ покойнаго, онъ казнилъ его сына Владислава, который убилъ въ Бѣлградѣ вліятельнаго графа Ульриха Чилли; другого сына Матвѣя онъ арестовалъ и увезъ съ собой въ Прагу. Послѣ внезапной смерти короля Владислава V (23 ноября 1457 г., незадолго до прибытія его невѣсты Изабеллы Французской; срв. стр. 261), Матвѣй вернулся на родину и 24 января 1458 г. былъ возведенъ дворянствомъ на королевскій престолъ. Кратковременная связь между Венгріей и Чехіей, такимъ образомъ, опять прекратилась.

Тридцатидвухлѣтнее царствованіе короля Матвѣя Гуніади (1458--90), прозваннаго по своему гербу Корвиномъ, было періодомъ второго расцвѣта старой Венгріи, послѣднимъ подъемомъ ея независимости. Желѣзной рукой Корвинъ возстановилъ въ государствѣ внутренній миръ: онъ строго наказывалъ непокорныхъ дворянъ и при раздачѣ должностей и титуловъ руководствовался только заслугами. Его правленіе было рядомъ военныхъ и политическихъ успѣховъ, сопровождавшихся прогрессомъ во всѣхъ областяхъ матеріальной и духовной культуры. Гуситъ Янъ Жижка, занимавшій почти всѣ крѣпости верхней Венгріи, чувствуя силу юнаго короля, поступилъ къ нему на службу (1462). Съ императоромъ Фридрихомъ III, къ которому присоединились недовольные магнаты, у Матвѣя возникла чрезвычайно упорная война, протекавшая съ перемѣннымъ счастьемъ. Война эта закончилась завоеваніемъ на долгое время Вѣны, Австріи ниже Энны и нѣкоторыхъ частей Штиріи (1485—87). Чешскія смуты были разрѣшены довольно удачно 30 сентября 1478 и 21 іюля 1479 г. мирными договорами въ Офенѣ и въ Ольмюцѣ (стр. 263). Корвинъ получилъ чешскій королевскій титулъ, Моравію, герцогство Силезію и Лужицы. Противъ турокъ Корвинъ, свидѣтелями побѣдоноснаго въѣзда котораго были Вѣна и Бреславль, не предпринималъ большого похода. Когда турки вторглись въ Трансильванію, онъ послалъ на помощь воеводѣ Стефану Баторію графа Павла Кинижи; они общими силами разбили врага на Нивѣ близъ Броса (13 октября 1479 г.). Въ его правленіе опасность со стороны турокъ потеряла на время свой острый характеръ; ибо онъ организовалъ постоянное войско, хорошо дисциплинированный „черный отрядъ“, и войско это служило отличной плотиной противъ надвигающихся съ юга волнъ.

Въ это время въ королевскомъ дворцѣ, въ замкахъ епископовъ, въ университетахъ царилъ новый духъ гуманизма. Матвѣй находился вполнѣ подъ его вліяніемъ. Стремленія эпохи Возрожденія культивировались съ энтузіазмомъ не только въ резиденціяхъ епископовъ Грана и Вараждина, Діонисія Сцеха и Іоанна Витеза, но также и при королевскомъ дворѣ. Итальянскіе мастера, въ томъ числѣ Бенедетто да Майано (1442—97), строили и украшали королевскій дворецъ, въ которомъ собирались новолатинскіе историки, поэты и ораторы. Протонотаріусъ Іоаннъ Турочскій продолжилъ „Chronicum pictum Vindobonense“ до 1464 г., Антоніо Бонфини, „венгерскій Ливій“ (умеръ 1502), написалъ исторію короля, Мартино Галеотти (умеръ 1478) записывалъ его изреченія. Въ ученомъ кругу Корвина достигли европейской славы Марсиліо Фичино (т. VII, стр. 158) и, бывшій впослѣдствіи епископомъ Фюнфкирхенскимъ, Янъ Паннонiусъ, благодаря своимъ латинскимъ эпическимъ стихотвореніямъ, элегіямъ и эпиграммамъ. Королю Матвѣю принадлежала одна изъ знаменитѣйшихъ библіотекъ того времени, Corvina, насчитывавшая около 3,000 рукописей и 60,000 томовъ; она была разграблена потомъ турками, и только жалкіе остатки ея были получены въ подарокъ обратно изъ Стамбула въ 1869 и 1877 г. Этотъ блестящій міръ погибъ одновременно со смертью Корвина. Но онъ оставилъ слѣдъ въ умахъ грядущаго поколѣнія и привелъ къ реформаціи, которая въ Венгріи и была подготовлена вышеописаннымъ расцвѣтомъ умственной жизни.

d) Ягеллоны.

Король Матвѣй умеръ въ Вѣнѣ 6 апрѣля 1390 г. 50 лѣтъ отъ роду. Могущественное придунайское государство, созданное его геніемъ, не получило прочнаго существованія. Онъ былъ женатъ два раза; но ни отъ первой жены, Екатерины Подѣбрадъ, ни отъ второй, воспѣтой Бонфини, Беатрисы Арагонской, у него не было дѣтей. Поэтому, съ согласія магнатовъ онъ назначилъ себѣ преемникомъ своего незаконнаго сына, герцога Іоанна Корвина. Благодаря интригамъ королевы Беатрисы, свѣтскіе и духовные магнаты нарушили свое обѣщаніе и возвели на престолъ чешскаго короля Владислава (стр. 264), изъ династіи Ягеллоновъ; его братъ Іоаннъ Альбертъ, кандидатъ меньшинства, отказался отъ своихъ притязаній 20 февраля 1491 г. за вознагражденіе въ Силезіи. Беатриса поддерживала выборы Владислава въ надеждѣ на то, что холостой король женится на ней: но ей пришлось совершенно разочароваться въ этомъ. Высшее же дворянство, которому надоѣла строгость покойнаго Матвѣя, мечтало теперь о болѣе слабомъ монархѣ, при которомъ могущество отдѣльныхъ дворянскихъ родовъ могло бы опять расширяться по произволу. Въ этомъ отношеніи они не разочаровались въ Владиславѣ II (1490—1516): онъ жилъ въ Офенѣ, будучи королемъ только по имени, магнаты же управляли государствомъ и на позорныхъ условіяхъ покупали миръ у внѣшнихъ враговъ. Римскій императоръ завоевалъ обратно Вѣну и австрійскія земли. Высшее дворянство обложило города и крѣпостныхъ тяжелыми налогами и неумолимо давало имъ чувствовать свою возродившуюся силу. Кромѣ того, Янъ Заполья, графъ Ципсъ, одинъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, въ тайнѣ стремился къ коронѣ; въ 1505 г. онъ уговорилъ сословія, чтобы они постановили въ случаѣ смерти Владислава безъ мужского потомства, не избирать болѣе на венгерскій престолъ чужеземца. Охраняя интересы своего дома, Владиславъ заключилъ въ іюлѣ 1515 г. договоръ о престолонаслѣдіи съ императоромъ Максимиліаномъ и обручилъ своего сына Людовика съ внучкой его, эрцгерцогиней Маріей, дочь же свою Анну онъ обручилъ съ эрцгерцогомъ Фердинандомъ [1]. Незадолго передъ тѣмъ (1514) вспыхнуло ужасное крестьянское возстаніе подъ предводительствомъ Георгія Дожи. Правда Заполья сжегъ „belliger cruciferorum“ (предводителя крестоносцевъ) на раскаленномъ желѣзномъ тронѣ и возстановилъ внѣшнее спокойствіе, но нищета и нужда простого народа достигли высшей степени.

Послѣ смерти короля Владислава на венгерскій престолъ вступилъ его десятилѣтній сынъ Людовикъ II (1516—26), во время же его несовершеннолѣтія государствомъ управляло регентство, состоявшее изъ трехъ лицъ. Среди разгара опасной партійной борьбы, которую постоянно раздувалъ Заполья, въ Офенъ прибыли послы Сулеймана II, съ предложеніемъ мира на томъ условіи, чтобы Венгрія платила султану ежегодную дань. Требованія эти были отклонены, послы были заключены въ тюрьму, но при этомъ не было принято никакихъ мѣръ къ охранѣ границы. Турки завладѣли 29 августа 1521 г. вратами Венгріи, Бѣлградомъ, но они не пошли

---

[1]

Императоръ Альбрехтъ II († 1439),
жена его съ 1422 г. Елизавета Венгерская и Чешская († 1442)
Ладиславъ (V) Постумъ (†1457) — Елизавета († 1505)

Владиславъ II Ягелло Польскій († 1434)
Казиміръ IV Андрей Польскій († 1492) — Владиславъ III Польскій, или I Венгерскій († 1444)

Елизавета († 1505) 1454 Казиміръ IV Андрей Польскій († 1492):
Владиславъ II Чешскій и Венгерскій († 1516) — Іоаннъ Альбертъ Польскій (1492—1501)

Эрцгерцогъ Филиппъ Красивый († 1506):
Карлъ V. — Фердинандъ I. — Марія († 1558)

Владиславъ II Чешскій и Венгерскій († 1516):
Людовикъ II († 1526) — Анна († 1547)

Марія 1522 Людовикъ II: бездѣтны

Анна 1521 Фердинандъ Австрійскій († 1464):
Максимиліанъ II († 1576) — 16 дѣтей
Фердинандъ Тирольскій († 1595), жена его Филиппина Вельзеръ — Маркграфы Бургаускіе
Эрцгерцогъ Карлъ († 1590) — 15 дѣтей
11 дочерей

дальше, ибо были въ это время заняты также завоеваніемъ острова Родоса. Между тѣмъ, Людовикъ принялъ самъ бразды правленія и женился на эрцгерцогинѣ Маріи. Но для предотвращенія надвигающейся грозы не было сдѣлано ничего, хотя палатинъ Стефанъ Вербечи, первый юридическій писатель Венгріи (срв. его „Tripartitum“), дѣлалъ все, что только было въ его силахъ, для улаженія распрей и для блага населенія. Неспособное дворянство совершенно не исполняло своихъ обязанностей. Когда Сулейманъ въ 1526 г. вторгся въ Венгрію, Людовикъ могъ выйти противъ него только съ небольшимъ войскомъ. Несчастная битва при Могачѣ (29 августа) стоила жизни бездѣтному королю и прекратила существованіе единаго венгерскаго государства. Сулейманъ взялъ Офенъ, опустошилъ страну и въ октябрѣ возвратился домой, оставивъ за собой для обезпеченія владѣнія Бѣлградомъ только Сирмію.

D. Венгрія въ эпоху личной уніи съ домомъ Габсбурговъ (съ 1526).

a) Отъ Фердинанда I до Іосифа I. Владычество турокъ.

Едва удалились турки, какъ въ Венгріи вспыхнули распри изъ-за престола. Часть дворянства избрала королемъ 10 ноября Яна Заполью; другая же часть, на основаніи заключеннаго съ Владиславомъ договора о престолонаслѣдіи, возвела 16/17 декабря на престолъ эрцгерцога Фердинанда, брата Карла V и короля Чехіи (стр. 268). Фердинандъ явился съ войскомъ лѣтомъ 1527 г., овладѣлъ 20 августа Офеномъ и прогналъ короля Заполью въ Польшу. Но послѣ ухода Фердинанда Заполья возвратился съ помощью Сулеймана, взялъ Офенъ, а султанъ дошелъ до самой Вѣны (21 сентября 1525; стр. 150). Правда, Сулейману не удалось взять Вѣну, но съ его одобренія Заполья смогъ удержаться на венгерскомъ престолѣ, Фердинандъ же занималъ только пограничные съ Австріей комитаты. Съ этихъ поръ Венгрія въ теченіе почти двухъ столѣтій была ареной кровавой борьбы народовъ, приходившихъ съ востока и съ запада. Французы, политика которыхъ въ Германіи, Италіи и Константинополѣ была направлена къ тому, чтобы подорвать растущее могущество Габсбургскаго дома, уговорили султана предпринять второй походъ противъ Вѣны (іюнь 1532); но на пути въ Вѣну войско его, состоявшее изъ четверти милліона людей, было на три недѣли задержано около маленькой крѣпости Гюнса (Кесегъ) Николаемъ Юришичемъ и его отрядомъ въ 700 человѣкъ, такъ что султанъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія; опустошая на пути страну, онъ двинулся обратно. Все это побудило, наконецъ, обоихъ королей къ примиренію, которое и состоялось 24 февраля 1538 г. въ Вараждинѣ (Варадѣ). Каждый удержалъ ту область, которой владѣлъ дотолѣ, послѣ же смерти Запольи вся страна (также и по ту сторону Тиссы и Трансильванія) должна была перейти къ Фердинанду; если бы послѣ Запольи остался сынъ, то онъ долженъ былъ получить только герцогство Ципсъ.

Но этотъ миръ былъ прерванъ уже въ 1539 г., когда Янъ Заполья женился на польской герцогинѣ Изабеллѣ, отъ которой у него родился сынъ, Іоаннъ Сигизмундъ (1540). Благодаря содѣйствію хорвата Георгія Утишенина, прозваннаго Мартинуцци, епископа Вараждинскаго, овдовѣвшей 22 (или 23) іюля 1540 г., королевѣ Изабеллѣ удалось добиться, чтобы ея сынъ былъ признанъ королемъ. Порта обѣщала свое покровительство. Но 2 сентября 1541 г. султанъ хитростью завладѣлъ Офеномъ и присоединилъ его къ своему государству. Маленькому Іоанну Сигизмунду султанъ оставилъ только Трансильванію и нѣсколько областей на Тиссѣ, сѣверные же и западные комитаты остались за Фердинандомъ. Съ послѣднимъ сблизился послѣ этого Мартинуцци и въ декабрѣ 1541 г. заключилъ съ нимъ

договоръ въ Дьюлѣ (близъ Клаузенбурга). Но попытка курфирста Іоахима II Бранденбургскаго и герцога Морица Саксонскаго завоевать обратно Офенъ (въ концѣ сентября 1542 г.) въ началѣ сентября потерпѣла крушеніе вслѣдствіе недостатка средствъ. Въ виду угрожающей со стороны турокъ опасности (10 августа 1543 г. палъ Гранъ, а въ сент. 1551 г. послѣдовало вторженіе Мугаммета Соколли). Мартинуцци уговорилъ въ 1548 г. королеву уступить за вознагражденіе принадлежавшую ей область. Изабелла и Іоаннъ Сигизмундъ были удовлетворены уступкой имъ силезскихъ герцогствъ Оппельна и Ратибора, полководецъ же Фердинанда Іоаннъ Кастальдо занялъ Трансильванію; „Frater Georgius" былъ награжденъ кардинальской шапкой. Такъ какъ войскъ Фердинанда было недостаточно для того, чтобы прогнать турокъ, то Мартинуцци старался выиграть время переговорами съ Портой. Но это возбудило подозрѣніе Кастальдо; 17 декабря 1551 г. онъ при посредствѣ маркиза Альфонсо Сфорца-Паллавичини и тайнаго писца Маркантоніо Феррари коварно убилъ его въ замкѣ Альвинцѣ. Часто пытались умалить жертвы, которыя приносили австрійскія наслѣдственныя земли, и цѣнность помощи со стороны Германской имперіи; но правильнѣе думать, что хитрая политика „Брата Георгія" была гибельна для Венгріи, ибо она въ сущности только помогала распространенію турецкаго владычества.

Изабелла и Іоаннъ Сигизмундъ вернулись скоро въ Трансильванію, которая стала теперь надолго въ вассальныя отношенія къ Турціи, хотя она и получила въ 1557 г. полную религіозную свободу. Фердинандъ, одинъ изъ лучшихъ государей своего вѣка, не могъ задержать побѣдоноснаго шествія турокъ, ибо интересы Габсбургскаго дома распространялись тогда на половину Европы, и онъ не могъ направить всѣхъ своихъ силъ противъ Порты. Темешваръ палъ въ 1552 г., несмотря на геройскую защиту Стефана Лосончи; въ Дрегелѣ погибъ геройской смертью со всѣмъ гарнизономъ Георгій Сонди. Кастальдо долженъ былъ въ 1556 г. уйти изъ Трансильваніи; миръ былъ заключенъ на условіи уплаты Фердинандомъ ежегодной дани султану.

Послѣ смерти Фердинанда, уже въ первый годъ правленія его сына Максимиліана (1564—1576), началась война между этимъ послѣднимъ и Іоанномъ Сигизмундомъ. Послѣдствіемъ этой войны оказался новый походъ турокъ, во время котораго въ крѣпости Силетѣ погибъ вмѣстѣ съ гарнизономъ геройской смертью Николай Зрини (7 сент. 1566; стр. 153). Іоаннъ Сигизмундъ Заполья основалъ теперь княжество Трансильванію подъ суверенитетомъ Турціи, но съ правомъ сословій каждый разъ свободно избирать себѣ князя. Послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1571 г., на престолъ юнаго княжества былъ возведенъ Стефанъ Баторій (1571—75), человѣкъ умный и даже выдающійся; но въ декабрѣ 1575 г. онъ перемѣнилъ этотъ юный престолъ на болѣе старый—польскій, женившись на Аннѣ, изъ дома Ягеллоновъ. Для „достойнаго" поведенія венгерскаго дворянства, которое только и думало о томъ, какъ бы отдѣлиться отъ Габсбурговъ и для достиженія этой цѣли не брезговало никакими средствами, очень характернымъ является фактъ усмиренія низшихъ слоевъ народа, которые въ 1572 г., движимые истинной любовью къ родинѣ, возстали противъ турокъ. Послѣ брата Стефана, Христофора, на престолъ вступилъ въ 1586 г. сынъ послѣдняго, Сигизмундъ Баторій.

Между тѣмъ, Максимиліанъ умеръ, и ему наслѣдовалъ его сынъ Рудольфъ (1576—1608). Пятнадцатилѣтняя война съ Турціей опустошала въ его царствованіе Венгрію, Трансильванія же опустошалась какъ турками, такъ и войсками Рудольфа. Сигизмундъ Баторій, женившійся въ 1595 г. на Маріи Христинѣ Штирійской, но потомъ скоро разведшійся съ ней, перемѣнилъ въ 1597 г. свое княжество на Оппельнъ и Ратиборъ. Однако, уже въ 1598 г. онъ раскаялся въ своемъ шагѣ: онъ вернулся обратно,

но уже въ 1599 г. отказался отъ престола въ пользу своего племянника, Андрея, самъ же удалился въ Польшу. Рудольфъ, который очень хотѣлъ бы завладѣть Трансильваніей, побудилъ Михаила, воеводу Валахіи (стр. 356), къ войнѣ противъ Андрея Баторія; Михаилъ погибъ въ этой кампаніи. Сословія въ 1601 г. пригласили обратно Сигизмунда Баторія; но въ 1602 г. его прогналъ съ помощью турокъ полководецъ Рудольфа, Георгій Баста. Чтобы окончательно передать страну во владѣніе Рудольфа, Баста 19 августа 1601 г. убилъ въ Торенбургѣ (Торда) валашскаго воеводу и, будучи намѣстникомъ, свирѣпствовалъ такъ безчеловѣчно, что Трансильванія стала скоро мѣстомъ величайшей нищеты и горя.

Въ ожесточеніи и въ отчаяніи сословія послѣ подавленія возстанія Моисея Секели (1603) избрали княземъ Кальвиниста Стефана Бочкая (1605), который съ помощью турокъ занялъ почти всю страну. Хотя султанъ и призналъ Бочкая королемъ, но все-таки тотъ примирился съ Рудольфомъ и заключилъ съ братомъ его, Матвѣемъ, назначеннымъ намѣстникомъ въ Венгріи, миръ въ Вѣнѣ (іюнь 1606). На основаніи этого мира конституція страны была возстановлена въ своемъ прежнемъ видѣ, и протестанты, въ противоположность невозможному религіозному эдикту Рудольфа отъ 1604 г., получили свободу вѣроисповѣданія. Еще въ ноябрѣ того же года былъ заключенъ при посредничествѣ Бочкая миръ съ турками въ Житва-Торокѣ (стр. 156). Турки сохраняли за собой области, которыми владѣли въ моментъ заключенія мира, Венгрія же, по единовременной уплатѣ 200,000 гульденовъ, освобождалась отъ постоянной ежегодной дани. Бочкай умеръ вскорѣ послѣ заключенія Вѣнскаго мира, 29 декабря 1606 г. Это соглашеніе „безъ ущерба для католиковъ“ не положило конца религіозной борьбѣ и, наоборотъ, внесло еще больше ожесточенія въ умы.

Въ эти тяжелыя времена нравственнаго упадка протестантство, проникшее въ Венгрію тотчасъ же послѣ появленія Лютера, оказало большія услуги росту чувства солидарности. Среди отчаянной борьбы противоположныхъ интересовъ оно въ теченіе одного столѣтія распространялось съ такой быстротой, что скоро овладѣло почти всей націей. Въ критическомъ и фаталистическомъ ученіи Кальвина народъ, называвшій это ученіе „венгерскимъ исповѣданіемъ“, нашелъ опору, которая спасла его отъ гибели. „Со времени введенія христіанства,—совершенно справедливо замѣчаетъ венгерскій эстетикъ Золтанъ Бейти,—протестантизмъ былъ первымъ культурнымъ движеніемъ, охватившимъ всю націю. Сотнями появляются провозвѣстники новой вѣры, апостолы культуры, проникающей все глубже и пріобрѣтающей все болѣе и болѣе національный характеръ“. Протестанты основываютъ многочисленныя школы; изъ типографій выходятъ первыя венгерскія грамматики, словари и историческія сочиненія. Къ этому времени относится цѣлый рядъ дошедшихъ до насъ переводовъ библіи, въ томъ числѣ переводъ Каспара Кароли, донынѣ пользующійся непоколебленной репутаціей. Въ эпоху этого умственнаго подъема появился въ 1565 г., черезъ годъ послѣ рожденія Шекспира, первый драматическій памятникъ венгерской литературы, подъ заглавіемъ „Измѣна Мельхіора Балаши“, авторомъ котораго былъ, вѣроятно, Павелъ Каради. Произведеніе это рисуетъ съ ѣдкой сатирой и съ поэтическимъ вдохновеніемъ жизнь дворянина, погрязшаго въ грѣхахъ своего вѣка. Кромѣ духовенства, настоящими странствующими апостолами литературы были бродячіе пѣвцы, которые переходили изъ замка въ замокъ, изъ одного мѣста въ другое и пѣли подъ аккомпаниментъ лютни или скрипки. Самымъ образованнымъ изъ нихъ былъ, пожалуй, Себастіанъ Тиноди (около 1510—57), который въ историческихъ пѣсняхъ и стихотворныхъ хроникахъ далъ цѣлую исторію этихъ годовъ войны. Героическій же и легкомысленный рыцарь Валентинъ Балаши (Балаша; 1551—94) былъ первымъ крупнымъ венгерскимъ

лирикомъ, „цвѣточнымъ пѣснямъ“ котораго суждено было воскреснуть вновь черезъ два столѣтія (онѣ были открыты въ 1876 г.). Романтическая поэзія въ Венгріи распустилась въ эту эпоху своеобразнымъ цвѣткомъ.

При преемникѣ Рудольфа, Матвѣѣ II (1608—19), началась контръ-реформація со стороны католиковъ. Бывшій протестантъ, воспитанникъ іезуитовъ Петръ Пазмань (1570—1637), съ 1616 г. архіепископъ гранскій, а съ 1629 г. кардиналъ, находилъ особенно много прозелитовъ среди высшаго дворянства. Своими проповѣдями и полемическими статьями, собранными имъ въ большой книгѣ подъ заглавіемъ „Kalauz“ или „Hodegeus“ („руководитель“) онъ обратилъ въ котоличество многихъ дворянъ. Въ 1619 г. онъ вновь основалъ, сожженный въ 16 столѣтіи іезуитскій, университетъ въ Тирнау, изъ котораго образовался впослѣдствіи будапештскій университетъ. Реформаціи въ Венгріи суждено было, казалось, погибнуть.

Только протестантская Трансильванія имѣла въ то время настолько силы, что могла поставить преграду контръ-реформаціи и защитить преслѣдуемыхъ венгерскихъ единовѣрцевъ. Когда при преемникѣ Матвѣя, Фердинандѣ II (1619—37), вспыхнула тридцатилѣтняя война, трансильванскій престолъ занималъ преемникъ Гавріила Баторія (1608—13)—Гавріилъ Бетленъ (1613—29); ему обязанъ протестантизмъ въ Венгріи и Трансильваніи своимъ существованіемъ. Когда чехи возстали въ 1619 г. противъ Фердинанда II (т. VII, стр. 311), Бетленъ помогалъ имъ и завладѣлъ бо́льшею частью Венгріи вмѣстѣ съ короной. 8 января 1620 г. состоялось въ Нейзолѣ избраніе его королемъ; пожертвовавъ Вайценомъ (5 ноября 1621 г.), онъ добился признанія также и со стороны Порты. Но, несмотря на это, онъ заключилъ все-таки съ Фердинандомъ II миръ въ Никольсбургѣ 6 января 1622 г., ибо могущество Габсбургскаго дома послѣ битвы при Бѣлой горѣ очень возросло. Но вскорѣ онъ, въ качествѣ союзника протестантскихъ нѣмецкихъ князей, снова поднялъ оружіе противъ Фердинанда. Однако, въ виду побѣдъ, одержанныхъ Тилли надъ союзниками „зимняго короля“, онъ возобновилъ 8 мая 1624 г. миръ и хотѣлъ даже жениться на дочери Фердинанда, чтобы для борьбы противъ турокъ соединить свои силы съ силами Габсбургскаго дома. Его планъ встрѣтилъ препятствія съ католической стороны, и Бетленъ женился на Екатеринѣ, сестрѣ курфирста Георга Вильгельма Бранденбургскаго. Въ 1626 г. онъ вторично выступилъ навстрѣчу храброму Мансфельду, но, такъ какъ и король Христіанъ IV Датскій былъ разбитъ Тилли (т. VII, стр. 311), то Бетленъ и заключилъ 28 декабря окончательный миръ съ Фердинандомъ. Послѣ шестнадцатилѣтняго правленія скончался 15 ноября 1629 г. великій государь Трансильваніи, который и въ области культуры, науки и народнаго просвѣщенія (академія въ Вейсенбургѣ) поднялъ свою страну на высшую ступень развитія (срв. выше, стр. 357).

Его преемникомъ, послѣ неудачнаго регентства Стефана Бетлена, трансильванцы избрали Георгія Ракочи I (1631—48), сына того Сигизмунда Ракочи, который былъ государемъ Трансильваніи съ февраля 1607 г. по 3 марта 1608 г.; послѣ нѣкоторыхъ внѣшнихъ и внутреннихъ осложненій (срв. стр. 159), и онъ также долженъ былъ взяться за оружіе противъ короля Фердинанда III (1637—57) въ защиту венгерскаго протестантизма. Въ сентябрѣ 1645 г. оба государя заключили въ Линцѣ миръ, по которому протестантамъ предоставлялась полная религіозная свобода; прогрессъ сравнительно съ Никольсбургскимъ соглашеніемъ заключался въ распространеніи того, что дано раньше только дворянамъ, также на бюргерское сословіе и на крѣпостныхъ. Ракочи прожилъ еще три года. Онъ умеръ въ день объявленія Вестфальскаго мира, и на престолъ вступилъ его сынъ, Георгій Ракочи II (1648—58). Этотъ послѣдній получилъ въ 1653 г. суверенитетъ надъ Молдавіей (срв. стр. 365), а въ 1654 г., послѣ смерти Матвѣя Басараба, также и надъ Валахіей, такъ какъ Константинъ Басарабъ

покорился ему. Съ другой стороны, онъ напрасно растрачивалъ въ 1657 г. свои силы въ безуспѣшной войнѣ противъ Польши, въ качествѣ союзника Карла X Густава шведскаго (т. VII, стр. 497). Благодаря этому, онъ былъ низложенъ турками и умеръ 6 іюня 1660 г. отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи при Самошфальвѣ 22 мая. Великій визирь въ ноябрѣ 1657 г. посадилъ на престолъ Франца Редея, а когда тотъ скоро отказался—онъ замѣнилъ его Ахатіемъ Барчаемъ (ноябрь 1658 г.), но послѣдній былъ прогнанъ Іоанномъ Кемени (стр. 365). Визирь же Али настоялъ на избраніи 14 сентября 1661 г, Михаила Апафи (1661—90). Кемени занималъ престолъ только въ теченіе одного года и палъ въ битвѣ при Надь-Селешъ, близъ Шесбурга, 24 января 1662 г.

Съ обезсиленіемъ Трансильваніи былъ тѣснимъ со дня на день все болѣе и протестантизмъ въ Венгріи, турки же все расширяли свои владѣнія, занимая всѣ главнѣйшія крѣпости верхней Венгріи и австрійскихъ земель. При сынѣ и преемникѣ Фердинанда III, строго католическомъ монархѣ Леопольдѣ I (1658—1705), положеніе было чрезвычайно бѣдственнымъ. Въ эти тяжелыя времена самой крупной фигурой венгерскаго протестантизма былъ Альбертъ Сенчи Мольнаръ; находясь при нѣмецкихъ университетахъ, онъ составилъ свою венгерскую грамматику и венгерскій словарь, а также перевелъ псалмы, приложивъ къ нимъ французскіе мотивы; псалмы эти и понынѣ поются въ кальвинистскихъ церквахъ Венгріи. Въ борьбѣ, происходившей въ эту эпоху, выдающееся мѣсто занимаетъ Николай Зрини (1616—64), правнукъ сигетскаго героя. Въ качествѣ поэта онъ сочинилъ эпическое стихотвореніе „Угрожаемый Сигетъ", въ которомъ воспѣлъ подвиги своего великаго предка; въ качествѣ полководца онъ долгое время преграждалъ путь наступательному движенію турокъ. Полководецъ Леопольда, Раймондо Монтекукколи, 1 августа 1664 г. одержалъ надъ турками побѣду при Санъ-Готтардѣ на Раабѣ (стр. 161), но, угрожаемый венграми съ тыла, онъ заключилъ неожиданно миръ въ Эйзенбургѣ (Вашваръ); на основаніи этого мира за турками остались всѣ ихъ завоеванія.

Это позорное отступленіе возбудило негодованіе въ Венгріи, и тамъ составился въ 1667 г. заговоръ; но главари заговора, графъ Петръ Зрини, Францъ Надажди и Францъ Христофъ Франчепанъ, разсчитывавшіе на поддержку Франціи и Турціи, были казнены 30 апрѣля 1671 г.; зять Зрини, Францъ Ракочи, былъ помилованъ (умеръ 8 іюля 1676 г.), Францъ же Весселеньи умеръ естественной смертью еще до открытія заговора, 28 марта 1667 г. Вѣнское правительство воспользовалось этимъ поводомъ, чтобы уничтожить конституцію, данную сословіямъ, и искоренить протестантизмъ. Имѣнія протестантскихъ дворянъ конфисковывались, священники и учителя массами посылались на галеры въ Неаполь; казни и изгнанія совершались ежедневно. Тысячи людей бѣжали въ Трансильванію и въ пограничныя турецкія области, откуда эти „куруцы" (отъ слова crux — крестъ) часто вторгались въ земли короля. Но эта борьба съ помощью наемныхъ войскъ чужихъ правительствъ пріобрѣла значеніе только послѣ того, какъ во главѣ движенія сталъ въ 1678 г. Эмерихъ Текель (1656—1705). За исключеніемъ нѣсколькихъ замковъ, почти всѣ королевскія земли попали во власть Текеля, котораго султанъ назначилъ государемъ Венгріи; сеймъ въ Кашау избралъ его королемъ въ 1682 г., а Порта утвердила его избраніе 10 августа 1683 г. Но его царствованію былъ положенъ быстрый конецъ пораженіемъ при Вѣнѣ. Леопольдъ ввелъ теперь свои войска вмѣстѣ съ нѣмецкими союзниками въ Венгрію (срв. стр. 163). 2 сентября 1686 г. офенскій замокъ послѣ 145 лѣтъ турецкаго владычества перешелъ опять въ руки христіанъ. Благодарныя сословія упразднили въ 1687 г. выборную монархію и объявили престолъ наслѣдственнымъ въ мужской линіи Габсбургскаго дома, съ правомъ первородства.

Турки теряли одну область за другой. 11 сентября 1697 г. принцъ Евгеній Савойскій нанесъ имъ сильное пораженіе при Центѣ и послѣ этого былъ заключенъ миръ въ Карловицѣ (см. карту при стр. 165, справа вверху) 26 января 1699 году. На основаніи этого мира Венгрія, за исключеніемъ бассейна Темеша и части Сирміи, была освобождена отъ турецкаго ига. Трансильванія уже 10 мая 1688 г. была настолько тѣсно соединена съ Венгріей, что за Апафи оставалась только тѣнь его княжескаго достоинства. Но преслѣдованіе протестантовъ и угнетеніе народа все-таки не прекращались. Военачальники Леопольда свирѣпствовали безчеловѣчно. Особенно отличался въ этомъ отношеніи Антоніо Караффа, который послѣ смерти Апафи (10 апрѣля 1690 г.) присоединилъ Трансильванію къ владѣніямъ Габсбургскаго дома. Номинально признаваемый тамъ княземъ, Михаилъ Апафи II 19 апрѣля 1697 г., двадцати лѣтъ отъ роду, отказался отъ всякихъ притязаній. Но, наконецъ, народъ не выдержалъ гнета, и всеобщее недовольство вылилось наружу въ 1703 г., послѣ того, какъ во главѣ недовольныхъ сталъ Францъ Ракочи II (1676—1739), сынъ вышеупомянутаго Франца I. Такъ какъ Леопольдъ какъ разъ въ это время былъ занятъ войной за испанское наслѣдство (т. VII, стр. 511), то почти вся страна, объявленная 7 іюня независимой, была захвачена возставшими.

Когда послѣ смерти Леопольда на престолъ вступилъ его сынъ Іосифъ I (1705—1711), сословія, собравшіяся на сеймѣ въ Онодѣ (1707), постановили отнять у Габсбургскаго дома венгерскій престолъ. Но сила оружія рѣшила въ 1708 г. дѣло въ пользу Іосифа. Ракочи спасся бѣгствомъ. Его полководецъ, Александръ Кароли, заключилъ съ королемъ миръ въ Сатмарѣ (1 мая 1711 г.). Этимъ былъ положенъ конецъ эпохѣ гибельной внутренней борьбы, вызванной, главнымъ образомъ, по винѣ высшаго дворянства.

b) Положеніе дѣлъ въ 16—18 столѣтіяхъ.

Главнымъ образомъ, протестантизму обязанъ венгерскій народъ тѣмъ, что онъ не погибъ въ тяжелые годы борьбы и сохранилъ свою національную самостоятельность; ибо протестантизмъ допускалъ почти на равныхъ правахъ съ новыми теченіями мысли также и существованіе дорогихъ народу представленій, сохранившихся отъ древнихъ, частью еще языческихъ, временъ. Какъ римская церковь въ эпоху распространенія христіанства мало вмѣшивалась въ семейную жизнь и народные обычаи, такъ же и протестантизмъ старался закрѣпить унаслѣдованные народные обычаи, содѣйствовавшіе сохраненію національнаго самосознанія. Среди внутреннихъ и внѣшнихъ, религіозныхъ и политическихъ смутъ протестантизмъ былъ носителемъ не только религіознаго, но также и національнаго единства. Онъ дѣйствовалъ скорѣе консервирующимъ, чѣмъ разлагающимъ образомъ на древніе семейные обычаи, изъ которыхъ нѣкоторые смогли удержаться до нашихъ дней. Такъ, напр., въ современныхъ сватовскихъ и свадебныхъ обычаяхъ венгровъ мы находимъ остатки древняго похищенія и купли женъ; своеобразные же первобытные обычаи погребенія мертвыхъ уже гораздо болѣе проникнуты христіанскими воззрѣніями.

Народъ упорно держался своихъ традицій; въ столѣтней борьбѣ, которую большая часть терзаемой націи должна была вести съ королемъ изъ-за произвола и религіозныхъ преслѣдованій со стороны вѣнскаго правительства, онъ видѣлъ свою исторію, славные и печальные моменты которой отражаются въ богатой и чудной народной поэзіи; особенно много матеріала для этой поэзіи дали возстанія Текели и Ракочи. Изъ современныхъ событій черпалъ Стефанъ Двёндьёши (около 1640—1704) матеріалъ для своихъ поэтическихъ разсказовъ, которые въ теченіе цѣлаго

столѣтія составляли любимое чтеніе народа. Вскорѣ послѣ Декарта (т. VIII, стр. 554), Іоаннъ Апачаи Чери, получившій образованіе въ Нидерландахъ, издаетъ въ 1654 г. свою „Венгерскую Энциклопедію“, въ которой на венгерскомъ языкѣ излагаетъ раціоналистическую философію. Такимъ образомъ, благодаря ему, венгерскій философскій языкъ возникъ приблизительно на полстолѣтіе ранѣе нѣмецкаго философскаго языка Хр. Томазія. Въ то же время существовалъ также цѣлый рядъ историковъ и лѣтописцевъ, какъ, напр., Іоаннъ Саларди, князь Іоаннъ Кемень (срв. выше, стр. 386), Николай Бетленъ (1642—1716), Михаилъ Череи (1668—1756) и затѣмъ бытописатель древнихъ нравовъ Петръ Апоръ (1676—1752). Благороднѣйшимъ произведеніемъ тогдашней литературы являются „Письма изъ Турціи“ Клементія (Загони) Микеша (1690—1762), который дѣлилъ вмѣстѣ съ Францемъ Ракочи II изгнаніе въ Турціи и проявлялъ трогательную вѣрность своему падшему господину и своей далекой родинѣ.

c) Отъ Карла III до Франца I.

Въ царствованіе Карла III (1711—40) начали мало-по-малу устанавливаться мирныя условія жизни, хотя при немъ турецкія войны и возобновлялись два раза. Послѣ перваго похода король не только пріобрѣлъ обратно на основаніи мирнаго договора въ Пожаревацѣ (Пассаровицъ; стр. 166), въ 1718 г. турецкія части Венгріи, но онъ завоевалъ также нѣкоторыя части Валахіи и Сербіи. Правда, онѣ послѣ его второго похода, закончившагося миромъ въ Бѣлградѣ (1739), были опять потеряны (см. карту при стр. 165, слѣва внизу; срв. также стр. 167), но довѣріе между королемъ и народомъ все-таки укрѣпилось, благодаря его благодѣтельнымъ военнымъ и судебнымъ реформамъ. Парламентъ 1722—23 г. охотно удовлетворилъ желаніе короля и провозгласилъ законъ о наслѣдственности престола въ женской линіи Габсбургскаго дома (венгерская Прагматическая Санкція).

Когда послѣ смерти Карла III на престолъ вступила его дочь Марія Терезія (1740—80), ея права тотчасъ же подверглись оспариванію. Прусскій король Фридрихъ II вторгся въ Силезію, курфюрстъ Карлъ Альбрехтъ Баварскій съ помощью французовъ занялъ верхнюю Австрію и Чехію, испанцы напали на владѣнія въ Италіи. На законодательномъ собраніи въ Прессбургѣ 11 сентября 1741 г. сословія съ энтузіазмомъ заявили молодой королевѣ свою готовность отдать за нее свою жизнь и кровь („damus vitam et sanguinem“). Въ короткое время венгерскія и австрійскія войска прогнали изъ Чехіи французовъ и баварцевъ и заняли Баварію. Только Фридриху II королева должна была сдѣлать сравнительно незначительныя территоріальныя уступки: она три раза (1742, 1745, 1763) отдавала ему части Силезіи. Въ мирные годы королева заботилась о развитіи матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ своихъ подданныхъ и провела много реформъ, особенно въ области церкви и народнаго просвѣщенія.

Послѣ того, какъ духъ народа пробудился къ новой жизни, сдѣлала большіе успѣхи и его литература. Преисполненная благодарности, Марія Терезія привлекала къ своему двору высшее дворянство и образовала въ 1760 г. въ Вѣнѣ лейбъ-гвардію изъ молодыхъ дворянъ, которая, находясь въ тѣсномъ соприкосновеніи съ духовными теченіями Запада, играла роль передового поста новой культуры. Въ 1772 г. изъ-подъ пера лебъ-гвардейца Георга Бешеньея (1752—1811) вышла „Трагедія Агиса“, въ которой авторъ такъ же, какъ и въ остальныхъ своихъ драмахъ и эпическихъ произведеніяхъ, мастерски подражаетъ французамъ, въ особенности же Вольтеру. Онъ былъ основателемъ „французской школы“, изъ числа писателей которой выдаются гвардеецъ Александръ Барочи (1737—1809) и Іосифъ Печели, какъ переводчики французскихъ авторовъ.

Въ лицѣ сына Маріи Терезіи, гуманнаго Іосифа II (1780—90) на венгерскій престолъ вступили короли изъ Лотаринго-Тосканскаго дома. Іосифъ продолжалъ реформаторскую дѣятельность своей матери, но у него не было ея осторожности и деликатности. Въ 1784 г. онъ ввелъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ и въ школахъ нѣмецкій языкъ вмѣсто латинскаго, раздѣлилъ въ мартѣ 1785 г. государство на девять округовъ и во главѣ каждаго округа поставилъ по иностранцу. Въ 1784 г. крѣпостные валахи въ Трансильваніи поднялись противъ своихъ помѣщиковъ. Но возстаніе было подавлено, и руководители его, Юонъ Горья (Николай Урсъ) и Юонъ Клочка, 28 февраля 1785 г. поплатились жизнью за свои стремленія. За неумѣлымъ уничтоженіемъ крѣпостного права въ Трансильваніи (16 августа 1783 г.) послѣдовала 22 августа 1785 г. соотвѣтственная реформа и для Венгріи. Но имперіалистско-самодержавныя реформы императора не встрѣтили сочувствія, ибо они были соединены съ пренебреженіемъ къ національнымъ традиціямъ. Возникло столь сильное броженіе (при содѣйствіи Пруссіи въ 1789 г. королемъ чуть было не былъ провозглашенъ Карлъ Августъ Саксенъ-Веймарскій), что Іосифъ II, незадолго до своей кончины, 30 января 1790 г. долженъ былъ отмѣнить всѣ свои распоряженія.

Благодаря разумной умѣренности его конституціонно мыслящаго преемника Леопольда II (1790—92), согласіе между короной и націей было возстановлено. Законы, изданные парламентомъ 1790—91 г., обезпечили Венгріи автономію и дали свободу вѣроисповѣданія протестантамъ и православнымъ. Между тѣмъ, вспыхнула французская революція, и французскія разрушительныя идеи проникли въ Венгрію. Когда на престолъ вступилъ абсолютически мыслящій Францъ I (1792—1835) и тотчасъ же вступилъ въ войну съ Франціей (т. VIII, стр. 19), тогда францисканецъ Игнатій Іосифъ Мартиновичъ основалъ тайное сообщество, поставившее себѣ цѣлью превращеніе Венгріи въ республику. Заговоръ былъ задушенъ въ самомъ зародышѣ; главари его были казнены 20 мая 1795 года. Хотя при такихъ обстоятельствахъ терпѣло сильный ущербъ также и литературное вліяніе французовъ, но все-таки венгерская литература продолжала развиваться. На ряду съ французскимъ направленіемъ (стр. 388) возникла „латинская“ или „классическая“ школа, представители которой, по большей части, принадлежавшіе къ монашескимъ орденамъ, въ своихъ произведеніяхъ подражали въ особенности Виргилію. Кромѣ Николая Реваи, выдающагося лингвиста, слѣдуетъ назвать Бенедикта Вирага, который, кромѣ саффическихъ одъ, написалъ еще по древнеримскимъ образцамъ исторію „Венгерскихъ Столѣтій“.

d) Національное движеніе 19 столѣтія.

Венгерскія сословія поддерживали короля Франца въ войнѣ съ Наполеономъ; когда послѣдній 15 мая 1809 г. предложилъ имъ возстановить государственную самостоятельность Венгріи и избрать на ракошѣ новаго короля, онѣ отклонили это предложеніе. Но послѣ 1815 года согласіе между королемъ и дворянствомъ стало постепенно нарушаться. Дворянство увидѣло, что его старинныя привилегіи не давали больше гарантіи противъ произвола вѣнскаго двора, который не позволялъ собираться парламентамъ, истощалъ страну чрезмѣрными податями, уничтожалъ всякое свободное учрежденіе и стремился превратить Венгрію въ провинцію Австріи. Зрѣвшій въ тиши либерализмъ нашелъ себѣ политическое выраженіе, когда графъ Стефанъ Сечени (1792—1860) предоставилъ въ распоряженіе парламента 1825 г. 60,000 гульденовъ въ годъ на основаніе венгерскаго ученаго общества (Академіи). Въ рѣчахъ и своимъ примѣромъ онъ внушалъ своему народу убѣжденіе, которымъ самъ былъ

проникнуть, а именно, что Венгрія не только имѣетъ за собой славное прошлое, но можетъ также разсчитывать на блестящую будущность, если только она станетъ идти нога въ ногу съ прогрессирующей западной культурой, будетъ развивать свои силы и увеличивать свою матеріальную силу.

Въ этомъ новомъ теченіи получила чрезвычайно богатое развитіе и литература. Поэты: Францъ Кельчеи (1790—1838), Францъ Казинчи (1759—1831), Михаилъ Чоконаи (1773—1805), Александръ и Карлъ Кишфалуди (т. VIII, стр. 654), Михаилъ Верешмарти—были предшественниками Александра Петеффи, Мавра Іокая, барона Іосифа Цётвёса, Эм. Мадача, Яноша Араня, Павла Дьюлая (род. 1826), Карла Саса (род. 1829) и Іоанна Вайды (род. 1827). Новое пробужденіе національнаго самосознанія имѣло то послѣдствіе, что на ряду съ другими науками особенно культивировались изслѣдованія въ области мадьярскаго языковѣдѣнія. Продолжателями этихъ изслѣдованій были новѣйшіе ученые: Гавріилъ Сарвашъ, Павелъ Гунфальви (1810—91), Іосифъ Буденцъ (1836—1892) и Бернгардъ Мункачи, изъ которыхъ въ особенности два послѣдніе написали очень цѣнныя сочиненія въ области сравнительнаго угорскаго языковѣдѣнія.

Реформаторскія идеи Сечени скоро встрѣтили оппозицію въ правительственныхъ сферахъ, которыя старались заглушить всякій зародышъ прогресса. Отношенія между народомъ и вѣнскимъ дворомъ обострялись все болѣе и болѣе. Но Сечени въ нѣкоторыхъ вопросахъ стоялъ на сторонѣ правительства и для многихъ былъ слишкомъ консервативенъ. Поэтому общественное мнѣніе постепенно отвернулось отъ него и пошло за Людвигомъ Кошутомъ (1802—1894), который, благодаря своему увлекательному краснорѣчію и статьямъ, написаннымъ имъ въ рукописной „Земской Газетѣ“, сталъ вожакомъ непримиримой оппозиціи. Когда на престолъ вступилъ Фердинандъ V (1835—48), броженіе дошло до такой степени, что Сечени долженъ былъ совершенно уступить роль вождя Кошуту. Мартовскіе дни 1848 г. въ Вѣнѣ и Пештѣ (т. VIII, стр. 221 и слѣд.) сразу сдѣлали Кошута и его единомышленниковъ господами положенія. Парламентъ въ кратчайшій срокъ провелъ теперь рядъ законовъ, которые уничтожили старый сословный строй, установили парламентарный образъ правленія съ отвѣтственностью министровъ, соединили Трансильванію съ Венгріей, уничтожили крѣпостное право, провозгласили свободу печати и равноправіе всѣхъ признанныхъ религій. Король назначилъ 23 марта министромъ-президентомъ графа Людвига Баттьяни, который въ сотрудничествѣ съ Кошутомъ, Францемъ Деакомъ, уже давно проявившимъ себя въ качествѣ мудраго политическаго дѣятеля, Сечени, Цётвёсомъ и Павломъ Антономъ княземъ Эстергази-Галанта ввелъ Венгрію въ ряды конституціонныхъ государствъ.

Но свободное развитіе націи было вскорѣ задержано волненіями среди остальныхъ національностей Венгріи (срв. стр. 307 и 310). Хорваты, сербы, валахи взялись за оружіе, отчасти подстрекаемые вѣнскимъ правительствомъ, которое уже сожалѣло о сдѣланныхъ мадьярамъ уступкахъ. Отношенія между вѣнскимъ дворомъ и венгерскимъ правительствомъ, находившимся теперь совершенно подъ вліяніемъ Кошута (т. VIII, стр. 242), становились, благодаря вопросу о національностяхъ, все болѣе и болѣе обостренными, особенно послѣ того, какъ венгерское министерство употребило силу оружія для подавленія возстанія пограничниковъ. Австрійское войско заняло Офенъ; правительство и сеймъ бѣжали въ Дебречинъ, который и сдѣлался центромъ народнаго возстанія. Быстро подавили Гёргей, Клапка, Іоаннъ Дамьяничъ, Бемъ возстаніе мелкихъ національностей и прогнали австрійскія войска, во власти которыхъ въ серединѣ апрѣля 1849 г. оставались только Офенъ, Арадъ и Темешваръ. 14 апрѣля сеймъ объявилъ Габсбургскую династію лишенной престола.

Безсильная одна справиться съ возстаніемъ, Австрія обратилась за помощью къ России. Союзныя войска въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ покорили всю страну. Кошутъ и многіе изъ его друзей бѣжали за границу; Гёргей 13 августа 1849 г. при Вилагошѣ сложилъ оружіе. Австрійскій полководецъ баронъ I. I. Гайнау, сынъ курфиста Вильгельма I Гессенскаго и Розы Риттеръ, началъ кровавое дѣло мести. Тринадцать венгерскихъ генераловъ были казнены 6 октября въ Арадѣ; Баттьани въ тотъ же день въ Пештѣ покончилъ съ собой и тѣмъ избѣжалъ позорной казни черезъ повѣшеніе. Тюрьмы наполнились арестованными; венгерскія войска (гонведы) были расформированы и включены въ ряды австрійскихъ войскъ. Вѣнское правительство распоряжалось немилосердно; Венгрія превратилась почти въ простую провинцію Австріи.

Только благодаря ударамъ итальянско-французской войны 1859 года, деспотизмъ принялъ болѣе мягкую форму. Подъ вліяніемъ же прусской войны 1866 г., переговоры о соглашеніи, благодаря ловкому посредничеству Деака, приняли благопріятное направленіе. Эти переговоры привели къ возстановленію весенней конституціи 1848 г. и къ дуализму Австро-Венгерской монархіи (18 февраля 1867 г.). Король Францъ Іосифъ I 8 іюня 1867 г. короновался въ Будапештѣ вмѣстѣ со своей супругой, королевой Елизаветой; этимъ актомъ было закрѣплено окончательное примиреніе между Австріей и Венгріей на пользу всей монархіи.

Въ царствованіе Франца Іосифа страна далеко подвинулась на пути прогресса (срв. т. VIII, стр. 442 и слѣд.). Но въ началѣ 1905 г. безсмертное, какъ казалось, созданіе Франца Деака, соглашеніе 1867 года, было поколеблено послѣдними выборами, которые ко всеобщему удивленію сломили впервые господство либеральной партіи. Эта неожиданная побѣда партіи независимости заставила даже престарѣлаго императора и короля принять въ своемъ дворцѣ въ Вѣнѣ 12 февраля 1905 года Франца Кошута, сына непримиримаго революціонера 1848/49 г.

E. Нѣмцы въ Венгріи.

Послѣ паденія владычества аваровъ пограничныя области великаго государства франковъ были заселены нѣмецкими колонистами; франконскіе и баварскіе дворяне получили обширныя владѣнія въ особенности въ холмистой странѣ, примыкавшей къ штирійской границѣ и носившей еще отчасти слѣды римской культуры. Когда въ концѣ того же 9 столѣтія венгры заняли страну, они, правда, не тронули большинства нѣмецкихъ поселеній, но и не защищали ихъ, такъ что тѣ гибли во время постоянныхъ войнъ; многія изъ пограничныхъ укрѣпленныхъ мѣстъ погибли, вѣроятно, уже при вторженіи мадьяръ. Несмотря на это, нѣмецкія поселенія едва ли совершенно исчезли. Послѣ многочисленныхъ пораженій венграмъ стала угрожать опасность испытать ту же судьбу, какая постигла и ихъ предшественниковъ. Ихъ спасло христіанство, принесенное имъ прежде всего нѣмецкими священниками, и сближеніе съ христіанскими государствами, напр., съ Германіей.

Дружественныя отношенія съ Германіей были закрѣплены въ 995 г. бракомъ Стефана (Вайка) съ Гизелой, дочерью баварскаго герцога Генриха II (выше, стр. 374): Гизела привезла съ собою много священниковъ, дворянъ (Вецелинъ, Германъ и др.) и другихъ слугъ, и такимъ образомъ содѣйствовала быстрому распространенію христіанства и культуры. Нѣмецкіе рыцари, монахи и другіе люди стали пріѣзжать еще въ бо́льшемъ числѣ послѣ того, какъ супругъ Гизелы вступилъ на венгерскій престолъ; но изъ нѣмецкихъ поселеній только относительно одного мы можемъ съ достовѣрностью сказать, что оно возникло въ эти отдаленныя времена, а именно—относительно нѣмецкаго Сатмара на Самошѣ, основан-

наго самой Гизелой. Король-апостолъ устроилъ свой дворъ по образцу нѣмецкаго и, вообще, въ теченіе всего своего царствованія проявлялъ себя сознательнымъ покровителемъ (дворянскихъ) пришельцевъ; въ своихъ наставленіяхъ рано умершему сыну Эмериху онъ пишетъ, что приглашеніе иностранцевъ должно разсматриваться, какъ мѣра, необходимая для упроченія престола и для увеличенія могущества государства: „обращайся хорошо съ гостями и уважай ихъ". Этой точки зрѣнія придерживались, въ общемъ (относительно періода 1074—1147 г. у насъ отсутствуютъ свѣдѣнія о притокѣ иностранцевъ), и остальные короли изъ дома Арпадовъ; главнымъ любимцемъ короля Саломона былъ нѣкій Вейтъ (Видъ) изъ Швабіи или Мейсена, носившій трудно объяснимую фамилію Гутъ-Келедъ. Но не слѣдуетъ забывать, что собственно земледѣльческія работы, пахота и сѣнокосъ, производились первоначально крѣпостными славянами. Часть древнеславянскаго дворянства (напр., процвѣтавшій въ 13 и 14 столѣтіяхъ родъ графовъ Осльскихъ) пережила, вѣроятно, мадьярское завоеваніе и, въ концѣ-концовъ, слилась съ венграми. Несомнѣнно, что на ряду съ ними при Петрѣ Венеціанцѣ (стр. 375) и затѣмъ при короляхъ изъ дома Анжу въ Венгріи нашли радушный пріемъ также и итальянцы.

a) Западная Венгрія.

Въ Эйзенбургскомъ и Эденбургскомъ (Шопроньскомъ) комитатахъ, на склонахъ Лейтскихъ горъ, подножье которыхъ омывается Нейзидлерскимъ озеромъ, затѣмъ въ долинахъ, пересѣкающихъ отроги штирійско-австрійскихъ восточныхъ Альпъ, живетъ нѣмецкое племя гинцевъ, называемыхъ также геанцами, генцами или гейнцами. На площади приблизительно въ 100 квадратныхъ миль здѣсь живутъ 30,000 славянъ („водяныхъ хорватовъ"), 10,000 евреевъ, около 5,000 мадьяръ и около 300,000 нѣмцевъ, принадлежащихъ большею частью къ католической церкви. Наименованіе „гинцы" или „геанцы"—нѣмецкаго происхожденія, ибо сосѣди не могли бы дать этому народу имени съ нѣмецкимъ корнемъ. По всей вѣроятности, это имя произошло отъ имени „Гейнцъ", „Генцъ" или „Аенцъ" (Гейнрихъ) и обозначаетъ „люди Гейнриха"; вѣдь Генрихъ III нѣсколько разъ (срв. стр. 375) предпринималъ походы въ Венгрію и нѣкоторое время занималъ западную часть ея. Другое преданіе разсказываетъ о владѣльцѣ замка рыцарѣ Генцо, по имени котораго и вся окружающая мѣстность была названа „Генцоніей"; при Владиславѣ IV (1272—90) здѣсь, дѣйствительно, жилъ королевскій каммеръ-графъ Генцъ. Можетъ быть также, что народецъ этотъ получилъ свое имя отъ графа Генриха Гюссинга (Кусцинъ, Куссенъ, Киссинъ; съ 1228 до конца 1274), принадлежавшаго къ одному изъ могущественнѣйшихъ родовъ, бывшаго одно время даже палатиномъ и часто упоминаемаго при описаніи пограничной борьбы съ Штиріей и Австріей. Онъ построилъ въ этой мѣстности много крѣпостей, между ними замокъ Пернштейнъ и городъ Гюнсъ. Его сыновья: Иванъ (Іоаннъ), Петръ, Николай и Генрихъ, всѣ занимавшіе высокія должности и называвшіе себя въ грамотахъ „сыновьями Генриха", старались сохранить высокое положеніе своего рода. Почти всѣ пограничныя крѣпости принадлежали имъ. Очень возможно, что исключительно нѣмецкіе гарнизоны крѣпостей, которые набирались большею частью изъ окрестныхъ жителей, получили или сами присвоили себѣ по своему господину имя гинцевъ или геанцевъ. І. В. Нагель думаетъ, впрочемъ, что это имя обозначаетъ просто „продавцовъ куръ".

Баварскія поселенія, устроенныя Карломъ Великимъ для борьбы съ аварами и управляемыя франконскими маркграфами, превратились въ цвѣтущія нѣмецкія общины; не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы колонизаторская дѣятельность Карла простиралась за восточную марку на область

восточной Панноніи. Изъ числа остатковъ упомянутыхъ поселеній, общины гейнцевъ точно такъ же, какъ и другія, потерпѣли значительный ущербъ отъ занятія страны венграми, но они скоро опять значительно увеличились, благодаря большому числу плѣнныхъ нѣмцевъ, привозимыхъ венграми изъ ихъ набѣговъ на нѣмецкія земли. Особенно усилилась эта группа германцевъ, во-первыхъ, благодаря сосѣдству Австріи и Штиріи, и затѣмъ благодаря переселенію сюда нѣмецкихъ дворянъ. Въ числѣ послѣднихъ слѣдуетъ упомянуть графовъ Гюссингскихъ и родственныхъ имъ владѣльцевъ Гедервара (Гедрихсбургъ), графовъ Санъ-Георгенскихъ и Безингскихъ, Штауфенскихъ (или мейсенскихъ) графовъ Гутъ-Келедъ, рыцарей Линдаускихъ (Лендва), отъ вѣтви которыхъ произошелъ родъ Банффи (сыновья бана), дворянъ Бузадскихъ, графовъ Маттерсдорфскихъ (т. е. Гросъ-Мартинсдофскихъ), и особенно графовъ Чилли (срв. выше, стр. 380), достигшихъ столь большого могущества въ 1341—1456 годахъ. Лѣсистая пограничная область, которая еще во времена Генриха III была настолько дика, что онъ могъ проникнуть въ Венгрію только окольнымъ путемъ по теченію рѣки Раабы, превратилась, благодаря прилежанію здоровыхъ, веселыхъ и богобоязненныхъ гинцевъ, въ плодородную площадь, на которой процвѣтали земледѣліе, лѣсоводство и винодѣліе. Населеніе же, несмотря на прогрессъ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, твердо держалось обычаевъ предковъ и сохранило свою нѣмецкую національность, живя среди финноугрскаго племени.

Политическія условія, несмотря на многочисленныя бури, проносившіяся надъ Западомъ, почти всегда благопріятствовали нѣмецкому элементу. Нѣмецкая національность очень усилилась въ 1140 г., благодаря тому, что королева Елизавета заложила Эйзенштадтъ австрійскому герцогу Альбрехту. Съ согласія венгерскихъ сословій король Матвѣй Корвинъ уступилъ затѣмъ въ 1463 г. императору Фридриху III также Форхтенштейнъ (или Фракнó, бывшій замокъ графовъ Маттерсдорфскихъ), Гюнсъ, Кобердорфъ, Рехницъ, Бернштейнъ и Горнштейнъ вмѣстѣ съ прилегающей къ нимъ мѣстностью. Эйзенштадтъ и Форхтенштейнъ были вновь присоединены къ Венгріи въ 1622 г., послѣ того, какъ императоръ Фердинандъ II заложилъ эти города за большую сумму графу Николаю Эстергази (съ 1625 г. палатинъ, умеръ въ 1645 г.); здѣсь жилъ съ 1761 г. по 1769 г. Іосифъ Гайднъ (срв. т. VIII, стр. 675). Города и мѣстности, занимаемые гинцами, имѣли особыя грамоты вольностей. Уже въ 1328 г. король Карлъ Робертъ подтвердилъ всѣ старинныя привилегіи города Гюнса; короли Людовикъ I, Сигизмундъ, Фердинандъ I и послѣдующіе Габсбурги также признавали эти привилегіи. Эйзенштадтъ получилъ въ 1373 г. грамоту вольностей на нѣмецкомъ языкѣ отъ загребскаго епископа Стефана Канижскаго; эту грамоту утвердилъ въ 1447 г. герцогъ Альбрехтъ VI Австрійскій. Главный городъ гинцевъ Эденбургъ, построенный на развалинахъ римскаго города Scar (a) bantia, получилъ даже грамоту вольностей уже въ 1260 г.; Владиславомъ III грамота эта была значительно расширена въ награду тамошнимъ „горожанамъ и гостямъ“ за ихъ заслуги въ войнѣ противъ чешскаго короля Оттокара; Андрей III и почти всѣ позднѣйшіе государи, до Леопольда I и Іосифа I включительно, охотно подтверждали привилегіи этого города, въ стѣнахъ котораго засѣдало четыре сейма и были коронованы двѣ королевы.

По сосѣдству съ гинцами живутъ на „степной равнинѣ“ на берегахъ Нейзидлерскаго озера, на Шюттѣ и близъ Прессбурга, „степные крестьяне“. Они происходятъ изъ швабскаго племени съ береговъ Боденскаго озера и, гонимые рыцарями изъ передней Австріи, переселились во время реформаціи въ Венгрію, гдѣ и нашли около 1526 г. защиту у Маріи, супруги Людвига II. Но когда контръ-реформація въ Венгріи начала съ 1670 г. все болѣе и болѣе преслѣдовать протестантовъ, тогда большинство

степныхъ крестьянъ вернулось опять въ лоно католической церкви. Оба главные города степныхъ крестьянъ Визельбургъ: (собственно, Мосбургъ по-латыни Musunium, по-мадьярски Мосонь) и Альтенбургъ принадлежали нѣкоторое время Австріи. Визельбургъ съ 1063 по 1074 г. принадлежалъ Германской имперіи; нѣмцы принимались въ качествѣ дружинниковъ на службу въ дворянскіе замки (iobagiones castri; срв. объясненіе къ табл. при стр. 376, § 19). Императоръ Генрихъ III уже въ 1053 г. одарилъ имѣніями находящійся при Визельбургѣ монастырь Фрейзингъ. Когда Анна, сестра короля Людвига II, вышла замужъ за Фердинанда I Габсбургскаго, она получила въ приданое также и Альтенбургъ.

Благодаря сосѣдству австрійскихъ земель, гинцы и степные крестьяне принимали мало участія во внутреннихъ смутахъ и внѣшней борьбѣ венгерскаго государства, и, именно, поэтому они сохранили, по большей части, свою нѣмецкую національность, Степныхъ крестьянъ называли, правда, космополитами среди нѣмцевъ западной Венгріи; они легче всего приспособляются къ окружающимъ условіямъ, сближаются съ сосѣдними мадьярами и славянами, усваиваютъ ихъ языкъ, благодаря чему ихъ собственный нѣмецкій діалектъ становится часто неузнаваемымъ. Вообще же, нравы и обычаи гинцевъ и степныхъ крестьянъ не отличаются другъ отъ друга и обнаруживаютъ ясно выраженный германскій характеръ. Оба эти народца отличаются, несмотря на свой легкій, веселый характеръ, серьезностью, честностью и глубокой религіозностью.

Послѣ изгнанія турокъ свѣтскіе и духовные магнаты старались привлеченіемъ нѣмецкихъ колонистовъ сдѣлать опять доходными свои опустошенныя и раззоренныя земли въ окрестностяхъ столицы, на хребтахъ Фертесгебирге и Баконскаго лѣса, на среднемъ Дунаѣ и въ углу, образуемомъ Дунаемъ и Дравой. Уже въ концѣ 17 столѣтія гранскіе архіепископы поселили въ своихъ имѣніяхъ швабовъ и франковъ. Въ 1690 г. швабскіе переселенцы основали городокъ Ижасегъ и возстановили шесть лѣтъ спустя разрушенный Дуна-Гарасти. Герцогъ Карлъ Лотаринскій и принцъ Евгеній Савойскій точно также поселили нѣмцевъ въ своихъ владѣніяхъ близъ Офена; то же самое сдѣлали и графы Зичи, Радай и Грашалковичъ. Въ 1718 г. нѣмцы съ Рейна были поселены въ дворянскихъ владѣніяхъ въ комитатахъ Тольненскимъ и Бараньевскомъ. Австрійскіе полководцы, которые послѣ изгнанія турокъ были награждены обширными помѣстьями въ Венгріи, старались привлечь въ эти помѣстья нѣмецкихъ колонистовъ. Въ большинствѣ изъ этихъ поселеній нѣмецкій элементъ сохранился и до нашихъ дней, хотя часто и въ незначительномъ числѣ. Самостоятельной роли въ политической исторіи Венгріи эти нѣмецкія поселенія никогда не играли.

b) Сѣверная Венгрія.

a) Горные города; сѣверозападная часть.

Гораздо болѣе важную, иногда рѣшающую, политическую роль играли нѣмцы въ сѣверной Венгріи. Въ большей своей части они принадлежали къ нижне-саксонскому и средне-нѣмецкпму (тюринго-силезскому) племенамъ и поселились въ нѣсколько пріемовъ въ послѣднюю треть 12 столѣтія на склонахъ Карпатъ (о подробностяхъ этой колонизаціи больше всего данныхъ имѣется въ изслѣдованіи Франца Кронеса: „Къ исторіи нѣмецкой народности въ Карпатахъ". Грацъ, 1878). Они были призваны прежде всего къ занятію горнымъ дѣломъ и достигли промышленностью и торговлей такого благосостоянія, что ихъ поселенія получили городскія привилегіи, которыя и составили потомъ прочную основу ихъ гражданскихъ правъ. Нѣмецкій элементъ, начиная отъ области степныхъ крестьянъ, распростра-

нился отдѣльными вѣтвями на ту сторону Дуная, гдѣ центромъ его былъ Прессбургъ, который Габсбурги сдѣлали въ 1542 г. мѣстомъ коронованія венгерскихъ королей и засѣданій сейма. Большинство изъ этихъ форпостовъ, за исключеніемъ незначительныхъ остатковъ, растворилось въ словацко-русинской средѣ.

Самыми сѣверными пунктами поселенія нѣмецкой народности были нѣкогда „нижне-венгерскіе" горные города: Кремницъ, Шемницъ, Нейзоль, Кенигсбергъ, Либетенъ, Диллльнъ, Пукканцъ и Брисъ, въ окрестностяхъ которыхъ, вѣроятно, уже давно существовалъ горный промыселъ. Первые нѣмцы поселились здѣсь, вѣроятно, одновременно съ нѣмцами сосѣдняго Ципса во второй половинѣ 12 столѣтія. Первая горнопромышленная колонія Шемницъ уже въ 1244 г. получила отъ короля Белы IV городскія привилегіи. Уже въ тринадцатомъ столѣтіи на основаніи упомянутой королевской грамоты „городскіе присяжные" составили „Шемницкое городское и горное право" въ двухъ отдѣлахъ: 40 пунктовъ опредѣляли „городскія права" и 20 пунктовъ „горныя права". Въ теченіе 14 столѣтія это право было даровано и большинству изъ остальныхъ горныхъ городовъ, если только они не пользовались уже собственными привилегіями. Жителямъ Нейзоля была въ 1225 г. дана привилегія свободнаго занятія горнымъ промысломъ; за это они должны были вносить въ королевскую казну десятую часть добываемаго золота и восьмую часть серебра, а также сражаться подъ королевскими знаменами. Кромѣ того, имъ было разрѣшено судебное единоборство между собою и съ равными имъ людьми, по саксонскому обычаю, съ круглымъ щитомъ и съ мечомъ. Но городскую грамсту вольностей Нейзоль получилъ только отъ короля Стефана V въ 1271 г. Кремницъ, съ 1323 г. резиденція королевскихъ каммерграфовъ, получилъ отъ короля Карла Роберта съ согласія свѣтскихъ и духовныхъ магнатовъ такія права, какими пользовался еще только богатый Куттенбергъ въ Чехіи. Такъ, напр., жители Кремница имѣли своихъ собственныхъ выборныхъ судей, и во всемъ государствѣ никто не могъ преслѣдовать ихъ за долги.

Въ 1424 г. король Сигизмундъ отдалъ горные города своей второй женѣ Варварѣ Чилли (умерла въ 1451 г.). Послѣдствіемъ этого было, что они и позднѣе оставались обособленнымъ цѣлымъ среди владѣній венгерской королевы и, благодаря широкимъ привилегіямъ, достигли такого благосостоянія, что возбудили зависть и жадность въ сосѣднихъ владѣтеляхъ замковъ. Замки, окружавшіе, какъ кольцомъ, эти области, попали частью во владѣніе гуситскаго вождя Жижки (стр. 380), частью во владѣніе семейства Дочи и другихъ дворянъ. Въ 1497 г. вспыхнула открытая распря, но вскорѣ окончилась соглашеніемъ. Между тѣмъ, горные города пользовались дружбой могущественныхъ дворянскихъ родовъ Турзо и Фуггеровъ, съ помощью которыхъ они и могли побѣдоносно выйти изъ этой борьбы. Въ концѣ 15 и началѣ 16 столѣтій горные города достигли высшей точки своего процвѣтанія, несмотря на нападеніе турокъ и на опустошенія непріятельскихъ войскъ. Мѣдь вывозилась черезъ Краковъ въ Данцигъ и ганзейскіе города, и даже въ Антверпенъ и въ Венецію. Арендаторъ Нейзольскихъ рудниковъ, Алексѣй Турзо, королевскій казначей, уже въ 1523 г. считался „богатѣйшимъ человѣкомъ Венгріи", а родственники его, Фуггеры, въ Аугсбургѣ (т. VII, стр. 81) долгое время были банкирами венгерскихъ королей; такъ, напр., король Людвигъ II былъ долженъ этой семьѣ 65,000 дукатовъ.

Смуты 17 столѣтія имѣли тяжелыя послѣдствія также и для горныхъ городовъ. Гавріилъ Бетленъ въ 1620 г. въ Нейзолѣ провозгласилъ себя венгерскимъ королемъ; съ 1619 г. горные города должны были платить ему большой налогъ. Въ эпоху смутнаго времени Ракочи и Текели они не только были ареной военныхъ дѣйствій, но потеряли также

свое благосостоянiе, благодаря вымогательствамъ и контрибуцiямъ. Къ концу 17 столѣтiя и доходность рудниковъ, въ силу естественнаго хода вещей, значительно понизилась. Къ этому прибавились еще преслѣдованiя протестантовъ со стороны контръ-реформацiи. Въ обѣднѣвшихъ горныхъ городахъ поселились теперь словаки, а мѣстами—мадьяры. Дворянство завладѣло большею частью рудниковъ. Столѣтiя было достаточно для того, чтобы нѣмецкiй элементъ былъ вытѣсненъ изъ этой области, такъ что теперь тамъ только фамилiи и названiя мѣстностей нѣмецкiя, населенiе же словацкое.

Ту же судьбу испыталъ нѣмецкiй элементъ и въ сосѣднихъ комитатахъ Барсѣ, Нейтрѣ и Турочѣ, гдѣ было нѣкогда густое нѣмецкое населенiе, теперь же только остатки его живутъ тремя группами среди словацкаго населенiя. Главная группа живетъ въ окрестностяхъ Кремница въ мѣстечкѣ Крикергеѣ (Кригерхай, Гандлова), въ деревняхъ Гонешгеѣ, Конешгеѣ, Ней-Геѣ, Дрексельгеѣ, Трезельгеѣ, Перкѣ, Швабенгофѣ и Блейфусѣ. Вторая группа состоитъ изъ мѣстечка Дейчъ-Пробенъ и деревень Бенешгей, Клейнъ-Пробенъ, Гейдель (Гайдель), Шмидсгайсъ, Фундштолленъ, Бетельсдорфъ и Цехе. Третья группа, въ которой нѣмецкiй элементъ имѣется только въ очень незначительномъ количествѣ, состоитъ изъ деревень Альтъ-Штубенъ и Ней-Штубенъ, Оберъ-Турцъ и Унтеръ-Турцъ, Глазергей, Безгей, Мюнихвизъ, затѣмъ, изъ деревень Лоренценъ и Дейчъ-Пильзенъ въ Гонтскомъ комитатѣ, Хохвизенъ и Литтенъ въ Барскомъ комитатѣ, Брестенгей, Гедвигъ и Кэзергей въ Турочскомъ комитатѣ. Какъ показываютъ имена, большинство этихъ мѣстъ были „Häue“ (hauen по-нѣмецки—рубить), т. е. лѣсными вырубками. Древнѣйшимъ поселенiемъ былъ, вѣроятно, Дейчъ-Пробенъ въ комитатѣ Нейтрѣ, получившiй въ 1280 г. отъ короля Владислава Кумана права, подтвержденныя потомъ въ 1293 г. Андреемъ III. Нѣмцы этой области называются крикергейерами по мѣстечку Крикергей. Словаки называютъ ихъ въ насмѣшку „гандербурцами“; имя это естественнѣе всего объяснить торговлей кореньями и лѣчебными травами, которой занимаются жители Мюнихвиза; они подобно силезскимъ аберрантамъ („лаборантамъ“) еще недавно разъѣзжали въ качествѣ странствующихъ лѣкарей по разнымъ странамъ. Жители этихъ мѣстностей вынуждены заниматься такой разносной торговлей: ихъ родина слишкомъ неплодородна и бѣдна. Также и „городъ“ Крикергей состоитъ изъ одноэтажныхъ бревенчатыхъ домовъ, разсѣянныхъ на большомъ пространствѣ по лѣсу. Также построены и остальныя деревни. Поля, расположенныя большею частью на высотахъ, мало доходны и трудно поддаются обработкѣ. Землю приходится отчасти носить наверхъ въ кадкахъ; иногда ливень уноситъ картофель вмѣстѣ съ землей и со всѣмъ урожаемъ. Мужья уходятъ лѣтомъ въ качествѣ офеней за границу и предоставляютъ полевое хозяйство женщинамъ. Священникъ говоритъ съ ними, молится и проповѣдуетъ только по-славянски. Они и теперь отличаются честностью, добродушiемъ, прилежанiемъ, разсудительностью и прямотой; но они производятъ, въ общемъ, впечатлѣнiе племени отсталаго и одичалаго. Умственная неразвитость заставила ихъ забыть свое нѣмецкое происхожденiе и ускорила потерю ими нацiональныхъ чертъ.

Они быстро идутъ навстрѣчу той же судьбѣ, какая постигла на сѣверо-западѣ Венгрiи нѣмецкiя мѣстечки Силлейнъ, Скалицъ, Привицъ, Розенбергъ и Карпфенъ, которыя всѣ были населены нѣкогда нѣмцами. Городокъ Силлейнъ пользовался въ концѣ 14 столѣтiя Тешненскимъ городскимъ правомъ, которое было въ 1370 г. отнято у нихъ Людовикомъ I, но потомъ въ 1382 г. опять разрѣшено имъ. Позднѣе жители Силлейна жили по Карпфенскому праву; это послѣднее мѣстечко, упоминаемое въ качествѣ „саксонской колонiи“ уже въ 1238 г., послѣ опустошенiя его монголами въ 1243 г. получило очень важное городское право, стоявшее

на одной ступени съ правомъ Штульвейсенбургскимъ и Офенскимъ. Въ 17 столѣтіи началась ассимиляція. Въ настоящне время только отдѣльныя нѣмецкія названія полей и горъ напоминаютъ о прошломъ.

β) Ципсъ.

Минуя нѣмецкіе остатки на сѣверо-западѣ, мы приходимъ на крайнемъ сѣверѣ Венгріи, на южныхъ склонахъ Карпатъ, къ здоровому нѣмецкому племени ципсовъ, которые уже въ теченіе семи столѣтій живутъ въ этихъ романтическихъ дикихъ горахъ и, благодаря своему прилежанію и своей честности, добились благосостоянія и уваженія со стороны окрестныхъ жителей. Обиліе дровъ, обиліе горныхъ потоковъ, характеръ естественныхъ произведеній „silva Zepus“ (по-мадьярски Сепешъ), невозможность заниматься въ широкихъ размѣрахъ земледѣліемъ—заранѣе предназначили населеніе Ципса къ промышленной дѣятельности. Такимъ образомъ, житель Ципса сталъ хорошимъ ремесленникомъ, его первоначально разбросанно лежавшіе бревенчатые дома стали тѣснѣе другъ къ другу, и среди скалъ поднялись скоро башни города. Нѣмецкими центрами были, кромѣ построеннаго въ 1245 г. главнаго города Лейчау (по-венгерски Лече), еще города Гелльницъ, Кесмаркъ, Гнизенъ (Книзенъ), Бела, Нейдорфъ (Игло; съ 1271 г. городъ, съ 1385 г. вольный горный городъ), Лейбицъ, Люблау, Дейчендорфъ (Попрадъ), Пудлейнъ, Кирхдрауфъ (Сепешъ-Варалья), Георгенбергъ и Валлендорфъ. Всѣ эти города заключили союзъ уже въ 1204 г. и еще въ томъ же столѣтіи начали играть роль въ качествѣ самостоятельнаго цѣлаго; впрочемъ, сѣверные пункты, Люблау, Гнизенъ и Пудлейнъ, были основаны выходцами изъ Малопольши; относительно Валлендорфа имѣются два извѣстія, относящіяся къ 1212 г. и указывающія на странную древнюю связь его съ Страсбургомъ въ Эльзасѣ; значительную часть его населенія составляли итальянцы.

Первое правильное заселеніе Ципса нѣмцами произошло, вѣроятно, въ бурную эпоху Гезы II (стр. 375), который былъ союзникомъ вельфскаго герцога Генриха Льва, Преданіе упоминаетъ о нѣкоемъ графѣ Рейнольдѣ (Ренальдусъ), который въ качествѣ гофрихтера короля привелъ въ 1150 г. людей въ эти мѣста; жившій въ то же самое время византіецъ Іоаннъ Киннамъ разсказываетъ о войскѣ изъ чеховъ и саксонцевъ, собранномъ въ 1156 г. Гезой противъ Восточнаго Рима. Но главная масса нѣмцевъ пришла въ Ципсъ только въ концѣ 12 столѣтія при Белѣ III; люди эти пришли, большей частью, изъ средней Германіи, главнымъ образомъ, изъ Силезіи: нынѣшній ципскій діалектъ похожъ на силезскій. Въ началѣ 13 столѣтія, послѣ того, какъ первая жена Андрея II, Гертруда Андексъ-Меранская, дала въ Ципсѣ землю нѣсколькимъ тирольскимъ дворянскимъ семьямъ, туда пришли еще новые переселенцы; отъ ея дружинника Рюдигера изъ Дейчъ-Матреи происходятъ Берзевичи. Преобладающее вліяніе нѣмецкаго дворянства уже тогда было очень ощутительно и вызывало большое неудовольствіе, такъ что въ 1213 г. національная мадьярская партія возстала противъ королевы и регентши, покровительствующей нѣмцамъ (срв. стр. 376). Послѣ того, какъ пронеслась монгольская буря, раздѣляющая и исторію Ципса на двѣ эпохи, послѣдовало новое массовое переселеніе, главнымъ образомъ изъ Силезіи и Тюрингіи, продолжавшееся до начала 14 столѣтія. Въ короткое время нѣмецкія поселенія въ этомъ отдаленномъ горномъ уголкѣ достигли высокаго уровня благосостоянія. Основанное подъ руководствомъ пробста (изъ пробстовъ намъ извѣстенъ уже въ 1209 г. Адольфъ, шуринъ вышеупомянутаго Рюдигера, отличавшійся дипломатическими способностями) въ 1232 г., общество ципскихъ священниковъ, носившее названіе „содалитета“ или „конфратернитета“, взяло съ 1248 г. въ свои руки духовныя и свѣтскія дѣла населенія. Владиславъ IV

утвердилъ въ 1274 г. права этого общества; въ 1297 г. Андрей III даровалъ ему также право сбора десятинной подати. Но въ 1271 г. Стефанъ V даровалъ своимъ „вѣрнымъ ципскимъ саксонцамъ“ „привилегію“ для сохраненія „вольности“. По этой грамотѣ „королевскіе города“ должны были платить ежегодно по 300 марокъ серебра и за это были свободны отъ всякихъ другихъ податей; во время войны они должны были выставлять по 50 вооруженныхъ людей. Они могли свободно избирать своего собственнаго графа, который судилъ ихъ на основаніи ихъ права, и своихъ священниковъ. Кромѣ того, за ними было признано право охоты, рыбной ловли и разработки горныхъ богатствъ. Послѣ смерти послѣдняго изъ Арпадовъ (1301) дворяне Ваагской области подъ предводительствомъ гордаго Матвѣя Эшакскаго, опираясь на горную крѣпость Тренчинъ, стали распространять свое могущество. Тогда жители Ципса, раньше принешіе присягу Вацлаву и Оттону (стр. 377), примкнули къ Карлу Роберту, который съ ихъ помощью и разбилъ окончательно западно-венгерскихъ дворянъ (Гюссинговъ и др., срв. выше, стр. 392) при Розгонѣ въ долинѣ Тарча въ 1312 г. Въ награду за услуги, „охотно оказываемыя ему съ самаго дѣтства“, за „мужественную, вѣрную борьбу противъ Матвѣя Тренчинскаго, при чемъ они не щадили ни имущества, ни живота своего“, Карлъ Робертъ утвердилъ въ 1318 г. привилегіи „24 королевскихъ городовъ“. На основаніи этой грамоты судьи, присяжные и старѣйшины составили въ 1370 г. очень важный для исторіи культуры того времени законодательный сборникъ, озаглавленный „Добрая воля (т. е. свободный выборъ, договоръ) саксовъ въ Ципсѣ“. Эта книга еще въ томъ же году была утверждена императоромъ Людвигомъ I и получила, такимъ образомъ, силу закона. Духъ религіозности, дисциплины и честности налагаетъ совсѣмъ особый отпечатокъ на многія постановленія этой книги. Процвѣтавшее ремесло регулировалось цехами и братствами. Торговля и промышленность развились въ городахъ и мѣстечкахъ; съ тѣхъ поръ какъ бойкая торговая дорога соединила эти мѣста съ Польшей и съ Силезіей, здѣсь изъ года въ годъ стало селиться много иностранцевъ.

Какъ разъ черезъ столѣтіе послѣ утвержденія Карломъ Робертомъ вольностей Ципсъ постигъ первый тяжелый ударъ. 8 ноября 1412 г., вѣчно нуждающійся въ деньгахъ, императоръ-король Сигизмундъ I заложилъ 13 ципскихъ городовъ вмѣстѣ съ королевскими замками Люблау, Пудлейномъ и Гнизеномъ Владиславу Польскому. Союзъ ципскихъ городовъ продолжалъ, правда, существовать нѣкоторое время и послѣ ихъ отдѣленія; но скоро польскіе чиновники стали по своему произволу хозяйничать въ заложенныхъ мѣстахъ. Заложенная полякамъ область была превращена въ наслѣдственное старостство. По представленію венгерскихъ сословій, Владиславъ, правда, обѣщалъ въ 1440 г. отдать закладъ обратно. Но по венгерско-польскому соглашенію въ Альтенбургѣ въ 1474 г. залогъ былъ возобновленъ. Этимъ была рѣшена гибель нѣмецкаго элемента въ сѣверныхъ и въ части южныхъ областей.

Кромѣ того, много вреда причинило вторженіе гуситовъ и господство чешскихъ наемниковъ, предводительствуемыхъ Жижкой (стр. 380). Политическая самостоятельность была уничтожена; оставшіеся за Венгріей города опустѣли и были раздарены королями дворянскимъ фамиліямъ. Такъ, напр., король Матвѣй сдѣлалъ своего любимца Эммериха Заполью наслѣдственнымъ графомъ Ципскимъ и отдалъ ему мѣстечко Кесмаркъ, сдѣланное въ 1380 г. королевскимъ вольнымъ городомъ, вмѣстѣ съ принадлежавшими къ нему девятью общинами. Послѣ племянника Эммериха, Іоанна Запольи (1530), Кесмаркъ достался поляку Іерониму Ласкому, Эйсдорфъ же (Isaci по жалованной грамотѣ 1209 г.), Эйленбахъ, Доннерсмаркъ, Мюленбахъ и Кирнъ (оба „фландрскаго“ происхожденія), Одоринъ, Рисдорфъ, (Гросъ-)Шлагендорфъ и Шперндорфъ перешли къ Алексѣю Турзо. Послѣ

прекращенія рода Турзо Беттельсдорфскихъ (Бетленфальва) эти девять мѣстечекъ перешли во владѣніе графовъ Чаки и скоро превратились въ простыя деревни, принадлежащія помѣщикамъ; только Кесмаркъ былъ въ состояніи противостоять вторженію мадьярскаго дворянства и славянъ и въ 1655 г. объявилъ себя опять вольнымъ городомъ.

При такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ ципскіе нѣмцы, навѣрное, исчезли бы подъ напоромъ чужихъ національностей, если бы какъ разъ въ это время реформація съ ея нѣмецкой проповѣдью и нѣмецкимъ церковнымъ пѣніемъ не укрѣпила нѣмецкій элементъ въ верхней Венгріи. Ципсъ находился въ тѣсномъ общеніи съ Германіей, по нѣскольку ципскихъ жителей ежегодно училось въ германскихъ университетахъ и, благодаря этому, появились такіе люди, какъ Мартинъ Чиріакъ, ученикъ Меланхтона, Ѳома Прейснеръ, Георгъ Лейтшеръ, которые мужественно и успѣшно боролись съ католическимъ духовенствомъ. Несмотря на законы 1523 и 1525 г., которыми предписывалось, чтобы „всѣ лютеране, ихъ покровители и приверженцы, какъ явные еретики и враги Святой Дѣвы Маріи, были лишаемы жизни и имущества", реформація была все-таки повсемѣстно проведена въ Ципсѣ уже въ 1546 г.: 26 октября этого года все ципское духовенство открыто заявило о своей принадлежности къ евангелическому исповѣданію. Вмѣстѣ съ духовнымъ подъемомъ начали опять развиваться торговля и промышленность. Ципскія полотна, сукна, кожевенныя и металлическія издѣлія пользовались извѣстностью на берегахъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, въ центрѣ Россіи и въ Константинополѣ. Обыкновенно около Троицы въ Ципсъ съѣзжались за покупками греки, русскіе и сербы, а также сѣверные нѣмцы. Ципскіе жители были предпріимчивымъ, энергичнымъ народцемъ, который въ горахъ своей новой родины, находясь въ постоянномъ общеніи съ старой родиной, создалъ культуру, поднявшую городское и крестьянское сословія на высоту, необычайную для Венгріи той эпохи.

Но скоро этотъ расцвѣтъ нѣмецкой культуры былъ подвергнутъ тяжелымъ испытаніямъ. Уже въ 1588 г. по настоянію ципскаго пробста Мартина Пете началось преслѣдованіе новой вѣры; въ 1604 г. эти преслѣдованія приняли характеръ жестокой контръ-реформаціи.

Католическія правительственныя комиссіи пріѣхали въ Ципсъ и хотѣли принудить жителей къ передачѣ церквей католикамъ; но народъ возсталъ и прогналъ комиссіи. Вслѣдствіе смутъ при Стефанѣ Бочкаѣ и благодаря Вѣнскому миру 1606 года (стр. 384), и въ Ципсѣ также преслѣдованія протестантовъ на нѣкоторое время прекратились. Но въ 1632 г. іезуиты въ союзѣ съ католическимъ мадьярскимъ дворянствомъ и военными и гражданскими чиновниками начали опять насильственно обращать народъ въ католичество. У протестанскихъ священниковъ отбиралось имущество, и они изгонялись изъ страны; церкви отбирались у нихъ военной силой и передавались католикамъ. На ряду съ этимъ шла мадьяризація городского и общиннаго управленія, въ совѣтники и городскіе судьи проводились только мадьярскіе дворяне. Ципскіе нѣмцы энергично поддерживали всѣ политическія возстанія въ защиту новой вѣры, имѣвшія мѣсто въ 17 и 18 столѣтіяхъ подъ предводительствомъ Бочкая, Бетлена, Текелія и Франца Ракочи; но, именно, отъ этихъ своихъ союзниковъ имъ приходилось терпѣть больше всего. Контрибуціи, преслѣдованія и угнетенія всякаго рода привели къ тому, что нѣмецкій элементъ все болѣе и болѣе ослабѣвалъ подъ напоромъ венгровъ и словаковъ, народа плодовитаго, способнаго и невзыскательнаго. Около 1724 г. городской судья Лачко Гнизенскій, прозывавшійся также прядильщикомъ, писалъ въ своей хроникѣ: „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ты былъ похожъ на прекрасную, благовоспитанную дѣвушку, теперь же ты похожъ на женщину изъ госпиталя, просящую милостыню". Во многихъ нѣмецкихъ вольныхъ поселеніяхъ верхней Венгріи съ паденіемъ промышленности и торговли образовался пролетаріатъ, кото-

рый до неузнаваемости измѣнилъ прежнюю картину благостоянія. Но, несмотря на такое глубокое паденіе, тамъ, гдѣ былъ хоть клочекъ плодородной почвы, неистощимая жизненная сила готова была пустить новые ростки. Нѣмецкое трудолюбіе и нѣмецкая бережливость сумѣли придать слабый отблескъ прежняго величія вольнымъ городамъ. Въ нихъ попрежнему развивалась промышленная и коммерческая жизнь; нѣмецкій языкъ продолжалъ господствовать надъ мадьярскимъ, славянскимъ и вульгарной латынью и содѣйствовалъ сношеніямъ съ за границей. Нѣмецкій духъ, впрочемъ, былъ сильно ослабленъ (Францъ Кронесъ).

Въ 1772 г. заложенныя Польшѣ тринадцать мѣстечекъ были опять присоединены въ Венгріи, и „шестнадцать ципскихъ городовъ“ были объединены подъ начальствомъ „графа“, которому принадлежала высшая судебная и административная власть. Императрица-королева не только подтвердила къ 1775 г. старыя привилегіи, но и даровала новыя. Цѣлое столѣтіе старались ципскіе нѣмцы достигнуть былого матеріальнаго и духовнаго расцвѣта, но 1 октября 1876 г. отдѣльный округъ, къ которому они принадлежали, былъ упраздненъ, города присоединены къ Ципскому комитату, чѣмъ былъ нанесенъ тяжелый ударъ развитію нѣмецкаго элемента. Но послѣ проведенія желѣзныхъ дорогъ торговля и промышленность расцвѣли вновь. Нѣмцы, благодаря своему трудолюбію, честности, бережливости, благодаря своимъ цѣломудреннымъ нравамъ, сохранившіеся въ теченіе столѣтій, несмотря на всѣ враждебныя обстоятельства, были окрылены теперь новымъ духомъ предпріимчивости, надежды и жизнерадостности. Старые обычаи исчезли, впрочемъ, почти совершенно. Въ этомъ виноваты внѣшній гнетъ и внутренній индифферентизмъ; о возрожденіи древнихъ нѣмецкихъ народныхъ обычаевъ при все нивеллирующихъ обстоятельствахъ нечего и думать.

Та же судьба постигла и жителей ципской низменности, которая тянется вдоль рѣки Іернада и заключаетъ въ себѣ мѣстечки Шмельницъ, Штосъ, Шведлеръ, Эйнзидель, Гелльницъ, Кромпахъ и Вагендрисель. Мѣстность эта всегда составляла независимую отъ Ципса область, и къ ней принадлежали по языку также и нѣмцы, жившіе отдѣльными группами въ Топшау, Оберъ-Мецензейфенѣ и Унтеръ-Мецензейфенѣ. Нѣмецкій языкъ жителей низменности отличается отъ языка ципскихъ жителей бо́льшей примѣсью австрійскаго діалекта. Заселеніе этой маленькой полосы, преимущественно переселенцами изъ Тюрингіи и верхней Германіи, произошло, главнымъ образомъ, въ теченіе 14 столѣтія. Горный городъ Шмельницъ, основанный Карломъ Робертомъ въ 1332 г., получилъ отъ него особыя вольности, которыя были значительно расширены королями Людвигомъ I (1353) и Сигизмундомъ (1399), Вагендриселъ и Мюльбахъ получили ципское право уже отъ Владислава IV (около 1290), и первый король изъ дома Анжу подтвердилъ за ними это право. Но самый старый горный городъ въ верхней Венгріи, это—Гельницъ, которому Бела IV далъ привилегіи и обширныя земли для разработки золотыхъ, серебряныхъ и желѣзныхъ рудниковъ; земли эти простирались до Гаттерта (марки) Кашаускаго и до границы комитата Гемера. Владиславъ IV, Андрей III и Карлъ Робертъ признали все дарованное раньше и увеличили и такъ уже значительныя владѣнія города новыми пожалованіями; съ 1276 г. Гельницъ сталъ называться „королевскимъ вольнымъ городомъ“. Несмотря на частыя притѣсненія со стороны мадьярскаго дворянства, особенно со стороны Іоанна Запольи, городъ пользовался большимъ благосостояніемъ, пока Фердинандъ II не отобралъ у него безъ всякой причины всѣ владѣнія и не передалъ ихъ графу Стефану Чаки. Зависимое положеніе уничтожило процвѣтавшую нѣкогда горную промышленность; обѣднѣвшіе нѣмцы выселились и уступили мѣсто славянскимъ иммигрантамъ. Ту же судьбу испытали Оберъ-Мецензейфенъ и Унтеръ-Мецензейфенъ, возникшіе только

въ 14 столѣтіи на владѣніяхъ основаннаго въ 1255 г. Ясоевскаго премонстрантскаго пробства. Жители низменности построили нѣсколько мѣстечекъ также и дальше въ Гемерскомъ комитатѣ. Мѣстечко Топшау было основано около 1326 г. дворянской фамиліей Бубекъ (Бебекъ), Розенау же получилъ городскія права въ 1382 г. и еще до середины 18 столѣтія оставался чисто нѣмецкимъ горнымъ городомъ, теперь же нѣмецкій элементъ тамъ совершенно отсутствуетъ.

Сосѣдніе комитаты Аба-уй и Шарошъ также даютъ печальную иллюстрацію къ исторіи германизма въ Венгріи; въ особенности вольный городъ Кашау. Первоначально этотъ городъ былъ венгерскимъ мѣстечкомъ (Каша). Уже въ 1200 г. при Эмерихѣ въ немъ поселились нѣмцы изъ верхней Германіи и число ихъ увеличилось въ 1261 г. новыми иммигрантами. Новые пришельцы основали Оберъ-Кашау и въ 1347 г. соединили его съ старымъ Кашау. Здѣсь уже съ 1290 г. началась подъ руководствомъ французскаго архитектора Виллара де Гоннекура постройка грандіозной готической церкви, красивѣйшаго собора въ верхней Венгріи, получившаго позднѣе имя въ честь королевы Елизаветы Польской. Городъ былъ обнесенъ стѣнами и позднѣе даже укрѣпленъ; онъ достигъ скоро большого благосостоянія, чѣмъ пробудилъ алчность могущественнѣйшаго рода верхней Венгріи, фамиліи Аба. Глава этого дома, палатинъ Амадей, старался подчинить городъ своему сюзеренитету, но былъ убитъ въ стычкѣ съ горожанами въ 1310 г. Въ 1346 г. городъ получилъ право уголовной юрисдикціи, въ слѣдующемъ году офенское городское право (съ этихъ поръ онъ назывался „вольнымъ королевскимъ городомъ“), а въ 1361 г. ему было дано право торговли, какъ складочному мѣсту для польскихъ и русскихъ товаровъ. Города Лейчау, Эперьешъ, Бартфельдъ и Зебенъ, жители которыхъ тоже были среднегерманскаго происхожденія, тѣсно объединились съ Кашау, чтобы общими силами легче отбивать нападенія алчнаго высшаго дворянства. Союзъ этихъ четырехъ городовъ съ Кашау, восточновенгерская „пентаполисъ“, въ томъ видѣ, какъ мы его находимъ въ 14 и 15 столѣтіяхъ, былъ, по словамъ Кронеса, вѣрнымъ отраженіемъ племенного родства. Но уже въ первой половинѣ 16 столѣтія нѣмцы, какъ ревностные послѣдователи все болѣе и болѣе распространяющагося съ 1526 г. ученія Лютера, были принуждены покинуть Венгрію, мадьяры и славяне заняли ихъ мѣсто. Смуты при Стефанѣ Бочкаѣ, Гавріилѣ Бетленѣ и Георгіи Ракочи I уничтожили въ жителяхъ Кашау послѣднюю искру нѣмецкаго самосознанія: въ началѣ 18 столѣтія городъ былъ уже совершенно мадьярскимъ.

Та же судьба постигла и бывшіе нѣмецкіе города Шарошъ (-Патакъ), Эперьешъ, Бартфельдъ, Зибенъ и Зибенлинденъ (Гетаршъ), которые съ самаго начала пользовалась вольностями Ципса, утвержденными за ними въ 1347 г. Бартфельдъ, основанный въ 1312 г. нѣкіимъ Лаврентіемъ, скоро возвысился, но въ 1450 г. вмѣстѣ съ другими нѣмецкими городами Шарошскаго комитата былъ захваченъ гуситскимъ вождемъ Жижкой, послѣ чего началась славянизація, и нѣмцы были въ короткое время поглощены.

Эперьешъ, по преданію основанный около 1140 г. Белой II, проявилъ живую дѣятельность въ области церковной политики и народнаго просвѣщенія. Существовавшая въ немъ съ 1534 г. латинская школа, въ которой преподавали знаменитые учителя изъ Германіи, достигла особеннаго процвѣтанія въ 17 столѣтіи. Будучи ревностными послѣдователями ученія Лютера, жители Эперьеша въ интересахъ свободы вѣроисповѣданія примкнули къ Текелю, вождю политической оппозиціи; послѣ его пораженія австрійскія войска, предводительствуемыя Антоніо Караффой (стр. 387), уничтожили благосостояніе населенія и казнили въ 1687 г. тридцать дворянъ и патриціевъ. Потомъ Эперьешъ, подобно остальнымъ нѣмецкимъ городамъ верхней Венгріи, примкнулъ къ Францу Ракочи II, пасынку Текеля и

послѣ тяжелыхъ испытаній восьмилѣтняго возстанія (1703—1711) былъ занятъ австрійскими войсками 10 декабря 1710 г. Тогда іезуиты начали насильственно обращать жителей назадъ въ католичество, что привело, въ концѣ-концовъ, къ совершенному уничтоженію нѣмецкаго элемента въ этихъ мѣстахъ.

Несомнѣнно, что нѣмцы въ Венгріи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они занимались почти исключительно торговлей и промышленностью, несмотря на благосостояніе и образованность, съ теченіемъ времени исчезли; тамъ же, гдѣ они занимались, главнымъ образомъ, земледѣліемъ и скотоводствомъ, они сохранились до нашихъ дней. Кромѣ земледѣльческаго населенія Трансильваніи, лучшимъ примѣромъ тому могутъ служить деревни во владѣніяхъ графовъ Шёнборнъ близъ Мункача: Оберъ-Шенборнъ, Унтеръ-Шенборнъ, Паланка, Паушингъ, Биркендорфъ, Медхендорфъ и Кучова, построенныя послѣ 1728 г.; восьмая деревня Софіендорфъ построена въ 19 столѣтіи. Очень вѣрно характеризовалъ этихъ нѣмцевъ въ 1874 г. Фр. Лёеръ: „Прилежаніе, порядокъ и религіозность даютъ счастіе ихъ жизни. Нѣмецко-венгерскіе крестьяне близъ Мункача крѣпко держатся другъ за друга, и поэтому имъ удается изъ года въ годъ все болѣе врѣзываться и въ глубь и въ ширь окрестнаго русинскаго населенія; они покупаютъ тамъ одно крестьянское хозяйство за другимъ. Чужихъ они въ свою среду не принимаютъ“. Ихъ выборный горный судья улаживаетъ споры, возникающіе въ виноградникахъ, деревенскій же судья всѣ остальные споры.

с) Трансильванія.

Карпаты, съ ихъ вершинами, покрытыми снѣгомъ, не поддающимися лучу лѣтняго солнца, съ ихъ лѣсистыми склонами, покрытыми травой и цвѣтами, оживленными массой летающихъ и ползающихъ животныхъ, съ ихъ шумящими ручьями и источниками, съ ихъ мечтательными долинами, полными волшебной тѣни, окружаютъ и прорѣзыватъ родину трансильванскихъ нѣмцевъ. Безпрепятственно текутъ въ блескѣ утра и мракѣ вечера волны Мароша и Альты на западъ и на югъ. Здѣсь нѣмцы болѣе семи столѣтій тому назадъ вернули себѣ клочекъ старой родины и поселились на немъ. Много бурь пронеслось надъ этими тихими уголками нѣмецкой культуры; но всегда наступало снова время, когда эта оторванная отъ материнской почвы вѣтвь пробуждалась къ новой жизни. Древнѣйшими нѣмецкими поселеніями на трансильванской возвышенности слѣдуетъ считать Каракo (Кракко, близъ Карлсбурга), Крапундорпъ (Игенъ) и Рамсъ (Рамосъ, близъ Броша), которымъ Андрей II даровалъ въ 1206 г. вольности, при чемъ онъ ссылался уже на традиціи своихъ предшественниковъ. Другая грамота относится къ нѣмецкой колоніи, которая возникла на Самошѣ изъ мадьярскаго города Затмара послѣ замка Дееша; она получила въ 1236 г. отъ Белы IV особыя права и занималась горнымъ промысломъ. О третьей колоніи сообщаетъ капланъ Рогеріусъ, родомъ апуліецъ (съ 1249 г. архіепископъ Сплѣтскій, умеръ въ 1266 г.); въ своей „Miserabile carmen“, написанной въ 1242 г. въ варварскомъ стилѣ, траурной пѣснѣ по поводу нашествія монголовъ, онъ говоритъ о взятіи Родны (близъ Быстрицы), которая „была большимъ тевтонскимъ городомъ въ горахъ и серебрянымъ рудникомъ короля“. Но въ этихъ мѣстностяхъ нѣмецкій элементъ давнымъ, давно исчезъ.

При Гезѣ II послѣдовало главное поселеніе нѣмцевъ въ Трансильваніи, имѣвшее своею цѣлью защиту юговосточной границы государства отъ кумановъ, которые послѣ покоренія печенѣговъ осѣли въ Молдавіи и Валахіи и отсюда дѣлали частые набѣги на сосѣднія страны (срв. стр. 352). Эти нѣмецкіе переселенцы пришли частью съ Нижняго Рейна, частью изъ Фландріи. Въ грамотахъ (1204, 1224, 1234, 1247, 1309) ихъ называютъ „тевтониками по ту сторону лѣса“, а также (1192/96, 1199) „фландрами“;

только въ 1206 г. появляется впервые наименованіе „саксы“ (Saxones), которое одно только и удержалось до нашихъ дней. Они заняли берега рѣки Альты до впаденія ручья Гоморода, а также мѣстность отъ Мароша до долинъ Кокеля включительно. Здѣсь ими были основаны, вѣроятно, прежде всего Германштадтъ (Villa Hermanni), Лешкирхъ (Уедьхàзъ) и Гросшенкъ (близъ Фогараша). Но, благодаря сосѣдству дикихъ народовъ, переселенцы должны были прежде всего озаботиться постройкой замковъ и укрѣпленныхъ церквей, въ которыхъ сельскіе жители могли бы находить убѣжище во время опасности. Только съ теченіемъ времени изъ этихъ укрѣпленныхъ пунктовъ образовались города и большія мѣстечки. Страна бурцевъ на крайнемъ юго-востокѣ представляла изъ себя очень удобныя ворота для разбойничьихъ набѣговъ; поэтому Андрей II далъ въ 1211 г. разрѣшеніе ордену нѣмецкихъ рыцарей (госпиталитамъ) строить здѣсь деревянные укрѣпленные замки и города; главнымъ пунктомъ сдѣлался тогда Кронштадтъ. Но рыцарямъ было запрещено поселять въ странѣ бурцевъ нѣмцевъ изъ сосѣднихъ мѣстностей, и поэтому туда были доставлены новые переселенцы. Послѣ изгнанія нѣмецкихъ рыцарей, которое послѣдовало въ 1225 году, несмотря на заступничество папы Гонорія III, Кронштадтъ, упоминаемый впервые въ грамотахъ въ 1252 году, благодаря своему быстро развившемуся благосостоянію, занялъ первенствующее положеніе между остальными колоніями. Нѣмецкія поселенія въ Несненскомъ округѣ, повидимому, болѣе древняго происхожденія; самый Быстрицъ упоминается въ 1264 г., какъ колонія, уже существовавшая нѣкоторое время. Эти сѣверовосточные трансильванцы, подобно жителямъ Дееша, происходятъ, вѣроятно, изъ другихъ частей Венгріи и были поселены здѣсь для развитія горной промышленности. Главные населенные пункты, управлявшіеся около 1300 г. отдѣльнымъ графомъ, составляли вмѣстѣ съ окружающей мѣстностью уже давно личную собственность венгерскихъ королевъ: такъ, папа Урбанъ IV увѣщеваетъ 16 іюля 1264 года королевскаго сына Стефана (V) отдать матери противозаконно отнятыя у нея владѣнія: Быстрицъ, Родну, Зенндорфъ и Байердорфъ. 29 декабря 1330 г. (а не 1 января 1334 г.) „быстрицкіе граждане и колонисты и тѣ, которые принадлежатъ къ тому же судебному округу“, получили отъ королевы Елизаветы, съ согласія ея супруга Карла, грамоту вольностей, согласно которой они подлежали юрисдикціи исключительно своихъ выборныхъ судей.

Въ короткое время нѣмецкія колоніи достигли благосостоянія и политическаго значенія, каковое обезпечивалось имъ благосклонностью венгерскихъ королей. Уже Бела III около 1185 г. сообщалъ въ Парижъ при случаѣ своего сватовства, что онъ получаетъ отъ королевскихъ колонистовъ въ Трансильваніи по 15,000 марокъ ежегодно. Какъ быстро поднялось значеніе нѣмцевъ, показываетъ „Andreanum“,—документъ, относящійся къ концу 1224 г. Въ этомъ документѣ Андрей II утверждаетъ за нѣмцами, живущими между Брошемъ и Драшемъ всѣ права, дарованныя имъ при переселеніи, и прибавляетъ еще новыя права. Независимые другъ отъ друга, округа призванныхъ Гезой II переселенцевъ были при этомъ соединены въ одну провинцію (unus sit populus), съ однимъ выборнымъ „графомъ“ въ качествѣ верховнаго судьи (sub uno iudice censeantur), имѣвшимъ свою резиденцію въ Германштадтѣ (Cibinium).

Такъ по имени маленькаго замка на Цибинѣ (Сибинъ, Цибинъ, Чибинъ) получила свое названіе область Siebenbürgen (Седмиградіе).

Но дальнѣйшее успѣшное развитіе было скоро задержано нашествіемъ монголовъ 1240—42 г. (т. II, стр. 165). Укрѣпленные пункты и больверки давали убѣжище только сравнительно незначительному количеству людей; остальные бѣжали въ горы, гдѣ большинство ихъ погибло. Благодаря королевской заботливости, нѣмцы послѣ ухода татаръ довольно

скоро оправились; возникли даже новыя поселенія, какъ, напр., Клаузенбергъ (Элушваръ), который основалъ Стефанъ V еще въ 1270 г., будучи герцогомъ Трансильванскимъ, а ради спасенія души отдалъ Вейсенбургской церкви. Такъ какъ на территоріи, занимаемой нѣмцами, было запрещено селиться венгерскимъ дворянамъ и такъ какъ нѣмцы „more nobilium se gerentes“ пользовались правами дворянства, то уже послѣдній Арпадъ, Андрей III, въ іюлѣ 1292 и въ августѣ 1298 г. призвалъ ихъ къ участію въ венгерскихъ сеймахъ. Въ теченіе полутора столѣтія „саксы“ распахали дикіе лѣса и придали всей мѣстности новый видъ. До 300 замковъ, крѣпостей и укрѣпленныхъ церквей защищали имущество свободныхъ людей и владѣнія венгерской короны, ранѣе столь необезпеченныя. Болота были осушены и превращены въ плодородныя поля. На горахъ и въ уединенныхъ долинахъ, на цвѣтущей почвѣ по рѣкѣ Кокелю и на каменистыхъ склонахъ Карпатъ, на которыхъ хлѣбъ произрастаетъ только съ трудомъ, жилъ народъ, создавшій себѣ новую цвѣтущую родину усердной работой въ области промышленности и земледѣлія,—народъ, представители котораго засѣдали на сеймахъ вмѣстѣ съ баронами и прелатами государства.

Послѣ прекращенія династіи Арпадовъ наступили и для трансильванскихъ нѣмцевъ тяжелыя времена. Подобно остальнымъ нѣмцамъ Венгріи, они примкнули къ нижне-баварскому герцогу Оттону, который, послѣдовавъ ихъ доброжелательному приглашенію, попалъ въ руки къ коварному воеводѣ Владиславу (Апору) и скоро долженъ былъ оставить страну (стр. 377). Саксы были теперь беззащитны противъ насилій со стороны вейсенбургскаго епископа, а могущественный воевода отнялъ у нихъ богатые серебряные рудники Родны. Съ оружіемъ въ рукахъ они были принуждены въ 1324 г. бороться противъ нарушенія правъ, дарованныхъ имъ въ 1224 г. Карлъ Робертъ, ставшій, между тѣмъ, единодержавнымъ государемъ, возвратилъ имъ эти права 25 мая 1317 г.

За этой эпохой бѣдствій наступила для трансильванскихъ нѣмцевъ эпоха процвѣтанія при Людовикѣ I. Изъ грамотъ видно, насколько благосклонно относился этотъ король къ нѣмецкому народу. Такъ, напр., 2 сентября 1370 г. онъ пишетъ, что они граждане его государства, которые постоянно доказывали свою преданность и готовность къ услугамъ; что постройка крѣпости Ландскроне (близъ Тальмеша), предпринятая исключительно для охраны ихъ границъ, никоимъ образомъ не должна быть связана съ возложеніемъ на нихъ противозаконныхъ повинностей. Въ грамотѣ отъ 1 мая 1379 г. онъ заявляетъ: „Если находится что-нибудь неблагопріятное для васъ (въ вашихъ старыхъ грамотахъ вольностей), то мы это, поскольку возможно, измѣнимъ и исправимъ къ вашей выгодѣ. Мы не нарушимъ ни одной изъ вашихъ вольностей и, наоборотъ, будемъ уничтожать все, что можетъ вредить этимъ вольностямъ“. Людовикъ I всячески покровительствовалъ саксонской торговлѣ. Съ 18 декабря 1369 г. Кронштадтъ пользовался складочнымъ правомъ для польскихъ, нѣмецкихъ и другихъ иностранныхъ купцовъ, главнымъ же образомъ для торговцевъ сукнами. Ярмарки въ Германіи и въ Польшѣ нѣмцы посѣщали массами. Торговля шла черезъ Прагу въ Германію, а на югъ черезъ придунайскія страны въ Далмацію и Венецію. Были основаны многочисленныя школы и церкви, госпитали и монастыри, и городская жизнь съ ея цехами, братствами и милиціями получила быстрое развитіе.

Послѣ смерти Людовика Великаго бѣдствія начались снова. При Сигизмундѣ (1387—1437) возникли внутреннія смуты, во время которыхъ окрестности Клаузенбурга были опустошены противниками короля. Но величайшая опасность угрожала Трансильваніи со стороны турокъ. Въ 1420 г. они разрушили старинный „саксонскій городъ“ Брошъ и увели жителей въ рабство; въ слѣдующемъ году они напали на Кронштадтъ. До нихъ и одновременно съ ними появились въ странѣ и первые цы-

гане (срв. ниже, стр. 412). Въ то время, какъ въ Венгріи началась распря мадьярскаго дворянства съ нѣмецкими городами, въ Трансильваніи три тѣснимые „народа“, венгерцы, древне-мадьярскіе секлеры и нѣмцы, заключили между собою „унію“ въ (Фельзё-) Капольнѣ 28 сентября 1427 г. и поклялись „взаимно защищать другъ друга противъ всякаго, кто только нападетъ на нихъ; только, если король нарушитъ права одного изъ трехъ народовъ, остальные два должны на колѣняхъ просить его умилостивиться. Въ остальныхъ же случаяхъ каждый народъ черезъ два дня послѣ того, какъ къ нему обратились за помощью, долженъ выступить съ войскомъ на выручку къ находящемуся въ опасности и проходить ежедневно не менѣе трехъ миль“. Въ 1438 г. турки разрушили городъ Мюльбахъ и послѣ 45-дневной тщетной осады Германштадта обратили въ рабство около 75,000 человѣкъ. 10 ноября 1444 г. знамя нѣмцевъ развѣвалось въ числѣ другихъ знаменъ на полѣ сраженія при Варнѣ (стр. 135), и на Косовомъ полѣ они также сражались въ октябрѣ 1448 г. подъ предводительствомъ Яна Гуніади противъ исконнаго врага (стр. 136). Но военныя времена внесли глубокія потрясенія въ нѣмецкую среду. Клаузенбергъ и Винцъ (Альвинчъ) приняли въ себя мадьярскіе элементы; эти элементы скоро захватили всю власть и разрушили связь упомянутыхъ городовъ съ остальными нѣмецкими округами. Когда на престолъ вступилъ Матвѣй Гуніади, венгры, секлеры и нѣмцы въ 1459 г. въ Медіашѣ возстановили Капольнскій союзъ, съ цѣлью защищать другъ друга отъ правонарушеній со стороны короля. Къ внутреннимъ смутамъ прибавились еще набѣги турокъ, которые и послѣ пораженія 13 октября 1479 г. на Бродфельдѣ (стр. 380) часто повторяли свои непрошенныя посѣщенія. Король Матвѣй оцѣнилъ заслуги нѣмцевъ и увеличилъ ихъ владѣнія.

Несмотря на неблагопріятныя обстоятельства, нѣмцы, благодаря тѣсному плодотворному общенію съ старой родиной, достигли образованности, которая возвысила ихъ надъ другими народами государства. Ежегодно ѣздили учиться въ нѣмецкіе университеты (Виттенбергъ, Іена, Тюбингенъ) по нѣскольку нѣмецкихъ юношей, которые и распространяли потомъ искусство и науку у себя на родинѣ. Такимъ образомъ, и великая реформація 16 столѣтія быстро и успѣшно распространялась на нѣмецкой почвѣ. Уже въ 1519 г. нѣмецкіе купцы привезли съ лейпцигской ярмарки сочиненія Лютера; въ 1521/22 въ Германштадтѣ выступили первые лютеранскіе проповѣдники, силезецъ Амвросій и Конрадъ Вейхъ. Благодаря стараніямъ ученика Меланхтона, саксонскаго апостола Іоанна Гонтера (1498—1549), привезшаго съ собой типографію, проведеніе реформаціи въ Трансильваніи было завершено въ 1547 г.

Споръ изъ-за престола между Запольей и Фердинандомъ I (стр. 382) стоилъ нѣмцамъ большихъ жертвъ кровью и имуществомъ. Послѣ смерти Запольи (21 или 22 іюля 1540 г.), Сулейманъ II, считавшій себя верховнымъ властителемъ надъ Трансильваніей, отдалъ страну несовершеннолѣтнему Іоанну Сигизмунду Запольѣ; ограниченіемъ областью по ту сторону Тиссы Трансильванія была отдѣлена отъ Венгріи, и это отдѣльное существованіе ея продолжалось полтора столѣтія. На короткое время Трансильванія попала, правда, подъ власть короля Фердинанда, но послѣ смерти Іоанна Сигизмунда она была отдана султаномъ въ 1571 г. Стефану Баторію, который допустилъ въ страну іезуитовъ. Въ декабрѣ 1575 г. Стефанъ Баторій былъ избранъ польскимъ королемъ и предоставилъ Трансильванію своему брату Христофору, который тоже покровительствовалъ дѣятельности ордена іезуитовъ, направленной къ возстановленію католичества. О его сынѣ Сигизмундѣ и двоюродномъ братѣ послѣдняго, кардиналѣ Андреѣ Баторіи, срв. выше, стр. 384. Нѣмецкій народъ подвергался тогда всевозможнымъ вымогательствамъ. Стефанъ Бочкай, 22 февраля 1605 г. провозглашенный княземъ дворянствомъ и секлерами, по-

кровительствовалъ, правда, нѣмцамъ, но онъ умеръ уже 29 декабря 1606 г. Сигизмундъ Ракочи занималъ страну съ февраля 1607 г., но онъ отказался отъ престола уже 3 марта 1608 г. Теперь на престолъ вступилъ Гавріилъ Баторій. Онъ взялъ Германштадтъ и хотѣлъ завладѣть также и Кронштадтомъ. Но 16 октября 1612 г. жители Кронштадта, предводительствуемые своимъ бургомистромъ Михаиломъ Вейсомъ, нанесли Гавріилу Баторію тяжелое пораженіе; бургомистръ Вейсъ погибъ геройской смертью въ этомъ сраженіи. Вскорѣ затѣмъ всѣ народы Трансильваніи возстали противъ сумасброднаго тирана; онъ былъ низложенъ и во время своего бѣгства убитъ въ Гросвардейнѣ 27 октября 1613 г. Гавріилъ Бетленъ, предводитель возстанія, возстановилъ всѣ старыя вольности нѣмцевъ. Послѣ его ранней смерти (15 ноября 1629 г.) одинъ нѣмецкій хронистъ писалъ совершенно справедливо: „Дай Боже этому славному герою мирное успокоеніе, а въ будущемъ радостное воскресеніе; ибо онъ оставилъ страну въ лучшемъ состояніи, чѣмъ нашелъ ее“. Въ эпоху обоихъ Георговъ Ракочи Трансильванія страдала отъ войнъ съ Молдавіей, Валахіей и Польшей.

Сознавая невыносимость положенія, Михаилъ Апафи отказался отъ турецкаго суверенитета; по Tractatus Hallerianus 1686 г. и вторично по еще болѣе тяжелому Блазендорфскому договору 27 октября 1687 г., онъ, вынужденный къ тому обстоятельствами, отдалъ Трансильванію подъ покровительство Леопольда I. Императорскія войска заняли страну и на сеймѣ въ Фогарашѣ Габсбургамъ была принесена присяга на вѣрность, какъ наслѣдственнымъ королямъ Венгріи. Только низшіе слои населенія Кронштадта продолжали оказывать сопротивленіе; но 16 мая 1688 г. городъ принужденъ былъ сдаться генералу Ветерани (стр. 164). Въ „Леопольдовомъ Дипломѣ“ отъ 4 декабря 1691 г. Леопольдъ призналъ и за нѣмцами ихъ старыя права. Но послѣ царствованія императрицы—королевы Маріи Терезіи, сдѣлавшей въ 1765 г. Трансильванію великимъ княжествомъ, слѣдовала лихорадочно поспѣшная реформаторская дѣятельность ея сына Іосифа II; жертвою этой дѣятельности явилась и большая часть отдѣльной конституціи нѣмцевъ. Только послѣ упорной борьбы на ландтагахъ 1790 и 1791 г. было имъ дано опять самоуправленіе въ политической и церковной областяхъ.

Установившееся спокойствіе продолжалось недолго. Съ 1835 г. стала опять разростаться борьба національностей (стр. 390). „Борьба,—говоритъ венгерскій историкъ Іог. Гейнр. Швикеръ,—которую пришлось вести нѣмцамъ, главнымъ образомъ, въ 1837—47 годахъ за свое государственно-правовое положеніе и за муниципальную автономію, оказала на нихъ большое вліяніе въ національномъ и культурномъ отношеніи. Какъ бы изъ долгаго оцепенѣнія пробудился нѣмецкій народъ къ новой творческой дѣятельности. Духовный и матеріальный подъемъ замѣчается повсюду. Основываются фабрики, устраиваются сберегательныя кассы, промышленность развивается, городское сословіе и крестьяне начинаютъ принимать болѣе живое участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Ферейны промышленные, сельскохозяйственные, торговые, стрѣлковые и музыкальные пробуждаютъ тысячи дремлющихъ силъ. Люди науки выходятъ изъ своей замкнутости. Въ общинѣ и въ церкви, въ залѣ ландтага и въ публичныхъ собраніяхъ появляются мужественные борцы за свободу, право и народность“. Но ихъ стремленія не могли остановить борьбы національностей: въ 1848/49 г. разгорѣлась гражданская война; больше всего безпорядковъ вызвало законное желаніе валаховъ, чтобы ихъ признали четвертымъ народомъ Трансильваніи. Конституціей 4 марта 1849 г. (т. VIII, стр. 283) Трансильваніи была дана автономія, и она вступила равноправнымъ членомъ въ рядъ имперскихъ земель. Но съ отмѣной конституціи (31 дек. 1851 г.; тамъ же, стр. 284), ждущія призыва либеральныя силы

были снова осуждены на бездѣятельность, ибо правительство уничтожило самоуправленіе нѣмцевъ, ихъ муниципальныя и политическія права.

Съ заключеніемъ австрійско-венгерскаго соглашенія 1867 г. должна была наступить, повидимому, новая эпоха и для привыкшихъ къ свободѣ нѣмцевъ Трансильваніи. Но это только такъ казалось. Ибо соединеніе съ Венгріей (17 февраля 1867 г.) привело къ уничтоженію трансильванской придворной канцеляріи въ Вѣнѣ, торжественно возстановленной еще 20 октября 1860 г., къ уничтоженію верховнаго суда въ Клаузенбургѣ, къ распущенію отдѣльнаго ландтага и къ отмѣнѣ самоуправленія нѣмецкихъ королевскихъ земель, однимъ словомъ—къ полному превращенію Трансильваніи въ венгерскую провинцію. Такое положеніе было бы еще терпимо. Но побѣдители на этомъ не остановились; они стараются совершенно мадьяризировать древнюю область нѣмецкихъ колоній. Ихъ языкъ долженъ стать господствующимъ, ихъ право единственно рѣшающимъ правомъ, и въ этомъ духѣ расходуется національное имущество. Такимъ образомъ, правы тѣ, которые считаютъ дѣло нѣмцевъ въ Трансильваніи проиграннымъ. Что трансильванскіе нѣмцы, несмотря на все, смогли до сихъ поръ остаться нѣмцами, этимъ они обязаны своему трудолюбію, своей склонности къ творческой дѣятельности, своей любви къ родинѣ. Какъ бы суровъ ни былъ климатъ, какъ бы безплодна и не плодородна ни была почва, нѣмецкій крестьянинъ рѣдко покидаетъ свою деревню. Очень характерно, что на трансильванскомъ нѣмецкомъ языкѣ тоска по родинѣ называется „материнскою болѣзнью": мать семейства является центромъ дома. Даже послѣ смерти нѣмецъ, похороненный на склонѣ горы въ „саду мира", все еще принадлежитъ къ своей „общинѣ", ибо онъ нашелъ послѣднее успокоеніе не какъ „пришелецъ" въ чужой землѣ, а въ своей собственной „родной землѣ".

d) Южная Венгрія.

На крайнемъ югѣ, въ Темешскомъ банатѣ и въ Бачкѣ, находятся послѣднія и самыя юныя нѣмецкія поселенія Венгріи. Темешскій банатъ, ограниченный Дунаемъ, Тиссой, Марошемъ и трансильванскими хребтами, послѣ 166-лѣтняго владычества турокъ, благодаря побѣдамъ принца Евгенія Савойскаго, по Пожаревацкому миру (21 іюля 1718 г.), перешелъ опять къ Венгріи. Обширныя равнины и холмистыя мѣстности Торантальскаго и Темешскаго комитатовъ были во время турецкаго владычества превращены въ пустыню. Поэтому первый губернаторъ этой одичавшей области, графъ Клавдій Флоримондъ Мерси, сталъ съ 1720 г. привлекать колонистовъ изъ Германіи, Италіи и Испаніи: уже въ 1728 г. десять деревень были заселены швабскими переселенцами, одно мѣстечко итальянцами и одно испанцами. Въ управленіе Мерси между 1722 и 1730 г. были возстановлены городъ и крѣпость Темешваръ и, кромѣ того, основаны многочисленныя деревни, которыя и были заселяемы землевладѣльцами и ремесленниками, приходившими изъ Трира, Кельна, Эльзасъ-Лотарингіи, Люксембурга и изъ Шварцвальда. Послѣ геройской смерти графа Мерси на Крочеттѣ, близъ Пармы (29 іюня 1734 г.), для этихъ колоній наступили тяжелые дни; опустошительныя турецкія войны 1737—39 г. (стр. 167) и свирѣпствовавшая въ то же время чума причинили имъ много зла.

При Маріи Терезіи дѣйствовала въ Вѣнѣ съ 22 іюля 1766 г. особая колоніальная комиссія, которая доставляла преимущественно католиковъ изъ Гауенштейнской области, изъ Трирской земли, изъ Лотарингіи и изъ Брейзгау. Кромѣ того, императоръ Іосифъ II, самъ посѣтившій банатъ, издалъ 21 сентября 1782 г. „патентъ объ иммиграціи", въ которомъ онъ приглашаетъ къ переселенію прежде всего „жителей Германской имперіи изъ Верхнерейнскаго округа". По этому патенту переселенцы получали

деньги, землю, дома, усадьбы, сельскохозяйственныя орудія и ремесленные инструменты и, кромѣ того, нѣкоторую сумму на первое время поселенія. Нѣмцы стали переселяться сюда въ очень большомъ количествѣ, съ 1784 по 1786 г. они построили четырнадцать новыхъ мѣстечекъ и расширили тринадцать старыхъ. Въ періодъ 1784—88 г. государство израсходовало на эти колоніи около четырехъ милліоновъ гульденовъ. Постоянныя войны и дороговизна въ Германіи гнали въ Венгрію все новыхъ и новыхъ переселенцевъ; большею частью ихъ называли „швабами" (хотя среди нихъ было также много баварцевъ, франковъ и жителей средняго Рейна). „Въ теченіе одного столѣтія—говоритъ Швиклеръ—подъ вліяніемъ одинаковыхъ политическихъ, соціальныхъ и матеріальныхъ условій создалась извѣстная однородность живущихъ въ банатѣ нѣмцевъ, хотя болѣе внимательный наблюдатель въ тѣлосложеніи и языкѣ ихъ, въ пословицахъ и пѣсняхъ, въ одеждѣ и въ обычаяхъ найдетъ еще прежнія, болѣе или менѣе крупныя, различія". Чтобы положить преграду этому непрерывному притоку иммигрантовъ, былъ изданъ въ 1829 г. указъ, запрещающій переходъ черезъ границу австрійской монархіи тѣмъ эмигрантамъ, которые не могутъ представить суммы въ 500 гульденовъ звонкой монетой.

На сосѣдній Бачскій комитатъ, который былъ отнятъ у турокъ сейчасъ же послѣ побѣды при Могачѣ (1687; стр. 163), вниманіе было обращено позднѣе, чѣмъ на банатъ. На основаніи „колонизаціоннаго патента" 1763 г. правительственная комиссія начала планомѣрно заселять его нѣмцами. Больше всего переселенцевъ прибыло между 1 мая 1784 г. и 30 ноября 1786 г.; въ это время въ Бачскомъ комитатѣ поселились 2,057 семей, насчитывавшихъ 9,201 человѣкъ. Такимъ образомъ, уже указомъ отъ 24 апрѣля 1786 г. дальнѣйшее переселеніе на счетъ государства могло быть пока остановлено. Такъ какъ большинство нѣмцевъ состояло изъ земледѣльцевъ, то возникли многочисленныя большія села, которыя до сихъ поръ сохранили основныя нѣмецкія черты: число нѣмцевъ составляетъ здѣсь почти 30 % всего населенія. Преимущественно нѣмцами населены Апатинъ (почти 14,000 жителей), Червенка, Чонопля, Куля, Альтъ-Футакъ, Альтъ-Сивачъ, Баймокъ, Станишичъ. Благодаря одинаковому происхожденію, приблизительно одновременному переселенію, одинаковымъ занятіямъ (преимущественно земледѣлію, скотоводству и мелкимъ ремесламъ), а также благодаря одинаковымъ политическимъ и соціальнымъ условіямъ бачскіе нѣмцы, въ общемъ, ничѣмъ не отличаются отъ нѣмцевъ баната.

5. Цыгане.

А. Ихъ имя и происхожденіе.

Цыгане уже болѣе тысячелѣтія странствуютъ по восточной и средней Европѣ, постоянно переходя съ мѣста на мѣсто, и теперь еще среди народовъ, давно уже пріобрѣтшихъ осѣдлость и основавшихъ прочныя государства, живутъ настоящей кочевой жизнью, управляются начальниками племенъ и отличаются своеобразными нравами и обычаями. Уже при первомъ появленіи своемъ цыгане не могли дать удовлетворительныхъ объясненій относительно своего происхожденія и своей первоначальной родины. Нѣкоторое значеніе въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи имѣютъ имена, которыми цыгане сами называютъ себя. Они называютъ себя древне-индійскимъ именемъ одной нечистой касты — rom (мужчина), romni (женщина). Кромѣ того, цыгане называютъ себя kalo (черный), въ противоположность къ parno (бѣлый), каковымъ именемъ они называютъ всѣхъ нецыганъ. Наконецъ, цыганъ называетъ себя еще manusch (человѣкомъ), иноплеменника же gadsio (мужикомъ). Рѣдко, и обыкновенно только на собраніяхъ, цыгане называютъ другъ друга именемъ sinte

(товарищи). Это слово, которое можетъ, вообще, обозначать—„индусы“, напоминаетъ о племени передней Индіи „синдой“ (хинду; срв. упоминаемый уже Геродотомъ небольшой арійскій народецъ „синды“, который занимался торговлей на полуостровѣ Тамани и на прилегающемъ съ востока берегу Чернаго моря до Анапы); оно напоминаетъ также о „рѣкѣ и области Индѣ“ (по-индійски Синду), тамошній языкъ Sindhî остался и языкомъ одного изгнаннаго племени въ Пенджабѣ, называемаго „чангаръ“ (Čangar), и понынѣ странствующаго и заходящаго даже въ Персію.

Многочисленнѣе имена, которыя давались цыганамъ народами, соприкасавшимися съ ними. Слово „цыгане“ происходитъ, вѣроятно, отъ имени ѳригійско-ликаонской секты „Athinganoi“, упоминаемой въ началѣ 9 столѣтія византійцами, напр., Ѳеоѳаномъ. М. І. де Гуйе производитъ (1875) это имя отъ „tsjengi“ т. е. музыкантъ, танцоръ; третьи думаютъ,что это имя находится въ связи съ уже упомянутымъ названіемъ племени „Cangar“ въ передней Индіи. Къ нѣмцамъ это имя проникло отъ чеховъ (cigár, cingán, cikán), чехи же заимствовали его отъ мадьяръ (cigány); къ мадьярамъ же оно попало отъ румынъ (cigan), которые въ свою очередь заимствовали его отъ болгаръ ([a] cigan или [a] ciganin). Корня этого имени слѣдуетъ искать, вѣроятно, въ средне-греческомъ словѣ *ἀτσίγκανος*; вмѣсто этого слова употребляется также слово *τζιγαρᾶς*. Л. Винеръ производитъ (1902) оба слова отъ одного корня čik или čink, обозначающаго въ восточныхъ языкахъ „молотъ“ и „битье по металлу“, и приводитъ ихъ въ связь съ византійскимъ *τζυκανιστόριον* (домъ для игры въ мячъ); эта игра заключалась, будто бы въ бросаніи молотковъ. Первые же извѣстные въ Европѣ цыгане были мѣдниками (въ Модонѣ на Пелопоннесѣ; въ началѣ 15 столѣтія). Но имя „цыгане“ получило распространеніе только въ восточной Европѣ и въ Италіи (zingaro), у западно-европейцевъ же они получили другія имена. По-новогречески цыганъ называется *Γύφτης* сокращенное *Αἰγύπτιος* (египтянинъ), по-англійски Gipsy, по-испански и португальски Gitano, по-фламандски Egyptenaer: при своемъ первомъ прибытіи въ Европу цыгане выдавали себя за египтянъ, откуда происходитъ и теперь еще употребительное мадьярское прозвище ихъ pharaó népe (народъ фараона). Въ странахъ нижне-нѣмецкаго языка цыгане назывались сначала Suyginer, Zigöner или просто „венграми“, позднѣе „Tätern“ (татары), во Франціи ихъ называли Bohémiens, ибо они пришли изъ Чехіи и представили охранительныя грамоты короля венгерскаго и чешскаго (Сигизмунда).

Со времени появленія цыганъ въ Европѣ относительно ихъ родины и ихъ происхожденія была высказана цѣлая бездна мнѣній и гипотезъ. Послѣ интересныхъ образчиковъ языка, данныхъ Андреемъ Бордесомъ въ 1542 г., мы находимъ одну изъ самыхъ раннихъ статей „de Cingaris“ въ книгѣ нидерландскаго эллениста Бонавентуры Вулканіуса: „De literis et lingua Getarum“ (Лейденъ, 1597); и Іовъ Людольфъ въ изданномъ въ 1691 г. комментаріи къ своей „Эѳіопской Исторіи“ мимоходомъ удѣлилъ вниманіе языку цыганъ. На „цыганъ“, какъ утверждаетъ вмѣстѣ съ Миклошичемъ большинство ученыхъ, было пересено имя секты атингановъ (*ἀϑίγγανοι* — безъ прикосновенія [иновѣрцы], срв. lamasasiyya, арабское наименованіе самаритянъ). Другіе искали ихъ происхожденія въ діоклетіанско-константиновской провинціи Zeugitana (Карѳагенъ); третьи отождествляли ихъ съ зигіями, хананеянами, сарацинами, аморитами, евреями и считали ихъ потомками Хуса, сына Хама („Пятикнижіе“, I книга, гл. 10, ст. 6). Уже ближе къ истинѣ былъ венгерскій хронистъ Прай, считавшій первоначальной родиной цыганъ Румъ въ бывшей имперіи сельджуковъ (Иконія; срв., т. III, стр. 334), такъ какъ цыгане называютъ сами себя Rom. Нѣкоторые изъ нихъ говорили при своемъ первомъ появленіи, что они пилигриммы изъ малаго Египта, совершающіе семилѣтнее покаянное странствованіе за то, что ихъ предки въ Египтѣ не приняли Христа, кагда онъ бѣжалъ

вмѣстѣ со своими родителями отъ Ирода. Такія и тому подобныя сказки разсказываютъ о себѣ кочующіе цыгане Венгріи и балканскихъ странъ еще и теперь. Распространенію такого взгляда способствовали предводители цыганъ, которые не много спустя 1400 г. называли себя „королями“, „герцогами“ или „графами малаго Египта“ и всюду держали себя, какъ знатные господа. Около городка Фюрстенау находился надгробный памятникъ, поставленный умершему въ вечеръ Св. Севастьяна (19 января) 1415 г. „благородному господину Пануелю, герцогу малаго Египта и властителю Гиршгорна въ этой странѣ“; на памятникѣ былъ изображенъ его гербъ: золотой орелъ въ коронѣ, надъ шлемомъ корона съ оленемъ. Другой памятникъ съ фантастическимъ гербомъ находился близъ Бакнанга (Вюртембергъ); онъ поставленъ въ 1453 г. „благородному графу Петру Клейншильдскому“.

Не подлежитъ сомнѣнію, что цыгане имѣли предводителей, и что въ цыганскихъ таборахъ таковые имѣются еще и теперь и отличаются отъ другихъ вышитыми плащами, платками, кубками. Отдѣльныя племена кочующихъ цыганъ являются общественными единицами лишь потому, что каждое изъ нихъ находится подъ властью своего воеводы. Ни одна страна не терпитъ теперь у себя цыганъ большими массами, и уже по этому одному они фактически распадаются на многочисленныя, независимыя другъ отъ друга общины и товарищества (mahlija, отъ mahlo — другъ), управляемыя совѣтомъ schaibidso. Въ важныхъ случаяхъ совѣтъ обращается за окончательнымъ рѣшеніемъ къ воеводѣ, который находится при какой-нибудь изъ общинъ. Воевода утверждаетъ публично свободно избранный общиной совѣтъ, раздѣляя съ нимъ хлѣбъ и соль; затѣмъ онъ приказываетъ данной маліи смотрѣть на власть schaibidso, какъ на его собственную. Достоинство воеводы у кочевыхъ цыганъ и понынѣ наслѣдственно, и въ случаѣ, если наслѣдникъ воеводы малолѣтній, то до его совершеннолѣтія обязанности воеводы исполняетъ ближайшій родственникъ. Посвященіе въ санъ воеводы происходитъ очень просто. Въ опредѣленный день и въ опредѣленномъ мѣстѣ собираются шаибидзо отдѣльныхъ общинъ. Воевода произноситъ клятвенную формулу, поднимается на рукахъ своими единоплеменниками, и женщины осыпаютъ его сѣменами дурмана, чтобы заворожить отъ вліянія злыхъ духовъ. Въ настоящее время должность воеводы только почетная должность и не приноситъ ему ничего, кромѣ уваженія, въ прежнія же времена каждая mahlija платила ему ежегодную сумму, соразмѣрную съ числомъ и богатствомъ своихъ членовъ.

У такого народа, какъ цыгане, древнія преданія котораго почти исчезли, имѣется только одно средство, чтобы опредѣлить его происхожденіе, это — изученіе его языка. Уже въ 1697 г. Іох. Хр. Вагензейль (1633—1705) пытался такимъ путемъ найти искомое; но тотъ языкъ, который онъ въ предисловіи къ своему „De libera civitate Norimbergensi commentatio“ называетъ цыганскимъ, былъ въ дѣйствительности (еврейско-) нѣмецкимъ воровскимъ языкомъ (Rotwelsch). Точно также и Лаврентій Гервасъ смѣшивалъ въ 1787 г. итальянскій воровской языкъ съ цыганскимъ языкомъ. На основаніи неудовлетворительнаго матеріала и недостаточныхъ филологическихъ познаній Іог. Хр. Хр. Рюдигеръ (1751—1822) въ своихъ „Новѣйшихъ данныхъ по языковѣдѣнію“ („Neuesten Zuwachs der Sprachkunde“) и Морицъ Готл. Грелльманъ (1756—1804) въ своемъ историческомъ опытѣ о цыганахъ (1783) совершенно независимо другъ отъ друга пришли къ тому убѣжденію, что цыганскій языкъ находится въ родствѣ съ индійскимъ; это предположеніе раздѣлялъ, что немногимъ извѣстно, и Эммануилъ Кантъ (Berliner Monatschrift, ноябрь 1785 г.). Но уже въ 1776 году вѣнскія „Anzeigen aus sämtlichen k. k. Erbländern“ (6 годъ, страница 94) опубликовали важное для объясненія происхожденія цыганъ письмо вождя

Секели, въ которомъ сообщалось, что Вальи, священникъ въ Альмошѣ (Венгрія), во время своего пребыванія въ Лейденскомъ университетѣ познакомился съ малабарскими студентами, составилъ себѣ маленькій малабарскій толковый словарь и читалъ его потомъ въ Венгріи цыганамъ, которые понимали будто бы каждое слово. Изслѣдованія въ этомъ направленіи были закончены въ 1844 г. Августомъ Фридрихомъ Поттомъ, который научно обосновалъ тотъ фактъ, что первоначальной родиной цыганъ была сѣверозападная передняя Индія. „Несмотря на чрезвычайную испорченность ихъ языка, онъ можетъ все-таки до нѣкоторой степени гордиться своимъ родствомъ съ совершеннѣйшимъ изъ всѣхъ языковъ, съ благороднымъ санскритомъ“. Дальнѣйшія изслѣдованія съ несомнѣнностью установили, что цыганскій языкъ составляетъ одну семью съ языками, на которыхъ говорятъ въ Кафристанѣ, Дардистанѣ, Кашмирѣ, маломъ Тибетѣ, особенно съ языками дарду.

B. Странствованія цыганъ и мѣста ихъ остановокъ.

Съ помощью сравнительнаго языковѣдѣнія удалось не только доказать, что цыгане представляютъ изъ себя вѣтвь индусовъ, но вѣнскій славистъ Францъ Миклошичъ („О нарѣчіяхъ и о странствованіяхъ европейскихъ цыганъ“ III, 2; прочитано въ вѣнской академіи 21 февраля 1872 г., издано въ 1874 г.), изслѣдовавъ количество входящихъ въ цыганскій языкъ иностранныхъ словъ и ихъ процентное соотношеніе, установилъ направленіе пути цыганъ изъ Индіи въ Европу и мѣста ихъ болѣе продолжительныхъ остановокъ. Чѣмъ и когда, именно, цыгане были вынуждены покинуть свою первоначальную родину, этого установить, вѣроятно, никогда не удастся. Почти съ полной достовѣрностью можно, однако, сказать, что ихъ переселеніе совершилось не въ одинъ пріемъ. Можетъ быть, этимъ обстоятельствомъ слѣдуетъ объяснить и тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ цыгане распадаются теперь на двѣ или на нѣсколько кастъ. Первыя немногочисленныя толпы ихъ ушли изъ Индіи въ очень раннюю эпоху, но едва ли уже въ эпоху Геродота (срв. примѣчаніе къ слову „синды“ на стр. 409), главная же масса двинулась только уже послѣ Рождества Христова. На основаніи данныхъ языка Миклошичъ сначала утверждалъ, что ихъ переселеніе совершилось около 1000 г. по Р. Х. (докладъ 9 февр. 1876 г.), но потомъ онъ отказался отъ этого мнѣнія. Персидскія и армянскія слова въ европейскихъ нарѣчіяхъ цыганъ доказываютъ, что они по дорогѣ изъ Индіи на долгое время останавливались въ Персіи и въ Арменіи. Въ Персію они пришли въ эпоху Сасанидовъ, и имъ были предоставлены тамъ болотистыя мѣста по нижнему Евфрату. Послѣ завоеванія Персіи арабами они охотно примкнули къ побѣдителямъ; но послѣ смерти калифа Мамуна (833) они стали проявлять строптивость, надоѣли своимъ разбойничествомъ, и только Оджеифъ ибнъ-Амбасса силою образумилъ ихъ. О цыганахъ въ Діарбекирѣ и въ окрестностяхъ Галеба писали въ 1784 г. (въ „Нѣмецкомъ Меркуріи“ II, 1) Карстенъ Нибуръ и въ 1854 г. Ульрихъ Ясп. Зетценъ. Армянскіе „боша“ (т. е. бродяги), цыгане армянскаго вѣроисповѣданія (магометанскіе цыгане называются въ Малой Азіи „чингенами“ или „чингіанами“) живутъ большею частью — въ промежуткахъ между своими странствованіями — близъ Буйбата въ вилайетѣ Сивасѣ (см. карту при стр. 200). Они также говорятъ на языкѣ, принадлежность котораго къ индійской вѣтви арійской группы несомнѣнна, несмотря на крайнюю бѣдность ихъ словаря (едва 600 словъ; пѣсни отсутствуютъ); занимаются они преимущественно плетеніемъ ситъ. Ни въ турецкой Арменіи, ни въ русской, куда часть ихъ переселилась самое позднее въ 1828 г., они въ своихъ спорахъ не прибѣгаютъ къ правительственнымъ судамъ. Всѣ ихъ дѣла разрѣшаются со-

вѣтомъ старѣйшинъ, во главѣ котораго стоитъ (оффиціально утвержденный Портой) атхопакалъ (ранѣе „джамадаръ“), а въ русской Арменіи еще и устадаръ, свѣтскій цеховой старшина.

Изъ Арменіи часть ихъ, вѣроятно, переселилась черезъ Сирію въ сѣверную Африку, а отсюда — однако, не ранѣе 19 столѣтія — даже въ центральную и сѣверо-западную Южную Америку, гдѣ они, держась удобныхъ водныхъ путей, посѣщали одну республику и одинъ городъ за другимъ (такъ, напр., Гуаяквиль въ Экуадорѣ каждые 2—3 года). Другая большая часть ихъ переселилась черезъ Фригію, Ликаонію и черезъ Геллеспонтъ въ Европу. Грецію слѣдуетъ считать первымъ европейскимъ мѣстомъ жительства всѣхъ цыганъ, разсѣянныхъ теперь по Европѣ, также и испанскихъ. Имѣются нѣкоторыя свидѣтельства и о пребываніи цыганъ въ началѣ 9 столѣтія въ Византіи; францисканецъ Симеонъ Симеонисъ доказалъ существованіе цыганъ на Критѣ въ 1322 г. Въ 1398 г. венеціанскій намѣстникъ Навпліи, Оттавіано Бурно, утвердилъ за вождемъ ацингановъ Іоанномъ права, дарованныя его предшественниками. Венеціанцы разрѣшили цыганамъ за извѣстное вознагражденіе поселиться на Пелопоннесѣ; объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ нѣкоторые замки, носящіе и теперь еще названіе *Γυφτόκαστρον*, т. е. египетскіе или цыганскіе замки. Нѣмецкіе путешественники 15 столѣтія, какъ, напр., Феликсъ Фабри (фонъ Шмидтъ; 1441/42 — 1502), Бернгардъ Брейденбахскій (умеръ въ 1497 г.), пфальцграфъ Александръ Вельденцскій, кельнскій рыцарь Рудольфъ фонъ Гарффъ (1471—1505) разсказываютъ объ этихъ „египетскихъ“ поселенцахъ. На Корфу находились передъ 1346 г. (грамота латинской императрицы Екатерины Валуа; срв. родословную на стр. 339) „вагениты“, а потомъ около 1370—73 г. настоящая цыганская колонія, члены которой упоминаются, какъ находящіеся на службѣ бароновъ Ѳедора Кавазилы, Николо ди Донато Альтавильскаго и Бернарда де Сан-Морисъ. Около 1386 г. на мѣстѣ этой колоніи былъ основанъ „feudum Acinganorum“, отданный сначала въ ленъ барону Джіанули ди Абитабуло, а потомъ въ 1540 г. ученому Антонію Эпарко, который находился въ перепискѣ съ Меланхтономъ; въ 1563 г. этотъ ленъ перешелъ во владѣніе графа Ѳедора Триволи. Въ первой половинѣ 14 столѣтія на Балканскомъ полуостровѣ началось переселеніе народовъ, во время котораго албанцы заняли Аттику и Пелопоннесъ (стр. 222); многочисленныя армянскія семьи поселились въ Молдавіи, и много румынъ переселилось на склоны Пинда; въ это, именно, время значительная часть цыганъ перешла въ Молдавію. Здѣсь они жили, вѣроятно, уже около 1370 г., ибо въ 1387 г. господарь Мирче Старый (стр. 353), утвердилъ за Маріинскимъ монастыремъ въ Тисманѣ (Малая Валахія) и за монастыремъ Св. Антонія „na Vodici“ сорокъ шалашей цыганъ, подаренныхъ этимъ монастырямъ его предшественникомъ Лайко (Владъ I). Когда вслѣдъ затѣмъ Валахія стала данницей Турціи, цыгане, вѣроятно, впервые большими массами переселились въ Трансильванію и въ Венгрію. Отсюда они распространились потомъ по всей Европѣ (срв. прилагаемую табл.: „Таборъ первыхъ цыганъ въ средней Европѣ“). Въ Валахіи только въ тридцатыхъ годахъ 19 столѣтія Александръ Гика (стр. 359) облегчилъ нѣсколько крѣпостное состояніе цыганъ, 3 же марта 1856 г. они были совсѣмъ освобождены отъ крѣпостной зависимости.

Въ 1417 году появились первые цыгане въ ганзейскихъ городахъ на Нѣмецкомъ и Балтійскомъ моряхъ. Такъ какъ они предъявляли охранныя грамоты императора Сигизмунда (срв. объ этомъ ниже) и повсюду распространяли сказку о своемъ египетскомъ происхожденіи и семилѣтнемъ покаянномъ странствованіи, то имъ покровительствовали государство и церковь, а также и частныя лица. Въ 1418 г. мы находимъ ихъ также и въ Швейцаріи. Но дружественное отношеніе къ нимъ скоро измѣнилось, и

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Таборъ первыхъ цыганъ въ средней Европѣ.

(По гравюрѣ Жака Калло 1604 г., находящейся въ Дрезденской галлереѣ гравюръ на мѣди.)

начались преслѣдованія, вполнѣ понятныя въ этотъ жестокій вѣкъ. Не столько вредные поступки или надоѣдливость чужеземцевъ, сколько ихъ странные обычаи, должны были привлечь вниманіе властей. Для этого бѣднаго и безобиднаго народца было плохо уже и то, что онъ пришелъ изъ мѣстъ, въ которыхъ болѣе или менѣе прочно утвердились турки: поэтому ихъ считали авангардомъ и даже развѣдчиками „заклятаго врага христіанскаго имени“. Въ постановленіи нѣмецкаго сейма 1479 г., между прочимъ, говорится: „Такъ какъ дознано, что цыгане пришли въ христіанскія земли въ качествѣ развѣдчиковъ и шпіоновъ, то ихъ не слѣдуетъ пускать въ нашу страну и нужно изгонять ихъ отсюда. Власти должны изыскать способы, какъ избавиться отъ нихъ, и на слѣдуюшемъ собраніи высказать свое мнѣніе по этому поводу“. Уже въ слѣдующемъ году на съѣздѣ въ Фрейбургѣ цыгане были объявлены лишенными защиты законовъ, т. е., иными словами, убійство цыгана было отнынѣ ненаказуемо. Но законы противъ цыганъ, все прибывавшихъ изъ Венгріи, имѣли мало успѣха; это видно уже изъ того, что они должны были быть возобновлены въ постановленіяхъ сеймовъ 1500, 1544, 1548 и 1577 годовъ. Императоръ Леопольдъ I объявилъ 20 сентября 1701 г., что, если цыгане появятся опять, „съ ними слѣдуетъ поступать со всей строгостью“. Такъ же суровы были и указы императора Карла VI 1726 г., которые грозили ненавистнымъ цыганамъ казнями, отрѣзываніемъ ушей и розгами. Указъ Фридриха Вильгельма I 5 октября 1725 г. предписывалъ всѣхъ цыганъ „старше 18 лѣтъ, которые будутъ застигнуты въ прусскихъ земляхъ, наказывать висѣлицей“. Такъ же суровъ и указъ, изданный въ графствѣ Рейсъ 13 іюля 1711 г. и подтвержденный 12 декабря 1713 г. и 9 мая 1722 г.; по этому указу „всѣ встрѣчающіеся въ рейсскихъ земляхъ цыгане должны быть застрѣливаемы на мѣстѣ“.

Всевозможныя обвиненія выставлялись противъ цыганъ; между прочимъ, говорили, что они ѣдятъ человѣческое мясо, вырываютъ и ѣдятъ трупы. Это обвиненіе, на основаніи котораго еще въ 1782 г. въ Гонтскомъ комитатѣ (сѣверозападная Венгрія) было невинно казнено 45 цыганъ, возникло, благодаря погребальнымъ обычаямъ цыганъ, въ которыхъ выражена преобладающая особенность религіознаго чувства ихъ, а именно— страхъ. Мертваго погребаютъ на уединенномъ уголкѣ сельскаго кладбища или вдали отъ шума, гдѣ-нибудь на опушкѣ лѣса, въ могилу вбивается колъ такимъ образомъ, что верхушка его едва видна изъ-подъ земли, а остріе почти касается головы умершаго. Этотъ обычай находится въ связи съ другимъ обычаемъ, теперь почти уже исчезнувшимъ: родственники умершаго черезъ нѣкоторое время вынимали голову трупа и хоронили ее гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а на томъ мѣстѣ, гдѣ она лежала раньше, вбивали глубоко въ землю колъ. Дѣлалось это исключительно съ тою цѣлью, чтобы ускорить разложеніе, ибо по вѣрованіямъ цыганъ душа только послѣ окончательнаго разложенія тѣла попадаетъ въ „царство мертвыхъ“, гдѣ она и ведетъ тогда жизнь, сходную съ землей. Вѣроятно, цыганъ застали за этимъ занятіемъ, и, такимъ образомъ, возникло обвиненіе въ пожираніи труповъ.

Постепенно цыгане распространились изъ Германіи въ сосѣднюю восточную и сѣверную Европу. Въ Польшу и Литву они пришли въ царствованіе Владислава II Ягелло. Въ 1501 г. король Александръ I далъ грамоту вольностей „цыганскому войту“ Василію. Сеймъ 1557 г. постановилъ, правда, изгнать пришельцевъ, и это постановленіе было подтверждено на сеймахъ 1565, 1578, 1607 и 1618 годовъ; но, несмотря на это, цыганамъ жилось здѣсь сносно. Они имѣли даже собственнаго главу, котораго утверждалъ польскій король, а для Литвы князь Радзивиллъ; послѣднимъ изъ этихъ цыганскихъ „королей“ былъ Янъ Марцинкевичъ (умеръ около 1790 г.), который былъ утвержденъ въ этомъ достоинствѣ Карломъ Станиславомъ Радзивилломъ въ 1778 г. Въ 1791 г. они получили

въ Польшѣ осѣдлость. Въ началѣ 16-го столѣтія цыгане проникли, кромѣ Финляндіи, еще и въ сѣверную Россію. Но Екатерина II поселила ихъ на казенныхъ земляхъ, освободила на четыре года отъ податей и положила, такимъ образомъ, конецъ ихъ постояннымъ странствованіямъ. Много цыганъ живетъ въ Бессарабіи (въ 1834 г. изъ 48,247 цыганъ всей Польши и Россіи здѣсь жило 18,738), въ Бѣлгородѣ и въ окрестностяхъ Таганрога: но эти южно-русскіе цыгане, большею частью, пришли нѣкогда прямо изъ Румыніи, а не окольнымъ путемъ черезъ Польшу. Хуже была ихъ судьба въ Швеціи: они упоминаются здѣсь впервые въ 1512 г., а въ 1662 г. были изгнаны королевскимъ указомъ, при чемъ этотъ указъ обрекалъ на смертную казнь каждаго цыгана, который осмѣлился бы возвратиться (такъ же гласитъ и одно моравское постановленіе 1599 года). Въ Даніи эти пришельцы были извѣстны уже въ 1420 г.; въ 1536 г. датскій король Христіанъ III издалъ указъ, чтобы цыгане въ теченіе трехъ мѣсяцевъ покинули страну; Фридрихъ II въ 1561 г. повторилъ этотъ указъ, и скоро Данія совсѣмъ освободилась отъ нихъ. Болѣе благопріятно сложилась судьба цыганъ, попавшихъ около 1450 г. въ Англію и въ 1492 г. въ Шотландію. Несмотря на осуждавшій ихъ на изгнаніе указъ Генриха VIII отъ 1531 г. и несмотря на подобные же указы его дочерей Маріи и Елизаветы, они очень размножились здѣсь (см. объ этомъ въ заключеніи). Во главѣ ихъ стоялъ „король“ изъ рода Ли, послѣдній отпрыскъ котораго, король Іосифъ Ли, умеръ въ 1844 г. Въ 1827 г. тамъ образовалось общество просвѣщенія цыганъ.

Въ большинствѣ романскихъ государствъ цыгане при самомъ своемъ появленіи встрѣтили далеко нерадушный пріемъ. Италію, куда они пришли около 1422 г. (Болонья), они покинули уже черезъ нѣсколько лѣтъ, ибо тамъ противъ нихъ вооружилось словомъ и дѣломъ духовенство. Шайка цыганъ, появившаяся въ 1447 г. во Франціи, могла безпрепятственно странствовать только въ теченіе пяти лѣтъ. Послѣ того, какъ цыгане разграбили городокъ ла Шеппъ (на сѣверо-востокъ отъ Шалона-на-Марнѣ), ихъ прогнали крестьяне. Разсѣянные цыгане странствовали по Франціи до 1504 г. Въ этомъ году былъ изданъ первый указъ объ ихъ изгнаніи, а затѣмъ еще болѣе строгій указъ 1539 года; въ 1560 г. парламентъ въ Орлеанѣ предписалъ уничтожать ихъ огнемъ и мечемъ, что, по приказанію Людовика XIII и Людовика XIV, и приводилось, дѣйствительно, въ исполненіе. Только небольшая часть цыганъ спаслась и попала къ баскамъ, къ которымъ нѣкоторые изъ нихъ пришли еще въ 1538 г. Но въ ночь на 6-е декабря 1802 г. они были за немногими исключеніями по приказу префекта нижнихъ Пиринеевъ отъ 22-го ноября схвачены, посажены на корабли и отправлены въ Африку. Въ Испаніи толпа цыганъ появилась въ 1447 г. передъ Барцелоной и нашла тамъ радушный пріемъ. Мало или совсѣмъ не повредили цыганамъ указъ Фердинанда Католическаго объ ихъ изгнаніи (1499; повторенъ въ 1539, 1586, 1619 г.) и указъ Филиппа V отъ 1633 г. (дополненъ въ 1661 и 1663 г.) о запрещеніи имъ говорить на своемъ языкѣ и бродяжничать по странѣ. Болѣе повредило имъ, хотя и въ другомъ отношеніи, распоряженіе Карла III отъ 19-го сентября 1783 г. Допустивъ ко всѣмъ должностямъ и къ занятію всѣми ремеслами тѣхъ цыганъ, которые откажутся отъ цыганскаго языка („gerigonza“), отъ національной одежды и прекратятъ кочевой образъ жизни, этотъ указъ сильно содѣйствовалъ ихъ ассимиляціи. Но въ южной Испаніи цыгане все-таки и понынѣ сохранились и чувствуютъ себя тамъ очень недурно.

C. Характеръ цыганъ въ придунайскихъ мѣстностяхъ.

Въ Венгрію и Трансильванію, которыя были вторымъ европейскимъ мѣстомъ остановки цыганъ во время ихъ передвиженія, и которымъ суждено было сдѣлаться нѣкоторымъ образомъ второй родиной ихъ, они

пришли, во всякомъ случаѣ, очень скоро послѣ 1400 г., ибо уже въ 1416 г. въ Моравіи, Чехіи и Силезіи, а въ 1417 г. и въ остальной Германіи — мы находимъ цыганъ, пришедшихъ туда изъ Венгріи. Цыгане, попавшіе въ Германію, пришли въ Констанцъ, гдѣ находился въ то время императоръ Сигизмундъ, и предъявили рекомендательное письмо венгерскаго палатина Николая Гары. На основаніи этого письма императоръ далъ имъ грамоты вольностей (существованіе этихъ грамотъ доказывается письмомъ венгерскаго графа Турзо отъ 1616 г.). Цыгане, оставшіеся въ Венгріи и Трансильваніи, подобно неимѣвшимъ недвижимости румынамъ и евреямъ, считались „королевскими слугами“ и въ качествѣ таковыхъ пользовались извѣстными вольностями: поселеніе ихъ на владѣніяхъ частныхъ лицъ зависѣло отъ разрѣшенія монарха. Кромѣ того, и въ качествѣ оружейныхъ мастеровъ (срв. выше, стр. 409) они получали особыя привилегіи отъ свѣтскихъ и духовныхъ властей. Такъ, напр., король Матвѣй разрѣшилъ 23-го сентября 1476 г. городу Германштадту пользоваться для необходимыхъ работъ трудомъ жившихъ тамъ цыганъ; а 8-го апрѣля 1487 г. онъ приказалъ воеводамъ не безпокоить этихъ предоставленныхъ германштадтцамъ цыганъ. Въ 1496 г. Владиславъ II далъ грамоту воеводѣ Ѳомѣ Полгару, по которой никто не смѣлъ трогать его и его людей, ибо этотъ таборъ дѣлалъ тогда церковную утварь для тогдашняго епископа Сигизмунда Фюнфкирхенскаго. Какъ въ Польшѣ достоинство короля цыганъ уже до 1731 г. давалось дворянамъ, такъ и въ Трансильваніи и въ Венгріи монархъ назначалъ главнаго воеводу цыганъ изъ числа дворянъ. Въ Трансильваніи эту должность занималъ одинъ дворянинъ, а иногда двое; въ Венгріи же всегда было четыре главныхъ воеводы, имѣвшихъ свою резиденцію въ Раабѣ, Левѣ, Сатмарѣ и Кашау. Цыгане были подчинены ихъ юрисдикціи и должны были уплачивать за это ежегодно по гульдену подушной подати. При Петрѣ Валлоу, котораго князь Георгій Ракочи I (стр. 385) назначилъ трансильванскимъ главнымъ воеводой и даже допустилъ къ присягѣ, должность эта была уничтожена закономъ.

Со времени своего появленія въ областяхъ Тиссы и въ Карпатскихъ земляхъ цыгане пользовались большой популярностью въ качествѣ **музыкантовъ**. Въ качествѣ таковыхъ они находили занятіе при дворахъ князей и магнатовъ; въ 1525 г. цыганскіе музыканты были даже наняты для присутствованія на сеймѣ въ Гатванѣ. Тоскливые, хватающіе за душу мотивы, составленные какъ бы изъ страстныхъ вздоховъ, цыгане играютъ съ несравненной чистотой, увѣренностью и съ чувствомъ. Сначала ритмъ медленный, робкій; тема вся цѣликомъ не осмѣливается какъ бы еще проявиться наружу, и долгое время идутъ однѣ прелюдіи; но затѣмъ появляется бурное crescendo, оно растетъ и растетъ, вызываетъ сладострастное томленіе и больно хватаетъ за сердце. Скоро этотъ маленькій романтическій народецъ получилъ какъ бы право гражданства среди венгровъ: звуками скрипки наслаждаются здѣсь всѣ, и дворянинъ, и мѣщанинъ, и крестьянинъ, и студентъ. Поэтическій кочевой народъ этотъ составляетъ и теперь еще одно изъ интереснѣйшихъ явленій, какъ венгерской низменности, такъ и окаймленной лѣсами Трансильваніи. Слава цыганскихъ музыкантовъ, такихъ, напр., какъ Барна, Беркесъ, Бихари, Патикарусъ, Рачъ, Саламонъ или скрипачка Цинка Панна, распространилась скоро далеко за границей.

Въ Трансильваніи и Венгріи мы находимъ среди цыганъ также и истинныхъ лириковъ: въ геніальной беззаботности они живутъ только въ самихъ себѣ или видятъ весь міръ черезъ призму своей души. Долго отрицали у цыганъ наличность народныхъ пѣсенъ, но при этомъ упускали изъ виду, что у народа, такъ богато одареннаго въ музыкальномъ отношеніи, непремѣнно, долженъ быть также и богатый запасъ народныхъ пѣсенъ. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе совершенное, чѣмъ эти

маленькіе, блестящіе цвѣтки цыганской лирики, ароматъ которыхъ встрѣчаетъ насъ въ кругу цыганъ Венгріи и Трансильваніи, когда мы раздвинемъ скрывающую эти цвѣты листву. Авторы этихъ пѣсенъ никому неизвѣстны; онѣ родятся въ народѣ и остаются среди народа. Только одна поэтесса оставила послѣ себя 250 написанныхъ стихотвореній: сербская кочующая цыганка Гима Раньицичъ (умерла въ 1891 г.); красота и образованіе стали проклятіемъ ея жизни. Кто прочитаетъ ея стихи, изданные въ нѣмецкомъ переводѣ, пойметъ, что ея жизнь была долгой исторіей страданій, полной отчаянной борьбы и утраченныхъ надеждъ. Другихъ, болѣе или менѣе прочныхъ, слѣдовъ въ духовной области цыгане не оставили; слѣдуетъ ли причислить къ цыганамъ рисовавшаго мадоннъ художника Антоніо де Солари (Соларіо), прозваннаго il Zingaro, или англійскаго теософа Джона Буніана (т. VIII, стр. 522), является сомнительнымъ.

Цыганки зарабатываютъ много денегъ колдовствомъ, предсказаніями и гаданіемъ на картахъ, пользуются у сельскаго населенія славою хорошихъ знахарокъ и колдуній. Согласно вѣрованіямъ цыганъ, существуютъ женщины, иногда и мужчины, обладающіе частью наслѣдственными, частью пріобрѣтенными сверхъестественными силами. Большинство колдуній (tschohalji; они называются также „хорошія женщины“ — latsche romni) обучались колдовству еще въ раннемъ дѣтствѣ своими матерями и наслѣдовали отъ нихъ это знаніе. Они играютъ важную роль при всѣхъ семейныхъ торжествахъ кочующихъ цыганъ.

Въ общемъ, безпокойные пришельцы эти были насильственно принуждены перейти къ осѣдлому образу жизни; въ Венгріи же, въ балканскихъ государствахъ (магометанскіе цапары) и въ Америкѣ большая часть цыганъ продолжаетъ и до нашихъ дней вести кочевой образъ жизни, хотя они и кочуютъ почти исключительно въ предѣлахъ извѣстнаго народа или мѣстности. Поэтому, они и могли сохранить, болѣе или менѣе, неприкосновенными свои древніе обычаи. И въ упомянутыхъ странахъ правительства прилагали старанія къ цивилизаціи цыганъ и къ пріученію ихъ къ осѣдлому образу жизни. Такъ, напр., королева-императрица Марія Терезія издала 13 ноября 1761 г. указъ, на основаніи котораго имя „цыгане“ должно было быть замѣнено именемъ „ново-венгерцы“ (по-мадьярски uj magyarok), и они должны были быть поселены въ банатѣ. Правительство построило имъ избы, дало имъ зерно на обсѣмененіе и даже скотъ; но, когда запасъ былъ съѣденъ, цыгане ушли. Только небольшая часть ихъ осталась, перешла къ осѣдлому образу жизни и стала заниматься городскими ремеслами. Уже 29 ноября 1767 г. Марія Терезія издала еще болѣе строгій указъ, на основаніи котораго дѣти цыганъ должны были быть отбираемы у родителей и на государственный счетъ отдаваемы на воспитаніе къ „христіанскимъ“ людямъ. Кромѣ того, были прямо запрещены браки цыганокъ съ цыганами. 9 октября 1783 г. Іосифъ II издалъ „главный регламентъ“, содержавшій слѣдующія суровыя постановленія: дѣтямъ цыганъ запрещалось бѣгать нагишомъ въ публичныхъ мѣстахъ, и они должны были уже въ раннемъ возрастѣ быть принуждаемы къ посѣщенію школы и церкви. Дѣти должны, начиная съ четырехлѣтняго возраста, по крайней мѣрѣ, каждые два года перераспредѣлятся между сосѣдними общинами, съ цѣлью перемѣны въ преподаваніи. Взрослымъ строго воспрещалось кочевничество; даже уже перешедшимъ къ осѣдлому образу жизни посѣщеніе ярмаркъ предписывалось разрѣшать только съ соблюденіемъ особыхъ предосторожностей. Торговля лошадьми имъ не разрѣшалась. Болѣе милостивъ былъ указъ, обращенный 15 апрѣля 1784 г. ad decanos Hunnobrodensem et Hradischtiensem. 627 семей, которыя по правительственнымъ даннымъ жили въ 1800 г. въ Буковинѣ, были, повидимому, всѣ уже осѣдлыми.

Въ первой половинѣ 19 столѣтія вниманіе государства было слишкомъ занято политическими смутами и освободительными стремленіями, и оно не

могло заниматься цыганскимъ вопросомъ. Только частныя лица предпринимали попытки пріученія цыганъ къ осѣдлой жизни. Епископъ Іоаннъ Хамъ открылъ въ 1857 г. въ Сатмарѣ школу для цыганъ, а священникъ Фердинандъ Фаркашъ основалъ воспитательное заведеніе въ Нейгейзелѣ; но оба эти заведенія должны были послѣ кратковременнаго существованія быть закрыты. Лучшіе результаты дали старанія сербскаго правительства въ 60-хъ годахъ положить конецъ кочевому образу жизни магометанскихъ цыганъ („gurbeti“). Указъ же венгерскаго министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 9 іюля 1867 г., направленный противъ кочеванья цыганъ, принесъ мало пользы. Эрцгерцогъ Іосифъ, основательный знатокъ быта кочевыхъ цыганъ, далъ осѣдлость нѣсколькимъ семьямъ ихъ, но не прошло и десяти лѣтъ, какъ эти семьи покинули свои новые домашніе очаги. Нѣкотораго рода „резиденціей“ цыганъ является Дебречинъ, въ общемъ, совершенно мадьярскій городъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ венгерское правительство вновь проявило намѣреніе заняться болѣе серьезно, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, вопросомъ о пріученіи цыганъ къ осѣдлому образу жизни.

Подъ давленіемъ обстоятельствъ много цыганъ каждый годъ переходитъ все-таки къ осѣдлому образу жизни. Такимъ образомъ, число кочевыхъ цыганъ не только въ Венгріи, но и въ другихъ государствахъ Европы изъ года въ годъ уменьшается; исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ пожалуй, только одна Румынія. Около 1800 г. въ одной Шотландіи насчитывалось 100,000 цыганъ, а около 1895 г. во всей Великобританіи ихъ было уже только 12,000. Въ Пруссіи, гдѣ они до Окружного Положенія 1872 г. продолжали жить довольно безпрепятственно, едва можно найти теперь 1,100 цыганъ; замѣчательны маленькія колоніи цыганъ, оставшіяся отъ французской эпохи въ общинахъ Лотарингіи, Беренталѣ, Визенталѣ и Геценбрукѣ. Въ настоящее время въ Европѣ живетъ, вѣроятно, около 900,000 цыганъ и, по крайней мѣрѣ, столько же въ остальныхъ частяхъ свѣта.

VII. Восточная Европа.

Проф. д-ра **Владимира Милковича.**

Переводъ проф. **А. А. Кизеветтера.**

1. Историко-географическій обзоръ.

Въ Европѣ нѣтъ болѣе важной въ географическомъ и историческомъ отношеніяхъ пограничной линіи, чѣмъ та, которая, начинаясь у устья Дуная, тянется въ сѣверозападномъ направленіи вдоль линіи Карпатъ по сѣверной границѣ Чехіи вплоть до Исполиновыхъ и Рудныхъ горъ, слѣдуетъ затѣмъ по направленію Эльбы, прорѣзывающей здѣсь эти горы, и, сворачивая отъ нея на востокъ — иногда вплоть до Вислы, — достигаетъ, наконецъ, Балтійскаго моря. Эта пограничная линія дѣлитъ Европу на двѣ различныхъ части, на два различныхъ міра.

Всѣ страны и государства, лежащія на западъ отъ указанной линіи, составляли, а отчасти и теперь еще составляютъ особую группу, одно замкнутое цѣлое, отличающееся отъ восточной половины Европы.

До этого рубежа дошли римляне, и если они переходили также и черезъ Эльбу, мечтая даже достичь Вислы, то имъ вѣдь не удалось стать тамъ твердой ногой. Послѣ паденія Римской Имперіи, западныя государства стали дальше развиваться на основѣ, созданной римлянами. Они восприняли идею Римской міровой имперіи, вольной волей или нехотя примкнули къ Германской имперіи, какъ носительницѣ этой идеи, и противостали восточной половинѣ Европы, какъ нѣчто цѣльное, полное желанія двинуться противъ Востока. Вмѣстѣ съ тѣмъ, твореніе Карла и Оттона Великаго имѣло еще и свою церковную сторону и религіозную окраску. Въ Римѣ, этомъ церковномъ центрѣ теократіи, дѣйствительно, сходились тонко сплетенныя нити всей западно-европейской политики, такъ какъ послѣдняя основывалась на религіи. Римъ былъ сердцемъ Западной Европы. Одна и та же цѣль, одна религія, одинъ культурный языкъ, одна цивилизація— таковы были примѣты западно-европейскаго міра. Средиземное море было для него общимъ лономъ. Отсюда старая культура завоевала всю нашу часть свѣта, и въ сторону той колыбели всѣхъ духовныхъ стремленій и движеній были всегда направлены взоры западныхъ народовъ.

Иначе обстояло дѣло на востокъ отъ великой пограничной линіи. Жившія тамъ племена были въ теченіе двухъ тысячелѣтій неизвѣстны средиземноморскому культурному міру, и ихъ исторія протекла, въ извѣстной мѣрѣ, за завѣсой. Лишь отъ времени до времени доходила до грековъ, римлянъ и германцевъ какая-либо вѣсть объ ихъ существованіи, или же какой-либо воинственный народъ переходилъ съ востока черезъ этотъ пограничный валъ, чтобы нарушить порядокъ стараго міра, но затѣмъ растворялся въ немъ. Восточную Европу еще предстояло открыть.

А. Древнѣйшія свѣдѣнія: Геродотъ.

Финикіяне и Греки были первыми народами, собиравшими свѣдѣнія о Восточной и Сѣверной Европѣ. За 500 лѣтъ до Рождества Христова

греческіе купцы вели обширную торговлю не только на Средиземномъ морѣ, въ Малой Азіи и Персіи, но и по берегамъ Чернаго моря и дальше къ сѣверу. Въ бассейнѣ Понта Эвксинскаго они повсюду имѣли торговыя факторіи у устьевъ рѣкъ; со своими товарами греки поднимались вверхъ по рѣкамъ и достигали Балтійскаго моря, гдѣ добывали драгоцѣнный янтарь. Къ нимъ обратился Геродотъ, когда хотѣлъ писать свою исторію. Онъ собиралъ свѣдѣнія, саги и сказки, сверхъ того, повидимому, самая ранняя и, во всякомъ случаѣ, самая продолжительная изъ его развѣдочныхъ поѣздокъ была имъ совершена въ прибережныя Понтійскія земли. Его трудъ является первымъ важнымъ источникомъ исторіи европейскаго Востока. Высокообразованный грекъ стоялъ по своей культурѣ далеко, далеко выше тамошнихъ племенъ, исторію которыхъ онъ вознамѣрился написать. Несмотря на это, мы изъ его труда не почерпаемъ многаго. На немъ лежитъ своеобразный отпечатокъ, и его почтенная старина едва для насъ понятна. Нашъ свидѣтель какъ будто снимаетъ завѣсу съ этой сѣдой древности; но когда мы съ любопытствомъ всматриваемся въ нее и хотѣли бы все поглотить глазами, мы съ сожалѣніемъ замѣчаемъ, что узнаемъ очень мало. Рѣки и горы имѣютъ вѣдь у Геродота другія названія, чѣмъ употребляемыя нами теперь, и страна населена у него, повидимому, другими племенами, чѣмъ тѣ, исторію которыхъ мы хотимъ здѣсь разсказать. Въ 4-ой книгѣ Геродотъ говоритъ о скиѳахъ, агатирсахъ, сарматахъ, аллазонахъ и другихъ племенахъ. И все же мы, сопоставляя содержаніе всего его труда съ позднѣйшими свѣдѣніями, отчетливо начинаемъ сознавать, что имѣемъ дѣло съ тѣми же народами, которые и позднѣе играли здѣсь нѣкоторую историческую роль, — только доказать мы этого не можемъ. Само собою понятно, что греки, приходя къ чужимъ народамъ, проѣзжая по какимъ-либо рѣкамъ, замѣчая неизвѣстныя имъ горы, давали всѣмъ имъ названія, своеобразно со своимъ языкомъ. Но когда самъ Геродотъ разсказываетъ, что на сѣверѣ многія племена говорили на полуварварскомъ, полугреческомъ языкѣ, то изъ этого слѣдуетъ заключить, что тамъ обитали и нѣкоторые отпрыски индогерманской семьи, которые имѣли еще одинаковыя съ греками слова для обозначенія многихъ понятій.

Въ „Музахъ“ Геродота все сливается вмѣстѣ; здѣсь въ пестрой смѣси слѣдуютъ рядомъ съ выраженіемъ симпатій къ дикой жизни образчики благороднаго мышленія, рядомъ съ критической мыслью — величайшая наивность; рядомъ съ истиной — саги и сказки. Если изслѣдовать одно какое-либо сообщеніе и сравнить его съ другими, то хочется упрекнуть автора, но когда прочтешь все, то чувствуешь къ ученому греку только одну благодарность. Его исторія, однако, пестра, такъ какъ онъ пользовался разнообразными источниками, не относясь къ нимъ критически. О скиѳахъ онъ сообщаетъ, что они не строили никакихъ городовъ и крѣпостей, но кочевали въ кибиткахъ и были конными стрѣлками, жили не отъ земледѣлія, а отъ скотоводства и имѣли свои жилища на телѣгахъ, — были, слѣдовательно, кочевниками. Когда онъ далѣе разсказываетъ, что скиѳы ежегодно приносили въ жертву скотъ и особенно лошадей и что они послѣ смерти своего царя зарѣзали 50 штукъ этихъ животныхъ, то слѣдуетъ при этомъ вспомнить, что и у сѣверныхъ славянъ и у литовцевъ лошадь была священнымъ животнымъ и содержалась ими въ храмахъ, и что въ 1000 году сынъ одного польскаго князя принесъ въ подарокъ святому какого-то южнаго монастыря свой мечъ и своего бѣлаго коня. О мечѣ же Геродотъ сообщаетъ, что онъ пользуется у скиѳовъ большимъ почитаніемъ, и что они на немъ, какъ и на другомъ оружіи приносятъ жертвы и клянутся. Мечъ высоко почитался также и поляками, а русскіе въ X столѣтіи клялись на своихъ мечахъ въ вѣрности договору съ Византіей. Древніе арабы разсказываютъ, что русскіе клали передъ

новорожденными мечъ и говорили: „я не оставлю тебѣ никакого наслѣдства, ты будешь имѣть лишь то, что пріобрѣтешь этимъ мечомъ“. Русскіе мечи славились у арабовъ, а племя полянъ платило дань мечами же (если это не были деньги въ формѣ меча, что практиковалось кое-гдѣ въ Азіи). Относительно погребенія покойниковъ у скиѳовъ Геродотъ сообщаетъ, что они набросали надъ гробницей царя большую кучу земли, ревностно стараясь сдѣлать ее какъ можно выше; это — обычныя во всѣхъ славянскихъ странахъ „могилы“ или „гомилы“. „Страна скиѳовъ бѣдна лѣсомъ, — говоритъ Геродотъ — конопля растетъ у нихъ какъ въ дикомъ видѣ, такъ и посѣянная, и изъ нея они дѣлаютъ одежду“; это совершается и понынѣ. „Они совершенно не моются“. „Они не имѣютъ рабовъ“; это также, по большей части, было обычнымъ дѣломъ у славянъ.

Географія образуетъ основу исторіи; и если Геродотъ мало знаетъ объ этихъ земляхъ, то это объясняется тѣмъ, что онъ лично объѣздилъ лишь небольшую часть ихъ, а объ остальныхъ сообщаетъ на основаніи слуховъ. Скиѳія находится, по его словамъ, у подножія высокихъ горъ, откуда истекаютъ величайшія рѣки. О томъ, что находится къ сѣверу отъ этихъ непроходимыхъ горъ, никто не можетъ сказать съ достовѣрностью. По эту же сторону ихъ живутъ, согласно его свѣдѣніямъ, аргиппаи (или аргимпаи, а также аримфаи); позднѣе ихъ забавно сопоставили съ названіемъ Рифейскихъ горъ, не зная ихъ положенія. О Каспійскомъ и Бальтійскомъ моряхъ знали столь же мало. Пространство между Чернымъ моремъ и самымъ дальнимъ сѣверомъ не умѣли правильно заполнять, и еще въ XVI столѣтіи отмѣчали на картахъ, что зубры пасутся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Чернымъ моремъ.

Характеристичнымъ для неясности того представленія, которое древніе имѣли о далекомъ сѣверѣ, является имя „гиперборейцы“, данное Геродотомъ тамошнему народу. Софоклъ поэтически называлъ эту страну „началомъ ночи“. Разъ греки, вообще, называли сѣверъ „страной Борея“ (страна сѣвернаго вѣтра), то они не могли дать самой дальней области другого имени, кромѣ „гиперборейской“, сверхсѣверной страны — доказательство, что они ничего не могли о ней сообщить. Такъ какъ, однако, то немногое, что сообщаетъ намъ Геродотъ, отчасти подходитъ и къ нынѣ живущимъ тамъ народамъ, то мы должны допустить безпрерывность населенія Восточной Европы—понятно, лишь въ главномъ и общемъ—отъ той эпохи до нашего времени. Но мы должны считать родоначальниками восточно-европейскихъ славянъ не сарматовъ (которыхъ Геродотъ помѣщаетъ у береговъ Волги), какъ это обыкновенно дѣлается, а скиѳовъ. Новѣйшія изслѣдованія устанавливаютъ тождество сарматовъ съ аланами эпохи переселенія народовъ, язами древне-русскихъ лѣтописей и нынѣшними кавказскими осетинами. Необходимо допустить, что слова „сарматы“ и „скиѳы“ означали разныя племена. Но и при скиѳской гипотезѣ мы наталкиваемся на трудности. Замѣчательно, во всякомъ случаѣ, то, что уже тогда начали распространяться греческіе обычаи среди тѣхъ народовъ, которые Геродотъ, быть можетъ, называлъ общимъ именемъ скиѳовъ. Не только заключались браки между тамошними царевичами и греческими дѣвушками, но нѣкоторые скиѳы предпринимали далекія путешествія, чтобы изучить культуру Греціи.

B. Географическая обусловленность разрыва между Восточной Европой и Западомъ.

И послѣ Геродота другіе историки пробовали описывать Восточную Европу, но и отъ нихъ мы не узнаемъ ничего бо́льшаго; въ лучшемъ случаѣ увеличиваются только наши географическія познанія. Лишь въ IX и X столѣтіяхъ христіанской эры эти страны становятся для насъ

болѣе освѣщенными. Въ это время мы находимъ тамъ уже два устроенныхъ государства, русское и польское, рядомъ съ другими, которыя позднѣе вошли въ составъ послѣднихъ. Но и теперь господствуютъ еще странныя представленія объ этой странѣ и о ея населеніи. Старыя сказанія Геродота о безволосыхъ, стоголовыхъ, одноглазыхъ и козлоногихъ людяхъ и объ амазонкахъ почти цѣликомъ повторяетъ соборный схоластикъ Адамъ Бременскій (умеръ около 1076 года) и минорить Іоаннъ де Плано Карпини (ум. въ 1252 г.). Еще въ XVI и въ XVII столѣтіяхъ Восточная Европа была столь мало извѣстна Западу, что оттуда отправлялись особыя посольства для ея изслѣдованія. Этой замкнутости способствовало то обстоятельство, что въ лицѣ Византійской имперіи создался политическій, культурный и религіозный міръ, который вскорѣ замѣнилъ Востоку Римъ. Тамъ господствующимъ языкомъ былъ латинскій здѣсь — греческій.

Казалось, правда, что пути Польши и Россіи должны были разойтись, ибо тогда какъ первая подчинилась Германіи, примкнула также къ римской церкви и къ Западу вообще, — Россія осталась вѣрна Византіи. Несмотря на это, центръ тяжести Польши, въ силу извѣстной природной необходимости, склонился на Востокъ, и взоры этого государства были позднѣе обращены, главнымъ образомъ, туда же. Та же причина оторвала Польшу отъ Германіи и направила ее на востокъ, какъ будто ее притягивала къ нему магнитная стрѣлка восточнаго міра. Маленькая польская область, возникшая между Одеромъ и Вислой, вскорѣ распространилась, точно подъ давленіемъ невидимой силы, по ту сторону Днѣпра.

Вышеупомянутая географическая граница, которую едва можно было замѣтить, оказалась сильнѣе стремленій народовъ. Племя, переступавшее черезъ эту линію, оставалось затѣмъ навсегда прикрѣпленнымъ къ центру круга, въ который оно однажды вступило. Не помогало и то, что славяне заняли также порядочный кусокъ восточнаго края западной половины Европы: этотъ рубежъ раздѣлилъ и славянскій міръ на двѣ части. Кто спроситъ, гдѣ начинается Восточная Европа, тому нужно указать на эту границу. Отношенія между этими двумя частями міра были таковы, что Западъ нападалъ на Востокъ, такъ какъ чувствовалъ въ себѣ влеченіе насаждать тамъ западныя идеи. Были ли то романцы, нѣмцы или славяне— всѣ они стремились распространиться на востокъ; избытокъ культуры и силъ толкалъ ихъ туда, гдѣ всякій трудъ казалось, былъ прибыленъ. Востокъ напротивъ, по большей части, думалъ лишь о сохраненіи своей обособленности. И при этомъ опять невольно вспоминаешь о томъ, что Геродотъ сказалъ о скиѳахъ: „Они ни за что не хотятъ воспринять чужіе обычаи и убиваютъ тѣхъ, кто распространяетъ среди нихъ греческіе нравы".

И здѣсь также обнаруживается, какъ сильно зависитъ человѣкъ отъ окружающей его природы. Великая равнина, простирающаяся на востокъ отъ вышеупомянутаго рубежа, граничащая на востокѣ съ Ураломъ на югѣ — съ Чернымъ, на сѣверѣ — съ Балтійскимъ моремъ, — эта равнина своеобразна. Въ то время, какъ Западная Европа изрѣзана повсемѣстно длинными, а кое-гдѣ мощными горными цѣпями, на Востокѣ природа какъ бы оказалась не въ силахъ нагромоздить такія алпійскія выси. Какъ только мы минуемъ Карпаты, передъ нами открывается необозримая, постепенно понижающаяся къ сѣверу и къ востоку низменность. Это замкнутая, нигдѣ не прерываемая моремъ равнина, длина которой отъ Карпатъ до Урала достигаетъ 3,000 километровъ, а ширина отъ Крымскаго полуострова и до крайняго сѣвера также равна 3,000 или болѣе километровъ. Эта мощная равнина дѣлится на три большихъ полосы двумя легкими вспученьями почвы, которыя тянутся съ запада на востокъ и словно краевыми обручами обхватываютъ посрединѣ настоящую низменность.

Срединная низменность поднимается лишь на 100—160 метровъ надъ уровнемъ моря, и обѣ эти пологости тоже не на много выше. Южная возвышенность, которая начинается у Карпатъ въ бассейнѣ Вислы, тянется полосой въ нѣсколько миль шириной черезъ Подолію, Волынь, Холмъ — Кіевъ — Саратовъ и упирается въ Уральскія горы, имѣетъ въ среднемъ высоту въ 500 метровъ; только въ Сандомирскомъ рудномъ нагорьѣ она достигаетъ высоты 617 метровъ [Лысая Гора, гдѣ находится древнѣйшій польскій монастырь Swieti Kris (Святого креста)]. Сѣверная возвышенность, которая отдѣляетъ низкія долины Польши и Литвы отъ балтійскаго побережья и идетъ отъ Эльбы на сѣверо-востокъ вплоть до истоковъ Днѣпра и Волги, ни разу не достаетъ и высоты въ 400 метровъ Самъ Уралъ, отдѣляющій Европу отъ Азіи, поднимается, если не считать немногихъ вершинъ, лишь на 200—300 метровъ; со стороны, обращенной къ Европѣ, его хребетъ настолько закругленъ, что здѣсь едва возможно различить водораздѣльную линію.

Вся европейская низменность была когда-то морскимъ дномъ, которое высохло лишь тогда, когда вода стекла частью на сѣверъ, частью на югъ. Почва содержитъ въ себѣ (если не считать широкой полосы одного архейскаго слоя, лежащаго здѣсь слишкомъ высоко), большею частью, болѣе молодыя морскія отложенія, какъ-то: глину, мергель (рухлякъ), мѣлъ, рыхлый песчаникъ, и по простотѣ своего строенія занимаетъ исключительное положеніе. Геологическіе слои нигдѣ не сложены въ складки, а вездѣ лежатъ горизонтально другъ надъ другомъ и на неизмѣримыхъ разстояніяхъ представляютъ однообразную почву для однообразной культуры; такова также и исторія жившихъ здѣсь народовъ. Все несетъ здѣсь печать массы, недостатка разнообразія печать, постоянства и неизмѣнности духа, неподвижности духовнаго міра. Въ то время какъ на западѣ одна идея вытѣсняла другую, одна система разрушала предыдущую, и люди проявляли всестороннюю дѣятельность,—на востокѣ въ теченіе столѣтій жили въ кругу немногихъ идей, не замѣчая, что и онѣ подвержены гніенію. Если пожелать вычертить духовное движеніе западно- или восточно-европейскаго человѣчества, то можно при изображеніи развитія послѣдняго обойтись парой линій, но, въ виду своей продолжительности, онѣ должны быть очень длинными.

При однообразіи природы человѣческій умъ получаетъ мало возбужденій. На югѣ равнины разстилается совершенно безлѣсная степь съ безконечнымъ горизонтомъ, гдѣ человѣческій глазъ не находитъ опорнаго пункта. Человѣкъ свободно можетъ двигаться по какимъ угодно направленіямъ въ этой роскошной травянистой степи, оставаясь невидимымъ, но и самъ ничего не видя. Здѣсь была арена номадовъ, здѣсь образовалась Украйна съ ея вольнымъ казачествомъ изъ бѣглецовъ. Разъ кому-либо удавалось бѣжать въ степь, его слѣдовъ нельзя было уже открыть. Спрятавшись въ травѣ или скорчившись въ камышахъ, казакъ подстерегалъ татаръ; ползая дальше на животѣ, онъ, подобно имѣющему здѣсь свою родину хомяку, подслушивалъ, не раздается ли звукъ лошадинаго топота, не приближается ли непріятельская конница. Часто враги, сами не подозрѣвая этого, находились лишь въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга. Кромѣ безконечнаго травяного покрова, человѣкъ видѣлъ здѣсь лишь небесный сводъ, и ему, такимъ образомъ, ничего другого не оставалось, какъ погрузиться въ свое собственное „я". Ни одинъ народъ не создалъ такого поэтическаго творчества, какъ украинскій. Думы, эти долгіе, меланхолическіе, грустные, за сердце хватающіе—монологи и разсказы могли зародиться лишь въ этой степи. Поэты приносятъ жалобы и ведутъ разговоры съ вѣтромъ и со звѣздами или же съ птицами. Природа была здѣсь истиннымъ поэтомъ, а человѣкъ лишь ея толкователемъ. Однако, эти безконечныя думы усыпили, въ концѣ-концовъ, его духъ. Здѣсь ни-

кто не могъ вдуматься въ важнѣйшіе вопросы человѣчества, здѣсь, при отсутствіи камня и дерева, не могла возникнуть и самостоятельная культура.

На юго-востокѣ этой равнины простираются песчаныя и солончаковыя степи, гдѣ почти отсутствуетъ растительный покровъ. Издали являлись сюда караваны, чтобы добывать здѣсь цѣнную соль изъ высохшихъ соляныхъ озеръ и торговать ею. Предприниматели (чумаки) совершали совмѣстно въ теченіе всего лѣта свои поѣздки вплоть до Дона и Каспійскаго моря, всегда готовые пренебречь опасностями. Они прославляются въ пѣсняхъ.

Нѣкоторое разнообразіе вносили въ эту пустыню лишь рѣки, особенно Днѣпръ, о которомъ уже Геродотъ сказалъ, что послѣ Нила, это — самая полезная въ мірѣ рѣка. Народная поэзія относится къ нему съ особой благосклонностью. Въ глубоко врѣзывающихся рытвинахъ этой рѣки встрѣчаются фруктовые сады и небольшіе лѣса—поразительное явленіе въ этой пустынѣ. Неудивительно, что и они также воспѣвались въ пѣсняхъ.

Тѣ безконечныя равнины, которыя простираются далѣе за предѣлы Азіи, имѣли одну особенность, наложившую свой отпечатокъ на исторію восточно-европейскихъ, а также западно-азіатскихъ народовъ: здѣсь и нигдѣ болѣе была первоначальная родина лошади. Сколь далеко простираются наши свѣдѣнія, лошадь была здѣсь важнѣйшимъ домашнимъ животнымъ и вѣрнѣйшимъ другомъ человѣка. Читаемъ ли мы сообщенія Геродота о скиѳахъ, разсказы Овидія о сарматахъ или древнѣйшія извѣстія о славянахъ и литовцахъ, — мы постоянно находимъ человѣка въ сопровожденіи лошади. Здѣсь былъ настоящій рай для конныхъ номадовъ, здѣсь пили и пьютъ кобылье молоко (кумысъ) и ѣдятъ конину; здѣсь еще недавно встрѣчались лошади въ дикомъ видѣ. Для здѣшнихъ ордъ лошадь была священна; мало того, можно говорить о культѣ лошади и въ историческую эпоху. Какъ на югѣ лошадь посвящалась богамъ, такъ и сѣверные славяне холили ее въ храмахъ.

Югъ Восточной Европы былъ, кажется, раньше заселенъ преимущественно турецкими племенами изъ Малой Азіи. Это они впервые предприняли завоевательные набѣги на Европу, привели въ движеніе великое „передвиженіе народовъ" и при случаѣ основывали государства, и все это потому, что они, какъ всадники, превосходили другихъ въ военномъ искусствѣ. Кавалерійскую службу нужно, слѣдовательно, въ послѣдней линіи, отнести къ туркамъ. У славянъ слова означающія различныя подробности коннаго дѣла, имѣютъ турецкое происхожденіе. Употребленію стремянъ западные европейцы научились лишь у этихъ народовъ.

Почти вся степная полоса на югѣ Восточной Европы лежитъ къ югу отъ возвышенности, прорѣзывающей страну отъ Карпатъ вплоть до Волги. Къ сѣверу отъ нея, гдѣ разстилается настоящая низменность, природа— совершенно иная. Здѣсь преобладаетъ лѣсъ и плодородная почва, покрытая толстымъ слоемъ чернозема (въ 4—5 метровъ); этотъ слой простирается въ ширину почти на одинъ милліонъ километровъ. Здѣсь была колыбель русскаго государства. Страна была покрыта необозримыми лиственными лѣсами; лишь на границѣ Сибири ихъ замѣняетъ краснолѣсье. Въ лѣсахъ жили лисицы, медвѣди, соболи, волки, и ихъ шкуры были самыми значительными предметами торговли. Въ теченіе долгаго времени, вплоть до XIV и XV столѣтій, отчасти даже позднѣе, налогъ взимался шкурами. Жизнь, которую вели здѣсь обитатели, была суровѣе и опаснѣе. Однако, охота — школа войны, и лѣсная Русь побѣдила степную.

Далѣе къ сѣверу почва начинаетъ становиться все богаче водой. Здѣсь начинаются рѣки, здѣсь находятся безчисленныя озера, которыя въ Финляндіи, „странѣ тысячи озеръ", обусловливаютъ растительный по-

кровъ, климатъ и всю жизнь. Такой характеръ получаетъ страна и далѣе на западъ по направленію къ Вислѣ и къ Одеру. Послѣ сухой, безлѣсной и маловодной степи на югѣ, на сѣверѣ всяческія препятствія на пути человѣка ставитъ вода. Когда король польскій Сигизмундъ I совершилъ однажды со своимъ войскомъ походъ въ 25 миль отъ Орши до Смоленска, то пришлось проложить 340 мостовъ черезъ болота, озера и ручьи. И здѣсь также цивилизація лишь съ трудомъ могла пустить корни: только разнообразіе возбуждаетъ къ дѣятельности человѣческій духъ.

На сѣверо-востокѣ равнины разстилается на пространствѣ въ милліонъ кв. километровъ тундра, топкая болотистая равнина, покрытая войлокомъ изъ мховъ и лишаевъ и слоемъ грунтоваго льду, даже лѣтомъ сильно тающаго подъ ногами, такъ что и въ эту пору по тундрѣ приходится переѣзжать на саняхъ.

Зато на западѣ, въ бассейнѣ Буга и Вислы, страна чрезвычайно плодородна. На мѣсто холмовъ, здѣсь появляются широкія равнины, покрытыя лѣсами. Висла спокойно течетъ здѣсь на сѣверъ въ широкой лощинѣ, края которой до сихъ поръ еще не опознаны; лишь у Модлина она приближается къ сѣверной возвышенности. Здѣсь въ Великой Польшѣ залегла колыбель польскаго государства. Къ западу отъ Вислы вплоть до Одера простираются плодородныя холмистыя мѣстности старопольскихъ воеводствъ: Равы, Ленчицы, Калиша, Познани, Гнѣзна, Куявіи. Здѣсь находятся нѣкоторыя озера, о которыхъ говорятъ древнѣйшія польскія народныя сказанія. Такъ какъ Польша не отграничена по природѣ отъ Россіи, то исторія обоихъ государствъ взаимно пересѣкается. Разъ границы не были установлены природой, то оба сосѣда часто должны были бороться изъ-за нихъ. Начиная съ X вѣка, то русскіе князья отнимали у польскихъ часть ихъ страны, то польскіе у русскихъ. Казалось, что великая равнина можетъ допустить существованіе только одного государства, но не двухъ, въ противоположность западу или югу, гдѣ сильная развѣтвленность мѣстности или обиліе полуостровъ и островов благопріятствовали совмѣстному развитію многихъ государствъ. Это—характеристическое различіе между западомъ и востокомъ Европы.

C. Сходства и различія между Россіей и Польшей.

Русское государство возникло почти въ центрѣ Восточно-европейской низменности, приблизительно тамъ, гдѣ начинается водораздѣльная линія. Къ сѣверу отъ него простиралась негостепріимная страна, къ югу необозримая степь. Такъ ограниченная двумя антикультурными поясами, Россія долго оставалась отдѣленной отъ западной цивилизаціи, неизвѣстною послѣдней, пребывала замкнутымъ въ самой себѣ міромъ. Только одинъ путь велъ наружу: Днѣпръ; и центръ тяжести жизни Россіи долженъ былъ, естественно, рано или поздно упереться въ этотъ великій водный путь. „Матерью всѣхъ русскихъ городовъ да будетъ Кіевъ", сказалъ русскій князь, перенеся сюда свою резиденцію.

Кромѣ рѣкъ, не было тогда въ странѣ удобопроходимыхъ дорогъ. Русскія столбовыя дороги были долго непроходимы, и лишь при Александрѣ I начали строить шоссейныя; но и это дѣло шло такъ медленно, что еще въ 1896 году Россія имѣла такихъ дорогъ едва на 12,000 верстъ. Только тамъ, гдѣ культура стоитъ на высокомъ уровнѣ, какъ это, напримѣръ, было въ Персидской и Римской имперіяхъ, толко тамъ заботятся о хорошей дорожной сѣти, которая, въ свою очередь, способствуетъ расширенію государственной идеи. Водные пути были поэтому въ Россіи важнѣйшимъ орудіемъ сообщенія, тѣмъ болѣе, что изъ общей длины русскихъ рѣкъ въ 100,000 верстъ болѣе трети, а въ древнія времена, навѣрное, половина была судоходна. Чѣмъ далѣе текло время, тѣмъ въ большей зависимости отъ

рѣкъ оказывались народы. Они назывались по именамъ рѣкъ; рѣки переносили ихъ и опредѣляли политическое направленіе государства. Спустя немного времени послѣ перенесенія центра русскаго государства къ Днѣпру, русскій флотъ появился въ Черномъ морѣ и передъ Византіей. Съ этого времени начинается второй періодъ русской исторіи, который называютъ Кіевскимъ или, по его послѣдствіямъ, Византійскимъ; мы окрестили его днѣпровскимъ періодомъ, согласно причинѣ всѣхъ обнаружившихся тогда явленій. Днѣпръ съ неудержимой силой толкалъ русскихъ къ югу: онъ принесъ имъ византійскую культуру и христіанское ученіе, связавъ ихъ, такимъ образомъ. Старинная пѣсня справедливо называла Днѣпръ величайшею рѣкою. Русскіе обоготворяли Днѣпръ подобно тому, какъ это дѣлали съ своими рѣками и другіе народы.

Потомъ днѣпровскій путь былъ запертъ татарами, и Россія снова стала отрѣзаннымъ отъ остального міра срединнымъ государствомъ, которое нужно было заново открывать. Россіи все время ничего не оставалось другого, какъ раскинуться по необозримой равнинѣ, и эта колонизація составляетъ главное содержаніе русской исторіи, продолжаясь и понынѣ. Въ противоположность культурному распространенію римлянъ и германцевъ, которые при случаѣ пользовались и инородными поселенцами,—славяне, за небольшими исключеніями, колонизировали здѣсь земли, пользуясь своей же народностью. Русское государство выросло, такимъ образомъ, совершенно самобытно, и еще прежде, чѣмъ колонизація была доведена до конца, оно стало міровой державой.

Не въ меньшей зависимости отъ природы протекало и историческое развитіе Польши. Польскія племена занимали бассейны Эльбы, Одера и Вислы. И здѣсь опять-таки рѣки прежде всего опредѣлили ходъ ихъ исторіи. Висла влекла поляковъ къ Балтійскому морю, но вдоль его широкаго и труднодоступнаго побережья поселились уже другія племена, которыя заграждали имъ путь къ морю. Поэтому съ начала XI столѣтія началась борьба за обладаніе Балтикой, и въ XII столѣтіи поморье было окончательно завоевано Болеславомъ III, а затѣмъ Польша распространилась вдоль побережья на востокѣ, пріобрѣла Литву и Ливонію и стала балтійской державой. Вскорѣ по Вислѣ развилась оживленная торговля, и Данцигъ сдѣлался первой гаванью Польши. Теперь была сознана необходимость придвинуть ближе къ морю и столицу страны; выборъ палъ на Варшаву. Все это привело къ тому, что Польша вступила въ связь со второй балтійской державой—Литвой, а позднѣе со Швеціей. Литовская и шведская династіи заняли польскій тронъ.

Такимъ образомъ, казалось, будто Польша и далѣе сохранитъ сѣверное направленіе, но это было лишь преходящимъ явленіемъ. Едва страна успѣла завладѣть Балтійскимъ моремъ, какъ, подъ сильнымъ притягательнымъ воздѣйствіемъ восточной равнины, стала дѣлать попытки расшириться и въ этомъ направленіи, куда она постоянно обращала свои взоры, начиная уже съ XI столѣтія; только ей въ этомъ мѣшало разрѣшеніе другой указанной выше задачи. Тутъ Польша и Россія столкнулись въ достиженіи своихъ цѣлей, но первая выступила словно по порученію Западной Европы: Польша пріобщилась къ стремленію дѣйствовать наступательно на востокѣ и въ XIII—XVI столѣтіяхъ имѣла рѣшительный перевѣсъ.

Между тѣмъ, Россія отстала въ своемъ развитіи. Во время монгольскаго владычества она вынуждена была оставить Кіевъ, и ея князья основывали свои резиденціи въ Суздалѣ, Владимирѣ, а затѣмъ въ Москвѣ. Болѣе суровый климатъ, непривѣтливая, менѣе доступная лѣсистая мѣстность должны были затруднить татарамъ доступъ въ нее и, дѣйствительно, татары были разбиты: сѣверный климатъ побѣдилъ южный. Однако, Москва лежитъ у истоковъ Волги; и какъ только русскіе князья почувство-

вали себя здѣсь дома и укрѣпились, они могли начать отсюда борьбу съ татарами. Первымъ великимъ завоеваніемъ Россіи было уничтоженіе татарскихъ царствъ, Казанскаго и Астраханскаго. Теперь судьбу государства опредѣлила Волга. Превосходящая всѣ остальныя, величина этой рѣки и ея сѣти содѣйствовала установленію преобладанія Москвы надъ ея сосѣдями: Озерной областью, Новгородской землей, Бѣлой и Малой Русью. Волга сблизила русскихъ съ азіатами, и Россія начала становиться болѣе азіатской. Этотъ періодъ называютъ Московскимъ—мы дали ему имя Волжскаго, но онъ въ то же время является и Азіатскимъ. Россія пришла въ соприкосновеніе съ Кавказомъ и съ закаспійскими областями и уже тогда занимала большую часть восточно-европейской равнины и была сильна: ея расположенія искала, ради различныхъ политическихъ плановъ, Западная Европа. Но она все еще была континентальной державой и, какъ таковая, была мало извѣстна западному міру, въ сравненіи съ Польшей, которая, давно уже владѣя моремъ, принимала участіе въ созданіи культуры. Тогда-то пробудилось и въ Россіи страстное желаніе овладѣть какимъ-либо моремъ, стремленіе изнутри достичь краевъ.

Въ XVI и въ XVII столѣтіяхъ при русскомъ дворѣ часто обсуждали вопросъ, къ какому морю стремиться: къ Балтійскому или къ Черному. Широкая береговая полоса послѣдняго была тогда во власти татаръ и турокъ, а Балтійское побережье принадлежало Польшѣ и Швеціи. Турція находилась тогда на вершинѣ своего могущества, и съ ней Россія ничего не могла еще сдѣлать, тѣмъ болѣе, что южная степь представляла для этого большія трудности. Поэтому въ Москвѣ остановились на сѣверномъ пути и въ теченіе долгихъ лѣтъ вели борьбу за Балтику съ Польшей и Швеціей. Въ XVII столѣтіи русскіе сдѣлали попытку двинуться и на югъ, но вскорѣ отступили. Упадокъ Польши и Полтавскій бой рѣшили борьбу на сѣверѣ въ пользу Россіи, которая съ 1703 года стала твердой ногой на Балтійскомъ морѣ. Теперь Россія должна была заложить тамъ и свой центръ, такъ какъ Кіевъ и Москва лежатъ слишкомъ далеко отъ морского берега. Этотъ вопросъ рѣшилъ еще самъ Петръ Великій, основавъ Санктъ-Петербургъ. Всей своей тяжестью оперлась Россія на Балтійское море. Борьба съ Польшей и Швеціей сдѣлалась государственной необходимостью и кончилась упадкомъ обѣихъ. Россія осталась единственной великой балтійской державой, и теперь могло лишь стать вопросомъ времени, когда она протянетъ руки и къ Черному морю. Вѣдь своей большей и лучшей частью она склонялась на югъ, гдѣ было, сверхъ того, и ея прошлое. Послѣ долгой кровавой борьбы и многихъ отступленій, Россія завоевала въ XVIII и XIX вѣкахъ Черное море. Теперь она распростерлась, не встрѣчая сопротивленія, отъ Карпатъ до Урала и Каспійскаго моря и отъ Нордкапа до Кавказа.

Восточно-европейская равнина соединяется на западѣ, при посредствѣ польской области, съ Германской, а на юго-востокѣ, черезъ южноуральскую щель, съ Сибирско-туранской низменностями. Польско-русскій міръ долженъ былъ придти въ соприкосновеніе, съ одной стороны, съ германцами, съ другой—съ азіатами. Черезъ азіатскія ворота приходили въ Европу монгольскія орды, и Россія была завоевана азіатами, тогда какъ Польша покорена германцами. Но когда Россія настолько окрѣпла, что оказалась въ состояніи задавить татаръ, то природа не поставила на ея пути никакихъ препятствій, и она, въ свою очередь, двинулась противъ Азіи. Уже въ XVI столѣтіи русскіе перешли Уралъ и разлились по сѣверо-азіатской равнинѣ постепенно вплоть до Великаго океана. Европа начала колонизировать Азію.

Главнымъ условіемъ культурнаго прогресса является преданіе. Для созданія и дальнѣйшаго распространенія прочной цивилизаціи на сѣверѣ недоставало подходящаго матеріала: камня для построекъ и письма (древ-

няя Вавилонія сумѣла, правда, вполнѣ возмѣстить недостатокъ камня и строительнаго дерева ставшимъ образцовымъ для всей передней Азіи употребленіемъ своей глины: ея кирпичныя постройки и глиняныя таблички въ своихъ довольно многочисленныхъ остаткахъ побѣдили силу времени). Въ прибрежныхъ странахъ Средиземнаго моря человѣкъ находилъ въ изобиліи твердѣйшій гранитъ, красивѣйшій мраморъ, порфиръ или какой-либо другой благородный минералъ. То, что создано было изъ камня его духомъ, сохранилось въ теченіе вѣковъ, и, однажды сдѣланное, могло быть передано и позднѣйшимъ поколѣніямъ. На обширной же восточно-европейской равнинѣ встрѣчается мало камня, и то скорѣе на ея краяхъ; къ тому же, его, въ виду большой ровности почвы, не легко добывать. Извѣстная часть страны не имѣетъ даже и лѣса, но, въ общемъ и въ цѣломъ, тамъ преобладали лѣсныя и водныя пространства. Человѣкъ пользовался, поэтому, деревомъ для своего творчества. Онъ жилъ въ дуплистыхъ стволахъ или на озерахъ въ болотахъ. Изъ дерева онъ создавалъ свои художественныя произведенія, свою культуру, которыя — и безъ того не многочисленныя — сгнивали вмѣстѣ съ этимъ деревомъ. Культуру приходилось, поэтому, все время возсоздавать, традицій не было. Тогда какъ на сѣверѣ исчезли цѣлыя селенія, на югѣ сохранились даже отдѣльныя дома: они были построены изъ камня. Каменная цивилизація, при которой были возможны полетъ мысли и обобщеніе, побѣдила деревянную. Лишь позднѣе, когда и на сѣверѣ стали предпочитать камень дереву, цивилизація начала прочно водворяться и въ этой странѣ. Теперь можно было обратиться къ помощи духовнаго преданія и двинуться по пути прогресса.

Въ климатическомъ отношеніи тогдашняя Восточная Европа тоже была менѣе удобна для культурнаго развитія. Вплоть до самой глубины средней Сибири здѣсь встрѣчаются такія рѣзкія перемѣны климата, при которыхъ можетъ устоять только организованное планомѣрно хозяйство. Въ общемъ, Восточная Европа страдаетъ отъ сухости, такъ какъ Средиземное и Черное моря оказываютъ на нее лишь небольшое вліяніе. Дожди приносятся лишь западными вѣтрами, но они теряютъ по пути свою водную массу и доходятъ, наконецъ, лишь до Оби. Россію, поэтому, часто посѣщаютъ неурожаи, что влечетъ за собой тифъ, чуму и другія болѣзни. Однако, человѣкъ находился въ сильной зависимости отъ природы лишь въ старину; теперь же, когда онъ научился господствовать надъ природой, обстоятельства часто мѣняются до своей противоположности. Та же необозримая равнина, гдѣ человѣкъ встрѣчался лишь съ дикими звѣрями, при улучшенныхъ путяхъ будетъ даже способствовать обмѣну; мало того, при образцовомъ уходѣ и искусственномъ орошеніи почвы, безплодная страна можетъ быть превращена въ рай. Въ той же самой безконечной степи, въ которую человѣкъ нѣкогда вступалъ со страхомъ, устраиваются теперь лечебныя заведенія, такъ какъ степной воздухъ обладаетъ прекрасными качествами, какъ и морской. Желѣзныя дороги, телеграфъ, обыкновенный и безпроволочный, телефонъ сильно измѣнили условія жизни и сдѣлали человѣка независимымъ отъ природы. Но если различія все больше выравниваются и противоположности между народами и странами смягчаются, то все же онѣ никогда не исчезаютъ совершенно. Теченіе цивилизаціи станетъ только болѣе однороднымъ. Народы земного шара, никогда не обособлявшіеся вполнѣ, даже при господствѣ самыхъ простѣйшихъ отношеній, теперь уже окончательно не могутъ вести замкнутаго существованія, а обмѣнъ—отецъ всякой цивилизаціи.

Конечно, въ тѣ времена, когда человѣкъ былъ еще въ бо́льшей или меньшей мѣрѣ звѣремъ, онъ находился въ полной зависимости отъ природы; но онъ все болѣе и болѣе освобождался отъ нея и даже научился господствовать надъ ней; въ концѣ-концовъ, онъ устранитъ всѣ препят-

ствія, которыя она ставитъ ему на пути. Уже въ тотъ моментъ, когда человѣкъ въ первый разъ набросилъ на свое тѣло звѣриную шкуру, чтобы ею защитить себя отъ холода, онъ уже не былъ полнымъ звѣремъ: онъ обезвредилъ климатическія различія и могъ, слѣдовательно, селиться на бо́льшемъ пространствѣ земли.

Кромѣ природы, при развитіи человѣчества нужно, однако, принимать въ разсчетъ и многія другія вліянія; если и очень трудно явственно осязать расовыя особенности прошедшихъ поколѣній, то, прежде всего, здѣсь имѣютъ свою долю участія собственныя наклонности каждаго народа. Онъ, вѣдь, имѣетъ при себѣ извѣстныя мысли и цѣли и уже приноситъ съ собою частицу культуры. Какъ же далѣе развивался здѣсь при новыхъ условіяхъ этотъ капиталъ? Вотъ вопросъ, на который едва можно отвѣтить. Кромѣ того, развитіе какого-либо народа зависитъ отъ его сношеній съ другими. Его исторія представляетъ собой, слѣдовательно, результатъ многихъ вліяній.

2. Народы Восточной Европы въ старославянское время.

А. Древнѣйшія сказанія о русскихъ и полякахъ.

Многочисленныя племена населяли ту область, гдѣ позднѣе возникли Польское и Русское государства. „Geographus bavarus“ (баварскій географъ) IX вѣка, „Русская лѣтопись“ такъ называемаго Нестора (умеръ около 1115 г.) начала XII столѣтія и другіе авторы приводятъ имена многихъ племенъ. Тамъ поименованы: сѣверные абтречи, вильчи, бетеничи, моричане, гефельды, сурбы, таламинчи, марары, болгаре, восточные абтречи (оботриды у Браничева), милоксы, феснуцы, тадезы, глопеане, цвиряне, бузане, сеттичи, стадичи, себбирочи (въ углу между Днѣстромъ, Дунаемъ и Чернымъ моремъ), наривяне (на Наревѣ), отторичи (на Днѣстрѣ), виллерочи, забрачи, цеталицы, отуречане, хоцирочи, лендичи таснечи, сѣверяне (между Десной и Сеймомъ), приссане, велунчане, бруци, вицундеры казиры, россы, форсдеры, люди, фрезиты, серавичи, луколане, унгары, висляне, сленчане, лунзицы, дадозезане, мильчане, безунчане, феричане, франгансы, лупиглы, ополяне, голензичи. Отчасти эти, отчасти другія имена приводятся Несторомъ, напримѣръ, дулебы (на Бугѣ), славяне новгородскіе, древляне, тиверичи (у Днѣстра), дреговичи (между Припетью и Двиной), радимичи, вятичи, поляне, кривичи (около Смоленска).

Мы теперь не въ состояніи ни указать мѣстопребыванія всѣхъ этихъ племенъ, ни выяснить, были ли они всѣ славянами. Имена мало намъ говорятъ. Они произведены частью отъ рѣкъ, при которыхъ тѣ жили, частью отъ ихъ главныхъ селеній и лишь въ малой мѣрѣ отъ именъ ихъ предводителей и старѣйшинъ, какъ радимичи отъ Радима. Только о послѣднихъ можно увѣренно сказать, что это были славянскія племена.

Позднѣе среди славянъ создались сказанія, гдѣ говорилось о трехъ братьяхъ Лехѣ, Русѣ и Чехѣ, которые, будто бы, были родоначальниками трехъ великихъ народовъ: русскихъ, ляховъ (лелитовъ, ляховъ-поляковъ) и чеховъ. Въ дѣйствительности, дѣло было иначе. Славянскія племена жили независимо другъ отъ друга. Съ теченіемъ времени одному какому-либо племени удавалось, какъ нѣкогда римлянамъ, распространить свое владычество на другія, которыя тогда получали его имя. Племя, давшее другимъ свое имя, не должно было обязательно быть славянскимъ: такъ, болгары, хотя и турецкаго происхожденія, ославянились и оставили покореннымъ ими славянъ свое имя. Это, подъ конецъ, могло случиться и съ Русомъ, Лехомъ и Чехомъ. Относительно имени чеховъ П. І. Шафарикъ полагаетъ, что оно вначалѣ принадлежало лишь главному племени, которое своей численностью и храбростью превосходило и затмило

всѣ другія племена Богеміи (такъ: седлицановъ, луцановъ. дазенъ, лютомеричей, пшовыхъ, дудлебовъ и другихъ). Откуда, однако, происходятъ имена Руса и Ляха (поляка)? Объ этомъ много спорили славянскіе, да и нѣмецкіе ученые. „Русская лѣтопись“ разсказываетъ, что около 859 года надъ сѣверно-русскими славянами властвовали варяги (византійск. *Βάραγγοι*), которые затѣмъ были, однако, прогнаны. Когда между славянами возникли потомъ раздоры, они отправили за море посольство къ варягамъ и просили, чтобы послѣдніе снова приняли надъ ними власть. Тогда прибыли къ славянамъ три брата: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ изъ варяжскаго рода Руси (финское названіе шведовъ), которые поселились въ Старой Ладогѣ, Изборскѣ и Бѣлоозерскѣ. Отъ Рюрика, старшаго изъ братьевъ, происходила княжеская династія рюриковичей, которая господствовала на Руси до конца XVI столѣтія. Тотъ же лѣтописецъ утверждаетъ, что по имени этого рода Россовъ всѣ новгородскіе славяне были названы Русью. Этотъ „норманскій“ или „варяжскій“ взглядъ ревностно защищали и позднѣйшіе ученые (Э. Куникъ, В. Томсонъ и друг.). Древнерусскіе князья, дѣйствительно, находились въ сношеніяхъ съ варягами, и варяжскіе воины служили въ русскомъ государствѣ. Въ очень раннихъ документахъ было также найдено болѣе ста скандинавскихъ именъ, и даже названія пороговъ Днѣпра, этого стараго пути „изъ варягъ въ греки“, были признаны скандинавскими. Однако, вся эта комбинація едва ли пріемлема во всѣхъ ея пунктахъ. Предпочтительнѣе будетъ при разрѣшеніи этого вопроса обсуждать разныя его стороны отдѣльно другъ отъ друга, напримѣръ: вопросъ о норманской династіи и вопросъ объ имени „Русь“.

Близкія сношенія новгородцевъ, образовавшихъ зародышъ русскаго государства, со скандинавами (шведами), а можетъ быть—и призваніе Рюрика нельзя, правда, отрицать; но чтобы имя „Русь“ происходило отъ даннаго князя, это сомнительно. Славянскіе племена окрестностей Кіева и юга Россіи, гдѣ позднѣе находилось ядро ея, съ незапамятныхъ временъ назывались „россами“. Наконецъ, и это лучшее доказательство противъ этой теоріи: вѣдь страна, которая, какъ доказано, существовала уже и до призванія норманновъ, должна была имѣть какое-либо названіе, а государство лишь съ трудомъ мѣняетъ свое имя, въ крайнемъ случаѣ, только вслѣдствіе завоеванія. Югъ былъ извѣстенъ арабамъ подъ именемъ „страны россовъ“, а Черное море называлось просто „Русскимъ“ (такъ у Нестора и Масуди) въ такое время, когда варяжскіе князья едва только были знакомы съ кіевскими. При всемъ томъ, мы не должны забывать, что „Русь“ была уже въ 840 году извѣстна Византіи въ качествѣ купцовъ, какъ это вытекаетъ изъ отчета епископа Пруденція изъ Труа и изъ одновременныхъ арабскихъ сообщеній. Вѣроятно, византійцы (Георгій Монахъ, генеалогъ Амартолъ и друг.), называвшіе южно-русскія имена—„Русь“, перенесли это имя на всю Россію. I. Маркартъ напоминаетъ о кавказскихъ „Гроссахъ“, которые, правда въ нѣсколько баснословной обстановкѣ, приводятся въ такъ называемой „Церковной исторіи Захаріи Ритора“, и сопоставляетъ послѣднихъ (гавтовъ изъ восточной Готландіи?) съ нѣкогда жившими на сѣверномъ берегу Чернаго моря герулами, т. е. съ когда-то покоренными остготомъ Эрманарикомъ розомонами. Дѣйствительно, послѣ понесеннаго въ 512 году отъ лангобардовъ пораженія, часть геруловъ пустилась въ обратный путь въ Швецію и поселилась тамъ рядомъ съ гавтами, такъ что сами по себѣ удивительныя свѣдѣнія сѣверныхъ викинговъ о южной Россіи и о водномъ волжскомъ пути не заключаютъ болѣе въ себѣ ничего необычайнаго. Поэтому Маркартъ полагаетъ, что имя „Росъ“ (*Ῥῶς*, ср. Гросъ) въ теченіе столѣтій сохранялось въ окрестностяхъ Майтиса и въ началѣ IX вѣка перешло на приходившихъ съ сѣвера и близко родственныхъ геруламъ шведскихъ купцовъ и морскихъ разбойниковъ.

Столь же темно значенiе словъ „полякъ“ и „ляхъ“. Въ то время, какъ имя „поляне“ можетъ оказаться славянскимъ, слово „ляхъ“ или „лехъ“, кажется, чуждаго происхожденiя. Какъ и по поводу имени „Русь“, здѣсь стали думать о Скандинавiи и въ ляхахъ видѣли сѣверныхъ завоевателей. Но при этомъ было упущено изъ виду, что великополье, истинно коренная область Польши, никогда не называлась Ляхiей или Лехiей; это названiе имѣла только краковская земля и, лишь благодаря ей, и сѣверная Польша. Имя ляхъ, лехъ, лехиты находится въ родствѣ со словами: волхъ, влахъ, валахъ, велшъ и, несомнѣнно, южнаго происхожденiя. Славяне еще и нынѣ называютъ итальянцевъ именемъ „влохи“ (по-польски) или ляхи (по-словенски), а румынъ—„валахи, волоцза“. Сюда относится и имя „ляхъ“; которое поляки переняли отъ русскихъ. Если мы примемъ во вниманiе, что болгары и кроаты также назывались влахами, и что даже изъ германцевъ южныя племена обозначались въ восточной половинѣ Римской имперiи именами: влахи, ляхи или вельши,—то мы должны будемъ сдѣлать отсюда заключенiе, что слово „ляхи“ принесено съ юга. Русская лѣтопись разсказываетъ, что поляки пришли съ Дуная—здѣсь, понятно, нужно имѣть въ виду лишь малополье. „Blach“ (средненѣмецкое) и „black“ (англо-нидерландское) означаютъ черное; свѣтловолосые жители сѣвера окрестили своихъ южныхъ сосѣдей „черными“. Русскiя племена, жившiя въ сосѣдствѣ съ южно-польской, позднѣе малопольской (краковской) областью, называли ляхами только обитателей малополья, и лишь со временемъ это названiе было перенесено также на сѣверную или великую Польшу. Даже въ документахъ вплоть до XIV столѣтiя „краковская земля“ никогда не именуется Польшей. Наоборотъ, Познань и Гнѣзно, слѣдовательно, коренныя польскiя земли, всегда называются Полонiей, и это имя было затѣмъ распространено и на южную Польшу, слѣдовательно, и на завоеванный позднѣе Краковъ. Такъ какъ это имя вошло въ оффицiальное употребленiе, то оно вытѣснило всѣ остальныя, и подъ конецъ государство во всей Европѣ стало называться Польшей.

B. **Неславянскiя народности древней Руси.**

Въ то время, какъ въ Польшѣ, за исключенiемъ, можетъ быть, ятвяговъ, жили одни славянскiя племена, — на территорiи Руси обитали въ самомъ началѣ многiя племена другой расы: на сѣверѣ, у самаго Балтiйскаго моря, литовцы, далѣе на сѣверо-востокѣ—финны, на Волгѣ—болгары и на югѣ—хазары, не считая болѣе мелкихъ племенъ, а также позднѣйшихъ переселенцевъ. Изъ вышепоименованныхъ народовъ сохранились лишь литовцы и отчасти финны.

a) Литовцы.

Исторiя находитъ литовскiя племена поселившимися на берегу Балтiйскаго моря между Вислой и Двиной и къ югу до средняго теченiя Буга. Только въ одномъ мѣстѣ они граничили съ финскими ливами, а со всѣхъ другихъ сторонъ были окружены славянскими народами. Около X вѣка литовцы дѣлились на слѣдующiя племена. У устья Двины жили венды, на ея правомъ берегу и на границѣ съ ливами — латыши (Летигала); на лѣвомъ берегу рѣки племя семигальское и селоны; Курляндскiй полуостровъ былъ занятъ корсами или куронами. На Нѣманѣ жила жмудь и литовцы; къ западу отъ послѣднихъ, между Нѣманомъ и Вислой, обитали одиннадцать прусскихъ племенъ, на юго-западѣ—ятвяги (яцвиги). Такъ какъ на долю жившихъ въ центрѣ страны жмудиновъ и литовцевъ выпала задача бороться за нацiональную свободу и раньше всѣхъ основать значительное государство („Литву“), то, въ концѣ - концовъ, всѣ племена

получили названіе литовцевъ. Слѣдовательно, и здѣсь тоже было перенесено на цѣлое имя его части.

Однако, эти племена только въ этнографическомъ отношеніи образовали одинъ народъ—жили же они родами. Въ XIII столѣтіи уже упоминаются литовскіе вожди или старѣйшины племенъ; они управляли лишь небольшими областями и назывались у пруссовъ „рикисъ" (чехъ), у литовцевъ—„кунигами". Только когда стала угрожать опасность иноземнаго покоренія, эти племена, частью добровольно, частью нехотя, соединились въ одно государство.

Изъ всѣхъ европейцевъ литовцы послѣдними приняли христіанство, а именно—лишь въ 1387 году и въ XV столѣтіи. Поэтому мы очень хорошо освѣдомлены объ ихъ язычествѣ. Мы находимъ у нихъ три главныхъ божества, на подобіе индійской Тримирты и позднѣйшаго греческаго троебожія. Мѣсто Зевса занималъ у литовцевъ Перкунъ (по-славянски перунъ — громъ), котораго представляли сильнымъ человѣкомъ съ каменнымъ молотомъ или со стрѣлой въ рукѣ; Посейдону соотвѣтствовалъ Атримпосъ, котораго изображали въ видѣ свернувшейся въ кольцо гидры, богомъ подземнаго царства считался Поклусъ (по-славянски—пекло)—старикъ съ блѣднымъ лицомъ, сѣдой бородой и съ повязанной холстомъ головой. Кромѣ того, почитались солнце, луна, звѣзды, животныя, птицы и особенно змѣи, а также лягушки. Божество солнца имѣло различныя имена; напримѣръ, Сотваросъ (по-славянски—Сварогъ); богиня луны называлась Лайма, божество дождя—Лейтванисъ. Вся природа населялась добрыми и злыми божествами, отъ которыхъ на каждомъ шагу зависѣла человѣческая жизнь. Среди нихъ мы находимъ божества Лель или Ладо, которыя были также извѣстны славянамъ, потомъ Рагутисъ, божество радости и свадьбы; Летуву, божество счастья, далѣе—Андай, Дивериксъ, Мжеджей, Наджей, Талавелу. Рядомъ съ солнцемъ, сильно почитался и огонь. Въ храмѣ Перкуна горѣлъ передъ его идоломъ вѣчный огонь (snic), который находился подъ защитой богини Прауримы. Какъ у грековъ и римлянъ, и здѣсь существовали еще священныя озера. Родство между литовской религіей и славянской и германской доказываетъ, что эти народы нѣкогда жили вмѣстѣ. Когда же мы узнаемъ, что литовцы, какъ и германцы, почитали божество грома, священнымъ деревомъ котораго былъ дубъ, а храмы находились въ дубовыхъ рощахъ, для насъ дѣлается понятнымъ, какъ трудно выдѣлить здѣсь собственно литовскія особенности. Главное святилище Перкуна находилось гдѣ-то въ Пруссіи; когда же Пруссія была завоевана поляками, то оно было перенесено во внутрь страны у впаденія Дубиссы въ Нѣманъ, а затѣмъ далѣе на востокъ, въ Керново на Виліи и, наконецъ, въ Вильну.

Жреческое сословіе было здѣсь высоко развито. Верховный жрецъ, имѣвшій свое мѣстопребываніе при главномъ святилищѣ, назывался криве-кривейто. Ему были подчинены всѣ жрецы и жрицы (вайделоты), главное занятіе которыхъ состояло въ принесеніи жертвъ. Высшую ступень среди нихъ занимали кревы, которымъ поручались надзоръ и охрана храмовъ; знакомъ ихъ отличія служила трость особой формы. Они должны были соблюдать цѣломудріе. Власть верховного жреца криве-кривейто простиралась на всѣ племена. Передъ его значкомъ, который онъ посылалъ черезъ своихъ вайделотовъ, склонялись знатные и простые; ему принадлежала треть военной добычи. Литовскимъ богамъ приносились богатыя жертвы, преимущественно животными, но и военно-плѣнными. То были сплошь всесожженія, и нерѣдко на костеръ долженъ былъ взойти самъ криве-кривейто, какъ и другіе старцы: такъ сильна была тамъ вѣра въ очистительную силу огня. За отсутствіемъ всякой государственной власти, жрецы были также устроителями общественнаго порядка и культуры, а криве-кривейто—какъ бы верховнымъ главой всѣхъ племенъ. И въ вы-

шеупомянутыхъ кунигахъ мы тоже должны представлять себѣ жрецовъ. Что дѣло не иначе обстояло и у славянъ у германцевъ, показываетъ уже само слово „кунигасъ“ (кунингъ = кёнингъ), которое означаетъ у славянъ одновременно „князь“ и священникъ: князь, кнезь (по-чешски — священникъ) или по-польски: ксендзъ (священникъ) и ксендзе (князь). Жрецы знали искусство письма. Правда, хроникеръ Тевтонскаго ордена Петръ фонъ Дусбургъ (около 1326 года) утверждаетъ, что литовцамъ письмо не извѣстно, но это можетъ относиться лишь къ массѣ народа. Найдены слѣды тайной (жреческой) письменности. Руническія письмена были, вѣроятно, извѣстны обитателямъ всѣхъ сѣверныхъ странъ: славянамъ, германцамъ, литовцамъ и финнамъ.

Если бы Литва могла далѣе безпрепятственно развиваться, то въ ней, вѣроятно, возникла бы теократическая монархія. Только крайняя необходимость повела къ отдѣленію духовной власти отъ военной, а слѣдовательно, и къ образованію свѣтскаго государства. Въ народѣ распространено сказаніе, что Видэвутъ — можетъ быть, родственный общегерманскому законодателю Одину—положилъ основаніе соціальному и государственному устройству Литвы. Семейная жизнь зависѣла отъ жрецовъ, которые постановляли свои рѣшенія согласно старому обычаю. Петръ фонъ Дусбургъ разсказываетъ, что литовцы сходились на собранія въ священныхъ мѣстахъ. Они занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, употребляли кобылье молоко, умѣли также приготовлять пиво (alus) и медъ. Богатые пили ихъ изъ роговъ, бѣдные изъ деревянныхъ сосудовъ. Осенью въ деревняхъ было весело. Гостямъ оказывали большой почетъ, обильно угощали ихъ и отпускали, лишь напоивъ. Военному искусству литовцы научились лишь изъ нужды. Они пользовались въ борьбѣ стрѣлами и лукомъ, мечомъ и копьемъ, а также топоромъ и пращей. Древнѣйшимъ оружіемъ была дубина. Передъ каждымъ походомъ они вопрошали боговъ, а затѣмъ одѣтые въ шкуры зубровъ или медвѣдей, съ шапками (неромка) на головѣ, шли въ бой при трубныхъ звукахъ, частью пѣшкомъ, частью на коняхъ. На ихъ боевыхъ знаменахъ были изображены божества, а также люди съ медвѣжьими головами или же два круга: голубой и желтый; изображеніе несущагося вскачь всадника съ гербомъ было, подъ конецъ, перенято у собственно литовцевъ всѣми племенами. Переправу черезъ рѣки литовцы совершали въ челнокахъ изъ шкуръ зубровъ, или же держась за хвостъ лошади, какъ это сообщается также о венгерцахъ и о татарахъ. Возвращавшихся домой побѣдителей встрѣчали съ пѣснями и танцами жены и дѣвицы; въ случаѣ же пораженія, съ ними обращались съ презрѣніемъ, а бѣглецовъ наказывали смертью. Литовцы тоже вѣрили въ загробную жизнь и давали мертвецу все, что тогда было въ употребленіи: оружіе, украшенія и платье, коней, соколовъ, рабовъ и женъ. Все это сожигалось, а зола клалась въ гробъ. При этомъ справлялись и поминки.

b) Финны, болгары и хазары.

Финны занимали вначалѣ весь сѣверъ нынѣшней Россіи. Различныя племена ихъ заселяли мѣста между Бѣлымъ моремъ, Ураломъ и Волгой до западной Двины, будучи восточными сосѣдями литовцевъ. Двина можетъ, въ общемъ, считаться пограничной рѣкой между литовцами и финнами, хотя литовцы жили отчасти и на ея правомъ берегу. На балтійскомъ побережьѣ обитали литовцы и эсты, которые и теперь еще остаются въ Эстляндіи и Лифляндіи. Кромѣ этихъ главныхъ племенъ, въ русскихъ лѣтописяхъ упоминается еще о веси или бессахъ, мери, муромскомъ племени, черемиссахъ, ями, мотодвѣ, чуди, пермякахъ и другихъ; они жили южнѣе и назывались у славянъ чудью. Здѣсь находилось въ старину финское государство, Біармія, вѣроятно, теперешняя Пермь. Скудныя

свѣдѣнія объ этомъ прославляемомъ въ сѣверныхъ сагахъ государствѣ мы имѣемъ лишь отъ скандинавскихъ викинговъ, проникавшихъ туда. Во времена Альфреда Великаго въ эти области первымъ проникъ Отэръ, а затѣмъ Вульстанъ; въ дни Святого Олафа (около 1026 года) за ними послѣдовали викинги Карли и Тореръ-Гундъ. Они выдавали себя за купковъ, купили пушного товару и затѣмъ притворно удалились, чтобы успокоить жителей. На дѣлѣ же они готовились къ хищному набѣгу, которымъ руководилъ Тореръ, какъ знатокъ финскаго волшебства.

Ихъ цѣлью были могильные курганы біармійцевъ и храмъ ихъ верховнаго бога Юмалы. Обозначая свой путь отрываемой отъ деревьевъ корой, викинги достигли луга, гдѣ стоялъ храмъ, окруженный деревянной изгородью. Караульные ушли. Викинги стали копать курганы и нашли тамъ много золота. Въ храмѣ стоялъ идолъ Юмалы, на колѣняхъ котораго лежало блюдо, полное золота; Тореръ унесъ блюдо, а Карли отрѣзалъ идолу голову, чтобы завладѣть его золотымъ ожерельемъ, но на шумъ прибѣжали караульные, бросились на Горна, и лишь съ трудомъ викинги спаслись отъ преслѣдованія. Это — почти единственное извѣстіе, которое мы имѣемъ о финской Біарміи. Затѣмъ ея исторія сливается съ Новгородской. Финскія племена не могли противостоять натиску славянъ, и лишь эстамъ удалось сохранить свою національность. Еще въ XIV столѣтіи русскіе лѣтописцы упоминаютъ о мордовскихъ князьяхъ. Финны, особенно пермяки, вели мелкую торговлю; они охотно вымѣнивали шкуры на сабли изъ магометанскихъ странъ. Сверхъ того, они были свѣдущи и въ земледѣліи. Ихъ религія походила на литовскую. Кромѣ того, финны далеко славились, какъ прорицатели и волшебники. Въ другихъ отношеніяхъ эта покрытая льдомъ страна была мало извѣстна и мало объѣзжаема. Касвини (ум. въ 1283 г.) разсказываетъ, какъ камскіе и волжскіе болгары вели нѣмую торговлю съ финнами. Болгаринъ приносилъ свои товары, отмѣчалъ ихъ и оставлялъ лежать; затѣмъ онъ снова являлся и находилъ на томъ же мѣстѣ такіе товары, которые были въ ходу въ его странѣ. Если онъ былъ ими доволенъ, то мѣнялъ свои товары на чужіе; если недоволенъ, то бралъ обратно свою собственность.

Немного больше свѣдѣній имѣемъ мы о конномъ племени волжскихъ болгаръ, да и то лишь съ X вѣка, когда ихъ князь Алисъ перешелъ незадолго до 921 года въ исламъ. Этому обстоятельству мы обязаны замѣчательнымъ отчетомъ Амада-бенъ-Фадланъ (ибнъ-Фадланъ или Фоцланъ), который прибылъ 11 мая 922 года въ станицу Болгаръ Великій, въ качествѣ приглашеннаго посланника калифа. Испанецъ Абу Гамидъ (Мухаммадъ-бенъ-абдъ-ар-Рагимъ-аль-Мацини) аль-Андалузи [аль-Гарнати (изъ Гранады); умеръ въ 1169 году], посѣтившій великую Болгарію въ 12 столѣтіи, сообщаетъ: „Каждыя двадцать лѣтъ всѣ старыя женщины страны заподозрѣваются въ колдовствѣ, и народомъ овладѣваетъ сильное возбужденіе. Тогда собираютъ старыхъ женщинъ, вяжутъ имъ руки и ноги и бросаютъ въ протекающую здѣсь большую рѣку. Которая изъ нихъ поплыветъ, та принимается за колдунью и сжигается; тонущихъ считаютъ невиновными и спасаютъ“. Человѣческія жертвоприношенія не были вѣдь тогда рѣдкостью. Мы на нихъ наталкиваемся у геруловъ (Прокопій и Эннодій) и у россовъ (ибнъ-Руста), у виндовъ или сербовъ (Бонифацій) и у языческихъ поляковъ (Титмаръ), у родимичей, вятичей и сѣверянъ (Несторъ) и, наконецъ, у восточныхъ славянъ [Абу Абдаллахъ Мухаммадъ-бенъ-Ахмадъ-аль-Гайани (Саманидскій визирь) и изъ отчета Гайани въ трудахъ ибнъ-Русты, аль-Бекри и Гардици]. Въ большинствѣ перечисленныхъ здѣсь случаевъ дѣло шло о сожженіи вдовъ. Нѣкоторыя славянскія племена платили болгарамъ дань лошадьми, пушниной и другими предметами, съ каждаго двора по воловьей шкурѣ. Съ торговыхъ кораблей взималась въ идѣ впошлинъ десятая часть товаровъ.

Въ это же время на югѣ Россіи, между Каспійскимъ и Чернымъ морями, жилъ, какъ это удостовѣрено со второго вѣка послѣхристіанской эры, западно-турецкій народъ—хазары. Расцвѣтъ хазарскаго царства приходится, кажется, на VII столѣтіе, послѣ распаденія гуннскаго государства. Значительнѣйшими городами были здѣсь Сариг-саръ на западномъ берегу Волги (желтый городъ; позднѣе Итиль, теперь Астрахань) и противолежащій Хамлихъ или Хазаранъ, далѣе Самандаръ или Смейндиръ (теперь Тарху, къ востоку отъ Темиръ-ханъ-Шуры, на западномъ берегу Каспійскаго моря) и построенная въ 833—835 годахъ при императорѣ Теофилѣ грекомъ Петроліемъ крѣпость Саркелъ у устья Дона (у Нестора—Бѣлая Вѣжа, разрушена Святославомъ въ 925 году); второй главной крѣпостью хазаръ былъ временно Балангаръ, къ сѣверу отъ Дербента на Кавказѣ. хазары вели обширную торговлю съ Болгаріей, Русью, Персіей, Византіей. Полукочевое населеніе жило частью еще въ тѣхъ войлочныхъ юртахъ, которыя мы теперь встрѣчаемъ у кочевыхъ киргизовъ. Только богачи строили себѣ глиняные дома, а одинъ лишь каганъ (хаканъ) обиталъ въ высокомъ кирпичномъ жилищѣ. Каганъ былъ духовнымъ главой народа, а во главѣ военнаго дѣла стоялъ бекъ (визирь). При каганѣ Буланѣ (по преданію, около 740 г.; правильнѣе—лишь незадолго до 860 г.) хазары, послѣ временнаго обращенія въ христіанство, приняли отчасти іудейскую религію. „Существуютъ семь судей,—говоритъ Масуди,—двое для хазаръ-магометанъ; двое для хазаръ-іудеевъ, у которыхъ творится судъ по закону Моисея; двое для христіанъ, гдѣ правосудіе совершается согласно Евангелію: одинъ для славянъ, русскихъ и другихъ язычниковъ, которыхъ судятъ по языческимъ законамъ“.

Поляне, радимичи, вятичи и сѣверяне платили хазарамъ дань. Могущество хазаръ было сломано лишь арабами, завоевавшими южный берегъ Каспійскаго моря, и печенѣгами, появившимися въ южной Руси; русскіе совершенно покорили хазаръ (около 969 года). Однако, остатки хазаръ долго еще существовали въ Крыму и на Кавказѣ; память о нихъ живетъ еще и понынѣ въ названіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей.

C. **Жизнь древнихъ славянъ.**

Всѣ эти государства: финское, болгарское и хазарское—исчезли, но оказали передъ тѣмъ, болѣе или менѣе прочное, вліяніе на нравы и жизнь древней Руси. Эти славянскія племена, занимавшія больше средину восточно-европейской равнины, составляли большинство населенія и неудержимо по всѣмъ направленіямъ вытѣсняли чужіе народы, сначала путемъ мирной колонизаціи, а затѣмъ силой оружія. Надо думать, что всѣ славяне, въ общемъ, имѣли одни и тѣ же нравы, одну религію, одинаковыя родовыя и государственныя учрежденія. Различія проявлялись лишь тамъ, гдѣ природа создала другія условія жизни, или гдѣ чувствовалось чужое вліяніе. Такъ, славяне жили иначе на морѣ, чѣмъ въ степи или въ лѣсахъ. Если они даже вначалѣ явились въ Европу, какъ одинъ народъ съ одними и тѣми же обычаями, одинаковымъ міровоззрѣніемъ, языкомъ, преданіями и устройствомъ, — то различная природа вскорѣ наложила особый отпечатокъ на каждое главное племя и направила по другому пути его соціальную, религіозную и правовую жизнь. Степные кочевники съ трудомъ могли имѣть такую же религію, какъ морскіе обитатели. Или: въ то время, какъ лѣсные жители платили подати пушниной и медомъ, племя, жившее на равнинѣ, вносило ихъ лошадьми и рогатымъ скотомъ. Если на плодородной земледѣльческой равнинѣ многочисленный родъ былъ естественной формой народной жизни, то въ лѣсу семейства должны были скорѣе отдѣляться другъ отъ друга. Дальнѣйшія различія были вызваны вліяніемъ сосѣдей; такъ, сосѣдніе съ германцами славяне

имѣли родственную имъ религію и миѳологію. Рука объ руку съ этимъ шло измѣненіе языка, такъ какъ для другихъ понятій нужно было создать другія слова или заимствовать ихъ у другихъ племенъ. Была сдѣлана попытка нарисовать общую картину жизни всѣхъ славянскихъ племенъ, но при этомъ забыли, что такая картина возможна лишь для того времени, когда славяне составляли еще одинъ народъ, слѣдовательно, еще до Рождества Христова. Наши же источники восходятъ ко времени, на 500 лѣтъ или на цѣлое тысячелѣтіе позднѣйшему, и къ тому еще крайне недостаточны. Неудивительно, что результаты столь несовершенныхъ изслѣдованій противорѣчатъ другъ другу. Какъ члены индогерманской семьи народовъ, славяне будутъ имѣть много общаго съ другими арійцами. Выдѣлить эту общую основу, а затѣмъ указать распутье, гдѣ славяне отдѣлились отъ другихъ народовъ, а также показать особые пути, которые проложили отдѣльныя славянскія племена, — такова главная задача историческаго изслѣдованія. Всѣ утверждаютъ, будто всѣ славяне были земледѣльцами уже въ тотъ моментъ, когда они появляются при свѣтѣ исторіи. Можетъ ли это случиться съ жителями лѣсовъ или озеръ и болотъ? Источники не подтверждаютъ этого безъ изъятій. Одинъ писатель XII столѣтія съ удивленіемъ разсказываетъ, что онъ слышалъ объ одномъ человѣкѣ изъ сѣверно-польскихъ областей, который всю свою жизнь питался рыбами. Было ли это единичнымъ случаемъ? Едва ли. Лѣса, рѣки и болота покрывали вѣдь тамъ, по меньшей мѣрѣ, девять десятыхъ поверхности. То, что славяне при своихъ переселеніяхъ, придерживались рѣчныхъ долинъ, это не является, конечно, славянской особенностью.

а) Религіозное, соціальное и культурное состояніе славянъ.

Славянско-языческая религія, о которой мы, впрочемъ, мало знаемъ, напоминаетъ своими основными идеями индійскую и другія арійскія. И у славянъ были добрыя и злыя божества—дуализмъ; и они имѣли своихъ домашнихъ боговъ, какъ греки и римляне; и у нихъ природа была населена различными существами, и, какъ въ Греціи и въ другихъ мѣстахъ, звѣри считались священными. И опять-таки, это—природа научила людей почитать въ лѣсахъ совъ и другія птицы, волка (въ видѣ оборотня) и другихъ звѣрей, а на равнинѣ—лошадь, тогда какъ жителей Нила заставила обожать крокодила, а приморскимъ обитателямъ предложила для этого другихъ звѣрей и рыбъ. Славяне также почитали солнце, луну и звѣзды, молнію и громъ и были огнепоклонниками. Въ чемъ состояли собственно славянскія, слѣдовательно, новыя, черты данной религіи, этого изслѣдованія не указали. Славянъ хотятъ отличить по употребленію нѣкоторыхъ блюдъ, напримѣръ, пшена и меда, — но развѣ не то же самое сообщаютъ источники о гуннахъ и болгарахъ?

Приблизительно то же относится и къ правовому и общественному состоянію славянъ. Родъ былъ основой ихъ государственной и религіозной жизни. Глава рода былъ верховнымъ законодателемъ, судьей и жрецомъ. Такъ какъ знаніе законовъ, обычаевъ и богослуженія могло передаваться лишь устно, то обычай — естественно непостоянный — и преданіе означали все. Раздѣленные на отдѣльныя, независимыя другъ отъ друга племена, славяне должны были все болѣе удаляться другъ отъ друга въ своемъ образѣ жизни. Отдѣльные округа назывались жупами, у другихъ—опольями или голостями. Является ли, однако, жупа чисто славянскимъ учрежденіемъ или же, напримѣръ, можетъ быть сопоставлена съ древне-германской гобой (Gau), — этого мы не можемъ рѣшить. Центромъ области былъ градъ (городъ = замокъ); здѣсь находилось родовое святилище. Однако, присущъ ли городъ лишь славянамъ, или это то же самое, что и нѣкогда галльское слово garde (сторожъ) и garder (сторожить), — этого

нельзя рѣшить. Повсюду въ славянскихъ странахъ опредѣленная область, обыкновенно, окружалась пограничнымъ лѣсомъ, дороги охранялись и были защищены засѣками, которыя назывались „просѣками“. Въ соотвѣтствующихъ пунктахъ выставлялись караульные или воздвигались сторожевыя башни (стража — настоящее славянское слово). Въ Германіи такіе пограничные лѣса существовали до эпохи Гогенштауфеновъ, и даже отчасти позднѣе; мы ихъ еще теперь находимъ въ глубинѣ Африки. Въ то время какъ городъ былъ всегда укрѣпленнымъ мѣстомъ, окруженнымъ землянымъ валомъ, — сторожи, кажется, были лишь сторожевыми постами на болѣе высокихъ мѣстахъ, гдѣ въ случаѣ опасности зажигались предупреждающіе огни. Отъ земляныхъ насыпей городовъ отличались деревянныя поселенія, которыя устраивались на проходныхъ дорогахъ для торговыхъ путей, позднѣе замыкались и огораживались, такъ что и они могли служить оборонительными пунктами.

Еще до IX столѣтія Россію прорѣзывалъ оживленный торговый путь: отъ Финскаго залива черезъ озеро Ильмень къ Двинѣ, а затѣмъ внизъ по Днѣпру черезъ Черное море въ Грецію. На этомъ, часто упоминаемомъ, пути „изъ варягъ въ греки“ лежали древнѣйшіе деревянные города, бывшіе первоначально торговыми станціями. Часто посѣщаемый торговый путь изъ Чернаго моря въ Балтійское шелъ также вверхъ по Днѣстру до рѣки Сана, затѣмъ внизъ по послѣдней и по Вислѣ. Въ то время, какъ первый путь (днѣпровскій) сдѣлался позднѣе главной торговой дорогой Россіи, второй (днѣстровско-вислянскій) сталъ главнымъ средствомъ сообщенія Польши; оба пути восходятъ, можетъ быть, еще къ финикійскимъ временамъ. Товаръ вмѣстѣ съ судами перетаскивали изъ одной рѣчной системы въ другую, напримѣръ изъ Днѣстра въ Санъ; отсюда слово: волокъ, wołoczyska. Торговые пункты выростали въ города, такъ какъ въ нихъ, ради большей безопасности, переселялось и сельское населеніе. На этихъ рынкахъ регулировались на собраніяхъ общія дѣла города и городской округи; собранія назывались „вѣче“. Вѣче созывалось разсылкой какихъ-либо знаковъ, а позднѣе также колокольнымъ звономъ.

И въ правовой жизни славянъ должны были дать себя почувствовать различія по областямъ. Кто, вообще, говоритъ о славянской правовой жизни, о славянскихъ обычаяхъ того времени, тотъ только обманываетъ самого себя, какъ и тотъ, кто толкуетъ объ общегерманскомъ обычаѣ въ одновременную же эпоху. Повсюду должны были существовать различія. Народъ образуетъ извѣстную индивидуальность, когда онъ не только имѣетъ нѣсколько отличающіяся наименованія для тѣхъ же предметовъ, понятій и т. д., но и смотритъ на вещи особымъ взоромъ и создаетъ новыя понятія, новыя учрежденія. Въ этомъ и отражается философское міровоззрѣніе народа, его духовная дѣятельность. Примѣръ это разъяснитъ. Когда славяне составляли еще одинъ народъ съ германцами, они должно быть имѣли общее названіе для медвѣдя, которое было подобно нѣмецкому слову Bär, ибо и теперь еще пчеловодъ называется по-славянски бортникомъ (оберегатель отъ медвѣдей? Bärennahter). Но когда они пріобрѣли осѣдлость, то замѣтили, что медвѣдь охотно ѣстъ медъ, и согласно этой его особенности дали ему его имя (медоѣдъ или медвѣдь, по-польски, niedzwiedz; сравни, напримѣръ, нѣмецкое слово „Ameisenfresser“). Можно себѣ представить, какой вредъ должны были тогда причинять медвѣди, если ихъ такъ называли. Добываніе меду, обыкновеннаго и питейнаго, было, по свидѣтельству источниковъ, значительно. Но уже этимъ наименованіемъ славянскій народъ обнаружилъ свою, отличную отъ другихъ народовъ, манеру мышленія. Подобнымъ образомъ слѣдовало бы изслѣдовать индивидуально-національное обособленіе народа во всѣхъ областяхъ его жизни. Но пока такого изслѣдованія не произведено, до тѣхъ поръ нельзя сдѣлать законченнаго заключенія о религіи, миѳологіи, правѣ, се-

мейной жизни и культурѣ языческихъ славянъ. Какъ трудно, однако, приступить къ такому изслѣдованію и насколько оно было бы своевременно, это видно хотя бы изъ того обстоятельства, что до сихъ поръ еще нельзя указать сколько-нибудь пригодныхъ работъ по славянству хотя бы въ родѣ труда Ганса Мейера „Deutsches Volkstum" или даже отдѣльныхъ частей этого сочиненія.

И несмотря на это, бездоказательныя мнѣнія всего чаще и смѣлѣе высказываются, именно, по этимъ необычайно щекотливымъ вопросамъ о національныхъ особенностяхъ, въ которыхъ постоянно приходится наталкиваться то на самолюбіе, то на незаслуженное униженіе сосѣдей.

b) Отзывы иностранцевъ объ языческихъ славянахъ.

Достойны вниманія отдѣльныя сообщенія старыхъ писателей о славянахъ, тѣмъ болѣе, что славянское язычество продолжало существовать еще цѣлыя столѣтія и послѣ крещенія Руси. Іорданъ говоритъ около 550 года о славянахъ: „Ихъ города—болота и лѣса"; Прокопій сообщаетъ: „Они живутъ въ грязныхъ, разсѣяныхъ шалашахъ и легко мѣняютъ свое мѣстопребываніе". Императоръ Маврикій разсказываетъ около 600 года: „Они живутъ въ лѣсахъ, у рѣкъ, болотъ и озеръ, доступъ къ которымъ труденъ. Въ своихъ жилищахъ они устраиваютъ много выходовъ, чтобы укрыться отъ возможныхъ опасностей, свое добро закапываютъ въ землю— нельзя тамъ замѣтить ничего лишняго; все это для того, чтобы сдѣлать невозможными непріятельскія нападенія". Подобное же сообщаетъ въ 1170 году Гельмальдъ изъ Бозау въ концѣ своей славянской хроники: „Они мало заботятся о постройкѣ домовъ: легко сплетаютъ свои хижины изъ вѣтвей, чтобы имѣть необходимую защиту отъ непогоды и дождя. Какъ только раздается боевой призывъ, они собираютъ свои запасы хлѣба закапываютъ ихъ вмѣстѣ со своими сокровищами изъ золота, серебра и другихъ цѣнностей и уводятъ женъ и дѣтей въ укрѣпленныя мѣста или въ лѣса. Врагу не остается ничего, кромѣ хижины, потерю которой они легко переносятъ".—„Когда они отправляются на бой—говоритъ Прокопій,—то нападаютъ на врага въ пѣшемъ строю, въ рукахъ держатъ щитъ и копье, панцырей не носятъ; у нихъ нѣтъ ни верхнихъ одеждъ, ни рубахъ, и они идутъ въ бой лишь въ штанахъ". Женщина, какъ у германцевъ, занимала почетное положеніе; она также имѣла личную собственность, хотя, какъ и у другихъ народовъ, здѣсь господствовало многоженство, и женъ похищали. Русская лѣтопись разсказываетъ про древлянъ: „Они живутъ скотски, брака не знаютъ, но похищаютъ дѣвицъ у рѣки". Тотъ же лѣтописецъ говоритъ о радимичахъ, вятичахъ, сѣверянахъ: „Свадебъ не бываетъ, а только игры посреди деревни. Они сходятся во время игръ, танцуютъ и творятъ всякія бѣсовскія игрища и похищаютъ себѣ жену, если кто-либо сговорился съ ней". То же самое существовало и у другихъ народовъ: Козьма Пражскій (ум. въ 1125 году) разсказываетъ про чешскаго князя Вретислава I Ахиллеса, что онъ похитилъ свою невѣсту Юдиѳь изъ Швейнфурта. У сербовъ еще до недавняго времени было въ обычаѣ похищеніе женъ или отмица.

Древніе лѣтописцы много разсказываютъ про мягкій характеръ славянъ. Прокопій говоритъ: „У нихъ нѣтъ жадности и лживости". Маврикій хвалитъ ихъ гостепріимство. О ранахъ (руанахъ на Рюгенѣ) Гельмольдъ сообщаетъ: „Хотя они болѣе враждебны христіанамъ и суевѣрнѣе остальныхъ славянъ, все же они отъ природы имѣютъ много хорошихъ качествъ. Они въ высшей степени гостепріимны и оказываютъ своимъ родителямъ всяческое почтеніе. У нихъ нѣтъ ни нищихъ, ни бѣдныхъ. Кто ослабѣетъ отъ болѣзни или отъ старости, того передаютъ на попеченіе его наслѣдника. Величайшія добродѣтели у славянъ, это—гостепріимство и за-

бота о родителяхъ. Если кто-либо отказывалъ въ гостепріимствѣ, то его жилище сжигалось. Славянамъ позволялось красть, чтобы содержать путешественниковъ. Теофилактъ Симокаттъ(первая половина XII вѣка) разсказываетъ слѣдующую исторію: Маврикій отправлялся во Ѳракію, чтобы приготовиться къ войнѣ съ аварами; спутники императора задержали трехъ людей, несшихъ цитры. На вопросъ, какого они происхожденія, тѣ отвѣтили, что они славяне и жили у западнаго океана; каганъ прислалъ къ князьямъ ихъ странъ пословъ со многими подарками, чтобы просить помощи.... Когда они услыхали, что римляне достигли высшей степени могущества и человѣчности, они бѣжали и достигли Ѳракіи. Они носятъ цитру, такъ какъ не умѣютъ обращаться съ оружьемъ, за отсутствіемъ въ ихъ странѣ желѣза. Что славяне любили музыку, объ этомъ свидѣтельствуютъ и арабы.

Весьма достопримѣчательный отчетъ о погребальныхъ обычаяхъ одного славянскаго племени даетъ уже упомянутый посолъ калифа аль-Муктадира, ибнъ Фадланъ. „Когда умираетъ бѣднякъ, то строятъ для него небольшой челнокъ, кладутъ въ него трупъ и сожигаютъ (этотъ обычай существуетъ у сѣверныхъ германцевъ). Въ случаѣ же смерти богача, славяне собираютъ его имущество и дѣлятъ послѣднее на три части: одну треть отдаютъ его семьѣ, на другую треть шьютъ покойнику платье, а на послѣднюю покупаютъ опьяняющіе напитки, чтобы пить ихъ въ тотъ день, когда его служанка обрекаетъ себя на смерть, дабы быть сожженной вмѣстѣ со своимъ господиномъ. Именно, когда умираетъ у нихъ какой-либо начальникъ, то его семья спрашиваетъ у служанокъ и отроковъ: „Кто изъ васъ хочетъ умереть вмѣстѣ съ нимъ?"—Тогда одинъ изъ нихъ отвѣчаетъ: „Я". Разъ онъ произнесъ это слово, онъ уже связанъ имъ. Большею частью, это, однако, дѣлаютъ служанки... Вскорѣ челнокъ, дерево и дѣвица обратились въ пепелъ. Послѣ этого присутствующіе соорудили на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ вытащенный изъ рѣки челнокъ, нѣчто похожее на круглый холмъ, посадили въ срединѣ его большое буковое дерево и написали на немъ имя умершаго рядомъ съ именемъ князя руссовъ". Если мы сравнимъ этотъ разсказъ съ сообщеніемъ Геродота о погребеніи скиѳскаго царя, то найдемъ здѣсь и тамъ, несмотря на отдѣльныя различія въ частностяхъ, одну и ту же основную мысль.

Согласно всѣмъ этимъ даннымъ можемъ опредѣлить культурный уровень тогдашнихъ славянъ. У нихъ не отсутствовала вѣра въ продолженіе жизни за гробомъ. Имъ было знакомо письмо, при чемъ слѣдуетъ предположить у нихъ существованіе такъ называемыхъ руническихъ письменъ. У нихъ существовали также музыка и скульптура, хотя лишь въ грубой формѣ, и они любили поэзію и пѣсни. Едва ли можно вѣрить, что славяне обладали астрономическими свѣдѣніями и имѣли гражданскій годъ въ 12 мѣсяцевъ, какъ это утверждаютъ нѣкоторые славянскіе ученые. Названія мѣсяцевъ, которыя мы позднѣе находимъ у различныхъ славянскихъ племенъ, несомнѣнно созданы лишь учеными священниками по образцу греческихъ и римскихъ и, именно, уже въ то христіанское время, когда повсюду въ Европѣ былъ распространенъ юліанскій календарный годъ изъ 12 мѣсяцевъ, вмѣсто прежнихъ десяти. Вѣдь у франковъ лишь Карлъ Великій ввелъ нѣмецкія названія мѣсяцевъ, вмѣсто латинскихъ.

Нѣмецкіе, какъ и византійскіе писатели, особенно подчеркиваютъ у славянъ любовь къ свободѣ. Видукиндъ, историкъ обоихъ первыхъ саксонскихъ императоровъ, говоритъ про славянъ: „Славяне—упорный, терпѣливый въ работѣ народъ, привыкшій къ самой легкой пищѣ; и то, что для насъ составляетъ тяжелый трудъ, то они въ извѣстной степени считаютъ удовольствіемъ. Предпочитая удовлетворенію всякой потребности дорогую для нихъ свободу, они, несмотря на многія пораженія, все снова и снова берутся за оружіе. Тогда какъ саксы сражаются за славу и расширеніе

своихъ границъ, славяне борются за свою свободу". Столѣтіе спустя, Адамъ Бременскій разсказываетъ: „Я слышалъ, какъ крайне правдолюбивый король Свенъ Датскій часто говорилъ, что славянскія народности уже давно обратились бы въ христіанство, если бы этому не помѣшала алчность саксовъ. Послѣдніе, по его словамъ, болѣе думаютъ о полученіи дани, чѣмъ объ обращеніи язычниковъ". Къ этимъ отзывамъ чрезвычайно подходятъ слова польскаго историка Яна Длугоша, написанныя имъ въ 1480 году о полякахъ, хотя здѣсь уже замѣтно сказывается вліяніе эпохи: „польское дворянство полно страсти къ славѣ, склонно къ грабежу, презирая опасности и смерть... любитъ хлѣбопашество и скотоводство, относится человѣчно и добродушно къ иностранцамъ и гостямъ и больше всѣхъ другихъ народовъ любитъ гостепріимство. Крестьянство не отказывается ни отъ какой работы и труда; оно суевѣрно... мало заботится о сохраненіи своихъ жилищъ и довольствуется легкой уборкой ихъ; крестьяне веселы и отважны.., отличаются высокимъ ростомъ, крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, стройностью, свѣтлымъ или темнымъ цвѣтомъ лица".

Неоднократно указывавшійся болѣе мягкій характеръ славянскихъ племенъ и то обстоятельство, что они оставались при старомъ родовомъ строѣ, который не допускалъ образованія большихъ государствъ, были причиной того, что они не играли никакой роли въ языческій періодъ своей исторіи и были пробуждены къ новой жизни лишь благодаря соприкасанію съ культурными націями. Только хритіанскій Римъ и Византія увидѣли возникновеніе на сѣверѣ славянскихъ государствъ, сами отчасти насадивъ на почву славянства зародыши политическаго развитія.

3. Основаніе русскаго государства (Днѣпровскій періодъ).

А. **Начало Руси до Игоря включительно.**

Возникновеніе русскаго государства совпало со временемъ расцвѣта скандинавскаго викингства. Тѣ же норманскіе викинги, которые, объѣзжая Балтійское и Средиземное моря и Атлантическій океанъ, достигали Исландіи и Сѣверной Америки и отъ устьевъ Эльбы, Везера, Рейна, Мааса и Сены проникали на своихъ небольшихъ сорокавесельныхъ судахъ вверхъ по рѣкѣ далеко въ глубь страны, всюду наводя ужасъ на жителей,—эти же викинги въ восточной Европѣ, слѣдуя по направленію теченія рѣкъ, открыли путь къ Черному морю и къ Константинополю. Дорога, которая, начинаясь съ верхней Двины, ведетъ затѣмъ внизъ по Днѣпру къ Византіи, называлась путемъ „изъ варягъ въ греки"; говорятъ, что и Днѣпровскіе пороги имѣли скандинавскія названія. И какъ въ Западной Европѣ норманны въ разныхъ мѣстахъ основывали независимыя государства, такъ это имъ еще съ большей легкостью удалось на востокѣ.

На порогѣ русской исторіи мы встрѣчаемъ здѣсь шесть или семь самостоятельныхъ, находившихся, быть можетъ, подъ норманскимъ господствомъ областей: (Старая) Ладога на Волхвѣ—позднѣе Новгородъ, Бѣлозерскъ, Изборскъ, Туровъ въ Минской землѣ, Полоцкъ и Кіевъ. Ядро позднѣйшаго русскаго государства находилось сначала (около 840 г.) на сѣверѣ въ славяно-финской области, но вскорѣ было перенесено на югъ и основалось потомъ въ Днѣпровскомъ бассейнѣ. „Русь", впитала въ себя славянскія, финскія, болгарскія и хазарскія племена и царства. Рюрикъ, по-нормански Гререкръ (Грурекръ), прежде не извѣстный, полумиѳическій герой, уже въ XI столѣтіи считался родоначальникомъ русской княжеской семьи. Почва для возникновенія болѣе значительнаго государства была здѣсь столь благопріятна, что послѣднее уже въ началѣ IX вѣка (860) могло предпринять хищный набѣгъ на Константинополь (по-нормански — Миклигардръ и Миклагардръ, т. е. большой городъ). Рядомъ со

славянами, литовцами, финнами и хазарами сражались здѣсь варяги, и преимущественно шведы изъ Упландіи, Зедерманландіи и восточной Готландіи, составлявшіе отборные отряды и руководившіе всѣми предпріятіями. Наемныя дружины находились въ договорныхъ отношеніяхъ съ княземъ, были ему, правда, обязаны повиновеніемъ, но не были его подданными и во всякое время могли его потомъ оставить; ихъ плату составляла военная добыча. Преобладающее большинство населенія составляли славяне; они все болѣе и болѣе занимали мѣсто норманскаго воинства и позднѣе, несмотря на различныя подкрѣпленія, приходившія къ нему съ сѣвера, совершенно вытѣснили его. Къ концу XI столѣтія варяжскій элементъ почти исчезъ на Руси. Въ теченіе двухъ съ половиной столѣтій онъ испыталъ ту же участь (славянизація), какая незадолго до этого выпала на долю финско-угрскихъ болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ.

Перваго героя староваряжскаго типа и первую, вообще, государственно-историческую личность мы встрѣчаемъ въ Олегѣ (по-нормански „Гелги"), ставшемъ около 880 года во главѣ русскаго государства. Въ 880—881 г. онъ завоевалъ Смоленскъ, въ 882 г. устранилъ удѣльныхъ кіевскихъ князей и заложилъ тамъ центръ государства. Онъ нанесъ хазарамъ и болгарамъ такія пораженія, отъ которыхъ они никогда уже не могли оправиться. Около 900 года Олегъ принудилъ служить въ его войскѣ привислянскихъ хорватовъ. Всѣмъ этимъ онъ создалъ днѣпровское государство, которое простиралось отъ Нѣмецкаго моря до Балтійскаго и отъ Буга до Волги.

Не удовлетворяясь этимъ, Олегъ задумалъ набѣгъ на Византію, которая, какъ и Римъ и Италія, всегда была горячо желанной цѣлью всѣхъ норманновъ. Въ 907 году онъ спустился по Днѣпру съ сильнымъ войскомъ изъ союзныхъ племенъ (хорваты, дулебы, тиверцы и др.); русская лѣтопись передаетъ, что у него было двѣ тысячи лодокъ по 40 человѣкъ въ каждой. Такъ какъ Босфорская гавань была заперта, то онъ велѣлъ втащить суда на сушу, поставить ихъ на колеса и, распустивъ паруса, къ ужасу враговъ, подъѣхалъ такимъ образомъ къ городу съ суши. Моментъ былъ избранъ благопріятный: греческій флотъ находился въ упадкѣ, а страну сильно тѣснили болгары. Императоръ Левъ VI Философъ рѣшилъ, поэтому, побудить русскихъ къ отъѣзду посредствомъ денежныхъ подарковъ послѣ того, какъ не удалась попытка погубить ихъ отравленной ѣдой. Греки заплатили двѣнадцать гривенъ или шесть фунтовъ серебра на каждое судно и, кромѣ того, принесли подарки для русскихъ городовъ; къ тому же, русскимъ была обезпечена свободная торговля съ Константинополемъ. Ихъ купцы должны были, однако, входить въ городъ лишь безоружными, толпами не болѣе 50 человѣкъ, въ сопровожденіи императорскаго чиновника и чрезъ опредѣленныя ворота; ихъ стоянка находилась при монастырѣ св. Маммы. Они пріобрѣли также право получать въ городѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ средства къ существованію, посѣщать тамошнія бани и требовать себѣ для обратнаго пути съѣстныхъ припасовъ и предметовъ корабельнаго снаряженія (якорей, снастей и парусовъ). Византійцы на крестѣ клялись быть вѣрными этому старѣйшему, устному договору, а Олегъ и его люди поклялись именемъ своихъ боговъ Перуна и Волоса и на своемъ оружіи. Когда русскіе оставили городъ, Олегъ прикрѣпилъ свой щитъ къ городской стѣнѣ въ знакъ того, что онъ имѣлъ этотъ городъ въ своей власти. Въ 911 году этотъ договоръ былъ изложенъ письменно: достопримѣчательный документъ. Прежде всего обѣ стороны обѣщаютъ другъ другу любовь и дружбу и устанавливаютъ наказанія для тѣхъ, кто нарушилъ бы общее согласіе убійствомъ, воровствомъ или вѣроломствомъ. Далѣе слѣдуютъ условія выкупа плѣнныхъ и рабовъ, потомъ правила о бѣглыхъ или похищенныхъ рабахъ, объ имуществѣ русскихъ, служившихъ императору и умершихъ на чужбинѣ (*βάραγγοι*).

Съ точки зрѣнія международнаго права, важно постановленіе о потерпѣвшихъ кораблекрушеніе: „Если буря бросить греческое судно въ чужую страну, гдѣ найдутся русскіе, то послѣдніе приведутъ это судно вмѣстѣ съ грузомъ въ безопасное положеніе и снова отошлютъ его въ христіанскую страну, проведя его также черезъ всѣ опасныя мѣста. Но если такое судно, вслѣдствіе бури или изъ-за другихъ препятствій, не можетъ снова вернуться домой, то мы—русскіе—обязаны помочь матросамъ и хранить товары, если это случится вблизи греческой земли. Если же такое зло приключится съ греческимъ судномъ (далеко отъ Греціи), то мы его отведемъ въ русскую землю, при чемъ позволяется продать грузъ. То же, что не будетъ продано, а также само судно, мы честно приведемъ съ собой и въ цѣлости передадимъ вырученныя за товары деньги или тогда, когда мы пойдемъ въ Грецію и будемъ отправлены туда въ качествѣ пословъ, къ вашему императору, или же когда мы придемъ къ вамъ за покупками, какъ торговцы. Если же какой-нибудь на суднѣ или что-нибудь похититъ, то преступникъ подвергнется вышеустановленному наказанію“.

Олегъ умеръ въ 912 году, по преданію, отъ укушенія змѣи, выползшей изъ черепа его любимаго коня; отсюда возникло сказаніе, что смерть отъ коня была чудеснымъ образомъ предсказана Олегу однимъ кудесникомъ. Девять вѣковъ спустя, Олегъ сдѣлался любимымъ героемъ Екатерины II, воспѣвшей его въ трагедіи того же имени.

Преемникъ Олега, менѣе, чѣмъ онъ—способный, Игорь, по-норманскп Ингварь, продолжалъ дѣло завоеванія. Въ 914 году русскіе на пятистахъ судахъ спустились въ Каспійское море и ограбили персидскіе берега. Арабскій писатель Массуди описалъ этотъ набѣгъ, который произошелъ, повидимому, въ малолѣтство Игоря. Онъ самъ сталъ во главѣ войска въ 941 году, когда задумывалъ новый походъ на Константинополь; въ то же время печенѣги, по его наущенію, стали грабить Болгарію, состоявшую съ 924 года въ союзѣ съ Византіей. Однако, на этотъ разъ русскій флотъ былъ истребленъ греческимъ огнемъ, который русскіе въ первый разъ узнали. Въ 944 году Игорь снова пошелъ на Византію: четвертый русскій походъ на міровой городъ. Подарки склонили теперь и Игоря къ отъѣзду; при этомъ былъ заключенъ новый договоръ (945 г.). Прежнія торговыя права русскихъ были нѣсколько ограничены.

Такъ — имъ не позволялось теперь продавать нѣкоторыя матеріи; кромѣ того, у нихъ должны были требоваться точные паспорта. Сверхъ того, русскіе обязались защищать херсонесскую область отъ нападеній дунайскихъ болгаръ и, въ случаѣ нужды, придти на помощь греческому императору. Этотъ договоръ опять былъ подтвержденъ клятвой. Въ русскомъ текстѣ этого документа сказано: „Мы всѣ, принявшіе крещеніе, клялись въ церкви св. Ильи (въ Кіевѣ) передъ честнымъ крестомъ и этимъ свиткомъ, что будемъ твердо соблюдать все, написанное здѣсь, и не нарушимъ изъ этого ничего. Кто же, будь это самъ князь или кто-либо иной, христіанинъ или некрещенный, нарушитъ это, того пусть Богъ лишитъ всякой помощи, да будетъ онъ рабомъ въ этой и въ будущей жизни и да умретъ отъ своего же оружія. Некрещенные же русскіе должны при этомъ положить на землю свои щиты, обнаженные мечи, кольчуги и прочее оружіе и поклясться на всемъ, что содержится въ этомъ документѣ, а именно: Игорь, всѣ бояре и всѣ русскіе вѣчно будутъ соблюдать. Кто же потомъ, будь это князь или простой русскій поданный, крещенный или некрещенный, будетъ дѣйствовать противъ содержанія этого договора, тотъ достоинъ пасть отъ своего же меча и да будетъ онъ проклятъ Богомъ и Перуномъ, такъ какъ онъ нарушаетъ свою клятву. Но, да соблюдаетъ великій князь Игорь справедливость, пусть онъ оставляетъ намъ свою искреннюю любовь и не отнимаетъ ее, пока свѣтитъ солнце и стоитъ весь міръ въ настоящее и на всѣ будущія времена“. Вернувшись домой, Игорь былъ

убитъ древлянами, у которыхъ хотѣлъ взять дань. По свидѣтельству Льва Дьякона, онъ былъ разорванъ на двое, привязанный къ двумъ молодымъ, пригнутымъ къ землѣ, деревьямъ.

В. Расцвѣтъ древне-русскаго государства.

а) Святославъ.

Такъ какъ сынъ Игоря Святославъ (Свентославъ) былъ малолѣтенъ, то правленіе взяла въ свои руки Ольга. Она прежде всего отомстила древлянамъ. Осаждая ихъ городъ Коростень, она обѣщала имъ миръ, требуя въ видѣ дани по три голубя и по три воробья съ каждаго дома. Потомъ она велѣла привязать къ хвостамъ этихъ птицъ куски горѣвшей пакли и отпустить ихъ, вслѣдствіе чего онѣ зажгли дома и амбары древлянъ. Лѣтопись называетъ Ольгу мудрѣйшей изъ всѣхъ женщинъ. Она первая приняла христіанство: въ 957 г. она отправилась въ Константинополь въ сопровожденіи большой свиты и приняла отъ патріарха Ѳеофилакта крещеніе и имя Елены, при чемъ воспріемниками были императоръ Константинъ VII Багрянородный и императрица Елена, дочь Романа Лакапена. Она пыталась склонить къ новому вѣроученію также и своего сына, но послѣдній отвѣтилъ ей: „Моя дружина будетъ надо мной смѣяться“.

Около 964 года правленіе перенялъ самъ Святославъ, хотя внутренними дѣлами все еще завѣдывала его мать (умерла около 970 года), такъ какъ онъ мало оставался на родинѣ. Святославъ хотѣлъ закончить начатое Олегомъ и Игоремъ. Онъ обратился вначалѣ противъ не совсѣмъ еще покоренныхъ племенъ на Окѣ и Волгѣ, двинулся на вятичей, а затѣмъ (965 г.) на хазаръ (козаръ) и взялъ ихъ городъ „Бѣлая Вѣжа“ или „Саркелъ“. Послѣ покоренія ясовъ (древне-русское названіе для алановъ, или по-грузински—овсы—осетины) и касоговъ (черкесовъ), онъ вернулся въ Кіевъ. Съ 966 года вятичи платили уже Святославу дань; немного спустя россы (повидимому, независимые отъ Святослава балтійскіе викинги) стали опустошать Болгаръ Великій, а также хазарскіе города Итиль, Хазаранъ, Самандаръ. Эти удары были столь сокрушительны, что черезъ 50 лѣтъ мы уже ничего не слышимъ про хазаръ.

Незадолго передъ тѣмъ Святославъ, исполняя просьбу императора Никифора II Фоки, подкрѣпленную уплатой 15 центнеровъ золота (180.000 византійскихъ золотыхъ), предпринялъ походъ противъ дунайскихъ болгаръ; они должны были подвергнуться нападенію одновременно съ сѣвера и съ юга. Лѣтомъ 968 года Святославъ перешелъ Дунай, разбилъ болгаръ, занялъ много поселеній и основалъ свою резиденцію въ Переяславцѣ. Святославъ уже думалъ прочно основаться въ Болгаріи, такъ какъ и болгарскій царь Петръ умеръ въ концѣ января 969 года, когда изъ Руси пришла вѣсть, что дикіе печенѣги осаждаютъ Кіевъ. Покуда удалось ихъ обмануть извѣстіемъ что Святославъ спѣшитъ къ Кіеву, что заставило ихъ отступить. Однако, кіевляне упрекали Святослава за его беззаботность. Поэтому онъ поспѣшно вернулся домой, разбилъ печенѣговъ и снова установилъ миръ. Однако, Болгарія была ему ближе къ сердцу,—центромъ страны онъ хотѣлъ сдѣлать Переяславецъ, куда стекаются всѣ блага: „изъ Греціи золото и драгоцѣнныя матеріи, вино и плоды; изъ Чехіи и Венгріи—серебро и кони; изъ Россіи—мѣха, воскъ, медъ и рабы“. Вскорѣ Святославъ раздѣлилъ свое государство между своими тремя сыновьями, а самъ ушелъ на юго-западъ.

Между тѣмъ, на мѣсто убитаго Никифора Фоки во главѣ Византійской имперіи сталъ Іоаннъ Цимисхій. Если уже его предшественникъ заключилъ съ Болгаріей миръ, когда стали извѣстны истинные планы Свято-

слава, то къ этому же стремился теперь и Цимисхій, но дважды — безуспѣшно. Вооруженное столкновеніе стало неизбѣжнымъ. Переяславецъ и Силистрія, гдѣ заперлись русскіе, были взяты греками, несмотря на отчаянное сопротивленіе: даже русскихъ женщинъ видѣли здѣсь кидающимися въ рукопашную схватку. Ночью послѣ одного сраженія видѣли, что русскіе пришли при лунномъ свѣтѣ изъ города, чтобы сжечь свои трупы. Передъ ихъ прахомъ они приносили въ жертву военноплѣнныхъ и топили въ Дунаѣ пѣтуховъ и малыхъ дѣтей. Императоръ предложилъ Святославу докончить побѣду поединкомъ. Святославъ отклонилъ это предложеніе и рѣшился, напротивъ, на отчаянный бой. Но когда послѣдній окончился для него, вслѣдствіе численнаго преобладанія грековъ, неблагопріятно, онъ просилъ мира (971 г.). Условія были слѣдующія: императоръ обѣщалъ доставить свободно отступающему святославову отряду пищевые припасы и не тревожить его греческимъ огнемъ во время этого отступленія, подтвердивъ также всѣ торговыя права русскихъ купцовъ. Прередаваемыя русской лѣтописью обѣщанія Святослава гласятъ: „Я, русскій князь Святославъ, клянусь и подтверждаю этимъ договоромъ мою клятву: я буду жить въ мирѣ съ каждымъ греческимъ императоромъ, съ Василіемъ (II) и Константиномъ (VIII) и со всѣми богобоязненными императорами и со всѣми ихъ народами, какъ я, такъ и всѣ русскіе, подчиненные мнѣ, бояре и другіе, на вѣчныя времена; я никогда не предприму ничего противъ вашихъ земель, не приведу противъ васъ военныхъ отрядовъ, а также не стану возбуждать какой-либо другой народъ противъ вашихъ земель ниже противъ тѣхъ, кто находится подъ греческимъ владычествомъ, а равнымъ образомъ противъ херсонесскихъ земель и ихъ городовъ, ниже противъ Болгаріи; мало того, если кто-либо вздумаетъ предпринять что-нибудь противъ вашихъ земель, то и я буду противъ него и буду съ нимъ бороться. Какъ я поклялся греческому императору, такъ клянутся со мною вмѣстѣ также бояре и вся Русь, въ томъ, что мы будемъ соблюдать этотъ законный договоръ. Если же мы, я и тѣ, кто со мной и кто подъ нами, не исполнимъ вышесказаннаго, то пусть падетъ на насъ проклятье бога, въ котораго мы вѣримъ, проклятье Перуна и Волоса, скотьяго бога, да пожелтѣемъ мы, какъ золото, и да будемъ умерщвлены нашимъ же оружіемъ. Эта клятва будетъ вамъ порукой въ томъ, о чемъ мы сейчасъ условились, написали на этой бумагѣ и скрѣпили своими печатями“.

Подъ конецъ состоялось свиданіе между Святославомъ и Цимисхіемъ на правомъ берегу Дуная. Левъ Дьяконъ оставилъ намъ описаніе личности русскаго князя: Святославъ былъ средняго роста, голубоглазый, съ густыми бровями, плоскимъ носомъ, длинными, косматыми усами и небольшимъ количествомъ волосъ на бородѣ, со стриженной головой при ниспадающемъ въ обѣ стороны локонѣ (знакъ его высокаго рожденія); плотная шея сидѣла на его туловищѣ, остальные его члены были также велики, производя общее впечатлѣніе угрюмости и дикости. На одномъ ухѣ висѣло золотое кольцо съ рубиномъ среди двухъ жемчужинъ; его бѣлое верхнее платье отличалось отъ одежды его воиновъ только своей опрятностью.

Святославъ пошелъ теперь обратно домой, но на Днѣстрѣ его уже ожидали печенѣги. Греческіе лѣтописцы разсказываютъ, правда, что Цимисхій просилъ печенѣговъ дать свободный проходъ русскому отряду; но, въ дѣйствительности, онъ сдѣлалъ противное. Святославъ тащился на родину со своимъ смертельно уставшимъ отрядомъ, ряды котораго еще порѣдѣли и отъ голода; онъ былъ разбитъ печенѣжскимъ княземъ Куріей (973 г.), который приказалъ сдѣлать чашу изъ черепа Святослава. Только части святославовыхъ войскъ удалось спастись въ Кіевъ. Такъ кончилъ свою жизнь величайшій витязь древней Руси. Будучи болѣе воиномъ, чѣмъ полководцемъ и политикомъ, онъ былъ боготворимъ своей дружиной.

Родъ Рюрика.

Рюрикъ (около 860—880)

Игорь около 880—945 (Олегъ, опекунъ Игоря, † 912); супр. Ольга, съ 957 г. Елена († 970)

Святославъ, самостоят. съ 964—973

Ярополкъ въ Кіевѣ † около 977 — Олегъ Древлянскій † около 975 — Владиміръ въ Новгородѣ 973—977; въ Кіевѣ 977—1015 (крещенъ въ 989; 989: 6 супр. Анна изъ Византіи

Ярославъ I 1019—54 — Святополкъ I 1015—19; около 1000 супр. дочь Болеслава I Польскаго — Мстиславъ Тмутараканскій † 1023 въ Черниговѣ — Святославъ Древлянскій († около 1016) — Изяславъ Полоцкій — (6) Борисъ Ростовскій † 1016 — (6) Глѣбъ Муромскій † 1016 — Всеволодъ Волынскій

Владиміръ Новгородскій († 1052) — I Изяславъ I Кіевскій 1054—78 — III Всеволодъ I Переяславскій 1078—93 — II. Святославъ Черниговскій † 1076 — IV. Вячеславъ Смоленскій — V. Игорь Владиміро-Волынскій († 1060) — Анна, 1051 супр. Генриха I Французскаго † 1060

Ростиславъ Ростовскій, позднѣе Волынскій † 1066 — Ярополкъ — Сятополкъ II 1093—1114 — Владиміръ Мономахъ В. князь 1113—25 — Олегъ Черниговскій — Глѣбъ Тмутараканскій (до 1064) — Давидъ

Всеволодъ Ольговичъ 1139—41

Рюрикъ Волынскій — Володарь Теребовльскій — Василько Пшемыслскій ослѣпленъ около 1100 — Мстиславъ I 1125—32 — Ярополкъ 1132—39 — Юрій I Долгорукій Ростовскій, Владимірскій и Суздальскій в. кн. 1154—57 — Романъ Волынскій съ 1200 также и Галицкій († 1205)

Владимірко 1126—53 Галицкій — Ростиславъ Пшемысльскій — Андрей I Боголюбскій 1157—75 Владиміръ-Суздальскій — Михаилъ 1175—76 — Глѣбъ съ 1169 въ Кіевѣ — Всеволодъ III Большое гнѣздо 1176—1212 — Даніилъ Галицкій съ 1229 и Холмскій съ 1239; † 1266 — Василько Волынскій

Ярославъ Осмомыслъ † 1187 — Мстиславъ (завоевалъ 1169 Кіевъ) † 1223

Владиміръ (около 1200) — Константинъ 1212—17 — Юрій II 1217—38 — Ярославъ II Суздальскій 1238—46 (по друг. 1236—47)

Всеволодъ — Мстиславъ

Михаилъ Хоробритъ Московскій † 1248 — Александръ Невскій 1238—46 въ Новгородѣ, вел. кн. Московскій 1252—63 — Андрей II 1246—52 — Ярославъ 1252—72 — Василій 1272—76

Димитрій 1276—94 — Андрей 1294—1304 — Даніилъ † 1303 — Михаилъ Тверской 1304—18

Юрій 1319—25 1315 супр. Кончаковна изъ Сарая — Иванъ Калита Московскій 1328—40 — Александръ 1326—28 — Константинъ

Симеонъ Гордый 1341—53 — Иванъ II 1353—59 — Дмитрій

Дмитрій Донской 1362—89 — Дочь

Василій I 1389—1425 — Юрій

Василій II Темный (ослѣпленный) 1425—62

Иванъ III 1462—1505; 1472: 2 супр. Софья (Зоя) Палеологъ

Василій III 1505—33; супр. Молдавская; 2 супр. Елена Глинская († 1538) — Елена, 1494 супр. Александра Польскаго

Иванъ IV Грозный 1538—84; 1547 супр. Анастасія Романова

Иванъ † 19 ноябр. 1581 — Федоръ I 1584—98: его супр. Ирина Годунова — (7) Дмитрій † 1591 — Ксенія † 1631 инокиней Мареой; Ѳедоръ Никитичъ Романовъ † 1632 какъ Филаретъ

Онъ и Олегъ сдѣлали древне-русское государство великимъ и сильнымъ. Святославомъ кончается языческiй прiодъ исторiи Руси

b) Владимиръ и принятiе греческой вѣры.

Трое сыновей Святослава были еще несовершеннолѣтними, когда онъ раздѣлилъ между ними свое государство, и каждый изъ нихъ состоялъ еще подъ опекой. Ярополкъ сталъ княжить въ Кiевѣ, Олегъ — въ древлянской землѣ, Владимиръ — въ Новгородѣ. Вскорѣ началась между ними борьба; Олегъ палъ въ ней, а Владимиръ бѣжалъ въ Скандинавiю. Ярополкъ сталъ править одинъ; но Владимиръ вернулся съ многочисленными варяжскими наемниками, разбилъ Ярополка и заперъ его въ Роднѣ.

Когда Ярополкъ, по предложенiю брата, сдался и пошелъ къ Владимиру, то былъ убитъ двумя варягами у дверей горницы.

Владимиръ перенялъ, такимъ образомъ, правленiе около 977 года. Онъ также былъ витяземъ, велъ войны и покорилъ много племенъ; но его значенiе заключается не въ этомъ, а въ совершившемся, благодаря ему, обращенiи русскихъ въ христiанство. Купцы уже давно принесли христiанское ученiе изъ Византiи въ Россiю; въ Кiевѣ и въ другихъ городахъ были уже нѣсколько церквей: вѣра была на Руси свободна и не стѣснена. Когда Ольга приняла въ 957 году крещенiе, въ Кiевѣ была уже значительная христiанская община. Преданiе разсказываетъ, что евреи, магометане, римско-католики и византiйцы хотѣли склонить Владимира на сторону своей религiи (сравни, напримѣръ, совершенно сходныя событiя непосредственно передъ миссiонерскимъ путешествiемъ Константина-Кирилла между 851 и 863 гг. къ бывшимъ еще тогда язычниками хазарамъ). По совѣту своихъ бояръ и городскихъ старѣйшинъ Владимиръ отправилъ пословъ, которые должны были на основанiи собственныхъ впечатлѣнiй выяснить относительную цѣнность различныхъ религiй. Отправилось десять человѣкъ—сначала къ болгарамъ, затѣмъ къ нѣмцамъ и, наконецъ, въ Византiю. Самое лучшее впечатлѣнiе произвело на посланныхъ богослуженiе въ великолѣпной константинопольской церкви св. Софiи. Это будто бы повело за собой принятiе греческой вѣры. Но у Владимира не было другого выбора. Исходя только изъ существовавшаго положенiя, онъ долженъ былъ возвести на степень государственной религiи уже распространенную на Руси греческую вѣру. Какъ и у франковъ или у болгаръ, рѣшенiе и здѣсь было принято во время военнаго похода: Владимиръ, какъ союзникъ императора, далъ обѣтъ стать христiаниномъ въ случаѣ, если возьметъ Корсунь; въ его войскѣ было, по меньшей мѣрѣ, много христiанъ. Когда городъ сдался, онъ отправилъ пословъ къ императорамъ Василiю II и Константину VIII, прося руки сестры ихъ Анны; это было ему обѣщано лишь подъ тѣмъ условiемъ, что онъ крестится. Пораженiя своего великаго отца Владимиръ приписалъ могущественному христiанскому Богу, тогда какъ византiйцы благодарили за свои побѣды то св. Дмитрiя, то Ѳедора Стратилата. Теперь подъ Корсунемъ русскiй князь подвергъ, слѣдовательно, христiанскаго Бога испытанiю, какъ это нѣкогда съ успѣхомъ продѣлали Константинъ и Хлодвигъ; а такъ какъ это испытанiе прошло благополучно, то онъ рѣшилъ принять христiанское ученiе. Онъ былъ крещенъ въ Корсуни въ 989 году. Византiйцы дали ему новыя государственныя регалiи и титулъ basileus, который Владимиръ тотчасъ же воспроизвелъ на своихъ золотыхъ и серебряныхъ монетахъ. Основавъ еще въ Корсуни церковь, князь вернулся въ Кiевъ.

Русская лѣтопись разсказываетъ намъ, какая сильная внутренняя перемѣна совершилась тогда во Владимирѣ. Будучи прежде кровожаднымъ варваромъ, онъ однажды захотѣлъ возобновить служенiе старымъ богамъ, которымъ приписывалъ свою побѣду надъ Ярополкомъ. Онъ ве-

лѣлъ воздвигнуть на одномъ холмѣ, вблизи своего кіевскаго дворца, деревянный идолъ Перуна съ серебряной головой, золотой бородой, а затѣмъ и изображенія Хорса, Дажбога, Стрибога, Симарглы, Мокоша. Два варяга-христіанина были принесены въ жертву Перуну, такъ какъ одинъ отецъ-варягъ отказался выдать языческимъ жрецамъ своего сына, на котораго палъ жертвенный жребій. Владимиръ не зналъ также мѣры въ своихъ наслажденіяхъ: рядомъ съ пятью законными женами, онъ содержалъ для себя триста наложницъ въ Вышгородѣ, триста въ Бѣлгородѣ и двѣсти въ деревнѣ Берестовѣ вблизи Кіева. Теперь, по принятіи христіанства, онъ сталъ совершенно другимъ человѣкомъ. Языческіе идолы были сброшены и при плачѣ своихъ приверженцевъ частью изрублены, частью сожжены. Перуна же, котораго жители почитали болѣе всѣхъ, Владимиръ приказалъ привязать къ хвосту лошадей; двѣнадцать человѣкъ толкали его при этомъ палками и бросили затѣмъ въ Днѣпръ. Еще и теперь показываютъ мѣсто, гдѣ произошло „ниспроверженіе діавола“. По берегамъ же были поставлены люди, которые толкали обратно въ рѣку натыкавшихся на мели идоловъ и отгоняли отъ берега плачущихъ язычниковъ. Затѣмъ князь велѣлъ объявить, что кто изъ богатыхъ или бѣдныхъ не явится на слѣдующее утро къ рѣкѣ, того онъ будетъ считать своимъ врагомъ. На слѣдующее утро онъ пошелъ со священниками къ Днѣпру. Народъ входилъ въ воду и массами получалъ крещеніе. Многіе приверженцы старыхъ боговъ бѣжали, однако, въ степь или въ лѣса, и прошли еще столѣтія, прежде чѣмъ Русь стала вся христіанской. По совѣту грековъ, Владимиръ открылъ въ Кіевѣ школу; но даже и эта мѣра наткнулась на затрудненія, и Владимиръ долженъ былъ даже отослать изъ школы домой нѣкоторыхъ дѣтей, такъ какъ ихъ отчаявшіеся родители считали грамоту опаснымъ колдовствомъ. Въ Кіевѣ, гдѣ уже существовала епископія, была теперь основана митрополія и нѣсколько епископій. Первый митрополитъ Михаилъ прибылъ изъ Константинополя, да и позднѣе епископами и митрополитами были, большей частью, греки: 17 изъ 23 до монгольскаго нашествія 1240 года. Первыми священниками, должно быть, были болгары. Лишь позднѣе школы дали собственное поколѣніе пастырей. Владимиръ лично сдѣлался другимъ человѣкомъ. Онъ остался вѣренъ своей греческой супругѣ, началъ раздавать свои доходы церквамъ и бѣднымъ и пересталъ любить войну. Въ противоположность своей прежней жестокости, князь теперь сталъ мягокъ; онъ даже опасался изъ боязни грѣха назначать смертныя казни, и такъ какъ разбойничьи безчинства стали принимать обширные размѣры, то епископы должны были уговаривать его снова ввести это наказаніе. Онъ, вѣроятно, какъ императоръ Оттонъ III и Болеславъ I Храбрый, поддался вліянію хиліастовъ, и вѣрилъ, что въ 1000 году наступитъ конецъ міра. Владимиръ почитается русской церковью, какъ святой, и именуется Равноапостальнымъ.

Хотя христіанство было тогда привито народу лишь наружно и такъ было приспособлено къ вкоренившимся языческимъ обычаямъ и представленіямъ, что оно внутренно сплелось со старымъ шаманствомъ,—тѣмъ не менѣе, это обращеніе стало для Руси рѣшающимъ факторомъ. Принявъ греческую вѣру, Русь вступила въ связь съ греческой церковью и вошла въ сферу мысли греческаго міра, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ противорѣчіе съ римской церковью и съ мировой культурой. Это опредѣлило міровое положеніе Россіи. Послѣдняя раздѣляетъ съ этого времени участь восточной церкви, отчасти и судьбу Византійскаго государства. Византія пріобрѣла отъ обращенія Руси больше, чѣмъ могла добиться своей военной силой. Русь стала ея духовной и церковной колоніей, не потерявъ отъ этого своей политической независимости.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Византія была тогда первымъ культурнымъ народомъ, отъ котораго могла многому научиться вся Запад-

ная Европа. Неоцѣнимыя выгоды доставило русскому народу византійское христіанство: церковный языкъ, бывшій всѣмъ понятнымъ и давшій толчекъ къ нѣкоторымъ новообразованіямъ и въ языкѣ народномъ, и независимую церковь, которая развивала культуру и политически считалась общимъ очагомъ, объединяющимъ всѣ отдѣльныя части Руси. Изъ Византіи принесли съ собой священники и епископы книги, распространяя искусство письма. За ними слѣдовали архитекторы, зодчіе, ученые, художники, учителя. Быстро возвысились на Руси великолѣпныя постройки, и безчисленными своими церквами Кіевъ могъ вскорѣ начать соперничать съ Константинополемъ. Владиміръ основалъ школу для воспитанія священниковъ. Возникли монастыри, распространившіе цивилизацію по далекимъ областямъ. Эта же національная церковь помогла русскимъ ославянить чужіе народы.

Но единеніе съ Византіей имѣло, конечно, и свои невыгоды; послѣднія выяснились, однако, лишь спустя столѣтія. Съ того времени, какъ начался культурный упадокъ Византіи, Русь стала дѣлить съ нею ту же участь. Ненависть къ Западу, унаслѣдованная русскими у Византіи, превратилась къ тому времени, когда западное образованіе сильно поднялось, въ ненависть къ культурѣ, и Русь была, такимъ образомъ, осуждена на своего рода застой. Но когда заявляютъ, что Россія еще въ томъ отношеніи потерпѣла вредъ, что въ дни опасности не могла разсчитывать на поддержку Рима, — то это едва ли вѣрно. Римъ, правда, былъ въ теченіе многихъ столѣтій первой міровой силой; но оказался ли онъ, однако, въ состояніи спасти Палестину? Россія раздѣлила участь Византіи, такъ какъ такова была судьба всей восточной Европы, которая находилась на границѣ Азіи и должна была много страдать отъ дикихъ ордъ послѣдней. Россія и Византія были волнорѣзами для азіатскихъ племенъ, и это было неудобство ихъ географическаго положенія. Лежащія за ними страны: Польша и Венгрія тоже отчасти пострадали отъ этого. Только государства, расположенныя къ западу отъ этой пограничной линіи, могли безпрепятственно развиваться въ культурномъ отношеніи.

Русь, вступивъ цѣликомъ въ сферу греческой мысли, переняла также и тѣ особенности, которыя вытекали изъ отношеній между государствомъ и церковью въ Византіи. Римъ стремился къ церковному абсолютизму и къ міровому господству. Папство не мирилось не только съ подчиненіемъ свѣтской государственной власти, но даже и съ равноправнымъ положеніемъ на ряду съ этой властью; оно заявляло, что духовная власть выше свѣтской. Поэтому на Западѣ возгорѣлась борьба между свѣтской властью, не желавшей добровольно покориться, и церковью,—борьба папства съ императорами (борьба за инвеституру). Востокъ былъ избавленъ отъ этого движенія. Здѣсь церковь продолжала оставаться въ подчиненіи государству, въ которомъ (подчиненіи) она находилась съ самаго начала. Отсюда всемогущество государства въ Россіи, хотя и здѣсь церковь во всѣ времена пользовалась большимъ вліяніемъ. Князь могъ назначать и смѣщать епископовъ. Даже церковная зависимость отъ Византіи была скорѣе терпима, войдя въ обычай, чѣмъ установлена закономъ. Если князю было неудобно принять какого-либо присланнаго изъ Византіи епископа, то онъ принималъ вмѣсто него другого.

Совершившаяся при Владимірѣ внутренняя перемѣна была въ одномъ отношеніи невыгодна для государства: послѣднее лишилось своей энергіи. Въ 992 году Владиміръ наткнулся на южной границѣ у Переяславля на печенѣговъ. Борьбу долженъ былъ рѣшить поединокъ. Послѣ долгихъ замедленій, одному молодому русскому удалось задушить своими руками печенѣжскаго великана. Чтобы защитить страну отъ дальнѣйшихъ нападеній, Владиміръ устроилъ укрѣпленную пограничную линію. Мы имѣемъ основаніе думать, что онъ завязалъ сношенія также съ Западомъ, прежде

всего съ Римомъ, Германіей, Польшей и Чехіей. Его сынъ Святополкъ женился на дочери Болеслава I Польскаго. Можетъ быть, съ этимъ находится въ какой-либо связи то обстоятельство, что Владимиръ взялъ въ 981 году червенскіе города Галичъ и Пшемысль (позднѣйшая Червонная Русь) и отодвинулъ, такимъ образомъ, западную границу Руси до Карпатъ.

Около 1000 года къ нему явился Бруно фонъ Керфуртъ, назначенный архіепископомъ языческихъ странъ (умеръ въ 1009 году), желавшій проповѣдывать Евангеліе среди дикихъ печенѣговъ. Владимиръ воспользовался имъ, какъ посредникомъ для переговоровъ о мирѣ съ печенѣгами, и проводилъ его до границы. Изъ отчета, представленнаго Бруно въ 1008 году императору, мы можемъ хорошо изучить характеръ Владимира. Бруно пишетъ: „Послѣ того, какъ я напрасно пробылъ годъ среди венгерцевъ, я направился къ самымъ дикимъ изъ всѣхъ язычниковъ, къ печенѣгамъ (подобное же сужденіе высказалъ и Матѳій Эдесскій). Князь руссовъ (Владимиръ), хозяинъ обширной страны и большихъ богатствъ, задержалъ меня на мѣсяцъ, пытался отговорить отъ моего намѣренія и хлопоталъ обо мнѣ, какъ будто я изъ тѣхъ, кто добровольно бросается на гибель ... Когда, однако, ничего не могъ со мной подѣлать и его, сверхъ того, напугало видѣніе, касавшееся меня, недостойнаго, то онъ въ продолженіе двухъ дней проводилъ меня со своимъ войскомъ до самой крайней границы своего государства, которую онъ окружилъ чрезвычайно крѣпкимъ и длиннымъ частоколомъ. Тамъ онъ спѣшился; я и мои товарищи шли впереди, а онъ съ виднѣйшими своими воинами слѣдовали за нами. Такъ мы прошли ворота.

„Князь помѣстился на холмѣ. Я самъ понесъ крестъ, который я обнялъ руками, и запѣлъ извѣстный стихъ: „Петръ, если ты меня любишь, то паси моихъ овецъ“. Когда кончилось попеременное пѣніе, то князь послалъ къ намъ одного изъ своихъ сановниковъ со слѣдующимъ предложеніемъ: „Я тебя проводилъ до того мѣста, гдѣ кончается моя земля, и начинается непріятельская. Прошу тебя, ради Бога, не теряй, къ моему безчестію, своей молодой жизни; я знаю, что ты завтра еще до трехъ часовъ испытаешь горькую смерть безъ всякой причины и выгоды“. Я послалъ сказать ему въ отвѣтъ: „Пусть Господь откроетъ тебѣ рай, какъ открылъ намъ дорогу къ язычникамъ!“ Такъ мы разстались съ нимъ и шли потомъ два дня безъ того, чтобы кто-либо причинилъ намъ зло. На третій день—то была пятница—мы трижды: утромъ, въ полдень и въ девять часовъ, были съ согнутыми шеями приведены на казнь и все же каждый разъ выходили невредимыми изъ толпы враговъ. Въ воскресенье мы пришли къ болѣе значительному племени, гдѣ намъ дана была отсрочка, пока гонцы не созовутъ на совѣщаніе все племя. Около девяти часовъ ближайшаго воскресенья насъ повели на собраніе.... Тутъ безчисленная толпа... двинулась къ намъ навстрѣчу и подняла страшный крикъ. Тысячами топоровъ и мечей... они грозили насъ изрубить въ куски... Наконецъ, старѣйшіе силой вырвали насъ изъ ихъ рукъ. Они выслушали насъ и по своей мудрости поняли, что мы пришли къ нимъ съ хорошими намѣреніями. Такъ мы оставались потомъ.., въ продолженіе пяти мѣсяцевъ у этого племени, посѣтили три его области; до четвертой мы не добрались, но къ намъ явились послы отъ ея благороднѣйшихъ сыновъ. Послѣ того, какъ было пріобрѣтено для христіанства около тридцати душъ, мы съ божьей помощью заключили миръ, который, по ихъ мнѣнію, никто, кромѣ насъ, не могъ бы такъ заключить.

„Этотъ миръ,—говорили они,—заключенъ черезъ тебя. Если онъ, какъ ты обѣщаешь, будетъ продолжительнымъ, то мы всѣ охотно станемъ христіанами; если же русскій князь не будетъ твердо соблюдать свою вѣрность, то мы должны будемъ думать о войнѣ, а не о христіанствѣ“. Съ этой цѣлью я снова отправился кь русскому князю, который, согласно

Божьей волѣ, далъ намъ удовлетворительный отвѣтъ и выдалъ своего сына заложникомъ. Мы же посвятили одного изъ нашихъ въ епископы, и князь сейчасъ же поселилъ его вмѣстѣ со своимъ сыномъ въ центрѣ страны. Такъ царствуетъ теперь... христіанская заповѣдь у самаго худшаго и жестокаго народа изъ всѣхъ язычниковъ, живущихъ на землѣ". Здѣсь, къ сожалѣнію, обрывается это важное письмо, которое является въ то же время единственнымъ сообщеніемъ современника о Владимірѣ. Святой Бруно, вѣроятно, хорошо зналъ какой-либо славянскій языкъ.

Согласно позднѣйшимъ лѣтописцамъ, Владимиръ былъ очень любимъ своимъ народомъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ разсказываетъ преданіе, какъ онъ еженедѣльно пировалъ за столомъ со своей дружиной и со старѣйшими жителями города Кіева. Въ историческихъ пѣсняхъ онъ прославляется, какъ герой-солнце и именуется „Краснымъ солнышкомъ" Руси. Церковь причисляетъ его къ лику своихъ святыхъ.

c) Ярославъ; сеньоратъ.

Владиміръ умеръ въ 1015 году. Вѣроятно, еще задолго до своей смерти, онъ раздѣлилъ свое государство между своими сыновьями слѣдующимъ образомъ: Святополкъ получилъ Туровъ, Изъяславъ—Полоцкъ, Борисъ—Ростовъ, Глѣбъ — Муромъ, Святославъ — древлянскую землю, Всеволодъ — Волынь и Мстиславъ—Тмутаракань. Распорядился ли онъ на счетъ Кіева, и какъ это сдѣлалъ,—этого мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, сейчасъ же за его смертью возгорѣлась изъ-за этого борьба. Дружина желала избрать своимъ княземъ Бориса, одного изъ сыновей гречанки Анны. Но и Борисъ и его братъ Глѣбъ были въ отсутствіи, и правленіемъ завладѣлъ бывшій тогда въ Кіевѣ Святополкъ, зять Болеслава I Польскаго, несмотря на то, что до прихода Бориса дружинники старались скрыть смерть Владимира. Борисъ самъ уступилъ власть старшему брату, но все же вмѣстѣ съ Глѣбомъ и Святославомъ палъ отъ руки убійцы; Борисъ и Глѣбъ почитаются, какъ святые мученики, и многія церкви носятъ ихъ имена.

Ужасъ напалъ теперь на остальныхъ братьевъ. Ярославъ Новгородскій выступилъ немедленно противъ Святополка, разбилъ „Бога забывшаго грѣшника" при Любечѣ и вынудилъ его бѣжать въ Польшу. Съ этого времени Ярославъ такъ и остался въ Кіевѣ, потому что Святополкъ, снова водворенный тамъ въ 1017 году Болеславомъ Польскимъ (завоевавшимъ по этому случаю Пшемысль), не могъ удержаться. Ярославъ долженъ былъ еще выдержать борьбу съ Мстиславомъ Тмутараканскимъ. Съ помощью касоговъ, хазаръ и сѣверянъ Мстиславъ заставилъ произвести въ 1023 году новый раздѣлъ государства: онъ получилъ всѣ земли, лежавшія на востокъ отъ Днѣпра со стольнымъ городомъ Черниговомъ. Правленіе Ярослава имѣло большое значеніе для развитія Руси. При немъ мы замѣчаемъ, въ особенности, охлажденіе въ отношеніяхъ къ варягамъ, которые стали уже оказываться неудобными и даже опасными для Руси. Между варягами и новгородцами произошли кровавыя побоища. Ярославъ вступился за новгородцевъ и выслалъ варяговъ изъ страны, что пытался уже сдѣлать и Владиміръ въ 980 году. Въ Византіи мы встрѣчаемъ *Ῥῶς Βάραγγοι* еще на исходѣ XI столѣтія. Такимъ образомъ, Ярославомъ кончается варяжскій періодъ исторіи Руси.

Русь является уже большимъ славянскимъ государствомъ съ собственной политикой и національнымъ сомосознаніемъ. И точно для доказательства того, что прежнія войны съ Византіей проистекали только изъ склонностей къ тому варяговъ,—при Ярославѣ произошло послѣднее враждебное столкновеніе Руси съ Имперіей. Поводъ къ этому подалъ споръ между русскими и византійскими купцами. Походъ для отомщенія за эту обиду, который Ярославъ поручилъ въ 1043 совершить своему сыну Влади-

миру, кончился для русскихъ несчастливо опять вслѣдствіе истребительнаго дѣйствія греческаго огня. Только части русскаго войска удалось спастись и нанести преслѣдовавшимъ ихъ грекамъ пораженіе. Хотя Ярославъ и не былъ военнымъ героемъ въ родѣ Святослава, все же и онъ умѣлъ дѣйствовать мечемъ, и нанесъ печенѣгамъ такое пораженіе, что они никогда болѣе не осмѣливались уже нападать на Русь, а вскорѣ исчезло и ихъ имя. Ихъ роль перенялъ, однако, другой дикій народъ, половцы, которыхъ мы уже знаемъ подъ именемъ кумановъ. Ярославъ боролся также на западѣ съ литовцами, ятвягами, мазовшанами и помогъ тамъ своему зятю Казимиру Польскому снова завоевать свое государство.

Кіевъ достигъ при Ярославѣ верха своего блеска и возбуждалъ удивленіе Запада; изъ его (приблизительно) 400 церквей выдѣлялась всего болѣе церковь Св. Софіи съ ея великолѣпной мозаикой. Городъ съ его восемью площадями былъ сборнымъ пунктомъ купцовъ изъ Византіи, Германіи, Скандинавіи, Венгріи, Голландіи; купеческіе флоты бороздили Днѣпръ по всѣмъ направленіямъ. Ярославъ основывалъ монастыри; такъ имъ былъ основанъ пещерный монастырь (Печерская Лавра) въ Кіевѣ, которому суждено было стать питомникомъ культуры на Руси. Будучи самъ грамотнымъ, князь заботился о школахъ и основалъ одну изъ нихъ въ своемъ любимомъ Новгородѣ для 300 мальчиковъ. У него не было достаточно художниковъ, чтобы украсить всѣ церкви, и нужнаго числа священниковъ, чтобы совершать въ нихъ богослуженіе. Онъ вызвалъ въ свою столицу изъ Византіи греческихъ церковныхъ пѣвчихъ, которые должны были обучить этому искусству русское духовенство. Не безъ основанія поэтому Адамъ Бременскій называетъ Кіевъ соперникомъ Константинополя и лучшимъ украшеніемъ греческой земли. Такъ какъ Русь не имѣла до сихъ поръ письменныхъ законовъ, то Ярославъ приказалъ записать всѣ состоявшіяся судебныя рѣшенія („Русская правда“). Этотъ простой законодательный сборникъ содержитъ въ себѣ, собственно, только мѣру наказанія за различныя преступленія и точно опредѣляетъ размѣръ денежныхъ пеней; смертной казни и другихъ тѣлесныхъ наказаній „Русская Правда“ не знаетъ. Первыя церковныя узаконенія на Руси были записаны при Ярославѣ.

Ярославъ пользовался у своихъ современниковъ высокимъ уваженіемъ. Онъ вступилъ въ дружественныя отношенія со многими княжескими домами: норвежскимъ, польскимъ, венгерскимъ, французскимъ [1], и съ нимъ искали союза. Русскій народъ назвалъ его Мудрымъ, да и скандинавскія саги много разсказываютъ про этого князя. Для того, чтобы государство осталось въ прежнемъ своемъ величіи, нужно было какъ-нибудь урегулировать вопросъ о престолонаслѣдіи. Въ старыя времена, когда государство управлялось на патріархальныхъ началахъ, а князь дѣйствовалъ, какъ отецъ семейства; когда княжеская казна была въ то же время государственной, а княжескіе дворовые слуги — государственными чиновниками; когда, такимъ образомъ, государство считалось частной собственностью князей, — въ эти времена не существовало различія между гражданскимъ и государственнымъ правомъ, и князь распоряжался государствомъ, какъ своимъ личнымъ имуществомъ. И какъ по тогдашнему гражданскому праву каждый сынъ имѣлъ право на какую-либо часть отцовскаго и семейнаго достоянія, такъ и каждый членъ правящаго дома имѣлъ право на часть государства. Такъ какъ, затѣмъ, на основаніи славянско-германскихъ установленій, въ семейной общинѣ полновластно распоряжался старшій въ родѣ или семьѣ, то и въ государствѣ младшіе были обязаны повиноваться старшимъ. Такое начало старѣйшинства (сеньоратъ) уже давно

---

[1] Дочь Ярослава, Анна, вышла въ 1051 г. замужъ за французскаго короля Генриха I (ум. въ 1060 г.).

лежало въ основаніи управленія Русью. Уже со времени Олега здѣсь установился обычай, что старшій (въ родѣ) долженъ княжить въ Кіевѣ, а всѣ младшіе въ другихъ городахъ, одинаково ему подчиняясь. Подобнымъ же образомъ раздѣлилъ государство между своими сыновьями и Святославъ, оставивъ за собой лишь великокняжеское званіе. По свидѣтельству русской лѣтописи, Ярославъ, предвидя свой конецъ, распорядился теперь слѣдующимъ образомъ: „Изяславъ, вашъ старшій братъ, заступитъ мое мѣсто и будетъ княжить въ Кіевѣ. Подчиняйтесь ему, какъ вы подчинялись вашему отцу. Святославу я даю Черниговъ, Всеволоду — Переяславль, Вячеславу — Смоленскъ. Младшій изъ васъ Игорь получитъ Владиміръ съ Волынью. Пусть каждый остается доволенъ своей частью; въ противномъ случаѣ, старшій братъ будетъ надъ вами судьей и государемъ. Онъ будетъ защищать притѣсненныхъ и наказывать виновныхъ". Ярославъ поступилъ при этомъ только согласно старому обычаю. Какъ далеко простиралась власть, которую обычное право давало „старшему", показываетъ распространенное тогда выраженіе: „младшій долженъ ѣздить у стремени старшаго". Младшій видѣлъ въ немъ своего господина, находился подъ его властью и ожидалъ всего отъ него. Сидѣвшій въ Кіевѣ великій князь былъ хозяиномъ всей Руси, распоряжался освобождавшимися княжескими столами, былъ верховнымъ судьей и высшимъ военно-начальникомъ. Нововведеніе Ярослава состояло, вѣроятно, въ томъ, что онъ точно установилъ, въ какомъ порядкѣ должны передвигаться по смерти великаго князя всѣ остальные его родственники на новые княжескіе столы. Волости, которыя Ярославъ распредѣлилъ между сыновьями согласно ихъ возрасту и положенію, составили рядъ послѣдовательныхъ ступеней, по которымъ князьямъ предстояло переходить со стола на столъ: Кіевъ (I), Черниговъ (II), Переяславль (III), Смоленскъ (IV) и Владиміръ (V). Достигнуть великокняжескаго стола можно было, только пройдя всѣ эти ступени. Если кто-либо изъ князей умиралъ раньше своего отца, слѣдовательно, не достигнувъ еше кіевскаго стола, то и его дѣти отстранялись навсегда отъ великокняжескаго званія; такъ, сынъ Владиміра Новгородскаго, умершаго 1052 г., Ростиславъ, долженъ былъ тогда же отказаться отъ всякаго права на Кіевъ. Такіе устраненные отъ дальнѣйшаго передвиженія по столамъ князья, отцы которыхъ не были великими князьями, назывались — „изгоями". Это правило придавало шаткость всему порядку междукняжескихъ отношеній, такъ какъ изгои считали свое устраненіе несправедливостью и прибѣгали къ оружію. Составлялись союзы, боровшіеся другъ съ другомъ. Къ тому же, положеніе великаго князя не было достаточно сильное, чтобы поддержать порядокъ. Сила великаго князя основалась исключительно на представленіи объ отеческой власти, которой недоставало, однако, настоящей основы: великій князь былъ, въ сущности, владѣльцемъ лишь одной изъ волостей, такъ же, какъ и всѣ прочіе члены княжескаго рода. Для приданія своему старѣйшинству особенной силы, ему необходимо было точно также заручиться помощью союзниковъ, такъ какъ себялюбіе всегда оказывается сильнѣе стремленія къ общему благу, то Русь въ виду размноженія членовъ княжескаго рода была обречена на продолжительныя междоусобицы. Съ этого времени, на Руси появилось множество княжескихъ волостей, находившихся въ постоянной враждѣ другъ съ другомъ, тѣмъ болѣе, что установленный закономъ порядокъ занятія княжескихъ столовъ постоянно нарушался, благодаря непредвидѣннымъ случайностямъ. Въ неустойчивости законнаго порядка и въ количественномъ размноженіи князей-рюриковичей коренились главные источники этого зла. Ярославомъ (ум. въ 1054 г.) кончается, такимъ образомъ, блестящій періодъ древнѣйшей русской исторіи. Раздробленная на множество волостей, раздираемая продолжительными междоусобицами, Русь скоро спустилась съ той высоты, на которую ее вознесли быстрые успѣхи предшество-

вавшаго развитія. Потому-то, быть можетъ, преданіе и окружило такимъ особеннымъ блескомъ княженіе того князя, который явился послѣднимъ единодержавнымъ правителемъ въ древнѣйшей Руси.

C. Крушеніе южно-русскаго единаго государства.

Первый же преемникъ Ярослава, великій князь Изяславъ, водворенный въ Кіевѣ еще самимъ отцомъ, не могъ тамъ удержаться: кіевляне прогнали его и избрали себѣ другого князя, вопреки установленному порядку очередного владѣнія княжескими столами. Отсюда вспыхнула борьба, которой суждено было продолжаться цѣлыя столѣтія. Въ этой борьбѣ русскіе князья не брезговали обращеніемъ за помощью, въ случаѣ нужды, къ полякамъ, нѣмцамъ, даже половцамъ. Первымъ помощникомъ Изяслава былъ польскій герцогъ Болеславъ I Смѣлый, который, какъ нѣкогда Болеславъ I, взялъ 1069 г. Кіевъ и въ первый разъ разграбилъ его; но вскорѣ Изяславъ вынужденъ былъ вторично уступить. Напрасно искалъ онъ новой помощи у поляковъ; въ 1075 году онъ обратился къ императору Генриху IV, но посольство, отправленное послѣднимъ въ Кіевъ, ничего не достигло. Тогда Изяславъ, чтобы не оставить не испробованнымъ ни одного средства, послалъ даже своего сына, Ярополка, въ Римъ къ папѣ Григорію VII (то же сдѣлалъ позднѣе его второй сынъ, Святополкъ, бывшій великимъ княземъ отъ 1093 г. до 1114 года). Если вспомнить, что борьба за инвеституру достигла тогда своего апогея, и что противоположность между Римомъ и греческою церковью съ 1054 года обнаружилась съ неодолимой силой, — то, съ точки зрѣнія интересовъ русской земли, придется подвергнуть порицанію предосудительный образъ дѣйствій Изяслава, который, вообще, торговалъ честью своей родины. Какъ раньше онъ безъ вознагражденія не могъ получить помощи ни отъ поляковъ, ни отъ нѣмцевъ, такъ и теперь въ Римѣ онъ также объявилъ себя вассаломъ папскаго престола. Папа, въ благодарность за это, провозгласилъ ему премникомъ его сына Ярополка. Если бы это удалось, то на Руси была бы сразу введена наслѣдственная монархія. Но Изяславу болѣе уже не пришлось достигнуть власти.

Въ то время не было недостатка въ способныхъ князьяхъ, въ стилѣ древнихъ витязей; но они взаимно истощали свои силы. Всѣ видѣли въ этихъ междоусобицахъ гибель Руси, но никто не хотѣлъ и не могъ помочь этому злу. Сынъ Всеволода, которому, по завѣщанію Ярослава, досталась область Переяславская, —Владимиръ Мономахъ былъ мягкаго характера, справедливъ, благочестивъ и при этомъ храбръ и уменъ. Онъ безпрестанно старался мирнымъ путемъ улаживать ссоры, указывая на большія опустошенія, производившіяся половцами. Наконецъ, князья заключили мирный союзъ, собравшись въ 1097 году на съѣздѣ въ Любечѣ, близъ Чернигова. Источникъ всѣхъ несчастій былъ усмотрѣнъ въ томъ, что князья, передвигаясь изъ волости въ волость вплоть до Кіева, нигдѣ не чувствовали себя дома и запускали свои княжества, Поэтому здѣсь было рѣшено, что каждый рюриковичъ долженъ оставаться въ своемъ отцовскомъ княжествѣ. Въ знакъ мира, князья цѣловали крестъ и обѣщали сообща защищать страну отъ половцевъ.

Но и возведенная въ Любечѣ въ государственный законъ наслѣдственность владѣній не положила конца гражданской войнѣ. Давидъ Волынскій, сынъ Игоря и внукъ Ярослава, находился во враждѣ съ сыновьями Ростислава, Володаремъ Теребовльскимъ и Василько Пшемышльскимъ. Едва успѣли князья разъѣхаться, какъ великій князь Святополкъ, по наущеніямъ Давида, заманилъ Василько въ Кіевъ и выдалъ его тому же Давиду, который и ослѣпилъ его. Опять собрались въ 1110 году князья въ Витичевѣ на Днѣпрѣ и снова заключили миръ; и на этотъ разъ ини-

ціаторомъ съѣзда былъ Владиміръ Мономахъ. Занимая въ 1113—1725 г. великокняжескій столъ, онъ твердо и справедливо управлялъ страной. Отъ него осталось намъ письмо, посланное изъ Чернигова къ Олегу, и его завѣщаніе (поученіе), нѣкоторыя главныя мѣста котораго стоитъ привести здѣсь. „Такъ какъ близится мой конецъ, то я благодарю Всевышняго, что Онъ умножилъ число дней моихъ... Хвалите Господа, дорогія дѣти, но любите также и людей. Не посты, не одиночество и не монашество спасутъ васъ, но добрыя дѣла... Не имѣйте всегда на своихъ устахъ имени Божьяго; но если подкрѣпили клятву крестнымъ цѣлованьемъ, то не нарушайте ея... Сами будьте въ своемъ хозяйствѣ во всемъ прилежны и не полагайтесь на гридней и тіуновъ; иначе гости будутъ говорить плохое про вашъ домъ. На войнѣ будьте дѣятельны, станьте примѣромъ для вашихъ воеводъ... Проѣзжая по своей землѣ, не допускайте, чтобы ваши люди обижали народъ, но тамъ, гдѣ вы сдѣлаете остановку, давайте своимъ хозяевамъ поѣсть и попить. Прежде всего, однако, чтите своихъ гостей: благородныхъ и простыхъ, купцовъ и посланцевъ; если вы не можете ихъ одарить, то, по крайней мѣрѣ, удовлетворите ихъ пищей и питьемъ, ибо гости создаютъ намъ плохую и хорошую славу въ чужихъ странахъ... Любите своихъ женъ, но не давайте имъ властвовать надъ собой... Что услышите хорошаго, запомните; чего не знаете, тому учитесь. Мой отецъ говорилъ на пяти языкахъ...

„Человѣкъ долженъ всегда быть занятъ. Когда вы путешествуете на коняхъ и не заняты дѣломъ, то не предавайтесь суетнымъ мыслямъ, но читайте на память молитвы, если не какую-либо другую, то кратчайшую и лучшую: „Господи, помилуй меня!“ Не засыпайте, не сотворивъ земного поклона; если же чувствуете себя нездоровыми, то трижды сотворите его. Рано ходите въ церковь, чтобы принести утреннюю молитву Богу: такъ поступалъ мой отецъ, такъ поступали и всѣ добрые люди... Затѣмъ онъ сидѣлъ на совѣтѣ съ дружиной или творилъ судъ въ народѣ или же ѣздилъ на охоту. Около полудня ложились спать, потому что не только для людей, но и для четвероногихъ животныхъ и птицъ Богъ положилъ полуденное время для отдыха. Такъ жилъ и вашъ отецъ. Я всегда самъ дѣлалъ то, чего могъ добиться и черезъ слугъ... Я самъ наблюдалъ за церковью и богослуженіемъ, за домашнимъ порядкомъ, конюшней, за охотой, ястребами и сокольничьими. Всего я совершилъ 83 похода, не считая мелкихъ. Съ половцами я заключилъ 19 мирныхъ договоровъ, взялъ въ плѣнъ больше ста ихъ лучшихъ хановъ и затѣмъ отпустилъ ихъ на свободу; больше двухъ сотъ я убилъ и утопилъ въ рѣкахъ. Кто ѣздилъ быстрѣе моего? Выѣхавъ рано утромъ изъ Чернигова, я до вечерни былъ уже въ Кіевѣ... Я любилъ охоту и часто вмѣстѣ съ вашимъ дядей ловилъ дикихъ звѣрей. Какъ часто я падалъ...

„Но, Господь меня хранилъ. Поэтому, дорогія дѣти, не бойтесь ни смерти, ни борьбы, ниже дикихъ звѣрей. Будьте мужественны, что бы Господь ни судилъ! Если Промыслъ судилъ намъ смерть, то не спасутъ отъ этого ни отецъ, ни мать, ни братъ. Только божья помощь да будетъ надеждой людей“. Когда въ 1125 г. Владиміръ Мономахъ умеръ, то, по словамъ его современника Нестора, „весь народъ плакалъ“.

Число князей, боровшихся за Кіевъ, все росло; а вмѣстѣ съ тѣмъ— увеличивались бѣдствія Руси. Въ особенности южная Русь болѣе уже не могла успокоиться и обороняться отъ дикихъ степныхъ кочевниковъ. Было еще счастьемъ, что и между послѣдними, равнымъ образомъ, возникла сильная вражда. Западные изъ нихъ: торки, берендейцы и печенѣги, которыхъ называли общемъ именемъ „черныхъ клобуковъ“, были смертельными врагами половцевъ, стояли на сторонѣ Руси и поселились въ ней. Вскорѣ они слились съ русскимъ народомъ и образовали среди южно-русскаго населенія особенную примѣсь. Эти степные народы сража-

лись въ качествѣ союзниковъ какого-либо русскаго князя противъ остальныхъ, пока они всѣ не ославянились Еще въ XVI столѣтіи одно племя въ Сквирскомъ округѣ, близъ Кіева, называлось „половцами".

Слѣдствіемъ всего этого было политическое и хозяйственное паденіе южной Руси. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ той же причины было то, что князья, устраненные отъ борьбы за Кіевъ, порвали свою зависимость отъ тамошнихъ великихъ князей, и такимъ образомъ образовались совершенно независимыя княжества. Такъ это случилось съ Полоцкомъ, Новгородомъ, Ростовомъ, Туровомъ, Псковомъ, Вяткой, а на западѣ—съ Галичемъ.

4. Русь съ средины XI до начала XIV столѣтія.

A. **Періодъ удѣльныхъ князей до 1240 года.**

a) Галичъ.

Въ югозападной Руси, въ бассейнѣ Днѣстра, образовалось сильное княжество. Владиміръ, которому Ярославъ Мудрый поручилъ въ 1043 году вести войну съ Византіей и который умеръ въ Новгородѣ въ 1052 году, еще раньше своего отца, оставилъ сына Ростислава, которому, какъ изгою, неимѣвшему правъ на великокняжескій столъ, выдѣлили одинъ только Ростовъ. Когда затѣмъ умеръ одинъ изъ его дядей, Вячеславъ Смоленскій, а самый младшій изъ нихъ, Игорь, перешелъ изъ Волыни въ Смоленскъ, то Ростиславъ получилъ Волынь, а Ростовъ былъ присоединенъ къ Переславлю. Когда же въ 1060 году умеръ также и Игорь Смоленскій и Ростиславъ получилъ надежду передвинуться дальше въ Смоленскъ (а позднѣе когда-либо и въ Кіевъ), то дяди больше не захотѣли сдѣлать ему уступки. Тогда этотъ предпіимчивый князь двинулся со своей дружиной съ крайняго запада Руси на крайній востокъ въ Тмутараканъ и прогналъ оттуда Глѣба, сына своего дяди Святослава Черниговскаго. Но какъ ближайшій сосѣдъ Византіи, онъ возбудилъ въ ней тревогу; одинъ изъ посланныхъ къ нему катапановъ пріобрѣлъ его довѣріе и отравилъ его.

Сыновья Ростислава: Рюрикъ, Володарь и Василько, получили въ наслѣдство часть Волынскаго княжества, Пшемысль и Теребовль; эти „червенскіе города", завоеванные Владиміромъ Святымъ въ 971 году и отобранные въ 1018 году Болеславомъ I Польскимъ, Ярославъ обратно отнялъ въ 1031 году, во время польскихъ неурядицъ. Любечскій съѣздъ князей утвердилъ эти земли за Ростиславичами. Попытки Давида Игоревича Волынскаго отнять у нихъ эту область (ослѣпленіе Василька) остались безуспѣшны. Въ XII столѣтіи здѣсь возникли новыя епископіи, въ Пшемыслѣ (1120 г.) и въ Галичѣ (около 1157 г.). Сынъ Володаря — Владимирко, по смерти своего отца, дядей и брата Ростислава Пшемысльскаго, объединилъ въ своихъ рукахъ въ 1120 году всю страну и сдѣлалъ Галичъ на Днѣстрѣ своей резиденціей. По своей смерти (въ 1153 г.), онъ оставилъ свое княжество, простиравшееся почти до устья Днѣстра, своему единственному сыну Осмомыслу, княжившему до 1187 года. Лѣтопись прославляетъ мудрость и ученость этого князя, заботившагося о цивилизаціи и обладавшаго замѣчательной библіотекой, Галицкое княжество (Галиція), казалось, хотѣло затопить Кіевъ.

Этотъ выдвинутый къ западной русской границѣ удѣлъ имѣлъ своей задачей отражать нападенія венгровъ при Белѣ III, а также сдерживать поляковъ, занятыхъ тогда внутренними неурядицами. Однако, уже при сынѣ Осмомысла, Владимірѣ (около 1200 г.), Романъ Волынскій, призванный галицкими боярами, взялъ это княжество себѣ и, соединивъ Волынь съ Галичемъ, основалъ государство, которое было, можетъ быть, сильнѣе всѣхъ русскихъ княжествъ и больше тогдашняго польскаго государства.

Романъ распоряжался кіевскимъ столомъ и боролся съ Польшей, Литвой и Венгріей. Волынскій лѣтописецъ называетъ его единодержавнымъ властителемъ всея Руси. Прогнанный Владиміръ искалъ убѣжища у германскаго императора. Папа Иннокентій III, до котораго дошла слава Романа, послалъ къ нему посольство, предлагалъ королевскую корону и уговаривалъ его перейти въ католичество, но получилъ отказъ. Близость къ Венгріи и Польшѣ содѣйствовала тому, что здѣсь княжеская дружина и боярство пріобрѣли больше значенія, чѣмъ въ другихъ удѣлахъ Руси, и оказывали вліяніе на судьбу княжества. Романъ задавилъ это движеніе. Онъ приказывалъ четвертовать и живыми закапывать въ землю непокорныхъ бояръ. „Чтобы спокойно собрать медъ изъ сотъ, необходимо убить пчелъ“—такова была его любимая поговорка.

Когда Романъ палъ въ 1205 году въ сраженіи при Завихостѣ и оставилъ малолѣтнихъ сыновей, Даніила и Василька, то возгорѣлась долголѣтняя война за обладаніе княжествомъ: князей пытали и вѣшали. Воспользовавшись этими смутами, поляки и венгры заняли княжество. Коломанъ, сынъ венгерскаго короля Андрея II, женатый на польской княжнѣ Саломеѣ, былъ возведенъ на галицкій тронъ. Съ трудомъ лишь отвоевалъ его себѣ Даніилъ (1229 г.); однако, только въ 1239 г. ему удалось вернуть себѣ обратно все наслѣдство; и тогда онъ избралъ Холмъ своей резиденціей.

Тяжелыя послѣдствія имѣло для Руси отдѣленіе отъ нея сѣверозападной ея части. Князья полоцкіе (при перекрестѣ Нѣмана и Двины) были слишкомъ слабы, чтобы защищаться отъ нападеній шведовъ и нѣмцевъ, а потомъ и литовцевъ. Слабость этихъ областей и сдѣлала возможнымъ возникновеніе сильнаго литовскаго государства.

b) Новгородъ.

Новгородъ также стремился къ независимости, такъ какъ много страдалъ отъ междоусобной борьбы изъ-за Кіева. Здѣсь правили не князь и не бояре, а народное собраніе (вѣче). Новгородъ былъ значительнымъ торговымъ городомъ и имѣлъ большое вліяніе на исторію славянско-финскаго сѣвера. Когда-то Новгородцы были единственными и первыми славянами, которые возстали противъ варяговъ и вытѣснили ихъ, наконецъ, изъ Руси. Когда Ярославъ Мудрый, разбитый своимъ братомъ Святополкомъ и поляками, пришелъ въ Новгородъ и хотѣлъ уѣхать за море, новгородцы изрубили его суда, сами обложили себя на военныя цѣли налогомъ и принудили его еще разъ помѣряться силами со Святополкомъ. Когда онъ затѣмъ, ставъ во главѣ ихъ, дѣйствительно, одержалъ побѣду, онъ сталъ высоко чтить Новгородъ и въ 1019 году даровалъ ему, повидимому, особыя льготы; память о Ярославѣ всегда была для новгородцевъ священной. Ни одинъ князь не могъ, однако, самостоятельно хозяйничать въ насчитывавшемъ болѣе 100,000 человѣкъ и безпокойномъ городѣ, ни одна княжеская династія не могла здѣсь прочно основаться. Князь долженъ былъ давать клятву, что будетъ соблюдать вольности города. Въ отсутствіи городского посадника онъ не имѣлъ права творить судъ и, главное, не могъ передать ни одного спорнаго дѣла на разсмотрѣніе иногороднаго суда. Въ волостяхъ, принадлежащихъ Новгороду, онъ не имѣлъ права ни пріобрѣтать деревень, ни основывать новыхъ. Доходы князя были точно опредѣлены. Ему принадлежало право созывать вѣче, которое собиралось подъ звонъ вѣчеваго колокола, на „Ярославовомъ дворѣ“. Но вѣче было сильнѣе князя, который со своей маленькой дружиной, не принадлежавшей къ городскимъ сословіямъ и не имѣвшей права жить внутри города, не былъ въ состояніи держать въ повиновеніи большой городъ.

Если князь въ чемъ-нибудь провинялся, то на него сейчасъ же приносили жалобу, и если онъ не нравился, то ему „кланялись и казали путь вонъ изъ Новгорода“. Когда князь Всеволодъ-Гавріилъ, обмѣнявшій Новгородъ на Переяславль, вернулся въ 1132 году обратно, то вѣче сказало ему: „Ты забылъ о своей клятвѣ умереть съ нами и сталъ искать себѣ новаго княжества, такъ иди теперь, куда хочешь“. Вѣче призывало также новыхъ князей. Поэтому князья неохотно шли въ Новгородъ. Когда тамъ было основано въ XII столѣтіи архіепископство, то даже архіепископъ избирался вѣчемъ и, естественно, смѣщался, если имъ были недовольны. Даже церковныя дѣла рѣшало вѣче. Городъ гордо называлъ себя „Господиномъ Великимъ Новгородомъ“. Онъ былъ полонъ церквей и монастырей, основанныхъ частными лицами. Такъ какъ почва была здѣсь песчаная, то городъ долженъ былъ распространить свои владѣнія, заняться колонизаціей и вести торговлю въ далекихъ странахъ, а именно: съ сѣверной Европой, и даже съ самымъ отдаленнымъ востокомъ. Вольныя дружины предпринимали набѣги и покоряли земли, основывая колоніи; такъ, они положили начало получившему позднѣе большое значеніе вольному городу Вяткѣ, который (такъ же, какъ Псковъ) управлялся своимъ вѣчемъ. Новгородцы считались хорошими мореплавателями, ихъ купцы образовывали особенную гильдію. Славянизація восточноевропейскаго сѣвера составляетъ, въ большей своей части, заслугу Новгорода (О гибели его независимости смотри дальше).

c) Владимиро-Суздальское княжество.

Любечскій съѣздъ князей, установившій наслѣдственность княжескихъ владѣній, отдалъ всю финскую область вокругъ Ростова роду Мономаха. Мономахъ основалъ тамъ на Клязьмѣ городъ, получившій его имя—Владимиръ. Сынъ Мономаха, Юрій Долгорукій, былъ первымъ самостоятельнымъ княземъ въ Ростовѣ. Онъ вскорѣ добился своей цѣли и сдѣлался великимъ княземъ Кіевскимъ; однако, онъ больше заботился о своей сѣверной волости, о Владимирѣ и Суздалѣ. Туда онъ уводилъ съ юга недовольное населеніе, тамъ основывалъ города, по преданію, также и Москву, которая упоминается въ первый разъ въ 1147 году. Его сынъ Андрей Боголюбскій совсѣмъ уже не интересовался югомъ, потому что Кіевъ уже не имѣлъ тогда будущности: съ 1125 года великокняжеское званіе восемнадцать разъ переходило въ Кіевѣ изъ рукъ въ руки. Въ 1169 году Андрей устроилъ союзъ изъ 15 князей, во главѣ котораго поставилъ своего сына Мстислава.

Мстиславъ послѣ трехдневнаго штурма взялъ Кіевъ и страшно его разграбилъ. Разграбленіе священнаго для всѣхъ русскихъ города, матери русскихъ городовъ и предмета честолюбія ихъ князей, произвело во всей странѣ громадное впечатлѣніе; многіе думали, что насталъ конецъ Руси. Здѣсь было покончено съ блескомъ и значеніемъ Кіева. Андрей, правда, принялъ великокняжескій титулъ, но послалъ въ Кіевъ своего брата Глѣба, который тоже носилъ этотъ титулъ. Однако, и другія главы княжескихъ семей, князья Смоленскіе, Галицкіе, Черниговскіе также присвоили себѣ великокняжескій титулъ. Не было, однако, сомнѣнія, что истиннымъ господиномъ Руси является князь Суздальской области, одержавшій верхъ надъ Кіевомъ. Владимиръ на Клязьмѣ долженъ былъ сдѣлаться центромъ государства.

Юрій Долгорукій и Андрей Боголюбскій ясно понимали суть положенія. Они хотѣли создать сильную княжескую власть, независимую отъ боярства, дружины и городскихъ сословій, которыя на югѣ съ недавняго времени начали часто распоряжаться престоломъ. И отецъ и сынъ были, поэтому, безпощадны къ боярамъ; вѣдь на сѣверѣ послѣдніе

были, по большей части, недавними пришельцами, переселенцами, которые съ самаго начала должны были приспособиться къ новымъ порядкамъ. Да и города, лишь недавно основанные здѣсь князьями, не могли получить самостоятельнаго вліянія и во всемъ должны были подчиняться намѣреніямъ своихъ основателей. Поэтому Андрей избралъ своей резиденціей въ суздальской землѣ не Ростовъ и не Суздаль съ ихъ древними вѣчами, но незначительное мѣстечко Владиміръ. Здѣсь могла возникнуть неограниченная власть, которая была въ состояніи спасти Русь отъ гибели. Андрей, правда, палъ въ 1175 г., убитый боярами; но его преемники твердо держались той же политики и обращались съ дружиной исключительно, какъ съ простыми подданными.

Во время печальныхъ междоусобицъ, сознаніе единства общаго русскаго отечества находило себѣ поддержку не столько въ родственныхъ связяхъ княжескихъ семействъ, сколько въ дѣятельности церкви. Да и блескъ Кіева основывался въ послѣднее время больше на томъ, что тамъ находились древнѣйшія церкви, въ особенности знаменитый пещерный монастырь, гдѣ покоились мощи святыхъ, и что тамъ жилъ высшій представитель церковнаго управленія. Чтобы Владиміръ на Клязьмѣ могъ серьезно соперничать съ Кіевомъ, онъ долженъ былъ получить митрополита и обзавестись красивыми церквями. И объ этомъ стали заботиться его князья. Вскорѣ появились во Владимірѣ золотыя ворота, какъ и въ Кіевѣ. Десятинная церковь, много монастырей, красивыя постройки. Во время разграбленія Кіева, во Владиміръ увезли также замѣчательныя иконы, церковныя украшенія, книги и колокола. Только попытка получить отъ константинопольскаго патріарха согласіе на основаніе митрополіи въ Суздалѣ осталась пока безуспѣшной. Могущество Суздаля росло все болѣе и болѣе. Брата Андрея, Всеволода „Большое Гнѣздо“ (ум. въ 1212 г.), боялись во всей Руси. Но среди его сыновей снова начались раздоры, пока Константинъ не одолѣлъ всѣхъ остальныхъ. Послѣ его смерти (1217 г.), великимъ княземъ во Владимірѣ сдѣлался его братъ Юрій II. Онъ покорилъ область мордвы и основалъ въ 1221 году при впаденіи Оки въ Волгу Нижній Новгородъ (въ 1350—1390 гг. резиденція Суздальскихъ князей).

Три силы оспаривали на Руси около 1200 г. власть другъ у друга: князь, боярство и вѣче. Въ Галичѣ побѣдило боярство, въ Новгородѣ, Псковѣ и Вяткѣ — вѣче, въ Суздалѣ — княжеская власть; лишь въ Кіевѣ всѣ эти три учрежденія стояли всѣ другъ противъ друга, и каждое изъ нихъ было безсильно что-либо сдѣлать. Поэтому на Руси, вмѣсто одного политическаго центра, должно было образоваться сразу нѣсколько различныхъ центровъ.

B. **Покореніе Руси татарами.**

a) Темучинъ.

Русь была уже ослаблена внутренними раздорами, когда надъ страной разразилось несчастье, самое большое изо всѣхъ, которыя когда-нибудь поражали ее. Въ 1222 году появились на югѣ татары (монголы), которые напали прежде всего на живущихъ къ сѣверу отъ Кавказа алановъ. Появленію татаръ предшествовала страшная вѣсть. Темучинъ, или Чингисханъ, объединилъ монгольскія племена, завоевалъ и опустошилъ сѣверный Китай, Бухару, Самаркандъ и сѣверную Индію и носился теперь съ мыслью покорить также и Европу. Онъ считалъ себя бичемъ божьимъ; проникнутые фанатизмомъ, азіаты часто не оказывали ему никакого сопротивленія.

Аланы соединились съ половцами, но монголы склонили послѣднихъ подарками на свою сторону, покорили алановъ, а за ними и своихъ вѣроломныхъ союзниковъ. Послѣдніе поспѣшно прибѣгли къ Руси. Южнорусскіе князья объединились, къ нимъ примкнули половцы, и ихъ ханъ

Басти, принявшій христіанство. Рѣшено было идти навстрѣчу врагамъ и искать ихъ въ степи. Тогда въ лагерь союзниковъ явились татарскіе послы, по преданію, только изъ-за ненавистныхъ имъ половцевъ. Въ своемъ ослѣпленіи русскіе отвергли мирныя предложенія и приказали убить пословъ; русскіе привели съ собой свыше 80,000 человѣкъ. 16 іюня 1223 года произошло рѣшительное сраженіе на берегахъ небольшой рѣки Калки, впадающей въ Азовское море. Половцы побѣжали первыми и принудили этимъ русскихъ къ отступленію, которое превратилось въ гибельное бѣгство. Мстиславъ защищался еще три дня въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ, но, по своей довѣрчивости, попалъ, наконецъ, въ руки татаръ; шесть князей и 70 бояръ остались на полѣ битвы. Мстиславъ и его два зятя были задавлены подъ досками, и на ихъ трупахъ монголы справляли свое побѣдное празднество. Едва десятой части русскаго войска удалось спастись. „За ними гналось многочисленное татарское войско, грабя, убивая и опустошая цѣлые города, — разсказываетъ арабскій писатель Ибнъ-аль-Атиръ, — многіе русскіе купцы объединились, запаковали свои цѣнности и уѣхали на нѣсколькихъ судахъ въ мусульманскія земли“.

b) Золотая орда.

Темучинъ внезапно повернулъ обратно въ Азію. Русь была спасена. Великій завоеватель умеръ въ 1227 году; его преемникомъ былъ его третій сынъ Огдай (Оготай). На общемъ собраніи у Каракорума въ 1235 г. было рѣшено покорить Русь и Европу вообще; внукъ Темучина, Батый, получилъ высшее командованіе. Въ 1237 году снова явились на Руси монгольскія полчища численностью, какъ передаютъ, въ 500,000 человѣкъ. Приволжскіе болгары оказали слабое сопротивленіе, и ихъ столица Болгаръ Великій была разрушена. Принадлежавшая къ финскому же племени мордва примкнула, наоборотъ, къ татарамъ и доставила имъ шпіоновъ. Вскорѣ враги подошли къ Рязани; съ помощью сильныхъ тарановъ они послѣ пятидневнаго штурма взяли 21 декабря городъ и устроили тамъ страшную бойню. Великій князь Владимирскій еще до этого сраженія ушелъ дальше на сѣверъ, но татары вскорѣ его настигли и убили. Защищаемый его сыновьями, Всеволодомъ и Мстиславомъ, Владимиръ палъ уже 14 февраля 1238 года. Все Суздальское княжество было разграблено; Коломна, Москва, Волоколамскъ, Тверь и Торжокъ обращены въ развалины.

Батый стоялъ уже недалеко отъ Новгорода, когда наступившая оттепель сдѣлала невозможнымъ дальнѣйшее движеніе монголовъ. На обратномъ пути они взяли, послѣ семинедѣльнаго храбраго сопротивленія, Козельскъ. Зимой 1239 года Батый двинулся на южную Русь. Его завоеванія облегчали русскіе же князья, еще и теперь ссорившіеся другъ съ другомъ.

Даніилъ Галицкій овладѣлъ Кіевомъ и поручилъ его защиту своему боярину Дмитрію, но противъ численнаго превосходства татаръ не помогла и рѣшимость послѣдняго. Кіевъ палъ 6 декабря 1240 года и былъ страшно опустошенъ; даже могилы не были пощажены. Батый даровалъ жизнь только одному храброму Дмитрію, чего онъ раньше никогда не дѣлалъ, и оставилъ его при себѣ, какъ военнаго совѣтчика. Затѣмъ, онъ завоевалъ Галичъ; одинъ Новгородъ еще держался. Русскіе потерпѣли пораженіе отчасти и вслѣдствіе высшаго военнаго искусства монголовъ, всегда остававшихся на лошадяхъ. Польша, Венгрія и другія сосѣднія государства наполнились русскими бѣглецами. Въ Римѣ, въ Венгріи, Чехіи и Германіи совѣщались о мѣрахъ противодѣйствія монголамъ; думали, что это мистическіе Гогъ и Магогъ явились положить конецъ міру. Людовикъ IX Французскій подготовлялъ крестовый походъ.

Татарскій ураганъ пронесся затѣмъ надъ Польшей, Моравіей, Венгріей, Далмаціей, но азіатская волна внезапно отхлынула назадъ. Только

Русь осталась за татарами. Бѣжавшіе князья вернулись — въ качествѣ татарскихъ вассаловъ. Въ разрушенныхъ городахъ начали дѣлаться попытки кое-какъ устроиться. Развалины были частью исправлены, но страна опустѣла; искали людей и брали ихъ прежде всего у густо населеннаго Запада. Съ этого времени начинается движеніе нѣмецкихъ колонистовъ на востокъ.

Батый давно уже основалъ на Волгѣ почти независимое отъ великаго хана царство, называвшееся Кипчакомъ или Золотой Ордой, съ центромъ въ Сараѣ, и былъ теперь занятъ его организаціей. Сводомъ законовъ для этого царства служила Яза, записанное Чингисханомъ обычное право, знавшее лишь смертную казнь и тѣлесныя наказанія. Присяга на вѣрность приносилась съ обнаженной головой, на колѣняхъ и безъ пояса. Строгій церемоніалъ отдѣлялъ хана отъ народа. Прежде чѣмъ приблизиться къ хану, нужно было пройти между двухъ огней, такъ какъ, по повѣрью, этимъ обезвреживались ядъ или другія опасныя вещи, которыя кто-либо могъ нести съ собой. Съ ханомъ можно было говорить, только преклонивъ колѣна, и часто на проходившаго просителя накидывалось покрывало, чтобы онъ не видѣлъ ханскаго лица. Іоаннъ де Плано Карпини, имѣвшій въ 1246 году аудіенцію у Батыя въ качествѣ посла папы Иннокентія IV, разсказываетъ: „Батый содержитъ великолѣпный дворъ; его войско насчитываетъ 600,000 человѣкъ. Онъ сидитъ на своемъ тронѣ съ одной изъ своихъ женъ, словно императоръ. Его братья, сыновья и вельможи сидятъ далеко ниже на скамьѣ посрединѣ, всѣ остальные помѣщаются прямо на землѣ, мужчины направо, женщины налѣво... Мы, изложивъ наше дѣло, также сѣли налѣво, какъ это дѣлаютъ всѣ послы, но были пересажены направо... Батый никогда не пьетъ... особенно въ присутствіи людей, безъ того, чтобы при этомъ не пѣли и не играли на цитрѣ. Когда же онъ ѣдетъ верхомъ, то надъ его головой держатъ зонтъ, что также дѣлаютъ всѣ татарскіе князья и ихъ жены“.

Резиденція хана называлась ордой. Народъ былъ раздѣленъ на военные десятки, сотни, тысячи. Десять тысячъ, tuman, составляли уже отдѣльную область. Покоренные народы должны были только платить дань; другой опеки они надъ собой не имѣли. Главный сборщикъ податей назывался баскакомъ (позднѣе это означало: притѣснитель). Плано Карпини разсказываетъ, что одинъ изъ такихъ баскаковъ у всякаго, имѣвшаго трехъ сыновей, отнималъ по одному; то же дѣлалось съ неженатыми мужчинами, незамужними женщинами и со всѣми нищими. Все, что осталось у жителей, было переписано, и затѣмъ съ каждой души, считая въ томъ числѣ новорожденныхъ однодневныхъ младенцевъ, взимался налогъ: черная или бѣлая медвѣжья шкура, черный бобръ, соболь, хорь и черная лисица. Кто не могъ платить, уводился въ рабство. Русскіе князья должны были лично просить у хана подтвержденія своего званія. Такъ, Батый потребовалъ въ Сарай великаго князя Владимирскаго Ярослава, наслѣдовавшаго своему брагу Юрію II, вмѣстѣ со всѣми его родственниками. Ярославъ долженъ былъ, кромѣ того, отправиться къ великому хану въ Каракорумъ; тамъ онъ встрѣтился съ Плано Карпини. На обратномъ пути онъ умеръ въ 1246 году въ пустынѣ отъ истощенія силъ или отъ яда, который князь, должно быть, испилъ при дворѣ великаго хана. Суровый миноритъ (Карпини) видѣлъ въ киргизскихъ степяхъ высушенныя кости истомившихся въ пескахъ отъ жажды бояръ великаго князя. Чтобы имѣть успѣхъ въ ордѣ, нужно было располагать большой суммой денегъ на „подарки“ татарскимъ князьямъ (мурзамъ), временщикамъ, женамъ; бѣдные русскіе князья имѣли еще дѣло и съ происками своихъ же соотечественниковъ.

Даніилъ Галицкій еще не вносилъ дани; онъ, напротивъ, укрѣплялъ свои города и уже съ 1246 года искалъ союза съ папой. Однако, въ

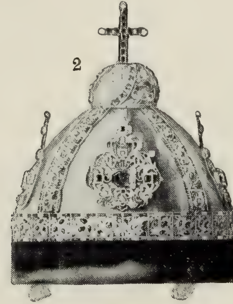
1250 году явилось ханское посольство и потребовало сдачи Галича. Еще недостаточно подготовленный къ сопротивленію, Даніилъ отправился въ орду и долженъ былъ согласиться на разныя униженія: пилъ кобылье молоко (кумысъ) и склонился передъ „великой ханшей“. Черезъ 25 дней онъ былъ отпущенъ и обратно получилъ Галичъ въ ленъ. Тѣмъ не менѣе, онъ снова вступилъ въ сношенія съ Иннокентіемъ IV, обѣщалъ подчинить послѣднему свою церковь и принялъ папскихъ легатовъ, которыми былъ въ 1254 году коронованъ королемъ. Но когда проповѣдь крестоваго похода осталась безуспѣшной, то онъ снова порвалъ свои сношенія съ Римомъ. По приказу хана онъ потомъ вынужденъ былъ даже срыть свои крѣпости и по необходимости сносилъ татарское иго до самой смерти, послѣдовавшей въ 1266 году въ Холмѣ.

Въ Новгородѣ княжилъ тогда сынъ Ярослава, Александръ, разбившій нѣмцевъ и побѣдившій въ 1240 году шведовъ на рѣкѣ Невѣ (отсюда его почетное прозвище: Невскій). Иннокентій IV послалъ въ 1251 году двухъ кардиналовъ, чтобы склонить его въ пользу римской церкви; но напрасно. Напротивъ того, Александръ отправился въ 1254 г. въ сопровожденіи своего брата Андрея въ Сарай, а оттуда въ Каракорумъ; путешествіе длилось три года. Монгольское могущество призвело, должно быть, на него чрезвычайно сильное впечатлѣніе, ибо съ этого времени онъ остался вѣренъ татарамъ и изъ-за этого боролся даже съ собственнымъ братомъ Андреемъ. Вѣдь только объединенная Русь могла бы оказать татарамъ сопротивленіе.

Батый умеръ въ 1256 году. Его сынъ Сертакъ, преданный христіанству, тоже вскорѣ скончался, вѣроятно, отъ яду, и тогда на престолъ вступилъ въ 1257 году братъ Батыя, Беркай. Онъ устроилъ на Руси всенародную перепись и обложилъ всѣхъ налогомъ. Впервые появились теперь ненавистные баскаки и въ Новгородѣ. Собралось вѣче. Когда посадникъ сталъ совѣтовать покорность, народъ убилъ его; даже одинъ изъ сыновей Александра упрекалъ отца, что онъ обращаетъ свободныхъ людей въ рабство. Лишь съ большими трудностями удалось князю уговорить упорное населеніе дать себя переписать. Въ 1262 г. города Владиміръ, Суздаль и Ростовъ возмутились противъ баскаковъ. Александръ поспѣшилъ съ подарками къ хану, но былъ тамъ удерживаемъ въ теченіе года. На обратномъ пути онъ умеръ отъ истощенія 14 ноября 1263 года.

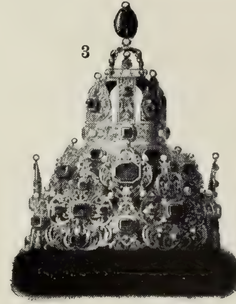
Въ то время произошелъ переворотъ въ жизни татарскаго народа. Татары не могли долго противостоять вліянію высшей культуры. Римъ дѣлалъ большія усилія склонить ихъ на свою сторону черезъ миссіонеровъ, особенно съ того времени, какъ монголизмъ, по уничтоженіи Багдада (1258 г.), оффиціально пришелъ къ столкновенію съ исламомъ. Оба недавно основанныхъ монашествующихъ ордена, францисканцевъ и доминиканцевъ, вообще, составившихъ себѣ въ теченіе XIII и XIV столѣтій имя въ церковной исторіи Востока, особенно усердно занялись дѣломъ обращенія татаръ. Миноритъ Іоаннъ де Плано Карпини не былъ послѣднимъ изъ тѣхъ, кто пытался склонить татарскаго хана на сторону римской вѣры. Греческая церковь тоже не осталась тамъ безъ вліянія. Нѣкоторые великіе ханы были наружно преданы христіанству. У Куюка (1246—1248 г.) была рядомъ съ дворцомъ христіанская капела, Кублай (1260—1294) систематически посѣщалъ празднество св. Пасхи. Въ самомъ Сараѣ была основана греческая епископія. Монгольскіе властители всѣ безъ изъятій проявляли терпимость. Плано Карпини видѣлъ въ лагерѣ великаго хана христіанъ, греческихъ священниковъ, христіанскую церковь. Родившійся между 1220 и 1230 гг. францисканецъ Вильгельмъ фонъ Рубрукисъ (Ригисбрекъ) описываетъ, какъ Мангу-Ханъ устроилъ въ 1254 г. диспутъ между представителями различныхъ исповѣданій; при немъ совершали свое богослуженіе христіане, магометане и язычники. Священники и мо-

1

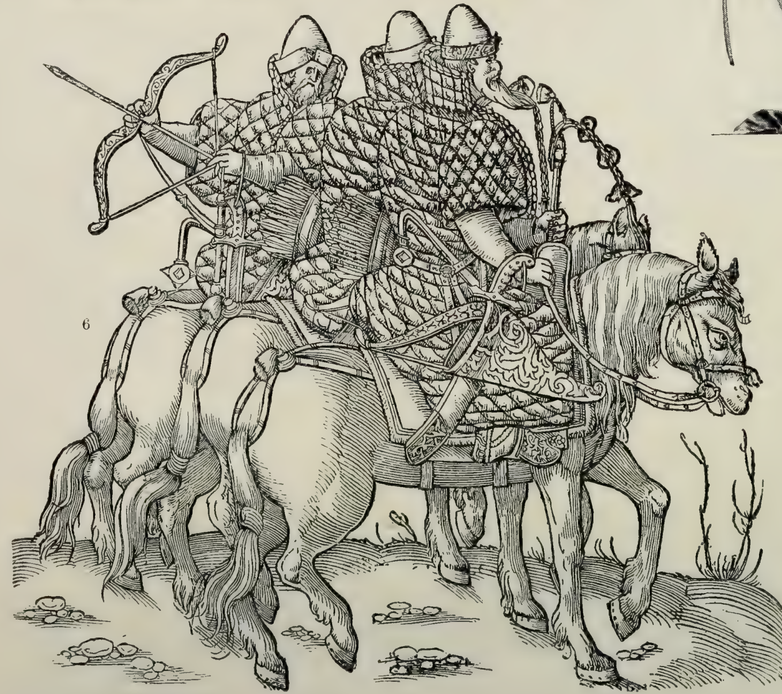


2

4



3



6

5

Исторія человѣчества. V.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Русскія короны и вооруженія.

Объяснительный текстъ къ картинамъ.

1—3. **Русскія короны**

1. Астраханская корона царя Михаила Өедоровича, около 1613 г.
2. Сибирская корона;
3. Казанская корона XVI ст.

4. Шлемъ вел. князя Александра Невскаго, изъ красной мѣди, съ арабскою надписью. Азіатская работа временъ крестовыхъ походовъ. Теперь находится въ Московскомъ Кремлѣ.

(1—4 по экземпляру „Antiquités de l'empire Russie, éditées par ordre de Sa Majesté l'empereur Nicolas I", находящемуся въ публичной королевской библіотекѣ въ Дрезденѣ.)

5. Передній и задній видъ татарскаго вооруженія XIV ст. (Въ Царскосельскомъ музеѣ.)

(По сочин. Gillé, „Le Musée de Tzarskoe Selo", въ Дрезденѣ.)

6. Московскіе воины.

(Изъ „Rerum moscoviticarum commentarij Sigismundi liberi baronis in Herberstain, Neyperg et Guettenhag"; Базель, 1556.)

нахи были освобождены отъ подушной подати. Греческой церкви была предоставлена собственная юрисдикція, а поруганіе святыни наказывалось смертью. Въ предѣлахъ монгольскихъ владѣній монастыри увеличивались количественно и становились все богаче.

Тогда-то ханъ Беркай обратился въ мусульманство—событіе большой важности. Теперь въ Сараѣ воцарился мусульманскій религіозный фанатизмъ, который сталъ препятствовать сліянію народовъ. Что мусульманство могло одержать эту многозначительную побѣду, это было — одно изъ тяжелыхъ послѣдствій несчастнаго четвертаго крестоваго похода, который взятіемъ Константинополя, сопровождавшимся страшными ужасами и раздѣленіемъ имперіи, парализовалъ силу греческой церкви и греческой культуры, не принеся никакой пользы западной культурѣ. Неослабленная Византія тѣмъ вѣрнѣе склонила бы татаръ къ православной вѣрѣ, что греческое богослуженіе производило на азіатовъ сильное впечатлѣніе, а военная сила татаръ состояла, можетъ быть, на три пятыхъ изъ восточныхъ христіанъ, въ виду ежедневнаго увода въ плѣнъ столькихъ тысячъ человѣкъ. Разрушенная же Византія такъ же мало могла внушить къ себѣ уваженіе, какъ и обоюдная ненависть обоихъ „христіанскихъ" исповѣданій. Поэтому татары приняли исламъ, который былъ имъ ближе, по крайней мѣрѣ, въ національномъ отношеніи и, казалось, выгоднѣе и въ политическомъ. Магометане-татары углубили пропасть между Европой и Россіей. Только теперь Русь и стала, собственно, провинціей Азіи.

Три столѣтія, проведенныя Русью подъ татарскимъ игомъ, опредѣлили ея положеніе относительно цивилизаціи и ея развитіе. Раньше она стояла въ этомъ отношеніи если не выше, то все же, навѣрное, и не ниже многихъ государствъ на Западѣ. Теперь вдругъ пресѣкалось ея культурное развитіе, и она пала столь низко, что еще и понынѣ не смогла вполнѣ оправиться отъ этого удара. Политическое положеніе, правда, не измѣнилось: отдѣльные князья утверждались въ своей власти, и имъ оставлено было самоуправленіе Но хозяйственный разгромъ такъ тяжело давилъ страну, что у народа пропадала охота къ труду. Унизительное обращеніе и чувство полнѣйшаго безправія передъ ханомъ должны были развратить мысль народную, искоренить у него чувство чести и умертвить его моральныя силы. Это замѣчается даже у лѣтописцевъ татарской эпохи. Когда въ XV столѣтіи одинъ князь велѣлъ ослѣпить другого, то лѣтопись не помѣщаетъ по этому поводу ни слова порицанія, въ противоположность такому же случаю съ ослѣпленіемъ Василька. Русскій народъ привыкъ уже, слѣдовательно, къ сценамъ ужаса. И этотъ моральный вредъ былъ тяжелѣе и дѣйствовалъ продолжительнѣе, чѣмъ экономическій упадокъ.

Уже черезъ полустолѣтіе можно было замѣтить глубокопроникающее вліяніе азіатовъ. Сынъ Даніила Галицкаго держалъ уже при себѣ татарскую охрану; этого нельзя объяснить одною непокорностью бояръ. Тотъ же гордый Новгородъ, который лишь съ крайней неохотой подчинился баскакамъ, отказалъ въ 1304 году князю Михаилу слѣдующими словами: „Мы тебя, дѣйствительно, избрали, но подъ условіемъ, что ты достанешь ярлыкъ" (ханская грамота объ опредѣленіи на должность). Монголы, какъ нѣкогда печенѣги и половцы, призывались русскими князьями на помощь противъ своихъ же соотечественниковъ, и русскіе участвовали въ военныхъ походахъ татаръ, которые честно предоставляли имъ часть добычи. Сближеніе между монголами и русскими дѣлало столь быстрые успѣхи, что уже въ первой половинѣ XIV столѣтія татарскіе князья и дворяне переселялись въ Москву.

Многія знатныя русскія фамиліи происходятъ отъ татаръ; съ другой стороны, не нужно забывать, что переселявшіеся позднѣе татары были, большей частью, потомками русскихъ плѣнныхъ, такъ что слѣдуетъ скорѣе говорить о славянской крови у татаръ, чѣмъ наоборотъ. Русь забыла бы

почти ихъ гнетъ, если бы отъ времени до времени взрывы дикаго варварства не наносили странѣ новыхъ ранъ. Это поддерживало желаніе избавиться отъ ига. Въ политическомъ отношеніи Русь отчасти даже выиграла. Ссоры между русскими князьями были запрещены, такъ какъ безъ согласія хана никто не могъ вести войну. И, что было еще важнѣе, великій князь, какъ вассалъ хана страшныхъ монголовъ, пользовался кое-гдѣ бо̀льшимъ значеніемъ, чѣмъ это было прежде. Здѣсь слѣдуетъ видѣть зародышъ будущаго объединенія Руси.

5. Польша съ X вѣка до 1376 года.

А. Начало Польши (до 1138 года).

Славянскія массы, кочевавшія на далекомъ европейскомъ востокѣ, были, въ общемъ, уже давно извѣстны Западной Европѣ, но онѣ долго не составляли значительныхъ государствъ, образуя только племена. Лишь въ IX-мъ столѣтіи пришла въ Константинополь вѣсть, что на сѣверѣ образовалось большое русское государство. Спустя сто лѣтъ было обнаружено на сѣверо-западѣ сильное польское княжество. Честь этого открытія принадлежитъ Германіи: уже съ средины VIII-го вѣка на линіи Эльбы, гдѣ столкнулись славянскія и нѣмецкія племена, между ними кипѣла борьба. Но тогда какъ нѣмцы обрѣли уже, благодаря Карлу Великому, политическое единство, пріобщились къ римской культурѣ и приняли христіанство, — славяне все еще были раздроблены и враждебно относились къ западнымъ воззрѣніямъ въ области политики, религіи и культуры. За эти принципы, а въ конечномъ счетѣ, за свободу шла ожесточенная борьба. Черезъ сто лѣтъ славяне между Эльбой и Одеромъ были покорены; да и одерскіе славяне вели уже послѣднюю борьбу, тѣмъ болѣе, что они не ладили и между собой.

а) Мизако (Мѣшко).

Въ это время саксонскій графъ Вихманъ (ум. 967 г.), отдѣлившійся отъ Германской имперіи, былъ избранъ вендами вождемъ въ ихъ борьбѣ съ сосѣдними лизиками (Lisikaviker). Вихманъ нанесъ двойное пораженіе лизиканскому князю Мизако (Мизеко или Мѣшко, ласкательное отъ Мстислава) и убилъ его брата. Мѣшко отдался поэтому подъ покровительство маркграфа Герона, какъ разъ стоявшаго тогда съ войскомъ на границѣ Польши, и согласился платить дань съ области между Одеромъ и Вартой. Это—первое столкновеніе Польши съ Западомъ. Около 965 года испанскій еврей Ибрагимъ-ибнъ-Яковъ объѣхалъ съ торговой цѣлью Германію и проникъ до Мерзербурга и Праги, гдѣ изучилъ славянъ. „Теперь,— пишетъ онъ,—у нихъ четыре князя: князь аль-Болгаринъ (Петръ Дунайско-Болгарскій; или же здѣсь, что случилось и съ Масуди, Гельмольдомъ и другими, имѣется смѣшеніе съ мадьярами, поселившимися на мѣстѣ моравовъ); Вриславъ, князь Фраги, Бвимы и Кракута (Болеславъ Пражскій, Богемскій и Краковскій), Мшка (Мѣшко), князь сѣвера, и Накоръ (Накконъ—Гаконъ?) на крайнемъ западѣ (въ странѣ абодритовъ). Что касается страны Мшки, то она — величайшее изъ славянскихъ государствъ и богата хлѣбомъ, мясомъ, медомъ и пастбищами. Подати, взимаемыя этимъ княземъ, вносятся византійскимъ миткалемъ и идутъ на содержаніе его людей. Онъ имѣетъ 3,000 дзра (дружина, дружинниковъ), которымъ доставляетъ латы, коней, оружіе и все необходимое. На востокѣ отъ царства Мшки живутъ русскіе, на сѣверѣ — пруссы“. Этотъ Мизако или Мѣшко является, такимъ образомъ, первымъ польскимъ княземъ, засвидѣтельствованнымъ исторіей. Позднѣйшее преданіе говоритъ, что онъ происходитъ отъ рода Пяста изъ Крушвица; преданіе знаетъ династію

Пяста и сообщаетъ объ его предшественникахъ. Пястъ значитъ по-польски почти tutor, опекунъ, дѣдко. Въ сопоставленіи съ другими миѳическими сказаніями, было сдѣлано предположеніе, что и здѣсь какой-то придворный при княжеской фамиліи, занимавшій должность воспитателя дѣтей, низвергъ, подобно франкскимъ маіордомамъ, прежнюю династію и завладѣлъ трономъ. Фамилія Пястовъ царствовала въ Польшѣ до 1370 года.

Польша вступаетъ на арену исторіи къ тому времени, когда Германія возобновила претензіи міровой Римской имперіи на господство надъ всѣми странами и народами и обнаружила силу осуществить эти претензіи. Обитавшія на восточной границѣ славянскія племена, хотя и защищали упорно свою свободу, тоже, должно быть, слыхали объ этихъ мнимыхъ правахъ на господство, такъ какъ они очень скоро свыклись съ ролью вассаловъ Священной Римской имперіи. Послѣдняя, однако, какъ и весь Западъ, находилась тогда подъ властью христіанской идеи. Распространеніе этой идеи составляло важнѣйшую задачу Имперіи, за что она черпала отъ церкви, которая вѣдь и предъявляла упомянутыя претензіи, свою силу и значеніе. Языческіе восточные славяне образовали, такимъ образомъ, широкое поприще для миссіонерской дѣятельности Германіи; къ тому же основано было въ Магдебургѣ архіепископство. При такихъ обстоятельствахъ обращеніе Польши въ христіанство было только вопросомъ времени.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ перваго столкновенія съ Германіей, Мѣшко женился на дочери чешскаго князя Болеслава I, по имени Домбровкѣ (Дубровкѣ). Повидимому, склоненный ею, онъ принялъ христіанство (966 г.?) вмѣстѣ со своими вельможами. Рѣшающее значеніе имѣли для него при этомъ, разумѣется, политическія соображенія, такъ какъ онъ только такимъ путемъ могъ хотя бы отчасти удержать свою независимость. И отъ него не укрылось, что могущественнымъ главой христіанскаго міра является Римъ, отъ котораго зависитъ и Германія. Около 968 года было основано въ Познани епископство для польской земли, подчиненное Магдебургскому архіепископу; Іорданъ былъ первымъ познанскимъ епископомъ. Это было поворотнымъ пунктомъ въ жизни польскихъ племенъ: примкнувъ къ Западу, они начали новую жизнь. Лишь подъ руководствомъ христіанской церкви, Польша выросла въ могущественное государство. Уже въ виду этого слѣдуетъ видѣть въ Мѣшко дѣйствительнаго основателя Польши. Свои дружественныя отношенія къ Германской имперіи онъ еще тѣснѣе связалъ, женившись, по смерти своей жены — богемки (977 г.), на дочери маркграфа Тидриха[1]. Тѣмъ не менѣе, онъ принялъ участіе въ заговорѣ Генриха Баварскаго противъ императора Оттона, и въ

---

[1]

Болеславъ I Богемскій и Хорватскій 935—967
- Болеславъ II (967—999)
- Домбровка († 977) (1)

Польскій Князь Мизако (Мѣшко) († 992)
- Дочь его жена герцога Гезы Венгерскаго († 997) — Вайкъ = Стефанъ I (997—1038)

(1) [Домбровка и Мѣшко]:
- (1) Болеславъ I Храбрый Польскій (992—1025) Жена его, Ода, дочь Эккардта I Мейсенскаго († 1002) — Дочь (ок. 1000 г.) Святополка Туровскаго

Маркграфъ Тидрихъ
- Ода: 1. Жена графа Гуктера Шерзебургскаго († 982) потомъ монахиня въ монастырѣ Кальбе 2. Жена Мѣшка Польскаго
- Монахиня Матильда; около 999 г. жена Прибислава Славянскаго

(2) между 982 и 992 [Мѣшко и Ода]:
- (2) Мѣшко
- (2) Святополкъ
- (2) Владивой
- (2) Дочь его, жена Свена Габельбарта Датскаго († 1014) — Кнутъ Великій (1018—1035)

[Потомки Тидриха]:
- (1) Эккардтъ I Маркграфъ Мейсенскій 985—1002
  - Матильда, жена Маркграфа Дитриха Лужицкаго
  - Ліутгерда
  - Германъ (1010—1032)
  - Эккардтъ II (1032—1046)
  - Ода, жена Болеслава Храбраго Польскаго (992—1025).
- (1) Маркграфъ Гунцелинъ 1002—1009

979 году ему должны были напомнить объ его долгѣ вассала; несмотря на это послѣ смерти императора Оттона II (983 г.), Польша снова пристала къ мятежному Генриху. Лишь послѣ 985 года, Мѣшко принялъ съ бо́льшей вѣрностью участіе въ войнахъ Германіи противъ вендовъ и въ 990 году боролся даже съ Болеславомъ Богемскимъ, братомъ умершей жены.

b) Болеславъ I Храбрый (Хробрый).

Мѣшко умеръ въ 992 году и оставилъ отъ обоихъ браковъ нѣсколько дѣтей, которыя, по славянскимъ законамъ, всѣ имѣли право на наслѣдство. Можетъ быть, дѣлежъ и произошелъ; но власть надъ всѣмъ государствомъ присвоилъ себѣ (въ силу отцовскаго постановленія?) сынъ богемки, Болеславъ I, позднѣе прозванный Храбрымъ. Возвышаясь надъ обычнымъ уровнемъ, онъ въ извѣстной мѣрѣ предвосхитилъ то, что должны были принести лишь грядущіе вѣка. Онъ указалъ государству пути и въ значительной степени самъ добивался тѣхъ цѣлей, къ которымъ позднѣе стремился народъ. Хитрый, храбрый, прекрасный политикъ и устроитель, неутомимо дѣятельный, онъ превосходилъ всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло. Правильное пониманіе истинныхъ потребностей и дѣйствительнаго соотношенія силъ никогда не дозволяло ему переступить предѣлъ достижимаго. Гдѣ народъ позднѣе переступилъ границы намѣченнаго имъ круга, тамъ это не послужило ему на счастье. Уже въ первые годы своего княженія, Болеславъ бросился на сѣверо-востокъ и завоевалъ Поморье и землю пруссовъ,' а на югѣ — Хробатію (Хорватію) съ Краковомъ и Моравію со Славочиной до Дуная.

Какъ разъ въ это время епископъ Адальбертъ, изгнанный изъ Праги, двинулся на сѣверъ съ цѣлью проповѣдывать Евангеліе язычникамъ пруссамъ, среди которыхъ онъ и воспріялъ 997 году мученическую кончину. Болеславъ выкупилъ у язычниковъ его прахъ и помѣстилъ его въ Гнѣзнѣ. Онъ зналъ, что прахъ святого необходимъ для основанія церкви, и сознавалъ также, какое значеніе имѣли тогда реликвіи. адальбертъ (собственно Войтехъ или Войцехъ) сталъ, такимъ образомъ, патрономъ Польши, и въ его честь построены были церкви. Знамя отряда, состоявшаго подъ личнымъ командованіемъ князя, получило въ свое отличіе адальбертово изображеніе. Это же изображеніе носило и боевое знамя всей польской арміи. Болеславъ долженъ былъ уже въ то время завести переговоры съ императоромъ и папой объ основаніи новыхъ епископствъ: уже въ 999 году мы находимъ въ Польшѣ упорядоченную церковную іерархію. Братъ Адальберта, Гаудентіусъ (Радимъ) былъ нареченъ архіепископомъ Гнѣзенскимъ, независимымъ отъ Магдебургскаго; ему подручны были: епископъ Краковскій для Хробатіи, Бреславскій (вроцлавскій) — для Силезіи и Кольбергскій (Колобрегскій) для Поморья (Познань осталась за Майнцемъ). Въ 1000 году, когда, по ученію хиліастовъ, должна была наступить кончина міра, въ Гнѣзно явился мечтательный императоръ Оттонъ III, чтобы помолиться надъ гробницей святого, которому онъ приходился и сродни. Онъ былъ принятъ блестяще, но и политическія выгоды, которыхъ сумѣлъ добиться польскій князь, были также велики. Оттонъ одобрилъ церковное устройство Польши, а князя, который считался до сихъ поръ вассаломъ Германской имперіи, возвелъ на степень брата, друга и союзника съ титуломъ Патриція. Гоняясь за призракомъ міровой имперіи, Оттонъ III потерялъ подъ ногами почву дѣйствительности. „Господь да проститъ императора,— восклицаетъ съ неудовольствіемъ Мезербургскій епископъ Титмаръ (ум. въ 1018 году)—„Господь да проститъ его за то, что онъ далъ независимость польскому герцогу, бывшему доселѣ подчиненнымъ князем, и настолько возвысилъ его, что тотъ вскорѣ сталъ стремиться подчинить своей власти и сдѣлать своими слугами тѣхъ, которые раньше были выше его“.

Позднѣе обнаружилось, что въ дни гражданскихъ междоусобій и раздробленія единство польскаго государства было спасено и укрѣплено, лишь благодаря единству церкви.

Ростъ польскаго могущества вызвалъ, однако, опасенія въ Германіи. Уже при пріемникѣ Оттона, императорѣ Генрихѣ II дѣло дошло до войны, такъ какъ Болеславъ присоединилъ къ себѣ въ началѣ 1003 года и Чехію. Много лѣтъ велъ Генрихъ II съ крайнимъ напряженіемъ силъ войну съ польскимъ герцогомъ, при помоши Чехіи, очищенной Болеславомъ уже въ 1004 году, и языческихъ лютичей, что ужасало набожное нѣмецкое духовенство, но ничего не могъ подѣлать. Всюду находилъ себѣ Болеславъ помощниковъ и повсюду же возбуждалъ враговъ императора, даже въ Германіи. Политическое и военное превосходство Болеслава проявилось въ полномъ блескѣ. Въ 1005 году Генрихъ вынужденъ былъ заключить въ Бауценѣ невыгодный миръ; Магдебургскій договоръ въ 1013 году также утвердилъ за Польшей всѣ завоеванія, сдѣланныя за счетъ Германіи на востокѣ. За это Болеславъ присягнулъ въ Магдебургѣ на вѣрность императору, такъ какъ онъ хотѣлъ тогда обратиться противъ Руси. Теперь, въ качествѣ союзника, онъ взялъ съ собой 300 нѣмецкихъ солдатъ для русскаго похода, но имѣлъ тамъ мало успѣха. Въ 1015 году возобновилась война съ Германіей, и лишь въ 1018 году состоялся въ Бауценѣ вторичный миръ: Эльба опять сдѣлалась западной границей Польши. 14 августа 1018 года Болеславъ взялъ Кіевъ и снова водворилъ тамъ своего прогнаннаго зятя Святополка.

Итакъ, хотя объединеніе Чехіи съ Польшей и не удалось, однако, Болеславъ объединилъ подъ своимъ скипетромъ большую часть западныхъ славянъ, еще непокоренныхъ Германіей, и основалъ государство, простиравшееся отъ Эльстера и Эльбы до Днѣстра. Онъ же подчеркнулъ противоположность между славянской и германской національными идеями. Его имя стало, такимъ образомъ, какъ бы стягомъ для польской государственной мысли. Послѣ столькихъ успѣховъ польскій герцогъ сталъ домогаться королевскаго титула и для этого послалъ въ Римъ посольство. Послѣднее было перехвачено императоромъ; но по смерти Генриха (1024 г.), Болеславъ самъ надѣлъ на себя корону. Онъ умеръ въ 1025 году, 58 лѣтъ отъ роду.

При первыхъ же пріемникахъ величайшаго польскаго короля положеніе измѣнилось: ни одно изъ болеславовыхъ пріобрѣтеній не могло быть удержано. Прежде всего, согласно обычаю, государство должно было быть подѣлено между наслѣдниками; однако, уже Болеславъ I (не Болеславъ III, какъ утверждаютъ) постановилъ, что одинъ изъ сыновей долженъ править всѣмъ государствомъ, а остальные удѣльные князья должны ему подчиняться. Дѣйствительно, въ 1025 году Мѣшко II (Мечиславъ, Мстиславъ) получилъ вмѣстѣ съ короной и управленіе государствомъ, тогда какъ его братьевъ и родственниковъ мы видимъ въ роли удѣльныхъ князей. Вскорѣ, естественно, возникли отсюда ссоры, ослаблявшія мощь Польши. Чешскій князь Бретиславъ завоевалъ въ 1029 году Моравію, Стефанъ Венгерскій — Словачину, Канунгъ Датскій — Поморье, а Ярославъ Русскій червенскія города (восточную Галицію). Еще важнѣе было то, что и отношенія къ Германіи тоже ухудшились. Императоръ Конрадъ II, съ 1025 года связанный тѣсной дружбой съ королемъ Датскимъ (уступка въ 1035 году Шлезвигской марки), взялъ подъ свою защиту Безраима, изгнаннаго старшаго брата Мѣшка, да и коронованіе послѣдняго онъ принялъ за оскорбленіе. Мѣшко держался мужественно, и въ 1028 и 1029 годахъ варварски опустошилъ Саксонію и другія области, но долженъ былъ, въ концѣ-концовъ, покориться, отдать обратно Лужицкую землю и въ Мерзебургскомъ договорѣ 1033 года прямо признать нѣмецкую гегемонію, и, вѣроятно, уплатить также дань.

Такъ исчезло могущество, пріобрѣтенное поляками при Болеславѣ I, и ихъ зависимость, то болѣе, то менѣе тяжкая, продолжалась столѣтія. Нигдѣ не указано точно, въ чемъ состояли вассальныя обязанности; но слѣдуетъ думать, что польскіе князья обязаны были посѣщать извѣстныя придворныя торжества, вносить дань или подарки и во время римскихъ походовъ доставлять военную свиту, вѣроятно, изъ 500, а позднѣе изъ 300 солдатъ. Доколѣ нѣмецкихъ государей одушевляли высокіе имперскіе замыслы, дотолѣ ихъ верховныя права надъ Польшей, дѣйствительно, осуществлялись, и лишь къ концу 13-го столѣтія Польша была прямо признана независимымъ государствомъ. Само собой разумѣется, что политическія стремленія польскихъ князей клонились къ уничтоженію этого ига. При благопріятныхъ обстоятельствахъ они возстаютъ, отказываютъ въ дани и военной свитѣ, рѣдко являются на придворныя торжества, кое-гдѣ принимаютъ королевскій титулъ, хотя въ Германской имперіи они называются лишь duces (герцогами). Высшей степени независимости страна достигла при Болеславѣ II, во времена Генриха IV, низшей — въ императорство Фридриха I Барбаруссы и Рудольфа Габсбургскаго. Послѣ смерти Мѣшка II въ 1034 года, наступило полное разстройство. Рабы возстали противъ свободныхъ, полусвободные — противъ дворянъ; церкви и монастыри были разграблены, епископы убиты или прогнаны. Вдова Мѣшка, Рихенца, дочь Германа II Швабскаго (ум. въ 1003 г.) и сестра императрицы Гизелы, должна была вмѣстѣ со своимъ маленькимъ сыномъ Казимиромъ оставить Польшу и уѣхать на родину искать помощи у своего шурина, императора Конрада. При этомъ, повидимому, старое язычество еще разъ гордо подняло голову. Для довершенія несчастія, начались еще опустошительныя нашествія окружающихъ народовъ; сверхъ того, Вретиславъ Ахиллесъ Чешскій захватилъ изъ Гнѣзно въ 1039 году въ Прагу прахъ святого Адальберта, служившій, на ряду съ грабежомъ, главной цѣлью его похода. Вѣдь на гробницѣ этого чешскаго мученика Болеславъ I основалъ польскую церковь, лишивъ Чехію блеска ея мученика. Насколько важно было это обстоятельство для обѣихъ сторонъ, показываютъ жалобы польскихъ лѣтописцевъ, восторгъ, съ которымъ были приняты въ Прагѣ остатки національнаго святителя, и продолжительный процессъ, веденный изъ-за этого въ Римѣ. Козьма Пражскій не находитъ достаточно словъ, чтобы похвалить за это своего государя. Теперь святой Войтехъ сталъ, рядомъ со святымъ Венцелемъ, патрономъ Чехіи; и главное боевое знамя государства имѣло на себѣ его изображеніе. Лишь обладая этими реликвіями, герцогъ Чешскій сталъ думать объ основаніи въ Прагѣ архіепископства. Польшѣ уже лишь въ 13-мъ столѣтіи удалось пріобрѣсти новаго національнаго святого (Станислава).

Казимиръ оставался тѣмъ временемъ въ Германіи. Въ царствованіе императора Генриха III-го, охотно воспользовавшагося случаемъ возобновить свои имперскія претензіи на Востокъ, Казимиръ выступилъ въ 1040 году въ Польшу съ 500 человѣкъ, чтобы отвоевать свое наслѣдство. Здѣсь все лежало въ развалинахъ; тамъ, гдѣ стоялъ гнѣзенскій соборъ, обитали теперь дикіе звѣри. Въ провинціяхъ дворянство основало свои независимыя владѣнія. Чтобы успѣшнѣе вести войну, Казимиръ женился на русской и вступилъ въ союзъ съ венгерцами. Съ особенной энергіей велась война противъ Чехіи за Моравію, Силезію, а также за ограбленіе гнѣзенской церкви. Отвоевавъ съ помощью Россіи, Моравію, а потомъ и Силезію, Казимиръ приступилъ къ возстановленію погибшей польской церкви. Онъ возстановилъ епископства и возвелъ своего родственника Аарона въ санъ архіепископа, который, доколѣ дорога въ Гнѣзно была закрыта, имѣлъ свою резиденцію въ Краковѣ. Все это онъ сдѣлалъ съ помощью Германіи, вассаломъ которой онъ и призналъ себя. Онъ умеръ въ 1058 году. Такого тяжкаго бѣдствія, которое Польша испытала въ

первые годы послѣ смерти Мѣшка, больше не приключилось съ ней до самой ея гибели. Поэтому Казимиру, за его заслуги при возстановленіи государства, дано было почетное имя „Обновителя".

Кромѣ того, страна обязана ему другой перемѣной. До сихъ поръ герцогъ польскій не имѣлъ постоянной резиденціи; онъ переѣзжалъ изъ области въ область, чтобы повсюду лично творить судъ, и герцогскій престолъ находился тамъ, гдѣ болѣе всего любилъ оставаться самъ герцогъ. Казимиръ, прибывъ въ Польшу, основалъ свое мѣстопребываніе въ Краковѣ, такъ какъ остальныя провинціи еще надо было отвоевать. Съ этого времени Краковъ становится резиденціей двора, и до 16-го столѣтія онъ остается политическимъ центромъ. Для развитія государства это не было выгодно; Познань или Гнѣзно, несомнѣнно, лучше выполнили бы это назначеніе, такъ какъ они ближе къ Помераніи, и къ морю, отъ котораго, вѣдь, зависѣла будущность Польши. Черезъ Краковъ Польша вошла въ безпокойное и отвлекавшее ее отъ истинныхъ задачъ сосѣдство съ Чехіей и Венгріей. Кромѣ того, этимъ была облегчена германизація западныхъ славянъ. Первая ошибка — удаленіе отъ моря — была позднѣе частью исправлена переведеніемъ двора въ Варшаву.

На основаніи порядка, введеннаго, вѣроятно, еще королемъ Болеславомъ I, послѣ смерти Казимира принялъ правленіе старшій изъ его четырехъ сыновей, Болеславъ II, получившій позднѣе отъ польскихъ лѣтописцевъ прозваніе „Смѣлый". Своей храбростью и далекими видами онъ напоминалъ Болеслава Перваго. Политическое положеніе было при вступленіи его на престолъ чрезвычайно благопріятно: споръ объ инвеститурѣ между Генрихомъ IV и папой развязалъ руки польскому герцогу. Болеславъ сталъ на сторону враговъ Генриха и на Рождествѣ 1076 года короновался. Большія послѣдствія имѣло отношеніе Болеслава къ Краковскому епископу Станиславу, котораго король, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, собственноручно убилъ передъ алтаремъ. Это событіе породило большую литературу; оно же могло послужить причиной того, правда, маловѣроятнаго событія, что король вынужденъ былъ удалиться въ изгнаніе. Онъ умеръ 1081 году, неизвѣстно, въ какомъ мѣстѣ. Въ память убитаго епископа, признаннаго въ 13-мъ столѣтіи первымъ національнымъ святымъ Польши, было сооружено много церквей. Послѣ Болеслава, княжилъ до 1103 года, впрочемъ, только въ Познани (Краковъ принадлежалъ тогда Чехіи) его братъ Владиславъ Германъ, слабый тѣломъ и духомъ. Онъ не могъ противостать должнымъ образомъ ни сильнымъ сосѣдямъ, ни своимъ сыновьямъ, ни церкви, которой онъ долженъ былъ предоставить извѣстныя привилегіи. Еще при жизни онъ раздѣлилъ государство: онъ оставилъ за собой верховную власть, Болеславъ получилъ Мазовію, Гнѣзно и Познань, а его побочный сынъ Збигнѣвъ — Краковъ и Силезію.

По смерти Германа, еще съ большей силой возгорѣлась уже прежде вспыхнувшая борьба между обоими братьями, пока Болеславъ III Кривоустъ не завладѣлъ также удѣломъ брата. Несмотря на многочисленныя пограничныя войны (такъ, защита въ 1109 году Глогова противъ императора Генриха V и Святополка Ольмюцскаго), Болеславъ не одержалъ ни одного прочнаго успѣха. И не въ томъ также заключается его значеніе для Польши, что онъ снова подчинилъ себѣ Поморье и обратилъ его въ христіанство черезъ своихъ миссіонеровъ, въ особенности епископа Оттона Бамбергскаго (умеръ въ 1139 году; прежній капелланъ Владислава Германа). Именно, этотъ выборъ нѣмецкаго епископа въ поморскіе апостолы обусловилъ германизацію и потерю для Польши Поморья. За это, однако, церковь по своему отблагодарила его. Одинъ монахъ (вѣроятно, венеціанскій), извѣстный подъ ложнымъ именемъ Мартина Галла, написалъ для возвеличенія Болеслава III, „Chronicae Polonorum", доходящія до 1113 года; это — старѣйшая польская лѣтопись, стариннѣйшій литературный памятникъ.

Походы въ Померанію и обращеніе ея въ христіанство имѣли для Польши то же значеніе, что для Запада крестовые походы. За свою миссіонерскую, иногда, правда, насильственную, дѣятельность среди язычниковъ — поморянъ и пруссовъ, Чехія и Польша были освобождены отъ обязанности принять участіе въ палестинскихъ походахъ.

Значеніе Болеслава III для Польши, заключается, прежде всего, въ томъ, что онъ прочно установилъ порядокъ престолонаслѣдія. Передъ смертью онъ раздѣлилъ государство такъ: старшій сынъ Владиславъ получилъ по наслѣдству Силезію съ Галацомъ, Болеславъ — Мазовію и Куявы съ Дубржиномъ, Мѣшко — Гнѣзно съ Поморьемъ, Генрихъ — Сандомиръ; Казиміръ, родившійся лишь послѣ смерти отца, не получилъ ничего. Старшій въ семьѣ долженъ былъ всегда занимать великокняжескій престолъ съ резиденціей въ Краковѣ. Ему предназначались Краковская область съ Ленчицей и Сираджемъ, кромѣ того, доходы съ Поморья и съ Заодерской области, дабы онъ превосходилъ своими владѣніями всѣхъ другихъ удѣльныхъ князей. Краковъ сталъ, такимъ образомъ, оффиціально центромъ государства. Настойчиво утверждаютъ, что этимъ Болеславъ впервые ввелъ сеніоратъ, въ силу котораго старшій въ данный моментъ Пястъ долженъ былъ стать верховнымъ главой всего государства. Однако, это едва ли вѣрно. Въ древнія времена частное право покрывало государственное; установленный Болеславомъ порядокъ престолонаслѣдія не былъ, поэтому, новостью. Далѣе, когда герцогъ чешскій Вретиславъ Ахиллесъ и Ярославъ Кіевскій ввели въ 1054 году сеніоратъ, они только возвели на степень государственнаго закона старо-славянское обычное право, и не сдѣлали ничего иного. Такимъ образомъ, польскій герцогъ только использовалъ опытъ, накопленный при этомъ въ Лехіи и Россіи; вѣдь какъ разъ передъ тѣмъ съѣздъ русскихъ князей въ Любечѣ въ 1097 г. установилъ наслѣдственный переходъ владѣній удѣльныхъ князей. Этотъ принципъ принялъ Болеславъ и для своего государства; и только въ томъ, что Краковъ, въ качествѣ великокняжескаго удѣла, остался еще внѣ наслѣдственнаго права, только въ этомъ заключалась новизна болеславова закона о престолонаслѣдіи.

B. **Слѣдствія введенія сеніората въ Польшѣ.**

Установленный Болеславомъ III порядокъ престолонаслѣдія имѣлъ для Польши тѣ же послѣдствія, что и для Чехіи и для Россіи. Великокняжеское званіе стало, правда, политическимъ средоточіемъ для всѣхъ частей государства, будучи символомъ единства послѣдняго; но оно же послужило яблокомъ раздора между Пястами. Кровавыя войны между преемниками Болеслава, продолжавшіяся почти безпрерывно до 1333 года, въ своихъ деталяхъ не имѣютъ значенія для исторіи; но подобно тому, какъ это было и среди пшемысловичей, рюриковичей и Арпадовъ, онѣ доставили новое доказательство того, что сеніоратъ приводитъ государство къ гибели. Если извѣстный законъ всегда и вездѣ производитъ гибельное вліяніе, это должно служить очевиднымъ доказательствомъ его непригодности и если законъ о сеніоратѣ былъ отмѣненъ въ Чехіи лишь въ 1216 г., а въ Польшѣ и Россіи — только въ XIV стол., то это обстоятельство показываетъ лишь, какъ долго человѣчество остается подъ властью извѣстной идеи, и какъ трудно ему прокладывать новые пути. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы видимъ отсюда, что Чехія въ своемъ политическомъ развитіи опередила вышеупомянутыя государства болѣе, чѣмъ на сто лѣтъ.

а) От ъ Владислава II до Казимира II.

Болеславомъ III, еще въ 1135 году присягнувшимъ въ Мерзебургѣ на вѣрность императору Лотарю и умершимъ въ 1138 г., кончается древ-

нѣйшій періодъ польской исторіи, когда это молодое государство, руководимое, по бо́льшей части, сильной рукой и здоровое внутри, развертывало свои силы. Послѣ 1138 г. начинаются явленія совершенно противоположнаго характера. Ведя между собой борьбу за сеніоратъ, Пясты думали лишь о своихъ личныхъ выгодахъ и потеряли изъ виду общепольскіе интересы. Сейчасъ же по смерти отца, началась борьба между сыновьями. Великій князь краковскій Владиславъ II хотѣлъ возстановить единство страны на счетъ своихъ братьевъ, но угрожаемые князья объединились и поддерживали другъ друга; въ ихъ же пользу говорилъ теперь и законъ. Вмѣсто Владислава, лишеннаго въ 1146 году своей наслѣдственной доли, вступилъ на великокняжескій престолъ второй по возрасту братъ, Болеславъ IV Кудрявый, и оставался на немъ до своей смерти въ 1173 году, несмотря на то, что изгнанный князь пытался, при помощи Германіи, возвратить себѣ власть. Послѣ него великимъ княземъ сталъ Мѣшко Старый, а, по изгнаніи его дворянствомъ, его замѣстилъ, въ концѣ-концовъ, первоначально отстраненный отъ наслѣдства Казимиръ II Справедливый (отъ 1179 до 1194 г.), такъ какъ-Генрихъ Сандомирскій погибъ еще до этого. Папа и императоръ одобрили этотъ выборъ. Такимъ образомъ, до сихъ поръ дѣло съ престолонаслѣдіемъ шло довольно гладко; но уже теперь пришлось отвѣдать плоды новаго порядка: сынъ Казимира, Лѣшекъ I Бѣлый, вступилъ за великокняжескій тронъ со своимъ дядей Мѣшкомъ III, а Владиславъ III Тонконогій, княжившій въ Краковѣ отъ 1202 до 1206 г., долженъ былъ, равнымъ образомъ, испытать зло, скрытое въ этомъ законѣ. Сыновья отрѣшеннаго Владислава II: Болеславъ I Длинный изъ Бреславля, Мѣшко Ратиборскій и Конрадъ Глоговскій—также выступили со своими претензіями и небезуспѣшно, завладѣвъ, съ помощью Германіи, своимъ наслѣдственнымъ удѣломъ. Извнѣ государство должно было при этомъ потерять всякое значеніе. Прогоняемые или обдѣленные Пясты искали помощи повсюду, и прежде всего въ Германіи; каждый обѣщалъ и исполнялъ все, что отъ него за это требовали. Глубочайшую покорность изъявляли германскому императору герцоги Владиславъ II, Болеславъ IV и Мѣшко III; они платили дань, вносили штрафы, давали заложниковъ, Герцогъ чешскій былъ какъ бы ихъ заступникомъ передъ императоромъ, принимавшимъ его, обыкновенно, съ большимъ почетомъ. Завоеванія на сѣверѣ также были потеряны. Германскіе князья Альбрехтъ Медвѣдь (умеръ въ ноябрѣ 1170 г.) и Генрихъ Левъ Саксонскій (ум. 6-го августа 1195 года) въ союзѣ съ датскимъ королемъ Вальдемаромъ окончательно покорили сѣверныхъ и западныхъ славянъ между Эльбой и Одеромъ и съ 1150 года обезпечили свои владѣнія новой Бранденбургской Маркой. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ стоялъ славянскій Бринборнъ, сталъ возвышаться въ началѣ 13-го столѣтія Берлинъ. Поморскіе князья, бывшіе когда-то данниками Польши, должны бы теперь признать германское верховенство. Лѣтомъ 1181 г. Богиславъ II Штеттинскій былъ возведенъ Фридрихомъ Барбаруссой въ санъ имперскаго князя. Только часть Поморья осталась еще за Польшей, которая и для того еще нуждалась въ свободѣ дѣйствій, чтобы оказаться въ силахъ энергично отстоятъ свои интересы противъ Россіи, также пришедшей въ упадокъ вслѣдствіе междоусобицъ. Однако, Польша не только потеряла червенскіе города, завоеванные когда-то Болеславами I и II, но и допустила образованіе на Днѣстрѣ сильнаго русскаго государства. Еще важнѣе были событія внутри государства. Прежде всего поднялось до непредвидѣнной высоты могущество дворянства, составлявшаго военную силу. Даже могущественнаго Болеслава II шляхта заставила оставить государство, какъ нѣкогда его отца Казимира. При воинственномъ Болеславѣ III возсталъ его воевода Скарбимиръ и за это былъ въ 1117 году ослѣпленъ. Около 1171 года поднялось дворянство противъ Болеслава IV, чтобы посадить на его

мѣсто брата его Казимира; это — первое большое возстаніе шляхты. Какъ въ Суздалѣ сынъ и внукъ Владимира Мономаха, такъ въ Польшѣ Мѣшко Старый бралъ съ бою свои княжескія права; неоднократно свергаемый съ трона, онъ снова всходилъ на него.

Рядомъ съ дворянствомъ, поднялась въ странѣ еще одна сила: церковь. Бурная борьба XI столѣтія за инвеституру прошла почти безслѣдно для Польши: такъ мало силы имѣла тогда въ ней церковь. Выступленіе Болеслава II противъ Генриха IV имѣло за собой только политическія основанія. Кто вмѣстѣ съ лѣтописцами-монахами допускаетъ, что Болеславъ долженъ былъ удалиться въ изгнаніе изъ-за убійства епископа Станислава, тотъ разсматриваетъ это событіе съ точки зрѣнія церковныхъ отношеній 13-го столѣтія, — въ 11-мъ же столѣтіи польская церковь была еще слишкомъ молода. Благочестивый лѣтописецъ 13-го столѣтія представлялъ себѣ, что учиненное святотатство нужно было какъ-нибудь искупить. Христіанское благочестіе лишь медленно пускало корни въ Польшѣ. Первый князь, оказавшій покорность церкви, это — Болеславъ III. Онъ заботился о миссіяхъ и предпринималъ паломничества въ самую Францію къ гробницѣ святого Эгидія. Въ его княженіе прибылъ въ Польшу первый папскій легатъ въ 1123—1125 г. (къ этому времени восходитъ древнѣйшее польское свидѣтельство), чтобы установить здѣсь границы діоцезовъ, учредить капитулъ канониковъ при епископскихъ каѳедрахъ и т. п. Но польское духовенство все еще не знало целибата, князь самъ назначалъ и перемѣщалъ епископовъ по своему собственному усмотрѣнію, и такой порядокъ оставался въ силѣ еще долгое время.

Тогда еще ни одинъ епископъ не могъ воспротивиться князю, и только во времена междоусобицъ церковь стала пріобрѣтать все бо́льшое значеніе. Предвидя въ этомъ опасность, Владиславъ III Тонконогій, сынъ Мѣшко Стараго, сталъ противиться притязаніямъ духовенства.

Наконецъ, подобно тому, какъ это было въ Чехіи и въ Россіи, стало распространяться убѣжденіе, что только наслѣдственная монархія можетъ спасти государство. Но такъ какъ каждый изъ удѣльныхъ князей хотѣлъ сдѣлаться наслѣдственнымъ государемъ, и никто не хотѣлъ уступить, то смута еще болѣе разрослась. Лучшимъ государственнымъ мужемъ между тогдашними Пястами былъ безспорно Казимиръ II. Воспитанный въ Германіи, онъ считался съ дѣйствительнымъ положеніемъ, а потому, чтобы добиться своей цѣли, заключалъ союзъ со вновь выросшими силами: съ дворянствомъ и церковью. Сейчасъ же за возведеніемъ его въ санъ великаго князя (скорѣе 1179 г., чѣмъ 1177 г.), онъ созвалъ 1180 году государственный сеймъ въ Ленчицѣ, гдѣ рядомъ съ дворянствомъ появилось и духовенство. Это былъ первый польскій государственный сеймъ, и въ то же время первый польскій синодъ. Здѣсь, прежде всего, церковь получила свободу отъ податей и налоговъ въ пользу князей, власть которыхъ была ограничена. Этимъ актомъ Казимиръ сталъ въ оппозицію консервативной великопольской линіи, которая не допускала никакихъ уступокъ по отношенію къ церкви. Казимиръ сдѣлалъ здѣсь то же, что и Оттоны, стремившіеся созданіемъ имперскихъ духовныхъ сановниковъ найти противовѣсъ противъ герцоговъ; ибо и отъ него не укрылась его зависимость отъ дворянства. Слѣдствіемъ этого было то, что благодарная церковь стала поддерживать его стремленія. Онъ былъ также настолько проницателенъ, чтобы добиться утвержденія своего сана отъ папы и императора; въ этомъ онъ, повидимому, сталъ образцомъ для чешскихъ герцоговъ. Теперь онъ долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы закрѣпить наслѣдственность великокняжеской власти въ своей семьѣ, къ чему тогда стремились и пшемысловичи. Такимъ образомъ, Казимиръ и Мѣшко слѣдовали двумъ противоположнымъ политическимъ системамъ, и столкновеніе было не-

избѣжно. Но когда въ 1194 году Казимиръ умеръ, то положеніе оказалось благопріятнымъ для его дѣтей.

b) Казимировичи.

Краковскій епископъ Винцентій (прозванный впослѣдствіи Кадлубекъ), добровольно принявшій монашество въ 1218 г. и умершій въ 1223 году, повѣствуетъ: „Въ 1195 году собрались въ Краковѣ духовенство и дворянство, чтобы рѣшить вопросъ о замѣщеніи престола". Кто ихъ созвалъ? Лѣтописецъ не говоритъ намъ объ этомъ. Отъ него мы лишь узнаемъ, что церковь выступила здѣсь въ пользу Казимировичей: по настояніямъ краковскаго епископа Фулька, умѣло выяснявшаго подтвержденныя папой и императоромъ преимущества Казимира передъ Мѣшкомъ, былъ призванъ въ Краковъ старшій сынъ Казимира, Лѣшекъ I Бѣлый. То были первые выборы государя въ Польшѣ, правда, какъ и въ Чехіи, лишь изъ числа членовъ уже царствовавшей династіи Пястовъ. Отнынѣ Краковъ оставался за Казимировичами, съ небольшими перерывами, до 1370 года, до самаго прекращенія ихъ династіи, хотя наслѣдственная монархія не была еще формально возведена въ законъ, и войны за престолъ прекратились еще не сразу. Такова была, однако, воля церкви и краковскаго дворянства. Борьба за лучшее государственное устройство была достаточно тяжкая. Чехія и Россія тоже не были избавлены отъ участія въ ней. Въ упомянутомъ случаѣ важно то, что вопросъ о замѣщеніи трона былъ разрѣшенъ церковью; это обстоятельство показываетъ, что церковь была уже весьма могущественна въ Польшѣ въ срединѣ XIII ст. Правда, Лѣшекъ еще ничего не могъ подѣлать противъ Мѣшка. Но, по смерти послѣдняго, Лѣшекъ былъ призванъ краковскимъ дворянствомъ, и ему было поставлено лишь одно условіе: удаленіе Сандомирскаго намѣстника Говорка. Однако, Лѣшекъ предпочелъ исполненію этого условія отказъ отъ трона въ пользу сына Мѣшка, Владислава Тонконогаго, и этотъ поступокъ показалъ, съ какой сознательностью дѣйствовали Казимировичи. Но Тонконогій не могъ удержаться на престолѣ, будучи врагомъ церкви. Какъ разъ въ это время былъ избранъ архіепископомъ Польши Генрихъ Кнулицъ, силезецъ по происхожденію. Когда-то онъ изучалъ въ Парижской Сорбоннѣ теологію вмѣстѣ съ графомъ Лотаремъ Конти, занявшимъ 8 января 1198 года подъ именемъ Иннокентія III престолъ святого Петра, и былъ цѣликомъ проникнутъ планами этого могущественнаго папы. Вступивъ въ Гнѣзнѣ на архіепископскій престолъ, онъ сталъ требовать для польской церкви не привилегій, а правъ. И вотъ здѣсь впервые загорѣлась борьба между свѣтской и духовной властями. Китлицъ былъ непреклоненъ и произнесъ (въ Польшѣ то было въ первый разъ, если не считать сомнительнаго случая съ Болеславомъ II) отлученіе надъ великимъ княземъ. Архіепископъ долженъ былъ, правда, удалиться изъ страны, но и герцогъ вынужденъ былъ оставить Краковъ, такъ какъ краковское дворянство, подстрекаемое епископомъ Пелько (Фулько), покинуло его.

Теперь (въ 1206 г.) былъ снова призванъ Лѣшекъ, и на этотъ разъ онъ издалъ рѣшительныя постановленія относительно престолонаслѣдія. Объявивъ прежде всего, подобно многимъ тогдашнимъ государямъ (пшемысловичъ Оттокаръ I Чешскій) свое государство папскимъ леномъ и отдавъ затѣмъ Мазовію и Куявы своему брату Конраду, онъ, съ согласія духовенства и дворянства, установилъ, что Краковъ и Сандомиръ должны остаться наслѣдственнымъ удѣломъ его семьи, и это было утверждено папой. Этимъ былъ формально отмѣненъ сеніоратный законъ Болеслава III. Но такъ какъ это произошло безъ согласія всѣхъ Пястовъ, то междоусобицы не прекратились. Это постановленіе имѣло своимъ послѣдствіемъ скорѣе то, что провинціи почувствовали себя независимыми отъ Кракова,

и государственное единство оказалось въ опасности; но оно было спасено церковью. Вскорѣ вернулся изъ Рима архіепископъ Китлицъ и созвалъ синодъ въ Гнѣзнѣ. Здѣсь былъ введенъ целибатъ, и церковь получила собственную юрисдикцію и другія права. Тонконогій долженъ былъ, такимъ образомъ, уступить, и его примѣру послѣдовали другіе удѣльные князья. Однако, во всѣхъ этихъ событіяхъ главную роль сыгралъ не столько архіепископъ Гнѣзненскій, сколько епископъ Краковскій: первый находился въ другой области. Но домогательства краковскихъ епископовъ о переводѣ архіепископства изъ Гнѣзно въ ихъ резиденцію остались безъ успѣха [1].

Въ XIII столѣтіи Польша уже окончательно находилась подъ знакомъ христіанскаго ученія, а князья—въ зависимости отъ церкви. Вѣдь еще въ 1180 году Казимиръ заключилъ съ ней союзъ и домогался утвержденія своего званія со стороны папы Алексадра III. Теперь была совершена и канонизація краковскаго епископа Станислава съ цѣлью дать странѣ своего національнаго святителя; при этомъ пришлось фальсифицировать старыя хроники. Вліяніе церкви стало проявляться во всѣхъ областяхъ общественной жизни. Сынъ Лѣшка, Болеславъ, росъ среди благочестія и покаянія, принцессы поступали въ монастырь и стяжали себѣ лучезарный вѣнецъ. Никто иной, какъ братъ Лѣшка, Конрадъ, боролся противъ языческихъ пруссовъ и призвалъ Тевтонскій орденъ, чѣмъ навлекъ позднѣе большія опасности на Польшу.

Когда Лѣшекъ умеръ въ 1227 году, и правленіе принялъ на себя, за несовершеннолѣтіемъ его сына, Болеслава V Стыдливаго, Конрадъ Мазовецкій, то дворянство составило противъ него заговоръ. Этимъ воспользовались силезскіе Пясты, главой которыхъ былъ тогда Генрихъ V Бородатый, внукъ Владислава, изгнаннаго изъ Кракова въ 1146 году. Краковское дворянство приняло сторону Генриха, который, несмотря на свою набожность, былъ враждебенъ духовенству. Силезскіе, какъ и великопольскіе князья, казалось, объединились вокругъ него; Тонконогій, противъ котораго возсталъ, въ качествѣ сторонника церкви, его собственный сынъ Владиславъ Одоничъ, даже призналъ Генриха Силезскаго наслѣдникомъ Великой Польши. При такихъ обстоятельствахъ, Генриху удалось объединить въ своихъ рукахъ большую часть польскихъ земель. Для Польши было бы счастьемъ, если бы силезскіе Пясты могли надолго удержаться. Но Генрихъ I умеръ рано, въ 1238 году, а сынъ его, Генрихъ II Благочестивый, со славой погибъ на полѣ битвы при Лигницѣ, 9 апрѣля 1241 года, въ борьбѣ противъ Монголовъ.

Снова возгорѣлась ожесточенная борьба изъ-за Кракова. Соискателями на тронъ выступили три линіи Пястовъ: силезская, великопольская и потомки Казимира. Одолѣлъ слабѣйшій изъ всѣхъ, внукъ Казимира, Болеславъ Стыдливый: на его сторонѣ были епископы, женившіе его на венгерской принцессѣ, благодаря чему его поддерживали и венгры. Послѣ его бездѣтной смерти претендентами на тронъ выступили внуки Конрада

---

[1] Збислава (изъ Россіи) (1) — Болеславъ III Польскій († 1138) — (2) Саломея Швабская

(1): Владиславъ II * 1105, Великій князь Краковскій. Его жена, Агнесса, сводная сестра имп. Конрада III
- Болеславъ I Бреславскій *1135 г.
- Мѣшко Ратиборскій
- Конрадъ Глоговскій

(2):
- Лѣшекъ (умеръ рано)
- Болеславъ Мазовецкій *1127 † 1173 г. Его жена Звенислава Кіевская
  - Лѣшекъ Мазовецкій, ум. до 1194 г.
- Мѣшко Великопольскій *1130 † 1202 г. Жена Гертруда Венгерская
  - Оттонъ Великопольскій
  - Владиславъ Тонконогій (—1206 г.) ум. въ 1231 г.
- Генрихъ Сандомирскій *1137 † 1166 г.
- Казимиръ † 1144
  - Лѣшекъ Краковскій, ум. въ 1227
  - Конрадъ Мазовецкій и Куявскій

Мазовецкаго: Лѣшекъ Черный и Владиславъ Локетокъ, оба владѣвшіе лишь Куявіей. Лѣшекъ держался до 1288 года. Къ этому времени внутреннія междоусобицы достигли кульминаціоннаго пункта: каждая провинція имѣла своего князя, который, несмотря на свою слабость, еще ссорился съ сосѣдями. Послѣ Владислава Локетка, княжившаго лишь короткое время, Краковомъ завладѣлъ одинъ изъ силезскихъ князей, Генрихъ IV изъ Бреславля. Онъ, изъ истинно патріотическихъ соображеній, назначилъ наслѣдникомъ своихъ владѣній Пшемыслава Великопольскаго, одного изъ внуковъ Одонича, но противъ послѣдняго выступили другія князья. Опаснѣйшимъ изъ нихъ былъ король чешскій Венцель II, сочетавшійся въ 1287 году первымъ бракомъ съ Юттой, дочерью германскаго императора Рудольфа Гасбургскаго; возможно, что существовало желаніе объединить Польшу съ Чехіей подъ верховенствомъ Германіи. Въ 1291 г. Краковъ былъ взятъ чехами. Правда, Пшемыславъ, чтобы подчеркнуть независимость соединенныхъ польскихъ земель, короновался въ 1295 году въ Гнѣзнѣ королемъ польскимъ, но уже въ 1296 году онъ умеръ. Венцель же завоевалъ также и Великую Польшу и въ 1300 году короновался королемъ Польскимъ. Только его смерть спасла польскую независимость, но чешскіе короли съ этого времени носили также титулъ „Rex Poloniae“. Домашнихъ претендентовъ побѣдилъ, наконецъ, Владиславъ Локетокъ, братъ Лѣшка Чернаго. Когда онъ, съ согласія папы, короновался въ 1320 году въ Гнѣзнѣ, то снова было утрачено единство Польши, а вмѣстѣ съ тѣмъ—родилась и наслѣдственная монархія. Прошло, такимъ образомъ, болѣе двухъ столѣтій, прежде чѣмъ, послѣ богатой жертвами борьбы, Польское государство добыло себѣ надлежащую форму правленія.

C. **Отношенія къ сосѣдямъ и внутреннее состояніе Польши до 1320 года.**

a) Внѣшнія отношенія Польши до 1320 года.

Польскій народъ, исходившій кровью изъ-за властолюбія своихъ владѣтелей въ то время, какъ упрямое дворянство требовало себѣ участія въ управленіи, безвозвратно потерялъ изъ-за внутреннихъ неурядицъ свое лучшее время. Однимъ изъ лучшихъ показателей этого являются безславныя отношенія Польши къ ея сосѣдямъ. Отношенія къ Германіи сложились для Польши неблагопріятно. Лишь послѣ того какъ Германія, ослабленная долгой борьбой, отказалась при Рудольфѣ I Габсбургскомъ отъ міровыхъ замысловъ, только тогда начались и для Польши лучшія времена. Такимъ образомъ, лишь борьбѣ, происходившей на Западѣ между императоромъ и папой, а не собственнымъ дарованіямъ, обязаны польскіе Пясты своею независимостью отъ Германіи. Важными, даже рѣшающими для польской политики, были отношенія къ Чехіи. Исторія находитъ обѣ стороны сначала въ дружественныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Мѣшко I женился на чешской принцессѣ; обѣ страны, вѣроятно, сблизила общая для нихъ германская опасность. Затѣмъ, какъ сообщаетъ Титмаръ, оба князя затѣяли около 990 года споръ, потому что польскій князь отнялъ у чешскаго одну изъ его областей (Моравію или Краковъ). Императоръ рѣшилъ дѣло въ пользу Чехіи, но не могъ заставить Польшу принять его рѣшеніе. Эта взаимная вражда образуетъ центральный пунктъ будущей чешско-польской политики. Чехія искренно примкнула къ Германіи и съ ея помощью хотѣла дѣлать завоеванія; для Польши же осталось мѣсто лишь въ лагерѣ враговъ этихъ странъ. Въ 1003 году Болеславу I Польскому удалось овладѣть Чехіей. Объединеніе обоихъ этихъ государствъ имѣло бы для всего славянства большое значеніе, но Германія не могла и не должна была допустить покоренія своего вассала, и Польшу принудили отказаться отъ Чехіи. Взятіе Праги усилило, однако, ненависть

обоихъ народовъ. Вретиславъ I Чешскій завоевалъ послѣ этого Моравію и захватилъ въ Прагу прахъ святого Адальберта. Силезія и Краковъ тоже перешли на нѣкоторое время подъ чешское владычество. Въ Чехіи охотно принимали польскихъ, а въ Польшѣ чешскихъ бѣглецовъ, и почти безпрерывно шла борьба въ пограничныхъ силезскихъ лѣсахъ. Даже въ области церкви проявилось это соперничество. Чехія хотѣла имѣть подобно Польшѣ, свое архіепископство, принимала участіе въ дѣлѣ обращенія пруссовъ, но также лишь изъ-за состязанія съ Польшей. Глубокій смыслъ имѣютъ, поэтому, слѣдующія слова польской хроники такъ называемаго Мартина Галла: „Чехи—злѣйшіе враги Польши“.

Только въ 13 столѣтіи стала ослабѣвать эта вражда, именно, благодаря стараніямъ пшемыславича Оттокара II. Теперь ненависть къ Германіи сблизила оба народа. Оттокаръ впервые возвалъ къ общеславянскому чувству поляковъ, готовясь къ рѣшительному столкновенію съ Германіей. Но Чехія уже слишкомъ глубоко опустилась въ своей покорности Имперіи и ужъ слишкомъ далеко отстала отъ славянства, чтобы ей удался этотъ ходъ. Польша была слабѣе, но такъ какъ она все время стояла противъ Германіи, то, въ концѣ-концовъ, должна была наступить эра ея независимости. Однако, въ то время какъ Чехія, приставъ къ Германіи, развивалась спокойно и подъ управленіемъ даровитыхъ королей достигла почетнаго положенія, — Польша опускалась все ниже. Если ранѣе Польша дѣйствовала наступательно противъ Чехіи, то теперь оба сосѣда помѣнялись ролями. Чехія пріобрѣла Моравію и распространила свое вліяніе на Силезію. Чешская политика, опредѣляемая направленіемъ текущихъ на сѣверъ Эльбы и Одера, ставила себѣ цѣли, еще болѣе широкія. И въ неоднократныхъ войнахъ чешскихъ князей противъ пруссовъ и въ завоеваніи Венцелемъ II Кракова обнаруживалось одно стремленіе: къ Балтійскому морю, а на этомъ пути стояла Польша.

Совсѣмъ другого рода были отношенія къ Венгріи. Только одинъ разъ стояли враждебно другъ противъ друга государи обѣихъ странъ: когда Болеславъ I завоевалъ Словачину и рядомъ со Стефаномъ добивался въ Римѣ королевской короны. Позднѣе интересы обѣихъ сторонъ сталкивались рѣдко. Венгрія стремилась на юго-востокъ, къ Дунаю, а Польша — къ Балтикѣ. Поэтому и могли позднѣе установиться между ними частыя дружественныя отношенія.

Опасно сложились для Польши дѣла на Балтійскомъ морѣ. Польскіе князья Куявскіе и Мазовецкіе не разъ оказывались не въ состояніи отразить язычниковъ — пруссовъ. Папы, правда, приняли къ сердцу обращеніе послѣднихъ въ христіанство: для этого проповѣдывались крестовые походы, былъ основанъ въ Доброжинѣ рыцарскій орденъ, но ничего не помогало. Поэтому Конрадъ Мазовецкій и Куявскій призвалъ Тевтонскій орденъ и отвелъ ему тысячу двѣсти двадцать шесть помѣстій. Германъ-фонъ Зальца не удовольствовался, однако, дарственной записью Пяста, но получилъ эту область въ качествѣ лена отъ императора Фридриха II и папы Григорія IX. Послѣдній даже освободилъ въ 1234 году орденскія владѣнія отъ всякой другой зависимости, кромѣ папской. Обезпеченный, такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ, орденъ началъ борьбу съ пруссами, получая поддержку со стороны западно-европейскаго, въ особенности нѣмецкаго, рыцарства: ему оказывали содѣйствіе также князья чешскіе, польскіе и поморскіе. Успѣхъ не замедлилъ обнаружиться. Пруссія была быстро завоевана и укрѣплена замками. Вскорѣ, однако, оказалось, что орденъ имѣетъ въ виду не польскіе, а свои собственные интересы, и уже герцогъ Святополкъ Поморскій обратился противъ него и сталъ защищать пруссовъ. Польскіе же князья даже требовали отъ ордена помощи противъ Бранденбурга, желавшаго получить Поморье. Но, однажды основавшись въ Поморьѣ, орденъ не хотѣлъ его очистить. Въ томъ же 1309 году орденъ

перевелъ свою главную квартиру изъ Вендена (Wenedig) въ Маріенбургъ. Такимъ образомъ, здѣсь появился, поддерживаемый Германіей и папствомъ, опасный сосѣдъ, угрожавшій отрѣзать Польшу отъ моря. Единственнымъ утѣшеніемъ было то, что на востокѣ орденскихъ владѣній очутилась теперь Литва; отъ Польши, безъ сомнѣнія, зависѣло теперь использовать этотъ благопріятный поворотъ. Такъ же мало могла Польша отстоять свои интересы въ Россіи. И это было тѣмъ опаснѣе, что послѣ покоренія татарами этого восточнаго сосѣда—имъ открылась дорога и въ Польшу, и они нерѣдко-таки опустошали польскія земли.

b) Внутреннія отношенія въ Польшѣ до 1320 года.

По меньшей мѣрѣ столь же нерадостны были въ то время внутреннія отношенія въ Польшѣ, т. е. ея гражданское, правовое, экономическое, культурное и національное состояніе. Личность князя и его дворъ составляли центральный пунктъ общественной жизни. Князь былъ верховнымъ правителемъ, судьей и военачальникомъ. Формально онъ правилъ неограниченно и назначалъ высшихъ сановниковъ, осуществлявшихъ его права: высшихъ дворовыхъ судей и ихъ помощниковъ, маршала и его товарища, казначея и его товарища, кравчаго и его подкравчихъ, стольника и т. д. Во главѣ ихъ стоялъ воевода. Какія должности восходятъ ко временамъ языческимъ, и въ какой степени дворъ былъ преобразованъ позднѣе, это сейчасъ установить нельзя; но должности канцлера и придворнаго лѣтописца были, несомнѣнно, созданы лишь въ христіанское время.

Управленіе было несложно. Страна была раздѣлена на каштелянства и каждый каштелянъ пользовался въ своей области всѣми правами князя. Каштелянства дѣлились на меньшіе округа (ополья), которые возникли, вѣроятно, еще въ древнѣйшія времена и удерживались вплоть до XIII столѣтія.

Важнѣе было для государства устройство финансоваго и судебнаго вѣдомства. Трудно провести строгое различіе между податями, вносившимися въ фискъ свободными и крѣпостными, жившими въ княжескихъ имѣніяхъ, и тѣми налогами, которые должны были вноситься въ княжескую кассу съ другихъ помѣстій. Повинности состояли въ поборахъ натурой и въ барщинѣ, и отличались многочисленностью. Прежде всего упоминаются налоги съ плуга, съ двора и для сохраненія мира (поралье подворовье и миръ); мы встрѣчаемъ поборы хлѣбомъ, медомъ, коровами быками, овцами, свиньями и т. п. Кромѣ того, подданные должны были отбывать общественныя повинности, обязаны были участвовать въ постройкѣ и въ исправленіи замковъ и мостовъ, проводить каналы, доставлять проводниковъ и вожатыхъ, преслѣдовать преступниковъ, очищать лѣса подъ пашни и т. д. Самой тяжелой была обязанность давать пріютъ и продовольствіе курьерамъ и чиновникамъ, княжескимъ охотникамъ, сокольничьимъ, псарямъ и конюхамъ, пивоварамъ, пекарямъ, рыбарямъ и т. п.; доставлять собакамъ кормъ, а лошадямъ — выгонъ. Даже мясники были обязаны доставлять печени зарѣзанныхъ животныхъ княжескимъ служителямъ для корма соколовъ. Кромѣ того, князю принадлежали: всякое безхозяйное владѣніе, право на всякую охоту и на рыболовство, всѣ замки и городскія поселенія, таможенныя пошлины и право бить монету, мельницы, продажа соли, рынки, судебныя пошлины и т. д. Значительныхъ различій отъ тяжелыхъ феодальныхъ западно-европейскихъ повинностей (частью вплоть до Великой Французской революціи) замѣтить нельзя. Если же принять во вниманіе, что при этомъ происходили и злоупотребленія, что, напримѣръ, при подводной повинности взятыя лошади кое-гдѣ не возвращались обратно, если принять во вниманіе и это,—то станетъ понятно, что народъ былъ отданъ на произволъ князя и его чиновниковъ.

Столь же неблагопріятной для народа была судебная система. Каждое ополье отвѣчало въ полномъ составѣ за убытки, платило виру за убійство, совершенное на его территоріи, и было обязано преслѣдовать преступниковъ. Такъ какъ, за исключеніемъ смертной казни или увѣчья, наказанія состояли лишь въ штрафахъ, шедшихъ въ пользу судебныхъ мѣстъ, то суды тоже обратились въ фискальныя учрежденія. Но, пока государство было нераздѣльно и велико, всѣ эти тяготы были еще сносны. Положеніе ухудшилось и даже стало невыносимымъ, послѣ раздѣленія страны, когда каждый князь сталъ содержать особый дворъ и многочисленный штатъ чиновниковъ. Къ тому же съ теченіемъ времени дворянство и духовенство все болѣе стремились избавиться отъ этихъ повинностей, получая соотвѣтственныя привилегіи. Прежде всего они избавились отъ своей связи съ опольемъ и, тѣмъ самымъ, отъ общей отвѣтственности, подсудности и налоговъ. Вслѣдствіе этого, рядомъ съ опольями, возникли самостоятельные, почти не подверженные фискальному обложенію, господскіе округа съ собственной подсудностью и налоговымъ распредѣленіямъ. Вся тяжесть государства была взвалена на крестьянъ; духовенство и дворянство богатѣли, а народъ и князья бѣднѣли.

c) Значеніе нѣмецкой колонизаціи.

Старославянское право и прежній порядокъ были совершенно расшатаны этими привилегіями. Необходимая перемѣна наступила въ формѣ нѣмецкой колонизаціи Уже то обстоятельство, что Пясты, въ особенности силезскіе, женились на нѣмецкихъ принцессахъ, которыя являлись въ Польшу съ нѣмецкой свитой, — уже это обстоятельство должно было способствовать возрастанію числа нѣмцевъ въ Польшѣ, какъ и въ сосѣдней Венгріи. Рѣшающими были, однако, здѣсь экономическія нужды, Чтобы пополнить свои кассы, князья, а также монастыри и дворянство, привлекали въ свою страну нѣмецкихъ поселенцевъ изъ густо населеннаго Запада съ цѣлью поднять доходность полей. Впрочемъ, превосходство и продолжительное вліяніе иностранной колонизаціи основывались не столько на лучшемъ умѣніи нѣмцевъ обрабатывать землю, сколько на преимуществахъ ихъ правового положенія. Колонисты, приведенные въ страну какимъ-либо предпринимателемъ, получали въ наслѣдственную собственность кусокъ земли, вмѣстѣ съ тѣмъ, собственную низшую подсудность и управленіе и должны были лишь уплачивать извѣстный процентъ въ пользу землевладѣльцевъ. Это преимущественное положеніе должно было повысить ихъ благосостояніе и еще болѣе укрѣпить чувство собственнаго достоинства, которымъ они были проникнуты въ качествѣ подданныхъ имперіи, у которой Польша находилась въ подчиненіи. Въ Чехіи и въ Россіи отношеніе переселенцевъ къ туземцамъ было такое же. Сильное политическое положеніе Германіи было полезно тогдашнимъ колонистамъ, какъ теперь — нѣмецкимъ купцамъ и промышленникамъ. Иностранцы возвысились при славянскихъ дворахъ на счетъ туземныхъ людей. Князья были слишкомъ близоруки, чтобы видѣть, насколько они этимъ прививали своему народу чувство самоуниженія, что оказывало вліяніе въ теченіе столѣтій и отразилось въ сагахъ, пѣсняхъ, а потомъ въ литературѣ. Напротивъ, нѣмцы, у которыхъ были на то средства, всегда оказывались въ состояніи заботиться о своемъ дальнѣйшемъ культурномъ развитіи. Чувства обиженнаго и своими же князьями униженнаго населенія разряжались въ ненависти къ неповиннымъ нѣмцамъ и въ возстаніяхъ противъ властей или же находили себѣ исходъ въ переселеніяхъ. Съ другой стороны, населеніе искало спасенія подъ защитой германскаго права: польскія деревни и города со славянскимъ правомъ

желали, ради улучшенія своего положенія, „возвыситься“ до германскаго права. Само собой понятно, что при такихъ условіяхъ нѣмецкіе нравы, нѣмецкая культура и языкъ могли быстро распространяться. Татарскія опустошенія и гражданскія войны способствовали нѣмецкой колонизаціи. Силезія была вскорѣ совершенно германизирована, въ другихъ областяхъ германизація также дѣлала быстрые успѣхи. Если силезскимъ Пястамъ удалось вытѣснить на время Казимировичей съ краковскаго престола, то за это они не въ малой степени должны были благодарить своихъ нѣмецкихъ подданныхъ. Германизація всего польскаго государства лежала уже въ области возможнаго. На мѣсто экономическихъ нуждъ, которыя были отчасти устранены, благодаря нѣмецкой колонизаціи, выступила теперь національная опасность. Послѣдняя стала тѣмъ острѣе, что рядомъ съ нѣмецкими колонистами и съ Имперіей выросъ ихъ третій союзникъ — Тевтонскій орденъ.

Все это было нерадостно для Польши и для всего славянства, въ особенности потому, что центрами тогдашней политической, экономической и культурной жизни являлись уже не отдѣльные дворы или замки, а города. Городское же устройство славяне переняли какъ разъ отъ нѣмцевъ, которые далеко обогнали ихъ въ этомъ отношеніи.

D. Объединенное королевство послѣднихъ Пястовъ (1320—1370).

a) Владиславъ Локетокъ.

Таково было положеніе Польши, когда въ 1320 году Владиславъ Локетокъ короновался въ Краковѣ королемъ. Устранить всѣ внутреннія неурядицы въ государствѣ, улучшить управленіе и судъ, упорядочить налоговую систему, ввести справедливыя отношенія между различными слоями населенія, остановить германизацію, поднять культуру, защитить, наконецъ, государство отъ внѣшнихъ враговъ—такова была задача возстановленной монархіи. Эта задача была тѣмъ труднѣе, что у Польши не было ни одного друга, и она, самое большее, пользовалась кое-какой поддержкой у римской куріи, которая тогда снова вступила въ борьбу съ Имперіей. Локетокъ сознавалъ прежде всего, что Тевтонскій орденъ является опаснѣйшимъ сосѣдомъ Польши. Поэтому онъ возбудилъ противъ него передъ папой процессъ о Поморьѣ. Онъ вступилъ въ союзъ съ Даніей, Швеціей и Норвегіей и выдалъ замужъ свою дочь Елизавету за венгерскаго короля Карла Роберта Анжуйскаго. Ему удалось также пріобрѣсти дружбу литовскихъ князей, враждовавшихъ уже съ орденомъ; съ 1325 году онъ женилъ своего сына на Альдонѣ, дочери дѣятельнаго князя литовскаго Гедимина (Витена). Такъ усилившись, онъ лично выступилъ противъ ордена, и первыя битвы были для него благопріятны; все же онъ покуда успѣлъ не много. Да и процессъ въ Римѣ не принесъ ему никакой пользы. Причиной этого было отчасти враждебное отношеніе Яна, короля Чехіи, которая, именно, тогда и не думала отрицать своего стремленія на сѣверъ. Въ 1327—1331 г. г. Янъ добился того, что большинство силезскихъ князей присягнули ему на вѣрность, предпринялъ походъ противъ Литвы и по пути принялъ присягу отъ одного мазовецкаго князя. Только венгерская помощь, полученная Локеткомъ помѣшала дальнѣйшимъ успѣхамъ чешскаго короля. Несмотря на все это, сосѣди замѣтили, что, къ моменту смерти Локетка въ 1333 году, положеніе Польши окрѣпло.

b) Казимиръ Великій.

Для его сына Казимира Великаго осталось еще довольно работы. Правда, единство государства возстановилъ въ значительнѣйшей степени

уже Локетокъ, и его независимость была фактически признана Священной Римской имперіей. Но объединившаяся, въ силу необходимости, Польша была такъ истощена, что только сильная рука могла надолго ее спасти. Казимиръ былъ такимъ вожделѣннымъ сильнымъ королемъ. Времена перемѣнились, и когда-то неограниченный государь долженъ былъ теперь раздѣлить свою власть съ духовенствомъ и дворянствомъ. Рядомъ съ послѣдними поднималось все выше и значеніе городовъ. Рыцарскій строй потерялъ уже свое внутреннее содержаніе: съ одной стороны, было изобрѣтено огнестрѣльное оружіе, съ другой—вмѣстѣ съ расцвѣтомъ торговли и промышленности, стали мѣняться взгляды и стремленія населенія. Чтобы приспособиться къ потребностямъ новой эпохи, право, военное дѣло и управленіе должны были измѣниться.

Казимиръ стоялъ на высотѣ своей задачи. Своимъ правильнымъ взглядомъ онъ увидѣлъ, что рыцарство приближается уже къ гибели, и не проводилъ своего времени, подобно королю Іоанну, въ турнирахъ, но съ большимъ стараніемъ занялся важными экономическими, политическими и культурными вопросами. Такъ, въ 1335 году, использовавъ выгоды положенія, онъ заключилъ съ Іоанномъ Чешскимъ договоръ въ Вышеградѣ венгерскомъ. Іоаннъ отказался отъ своихъ притязаній на Польшу, а Казимиръ уплатилъ ему за это 20,000 копъ чешскихъ грошей и призналъ его верховныя права надъ Силезіей, и надъ Плоцкомъ. Менѣе благопріятно сложились для Польши отношенія къ ордену; короли чешскій и венгерскій выступили въ пользу послѣдняго; римская курія вела двойственную игру. Потерянное Поморье могло быть возвращено, такимъ образомъ, только мечомъ. Казимиръ, должно быть, рѣшился на это, такъ какъ въ 1336 году заключилъ въ Вышеградѣ договоръ съ Карломъ Робертомъ Венгерскимъ. Не имѣя мужскихъ потомковъ, онъ назначилъ своимъ преемникомъ въ Польшѣ Людовика, сына Карла и своего племянника, но съ обязательствомъ, что Людовикъ вернетъ потерянныя области, особенно Поморье, будетъ замѣщать должности и чины только поляками, не станетъ взимать никакихъ новыхъ налоговъ и будетъ уважать старыя права. Остріе этого союза о преемствѣ было направлено противъ ордена, но вниманіе Казимира было уже обращено въ другую сторону.

Когда въ Червонной Руси (Галичѣ) былъ отравленъ боярами бездѣтный князь Болеславъ Троденовичъ, то Казимиръ долженъ былъ вмѣшаться, если не хотѣлъ, чтобы страну захватили литовцы или татары, ставъ, такимъ образомъ, его непосредственными сосѣдями. Когда Казимиръ взялъ въ 1340 г. Галичъ и Лембергъ,—литовцы заняли Волынь: событіе величайшей важности для всей восточной Европы. Даже орденскій вопросъ тотчасъ потерялъ для Польши свое значеніе и остроту. Уже въ 1343 году Казимиръ заключилъ въ Калишѣ договоръ съ тевтонами, по которому онъ уступилъ имъ Поморье, Михаловскую и Хелминскую земли, получивъ обратно лишь Куявію и Добржинъ. Этимъ Польша наполовину добровольно заперла себѣ дорогу къ Балтійскому морю. Зато ей улыбалась надежда двинуться на востокъ, достичь, можетъ быть, Чернаго моря и, въ концѣ-концовъ, благодаря пріобрѣтенному тамъ могуществу, разсчитаться разъ навсегда со своими старыми врагами и снова завоевать отнятыя Чехіей и Тевтонскимъ орденомъ области. Можетъ быть, Казимиръ носился съ этой цѣлью уже тогда, когда заключилъ въ 1339 году съ Венгріей договоръ о преемствѣ: уже тогда шло явное броженіе въ Галицкой землѣ. Однако, вначалѣ Казимиръ не имѣлъ счастья; война съ литовцами и татарами никоимъ образомъ не была легка. Лишь около 1366 году Казимиръ надолго обезпечилъ за Польшей Лембергъ, Галичъ и часть Волыни. Между тѣмъ, онъ вновь отвоевалъ также часть Силезіи; князь Мазовіи тоже присягнулъ ему на вѣрность. Онъ все еще носилъ титулъ

„Наслѣдникъ Поморскій“—доказательство, что безпрерывно думалъ объ этой землѣ.

Но истинно великимъ былъ Казимиръ, не какъ завоеватель и умножатель государства, а какъ его правитель и устроитель. Онъ не могъ бы, вообще, достичь никакихъ политическихъ успѣховъ, если бы не заботился о внутреннемъ подъемѣ страны. Прежде всего, онъ устроилъ въ Польшѣ, которая доселѣ была скорѣе личной уніей отдѣльныхъ областей, общую администрацію. Рядомъ съ областной бюрократіей, существовавшей со временъ удѣльныхъ князей, онъ создалъ общую изъ новыхъ государственныхъ чиновниковъ. Послѣ этого онъ приступилъ къ улучшенію суда. Обычное право, сохранявшееся лишь въ устной передачѣ, было, естественно, различно въ разныхъ областяхъ; онъ приказалъ сначала записать его, а затѣмъ составить изъ него общій статутъ для всей польской земли. Возникающимъ городамъ, жившимъ по Кульмскому или Магдебургскому праву, онъ, правда, оставилъ ихъ права, но запретилъ имъ апеллировать къ городамъ-метрополіямъ за границей. Взамѣнъ этого, онъ учредилъ въ каждой области провинціальные суды съ германскимъ правомъ, которые постановляли свои рѣшенія на основаніи Магдебургскаго права и саксонскаго зерцала; имъ были подчинены старосты всѣхъ нѣмецкихъ деревень. Въ качествѣ высшей инстанціи для всѣхъ областныхъ судовъ онъ учредилъ въ 1356 году верховный судъ въ Краковѣ, во главѣ котораго стояли краковскій фогтъ и одинъ изъ королевскихъ генералъ-прокуроровъ, а къ нимъ были присоединены семь свѣдущихъ законниковъ-шеффеновъ. Такимъ образомъ, города были отрѣзаны отъ Германіи. Такъ какъ они постепенно теряли свою склонность къ германизаціи, то этимъ Казимиръ осмотрительно послужилъ также и національно-польскимъ интересамъ. Кажется, будто онъ изъ тѣхъ же соображеній сталъ оказывать еще большее предпочтеніе дворянству, чтобы не дать городскимъ нѣмцамъ обнаружить свое политическое значеніе. Но, конечно, отъ того, что онъ сталъ спрашивать совѣта у дворянскихъ съѣздовъ,—отъ этого еще болѣе возросла заносчивость шляхты; тогда даже образовался дворянскій союзъ, главу котораго король долженъ былъ казнить за совершенныя имъ насилія. Но король продолжалъ смотрѣть на дворянство, какъ на коронный совѣтъ, и это стремленіе обнаруживалось и въ дѣятельности его преемниковъ; національное противорѣчіе между поляками и нѣмцами было тогда уже достаточно сильное.

Не менѣе важной была реорганизація военнаго дѣла. До сихъ поръ обязанность идти на войну исполняло только помѣстное дворянство, потому что снаряженіе обходилось очень дорого, а землевладѣльческое духовенство было избавлено отъ этой повинности; поэтому, Казиміръ, дабы повысить ослабѣвшую военную силу государства, постановилъ, что воинская повинность должна быть связана съ землевладѣніемъ вообще. Такимъ путемъ могъ быть привлеченъ къ несенію службы также и горожанинъ, а духовенство должно было посылать замѣстителей. Были также изданы постановленія относительно набора. Кромѣ того, онъ велѣлъ возвести повсюду каменныя крѣпости на мѣсто деревянныхъ, обратилъ церкви въ замки (Roytheln) [отсюда польскій костелъ, чешскій костелъ въ значеніи церкви] и заботился о хорошихъ дорогахъ. Позднѣйшіе успѣхи Польши въ значительной степени обусловлены этой военной реформой.

Онъ также заботился о подъемѣ торговли, оказывая покровительство городамъ, обезпечивая иностраннымъ купцамъ неприкосновенность личности и имущества и давая имъ привилегіи, заботясь о дорогахъ и мостахъ, устраивая склады, умножая число ярмарокъ, прокладывая внутреннія торговыя дороги, искореняя разбойничество и, что самое важное, введя общую монету. Благосостояніе государства внезапно поднялось, и значеніе короля

выросло настолько, что онъ былъ избранъ третейскимъ судьей между императоромъ Карломъ IV и королемъ Людовикомъ Венгерскимъ, а первый изъ нихъ вступилъ въ 1356 г. въ четвертый бракъ съ Казимировой внучкой Елизаветой (дочерью Богуслава V Поморскаго); при этомъ Казимиръ устроилъ своимъ гостямъ (королямъ венгерскому, чешскому, кипрскому и датскому) блестящій пріемъ, описанный въ „Chronica Cracoviae“ гнѣзненскаго архидіакона Янка изъ Чарнкова.

Казимиръ увѣнчалъ свою дѣятельность тѣмъ, что основалъ въ 1364 г. университетъ въ Краковѣ; этимъ лишь Польша вступила въ ряды культурныхъ государствъ и могла теперь приняться за свою задачу на востокѣ Европы. При этомъ Казимиръ заботился о благѣ всѣхъ сословій, народностей и исповѣданій. Онъ взялъ подъ свою защиту отъ дворянства крестьянина и за это былъ названъ хлопскимъ королемъ; онъ надѣлилъ правами армянъ, евреевъ и другіе народы. Будучи самъ католикомъ, онъ, однако, выпросилъ у византійскихъ патріарховъ разрѣшеніе на основаніе епископій въ его русскихъ владѣніяхъ.

Въ 1370 г., когда умеръ Казимиръ, истощенная и презираемая доселѣ Польша была богатой и уважаемой культурной страной. Съ нимъ прекратилась старая династія Пястовъ, и имъ также кончается первый наиболѣе значительный періодъ польской исторіи. Согласно договору о преемствѣ 1339 г., правленіе принялъ король Людовикъ. Правда, Пясты царствовали еще въ удѣльномъ княжествѣ Мазовецкомъ; но Казимиръ долженъ былъ отстранить отъ наслѣдства этихъ слишкомъ консервативныхъ и незначительныхъ родственниковъ въ интересахъ государства, которое могло получить бóльшое значеніе лишь въ союзѣ съ другой державой.

E. **Личная унія между Польшей и Венгріей.**

Правленіе Людовика не доставило счастья польскому государству, которое снизошло теперь на степень простого придатка къ Венгріи. Послѣ своего коронованія въ Краковѣ, Людовикъ вернулся съ польскими королевскими регаліями домой и послалъ въ Польшу, въ качествѣ намѣстницы, свою мать Елизавету, сестру Казимира. Онъ думалъ о томъ, чтобы обезпечить Польшу за одной изъ своихъ дочерей, такъ какъ мужскихъ потомковъ, которые только и имѣлись въ виду договорами о наслѣдованіи съ Казимиромъ, у него не было. Въ Кошицѣ состоялся въ 1374 г. договоръ съ польскимъ дворянствомъ. При этомъ король обязался снова завоевать потерянныя польскія области, освободить дворянство отъ налоговъ, кромѣ двухъ грошей съ плуга, предоставить всѣ должности лишь полякамъ соотвѣтствующей области и уплачивать особо за военную службу внѣ границъ государства. Короля не безпокоило, что этимъ ослаблялась военная и финансовая сила Польши, и что дворянство было положительно признано рѣшающимъ сословіемъ; онъ даже соединилъ Червонную Русь съ венгерской короной и послалъ туда своего намѣстника. Онъ поощрялъ также въ большихъ размѣрахъ римско-католическую пропаганду въ русской области, чѣмъ вызвалъ движеніе, которое не только стоило Венгріи Червонной Руси, но позднѣе оказалось гибельнымъ и для Польши. Въ его правленіи заносчивость шляхты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безпорядки въ странѣ возрасли настолько, что не было болѣе никакого правосудія. Имущество бѣдняковъ безпрерывно разграблялось капитанами и каштелянами. И когда, послѣ большихъ взносовъ въ королевскую канцелярію, обиженные вернулись домой изъ Венгріи съ королевскимъ письмомъ, осуждавшимъ эти поступки, на это письмо высокородные грабители не обратили никакого вниманія. Кражи и ограбленія купцовъ и путешественниковъ безпрерывно совершались на большихъ дорогахъ безъ всякаго противодѣйствія этому со стороны капитановъ.

6. Христiанство и язычество въ прибалтiйскихъ провинцiяхъ и въ Литвѣ до 1386 года.

A. Народности южно-балтiйскихъ областей.

На южно-балтiйскомъ побережьѣ, гдѣ природа не провела по берегу никакихъ рѣзкихъ границъ, славяне, финны и литовцы должны были оказывать взаимное воздѣйствiе другъ на друга. Вначалѣ славяне, раньше всѣхъ основавшiе здѣсь государства, господствовали надъ остальными. Такъ, Польша, слѣдуя по направленiю Вислы, обратилась противъ прусской Литвы, чтобы стать твердой ногой на Балтiйскомъ морѣ. Финскихъ ливовъ исторiя временно встрѣчаетъ въ роли вассаловъ русскихъ полоцкихъ князей, которые господствовали на всемъ протяженiи Двины до самого моря. Эсты, наконецъ, попали въ зависимость отъ новгородскихъ ильменскихъ славянъ, основавшихъ тамъ Юрьевъ (Дерптъ) и другiе города.

Но когда Русь была ослаблена гражданскими войнами и полоцкiе князья не могли, поэтому, удержать свое господство надъ придвинскими племенами, здѣсь попытались укрѣпиться другiе народы. Страна была доступнѣе со стороны моря, чѣмъ извнутри, со стороны восточно-европейскаго сухопутья, и не могла, поэтому, избѣгнуть влiянiя народовъ, плававшихъ по Балтiйскому морю. Прежде всѣхъ пытались основаться въ Лифляндiи датчане, да и шведы, объѣзжавшiе все балтiйское побережье и основавшiе въ Висби на островѣ Готландѣ большой торговый складочный пунктъ, тоже пришли въ соприкосновенiе съ финскими племенами въ Лифляндiи и Эстляндiи. Но и имъ не удалось добиться прочныхъ успѣховъ. Лишь когда начался расцвѣтъ сѣверныхъ нѣмецкихъ торговыхъ городовъ, положенiе измѣнилось. Любекъ также имѣлъ въ Висби склады и торговыя факторiи, но попытался вступить безъ шведскаго посредничества въ прямыя сношенiя съ финскими племенами. Нѣмецкiй корабль, выѣхавшiй какъ разъ на поиски этихъ народностей, прибило бурей въ Рижскiй заливъ. Туземцы, какъ разсказываетъ старая лифляндская риѳмованная хроника (около 1291 года), сбѣжались со всѣхъ сторонъ и напали на нѣмцевъ. Но будучи отбиты, они вступили въ мирные переговоры и заключили съ пришельцами договоръ на счетъ мѣновой торговли (основанiе замка Икскуля, обыкновенно, прiурочиваемое къ 1143 г., состоялось лишь 40 лѣтъ спустя). Это первое столкновенiе нѣмцевъ съ ливами, литовцами и славянами было чисто торгово-политическимъ, но на этомъ дѣло не остановилось. Въ то время народы Западной Европы были проникнуты глубокимъ религiознымъ чувствомъ, и язычество финскихъ и литовскихъ племенъ обратило на себя ихъ вниманiе. Ожившее миссiонерство тѣмъ легче нашло тутъ своихъ ревнителей, что оно обѣщало здѣсь выгоды и въ политическомъ и экономическомъ отношенiяхъ.

Первымъ миссiонеромъ среди пруссовъ былъ святой Адальбертъ, находившiйся подъ защитой Польши. Послѣ него, спустя 12 лѣтъ, воспрiялъ тамъ мученическую смерть святой Бруно фонъ Керфуртъ. Въ большихъ размѣрахъ предпринялъ дѣло обращенiя прусской Померанiи Болеславъ III Кривоустъ. Пользовавшiйся его довѣрiемъ епископъ Оттонъ Бамбергскiй, въ противоположность другимъ миссiонерамъ, выступавшимъ босыми и въ бѣдной одеждѣ, появился среди поморцевъ, какъ могущественный князь, окруженный блескомъ и опираясь на польское войско. Новокрещеннымъ онъ давалъ красивое платье и другiе подарки, и успѣхъ былъ великъ.

Послѣ этого епископъ ольмюцскiй Генрихъ Здикъ рѣшилъ нести къ пруссамъ проповѣдь Евангелiя по слѣдамъ святого Адальберта и обратился къ курiи съ этимъ предложенiемъ (1140 г.). Но только въ 1144 г., когда шли приготовленiя ко второму крестовому походу, папа Люцiй II началъ

съ Генрихомъ переговоры о прусской миссіи; тогда было рѣшено, что Чехія, Польша и другія сѣверныя страны не обязаны принимать участія въ походахъ въ Святую Землю, но должны позаботиться объ обращеніи въ христіанство пруссовъ. Такъ, моравскіе князья вмѣстѣ съ Генрихомъ предприняли въ 1147 г. крестовый походъ противъ пруссовъ и къ нимъ присоединились германскіе и польскіе князья. Это событіе, можетъ быть, и дало созрѣть при чешскомъ дворѣ плану распространенія владѣній на сѣверѣ на счетъ Польши и возведенія замковъ на Балтійскомъ морѣ. Пруссы ожесточенно защищали своихъ старыхъ боговъ и свою свободу. Они улучшили свою систему веденія войны и даже осмѣливались дѣлать нападенія на Куявію и Мазовію.

Между тѣмъ, датчане обратились къ вендамъ, шведы двинулись въ Финляндію, Лифляндію и Эстляндію. Игуменъ реймскій Петръ предназначилъ для финской миссіи своего ученика Фулька, который былъ возведенъ архіепископомъ лундскимъ въ санъ епископа. Папа Александръ III одобрилъ въ 1169 году этотъ планъ и даровалъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ скандинавамъ, которые отправятся въ походъ противъ эстовъ. Несмотря на это, Фулькъ ниоткуда не получилъ достаточныхъ подкрѣпленій, и, вообще, христіанская пропаганда скандинавовъ не получила никакого успѣха.

Любекскій аббатъ Арнольдъ, всѣми признанный продолжатель гельмольдовой славянской хроники, разсказываетъ, что пришедшій съ другими нѣмцами священникъ Мейнгардтъ впервые пытался проповѣдывать Евангеліе ливамъ. Найдя жатву недурной, онъ обратился въ 1186 году къ бременскому архіепископу съ просьбой нарядить миссію въ бо́льшихъ размѣрахъ. Онъ просилъ также полоцкихъ князей разрѣшить эту миссію. За его успѣшную дѣятельность (постройку церкви и замка въ Икскулѣ, основаніе монастыря) архіепископъ бременскій возвелъ его въ санъ епископа икскульскаго. Но когда съ ливовъ стали взимать десятину, и они замѣтили свою зависимость отъ Бремена, то они напали на Икскуль и окунались въ Двинѣ, чтобы смыть крещеніе. Мейнгардтъ, не бывшій въ состояніи оставить замокъ, послалъ своего викарія Дитриха въ Римъ для сообщенія отчета и умеръ въ 1196 году. Его преемникъ Бертольдъ явился въ Лифляндію съ крестовымъ войскомъ, но былъ убитъ ливами въ 1198 г. Всѣ крестившіеся ливы отпали отъ христіанства; деревянное изображеніе, которое они считали губительнымъ богомъ нѣмцевъ, они бросили въ море.

Архіепископъ бременскій послалъ тогда въ 1198 году Альбрехта Буксгевдена епископомъ въ Икскуль. Король датскій Кнутъ, папа Иннокентій III и многіе князья поддерживали его, и въ 1200 г. пришло туда крестовое войско на 23 судахъ. Ливы взялись за оружіе, но Альбрехтъ прибѣгъ къ обману. По заключеніи перемирія, онъ пригласилъ на пиръ старѣйшихъ ливовъ и не отпустилъ ихъ, пока они не выдали своихъ дѣтей въ качествѣ заложниковъ и обѣщали принять христіанство. Сопротивленіе ливовъ было, такимъ образомъ, сломлено, дѣти ихъ отправлены на воспитаніе въ Бременъ, и всюду стало проповѣдываться Евангеліе. Ради безопасности, Альбрехтъ перенесъ въ 1201 году епископію изъ Икскуля въ заново укрѣпленную имъ и расположенную ближе къ морю Ригу. Тогда, чтобы создать себѣ военную силу, онъ отдалъ страну въ ленъ тѣмъ участникамъ крестоваго похода, которые захотѣли остаться тамъ навсегда. Когда вѣсть объ основаніи Риги распространилось, то стали приходить эсты, ливы, курляндцы и литовцы съ цѣлью заключить миръ. Чтобы окончательно обезпечить дѣло обращенія, Альбрехтъ основалъ въ 1202 году новый рыцарскій орденъ по образцу тампліеровъ. Эти fratres militiae Christi носили бѣлые плащи съ красными крестами и мечи съ лѣвой стороны и были, поэтому, названы fratres ensiferi или gladiferi (братья по мечу, рыцари меча или меченосцы). Они были подчинены свѣтской и

духовной подсудности рижскихъ епископовъ. Магистръ имѣлъ свою резиденцію во вновь построенномъ Венденѣ. Въ 1207 году Альбрехтъ преподнесъ Лифляндію въ ленъ императору Филиппу Швабскому. Теперь начались настоящія завоеванія; сначала были покорены ливы, затѣмъ — латыши. Русское Полоцкое княжество, которому придвинская область платила дань (ему принадлежали оба княжества: Кукенойское и Герзикское) пыталось, правда, съ помощью эстовъ отстоять свои права, но оно было слишкомъ слабо. Даже Кукенойсъ и Герзике были завоеваны нѣмцами, и имя послѣдней вскорѣ исчезло изъ исторіи, хотя Альбрехтъ и согласился платить Полоцку извѣстную дань за Лифляндію.

Затѣмъ наступила очередь Эстляндіи. Сначала была завоевана область Саккалы съ Феллиномъ, потомъ Унганнія. Здѣсь, однако, пришлось столкнуться съ Новгородомъ, которому эсты платили дань, и который построилъ здѣсь около 1030 года Юрьевъ. Князья псковскіе, съ помощью Новгорода, также нанесли нѣмцамъ пораженіе. Поэтому Альбрехтъ обратился въ 1218 г. къ королю Вальдемару II Датскому, и въ 1219 году эсты были разбиты. Датчане основали тогда городъ и крѣпость Ревель и поселили здѣсь епископа, подчиненнаго архіепископу лундскому. Теперь датчане и нѣмцы начали соперничать другъ съ другомъ въ дѣлѣ обращенія страны въ христіанство. Ливанскій орденъ представилъ возраженія противъ датскихъ завоеваній, и Альбрехтъ предъявилъ на Вальдемара жалобу въ Римѣ и германскому императору, но — напрасно. Вальдемаръ отдалъ Эстляндію въ ленъ папѣ, а императоръ Фридрихъ II былъ занятъ приготовленіями къ крестовому походу, и, такимъ образомъ, Альбрехтъ былъ вынужденъ признать верховныя права Даніи надъ Эстляндіей. Но такъ какъ Вальдемаръ, сильно занятый въ другомъ мѣстѣ, предоставилъ завоеванныя области своей судьбѣ, то нѣмцы сумѣли оправиться. Въ 1224 году они взяли Юрьевъ, хотя онъ упорно оборонялся княземъ Вятко. Послѣ этого Альбрехтъ завоевалъ острова Монъ (Мольмъ) и Эзель; орденъ бросился на Ревель и другія датскія владѣнія. Литовскіе курляндцы и семигалы на лѣвомъ берегу Двины также были покорены еще при жизни Альбрехта. Съ завоеваніемъ областей орденъ уже съ 1207 г. получалъ третью часть своего содержанія. Въ 1229 году, ко времени смерти Альбрехта, владычество епископіи и ордена простиралось уже на всю Курляндію, Лифляндію и Эстляндію.

B. Тевтонскій орденъ и Литва до 1386 года.

а) Тевтонскій орденъ.

Успѣхи ливонскаго ордена обратили на него вниманіе всѣхъ сѣверныхъ государствъ. Польскій князь Конрадъ мазовецкій и куявскій, земли котораго жестоко опустошали языческіе пруссы и притѣсняли литовцы, составилъ планъ основанія подобнаго же рыцарскаго ордена. Среди пруссовъ проповѣдывалъ тогда Евангеліе христіанъ, монахъ цистерціанскаго монастыря въ Оливѣ (позднѣе викарій майнцскій). Папа Гоноpій III, къ которому онъ обратился за сочувствіемъ, возвелъ его въ санъ епископа литовскаго и рекомендовалъ его гнѣзненскому архіепископу. Вернувшись въ Пруссію, онъ не могъ, однако, тамъ удержаться, и самъ Конрадъ долженъ былъ оставить свое княжество. Въ своей нуждѣ онъ основалъ „Орденъ Христа“ и назначилъ ему въ собственность Добржинъ (отсюда также его названіе „Добржинскій орденъ“). Но и этотъ орденъ не могъ удержаться.

Тогда Конрадъ обратился къ Тевтонскому ордену, какъ разъ тогда изгнанному королемъ Андреемъ Венгерскимъ изъ Бурзы (въ Трансильваніи). Гохмейстеръ Германъ-фонъ-Зальца принялъ предложеніе и получилъ въ собственность кульмскую землю и области, которыя предстояло еще

завоевать. Все это орденъ получилъ въ 1226 году отъ императора Фридриха II въ видѣ лена и, такимъ образомъ, сдѣлался независимымъ отъ мазовецкаго князя. Въ 1228 г. явился въ Пруссіи Германъ Балькъ, первый магистръ этой провинціи, съ сильнымъ рыцарскимъ отрядомъ подъ знаменемъ святой Маріи. Язычники, все еще не объединенные и боровшіеся вразсыпную, шагъ за шагомъ были вытѣснены. Всюду были проложены хорошія дороги и сооружены замки. Такъ возникли сначала Торнъ, затѣмъ Кульмъ, Маріенвердеръ, Эльбингъ. У пруссовъ были отняты дѣти, отправленныя для воспитанія въ Германію. Язычники, правда, яростно защищались, но тевтонскіе рыцари были поддержаны всей Западной Европой, тогда какъ пруссы получили кое-гдѣ небольшую помощь лишь у родственныхъ имъ племенъ въ Литвѣ.

Въ то время какъ тевтоны такимъ образомъ усиливались, пришло вдругъ извѣстіе изъ Лифляндіи, что тамошній орденъ, лишь недостаточно поддерживаемый Западомъ и угрожаемый слишкомъ могущественными врагами: ливами, датчанами и русскими, — близокъ къ разложенію. Чтобы спасти это новое созданіе, былъ составленъ планъ объединить оба учрежденія. Въ 1237 г. меченосцы были приняты въ Тевтонскій орденъ, приняли его примѣты и одежду и образовали одну изъ его провинцій безъ того, чтобы прекратились ихъ обязательства по отношенію къ рижскому епископу и къ полоцкому князю. Сліяніе было выгодно для обѣихъ сторонъ. Теперь возникло на южномъ берегу Балтики сильное нѣмецкое государство, которому были подчинены литовцы, финны и славяне. Въ силу своего превосходства въ культурѣ, военномъ дѣлѣ и управленіи, орденъ началъ становиться опаснымъ даже для русскихъ и въ особенности для поляковъ.

Въ орденскія владѣнія стали стекаться рыцари изъ всей Европы. Въ Маріенбургѣ, резиденціи гохмейстера, и въ другихъ замкахъ царили благосостояніе, пышность и великолѣпіе; турниры смѣнялись праздниками. Можетъ быть, ни одинъ княжескій дворъ въ Европѣ, не исключая даже и императорскаго, не доставлялъ рыцарямъ такъ много удовольствій и развлеченій, какъ маріенбургскій. Здѣсь была высшая школа для рыцарей, которые, естественно, охотнѣе шли сюда, чѣмъ въ Палестину. Ежегодно собирались въ орденской землѣ для походовъ пришлые рыцари. Наѣзды въ Литву предпринимались тогда, когда замерзали ея озера и болота. Страна основательно опустошалась, населеніе уводилось, деревни сожигались. Литовцы дѣлали затѣмъ то же самое, но въ еще бóльшихъ размѣрахъ: вѣдь орденская земля была густо населена и усѣяна замками. Со временемъ рыцарямъ удалось создать себѣ среди литовцевъ свою партію; болѣе зажиточные и разсудительные язычники должны были, наконецъ, признать преимущества христіанства, превосходство культуры ордена и большую привлекательность тамошней жизни.

b) Литва.

Къ тому времени, когда опасность со стороны Тевтонскаго ордена стала весьма велика, Литва неожиданно почерпнула новую силу въ окружавшихъ ее русскихъ областяхъ. Пограничный Полоцкъ раньше другихъ русскихъ княжествъ отдѣлился отъ кіевскаго ядра. Когда и здѣсь, какъ, впрочемъ, и въ остальной Россіи XII столѣтія, вслѣдствіе раздоровъ членовъ княжеской семьи между собой и съ народными собраніями, возникло нѣсколько княжествъ, — то спорившіе часто призывали на помощь сосѣдей; такимъ образомъ, Литва была замѣшана въ русскія дѣла. Вскорѣ призванные пришельцы почувствовали себя господами страны. Уже въ первой половинѣ XIII столѣтія возникли на русской почвѣ литовскія княжества.

Около средины XIII столѣтія, въ качествѣ владыки Литвы, выступилъ на сцену Миндовгъ. Повидимому, онъ, въ качествѣ „великаго князя“,

первымъ сталъ смотрѣть на другихъ удѣльныхъ князей, какъ на вассаловъ. Но его положеніе было тяжело. Не только князья галицкіе и владимірскіе боролись съ нимъ за обладаніе Черной Русью; еще сильнѣе его тѣснили его родственники. Даже народъ, недовольный его политикой насилія, обратился противъ него, тѣмъ болѣе, что князь, хотя былъ еще язычникомъ, все же не выказывалъ недоброжелательства къ христіанской религіи, принесенной сюда изъ Россіи. Такимъ образомъ, въ Литвѣ образовались двѣ партіи: одна изъ нихъ представляла народъ, защищала его языкъ, старые нравы и язычество; христіанская же партія, болѣе сильная, склонялась къ Россіи. Во главѣ послѣдней партіи находился сынъ Миндовга, Войшелкъ, предпріимчивый человѣкъ, всѣмъ пыломъ своей души преданный греческой церкви. Онъ вступилъ въ монастырь и даже мечталъ окончить свою жизнь на Аѳонѣ, какъ это дѣлали многіе князья восточнаго христіанства.

Миндовгъ жаждалъ облегченія въ борьбѣ съ Ливонскимъ и съ усиливавшимся Тевтонскимъ орденами; вмѣсто этого, обѣ партіи ввергли его въ еще болѣе ожесточенную войну съ рыцарствомъ и, кромѣ того, съ Россіей. Червонная Русь выступила теперь со всѣми силами противъ Литвы; произошло даже сближеніе между русскимъ княжествомъ и тевтонскими рыцарями. Обѣ стороны боролись за обладаніе Черной Русью. Если бы галицкимъ князьямъ удалось присоединить Черную Русь къ своимъ владѣніямъ, то при внутреннемъ разъединеніи Литвы, при угрожавшемъ съ юго-востока раздробленіи Россіи и при татарскомъ преобладаніи на юго-западѣ,—образовался бы новый центръ, представителями котораго были бы малороссы. Но хитрый литвинъ сумѣлъ одолѣть всѣхъ своихъ враговъ. Прежде всего онъ выразилъ готовность принять х р и с т і а н с т в о. Папа Иннокентій IV прислалъ ему к о р о л е в с к у ю к о р о н у, и Миндовгъ принялъ ее въ 1250 году въ Новгородѣ, а вмѣстѣ съ ней и крещеніе. Вслѣдствіе этого произошло дружественное сближеніе между нимъ и Ливонскимъ орденомъ. Уступивъ послѣднему всю жмудскую область, онъ расправился въ то же время съ національной партіей, не желавшей признать его верховной власти. И съ княземъ Червонной Руси онъ заключилъ въ 1255 г. договоръ, уступивъ ему въ ленъ Черную Русь; его сынъ Войшелкъ женился на дочери русскаго князя.

Вскорѣ въ Жмуди народъ возсталъ противъ Ливонскаго ордена, захотѣвъ теперь признать власть Миндовга. Послѣдній сильно поддерживалъ это движеніе; орденъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе и вынужденъ былъ возвратить обратно всѣ литовскія области. Благодаря этому усилилась въ Литвѣ и великокняжеская власть, и, хотя въ 1263 году Миндовгъ былъ убитъ, другіе князья стали добиваться великокняжескаго званія. Такимъ образомъ, Литвѣ пришлось теперь испытать ту же борьбу за хорошее государственное устройство, какъ и Россіи, Польшѣ и другимъ славянскимъ странамъ.

Родъ Миндовга создалъ изъ Литвы государство, но лишь другому литовскому роду суждено было возвысить ее до положенія великой державы. Это—тотъ родъ, представитель котораго Г е д и м и н ъ (Витенъ) сталъ около 1316 года великимъ княземъ. Литовское государство имѣло тогда уже совсѣмъ другой видъ. Его укрѣпленіями не были уже одни болота и озера; страна покрылась уже замками и обведенными стѣнами городами. Отъ нѣмцевъ она научилась лучше воевать, а вліяніе русской культуры сказалось на общественной и частной жизни. Русскій языкъ былъ языкомъ церкви, двора и дворянства; княжеская канцелярія выдавала документы лишь на русскомъ языкѣ; литовское войско состояло, по большей части, изъ русскихъ отрядовъ, и имъ часто предводительствовали русскіе. Какъ своего рода русское государство, Литва легче могла распространяться въ сторону русскихъ областей, и Гедиминъ имѣлъ подъ

своей властью нѣсколько русскихъ князей. Укрѣпленіе его владычества въ областяхъ, ранѣе занятыхъ татарами, было встрѣчено радостно, такъ какъ литовцы разбили страшныхъ монголовъ, слывшихъ непобѣдимыми. Даже Кіевъ былъ теперь подъ властью не то литовцевъ, не то — татаръ. Русскія области составляли, слѣдовательно, значительно большую часть литовскаго государства, бывшаго уже при Гедиминѣ первой державой въ Восточной Европѣ. Будучи самъ еще язычникомъ, Гедиминъ вступалъ въ бракъ съ русскими княжнами и позволялъ имъ жить по своей христіанской вѣрѣ и воспитать въ послѣдней своихъ дѣтей. Своего сына Ольгерда онъ женилъ на витебской княжнѣ, другого — Любарта — на волынской; одну дочь выдалъ замужъ за князя Симеона Московскаго, другую — за князя тверского, третью — Альдону — взялъ Казиміръ Польскій, четвертую — Болеславъ Троденовичъ Мазовецкій. Онъ населялъ колонистами пространныя пустыни и создавалъ города съ нѣмецкимъ нравомъ. Онъ основалъ Вильну, ставшую затѣмъ столицей Литвы, велѣлъ перенести сюда въ 1322 г. языческую святыню и зажечь вѣчный огонь передъ алтаремъ Перкуна (Перуна). Одновременно вступилъ онъ въ переговоры съ папой, навѣрное, лишь для того, чтобы подставить ножку Тевтонскому ордену. Въ 1336 г. гохмейстеръ Дитрихъ фонъ-Альтенбургъ (1335—1341 гг.) устроилъ новый большой „наѣздъ" въ Литву. Рыцари двинулись на Жмудь и осадили тамъ Пиллипенъ, гдѣ заперлись 4,000 литовцевъ съ женами и дѣтьми. Огонь покончилъ съ замкомъ и съ его храбрыми защитниками.

Гедиминъ умеръ въ 1340 или 1341 году при осадѣ нѣмцами замка Велоны, пораженный пулей; здѣсь, слѣдовательно, раньше, чѣмъ при Креси въ 1346 г., воспользовались изобрѣтеніемъ пороха. По примѣру Россіи, Гедиминъ ввелъ законодательнымъ путемъ великокняжеское достоинство и связалъ его съ Вильной; великимъ княземъ долженъ былъ стать Явнутій. Остатокъ государства раздѣлили между собою его остальные шесть сыновей: Монвидъ, Наримунтъ Коріатъ, Ольгердъ, Кейстутъ и Любартъ. Изъ нихъ выдвинулись, именно, Ольгердъ и Кейстутъ (Ольжердъ и Кинштудтъ). Первый получилъ собственно Литву съ Крево и Витебскую область, Кейстутъ же Жмудь съ Троками въ качествѣ резиденціи, Гродно и Брестъ въ Черной Руси. Ольгердъ былъ силенъ и красивъ, высокаго ума, широкаго политическаго кругозора и, что было рѣдкостью для его времени, трезвъ и воздержанъ. Онъ зналъ нѣсколько языковъ и не предавался игрѣ. Онъ былъ хитеръ и даже выступавшимъ въ походъ отрядамъ не говорилъ, куда онъ ихъ поведетъ. Ольгердъ былъ сторонникомъ русско-христіанской партіи. Его жены и дѣти были христіанами. Согласно русскимъ источникамъ, онъ самъ былъ христіаниномъ, хотя иностранныя данныя утверждаютъ, что его трупъ былъ сожженъ на кострѣ: можетъ быть, такова была воля языческихъ жрецовъ. Кейстутъ имѣлъ открытый характеръ, былъ рыцаремъ съ головы до ногъ и, какъ сторонникъ національно-языческой партіи, былъ обоготворяемъ нароромъ. Онъ безкорыстно помогъ брату достичь великокняжеской власти и былъ его вѣрнѣйшимъ подданнымъ, другомъ и защитникомъ. Будучи самъ убѣжденнымъ язычникомъ, онъ послѣднимъ изъ литовскихъ князей былъ похороненъ по языческому обряду. Оба они возвеличили и прославили Литву. Въ то время какъ Ольгердъ, въ качествѣ великаго князя, соединилъ съ Литвой русскія княжества, завоевалъ даже Кіевъ и простеръ, такимъ образомъ, свои границы до татаръ на Черномъ морѣ и по ту сторону Днѣпра на востокѣ, — Кейстутъ взялъ на себя защиту западной границы и борьбу съ объединенными рыцарскими орденами.

Лѣтописцы отмѣтили нѣсколько благородныхъ чертъ изъ жизни этого великаго героя. Онъ спасъ своимъ заступничествомъ начальника одного орденскаго замка, который литовцы должны были сжечь. Онъ всегда выражалъ рѣзкое неудовольствіе по поводу злобнаго изувѣчиванія труповъ

на полѣ битвы. Предполагая сдѣлать нападеніе на орденскую землю, онъ, обыкновенно, извѣщалъ объ этомъ начальника послѣдней; онъ, понятно, требовалъ такого же рыцарскаго образа дѣйствій и отъ ордена, и когда въ 1362 г. Ковна подверглась внезапному нападенію со стороны рыцарей, онъ пожаловался на это пользовавшемуся далекой извѣстностью гохмейстеру Винриху фонъ-Книпродэ (1351—1382 гг.). Взятый однажды въ плѣнъ и приведенный въ Маріенбургъ, онъ былъ узнанъ приставленнымъ къ нему служителемъ Альфомъ, литовцемъ по происхожденію, и хитро освобожденъ. Вслѣдствіе своего рыцарскаго характера Кейстутъ былъ почти любимъ орденомъ: когда онъ, послѣ неудачной осады одного замка, хотѣлъ перейти рѣку и чуть не утонулъ, то маршалъ Геннингъ Шиндеконъ вытащилъ его изъ воды, не взявъ въ плѣнъ.

Въ теченіе 40 лѣтъ неутомимо защищалъ Кейстутъ Литву; послѣдняя считала его своимъ первымъ національнымъ героемъ. При его жизни орденъ не могъ тамъ сдѣлать ни одного завоеванія. Несмотря на сочувствіе Кейстута язычеству, христіанство дѣлало все большіе успѣхи даже въ его владѣніяхъ; не было, конечно, недостатка и въ мученикахъ. Только римскій католицизмъ никакъ не могъ пустить тамъ корней, а доминиканскій и францисканскій монастыри, возникшіе въ Вильнѣ при Гедиминѣ, закрылись при Ольгердѣ. Когда же они снова были открыты бояриномъ Гастольдомъ, перешедшимъ въ католичество ради своей жены—польки, то толпа язычниковъ напала на домъ Гастольда и убила семь монаховъ; остальные были распяты на крестахъ и брошены въ рѣку.

Въ своемъ побѣдоносномъ шествіи Литва должна была рано или поздно столкнуться съ Москвой и съ татарами: оба вѣдь преслѣдовали одну цѣль—объединить Россію подъ своей властью. Когда Ольгердъ разбилъ татаръ, то это могло вызвать у русскихъ лишь радостный отголосокъ; поэтому ему легко было покорять одну русскую область за другой. Между Россіей и Литвой ольгердова направленія не было никакого коренного различія. Только въ лицѣ Москвы возсталъ для литовскаго князя опасный соперникъ. Ольгердъ сумѣлъ, однако, отсрочить рѣшительную схватку. Въ это время онъ умеръ (1377 г.).

Послѣ Ольгерда долженъ былъ занять великокняжескій престолъ Кейстутъ, какъ старѣйшій въ семьѣ. Но, согласно желанію своего брата, онъ отказался въ пользу Ягелла (Ягайло, Ягалъ). Послѣдній не былъ похожъ на своего отца Ольгерда: онъ дѣйствовалъ лишь тайкомъ, думая всегда о низкихъ интригахъ. Ему отнюдь не нравилось, что его дядя, принимая участіе въ совѣщаніяхъ въ Вильнѣ, оказывалъ сильное вліяніе на государственныя дѣла, и, въ качествѣ стараго героя, при случаѣ позволялъ себѣ дѣлать наставленія неопытному племяннику, который былъ ему обязанъ трономъ. Вопреки традиціи, Ягелло заключилъ союзъ съ татарами, яко бы для того, чтобы съ ихъ помощью выступить противъ Москвы. Затѣмъ онъ началъ незамѣтно сближаться съ Тевтонскимъ орденомъ, что также совершенно противорѣчило традиціямъ его родины. Ему помогалъ въ этомъ одинъ изъ его совѣтниковъ, по имени Войдилло, котораго Кейстутъ однажды оскорбилъ. Ягелло остался равнодушенъ даже къ повторнымъ нападеніямъ рыцарей; мало того, онъ заключилъ съ орденомъ тайный договоръ, направленный противъ Кейстута.

Кейстутъ, сильно обезпокоенный, напалъ врасплохъ на Вильну, взялъ въ плѣнъ своего племянника и нашелъ доказательства его договора съ орденомъ. Теперь онъ, самъ, занялъ великокняжескій престолъ, но отдалъ Ягеллѣ Витебскъ и Крево и предоставилъ ему затѣмъ полную свободу, только приказалъ повѣсить измѣнника Войдилла. Тогда поднялся противъ Кейстута другой его родственникъ — Дмитрій Карибутъ. Ягелло привелъ свои отряды яко бы на помощь Кейстуту, но двинулъ ихъ противъ Вильны и взялъ ее. Выступили и союзные съ Ягелломъ рыцари, и Троки, рези-

денція Кейстута, были взяты и разграблены. Кейстутъ быстро собралъ войска, чтобы спасти свои замки.

Тогда Ягелло черезъ дружественнаго съ нимъ сына Кейстута, Витовта, просилъ о посредничествѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не желаетъ пролитія крови. По приглашенію Ягелла, Кейстутъ и Витовтъ пошли въ лагерь послѣдняго и были заключены въ оковы. Брошенный въ душную тюрьму въ Крево, Кейстутъ на пятый день найденъ былъ тамъ удавленнымъ (1382 г.). Его трупъ былъ сожженъ, согласно языческому обряду. Вмѣстѣ съ Кейстутомъ погибла въ пламени также и старая Литва; вѣчный огонь, горѣвшій передъ алтаремъ Перкуна, погасъ.

Витовтъ, которому удалось бѣжать, удалился въ Мазовію и отсюда въ орденскія владѣнія. Крестившись по католическому обряду, онъ принялъ имя Виганда, своего крестнаго, Комтура Рагнитскаго (Рагнета) (1383 годъ). Для ордена, которому Витовтъ-Вигандъ, въ случаѣ своей бездѣтности, обѣщалъ уступить Самландію (къ сѣверу отъ рѣки Мемеля),—новый союзникъ былъ желаннымъ. Но у Витовта старая и поэтому болѣе сильная ненависть къ нѣмецкимъ рыцарямъ скоро осилила свѣжую еще жажду мести. Едва заключивъ договоръ съ орденомъ, онъ уже сталъ искать и добился примиренія съ Ягелломъ. Ясно выраженное литовство было выдающеюся характерной чертой Витовта; если онъ не могъ добиться постановленной себѣ цѣли прямымъ путемъ, то при случаѣ не брезговалъ прибѣгать и къ сомнительнымъ средствамъ.

7. Польша съ конца XIV до начала XVI столѣтія.

А. Соединеніе Литвы съ Польшей.

Когда король Людовикъ I венгерскій и польскій 11 сентября 1382 г. умеръ въ Тирнавѣ, то, на основаніи Кошицскаго договора отъ 1374 года. одна изъ его дочерей должна была унаслѣдовать Польшу. У короля были три дочери: Катерина, Марія и Ядвига. Катерина предназначалась для Польши, Марія была выдана замужъ за маркграфа Сигизмунда бранденбургскаго, Ядвига помолвлена съ герцогомъ Вильгельмомъ Австрійскимъ. Такъ какъ Катерина умерла еще раньше отца, то польская корона была назначена Маріи, но это постановленіе едва ли было пріемлемо для Польши. Испытавъ пренебрежительное отношеніе со стороны Людовика, Польша хотѣла признать своей королевой только ту изъ его дочерей, которая обязуется жить вмѣстѣ со своимъ мужемъ въ Польшѣ. Сигизмундъ, предполагаемый король Венгріи, не могъ согласиться на это. Казимиръ Великій хотѣлъ раньше укрѣпить экономически свою страну, чтобы затѣмъ съ большой силой выступить противъ Тевтонскаго ордена, этого опаснѣйшаго врага Польши, такъ какъ онъ поддерживался всей Западной Европой: вѣдь для этой цѣли онъ и заключилъ цѣлый рядъ договоровъ съ сосѣдями. Когда онъ вступилъ въ договоръ о преемствѣ съ своимъ племянникомъ Людовикомъ венгерскимъ, послѣдній обязался отвоевать собственными средствами потерянныя Польшей области. У кого? — Естественно, только у ордена. Людовикъ, однако, не исполнилъ этого: воздухъ Польши ему не нравился. А орденъ собиралъ, такимъ образомъ, вокругъ себя германскія силы. Между тѣмъ, и въ Польшѣ и въ Литвѣ національное самосознаніе и ненависть къ нѣмцамъ настолько сжились, что всякій другой кандидатъ на тронъ долженъ былъ показаться тамъ желательнѣе маркграфа бранденбургскаго. Польскіе государственные люди сознавали, что полученіе Сигизмундомъ польской короны поведетъ за собой потерю ихъ независимости. Когда онъ еще при жизни тестя явился въ Польшу во главѣ небольшого отряда, чтобы принять отъ подданныхъ присягу на вѣрность, то ему даже запретили въѣздъ въ

Краковъ; только города съ преобладающимъ нѣмецкимъ населеніемъ приняли его охотно. Сигизмундъ долженъ былъ ни съ чѣмъ оставить Польшу. При этомъ онъ вначалѣ не могъ даже утвердиться и въ Венгріи.

Такъ польскій тронъ снова былъ объявленъ вакантнымъ. Тогда предъявилъ на него притязанія Князь Земко (Земовитъ) мазовецкій, опираясь на большую партію и на архіепископа гнѣзненскаго Бодзанту, который даже успѣлъ уже провозгласить его королемъ, — но въ это время прибыли посланцы королевы-матери Елизаветы (ум. въ 1387 г.) съ заявленіемъ, что скоро явится въ Краковъ для коронованія Ядвига (род. 1369 г.), предназначенная для польскаго престола. Напрасно прождавъ Ядвигу долгое время, въ Польшѣ стали уже терять терпѣніе. Однако, замедленіе имѣло свои причины. Во-первыхъ, сама королева-вдова находилась въ опасности; далѣе, Ядвига, имѣя хотя всего безъ малаго 13 лѣтъ, была уже помолвлена съ Вильгельмомъ, и ни поляки его не хотѣли, ни онъ не хотѣлъ отказаться отъ Ядвиги. Лишь послѣ того, какъ было объявлено, что права Ядвиги на польскую корону будутъ считаться уничтоженными, если она не явится въ Польшу въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, Елизавета рѣшилась отослать дочь въ Польшу. Ребенкомъ, едва пятнадцати лѣтъ, прибыла Ядвига въ Краковъ въ началѣ октября 1384 г. въ сопровожденіи архіепископа гранскаго и епископа ксанадскаго и уже 15 октября была коронована. Первый важный шагъ удался польскимъ государственнымъ дѣятелямъ. Теперь нужно было только найти для молодой королевы подходящаго мужа.

a) Владиславъ II Ягелло.

Національныя и религіозныя соображенія сближали поляковъ съ Литвой. И Польша, и Литва боролись съ Тевтонскимъ орденомъ, какъ со своимъ главнымъ врагомъ, и только въ союзѣ другъ съ другомъ они могли надѣяться одолѣть его. Къ тому же, мысль о соединеніи не была новостью. Уже Владиславъ Локетокъ, тѣснимый рыцарями, женилъ своего сына Казимира на гедиминовой дочери Альдонѣ, но тогда еще надѣялись справиться съ нѣмцами собственными силами. Теперь же Литва была расшатана. Въ ея предѣлахъ стали воздвигаться все болѣе грозные нѣмецкіе замки, сжимавшіе ее желѣзнымъ кольцомъ. Сближенію способствовало еще одно обстоятельство. Если раньше Литва была пылко предана язычеству, то теперь въ средѣ литовскаго населенія безпрестанно увеличивалось число христіанъ. Кейстута, послѣдняго язычника на тронѣ, не было уже въ живыхъ. Такимъ образомъ, и Литва созрѣла въ политическомъ и въ религіозномъ отношеніяхъ для объединенія съ Польшей, а совмѣстная опасность всегда закрѣпляетъ соединеніе народовъ.

Какой сторонѣ принадлежалъ починъ въ дѣлѣ объединенія, намъ неизвѣстно. Но такъ какъ польской католической церкви открывались при этомъ виды на великолѣпную миссіонерскую дѣятельность въ Литвѣ и на всемъ востокѣ, и такъ какъ Провинціалъ Францисканскаго ордена, Кмита, былъ довѣреннымъ лицомъ Ягелла, то надо предпологать, что, не считая вліятельнаго малопольскаго дворянства, горячо выступавшаго въ пользу объединенія съ Литвой,—прежде всего подготовили почву въ Литвѣ францисканцы. Мысль о томъ, что язычество не должно быть нигдѣ терпимо, пользовалась тогда въ Европѣ большой популярностью; ей обязанъ орденъ расположеніемъ къ нему Западной Европы. Чтобы отнять у ордена этотъ предлогъ, подъ которымъ онъ боролся съ Литвой, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишить орденъ источника его силы, Литва должна была рѣшиться на принятіе христіанства. Только при этомъ условіи она могла заставить служить себѣ силу римской церкви, которой принадлежало тогда въ Европѣ рѣшающее значеніе. Рѣшеніе Ягелло принять вмѣстѣ со всѣмъ народомъ

христіанство показываетъ, что, при всей своей нравственной низости, онъ обладалъ политической дальнозоркостью.

Уже въ первые дни 1385 года прибывшее въ Краковъ литовское посольство формально просило отъ имени ихъ князя Ягелла руку Ядвиги. Но безъ королевы-матери не хотѣли на это рѣшиться и послали, поэтому, курьеровъ къ Елизаветѣ. Нерасположеніе мадьяръ къ Сигизмунду и къ Вильгельму рѣшило вопросъ въ пользу Ягелла. Правда, это рѣшеніе было затѣмъ отмѣнено, и Вильгельмъ даже явился въ Краковъ, гдѣ между нимъ и молодой королевой разыгрались романтическія приключенія. Но все разбилось о настойчивость польскихъ вельможъ. 12 февраля 1386 года Ягелло совершилъ свой въѣздъ въ Краковъ, принявъ всѣ условія. Онъ обѣщалъ вступить въ лоно католической церкви вмѣстѣ со всѣми некрещенными еще своими братьями и родственниками, вмѣстѣ со всѣмъ дворянствомъ, знатью и простыми жителями и употреблять свои богатства на пользу обѣихъ странъ. Кромѣ того, онъ обѣщалъ уплатить герцогу Вильгельму Австрійскому условленные 200,000 гульденовъ отступного за отказъ отъ брачнаго договора, затѣмъ, возмѣстить на свой счетъ всѣ причиненные Польшѣ убытки и потери, отпустить на свободу всѣхъ польскихъ плѣнныхъ обоего пола и на вѣчныя времена соединить свои литовскія и русскія земли съ польской короной. Теперь все зависѣло отъ Ядвиги. Ей объяснили, что она не только послужитъ своей собственной странѣ, но что она можетъ также снискать себѣ заслуги передъ Богомъ, если черезъ нее будетъ добыто для Христа цѣлое государство. Кромѣ того, на Ядвигу повліяли, по всей вѣроятности, извѣстія изъ Венгріи: тамъ грозила большая опасностъ трону ея матери.

15 февраля состоялось крещеніе Ягелла вмѣстѣ съ присутствовавшими братьями. Крестнымъ отцомъ былъ, послѣ отказа гохмейстера Конрада Целльнера фонъ Роттенштейна (1382—1390), Владиславъ фонъ Оппельнъ, почему Ягелло получилъ еще имя Владислава (II). Затѣмъ послѣдовали вѣнчаніе и коронація (4 марта 1386 г.). Послѣ этого были также повѣнчаны братъ короля Вигандъ съ дочерью Владислава фонъ Оппельнъ, князь Янушъ Ратиборскій съ королевской племянницей и князь Зимко Мазовецкій съ Александрой, сестрой короля. Владиславъ II Ягелло Литовскій не былъ признанъ наслѣдственнымъ королемъ Польши, а только королемъ-супругомъ и правителемъ.

Въ исторіи Польши нѣтъ, за исключеніемъ принятія христіанства, болѣе важнаго событія, чѣмъ состоявшееся въ 1386 году соединеніе Литвы съ Польшей. Оно придало другой видъ всему восточно-европейскому міру и направило его исторію по совершенно другимъ путямъ. Польша, будучи слишкомъ невелика, чтобы играть роль среди могущественныхъ сосѣдей, сначала оперлась на Венгрію, но это не послужило ей на благо: болѣе культурный тогда венгерскій народъ обращался съ Польшей, какъ съ провинціей. При этомъ ея собственные интересы, въ особенности по отношенію къ ордену, были пренебрежены. Теперь же Польша и Литва едва ли могли опасаться тевтонскихъ рыцарей. Мало того, Тевтонскій орденъ, послѣ крещенія Литвы, потерялъ свой raison d'être. Прошло еще немного времени и уже состоялось оффиціальное заявленіе отъ имени императора и папы, что орденъ уже выполнилъ свою задачу. Позднѣйшіе папы воспретили миссіонерскіе набѣги и причиненіе всякаго вреда Литвѣ. Приблизительно черезъ столѣтіе послѣ крещенія Ягелла, былъ выдвинутъ планъ переселить рыцарей въ Подолію и употребить ихъ для войны противъ турокъ и татаръ. Помимо того, въ новомъ союзѣ положеніе Польши было гораздо благопріятнѣе, чѣмъ прежде въ союзѣ съ Венгріей. Польша была теперь во всѣхъ отношеніяхъ выше Литвы. Сверхъ того, Ягелло, крайне эгоистичный, ради польской короны формально предалъ полякамъ свою страну. Польша была берущей, Литва—дающей стороной, если

не считать свободнаго государственнаго устройства, новой религіи и культуры, которыя поляки должны были дать литовцамъ. Отнынѣ въ Литвѣ все совершалось по волѣ польскаго короля или, если послѣдній самъ имѣлъ мало значенія, по желанію польской шляхты и католическаго духовенства. Литва, въ три раза превосходившая Польшу по размѣрамъ, опустилась до положенія придатка польской короны. Въ то время какъ до сихъ поръ въ Восточной Европѣ было три центра: Польша, Литва и Россія, если не говорить о татарахъ, — теперь величайшій изъ нихъ, Литва, внезапноересталъ существовать. Отнынѣ стояли другъ противъ друга лишь Польша и Россія, и все ближе надвигалось время, когда долженъ былъ рѣшиться вопросъ, кто изъ нихъ будетъ властвовать надъ Восточной Европой.

Какъ только зимой 1386—1387 года наступили первые морозы, Ягелло въ сопровожденіи князей и вельможъ, многочисленныхъ священниковъ и францисканскихъ монаховъ—духовныхъ руководителей предпріятія—отправился на родину, чтобы, согласно своему обѣщанію, крестить подданныхъ. Въ началѣ января 1387 года, когда ледъ проложилъ прочные мосты въ богатой рѣками, озерами и болотами странѣ, — польская миссія достигла Вильны. То было какъ разъ такое время, когда послѣ продолжительныхъ осеннихъ празднествъ запасы литовцевъ начали истощаться. Миссіонеры уже привезли большое количество хлѣба и бѣлыя суконныя одежды и другіе подарки для тѣхъ, кто приметъ крещеніе. Еще большее значеніе имѣла въ Литвѣ воля князей. Кромѣ того, Владиславъ Ягелло, чтобы склонить на свою сторону дворянство, даровалъ 20 февраля 1387 года боярамъ, принявшимъ католичество, всѣ вольности, которыми пользовалось польское дворянство („польское право"). Это былъ первый конституціонный актъ Литвы. Тогда же была организована и католическая церковь; въ Вильнѣ была основана и блестяще обставлена епископія съ семью приходскими церквами въ Мидничѣ, Месаголѣ, Вилькомирѣ, Кревѣ, Нѣменчинѣ, Гайновѣ и Обольцѣ (Оболечъ). Первымъ епископомъ былъ францисканецъ Василій, полякъ и прежній духовникъ королевы Елизаветы, потомъ епископъ Серетскій. На самомъ высокомъ мѣстѣ города Вильны стоялъ деревянный идолъ бога Перкуна. На обсаженномъ дубами мѣстѣ вилось еще пламя неприкосновеннаго знича (неугасимый огонь), когда на гору съ пѣніемъ священныхъ пѣсенъ взошелъ миссіонерскій кортежъ. Священные дубы были вырублены, „вѣчный" огонь потушенъ. Ликующій Tedeum (Тебѣ, Бога, хвалимъ) возвѣстилъ народу начало новой эры. Ни одна рука не поднялась на защиту старыхъ боговъ. Затѣмъ приводили мужчинъ и женщинъ къ рѣкѣ и давали цѣлымъ толпамъ по одному имени, какъ-то: Станюль, Матюлисъ, Піотрулисъ, Янулисъ, Сцепулисъ (женщинамъ—Ядзюля и т. д.). Знатныхъ бояръ крестили поодиночкѣ. То же совершалось во всей странѣ, и число крещенныхъ тогда людей принимается до 30,000.

Въ концѣ іюля 1387 года Ягелло былъ снова въ Краковѣ и сообщилъ папѣ объ обращеніи Литвы. „Изъ всѣхъ королей міра ты, дорогой сынъ, занимаешь первое мѣсто въ моемъ сердцѣ", отвѣтилъ Урбанъ VI, суровость котораго вызвала въ 1378 г. великій расколъ. Его дальнѣйшія слова: „радуйся, сынъ мой, что ты какъ бы нашелъ скрытый складъ и избѣжалъ гибели", переведенныя на политическій языкъ, великолѣпно передавали положеніе дѣлъ. Даже въ Германіи распространилось предсказаніе: всѣ государства погибнутъ, кромѣ Польши и Литвы.

Теперь различныя небольшія страны Восточной Европы стали искать опоры въ только что появившемся польско-литовскомъ государствѣ. Венгрія, напримѣръ, была вѣдь тогда парализована смутами. Сейчасъ же вслѣдъ за коронованіемъ Ягелла, сѣверно-русскіе мелкіе князья, по большей части, вассалы Литвы, стали присягать могущественному теперь великому князю. Еще, когда Владиславъ Ягелло находился въ Литвѣ, Ядвига лично приняла присягу отъ Червонной Руси, которая со временъ Казимира

Великаго частью принадлежала венгерской, частью польской коронѣ, но которая при Людовикѣ Великомъ получила общаго мадьярскаго генералъ-старосту. Въ Лембергѣ принесли литовскому князю присягу братья Петръ и Романъ, воеводы молдаванскіе, собственно, вассалы Венгріи; митрополитъ Кипріанъ Кіевскій читалъ формулу присяги, согласно православному обряду. Въ 1390 году принесъ присягу на вѣрность второй венгерскій вассалъ князь Мирко Старый Валахскій. Въ ближайшіе годы сдѣлали то же воеводы бессарабскій и трансильванскій, и ихъ преемники повторили клятву. На сѣверѣ гналъ этихъ слабыхъ подъ защиту сильнаго страхъ передъ Тевтонско-Литовскимъ орденомъ и Москвой, на югѣ — страхъ передъ турками. Сфера вліянія Польско-Литовскаго государства простиралась уже отъ моря и до моря.

Между тѣмъ Тевтонскій орденъ пріобрѣталъ путемъ купли и договоровъ все больше земель. Онъ раздувалъ ненависть противъ Владислава Ягелла въ Римѣ и при всѣхъ европейскихъ дворахъ и, что было особенно серьезно, при всѣхъ переговорахъ взывалъ всегда къ посредничеству Германо-Римской имперіи и даже требовалъ отъ литовскаго князя повиновенія по отношенію къ послѣдней. Владиславъ фонъ Оппельнъ даже предложилъ гохмейстеру Конраду фонъ Валленроду (1391—1393) планъ раздѣленія Польши. Польша и Литва тоже, однако, не были безвинны. Въ случаѣ нужды они заключали договоры съ рыцарями и даже уступали имъ какую-либо область, но затѣмъ сердились на всякаго третейскаго судью, который, дѣйствительно, присуждалъ нѣмцамъ данную землю. Пока жива была Ядвига, отецъ которой, Людовикъ, состоялъ покровителемъ ордена, нельзя было опасаться разрыва. Но послѣ ея смерти (1399 г.) развязка не могла уже быть надолго отсрочена.

Въ особенности настаивалъ на войнѣ Витовтъ, двоюродный братъ Ягелла. Въ 1410 году Германія имѣла трехъ императоровъ: Венцеслава, Іоста и Сигизмунда и не могла, поэтому, оказать ордену помощи. Литвинъ же досталъ чешскихъ наемниковъ и обезпечилъ себѣ помощь татаръ; Витовтъ возмутилъ Самландію, хотя онъ раньше доставилъ ордену 180 заложниковъ, и этимъ несчастнымъ ничего не осталось, какъ повѣситься на дверяхъ своихъ тюремъ. Русскіе вассалы Литвы также выступили на помощь. Несмотря на все это, дѣло было не легкое. Тевтонскій орденъ, единственная тогда въ Европѣ держава, бывшая въ состояніи мобилизовать свои силы въ теченіе двухъ недѣль, обладалъ великолѣпной артиллеріей, хорошей кавалеріей и имѣлъ много наемниковъ. Въ культурномъ отношеніи онъ и тогда все еще стоялъ значительно выше Польши. Великій магистръ Ульрихъ фонъ Юнгингенъ предупредилъ Польшу и объявилъ ей войну. 15 іюля 1410 г. произошло сраженіе въ орденской странѣ при Грюнвальдѣ и Танненбергѣ; орденское войско было уничтожено. Въ первый разъ пропѣло польское войско Te Deum на польскомъ языкѣ. Главная заслуга побѣды принадлежала Витовту. Въ бою участвовали Длугошъ, отецъ знаменитаго историка, и Збигнѣвъ Олесницкій, позднѣе епископъ Краковскій и первый польскій государственный дѣятель. Современники, можетъ быть, болѣе сознавали важность этого событія, чѣмъ теперешнее поколѣніе. Іоаннъ Длугошъ нѣсколько позднѣе 1457 года требовалъ, чтобы захваченные трофеи хранились на вѣчныя времена въ церкви, и чтобы постоянно праздновалась годовщина этого событія.

Орденъ послѣ этого неоднократно пыталъ счастье, но всегда безуспѣшно. Если бы Владиславъ II Ягелло былъ истиннымъ военачальникомъ, то онъ легко могъ бы завладѣть и Маріенбургомъ: повсюду царила измѣна. Многіе члены ордена захватывали съ собой деньги и имущество и бѣжали въ Германію. Жалобы на это можно найти у продолжателя „Хроники Прусской Земли“, умершаго въ 1405 году оффиціала Ризенбургскаго (Померанскаго) Іоанна фонъ Позилге.

Несмотря на относительно благопріятный Торнскій миръ отъ 1 февраля 1411 года, распаденія ордена нельзя было болѣе остановить. Мало помогли ему и убѣдительныя просьбы коллегіи князей предъ императоромъ Сигизмундомъ о защитѣ ордена, и угрозы Польшѣ французскаго короля Карла VI.

Вмѣстѣ съ гибелью орденской мощи уничтожено было также какъ политическое, такъ и національное вліяніе Германіи на Восточную Европу. Германо-Римская имперія потеряла здѣсь свое обаяніе, тогда какъ Польша стала великой европейской державой; гуситское движеніе, напр., также стало возможнымъ лишь послѣ 1410 года. Славянское самосознаніе настолько усилилось, что даже и нѣмецкая колонизація не могла удержаться. Усиленное 1410 годомъ, вліяніе 1386 года ставило, вмѣстѣ съ тѣмъ, поворотный пунктъ также и для западныхъ и сѣверныхъ славянъ, покореніе которыхъ было бы иначе неминуемо. Событіе 1410 г. привело къ возстановленію славянства. Уже Владиславъ II Ягелло и Ядвига оказали большія услуги славянскому просвѣщенію. Если вначалѣ Ядвига основала при пражскомъ университетѣ коллегію для тѣхъ литовцевъ, которые желали изучать теологію, то затѣмъ, въ 1397 г., она выхлопотала согласіе папы Бонифація IX на учрежденіе въ Краковѣ богословскаго факультета. Въ концѣ-концовъ, она отказала свое состояніе краковскому университету, такъ что послѣдній уже въ 1400 году могъ переселиться изъ предмѣстія Кракова въ собственно городскія помѣщенія. Самъ король и высшіе сановники первыми записались на лекціи вмѣстѣ съ двумя стами слушателей. Петръ Вичъ началъ свои лекціи въ присутствіи короля. Послѣ 1410 года университетъ еще болѣе расширился и вскорѣ достигъ процвѣтанія; въ 1491 г. здѣсь изучилъ теологію и медицину, математику и астрономію Николай Коперникъ. Въ Польшѣ стали заботиться о школахъ, строили церкви, культивировали искусство.

Поморскій герцогъ Богуславъ, прежній союзникъ ордена, присягнулъ теперь польскому королю. Эрнстъ Желѣзный, герцогъ Штиріи, Каринтіи и Крайны, заключилъ оборонительно наступательный союзъ съ Польшей и женился на дочери Земка Мазовецкаго, Цимбургѣ (Цецилія или Цимбарка, ум. въ 1429 г.), возбуждавшей изумленіе „своимъ тѣлосложеніемъ, красотой и своими толстыми губами“. Она сдѣлалась въ 1415 году матерью императора Фридриха III и, благодаря этому, стала (послѣ умершей въ 1351 году графини Іоанны фонъ Пфирдтъ) второй великой родоначальницей Габсбургскаго дома; одновременно достигла она высокаго положенія и въ соединенномъ домѣ Веттиновъ, послѣ того, какъ ея дочь Маргарита (умерш. въ 1486 г.) вышла въ 1481 году замужъ за курфирста Фридриха II Кроткаго. Даже императоръ Сигизмундъ, еще до Танненбурга предпринявшій нападеніе на краковскую область, заключилъ теперь съ Польшей перемиріе, и 8 ноября 1412 года заложилъ у Владислава Ягелла тринадцать ципсскихъ городовъ. Мало того, когда чешско-гуситское движеніе достигло своего кульминаціоннаго пункта, въ Краковъ неоднократно являлись посольства съ предложеніями польскому королю и чешской короны.

Однако, всѣ эти и дальнѣйшіе успѣхи Польши разбились о личныя свойства короля. Владиславъ II Ягелло, необразованный и сладострастный, безъ энергіи и слишкомъ слабый военачальникъ, не былъ такимъ человѣкомъ, въ какомъ нуждалась великая держава со сложнымъ государственнымъ устройствомъ въ такое отвѣтственное время, хотя, какъ великій князь литовскій и какъ видимый символъ объединенія, онъ былъ очень цѣненъ, имѣя притомъ достаточно ума, чтобы приспособиться къ своему новому положенію. Впрочемъ, онъ относился ко всему слишкомъ равнодушно. Обо всемъ заботились его сановники, въ особенности епископы. И все же въ немъ замѣчался извѣстный прогрессъ, сравнительно съ тѣмъ

временемъ, когда онъ язычникомъ властвовалъ неограниченно надъ своими подчиненными. Теперь же ему приходилось управлять католическимъ народомъ, на положеніи почти конституціоннаго ограниченнаго монарха. Выросши на чужой почвѣ, онъ внутренне преобразовался. Изъ грубаго варвара получился сострадательный и даже изнѣженный человѣкъ. Своей культурностью онъ на цѣлую голову превосходилъ, напримѣръ, московскихъ князей. Окруженный блескомъ большой побѣды и будучи верховнымъ сюзереномъ многихъ князей, онъ любилъ выступать среди великолѣпія, какъ и его шуринъ Сигизмундъ, по отношенію къ которому онъ всегда обнаруживалъ извѣстную склонность.

Онъ всегда ѣздилъ со свитой изъ нѣсколькихъ сотъ рыцарей и съ эскортомъ въ 6,000—8,000 коней. Онъ отличался такой щедростью, что въ орденскихъ владѣніяхъ говорили, будто онъ получилъ польскую корону путемъ подкупа; его преемники буквально расточили потомъ богатства его короны. Владиславъ Ягелло былъ женатъ четыре раза. По смерти Ядвиги, онъ женился на дочери графа фонъ Цилли, внучкѣ Казимира Великаго и сестрѣ Варвары, которая, вступивъ въ 1408 году во вторичный бракъ съ Сигизмундомъ, умерла въ 1415 году императрицей-вдовой; далѣе, онъ былъ женатъ на Елизаветѣ Грановской и, наконецъ (1422 г.), черезъ посредство Витовта, на княжнѣ Софіи Ольжанской изъ Кіева (ум. въ 1461 г.). Ягелло умеръ 31 мая 1434 года въ Гроднѣ, почти 86 лѣтъ отъ роду.

b) Первые Ягеллоны.

Его преемники, называвшіеся по его имени Ягеллонами, царствовали въ Польшѣ до 1572 года, не какъ наслѣдственные, а какъ выборные короли. XV столѣтіе представляетъ политическій, а XVI — культурный кульминаціонный пунктъ во всей исторіи Польши.

Нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Владислава II Ягелла, оставившаго двухъ сыновей — Владислава (III) и Казимира (IV Андрея), явилось въ Польшу венгерское посольство и предложило Владиславу III, едва достигшему 15-лѣтняго возраста, корону святого Стефана: страхъ передъ турками вызвалъ это стремленіе опереться на могущественную Польшу.

На этотъ разъ совѣтовали принять это предложеніе не только сановники, принадлежавшіе къ національной партіи, но даже и краковскій епископъ Олесницкій, всемогущій руководитель польской государственной политики; дѣло вѣдь шло о борьбѣ съ невѣрными. Кромѣ того, у Польши также были интересы на югѣ. Такъ началась первая война съ османами: юный король палъ 10 ноября 1444 г. при Варнѣ. Въ 1458 году венгры, правда, выбрали королемъ Матвѣя Корвина, а чехи — Георга Подибрада. Но послѣ смерти послѣднихъ, сначала чехи въ 1471 году, а потомъ венгры въ 1490 году выборомъ Владислава (II), одного изъ сыновей Казимира, снова приняли домъ Ягеллоновъ.

Эта династія удержала короны Польши, Венгріи и Чехіи до 1426 г., когда палъ при Могачѣ Людовикъ I/II, сынъ Владислава II, послѣдній представитель чешско-венгерской вѣтви.

Болѣе важное значеніе, чѣмъ пріобрѣтенія коронъ Чехіи и Венгріи, имѣло для польскаго государства, какъ таковаго, побѣдное движеніе къ Балтикѣ. Послѣ 1410 года тевтонскіе рыцари часто пытались вернуть свои потери. Въ двадцатыхъ годахъ Польша должна была вести противъ нихъ продолжительную войну; она шла очень вяло; тѣмъ не менѣе, разложенія ордена нельзя было остановить. Мѣстныя сословія, недовольныя господствомъ рыцарей, заняли къ нимъ враждебное положеніе; союзъ ящерицъ въ 1397 году и прусскій союзъ 1440 года были явно и тайно направлены противъ ордена. Теперь они пріобрѣли смѣлость и повели дѣло къ разрыву. Послѣ того, какъ императоръ Фридрихъ III вынесъ въ

1453 году приговоръ, по которому союзъ долженъ былъ быть распущенъ, послѣдній рѣшилъ покориться польскому королю Казимиру IV (Андрею).

Въ февралѣ 1454 г. явились въ Краковъ двѣнадцать союзниковъ и предложили польскому королю завладѣть Пруссіей. Кардиналъ Олесницкій былъ противъ этого, но Казимиръ принялъ предложеніе безъ замедленій и сейчасъ же назначилъ посредника рыцарей союза ящерицъ, Ганса фонъ Байзена, губернаторомъ этой области, даровалъ прусскимъ сословіямъ береговое право и т. д. и освободилъ города отъ портоваго таможеннаго пофунтоваго налога. Орденъ, снова разбитый и даже вытѣсненный изъ Маріенбурга, вынужденъ былъ принять тяжелый второй Торнскій миръ 19 октября 1466 года. Вся западная Пруссія, съ Маріенбургомъ, Торномъ, Данцигомъ, Эльбингомъ и Кульмомъ, отошла къ Польшѣ, а за восточную Пруссію Людовикъ фонъ Эрлихгаузенъ (1449—1469) вынужденъ былъ принести польскому королю присягу на вѣрность. Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ своего избранія, каждый гохмейстеръ былъ обязанъ принести королю присягу за себя и своихъ подчиненныхъ, и за это ему было обезпечено почетное мѣсто въ польскомъ парламентѣ, слѣва отъ короля. Кромѣ Польши, гохмейстеръ могъ признать своимъ главой лишь папу и безъ согласія короля не могъ заключить никакихъ союзовъ и договоровъ. Пруссія и Польша должны были остаться на вѣчныя времена соединенными. Впредь „присоединялись къ Пруссіи къ Тевтонскому ордену и подходящія лица изъ числа подданныхъ польскаго королевства, однако, такъ, чтобы они составили не больше половины членовъ ордена; они должны, однако, допускаться и къ замѣщенію половины орденскихъ должностей“. Кромѣ того, гохмейстеръ не могъ быть лишенъ своего сана безъ вѣдома короля.

Крупный отдѣлъ исторіи Польши нашелъ въ этихъ событіяхъ свое завершеніе. „Я съ неудовольствіемъ смотрѣлъ, — говоритъ Длугошъ, — какъ польская земля была раздѣлена между различными народами, и поздравляю себя и своихъ современниковъ, что намъ суждено было дожить до возстановленія нашей страны“. Въ новыхъ владѣніяхъ Польша пріобрѣла многочисленное городское населеніе, въ которомъ сама чувствовала большой недостатокъ. Достиженіе устья Вислы и укрѣпленіе на Балтійскомъ морѣ имѣло для Польши неоцѣнимое значеніе, хотя она не сумѣла ни использовать этого обстоятельства для развитія своей торговли, ни полонизировать эти города.

B. **Внутреннее развитіе Польши и ея отношеніе къ Литвѣ.**

Важнѣе ея внѣшнихъ отношеній была для Польши ея внутренняя эволюція, т. е. развитіе государственнаго устройства молодой объединенной страны, и тогдашнее отношеніе ея къ Литвѣ. Главная задача состояла въ томъ, чтобы упрочить навсегда столь успѣшно выполненное дѣло объединенія. Разрѣшеніе этой задачи и многихъ другихъ вопросовъ выпало на долю Польши, какъ на болѣе культурную и политически болѣе развитую половину государства.

Относительно основы, на которой нужно было построить государственное устройство, не могло быть сомнѣній: католическая религія должна была стать руководящимъ началомъ, къ которому должно было приноровляться все остальное. Эта основная мысль была уже высказана въ актѣ 20 февраля 1387 г., по которому польское право распространялось лишь на литовцевъ-католиковъ; особая статья говорила даже, что оставляющій католическую вѣру теряетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ привилегіи. А чтобы церковь росла и впредь, литовцамъ-католикамъ было запрещено вступать въ бракъ съ православными; въ случаѣ же тайнаго заключенія такого брака — православныя стороны обязывались перейти въ католичество. Некатолическое населеніе было, такимъ образомъ, лишено всѣхъ правъ.

а) Витовтъ и Городельская конституція.

Однако, это само по себѣ понятное и разумное приниженіе некатолическаго населенія возбудило неудовольствіе въ литовско-русскихъ областяхъ и раздраженіе въ сосѣднихъ государствахъ. Когда Ягелло прибылъ въ 1386 году въ Краковъ, онъ, чтобы обезпечить за собой Литву, передалъ великокняжеское званіе своему брату Скиргайлу. Тѣмъ не менѣе, опасность еще существовала. Двоюродный братъ Ягелла, Витовтъ, который долженъ былъ получить одну Гродну, былъ, повидимому, крайне недоволенъ новымъ положеніемъ дѣлъ; онъ завязалъ тайныя сношенія не только съ орденомъ, но и съ великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Дмитріевичемъ и сватался за его сестру Софью. Несмотря на положительное запрещеніе короля, Витовтъ женился на своей русской невѣстѣ. Въ первый разъ повліялъ на польско-литовскія отношенія союзъ Литвы съ Москвой; различіе между римскимъ и греческимъ исповѣданіемъ сдѣлалось еще важнѣе, когда Литва стала на сторону послѣдняго. По случаю своей свадьбы, Витовтъ хотѣлъ сдѣлать внезапное нападеніе на Вильну. Ягелло, державшій подъ подозрѣніемъ даже своего брата, исповѣдывавшаго греческую вѣру, счелъ за лучшее склонить Витовта на сторону своихъ плановъ. Витовтъ находился какъ разъ въ орденской странѣ, когда епископъ Плоцкій Генрихъ явился къ нему съ тайнымъ порученіемъ отъ Ягелла. Витовтъ принялъ предложеніе, имѣлъ свиданіе съ Ягелломъ и Ядвигой въ Островѣ Волынскомъ и получилъ великокняжеское званіе, а Скиргайло былъ посланъ въ Кіевъ. Съ этого времени Витовтъ настолько остался вѣренъ католической церкви, что позднѣе папа Іоаннъ XXIII могъ даровать ему титулъ vicarius ecclesiae.

Иначе обстояло дѣло съ его вѣрностью польской коронѣ. Витовту, этому истому литовцу, несомнѣнно, не могло нравиться ни то подчиненное положеніе, которое заняла теперь его родина по отношенію къ Польшѣ, ни, можетъ быть, приниженіе православной церкви, въ которой онъ былъ воспитанъ. Большой походъ, подготовлявшійся имъ противъ т а т а р ъ, бросаетъ своеобразный свѣтъ на его политическіе планы. Онъ носился съ мыслью объединить подъ своей верховной властью русскія княжества и подъ конецъ даже Польшу подчинить Литвѣ. Но разъ онъ хотѣлъ подчинить окрѣпшую тогда Москву, то ему нужно было сокрушить могущество татаръ: онъ былъ, однако, разбитъ при В о р с к л ѣ въ 1399 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ, были похоронены его намѣренія, направленныя въ эту сторону.

Поэтому сраженіе при Ворсклѣ имѣетъ значеніе не только для Польши и Литвы, но и для всей восточной Европы. Прежде всего, оно принизило Литву въ ея отношеніяхъ къ Польшѣ. Обезкураженный Витовтъ рѣшилъ тѣснѣе укрѣпить свою связь съ Польшей и поспѣшилъ въ Краковъ къ королю. Теперь лишь было серьезно проведено соединеніе обоихъ государствъ. Въ началѣ 1401 года Витовтъ собралъ въ Вильнѣ своихъ бояръ и русскихъ вассаловъ; всѣ обязались стоять всѣми силами за Польшу и позаботиться также о томъ, чтобы, въ случаѣ смерти Витовта, всѣ его наслѣдственныя и пріобрѣтенныя владѣнія перешли къ Владиславу Ягеллу. Витовтъ возобновилъ свою присягу на вѣрность, и остальные князья послѣдовали его примѣру, только Свидригайло, какъ говоритъ орденскій хроникеръ, „ругалъ“ этотъ актъ, чтобы высказать свое неудовольствіе. Вслѣдъ за тѣмъ 11 марта собрались, въ свою очередь, въ Радомѣ польскіе сановники и дали, равнымъ образомъ, обѣщаніе помогать Литвѣ и по смерти Владислава Ягелла не выбирать никого въ короли безъ вѣдома Витовта. Если въ 1386 году была заключена личная унія, то теперь совершилось г о с у д а р с т в е н н о - п р а в о в о е о б ъ е д и н е н і е обоихъ государствъ. Выгода была при этомъ на сторонѣ Польши: Литва должна была

остаться независимой лишь при жизни Витовта, а затѣмъ ей предстояло быть инкорпорированной въ составъ польской короны.

Когда послѣ большой побѣды 1410 года исчезла угрожавшая со стороны ордена общая опасность, то, казалось, что унія порвется: Витовтъ считалъ теперь и себя одного достаточно сильнымъ. Такъ какъ въ то время польскіе политики, можно сказать, пощадили орденъ, то ихъ почти можно было заподозрить въ томъ, что они умышленно желали выставить передъ литовцами постоянную необходимость союза съ Польшей. Витовтъ со своей стороны слишкомъ высоко цѣнилъ западную культуру, чтобы не постараться заслужить ея плоды. Если же онъ хотѣлъ поднять свою страну на высоту европейскаго государства, то долженъ былъ прежде всего превратить свой народъ въ католическій. Къ тому же, въ тогдашнемъ католицизмѣ заключалась и другая чара — чара рыцарства. Витовтъ еще раньше возвелъ нѣсколько человѣкъ въ рыцари; теперь же возведеніе въ рыцарство должно было принять обширные размѣры. Толпами спѣшило польское и литовское дворянство во Городлу на Бугѣ (1413 г.). Какой-либо польскій родъ адоптировалъ литовскаго боярина — католика, который тогда пріобрѣталъ родовое имя, гербъ и всѣ права этого польскаго родоваго союза; такъ, напримѣръ, виленскій воевода Монвидъ сдѣлался членомъ рода Лелевитовъ и братомъ по гербу Яски изъ Тарнова. За личной уніей 1386 года и государственнымъ объединеніемъ 1401 года послѣдовало теперь **побратаніе** обоихъ народовъ. Кромѣ того, были повторены всѣ прежнія постановленія и настолько подготовлена была предстоящая инкорпорація Литвы въ составъ Польши, что рѣшено было принять для литовскихъ областей административное дѣленіе по образцу польскаго.

По этому поводу Владиславъ II Ягелло расширилъ главныя привилегіи **дворянства** однимъ своимъ постановленіемъ, имѣвшимъ чрезвычайно важное значеніе для будущаго. Отнынѣ всѣ польскіе и литовскіе дворяне должны имѣть право всякій разъ, когда явится въ этомъ необходимость, собираться съ согласія государей и для нуждъ страны на съѣзды и въ думы въ Люблинѣ, или въ другомъ подходящемъ мѣстѣ. Такъ получилъ законодательное признаніе польскій **парламентъ**, такъ, именно, и названный въ этомъ актѣ, и высшая политика государства передана была въ руки дворянства. Въ то время, какъ эта парламентская конституція означала для Польши расширеніе уже существовавшихъ правъ, для Литвы, управлявшейся до сихъ поръ автократически, это было нѣчто совершенно новое.

За принятіе католичества и за отказъ отъ своей политической независимости **литовцы** получили тѣ же вольности и ту же конституцію, что и поляки, къ гербамъ которыхъ они были братски пріобщены. **Пріобрѣтенное ими теперь вліяніе на дѣла всего государства** возмѣстило имъ ихъ политическія потери. На самомъ дѣлѣ: два остальныхъ завоеванія литовцевъ оказались призрачными. Въ римско-католической церкви царила тогда величайшая испорченность: вскорѣ стали ее безпокоить гуситское и протестанское движенія; при всемъ томъ, христіанство не потеряло еще всей своей силы. **Рыцарство** же все болѣе и болѣе ослабѣвало; въ силу военныхъ, экономическихъ, общественныхъ и культурныхъ основаній его уже тогда **нельзя было отстоять**. Итакъ, Литва съ трудомъ начинала вводить у себя то самое, что въ Европѣ было уже обречено на разрушеніе.

Напротивъ, съ общекультурной и исторической точекъ зрѣнія Городельская конституція чрезвычайно важна. Ея выдающееся отличіе — это преобладаніе **католицизма**. Польскіе государственные люди старались разрѣшить главный государственно-правовой вопросъ по европейскому образцу. Удалось ли имъ это? На Западѣ государственное устройство также имѣло въ своей основѣ католическій принципъ, но тамъ не было некатоликовъ; въ Польшѣ же, напротивъ, существовали рядомъ два могущественныхъ

исповѣданія. Между тѣмъ, православное исповѣданіе совсѣмъ не было принято во вниманіе и это произошло, благодаря увлеченію западно-европейскими воззрѣніями. Тогда выставляли даже тотъ политическій доводъ, что „различіе въ вѣрѣ указываетъ на различіе въ образѣ мыслей“. Впослѣдствіи это послужило источникомъ столкновеній и возмущеній.

Витовтъ еще разъ доказалъ, что своими государственными дарованіями онъ превосходитъ польскихъ политиковъ. Ему было ясно, что черезъ эту пропасть необходимо гдѣ-либо перекинуть мостъ. Онъ согласился на государственно-правовое приниженіе православнаго населенія и нашелъ исходъ въ мысли о церковной уніи. Въ прежнее время, когда какой-либо государь искалъ въ своемъ затруднительномъ положеніи поддержки куріи, могущественный Римъ думалъ лишь о полномъ принятіи католической религіи, если даже, при случаѣ, и обѣщалъ нѣкоторыя изъятія. Теперь же рѣшено было провести объединеніе обѣихъ церквей такъ, чтобы православное населеніе приняло лишь католическій членъ символа вѣры и оказывало повиновеніе папѣ, а въ остальномъ сохранило греческое богослуженіе. До распространенія гуситства съ трудомъ осмѣлились бы поставить куріи подобныя условія. Витовтъ энергично принялся за проведеніе этого плана. Прежде всего литовско-русскія области съ Кіевомъ должны были стать независимыми въ церковномъ отношеніи отъ московскихъ митрополитовъ. Въ томъ же году, когда Гусъ погибъ въ Констанцѣ на кострѣ (1415 г.), Витовтъ созвалъ въ Новгородкѣ Литовскомъ синодъ литовско-русскаго духовенства и на первомъ планѣ поставилъ провозглашеніе независимости литовско-русской церкви вмѣстѣ съ Кіевомъ. Григорій Цамблакъ, возведенный въ митрополиты кіевскіе, отправился въ 1418 году изъ Литвы въ Констанцу вмѣстѣ съ восемнадцатью викарными епископами и съ порученіемъ великаго князя заключить тамъ унію съ римской церковью. Изъ-за раздоровъ въ самой римской церкви эта унія не состоялась, но мысль о ней не исчезла. Заключенная вслѣдъ за тѣмъ въ 1439 году въ Флоренціи въ правленіе Владислава III унія является въ сущности продолженіемъ этихъ стремленій. Въ 1596 году при Сигизмундѣ III этотъ планъ былъ возобновленъ, когда состоялась унія въ Брестѣ. Но между планомъ Витовта и позднѣйшими уніями имѣется сильное различіе. Витовтъ имѣлъ въ виду лишь государственно-правовое уравненіе литовско-русскаго населенія съ католическимъ, придавая, какъ политикъ, мало значенія религіи и взявъ подъ свою защиту даже евреевъ, тогда какъ позднѣе хотѣли только оказать содѣйствіе римско-католической религіи и полонизаціи.

Вторая главная отличительная черта польской конституціи 1413 года состояла въ подчеркиваніи націонализма. Конституція Пястовъ и не говорила о другихъ націяхъ, потому что не имѣла къ тому повода. Но когда чешскій король Венцеславъ II сталъ въ 1291 году также и польскимъ королемъ, то польское дворянство заставило его, подобно такому же прецеденту при Генрихѣ II Силезскомъ въ 1239 году, издать актъ, по которому король долженъ былъ раздавать должности только полякамъ; то же случилось въ царствованіе Людовика Венгерскаго въ Польшѣ, и затѣмъ при избраніи Ягелла. Это конституціонное постановленіе воздвигло теперь стѣну между поляками и остальными народностями и укрѣпило, слѣдовательно, національно-польское самосознаніе.

Третьей особенностью польской конституціи былъ ея республиканскій духъ. Такъ какъ въ Городлѣ было только сказано, что дворянство должно собираться въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ, но не было опредѣленно установлено, кто и какъ часто будетъ ихъ созывать и въ какомъ числѣ они должны будутъ тамъ присутствовать, — то этимъ былъ предрѣшенъ республиканскій характеръ конституціи. Гдѣ бы ни собрались нѣсколько дворянъ, они уже имѣли право рѣшать государственныя дѣла: источникъ

позднѣйшихъ сеймиковъ и конфедерацій. Единообразіе государственнаго устройства было вслѣдствіе этого уничтожено. Когда въ 1540 доду была сдѣлана на самомъ сеймѣ попытка опредѣлить, по крайней мѣрѣ, число депутатовъ, то дворянство не допустило этого. Каждый дворянинъ былъ прирожденнымъ депутатомъ и обладателемъ государственной власти. Анархія, распаденіе государства получили свое начало въ Городлѣ.

Два сословія стали теперь заправлять судьбами Польши: католическое духовенство и дворянство. Крестьянское населеніе и горожане не получили рядомъ съ ними никакого значенія. Вызванное этимъ раздраженіе бюргерскаго сословія крайне вредно вліяло на промышленность и торговлю; крестьянство же должно было совершенно отступить на задній планъ. Оба сильныхъ сословія, естестественно, старались еще расширить свои привилегіи. Когда Владиславъ Ягелло хотѣлъ въ 1425 году обезпечить наслѣдованіе своихъ сыновей, то отъ него за это потребовали постановленія, чтобы въ будущемъ къ духовнымъ званіямъ допускались лишь дворяне. Это постановленіе, правда, не состоялось, такъ какъ оно противорѣчило обычаямъ самой римской церкви; но впредь люди изъ простого народа не должны были, по крайней мѣрѣ, допускаться къ пріему въ соборные капитулы Кракова и Гнѣзна. Въ 1430 г. въ Едльнѣ и въ 1433 году въ Краковѣ Ягелло даровалъ дворянству новую милость: „Мы обѣщаемъ и даемъ обѣтъ, что не прикажемъ заключить въ тюрьму ни однаго владѣющаго имѣніемъ поляка за какой-либо проступокъ и не наложимъ на него никакого наказанія, прежде чѣмъ онъ не будетъ приведенъ въ судъ и уличенъ тамъ, исключая поймавныхъ съ поличнымъ воровъ и преступниковъ, равно и людей, не могущихъ или не желающихъ представить поручительство. Никто не будетъ также лишенъ своего имущества королемъ, а только по приговору бароновъ". Это былъ польскій Habeas-corpus актъ.

Въ Литвѣ уже давно были недовольны положеніемъ, созданнымъ сліяніемъ съ Польшей. Преобладающее православное населеніе Литвы тѣмъ сильнѣе чувствовало свою религіозную и политическую приниженность, что оно вслѣдствіе этого терпѣло вредъ въ общественномъ отношеніи и несло матеріальные убытки, что́, въ концѣ-концовъ, должно было вредно повліять и въ культурномъ отношеніи. Словомъ, тамъ чувствовали, что остались, по сравненію съ Польшей, въ накладѣ. И это вызывало тѣмъ большую горечь, что еще въ 1386 году Литва занимала, по крайней мѣрѣ, втрое большее протяженіе, чѣмъ Польша. Вначалѣ оппозиція собиралась вокругъ Витовта, но поляки склонили его на свою сторону. Тогда онъ захотѣлъ устранить различія въ государственно-правовой области посредствомъ уніи. Но онъ не могъ переносить политическаго умаленія Литвы. Въ одномъ письмѣ къ Владиславу Ягеллу онъ утверждаетъ, что императоръ Сигизмундъ (злой духъ Польши, стремившійся уничтожить ея объединеніе) внушилъ ему мысль добиваться королевской короны для Литвы. И Витовтъ, дѣйствительно, дѣлалъ все, чтобы короноваться. Онъ уже пригласилъ Ягелла и многихъ сосѣднихъ князей въ Луцкъ, и императорское посольство, которое должно было привезти ему корону, достигло уже польской границы, — когда поляки закрыли дороги. Сигизмундъ и Ягелло явились въ Луцкъ, — когда неожиданно умеръ Витовтъ (27 октября 1430 года). Такъ исчезла опасность. Витовтъ, вѣроятно, менѣе стремился къ полному отдѣленію Литвы отъ Польши и званію ленника германскаго императора, а скорѣе имѣлъ въ виду уравненіе въ правахъ Литвы съ Польшей, для чего хотѣлъ использовать Германію.

b) Казимиръ IV Андрей.

Послѣ смерти Витовта польскій гнетъ еще усилился. Такъ, напримѣръ, были помѣщены польскіе гарнизоны въ Каменцѣ и въ другихъ по-

дольскихъ крѣпостяхъ, и великій князь литовскій Сигизмундъ долженъ былъ отъ имени Литвы отказаться отъ Подоліи и даже выдать важнѣйшія крѣпости Волыни. Болѣе того: поляки требовали, чтобы всѣ новыя территоріальныя завоеванія Литвы дѣлались только отъ имени польской короны. Наконецъ, при внѣшнихъ сношеніяхъ Литва почти совершенно отступила на задній планъ. Недовольные сгруппировались вокругъ личности Свидригайла, и оппозиція нашла поддержку у Москвы. Тогда въ Польшѣ рѣшились на войну, и Свидригайло, разбитый въ 1435 году, долженъ былъ признать польское верховенство. Но оппозиція этимъ не была еще устранена: ея главою выступилъ теперь самъ великій князь Казимиръ, братъ короля Владислава III. Флорентинская унія 1439 года, надъ выполненіемъ которой трудились польскіе политики (епископъ Олесницкій получилъ за это кардинальскую шапку), должна была вызвать въ литовско-русскихъ областяхъ тѣмъ большую злость, что король Владиславъ III, по предложенію кардинала, даровалъ въ 1443 году уніатскому духовенству тѣ же права, которыми пользовалось латинское духовенство.

Послѣ того, какъ Казимиръ IV Андрей сталъ въ 1447 году польскимъ королемъ, онъ не измѣнилъ своего литовскаго образа мыслей. Онъ скорѣе стремился измѣнить государственное устройство, недостатки котораго ясно сознавалъ. Большое безпокойство внушило ему преобладаніе католическихъ церковныхъ князей, именно, высокомѣрное поведеніе Олесницкаго, который былъ истиннымъ творцомъ этой конституціи и пытался оставить въ тѣни самую корону. Умѣло использовавъ расколъ, раздиравшій тогда римскую церковь, Казимиръ принудилъ папу Феликса V отказаться отъ исключительнаго права назначенія церковныхъ сановниковъ Польши. Отнынѣ король доженъ былъ замѣстить въ теченіе шести лѣтъ шестьдесятъ первыхъ должностей: вслѣдствіе этого былъ устраненъ выборъ капитуловъ, и на высшія духовныя мѣста могли быть назначены угодныя королю лица. Казимиръ IV издалъ также постановленіе, по которому прелаты, какъ землевладѣльцы, обязаны были отбывать воинскую повинность, чѣмъ былъ дополненъ военный уставъ Казимира Великаго.

Король думалъ также сокрушить могущество дворянства; онъ одновременно твердо рѣшился не обдѣлить Литвы въ пользу Польши: онъ относился къ литовцамъ съ любовью и окружалъ себя ими. Когда мы узнаемъ, какъ онъ ладилъ съ чехами и гуситами; какъ въ 1449 году, въ качествѣ великаго князя литовскаго, онъ заключилъ дружественное соглашеніе съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ противъ общихъ враговъ — второй договоръ Литвы съ Москвой, заключенный въ духѣ Витовта; какъ они обезпечивали себѣ опеку надъ своими дѣтьми и даровали другъ другу свободный торговый обмѣнъ; какъ Казимиръ осмотрительно регулировалъ свои границы съ Москвой, — когда мы все это узнаемъ, то должны заподозрить, что Казимиръ искалъ союза съ Москвой, чтобы крѣпче выступить противъ Польши и оказаться въ состояніи улучшить конституцію. Теперь онъ медлилъ съ утвержденіемъ польскихъ привилегій, хотѣлъ возбудить противъ кардинала процессъ о государственной измѣнѣ, окружилъ себя молодыми товарищами по убѣжденіямъ и содѣйствовалъ появленію сочиненій о необходимости измѣнить конституцію; мало того, онъ даже грозилъ возстановленіемъ сѣкиры палача, чтобы показать своимъ сановникамъ, что не они — хозяева государства. Онъ первый сталъ покровительствовать мелкому дворянству, чтобы использовать его противъ магнатовъ: это повело позднѣе къ измѣненію конституціи. Въ Литвѣ поговаривали о необходимости завоевать силою оружія Подолію, и озлобленіе между Литвой и Польшей достигло вскорѣ такой напряженности, что въ 1456 г. стало угрожать открытымъ отпаденіемъ Литвы.

Если бы Казимиръ дѣйствовалъ настойчиво, то онъ бы, навѣрное, имѣлъ успѣхъ; но нужда въ деньгахъ принудила его къ уступчивости.

Польша находилась тогда какъ разъ наканунѣ войны съ орденомъ; собравшаяся же въ окрестностяхъ Цереквика шляхта не хотѣла идти въ походъ, прежде чѣмъ не будутъ подтверждены ея привилегіи. Казимиръ и самъ тоже нуждался въ деньгахъ, такъ какъ хотѣлъ жениться на Елизаветѣ, сестрѣ венгерскаго короля Владислава Постума, и по законамъ страны долженъ былъ внести приданое за королеву. Поэтому въ 1453 году король вынужденъ былъ уступить и на Петроковскомъ съѣздѣ вручить ненавистному кардиналу конституціонную присягу въ присутствіи двѣнадцати рыцарей и двѣнадцати бароновъ. Въ то же время королевская власть была здѣсь еще болѣе ограничена тѣмъ, что къ королю приставили четырехъ совѣтниковъ, безъ одобренія которыхъ никакое королевское распоряженіе не должно было имѣть законной силы. За этимъ первымъ пораженіемъ короны при преемникахъ Казимира послѣдовали и другія.

На этомъ же Петроковскомъ съѣздѣ было также рѣшено, что парламентъ долженъ былъ впредь обсуждать дѣла въ двухъ отдѣльныхъ другъ отъ друга группахъ: въ собраніи высшихъ сановниковъ (Consiliarii, barones, proceres) и на съѣздѣ прочаго дворянства. Съ этого времени въ Польшѣ были, такимъ образомъ, двѣ палаты: палата магнатовъ и рыцарская. Въ 1468 году Казимиръ ввелъ третье новшество. Чтобы охотнѣе вносились подати, онъ приказалъ избирать каждые два года по два уполномоченныхъ отъ каждой провинціи, которые должны были представлять свои области въ качествѣ земскихъ депутатовъ, но на собраніи земскихъ депутатовъ могли добровольно принимать участіе и другіе дворяне. Земская изба (изба посельска) и камера магнатовъ, называвшаяся также сенатомъ, обсуждали дѣла независимо другъ отъ друга; обѣ вмѣстѣ составляли парламентъ (сеймъ вальный). Такъ какъ земскіе депутаты должны были отдавать дома отчетъ о своей дѣятельности (сеймики релячные) и получали инструкціи отъ своихъ областей, то они („нація") имѣли въ своихъ рукахъ всю государственную власть: демократія, построенная на широчайшихъ слояхъ шляхты.

Со времени Казимира можно наблюдать два теченія въ польской государственной жизни: большинство дворянства стремилось къ расширенію своихъ вольностей, тогда какъ вторая партія имѣла цѣлью усиленіе королевской власти и ограниченіе личной свободы. По всей Европѣ шелъ тогда этотъ споръ. Современникомъ Казимира былъ Флорентинецъ Никколо Маккіавелли (1469—1527 г.), создавшій въ своемъ „Principe", отправленномъ въ 1514 году Лоренцо де Медичи, настольную книгу для государей, которыхъ онъ хотѣлъ научить искусству пріобрѣсти неограниченную власть. При польскомъ дворѣ жилъ представитель этой школы гуманистъ Филиппо Буонаккорей (ум. въ 1496 году, извѣстенъ подъ своимъ учено-академическимъ именемъ Callimachus Experiens), которому Казимиръ поручилъ, такъ же какъ Іоанну Длугошу, воспитаніе своихъ дѣтей. Но въ то время, какъ во многихъ европейскихъ государствахъ побѣдило монархическое направленіе, въ Польшѣ все болѣе усиливались республиканскія стремленія.

c) Польское законодательство при сыновьяхъ Казимира IV.

Сынъ и пріемникъ Казимира Іоаннъ I Альбрехтъ смѣло взялся за выполненіе отцовскаго плана, но, въ концѣ-концовъ, потерпѣлъ также неудачу. Говорятъ, что онъ имѣлъ въ виду не болѣе не менѣе, какъ государственный переворотъ, чтобы сокрушить дворянство и укрѣпить монархическую власть. Онъ правилъ безъ сената. Послѣ смерти примаса Олесницкаго Іоаннъ Альбрехтъ посадилъ на архіепископскій престолъ своего брата Фридриха. Онъ ввелъ при дворѣ большую пышность и по возможности затруднилъ туда доступъ магнатамъ. Онъ заключилъ со

своимъ братомъ Владиславомъ (II) чешскимъ и венгерскимъ (ум. въ 1516 г.) договоръ, по которому оба обязывались взаимно поддерживать другъ друга „въ случаѣ могущаго быть возстанія подданныхъ или ихъ попытки ограничить королевскую власть“. Вѣрнѣйшимъ средствомъ поднять свою власть казалась ему побѣдоносная война: нужно было отнять Молдавію у его младшаго брата Сигизмунда. Въ 1494 году собрались въ Лейтшау венгерскомъ всѣ Ягеллоны, кромѣ Александра литовскаго, чтобы переговорить объ этомъ походѣ. Впрочемъ, они имѣли и другія основанія сблизиться другъ съ другомъ, такъ какъ въ 1490 году Габсбурги заключили съ Москвой союзъ противъ Польши. Ополченіе созывалось подъ предлогомъ войны съ турками. Тогда случилось то же, что и при Казимирѣ: дворянство не желало отпустить средствъ, и Альбрехтъ оказался вынужденнымъ гарантировать на Петроковскомъ сеймѣ 1496 года широкія преимущества. Сверхъ того онъ потерпѣлъ въ 1497 г. при Казьминѣ въ Буковинѣ страшное пораженіе.

Новой и въ то же время ужасной чертой законодательства, вынужденнаго въ 1496 году у Іоанна Альбрехта настояніями шляхты, было то, что король формально выдалъ дворянству сельское населеніе. Гнетъ шляхты, должно быть, былъ великъ, если на сеймѣ могли раздаваться жалобы, что земледѣльцы массами оставляютъ свои земельные участки, и деревни пустѣютъ. На основаніи постановленій Казимира Великаго (ограничившаго переселеніе въ такой мѣрѣ, что только крестьянинъ, имѣвшій болѣе одного сына, могъ посылать одного изъ сыновей въ школу или въ городъ на промыслы, и то только съ дозволенія своего помѣщика) теперь былъ изданъ законъ, чтобы впредь изъ каждой деревни могъ ежегодно выѣзжать только одинъ человѣкъ. Это ограниченіе было смягчено только въ 1501 году. Другая статья воспрещала бюргерамъ пріобрѣтать и владѣть имѣніями на основаніи земскаго права. Далѣе, было ограничено вступленіе недворянъ въ церковную іерархію. Если раньше не допускали недворянъ къ высшимъ должностямъ при соборныхъ церквахъ въ Гнѣзнѣ, Краковѣ, Познани и Плоцкѣ, то теперь лучшіе посты, вообще, предназначались, за исключеніемъ иностранцевъ, лишь прирожденнымъ дворянамъ. Оба эти постановленія были сдѣланы яко бы для увеличенія военной силы. Разъ, по смыслу военнаго устава Казимира Великаго, къ воинской повинности были обязаны лишь дворяне-землевладѣльцы, то нужно было въ интересахъ оборонительной силы страны закрыть доступъ недворянамъ къ церковнымъ должностямъ и воспретить имъ покупку дворянскихъ имѣній, потому яко бы, что они уклонялись отъ воинской повинности. Только извѣстные приходы могли быть отдаваемы „плебеямъ“. Еще несправедливѣе были постановленія о таксаціи продуктовъ сельскаго населенія. Каждый воевода долженъ былъ при помощи старостъ опредѣлять въ своемъ воеводствѣ мѣру и цѣну земледѣльческихъ и промышленныхъ продуктовъ крестьянъ: хлѣба, сукна и другихъ предметовъ: отягченіе, восходящее еще къ 1423 году. Столь же суровы были статьи о рабочихъ: имъ было воспрещено уходить во время жатвы въ Пруссію и Силезію, дабы въ Польшѣ не было недостатка въ рабочихъ рукахъ, и заработная плата не могла повышаться. Нищіе должны были употребляться при постройкѣ крѣпостей на турецкой и татарской границахъ. Законодательный актъ 1496 года характерно разсказываетъ, „что въ прославленномъ польскомъ государствѣ встрѣчается больше нищихъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было“. Бѣдное населеніе массами бѣжало въ тѣ безхозяйныя земли на Днѣпрѣ, гдѣ еще можно было найти свободу и достойное человѣческое существованіе: здѣсь въ воинскихъ предпріятіяхъ противъ османовъ и татаръ оно нашло себѣ подходящее занятіе. Изъ этихъ людей возстали потомъ мстители за гнетъ на родинѣ.

Тотъ же характеръ носитъ законодательство при братьяхъ Альбрехта, Александрѣ I (1501—1506 г.) и Сигизмундѣ Старомъ или Великомъ (1506—

Incipit ordo ad regem
benedicendum conse-
crandum et coronan-
dum quando novus
a Clero et populo in Re-
gem sublimatur. & pri-
mo antequam exeat de
thalamo induatur ve-
stibus cum orationibus

infrascriptis ante in-
dumentum dicat ps.
Quare fremuerunt
gentes et timor
domini permanens
usque ad finem. et statim
induatur. Primo in-
duatur tunica dicens
Ut diligam iusticiam

Исторія человѣчества. V
Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Коронованіе короля польскаго Александра I въ Краковѣ, въ 1501 г.

(Изъ требника краковскаго соборнаго настоятеля, впослѣдствіи епископа плоцкаго, Эразма Ціолека въ библіотекѣ кн. Чарторыйскаго въ Краковѣ.)

Коронованіе короля польскаго Александра I въ Краковѣ въ 1501 году.

Изображенное здѣсь коронованіе Александра I, второго сына Ягеллона Казиміра IV, было совершено въ Маріинской церкви въ Краковѣ. Художникъ изобразилъ тотъ моментъ, когда на голову избраннаго и колѣнопреклоненнаго передъ алтаремъ короля архіепископъ Гнѣзненскій возлагаетъ корону. По обѣ стороны короля стоятъ колѣнопреклоненные епископы Познанскій и Краковскій, слѣдовавшіе тотчасъ за архіепископомъ въ церковной іерархіи Польши и вмѣстѣ съ нимъ совершавшіе обрядъ коронованія. Въ сторонѣ отъ алтаря стоятъ еще три епископа: быть можетъ это епископы Куявскій, Виленскій и Плоцкій. Справа, слѣва и посерединѣ находятся хранители регалій: одинъ держитъ въ рукахъ скипетръ, другой державу, третій мечъ. Слѣва, въ углу стоитъ юный клирикъ съ крестомъ. Далѣе, по правую сторону отъ алтаря, видны представители религіозныхъ орденовъ. Справа, передъ алтаремъ, въ средней части церкви, помѣщаются знатныя дамы: одна изъ нихъ, стоящая отдѣльно и ближе къ серединѣ на обособленномъ мѣстѣ, повидимому — королева. Въ нижнемъ углу картины видна публика.

Въ виду того, что корона изображена здѣсь иначе, чѣмъ на другихъ историческихъ польскихъ картинахъ, — въ томъ числѣ на одной съ изображеніемъ того же короля Александра, — а также въ виду того, что размѣщеніе епископовъ по одну сторону алтаря едва ли было въ обычаѣ, можно предположить, что художникъ, какъ это подкрѣпляется другими соображеніями, не былъ ни очевидцемъ событія, ни духовнымъ лицомъ. Онъ распланировалъ картину такимъ образомъ, что лѣвая сторона осталась пустою, и всѣ изображенные фигуры и предметы сгруппированы по правой сторонѣ. Только этимъ можно объяснить и то обстоятельство, что желѣзная рѣшетка, которая конечно отдѣляла середину церкви отъ всего предалтарнаго пространства, здѣсь безъ всякихъ внутреннихъ основаній изображена лишь въ видѣ небольшой части съ правой стороны. Несмотря на все это, интересная миніатюра имѣетъ большое историческое и художественное значеніе.

Подпись:

Incipit ordo ad regem benedicendum consecrandum et coronandum, quando novus a Clero et populo in Regem sublimatur et primo, antequam exeat de thalamo, induatur vestibus cum orationibus infra scriptis; ante indumentum dicatur prius;

Quare fremuerunt gentes? et timor domini, permanens usque ad finem,

et statim induatur. Primo induatur tunica dicens:

Ut diligam iustitiam ...

Переводъ:

Когда духовенствомъ и мірянами новое лицо возведено въ короли, тогда начинается обрядъ благословенія, помазанія и коронованія короля. И прежде всего, до выхода короля изъ его покоевъ, онъ долженъ быть облаченъ въ королевскія одѣянія при произнесеніи нижеуказанныхъ молитвословій. Передъ облаченіемъ читается:

„Зачѣмъ мятутся народы?“ (псаломъ 2, 1) и „Страхъ Господень“ (Заповѣди Соломона 14, 27.) до конца и послѣ этого совершается облаченіе. Прежде всего надѣвается туника при чемъ король говоритъ:

„Чтобы я любилъ справедливость“ (премудрость Сол. 1, 1) ...

История человечества. V

Т-во „Просвѣщеніе"

Коронованіе короля польскаго Александра I въ Краковѣ, въ 1501 г.

(Изъ требника краковскаго соборнаго настоятеля, впослѣдствіи епископа плоцкаго, Эразма Циолка въ библіотекѣ кн. Чарторыйскаго въ Краковѣ.)

1548). Сеймы стремились еще болѣе ограничить королевскую власть. Такъ, напримѣръ, слѣдуетъ отмѣтить постановленіе, по которому король самъ ничего не рѣшаетъ, а только ведетъ совѣщанія сената, ибо лучше олигархическое, „чѣмъ монархическое правленіе“. Далѣе, извѣстное постановленіе Nihil novi заявляло, что король не можетъ впредь вводить ничего новаго безъ согласія сената и земской палаты: усиленіе постановленій 1453 и 1454 годовъ. Званія должны были раздаваться не по произволу короля, а по служебному старшинству. Важныя послѣдствія имѣло также постановленіе сейма 1504 года, согласно которому король могъ закладывать или дарить коронныя имѣнія лишь съ вѣдома сейма и съ согласія сената. Замѣчательны постановленія, которыя имѣли цѣлью увеличеніе военныхъ силъ государства. Они несомнѣнно достигли бы цѣли, если бы были осуществлены. Именно теперь не только были привлечены къ военной службѣ городскіе бюргеры, владѣвшіе имѣніями, но и каждый десятый изъ сельскаго населенія призывался въ милицію (посполитое рушеніе), которая тогда клалась въ основу военной организаціи государства; этимъ дѣломъ неоднократно занимались позднѣе сеймы при Сигизмундѣ. Въ его царствованіе была еще болѣе ограничена свобода переселенія крестьянъ, и послѣдніе были отданы въ исключительную зависимость отъ помѣщиковъ, а вотчинный судъ былъ расширенъ. Въ Мельниковскихъ законодательныхъ постановленіяхъ 1501 года [которыя, правда, отсутствуютъ въ Volumina legum Яна Ласскаго (Іоганнесъ а Ласко) 1466—1531)] сказано, что если король будетъ преслѣдовать кого-либо безъ вины, не станетъ придерживаться постановленій Совѣта и будетъ дѣйствовать противъ блага государства, то вся страна свободна отъ присяги и должна считать короля тиранномъ и врагомъ.

Подобныя событія не могли произвести въ Литвѣ хорошаго впечатлѣнія. Когда братъ Іоанна Альбрехта, Александръ, сдѣлался великимъ княземъ литовскимъ, то это произошло безъ согласія Польши. Унія, слѣдовательно, формально не существовала болѣе. Мало того, Александръ пошелъ по стопамъ Витовта и Казимира, также сблизившись съ Москвой. Только война съ орденомъ быстро снова связала въ 1499 году обѣ стороны.

8. Россія отъ 1260 г. до ея вступленія въ семью европейскихъ государствъ.

Во время татарскаго владычества на мѣсто Владимира въ Суздальскомъ княжествѣ резиденціей великихъ князей и центромъ Руси стала Москва, лежащая на западъ отъ Владимира, на рѣкѣ Москвѣ. По справедливому мнѣнію Карамзина, великіе князя, принявъ скромный титулъ ханскихъ слугъ, сдѣлались мало-по-малу сильными властителями. Этимъ было положено основаніе возвышенію на Руси неограниченной власти, а семья московскихъ князей дѣйствовала здѣсь, какъ и раньше во Владимирѣ, вполнѣ сознательно. Они были отвѣтственны передъ ханомъ за общественное спокойствіе на Руси, и, чтобы избавиться отъ мученій татарскихъ сборщиковъ податей, взяли на себя, въ качествѣ генеральныхъ откупщиковъ хана, взиманіе налоговъ со всей Руси, и вслѣдствіе этого получили возможность безцеремонно обращаться со своими подданными и съ другими князьями и не знали пощады, такъ какъ сами не находили ея въ Сараѣ. Остальные самостоятельные князья стали терять свое значеніе; вѣче и боярство уже не имѣли силы. Все склонялось передъ великими князьями московскими изъ страха передъ монголами. Положеніе ханскихъ откупщиковъ создавало для московскихъ князей не только финансовую, но и политическую силу. Татарская дань взымалась Москвой, и тогда, когда не было необходимости внести ее татарамъ; народъ платилъ ее безропотно. Благодаря этому обстоятельству, Москва всегда располагала

большими денежными суммами, и Русь уже съ XIV столѣтія привыкала видѣть въ ней свою главу.

Нерадостное явленіе представляли эти московскіе князья XIV, XV и XVI столѣтій, суровые, самовластные, не боявшіеся никакого средства, если оно вело къ власти. Намъ непріятно теперь читать разсказы о покорности и низкопоклонничаніи большинства изъ нихъ передъ монголами. Но это было вѣдь государственной необходимостью, и не надо забывать, что политика не знаетъ чувствъ. Вѣдь литовцы, а затѣмъ поляки хотѣли заключать, и дѣйствительно, заключали союзы съ татарами противъ Руси. Только такіе безпощадные и безжалостные, но умные государи, какими были московскіе князья, и могли спасти Русь изъ ея совершенно безвыходнаго и безпомощнаго положенія передъ монголами и другими сосѣдями.

A. Москва отъ Даніила Александровича до Василія II включительно (1263—1463).

Первымъ княземъ московскимъ (съ 1248 г.) считаютъ младшаго брата Александра Невскаго, Михаила Храбраго. Истиннымъ основателемъ княжества былъ, однако, сынъ Невскаго, Даніилъ (1263—1303 г.), получившій Москву въ удѣлъ. Онъ расширилъ свои владѣнія, основывалъ монастыри, заботился о подъемѣ торговли и устроилъ по Москвѣ-рѣкѣ хорошій водный путь. Послѣ своей смерти (1303 г.), онъ оставилъ своимъ сыновьямъ Юрію Даніиловичу и Ивану (1328—1341 г.) уже порядочно округлившееся княжество, которое они еще болѣе расширили. Юрій былъ первымъ московскимъ княземъ, выступившимъ въ 1304 года, по смерти своего дяди, великаго князя владимірскаго Андрея Александровича, соискателемъ на великокняжеское достоинство; однако, его второй дядя Михаилъ Тверской, какъ старшій въ княжеской семьѣ, имѣлъ на это больше правъ. Оба отправились къ своему верховному повелителю въ Сарай и старались осилить другъ друга посредствомъ подкупа и интригъ. Такъ возгорѣлась междоусобная война между Москвой и Тверью, продолжавшаяся почти тридцать лѣтъ, повлекшая за собою отвратительныя злодѣянія и стоившая жизни нѣсколькимъ князьямъ. Въ концѣ-концовъ, побѣдила Москва. Юрій, женившійся въ 1315 году на Кончакѣ, любимой сестрѣ хана Узбека, сдѣлался великимъ княземъ. Иванъ I, прозванный Калитой по своей денежной сумкѣ, которую онъ носилъ съ собой для раздачи милостыни, сумѣлъ склонить на свою сторону церковь и побудилъ владимірскаго митрополита Петра переѣхать въ Москву; преемникъ Петра, Ѳеогностъ, тоже жилъ въ Москвѣ, которая съ 1328 года получаетъ значеніе стольнаго города. Ни одинъ русскій князь не ѣздилъ такъ часто въ Орду, какъ Калита.

Онъ такъ расположилъ къ себѣ монголовъ, что они предоставили ему самостоятельно завѣдывать дѣлами своего княжества и даже отдали въ его распоряженіе свой же военный отрядъ. На много лѣтъ воцарилось тогда на Руси спокойствіе. Сліяніе обоихъ народовъ дѣлало поразительные успѣхи. Эта политика была тѣмъ плодотворнѣе, что тогда на кипчакскомъ тронѣ сидѣлъ могущественный Узбекъ (1312—1340 г.). Калита самъ велъ большую торговлю, а покровительство Узбека и обширность монгольскаго царства благопріятствовали русской торговлѣ. Сборъ дани съ Руси Иванъ взялъ на себя.

Этой же политикѣ слѣдовали его сыновья, Симеонъ Гордый (1341—1353 г.) и Иванъ II (1353—1354). Симеонъ осмѣлился уже принять титулъ „великаго князя всея Руси“. Наступили другія времена. Великій князь былъ прежде для всѣхъ остальныхъ князей „отцомъ“ или „старшимъ братомъ“—теперь же онъ сталъ для всей своей родни „хозяиномъ“, „господиномъ“, и его руку почувствовали всѣ. Когда Новгородъ, попавшій въ

зависимость отъ Москвы, захотѣлъ отъ нея освободиться, онъ былъ сурово наказанъ, и на него была наложена обязанность, чтобы въ будущемъ его городскія власти на колѣняхъ и босыми просили милости князей. Въ этомъ уже замѣтно вліяніе монгольскихъ нравовъ. Насколько необходима была, однако, эта строгость, показываетъ правленіе его брата Ивана II, слабость котораго снова сдѣлала сомнительными всѣ достигнутые уже успѣхи.

Тѣмъ не менѣе, положеніе Руси улучшилось. Въ то время, какъ московскіе князья постепенно объединяли въ своихъ рукахъ русскую землю, монгольское царство начало распадаться. Отдѣльныя части ихъ обширнаго государства сдѣлались подъ властью особыхъ хановъ независимыми отъ Сарая: произошло, слѣдовательно, то же, что нѣкогда привело Русь къ гибели. Сынъ Ивана II, Дмитрій Ивановичъ (1362—1389), могъ уже позволить себѣ противиться волѣ татаръ и управлять Русью по своему благоусмотрѣнію; въ 1376 году онъ даже обложилъ данью двухъ татарскихъ удѣльныхъ князей. Побѣдивъ въ томъ же году намѣстника дѣятельнаго хана Мамая, онъ воскликнулъ: „Съ нами Богъ; ихъ время прошло“. Но дѣло не зашло еще такъ далеко. Мамай привелъ съ собой сильное войско и заключилъ въ то же время союзъ съ литовскимъ княземъ Ягелло. Дмитрію также удалось объединить вокругъ себя нѣсколькихъ князей; онъ укрѣпился молитвой въ Успенскомъ соборѣ и въ обители святого отшельника Сергія прежде, чѣмъ отправиться на войну.

Всѣ живо чувствовали, что дѣло идетъ о войнѣ за религію. Мамай грозилъ разрушить всѣ церкви и обратить Русь въ исламъ. Сраженіе произошло 8 сентября 1380 г. на Куликовомъ полѣ (у впаденіи Непрядвы въ Донъ); оно окончилось въ пользу русскихъ. Пятнадцать руссихъ князей остались на полѣ чести. Дмитрій получилъ прозвище Донского, побѣдителя на Дону. Въ самый день сраженія, Ягелло литовскій отстоялъ отъ татаръ лишь на нѣсколько миль пути; его соединеніе съ Мамаемъ, навѣрное, дало бы дѣлу другой исходъ.

Радость отъ этой первой побѣды была велика; Москва, новая владычица Руси, получила здѣсь свое боевое крещеніе. Если, несмотря на это, татарское иго еще долго не могло быть свергнуто, то все же обнаружилось, что въ продолженіе своего долгаго рабства русскіе не разучились бороться за свою свободу и честь. Теперь они увидѣли, что монголовъ можно побѣдить, и это подняло ихъ духъ и укрѣпило нравственныя силы.

Столь же важнымъ для объединенія Руси было установленное Дмитріемъ правило, законодательнымъ путемъ вводившее право первородства. Не старшій въ родѣ, а старшій сынъ великаго князя долженъ былъ теперь наслѣдовать отцу. Этотъ законъ, о подробностяхъ котораго мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, не устранилъ, правда, окончательно семейныхъ раздоровъ въ княжескомъ домѣ, но, на счастье Руси, ограничилъ ихъ. Сынъ Донского, Василій I Дмитріевичъ (1389—1425), вступилъ на престолъ уже согласно этому порядку наслѣдованія.

Еще одинъ только разъ началась при преемникѣ Василія I, Василіи II Васильевичѣ (1425—1462), борьба между поборниками стараго сеньората и сторонниками вновь установленнаго права первородства. Противъ внука Дмитрія Донского выступилъ, именно, Юрій Дмитріевичъ; — племянникъ боролся съ дядей. Посланецъ Москвы спасъ въ Сараѣ дѣло своего господина рѣчью, которая характеристична для тогдашнихъ отношеній. „Могучій царь!“ — обратился въ 1431 году бояринъ Всеволожскій къ Улу Махмету, „дозволь слово мнѣ, рабу великаго князя. Мой государь, великій князь, проситъ твоего утвержденія, твоего ярлыка на великокняжескій тронъ, который составляетъ твою полную собственность, не на основаніи какого-либо права, а только по твоей милости. Ты распоряжаешься имъ по своему благоусмотрѣнію. Князь же Юрій Дмитріевичъ, его дядя, напротивъ, тре-

буетъ великокняжескаго званія въ силу постановленія и послѣдней воли своего отца, но не какъ милости твоего всемогущества“. Это подѣйствовало; ханъ приказалъ, чтобы Юрій впредь водилъ за узду лошадь своего племянника. „Такъ въ этомъ соперничествѣ князей въ низкопоклонствѣ призъ былъ присужденъ Москвѣ“.

Съ этого времени, прежняя столица Руси, Владимиръ потерялъ послѣдній остатокъ своего величія. Борьба между дядей и племянникомъ продолжалась, несмотря на рѣшеніе хана. И тогда-то обнаружилось, какъ преданъ былъ народъ своему князю. Когда Василій, вытѣсненный своимъ дядей, получилъ Коломну, отданную ему для пребыванія тамъ, то москвичи массами, оставляли свой городъ и шли къ нему въ Коломну. Дядя, не могшій удержаться въ столицѣ, добровольно пошелъ на уступку. И когда Василій II снова въѣзжалъ въ Москву, то, по словамъ лѣтописи, народъ тѣснился къ нему, какъ пчелы къ своей царицѣ. Василій умеръ 17 марта 1462 года, ослѣпленный (отсюда его прозвище „Темный“) въ 1446 году однимъ изъ сыновей Юрія.

B. Собираніе Руси при Иванѣ III до Ивана IV включительно (1462—1584 г.).

Упадокъ татарскаго могущества сдѣлалъ возможнымъ укрѣпленіе Руси. Послѣдовательная, неутомимая политика московскихъ князей принесла хорошіе плоды. Ихъ цѣлью было свергнуть иго и „собрать“ всѣ нѣкогда принадлежавшія Руси земли, т. е. снова объединить ихъ въ одно цѣлое. Иванъ III, вступившій уже на престолъ „самодержцемъ“, его сынъ Василій III (1505—1533 г.) и внукъ Иванъ IV (1533—1584), прозванный Грознымъ, совершили это собираніе Руси, хотя они менѣе всего были военными героями.

а) Иванъ III.

Иванъ III, значительнѣйшій изъ нихъ, былъ образцомъ московскаго владыки, холоднымъ, безсердечнымъ и осмотрительнымъ политикомъ. Рѣшительное вліяніе на его политику оказалъ его второй бракъ на Софіи (Зоѣ), племянницѣ послѣдняго византійскаго императора, воспитанной въ Римѣ при папскомъ дворѣ. Вопросъ объ этомъ бракѣ возбудилъ впервые кардиналъ Іоаннъ (Базилій) Виссаріонъ, гуманистъ и другъ уніи. Уже въ 1469 году было сдѣлано это предложеніе имѣвшему тогда 29 лѣтъ отъ роду великому князю, и бояре съ воодушевленіемъ откликнулись на это. Въ 1472 году Софія совершила въѣздъ въ Москву въ сопровожденіи многихъ своихъ земляковъ и папскаго легата Антоніо, а вмѣстѣ съ ней водворился при русскомъ дворѣ другой духъ. Прежде всего, это она восчувствовала всю унизительность татарскаго ига. Москва смотрѣла теперь на себя, какъ на наслѣдницу Византіи, и Иванъ принялъ двухглаваго византійскаго орла въ качествѣ новаго русскаго герба. Кругозоръ русской политики расширился: отнынѣ Русь считалась центромъ и представителемъ православія. Москва взяла на себя защиту греческихъ христіанъ на Востокѣ и даже вела войны во имя этой идеи, которая въ XVIII и XIX столѣтіяхъ претворилась въ дѣло въ ущербъ османамъ. Папство, посылая въ Россію дочь Палеолога, носилось, правда, съ планомъ склонить къ Риму всю Русь; но хитрость русскихъ князей свела всѣ эти планы на нѣтъ. Иванъ извлекъ изъ своего брака всѣ возможныя выгоды, ничего не давъ взамѣнъ. Уже самый въѣздъ римскаго легата въ Москву былъ пораженіемъ для Рима: легатъ долженъ былъ удалить серебряное распятіе, которое онъ велѣлъ нести впереди себя, и выдержать диспутъ съ ученымъ русскимъ монахомъ, что доставило ему одну только досаду. Сама Софія, вступивъ на русскую почву, забыла, казалось, и свое римское воспитаніе, и благодѣянія папы.

Именно, Софія научила своего мужа „овладѣть тайной самодержавія“. Иванъ дѣйствовалъ теперь совершенно иначе, чѣмъ прежніе великіе князья. Онъ предсталъ передъ русскими, какъ страшный мстительный Богъ и рядомъ съ именемъ „великаго“ получилъ также прозваніе „Грознаго“ (однако, это прозвище болѣе подходитъ къ Ивану IV). Онъ былъ щедръ на смертныя казни и пытки. Когда Иванъ послѣ обѣда засыпалъ, бояре боязливо дежурили при немъ; женщины падали въ обморокъ отъ одного его взгляда. Почти съ восточной надменностью выступалъ онъ передъ иностранными государями. Когда татарскій ханъ Ахметъ послалъ къ нему посольство съ своимъ портретомъ, требуя дани, Иванъ растопталъ портретъ хана ногами и велѣлъ убить всѣхъ пословъ кромѣ одного, который долженъ былъ принести эту вѣсть въ Орду. Съ монгольскими послами онъ велъ переговоры только черезъ второстепенныхъ чиновъ. Словомъ, поведеніе великаго князя указывало на безмѣрное властолюбіе. Онъ правилъ безъ бояръ; когда одинъ изъ нихъ сталъ жаловаться, что великій князь самъ все рѣшаетъ, то былъ обезглавленъ. Герберштейнъ утверждаетъ, что ни одинъ государь въ Европѣ не встрѣчаетъ у своихъ подданныхъ такого повиновенія, какъ великій князь московскій. Это чувство собственнаго достоинства доходило часто при русскомъ дворѣ до смѣшного, и варварство нравовъ вредило, нѣкоторымъ образомъ, великолѣпію, которымъ обставляли тамъ пріемъ иностранныхъ пословъ.

Съ особенной безпощадностью проводилъ Иванъ объединеніе Руси. Онъ началъ съ того, что заключилъ рядъ договоровъ со своими родственниками, чтобы обезпечить за собой господство. Затѣмъ, онъ положилъ конецъ существованію, болѣе или менѣе, независимыхъ удѣльныхъ княжествъ и областей, находившихся недалеко отъ Москвы. Такъ въ самые же первые годы его княженія были поставлены подъ непосредственно управленіе Москвы княжества Тверское, Верейское, Рязанское, Бѣлоозерское, Ярославское и другія.

Большимъ кровопролитіемъ сопровождалось присоединеніе Новгорода къ Москвѣ. Этотъ нѣкогда могущественный вольный городъ на Ильменѣ, колыбель русскаго государства, самъ подготовлялъ свою гибель своими внутренними партійнами ссорами. Уже давно московскіе князья были недовольны тѣмъ, что Новгородъ заграждалъ имъ путь къ морю, и питали подозрѣніе, что онъ можетъ примкнуть къ ихъ врагамъ, литовцамъ или полякамъ. Въ виду этого, его свободу нужно было уничтожить; то, что онъ, давно уже признавая власть Москвы, правда, не безъ трудностей, платилъ дань—признавалось уже недостаточнымъ: нужно было отнять у него и его самоуправленіе. Иванъ сумѣлъ создать себѣ въ Новгородѣ политическую партію и натравить ее на тѣ круги новгородскаго общества, которые тяготѣли къ Польшѣ. Польско-литовская партія была руководима семьей Борецкихъ, главой которыхъ была Марѳа Борецкая, энергичная вдова прежняго посадника. Иванъ ждалъ, пока Новгородъ провинится въ нарушеніи договора, вступивъ въ сношенія съ Польшей, чтобы искать тамъ защиты отъ вмѣшательства Москвы. Затѣмъ онъ двинулъ московское войско въ новгородскія владѣнія и въ 1471 году разбилъ при рѣкѣ Шелони поспѣшно набранныя и неопытныя новгородскія войска. Новгородцы покорились, признали Ивана своимъ повелителемъ и даже отправлялись въ Москву, чтобы предоставить на разсмотрѣніе тамошняго суда свои дѣла. Но уже въ 1478 году Иванъ отнялъ у нихъ остатокъ ихъ самоуправленія, переселилъ ихъ знатнѣйшія фамиліи во внутрь Руси, послалъ въ Новгородъ своего намѣстника и приказалъ отослать въ Москву вѣчевой колоколъ, въ теченіе столѣтій созывавшій новгородцевъ на вѣче. Гибель Новгорода часто воспѣвалась поэтами и даже представлена въ драмѣ, а Марфа Борецкая чествовалась, какъ героиня. Но никто не станетъ отрицать, что эта республика пережила себя; свою задачу: быть посредникомъ

въ торговлѣ между Востокомъ и Западомъ она никогда правильно не выполняла и, дѣйствительно, стояла на пути объединенія русскихъ земель. Завоеваніе Новгорода и его областей завершило преобладаніе Москвы надъ остальными княжествами.

Кромѣ того, Иванъ завоевалъ Пермь, „страну серебра по ту сторону Камы". Въ 1489 г. былъ завоеванъ второй вольный городъ — Вятка; московскія войска двинулись къ Печорѣ перешли Уралъ и обложили данью землю вогуловъ и угровъ. Такъ Русь распространилась до Ледовитаго океана и впервые ступила ногой на почву Азіи; Василій III покорилъ потомъ вольный городъ Псковъ, гдѣ ему также помогли раздоры среди горожанъ; многія семьи были отсюда сосланы въ другіе города. „О, славный, великій Псковъ! чего ради ты такъ отчаиваешься и плачешь?" восклицаетъ поэтъ-лѣтописецъ. „Какъ мнѣ не отчаиваться? — отвѣчаетъ Псковъ, — на меня напалъ орелъ съ когтями льва... Наша страна опустошена, нашъ городъ лежитъ въ развалинахъ, наши рынки разрушены, братья уведены туда, гдѣ не жили ни отцы, ни предки наши". Однако, подчиненіе Москвѣ было для Пскова исторической необходимостью, разъ собираніе Руси должно было сдѣлать успѣхи. Когда Василій прогналъ затѣмъ князей рязанскаго и новгородъ-сѣверскаго и присоединилъ ихъ области къ Москвѣ, то объединеніе Европейской Россіи подъ руководствомъ Москвы могло казаться законченнымъ. Русь устремляла уже свои взоры на вновь открытыя азіатскія области, гдѣ предѣлъ завоеваніямъ могъ поставить лишь океанъ. Нужно было только одолѣть литовцевъ и татаръ.

Для Ивана III возможно было уже свергнуть татарское иго. Тогда существовало нѣсколько татарскихъ царствъ: Казань, Астрахань (Сарай), Ногайская орда, царство Крымское и многія независимыя мелкія орды; всѣ онѣ боролись другъ съ другомъ и облегчили русскому князю дѣло освобожденія. Въ 1489 г. Иванъ двинулся съ сильнымъ войскомъ противъ большой сарайской орды, но не могъ рѣшиться на сраженіе. Цѣлые мѣсяцы простояли въ бездѣятельности оба войска другъ противъ друга, пока татары не отступили. Здѣсь не было, слѣдовательно, одержано большой побѣды — Русь только перестала платить дань. Только еще одинъ разъ, въ 1521 году, соединились татары крымскіе со своими единоплеменниками по ту сторону Волги, съ татарами Ногайской степи и казанскими, чтобы напасть на Москву. Городъ былъ такъ внезапно окруженъ со всѣхъ сторонъ, что великому князю Василію едва удалось убѣжать. Жители, подъ сервымъ впечатлѣніемъ ужаса, обѣщали возобновить уплату дани; но тутъ треди татаръ возникли несогласія, и они отступили. Съ этого времени, сатарская опасность могла считаться устраненной. Но Руси стала угрожать пъ юга другая магометанская держава: Турція. Въ 1475 г. Магометъ II подчинилъ Крымъ своей верховной власти. Одновременно, въ лицѣ объединенныхъ Польши и Литвы, для Руси возникла все возростающая опасность. Какъ могла Русь противиться этому сильному сосѣду, когда она еще была политически раздроблена и находилась въ зависимости отъ татарскихъ ордъ? То было заслугой московскихъ великихъ князей, что освобожденная и объединенная Русь могла не только защищаться, но и побѣдоносно выступать противъ угрожавшихъ ей враговъ.

Значеніе Москвы возросло не только во всѣхъ русскихъ земляхъ, но и за границей. Западно-европейскіе дворы искали союза съ великими князьями. Не считая сношеній съ Римомъ, Литвой и Польшей, Иванъ III и его сынъ Василій принимали пословъ Венеціи, Венгріи, германскаго императора Фридриха III и его сына Максимиліана, Швеціи и Даніи. Съ Востока явились послы Турціи, потомъ Грузіи, Джагатая, Персіи и т. д.

Русь имѣла теперь досугъ и пріобрѣла желаніе предаться культурной работѣ. Какъ нѣкогда, послѣ брака великаго князя Владиміра на гречанкѣ Аннѣ, вмѣстѣ съ ней были перенесены въ Россію византійскія религія и

культура, — такъ и теперь вторая жена Ивана и окружавшіе ее греки открыли собой новую культурную эпоху. Византійскіе ученые привезли съ собой греческія книги, которыя образовали ядро будущихъ книгохранилищъ Москвы. Самъ Иванъ III любилъ имѣть при себѣ значительныхъ иностранцевъ, и западно-европейскіе художники и ученые встрѣчали при его дворѣ блестящій пріемъ. Въ Аристотелѣ Фіоравенти изъ Болоньи онъ нашелъ для себя превосходнаго архитектора и пушкаря и въ то же время учителя для своихъ дѣтей. Пьетро Антоніо выстроилъ ему дворецъ. Въ Россію приходили монахи знаменитаго Аѳонскаго монастыря, и изъ нихъ выдвинулся одинъ ученый грекъ по имени Максимъ; послѣдній былъ пораженъ, найдя въ московскамъ Кремлѣ такую массу древнихъ рукописей. Великій князь поручилъ теперь этимъ монахамъ перевести греческія книги на славянскій языкъ.

Обученные иностранцами артиллеріи великіе князья были отчасти обязаны своими успѣхами противъ татаръ и мелкихъ князей. Все военное дѣло было теперь устроено заново. Иванъ III обратилъ также свое вниманіе на судъ, который въ татарскія времена часто еще давалъ просторъ произволу, и въ 1497 году при немъ былъ составленъ новый сборникъ процессуальныхъ правилъ подъ названіемъ „Судебникъ“.

b) Василій III Ивановичъ.

Вопросъ о престолонаслѣдіи — эта тяжкая рана, отъ которой Русь такъ долго истекала кровью, и которой она когда-то обязана была своимъ порабощеніемъ, былъ, наконецъ, урегулированъ. Какъ думалъ объ этомъ Иванъ III, показываетъ его духовное завѣщаніе. Послѣ долгихъ колебаній, назначить ли ему своимъ преемникомъ своего внука или сына отъ второй жены, онъ, наконецъ, рѣшилъ вопросъ въ пользу своего сына Василія, потому, вѣроятно, что его мать была гречанкой. Остальные сыновья получили для своего содержанія небольшія области, но безъ всякихъ коронныхъ правъ; они не имѣли ни монетнаго права, ни права высшей юрисдикціи и должны были признать старшаго брата своимъ государемъ. Если бы кто-либо изъ нихъ умеръ бездѣтнымъ, то его земля должна была отойти къ великому князю. Такъ была на Руси установлена наслѣдственная монархія.

Теперь началась эпоха возрожденія Руси, возстановленія политической независимости и единства государства, его экономическаго подъема, пробужденія національнаго самосознанія, обновленія національной культуры, новаго возвышенія и новаго блеска. Часто отправляя посольства къ заграничнымъ дворамъ, Русь стала постепенно входить въ кругъ міровыхъ культурныхъ народовъ. Словомъ, счастье снова повернулось лицомъ къ Руси.

Правда, до цѣли было еще далеко, и впереди предстояло преодолѣть большія препятствія, но величайшимъ препятствіемъ былъ теперь для себя самъ народъ. Въ долгіе годы татарскаго владычества Русь страдала не только политически, но и нравственно. Изъ азіатской школы, подъ вліяніемъ которой русскіе находились такъ долго, они вышли азіатами, привыкшими къ убійствамъ и ужасамъ. Не въ меньшій упадокъ пришла на Руси православная церковь: предоставленная самой себѣ, она должна была испытать застой. Легче, однако, поднять народное благосостояніе, легче одерживать внѣшнія побѣды, чѣмъ измѣнить природу цѣлаго народа: на это нужно было, по меньшей мѣрѣ, нѣсколько поколѣній.

c) Иванъ IV Грозный.

Суровая судьба страны породила суровое поколѣніе князей. Вмѣстѣ съ успѣхами, которые дѣлало собираніе Руси подъ властью Москвы, и съ

усиленіемъ княжеской власти въ ущербъ боярамъ и народному собранію вмѣстѣ съ увеличеніемъ мощи и значенія государства — росли также гордость и самосознаніе князей, которые воплощали въ своемъ липѣ все государство. Борьба между княжеской властью, боярствомъ и вѣчемъ, которая кипѣла на Руси повсемѣстно, окончилась въ Москвѣ въ пользу князей. Это было почвой, на которой могъ расцвѣсть правительственный терроризмъ. Суздальскіе, а потомъ московскіе князья вводили все болѣе строгое правленіе; Иванъ III уже заслужилъ прозвище Грознаго, но типъ такого князя достигъ своего завершенія въ лицѣ Ивана IV. Исторія называетъ его Грознымъ. Человѣкъ необыкновенныхъ дарованій и желѣзной воли, но самаго худшаго воспитанія, какое только можно вообразить, онъ принадлежитъ къ удивительнѣйшимъ явленіямъ міровой исторіи, въ которой онъ пріобрѣлъ печальную извѣстность. Осудить его безъ околичностей было бы несправедливо: онъ слишкомъ значителенъ, чтобы его мѣрить на обычный аршинъ.

Его отецъ умеръ, когда ему было три года. На время его малолѣтства правленіе приняла его мать Елена Глинская, литвинка, семья которой происходила отъ татаръ. Рядомъ съ ней стала Боярская Дума, въ которой первое мѣсто занялъ ея дядя Михаилъ Глинскій. Но вскорѣ обнаружилось, что эта властолюбивая женщина не хочетъ терпѣть ничьей другой воли, кромѣ своей. Только ея любимецъ, князь Иванъ Телепневъ-Оболенскій, сумѣлъ пріобрѣсти надъ ней вліяніе. Ея шуринъ Юрій, дядя Михаилъ, другой шуринъ Андрей и другіе умерли ужасной смертью, но государственныя дѣла велись съ виду не дурно. Когда она внезапно умерла въ 1538 году, и боярство само стало управлять дѣлами государства, то выдвинулись двѣ фамиліи: Шуйскіе и Бѣльскіе, которыя оспаривали другъ у друга первенство и вступили въ междоусобную борьбу. Снова произошли кровавыя сцены: временный побѣдитель не зналъ пощады. Русь уже такъ привыкла къ самодержавному правленію, что и въ Боярской Думѣ хотѣлъ неограниченно властвовать одинъ. То обстоятельство, что при этомъ не оказывали вниманія молодому князю и даже охотно отодвигали его въ сторону, показываетъ, какія дикія формы принимало самовластіе бояръ. Еще въ позднѣйшіе годы Иванъ IV жаловался, что Иванъ Шуйскій не оказывалъ ему чести и въ опочивальнѣ клалъ ноги на кровать его отца, что казна послѣдняго, а также и дяди царя была разграблена боярами и они помѣстили даже свои вензеля на драгоцѣнномъ столовомъ приборѣ. Въ тѣ дни Иванъ часто терпѣлъ голодъ, и даже его жизни угрожала опасность. Шуйскіе нападали на города и деревни и безпощадно мучили и обижали народъ. Они ревниво сторожили, чтобы никто не пріобрѣлъ вліянія на Ивана. Одного изъ членовъ Боярской Думы, Феодора Воронцова, который, казалось, пользовался расположеніемъ юнаго великаго князя, они въ присутствіи послѣдняго били по щекамъ, разорвали его платье и убили бы его, если бы онъ не былъ спасенъ митрополитомъ, по просьбѣ Ивана. Слишкомъ рано привыкнувъ къ грубости и кровавой жестокости, двѣнадцатилѣтній мальчикъ сталъ забавляться мученіями пытаемыхъ животныхъ; уже будучи пятнадцати лѣтъ отъ роду, онъ носился на конѣ со своими молодыми товарищами по улицамъ Москвы, калѣча и опрокидывая все, что попадалось ему на пути. Православная церковь, отъ которой можно было ожидать благопріятнаго вліянія на необузданнаго юношу, пришла во время татарскаго ига въ такой упадокъ, что не имѣла силъ вмѣшаться. Духовенство мало уступало свѣтскимъ людямъ въ чрезмѣрной страсти къ игрѣ, въ пьянствѣ и другихъ порокахъ; среди простого народа царило мрачнѣйшее суевѣріе. По странѣ всюду бродили шуты, грабители и юродивые; убійство и грабежъ были будничными явленіями. Таково было нравственное состояніе того общества, среди котораго выросъ Иванъ Грозный.

Исторія человѣчества. V.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Иванъ III и Иванъ IV; Союзъ Руси съ импер. Максимиліаномъ.

Объяснительный текстъ къ картинамъ.

Вверху налѣво: **Иванъ III Васильевичъ, первый „великій князь и самодержецъ (государь) всея Руси“** (1462—1505). Изъ „La Cosmographie universelle“ d'André Thevet; Paris 1575 г. Теве нашелъ это изображеніе у одного грека въ Бруссѣ, въ Малой Азіи.

(По труду Ровинскаго: „Portraits authentiques des Tzars Jean III, Basil, son fils, et Jean IV le Terrible“ въ фамильной импер. и корол. библіотекѣ въ Вѣнѣ.)

Вверху направо: **Иванъ IV Васильевичъ Грозный** (1533—1584)

(По современному политипажу: „Abcontrafactur des Herren Quar und Grossfürsten Iwan Bassilowiz aller Reusen ein Monarcha“ — собственность придворной библіотеки въ Вѣнѣ.)

Внизу: **Императоръ Максимиліанъ I принимаетъ посольство Василія III Ивановича** (1505—1533). По политипажу Буркгмайра.

Изъ книги „Der Weis Kunig“ — разсказы о дѣяніяхъ импер. Максимиліана I. Изданіе Макса Трелцзаурвейнъ съ гравюрами, изготовленными Иваномъ Буркгмайромъ. Вѣна. 1775 г.

Вначалѣ Иванъ самъ терпѣлъ отъ этого, пока онъ въ 1543 году въ порывѣ бѣшенства не приказалъ схватить на улицѣ князя Андрея Шуйскаго, нанести ему побои и, наконецъ, умертвить. Съ этого времени, по словамъ лѣтописи, бояре начали бояться великаго князя. Ему было тогда тринадцать лѣтъ. 3 февраля 1547 года, едва достигнувъ семнадцати лѣтъ, онъ женился на Анастасіи, дочери Романа Захарьина. Въ пользу его политическаго ума говоритъ принятіе имъ титула царя и то обстоятельство, что ему удалось получить въ 1561 году отъ Константинопольскаго патріарха лично, а также отъ созваннаго спеціально для этой цѣли собора, подтвержденіе своего происхожденія отъ византійской императорской династіи и своихъ правъ на императорскую корону. „Страхъ обнялъ всѣ языческія страны", говоритъ Новгородская лѣтопись. Зато народы православнаго Востока стали смотрѣть на московскаго царя, какъ на главу и представителя ихъ церкви и какъ на своего покровителя.

Въ годъ его коронованія три пожара (апрѣль и іюнь 1547 г.) обратили городъ Москву въ развалины. Царь и митрополитъ очутились въ крайней опасности. Князья Шуйскіе распространили слухъ, что бабушка царя Анна Глинская выпарывала изъ мертвыхъ тѣлъ сердца, мочила послѣднія въ рѣкѣ, обрызгивала этой водой улицы и этимъ вызвала пожаръ. Разъяренный народъ убилъ въ церкви дядю Ивана, Юрія Глинскаго, двинулся на Воробьевы горы, гдѣ жилъ царь, и угрожающе потребовалъ выдачи царской бабушки. Лишь послѣ того какъ Иванъ, въ порывѣ быстраго рѣшенія, приказалъ казнить говорившихъ изъ толпы,—послѣдняя разсѣялась. Всѣ эти событія произвели на царя сильное впечатлѣніе.

Тогда-то царь приблизилъ къ себѣ двухъ новыхъ совѣтниковъ: попа Сильвестра и дворянина Алексѣя Федоровича Адашева; Сильвестръ овладѣлъ царемъ всецѣло. Иванъ безъ него не осмѣливался сдѣлать ни одного шагу: онъ ѣлъ, пилъ, одѣвался и жилъ по его указаніямъ. Вліяніе этихъ двухъ мужей было очень плодотворно, такъ же какъ и вліяніе его супруги Анастасіи. Черезъ придворные круги была какъ бы пропущена струя чинности; при всѣхъ государственныхъ предпріятіяхъ выступили на первый планъ религіозныя соображенія. Для обсужденія важныхъ дѣлъ созывались духовныя лица и земскіе соборы. То былъ трогательный моментъ, когда въ 1549 году молодой царь просилъ у собравшагося народа прощенія за обиды и поклонился толпѣ на всѣ стороны, умоляя о довѣріи и любви. Тогда, дѣйствительно, было сдѣлано много хорошаго. Уже въ 1550 году появился новый Судебникъ, а сейчасъ же за нимъ сборникъ церковныхъ постановленій, названный Стоглавомъ по числу статей, на которыя онъ былъ раздѣленъ. Шестнадцатая глава предписываетъ учрежденіе во всѣхъ городахъ приходскихъ училищъ.

Въ это же время была рѣшена при московскомъ дворѣ война съ татарскими гнѣздами на Волгѣ, которыя все еще сильно безпокоили Русь. По совѣту Сильвестра, Иванъ, хотя и противъ воли, сталъ во главѣ войска. Въ 1552 году Казань была взята не столько храбростью, сколько въ виду простого, численнаго преобладанія русскихъ. Въ 1557 году пала также и Астрахань, этотъ нѣкогда устрашавшій русскихъ Сарай. Слѣдствія этихъ побѣдъ надъ азіатами были многозначительны. Не только этимъ было уничтожено татарское могущество, но и вся великая Волга стала русской рѣкой; русское вліяніе простиралось теперь до Кавказа и Персіи. Мало того, Москвѣ покорились теперь другія народности, какъ черемисы, мордва, чуваши, вотяки, башкиры, которые раньше были подвластны казанскому царству. Этимъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ завоеванію Азіи. Теперь оставалась только одна крымская орда, но она вела бѣдственное существованіе и просила союза у Руси. Иванъ вернулся героемъ въ Москву и его самонадѣянность передъ боярами возрастала. „Я васъ больше не боюсь", крикнулъ онъ будто бы одному воеводѣ.

Въ это время онъ рѣшилъ распространить на Руси западно-европейскую культуру. Гансъ Шлитте, нѣмецъ изъ Гослара, бывшій въ Москвѣ около 1547 г., получилъ отъ него порученіе привлечь въ Россію ученыхъ, художниковъ, врачей, печатниковъ, ремесленниковъ и т. п. И только вслѣдствіе враждебнаго отношенія меченосцевъ, которые усмотрѣли въ этомъ опасное усиленіе своего сосѣда, Шлитте не удалось привезти въ Россію 123 нанятыхъ имъ людей. Съ этого времени злоба Ивана на балтійскихъ нѣмцевъ тѣмъ болѣе возросла, что Тевтонскій орденъ заграждалъ ему въ Ливоніи путь къ морю. Въ виду этихъ соображеній у него, несмотря на отговариванія Сильвестра, созрѣло рѣшеніе завоевать Ливонію. Когда въ 1553 году, при Эдуардѣ VI, была выслана экспедиція изъ трехъ судовъ, чтобы черезъ Сѣверное море найти путь къ Китаю и Индіи и когда одно изъ этихъ судовъ было прибито къ устью Двины, то Иванъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы завязать торговыя сношенія съ Англіей. Онъ даровалъ англійскимъ купцамъ крайне выгодныя торговыя привилегіи и обезпечилъ, такимъ образомъ, своему государству сношенія съ Западомъ.

Въ войнѣ за Ливонію, вспыхнувшей между Россіей, Польшей и Швеціей, Иванъ пріобрѣлъ лишь Дерптъ (1558), тогда какъ Польша получила Лифляндію въ качествѣ провинціи и Курляндское герцогство въ ленъ, а Эстляндія попала въ руки Швеціи.

Это обстоятельство разрушило дружбу Ивана къ Адашеву и Сильвестру. Смерть его добродѣтельной супруги (7 августа 1560 г.) повліяла въ томъ же направленіи. Наконецъ, опека обоихъ сдѣлалась для Ивана невыносимой. Сильвестръ пытался сдѣлать своего государя вполнѣ зависимымъ отъ себя и сталъ въ оппозицію къ его супругѣ. Когда умеръ первый сынъ царя (іюнь 1553 г.), Сильвестръ заявилъ ему, что это — наказаніе за его недостаточную покорность. Рѣшающей была здѣсь, однако, тяжкая болѣзнь царя (около конца 1552 и начала 1553 года). Ожидая смерти, Иванъ требовалъ у бояръ, чтобы они присягнули его сыну Дмитрію. Бояре, однако, противились этому, а Сильвестръ и Адашевъ были на сторонѣ непокорныхъ. Шумъ споривших доходилъ до спальни самого царя. Когда же потомъ Иванъ, противъ ожиданія, выздоровѣлъ, то его довѣріе къ обоимъ совѣтникамъ рушилось. Иванъ былъ, однако, еще умѣренъ въ наказаніяхъ; но затѣмъ казни стали все болѣе и болѣе учащаться, пока его ярость къ боярамъ не вышла изъ всякихъ предѣловъ. Павшіе совѣтники царя имѣли много единомышленниковъ, и когда позднѣе Ивану всюду чуялась измѣна, и онъ даже не чувствовалъ себя безопаснымъ при своемъ дворѣ, то это отчасти имѣло свои основанія. Литовско-польское государство, опаснѣйшій врагъ Руси, поддерживало сношенія съ недовольными, а партія павшихъ совѣтниковъ царя отнюдь не скрывала своего расположенія къ этому врагу. Вѣдь устроилъ же намѣренно князь Андрей Михайловичъ Курбскій во время Ливонской войны позорное пораженіе русскихъ и въ началѣ 1564 г. бѣжалъ въ польскій лагерь. Другіе даже впускали въ страну татаръ. Поэтому, страхъ Ивана получилъ болѣзненный характеръ: онъ думалъ, что окруженъ одними измѣнниками.

Въ это время онъ получилъ отъ бѣглеца Курбскаго письмо, въ которомъ послѣдній призвалъ его за его злодѣянія къ суду божьему. Иванъ призвалъ къ себѣ привезшаго письмо, вонзилъ ему въ ногу свой жезлъ съ желѣзнымъ наконечникомъ, оперся на него со всею яростью и затѣмъ велѣлъ прочесть себѣ письмо. Горшіе упреки едва ли были когда-либо брошены въ лицо какому бы то ни было государю. Царь нашелъ нужнымъ подробно отвѣтить князю. Эта переписка принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ документамъ русской исторіи.

3 декабря 1564 года Иванъ внезапно покинулъ Москву и въ сопровожденіи своей семьи, многихъ бояръ и военнаго отряда ушелъ въ Александровскую слободу. Наиболѣе чтимыя святыни и государственную казну

онъ взялъ съ собой. Москва пришла въ страшное волненіе. Черезъ мѣсяцъ получились отъ него два письма: одно къ митрополиту, гдѣ говорилось, что царь не можетъ болѣе выносить беззаконія бояръ, тѣмъ болѣе, что духовенство мѣшаетъ ему наказывать ихъ, и рѣшилъ оставить государство и уйти, куда Господь поведетъ; другое—къ православнымъ московскимъ гражданамъ, въ которомъ онъ завѣрялъ послѣднихъ, что на нихъ не гнѣвается. Впечатлѣніе, произведенное обоими письмами, было подавляющимъ. Народъ, объятый страхомъ снова попасть подъ владычество бояръ, двигался съ плачемъ и угрозами по улицамъ города, готовый уничтожить враговъ царя, и потребовалъ затѣмъ у митрополита, чтобы онъ умилостивилъ царя, послѣ чего къ царю была послана депутація.

2 февраля 1565 года Иванъ вернулся. Но въ немъ, казалось, произошла страшная перемѣна. „Уже его наружный видъ вызывалъ изумленіе: черты лица какъ бы высохли отъ бѣшенства, взглядъ потухъ, волосы на головѣ почти всѣ выпали. Онъ объявилъ на одномъ большомъ пріемѣ, что нуждается въ тѣлохранителяхъ“. Затѣмъ, царь выдѣлилъ рядъ городовъ, земель и нѣкоторыя улицы Москвы и объявилъ этотъ округъ своей личной собственностью, что получило имя опричины, тогда какъ остальная Россія, какъ достояніе государства, называлась земщиной и осталась подъ управленіемъ бояръ. Это было первое отдѣленіе княжескаго имущества отъ государственнаго и имѣло важныя послѣдствія. Иванъ выбралъ себѣ потомъ изъ жителей своего собственнаго округа тѣлохранителей въ числѣ 6,000 человѣкъ съ женами и дѣтьми, по большей части, низкаго происхожденія: то были опричники. Ихъ принадлежностями были топоръ, собачья голова и метла: это значило, что они должны были убивать, кусать и выметать крамольниковъ. Вся земщина была имъ отдана на разграбленіе, и на нихъ не было управы. Какъ жестоко они свирѣпствовали, показываетъ то обстоятельство, что еще и понынѣ въ русско-польскихъ областяхъ мошенникъ и грабитель называется опричникомъ. Между тѣмъ, Иванъ не скупился на казни для крамольниковъ и снова удалился въ Александровскую слободу. Тамъ онъ отводилъ себѣ душу въ дикомъ распутствѣ, въ охотѣ на людей, въ убійствахъ и пожарахъ, соединяя со всѣмъ этимъ удивительно искренніи молитвы. Царь устроилъ свой дворъ на манеръ монастыря, образовавъ изъ 300 благонадежныхъ сообщниковъ монастырскую братію, игуменомъ которой былъ онъ самъ. Царь исполнялъ всѣ работы и самъ звонилъ къ богослуженію. Въ полночь собирались опричники въ монашескихъ клобукахъ и черныхъ рясахъ, и Иванъ такъ сильно ударялъ тамъ своимъ лбомъ о землю, что его лицо покрывалось кровоподтеками.

Такое положеніе продолжалось до 1572 г., слѣдовательно, цѣлыхъ семь лѣтъ. При этомъ Иванъ сознавалъ позорность этихъ событій, такъ какъ старался отрицать передъ западными государями существованіе опричины. Наконецъ, митрополитъ Филиппъ обрѣлъ смѣлость просить царя объ уничтоженіи опричины. И вотъ, когда 8 ноября 1568 года, Филиппъ въ полномъ облаченіи молился передъ алтаремъ, туда ворвалась толпа опричниковъ, сорвала съ него церковную одежду и потащила въ монастырскую тюрьму. Онъ былъ удавленъ въ 1569 году. Общая печаль по митрополитѣ привела царя въ неистовство. Сотни людей ежедневно подвергались казни, сожигались, до смерти замучивались, цѣлыя селенія уничтожались.

Иванъ продолжалъ жить въ заблужденіи, что ради своего собственнаго существованія и для сохраненія своей династіи онъ долженъ вымести крамолу. Въ 1572 году этотъ, мучимый страхомъ и заботами, внутренно глубоко несчастный, государь составилъ свое завѣщаніе: „Мое тѣло истощено, духъ—омраченъ; вереда на моей душѣ и на моемъ тѣлѣ все учащаются, и нѣтъ врача, который меня излѣчилъ бы. Я ждалъ, не сжалится ли кто-либо надо мной, но никто не пришелъ ко мнѣ... Они отплатили мнѣ зломъ за добро, ненавистью за любовь“, такъ говоритъ онъ во

вступленіи къ этому документу. Мы здѣсь имѣемъ уже передъ собой душевно-больного человѣка. Впрочемъ, въ свои свѣтлыя минуты царь, казалось, мучился угрызеніями совѣсти, какъ это видно по многимъ признакамъ.

Для насъ сохранился въ высшей степени замѣчательный, единственный въ исторіи памятникъ, написанный рукою царя: это — составленный имъ синодикъ, въ которомъ онъ записывалъ имена своихъ жертвъ для поминовенія ихъ душъ. При нѣкоторыхъ именахъ слѣдуетъ страшное примѣчаніе: „вмѣстѣ съ его женой, дѣтьми и челядью"; „съ его сыновьями" или „съ его дочерьми"; или мы читаемъ слѣдующе: „двадцать человѣкъ изъ Каменскаго," или—„87 изъ Матвѣшева", или—„помяни, Господь, души рабовъ твоихъ числомъ 1,505 изъ Новгорода" и такъ далѣе. Этотъ списокъ одинъ даетъ сумму въ 3,470 жертвъ. Никого не было теперь при дворѣ, кто имѣлъ бы вліяніе на Ивана. Его вторая жена, черкеска, крестившаяся лишь передъ самой свадьбой, своими варварскими особенностями должна была еще болѣе усилить злыя наклонности царя. И, разъ вышедшій изъ береговъ, потокъ сталъ бушевать все сильнѣе, истребляя все, попадавшееся ему на пути. Со временъ римскихъ цезарей, едва ли какой-нибудь государь нагляднѣе, чѣмъ Иванъ Грозный, доказалъ справедливость того ученія, что всякій человѣкъ и всякая земная власть, если только они не желаютъ потерять обликъ человѣчности, нуждаются въ ограниченіи. Вину царя раздѣляетъ, однако, и русскій народъ; особенно достойны осужденія бояре и духовенство, которые не поддержали болѣе культурныхъ стремленій своего повелителя и своимъ низкопоклонничествомъ и безнравственностью какъ разъ открыли дорогу его злымъ наклонностямъ.

Въ области внѣшней политики былъ одержанъ успѣхъ на Востокѣ; казакъ Ермакъ положилъ у ногъ царя сибирскую корону. Но въ борьбѣ съ Польшей Иванъ потерпѣлъ пораженіе, несмотря на то, что, подъ предлогомъ своей готовности принять римскую вѣру, униженно просилъ папу и императора о посредничествѣ. Поляки, которые, по смерти Сигизмунда Августа, были готовы предложить ему корону, испугались теперь его ненадежности и алчности.

Судьба поразила собственную семью царя страшнымъ несчастьемъ. Во время одного спора онъ нанесъ своему сыну Ивану ударъ своей желѣзной палкой, отъ котораго тотъ умеръ (19 ноября 1581 г.). Его третій сынъ, Федоръ, былъ слабъ духомъ. Горе Ивана ускорило его конецъ. 17 марта 1584 года умеръ этотъ необыкновенный царь, преступленіямъ котораго нельзя отказать въ извѣстномъ величіи, но имя котораго всегда будетъ произноситься съ ужасомъ. Въ русской исторіи Иванъ какъ по сотворенному имъ добру, такъ и по причиненному злу занимаетъ выдающееся мѣсто.

С. Конецъ дома Рюрика.

Сынъ Ивана IV, Федоръ, вступилъ въ 1584 году на престолъ, но по своей кротости и благочестію онъ болѣе годился въ монастырь. Вся власть перешла къ государеву совѣту, въ которомъ снова возгорѣлось опасное соперничество между Шуйскими и Бѣльскими. Рядомъ съ ними стало постепенно возрастать вліяніе Бориса Годунова, особенно послѣ того, какъ умеръ (въ 1586 г.) дядя Федора, Никита Романовъ, пользовавшійся вначалѣ рѣшающей властью, и Годуновъ женилъ молодого царя на своей сестрѣ Иринѣ. Мало того, Годуновъ стремился къ коронѣ. Не умѣя ни читать, ни писать, онъ, однако, умѣло велъ государственныя дѣла, создалъ Руси большую славу за границей и зналъ цѣну европейской культуры. Онъ думалъ основать школы, а въ Москвѣ—университетъ, и послалъ въ Германію Іоанна Крамера, чтобы нанять тамъ профессоровъ. Годуновъ посылалъ молодыхъ людей учиться за границей и охотно бралъ на службу

иностранцевъ: онъ далъ своимъ дѣтямъ прекрасное образованіе, покровительствовалъ искусству и промысламъ. Короче, онъ стоялъ на высотѣ своей задачи, и его имя пользовалось поэтому за границей хорошей славой. Но не то было на Руси. Здѣсь смотрѣли на эти новшества съ большимъ неудовольствіемъ. Духовенство считало изученіе иностранныхъ языковъ излишнимъ, сбивающимъ съ истиннаго пути, даже опаснымъ для вѣры. Высшее боярство ненавидѣло этого выскочку. Годуновъ счелъ необходимымъ искать поддержки въ высшемъ духовенствѣ и въ мелкомъ дворянствѣ. Это обстоятельство вызвало появленіе двухъ новшествъ: запрещенія свободнаго перехода крестьянъ и основанія патріаршества. Русскій крестьянинъ могъ доселѣ мѣнять своего помѣщика: это одно отличало его отъ раба. Но этотъ свободный переходъ былъ выгоденъ лишь обладателямъ большихъ помѣстій, которые, чтобы оказаться въ состояніи обрабатывать свои громадныя земельныя площади, обѣщали крестьянину заманчивыя выгоды. Поэтому крестьяне оставляли мелкихъ владѣльцевъ, помѣстья которыхъ пустѣли и обезцѣнивались. Между тѣмъ, какъ разъ эти мелкіе владѣльцы несли большую часть государственныхъ повинностей, и въ данномъ случаѣ интересы государства гармонировали, слѣдовательно, съ выгодами мелкаго дворянства. Годуновъ, уничтоживъ свободу крестьянскаго перехода, спасъ отъ разоренія мелкое дворянство и пріобрѣлъ его симпатіи для своихъ цѣлей. Само по себѣ это новшество не отвѣчало его интересамъ, такъ какъ онъ самъ былъ владѣльцемъ обширныхъ помѣстій [1].

Лично ему выгоднымъ было основаніе патріаршества. Уже давно московское духовенство было недовольно, что его верховный глава, константинопольскій патріархъ, является слугой невѣрующаго властителя и не пользуется, поэтому, должнымъ уваженіемъ. Москва считала себя третьимъ Римомъ, какъ Византія видѣла въ себѣ—второй. Почему же ей не добиться церковной независимости, послѣ того какъ Константинополь палъ такъ низко, а Русь стала считаться покровительницей православнаго христіанства? Въ это время прибылъ въ Москву Іеремія, патріархъ константинопольскій. Этимъ воспользовался Годуновъ и склонилъ его на сторону своего плана. Прочіе патріархи дали свое согласіе, и въ 1598 году было основано въ Москвѣ патріаршество, просуществовавшее до конца 1700 года. Первымъ патріархомъ сдѣлался Іовъ, любимецъ Годунова.

Уже тогда Годуновъ, повидимому, приготовилъ все, чтобы, по смерти Федора, получить тронъ. Былъ еще, однако, живъ братъ Федора, Дмитрій, сынъ седьмой незаконной жены Ивана Грознаго. Хотя онъ вмѣстѣ со всей своей родней былъ заблаговременно высланъ въ Угличъ, однако, не было сомнѣнія, что, по смерти Федора, на престолъ вступитъ Димитрій. Тогда-то (въ 1591 г.) пришло извѣстіе, что юный Димитрій убитъ. Общественное мнѣніе обвиняло въ этомъ Годунова. Послѣдній, правда, нарядилъ слѣдствіе и приказалъ умертвить нѣкоторыхъ жителей Углича, но слухъ о виновности Бориса въ смерти Димитрія не изчезъ.

Несмотря на это, Борисъ Годуновъ вступилъ, по смерти бездѣтнаго Федора (7 янв. 1598 г.), на царскій тронъ, такъ какъ корона была ему предложена патріархомъ Іовомъ, и онъ былъ избранъ царемъ на Земскомъ Соборѣ. Для большей безопасности, онъ бросилъ Бѣльскаго въ тюрьму, и сослалъ Романовыхъ. Одинъ изъ послѣднихъ, Федоръ Никитичъ, вынужденъ былъ постричься въ монахи; его жена Ксенія Шестова тоже поступила въ монастырь подъ именемъ Марѳы. Борисъ правилъ вначалѣ прекрасно, но скоро его обуялъ страхъ: онъ также сталъ видѣть кругомъ

---

[1] Авторъ придерживается стараго взгляда о прикрѣпленіи крестьянъ Годуновымъ. Въ русской исторической литературѣ этотъ взглядъ почти оставленъ.

Примѣчаніе переводчика.

себя однихъ крамольниковъ. Окончательно потерялъ онъ равновѣсіе, когда распространился слухъ, что мнимо-умершій Димитрій живъ и готовится отвоевать себѣ престолъ. Литовскіе магнаты взялись силой возвести на московскій престолъ человѣка, который назвался чудесно-спасеннымъ Димитріемъ. Народъ вѣрилъ, что Димитрій—истинный царевичъ; войска колебались въ своей вѣрности Годунову, и, несмотря на пораженіе, нанесенное самозванцу, число его сторонниковъ росло. Въ разгарѣ этого движенія умеръ Годуновъ, и Лжедмитрій сдѣлался хозяиномъ Руси. Весь народъ плакалъ отъ радости, снова увидѣвъ отпрыскъ своего прежняго царя. Однако, поведеніе и взгляды новаго царя доказывали, что онъ не Рюриковичъ. Онъ мечталъ о Западѣ, о римской церкви, имѣлъ сношенія съ іезуитами и хотѣлъ обратить Русь въ католичество. Онъ презиралъ мѣстные нравы и бояръ, пренебрегалъ придворнымъ церемоніаломъ. Польскіе дворяне, явившіеся въ Москву съ его свитой, стали безстыдно обращаться съ русскими. Едва прошелъ мѣсяцъ, и самозванецъ палъ жертвой заговора (17 мая 1606 г.). Его трупъ былъ сожженъ, а прахъ заряженъ въ пушку и разсѣянъ во всѣ стороны.

Послѣдовавшее затѣмъ время было полно смутъ. На новомъ, созванномъ патріархомъ, собраніи былъ избранъ царемъ Василій Шуйскій, ведшій слѣдствіе въ Угличѣ. Какъ при Лжедимитріи былъ назначенъ новый патріархъ, такъ и теперь послѣдовала перемѣна носителя этого званія. Боярская Дума поставила новому царю слѣдующія условія: никого безъ суда не казнить, имущества у преступниковъ не забирать себѣ и наказывать наушниковъ. То были своего рода pacta conventa, которыя брались шляхтой съ польскихъ королей. Шуйскій торжественно на нихъ поклялся, но Русь увидѣла въ этомъ униженіе царскаго достоинства. Здѣсь больше боялись боярскаго владычества, чѣмъ царской тиранніи.

Шуйскій не могъ удержаться. Не только бояре выступили противъ него изъ ревности и зависти,—появились новые обманщики, выдававшіе себя то за Димитрія, то за Петра, сына Федора. Еще опаснѣе было то, что серьезнымъ претендентомъ на русскую корону выступилъ польскій король.

Въ 1587 году на польскій престолъ взошла династія Ваза въ лицѣ Сигизмунда III. Сыну послѣдняго, Владиславу, хотѣли дать русскую корону;но Сигизмундъ охотно пріобрѣлъ бы ее для себя лично. Польскія войска, стоявшія уже вблизи Москвы, не хотѣли оставить Русь, и тогда, когда новый царь былъ уже избранъ, Шуйскій не могъ возстановить порядокъ и московскіе люди „смиренно“ просили его оставить тронъ, такъ какъ онъ не имѣетъ счастья при своемъ правленіи и не умѣетъ заставить подданныхъ повиноваться его волѣ. Онъ отрекся и былъ постриженъ въ монахи. Бояре выбрали теперь царемъ Владислава, но подъ условіемъ принятія имъ православія[1]. Польскія войска были уже впущены въ Москву и распоряжались городомъ.

D. Вступленіе на престолъ Романовыхъ.

Тогда поднялся во всемъ государствѣ народъ и монастыри съ Троицко-Сергіевской лаврой во главѣ.

Дворяне, купцы и крестьяне объединились, чтобы спасти Русь отъ чужеземнаго господства. Въ Нижнемъ-Новгородѣ мясникъ Кузьма Мининъ и за нимъ другіе пожертвовали треть своего состоянія. Благородный князь Пожарскій взялъ на себя командованіе, и вскорѣ поляки были изгнаны изъ Москвы. Въ 1613 году былъ созванъ новый Земскій Соборъ.

---

[1] Были поставлены и другія условія, ограничивавшія церковную власть въ пользу Боярской Думы и Собора.

Примѣчаніе переводчика.

Всѣ голоса сошлись теперь на пятнадцатилѣтнемъ Михаилѣ Романовѣ двоюродномъ внукѣ жены Ивана Грознаго Анастасіи и сынѣ вышеупомянутаго митрополита Филарета, который отправился, въ качествѣ посла, къ польскому королю, но былъ задержанъ послѣднимъ въ плѣну въ Маріенбургѣ. Уже въ 1610 г. Михаилъ считался въ числѣ кандидатовъ на тронъ и съ трудомъ спасся отъ польскихъ караульныхъ отрядовъ. Вмѣстѣ съ нимъ взошла на русскій престолъ новая династія.

Государство обѣднѣло, и общественныя дѣла находились въ крайне стѣсненномъ положеніи. Многіе города прямо заявили, что они не въ состояніи платить налоги. Воспитанный по-монашески, слабо одаренный духовно и мягковатый, Михаилъ не былъ подходящимъ для Руси человѣкомъ въ этотъ тяжелый моментъ. Его отецъ Филаретъ, правившій, въ дѣйствительности, вмѣсто сына, тоже не обладалъ большими дарованіями правителя, тогда какъ троны Польши и Швеціи занимали способные люди: въ первой—Владиславъ, во-второй—Густавъ II Адольфъ. Поэтому Русь попрежнему должна была мириться съ тѣмъ, что Польша и Швеція держали ее вдали отъ Балтійскаго моря. По договорамъ, которые Русь заключила въ Столбовѣ въ 1617 г. со шведами, а въ Деулинѣ въ 1618 г. и затѣмъ въ Поляновкѣ въ 1634 г.—съ поляками, она должна была отказаться отъ Ливоніи, Смоленска и ряда другихъ городовъ. „Теперь Россія безъ нашего согласія не можетъ послать въ Балтійское море ни одного судна—говорилъ Густавъ Адольфъ въ шведскомъ парламентѣ,—и русскимъ трудно будетъ перепрыгнуть черезъ этотъ ручей". Да и по отношенію къ другимъ врагамъ Русь чувствовала себя слабой. Когда казаки взяли турецкій Азовъ, царь приказалъ имъ очистить крѣпость. Величайшей заслугой Михаила и его отца было то, что они мягко правили Русью и старались поднять ея экономическое состояніе. Послѣ вѣкового татарскаго и княжескаго гнета народъ, наконецъ, сталъ встрѣчать болѣе человѣческое обращеніе. Оба правителя, послѣ долговременнаго промежутка, неоднократно созывали Земскій Соборъ.

Но только при сынѣ Михаила, Алексѣѣ (1645—1676 г.) и при дѣтяхъ послѣдняго: Федорѣ (1676—1682), Иванѣ(1682—1689), Софіи и Петрѣ Великомъ, счастье снова повернулось лицомъ къ Россіи, прежде всего вслѣдствіе ослабленія Польши при Янѣ Казимирѣ, но также и по причинѣ собственнаго усиленія Россіи. Въ это время покорилась царю Украйна: въ 1667 году Польша вынуждена была по Андрусовскому миру отказаться отъ лѣваго берега Днѣпра, въ томъ числѣ и отъ Кіева. Это было подтверждено и въ 1686 г., по договору съ Яномъ Собѣсскимъ, въ правленіе Софьи. Сверхъ того, Русь въ 1667 г. получила обратно Смоленскъ и другія области, за которыя шла вѣковая борьба. Однако, борьбу со Швеціей за Ливонію предпринялъ лишь Петръ Великій. Еще важнѣе было для Руси то, что со вступленіемъ на престолъ Романовыхъ прекращается существованіе татарской Руси и начинается европеизація послѣдней.

9. Ростъ и паденіе польскаго могущества.

А. Поворотный пунктъ польской политики въ 1515 году.

Въ 1506 году, когда на польскій престолъ вступилъ сынъ Казимира, Сигизмундъ, восточная Европа представляла совершенно иную картину, чѣмъ столѣтіемъ раньше. Труднѣйшая задача Польши за послѣднія три столѣтія: одолѣніе тевтоновъ для пріобрѣтенія балтійскаго побережья—была разрѣшена еще въ 1466 году. То былъ для Польши послѣдній срокъ: черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ это едва ли было бы возможно.

Грозныя тучи стали собираться и на востокѣ и на югѣ Польши какъ разъ при поворотѣ съ XV на XVI столѣтіе.

На востокѣ готовилась къ нападенію на польско-литовское государство Москва, съ юга надвигались все растущія силы османовъ.

Польша долго пользовалась спокойствіемъ со стороны Москвы: придавленная татарскимъ игомъ, Москва не могла пошевелиться. Но когда Иванъ III уничтожилъ татарское иго и развязалъ себѣ руки, — то онъ сталъ задумывать широко идущіе планы. Онъ успѣшно и счастливо работалъ надъ „собираніемъ Руси", присоединяя къ себѣ одну область за другой. Женившись въ 1472 году на византійской принцессѣ Софіи (Зоя), дочери морейскаго деспота Ѳомы и послѣдней отрасли Палеологовъ, онъ принялъ византійскій государственный гербъ — двуглавый орелъ и даже требовалъ себѣ въ Римѣ титула Imperator Russiae. Этимъ онъ предъявлялъ уже претензіи и на русскія области Польши. Исконное непріязненное настроеніе Литвы по отношенію къ Польшѣ не осталось скрытымъ отъ Ивана III, и онъ объявилъ себя поэтому защитникомъ православнаго населенія Польши. Русская партія въ Литвѣ становилась все сильнѣе; во главѣ ея стояли дѣятельные люди, какъ, напримѣръ, Михаилъ Глинскій. Уже ко времени Казимира можно было наблюдать въ политическомъ положеніи восточной Европы благопріятный для Москвы поворотъ. Начиная съ 1481 года, когда были разбиты татары, Литовскіе князья, до сихъ поръ дружественные Польшѣ, начали одинъ за другимъ переходить на сторону Москвы.

Александръ, будучи еще великимъ княземъ, открыто даже дружилъ съ русскими, и въ 1404 году произошло сближеніе между нимъ и Иваномъ. Александръ женился на княжнѣ Еленѣ и отказался въ пользу своего тестя отъ цѣлаго ряда городовъ.

Онъ обязался въ брачномъ договорѣ не принуждать Елену къ переходу въ католичество и даже воспрепятствовать ея „добровольному" переходу въ это исповѣданіе. Онъ построилъ ей въ Вильнѣ часовню и окружилъ себя лишь ея единовѣрцами. Изъ этого ясно видно, что въ Москвѣ уже сознали вредное вліяніе католической церкви на государственныя дѣла, противъ чего начали уже возставать и въ Польшѣ.

Александръ подтвердилъ въ 1499 году старыя права православной церкви. Помимо того, Иванъ всюду умѣлъ возбуждать вражду противъ Польши и устроилъ опасный для нея союзъ. Онъ женилъ своего сына Василія на дочери Стефана II Великаго, князя молдавскаго, и втянулъ, такимъ образомъ,—эту область въ сферу своихъ интересовъ. Онъ состоялъ въ сношеніяхъ съ Тевтонскимъ орденомъ, дружилъ съ татарскимъ ханомъ Менгли Гиреемъ I (1469—74 и 1478—1515), соблюдалъ дружественное положеніе по отношенію къ Турціи и знать не хотѣлъ о союзѣ съ Польшей и съ Венгріей противъ турокъ. Той же политикѣ держался и его сынъ Василій. Въ этомъ враждебномъ отношеніи къ Польшѣ сошелся съ русскими князьями германскій императоръ Максимиліанъ, который, какъ противникъ Ягеллоновъ, нашелъ въ московскомъ великомъ князѣ желаннаго союзника для своей борьбы за корону Чехіи и Венгріи. Германія въ первый разъ завязала сношенія съ Москвой.

Столь же угрожающимъ было положеніе, занятое Высокой Портой. То была самая блестящая эпоха въ исторіи османовъ. Молдавія и Валахія только что начали колебаться въ своей вѣрности Польшѣ; а за ихъ потерей должна была послѣдовать очередь и приднѣстровской области. Ягеллонамъ нужно было, наконецъ, удержать также за собой и венгерскую корону. Это обстоятельство толкало Польшу и на югъ и ссорило ее съ Германіей. Габсбурги въ союзѣ съ Москвой и Тевтонскимъ орденомъ стремились, слѣдовательно, замкнуть кругъ враговъ Польши: кромѣ вышеупомянутыхъ государствъ, Максимиліанъ склонилъ къ союзу противъ Польши маркграфа бранденбургскаго, герцога саксонскаго и короля датскаго; онъ даже навербовалъ себѣ партію въ самой Польшѣ.

Для Сигизмунда наступилъ, такимъ образомъ,—послѣдній срокъ принять свои мѣры.

Еще въ 1507 году онъ заключилъ союзъ съ Венгріей, при чемъ отказался въ пользу послѣдней отъ Молдавіи и женился на сестрѣ Іоанна Заполіи—Варварѣ; далѣе, „годовымъ подаркомъ" въ 15,000 гульденовъ онъ склонилъ на свою сторону татарскаго хана Менгли Гирея — дѣлая все, чтобы оказаться въ состояніи съ бо̀льшей силой выступить противъ Максимиліана, съ его союзниками,—какъ его взгляды перемѣнились. Сигизмундъ не могъ одновременно заняться всѣми своими врагами и долженъ былъ, слѣдовательно, рѣшить, куда ему обратиться: на Западъ или на Востокъ. Но и у Максимиліана были причины искать мира съ Польшей: какъ разъ тогда началась всемірно-историческая борьба Габсбурговъ съ Франціей. Миланское и Неаполитанское наслѣдство вызвало эту борьбу, и оба противника боролись другъ съ другомъ во всѣхъ областяхъ міра, гдѣ они только могли повредить одинъ другому. Сигизмундъ рѣшился вести борьбу на Востокѣ и заключить союзъ съ Максимиліаномъ. Посредникомъ былъ его братъ Владиславъ II Венгерскій, и 22 іюля 1515 года въ Вѣнѣ состоялся между тремя государями тотъ достопамятный договоръ о наслѣдствѣ, который является рѣшающимъ не только для польской исторіи. Внучка императора Марія должна была выйти замужъ за Людовика, сына Владислава, а дочь послѣдняго, Анна — за одного изъ двухъ внуковъ императора: Карла или Фердинанда; Максимиліанъ, отъ имени своего внука, котораго нужно было еще выбрать, уже теперь приказалъ обвѣнчать себя съ Анной въ церкви св. Стефана. Далѣе было твердо установлено, что послѣ бездѣтной смерти Людовика венгерская корона должна перейти къ его сестрѣ Аннѣ. Этотъ договоръ означалъ отреченіе Ягеллоновъ отъ коронъ Чехіи и Венгріи, а слѣдовательно, и отъ своего могущественнаго положенія на Западѣ, и утвердилъ міровое положеніе Габсбургскаго Дома; кромѣ того онъ легъ въ основу будущей Австрійской имперіи. День смерти послѣдняго венгерскаго Ягеллона, павшаго 29 августа 1526 года при Могачѣ, сдѣлался днемъ рожденія австрійской монархіи. Однако, этотъ договоръ, съ другой стороны, доставилъ Польшѣ и выгоды. Императоръ пересталъ поддерживать тевтоновъ, не стремился къ боевому союзу съ великимъ княземъ московскимъ, — словомъ, развязалъ Польшѣ руки. Что было начато и создано сраженіемъ при Таненбургѣ, то теперь было договорнымъ путемъ признано и подтверждено Германіей, насколько такіе договоры, вообще, имѣютъ обязывающую силу. 1515 годъ образуетъ послѣднюю ступень въ эволюціи созданнаго въ 1410 году положенія дѣлъ. Такъ вступила Польша въ новый періодъ своего историческаго развитія. Государство, обращенное доселѣ своимъ лицомъ, главнымъ образомъ, на западъ, повернулось теперь на востокъ, слѣдовательно, противъ Москвы. Борьба съ этой державой болѣе всего наполняетъ съ этого времени исторію Польши въ ближайшіе вѣка и рѣшаетъ ея судьбу.

Сознаніе необходимости этой борьбы, правда, лишь медленно пробивало себѣ путь въ Польшѣ. Самъ Сигизмундъ не преслѣдовалъ еще этой цѣли съ полной настойчивостью, обнаруживая также колебанія и въ своей союзной вѣрности Германіи. Занимая верхнее теченіе Одера и Вислы, поляки всегда должны были стремиться достичь Балтійскаго моря. Это обстоятельство вызвало унію съ Литвой, тоже устремлявшейся къ Балтикѣ; по этой же причинѣ польско-литовская унія и удержалась, несмотря на всѣ препятствія. Вторымъ Торнскимъ миромъ Польша достигла этой цѣли, на которую ей ясно указывало направленіе ея рѣкъ. Но эта же природная необходимость обусловила также и перемѣну фронта въ 1515 году. Польша никогда не выигрывала отъ связи съ Венгріей, такъ какъ эта связь была не естественна: между обѣими странами продвинулись, разобщая

ихъ, горные хребты. Чехія и, въ особенности, Венгрія имѣли больше общихъ интересовъ съ Австріей, чѣмъ съ Польшею, расположенной по другую сторону. Дунай образовалъ тамъ изъ всѣхъ прилегающихъ областей одно новое государство: Австрію, raison d'être которой доказали общія войны съ турками, желавшими отнять Дунай.

Природа мѣстности отдалила, такимъ образомъ, Польшу отъ Венгріи, Чехіи и Австріи и предписала ей отреченіе отъ венгерской миссіи—отреченіе, которое образуетъ одну сторону договора 1515 года.

Но и другая сторона этого договора, движеніе на востокъ, тоже была обусловлена естественнымъ положеніемъ дѣлъ. Въ то время какъ Западная Европа раздѣлена горными цѣпями на много разобщенныхъ другъ съ другомъ кусковъ, на которыхъ самостоятельно могли развиваться отдѣльныя государства, защищенныя природой отъ своихъ сосѣдей,—восточная Европа образуетъ одну гигантскую равнину, которая, несмотря на свою обширность, должна была содѣйствовать возникновенію на всемъ ея протяженіи одного политическаго организма. Народныя волны одна за другой сталкивались здѣсь и тѣснили другъ друга; слабѣйшія племена были покорены, пока, наконецъ, не остались сильнѣйшія. Нигдѣ,—можетъ быть, за исключеніемъ морскихъ побережій — не мѣнялась такъ часто этнографическая картина, какъ здѣсь. Потребовалось много столѣтій, прежде чѣмъ въ этомъ гигантскомъ котлѣ могла выработаться единая политическая формація. Безчисленныя племена пробывали здѣсь, и несчетное число ихъ должно было погибнуть, пока, наконецъ, въ началѣ XVI столѣтія при рѣшеніи вопроса, кто долженъ господствовать надъ всей восточной Европой, могли быть приняты въ разсчетъ только два народа: поляки и русскіе. И какъ только они взаимно признали себя соперниками, они бросились другъ на друга съ такимъ остервенѣніемъ, съ какимъ звѣри загораживаютъ въ пустынѣ путь себѣ подобнымъ. Собственно говоря, оба этихъ (братскихъ) народа, имѣя одинаковые экономическіе, политическіе, культурные, да и національные интересы и даже отчасти одинаковыхъ враговъ, прекрасно могли бы и объединиться, какъ это случилось съ Польшей и Литвой. Но здѣсь обнаружилось еще разъ, какъ сильно господство идей надъ жизнью народовъ.

Оба народа, воспитанные въ разныхъ школахъ, поклонялись совершенно различнымъ идеаламъ. Не поляки боролись съ русскими, но католическая церковь съ православной, и республиканизмъ съ неограниченной властью. Отсюда озлобленіе въ этой восточно-европейской борьбѣ двухъ принциповъ. Изъ татарской школы Москва вышла жесткой и суровой. Неумолимо строгій абсолютизмъ спасъ Русь отъ гибели. Какъ же она могла послѣ этого опыта отказаться отъ данной формы своего государственнаго устройства и пристать къ западному теченію?!

Народъ и его цари были такъ твердо убѣждены въ превосходствѣ неограниченнаго самодержавія, что имѣли въ виду скорѣе дальше идти въ этомъ направленіи, чѣмъ отъ него отказаться, тѣмъ болѣе, вѣдь, что въ предстоявшей борьбѣ всѣ силы страны находились въ безусловномъ распоряженіи неограниченнаго государя, и народъ былъ такъ ему преданъ, что даже при самомъ тяжеломъ гнетѣ едва осмѣливался роптать. Взглядъ на политическое положеніе въ Польшѣ еще болѣе могъ укрѣпить Москву въ этомъ убѣжденіи. Какъ разъ къ началу борьбы обоихъ этихъ народовъ, королевская власть въ Польшѣ стала быстро падать, король и дворянство, казалось, составляли даже двѣ взаимно враждебныя и стоящія другъ противъ друга партіи. Дворянство ничего не хотѣло предпринимать, если не получало за это какія-либо уступки отъ короля. Шляхта рѣшала вопросъ о войнѣ и мирѣ и требовала платы за походы внѣ границъ государства; причиненныя ей опустошенія и потери должны были возмѣщаться, а плѣнные, захваченные шляхтой, должны были выкупаться королемъ. Сверхъ

того, дворянство стремилось платить какъ можно менѣе налоговъ и сбросить съ себя всѣ остальныя государственныя тяготы и, понятно, любило еще, чтобы король отличался настоящей щедростью.

Короли несли всю тяжесть отвѣтственности и часто спасали государство отъ бѣды только своимъ личнымъ авторитетомъ и на свои собственныя средства; къ тому же, это дворянство меньше всего отличалось хозяйственностью или работоспособностью: всѣ работы лежали на попеченіи крестьянъ. Послѣдніе вмѣстѣ съ королемъ были, такимъ образомъ, мучениками государственнаго благополучія. И это сословіе, пользовавшееся наибольшей властью въ государствѣ, относилось къ высшимъ интересамъ послѣдняго, какъ къ чему-то чуждому себѣ.

Какимъ же образомъ при такихъ условіяхъ Польша, могла быть сильной, какъ государственный организмъ?! Ея слабость проявлялась во всѣхъ войнахъ, которыя Польша вела въ XV столѣтіи.

Всѣ войны противъ ослабѣвшаго послѣ 1410 года Тевтонскаго ордена были позоромъ для Польши, какъ государства; тѣмъ болѣе, что въ странѣ было достаточно способныхъ и знающихъ военачальниковъ. Тѣмъ не менѣе, польское дворянство гордилось своей государственной конституцией и своими личными привилегіями.

Его свобода предстала передъ нимъ еще въ болѣе блестящемъ свѣтѣ, когда оно увидѣло, какъ гаснетъ въ сосѣднемъ государствѣ духовная жизнь подъ гнетомъ неограниченныхъ царей.

Такимъ образомъ, мы наблюдаемъ здѣсь замѣчательное явленіе: каждый изъ этихъ народовъ стремится избѣгнуть того, что видитъ дурного у своего сосѣда, и, благодаря этому, вдается въ опасное для себя преувеличеніе собственныхъ достоинствъ. Русскіе подняли до невѣроятной высоты неограниченное самодержавіе, а поляки такъ далеко расширили личную свободу, что отъ этого погибли единство и свобода государства. Срединнаго положенія между этими двумя противоположными полюсами оба государства не искали, если не считать отдѣльныхъ личностей, которыя и здѣсь и тамъ хотѣли смягчить зло, но не достигли своей цѣли.

Разсмотримъ еще и другія данныя, чтобы выяснить, какіе виды имѣлъ каждый изъ противниковъ въ предстоявшей борьбѣ за господство. Если Польша, какъ государственной организмъ, и была слабѣе, то за то ей доставляли преимущества ея высшая культура и поддержка Рима; кромѣ того, Польша выступила въ этой борьбѣ съ Востокомъ, какъ бы въ качествѣ повѣреннаго Европы въ интересахъ ея культуры и ея религіи, и могла разсчитывать, поэтому, на ея поддержку; послѣдняя, правда, не выходила за предѣлы словесныхъ изъявленій сочувствія и не помѣшала западнымъ государствамъ напасть, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, на самую Польшу. Вначалѣ Польша сдѣлала большіе успѣхи, но слишкомъ быстро обнаружилась трудность ея задачи.

Если Польша рѣшилась нести на востокъ католицизмъ, то ей предстояло убѣдиться въ томъ, что православно-греческій міръ уже сорганизовался и сгруппировался вокругъ Москвы, какъ своего центра. Но и тѣ дворянскія вольности, которыя поляки думали распространять на Востокѣ влекли вмѣстѣ съ собой то опасное для нихъ побочное явленіе, что съ ними рука объ руку шло жестокое притѣсненіе сельскаго населенія. И оба эти движенія: религіозное и соціальное должны были вызвать на Востокѣ глубокое броженіе, что повлекло за собой возстанія и конечную потерю Украйны. Въ концѣ-концовъ, поляки сознали, что необходимо напряженіе всѣхъ силъ для того, чтобы выдержать эту жестокую борьбу. Но здѣсь-то высоко одаренному и патріотическому народу и измѣнили его способности. Старая поговорка: „Rzecz pospolita cnota stoi“ (республика держится на добродѣтели)—оказалась несостоятельной, когда въ Польшѣ исчезла гражданская доблесть.

В. Два послѣднихъ Ягеллона.

Основное зло, отъ котораго страдало польское государство, хорошо сознавали оба послѣднихъ Ягеллона, Сигизмундъ и его сынъ Сигизмундъ Августъ. Время ихъ правленія является поэтому безпрерывнымъ рядомъ попытокъ измѣнить конституцію государства, ограничить высокомѣріе дворянства, усилить королевскую власть и создать хорошіе законы, и нужно признать, что у нихъ не было недостатка ни въ доброй волѣ, энергіи и выдержкѣ, ни въ готовности къ самопожертвованію. Мы постоянно встрѣчаемъ ихъ и ихъ преемниковъ въ борьбѣ съ безурядицей и анархіей въ странѣ и въ то же время видимъ, какъ они безполезно истощаютъ себя въ этой неравной борьбѣ и не могутъ остановить общаго паденія.

Уже Сигизмунду (1506—1548) эта тяжелая задача оказалась не по силамъ. Еще до 1515 года онъ велъ войну съ Москвой и достигъ нѣкоторыхъ успѣховъ; но энергичное продолженіе войны оказалось невозможнымъ. То же было и со второй войной, возгорѣвшейся въ 1533 г. Молдавія пристала уже къ Москвѣ. Сверхъ того, Сигизмундъ обнаружилъ особенную слабость по отношенію къ Германіи. Когда онъ въ 1518 году вступилъ во второй бракъ съ миланкой Боной Сфора, дочерью Джіовани Галеаццо (ум. въ 1494 году), и сдѣлался, такимъ образомъ, племянникомъ императора Максимиліана, то онъ, кажется, сталъ подвергаться, подобно Ягеллу, вліянію Германіи. Блескъ Имперіи побуждалъ его поддерживать дружбу съ Фердинандомъ I и домогаться руки его дочери для своего сына, Сигизмунда Августа; но онъ не сумѣлъ использовать этотъ союзъ съ Германіей. Такъ, напримѣръ, войну Тевтонскому ордену, гохмейстеръ котораго постоянно отказывался дать присягу на вѣрность, онъ объявилъ лишь послѣ смерти Максимиліана (1519 г.). Но и теперь онъ не сумѣлъ достаточно оберечь свои выгоды. Благодаря посредничеству императора Карла V, пытавшагося снова двинуть орденъ противъ Польши, состоялось въ 1521 году перемиріе на четыре года. Ни въ одной странѣ реформація не сдѣлала столь быстрыхъ успѣховъ, какъ въ Пруссіи подъ владычествомъ монашествующихъ орденовъ, и въ связи съ этимъ состоялось рѣшеніе превратить орденскія владѣнія въ свѣтское герцогство. Гохмейстеръ Альбрехтъ фонъ Бранденбургъ, сынъ Фридриха фонъ Ансбаха и сестры Сигизмунда, Софіи (см. въ 1513 г.), племянникъ Сигизмунда, прибылъ въ началѣ апрѣля 1525 года въ Краковъ, снялъ здѣсь съ себя орденское облаченіе и на краковскомъ рынкѣ принесъ королю, въ качествѣ свѣтскаго и наслѣдственнаго герцога Пруссіи, присягу на вѣрность. Герцогъ обязался быть вѣрнымъ вассаломъ короля, являться къ нему со ста рыцарями на помощь во время войны и отказался отъ права чеканить монету.

За это онъ получалъ первое, рядомъ съ королемъ, мѣсто въ сенатѣ.

По пресѣченіи его мужского потомства, Пруссія должна была отойти къ Польшѣ. Послѣдняя не имѣла никакого основанія радоваться такому исходу этого дѣла; ибо на мѣсто избиравшагося отъ времени до времени гохмейстера появился теперь наслѣдственный нѣмецкій герцогъ, и, что было еще важнѣе, страна получила, благодаря реформаціи, совершенно нѣмецкій характеръ. Старый врагъ остался и въ еще болѣе опасной для Польши формѣ. Польская политика была такъ слаба и близорука, что послѣ смерти герцога Альбрехта II Фридриха (24 авг. 1618 г.) поляки не приняли даже этого лена въ силу даннаго договора, а передали его главной бранденбургской линіи Гогенцоллерновъ. Полное отдѣленіе Пруссіи отъ польской короны могло быть только вопросомъ времени, и оно наступило въ 1659 году, когда Польша, окруженная одними врагами, находилась въ величайшей нуждѣ, и ей и съ востока угрожала большая опасность. Уже тогда Москва и Пруссія вступили въ союзъ противъ Польши, и ихъ дружба перешла вскорѣ въ традицію.

Въ сравненіи со всѣмъ этимъ, мало значенія имѣетъ тотъ фактъ, что Сигизмундъ соединилъ со своей короной западно-мазовецкія княжества по пресѣченіи тамошней линіи Пястовъ.

Для Польши было еще счастьемъ, что король, со своимъ правильнымъ чутьемъ, поддерживалъ дружественныя отношенія съ Турціей.

Несмотря на свою разсудительность и осторожность Сигизмундъ, лично способный правитель, приведшій въ порядокъ разстроенные финансы страны, нигдѣ, однако, не добился рѣшающаго успѣха. Да и какъ могло государство энергично развивать свою дѣятельность, когда дворянство не обнаруживало никакого патріотизма, думало лишь о своей выгодѣ и объ умноженіи своихъ вольностей и слишкомъ часто нарушало подобающее коронѣ почтеніе. Уже при Ягеллѣ шляхта, которой король отказался дать какую-то привилегію, на его глазахъ изрубила саблями въ куски предназначавшуюся для нея грамоту.

Сыну Ягелла, Казимиру, она грозила смѣщеніемъ. То же повторилось и теперь. Когда Максимиліанъ, еще до 1515 года, находился въ натянутыхъ отношеніяхъ съ Сигизмундомъ, то ему (Максимиліану) удалось склонить на свою сторону часть дворянства: шляхта отказала королю въ средствахъ на войну съ Москвой. Хвастался вѣдь Христофоръ Шидловецкій, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ сановниковъ Сигизмунда, что онъ получилъ отъ Максимиліана 80,000 гульденовъ, не сознавая самъ, что это— государственная измѣна. По той же причинѣ Сигизмундъ не могъ вести съ достаточной настойчивостью и войны съ орденомъ. Когда онъ въ 1537 году созвалъ дворянство на войну съ Молдавіей, при чемъ собралось у Лемберга около 150,000 человѣкъ, то эти толпы вовсе не хотѣли идти въ походъ, но взбунтовались противъ короля и потребовали улучшенія законодательства. На сеймѣ 1523 г. было даже совершено покушеніе на короля. И когда въ 1538 году хотѣли наложить строгія наказанія за насильственныя дѣйствія противъ общества и за оскорбленіе величества, то пришлось обратиться къ римскому праву, такъ какъ туземное законодательство не удовлетворяло этому.

Но что особенно заслуживаетъ упоминанія, такъ это то, что уже въ то время начало складываться слѣдующее правило: всѣ законы могутъ получить силу лишь при единогласномъ одобреніи (Communis Consensus) Этотъ принципъ привелъ въ заключеніе къ liberum veto.

Такое положеніе вещей продолжалось и при сынѣ Сигизмунда, Сигизмундѣ II Августѣ (также просто Августѣ; 1548—1572 г.), но послѣдній былъ много способнѣе своего отца и сумѣлъ добиться значительныхъ успѣховъ, какъ во внѣшней политикѣ, такъ и въ области внутреннихъ реформъ.

Значительное завоеваніе могъ сдѣлать Сигизмундъ Августъ на Балтикѣ. Ливонская часть Тевтонскаго ордена была тогда близка къ разложенію, и Польша должна была не сплошать при ожидавшихся переговорахъ о наслѣдованіи этихъ земель. Въ Ливоніи орденъ никогда не могъ достичь такого могущества и блеска, какъ въ Пруссіи. Съ одной стороны, самый наплывъ переселявшихся сюда нѣмцевъ былъ слабѣе; съ другой — продолжительная борьба между орденомъ и рижскими архіепископами помѣшала болѣе крѣпкому объединенію сословій. Мѣстные епископы не боялись подумывать и объ иноземной помощи. Такъ, послѣдній рижскій архіепископъ обратился къ Польшѣ и формально отдался подъ защиту польскаго короля, что сильно озлобило орденъ, который всегда держался національнаго образа мыслей. Польша и Россія были живо заинтересованы въ рѣшеніи ливонскаго вопроса. Обладаніе населенной и богатой страной и, благодаря этому, важной позиціей на Балтикѣ заслуживало величайшихъ жертвъ и усилій: отъ господства надъ старой нѣмецкой колоніей прямо зависѣло великодержавное положеніе Польши на Балтійскомъ морѣ.

Еще въ бо́льшей степени была въ этомъ заинтересована Россія. Ибо хотя при всѣхъ заявленіяхъ царями своихъ историческихъ правъ, ни одинъ русскій князь не господствовалъ до 1721 года надъ этимъ побережьемъ,— все же Россія уже съ XII столѣтія съ большими силами стремилась туда, такъ какъ она должна была получить доступъ къ этому міровому пути, если только хотѣла стать европейской великой державой. Но столь же сильный интересъ къ разрѣшенію этого вопроса проявляли Швеція и Данія: первая потому, что укрѣпилась на сѣверномъ и восточномъ побережьяхъ Финскаго залива, и эти владѣнія ея подвергались опасности нападенія со стороны русскихъ, Данія же уже со временъ Вальдемара II предъявляла претензіи на Эстляндію. Если же принять во вниманіе, что здѣсь были также заинтересованы Тевтонскій орденъ, политически связанный съ Ливоніей, а также, изъ религіозныхъ соображеній, и Римъ, — то станетъ понятно, какимъ образомъ ливонскій вопросъ превратился въ европейскій.

Благопріятнѣе всего были виды Польши, и цѣлесообразнѣе всѣхъ дѣйствовалъ польскій король Сигизмундъ I, какъ покровитель рижскаго архіепископства. Онъ не только постоянно имѣлъ случай вмѣшиваться во внутреннія дѣла Ливоніи: въ прусскомъ герцогѣ Альбрехтѣ, своемъ гогенцоллерновскомъ вассалѣ, онъ имѣлъ также вѣрнаго союзника, который пользовался, въ качествѣ давнишняго гохмейстера, большимъ вліяніемъ на Ливонскій орденъ, и хотѣлъ использовать это вліяніе въ интересахъ Польши. Ему удалось сдѣлать своего брата Вильгельма коадъюторомъ, а въ 1539 г. и рижскимъ архіепископомъ и усилить тамъ свое вліяніе. Курія вездѣ поддерживала польскаго короля; оттого-то Сигизмундъ Августъ долженъ былъ осторожно относиться къ дѣлу реформаціи въ своей странѣ и стараться воспрепятствовать общему отпаденію отъ Рима. Какъ Польша, такъ и самъ Вильгельмъ носились съ мыслью обратить рижскую область въ свѣтское владѣніе, какъ это случилось съ Пруссіей. Преемникомъ своихъ плановъ Вильгельмъ избралъ своего родственника, молодого герцога Христофора Мекленбургскаго, бывшаго доселѣ епископомъ, и близкаго родственника польскаго короля. Такъ дѣйствовали тогда заодно съ Польшею могущественнѣйшіе князья сѣверо-восточной Германіи. Несмотря на протестъ ливонскихъ сословій, Христофоръ былъ возведенъ въ санъ коадъютора.

Но и Москва добилась успѣховъ. Въ 1554 г. Ливонскій орденъ заключилъ съ Иваномъ IV договоръ, въ которомъ обязался никогда не вступать въ союзъ съ Польшей и въ случаѣ войны остаться нейтральнымъ; кромѣ того, онъ взялъ на себя уплату извѣстной дани съ дерптской области по маркѣ съ человѣка.

Начало борьбы было вызвано перехваченнымъ письмомъ архіепископа къ его брату Альбрехту Прусскому, въ которомъ шла рѣчь о его планахъ, направленныхъ противъ ордена. Архіепископъ былъ посаженъ въ заточеніе, какъ государственный измѣнникъ, его замки и дворцы были заняты, архіепископскія владѣнія конфискованы и отданы подъ управленіе епископовъ дерптскаго и эзельскаго. Начало этой войны, которую въ отличіе отъ войны 1700—1718 гг., называютъ Первою Сѣверной, было ускорено, когда по смерти орденскаго магистра Генриха фонъ Галена,— былъ избранъ въ 1550 г. на эту должность воинственный Вильгельмъ фонъ Фирстенбергъ. Теперь, однако, обнаружилось, что дни Ливонскаго ордена сочтены. Въ то время какъ Сигизмундъ Августъ стоялъ на курляндской границѣ со 100,000-мъ войскомъ, — рыцари едва могли выставить 10,000 человѣкъ вмѣстѣ съ ланцкнехтами и крестьянами, а внутренній разладъ раздроблялъ силы страны. Орденъ вынужденъ былъ, поэтому, уступить безъ борьбы, просить прощенія у польскаго короля и снова возстановить въ должности архіепископа и его коадъютора. Тогда послѣдо-

вало въ ноябрѣ 1557 г. объявленіе войны со стороны Москвы, и теперь началась всеобщая война.

Орденскіе рыцари и ихъ вассалы совершили, правда, при этомъ не мало геройскихъ подвиговъ, но замѣшательство, малодушіе и измѣна не позволяли сословіямъ предпринять единообразныхъ дѣйствій. Какъ нѣкогда въ Пруссіи въ моментъ опасности, такъ и здѣсь теперь шла агитація противъ ордена, и эти интриги снова исходили отъ польской партіи, которая возвела своего сторонника, Готтарда Кеттлера, въ санъ магистра ордена, отчего Польша сразу сдѣлала большой шагъ впередъ. Правда, и Кеттлеръ хотѣлъ сохранить свою независимость и искалъ помощи у Священной Римской имперіи, у Тевтонскаго ордена и у другихъ державъ; но, по его собственному позднѣйшему признанію, онъ ни у кого не нашелъ поддержки, а, между тѣмъ, замѣшатетьство въ странѣ усиливалось. Уставъ отъ безпорядка, магистръ ордена и архіепископъ прежде всѣхъ предались польскому королю. 28 ноября 1561 года былъ заключенъ договоръ, по которому орденскія владѣнія были секуляризованы. Готтардъ Кеттлеръ снова перешелъ въ свѣтское званіе и получилъ въ ленъ Курляндію съ титуломъ герцога курляндскаго и семигальскаго, и, вслѣдствіе этого, мѣсто и голосъ въ польскомъ сенатѣ. Резиденціей ему была указана Митава, а не Рига. Все, что лежало по ту сторону Двины, со включеніемъ Риги, слѣдовательно,—вся Лифляндія, было инкорпорировано въ составъ польскаго государства, при чемъ король тогда же подтвердилъ всѣ вольности страны, обезпечивъ ей нѣмецкое управленіе, нѣмецкій языкъ и свободу Аугсбургскаго исповѣданія и обѣщая также добиться согласія Германской имперіи на эти договоры, въ силу которыхъ Ливонія вышла изъ состава Имперіи. Управленіе Лифляндіей было передано герцогу Кеттлеру. Благодаря всему этому орденская страна могла въ теченіе трехъ столѣтій сохранить свой нѣмецкій характеръ. Въ 1562 году этотъ договоръ приняли всѣ сословія, а черезъ двадцать лѣтъ и Рига. Польша добилась дальнѣйшихъ выгодъ, сблизившись со Швеціей. Братъ шведскаго короля Эриха XIV, Іоаннъ (III), женился въ 1562 г. на дочери польскаго короля, Катеринѣ; сынъ отъ этого брака сдѣлался въ 1587 г. королемъ польскимъ подъ именемъ Сигизмунда III. Швеція завладѣла, съ согласія Польши, Ревелемъ и Эстляндіей, но и Данія пріобрѣла нѣкоторыя выгоды: датскій принцъ Магнусъ получилъ путемъ измѣны епископство эзельское. Москва же, непоколебимо продолжавшая войну и производившая страшно опустошительныя вторженія, должна была удовольствоваться Дерптомъ; но уже въ 1582 году послѣдній отошелъ къ Польшѣ. На безчисленныхъ сеймахъ были сдѣланы попытки реформировать судебное устройство, общее и публичное право, налоговую систему и военное устройство,—но почти безуспѣшно: часто только что сдѣланное постановленіе снова отмѣнялось. Разсматривая законодательство Польши за этотъ періодъ, изумляешься его безплодности: такъ много рѣчей, такъ мало рѣшеній! Только Сигизмунду Августу удалось къ концу своей жизни ввести здѣсь перемѣны, Уже при его отцѣ дворянство на сеймахъ 1535/1536 гг. потребовало и провело ревизію законодательства. Съ теченіемъ времени были отмѣнены сеймовыя постановленія, противорѣчившія другъ другу; такъ напримѣръ, привилегіи монастырей и монаховъ, равно и юрисдикція епископовъ, или свобода отъ налоговъ духовенства, были въ противорѣчіи съ общими законами объ обложеніи помѣстій и со связаннымъ съ этимъ военнымъ устройствомъ, а также, съ другой стороны, съ закономъ neminem captivabimus и съ суверенитетомъ дворянства, вообще. Уже при Казимирѣ III дворянство выступило противъ привилегій духовныхъ лицъ, и, благодаря этому, королю удалось сокрушить преобладаніе духовенства. Вообще, начало пробиваться стремленіе отмѣнить всѣ привилегіи какъ сословій, такъ и отдѣльныхъ лицъ. Хотѣли, равнымъ образомъ, устранить incompa-

tibilia (соединеніе нѣсколькихъ званій въ однѣхъ рукахъ). Далѣе, съ точки зрѣнія королевскихъ имуществъ и налогового обложенія, важно было привести въ порядокъ королевскія помѣстья, которыя были, по большей части, заложены или розданы въ даръ и незаконно удерживались владѣльцами. Теперь ихъ надлежало принудить возвратить эти владѣнія, и, такимъ образомъ, былъ бы созданъ фондъ, достаточно обильный для покрытія необходимѣйшихъ государственныхъ расходовъ, благодаря чему дворянство могло бы освободиться отъ тяготъ. Важнѣе всего было, однако, уничтожить привилегіи отдѣльныхъ областей и подвести ихъ всѣхъ подъ одинъ законъ, чтобы положить конецъ ихъ склонности къ сепаратизму, а также покончить и съ беззаконіемъ. Къ этимъ областямъ принадлежала въ первой линіи Литва, затѣмъ Мазовія, Пруссія, Ливонія и, наконецъ, Заторъ и Oswiecim (Освѣцимъ) (Аушвицъ въ Галиціи), которыя пріобрѣлъ еще Іоаннъ Альбрехтъ. Всѣ эти законодательныя работы предпринимались сообща подъ именемъ „исполненія законовъ“, и дворянство при всякомъ удобномъ случаѣ бурно требовало ихъ проведенія.

а) Разработка религіознаго вопроса.

Отъ этихъ законодательныхъ работъ зависѣлъ будущій политическій и соціальный обликъ государства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшеніе религіознаго вопроса. Какъ разъ тогда протестантизмъ получилъ въ Польшѣ значительное развитіе. Польская свобода благопріятствовала распространенію различныхъ ученій. Гуманизмъ нашелъ въ Польшѣ могучій отголосокъ; питавшееся имъ гуситское движеніе такъ широко распространилось вмстѣ съ нимъ, что гуситовъ поддерживали города и даже дворянство.

Ученіе Лютера нашло почву еще болѣе подготовленной, такъ какъ старое гуситское ученіе еще не затихло, могущество духовенства было ограничено, и свобода убѣжденія имѣла значеніе традиціи. Уже въ 1518 г. стали распространяться въ Польшѣ идеи Лютера, и въ Данцигѣ монахъ Якобъ Кнадэ съ большимъ успѣхомъ поднялъ свой голосъ противъ злоупотребленій церкви. Проповѣдники появились въ Великой и въ Малой Польшѣ и въ другихъ областяхъ, и только въ глубококонсервативной Мазовіи новое ученіе не нашло послѣдователей. Новое ученіе охотно принималось дворянствомъ и охотнѣе городскимъ бюргерствомъ. Вскорѣ мы встрѣчаемъ также послѣдователей кальвинизма, который распространялся, можетъ быть, еще успѣшнѣе. Кромѣ того, мы находимъ антитринитаріевъ социніянъ, чешскихъ братьевъ, аріанъ и другихъ. Могущественныя дворянскія фамиліи примыкали къ новому ученію и брали его подъ свою защиту, напримѣръ: Фарлеи, Здоровскіе, Лещинскіе, Олесницкіе, Гурко, Томицкіе, Оссовецкіе и многіе другіе. Въ ихъ помѣстьяхъ образовались центры новаго исповѣданія, какъ, напр., въ Радзѣевѣ, Пинчовѣ и т. д.

Многіе священники и монахи, даже епископы, выступили противъ католической церкви. Даже при королевскомъ дворѣ находили защиту эти новшества, и у духовника королевы, францисканца, происходили тайныя собранія, да и главный проповѣдникъ тоже принадлежалъ къ друзьямъ новаго ученія; сторонникомъ послѣдняго считался и престолонаслѣдникъ Сигизмундъ Августъ, тогда еще великій князь литовскій; только къ концу своей жизни онъ выступилъ ревностнымъ католикомъ. Король, побуждаемый католически мыслящими епископами и куріей,—вначалѣ склонился къ строгимъ мѣрамъ. Въ 1520, 1522 и 1523 годахъ онъ запретилъ, подъ страхомъ конфискаціи имущества, распространеніе лютеранскихъ книгъ. Синодъ въ Ленчицѣ постановилъ опубликовать буллу Льва X объ отлученіи Лютера, отлучилъ, съ своей стороны, отъ церкви всѣхъ еретиковъ и ввелъ духовную цензуру, давъ священникамъ право производить

обыски въ частныхъ домахъ. Отъ короля требовали возстановленія стараго противогуситскаго статута, изданнаго въ 1424 году, по которому ересь должна была наказываться наравнѣ съ оскорбленіемъ величества и подлежала суду епископовъ. Въ 1527 году была введена инквизиція, въ 1534 г. возбранено посѣщеніе виттенбергскаго университета, а въ 1541 запрещено, подъ страхомъ лишенія дворянства, держать у себя неподчиненныхъ Риму священниковъ. А когда позднѣе епископатъ укрѣпился внутренно и очистился отъ сомнительныхъ членовъ, онъ развилъ успѣшную дѣятельность, особенно съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ католической реакціи сталъ даровитый епископъ эрмландскій, Станиславъ Гозій.

Но всѣ эти мѣры, принятыя противъ новаго ученія, мало приносили пользы. Король дѣйствовалъ сурово лишь въ Данцигѣ; прибывъ туда въ мартѣ 1526 года для подавленія ереси, онъ приказалъ безъ суда обезглавить на базарѣ тринадцать бюргеровъ, хотя прежде положительно клялся „королевской честью, шлемомъ и щитомъ“, что не желаетъ проливать крови, но хочетъ лишь установить миръ и единеніе. Однако, это не помогло, и Пруссія была первою областью, гдѣ лютеранство было возведено на степень государственной религіи. Но затѣмъ и король самъ пріуменьшилъ свое рвеніе. Когда докторъ Іоаннъ Экъ предлагалъ ему поступить по примѣру Генриха VIII, онъ отвѣчалъ ему въ 1528 году: „Времена мѣняются, а вмѣстѣ съ ними власти и духъ законодателей; однѣ науки гибнутъ, а другія расцвѣтаютъ. Пусть Генрихъ пишетъ противъ Мартина—мнѣ позволь быть королемъ и овецъ, и барановъ“. И онъ отказался отъ суровыхъ мѣропріятій. То же дѣлалъ и его сынъ Сигизмундъ Августъ. Извѣстенъ только одинъ случай суровости: въ 1530 году король допустилъ сожженіе одной женщины Катерины Мальсхеръ. Равнымъ образомъ и при Сигизмундѣ Августѣ только однажды была сожжена какая-то женщина.

Запрещеніе посѣщать чужіе университеты было отмѣнено въ 1543 году, такъ какъ оно было попросту неисполнимо. Такъ же мягко, а можетъ быть, еще мягче дѣйствовалъ Сигизмундъ Августъ, часто подчеркивавшій, что не желаетъ быть судьей надъ совѣстью. Между тѣмъ, вражда между дворянами и духовенствомъ все росла, такъ какъ первые не хотѣли признать епископской юрисдикціи. „Мы хотимъ“,—говорилъ Янъ Тарновскій,—„быть подвластными лишь королевскому суду, и если бы король былъ лишь исполнителемъ воли епископовъ, то наше рабство было бы еще хуже турецкаго, ибо малѣйшаго подозрѣнія было бы достаточно, чтобы заклеймить кого-либо еретикомъ. Епископамъ не будетъ причинено никакой обиды, такъ какъ они, какъ члены сената, будутъ соучаствовать въ судѣ по дѣламъ о ереси“, и на отвѣтъ краковскаго епископа Эр. Андр. Зебржидовскаго: „Если я не буду судьей по дѣламъ о ереси, то чѣмъ же я буду: приказнымъ служителемъ или епископомъ?“ — Тарновскій замѣтилъ: „Лучше тебѣ быть приказнымъ, чѣмъ мнѣ рабомъ“. Утѣшительно слышать, съ какимъ мужествомъ дворянство защищало свои вольности. Однажды во время мессы въ церкви, когда король и епископы преклонили колѣни, молодой Рафаилъ Лещинскій надѣлъ шапку на голову; эта безтактность относилась не къ религіи, а къ епископамъ. Такъ въ Польшѣ ставили свободу выше всего, такъ уважали тамъ человѣческое достоинство. Здѣсь шли такъ далеко, что требовали полной свободы совѣсти, и поляки показали, что они, дѣйствительно, нація свободныхъ людей. Молодой Рафаилъ былъ затѣмъ избранъ сеймовымъ маршаломъ, на зло епископамъ, которые жаловались на него за это королю.

Возникло стремленіе совершенно уничтожить епископскую юрисдикцію, чтобы поставить духовенство подъ дѣйствіе общихъ законовъ, и это должно было теперь осуществиться, какъ главный пунктъ программы законодательной реформы. Дѣло было не легкое, и король не могъ рѣшиться. Согласиться съ доводами епископовъ и признать ихъ юрисдикцію

было весьма опасно; съ другой стороны, нельзя было давать свѣтскимъ судьямъ право выносить рѣшенія по дѣламъ религіи. Поэтому король отложилъ рѣшеніе и согласился лишь на interim, хотя въ принципѣ и призналъ, на основаніи старыхъ законовъ, епископскую юрисдикцію. Ливонскій вопросъ также, быть можетъ, удержалъ его отъ отложенія отъ куріи, въ помощи которой онъ нуждался. Несмотря на такую широкую свободу, или, правильнѣе, благодаря ей, протестантизмъ не могъ пустить въ Польшѣ глубокихъ корней. Въ Германіи онъ служилъ отпоромъ противъ преобладанія церкви; тамъ онъ выросъ изъ жизненныхъ условій, какъ ихъ естественный продуктъ. Въ Польшѣ церковь не могла себѣ позволить большихъ злоупотребленій; поэтому здѣсь на протестантизмъ смотрѣли лишь, какъ на привозный предметъ роскоши. Большинство забавлялось имъ, чтобы показать, что они вольны имѣть свои самостоятельныя воззрѣнія и на религію. Поэтому, когда католическая церковь обновилась на Тридентскомъ соборѣ и ясно изложила свою цѣль, то контръ-реформація въ Польшѣ оказалась дѣломъ не труднымъ, Тогда какъ на Западѣ реформація была, по большей части, задушена въ крови, — въ Польшѣ контръ-реформація прошла почти незамѣтно; и даже столь вліятельные противники, какъ Станиславъ Оржеховскій, снова вернулись къ католической церкви. Возросло лишь озлобленіе между этой церковью и православнымъ населеніемъ. Одно вызванное реформаціей побочное движеніе заслуживаетъ нашего вниманія: это—требованіе національной церкви. Проповѣдники всегда пользовались народнымъ нарѣчіемъ при распространеніи своихъ ученій и тѣмъ повсюду способствовали развитію національнаго языка. Еще гуситское движеніе положило этому начало, но протестантизмъ довелъ развитіе польскаго языка до расцвѣта. Тотъ фактъ, что въ Польшѣ въ XVI столѣтіи польскій языкъ сталъ вытѣснять латинскій, и появилась національная литература, объясняется, какъ и въ другихъ странахъ, прежде всего успѣхами протестантскаго движенія. Вызванные къ новой жизни народные языки проникли и въ церковное богослуженіе. Какъ на Западѣ оппозиція противъ католической церкви исходила изъ желанія расширить самостоятельность собственныхъ національныхъ церквей, какъ во Франціи образовалась галликанская, а въ Англіи — національная англиканская церковь, такъ и въ Польшѣ требовали основанія національной церкви со славянской литургіей, и свободной отчасти или вполнѣ отъ подчиненія Риму. И къ этому плану оппозиція хотѣла склонить короля.

b) Разработка государственно-правовыхъ вопросовъ.

Но такъ какъ эта перемѣна должна была повлечь за собою измѣненіе конституціи, то и этотъ пунктъ входилъ въ программу пересмотра или „исполненія законовъ". Наконецъ, король, тотчасъ вслѣдъ за пріобрѣтеніемъ Ливоніи, рѣшился приступить къ реформамъ. Начали съ болѣе легкой части требованій: съ вопроса о коронныхъ помѣстьяхъ и объ incompatibilia; шляхта первоначально понимала подъ этимъ общую отмѣну особыхъ привилегій. Однако, подъ вліяніемъ королевы прежде всего приступили къ вопросу объ отобраніи заложенныхъ королевскихъ помѣстій по примѣру другихъ династій; королева хотѣла основать могущество своего Дома на умноженіи королевскихъ имуществъ. Какъ и при Сигизмундѣ, такъ и теперь исходнымъ пунктомъ взяли сеймовое постановленіе 1504 года, по которому закладъ коронныхъ имѣній былъ поставленъ въ зависимость отъ согласія сената. Еще при Сигизмундѣ нѣкоторыя знатныя лица порвали грамоты своихъ особыхъ привилегій и бросили ихъ къ стопамъ короля; и теперь также нашлись люди, отказавшіеся отъ нѣкоторыхъ званій, которыхъ они имѣли по нѣсколько сразу. Но когда было серьезно приступлено къ отобранію коронныхъ помѣстій, тогда выступили такія трудности,

что все дѣло затерялось безслѣдно. Самоотверженнѣе всѣхъ показалъ себя самъ Сигизмундъ Августъ, установивъ, что четвертая часть всѣхъ доходовъ съ королевскихъ имѣній должна быть обращена на покрытіе расходовъ по арміи и принявъ исключительно на себя внесеніе этой части съ тѣхъ помѣстій, относительно которыхъ не было еще рѣшено, будутъ ли они отобраны.

Въ послѣднее время войсковому управленію часто приходилось довольствоваться только этой королевской четвертью. Войско, получавшее жалованье изъ этого источника, называлось „войско квартовое" (кварта — четверть).

Эта четверть была, правда, такъ низко расцѣнена, что ее пришлось позднѣе удвоить. Затѣмъ настала очередь церковной юрисдикціи. Послѣ большихъ споровъ, король рѣшился на компромиссъ, признававшій юрисдикцію церкви, но отнимавшій у нея brahium seculare — свѣтскую власть. Въ 1565 году это было формулировано въ видѣ закона въ томъ смыслѣ, что уже не церковная власть должна была впредь привлекать къ отвѣтственности городскихъ старостъ за неисполненіе приказаній. Партія реформъ требовала, однако, полнаго уравненія духовенства съ дворянствомъ въ отношеніи податей и воинской повинности. И только присутствіе папскаго легата Франца Коммендони, опытнаго дипломата, умѣвшаго смягчать противорѣчія, избавило польскую католическую церковь, отъ новыхъ униженій. Его энергично поддерживалъ епископъ Гозій Эрмландскій, тотъ самый, который блестяще представлялъ Польшу на Тридентскомъ соборѣ и составилъ новую, принятую тогда всей католической церковью, confessio fidei.

Чтобы спасти остальныя права, Коммендони совѣтовалъ духовенству не уклоняться отъ налоговой обязанности; и, такимъ образомъ, была подвергнута обложенію церковная десятина. На большія трудности наткнулась попытка легата провести въ Польшѣ рѣшенія Тридентскаго собора; даже часть духовенства противилась нѣкоторымъ отдѣльнымъ постановленіямъ этого собора. Только благодаря благосклонности короля, заявившаго, что онъ хочетъ жить и умереть католикомъ, католическая церковь побѣдила, наконецъ, всѣхъ своихъ противниковъ, которые съ самаго начала находились въ неблагопріятномъ положеніи въ томъ отношеніи, что разбивались на много партій. Всѣ желанія оппозиціи: національная церковь, національный синодъ и полная отмѣна церковной юрисдикціи — остались неисполненными, хотя оппозиція всячески старалась склонить на свою сторону короля, дѣлая ему уступки въ его частныхъ дѣлахъ. Тѣмъ не менѣе, король принялъ изъ рукъ легата сборникъ постановленій Тридентскаго собора, придалъ ему силу въ Польшѣ и издалъ постановленіе, изгонявшее изъ страны всѣхъ иностранныхъ религіозныхъ новаторовъ; мало того, онъ даже хотѣлъ, уступая желанію легата, не допустить никакихъ религіозныхъ бесѣдъ между католиками и ревнителями реформы. Католическая религія не долюбливала диспутовъ, правильно сознавая, что они могутъ колебать непосредственную вѣру.

Законы объ incompatibilia, а также объ обязанности имѣть постоянное пребываніе въ мѣстѣ служебной дѣятельности (residentia loci), касавшіеся оба какъ свѣтскихъ, такъ, по смыслу тридентскихъ рѣшеній, и духовныхъ сановниковъ, — получили новое подтвержденіе.

Реформа коснулась также и привилегій городовъ, которымъ былъ воспрещенъ вывозъ товаровъ за границу, что должно было подорвать не только благополучіе городовъ, но и интересы всего государства. Только дворянамъ было дозволено вывозить сырье. Такъ какъ ввозъ иностранныхъ товаровъ остался дозволеннымъ, то понятно, насколько этимъ было подрѣзано развитіе туземной промышленности. Польша никогда не умѣла должнымъ образомъ цѣнить эту важную вѣтвь человѣческой дѣятельности

и народнаго благосостоянія. Предразсудокъ, что трудъ не достоинъ дворянина, и что торговля и промыслы менѣе благородны, удержался здѣсь до новѣйшаго времени. Въ Польшѣ лишь слишкомъ поздно сознали цѣнность городовъ, ихъ значеніе для культуры и промышленности. Въ одномъ, написанномъ около этого времени Лукой Гурницкимъ, діалогѣ между полякомъ и итальянцемъ полякъ не хочетъ дать себя убѣдить въ необходимости городовъ, которые повсюду начали становиться центрами политической, культурной и соціальной жизни, и ссылается на татаръ, которые не знали никакихъ городовъ. Въ Польшѣ никогда не могли развиться города и бюргерское сословіе. При наступившемъ теперь упадкѣ торговли и промышленности, богатые бюргеры начали приниматься за земледѣльческое хозяйство. Польша не вышла, такимъ образомъ, изъ рамокъ сельскохозяйственнаго развитія и была поэтому завалена итальянскими, англійскими и шотландскими товарами. Даже свое положеніе на Балтійскомъ морѣ поляки не сумѣли какъ слѣдуетъ использовать. Вмѣсто того, чтобы содѣйствовать развитію здѣсь торговли, они обременяли Данцигъ налогами и довели его до того, что этотъ спокойный городъ началъ искать защиты на сторонѣ.

О торговыхъ интересахъ въ Польшѣ какъ разъ никогда не думали.

Всѣ эти постановленія, которыми были частью ограничены, часть совершенно отмѣнены спеціальныя права магнатовъ, епископовъ и городовъ, сдѣлали земскую палату рѣшающимъ учрежденіемъ въ государствѣ, что, однако, при низкой образованности шляхты и при односторонней защитѣ ея сословныхъ правъ не могло послужить ко благу государства. Важно было постановленіе 1536 года, которымъ православному дворянству Литвы давались тѣ же права, какими пользовалось католическое духовенство; теперь всѣ бояре допускались ко всѣмъ должностямъ. Другія важныя предположенія короля, какъ воинская и финансовая реформы, порядокъ избранія короля и прочія, не были приняты дворянствомъ, оскорбленнымъ переходомъ короля на сторону католической церкви.

Все настойчивѣе требовали полнаго объединенія государства вмѣсто шаткихъ уній; король самъ, принимая во вниманіе опасную войну съ Москвой, былъ за это; но здѣсь литовцы оказали упорное сопротивленіе. Ихъ посольство съ Николаемъ Радзивилломъ Чернымъ во главѣ, указывая на особое положеніе Литвы и на прежнія союзныя постановленія, высказалось лишь за личную унію, хотя бы и болѣе тѣсную, требовало себѣ собственный ландтагъ, пересмотра границъ между Литвой и Польшей и особаго коронованія великимъ княземъ литовскимъ.

Король находился на сторонѣ польской короны и рѣшилъ инкорпорировать Литву. Чтобы облегчить проведеніе этой мѣры, онъ уничтожитъ послѣднее законное препятствіе, отказавшись отъ своего наслѣдственнаго права на Литву и поставивъ, такимъ образомъ, обѣ части государства въ одинаковое отношеніе къ своей личности. Когда литовское посольство оставило польскій сеймъ, чтобы этимъ помѣшать инкорпораціи своей страны, король заявилъ, что, не смотря на это, онъ намѣренъ осуществить эту мѣру.

Просьбы посланцевъ, съ плачемъ молившихъ короля о защитѣ, не помогли, и въ Польшѣ помышляли даже о войнѣ въ случаѣ если Литва окажетъ противодѣйствіе. И такимъ образомъ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года была окончательно проведена унія, бывшая въ дѣйствительности инкорпораціей Литвы. Вначалѣ особымъ актомъ были соединены съ польской короной Подляшье, Кіевъ и Волынь—области, которыя первоначально были литовскими и долго являлись спорными владѣніями.

Имъ было только обезпечено употребленіе русскаго языка на судѣ. Литва потеряла свои богатѣйшія провинціи. Кто отказывался признать это, тотъ былъ объявленъ лишеннымъ своихъ званій и имущества. О серьезномъ сопротивленіи нельзя было и думать, такъ какъ мелкое литов-

ское дворянство, завидовавшее магнатамъ, стояло за Польшу, чтобы путемъ болѣе тѣснаго соединенія съ нею добиться тѣхъ же правъ, которыми пользовалось мелкое польское дворянство.

1-го іюля 1569 года унія была провозглашена и съ обѣихъ сторонъ подтверждена клятвой. Литва сохранила лишь свое чиновничество и перестала, слѣдовательно, быть независимымъ государствомъ. Обѣ стороны проливали при принесеніи клятвы слезы, но съ тѣмъ различіемъ, что у литовцевъ то были слезы печали, у поляковъ — слезы радости. То, что было лишь обѣщано въ извѣстномъ смыслѣ первымъ Ягелломъ Владиславомъ II въ 1386, 1401 и 1413 гг., то было въ дѣйствительности осуществлено при послѣднемъ Ягеллонѣ.

Затѣмъ была проведена унія съ Пруссіей, Ливоніей и съ другими частями, и дѣло объединенія было закончено. Польша стала единой. Это было большимъ политическимъ и хозяйственнымъ выигрышемъ.

Только теперь ничто не стояло уже на пути польской колонизаціи въ неизмѣримыхъ литовско-русскихъ областяхъ, и потокъ нѣмецкихъ и польскихъ колонистовъ въ восточныя провинціи становился изъ году въ годъ сильнѣе. Однако, главная причина слабости государства не была этимъ устранена. Послѣдняя заключалась не столько въ государственно-правовомъ отношеніи отдѣльныхъ частей, а гораздо болѣе въ безсиліи короны, слѣдовательно, въ польской конституціи, грозившей выродиться въ анархію. Это зло должно было теперь сообщиться равномѣрно всѣмъ областямъ.

Для усиленія центральной власти не дѣлалось ничего — напротивъ, шляхта, въ виду вопроса о преемствѣ престола по бездѣтности короля и избранія новаго государя, боялась потерять свою власть и испытать ограниченія и въ религіозномъ вопросѣ, ибо будущее религіозныхъ партій зависѣло вѣдь въ значительной части отъ отношенія короля къ этому вопросу; и обѣ партіи, какъ католическая, такъ и партія объединенныхъ некатоликовъ, думали о томъ, чтобы посредствомъ выборной капитуляціи избрать себы короля по своему вкусу. А такъ какъ, въ дѣйствительности, некатолики составляли большинство (въ томъ числѣ вліятельный писатель Андрей Фрычъ Модржевскій), то среди меньшинства было много такихъ, которымъ принципъ большинства при сеймовыхъ рѣшеніяхъ казался опаснымъ. Они требовали законодательнаго установленія единогласія (communis cousensus). Они признавали необходимость болѣе крѣпкаго правительства, но свобода стояла у нихъ выше порядка. Вѣдь тотъ же Модржевскій, руководимый тѣмъ же духомъ свободы, принялся за сельское населеніе и сталъ требовать правъ и для него. Опасная слабость не была, слѣдовательно, устранена; напротивъ, анархическое состояніе продолжалось. Такъ какъ требовалось общее согласіе при принятій рѣшеній то liberum veto, въ дѣйствительности, существовало уже теперь, хотя оно, какъ право, было выставлено въ первый разъ только въ 1652 г. Со времени правленія двухъ послѣднихъ Ягеллоновъ, польская конституція въ общемъ и въ главномъ осталась неизмѣнной: дѣло „реформы“ было почти прекращено.

Сигизмундъ и Сигизмундъ Августъ потерпѣли, такимъ образомъ, неудачу въ своихъ стараніяхъ усилить королевскую власть, — и этимъ была рѣшена участь государства. Причина того, что Сигизмундъ Августъ недостигъ бо́льшого, заключалась и въ его личныхъ качествахъ. Отъ природы мягкій, чувственный и добродушный, онъ не обладалъ необходимой энергіей.

Будучи еще великимъ княземъ литовскимъ, онъ, по смерти своей первой супруги, женился, безъ согласія сената, на Варварѣ, дочери каштеляна Радзивилла. Его отецъ и шляхта не одобрили этого, и Варвару не хотѣли въ Польшѣ признать королевой. Король, чтобы добиться коронованія своей жены, сдѣлался уступчивымъ по отношенію къ дворянству.

По смерти своей любимой Варвары, онъ женился на второй дочери императора Максимиліана, Катеринѣ, сестрѣ его первой жены Елизаветы. Такъ какъ онъ не имѣлъ отъ нея дѣтей, то хотѣлъ развестись съ ней и вступить въ новый бракъ. Но Римъ, а также и мѣстное духовенство, которое король старался склонить на это посредствомъ разныхъ уступокъ, воспротивились его намѣренію.

Такъ онъ не оказалъ твердаго противодѣйствія ни тому, ни другому сословію. Удрученный горестью Сигизмундъ II Августъ умеръ 14 іюля 1572 года.

С. **Польша — избирательное государство до 1648 года.**

По смерти послѣдняго Ягеллона, правленіе котораго представляется въ памяти народа эпохой могущества и блеска, для Польши начинается время упадка, которое оканчивается политической гибелью. Конституція послѣдовательно дополняется въ нѣкоторыхъ пунктахъ, но на основаніи принципа почти неограниченной свободы личности, и каждый заставляетъ ее служить его собственнымъ интересамъ безъ всякаго вниманія къ общественному благу. По прекращеніи Ягеллоновской династіи, Польша была провозглашена избирательнымъ государствомъ. Примасъ страны, архіепископъ Гнѣзненскій, получилъ при этомъ большія права.

Управленіе государственными дѣлами во время междуцарствія, созывъ избирательныхъ сеймовъ, принятіе или отверженіе кандидатуръ и провозглашеніе имени избраннаго короля принадлежали ему: такъ значительно вновь усилился католицизмъ въ Польшѣ.

а) Генрихъ Анжуйскій.

Въ кандитатахъ на престолъ не было недостатка, а на основаніи обѣщаній представителей европейскихъ князей можно было хорошо изучить политическое положеніе.

Прежде всего, вражда между Франціей и Австріей, составлявшая ось тогдашней политики, бросила, по данному случаю, тѣнь и на Польшу. Оба противника выставили своихъ кандидатовъ и со своимъ обычнымъ ожесточеніемъ боролись также и на польской почвѣ. Франція хвасталась своей дружбой съ Турціей — Австрія предлагала союзъ съ Испаніей и Даніей противъ Турціи. Обѣ указывали и на другія выгоды. Франція обѣщала созданіе флота, упорядоченіе финансовъ и военнаго дѣла, а Австрія—благопріятное разрѣшеніе ливонскаго, прусскаго и другихъ вопросовъ. Обѣ полными пригоршнями разбрасывали золото среди сенаторовъ и шляхты. Но и шведскій король, въ качествѣ супруга Ягеллонки Катерины, выставилъ свою кандитуру и обѣщалъ союзъ противъ Москвы. Среди шляхты была, однако, сильная партія (та самая, которой при Сигизмундѣ Августѣ принадлежала главная заслуга въ проведеній реформы законодательства), рекомендовавшая кандидатуру московскаго царя, указывая на большія выгоды, которыя могли получиться отъ этого для Польши, какъ нѣкогда отъ уніи съ Литвой. Но Иванъ Грозный, казалось, не имѣлъ никакого честолюбія: онъ не посылалъ никакого посольства и только заранѣе заявилъ, на какихъ условіяхъ онъ намѣренъ принять польскую корону. Туземные кандидаты, съ другой стороны, не находили достаточной поддержки изъ-за недоброжелательства и зависти своихъ соотечественниковъ.

Избранъ былъ въ срединѣ мая 1573 г. принцъ Генрихъ Анжуйскій изъ династіи Валуа-Ангулемовъ не только потому, что французскій посредникъ дѣйствовалъ умѣло, но и потому, что Генриха зарекомендовала въ глазахъ высшаго духовенства его преданность католицизму.

Въ его пользу выступилъ также папскій легатъ, который съ этого времени при всѣхъ выборахъ польскихъ королей дѣйствовалъ въ интере-

сахъ церкви, и всегда успѣшно. Успѣху Генриха много содѣйствовало также то обстоятельство, что королевскіе выборы происходили отнынѣ на поляхъ вблизи Варшавы, гдѣ въ нихъ могли принимать въ большомъ числѣ участіе строго католическіе мазовчане. Уже при избраніи Генриха ихъ явилось около 10,000 человѣкъ.

Шляхта еще разъ получила возможность поставить королю условія, до послѣдней возможности унизительныя для короны. До сихъ поръ король могъ еще кое-какъ поддерживать свое положеніе только тремя средствами: во-первыхъ, онъ имѣлъ право, въ случаѣ разногласія на сеймѣ, дать силу закона одному изъ мнѣній по своему выбору (право конклюзіи); во-вторыхъ, ему предоставлялось раздавать освобождавшіяся должности и, вслѣдствіе этого, онъ могъ вознаграждать своихъ сторонниковъ и создать себѣ партію; наконецъ, онъ пользовался правомъ созывать милицію (посполитое рушеніе) и поэтому часто рѣшалъ вопросъ о мирѣ и войнѣ. Новый король, напротивъ, не долженъ былъ уже пользоваться правомъ конклюзіи; вопросъ о войнѣ и мирѣ долженъ былъ рѣшаться сенатомъ, а войско—собираться сеймомъ. Свобода вѣрованій была выговорена, а слова „наслѣдникъ государства“ вычеркнуты изъ королевскаго титула. Если бы король сталъ дѣйствовать въ противность этому, то народъ имѣлъ право отказать ему въ повиновеніи. Помимо этого, Генрихъ обязался построить на собственныя средства флотъ, содержать 4,000 солдатъ и уплатить долги государства. Какъ ни опасны были эти pacta conventa (articuli Heinriciani), — новый король подписалъ ихъ и присягнулъ конституціи.

Если народъ видѣлъ въ королѣ не верховную власть страны, а почти врага своихъ вольностей, то зато на корону смотрѣли, какъ на блестящую должность, на которую всегда находились соискатели; отъ послѣднихъ нельзя было, конечно, ждать бóльшаго, чѣмъ желанія удовлетворить свое тщеславіе.

Что многіе кандидаты пускались на большіе расходы; что иноземныя державы получали желанный поводъ къ вмѣшательству, за которое Польша платила своимъ моральнымъ униженіемъ; что благодаря двойнымъ выборамъ она повергалась въ гражданскія войны — все это было само собой понятно. Но шляхта пребывала еще въ сладкихъ грезахъ о своихъ вольностяхъ и безопасности.

Союзъ съ Франціей оказался бы, можетъ быть, выгоднымъ для Польши; но Генрихъ уже 17 іюля 1574 года бѣжалъ изъ Польши, чтобы, по смерти своего брата Карла IX, надѣть на себя корону Франціи, и его правленіе не оставило по себѣ иныхъ слѣдовъ, кромѣ принятыхъ при его избраніи постановленій.

b) Стефанъ Баторій.

И во время ближайшихъ выборовъ прошли кандидаты римско-католической партіи, такъ: Стефанъ Баторій, князь трансильванскій, правившій въ 1576—1586 гг., далѣе Сигизмундъ Ваза шведскій, сынъ Іоанна III и Ягеллонки Катерины, отъ 1587 до 1632 года. За нимъ слѣдовали его сыновья: Владиславъ (до 1648 года) и Янъ Казимиръ (до 1668 года), отказавшійся отъ короны и уѣхавшій во Францію. Затѣмъ были избраны два туземныхъ Пяста: Михаилъ Вишневецкій (1669—1673), изъ богатой и уважаемой семьи, и Янъ Собѣсскій (1674—1696). Послѣ этого послѣдовали двойные выборы: одна партія избрала Станислава Лещинскаго, поляка, котораго поддерживали Швеція и Франція, а другая — курфирста саксонскаго Фридриха Августа I, который, послѣ сложной борьбы, удержался до 1733 года. При данномъ случаѣ Россія въ первый разъ вмѣшалась въ польскія дѣла, объявила себя на сторонѣ Фридриха Августа и помогла ему въ (вторую) сѣверную войну побѣдить всѣхъ враговъ. Съ этого времени русское вліяніе стало въ Польшѣ господствующимъ. Сынъ

Августа Сильнаго Фридрихъ Августъ II, бывшій польскимъ королемъ подъ именемъ Августа III, вступилъ на престолъ съ помощью Россіи (ум. въ 1763 году); послѣдній польскій король Станиславъ Понятовскій (1764—1795) былъ также русскимъ кандидатомъ. Изъ всего этого ряда особенно выдвинулись два короля: Стефанъ Баторій и Янъ Собѣсскій, отчасти также и Владиславъ. Но въ то время какъ Собѣсскій, освободитель Вѣны въ 1683 году, былъ только военнымъ героемъ, Баторій, также даровитый воинъ, отличался и административными талантами и вѣрнымъ государственнымъ взглядомъ. Если кто-либо могъ тогда вытащить Польшу изъ политическаго и соціальнаго болота, то это былъ Баторій. Побѣдивъ своимъ мужественнымъ выступленіемъ соперничавшаго съ нимъ кандидата императора Максимиліана II, принесшаго уже въ Вѣнѣ клятву надъ pacta conventa, онъ велъ съ шляхтой ожесточенную борьбу изъ-за наложенныхъ ею на него путъ 1573 года. Отъ него требовали, чтобы онъ отказался и отъ права распредѣленія, т. е. отъ права раздачи должностей, и чтобы послѣднія, тотчасъ по своемъ освобожденіи, замѣщались въ соотвѣтствующихъ воеводствахъ путемъ выборовъ. Тогда король сказалъ на торнскомъ сеймѣ свою знаменитую фразу, что онъ не намѣренъ быть лишь нарисованнымъ королемъ. Когда онъ еще въ качествѣ избираемаго кондидата велъ войну съ императорской партіей и, въ особенности, противъ Данцига и другихъ нѣмецкихъ городовъ, стоявшихъ за Максимиліана, въ это время Иванъ IV Грозный завоевалъ почти всю Ливонію, кромѣ Ревеля и Риги. Поэтому ближайшей цѣлью Баторія должна была стать война съ Москвой. Обезпечивъ за собой поддержку турокъ и татаръ и сдѣлавъ заемъ у маркграфа бранденбургскаго Георга Фридриха, онъ началъ въ 1579 году войну.

Несмотря на свое численное преобладаніе, войска Ивана были всюду разбиты, Полоцкъ и многіе другіе города и крѣпости взяты. Тѣснимый, Иванъ искалъ помощи, отправилъ посольство къ императору и къ папѣ, предлагалъ сблизить русскую церковь съ римской, жаловался на „нехристіанское“ поведенія Баторія и просилъ о посредничествѣ.

Римъ не былъ въ состояніи противиться такимъ заманчивымъ видамъ, и въ 1581 году въ Польшѣ появился и уѣхалъ оттуда въ Москву папскій легатъ Антоній Поссевинъ. Интересна его бесѣда съ Иваномъ о религіозныхъ вопросахъ. Иванъ оказался твердымъ въ знаніи священнаго писанія, можетъ быть, въ большей степени, чѣмъ это могло быть пріятно легату; впрочемъ, онъ выказалъ такую любезность, что Поссевинъ назвалъ его, навѣрное къ общему удивленію, мягкимъ и любящимъ своихъ подданныхъ государемъ. Результатомъ стараній легата было то, что Иванъ добился сравнительно благопріятныхъ мирныхъ условій. Онъ отказался въ 1582, при Киверовой горкѣ, только отъ Ливоніи, Полоцка и Велижа; другія мѣстности, завоеванныя поляками, онъ получилъ обратно. Удобный моментъ покорить Москву и приступить затѣмъ къ завоеванію всей восточной Европы былъ при этомъ упущенъ; но и стремленія Рима потерпѣли неудачу. Снова шляхта своей близорукостью и своекорыстіемъ помѣшала королю осуществить его планы. Она торговалась съ королемъ за каждый грошъ, упрекала его въ покровительствѣ Замойскому полководцу, отличившемуся въ войнѣ съ Москвой, и за неисполненіе выборной капитуляціи, дѣлая это всегда въ самый неблагопріятный моментъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе принудить короля къ уступчивости; мало того, она сама побуждала его къ переговорамъ съ Москвой и отказала въ денежныхъ средствахъ на войну, такъ что король вынужденъ былъ войти въ долги за границей. Послѣ смерти Ивана въ 1584 году, Баторій думалъ возобновить свои планы противъ Турціи, но неожиданно умеръ въ Гроднѣ 2 мая 1586 года.

Правленіе Стефана Баторія было во многихъ отношеніяхъ полезно для Польши. Не только ея военная слава была освѣжена его воинскими

подвигами, вслѣдствіе чего на долгіе годы укрощена была охота Москвы къ завоеваніямъ и эта держава была оттиснута отъ Балтійскаго моря, — но Баторій оставилъ послѣ себя и другіе замѣчательные слѣды своей дѣятельности. Онъ обратилъ особенное вниманіе на важный религіозный вопросъ. Отъ него не могло ускользнуть, что религіозныя пререканія не вели къ единенію, ослабляли силу общества и государства и въ это же время чувствительно вредили развитію культуры и гражданскихъ доблестей. Исходя изъ этого практическаго, приноровленнаго ко благу всей страны и подданныхъ, принципа, онъ, прежде самъ протестантъ, со всей рѣшительностью сталъ на сторону католичества, и былъ, такимъ образомъ, первымъ, который рѣшился со всѣми бывшими въ его распоряженіи средствами провести контръ-реформацію, не придавая, однако, своей политикѣ исключительнаго католическаго направленія.

При всемъ томъ, іезуитскій орденъ пріобрѣлъ въ Польшѣ въ его правленіе большое вліяніе. Если іезуиты уже въ 1565 году были призваны въ Бранденбургъ по предложенію кардинала Станислава Гозія, величайшаго римско-католическаго борца Польши, — то при Генрихѣ и Баторіи они сильно укрѣпились. Они повсюду основывали школы и завербовывали для своихъ цѣлей подрастающую молодежь. Какъ ни успѣшна была ихъ педагогическая дѣятельность во многихъ отношеніяхъ, именно, въ области классической философіи, — все же они оказывали разрушительное вліяніе на государственный строй, какъ это должно было обнаружиться при позднѣйшихъ слабыхъ короляхъ.

Особенно благопріятный свѣтъ бросаетъ на Баторія его дружественное отношеніе къ крестьянамъ. Онъ смотрѣлъ на дворянскій титулъ, лишь какъ на отличіе за заслуги, оказанныя отечеству, и, по показаніямъ современниковъ, возвелъ въ дворянство пятьдесятъ пять крестьянъ. Онъ всюду бралъ крестьянъ подъ свою защиту: такъ, въ Ливоніи — противъ нѣмецкихъ рыцарей, привлекъ ихъ къ военной службѣ и организовалъ изъ тѣхъ изъ нихъ, кто жилъ въ королевскихъ помѣстьяхъ, особый отрядъ— первую регулярную пѣхоту. Изъ каждыхъ 20 рекрутовъ одинъ выбирался на военную службу; поэтому, этотъ отрядъ назывался избраннымъ или рекрутскимъ отрядомъ (пѣхота выбранска или ланова): отрядъ показалъ себя съ хорошей стороны. Баторій ввелъ лучшую организацію и для государственной милиціи, улучшилъ артиллерію и создалъ себѣ способный генеральный штабъ.

Далѣе важно было, что Баторій провелъ въ Украйнѣ организацію казачества. Уже въ XV столѣтіи въ опустошавшихся татарами безхозяйныхъ приднѣпровскихъ земляхъ было много людей, бѣжавшихъ изъ Польши и Россіи отъ нестерпимаго гнета, медленно населявшихъ эти области и пріобрѣвшихъ себѣ скоро заслуги въ качествѣ оплота христіанства противъ татаръ. Это былъ способный и воинственный народъ, нуждавшійся лишь въ военной организаціи, чтобы сдѣлаться страшной силой. Баторій, въ интересахъ государства, обратилъ вниманіе на этотъ классъ, составилъ реестръ способныхъ къ войнѣ, но ограничилъ ихъ число вначалѣ 600. Этимъ онъ доставилъ странѣ новыя силы противъ Россіи.

Стефанъ Баторій снова напомнилъ шляхтѣ, что нужно уважать законы, приказавъ обезглавить одного зачинщика безпорядковъ.

Вообще, онъ твердой рукой держалъ бразды правленія.

При немъ была далѣе проведена реформа подсудности. Именно, онъ отказался отъ своего стараго права послѣдней инстанціи, такъ какъ оно было почти неосуществимо; поэтому были учреждены трибуналы для отдѣльныхъ группъ областей въ Люблинѣ, Петроковѣ, Вильнѣ, Гроднѣ и Луцкѣ. Несмотря на свои высокія стремленія, этотъ король сталъ объектомъ самыхъ низкихъ нападокъ. Шляхта обвиняла его въ абсолютист-

скихъ склонностяхъ и грозила смѣщеніемъ. Однако, Стефанъ до послѣдняго мгновенія не позволилъ отклонить себя отъ своей цѣли.

c) Династія Вазъ.

По смерти Баторія, положеніе еще ухудшилось. Избраніе Сигизмунда III Вазы и союзъ со Швеціей не принесли Польшѣ счастья, потому что, во первыхъ, эта династія вновь пріобрѣтенное ею государство заставляла служить строго католическимъ интересамъ, а во-вторыхъ, дала ему лишь неспособныхъ правителей.

Прежде всего, Польша, благодаря новой династіи, была втянута въ шведскія смуты.

Сигизмундъ и оба его сына, само собой понятно, стремились удержать и шведскую корону, свое отцовское наслѣдство.

Но въ этомъ чисто династическомъ вопросѣ польское государство нисколько не было заинтересовано, такъ какъ у Швеціи были совершенно другія политическія и экономическія цѣли; къ тому же, протестантизмъ былъ тамъ государственной религіей. Но католическая церковь, которая больше всего содѣйствовала избранію Сигизмунда, надѣясь снова вернуть въ свое лоно шведовъ, сумѣла втянуть страну въ династическіе интересы, а именно—тѣмъ, что король обѣщалъ уступить Польшѣ Эстляндію. Королю были отпущены средства для поѣздки въ Швецію. Онъ короновался тамъ 19 февраля 1594 года и даже подписалъ, съ вѣдома папскаго нунція, заявленіе, отстранявшее въ Швеціи католиковъ отъ всѣхъ должностей, тогда какъ въ Польшѣ онъ намѣревался отстранить отъ этого всѣхъ иновѣрныхъ: такъ коварна и безчестна была политика католическихъ прелатовъ. Однако, это было все, достигнутое Сигизмундомъ въ Швеціи. Его дядя Карлъ Зюдерманландскій сталъ во главѣ протестантовъ, шагъ за шагомъ вытѣснялъ сторонниковъ короля и въ 1604 году могъ уже самъ короноваться королемъ подъ именемъ Карла IX. Вспыхнувшая изъ-за этого продолжительная война, несмотря на отдѣльные успѣхи и геройскіе подвиги, привела Польшу, сквозь рядъ страшныхъ потерь и униженій, на край гибели и закончилась, наконецъ, Оливскимъ договоромъ 1660 года, отказомъ короля Яна Казимира отъ шведской короны и истощеніемъ польскаго государства, которое должно было пренебречь и пожертвовать своими важнѣйшими интересами. Далѣе, величайшія послѣдствія для государства имѣло то обстоятельство, что Сигизмундъ былъ послушнѣйшимъ орудіемъ іезуитовъ. Страну захлестнула, поэтому, католическая волна, не уважавшая религіозной свободы, что̀ въ Польшѣ, гдѣ было такъ много иновѣрныхъ, могло накликать только несчастіе. Сосѣднія государства, само собой понятно, подъ предлогомъ защиты религіозныхъ интересовъ, принимали подъ свое покровительство то протестантовъ, то православныхъ, имѣя только одну цѣль: вмѣшаться въ дѣла государства. Уже первый шагъ короля показалъ, что онъ всецѣло находится въ рукахъ католическихъ священниковъ. По знаку изъ Рима, онъ хотѣлъ уступить корону Польши Габсбургамъ, а самому возвратиться въ Швецію, что́ вызвало бы повсюду смущеніе и раздраженіе. Іезуиты, въ интересахъ церкви, сосватали короля съ Анной, а по ея смерти,—съ Констанціей, дочерьми эрцгерцога штирійскаго Карла и Маріи Баварской. У православной церкви были отняты привилегіи, полученныя ею во времена гусситскаго и протестантскаго движеній, и, какъ во время расцвѣта папства, снова принялись за планы объ уніи.

Попытка устроить унію въ 1415 году и Флорентинская унія 1439 года не оставили по себѣ слѣдовъ. Гусситство и реформація укрѣпили греко-восточную церковь въ ея сопротивленіи римско-католической. Унія лишь расколола русское общество на два лагеря, которые боролись

другъ съ другомъ съ бо́льшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ православные съ католиками.

Унія греко-восточной церкви съ Римомъ теперь, по большей части, недооцѣнивается,—между тѣмъ, безконечно цѣнной была для всего славянства литургія на славянскомъ языкѣ, которую Римъ не дозволилъ бы славянамъ; ей они обязаны своей древней литературой. Но, съ другой стороны, православная церковь нигдѣ, за исключеніемъ первыхъ вѣковъ ея распространенія среди славянъ, не была факторомъ культуры. Она скорѣе была причиной отсталости славянъ и другихъ народовъ греческаго исповѣданія. Сильнѣе всего чувствовалось это православнымъ духовенствомъ тамъ, гдѣ оно жило рядомъ съ римскимъ; поэтому первыми въ пользу уніи выступили, большей частью, православные епископы. Если бы эту унію ввели въ польско-русскихъ областяхъ сознательно и доброжелательно, то успѣхъ былъ бы не минуемъ. Но то, что̀ предприняло теперь римское духовенство подъ духовнымъ руководствомъ іезуитовъ и подъ покровительствомъ польскаго короля, это было почти насмѣшкой надъ христіанской любовью. Большинство православныхъ епископовъ и наиболѣе вліятельныя свѣтскія лица, какъ Константинъ Острожскій, были за унію, а во главѣ ихъ митрополитъ кіевскій Михаилъ Рагоза. Но надменность католическихъ прелатовъ, ихъ своекорыстіе и незнакомство съ обстоятельствами испортили все. Прежніе поборники уніи отреклись, поэтому, отъ нея, въ томъ числѣ и могущественный князь Острожскій; когда же, сверхъ того, въ Польшу лично прибыли патріархи антіохійскій и константинопольскій, чтобы организовать сопротивленіе, то осталась лишь небольшая кучка сторонниковъ уніи. Обѣ партіи собрались въ 1596 г. въ Брестѣ для окончательныхъ переговоровъ.

Вскорѣ онѣ, однако, раздѣлились на двѣ группы, стали изрекать другъ противъ друга проклятія, но только нѣкоторые епископы съ митрополитомъ Рагозой и съ ихъ немногочисленными единомышленниками высказались за унію. Двое изъ нихъ: владимірскій епископъ Ипатій Поцѣй и епископъ луцкій Кириллъ Терлецкій, отправились въ Римъ съ актомъ объ уніи и принесли тамъ присягу отъ имени всей русской церкви. Такъ состоялась много обѣщавшая Брестская унія. Уніатскіе епископы должны были впредь получить право засѣдать и голосовать въ польскомъ сенатѣ. Католической церкви и полякамъ эта унія не принесла въ будущемъ никакой пользы, самое большее,—возросла лишь вражда между обѣими русскими партіями, и онѣ стали бороться еще съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ. Въ это же время засѣдало въ Торнѣ собраніе иновѣрныхъ или диссидентовъ, какъ ихъ называли въ Польшѣ, съ цѣлью обсудить, какъ имъ обуздать преобладаніе католическаго вліянія. Собраніе послало къ королю депутацію, но онъ ея не принялъ. Брестская унія тоже, однако, не могла удержаться, такъ какъ король и шляхта не хотѣли исполнять ея условій. Уніатскіе епископы не допускались въ сенатъ, и привилегіи церкви не уважались; благодаря этому, все дѣло уніи стало смѣшнымъ въ глазахъ не приставшихъ къ ней православныхъ. Преслѣдованіе православныхъ, не присоединившихся къ уніи, становилось все сильнѣе: имъ препятствовали исполнять свое богослуженіе, надъ ихъ священниками открыто глумились и оскорбляли ихъ, ихъ церкви сдавались панами въ аренду евреямъ, требовавшимъ потомъ уплаты денегъ за ихъ открытіе. Многіе города изгоняли православныхъ изъ своихъ самоуправленій и даже исключили изъ бюргерскаго сословія; церкви и церковныя имущества были у нихъ отняты—словомъ, гнетъ сталъ невыносимымъ. Ненависть къ Польшѣ возрастала на всемъ Востокѣ, и массы возбуждались антиуніатскими священниками. Въ особенности волновались казаки въ Украйнѣ и выступали въ роли защитниковъ православной вѣры. Они грозно требовали правъ для своихъ митрополитовъ и епископовъ, а для себя — равноправія съ шляхтой, но старая идея о всеобщей свободѣ утерялась подъ вліяніемъ католической реакціи.

Теперь въ Польшѣ не было больше мѣста для иновѣрныхъ. Православные старались, поэтому, организоваться и пытались что-либо сдѣлать для поднятія культуры. Князь Острожскій основалъ въ Острогѣ академію и типографію; въ другихъ мѣстахъ тоже возникли типографіи. Пропасть между двумя лагерями, мудро укрѣплявшимися, дѣлалась все глубже. И все это Польша въ своемъ ослѣпленіи дѣлала тогда, когда ей открывались на Востокѣ хорошіе виды. Въ то время литовскіе магнаты, по прекращеніи дома Рюриковичей, посадили на царскій тронъ Лжедимитрія. Этотъ Дмитрій, о которомъ, несмотря на подробныя изслѣдованія, нельзя съ достовѣрностью сказать, кто онъ такой на самомъ дѣлѣ, былъ другомъ Польши и европейской культуры, а можетъ быть, и самъ родился полякомъ. Въ Польшѣ существовала даже партія, носившаяся съ планомъ смѣстить Сигизмунда и предложить Дмитрію польскую корону. Когда этотъ планъ не удался, Польшѣ еще разъ представился случай стать твердой ногой въ Россіи, когда, послѣ смѣщенія царя Василія Шуйскаго, Боярская Дума въ 1610 году избрала царемъ Сигизмундова сына, Владислава. Польскія войска подъ начальствомъ Жолкѣвскаго занимали Москву. Согласились на томъ, что Владиславъ долженъ обязаться защищать греческую вѣру и церковь, сохранить за боярами ихъ особыя преимущества, даровать имъ польскую привилегію neminem captivabimus и заключить союзъ съ Польшей. Но бездушіе отца, желавшаго, вѣроятно, подъ давленіемъ церкви и іезуитовъ, получить русскую корону для себя лично, и возстаніе семьи Зембржидовскихъ, разразившееся какъ разъ въ рѣшительный моментъ, разстроили всѣ эти великіе планы соединенія съ Москвой, и притомъ навсегда. Когда затѣмъ Россія при новой династіи Романовыхъ внутренно укрѣпилась, Польша и Россія снова стали другъ противъ друга со своей старой непріязнью. Польша рѣшилась на войну, чтобы силой ввести Владислава въ Москву, но одновременно имѣла глупость уже теперь обязать короля присоединить къ ней будущія завоеванія. Владиславъ еще въ 1617 году долженъ былъ торжественно отказаться въ пользу польской короны отъ Смоленска, Стародуба и ряда другихъ земель, какъ будто это отреченіе отъ русскихъ областей могло зарекомендовать въ Россіи польскаго кандидата. Только казацкому гетману Конашевичу, пришедшему на помощь полякамъ со своимъ двадцатитысячнымъ отборнымъ войскомъ и давшему возможность совершить походъ до самой Москвы, а также миролюбію царя Михаила Романова и необходимости для Россіи спокойствія, — только этому поляки были обязаны благопріятнымъ для нихъ миромъ при Деулинѣ, вблизи Троицкой лавры, обезпечившимъ за Польшей Смоленскъ, Дорогобужъ, Черниговъ. Вскорѣ послѣ этого Польша была впутана въ войну съ шведскимъ королемъ Густавомъ II Адольфомъ и съ Турціей, стоившую ей большихъ жертвъ, несмотря на геройскіе подвиги ея полководцевъ Конецпольскаго и Хоткевича. Казаки, уже съ 1596 года открыто выступившіе защитниками православной вѣры, тоже заняли теперь угрожающее положеніе.

Когда послѣ смерти Сигизмунда въ 1632 г. шляхта избрала его сына Владислава IV Сигизмунда, она еще болѣе ограничила власть короны. Такъ, впредь король не могъ начинать войны безъ одобренія сейма, не могъ вербовать на свои средства наемныя войска, долженъ былъ раздавать освобождавшіяся должности въ теченіе шести недѣль послѣ распущенія сейма, уступить государству монетный доходъ, построить на Балтійскомъ морѣ флотъ, вмѣсто одной четверти дать на войну съ Москвой двѣ четверти съ королевскихъ доходовъ. Кромѣ того, былъ уничтоженъ двухгрошевой налогъ съ каждаго двора, какъ „остатокъ стараго рабства". Этими постановленіями король былъ ограниченъ въ своей свободѣ болѣе обыкновеннаго дворянина, потому что послѣдній имѣлъ право содержать войска: Замойскій, Вишневецкій и другіе могли выставить въ полѣ 10,000 человѣкъ. Владиславъ вынужденъ былъ принять эти условія, и въ продолженіе

Объяснительный текстъ къ рисункамъ.

По смерти Сигизмунда III, перваго Вазы, и по миновании бурнаго междуцарствія на польскій престолъ взошелъ Владиславъ IV, сынъ Сигизмунда. (1632—1648). Въ 1633 г. онъ отправилъ въ Римъ посольство, вступленіе котораго въ этотъ городъ нарисовалъ Стефанъ делла Белла (1610—1664), посвятившій свою работу принцу Лоренцо Медичи.

Подпись.

Al Ser[enissi]mo Principe D[omino] Lorenzo de Medici.

Non debbo aggrandir un picciol dono con molte parole; percio semplicem[en]te suplico V[ostra] A[ltezza] ad aggradire il testimonio della mia obligatissima divotione espresso in questa povera carta et humil[men]te me Le inclino.

D[i] V[ostra] A[ltezza] Ser[enissi]ma
Humiliss[imo] et oblig[atissimo] ser[vitore]
Stefano della Bella
D[icat] D[edicat]

A. 2 Corrieri Pollacchi vestiti di raso con giubbe di velluto.

B. 22 Muli guarniti a varie foggie.

C. Cavalleggieri della Guardia di S[ua] Santita.

D. Mule de Signori Cardinali.

E. Dieci Camelli con superbissime valdrappe di velluto rosso ricamate con ferri testiere e tortori d'Argento guidati da Persiani e Armeni con diverse foggie.

F. Quattro trombetti || con giubbe di velluto verde.

G. Trenta Arcieri vestiti di raso rosso Con archi in mano e carabine pendenti.

H. Paggio d'Arme vestito di Broccato d'oro alla Persiana.

Переводъ.

Свѣтлѣйшему принцу государю Лоренцо Медичи.

Я не смѣю увеличивать своего малаго дара многими словами и только прошу Ваше Высочество милостиво принять знакъ моего благодарнаго почитанія въ видѣ этихъ ничтожныхъ листковъ и вѣрноподданически повергаюсь предъ Вами,

какъ вѣрнѣйшій и преданнѣйшій слуга
вашей Свѣтлости
Стефано Делла Белла.

A. Два польскихъ курьера одѣтые въ атласныя и бархатныя куртки.

B. 22 мула, различнымъ образомъ нагруженные.

C. Всадники изъ свиты Его Священства.

D. Мулы господина кардинала.

E. Десять верблюдовъ съ роскошными попонами изъ краснаго бархата, съ желѣзными наголовниками и серебряными стременами, ведомые персами и армянами въ различныхъ халатахъ.

F. Четыре трубача въ курткахъ изъ сѣраго бархата.

G. Тридцать стрѣлковъ, одѣтые въ красный атласъ съ луками въ рукахъ и карабинами за спиной.

H. Оруженосцы въ золотой парчѣ по персидскому образцу.

(По оригинальн. рисунк., хранящимся въ Дрезденскомъ кабинетѣ гравюръ.)

ENTRATA IN ROMA DELL' ECCEL^MO AMBASCIATORE DI P

AL Ser.^mo Principe
D. Lorenzo de Medici

Non debbo aggrandir vn picciol dono con molte parole; percio semplicem.^te supplico V. A. ad aggradire il testimonio della mia obligatissima diuotione espresso in questa pouera carta et humilmente le inclino
D. V. A. Ser.^ma

Humiliss. et obblig.^mo Ser.^re
Stefano della Bella
DD

A. 2 Corrieri Pollacchi vestiti di raso con Giubbe di velluto
B. 22 Muli guarniti a uarie foggie
C. Caualleggieri della Guardia di S. Santità D. Mule de Signori Cardinali

G

con giubbe di velluto uerde

G Trenta Arcieri vestiti di raso rosso C
e carabine pendenti

Польское посольство, по

(По оригиналамъ, хранящимся

.LONIA L ANNO· MDCXXXIII

E. Dieci Camelli con superbissime valdrappe di velluto rosso ricamate con ferri testiere e tortori d'Argento guidati da Persiani. e Armeni con diverse foggie

F. Quattro trombetti

archi in mano,

H. Paggio d'Arme vestito di Broccato d'oro alla Persiana

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

тившее Римъ въ 1633 г.

Дрезденскомъ кабинетѣ гравюръ)

своего правленія дозволить наложить на свою свободу и дальнѣйшія ограниченія. Когда онъ однажды отправился для леченія въ Баденъ, сеймъ 1639 г. постановилъ, что король безъ его согласія не можетъ оставить страну. Позднѣе королю было запрещено, на этотъ разъ съ бо́льшей справедливостью, дѣлать долги на предметъ государственныхъ нуждъ.

Владиславъ, само собой понятно, долженъ былъ попытаться придать этому несносному положенію короны передъ сословіями болѣе благопріятный характеръ и усилить центральную власть. Все его правленіе есть скрытая борьба съ существующей конституціей. Прежде всего, онъ хотѣлъ освободиться отъ всемогущаго вліянія католической церкви, уже нанесшей странѣ глубокія раны. Церковь, въ которой господствовали іезуиты, содѣйствовала переходу иновѣрныхъ въ ея лоно, не представляла уніатамъ никакихъ правъ и погубила все дѣло уніи. Какъ и въ другихъ странахъ, іезуиты и въ Польшѣ слѣдили за протестантскими и иными еретическими книгами и уничтожали ихъ. Школы перешли мало-по-малу въ ихъ руки; они основали собственную академію въ Краковѣ, чтобы вступить въ соперничество съ академіей, уже существовавшей. Они собрали въ своихъ рукахъ огромныя состоянія и стали, наконецъ, слѣдить за каждымъ шагомъ короля. Владиславъ, предпринявшій въ маѣ 1624 г., по предложенію своего отца Сигизмунда, большое путешествіе къ различнымъ дворамъ и, въ заключеніе, въ Римъ, нашелъ, наконецъ, мужество выступить противъ преобладанія церкви. Какъ нѣкогда Казимиръ IV, онъ стремился сохранить вліяніе короны на выборы епископовъ и не безъ успѣха велъ объ этомъ переговоры съ Римомъ. Онъ сталъ добиваться отмѣны папскаго разрѣшенія на основаніе іезуитской академіи въ Краковѣ, устроилъ въ Торнѣ, навѣрное, къ досадѣ католиковъ, собесѣдованіе между различными исповѣданіями, оставшееся, правда, какъ и всѣ прежнія, безъ успѣха. Онъ взялъ подъ свою защиту не приставшихъ къ уніи православныхъ и разрѣшилъ имъ, не обращая вниманія на Брестскую унію, епископство въ Лембергѣ, Перемыслѣ, Луцкѣ и Могилевѣ и митрополію въ Кіевѣ, не тревожась возраженіями Рима; мало того, онъ даже дозволялъ переходъ изъ уніи обратно въ православіе и считалъ православныхъ правыми. Успѣхъ его усилій тоже былъ великъ. Вслѣдствіе всего этого, восточныя провинціи и, прежде всѣхъ, казаки, поборники православія, оставались вѣрными королю, даже сознавая, что отъ враждебно къ нимъ настроенной шляхты они не могутъ ожидать справедливаго къ себѣ отношенія. Столь же рѣшительно онъ порвалъ и съ внѣшней политикой своего отца. Онъ стремился къ соединенію Польши съ Россіей, велъ со всей энергіей войну и добился въ 1634 году при Поляновкѣ выгоднаго мира, который доставилъ Польшѣ Сѣверскъ, Смоленскъ и Черниговъ. Его твердымъ намѣреніемъ была теперь общая война противъ Турціи: поэтому онъ уступилъ въ шведскомъ вопросѣ и въ перемиріи при Штумдорфѣ 12 сентября 1635 года отказался, взамѣнъ возврата Пруссіи, отъ завоеванной шведами Ливоніи. Ради осуществленія своей цѣли онъ сблизился съ Габсбургскимъ домомъ и женился на Цециліи Ренатѣ—австрійской эрцгерцогинѣ. Когда онъ, по ея смерти, женился на французской принцессѣ (Маріи Луизѣ Неверъ-Гонзагѣ), то сдѣлалъ это, вѣроятно, съ той цѣлью, чтобы на ея деньги снарядить войско противъ турокъ. Если Польша добилась тогда успѣховъ, то была этимъ обязана лишь осмотрительности и готовности на жертвы своего короля. За это она, однако, ни разу не хотѣла уплатить долги, сдѣланные королемъ во время войны съ Москвой, и только, какъ „благодарность“, королю былъ разрѣшенъ, послѣ большихъ усилій, одинъ налогъ. Только въ одномъ пунктѣ король позволилъ шляхтѣ увлечь его на гибельный для Польши шагъ, а именно: въ законодательствѣ о казакахъ. Въ истекшемъ XVI столѣтіи въ Польшѣ совершился большой экономическій и соціальный переворотъ. Колонизація восточныхъ областей сдѣлала неожиданные успѣхи. Червон-

ная Русь, Волынь, Подолія, были давно заняты польскими панами; теперь колонизаціонный потокъ устремлялся въ днѣпровскія земли и одновременно увлекалъ съ собой и населеніе названныхъ областей. Даже дворяне, раззорявшіеся экономически вслѣдствіе гражданскихъ усобицъ и отъ борьбы съ Россіей, отправлялись, подъ защитой могущественныхъ магнатовъ, въ восточныя области и становились тамъ казаками. Мелкіе землевладѣльцы западныхъ областей не могли устоять изъ-за недостатка въ рабочей силѣ; равнымъ образомъ, и на востокѣ необезпеченность и напряженная работа колонизаціи сдѣлали невозможнымъ развитіе мелкихъ хозяйствъ.

Слѣдствіемъ этого было то, что мелкое дворянство попало, именно, на востокѣ, въ зависимость отъ крупныхъ землевладѣльцевъ; отъ этого, естественно, должно было понизиться его вліяніе на государственную жизнь, тогда какъ мощь магнатовъ все возрастала. Если въ XV и въ XVI столѣтіяхъ мелкое дворянстро была настолько рѣшающимъ сословіемъ въ государствѣ, что могло еще осуществить большой пересмотръ законодательства, а конституція стояла еще тогда подъ знакомъ демократизма, — то теперь центръ тяжести снова перемѣстился въ сенатъ, господствовавшій, благодаря экономическому гнету, надъ земской палатой. Развитіе Польши съ конца XVI столѣтія находится, слѣдовательно, подъ знакомъ господства магнатовъ; отъ нихъ исходятъ первыя, столь гибельныя для государства, возстанія, которыя должны были неудержимо повести къ распаденію Польши. Съ образованіемъ большихъ недвижимостей въ восточныхъ областяхъ было, однако, связано движеніе населенія съ запада на востокъ, которое передвину лохозяйственный а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическій центръ тяжести государства къ восточной границѣ. Высшее дворянство востока направляло по своей волѣ все государство.

Сюда присоединилась еще одна соціальная перемѣна. Въ казачествѣ постепенно образовался слой, стремившійся къ свободѣ и желавшій стоять на равной ногѣ съ дворянствомъ. Ничего, однако, не было опаснѣе для крупныхъ землевладѣльцевъ восточныхъ областей, чѣмъ это движеніе, благодаря которому они подвергались опасности потерять все крестьянство, единственную опору ихъ хозяйствъ.

Всѣ, кто испытывалъ гнетъ и хотѣлъ жить свободно, примыкали къ казакамъ. Крестьянское населеніе только силой могло быть удержано отъ того, чтобы бѣжать и переселяться въ Украйну. Число казаковъ чрезвычайно умножалось изъ году въ годъ. Поляки помогли себѣ тѣмъ, что признавали казаками 600 человѣкъ и для контроля внесли ихъ въ реестръ, всѣмъ же прочимъ приказано было остаться крестьянами. Теперь угрожаемые олигархи думали употребить коренное средство. По ихъ настояніямъ сеймъ 1638 года рѣшилъ подчинить реестровыхъ казаковъ польскому комиссару; а кто получилъ свои привилегіи позднѣе — долженъ былъ потерять свои права, вольности и доходы. Ихъ владѣнія были забраны панами, и они должны были впредь вносить подати. Это сеймовое рѣшеніе вызвало казацкое возстаніе, которое должно было имѣть своимъ послѣдствіемъ потерю Украйны.

10. Казаки.

А. Начало казачества, какъ пограничной стражи противъ татаръ.

Послѣ того, какъ татары завоевали Кіевъ и подчинили Русь своему игу, новые политическіе центры образовались, съ одной стороны, въ Москвѣ, съ другой — въ Литвѣ; въ Кіевѣ же съ этого времени замираетъ всякая политическая и культурная жизнь. Страна все болѣе и болѣе пустѣетъ; кто былъ пощаженъ татарскимъ оружіемъ, тотъ былъ уведенъ въ плѣнъ или выселился, а немногіе оставшіеся, живя въ постоянной опасности,

дичали и спасались въ лѣса и болота. Только послѣ завоеванія этихъ областей литовскими князьями, бѣглецы начинаютъ возвращаться, и снова въ странѣ возникаетъ человѣческая жизнь. Князья Ольгердова племени, какъ Корецкій, Ланцкоронскій, Чарторійскій, Ружинскій, Вишневецкій, Олельковичъ, получаютъ здѣсь въ избыткѣ безхозяйныя земли и привлекаютъ сюда колонистовъ. Все же первой ихъ обязанностью должна была всегда оставаться защита отъ татарскихъ нападеній, а потому прежде всего ихъ вниманіе обращалось на военную организацію, и такимъ образомъ здѣсь современемъ развилась своего рода пограничная стража противъ татаръ. Начало этой стражѣ положили пограничныя староства, рядомъ съ ними собственными силами боролись съ татарами поселившіеся здѣсь крупные землевладѣльцы. Позднѣе, благодаря такой дѣятельности, возникли свободныя сообщества, которыя находились лишь въ очень слабой связи со своими князьями и старостами. Съ начала XV столѣтія они стали носить имя казаковъ.

Какъ учрежденіе, такъ и имя казаковъ — татарскаго происхожденія; но славянское казачество получило совсѣмъ другое развитіе. Во всякомъ случаѣ, прямой связи съ киргизами, которые сами себя называютъ казаками (согласно русскому произношенію; также—касаки, хазаки), доказать нельзя. И покоренныхъ Святославомъ около 965 года касоговъ на полуостровѣ Тамани (прикавказскихъ черкесовъ) тоже лучше совершенно отдѣлить отъ этого. Казаками называли у татаръ людей, которые, безъ согласія своихъ начальниковъ, предпринимали разбойничьи набѣги; русскіе и литовскіе князья, какъ Василій IV Ивановичъ и Сигизмундъ I, жаловались татарскимъ ханамъ, что ихъ „казаки“ вторгаются въ области жалобщиковъ. Въ Россіи первоначально называли казаками людей, которые, въ противоположность осѣдлому населенію съ его тяготами и податями, занимались промыслами и торговлей, а въ особенности солянымъ извозомъ, служили на волжскихъ судахъ или жили отъ рыболовства на Днѣпрѣ, продавая рыбу въ Кіевѣ: словомъ — людей, не связанныхъ съ землей. Но уже въ началѣ XVI столѣтія существовали казаки, задачей которыхъ была исключительно военная служба, хотя они еще не были свободны, а были подчинены соотствѣтствующимъ князьямъ. Они, можетъ быть, произошли отъ тѣхъ кочующихъ купцовъ, которые и безъ того должны были во время своихъ поѣздокъ привыкнуть ко всякаго рода опасностямъ. Къ нимъ присоединялись горожане и крестьяне, для которыхъ стали невыносимы наложенныя на нихъ тяготы. Эти казачьи громады носили часто имена своихъ пановъ; мы встрѣчаемъ, напримѣръ, и „казаковъ князя Дмитрія Вишневецкаго“, или же, по именамъ ихъ староствъ, и городовъ, — казаковъ раневскихъ, барскихъ, винницкихъ, бѣлоцерковныхъ, кіевскихъ, смоленскихъ, рязанскихъ и путивльскихъ.

Казаки черкасскіе были настолько извѣстны, что позднѣе казаки, вообще, называются черкесами. Величайшую заслугу въ организаціи и развитіи казачества пріобрѣли пограничные старосты, а изъ князей, въ особенности, Прецлавъ Ланцкоронскій, Эвстафъ Ружинскій и Эвстафъ Дашкевичъ.

Дашкевичъ, староста Черкассъ на Днѣпрѣ, отправился въ Польшу и потребовалъ на піотроковскомъ сеймѣ, чтобы эти свободные отряды были признаны государственнымъ войскомъ, имѣющимъ цѣлью защищать границы страны; онъ также обрисовалъ, сколь важно это можетъ оказаться для государства. Но этого не произошло, и когда правительство захотѣло ограничить свободу переселенія казаковъ, они удалились за пороги, ниже Черкассъ. Здѣсь возникло вольное казачество, не состоявшее подъ властью какого-либо князя. Первое упоминаніе объ этой Запорожской Сѣчи (Сичь „запорожцевъ“) мы находимъ въ одномъ письмѣ короля Сигизмунда Августа отъ 1568 года; а точнѣе она для насъ обрисовывается источниками

конца XVI столѣтія. Ихъ опорными пунктами были Днѣпровскіе острова: Томаковка, Хортица, Базавлукъ, Чартомликъ и другіе, гдѣ они имѣли укрѣпленія. Они организовались подобно рыцарскимъ орденамъ Западной Европы. Безусловное повиновеніе, благочестіе, цѣломудріе въ лагерѣ, полное равенство всѣхъ — все это были жизненныя условія Сѣчи. Сходъ былъ единственнымъ начальствомъ; онъ избиралъ начальниковъ: атамана (гетмана), исполнявшаго свою должность лишь въ теченіе года; затѣмъ онъ могъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за свою дѣятельность и даже присужденъ къ смертной казни,—эсаула, въ качествѣ низшаго начальника, и писаря.

Сходъ былъ также единственной судебной властью. Ссоры были строго воспрещены; кража и ограбленіе христіанъ наказывались смертью черезъ удавленіе. Казаки жили по законамъ православной церкви и строго соблюдали посты. Ихъ важнѣйшей задачей была борьба съ невѣрными. Они жили въ огороженныхъ куреняхъ, покрытыхъ лошадиными шкурами, по 150 человѣкъ въ каждомъ. Въ общины могли приниматься и женатые, но жены ихъ не должны были туда приводиться. Пищей казаковъ были какое-то кислое тѣсто (соломаха), рыба и рыбный супъ. Такъ начало здѣсь расцвѣтать новое учрежденіе; казалось даже, что возникнетъ новое государство на новыхъ, не европейскихъ, началахъ. Если въ Польшѣ и въ остальной Европѣ признавали и заботилась лишь о свободѣ отдѣльныхъ сословій, то здѣсь и низшіе слои требовали себѣ той же свободы; мало того, здѣсь, вообще, не должны были существовать никакія сословія, а только свободный народъ. Независимо отъ Сѣчи, образовались также и другіе свободные союзы, которые, предполагая сдѣлать набѣгъ, избирали себѣ командира (атамана); но позднѣе все шло въ Сѣчь, ставшую кристализаціоннымъ пунктомъ Украйны. Насколько намъ извѣстно, въ 1572 году при Сигизмундѣ Августѣ былъ впервые поставленъ атаманомъ надъ всѣми казаками дворянинъ Іоаннъ Бадовскій. Этотъ же король подчинилъ всѣхъ казаковъ одному судьѣ съ резиденціей въ Бѣлой-Церкви. Съ этого времени, во главѣ казаковъ становятся начальники, или атаманы, признававшіеся польскимъ правительствомъ. Недосягаемое обояніе окружало казацкую жизнь. И когда начала распространяться вѣсть объ этой сказочной странѣ, гдѣ каждый могъ жить свободно, какъ птица, а своей заклятой борьбой съ невѣрными пріобрѣталъ освященіе свыше, то она стала безпрерывно наполняться бѣглецами и перебѣжчиками изъ Россіи и Польши. Область по обѣ стороны Днѣпра, кругомъ Кіева и до татарскихъ границъ, была желаннымъ волшебнымъ садомъ для всѣхъ бѣдныхъ и утѣсненныхъ, а также и для всѣхъ славолюбивыхъ и жаждущихъ подвиговъ людей. Малороссійское племя, казалось, призвано было осуществить идею объ общемъ равенствѣ и свободѣ. Здѣсь же было доведено до совершенства и военное дѣло. Одновременно возникла и литература, прославлявшая въ увлекательныхъ пѣсняхъ и разсказахъ казацкую жизнь. Да, все славянство могло гордиться этимъ свободнымъ государствомъ.

Правда, нельзя было, по справедливости, требовать заботъ о высшемъ развитіи отъ этого народа, смотрѣвшаго на войну, какъ на цѣль своей жизни. Казаки могли бы принести неоцѣнимыя выгоды своей странѣ и всему государству, если бы въ Польшѣ сумѣли дать этому новому члену надлежащее мѣсто въ государственномъ организмѣ. Но демократическіе казаки не годились въ дворянскомъ государствѣ. Въ Польшѣ и въ Литвѣ послѣ Люблинской уніи существовали три рѣзко разграниченныхъ сословія: шляхта, бюргерство и крѣпостное крестьянство. Для казаковъ не было мѣста среди этихъ трехъ сословій; и вмѣсто выгодъ,—въ казачествѣ выросъ для Польши столь же важный, какъ и опасный соціальный и государственный вопросъ, который, по своимъ послѣдствіямъ, получилъ выдающееся значеніе и въ экономическомъ отношеніи.

Казаки оказывали столь сильное притягательное вліяніе на крестьянское сословіе Польши и Литвы, что только самыя суровыя наказанія были въ состояніи удержать народъ отъ массового бѣгства въ Украйну. Казачество казалось поэтому шляхтѣ чѣмъ-то революціоннымъ, разрушающимъ государственный порядокъ и, вслѣдствіе вызываемаго имъ переселенія, угрожавшимъ опустѣніемъ и гибелью всѣхъ хозяйствъ. Экономическая мощь польскаго дворянскаго государства основывалась, вѣдь, на крѣпостной зависимости сельскаго населенія; это сдѣлалось главной цѣлью законодательства, какъ нѣкогда въ древности благосостояніе государства основывалось на рабствѣ, какъ на законодательномъ учрежденіи. Понятно поэтому, что шляхта со смертельной ненавистью преслѣдовала казаковъ, этихъ бывшихъ крестьянъ, дерзавшихъ равняться съ ней. Черезъ пропасть между ними не было, такимъ образомъ, перекинуто моста, и борьба стала неминуема. Выровнять это противорѣчіе, найти рѣшеніе этого соціальнаго вопроса — было едва ли исполнимой задачей.

B. Расцвѣтъ казачества въ его польскій періодъ.

Не считая Сигизмунда I, слегка поощрявшаго организацію казаковъ, Сигизмундъ II Августъ впервые началъ стараться ввести казачество въ польскій государственный организмъ, подчинивъ ихъ старостамъ, ограничивъ ихъ число и назначивъ имъ жалованье. Баторій нанялъ лишь 600 казаковъ, а именно—для борьбы съ Москвой. Только при Сигизмундѣ III сеймъ 1590 года постановилъ держать на жалованьи 6,000 казаковъ. Они были внесены въ списокъ и назывались „реестровыми“. Но ихъ верховнымъ начальникомъ былъ, назначаемый на срокъ, польскій коронный гетманъ, такъ что они должны были составлять лишь часть польскаго войска. Реестровые казаки получали въ свою собственность земли, имѣли свой судъ въ Батуринѣ и свободно избирали своихъ начальниковъ. Всѣ остальные казаки, составлявшіе несравненно большее число, должны были вернуться въ крестьянское сословіе. Такъ былъ найденъ выходъ, удовлетворившій лишь ничтожно малую часть казачества. Но шляхта и этихъ 6,000 не хотѣла принять въ свою среду и обращалась съ ними, какъ съ войскомъ. Это дало поводъ къ новой борьбѣ. Реестровые соединились съ невнесенными въ списки казаками, возстали противъ правительства, напали на шляхту въ ея имѣніяхъ и подъ начальствомъ избранныхъ ими самими атамановъ произвели разбойничьи набѣги на Турцію и на татарскія владѣнія. Для польскаго правительства выросло отъ этого новое затрудненіе; ибо эта заносчивость казаковъ ежеминутно грозила вызвать опасную войну съ Портой, и безпрестанно доходили до правительства жалобы потерпѣвшихъ османовъ на казачью дерзость. Всѣ приказы имѣли столь же мало успѣха, какъ и обезглавливаніе атамановъ. Какое дѣло было вольнымъ казакамъ до государственныхъ интересовъ Польши! Они выше всего любили свободу и войну и радостно отправлялись на послѣднюю, какъ на пиръ. Часто они, равняясь въ этомъ со смѣлыми варягами, спускались на своихъ маленькихъ чайкахъ по Днѣпру въ Черное море и грабили предмѣстья Константинополя или города Килію, Аккерманъ, Измаилъ, Синопъ и другіе. Сигизмундъ III приказалъ въ 1594 году построить на Днѣпрѣ крѣпость Кременчугъ на 1,000 солдатъ, задачей которыхъ было сдерживать казаковъ; но и эти постоянные гарнизоны не были въ состояніи поддерживать порядокъ.

а) Петръ Конашевичъ.

Въ 1592 году вспыхнуло въ первый разъ возстаніе реестровыхъ казаковъ подъ начальствомъ ихъ атамана Крыштофа Косинскаго. Князь Константинъ Острожскій, самъ православный, ставъ во главѣ шляхты, зада-

вилъ его. Казаки вынуждены были выдать Косинскаго и избрать другого атамана, сдать награбленную добычу и обязаться не предпринимать безъ вѣдома и согласія правительства никакихъ набѣговъ и не принимать перебѣжчиковъ. Но уже въ 1596 году послѣдовало второе возмущеніе подъ предводительствомъ Лободы и Северина Наливайка. Если первое возстаніе имѣло соціальный характеръ, то теперь присоединилось къ этому нѣчто религіозное, такъ какъ казаки возстали въ защиту православія, которому стала угрожать Брестская унія 1596 года. Острожскій, противникъ уніи, теперь самъ раздувалъ огонь, такъ какъ онъ хотѣлъ отомстить брацлавскому каштеляну Александру Сѣмашко и епископу Кириллу Терлецкому. Бунтовщики собирались въ его владѣніяхъ, а въ Острогѣ къ нимъ примкнулъ домашній священникъ Острожскаго, Даміанъ Наливайко, братъ Северина; многіе дворяне, а также не внесенные въ реестръ казаки соединились съ ними. Противъ возставшихъ были посланы лучшіе полководцы Замойскій и Жолкѣвскій, которые заставили ихъ сдаться. Оба атамана были выданы и обезглавлены въ Варшавѣ. Подвергаясь болѣе суровому обращенію, казаки массами бѣжали теперь на лѣвый берегъ Днѣпра, въ Запорожье, гдѣ образовался ихъ главный пунктъ. Ихъ число настолько возросло тамъ, что они снова могли предпринимать набѣги, напали въ 1605 году на Варну, а въ 1607 году разрушили Очаковъ и Перекопъ. Особенно страшными стали запорожцы, когда въ 1612 году во главѣ ихъ сталъ атаманъ Петръ К о н а ш е в и ч ъ Сагайдачный, храбрый и свѣдущій воинъ. Онъ разграбилъ въ 1612 году побережье Крыма до Евпаторіи, взялъ Каффу, разрушилъ въ 1613 году Синонъ, опустошилъ въ 1614 малоазіатское побережье, а въ 1615—1616 году Трапезундъ и сжегъ турецкій флотъ. Это онъ оказалъ поддержку польскому походу на Москву. Имя запорожцевъ вскорѣ стало общеупотребительнымъ для днѣпровскихъ казаковъ. Конашевичъ принялъ титулъ „атамана обоихъ береговъ Днѣпра и запорожцевъ“ и сдѣлался начальникомъ реестровыхъ казаковъ, даже завязалъ связи съ царемъ и съ Турціей. Онъ же является первымъ атаманомъ, открыто взявшимъ подъ свою защиту церковь. Онъ организовалъ ее, потребовавъ и добившись назначенія въ Кіевѣ православнаго митрополита съ викарными епископами.

Іерусалимскій патріархъ Ѳеоѳанъ прибылъ въ Россію и посвятилъ Іова Борецкаго въ митрополиты, а также назначилъ еще другихъ шесть епископовъ; Конашевичъ отвелъ имъ помѣстья. Онъ построилъ много церквей, обновлялъ монастыри, основывалъ школы и былъ, такимъ образомъ, первымъ, придававшимъ значеніе подъему культуры. Онъ также требовалъ отъ польскаго правительства утвержденія его положенія; послѣднее состоялось, когда явилась нужда въ его помощи противъ Турціи. Но онъ все время старался подчеркнуть свою независимость. Когда по мирному договору 1621 года съ Турціей Польша обязалась сдерживать казаковъ, онъ тотчасъ же совершилъ набѣгъ на турецкія владѣнія, чтобы оповѣстить о своемъ возраженіи противъ этого пункта. И что достаточно удивительно, этотъ желѣзный человѣкъ, который приказалъ, напримѣръ, обезглавить атамана реестровыхъ казаковъ, Бородавку, на виду польскаго лагеря и, казалось, ничего больше не любилъ, какъ войну,—этотъ человѣкъ послѣ битвы при Хотинѣ, гдѣ у него была ранена рука, удалился въ монастырь и занялся тамъ составленіемъ книги, которой воздавали похвалу даже его враги.

Конашевичъ умеръ 5 апрѣля 1622 года; онъ былъ необыкновеннымъ человѣкомъ, храбрымъ до удали, умнымъ политикомъ, поборникомъ культуры и свободы — словомъ, однимъ изъ величайшихъ славянъ. Онъ создалъ особое государственное положеніе своей Украйны и увеличилъ ея славу; онъ вызвалъ въ самомъ народѣ глубокую любовь къ отечеству. Еще теперь его имя прославляется въ пѣсняхъ.

Уже черезъ три года послѣ его смерти, казачество спустилось съ высоты, на которую оно было вознесено Конашевичемъ. Повсюду казаковъ охотно нанимали на жалованье: Лобода и Наливайко сражались въ Трансильваніи подъ императорскими знаменами; другіе, какъ Лисовскій — въ самой Германіи. Польское правительство послало теперь въ Правобережную Украйну гетмана Конецпольскаго подъ предлогомъ предупредить нападенія казаковъ на турецкую землю. Казаки были неожиданно окружены имъ при Кураковскомъ озерѣ, введены въ заблужденіе ложными обѣщаніями и вынуждены сдаться. Они вынуждены были принять на лугу „Медвѣжьи Лозы“ слѣдующія условія: 6,000 реестровыхъ остаются; имъ должно уплачиваться 60,000 золотыхъ гульденовъ, а реестръ будетъ храниться въ государственномъ казначействѣ; атаманъ долженъ утверждаться польскимъ коронпымъ гетманомъ, нападенія на турецкія владѣнія должны прекратиться, старыя чайки (лодки) сжигаются, а новыя не должны быть выстроены. Тысяча казаковъ должна стоять гарнизономъ въ запорожской землѣ. Не внесенные въ списки обязаны служить своимъ панамъ и въ теченіе двѣнадцати недѣль продать свое имущество. Послѣ этого былъ выбранъ атаманомъ Михаилъ Дорошенко, утвержденный Конецпольскимъ. Спустя нѣсколько лѣтъ въ Украйну пришло новое польское войско, подъ защитой котораго шляхта позволяла себѣ величайшія несправедливости и насилія. Убійства, насилія, отнятія имущества стали обычными явленіями. Если принять въ соображеніе, что едва двадцатая часть была занесена въ реестръ, то будетъ понятно, какъ много горючаго матеріала скоплялось здѣсь. Столь же опасное броженіе шло и среди запорожцевъ, имѣвшихъ собственныхъ атамановъ. При избраніи Владислава явились на сеймъ также уполномоченные казаковъ. Они требовали избирательнаго права, отмѣны уніи, увеличенія числа реестровыхъ казаковъ и подтвержденія особыхъ правъ православной церкви. Имъ отвѣтили, что казаки, правда, члены польской республики, но такіе, какъ ногти и волосы, которые можно отрѣзать. Чтобы придать своимъ требованіямъ больше силы, Петрижицкій, атаманъ реестровыхъ казаковъ, двинулся въ Волынь и опустошилъ помѣстья шляхты. Къ участію въ выборахъ казаки не были допущены; но права православной церкви были утверждены, и ея митрополитъ Петръ Могила признанъ.

Владиславъ обѣщалъ возстановить православныя епархіи и учредить новыя для уніатскаго населенія и позволилъ построить нѣсколько церквей и основать печатни. Но о свободѣ казаковъ не было и рѣчи; наоборотъ, онъ приказалъ построить на Днѣпрѣ новую крѣпость Кудакъ, которая должна была обуздать запорожцевъ. Когда атаманъ Сулима разрушилъ эту крѣпость, то былъ за то посаженъ на колъ въ Варшавѣ; было послано войско противъ казаковъ, приготовившихся къ крайнему отпору подъ начальствомъ Павлюка, уже думавшаго о независимости Украйны. Казаки сражались съ крайнимъ ожесточеніемъ при Кумейкахъ и Боровицѣ, но вынуждены были сдаться. Павлюкъ, Томиленко и другіе вожаки были обезглавлены. Казаки должны были просить прощенія, а всѣ ушедшіе въ Запорожье вынуждены вернуться обратно къ своимъ панамъ. Составленіе реестровъ было впредь поручено королевскимъ комиссарамъ, а народъ лишенъ своего имущества. И тогда-то сеймъ 1638 года, сильно возгордившись послѣдней побѣдой, рѣшилъ принять самыя суровыя мѣры. Даже реестровые казаки были теперь приравнены къ крестьянамъ и объявлены лишенными всѣхъ своихъ правъ, имѣнія были у нихъ конфискованы. Въ Трахтемировѣ поселился съ этого времени польскій комиссаръ, а польскія войска размѣстились въ Украйнѣ и стали безпощадно здѣсь свирѣпствовать.

Но въ Польшѣ сильно ошибались, если надѣялись окончательно успокоить Украйну прикрѣпленіемъ казаковъ. Въ отвѣтъ на сеймовыя по-

становленія вспыхнуло новое возстаніе подъ начальствомъ Гуніи, Остраницы и Филоненка, но и оно было задавлено. Въ одномъ отрядѣ, сдавшемся на полную волю побѣдителей, были изрублены всѣ до послѣдняго человѣка. Изъ польскихъ магнатовъ, очень сильно заинтересованныхъ въ прикрѣпленіи Украйны, отличился своей дикостью Іеремія Вишневецкій (происходившій отъ Ягеллоновъ воевода); онъ, стоя во главѣ собственнаго отряда, приказалъ сжигать, обезглавливать, сажать на колъ или высверливать глаза у всѣхъ казаковъ, которые попадутся ему въ руки. Численное преобладаніе сломило возстаніе. Многіе бѣжали въ Запорожье или блуждали въ степи. Уже и тогда все болѣе стала преобладать мысль о необходимости опереться на иностранную державу. Остраница и Филоненко ушли въ Москву; около 6,000 человѣкъ перешли на персидскую службу. Теперь шляхта неограниченно господствовала въ Украйнѣ; казакамъ были даже запрещены рыболовства и охота, а вскорѣ явились туда и іезуиты. Многіе магнаты, какъ Вишневецкій, Конецпольскій, Калиновскій, Потоцкій, пріобрѣли гигантскія помѣстья. Владѣнія, которыя были теперь у Вишневецкаго, превосходили своей величиной нѣкоторыя нѣмецкія княжества. Казачья депутація (Романъ Половецъ, Богданъ Хмельницкій, Иванъ Бояринъ, Иванъ Волченко), требовавшая у короля возстановленія свободы, земельной собственности и уплаты жалованья, ничего не могла добиться. Но только десять лѣтъ царило въ Украйнѣ спокойствіе, какъ будто казаки хотѣли испытать, до какого предѣла можетъ дойти гнетъ польской шляхты.

b) Петръ Могила.

На это время приходится достойная дѣятельность прекраснаго кіевскаго митрополита Петра Могилы. Семья Могилъ (Мовила) дала нѣсколько способныхъ правителей княжествамъ Молдавскому и Валахскому; она находилась въ многоразличномъ родствѣ съ первыми польскими фамиліями.

Петръ получилъ образованіе въ школѣ дружественнаго его семьѣ Ставропигіальнаго братства въ Лембергѣ, а также за гроницей. Въ 1625 году онъ вступилъ въ знаменитый русскій монастырь — Кіево-Печерскую лавру, къ концу 1627 года онъ сдѣлался тамъ игуменомъ. Въ этомъ званіи онъ отправился въ 1632 году во главѣ казачьей депутаціи въ Польшу на сеймъ и потребовалъ отъ короля правъ для православной церкви. Посвященіе іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ Іова Борецкаго, по просьбѣ атамана Конашевича, въ митрополиты кіевскіе состоялось безъ вѣдома короля; теперь же эти званія митрополита и нѣсколькихъ епископовъ должны были быть признаны государствомъ. Въ 1632 году, по смерти Борецкаго, былъ признанъ митрополитомъ Петръ Могила.

Первой и важнѣйшей заботой Могилы было поднятіе высшихъ и низшихъ школъ. Въ то время какъ католическое духовенство, именно, іезуиты, основывало и содержало научныя учрежденія, чтобы бороться съ евангелистами духовнымъ оружіемъ, православное духовенство глубоко опустилось во время татарскаго ига. Большинство священниковъ были безграмотны.

Тогда и самые закоснѣлые православные должны были увидать, что если они хотятъ спасти свою церковь, то не должны болѣе пренебрегать культурой. Для защиты церкви были основаны при болѣе значительныхъ епископскихъ каѳедрахъ, какъ въ Лембергѣ, Кіевѣ, Луцкѣ и Вильнѣ, церковныя братства, а также открыты печатни и школы. Первую православную школу вмѣстѣ съ типографіей основалъ въ 1580 году въ своемъ городѣ Острогѣ князь Константинъ Острожскій.

Затѣмъ была открыта въ 1586 году въ Лембергѣ школа съ печатней Ставропигіальнымъ братствомъ, въ 1588 году — въ Вильнѣ, когда тамъ

пребывалъ константинопольскій патріархъ, третья — въ Луцкѣ и четвертая въ 1589 году — въ Кіевѣ. Теперь появились въ печати и православныя книги въ защиту церкви. Опасность была тѣмъ больше, что Сигизмундъ III, ревностный католикъ и покровитель іезуитовъ, имѣлъ въ виду уничтожить православную церковь и школу. Когда явился іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, то былъ представленъ, какъ турецкій шпіонъ; а назначенные имъ епископы привлечены къ суду. Тѣмъ не менѣе, они удерживались, а число школъ увеличивалось.

Могила стремился основать въ Кіевѣ, по заграничному образцу, высшую школу, въ которой преподаваніе также должно было вестись на латинскомъ, греческомъ и польскомъ языкахъ. Онъ посылалъ молодыхъ людей на нѣсколько лѣтъ за границу для высшаго образованія и назначалъ ихъ затѣмъ профессорами своей школы, которая носила имя collegium, а позднѣе возвысилась до академіи. Онъ пожертвовалъ на это все свое достояніе и оказался вскорѣ въ состояніи послать къ князю валахскому въ Москву образцовыхъ монаховъ и хорошихъ учителей. На Украйнѣ стала пробуждаться интенсивная духовная жизнь, и возникла апологетическая православная литература; православные могли теперь съ успѣхомъ соперничать съ католиками. Эта школа имѣла хорошихъ учитетей и воспитала знаменитыхъ ученыхъ, какъ Сильвестръ Коссовъ. Софроній Покцацкій, Эпифанъ Славенецкій, Симеонъ Полоцкій, Иннокентій Гизель, Баранцовичъ, С. Козловскій, Галахтовскій—и другіе. Самъ Могила проявлялъ выдающуюся дѣятельность на литературномъ поприщѣ. Онъ написалъ цѣлый рядъ церковныхъ книгъ необходимыхъ для народа и для учителей, улучшилъ текстъ библейскаго перевода и составлялъ апологетическія сочиненія, прежде всего „Православное исповѣданіе католической и апостолической церкви Востока“ (Confessio orthodoxa, 1643). Изъ духовной дѣятельности этого человѣка и его школы Россія могла черпать въ теченіе столѣтій. Въ 1640 году Петръ Могила предложилъ царю Михаилу основать подъ руководствомъ малорусскихъ монаховъ монастырь со школой, въ которой преподаваніе будетъ вестись на греческомъ и славянскомъ языкахъ. Двое кіевскихъ ученыхъ: вытребованный патріархомъ Никономъ Эпифанъ Славенецкій и Симеонъ Полоцкій вошли въ болѣе близкія сношенія съ царемъ Алексѣемъ. Полоцкій былъ какъ разъ выдающимся проповѣдникомъ и поэтомъ, драмы котораго ставились при дворѣ; онъ же съ 1670 года сталъ руководить придворной типографіей... Отъ него впервые исходитъ планъ основать въ Москвѣ славянско-латино-греческую академію: великолѣпная мысль, восходящая еще до самаго Могилы. Сыновья Алексѣя, Феодоръ и Иванъ, также покровительствовали кіевскимъ ученымъ. Петръ Великій призвалъ къ себѣ учителей этой школы и образовалъ изъ нихъ штабъ ученыхъ, которому онъ поручилъ духовную реформу въ Россіи. Питомцы этой школы всюду разносили свѣтъ культуры и занимали высшія церковныя должности.

Могила умеръ въ 1647 году, едва 50 лѣтъ отъ роду, вслѣдствіе своей изнурительной дѣятельности.

Какъ Конашевичъ разбудилъ гордость и духъ независимости южнорусскаго населенія, такъ Могила, родственный ему умъ, будилъ культуру Украйны, покрылъ ее славой знанія и поднялъ самосознаніе православной церкви. Правда, старые недостатки греческой церкви не могли быть этимъ устранены; самые значительные и богатѣйшіе роды (напримѣръ, Іеремія Вишневецкій, которому принадлежала почти половина Лѣвобережной Украйны) все болѣе и болѣе переходили къ католической церкви. У православной религіи остался почти одинъ лишь бѣдный народъ и немногіе въ городахъ, которыхъ духовныя братства побуждали остаться въ Восточной церкви.

С. Богданъ Хмельницкій; Украйна отдается подъ власть Москвы.

Въ годъ смерти Могилы въ Украйнѣ шло сильное броженіе, и уже въ началѣ 1648 года казаки разбили одинъ польскій отрядъ. Во главѣ недовольныхъ сталъ теперь Зиновій Богданъ Хмельницкій, сынъ чигиринскаго сотника. Онъ учился въ Collegium Mogilanum, потомъ въ іезуитской школѣ въ Ярославлѣ и считался человѣкомъ весьма начитаннымъ. Онъ сражался въ польскомъ войскѣ въ бою при Цекорѣ, гдѣ палъ его отецъ; самъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ и провелъ два года въ Константинополѣ. Здѣсь онъ изучалъ турецкіе нравы и языкъ, что̀ ему должно было сильно пригодиться. Вернувшись домой послѣ заключенія мира, онъ, недовольный тамошними порядками, ушелъ къ казакамъ, принималъ участіе во всѣхъ возстаніяхъ и былъ ими избранъ писаремъ. Хмельницкій былъ добродушнымъ и миролюбивымъ человѣкомъ, и ему никогда не вздумалось бы вызвать возстаніе, если бы его не принудили къ тому надменность польской шляхты и царившее въ Польшѣ беззаконіе. У него (онъ не былъ дворяниномъ) было отнято подстаростой Чаплинскимъ его имѣніе Субботово, жена его была уведена, сынъ убитъ; а когда онъ сталъ искать правосудія, то, какъ и всѣ до него обиженные, не добился его. Тогда онъ обратился къ королю. Послѣдній самъ получалъ тогда отъ шляхты одно оскорбленіе за другимъ: не хотѣли уплатить даже его военныхъ долговъ, ограничивали его свободу; а когда какъ разъ въ это время умеръ его единственный сынъ, то его горе стало безграничнымъ, а настроеніе въ высокой степени возбужденнымъ. Жаловавшемуся теперь казаку король сказалъ, что онъ имѣетъ саблю, которой и самъ сможетъ добиться своихъ правъ. Во всякомъ случаѣ, едва ли подлежитъ сомнѣнію, что Владиславъ до извѣстной степени ободрилъ явившагося къ нему казака; все позднѣйшее поведеніе Хмельницкаго доказываетъ это.

На обратномъ пути изъ Варшавы Хмельницкій останавливался въ каждой деревнѣ, всюду жаловался на причиненную ему несправедливость и развѣдывалъ, готовъ ли народъ поднять оружіе противъ поляковъ: всѣ ждали лишь подходящаго момента. Вернувшись въ Украйну, онъ вмѣстѣ со своими посѣдѣвшими въ борьбѣ друзьями удалился въ лѣсъ; всѣ были того мнѣнія, что нужно ждать помощи только отъ самихъ себя. Былъ данъ приказъ арестовать его, но онъ спасся въ Запорожье. Обезпечивъ себѣ на собраніи казаковъ ихъ помощь, онъ пошелъ къ татарамъ, чтобы просить и у нихъ поддержки. Въ Польшѣ прознали про это и послали въ Украйну въ началѣ 1648 г. два отряда: одинъ сухимъ путемъ, другой внизъ по Днѣпру; въ послѣднемъ находились реестровые казаки подъ начальствомъ атамана Барабаша. Хмельницкій пошелъ имъ навстрѣчу, и они, высадившись на берегъ, перешли на его сторону: онъ увѣщевалъ ихъ защищать свою свободу и жизнь, женъ и дѣтей; его встрѣтили восторженными восклицаніями, а Барабашъ былъ брошенъ въ воду. Такъ вся Украйна по обѣ стороны Днѣпра была объята яркимъ пламенемъ. Духовенство всюду проповѣдывало войну и поощряло къ возстанію; но и безъ того озлобленіе было повсюду очень велико. Не только народъ украинскій, но и населеніе Червонной Руси и даже польскіе крестьяне западныхъ областей поднялись и помогали казакамъ. И когда народъ убивалъ шляхту и католическихъ ксендзовъ, опустошалъ ихъ помѣстья, поджигалъ ихъ церкви, то онъ только платилъ за то, что шляхта раньше дѣлала съ нимъ. Всѣ недовольные чѣмъ-нибудь устремлялись въ лагерь Хмельницкаго, правильно сознавая, что насталъ часъ расплаты.

Вскорѣ Хмельницкій разбилъ одинъ польскій отрядъ при Желтыхъ Водахъ, другой — при Корсуни. При извѣстіи объ этомъ Владиславъ IV отправился самъ въ Украйну, но умеръ 20 марта 1648 года на дорогѣ туда

въ Меречѣ. Поляки выставили еще одну большую армію, но и она, окруженная при рѣкѣ Пилавкѣ, обратилась ночью въ бѣгство, а богатый лагерь попалъ въ руки казаковъ. Замѣшательство и безпомощность достигли теперь въ Польшѣ высшей степени. Казаки требовали, чтобы ихъ вели на Варшаву, но Хмельницкій медлилъ, вѣроятно потому, что никакъ нельзя было положиться на татаръ. Онъ двинулся теперь въ Червонную Русь, осадилъ Лембергъ, взялъ 200,000 гульденовъ выкупа, затѣмъ окружилъ Замостье, получилъ здѣсь 20,000 гульденовъ и сталъ ждать результата королевскихъ выборовъ. Его посольство дѣйствовало въ пользу избранія Яна Казимира, брата Владислава: онъ и былъ затѣмъ выбранъ королемъ. Хмельницкій предпринялъ теперь отступленіе и при звонѣ колоколовъ и пушечномъ громѣ совершилъ свой въѣздъ въ Кіевъ, гдѣ торжественно былъ встрѣченъ іерусалимскимъ патріархомъ, митрополитомъ, духовенствомъ и горожанами. Теперь явились къ нему въ лагерь посольства отъ султана, Молдавіи и Валахіи, Трансильваніи и Москвы—всѣ съ предложеніями союза. Хмельницкій держался независимымъ государемъ. Прибыли и посланные отъ новоизбраннаго короля, и во главѣ ихъ православный дворянинъ Кисель; но Хмельницкій отвергъ всѣ мирныя предложенія и вторично двинулся къ польской границѣ, такъ какъ зналъ, что вопросъ могъ быть рѣшенъ только мечомъ. Противъ него выступилъ теперъ самъ король и при З б о р о в ѣ произошло сраженіе. Янъ Казимиръ чуть не попалъ было уже въ плѣнъ, когда Хмельницкій велѣлъ остановить бойню; онъ сказалъ, что хочетъ истребить шляхту, но не бороться съ королемъ. Онъ выставилъ новыя мирныя условія и требовалъ: 40,000 реестровыхъ, отдачи казакамъ воеводствъ Кіевскаго, Черниговскаго, Полтавскаго, отмѣны Брестской уніи, представленія православному митрополиту мѣста въ польскомъ сенатѣ и удаленія іезуитовъ и евреевъ изъ Украйны. Въ Польшѣ не хотѣли знать этихъ условій и снова готовились къ войнѣ. Народъ началъ уже роптать, что Хмельницкій ему измѣняетъ и не хочетъ добыть для него свободу.

На этотъ разъ, однако, казаки, несмотря на то, что Хмельницкій имѣлъ при себѣ около 350,000 человѣкъ, были разбиты при Б е р е с т е ч к ѣ въ Волыни, благодаря измѣнѣ татарскаго хана, вошедшаго въ соглашеніе съ королемъ, покинувшаго въ рѣшительный моментъ поле битвы и увлекшаго съ собой въ плѣнъ Хмельницкаго, когда тотъ сталъ понуждать его вернуться. Съ трудомъ удалось Хмельницкому освободиться и, когда онъ вернулся домой, все было потеряно. Теперь онъ былъ вынужденъ принять невыгодныя условія.

Хмельницкій еще держался, еще одерживалъ побѣды, но онъ видѣлъ, что страна не можетъ устоять безъ чужой помощи. На созванной нарочно для этого радѣ одни высказались за Турцію, другіе за Москву; не было недостатка и въ голосахъ, желавшихъ остаться при Польшѣ. Массы были за Р о с с і ю, съ которой ихъ связывала общая религія, самъ Хмельницкій тоже стоялъ за это. Въ 1653 году онъ послалъ торжественное посольство къ царю Алексѣю, который держался до сихъ поръ уклончиво по отношенію къ возставшимъ; но теперь царь рѣшился принять казаковъ. Въ слѣдующемъ году въ Украйну явились московскіе комиссары и приняли страну подъ свою власть. Одна часть казаковъ подъ начальствомъ Дорошенко отдалась нѣсколько лѣтъ спустя подъ власть турокъ.

1654-ый годъ образуетъ поворотный пунктъ въ вѣковой борьбѣ между Польшей и Россіей за господство на востокѣ. Польша по собственной винѣ потерпѣла пораженіе, тогда какъ могущество Россіи изъ году въ годъ усиливалось за ея счетъ. Уже тогда можно было сказать, что Польша проиграла игру. Но въ самодержавномъ московскомъ государствѣ демократическая казачья община такъ же мало была у мѣста, какъ и въ поль-

ской дворянской республикѣ. Абсолютизмъ не терпитъ никакихъ свободныхъ государственныхъ формъ. И Москва, со своимъ грубымъ боярствомъ и съ низкой культурой, была мало способна осчастливить такой народъ, какъ казаки, привыкшій къ свободѣ и стоявшій выше Россіи въ политическомъ и культурномъ отношеніяхъ. Но положеніе казачества все же было легче подъ московскимъ скипетромъ, такъ какъ здѣсь существовали опредѣленные законы; съ боярами не обращались снисходительнѣе, чѣмъ съ другими сословіями. Поэтому здѣсь менѣе чувствовался гнетъ правительства.

Самостоятельное политическое существованіе было для казачества невозможно. Свои матеріальныя, какъ и духовныя блага они получали отъ Россіи. Оружіе они покупали на русскихъ рынкахъ, а своимъ посредственнымъ духовнымъ образованіемъ обязаны были православному духовенству, защитникомъ котораго былъ русскій царь. Только это и понялъ своимъ практическимъ умомъ Хмельницкій. Храбрый и свѣдущій воинъ, какъ государственный дѣятель, едва ли стоялъ на высотѣ своей великой задачи; онъ не былъ властной натурой: постоянно смотря на себя, какъ на слугу короля, онъ думалъ лишь о томъ, чтобы пріискать себѣ другого господина. Въ пониманіи національнаго и соціальнаго вопросовъ онъ также обнаружилъ поверхностность. Успѣхами, достигнутыми имъ, онъ болѣе обязанъ случаю и общей ненависти къ шляхтѣ, чѣмъ своему уму. Народъ не замѣчалъ въ немъ этихъ недостатковъ, и когда онъ умеръ, 25 августа 1657 года, 64 лѣтъ отъ роду, появилась казачья пѣсня:

„Не вѣтеръ въ кустахъ воетъ и стонетъ, то народъ плачетъ по своемъ отцѣ Хмельницкомъ“.

D. **Русскій періодъ казачества.**

Еще немного, и московское правительство испытало въ Украйнѣ горькое разочарованіе. Польская партія стала все разростаться, особенно среди старшинъ, тогда какъ простой народъ стоялъ, по большей части, за Москву. Происходили еще колебанія: то снова подчинялись Польшѣ, какъ это сдѣлалъ даже сынъ Хмельницкаго Юрій, то опять возвращались къ Москвѣ. Но въ Украйнѣ все время оставались три партіи: польская, турецкая и русская, все ожесточеннѣе боровшіяся другъ съ другомъ. Вскорѣ произошелъ также достойный сожалѣнія расколъ между казаками и населеніемъ, которое было отстранено отъ военной службы. Казаки, захватившіе большія помѣстья, все рѣзче отдѣлялись отъ низшихъ слоевъ и хотѣли властвовать надъ послѣдними, какъ шляхта въ Польшѣ. Демократическій духъ, творившій раньше въ Украйнѣ чудеса, воодушевлявшій весь народъ и поднимавшій его нравственно, сталъ мало-по-малу выдыхаться. И вскорѣ ненависть народа обратилась противъ самихъ казаковъ, ставшихъ его притѣснителями.

Когда Петръ Великій провелъ реорганизацію государственнаго управленія и войска и создалъ постоянную армію, то казаки не подходили къ новому государственному и военному устройству. Но Петръ еще щадилъ ихъ. Лишь когда гетманъ Иванъ Ст. Мазепа, тотъ самый, который былъ нѣкогда (1663) привязанъ къ дикой лошади, умчавшей его въ степь и который впослѣдствіи былъ прославленъ въ поэмѣ лорда Байрона и въ двухъ картинахъ Горація Вернета,—лишь когда этотъ Мазепа попытался во время Сѣверной войны (1707 г.) сдѣлать Украину, съ помощью шведовъ, независимой, — только тогда Петръ вмѣшался въ это дѣло съ обычной своей суровостью, не уважалъ больше особаго положенія Украины, основалъ въ Москвѣ собственную „канцелярію по малороссійскимъ дѣламъ“ и уничтожилъ гетманское званіе; Меньшиковъ взялъ Запорожскую Сѣчь на островѣ Хортицѣ, и запорожцы выселились въ Крымъ. Въ 1737 году

при императрицѣ Аннѣ имъ снова предоставили поселиться у Днѣпра, но они не получили уже своей страны обратно. Южная Россія, послѣ покоренія татарскаго ханства, быстро стала заселяться и покрылась городами. Степи, въ которыхъ раньше бродили казаки, какъ арабы въ своихъ пустыняхъ, превратились теперь въ густонаселенную страну. Недовольные этимъ, казаки стали требовать, чтобы имъ обратно вернули ихъ страну, и чтобы послѣдняя снова была превращена въ пустыню: еще одно доказательство, что они, эти рыцари грабежа и добычи, не годились больше для новаго времени и для упорядоченнаго государственнаго строя. Еще разъ вспыхнула здѣсь ко времени Екатерины II жестокая соціальная и религіозная борьба противъ поляковъ, евреевъ и католиковъ, когда казаки въ союзѣ съ гайдамаками и всякаго рода чернью начали свирѣпствовать и разграблять цѣлые города, какъ Умань. Вожаками были Гонта и Желѣзнякъ; православное духовенство и здѣсь также раздувало огонь. Наконецъ (1775 г.), Потемкинъ, по приказанію Екатерины, взялъ Сѣчь и разрушилъ ее. Часть возставшихъ выселилась въ Турцію; остальные остались, въ качествѣ черноморскихъ казаковъ, получили для своего мѣстопребыванія южный берегъ Азовскаго моря и островъ Фанагорію, а также особенное устройство. Такъ исчезло свободное казачество: оно живетъ еще только въ пѣсняхъ. Екатерина II, напуганная возстаніями, въ особенности бунтомъ Емельяна Пугачева, сердитая также на то, что ея новыя поселенія и города на югѣ подвергались въ своемъ развитіи опасности со стороны привыкшаго къ грабежу населенія, — Екатерина II, несмотря на всѣ ея припадки либерализма, объявила указомъ 3 мая 1783 г. крѣпостными всѣхъ малорусскихъ государственныхъ крестьянъ, а значитъ—и крестьянъ изъ казаковъ; этимъ было подарено дворянству полтора милліона крестьянъ. Послѣ того какъ она еще въ томъ же году присоединила къ государству Крымъ (татарскихъ казаковъ), „на югѣ прекратилась старая номадская, полу-рыцарско-грабительская, но также и романтически-авантюристская жизнь, и могильная тишина водворилась въ той мѣстности, въ которой въ теченіе вѣковъ играла шумная жизнь“. Подобное же явленіе выступило наружу и на территоріи, принадлежащей Московскому государству, а частью и въ пограничной ему области. Тамъ съ крестьянскимъ населеніемъ обращались не лучше, чѣмъ въ Польшѣ; крѣпостная зависимость становилась все тяжелѣе, но съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь не столько бояре, сколько само государство и власти давили народъ съ истинно-восточной жестокостью и истощали его въ финансовомъ отношеніи. Въ одномъ участкѣ изъ 460 квадратныхъ миль было, согласно оффиціальному отчету, лишь 123 жилыхъ поселенія и 967 опустѣвшихъ, а причина часто выставляется слѣдующая: „вслѣдствіе царскихъ податей и подводъ“. Народъ массами выселялся; противъ этого не помогали ни ограниченіе, ни позднѣе установленная отмѣна свободы передвиженія. Безконечное число людей, подвергавшихся преслѣдованію со стороны правительства, старались своимъ бѣгствомъ спасти, по крайней мѣрѣ, свою жизнь. Многіе уходили въ степныя области Дона и Волги до Урала и Кавказа. Здѣсь, поэтому, тоже образовались казачьи гнѣзда, такъ: донскіе, волжскіе, уральскіе казаки и т. д. Къ государству они относились, большей частью, враждебно и — часто вызывали тяжелыя неурядицы.

Всѣ самозванные претенденты на тронъ находили приверженцевъ среди казаковъ или изъ нихъ происходили. Изъ болѣе значительныхъ вожаковъ шаекъ нужно назвать лишь слѣдующихъ: Болотникова, увѣщевавшаго свои шайки избивать бояръ и присвоить себѣ ихъ имущество, дочерей и женъ, грабить лавки купцовъ и раздѣлить между собой всѣ государственныя должности; затѣмъ, страшнаго атамана Стеньку (Степана) Разина во времена царя Алексѣя (1667—1671); Кондратія Булавина

при Петрѣ Великомъ (1707—1708); Пугачева, выдававшаго себя за Петра III; всѣ опирались на эти банды. То былъ цвѣтъ населенія, который выгнала дикость Московскаго государства. Изъ нихъ, правда, вышли и Ермакъ Тимофеевичъ, прославившійся покореніемъ Сибири, Дежневъ, открывшій въ 1648 году проливъ между Америкой и Азіей, который позднѣе былъ вторично найденъ Берингомъ и названъ его именемъ. Казаки завоевали Азовъ и хотѣли передать его царю. Тѣмъ не менѣе, бунты этихъ казаковъ задали-таки работу русскому правительству. Только послѣ побѣды при Екатеринѣ II надъ Пугачевымъ, ихъ обширныя территоріи стали все болѣе и болѣе успокаиваться.

11. Послѣднее столѣтіе польскаго государства.

A. Польша отъ Яна II Казимира до Яна III Собѣсскаго; liberum veto.

Потеря Украйны не была единственнымъ несчастіемъ, поразившимъ Польшу въ 1654 году. Чуть ли еще не тяжелѣе была самая борьба за нее съ Москвой и Турціей. Но и шведскій король Карлъ X Густавъ, противъ воцаренія котораго возражалъ Янъ (Іоаннъ II) Казимиръ (1648—1668), объявилъ Польшѣ войну. Къ нимъ всѣмъ присоединился и князь трансильванскій Георгъ Ракочи II, напавшій на Польшу въ 1657 году. Давно уже Польша не находилась въ столь большой опасности. Варшава и Краковъ были въ рукахъ шведовъ, Пруссію захватилъ великій курфирстъ бранденбургскій, Вильну и Червонную Русь занимали русскіе и казаки; Ракочи производилъ ужаснѣйшія опустошенія; король бѣжалъ въ Силезію. Самымъ печальнымъ было, однако, то, что шляхта примкнула къ шведамъ, и что нашлись измѣнники, которые агитировали противъ своего же короля. Благомыслящіе образовали союзъ, во главѣ котораго сталъ самъ король; былъ заключенъ союзъ съ Австріей и Даніей; но, несмотря на отдѣльные военные успѣхи, Польша вынуждена была согласиться на большія жертвы. По договору въ Вейлау (29 сентября 1657 года) она отказалась въ пользу курфирста Фридриха Вильгельма отъ своихъ верховныхъ ленныхъ правъ на Пруссію; вслѣдствіе этого, Прусское герцогство было навсегда для нея потеряно. По миру съ Швеціей, заключенному 3 мая 1660 года въ цистерціанскомъ монастырѣ Оливѣ, близъ Данцига, Польша должна была уступить Эльбингъ и Лифляндію; кромѣ того, Янъ Казимиръ отказался отъ своего наслѣдственнаго права на Швецію и могъ лишь пожизненно носить титулъ „короля шведскаго“. Лучше всего, сравнительно, обстояли военныя дѣла Польши въ Украйнѣ, гдѣ ей удалось пріобрѣсти среди казаковъ свою партію подъ предводительствомъ Быховскаго. Даже сынъ Хмельницкаго покорился Польшѣ. Несмотря на это, послѣдняя вынуждена была по Андрусовскому перемирію (20 января 1667 года) уступить Москвѣ Смоленскъ, Сѣверскъ, Черниговъ, а также Лѣвобережную Украину на 13 лѣтъ и Кіевъ на 2 года.

Война съ Турціей, вызванная подчиненіемъ части казаковъ подъ предводительствомъ Дорошенки, кончилась, равнымъ образомъ, позорнымъ для Польши миромъ въ Буджакѣ (Будзекѣ), заключеннымъ лишь при преемникѣ Яна Казимира, Михаилѣ (сравни ниже), 18 сентября 1672 года. Польша должна была отдать часть Украины Дорошенку, а Подолію съ крѣпостью Каменцомъ — Турціи и согласиться на ежегодную дань въ 22,000 дукатовъ.

Еще бóльшимъ несчастьемъ для Польши былъ нравственный распадъ ея шляхты и общая испорченность общественной жизни.

Каждая группа самовластно заключала миръ съ врагами; партіи враждовали другъ съ другомъ и агитировали противъ короля; даже отдѣльные сановники вели на свой рискъ особую политику. Многіе состояли на жалованьи иностранныхъ государствъ; въ ихъ числѣ, напримѣръ, примасъ

В. д. отъ 20 Гринича

ПОЛЬША и ЗАПАДНАЯ РОССІЯ около 1000 г.

ПОЛЬША передъ Оливскимъ (1660) и Андрусовскимъ (1667) миромъ

- Пруссія 1660 г. къ Бранденбургу
- Лифляндія 1660 г. къ Швеціи
- 1667 г. къ Московскому государству

ЛЬШИ И ЗАПАДНОЙ РОССИИ.

ПОЛЬША, ЛИТВА И ЗАПАДНАЯ РОССІЯ въ нач. 14-го вѣка.

ПОЛЬША по границамъ 1772 г.

отошло 1772 г.	къ Пруссіи
	къ Россіи
	къ Австріи
отошло 1793 г.	къ Пруссіи
	къ Россіи
отошло 1795 г.	къ Пруссіи
	къ Россіи
	къ Австріи

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

королевства, а также Янъ Собѣсскій, будущій король; мало того, виднѣйшіе сановники открыто упрекали другъ друга въ подкупности.

То было въ 1652 году, когда одинъ единственный депутатъ, Владиславъ Сицинскій изъ Трокъ, въ свитѣ сорвалъ своимъ вето созванный въ это время сеймъ. Зависимость правомочности рѣшеній сейма отъ согласія каждаго отдѣльнаго его члена вытекала, во всякомъ случаѣ, изъ духа конституціи: въ каждомъ единичномъ депутатѣ воплощалось вѣдь величество государства. Еще раньше требовалось всеобщее согласіе при всѣхъ сеймовыхъ рѣшеніяхъ; уже и прежде меньшинство срывало сеймы.

Но еще не было случая, чтобы единичный депутатъ осмѣлился сдѣлать такое крайнее употребленіе изъ liberum veto.

Вмѣшательство иностранныхъ державъ и вліяніе ихъ на политику государства были этимъ впредь значительно облегчены, такъ какъ теперь нужно было только склонить на свою сторону одного депутата.

Но какъ прежде, такъ и теперь, какъ будто это само собой разумѣлось, вина была приписана королю. Янъ Казимиръ былъ осмотрителенъ и храбръ — тѣмъ не менѣе, ненависть шляхты обратилась противъ него. Его упрекали въ равнодушіи, ему отказывали въ почтеніи, думали объ его смѣщеніи; но онъ предупредилъ послѣднее, рѣшившись добровольно сложить корону. Торговались еще по поводу его годовой ренты, какъ нѣкогда въ видахъ бережливости заставили его жениться на вдовѣ его брата Маріи Луизѣ, дабы государству не пришлось содержать двухъ королевъ: 16 сентября 1668 года произошла церемонія отреченія. Сенатъ и земская палата соединились въ одномъ общемъ засѣданіи. Послѣ трогательныхъ словъ прощанія, плачущій король положилъ на парламентскій столъ актъ объ отреченіи, и все собраніе плакало вмѣстѣ съ нимъ. Однако, отреченіе короля было символомъ несостоятельности и всего государства; уходъ короля былъ осязательнѣйшимъ доказательствомъ невозможности общественныхъ отношеній въ тогдашней Польшѣ.

Бывшій король посѣтилъ еще Соколъ, Краковъ, Ченстоховъ, успѣлъ узнать объ избраніи своего преемника, слабаго Томаша Корибута Вишневецкаго (1669—1673), а затѣмъ удалился во Францію и умеръ тамъ въ Сэнъ Жерменѣ 16 декабря 1672 года. Незадолго передъ этимъ король Михаилъ вынужденъ былъ заключить позорный миръ въ Бучачѣ.

Онъ былъ сыномъ того воеводы Іереміи Вишневецкаго, который нѣкогда свирѣпствовалъ противъ украинскихъ казаковъ, но воинственныя наклонности отца не перешли къ сыну. Если при господствовавшихъ республиканскихъ порядкахъ польскіе короли, вообще, имѣли въ XVII столѣтіи не многимъ больше значенія, чѣмъ простая декорація, то при Вишневецкомъ это грустное явленіе проявлялось особенно рѣзко. Истиннымъ зеркаломъ недостатковъ и пороковъ шляхты является тогдашняя литература, отличающаяся такой же поверхностью, какъ и политическая жизнь того времени. Исключенія попадаются рѣдко. Не дурны, напримѣръ, замѣчанія, которыя мы встрѣчаемъ въ „Joannis Boteri Poloniae descriptio“ въ Эльцевировомъ сборномъ сочиненіи: „Respublica Poloniae“ (Лейденъ, 1627 г.): „Король имѣетъ вліяніе настолько, насколько можетъ чего-либо добиться личнымъ счастіемъ и умомъ. Дворяне дѣлаютъ, что имъ хочется; они обращаются съ королемъ не какъ родственники (ср. французскихъ пэровъ), но прямо какъ братья“.

Въ лицѣ избраннаго по смерти Вишневецкаго, 19 мая 1674 года, Яна III Собѣсскаго, отличавшагося въ качествѣ полководца въ войнѣ съ турками, Польша получила короля, который могъ бы вознаградить ее за понесенныя потери и возстановить уваженіе къ государству. Къ плану величайшихъ польскихъ королей—начать въ союзѣ съ Москвой и Австріей, рѣшительную борьбу съ Турціей, онъ присталъ со всей силой своей солдатской натуры, такъ какъ справедливо видѣлъ въ этомъ залогъ будущ-

ности Польши. Эта же мысль довела его въ 1683 году до самой Вѣны, гдѣ онъ разбилъ османовъ. Эта блестящая побѣда, сдѣлавшая его знаменитымъ во всемъ христіанскомъ мірѣ, а также дальнѣйшіе счастливые походы въ Венгрію были послѣдними свѣтлыми лучами, въ которыхъ просіяла польская слава. Будучи цѣликомъ политикомъ, онъ и религіозный вопросъ разсматривалъ съ политической точки зрѣнія и надѣялся покончить съ разладомъ между римско-католическимъ и остальными исповѣданіями при помощи синода, который онъ созвалъ въ 1680 году въ Люблинѣ, а затѣмъ въ Варшавѣ. Исходя изъ такой болѣе высокой идеи, онъ устраивалъ и дѣла въ Украйнѣ, пустивъ въ ходъ справедливость и кротость, чѣмъ привлекъ къ себѣ большую часть казаковъ.

Онъ не боялся также принести и бо́льшія жертвы своей цѣли — уничтожить турокъ.

Въ началѣ 1686 года онъ послалъ Крыштофа Гржимултовскаго въ Москву заключить союзъ съ царевной Софьей. 21 апрѣля Польша уступила на вѣчныя времена Смоленскъ, Черниговъ, Дорогобужъ, Стародубъ и Кіевъ вмѣстѣ со всей Украйной на лѣвомъ берегу Днѣпра. Со слезами клялся въ Лембергѣ польскій герой быть вѣрнымъ этому „вѣчному миру“ съ Россіей въ надеждѣ, что склонилъ это государство въ пользу своихъ великихъ плановъ. Но Москва была тогда еще слишкомъ груба, чтобы сумѣть обнять такія мысли, и слишкомъ слаба, чтобы осуществить ихъ. И Собѣсскій увидѣлъ себя, такимъ образомъ, предоставленнымъ самому себѣ. Но при своихъ благородныхъ стремленіяхъ, онъ, какъ и его предшественники, все время наталкивался на ту соціальную и государственную гниль, которая дѣлала невозможнымъ всякое болѣе крупное предпріятіе. И онъ также носился въ началѣ своего правленія съ мыслями о государственномъ переворотѣ, но долженъ былъ, однако, какъ всѣ прочіе, оставить всякую надежду. Дѣйствія этого короля доказываютъ, что даже значительныя личности связываются силой обстоятельствъ. Поэтому слѣдовало бы называть великими не исключительно тѣхъ, кто достигъ важныхъ успѣховъ, но, по справедливости, и тѣхъ, кто стремился къ великому. Шляхта не позволила ему даже сдѣлать своимъ преемникомъ своего сына, Якова Людвига; мало того, она позорно обрадовалась, когда послѣдній не получилъ уже обѣщанной ему руки одной австрійской принцессы, и даже пыталась разстроить его бракъ съ одной богатой литвинкой. Полный горечи и согбенный лѣтами, Іоаннъ III сошелъ 17 іюня 1696 года въ могилу (его дочь Терезія Кунигунда была матерью Карла VII Альбрехта).

B. Эпоха саксонскихъ курфирстовъ.

Правленіе Собѣсскаго было послѣднимъ вспыхнувшимъ лучемъ въ жизни польской республики. Теперь, казалось, вернулись страшныя времена Яна Казимира: партійная борьба снова началась и на этотъ разъ еще съ бо́льшей силой. Если доселѣ предавали и продавали отечество единичныя личности или партіи, то теперь это дѣлали также и короли; если до сихъ поръ иностранныя державы проявляли свое вліяніе въ Польшѣ лишь при помощи резидентовъ и денегъ, то теперь онѣ стали это дѣлать непосредственно при содѣйствіи войскъ, которыя не оставляли уже больше границъ Польши и силой оружія придавали вѣсъ приказаніямъ своихъ сувереновъ.

Если раньше не желала принести никакой жертвы требованіямъ государственнаго здраваго смысла и не хотѣла ничего и слышать о реформахъ шляхта, больше всего любившая свою вольность, — то теперь эту роль приняли на себя сосѣднія съ Польшей державы, которыя ревниво старались удержать существующій порядокъ и не допускали никакихъ реформъ. Иностранныя наемныя войска расположились лагеремъ въ Польшѣ, устра-

ивали здѣсь магазины, сражались другъ съ другомъ и, никого не спрашивая, прорѣзывали территорію республики по всѣмъ направленіямъ. Уже и раньше сосѣди мало уважали польскій государственный суверенитетъ. Въ 1670 г. великій курфирстъ велѣлъ почти на глазахъ короля Михаила Вишневецкаго схватить насильно прусскаго дворянина Хр. Людв. фонъ Калькштейна и отвести его въ Кенигсбергъ. Самъ Янъ Казимиръ, еще въ правленіе своего брата Владислава, будучи прибитъ бурей во время своего путешествія по Западной Европѣ къ берегамъ Франціи, попалъ на два года въ плѣнъ, безъ того, чтобы на родинѣ особенно объ этомъ безпокоились Теперь же съ Польшей обращались съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Когда въ Москвѣ однажды, по поводу восшествія на престолъ, стали, согласно старому обычаю, разбрасывать среди народа деньги, — то ни одинъ полякъ не нагнулся, чтобы поднять монету; теперь же всѣ хватали золото обѣими руками, съ какой бы стороны оно ни притекло. Прежде шляхта ставила чужимъ претендентамъ суровыя условія и раньше всего требовала отъ нихъ обязательства вернуть потерянныя провинціи, — теперь ни одинъ король не могъ быть избранъ безъ согласія иностранныхъ державъ; мало того, эти короли обязывались служить иностраннымъ государямъ. При этомъ, національная и религіозная нетерпимость становилась все сильнѣе. Римъ и іезуиты пользовались большимъ вліяніемъ и неусыпно исполняли свою работу насильственнаго обращенія и безпощаднаго подавленія иновѣрныхъ.

Курфирстъ саксонскій Фридрихъ Августъ I (Сильный) въ качествѣ польскаго короля—Августа II, помимо раздававшихся имъ денегъ, обязанъ своимъ избраніемъ не въ малой мѣрѣ и тому обстоятельству, что принялъ 1-го іюня 1697 года католическую религію. Въ 1733 году сеймъ объявилъ иновѣрцевъ лишенными всѣхъ политическихъ правъ и должностей и этимъ далъ за-границѣ новый поводъ къ вмѣшательству въ дѣла страны. Срываніе сеймовъ стало теперь правиломъ. При Августѣ II, между 1717 и 1733 годами, изъ сеймовъ только 5 довели свои занятія до конца, а при Августѣ III—лишь одинъ. Даже суды встрѣчали препятствія въ своей дѣятельности отъ борющихся партій и часто должны были прекращать свои засѣданія. И такъ какъ государственная машина бездѣйствовала, то стали себѣ помогать союзами и вооруженными соглашеніями, которыя вѣрнѣе вели къ цѣли; однако, и для какой-либо иностранной державы было не трудно вызвать въ своихъ интересахъ къ жизни подобную „конфедерацію“. Какъ грибы, выростали послѣднія изъ-подъ земли, боролись другъ съ другомъ и увеличивали замѣшательство. Одновременно съ политическимъ одичаніемъ, и обѣднѣніе шляхты дѣлало страшные успѣхи. Вокругъ богатыхъ магнатовъ, число коихъ, впрочемъ, всегда было не велико, тѣснились обѣднѣвшіе дворяне, которые жили больше отъ милости высшаго дворянства. Вслѣдствіе этого, и гнетъ надъ сельскимъ населеніемъ также усилился до безчеловѣчности. Города, все болѣе обременяемые для удовлетворенія нуждъ страны, также бѣднѣли, тѣмъ болѣе, что никогда не пользовались покровительствомъ государства. Іезуитскія школы отличались теперь только видимой ученостью и воспитывали лишь воителей Христа, которые должны были водворить въ Польшѣ скорѣе господство іезуитскаго ордена, чѣмъ царство Божіе. Даже основанный въ 1607 году орденъ піаристовъ, соперничавшій съ іезуитами въ открываніи школъ больше заботился о своемъ самолюбіи, чѣмъ о распространеніи истинной науки. Позорно низкимъ было культурное и нравственное состояніе шляхты; и это дѣйствуетъ, тѣмъ болѣе, отталкивающе, что это состояніе не находилось ни въ какомъ соотвѣтствіи ни съ честолюбіемъ, ни съ претензіями, ни съ положеніемъ этого сословія въ государствѣ.

Еще сто лѣтъ тянулась эта агонія страны. Если сосѣди такъ долго допускали такое положеніе, то это только по той причинѣ, что они сами не

были подготовлены и достаточно сильны, чтобы оказаться въ состояніи попросту проглотить Польшу. Они только завистливо сторожили другъ друга и сохраняли равновѣсіе, „Polska nierzabem stoi“: „Польша держится безначаліемъ“, справедливо говорили теперь.

Фридрихъ Августъ Саксонско-Польскій, тѣлесно столь сильный, что могъ согнуть между пальцевъ талеръ, и истинный эпикурецъ, казалось, былъ, какъ удачно выразился одинъ польскій писатель, предназначенъ Провидѣніемъ для наказанія народа за его грѣхи. Легкомысленный въ своей частной, а также и въ общественной жизни, онъ вносилъ безнравственность и политическую испорченность въ среду своихъ приближенныхъ.

Едва успѣвъ пожать въ 1699 году въ Карловицкомъ мирѣ плоды военныхъ подвиговъ своего великаго предшественника, при чемъ Польша обратно получила отъ Турціи Подолію и Каменецъ, — онъ уже въ слѣдующемъ году ввергъ государство въ роковую войну, чуть не стоившую ему трона. Онъ сблизился, именно, съ русскимъ Петромъ Великимъ и сговорился съ нимъ о походѣ противъ шведовъ; трофеемъ побѣды должна была послужить Лифляндія. Привлекли еще къ союзу датскаго короля Фридриха IV, и саксонскія войска, которыя Августъ все время держалъ въ Польшѣ, начали войну. Однако, союзники горько ошиблись въ молодомъ шведскомъ королѣ. Карлъ XII наносилъ имъ ударъ за ударомъ. Тогда какъ Россія должна была, въ концѣ-концовъ, задавить своимъ естественнымъ вѣсомъ, а не военнымъ искусствомъ, маленькую Швецію, — Августъ II и Данія не могли устоять. Карлъ XII потребовалъ у шляхты смѣщенія короля и 12 іюня 1704 года заставилъ избрать королемъ Станислава Лещинскаго. Августъ напрасно пытался расположить къ себѣ Карла XII; онъ неоднократно преподносилъ ему черезъ тайныхъ пословъ часть Польши; но когда Карлъ завоевалъ и Саксонію, то онъ вынужденъ былъ по миру въ Альтранштадтѣ, 24 сентября 1706 года, отказаться отъ польской короны, которую получилъ обратно лишь послѣ того, какъ Карлъ XII былъ окончательно разбитъ Петромъ Великимъ при Полтавѣ 8 іюля (27 іюня) 1709 года. Выгоды изъ этой (второй) сѣверной войны извлекла только Россія, завладѣвшая Лифляндіей, Эстляндіей и Ингерманландіей и ставшая, такимъ образомъ, твердой ногой на Балтійскомъ морѣ.

Съ самаго начала своего правленія, Августъ II носился съ мыслью усилить королевскую власть: онъ держалъ въ Польшѣ саксонскія войска и не совѣтовался съ сеймомъ. Но хотя его государственные таланты были не малы, — однако, всѣ планы, замышлявшіеся имъ, послужили къ несчастью Польши. Оппозиція противъ него все разросталась, какъ и число сторонниковъ смѣщеннаго 3 августа 1709 года Станислава Лещинскаго; обѣ партіи образовывали конфедераціи. Вопросъ былъ рѣшенъ Россіей. Быстро и съ удивительной ясностью мысли Петръ Великій правильно понялъ польскія дѣла и зналъ, какъ ему дѣйствовать. Онъ предложилъ себя въ посредники между партіями, сталъ, однако, на сторону менѣе опаснаго Августа, въ качествѣ „покровителя Польши“, приказалъ двинуть туда 18,000 человѣкъ и привелъ обѣ борющіяся партіи къ соглашенію въ Варшавѣ.

Августъ II обязался въ теченіе 25 дней вывести изъ страны своихъ саксонцевъ; всѣ конфедераціи были распущены и запрещены на будущее время, конституція обезпечена. Прибавочная тайная статья ограничивала численность польскихъ войскъ, а именно: Польша не должна была содержать больше 17,000, а Литва болѣе 6,000 человѣкъ. Всѣ эти пункты вынужденъ былъ безъ дебатовъ утвердить сеймъ 1717 года, почему былъ названъ нѣмымъ сеймомъ. Это было, тѣмъ болѣе, образцовымъ ходомъ со стороны Петра, что ему также удалось склонить Турцію къ признанію этого договора. Съ этого времени русскія войска уже не оставляли польской территоріи: политика, соблюдавшаяся до послѣдняго раздѣла.

Еще одного сосѣда пришлось принять въ разсчетъ во время польской борьбы за наслѣдство: курфирста бранденбургскаго. На возведеніе курфирста саксонскаго въ короли польскіе онъ отвѣтилъ тѣмъ, что самъ короновался въ Кенигсбергѣ 18 Января 1701 года королемъ прусскимъ. Онъ этимъ показалъ, что выступаетъ изъ нѣмецкаго имперскаго союза съ частью своихъ земель, и что центръ тяжести его государственной мощи лежитъ въ Пруссіи, которая вѣдь не находилась въ верховной ленной зависимости отъ императора; этимъ указывалось также и на то, что онъ изъявляетъ претензіи и на другую часть Пруссіи, принадлежавшую еще Польшѣ. Что прусскій король и его преемники далеко вглядывались въ будущее, это доказываютъ ихъ неустанныя заботы объ организаціи и увеличеніи своей арміи. Выправка прусскихъ войскъ должна была уравновѣсить численность русскихъ и другихъ отрядовъ. И Фридриху I тоже предложилъ Августъ планъ раздѣленія Польши. Такимъ образомъ, онъ, собственный король Польши, первый внушилъ сосѣдямъ мысль о ея раздѣлѣ. Въ третій разъ это произошло въ 1732 году, когда онъ хотѣлъ расположить прусскаго короля въ пользу избранія его сына, Фридриха Августа, королемъ польскимъ. По смерти Августа II (1 февраля 1733 г.) сеймъ съ рѣдкимъ единодушіемъ вторично избралъ Станислава Лещинскаго польскимъ королемъ (11 сентября 1733 г.); но шляхта забыла, что ея рѣшенія уже ничего не значили рядомъ съ волей болѣе могущественной силы. 40,000 русскихъ двинулись въ Польшу, и, покровительствуемый Россіею, Фридрихъ Августъ II Саксонскій былъ избранъ 17 января 1734 г. польскимъ королемъ подъ именемъ Августа III, а Франція вынуждена была допустить пораженіе своего кандидата, Станислава Лещинскаго. Въ 1735—1738 гг. послѣдній получилъ за это княжества Лотарингію и Баръ. Занятый до самой своей смерти (23 фев. 1766 г.) мыслью о своей несчастной родинѣ, онъ собралъ, наконецъ, вокругъ себя въ Нанси и Люневиллѣ польскую молодежь, чтобы воспитать изъ нея реформаторовъ.

Теперь и въ Польшѣ увидѣли, что паденіе не заставитъ себя долго ждать. Число голосовъ, требовавшихъ реформъ, возростало, и печальное зрѣлище представляется намъ, когда мы видимъ, какъ благомыслящая часть націи истощала себя въ своихъ напрасныхъ усиліяхъ ввести реформы и спасти отечество. Двѣ большія партіи: одна съ семьей Чарторійскихъ во главѣ, другая—съ семьей Потоцкихъ, ожесточенно боролись другъ съ другомъ. Первая хотѣла спасти Польшу съ помощью Россіи, вторая — при поддержкѣ Франціи. Обѣ исходили изъ ложныхъ основаній, ибо спасенія Польши нельзя было ожидать ни отъ какой иностранной державы, а оно зависѣло исключительно отъ единодушія и готовности на жертвы самой націи, чего нельзя было добиться.

Все правленіе Августа III (ум. 5 октября 1763 года) наполнено этой партійной борьбой.

С. Гибель польской независимости.

Злому генію Польши было угодно, чтобы какъ разъ во второй половинѣ XVIII столѣтія Пруссія въ лицѣ Фридриха Великаго, а Россія—въ лицѣ Екатерины II — получили государей, которые причисляются къ величайшимъ правителямъ всѣхъ временъ, тогда какъ Польша, вслѣдствіе своего разъединенія, сама шла къ своей гибели. Уже въ 1764 году, сейчасъ же послѣ смерти Августа III, оба сосѣда сговорились о занятіи части польскаго государства. Избранный 7 октября 1764 года королемъ, Станиславъ II Понятовскій, родственникъ семьи Чарторійскихъ, жилъ до этого въ Петербургѣ и, какъ любимецъ Екатерины, предназначался для польскаго трона. Одно это обстоятельство заставляло предполагать, что этотъ король, помимо своихъ личныхъ симпатій, будетъ орудіемъ русской политики. Чарторійскіе, правда, хотѣли использовать это обстоятельство и вве-

сти полезныя реформы; они выступили также противъ Россіи; но вскорѣ образовались для защиты старыхъ вольностей конфедераціи, встрѣчавшія поддержку у Россіи, которая должна была позаботиться о сохраненіи безначалія въ Польшѣ.

Всѣ европейскія государства обнаруживали тогда удивительную страсть къ дальнѣйшему распространенію, и мысль о раздѣлѣ какой-либо страны, казалось, висѣла въ воздухѣ.

Уже Карлъ VI и Фридрихъ Вильгельмъ I Прусскій сдѣлали черезъ своихъ представителей запросъ, какъ будетъ держаться Россія при распаденіи Польши. Позднѣе, какъ извѣстно, вынырнулъ планъ раздѣленія Пруссіи; Австрія, Россія, Швеція и Франція охотно дали на это свое согласіе. Но когда Фридрихъ показалъ своимъ милымъ сосѣдямъ, какъ хорошо онъ умѣетъ ихъ бить, то они отстали отъ него и перенесли свое вниманіе на слабую Польшу, которая не была въ состояніи защититься отъ враговъ. Вина падаетъ на самое Польшу. 17 февраля 1772 года, въ началѣ 1793 года и 24 октября 1795 года, Польша была раздѣлена между Россіей, Пруссіей и Австріей, и польское государство исчезло съ карты Европы. Польскій народъ долженъ былъ, сверхъ того, пережить тотъ позоръ, что его сеймы одобрили насильственныя дѣйствія державъ. Такъ пало польское государство, послѣ восьмисотлѣтняго существованія.

Причиной была morbus nimiae libertatis (болѣзнь слишкомъ широкой свободы). Въ своихъ поискахъ разрѣшенія государственно-правового вопроса, Польша допустила преувеличенія и, такъ сказать, захлебнулась въ полнѣйшей личной несвязанности индивидуума. Изъ польской исторіи мы научаемся чрезвычайно многому; для міровой же исторіи она имѣетъ особенную важность, такъ какъ представляетъ нѣчто своеобразное. Но и кромѣ этого, Польша вѣдь много послужила культурѣ и прогрессу. Правда, цивилизація, если не считать Коперника (который, впрочемъ, получилъ западно-европейское образованіе), никогда не была здѣсь выше, чѣмъ на Западѣ; но Польша распространяла западно-европейскую культуру на востокѣ.

Польскіе патріоты, особенно тѣ, которые эмигрировали во Францію, дѣлали потомъ частыя попытки возстановить политическую независимость Польши; нерѣдко занималась также польскимъ вопросомъ и европейская дипломатія. Но, кромѣ дружественныхъ обѣщаній, поляки не нашли никакого друга, который могъ и захотѣлъ бы сильной рукой уничтожить дѣйствіе рѣшающихъ событій послѣднихъ десятилѣтій XVIII столѣтія. Польскіе эмигранты примкнули къ Франціи и образовали легіоны, сражавшіеся подъ орлами Наполеона I, въ надеждѣ, что послѣдній поможетъ имъ возстановить ихъ государство. Но такія сантиментальныя побужденія были далеки отъ властнаго корсиканца: поляки, какъ и прочіе народы, были для него лишь одной изъ шашекъ его шахматной доски. Правда, послѣ Тильзитскаго мира 21 іюля 1807 года, онъ основалъ Великое Герцогство Варшавское подъ властью саксонскаго короля Фридриха Августа I; оно заключало въ себѣ Варшаву и Краковъ; но онъ сдѣлалъ это лишь для того, чтобы ослабить Пруссію и Австрію. Вѣнскій конгрессъ 1814 — 1815 года „урегулировалъ“ затѣмъ польскій вопросъ въ томъ смыслѣ, что Пруссія снова получила Познань, а Австрія—восточную Галицію.

Благомыслящій императоръ Александръ I согласился на то, чтобы изъ варшавской области („kongress-Polen“) было образовано конституціонное королевство подъ властью русскаго царя, а изъ Кракова—республика подъ покровительствомъ Россіи, Австріи и Пруссіи (1815 г.). Но и на этотъ разъ поляки не сумѣли отстоять свое дѣло. Въ Краковѣ готовилось новое возстаніе противъ Россіи, и если бы оно удалось, то, естественно, и противъ Пруссіи. Оно вспыхнуло 29 ноября 1830 года въ Варшавѣ. Моментъ былъ избранъ неудачный. Россія сейчасъ же послѣ сво-

ихъ побѣдъ надъ Турціей находилась въ лучшемъ положеніи, чѣмъ прежде. Польскія войска были разбиты, конституція отмѣнена, и польскія земли инкорпорированы теперь въ составъ Россіи. Когда весной 1846 года вспыхнуло новое возмущеніе, вызвавшее безпорядки, то въ ноябрѣ свободное краковское государство было занято Австріей. Возстаніе 1864 года уже заранѣе имѣло еще меньше шансовъ на успѣхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, польскій вопросъ исчезъ покуда и съ зеленаго стола европейской дипломатіи.

12. Россія со времени ея вступленія въ ряды европейскихъ государствъ.

A. Борьба между прогрессомъ и реакціей до 1680 года.

Татарское иго было величайшимъ изъ несчастій, поразившихъ русское государство во все продолженіе его историческаго развитія, и не только потому, что страна почти на три столѣтія потеряла свою политическую независимость, подверглась варварскому обращенію и была разграблена, но еще въ большей степени потому, что народъ почти на полутысячелѣтіе отсталъ отъ Западной Европы въ своемъ культурномъ развитіи. Властное правительство, обращавшееся со своими подданными на азіатскій манеръ; налоговая система, истощавшая народъ; огрубѣніе нравовъ; развитіе рабскаго духа въ населеніи и связанное съ этимъ неуваженіе, даже презрѣніе къ культурѣ, идущее объ руку съ азіатской надменностью; стремленіе къ обособленію себя отъ западно-европейскаго міра, — все это было плодомъ долгаго татарскаго рабства. И кто можетъ утверждать, что Россія и теперь совершенно уже сбросила съ себя эти особенности?

Лишь къ концу XV столѣтія стали проникать въ Западную Европу частыя свѣдѣнія о Россіи, и тамъ стали ею сильно интересоваться. Первымъ шагомъ къ сближенію Востока съ Западомъ можно было считать флорентійскую Унію. Дѣйствительное же начало этому сближенію, какъ и многому другому, было положено въ правленіе Ивана III. Иванъ прославился своимъ бракомъ съ Софіей Палеологъ и окончательнымъ сверженіемъ татарскаго ига. Габсбурги прежде всѣхъ завязали сношенія съ Россіей, и въ Москву явились къ тому времени дипломаты Фридриха III и Максимиліана—Никласъ Попель фонъ Лобковичъ ((1486 г.) и Георгъ фонъ Турнъ. Эрцгерцогъ Сигизмундъ Тирольскій (ум. въ 1496 г.) послалъ въ Москву Михаила Снупса съ порученіемъ выучиться тамъ русскому языку и познакомиться со всѣми достопримѣчательностями страны. Самъ Иванъ отправилъ посольства въ Венгрію, Германію, Италію. Онъ просилъ короля Матвѣя Корвина дать ему умѣлыхъ горныхъ рудокоповъ. О томъ же онъ хлопоталъ и у императора Фридриха, прося также доставить ему по одному артиллеристу, архитектору и серебрянныхъ дѣлъ мастеру. Изъ Италіи Иванъ вызывалъ живописцевъ и архитекторовъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ и литейщиковъ колоколовъ; изъ его инженеровъ прославился больше всѣхъ болонскій уроженецъ Аристотель Фіоравенти: онъ выливалъ пушки и былъ творцомъ первой русской артиллеріи. Итальянецъ Жанъ-Баттиста делла Вольпе (по-русски—Иванъ Фрязинъ) завѣдывалъ съ 1469 года монетнымъ дворомъ въ Москвѣ. Въ 1489 году греческій дипломатъ Траханіотъ долженъ былъ стать посредникомъ брака между дочерью Ивана III и Максимиліаномъ. Въ 1520 году прибылъ въ Москву купецъ Паоло Чентуріоне изъ Генуи съ рекомендательнымъ письмомъ отъ папы и съ порученіемъ отыскать новый путь изъ Европы вь Индію, а, навѣрное и съ другими тайными намѣреніями. Важной по своимъ послѣдствіямъ была дѣятельность австрійскаго повѣреннаго Сигизмунда Герберштейна, дважды (1516—1518 и 1526—1527 гг) побывавшаго на Руси и изложившаго результаты своихъ изслѣдованій въ широко распространен-

ной книгѣ „Rerum moscoviticarum commentarii“. Каринтіецъ по рожденію, Герберштейнъ владѣлъ славянскимъ языкомъ, поэтому легко могъ выучиться по-русски и собрать нужныя свѣдѣнія. Тѣмъ не менѣе, онъ приводитъ въ своемъ трудѣ много басенъ объ удивительныхъ людяхъ и животныхъ на Руси. Какъ генуэзцы черезъ своего купца Чентуріоне. такъ и венеціанцы, и англичане, ободренные открытіемъ Америки, хотѣли найти новый путь въ Индію черезъРоссію.

При королѣ Эдуардѣ VI сэръ Hugh Willoughby снарядилъ для этого англійскую экспедицію; но, вмѣсто того, чтобы найти сѣверовосточный проходъ въ Индію, Ричардъ Ченслеръ, капитанъ одного изъ трехъ посланныхъ судовъ, былъ прибитъ бурей къ устью Двины. Иванъ Грозный принялъ его весьма дружелюбно и даровалъ англійскимъ купцамъ особыя привилегіи. Съ этого времени начали развиваться оживленныя торговыя сношенія между Англіей и Россіей; образовалось даже англійское торговое товарищество съ главнымъ мѣстопребываніемъ въ Москвѣ и съ нѣсколькими отдѣленіями, которыя вступили въ дѣятельную торговую конкурренцію съ Ганзой. Другъ англичанъ, Иванъ получилъ отъ закоренѣлыхъ руссаковъ насмѣшливое прозвище „англійскаго царя“ и даже носился съ мыслью жениться на англичанкѣ. Вскорѣ англійскіе купцы стали стремиться монополизировать торговлю и промышленность на Руси, основывали здѣсь фабрики и составили точныя карты отдѣльныхъ русскихъ областей. Ихъ торговый агентъ Джайльсъ Флетчеръ составилъ въ 1591 году книгу по русской торговой статистикѣ. Эта first discovery of Russia, какъ назвали въ Англіи путешествіе Ченслера, принесла англичанамъ богатые плоды и создала достаточно цѣнную литературу о Россіи. По слѣдамъ англичанъ вскорѣ пошли здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ свѣта, голландцы. Они также снарядили нѣсколько экспедицій, чтобы съ сѣвера найти путь въ Китай и Индію, и ихъ торговля стала вскорѣ преобладать надъ англійской. Ихъ агентъ Исаакъ Масса, предпринимавшій путешествія въ Россію и въ Азію, собиралъ важныя свѣдѣнія, дѣлалъ картографическія изслѣдованія и впервые доставилъ надежныя сообщенія о Сибири. Голландецъ Гессель Герритчъ издалъ въ 1614 году карту Россіи (первая, составленная Антономъ Видъ, восходитъ къ 1542 году). Французы и нѣмцы тоже старались завязать торгово-политическія сношенія съ Россіей.

Но иначе думалъ обо всемъ этомъ русскій народъ. Вмѣсто того, чтобы ухватиться за данный случай и поучиться у иностранцевъ, насколько это возможно, какъ это дѣлаютъ теперь японцы, онъ, за исключеніемъ немногихъ, пытавшихся сблизить Россію съ Западной Европой, всѣми силами противился вліянію послѣдней. Вспыхнула борьба между консервативной и прогрессивной партіями, между мракомъ и просвѣщеніемъ—борьба, характерная для внутренней жизни Руси со времени сверженія монгольскаго ига. Она съ неослабной силой продолжается еще и понынѣ и безпрерывно требуетъ колоссальныхъ жертвъ кровью, деньгами и драгоцѣннѣйшими благами человѣчества. Отъ исхода этой борьбы зависитъ такъ или иначе будущность Россіи.

Въ Россіи, какъ въ деспотическомъ государствѣ, рѣшеніе должно было исходить отъ самихъ государей. Но уже самое воспитаніе, которое всегда приковывало русскихъ царей къ своему дому и къ окружающей средѣ и опутывало ихъ безчисленными формальностями, было менѣе всего способно выработать изъ нихъ людей съ яснымъ и свободнымъ отъ предразсудковъ взглядомъ, Православная церковь, въ своемъ невѣжествѣ, поддерживала сопротивленіе народа западно-европейскому образованію. Наружные обычаи, какъ бритье бороды, хожденіе въ баню въ извѣстные дни, ношеніе европейскаго платья,—все это въ глазахъ невѣжественнаго духовенства, едва умѣвшаго читать или писать, считалось измѣной родному народу и церкви.

Не случайность, поэтому, то обстоятельство, что Борисъ Годуновъ, выросшій вдали отъ двора, былъ первымъ царемъ, котораго можно было назвать западникомъ, и другомъ культуры. Онъ не только призывалъ къ себѣ иностранцевъ, но и посылалъ молодыхъ русскихъ учиться въ Любекъ, во Францію и Англію, открывалъ школы, хотѣлъ даже учредить въ Москвѣ университетъ и уже нанималъ для него въ Германіи профессоровъ. Обученіе своихъ дѣтей онъ поручилъ иностранцамъ и приказалъ изготовить для своего сына карту Россіи, которою потомъ воспользовался для своего изданія голландецъ Гессель Герритъ. За границей сравнивали, поэтому, Бориса съ Птолемеемъ (ср. болгарина Симеона) или съ Нумой Помпиліемъ. У русскихъ царь, однако, встрѣтилъ сопротивленіе, ему дѣлали по этому поводу представленія черезъ патріарха. Лжедмитрій тоже былъ другомъ культуры. Шуйскій, истый москвичъ, отмѣнилъ всѣ новшества Годунова и Дмитрія.

Первые Романовы были друзьями европейской цивилизаціи. Михаилъ призывалъ въ Россію ученыхъ, грекъ Арсеній основалъ для него въ Москвѣ греко-латинскую школу. Еще большимъ покровителемъ иноземцевъ былъ Алексѣй (1645—1676). Онъ любилъ соколиную охоту, хотя церковь ее запрещала, и массами привлекалъ иностранцевъ въ Россію, защищалъ ихъ отъ ненависти народа и отвелъ имъ въ Москвѣ особую часть города, называвшуюся нѣмецкой слободой. Отъ Алексѣя намъ осталось много писемъ, одна замѣтка о соколиной охотѣ и воспоминанія о польской войнѣ. Онъ же призвалъ въ Москву малорусскихъ ученыхъ Славинецкаго и Полоцкаго и ввелъ первыя почтовыя сношенія съ Западомъ. Алексѣй первымъ изъ царей ввелъ при дворѣ театръ. Въ томъ же духѣ правилъ и его добродушный сынъ Ѳеодоръ. Теперь, наконецъ, нашлись частныя лица и сановники, бывшіе усердными ревнителями западно-европейской цивилизаціи. Просвѣщенный канцлеръ („Царственныя большія печати Оберегатель") Алексѣя Ординъ-Нащокинъ и бояринъ Матвѣевъ были западниками, жили культурно и не интересовались ненавистью своихъ соотечественниковъ. Иностранцы особенно хвалили и удивлялись Василію Васильевичу Голицыну, который былъ въ 1680—1689 г. помощникомъ и любимцемъ правительницы Софьи. Французско-польскій дипломатъ Нэйвилль пишетъ про него слѣдующее: „Онъ былъ однимъ изъ самыхъ умныхъ, вѣжливыхъ князей своего времени и любилъ роскошь; отъ его дворца получалось такое впечатлѣніе, будто находишься при дворѣ какого-либо итальянскаго князя". Домъ Голицына былъ блестяще обставленъ. По словамъ Нэйвилля, князь думалъ отпустить крестьянъ на волю, хотѣлъ ввести полную свободу совѣсти, обогатить нищихъ, населить пустыни.

Даже изъ нѣдръ самой церкви вышелъ при Алексѣѣ человѣкъ, который осмѣлился подумать о церковныхъ реформахъ; то былъ патріархъ Никонъ. Онъ, между прочимъ, приказалъ пересмотрѣть церковныя книги, въ которыя проникло при перепискѣ много ошибокъ. Но успѣхъ его усилій былъ не великъ, и, вмѣсто реформы, его улучшенія вызвали расколъ въ русской церкви. Многіе священники отказались принять исправленныя книги, считая ихъ еретическими. Этотъ расколъ и понынѣ отдѣляетъ отъ русской церкви милліоны подданныхъ, олицетворяющихъ старую Русь. Изъ нѣдръ раскольничества вышелъ и Пугачевъ. Когда были введены почтовыя сношенія съ Западной Европой, одинъ русскій писалъ позднѣе: „Иностранцы пробили брешь изъ нашей страны въ ихъ земли; почта, приносящая, можетъ быть, царю денежныя выгоды, только вредитъ роднѣ. Что́ бы у насъ ни случилось, иностранцы сейчасъ же обо всемъ узнаютъ".

И, однако, чѣмъ была бы Россія безъ иностранцевъ? Все нужно было занимать у за-границы: архитекторовъ, инженеровъ, живописцевъ, художниковъ, офицеровъ, военный матеріалъ, литейщиковъ пушекъ и колоколовъ,

рудокоповъ, серебрянныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, врачей, аптекарей, актеровъ, учителей и т. д. Лишь подъ руководствомъ англичанъ, нѣмцевъ, голландцевъ возникли здѣсь фабрики, рудокопни, стекляные и пороховые заводы и т. д. Всѣми своими военными успѣхами Россія обязапа, поэтому, иностранцамъ. Послѣдніе завѣдывали обороной городовъ, и даже земледѣліе было ими же улучшено. Австрійскій монахъ посадилъ у Астрахани первый виноградникъ. Иностранцы же ввели лучшіе нравы; вмѣсто того, однако, чтобы открыть, сколь возможно, больше школъ и создать національную науку, въ Россіи довольствовались тѣмъ, что ввозили къ себѣ духовный капиталъ и, такимъ образомъ, оставались въ зависимости отъ той самой за-границы, которую внутренно въ своей азіатской надменности презирали.

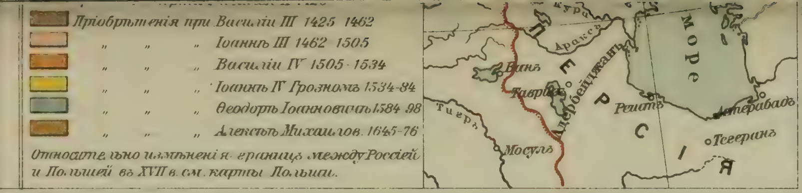
Съ другой стороны, уже слабые успѣхи Россіи вызывали извнѣ безпокойство. Императоръ Максимиліанъ I писалъ гохмейстеру Тевтонскаго ордена: „Возвышеніе Россіи представляетъ собой опасность". Попытки гослярскаго урожденца Ганса Шлитте навербовать для Россіи иноземцевъ потерпѣли неудачу, благодаря противодѣйствію Газенкампа, провинціальнаго магистра ордена въ Лифляндіи: онъ отдалъ приказъ арестовать Шлитте, и нанятые послѣднимъ люди разсѣялись. Король Фердинандъ I воспретилъ вывозъ въ Россію оружія. Сигизмундъ II Августъ, король Польскій, заявилъ, во имя христіанства, протестъ противъ того,чтобы Россія, этотъ врагъ всѣхъ свободныхъ націй, пріобрѣтала переселенцевъ, которые распространяютъ тамъ полезныя знанія, и чтобы она была введена въ кругъ обще-европейской политики. Нѣмецкіе крупные торговцы не хотѣли посвящать своихъ русскихъ представителей въ ходъ дѣлъ, а нѣмецкіе техники при извѣстныхъ операціяхъ отсылали прочь своихъ русскихъ учениковъ, чтобы послѣдніе не могли постичь нѣкоторыхъ тайныхъ пріемовъ. Англичане тоже обезсиливали русскихъ купцовъ, чтобы вырвать для однихъ себя торговую монополію.

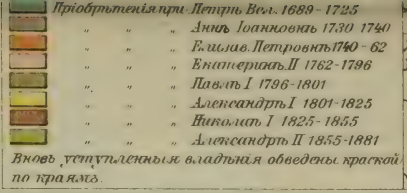
B. **Петръ I Великій (1682—1725).**

Въ виду великой, затрагивающей жизненные интересы народа, борьбы между свѣтомъ и мракомъ, для Россіи было величайшимъ счастьемъ, что она нашла въ лицѣ Петра Великаго, сына Алексѣя отъ второй жены его изъ дома Нарышкиныхъ, такого государя, который, будучи одаренъ рѣдкими способностями, удивительной памятью и непреклонной волей, со всей рѣшимостью сталъ на сторону друзей культуры, своей сильной, хотя и жестокой рукой повергъ въ прахъ всѣхъ враговъ европейской цивилизаціи, словно толчкомъ придвинулъ Россію ближе къ Европѣ и доставилъ своей родинѣ уважаемое мѣсто среди европейскихъ державъ. Подобно Годунову, Петръ также выросъ не въ тупой атмосферѣ царскаго двора, а въ деревенской обстановкѣ, такъ какъ его сестра Софья хотѣла держать его вдали отъ трона. Его природный характеръ и всепроницающій духъ отбросили въ сторону всѣ безсмысленныя преданія; вызвавъ этимъ ужасъ у своихъ соотечественниковъ, онъ одновременно возбудилъ удивленіе за-границей. Петръ былъ первымъ царемъ, оставившимъ свой дворецъ, прилагавшимъ свою руку къ каждому дѣлу, повсюду разъѣзжавшимъ; мало того, онъ даже — что было до сихъ поръ неслыханнымъ дѣломъ — предпринялъ поѣздку и на Западъ.

Самостоятельнымъ царемъ Петръ сталъ въ 1689 г., послѣ того, какъ его единокровная сестра — правительница Софья, которая даже посягала на его жизнь, была заключена въ Московскій женскій монастырь (ум. 14 іюля 1704 г.). Его братъ и соцарь Иванъ V не участвовалъ въ правленіи, и только его имя ставилось вплоть до его смерти (29 янв. 1696 г.), рядомъ съ именемъ Петра во всѣхъ государственныхъ актахъ. До 1725 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТА РОССІИ.





СѢВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ

РОССІЙСКАЯ ИМПЕРІЯ

Карское море

Новая Земля

Ново сибирскіе о-ва

Берингово море

Охотское море

Японское море

Каспійское м.

Черное море

Беринговъ пр.

РОССІЙСКО-АМЕРИК. ВЛАДѢНІЯ съ 1867 г. проданы Соед. Штатамъ

МОНГОЛІЯ

КИТАЙСКАЯ ИМПЕРІЯ

МАНЧЖУРІЯ

АМУРСКАЯ ОБЛ.

ЯПОНІЯ

ТУРЕЦКАЯ ИМПЕРІЯ

ПЕРСІЯ

АФГАНИСТАНЪ

ИНДІЯ

Петербургъ

Москва

Kіевъ

Варшава

Архангельскъ

Казань

Астрахань

Пекинъ

Россія при вступленіи на престолъ Петра Вел. 1689

Пріобрѣтен. при Петрѣ Вел. 1689 - 1725

„ „ „ Аннѣ Іоанновнѣ 1730 - 40

„ „ „ Елизав. Петровнѣ 1741 - 62

„ „ „ Екатеринѣ II 1762 - 96

„ „ „ Павлѣ I 1796 - 1801

„ „ „ Александрѣ I 1801 - 1825

„ „ „ Николаѣ I 1825 - 1855

„ „ „ Александрѣ II 1855 - 1881

„ „ „ Александрѣ III 1881 - 1894

„ „ „ Николаѣ II съ 1894

20 40 60 80 100 120 140 Вост. долг. 160 отъ Гринича

Исторія человѣчества. V.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Петръ въ своей неусыпной, лихорадочной дѣятельности успѣлъ совершить безчисленное количество дѣлъ, для исполненія которыхъ требовалось бы иначе, при извѣстной медленности пульса русской жизни, нѣсколько столѣтій. Одна цѣль свѣтила ему и направляла всѣ его шаги: при помощи культуры онъ хотѣлъ сдѣлать Россію великой и сильной. И такъ какъ царь ни минуты не сомнѣвался, что необходимо прежде всего многому научиться у Европы, то онъ дважды предпринималъ учебныя поѣздки на Западъ и все время стремился сблизить свою страну съ послѣднимъ и установить съ нимъ правильныя сношенія. Такъ какъ эти планы стояли въ рѣзкомъ противорѣчіи со взглядами завзятой русской старины, то вся жизнь Петра протекла въ безпрерывной ожесточенной борьбѣ со старой Россіей, со всѣми темными силами, которыя то открыто, то тайно пытались спасти прошлое, словомъ, со стариной.

Этимъ прежде всего объясняется любовь Петра къ морю и къ флоту, которые могли стать связующимъ звеномъ между Россіей и Западной Европой. Россія была материковой страной, со всѣхъ сторонъ достаточно удаленной отъ моря, и ея сосѣди ревниво заботились, чтобы она не основалась на послѣднемъ. Это неблагопріятное географическое положеніе обусловило всю исторію Россіи, которая, будучи осуждена природой на замкнутость, съ теченіемъ времени привыкла къ послѣдней и считала ее своей національной особенностью. Маленькая Греція была нѣкогда обязана своей высокой цивилизаціей своему положенію на міровомъ пути — Средиземномъ морѣ; то же было и съ древней Италіей. По этой причинѣ уже Иванъ IV стремился завоевать Ливонію и получить доступъ къ Балтійскому морю. Петръ еще лучше понималъ это и со всѣмъ жаромъ своего сердца занялся морскимъ вопросомъ. Увидѣвъ впервые въ Архангельскѣ море, онъ пришелъ въ восторгъ. Туда по длинному и лишь въ теченіе короткаго времени свободному ото льдовъ пути, приходили черезъ Нордкапъ англійскія и голландскія суда. Это море было тогда единственнымъ путемъ изъ Россіи въ Западную Европу; тамъ была первая возможность увидѣть чужія суда, а Петръ былъ такъ охваченъ страстью къ морю, какъ тотъ, кто, пробывъ много лѣтъ на чужбинѣ, начинаетъ чувствовать тоску по родинѣ. Онъ изучалъ кораблестроеніе, учился морскому дѣлу, вступилъ въ сношенія съ моряками и составилъ планъ поѣздки въ Западную Европу, чтобы тамъ все изучить основательно. До этого онъ, однако, завоевалъ въ 1696 г. турецкій Азовъ и рѣшилъ выстроить флотъ на этомъ уголкѣ Азовскаго моря.

Взятіемъ крѣпости онъ прежде всего былъ обязанъ спеціальнымъ познаніямъ иностранныхъ офицеровъ, и это еще болѣе должно было его укрѣпить въ его намѣреніи поѣхать на Западъ. Его побѣда надъ турками произвела впечатлѣніе и въ Западной Европѣ, и нѣкоторые государи послѣдней поздравили его. Въ 1697 году Петръ въ сопровожденіи 270 человѣкъ свиты предпринялъ свою первую поѣздку по Европѣ. Это было рѣшающимъ событіемъ для Россіи и для міровой исторіи, потому что этимъ Россія порвала со своимъ прошлымъ и въ лицѣ своего царя пошла учиться у Запада, чтобы занять позднѣе одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду европейскихъ державъ. На царственнаго варвара блескъ европейскихъ дворовъ произвелъ меньшее впечатлѣніе, чѣмъ западная цивилизація: передъ ней онъ низко преклонился. Одѣтый простымъ дворяниномъ подъ частнымъ именемъ Петра Михайлова, царь поѣхалъ за границу не для того, чтобы предаваться наслажденіямъ, а чтобы учиться. Онъ еще не считалъ себя достойнымъ выступить въ полномъ блескѣ; долгое время онъ вѣдь также служилъ въ своемъ собственномъ войскѣ сначала простымъ солдатомъ, затѣмъ бомбардиромъ, позднѣе капитаномъ и т. д. и подчинялся командѣ другихъ: только послѣ своихъ большихъ побѣдъ онъ счелъ себя достойнымъ высшихъ чиновъ. Петръ отправился сначала черезъ Ригу въ Гол-

ландію, а затѣмъ посѣтилъ Англію и Германію; во Франціи онъ на этотъ разъ не былъ, потому что, по словамъ герцога Луи де Сэнъ-Симона, Людовикъ XIV умѣло отговорилъ его отъ этого. Всюду царь хотѣлъ все видѣть самъ. Прежде всего онъ направился въ Голландію съ ея высоко-развитымъ мореплаваніемъ. Онъ тамъ работалъ топоромъ, какъ простой плотникъ, чтобы научиться кораблестроенію, и это имѣло большое воспитательное вліяніе на русскій народъ, въ особенности на дворянъ, которые не любили труда.

Вернувшись изъ-за границы домой, Петръ, гдѣ только возможно было, старался примѣнить свои знанія. Сознаніе того, что Россія безусловно нуждается для своего развитія въ морѣ, привело его вскорѣ къ войнѣ со Швеціей, которая, владѣя Лифляндіей, Эстляндіей, Ингерманландіей и Финляндіей, могла называть Балтійское море — своимъ домашнимъ моремъ (dominium maris Baltici). Эта (вторая или настоящая) „Сѣверная война" со Швеціей, принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ военныхъ столкновеній въ общеевропейской исторіи. Плохо вооруженныя, малоопытныя войска Петра противостали лучшей тогда въ Европѣ арміи. Но каждое пораженіе, понесенное царемъ, служило ему лишь урокомъ; потери его враговъ становились все больше, пока онъ ихъ не уничтожилъ при Полтавѣ 8 іюля (27 іюня) 1709 г. Послѣ побѣды онъ пилъ за столомъ за здоровье плѣнныхъ шведскихъ офицеровъ — своихъ учителей. Съ этого времени Петръ сталъ одерживать все большіе успѣхи на Балтійскомъ морѣ, пока не получилъ по Ништадскому миру (10 сентября—21 августа 1721 г.) Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію, часть Финляндіи и Кореліи. Швеція спустилась послѣ этого на положеніе державы второго или третьяго ранга. Морской вопросъ былъ для Россіи рѣшенъ, и для нея наступила новая эра. Радостный восторгъ охватилъ Петра и Россію. Петръ публично танцовалъ на столѣ и пилъ за здоровье восторженно встрѣчавшаго его народа. Еще до окончанія войны онъ рѣшилъ перенести къ морю самый центръ государства, и въ 1703 году на отнятой у шведовъ землѣ выстроилъ на Невѣ крѣпость и новую столицу, которая должна была получить его имя, чтобы Россія болѣе не отходила уже отъ моря и не забывала также, кто ее повелъ къ этому морю. Онъ вспомнилъ также о прежнихъ временахъ, когда эти берега были русскими, а также о томъ, кто одержалъ первую побѣду надъ шведами, и учредилъ поэтому орденъ Александра Невскаго. Санктъ-Петербургъ, гдѣ онъ себя чувствовалъ, „какъ въ раю", онъ въ своей скромности называлъ „окномъ въ Европу".

Та же страсть къ морю побуждала Петра захватить и берега Чернаго моря. Объявленіе войны со стороны Порты, которую побуждали къ борьбѣ съ Россіей Швеція, татары, Станиславъ Лещинскій и французы, было поэтому въ высшей степени пріятно царю. Петръ уже мечталъ о походѣ на Царь-градъ (Константинополь), какъ это дѣлали герои древней Руси, чтобы освободить отъ турецкаго ига восточныхъ христіанъ: сербовъ, черногорцевъ, болгаръ, грековъ и валаховъ. Онъ разсчитывалъ на общее возстаніе этихъ христіанъ; но, именно, потому, что таковаго не произошло, и рухнулъ его планъ. Окруженный при р. Прутѣ 200,000 турокъ и татаръ, Петръ вынужденъ былъ 23 іюля 1711 года сдать Азовъ и уничтожить свой флотъ. Онъ тяжело перенесъ это униженіе. Только его преемникамъ было суждено завоевать сѣверное побережье Чернаго моря.

Съ бо́льшимъ счастьемъ боролся онъ съ персами за Каспійское море, которое должно было стать посредникомъ въ сношеніяхъ между Европой и Азіей. Русскіе взяли въ 1723 году Дагестанъ, Гилянь, Мазандеранъ съ Рештомъ, Астрабатомъ и Баку, и этимъ было подготовлено ихъ господство на Каспійскомъ морѣ,

Вполнѣ понимая важность обмѣна, Петръ заботился о проведеніи во всемъ государствѣ столбовыхъ и рѣчныхъ дорогъ и думалъ соединить

Тверцу съ Мстой, Двину и Донъ съ Волгой, Каспійское море съ Чернымъ и оба послѣднія, при посредствѣ Волги, съ Балтійскимъ; онъ построилъ большой Ладожскій каналъ, соединявшій Волховъ съ Невой. При этомъ ему служила образцомъ Голландія, а при постройкѣ дорогъ — Швеція. Почтовое дѣло получило при Петрѣ благопріятное развитіе, хотя почтовые чиновники все еще набирались изъ нѣмцевъ, и почтовыя книги велись нѣкоторое время по-нѣмецки.

Петръ заботился также объ усиленіи годовыхъ ярмарокъ, которыхъ было около 1,630; онъ заключилъ торговые договоры съ нѣсколькими европейскими государствами, приказалъ боярамъ посылать своихъ дѣтей за границу и самъ предпринялъ въ 1716 году свое второе путешествіе на Западъ, гдѣ на этотъ разъ посвятилъ особенное вниманіе искусству и наукѣ: доказательство, какой успѣхъ онъ самъ сдѣлалъ въ культурѣ. Теперь онъ посѣтилъ и Францію, пытался заключить съ нею торговый договоръ; вступить въ болѣе тѣсныя сношенія съ Людовикомъ XV и охотно выдалъ бы также свою дочь замужъ за наслѣдника французскаго престола. Но Франція согласилась лишь на торговый договоръ. Людовикъ XV женился 5 сентября 1725 г. на Маріи, дочери того Станислава Лещинскаго, котораго Петръ помогъ свергнуть въ 1709 г. съ польскаго престола.

Петръ также привлекалъ въ свою страну иностранцевъ, чтобы они открывали здѣсь мастерскія и вели торговлю. Французы основали въ Россіи, по образцу парижскихъ гобеленовыхъ фабрикъ, ковровыя и чулочныя мастерскія и отличались своей обработкой русской шерсти, англичане— дубленіемъ русской кожи. Царь позволилъ иностранцамъ всюду добывать металлы, самъ основывалъ фабрики и приказалъ русскимъ ремесленникамъ поступать на ученье къ иноземцамъ; такъ, онъ посылалъ извѣстное число сапожниковъ изъ каждаго города въ Москву на ученье къ работавшимъ тамъ англичанамъ. Онъ заботился объ улучшеніи горнаго дѣла, сельскаго хозяйства и скотоводства. Ни одна отрасль народнаго хозяйства не ускользнула отъ его вниманія. Благосостояніе государства поднялось, и экономическій подъемъ чрезвычайно усилился. Государственные доходы увеличились за 15 лѣтъ въ 1710—1725 годахъ съ 3 до 10 милліоновъ рублей. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ національнаго достоянія и усиленіемъ обмѣна съ за-границей рѣзко возросло внѣшнее вліяніе и значеніе Россіи. Поэтому Петру Великому съ полнымъ правомъ принадлежитъ первое мѣсто среди русскихъ государей.

Лучшими войсками въ Россіи со временъ Ивана Грознаго были стрѣльцы. Послѣ того, какъ они нѣсколько разъ возставали противъ Петра, онъ распустилъ ихъ въ 1698 году, кроваво наказавъ за измѣну. Теперь онъ образовалъ новые полки пѣхоты и драгунъ, въ видѣ постоянной арміи, число которой было доведено до 210,000 человѣкъ, и которая систематически пополнялась наборами. Петръ создалъ большую артиллерію и флотъ, который сталъ вскорѣ насчитывать 48 линейныхъ судовъ, 800 легкихъ, 28,000 матросовъ, и отличился въ войнѣ. Въ его арміи находилось много иностранныхъ офицеровъ или получившихъ заграничное образованіе русскихъ, такъ что онъ могъ, въ концѣ-концовъ, одолѣть всѣхъ своихъ враговъ. Въ особенности помогли ему въ этомъ дѣлѣ шотландецъ Патрикъ Гордонъ — его генералъ, генуэзецъ Франсуа Лефортъ — адмиралъ (оба умерли въ 1699 году) и шотландецъ Брюсъ, который устроилъ ему артиллерію. Вскорѣ въ самой Россіи стали смѣяться надъ прежней арміей; Иванъ Посошковъ, изъ крестьянъ, ученикъ и единомышленникъ Петра, сравнивалъ ее со стадомъ. Войско же, созданное Петромъ, разбило первыхъ воиновъ Европы.

Столь же широко заботился царь и объ основаніи учебныхъ заведеній, чтобы сдѣлать Россію независимой отъ за-границы въ культурномъ отношеніи. Онъ открылъ „цыфирныя школы“, горную школу, морскую

академію, картографическое училище и призывалъ иностранныхъ учителей, съ которыми самъ имѣлъ частыя сношенія. Важнымъ оказалось его знакомство съ Лейбницемъ, котораго онъ назначилъ своимъ тайнымъ совѣтникомъ съ содержаніемъ въ тысячу талеровъ. По его предложенію Петръ основалъ академію наукъ, которая должна была имѣть пребываніе въ Санктъ-Петербургѣ [академія начала свое существованіе лишь по смерти царя (1725)]. Петръ снаряжалъ также научныя экспедиціи, такъ, напримѣръ, въ Камчатку, чтобы рѣшить вопросъ, соединена ли Азія съ Америкой. Не менѣе важнымъ для Россіи было привлеченіе къ его двору малорусскихъ ученыхъ вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и Стефаномъ Яворскимъ, которые уже раньше совѣтывали основать академію и теперь развили свою плодотворную дѣятельность въ церковной области. Самымъ важнымъ было, однако, распоряженіе Петра, что никто не долженъ допускаться къ государственной службѣ, не получивъ начатковъ школьнаго обученія и не запасшись кое-какими спеціальными познаніями. Дворяне, не умѣвшіе читать и писать, теряли дворянство. Каждый чиновникъ долженъ былъ посылать своихъ дѣтей въ школу съ десятаго до пятнадцатаго года ихъ жизни; не получившія образованія дѣти чиновниковъ не имѣли права жениться, исключая того случая, если они научились какому-либо ремеслу. Царь приказалъ перевести на русскій языкъ массу спеціально-научныхъ книгъ, при чемъ самъ давалъ совѣты авторамъ. Они должны были при переводѣ заботиться главнымъ образомъ о томъ, чтобы правильно передать не слова, а смыслъ и остерегаться ненужныхъ уклоненій. Къ тому же, Петръ устранилъ устарѣвшій и непрактичный алфавитъ и реформировалъ его, создавъ новыя буквы. Такъ какъ русское печатное искусство не сдѣлало съ XVI столѣтія никакихъ успѣховъ, то онъ призвалъ голландскихъ типографовъ и основалъ двѣ типографіи въ Москвѣ, четыре въ Петербургѣ, по одной въ Черниговѣ, Новгородѣ и въ другихъ городахъ. Онъ покровительствовалъ также наукѣ. За „Русскую исторію съ XVI столѣтія“, которую напечаталъ Поликарповъ, послѣдній, въ качествѣ ея автора, получилъ отъ Петра 200 рублей. Географія также многимъ обязана царю. Онъ приказалъ собирать необыкновенныя кости, своеобразные минералы, а также старинныя надписи, объявивъ въ своемъ указѣ, что лишь невѣжественные люди обыкновенно дѣлаютъ изъ этого что-то таинственное, приписывая все это діавольскому навожденію. Царь приказалъ пересмотрѣть монастырскія библіотеки и сдѣлать копіи съ ихъ документовъ. Онъ также основывалъ лечебныя заведенія и посылалъ молодыхъ за границу для обученія медицинѣ. Съ 1 января 1700 года Петръ ввелъ въ Россіи христіанское лѣтосчисленіе (правда, по устарѣвшему уже, но еще крѣпко сохранявшемуся тогда у большинства некатоликовъ, юліанскому календарю), тогда какъ до сихъ поръ тамъ считали годы отъ сотворенія міра. Онъ сознавалъ даже значеніе публичной прессы и началъ въ 1714 году издавать „Петербургскія Вѣдомости“. Этими многосторонними и далеко идущими заботами о цивилизаціи онъ доказалъ, что заслужилъ честь получить отъ Оксфордскаго университета степень доктора, а отъ Парижской академіи наукъ — званіе ея члена.

Само собой разумѣется, и старая система государственнаго управленія тѣмъ менѣе могла остаться не затронутой великимъ Преобразователемъ, что въ этой области господствовали наихудшія изъ всѣхъ злоупотребленій. Такъ какъ служащіе, какъ это было тогда почти повсюду, не получали никакого содержанія, а лишь извѣстные земельные участки, или должны были за свой трудъ наверстать свои убытки съ населенія, то они сдѣлались истыми мучителями народа, который они должны были грабить, не нарушая закона. Въ Россіи это называлось „кормленьемъ“. Исполняй свою должность и кормись! Такъ говорилось при назначеніи кого-либо на должность во времена прежнихъ царей. Петръ уничтожилъ это корм-

ленье, проявивъ при этомъ свою обычную суровость, даже жестокость, и твердо установилъ размѣръ содержанія для каждаго чиновника.

Въ административной машинѣ господствовало полнѣйшее замѣшательство, потому что кругъ дѣйствій отдѣльныхъ властей не былъ отграниченъ. Петръ раздѣлилъ въ 1708 году государство на 8, а въ 1701 году — на 10 (еще позднѣе на 11) губерній, а послѣднія (въ концѣ-концовъ) на 43 провинціи. Каждому губернатору помогали ландраты, которые должны были избираться дворянствомъ. Центральныя власти были имъ созданы въ лицѣ коллегій (министерствъ) по датскому и шведскому образцамъ, а именно: коллегія иностранныхъ дѣлъ, военная, адмиралтействъ-коллегія, юстицъ-коллегія штатсъ-коллегія, камеръ-коллегія, вотчинная коллегія, мануфактуръ- и бергъ-коллегія и комерцъ-коллегія. Къ каждой коллегіи былъ прикомандированъ иностранецъ. На мѣсто Боярской Думы онъ поставилъ въ 1711 году сенатъ, въ качествѣ верховнаго суда и высшей контролирующей власти, а во главѣ сената — генералъ-прокурора, который долженъ былъ слѣдить за исполненіемъ законовъ. Царь далъ городамъ самоуправленіе и особую юрисдикцію и поставилъ во главѣ ихъ всѣхъ Главный Магистратъ въ Санктъ-Петербургѣ, который, находясь подъ надзоромъ сената, долженъ былъ заботиться о торговлѣ и промышленности. Петръ создалъ полицію и, чтобы сломить сопротивленіе его реформамъ, ввелъ нѣчто въ родѣ государственной инквизиціи. Онъ улучшилъ судебное дѣло отчасти по шведскому образцу, въ особенности уголовные законы преобразовалъ налоговую систему, замѣнивъ подворную подать подушною. Со всей строгостью слѣдилъ онъ за общественной безопасностью, что при широкоразвѣтвившемся разбоѣ было дѣломъ нелегкимъ. Царь преслѣдовалъ фальшивомонетчиковъ, строилъ рабочіе дома, больницы, психіатрическія лечебницы; онъ требовалъ отъ всѣхъ подданныхъ, чтобы они доносили о ворахъ и часто наказывалъ виновниковъ собственноручно. Чтобы поднять чувство чести всего чиновчества, которое было невѣжественно и подкупно, онъ постановилъ, что каждый дослужившійся до извѣстнаго чина, получаетъ дворянство. Этимъ, а также учрежденіемъ орденовъ, онъ уничтожилъ привилегіи наслѣдственнаго дворянства. Служба и работа должны были теперь дѣлать человѣка двоpяниномъ. Онъ ввелъ для чиновничества 14 классовъ, которые доставляли людямъ за заслуги бо́льшія почести, чѣмъ ихъ давало природное дворянство.

Петръ вмѣшался даже въ семейную и въ общественную жизнь. Онъ не допускалъ женскихъ теремовъ и не терпѣлъ прежняго обычая закрыванія женскихъ лицъ. Онъ требовалъ, чтобы женщины не жили болѣе взаперти на манеръ азіатовъ, но чтобы онѣ свободно ходили по-европейски. Царь отмѣнилъ древне-русскій законъ равнаго права наслѣдованія всѣхъ членовъ семьи и ввелъ нѣмецкое право первородства, дабы младшіе сыновья были вынуждены искать средствъ къ жизни въ промыслахъ или въ государственной службѣ. Этотъ законъ былъ, однако, отмѣненъ при императрицѣ Аннѣ, такъ какъ не соотвѣтствовалъ русскимъ условіямъ. Далѣе, Петръ установилъ, что крѣпостные могутъ быть продаваемы только семьями, а не въ одиночку, подобно скоту. Онъ ввелъ европейскіе нравы и во внѣшней жизни и, на французскій манеръ, устраивалъ, напримѣръ, балы и собранія („ассамблеи“). Мало того, онъ приказалъ боярамъ носить западно-европейское платье, чтобы преобразовать и внѣшнюю и внутреннюю жизнь, перемѣнить весь жизненный обиходъ націи, какъ выразился одинъ англійскій дипломатъ, и сдѣлать свой народъ истинно-европейскимъ или, какъ Петръ самъ выразился въ 1710 году передъ датскимъ посланникомъ Юлемъ: „сдѣлать изъ скотовъ людей“. Когда царь, по возвращеніи изъ первой европейской поѣздки, былъ почтительнѣйше привѣтствуемъ боярами, онъ принялъ ихъ весьма милостиво, обнималъ и цѣловалъ ихъ, но тутъ же сдѣлалъ имъ указанія относительно ихъ одежды, соб-

ственноручно подстригъ бороды у нѣкоторыхъ бояръ, а также подрѣзалъ длинныя полы и рукава ихъ одежды и потребовалъ у мужчинъ и у женщинъ, чтобы они одѣвались по-европейски. При дворѣ никто не смѣлъ предстать въ иномъ видѣ, ношеніе бороды облагалось налогомъ въ 30—100 рублей. Однимъ словомъ, едва ли существовалъ какой-либо обычай, который Петръ не захотѣлъ бы преобразовать — и все лишь съ той цѣлью, чтобы какъ можно скорѣе вывести свой народъ изъ его варварскаго состоянія. Но уважая иностранцевъ, слѣдуя ихъ совѣтамъ и желая европеизировать Россію, царь дѣлалъ это не по-рабски, а бралъ лишь хорошее, оберегалъ достоинство русскаго народа и не позволялъ иностранцамъ никакихъ излишествъ; онъ строго наказывалъ всякаго, кто распространялъ среди русскихъ лютеранское ученіе. На руководящія должности, онъ, если это только было возможно, назначалъ русскихъ.

Петръ дѣлалъ все съ такой поспѣшностью, какъ будто не хотѣлъ ничего оставить додѣлывать своимъ преемникамъ, или боялся, что его реформы будутъ уничтожены, и русскіе снова могутъ вернуться въ состояніе варварства. Этотъ взглядъ былъ не безоснователенъ, потому что, несмотря на свою желѣзную силу, царь далеко не одолѣлъ еще своихъ враговъ, не побѣдилъ мрака. Приверженцы старой Руси были еще живы—они только спрятались, подобно амфибіямъ, когда въ ихъ норы попадаетъ лучъ свѣта. Народъ, чиновничество, дворянство, бояре, даже его родственники были недовольны царемъ. Когда Петръ вернулся осенью 1698 года съ поѣздки домой, то въ народѣ говорили, что это возвратился не царь, а какой-то иностранецъ, истинный же царь былъ опущенъ нѣмцами въ бочкѣ въ море. Священники предвѣщали близкое пришествіе антихриста, а такъ какъ, согласно сказанію одного мудреца, антихристъ долженъ родиться путемъ прелюбодѣянія, то стали говорить, что мать Петра, вторая жена Алексѣя, была не цѣломудренной дѣвицей, а прелюбодѣйкой. На стѣнахъ были наклеены позорящія царя объявленія. Особенно опасными были духовные, потревоженные Петромъ въ ихъ бездѣльи и считавшіе себя обязанными противодѣйствовать новшествамъ. Московскій патріархъ объявилъ бритье бороды недостойнымъ человѣка, а безбородыхъ скотоподобнымъ созданіемъ. Европейское платье было провозглашено признакомъ нехристіанскаго образа мыслей, а иностранцы находились всегда въ такой опасности, что Петръ долженъ былъ взять ихъ подъ свою защиту. Врачъ Брембургъ чуть не былъ убитъ, такъ какъ у него увидѣли скелетъ. Во время пожаровъ случалось, что иностранцевъ сожигали. По случаю возстанія стрѣльцовъ, предполагалось умертвить всѣхъ иноземцевъ; хотѣли уничтожить нѣмецкую слободу и посягали на жизнь самаго царя. Если бы онъ съ самаго начала не сталъ дѣйствовать сурово и смѣло, то вспыхнуло бы общее возмущеніе.

Побѣды при Азовѣ и Полтавѣ много содѣйствовали укрѣпленію режима Петра. Тѣмъ не менѣе, царь долженъ былъ подавлять безчисленныя возстанія, бунты казаковъ и разныхъ шаекъ, а также возмущенія отдѣльныхъ личностей. Насколько виновато было въ этихъ возстаніяхъ духовенство, нужно было бы еще изслѣдовать. Оно сумѣло создать Петру оппозицію даже внутри его семьи. Его сестры, его жена Евдокія Лопухина и даже его сынъ Алексѣй враждебно относились къ его реформамъ, а, значитъ, и къ нему самому. Это больше всего огорчало Петра. Свою жену онъ отправилъ въ 1698 году въ монастырь, но послѣдній сталъ средоточіемъ всѣхъ интригъ противъ него. Напрасно старался онъ перевести своего наслѣдника на другой путь. Угроза лишить его правъ на престолъ также не помогла. Во время своего путешествія Алексѣй бѣжалъ въ 1717 году въ Вѣну къ родственникамъ своей жены Шарлотты фонъ Брауншвейгъ. Но Петръ послалъ за нимъ тайныхъ агентовъ, которые нашли его въ Сантъ-Эльмѣ у Неаполя. Царевича заманили домой, и Петръ учре-

Домъ Романовыхъ.

Романъ Юрьевичъ Захарьинъ † 1543

Иванъ IV Васильевичъ изъ дома **Рюрика** † 1584 (1547) — Анастасія † 1560 | Никита Романовичъ † 1586

Федоръ I † 1598 | Дмитрій † 1591 | Ксенія Шестова († 1361 инокиней Мареой) — Федоръ Никитичъ **Романовъ** († 1632 митрополитомъ Филаретомъ) | Иванъ

Никита († 1654)

Михаилъ 1613—45; 1 супр. Марія Долгорукая († 1625) 2 супр. Евдокія Стрѣшнева († 1645)

Алексѣй 1645—76; 1648: 1 супр. Марія Ильинишна Милославская († 1668); 1671: 2 супр. Наталія Нарышкина († 1694)

1) Ѳедоръ III (1676—82); 1 супр. Агафья Грущецкая († 1681); 1682: 2 супр. Мареа Апраксина († 1715)

(1) Иванъ V † 1696 1684 супр. Прасковья Салтыкова

(1) Софья 1682—89 († 1704) инокиней Сусанной,

(2) Петръ I Великій 1682 (1689)—1725; 1689 1 супр. Евдокія Лопухина 1702 (оффиц.) 2 супр. Екатерина I (1725—27) Алексѣевна урожд. Скавронск. † 1727

Дѣти Ивана V:

Екатерина † 1733; 1716 супр. Карлъ Леопольдъ Мекленбургъ-Шверинск. († 1747)

Анна 1730—40; 1710 супр. Фридрихъ-Вельгельмъ Курляндскій († 1711)

Анна (Елизавета; правительница 1740—41) † 1746; 1739 супр. Антонъ Ульрихъ Брауншвейгъ-Вольфенбют.-Бев. († 1776)

Иванъ VI 1740—41 († 1764) | Екатерина и 3 друг. ребенка (1780 освобождены)

Дѣти Петра I:

(1) Алексѣй † 1718; 1712 супр. Шарлотта Христина Софья Брауншвейгъ-Вольфенбюттельская († 1715)

Дочь * 1714 † 1728 | Петръ II 1727—30

(2) Елизавета 1741—62 († 25 дек. 1761=5 янв. 1762)

Анна † 1728; 1725 супр. Карлъ-Фридрихъ **Гольштейнъ-Готторпскій** († 1739)

Петръ III 5 янв. до 17 іюля 1762; 1745 супр. Екатерина II 1762—96 (дочь Христ. Августа Ангальтъ-Цербстскаго)

Павелъ I 1796—1801 1776 2 супр. Марія Ѳедоровна (Софія Доротея Вюртембергская († 1828)

Александръ I 1801—25 1793 супр. Елизавета (Луиза) Баденская († 1826)

Константинъ † 1831 1796: 1 супр. Анна Ѳедоровна (Юлія) С.-Кобургъ-Заалфелдская († 1860); 1820: 2 супр. графиня Іоанна Грудзинская

Елена † 1803 1799 супр. Фридрихъ Людвигъ Мекленбургъ-Шверинскій

Марія † 1859 1807 супр. Карлъ Фридрихъ Саксенъ Веймарскій

Екатерина † 1819 1816 супр. Вильгельмъ I Виртембергскій

Анна † 1865 1816 супр. Вильгельмъ II Нидерландскій

Николай I 1825—55 1817 супр. Александра Ѳедоровна (Шарлотта дочь Фридриха Вильгельма III Прусскаго † 1860)

Михаилъ † 1849 1824 супр. Елена (Фрид. Шарлотта) Виртембергская († 1873)

Дѣти Николая I:

Александръ II 1855—81 1841: 1 супр. Марія Александровна Гессенская († 1880); 1880 морган. супр. Екатерина Долгорукая, княгиня Юрьевская

Константинъ † 1892 1848 супр. Александра Альтенбургская (* 1830)

Николай † 1891 1856 супр. Александра Петровна (Фридерика) Ольденбургская († 1900)

Михаилъ * 1832 1857 супр. Ольга (Цецилія) Баденская († 1891)

Дѣти Александра II:

Александръ III 1881—94 1866 супр. Марія Ѳедоровна (Дагмара) Датская * 1847

Владиміръ * 1847 1874 супр. Марія Павловна Мекленбургъ-Шверинская

Алексѣй * 1850

Сергій † 1905 1884 супр. Елизавета Гессенъ-Дармштатская

Павелъ * 1860 1889 — 1 супр. Александра Георгіевна Греческая († 1891); 1902 — 2 супр. морганат. Ольга графиня Гогенфелзенъ (рожд. Карновичъ)

Дѣти Александра III:

Николай II 1868; царств. съ 1894 1894 супр. Александра Ѳеодоровна (Алиса Викторія) Гессенъ-Дармштатская

Георгій † 1899

Михаилъ * 1878

Ольга * 1882 1901 супр. Петра Ольденбургскаго

Алексѣй * 1904

дилъ надъ нимъ страшный судъ. Онъ заставилъ его отказаться отъ короны передъ собраніемъ высшихъ сановниковъ въ Кремлѣ (14 февраля 1718 г.), а потомъ приказалъ бросить сына въ тюрьму и подвергнуть его тамъ пыткѣ. 7 іюля царевичъ былъ тамъ найденъ мертвымъ. Въ своей ревности къ долгу, Петръ считалъ необходимымъ принести на алтарь отечества даже своего сына.

Петръ хорошо понималъ, съ какой стороны грозитъ наибольшая опасность его великому дѣлу: то была церковь. Поэтому онъ заблаговременно рѣшилъ ограничить ея вліяніе. Когда въ 1700 году умеръ патріархъ Адріанъ, врагъ его реформъ, онъ не замѣстилъ вновь этой должности, а только назначилъ Стефана Яворскаго „Блюстителемъ Патріаршаго престола“. Въ 1721 г. онъ навсегда отмѣнилъ патріаршее званіе и, въ качествѣ высшей церковной власти, учредилъ синодъ епископовъ, подчиненный надзору оберъ-прокурора. Въ соотвѣтствующемъ указѣ говорится: „Простой народъ не въ состояніи понять различіе между высшей духовной и свѣтскими властями и воображаетъ, что высшій пастырь церкви является вторымъ государемъ, который равенъ царю по своей власти или даже превосходитъ его“. Петръ приказалъ епископамъ посбавить пышности и гордости и не позволять, чтобы передъ ними падали на колѣни. Каждый епископъ долженъ былъ открыть школу при своемъ дворцѣ. Царь занялся также монастырскимъ вопросомъ и запретилъ поступать въ монастырь до тридцатаго года жизни, а монахамъ приказалъ учиться какому-либо ремеслу. Онъ еще не рѣшался посягнуть на монастырскія имущества, хотя монастыри накопили колоссальныя сокровища и часто служили убѣжищемъ праздности и порока. Онъ и на нихъ возложилъ обязанность содержать школы и доставлять пристанище для неимущихъ. Въ религіозные вопросы онъ, напротивъ, не вмѣшивался и оказывалъ истинную терпимость всѣмъ исповѣданіямъ.

Можетъ быть, имѣя главнымъ образомъ въ виду всемогущество церкви, Петръ сохранилъ неограниченную форму правленія и скорѣе старался еще усилить царскую власть. Даже Иванъ Грозный прибѣгалъ къ созыву Земскихъ Соборовъ, такъ же поступали и его преемники; Петръ не дѣлалъ этого, и въ этомъ его поддерживали его сотрудники. Ѳеофанъ Прокоповичъ даже написалъ сочиненіе, въ которомъ пытался научно обосновать абсолютизмъ. Впрочемъ, царь не шелъ слишкомъ далеко по этому пути и запретилъ, напримѣръ, привѣтствовать его, падая на землю, а также не дозволялъ раболѣпныхъ рѣчей. Онъ хотѣлъ порвать съ прошлымъ и въ вопросѣ о своемъ званіи и принялъ титулъ „Императора Всероссійскаго“. Этимъ онъ поставилъ себя на одну ногу съ римскимъ императоромъ, считая себя преемникомъ византійскихъ императоровъ. Поэтому онъ былъ первымъ государемъ, не признававшимъ болѣе идеи римской міровой имперіи. Не желая, чтобы его новымъ твореніямъ, а также реформамъ его преемниковъ могъ бы быть нанести вредъ со стороны какого-либо государя древнерусскаго направленія, Петръ измѣнилъ 16 февраля 1722 года порядокъ престолонаслѣдія и установилъ, что *каждый царствующій государь можетъ назначить себѣ преемника*.

Едва ли какой-нибудь государь можетъ сравняться съ Петромъ по многосторонности дѣятельности. Ко всякому дѣлу онъ прилагалъ свою руку, и почти все возникло по его собственной инціативѣ. И если онъ насильно вводилъ въ Россіи цивилизацію и нравы Запада, то все же не отдалъ ея подъ зависимость иностранцевъ и не далъ имъ управлять ею. Онъ окружалъ себя, рядомъ съ иностранцами, и *молодыми русскими*. И въ „гнѣздѣ птенцовъ Петровыхъ“, какъ выразился Ал. Пушкинъ, оказалось даровитое поколѣніе: Александръ Данилычъ Меньшиковъ, происходившій изъ незнатной семьи и сдѣлавшійся княземъ, фельдмаршаломъ и адмираломъ; Борисъ Петровичъ Шереметевъ, первый маршалъ Россіи, столь же

храбрый, какъ честный, подвиги котораго воспѣваются въ народныхъ пѣсняхъ; братья Дмитрій и Михаилъ Голицыны; Федоръ Ал. Головинъ; Гаврило Ивановичъ Головкинъ; Яковъ, Василій и Григорій Долгорукіе; горячій и умный Павелъ Ивановичъ Ягужинскій, генералъ-прокуроръ сената; Борисъ и Алексѣй Куракины (отецъ и сынъ), посланники при европейскихъ дворахъ; Петръ Александровичъ Толстой, прекрасный дипломатъ; Алексѣй Курбатовъ, Андрей Матвѣевъ. Даже неудавшійся внукъ Великаго Петра, голштинецъ Петръ III, съ похвалой говорилъ про дѣда, что тотъ создалъ просвѣщенное поколѣніе и далъ государству способныхъ генераловъ и выдающихся администраторовъ.

Петръ умеръ 28 января (8 февраля) 1725 года, едва 53 лѣтъ отъ роду. Это былъ величайшій изъ Романовыхъ, одинъ изъ самыхъ значительныхъ государей всѣхъ народовъ. Рѣдко человѣкъ такъ хорошо употребляетъ свою жизнь, какъ это сдѣлалъ Петръ; съ него начинается новая эра въ Россіи. Онъ влилъ въ страну свѣжіе крѣпкіе соки, вдунулъ въ этого великана новый духъ и придалъ государству молодость. На его плечи оперлись его преемники. Иностранные дипломаты были полны удивленіемъ передъ его личностью. „Царь стоитъ на цѣлую голову выше всѣхъ своихъ подданныхъ,—писалъ датскій посланникъ:—это—чудо мудрости, силы мысли, бдительности, ловкости и работоспособности“. Подобнымъ же образомъ выразились голштинскій каммеръ-юнкеръ Фр. Вильг. фонъ-Бертгольцъ, бывшій въ Россіи въ 1721—1725 годахъ, брауншвейгскій резидентъ Ф. Х. Веберъ, жившій тамъ въ 1714—1721 годахъ, далѣе Іоаннъ Гг. Корбъ, секретарь австрійскаго посольства, Петръ Гордонъ и другіе. Эти достоинства царя оцѣнилъ также и его родной народъ: сенатъ преподнесъ ему титулъ Великаго и Отца отечества. И, однако, Петръ получилъ очень недостаточное, древнерусское образованіе. Великолѣпно охарактеризовала его курфюрстина Софья Шарлотта Бранденбурская, съ 1701 года первая прусская королева. „Онъ одновременно очень хорошъ и очень плохъ,—писала она,—если бы онъ получилъ лучшее образованіе, то былъ бы совершенствомъ“. То, что онъ въ своей напряженной дѣятельности здѣсь и тамъ дѣйствовалъ слишкомъ стремительно, что многія изъ его созданій выходили вначалѣ неуклюжими, — это само собой понятно, равно и то, что не все изъ установленнаго имъ было исполнено, а многое не выдержало испытанія. Опубликованные лишь въ самое послѣднее время источники даютъ намъ возможность постигнуть всю неутомимость и всесторонность его стремленій и всю продуктивность его труда. Еще не изданы цѣликомъ документы, касающіеся исторіи его правленія, и, вслѣдствіе огромной массы матеріала, еще не появилась исчерпывающая біографія Петра. Въ глазахъ потомства онъ съ теченіемъ времени становился все болѣе великимъ. Въ моменты нужды ученики его шли плакать на его могилу, а народъ взывалъ къ нему, чтобы онъ возсталъ изъ гроба. Вольтеръ написалъ „Исторію Россіи при Петрѣ Великомъ“. Поэтъ Антіохъ Кантемиръ (1709 — 1744, сынъ молдавскаго господаря) и Пушкинъ прославили его въ своей поэзіи.

C. Три послѣднихъ четверти XVIII столѣтія.

a) Отъ Екатерины I до Елизаветы включительно.

Для государства было несчастьемъ, что Петръ Великій умеръ, не назначивъ себѣ преемника; несчастьемъ это было не только потому, что отъ этого легко могла вспыхнуть гражданская война, но и потому, что эта неопредѣленность порядка престолонаслѣдія превратилась въ продолжавшуюся цѣлое столѣтіе болѣзнь и опасность для страны. Почти всѣ родственники Петра: его вторая жена Екатерина I, его племянницы, дочери и внуки, протягивали руки къ коронѣ. Съ этого времени и до XIX столѣтія почти ка-

ждая перемѣна правленія сопровождалась государственнымъ переворотомъ; а сколько царей умерло при этомъ неестественной смертью!

Послѣ Петра вступила на престолъ Екатерина I, литвинка низкаго происхожденія, которая снискала себѣ большія заслуги передъ арміей и государствомъ главнымъ образомъ тѣмъ, что умно подкупила великаго визиря во время Прутской опасности (1711 г.). Она будто бы назначила своимъ преемникомъ Петра II, внука Петра Великаго и сына несчастнаго Алексѣя. Екатерина умерла уже въ 1727 году, Петръ II—9 февраля 1730 года. Затѣмъ трономъ стала распоряжаться армія, преимущественно гвардія. Такъ, на престолъ послѣдовательно возводились въ 1730 г.— племянница Петра—герцогиня курляндская Анна Ивановна, вторая дочь его брата и соцаря Ивана; въ 1740 году — Иванъ VI Антоновичъ Брауншвейгскій, внукъ Петра, съ его матерью Анной Леопольдовной, въ качествѣ регентши. Послѣдняя была, однако, свергнута уже въ слѣдующемъ году, а престолъ заняла Елизавета, родившаяся въ 1709 году (слѣдовательно, еще до брака) третья дочь Преобразователя, царствовавшая до 1762 года. Ей наслѣдовалъ Петръ III, внукъ Петра Великаго отъ его второй дочери Анны Голштейнъ-Готторнъ, но онъ уже черезъ полгода былъ насильственно устраненъ отъ власти и, наконецъ (17 іюля 1762 г.), задушенъ Алексѣемъ Орловымъ на виллѣ Ропшѣ. На престолъ вступила теперь подъ именемъ Екатерины II его жена Софія Ангальтъ-Цербтская, которой наслѣдовалъ въ 1796 году ея сынъ Павелъ I, умершій насильственной смертью 11 (23) марта 1801 г.

Въ эти страшныя времена появлялись на сцену разные самозванцы, то подъ именемъ Петра III, то—Ивана VI, подъ именемъ Павла I и т. д.; это—тоже особенность русской исторіи, сопровождающая государственные перевороты. Замѣчательно также, что въ продолженіе XVIII столѣтія судьбами Россіи заправляли преимущественно женщины, тогда какъ мужчины не были въ состояніи удержаться и, по большей части, умирали насильственной смертью. Софья, сестра Петра, была первой женщиной, сидѣвшей на тронѣ, пока въ качествѣ регентши; она хотѣла быть провозглашенной самодержицей, вела себя вольнѣе, чѣмъ это могло быть пріятно ея брату Петру, и расчистила путь къ царству другимъ женщинамъ: нѣчто доселѣ неслыханное въ Россіи. Уваженіе къ Петру было столь велико и столь длительно, что его вторая жена могла уже непосредственно наслѣдовать ему. Екатерина I была первой самодержицей Россіи. Только раскольники, державшіеся своихъ традицій, не хотѣли ей присягать и охотнѣе шли на казнь.

Вмѣстѣ съ женщинами наступило господство временщиковъ, изъ которыхъ нѣкоторые вели себя вызывающе, презрительно обращаясь съ народомъ, какъ, напримѣръ, Эрнестъ Іоаннъ Биронъ, фаворитъ Анны Ивановны. Нѣкоторые же были не прочь и сами вступить на престолъ, какъ Александръ Данилычъ Меньшиковъ, который сейчасъ же послѣ смерти Екатерины I обручилъ 26 мая 1727 года свою дочь Марію съ наслѣдникомъ престола (Петромъ II), хотѣлъ женить своего сына Александра на его сестрѣ, подписывалъ свои письма къ молодому царю Петру II словами „вашъ отецъ“ и велѣлъ повѣсить портреты членовъ своей семьи рядомъ съ изображеніями лицъ императорской фамиліи, а также включить въ церковныя молитвы имя своей дочери. Алексѣй Григ. Разумовскій, тайно женатый на Елизаветѣ, сдѣлался (въ 1794 г.) графомъ, генералъ-фельдмаршаломъ и оберъ-егермейстеромъ; Григорій Орловъ, произведенный въ 1762 году въ графское достоинство, „красивѣйшій мужчина Сѣвера“, хотѣлъ жениться на Екатеринѣ II и, во всякомъ случаѣ, сдѣлался въ 1762 году отцомъ графа Бобринскаго. Шло безстыдное хозяйничаніе, придворныя партіи боролись другъ съ другомъ, и не думая о благѣ родины. Разъ какая-либо изъ нихъ становилась у власти, она была безпощадна къ предшествующей.

Отъ временщиковъ исходили обыкновенно планы государственныхъ переворотовъ, при этомъ старались ограничить власть короны въ пользу коронныхъ совѣтовъ. Послѣ смерти Петра II (1730), верховный тайный совѣтъ рѣшилъ использовать это обстоятельство и добиться для дворянства своего рода pacta conventa. Поэтому Долгорукіе и Голицынъ предложили корону женскому потомству Ивана V, дальше стоявшему отъ трона. правильно разсчитывая, что имъ эти условія будутъ легче приняты. И дѣйствительно, Анна Ивановна подписала предложенные ей слѣдующіе „пункты“: Верховный Тайный Совѣтъ долженъ состоять изъ 8 членовъ и пополняться по собственному избранію; у него будутъ спрашивать заключенія по всѣмъ государственнымъ дѣламъ, и безъ его согласія не можетъ быть объявлена война или заключенъ миръ, или наложены на населеніе новыя подати; безъ его же утвержденія не будутъ раздаваться никакіе чины, начиная съ полковничьяго, и не можетъ быть отчуждено никакое коронное владѣніе; ни одинъ дворянинъ не долженъ подвергаться наказанію безъ судебнаго разслѣдованія. Далѣе, Анна не имѣла права, безъ одобренія совѣта, выйти замужъ и избрать себѣ преемника. Итакъ, въ 1730 году русскіе верховники требовали себѣ сразу того, чего польская шляхта добилась въ теченіе столѣтій. Можетъ быть, при этомъ былъ взятъ за образецъ шведскій риксрадъ. Однако, текстъ приведеннаго конституціоннаго акта показываетъ, что русскіе были еще непрактичными новичками въ такихъ дѣлахъ. Люди не переносятъ слишкомъ неожиданныхъ новшествъ, особенно когда дворянству и духовенству приходится уступать господство нѣсколькихъ лицъ. Къ тому же, русскій народъ болѣе боялся господства высшаго дворянства, чѣмъ царской тиранніи, Поэтому, когда было созвано черезъ нѣсколько дней общее собраніе обоихъ сословій и ему былъ прочитанъ конституціонный актъ, то, по словамъ епископа Ѳеофана Прокоповича, у всѣхъ присутствующихъ, по выслушаніи этого документа, задрожали члены. Сенаторы и многіе другіе сановники подали императрицѣ челобитную противъ этой конституціи, а гвардейскіе офицеры стали кричать: „Мы не хотимъ, чтобы императрицѣ предписывали законы; пусть она имѣемъ тѣ же права, какъ и ея предшественники“. Само собой разумѣется, что послѣ этого Анна совершила новый государственный переворотъ, но уже въ пользу короны. Россія еще не созрѣла тогда для свободной конституціи. Мало того, неограниченное самодержавіе пустило при этомъ еще болѣе глубокіе корни, получивъ какъ бы одобреніе народа.

Управленіе русскихъ императрицъ, за исключеніемъ Екатерины II, было, вообще, очень плохое. Не говоря уже о томъ, что при дворѣ царила величайшая безнравственность, правительницы не добились ничего значительнаго во внутренней и внѣшней политикѣ, хотя всѣ дѣйствовали въ духѣ Петра и старались осуществлять его планы. Впрочемъ, Елизавета, по совѣту своего фаворита Ивана Ивановича Шувалова, основала въ 1755 году московскій университетъ, а въ 1758 году петербургскую академію художествъ. Кириллъ Гр. Разумовскій хотѣлъ открыть университетъ въ Батуринѣ на Украйнѣ. Впрочемъ, ученый и тайный совѣтникъ Тепловъ справедливо отозвался обо всѣхъ этихъ учрежденіяхъ: „Академія остается безъ академиковъ, университетъ — безъ студентовъ, правила не исполняются, во всемъ прочемъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ“. И этотъ безпорядокъ обнаруживался также во всей внѣшней и внутренней политикѣ. Иностранное вліяніе проявлялось теперь въ грубой формѣ. При Аннѣ получило полное преобладаніе нѣмецкое вліяніе, и русскіе подвергались презрительному обращенію. Анна сама считала себя иностранкой и въ неприличной формѣ презирала русское дворянство и все русское. Она предпочитала набирать себѣ придворныхъ шутовъ изъ среды русскихъ дворянъ, такъ, князя Михаила Волконскаго и другихъ, даже княгини должны были позволять себя бить, пѣть пѣтухами, высиживать куриныя яйца и т. д.

При Елизаветѣ снова стали предпочитать все французское и также ударились въ крайность. Соотвѣтственнымъ же образомъ велась и внѣшняя политика. Величайшія побѣды, напримѣръ, выигранная при Кунесдорфѣ (1759), не были использованы. Дворъ велъ свою политику, не думая о благѣ народа. Только въ борьбѣ съ Турціей были одержаны успѣхи, но цѣной слишкомъ большихъ жертвъ.

b) Екатерина II.

Въ это время по приглашенію императрицы Елизаветы, явилась при дворѣ породнившаяся черезъ Анну Петровну съ Романовымъ и княгиня Елизавета Ангальтъ-Цербстская, принцесса Готторпская со своей дочерью Софіей Августой Фредерикой, которую ей и удалось выдать замужъ за престолонаслѣдника Петра Федоровича (1 сентября 1745 г.). Софія уже въ 1744 году приняла православіе и была наречена Екатериной Алексѣевной — позднѣе великая императрица Екатерина II. Богато одаренная духовно, красивая и образованная, она должна была оставить въ тѣни своего ограниченнаго, получившаго нерадивое воспитаніе мужа. Уже на пятнадцатомъ году она читала Платона, Цицерона и другихъ классиковъ. Позднѣе принцесса стала изучать новѣйшую французскую литературу, преимущественно энциклопедистовъ. Она прочла, кромѣ Д'Аламберга и другихъ, горячо почитаемаго ею Монтескье, „Esprit des lois", котораго она называла Евангеліемъ государей, и про котораго говорила: „Если бы я была папой, то произвела бы его въ святые". Съ Вольтеромъ Екатерина вела оживленную переписку; „древніе отнесли бы его къ числу боговъ", писала она про него. У Дидро она „купила" его библіотеку за 15,000 ливровъ, но сдѣлала это такъ, что онъ пожизненно завѣдывалъ послѣдней за высокое годовое содержаніе. Екатерина была также знакома съ англійской и испанской литературой.

Способности и образованіе Екатерины соединялись съ безнравственностью, въ чемъ она тоже превзошла своихъ предшественницъ. Несмотря на это, въ Россіи все пошло лучше, когда она, по насильственномъ сверженіи своего мужа, вступила 9 іюля 1762 года на престолъ. Эта геніальная женщина быстро проникала въ суть даже самыхъ запутанныхъ вещей.

Поэтому отъ ея остраго взгляда не могло укрыться, что будущность Россіи зависитъ отъ облиягенія съ Западомъ. Для русскаго государства было большимъ счастьемъ, что въ ея лицѣ бразды правленія приняла государыня, которая, какъ нѣкогда Петръ Великій, рѣшительно стала на сторону прогресса въ великой борьбѣ между послѣднимъ и реакціей. Екатерина не только имѣла стремленіе къ тому, чтобы сдѣлать что-либо для подъема культуры, но и умѣла осуществлять реформы съ безспорнымъ искусствомъ и пониманіемъ. Уже и раньше ея сильный умъ былъ занятъ различными реформаторскими планами. При этомъ она въ лицѣ тоже богато одаренной и красивой княгини Екатерины Романовны Дашковой, образованнѣйшей русской своего времени, нашла себѣ помощницу, которая, по словамъ Екатерины, ради ея готова была даже взойти на эшафотъ; при сверженіи Петра III она оказала императрицѣ важныя услуги. Образцомъ для Екатерины какъ въ дѣлѣ цивилизаціи, такъ и въ безнравственности были французы, она, однако, отнюдь не подражала имъ рабски до безвкусья. Какъ въ отношеніяхъ со своими фаворитами она всегда оставалась государыней, такъ никогда не роняла она своего достоинства и передъ иностранцами, у которыхъ училась. Она умѣла соблюдать должную мѣру и не впадала въ крайности, какъ это случилось съ Анной и Елизаветой или съ ея мужемъ Петромъ III, который до смѣшного обоготворялъ прусскаго короля Фридриха Великаго. Рядомъ съ французами Екатерина охотно при-

влекала къ своему двору также нѣмцевъ, преимущественно балтійскихъ; въ прибалтійскихъ губерніяхъ были какъ разъ наилучшія школы.

Прежде всего Екатерина поддалась вліянію французской просвѣтительной философіи. Раздѣляя воззрѣнія энциклопедистовъ, она носилась съ возвышенными мыслями осчастливить свой народъ, имѣла въ виду ни болѣе ни менѣе какъ уничтоженіе крѣпостной зависимости. „Свобода! ты душа всего,—писала она,—безъ тебя все — мертво, я желаю повиновенія закону, но не хочу рабовъ". Проникнутая такими цѣлями, Екатерина хотѣла ознаменовать начало своего правленія изданіемъ свода законовъ. Она рѣшила поэтому созвать, по образцу старыхъ французскихъ штатовъ, комиссію для составленія законовъ изъ представителей всей Россіи, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ большимъ стараніемъ и проницательностью разрабатывала Наказъ этой комиссіи, обнаружившій ея либеральный образъ мыслей. Она писала: „Не народъ для государя, а государь для народа. Равенство гражданъ состоитъ въ томъ, что они должны повиноваться только закону; свобода—это право дѣлать все, что не запрещено закономъ". Она осуждала религіозныя преслѣдованія и т. д. Вольтеръ выражалъ ей свое удивленіе. Даже Фридрихъ Великій не находилъ достаточно словъ, чтобы прославлять составительницу Наказа, первую женщину, выступившую въ роли законодательницы. Комиссія для составленія законовъ была созвана въ 1766 году. Она состояла изъ представителей всѣхъ сословій и всѣхъ народностей государства, всего изъ 559 человѣкъ. Тамъ были сенаторы, чиновники, солдаты, члены синода, горожане, крестьяне, татары, калмыки, лапландцы, самоѣды, нѣмцы, поляки и т. д.

Личность всѣхъ депутатовъ была объявлена неприкосновенной на все время ихъ засѣданій, и они навсегда были освобождены отъ всѣхъ тѣлесныхъ наказаній. Екатерина писала Вольтеру: „Я полагаю, что вамъ понравится это собраніе, гдѣ православный сидитъ рядомъ съ еретикомъ и мусульманиномъ, всѣ трое прислушиваются къ рѣчамъ идолопоклонника, а потомъ вчетверомъ приходятъ къ общему мнѣнію". Это собраніе, понятно, уже по способу своего составленія не годилось для законодательной работы. Тѣмъ не менѣе, на засѣданіяхъ комиссіи, которыхъ было болѣе 200, основательно обсуждена была масса вопросовъ, и собранный тамъ матеріалъ весьма цѣненъ. Подъ предлогомъ начавшейся турецкой войны, Екатерина распустила большую комиссію (18 декабря 1768 года); только особыя комиссіи оставались еще до 4 декабря 1774 года. Она, во всякомъ случаѣ, указала въ своемъ указѣ, что занятія комиссіи дали ей „свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи".

На засѣданіяхъ комиссіи былъ также затронутъ и вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права, и за это высказались даже нѣкоторые дворянскіе депутаты. Графъ Петръ Бор. Шереметевъ, большой благотворитель и богачъ, одинъ имѣвшій 200,000 „душъ", настолько свободный отъ предразсудковъ, что женился на крѣпостной, изъявилъ готовность отпустить ихъ всѣхъ на свободу. Но въ главной и большей своей массѣ русское дворянство не было склонно отказаться отъ своихъ „душъ", потому что это представляло для большинства дворянъ экономическое разореніе. Многіе были при этомъ пропитаны и сословными предразсудками. Ихъ мнѣніе выражаетъ поэтъ Александръ Петровичъ Сумароковъ, говоря: „Для крестьянина такъ же нужна крѣпостная зависимость, какъ для собаки цѣпь или для канарейки клѣтка".

Сама Екатерина искренно желала полной, но постепенной отмѣны зависимости и энергично пыталась смягчить ее, строго наказывая лицъ, которыя отличались своимъ безчеловѣчнымъ обращеніемъ съ крѣпостными. Вопросъ этотъ былъ, однако, очень сложенъ; крѣпостное право имѣло подъ собой государственную основу. Начало его восходитъ къ татарскимъ временамъ, когда русскіе удѣльные князья, которые были въ то же

время главными сборщиками податей у татарскихъ хановъ, соединяли налоги въ пользу татаръ вмѣстѣ со своими собственными доходами и были вынуждены ввести новую „общинно-податную“ организацію. Все возраставшія отъ безпрерывныхъ войнъ военныя и финансовыя нужды заставляли великихъ князей московскихъ прежде всего искать средствъ, съ помощью которыхъ они могли бы удержать дворянъ на военной службѣ, а крестьянъ принудить платить подати и отбывать повинности. Подходящимъ орудіемъ для этого оказались испытанныя податныя общины съ круговой порукой, гдѣ правительство имѣло дѣло не съ каждой отдѣльной личностью непосредственно, а только съ цѣлой податной общиной. То же средство примѣнило правительство и къ дворянству, чтобы привлечь его къ военной службѣ; оно образовало дворянскіе округа, гдѣ избранные изъ среды дворянства опредѣляли продолжительность и родъ военной службы, которую долженъ былъ отбывать каждый дворянинъ его участка. Въ вознагражденіе за эту службу князь отдавалъ дворянамъ коронныя помѣстья вмѣстѣ съ жившими въ нихъ крестьянами, число которыхъ опредѣляло настоящую цѣнность имѣній. Дворяне, понятно, тогда только могли исполнять свои обязанности къ государству, если крестьяне держали землю и обрабатывали ее; если же они покидали земельные участки, то служилыя помѣстья не имѣли больше никакой цѣны. Слѣдовательно, для обезпеченія отбыванія воинской службы. Сначала его только ограничили. Этимъ вопросомъ неоднократно были заняты царь Федоръ Ивановичъ въ 1592 и 1597 гг., затѣмъ Борисъ Годуновъ въ 1601 г. и 1602 г., Шуйскій въ 1607 г., наконецъ, и Петръ Великій. Сначала переселеніе было затруднено, затѣмъ, вообще, запрещено, и „подвижной элементъ“ населенія прикрѣпленъ къ землѣ. Благодаря этому, возрасла власть господъ надъ крестьянами; государство не вмѣшивалось въ ихъ взаимныя отношенія. Въ XVII столѣтіи можно было уже найти на господскомъ дворѣ тюрьму, цѣпи, желѣзные ошейники. Эта вотчинная юрисдикція не была ограничена никакими законами; самое большое, если воспрещалось убивать крѣпостныхъ. Крестьянство терпѣло, однако, эти тяготы въ постоянномъ сознаніи, что ихъ повинности имѣютъ косвенное значеніе для государства, а именно, что онѣ — плата за воинскія и другія заслуги служилаго чиновничества, т. е. дворянства. Когда же въ 1762 г. Петръ III освободилъ дворянъ отъ обязательной государственной службы, такъ какъ-де любовь къ государю и ревность къ службѣ такъ распространены, что нѣтъ больше необходимости оставлять въ силѣ принудительныя мѣры, — то среди крестьянъ возникло сильное броженіе, потому что они думали, что и они, съ своей стороны, свободны теперь отъ всѣхъ повинностей въ пользу дворянъ. Волненіе пронеслось по всему государству, и даже украинскій бунтъ 1767—1768 годовъ былъ имъ обусловленъ. Въ первый разъ запало тогда въ душу крестьянъ недовѣріе къ дворянамъ, которыхъ они обвиняли въ томъ, что тѣ противъ воли царя держатъ ихъ въ рабствѣ. Это недовѣріе еще рѣзче проявилось въ царствованіе Александра II и окончательно не исчезло еще и понынѣ.

Екатерина, несомнѣнно, сильно желала хотя бы только смягчить крѣпостное право. Но, съ одной стороны, рѣшеніе этого вопроса было тогда еще слишкомъ трудно; съ другой — она подъ вліяніемъ общаго состоянія государства, оставила эту мысль и около 1768 года рѣзко измѣнила свои воззрѣнія. — Вмѣсто того, чтобы смягчить участь крестьянъ, она увеличила власть помѣщиковъ, дала имъ расширенную юрисдикцію, запретила крестьянамъ приносить жалобы на своихъ крѣпостныхъ. Она, вычеркнувшая слово „рабъ“ изъ русскаго словаря, превратила въ крѣпостныхъ полтора милліона украинскихъ государственныхъ крестьянъ. Кровавое возстаніе украинскихъ крестьянъ подъ предводительствомъ Гонты и Желѣзняка въ 1767—1768 годахъ, какъ разъ въ то время, когда обсу-

ждался вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права, отбило у императрицы, возмущенной совершенными тамъ насиліями, охоту къ реформамъ, а окончательно заставилъ ее повернуть обратно столь же кровавый бунтъ Пугачева, задавшій ей много работы. Положимъ, русское дворянство въ своей массѣ едва ли было выше крестьянъ, но оно помогало правительству держать въ повиновеніи крестьянское населеніе и, слѣдовательно, могло считаться органомъ государственной власти. Еще болѣе сильный ударъ былъ нанесенъ либеральному образу мыслей Екатерины во время французской революціи, когда по ея мнѣнію тотъ самый народъ, во имя блага и свободы котораго неутомимо писали и работали, совершалъ неслыханныя насилія. Гонта, Желѣзнякъ и якобинцы, Умань и „штурмъ Бастиліи" заставили императрицу сильно призадуматься. Ея приговоръ былъ таковъ, что народъ не достоинъ свободы, и тогда-то началась ея реакціонная дѣятельность. Она велѣла истреблять свободныя книги, наблюдать за ихъ авторами и шпіонить за ихъ перепиской. Екатерина порвала сношенія съ Франціей, выслала всѣхъ французовъ, бывшихъ приверженцами революціи и съ распростертыми объятіями принимала эмигрантовъ. Но она все же не сдала окончательно въ архивъ свои либеральныя мысли: пока попали подъ ея немилость одни крестьяне. Дворянству она дала нѣчто въ родѣ областнаго самоуправленія, городамъ — самоуправленіе и собственную юрисдикцію, купечеству — особыя права. Ея особеннымъ расположеніемъ пользовалось тогда дворянство. Она была того мнѣнія, что интересы королей — интересы дворянства; нѣтъ дворянства — нѣтъ и монарха.

Хотя Екатерина и не могла отмѣнить крѣпостное право, она, по крайней мѣрѣ, постаралась подготовить эту отмѣну. Она полагала, что необходимо культурно поднять народъ, прежде чѣмъ освобождать его, и со всей энергіей предалась улучшенію школы и дѣла воспитанія. Здѣсь ей особенно помогъ, получившій заграничное образованіе, Иванъ Ив. Бецкій. Подобно Петру Великому, Екатерина также основывала школы, художественныя и научныя учрежденія, воспитательные дома. Въ Смольномъ монастырѣ, напримѣръ, получали воспитаніе нѣсколько сотъ дворянскихъ дѣвицъ, а колоссальный воспитательный домъ (въ Москвѣ) для безпризорныхъ дѣтей возбудилъ изумленіе даже у Наполеона. Она поручила Дидеро выработать для нея планъ обученія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Но въ отличіе отъ Петра Великаго, она думала и о просвѣщеніи широкихъ народныхъ массъ и серьезнѣе приступила къ этому дѣлу. Она не только повелѣла въ 1775 году „Приказамъ общественнаго призрѣнія" каждой губерніи позаботиться объ открытіи школъ во всѣхъ значительныхъ селеніяхъ и сама открыла въ Петербургѣ въ 1781 году семь одноклассныхъ училищъ, которыя тотчасъ же приняли 486 учениковъ, — но и учредила въ 1782 году особую комиссію для основанія народныхъ школъ. Правда, во главѣ комиссіи стоялъ необычайно лѣнивый, несмотря на свою ученость, Петръ Завадовскій; но его помощниками были, однако, дѣятельные ученые, и среди нихъ присланный въ 1782 г. императоромъ Іосифомъ II — „иллирійскій" директоръ школъ Ѳеодоръ фонъ Янковичъ, разработавшій новый учебный планъ и составившій школьные учебники. То были крайне скромныя начинанія: нигдѣ еще не была открыта ни одна деревенская школа. Все же уставъ о народныхъ школахъ 5 августа 1786 г. сдѣлалъ необходимой школьную реформу во всей Россіи. Передъ Екатериной носился при этомъ образъ французской школьной системы; впрочемъ, въ томъ же направленіи вліялъ на нее и императоръ Іосифъ, съ которымъ она встрѣтилась въ Могилевѣ въ началѣ іюня 1780 года, такъ какъ онъ тоже находился подъ вліяніемъ французскаго просвѣщенія. По совѣту княгини Дашковой, Екатерина основала въ 1783 году, по образцу

французской „Русскую академію“, которая имѣла задачей „разработать правила правописанія и ученіе о русскомъ языкѣ и риѳмованіи и поощрять изученіе русской исторіи“. Русская академія была, слѣдовательно, независима отъ Академіи Наукъ; директоромъ обѣихъ состояла въ 1783—1796 княгиня Дашкова. Лишь въ 1855 году вновь созданная академія была присоединена къ прежней, въ качествѣ ея второго отдѣленія. Русская академія немедленно приступила къ изданію русскаго словаря. Княгиня Дашкова разработала три буквы, а императрица составила дополнительныя примѣчанія къ первому тому. Обѣ академіи снискали себѣ большія заслуги въ дѣлѣ поднятія научнаго образованія въ Россіи.

Екатерина проявляла многостороннюю литературную дѣятельность. Когда княгиня Дашкова издавала въ 1783—1785 годахъ журналъ „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова“, императрица составляла для него, безъ обозначенія своего имени, сатирическіе очерки. Кромѣ того, она дѣятельно участвовала въ журналѣ „Всякая всячина“. Она сочиняла также разсужденія, повѣсти и театральныя пьесы. Такъ, она воспѣла въ „Олегѣ“ первый походъ русскихъ на Константинополь; хоры для этой пьесы составилъ придворный капельмейстеръ Джузеппе Сарти. Въ своей пьесѣ „Горе—богатырь“ Екатерина осмѣяла Густава III шведскаго (переложена на музыку Джамбаттистой Мартини). Другія ея сочиненія — это: „Шаманъ Сибирскій“, „Обманщикъ“, „Обольщенный“, „О время!“. Для своихъ внуковъ Александра и Константина она написала „Азбуку бабушки“ и „Библіотеку“, напечатанную въ Берлинѣ. Екатерина собирала литературныя замѣтки, занималась археологіей и миѳологіей, дѣлала выписки изъ хроникъ. Особенно любила она исторію, именно — русскую. „Никакая исторія не представляетъ лучшихъ и величайшихъ людей, какъ наша; я ее люблю до глупости“, писала она Дидро. Неувядаемымъ памятникомъ ея духа являются ея безчисленныя письма, свидѣтельствующія о граціи, свѣтскомъ тонѣ, большомъ умѣ и литературномъ талантѣ ихъ автора, а также о кипучемъ остроуміи и горячемъ чувствѣ. Екатерина писала одинаково бѣгло по-русски, по-нѣмецки и по-французски, впрочемъ, отнюдь не безъ ошибокъ. Ея французскія письма превосходили, по мнѣнію аббата Жана Мори, письма самого Вольтера. Только къ музыкѣ у нея не было никакихъ способностей. Екатерина заботилась о переводахъ книгъ на русскій языкъ и хорошо оплачивала ихъ, какъ Петръ Великій. Будучи покровительницей наукъ, она привлекала значительныхъ поэтовъ, художниковъ, философовъ и ученыхъ къ своему двору, при которомъ господствовалъ тонкій вкусъ. Здѣсь ее посѣтили нѣкоторые знаменитые современники, въ томъ числѣ Дидро. — Съ барономъ Мельхіоромъ Гриммомъ Екатерина однажды говорила о научныхъ вопросахъ въ теченіе семи часовъ безъ перерыва. Баронъ былъ ея агентомъ во Франціи по дѣламъ искусства и литературы, покупалъ для нея книги, художественныя произведенія и коллекціи. Вдохновителемъ ея образа мыслей былъ Вольтеръ. Она щедро и со вкусомъ украшала и обогащала Петербургъ художественными произведеніями и всякаго рода великолѣпными постройками, такъ какъ любила блескъ и такую роскошь, которая до того была неизвѣстна въ Россіи.

Екатерина покровительствовала также русскимъ ученымъ и поэтамъ. Русская литература выдвинула уже къ этому времени рядъ знаменитыхъ именъ; тогда же возникъ и русскій театръ. Императрица принимала большое участіе въ дѣлѣ возбужденія національнаго самосознанія народа. Нѣмецкая принцесса по своему происхожденію, она все же чувствовала себя русской. Врачу, пустившему ей кровь, она сказала: „теперь лучше, вытекла послѣдняя капля нѣмецкой крови“. Русскіе могли видѣть, что и послѣ всякихъ реформъ можно сохранить свою національность. Появилось много русскихъ журналовъ, и національная русская литература

образовала уже широкій потокъ. Словомъ, просвѣщеніе поднялось въ Восточной Европѣ на неслыханную до того высоту, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ кругахъ общества. Большой заслугой Екатерины было также то, что она призвала церковь къ культурной работѣ. На что не осмѣливался даже Петръ Великій, то легко сдѣлала она: конфисковала церковныя имущества. Русскіе монастыри были страшно богаты. Ихъ щадили даже татары, и ихъ богатства росли изъ столѣтія въ столѣтіе. Число принадлежавшихъ имъ душъ превосходило милліонъ; одна Троицко-Сергіевская лавра имѣла ихъ болѣе 120,000. Екатерина назначила теперь чиновниковъ, которые завѣдывали всѣми церковными имуществами. Монастыри получали по полутора рубля съ каждой мужской души; на излишки должны были содержаться школы, больницы и другія благотворительныя учрежденія.

Екатерина раздѣлила русское государство, для улучшенія управленія и облегченія контроля, на меньшія административныя единицы и образовала свыше 40 губерній. Въ ея правленіе были заселены обширныя пространства, по большей части, западными переселенцами, въ томъ числѣ многими нѣмцами. Численность населенія возрасла при ней до 40 милліоновъ; и это находитъ свое объясненіе, рядомъ съ колонизаціей и земельными пріобрѣтеніями, также въ томъ, что она заботилась о санитарномъ благополучіи народа, введя, напримѣръ, оспопрививаніе. Екатерина основала много городовъ, изъ которыхъ нѣкоторые получили ея имя (Екатеринодаръ, Екатериноградъ, Екатеринославъ), прокладывала, подобно Петру, каналы и дороги и заботилась о торговлѣ и промышленности.

Для Россіи было счастьемъ, что, благодаря своей великой императрицѣ, страна могла испытать на себѣ вліяніе согрѣвающихъ лучей западно-европейской цивилизаціи въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ нѣкогда при Петрѣ Великомъ, такъ какъ вмѣстѣ съ культурнымъ развитіемъ государства возросла его военная сила и политическое вліяніе. Несмотря на великія заслуги Екатерины, не слѣдуетъ забывать, что она только продолжала строить на фундаментѣ, заложенномъ когда-то Петромъ I; задача послѣдняго была труднѣе. Онъ почти все дѣлалъ самъ, — Екатерина дѣйствовала преимущественно черезъ своихъ государственныхъ дѣятелей; правда, она умѣла избирать отличныхъ людей. Она сама это сознавала и была достаточно справедлива, чтобы открыто признаться въ этомъ и отдать Петру предпочтеніе. Когда французскій скульпторъ Морисъ Этьенъ Фальконэ отлилъ въ 1766 году, по ея заказу, грандіозную конную статую для памятника Петра, императрица помѣстила на немъ слѣдующія слова: „Екатерина II — Петру I". Екатерина сдѣлала многое въ области культуры, но и ея военно-политическіе успѣхи были не менѣе велики. Здѣсь ей также покровительствовало счастье въ томъ отношеніи, что ея сосѣди Швеція, Польша, Персія и Турція частью ослабѣли, частью находились въ состояніи разложенія. Она отлично сумѣла использовать это преимущество тогдашняго политическаго положенія и такъ расширила границы государства, какъ это не случалось уже со временъ Ивана IV.

Ея фаворитами бывали иногда высоко одаренные люди, чьей иниціативѣ Екатерина, можетъ быть, обязана многими своими успѣхами, которые приписывались ей одной; они были одинаково способны какъ на полѣ битвѣ, такъ и въ мирной работѣ. Фаворитизмъ разсматривался тогда, почти какъ придворная должность, и стоилъ русскому государству неисчислимое количество милліоновъ. Этими фаворитами были: братья Орловы, въ особенности Григорій, Александръ Васильчиковъ, Григорій Потемкинъ, Петръ Завадскій, Иванъ Римскій - Корсаковъ, Иванъ Ив. Дмитріевъ-Мамоновъ, Платонъ Зубовъ и другіе. Слабость и чувственность Екатерины находятъ, можетъ быть, оправданіе въ томъ, что въ

ея время всюду господствовало то же самое. Тогда какъ, однако, другіе государи совершенно поглощались своей чувственностью, Екатерина безъ отдыха работала и отъ ранняго утра до поздней ночи занималась государственными дѣлами. Ни ея глаза, ни руки никогда не уставали, и она не знала мѣры въ чтеніи и письмѣ: „Я работаю съ нѣкотораго времени, какъ лошадь,—писала она однажды Гримму,—и моихъ четырехъ секретарей мнѣ уже недостаточно: я должна увеличить ихъ число. Я цѣликомъ предалась писанію. Въ теченіе всей своей жизни я не писала такъ много“. Уже не задолго до своей смерти она писала: „Даже во время сна я составила много главъ“. Ея народъ охотно простилъ ей, въ уваженіе къ ея заслугамъ, ея слабости, высоко чтилъ ее, какъ мать, и далъ ей титулъ: „Екатерины Великой и Матери Отечества“. Она приняла только послѣднее званіе. Екатерина возбудила къ себѣ уваженіе французскаго посла при ея дворѣ, графа Л. Ф. Сегюра; духовно одаренный и остроумный, Карлъ Іосифъ принцъ де Линь былъ восхищенъ бесѣдой съ ней. Гриммъ называлъ Санктъ-Петербургъ столицей славы и безсмертія, и Вольтеръ, окрестившій Екатерину Семирамидой Сѣвера, писалъ: „C'est du Nord aujourd'hui, que nous vient la lumière“.

D. Прогрессъ и реакція въ XIX столѣтіи.

a) Отъ Павла I до Николая I включительно.

Однако, борьба между прогрессомъ и реакціей, между свѣтомъ и тьмой не окончилась еще въ Россіи. Сынъ и преемникъ Екатерины, Павелъ, мрачный и строгій государь, держался совершенно другихъ взглядовъ, чѣмъ его мать. Просвѣщеніе и свобода были въ его глазахъ равнозначны революціи; и онъ ранѣе всего поторопился оградить границы своего государства отъ вліянія Запада. Онъ воспретилъ ввозъ книгъ изъ-за границы, неохотно пускалъ въ страну иностранцевъ, отозвалъ путешествовавшихъ русскихъ, приказалъ слѣдить за печатью и театрами и вычеркнулъ слова „общество“ и „гражданинъ“ изъ оффиціальнаго языка. Для усиленія уваженія къ коронѣ Павелъ отдалъ приказаніе, чтобы при встрѣчѣ съ нимъ экипажи останавливались, а мужчины и женщины падали на колѣни, хотя бы среди грязи и на снѣгу. Ему приписываютъ также выраженіе: „Въ Россіи нѣтъ ни одного знатнаго лица, кромѣ того, съ кѣмъ я говорю, и то лишь до тѣхъ поръ, пока я съ нимъ говорю“. Онъ и его современникъ, австрійскій императоръ Францъ, были главными опорами европейской реакціи. Мать не любила его; она весьма охотно обошла бы Павла и сейчасъ бы возвела на тронъ его сына. Она наилучшимъ образомъ позаботилась о воспитаніи своихъ обоихъ внуковъ, Александра и Константина; послѣ того, какъ Дидро отклонилъ ея предложеніе, эту задачу взялъ на себя Фредерикъ Цезарь Лагарпъ (1754—1838). Если въ Павлѣ было нѣчто похожее на Алексѣя Петровича, то его сыновья были за то пропитаны либерализмомъ.

Можетъ быть, то обстоятельство, что Павелъ, какъ противникъ матери, плохо сталъ обходиться послѣ 1796 года съ ея фаворитами, и что онъ сталъ реакціонеромъ, даже какимъ-то непонятнымъ тиранномъ, умъ котораго началъ помрачаться, — можетъ быть, это обстоятельство болѣе всего и содѣйствовало образованію противъ него заговора по инииціативѣ англійскаго посла сэра Чарльза Витворта, графа Никиты Панина и адмирала де Рибаса. Жертвой заговора и палъ русскій императоръ въ ночь съ 11 на 12 (23—24) марта 1801 года.

Сынъ Павла, Александръ I, правилъ вначалѣ въ либеральномъ духѣ и окружилъ себя людьми такихъ же взглядовъ; изъ числа послѣднихъ выдвинулся въ особенности статсъ-секретарь Михаилъ Сперанскій. При

дворѣ носились тогда съ великодушными намѣреніями, и самъ императоръ говорилъ о тяжести неограниченной власти. Имѣлось въ виду ввести реформы по англійскому образцу или, какъ предлагалъ Сперанскій, сообразно съ французской конституціей. Говорили, какъ когда-то Екатерина, о „правахъ подданныхъ и объ обязанности правительства“, объ отмѣнѣ крѣпостной зависимости и даже назначили ежегодно по милліону рублей на выкупъ въ пользу казны частныхъ помѣстій вмѣстѣ съ ихъ крѣпостными. Нѣмецкое дворянство Эстляндіи, Курляндіи и Лифляндіи сдѣлало починъ, отпустивъ на свободу своихъ крѣпостныхъ, латышей и эстовъ. Принудительныя мѣры были отмѣнены, граница открыта, „тайная канцелярія“ уничтожена, а также—тѣлесныя наказанія для дворянъ, почетныхъ гражданъ, священниковъ и церковнослужителей. Были основаны школы и университеты, и государство раздѣлено на шесть учебныхъ округовъ. На мѣсто прежнихъ петровскихъ коллегій были въ первый разъ созданы настоящія министерства и государственный совѣтъ.

Такъ Александръ правилъ „по правиламъ и по сердцу Екатерины“ — до 1812 года. Внезапно и онъ измѣнилъ свои взгляды. Враги свободы дѣлали всевозможныя усилія, чтобы свергнуть Сперанскаго и возстановить старый порядокъ вещей. Даже великій историкъ Николай Михайловичъ Карамзинъ рекомендовалъ въ своей запискѣ „Старая и новая Россія“ сохраненіе крѣпостного права и самодержавія. То же совѣтовали и другіе. Сперанскій былъ низвергнутъ на основаніи „оскорбленнаго чувства обманутой любви“, и графъ Алексѣй Аракчеевъ, апостолъ рабства, началъ съ этого времени завѣдывать дѣлами управленія, становясь все болѣе и болѣе могущественнымъ временщикомъ. Самъ Александръ все болѣе подпадаетъ подъ вліяніе Меттерниха, дѣлается творцомъ Священнаго Союза, ѣдетъ на конгрессы въ Ахенѣ, Лайбахѣ, Веронѣ, словомъ—становится реакціонеромъ, если не въ душѣ, то по своей дѣятельности. Имъ владѣла какая-то религіозная меланхолія: въ Парижѣ онъ вращался въ кругахъ, предававшихся мистицизму. Страшныя опустошенія и безпримѣрное несчастье, которыя повсемѣстно явились послѣдствіемъ наполеоновскихъ войнъ, укрѣпляли это настроеніе, и въ Россіи стали править въ духѣ Священнаго Союза. Науки, даже медицина и астрономія, были приспособляемы къ библейскому тексту; земля не должна была двигаться вокругъ солнца. Теперь, однако, усилилась и оппозиція правительству. Съ одной стороны, не пропали даромъ культурныя стремленія Петра Великаго, Екатерины и Александра, съ другой — освободительныя войны, которыя русскія войска вели на Западѣ, тѣснѣе сблизили русскихъ съ западными народами. Не только офицеры, которые вернулись въ 1815 году домой сплошь свободомыслящими, но и простые солдаты явились на родину, не избѣгнувъ вліянія Запада. И какъ по ту сторону границы образовались тайные кружки съ цѣлью ниспровергнуть существующій строй, такъ и въ Россіи возникли *тайные союзы*; такъ, въ 1816 возникло общество подъ названіемъ „Союзъ Благоденствія“, которое раздѣлилось въ 1820 году на Сѣверное и Южное общества. Ихъ программа ставила своей цѣлью освобожденіе Россіи изъ-подъ власти деспотизма.

Послѣ смерти Александра I [19 ноября (1 декабря) 1825 года въ Таганрогѣ], ближайшія права на корону имѣлъ бы его старшій братъ *Константинъ*, если бы онъ отъ нихъ формально не отказался въ 1820 и въ 1822 годахъ, чтобы получить возможность жениться на польской графинѣ Іоаннѣ Грудзинской. Что Николай ничего объ этомъ не зналъ до достопримѣчательныхъ декабрьскихъ дней 1825 года, этого теперь нельзя уже болѣе утверждать, въ виду вновь изданныхъ Ѳеод. Шиманомъ матеріаловъ („Убійство Павла и вступленіе на престолъ Николая I“, Берлинъ, 1902 г.) Принесеніе младшимъ братомъ *присяги* остававшемуся въ Варшавѣ Константину было не чѣмъ инымъ, какъ переворотомъ, задуманнымъ главнымъ обра-

зомъ тогдашнимъ петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ графомъ Михаиломъ Милорадовичемъ; но устранить послѣдствія этого переворота стоило достаточно-таки труда въ промежутокъ времени между 9 и 24 декабря. Поэтому, излишне говорить еще о какомъ-то состязаніи въ великодушіи между обоими братьями. Тайно организовавшіеся въ 1816 году, сторонники конституціи, въ особенности среди офицерскаго корпуса, хотѣли использовать это обстоятельство, въ цѣляхъ измѣненія формы правленія въ Россіи. Былъ распущенъ слухъ, что отказъ Константина подложенъ, и что онъ самъ арестованъ въ Варшавѣ. Войска кричали: „Да здравствуетъ Константинъ", и когда къ этому примѣшивалось восклицаніе: „и конституція!"—то они думали, что это имя жены великаго князя.

Николай I съ большой энергіей подавилъ возстаніе 14 (26) декабря 1825 года. Пять „декабристовъ" было повѣшено, многіе сосланы. Это возстаніе было, можетъ быть, одной изъ причинъ того, что Николай въ теченіе всего своего царствованія былъ непримиримымъ врагомъ народной свободы. Человѣкъ желѣзной силы воли и необычайной энергіи, онъ своей крупной фигурой олицетворялъ абсолютизмъ. Но онъ былъ также проникнутъ величіемъ своего призванія, равно и чувствомъ долга и тяжелой отвѣтственности своего положенія. Его первой заботой было изданіе свода законовъ. Правленіе Николая имѣло своей цѣлью, какъ удачно выразился Ламартинъ: „неподвижность міра". Онъ не признавалъ ни народовъ, ни націй, а только кабинеты и государства. Поэтому пресса была снова связана по рукамъ и ногамъ, печатаніе книгъ отдано подъ контроль, школы поставлены подъ строгій надзоръ. Недовѣріе къ наукѣ было такъ велико, что чтеніе лекцій по философіи поручалось духовнымъ лицамъ, хотя и за самой церковью былъ устроенъ надзоръ, и оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода назначенъ флигель-адъютантъ императора гусарскій генералъ Протасовъ, который въ продолженіе двадцати лѣтъ по военному управлялъ церковью. Но культурное освободительное движеніе не оставило нетронутымъ и этого, какъ сталь, твердаго государя, потому что онъ въ теченіе всей своей жизни стоялъ за отмѣну крѣпостного права. Когда же онъ вызвалъ въ 1853 г. Восточную, такъ называемую Крымскую, войну и потерпѣлъ въ ней пораженіе, то и ему стало ясно, что правительственная система, основанная на самодержавіи, должна была рушиться. Казнокрадство въ арміи, подкупность чиновничества, апатія широкихъ народныхъ массъ и на этотъ разъ обусловили горькое пораженіе. Николай скорѣе, однако, предпочиталъ умереть, чѣмъ измѣнить свою систему, такъ какъ держался ошибочнаго взгляда, будто человѣкъ съ сильнымъ характеромъ не долженъ мѣнять своихъ убѣжденій.

Несчастье, которое принесла Россіи Крымская война, и разочарованіе народа нашли себѣ исходъ въ общественномъ броженіи противъ правительства. Тогда впервые пробудилось въ странѣ общественное мнѣніе и, въ качествѣ могущественнаго органа государственной жизни, подняло голосъ противъ правящихъ круговъ.

Такъ какъ газеты находились подъ надзоромъ цензуры, то въ обществѣ стали распространяться различныя прокламаціи въ рукописномъ видѣ, и уже не такъ-то легко было заглушить голосъ народа. Литература тоже сильно развивалась въ это время, несмотря на строгости правительства.

b) Россія со времени Александра II.

Послѣ крушенія николаевской системы, послѣдовало болѣе либеральное правленіе Александра II. Отецъ Александра II лично чувствовавшій недостатокъ своего образованія, пріискалъ для сына лучшихъ учителей и, къ счастью Россіи, воспитаніемъ Александра руководилъ извѣстный поэтъ Василій Андреевичъ Жуковскій, который развивалъ въ душѣ своего питомца начала человѣчности.

Александръ видѣлъ, правда, весь вредъ предыдущаго режима, но понималъ также, что какая-либо коренная реформа станетъ возможной только послѣ отмѣны крѣпостного права, и твердо поэтому рѣшился провести эту отмѣну. Тотъ фактъ, что въ сосѣдней Австріи крѣпостное право было уничтожено уже въ 1781 году, еще болѣе побуждало его къ этому; лучшіе русскіе люди уже давно вѣдь считали позоромъ, что у нихъ все еще господствуетъ рабство. Къ дѣлу нужно было, однако, приступить осторожно и прежде всего расположить въ его пользу дворянство. Царь поэтому поступилъ мудро, выразивъ желаніе, чтобы дворянство само взяло въ свои руки дѣло освобожденія крестьянъ. Взгляды царя одобряли, однако, лишь немногіе. Къ нимъ принадлежали Ростовцевъ, Левшинъ, составившіе записку о крѣпостномъ вопросѣ на Руси, Сергѣй Степановичъ Ланской и Чевкинъ. Съ большой горячностью присталъ къ этому плану и великій князь Константинъ; великая княгиня Елена Павловна отпустила въ 1859 году на волю крѣпостныхъ крестьянъ своего имѣнія Карловки. Всѣ сходились въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ, но, какъ нѣкогда при Екатеринѣ II, существовали разныя мнѣнія насчетъ того, слѣдуетъ ли отдать крестьянамъ землю въ собственность или нѣтъ. Императоръ учредилъ для этого секретный комитетъ. Секретный комитетъ работалъ вяло и вскорѣ былъ замѣненъ главнымъ комитетомъ по крестьянскому дѣлу.

Дѣло освобожденія встрѣчало сильную оппозицію. Ея глава, князь Алексѣй Орловъ, говорилъ, что онъ скорѣе дастъ отрубить себѣ руки, чѣмъ подпишетъ актъ объ освобожденіи. Тѣмъ не менѣе, реформа была уже неотложна. — Для составленія проектовъ реформы были образованы мѣстные комитеты съ участіемъ мѣстныхъ дворянъ и затѣмъ на основаніи ихъ работъ особой „редакціонной комиссіей“ было составлено Положеніе о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости“. Это „Положеніе“ прошло затѣмъ съ нѣкоторыми измѣненіями черезъ главный комитетъ и государственный совѣтъ и стало закономъ. Императорскій манифестъ 19 февраля (3 марта) 1861 года объявилъ свободными всѣхъ частновладѣльческихъ крѣпостныхъ и домашнюю крѣпостную прислугу, благодаря чему получили свободу болѣе 23 милліоновъ человѣкъ. Крестьяне должны были затѣмъ выкупить въ собственность находившіеся въ ихъ владѣніи земельные участки. Манифестъ былъ встрѣченъ съ большою радостью. Гдѣ бы царь ни появлялся, его окружали съ благоговѣніемъ и восторженно привѣтствовали, какъ царя-освободителя. Въ 1864 году Александръ освободилъ также крестьянъ въ Польшѣ, въ 1866 году было преобразовано положеніе бывшихъ государственныхъ крестьянъ и ограничено примѣненіе тѣлесныхъ наказаній.

Только теперь можно было ввести дальнѣйшія реформы. Судъ былъ отдѣленъ отъ администраціи, и заново организованъ, введены суды присяжныхъ, урегулировано финансовое положеніе. Экономическое положеніе и производительныя силы страны быстро поднялись. Нѣкоторыя губерніи получили земское самоуправленіе; а затѣмъ была введена всеобщая воинская повинность.

Теперь можно было серьезно приступить также къ расширенію народнаго просвѣщенія. Правда, еще въ 1867 году, при общемъ расходномъ бюджетѣ въ 443.660,171 рубль, на школы тратилось лишь 7.255,814 рублей. Все же сумма расходовъ на это дѣло все возрастала, при чемъ были основаны тысячи школъ. Въ общемъ и главномъ повѣяло теперь болѣе свободнымъ духомъ въ дѣлѣ завѣдыванія народнымъ просвѣщеніемъ. Въ 1863 года университетамъ былъ данъ либеральный уставъ. Однако, правительство имп. Александра II недолго держалась прогрессивнаго направленія. Вскорѣ началась правительственная реакція одновременно съ развитіемъ революціоннаго движенія въ обществѣ. Имп. Александръ II

сдѣлался объектомъ многихъ покушеній. Когда царь находился 16 апрѣля 1866 года въ императорскомъ лѣтнемъ саду, въ него стрѣлялъ студентъ Дмитрій Каракозовъ. 6 іюня 1867 года въ него прицѣлился полякъ Антонъ Березовскій. Увлеченія молодыхъ людей встрѣчали противодѣйствіе лишь въ свирѣпости полиціи, которая возбуждала величайшее озлобленіе. Образовались широко-развѣтвленные революціонные кружки въ Россіи и за границей; издавались нелегальныя газеты, проповѣдовавшія терроръ; въ послѣдующее время былъ предпринятъ новый рядъ покушеній, пока царь не былъ убитъ 1 (13) марта 1881 года одной изъ брошенныхъ подъ его карету бомбъ.

Это было сильнымъ ударомъ для сводомыслящей партіи, такъ какъ верхъ взяли теперь сторонники неограниченной самодержавной власти и дикихъ репрессій, указывая на то, что народъ еще не умѣетъ правильно пользоваться свободой. Представитель этого направленія Михаилъ Никифоровичъ Катковъ получилъ теперь большое вліяніе. Онъ началъ проповѣдывать тотъ взглядъ, что самодержавіе, православіе и многіе предразсудки народной массы, которые либераламъ хотѣлось искоренить, принадлежатъ къ кореннымъ особенностямъ русскаго народа и даже всего славянства вообще. Когда затѣмъ на престолъ вступилъ сынъ Александра II, Александръ III, эта партія стала всемогуща, имѣя своимъ виднымъ представителемъ Константина Петровича Побѣдоносцева, оберъ-прокурора святѣйшаго синода съ 1880 года. Государственный корабль снова поплылъ по фарватеру реакціи.

Этотъ курсъ удержался въ главныхъ чертахъ и при преемникѣ Александра III, Николаѣ II, царствующемъ съ 1894 года. Однако, послѣдовательные успѣхи оппозиціоннаго движенія и, наконецъ, русско-японская война (1904—1906 гг.), окончательно подорвавшая устойчивость стараго порядка, въ концѣ-концовъ, привели Россію къ острому политическому кризису. Исходъ этого кризиса еще не опредѣлился, но уже теперь ясно, что старый порядокъ въ Россіи осужденъ на безвозвратное уничтоженіе. Въ апрѣлѣ 1906 г. открыло свои работы первое собраніе народныхъ депутатовъ подъ названіемъ Государственной Думы, не замедлившее вступить въ открытый конфликтъ съ бюрократическимъ правительствомъ.

E. **Военные и политическіе успѣхи Россіи съ 1680 года.**

Въ то время какъ сумма совершенной Россіей въ теченіе всей ея исторической жизни культурной работы едва хватаетъ на удовлетвореніе ея собственныхъ нуждъ,—ея политическіе и военные успѣхи были, наоборотъ, огромны, но стоили, во всякомъ случаѣ, и большихъ жертвъ. Русскій народъ стойко перенесъ ужасныя татарскія времена; въ XVI столѣтіи онъ покорилъ татарскія ханства, Казань и Астрахань, и завладѣлъ Сибирью, въ XVII — завоевалъ Украйну, при Петрѣ Великомъ — захватилъ Балтійское побережье, Каспійское и Азовское моря и распространилъ славу своего оружія вплоть до Персіи.

а) Такъ называемый Восточный вопросъ.

Въ XVIII столѣтіи европейскую дипломатію прежде всего интересовалъ, рядомъ съ судьбой Польши, турецкій или Восточный вопросъ; удачное разрѣшеніе послѣдняго было для Россіи чрезвычайно важной задачей. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ великаго пораженія турокъ при Вѣнѣ въ 1683 турецкое правительство въ самыхъ основахъ своихъ было потрясено побѣдами Евгенія Савойскаго. Пока войны съ Портой были опасны, Венгрія, Австрія и Польша однѣ должны были нести всѣ тяготы этой борьбы, а другія державы при случаѣ даже и мѣшали имъ. Но

когда послѣ 1718 года вопросъ о турецкомъ наслѣдствѣ сталъ все болѣе приближаться къ области возможнаго, то всѣ страны стали обнаруживать интересъ къ этому, какъ они любили выражаться, Восточному вопросу, и онъ, подобно польскому, сталъ общеевропейскимъ. Россія, Франція и Англія, которыя до сихъ поръ почти не принимали участія въ войнѣ съ Турціей, стали теперь проявлять къ этому дѣлу такой чувствительный интересъ, что даже были не прочь присвоить себѣ однѣмъ право урегулировать это положеніе.

События часто неожиданно захватывали Россію въ такой моментъ, когда она бывала еще слишкомъ слаба, чтобы справиться съ задачей, которая вдругъ выростала передъ ней; но затѣмъ, собравъ всѣ силы, она нерѣдко опережала своихъ соперниковъ, ранѣе ея появлявшихся на сценѣ. Въ концѣ XVII столѣтія, когда Австрія и Польша наносили Турціи такіе сильные удары, Россія была еще слишкомъ неподготовлена, чтобы также думать о войнѣ съ ней. Война, которую она вынуждена была вести съ Портой изъ-за Украйны, кончилась въ 1681 году безславнымъ миромъ въ Бахчисараѣ. Въ 1684 году въ Москву явилось польско-австрійское посольство, чтобы уговорить царя занять Крымъ, „правую руку султана“, а въ 1686 году Янъ Собѣсскій уступилъ всю украйну къ востоку отъ Днѣпра Москвѣ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе склонить послѣднюю на сторону своего плана. Тогда на войну съ османами смотрѣли еще, какъ на священное предпріятіе, участіе въ которомъ должно было составлять обязанность христіанскихъ державъ; изъ того же, что польскій король послалъ, сверхъ того, Москвѣ богатые подарки, можно видѣть его глубоко-христіанскій образъ мыслей. Русскій дворъ, правда, обязался въ договорѣ напасть на Крымъ, но оба похода въ Крымъ потерпѣли неудачу; да и Петру Великому лишь послѣ повторной попытки (1696) удалось взять Азовъ. Этимъ Петръ началъ рядъ войнъ Россіи противъ Турціи, какъ ему же, съ другой стороны, было суждено впервые стать твердой ногой въ Польшѣ. Когда Петръ черезъ годъ послѣ Азовскаго похода предпринялъ путешествіе по Европѣ, то его повсюду, даже въ Польшѣ, привѣтствовали съ этимъ успѣхомъ. Въ Вѣнѣ Іезуитъ баронъ Фридрихъ фонъ Людингаузенъ Вольфъ въ своей проповѣди, между прочимъ, сказалъ: „Господь дастъ царю, носителю имени св. Петра, ключи, чтобы онъ отворилъ ими высокую дверь (Порту)“.

Петръ долженъ былъ, однако, разрѣшить сначала болѣе важныя задачи, и послѣ Полтавы (1709 г.) онъ вернулся къ своему прежнему плану. Мысль — выгнать, во имя цивилизаціи, турокъ изъ Европы, очень понравилась ему, такъ какъ тамъ томились и надѣялись на него многіе милліоны православныхъ христіанъ. Петръ думалъ уже о возстаніи этихъ народовъ, когда послѣдовала Прутская катастрофа. Окруженный у рѣки Прута, царь долженъ былъ отказаться отъ Азова и уничтожить свой флотъ. О четвертой войнѣ съ Турціей Петръ не смѣлъ и думать.

Австрія была тогда еще занята войной за испанское наслѣдство. Правда, по Пошаревацскому миру она пріобрѣла цѣлыя области; но прошло менѣе двадцати лѣтъ, и плоды всѣхъ большихъ усилій и жертвъ были снова потеряны. Мѣсто парализованной тогда Польши заняла Россія. Вскорѣ по возведеніи Пруссіи на степень королевства (1701 г.), разроставшаяся вражда между Бранденбургомъ и Австріей составила почти краеугольный камень среднеевропейской политики; уже въ 1720 году на вѣнской конференціи австрійцы указывали на Фридриха Вильгельма I, какъ на опаснѣйшаго врага. Въ качествѣ союзника въ борьбѣ противъ династіи Гогенцоллерновъ едва ли можно было принять въ разсчетъ какое-либо другое государство, кромѣ Россіи, и вотъ 6 августа 1726 года былъ заключенъ первый союзъ между Россіей и Австріей, при чемъ выгоду отъ него получила послѣдняя. Вѣнскіе дипломаты осторожно взяли на себя ручательство защищать отъ Турціи только европейскія владѣнія

Россіи и сумѣли сильно сузить свои обязательства по отношенію къ союзнику, тогда какъ послѣдній обязался, вообще, оказать Австріи помощь противъ Бранденбурга-Пруссіи. Выше слѣдовало, можетъ быть, оцѣнить помощь, которую Австрія добровольно оказала Россіи въ вопросѣ о польскомъ наслѣдствѣ; да и позднѣе для России имѣло важное значеніе благожелательное отношеніе къ ней Австріи въ польскихъ дѣлахъ. Однако, Франція отомстила за пораженіе, испытанное Лещинскимъ на польскихъ выборахъ 1735 года отъ Фридриха Августа II (Августа III) Саксонскаго, тѣмъ, что, съ одной стороны объявила Австріи войну и стала подстрекать курфирстовъ Майнцкаго, Кельнскаго, Баварскаго и Пфальцскаго къ отпаденію отъ нея, а съ другой — побудила Турцію, къ войнѣ съ Россіей. По настоянію Австріи, Россія въ первый разъ послала въ 1736 году свои войска на западъ и одновременно начала, при поддержкѣ той же Австріи, войну съ Портой, отдавъ обратно Персіи завоеванія Петра. Это совмѣстное выступленіе тѣмъ замѣчательнѣе, что во время переговоровъ австрійскихъ дипломатовъ съ русскими въ Немировѣ, ясно обнаружилось, что оба государства ставятъ себѣ послѣдней цѣлью — взятіе Константинополя. Однако, въ то время, какъ Россія побѣдоносно боролась въ Польшѣ противъ Франціи, такъ и противъ Турціи, Австрія была разбита и понесла большія потери на обоихъ театрахъ войны. По Бѣлградскому миру 1739 г., Карлъ VI долженъ былъ обратно отдать Турціи Бѣлградъ, Орсову, Сербію и Валахію. Анна Ивановна получила все-таки на Черномъ морѣ полосу земли между Бугомъ и Днѣстромъ. Съ этого времени австрійское вліяніе на югѣ все ослабѣваетъ, а русское — возрастаетъ: побѣды принца Евгенія послужили, слѣдовательно, въ концѣ-концовъ, только на пользу сосѣдямъ.

„Прусская забота“, казалось, сковала всю энергію Австріи. Освободиться отъ этой заботы — таковъ былъ теперь лозунгъ австрійской дипломатіи. Планъ былъ вскорѣ готовъ и гласилъ: „раздѣлъ Пруссіи“. Швеція и Франція заявили свою готовность примкнуть къ нему, а главной опорой должна была стать Россія. Однако, 31 мая 1740 года на прусскій престолъ вступилъ Фридрихъ Великій, 20 октября умеръ Карлъ VI, а уже въ декабрѣ Фридрихъ занялъ Силезію, предупредивъ такимъ образомъ своихъ враговъ. Австрія была побита въ двухъ войнахъ. Напуганные австрійскіе дипломаты еще тѣснѣе сошлись съ Россіей въ новомъ договорѣ отъ 2 іюня 1746 года. Австрійцы всячески старались внушить русскому двору ту мысль, что Пруссія крайне опасна для обоихъ союзниковъ. Выгода опять выпала на долю Австріи: въ случаѣ необходимости, Россія должна была послать 60,000 вспомогательнаго войска. А такъ какъ Фридрихъ однимъ случайнымъ выраженіемъ оскорбилъ императрицу Елизавету, то она, съ своей стороны, имѣла личный поводъ къ войнѣ.

Хотя русскія войска нѣсколько разъ разбили прусскаго короля (Кунесдорфъ, 12 августа 1759 г.) или его генераловъ, однако, въ Петербургѣ стала получать преобладаніе та мысль, что Россія въ сущности вытаскиваетъ изъ огня каштаны для Австріи, и что въ польскомъ вопросѣ нельзя ничего добиться безъ соглашенія съ Пруссіей. Къ этому заключенію заставила петербургскій дворъ придти и восточная политика Австріи. Въ XVIII столѣтіи у Австріи не было крупныхъ государственныхъ дѣятелей; даже столь прославленный Кауницъ, по существу, ничего не сдѣлалъ особеннаго. Сбивчивость и пустая болтовня — вотъ отличительные признаки австрійской мемуарной литературы того времени. Со времени Немировскаго съѣзда и Бѣлградскаго мира, на Россію стали тамъ смотрѣть завистливыми глазами.

Ограниченные дунайскіе дипломаты думали такъ: Россія поможетъ намъ разгромить Пруссію и снова основать мощь Австріи на Западѣ, не трогая при этомъ Турціи. Эта несообразительность весьма удручала оба сѣверныя правительства. И если не говорить о Петрѣ III, бывшемъ какъ

разъ почитателемъ Фридриха, то даже трезво-мыслящая Екатерина заключила 11 апрѣля 1764 года „оборонительно-союзный“ договоръ съ Фридрихомъ и пришла съ нимъ къ соглашенію относительно всѣхъ основныхъ вопросовъ обоюдной внѣшней политики.

Какъ и въ 1736 г., такъ и теперь, Франція вызвала на востокѣ пожаръ и съ цѣлью отклонить вниманіе Россіи отъ Польши втравила Порту въ войну съ русскими. Къ этому дѣлу приложилъ, вѣроятно, свою руку и Кауницъ; онъ былъ убѣжденъ, что Россія, не сумѣетъ оказать должнаго сопротивленія, и что онъ такимъ образомъ дешево избавится отъ угрожающей оттуда опасности. Произошло, однако, противное. Александръ Голицынъ со своимъ тридцатитысячнымъ войскомъ разбилъ въ 1769 году великаго визиря Мохаммеда Эмина съ его 100,000 человѣкъ при Хотинѣ и занялъ Молдавію и Валахію; Петръ Румянцевъ, имѣя всего нѣсколько тысячъ человѣкъ, также побѣдилъ при Ларгѣ 100,000 татаръ, а затѣмъ при Кагулѣ со своими 17,000 разгромилъ самаго великаго визиря съ его 150,000 человѣкъ. Василій Долгорукій покорилъ почти весь Крымъ (1771 г.), послѣ того, какъ Алексѣй Орловъ истребилъ 16 іюля 1770 года турецкій флотъ въ Чесменской бухтѣ. Русскіе завоевали также Бессарабію, часть Болгаріи и нѣкоторые острова Архипелага. Тогда Константинополь пришелъ въ ужасъ, да и вѣнскимъ кабинетомъ овладѣла безпомощность. Стали бояться, что Россія одна захватитъ Турцію. Теперь Кауницъ перестал сердиться и на пруссаковъ, и съ согласія императора Іосифа II вошелъ въ соглашеніе съ Фридрихомъ. 7 іюля 1771 года онъ заключилъ также тайный союзъ съ Турціей, который былъ, впрочемъ, отвергнутъ Маріей Терезіей. Кауницъ не хотѣлъ, однако, совершенно отказаться и отъ прежняго союза съ Россіей.

Фридриха Великаго тоже начало пугать быстрое усиленіе Россіи. Соотвѣтствующее давленіе въ подходящій моментъ, когда русское государство изъ-за Австріи нуждалось въ благожелательномъ нейтралитетѣ Пруссіи, обѣщало выгоды; послѣ блестящихъ успѣховъ русскихъ, Фридрихъ сталъ считать расширеніе своихъ владѣній государственной необходимостью уже ради сохраненія равновѣсія. Возможность пріобрѣсти земли, которыя можно было надолго связать съ ядромъ государства, открывалась только въ Польшѣ, и прусскій король заявилъ поэтому, что ему необходимы нѣкоторыя части послѣдней. Еще Петръ I лелѣялъ мысль о томъ, чтобы получить Польшу въ пользу своего сына Алексѣя. Но теперь съ мыслью о полномъ присоединеніи Польши пришлось разстаться: Екатерина имѣла слишкомъ большіе интересы на югѣ, и была вынуждена удовлетворить претензіи двухъ другихъ сосѣдей. Пруссія предложила раздѣлъ Польши, Австрія заняла Ципсъ, не дожидаясь соглашенія съ другими кабинетами, а Россія санкціонировала этотъ шагъ Австріи, и 5 августа 1772 г. послѣдовалъ первый раздѣлъ Польши. Львиная доля отъ него: остатокъ Лифляндіи и Бѣлоруссія (Витебскъ, Мстиславъ, половина Полоцкой губерніи и нѣкоторые участки у Днѣпра) съ 1.800,000 жителей, досталась Россіи.

Послѣ того, какъ Россія успокоила Пруссію и Австрію, она, усилившись благодаря присоединенію польскихъ областей, могла съ большей уже настойчивостью преслѣдовать свои цѣли на югѣ. Теперь становится понятнымъ и заключеніе выгоднаго для нея договора съ Портой, который состоялся 21 іюля 1774 года въ Кучукъ-Кайнарджи. Турція должна была признать независимость татаръ Кубанской области, а также жившихъ у Буга и въ Крыму. Россія получила Азовъ на Дону, Кинбурнъ на Днѣстрѣ и всѣ крымскія крѣпости; кромѣ того, ей было предоставлено свободное плаваніе во всѣхъ турецкихъ водахъ и протекторатъ надъ всѣми православными христіанами Востока. Отдѣленіе татаръ отъ Турціи облегчило Россіи ихъ покореніе, а предоставленное ей право покровительства

православнымъ христіанамъ дало ей возможность во всякое время вмѣшиваться во внутреннія турецкія дѣла. Первый пунктъ подготовилъ потерю для Турціи Чернаго моря, а второй — утрату балканскихъ странъ.

Екатерина, навѣрное, продиктовала бы еще болѣе суровыя условія, если бы она какъ разъ тогда не была занята возстаніемъ Емельяна Пугачева (1773—1774 годы; казненъ 11 января 1775 года). Но и государственно-политическія соображенія говорили въ пользу умѣренности; австрійскіе политики, которые сами возбудили Восточный вопросъ, подняли теперь повсюду страшный шумъ, напуганные нежелательнымъ ходомъ событій. Несмотря на выставленный тогда вѣнскимъ кабинетомъ принципъ неприкосновенности Турціи, Австрія присвоила себѣ въ 1774 году Буковину, что̀, по существу, могло быть только пріятно русскимъ государственнымъ дѣятелямъ. Плоды этой политики Австрія пожала во время войны за баварское наслѣдство 1778—1779 годовъ, когда Пруссія и Россія вытѣснили ее изъ Баваріи. Послѣ этихъ новыхъ ударовъ, молодой императоръ Іосифъ II сдѣлался осторожнѣе своихъ дипломатовъ: онъ сошелся съ русскимъ сосѣдомъ, такъ какъ не хотѣлъ или не могъ поладить съ прусскимъ; по договору, заключенному осенью 1782 года, онъ призналъ за Россіей ея турецкія завоеванія и подтвердилъ соглашеніе относительно Польши. Между тѣмъ, Россія твердо продолжала преслѣдовать свои цѣли. Уже въ мартѣ 1779 года она добилась отъ Порты соглашенія при Айнали-Ковакъ (у блистающаго клена), которое дополнило договоръ 1774 года. Въ 1783 году она присоединила Кубанскую область и Крымъ; этимъ было закончено покореніе татарскихъ ханствъ, которое началъ Иванъ Грозный. Мало того, въ Петербургѣ уже составили планъ раздѣла Турціи; то былъ одобренный 13 ноября 1782 года Іосифомъ II „греческій проектъ“ 10 сентября. Имѣлось въ виду возстановить греческую имперію, а великаго князя Константина (родился 8 мая 1779 года) сдѣлать тамошнимъ императоромъ. Къ Константину приставили гречанку-няню, онъ учился греческому языку и былъ окруженъ греками. Потемкинъ принималъ живое участіе въ разработкѣ этихъ плановъ. Обезпокоенная Турція, подстрекаемая Англіей, Швеціей (помощь которой имѣла мало значенія) и Пруссіей, предупредила союзниковъ и объявила войну. Русскіе полководцы Александръ Суворовъ, Потемкинъ, Николай Репнинъ, поддержанные австрійскими генералами (Іосія Саксенъ-Кобургскій, Лаудонъ, Клерфетъ) снова одержали блестящія побѣды надъ турками. По Ясскому миру (9 января 1792 г.) Россія получила только Очаковъ и береговую полосу между Бугомъ и Днѣстромъ; за ней было обезпечено вліяніе на дунайскія княжества.

Къ этой умѣренности побудили Екатерину тѣ же или сходныя соображенія, что и въ 1771 году. Пруссія требовала дальнѣйшаго раздѣла Польши. Съ 1772 года послѣдняя, ставъ на путь реформъ, улучшила свое школьное и налоговое дѣло, повысила число своихъ войскъ до 100,000 человѣкъ, даже отмѣнила liberum veto. Конституція 3 мая 1791 года, старательно и предусмотрительно разработанная польскимъ сеймомъ, внушенная патріотизмомъ и составленная въ либеральномъ духѣ, обѣщала странѣ лучшее будущее. Если только Россія и Пруссія не хотѣли потерпѣть ущербъ, то онѣ должны были задавить это движеніе въ самомъ зародышѣ. Оффиціальнымъ предлогомъ къ вмѣшательству послужило данное этими державами ручательство въ сохраненіи старой конституціи. Сверхъ того, въ Польшѣ появилась — что̀ почти само собой понятно — сильная партія, которая выступила въ защиту прежней конституціи; она собралась 14 мая 1792 года на „Тарговицскую конфедерацію“ (Тарговицъ, вблизи Кіева) и обратилась за помощью къ Россіи. Вызванная этой конфедераціей дикая партійная борьба снова сдѣлала Польшу безпомощной и подготовила ее къ новому раздѣлу. Кромѣ того, ужасы французской революціи оказали отрезвляющее вліяніе даже на свободомыслящихъ государей, какими были

король прусскій и русская императрица: теперь стали находить въ новой польской конституціи слѣды якобинства, такъ какъ въ ней шла рѣчь о вѣчномъ сеймѣ, о пересмотрѣ конституціи черезъ каждыя 25 лѣтъ и даже о правахъ крестьянъ (которыхъ заигрывавшее съ Франціей дворянство хотѣло на французскій манеръ подстрекнуть къ возстанію). Если въ 1772 г. державы присвоили себѣ нѣкоторыя части Польши только въ виду политическихъ соображеній, то теперь сѣверные кабинеты полагали необходимымъ подписать развивавшейся въ либеральномъ направленіи польской республикѣ смертный приговоръ изъ-за соціальныхъ соображеній и въ цѣляхъ самозащиты.

Такъ произошелъ въ 1793 году второй, а въ 1795 году, послѣ возстанія подъ предводительствомъ Т. Костюшки, третій раздѣлъ Польши; послѣдній опять при участіи Австріи, какъ разъ тогда (3 января 1795 г.) вступившей въ соглашеніе съ Россіей противъ Пруссіи. Только событія 1793 и 1795 года заслуживаютъ, собственно, названія „раздѣлъ", такъ какъ теперь всѣ три правительства, дѣйствительно, имѣли въ виду стереть Польшу съ лица земли, тогда какъ въ 1772 году дѣло шло только объ отнятіи у нея нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей. Какъ въ 1772 году, такъ и въ 1793 г. польскій сеймъ вынужденъ былъ одобрить рѣшеніе державъ и подписать свой собственный смертный приговоръ. Но положеніе не должно было остаться такимъ, какимъ оно оказалось по договорамъ 1793 года и 1795 г. Въ то время, какъ Пруссія и Австрія, послѣ неоднократнаго измѣненія границъ ихъ дѣйствительныхъ владѣній, получили коренныя древнепольскія земли, Краковъ (и древнерусское княжество Галицкое), Гнѣзно, Познань и Пруссію, — Россія пріобрѣла, за исключеніемъ Мазовіи (Варшава), лишь области, уже раньше принадлежавшія Древней Руси. Такимъ образомъ, Екатерина почти закончила то „собираніе Руси", которое началъ Иванъ III. Вскорѣ Россія должна была обратить свои силы въ другую сторону: ее стала безпокоить Франція. Во время послѣдовавшихъ затѣмъ наполеоновскихъ войнъ, Россія, несмотря на Аустерлицъ и Фридландъ, сохранила свою военную славу. Съ 1811 года Александръ I стоялъ во главѣ всей Европы противъ всемірнаго завоевателя. Значеніе Россіи сильно поднялось, когда Наполеонъ I потерялъ въ ней въ 1812 году свою „великую армію", и царь оказался въ состояніи предписать ему свои условія въ Парижѣ.

Съ 1756 года Россія безпрестанно была занята войнами въ различныхъ мѣстахъ. Тѣмъ не менѣе, она даже въ наполеоновскія времена не оставила своихъ турецкихъ плановъ. Когда Султанъ Селимъ III (1789—1807) заключилъ въ 1806 году дружественный союзъ съ „французскимъ падишахомъ", надѣясь отбросить Россію къ ея прежнимъ границамъ, и вопреки Ясскому договору смѣстилъ дружественно расположенныхъ къ Россіи молдавскаго и валахскаго господарей, — Александръ, не объявляя ему войны, приказалъ двинуть туда свои войска; въ теченіе шести лѣтъ Россія, поддерживаемая тогда даже Франціей, занимала дунайскія княжества.

Сверхъ того, въ 1804 году, по наущенію Россіи, возстали сербы сначала, будто бы, только противъ янычаръ; они не положили оружія, пока не добились независимости. Чтобы поддерживать ихъ, Россія начала въ 1809 году новую войну съ Турціей. Несмотря на пораженіе, которое великій визирь нанесъ русскимъ въ Болгаріи, они подъ начальствомъ Каменскаго (побѣда при Батинѣ 7 сентября 1810 года) завладѣли всѣми дунайскими крѣпостями, а 12 октября 1811 г. Голенищевъ-Кутузовъ истребилъ всю армію великаго визиря. По Букарестскому миру (12 мая 1812 г.) царь отказался отъ Молдавіи и Валахіи, но получилъ зато Бессарабію съ крѣпостями Хотинъ и Бендеры, слѣдовательно, всю береговую полосу между Днѣстромъ и Прутомъ и устье Дуная. Сверхъ того, 8-я статья договора обезпечивала самоуправленіе Сербіи, гдѣ долженъ былъ править „Черный

Георгій“ со скупщиной. Этотъ договоръ, по меньшей мѣрѣ, подвелъ итоги стараніямъ Россіи завладѣть сѣвернымъ берегомъ моря.

На Вѣнскомъ конгрессѣ 1814 года турецкимъ представителямъ было дано порученіе добиться возвращенія отнятыхъ Россіей въ 1812 году областей. „Политическій археологъ“, князь Меттернихъ, считавшій главной своей задачей борьбу съ наступающимъ либерализмомъ, а Восточный вопросъ — дѣломъ второстепеннымъ, отклонилъ это домогательство. Онъ хотѣлъ только предложить гарантировать Портѣ ея тогдашнія владѣнія; но соотвѣтственная статья, относившаяся въ общихъ выраженіяхъ ко всѣмъ государствамъ, не была принята: Россія и Англія были противъ нея, имѣя при этомъ въ виду, именно Порту. Несмотря на то, что Россія могла теперь почти безпрепятственно развивать свои планы на Балканскомъ полуостровѣ, она дѣлала это лишь слабо, такъ какъ царь, послѣ пережитаго имъ страшнаго мірового потрясенія, впалъ въ мистицизмъ и жаждалъ всесвѣтнаго мира и душевнаго покоя. Этому душевному настроенію обязаны поляки тѣмъ, что Александръ принялъ въ 1815 году титулъ „польскаго короля“ и отчасти возстановилъ ихъ королевство, дабы „смягчилась злоба, и поляки, по возможности, сохранили свое индивидуальное существованіе“, какъ онъ писалъ президенту тамошняго сената. Правда, въ 1817 г. была признана за сербами ихъ политическая самостоятельность подъ турецкимъ верховенствомъ. Однако, Александръ ничего не хотѣлъ сдѣлать въ пользу возставшихъ грековъ и считалъ ихъ мятежниками. Когда 22 апрѣля 1821 г. разъяренные османы повѣсили въ Константинополѣ патріарха и оскорбили русскаго посла Гр. Строганова, царь удовольствовался безрезультатной жалобой.

Лишь при Николаѣ I Россія снова взялась за красную нить Восточнаго вопроса. Аккерманскимъ договоромъ 6 октября 1826 г. была провозглашена самостоятельность Молдавіи и Валахіи подъ верховной властью султана, а въ Сербіи отношенія должны были впредь регулироваться согласно договорамъ. Россія пріобрѣла нѣкоторыя области въ Азіи, и ей былъ предоставленъ свободный проходъ черезъ Дарданеллы. Затѣмъ царь, по соглашенію съ Англіей и Франціей, на основаніи принятыхъ въ Лондонѣ 6 іюля 1827 года рѣшеній, произвелъ давленіе на Порту. Султанъ Махмудъ II (1808—1839) не хотѣлъ, однако, уступать. Желаніе помѣшать проведенію реорганизаціи турецкой єрміи (вмѣсто янычаръ — муаллемъ ишкенди) побудило Россію къ войнѣ. По заключенному 14 сентября 1829 г. Адріанопольскому миру, Турція, помимо уплаты военнаго вознагражденія и подтвержденія прежнихъ договоровъ, вынуждена была уступить острова, расположенные у устья Дуная, и обязаться не заселять южнаго берега рѣки на разстояніи двухчасового пути. Россія получила на Черномъ морѣ Анапу и Поти. Къ югу отъ Гуріи демаркаціонную линію составляла рѣка Чирикса; далѣе граница шла черезъ пашалыки Чилдиръ, Ахалцыхъ и Карсъ до Грузіи, такъ что сѣверная часть страны съ крѣпостями Ахалцыхъ и Ахалкалаки осталась за Россіей.

Если не считать Молдавіи и Валахіи, то Россія должна была, слѣдовательно, вернуть обратно всѣ завоеванныя ею провинціи (Краевскій банатъ, Болгарію и Добруджу вмѣстѣ со многими крѣпостями), а также страну къ югу отъ Балканъ съ Адріанополемъ и т. д. Въ Санктъ-Петербургѣ обвиняли Вѣнскій кабинетъ въ томъ, что онъ поддерживаетъ противодѣйствіе Порты. Меттернихъ забилъ отбой и началъ говорить о томъ, какъ важно для Европы существованіе нераздѣльной Порты. Когда же потомъ Россія при осуществленіи договора 1829 года стала, по случаю возстанія Мехмета Али Египетскаго, на сторону султана, этотъ австрійскій государственный дѣятель снова счелъ возможнымъ утверждать, что Россія не имѣетъ въ виду расширить свои владѣнія, что онъ съ нею солидаренъ, и что между Вѣной и Петербургомъ нѣтъ различій во взглядѣ на Восточ-

ный вопросъ. Тѣмъ не менѣе, мысль объ уничтоженіи османской имперіи стала преобладающей на берегахъ Невы. Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Порты, а, съ другой стороны, опасаясь возможнаго возрожденія ея, благодаря египтянамъ, Россія сдѣлала образцовый шагъ, заключивъ съ ней 8 іюля 1833 года въ Гункіаръ-Скелесси оборонительный союзъ, по которому оба государства гарантировали другъ другу цѣлость обоюдныхъ владѣній и поддержаніе порядка въ своихъ земляхъ. Тайная статья этого договора закрывала Дарданеллы для всей остальной Европы. Въ сентябрѣ того же года императоры Николай и Францъ имѣли свиданіе въ Мюнхенгрецѣ. „Я пришелъ сюда, чтобы стать подъ команду своего шефа" сказалъ Николай Меттерниху. Здѣсь было достигнуто между обѣими державами полное соглашеніе, и Меттернихъ снова сталъ считать себя руководителемъ европейской политики. Но уже 14 января 1834 года Россія заключила съ Турціей соглашеніе въ Санктъ-Петербургѣ—безъ участія Австріи; Россія получила при этомъ небольшой округъ въ Азіи, и въ то же время снова были урегулированы государственно-правовыя отношенія Молдавіи и Валахіи къ Портѣ.

Если этотъ договоръ затронулъ личное честолюбіе Меттерниха, то соглашеніе 1833 года вызвало раздраженіе у Англіи и Франціи, и онѣ условились поэтому защищать Порту отъ русскихъ нападеній; съ этого времени Россія въ лицѣ этихъ державъ пріобрѣла явныхъ враговъ своей турецкой политики. Но, именно, теперь она удвоила свои усилія, чтобы нанести послѣдній (какъ она надѣялась) ударъ „смертельно больной" Турціи. На Востокѣ распространена была среди христіанъ легенда, что турки будутъ прогнаны изъ Константинополя, и что послѣдній византійскій императоръ не умеръ, а только спитъ въ въ Айа-Софіи и ждетъ своихъ освободителей. Въ Россіи тѣмъ болѣе считали турецкій плодъ созрѣвшимъ, что приближался 1853 годъ, когда послѣ четырехсотлѣтняго господства надъ Византіей полумѣсяцъ долженъ былъ, по преданіямъ, навсегда померкнуть. Это пророчество совершенно овладѣло императоромъ Николаемъ, и онъ жертвовалъ ему всѣми другими интересами. Николай зондировалъ европейскіе кабинеты, чтобы обезпечить себѣ ихъ нейтралитетъ, если не поддержку. Въ особенности его сильно интересовало отношеніе къ этому вопросу Лондонскаго и Вѣнскаго кабинетовъ. Въ 1844 году онъ отправился въ Лондонъ, но въ разговорѣ съ сэромъ Георгомъ Гамильтономъ Сеймуромъ не былъ достаточнѣ остороженъ, и Лондонъ насторожился. При этомъ Николай оскорбилъ всѣ остальныя державы, позволивъ себѣ, чтобы польстить британскому народу, такое выраженіе, что для него совершенно не важно отношеніе другихъ кабинетовъ къ этому дѣлу. Особенно плохо было это принято въ Парижѣ, и Николай долженъ былъ теперь удвоить свои усилія, чтобы склонить на свою сторону, по крайней мѣрѣ, Австрію. За это опять должна была поплатиться Польша: въ 1846 году, царь дозволилъ Австріи занять свободную Краковскую республику, а въ 1849 году онъ помогъ ей подавить венгерское возстаніе. На Балканскомъ полуостровѣ онъ оказывалъ поразительное содѣйствіе австрійскимъ интересамъ, а въ 1852 году поѣхалъ въ Вѣну, чтобы заручиться поддержкой молодого императора Франца-Іосифа. Теперь Николай считалъ себя вполнѣ подготовленнымъ къ рѣшительному удару. Въ русскихъ церквахъ говорились проповѣди о предстоящей войнѣ, какъ о святомъ дѣлѣ. Воодушевленіе было всеобщимъ, когда наступилъ, наконецъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшійся 1853-ій годъ. Прежде всего была поднята Черногорія, чтобы отвлечь часть турецкой арміи; султанъ послалъ туда Омера-пашу съ порученіемъ подавить возстаніе. Послѣ передачи русскаго ультиматума черезъ князя Алексѣя Меньшикова, вспыхнула война, извѣстная въ исторіи подъ именемъ Крымской. Англія, Франція и Сардинія выслали эскадры и войска противъ Россіи; даже Австрія выставила 200,000 человѣкъ въ Молда-

віи и Валахіи „для наблюденія“. Непріятельскія эскадры появились въ Черномъ морѣ, передъ Кронштадтомъ и въ Бѣломъ морѣ. Несмотря на свою выдающуюся храбрость, русскіе были побѣждены, Севастополь взятъ, русскій флотъ истребленъ; только въ Азіи Россія одержала успѣхи.

Императоръ Николай умеръ 18 февраля (2 марта) 1855 г. еще до окончанія войны, и его сынъ, Александръ II, вынужденъ былъ заключить въ Парижѣ 30 марта 1856 года крайне невыгодный для Россіи миръ. Все, чего Россія добилась отъ Порты по цѣлому ряду договоровъ: свободное плаваніе въ турецкихъ водахъ, проходахъ черезъ Дарданеллы, обладаніе устьемъ Дуная, протекторатъ надъ православными христіанами, надъ Молдавіей и Валахіей и надъ Сербіей—все это она теперь потеряла. Черное море было объявлено открытымъ для всѣхъ народовъ, а Россія и Турція не имѣли права держать тамъ военныя суда. Свободное судоходство по Дунаю поставлено подъ надзоръ европейской комиссіи. Портѣ была гарантирована западными державами неприкосновенность ея владѣній, и она на разныхъ правахъ вступила въ ряды европейскихъ державъ.

Такъ Россія, ужъ видѣвшая себя у цѣли, снова была отброшена далеко назадъ. Когда Александръ Горчаковъ, ставшій съ апрѣля 1856 года министромъ иностранныхъ дѣлъ, въ отвѣтъ на новыя попытки къ сближенію со стороны Франца-Іосифа въ 1860 году сказалъ: „La Russie ne boude pas, elle se recueille“ (Россія не сердится; она собирается съ силами), то онъ все же едва могъ замаскировать понесенный позоръ. Наибольшую выгоду извлекла при этомъ Англія, вліяніе которой на Востокѣ чрезвычайно поднялось; виконтъ Пальмерстонъ праздновалъ тогда свой величайшій дипломатическій тріумфъ, такъ какъ, по существу, Наполеонъ III сражался за англійскіе интересы. Пораженіе Россіи обусловили ошибки ея дипломатіи, бурное поведеніе ея неутолимаго и готоваго на самопожертвованіе императора и, въ еще большей степени, вся ея милая правительственная система. Теперь, когда пробудилось славянское самосознаніе, замѣтили еще вотъ что: Россія силой оружія добыла независимость для Молдавіи и Валахіи и для Греціи—для славянскихъ же народовъ на томъ же Балканскомъ полуостровѣ, для болгаръ и сербовъ, она ничего или мало сдѣлала. Панслависты не успокоились, пока императоръ Александръ II не объявилъ Турціи войну въ апрѣлѣ 1877 года. Это была послѣдняя война между Россіей и Портой; она освободила Болгарію и т. д. Заключенный въ Санъ-Стефано 19 февраля (3 марта) 1878 года мирный договоръ между Россіей и Турціей былъ нѣсколько ограниченъ Берлинскимъ конгрессомъ. Лишь медленно оправлялась Россія отъ ударовъ 1854—1855 гг.; еще и понынѣ остается въ силѣ Парижскій трактатъ, хотя онъ во многомъ оказался обойденнымъ, и Россія имѣетъ теперь право держать флотъ на Черномъ морѣ.

b) Россія въ Азіи.

Несравненно большіе успѣхи одержала Россія въ Азіи какъ въ борьбѣ съ Турціей, такъ противъ Персіи и народовъ Центральной и Сѣверной Азіи вплоть до Великаго океана.

Правленіе Іоанна Грознаго открыло для Россіи Азію. Послѣ того какъ казакъ Ермакъ Тимофеевичъ положилъ къ ногамъ царя корону безграничной Сибири, а Самъ Иванъ завоевалъ ханства Казанское и Астраханское,—Россія сразу очутилась въ центрѣ Азіи. Стремленіе идти дальше было теперь вполнѣ естественнымъ. Хотя Россія была еще тогда во многихъ отношеніяхъ слаба, однако, съ теченіемъ времени русскими были основаны многіе города, какъ Томскъ, Красноярскъ, Якутскъ. Петръ Великій съ большимъ стараніемъ занялся дѣлами своихъ азіатскихъ владѣній. При немъ была завоевана Камчатка (въ 1696—1699 годахъ), въ 1708 году образована Сибирская губернія съ центромъ въ Тобольскѣ, а въ 1719 году—

Иркутская провинція. Когда казаки стали сильно тѣснить Хиву своими разбойничьими набѣгами, ханъ покорился въ 1700 году царю. Онъ, правда, потомъ, отказался отъ этого, но покореніе Хивы отнынѣ могло быть лишь вопросомъ времени. При Петрѣ и Аннѣ Ивановнѣ покорились Россіи киргизы между Ураломъ и озеромъ Балхашемъ. Петръ стремился сдѣлать Каспійское море русскимъ, поэтому онъ отнялъ у персовъ Баку, Дагестанъ, Гилянь и Мазандеранъ съ Рештомъ и Астрабатомъ; правда, эти завоеванія отошли черезъ нѣсколько лѣтъ обратно къ Персіи. Екатерина пріобрѣла Кубанскую область и земли до рѣки Терека. Въ это время русскіе въ первый разъ перешли Кавказъ.

Въ 1798 году царь грузійскій Гераклій II отдался подъ защиту Россіи, дабы персы не принудили страну перейти въ магометанство, и въ 1802 году Грузія стала русской провинціей. При Екатеринѣ былъ построенъ длинный рядъ крѣпостей — „Кавказская линія", а черезъ горы проложена дорога съ сѣвера на югъ; главная крѣпость получила многозначительное имя „Владикавказъ". Въ XIX столѣтіи были покорены независимые до этого черкесы, чеченцы, лезгинцы, осетины, сванеты, абхазцы.

Но здѣсь русскіе встрѣтились съ другой державой. Въ то время какъ Россія, въ качествѣ сѣверной континентальной державы, стремилась проникнуть во Внутреннюю Азію съ юго-востока,—сильная на морѣ Англія старалась распространить свое господство на острова и берега Азіи, а затѣмъ двинулась на сѣверъ. Въ то время Англія пріобрѣла Индію и нѣкоторыя земли по ту сторону Индіи, арабское побережье съ Аденомъ и другія владѣнія. Обѣ великія державы все болѣе сближались другъ съ другомъ. Раньше всего Россія почувствовала руку Англіи на Кавказѣ. Пока русскія войска постепенно покоряли одно горное племя за другимъ, здѣсь появились англійскіе комиссары. Шотландецъ Давидъ Уркартъ (1805—1877 г.г.), издававшій въ 1835—1837 годахъ, нарочно для борьбы съ Россіей, журналъ „Portofolio", замѣчательный сборникъ дипломатическихъ документовъ, особенно умѣлъ объединять кавказцевъ въ одно политическое и религіозное цѣлое. Съ 1828 года послѣдніе стали извѣстны подъ именемъ секты мюридовъ. Уркартъ далъ имъ общее зеленое знамя съ пучкомъ стрѣлъ и звѣзднымъ кружкомъ на немъ. Британскіе купцы поддерживали кавказцевъ оружіемъ и амуниціей. Изъ мюридскихъ вождей выдвинулся въ 1824 году Шамиль изъ племени чеченцевъ, ставшій съ 1834 года политическимъ и религіознымъ главой всѣхъ горныхъ племенъ Дагестана. Прошли десятки лѣтъ, прежде чѣмъ Россія сломила ихъ сопротивленіе; здѣсь погибли цѣлыя русскія арміи. Лишь въ 1859 году русскимъ войскамъ подъ предводительствомъ Николая Евдокимова и Александра Барятинскаго удалось взять Гунибъ, послѣднюю крѣпостъ Шамиля; онъ умеръ въ Меккѣ въ 1871 году. Многія племена совершенно погибли или оставили страну и выселились въ Турцію. Въ 1864 году на Кавказѣ не было уже ни одного независимаго племени; въ 1867 году князь Мингрельскій Дадіанъ уступилъ Россіи за милліонъ рублей всѣ свои суверенныя права.

На подобныя же трудности Россія наткнулась въ Персіи, съ которой она уже со временъ Петра вела войну при всякомъ удобномъ случаѣ. Когда Россія была занята на Кавказѣ, шахъ, по совѣту Англіи, призналъ моментъ удобнымъ для удара и велѣлъ проповѣдывать священную войну; англійскіе офицеры поступили на персидскую службу. Однако, Паскевичъ взялъ 19 октября 1827 года Эривань („Эриванскій") и двинулся на Тегеранъ. Фатъ Али, покинутый Англіей, просилъ мира. По Туркманчайскому договору (22—23 февраля 1828 года) Россія, сверхъ торговыхъ привилегій получила провинціи Эриванскую и Нахичеванскую, такъ что границей между обоими государствами становилась впредь рѣка Араксъ.

И въ Средней Азіи Россія также натыкалась въ своемъ поступательномъ движеніи на закулисныя козни англичанъ. Съ несказанными трудностями ей приходилось бороться на Аму-Дарьѣ и Сыръ-Дарьѣ съ Хивой, Бухарой, Ферганой (Кокандъ) и съ ахалтекскими туркменами на сѣверной границѣ съ Персіей. Въ 1867 году было учреждено Туркестанское генералъ-губернаторство съ главнымъ городомъ Ташкентомъ; 3 марта въ 1876 году къ нему былъ присоединенъ Кокандъ Въ 1872 году кашгарскій бой Якубъ былъ вынужденъ заключить съ Россіей торговый договоръ. Въ этой борьбѣ прославились генералы Черняевъ (въ 1865 году, противъ Ташкента), фонъ-Кауфманъ (въ 1868 г., противъ Хивы), Скобелевъ (въ 1880—1881 гг., противъ туркменовъ) и Алексѣй Комаровъ (въ 1884 г., противъ Мерва). Такимъ образомъ русскіе вознаградили себя въ Западной Азіи за свои потери во время Крымской войны. Главной цѣлью Россіи является не Индія, какъ многіе склонны думать, а достиженіе персидскаго побережья: только тогда азіатскія владѣнія русскихъ пріобрѣтутъ свою настоящую цѣну. Покрывающіеся льдомъ берега сѣверозападнаго угла Тихаго океана лишь отчасти возмѣщаютъ эту недостачу.

Легче была задача Россіи въ Сибири и въ Сѣверовосточной Азіи. Послѣ того какъ въ теченіе XVI и XVII столѣтій была завоевана вся Сибирь до Камчатки, и были основаны многіе города и крѣпости,--страна была раздѣлена въ 1822 году на Восточную и Западную Сибирь; Екатерина II была первой государыней, посѣтившей Сибирь. Въ XVIII и въ XIX столѣтіяхъ Россія продолжала распространять свое владычество по направленію къ восточно-азіатскому побережью и къ Китаю. Уже Петръ II заключилъ въ 1727 году торговый договоръ съ „Небесной Имперіей", по которому русскіе купцы получали право ѣздить каждые три года въ Пекинъ и безпошлинно торговать тамъ. Позволялось также держать при себѣ четырехъ священниковъ и шесть молодыхъ людей для изученія китайскаго языка. Русскій городъ Кяхта и китайскій Маймачинъ были условленными складочными пунктами къ югу отъ Байкала. Въ XIX столѣтіи Россія заняла Курильскіе острова, которые она въ 1875 году обмѣняла на японскій Сахалинъ, затѣмъ часть Манчжуріи и другія области. Японія и Китай признали эти завоеванія: Китай въ Айгунскомъ (28 мая 1858 года) и Пекинскомъ (14 ноября 1860 г.) договорахъ, Японія—въ 1875 г. Въ 1881 году Россія, изъ однихъ мирныхъ побужденій, отдала обратно Китаю Или (иначе Кульджу), занятую ею за десять лѣтъ до этого и формально уступленную ей въ 1779 году. На берегу Тихаго океана была заложена укрѣпленная гавань Владивостокъ. Сибирь такъ сильно стала населяться русскими, отправляемыми въ ссылку или добровольно переселявшимся, что они вскорѣ составили большинство населенія. Однако, только послѣ оборудованія гигантской Сибирской дороги, эта страна, дѣйствительно, сумѣетъ подняться экономически и культурно. Насколько повредитъ этому рядъ понесенныхъ русскими отъ японцевъ пораженій (переходъ черезъ Ялу 18 апрѣля 1904 г. бой при Ляоянѣ 17—21 августа, при Шахе—26 сентября—6 октября, сдача Портъ-Артура 20 декабря, сраженіе при Мукденѣ 16—26 февраля 1905 года, истребленіе русскаго флота при Цусимѣ 14—15 мая 1905 г.) и тяжелыя послѣдствія войны,—это можно будетъ узнать лишь послѣ заключенія мира[1].

F. Взглядъ на прошлое и выводы.

Достигнутые Россіей успѣхи были столь велики, что повсюду вызвали страхъ и зависть, а кое-гдѣ, и даже во вполнѣ конституціонныхъ и республиканскихъ государствахъ, разбудили имперіалистскіе аппетиты.

---

[1] Книга была закончена авторомъ до заключенія Портсмутскаго мира.

Примѣчаніе редакціи.

Поэтому взглядъ на развитіе Россіи былъ бы едва объяснимъ со всемірно-исторической точки зрѣнія, если бы мы оставили безъ отвѣта два вопроса: какими средствами и цѣной какихъ жертвъ достигла Россія всего этого? Только выяснивъ себѣ эти вопросы, мы сумѣемъ опредѣлить настоящую цѣну ея успѣховъ.

а) Связь между природными особенностями Россіи и абсолютизмомъ.

Природа русской земли, этой неизмѣримой, почти со всѣхъ сторонъ открытой, равнины, обусловила то обстоятельство, что страна сдѣлалась проходной дорогой для различныхъ племенъ, которыя безпрерывно притекали сюда другъ за другомъ. Обитавшіе въ Россіи народы никогда не могли поэтому усѣсться. Когда же изъ нѣсколькихъ составныхъ частей образовалось мало-по-малу русское государство, то самооборона, а слѣдовательно—война должна была сдѣлаться его главной задачей; все, что̀ увеличивало его военныя силы, должно было осуществляться, а что могло ихъ ослабить—устраняться. Если мелкія и самыя мелкія государства Древней Греціи, почти каждый *Πόλις*, находили время и досугъ продѣлывать опыты съ разными формами государственнаго устройства, становясь то республикой, то опять тиранніей или олигархіей,—то Россія, существованіе которой почти всегда находилось въ опасности, не могла себѣ этого позволить. Сильная государственная власть была первымъ условіемъ ея самосохраненія. Вызванная появленіемъ удѣльныхъ княжествъ, слабость повлекла за собой татарскую напасть. Неудивительно поэтому, что неограниченная государева власть сдѣлалась идеаломъ русскаго народа. Въ лицѣ московскихъ князей этотъ идеалъ нашелъ свое воплощеніе; отъ нихъ пришло для Россіи спасеніе.

Не говоря о томъ, что развитію неограниченной государственной власти способствовало вліяніе Византіи и въ особенности православной церкви, далѣе татарское господство и, наконецъ, отсутствіе феодализма,—въ томъ же направленіи дѣйствовали, въ особенности, и экономическія соотношенія, а также непрекращавшіяся войны. Хозяйство находилось въ Россіи на очень низкой ступени развитія. Въ ней жили главнымъ образомъ отъ охоты и рыбной ловли; и когда звѣриныя богатства изсякли въ центрѣ, населеніе перешло на окраины. Пашни и луга занимали едва одинъ процентъ общей поверхности страны, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ даже 0,2 процента или еще меньше. Хлѣбопашество было, слѣдовательно, едва извѣстно тамъ, тѣмъ болѣе, что ему не благопріятствовали и климатическія условія Сѣверной Россіи. Еще Герберштейнъ подтверждалъ рѣдкость или полное отсутствіе употребленія хлѣба. И такое состояніе продолжалось очень долго и продолжается отчасти и понынѣ. Донскіе казаки еще въ 1690 году сдѣлали постановленіе, что того, кто займется хлѣбопашествомъ, слѣдуетъ до смерти избивать и лишать имущества; а у уральскаго казачьяго войска донынѣ удержалась ловля рыбы цѣлымъ обществомъ. Звѣриныя шкуры, воскъ и медъ были поэтому почти единственными предметами вывоза изъ Россіи. Лишь въ позднѣйшее время, Россія сдѣлалась земледѣльческой страной.

При такомъ положеніи вещей землевладѣніе долгое время не имѣло никакого значенія или очень небольшое; поэтому высшее сословіе охотно оставляло землю и уходило къ княжескому двору, гдѣ оно могло вести болѣе пріятную жизнь, а также добиться значенія и славы. Такимъ образомъ, свободное сословіе мало-по-малу исчезало и превращалось въ служилое. Пока существовали еще удѣльныя княжества, эти служилые люди были вольны оставлять своего князя и поступать на службу другого; это совершалось тѣмъ легче, что князья обыкновенно обязывались обоюдными

договорами не отнимать у мѣняющихъ службу ихъ земель. Когда же великій князь Московскій сталъ все болѣе и болѣе объединять въ своихъ рукахъ всѣ удѣльныя княжества, то служилые отъѣзды не могли уже болѣе имѣть мѣсто; бояре, самое большое, могли уѣхать къ какому-либо иноземному государю: но тогда отъѣздъ уже являлся измѣной. Служилое дворянское сословіе было, такимъ образомъ, приковано къ московскому двору и потеряло свою свободу. Его значеніе и благосостояніе зависѣли теперь уже отъ милости князя. Но къ службѣ бывали привлечены не только числившіеся уже тогда помѣщиками,—правительство создавало себѣ новыхъ слугъ, вновь надѣляя за „службу" помѣстьями. Помѣстное или дворянское сословіе не образовало, слѣдовательно, въ Россіи замкнутой касты, настоящаго сословія, но постоянно пополнялось, благодаря правительству, новыми людьми. Какъ только какой-либо помѣщикъ умиралъ или дѣлался неспособнымъ къ службѣ, его имѣніе передавалось его сыну, если тотъ могъ уже поступить на службу, или же какому-нибудь другому лицу, которое тоже обязывалось за это служить. Лишь въ XVII столѣтіи правительство согласилось передавать имѣніе умершаго второму мужу его вдовы или жениху его дочери. Этимъ было положено основаніе наслѣдственности „служащаго имущества". Съ теченіемъ времени дѣло дошло даже до того, что правительство распространило обязательность службы и на наслѣдственныхъ владѣльцевъ (вотчинниковъ), требуя и отъ нихъ службы. Вслѣдствіе этого должно было исчезнуть различіе между служилымъ и родовымъ имуществомъ, а государственная служба сдѣлалась еще суровѣе.

Тогда въ XVI столѣтіи возникла для неограниченной власти царей новая соціальная опасность. При московскомъ дворѣ толпилось множество прежнихъ удѣльныхъ князей, потомковъ Рюрика и Гедимина. Всѣ они сохраняли еще свои государственныя права на свои старыя княжества и, что̀ еще хуже было, свои особыя традиціи. Борьбу съ ними началъ Иванъ III. При Иванѣ IV эта борьба необычайно обострилась. Свободный отъѣздъ былъ воспрещенъ, и, чтобы сдѣлать эту мѣру дѣйствительной, Иванъ ввелъ круговую отвѣтственность бояръ, подобно тому какъ крестьяне были вынуждаемы ко взносу налоговъ круговой же порукой; такъ, бояре должны были, напримѣръ, уплатить полтора милліона рублей за побѣгъ князя Серебрянаго, за князя Ивана Мстиславскаго—1.200,000 и т. д. Сверхъ того, Иванъ отнималъ у бояръ ихъ родовое имущество и истреблялъ ихъ „цѣлыми родами", „всеродно", какъ выразился князь Курбскій. Жестокости Ивана имѣли, слѣдовательно, то значеніе для развитія Россіи, что онъ уничтожилъ послѣднее противодѣйствіе неограниченному самодержавію, провелъ на высшія государственныя должности, вмѣсто членовъ старыхъ родовъ, новыхъ людей и, такимъ образомъ, сдѣлалъ невозможнымъ образованіе замкнутаго привилегированнаго боярскаго сословія. Государственной власти послужило также на пользу старое наслѣдственное право, по которому наслѣдство должно было раздѣляться на равныя части между наслѣдниками: этимъ само по себѣ было, по меньшей мѣрѣ, сильно затруднено образованіе большихъ недвижимостей. Въ противоположность англійскимъ маіоратамъ или нерѣдко могущественнымъ западно-европейскимъ феодаламъ, русская аристократія имѣла сравнительно мало земли, что̀ должно было еще болѣе ослабить ихъ сопротивленіе царской власти. Боярское сословіе имѣло только одну отличительную особенность—обязанность служить. И такъ какъ одинъ лишь „чинъ" могъ доставить имъ богатство и вліяніе, такъ какъ человѣкъ безъ чина и теперь еще ничего не значитъ въ Россіи,—то вспыхнула дикая борьба за служебныя мѣста („мѣстничество").—Съ ожесточеніемъ боролись тогда за свое „отечество" и составляли разрядные списки; многіе скорѣе согласились бы умереть, чѣмъ позволить оттѣснить себя на низшее мѣсто противъ того, которое

имъ полагалась по разряду и родословцу. Важнѣйшія военныя операціи и государственныя предпріятія разстраивались вслѣдствіе бездѣйствія обиженныхъ бояръ, пока царь Федоръ Алексѣевичъ не воспретилъ мѣстничество и приказалъ сжечь разрядныя книги. Въ томъ же направленіи, какъ и его предшественники, дѣйствовалъ и Петръ Великій, награждая только за трудъ и заслуги. Каждый индивидумъ находился, такимъ образомъ, въ полномъ распоряженіи государевой власти, и это сдѣлало русское государство сильнымъ. Чего Западъ достигъ лишь благодаря французской революціи, а именно—уничтоженія сословій и равенства всѣхъ передъ закономъ,—это Россія, если не считать крестьянства, создала сама. Русское государство знало лишь служилое и податное сословія.

Въ государствѣ, почти всегда стоявшемъ подъ оружьемъ, всѣ учрежденія, само собой разумѣется, имѣли военный характеръ. Не только созданы были на югѣ и на востокѣ военныя границы, которыя постепенно отодвигались дальше, но и все управленіе и взиманіе налоговъ было передано военнымъ властямъ. Лишь во второй половинѣ XIX столѣтія различныя вѣтви управленія были отдѣлены другъ отъ друга и подчинены гражданскимъ властямъ.

Русскій абсолютизмъ въ такой его формѣ является, слѣдовательно, самобытнѣйшимъ плодомъ русскаго же народа. Такое своеобразное историческое развитіе должно было, естественно, въ высокой степени повліять и на образъ жизни народа, и на его характеръ. Прежде всего, эта рабская покорность, всегда ожидавшая указаній свыше, должна была искоренить чувство самостоятельности и склонность къ общественной самодѣятельности. Не отнимая у государства его важнѣйшихъ суверенныхъ правъ, либеральная англійская конституція способствовала развитію отдѣльной личности; вслѣдствіе этого, англійскій народъ самъ въ первую линію заботился о своихъ нуждахъ и бралъ на себя иниціативу въ общественной жизни, при чемъ правительство только поддерживало его. На англійской почвѣ и могло родиться понятіе о самопомощи. Совершенно обратное произошло въ Россіи: здѣсь буквально все, и хорошее, и плохое, приходило свыше. Именно, правительство начало здѣсь впервые поощрять хлѣбопашество, когда оно вынуждено было достать хлѣба для раздачи жалованья. Правительство насильно создало промышленность, само основывая фабрики или предоставляя фабрикантамъ извѣстное число крѣпостныхъ-рабочихъ. Оно создало торговлю, приказывая основывать торговыя товарищества, и оно же опредѣляло права церкви и объемъ знаній подданныхъ.

Мало того, по недоразумѣнію или невѣдѣнію оно часто вводило такія новшества, которыя не подходили къ общему укладу жизни, такъ какъ не выростали органически сами изъ себя или въ нихъ не было никакой нужды. Таковы были нѣкоторыя реформы Петра или Екатерины, напримѣръ, введеніе въ Россіи, на европейскій манеръ, сословій. При этомъ здѣсь не стояли и на высотѣ прогрессировавшей, между тѣмъ, въ Европѣ мысли. Многія другія нововведенія оказались также мертвыми формами, и ихъ пришлось отмѣнить.

Къ этому присоединяется еще и финансовая сторона государственной жизни. Войны требовали денегъ; поэтому, второй задачей государства было взысканіе нужныхъ средствъ. И здѣсь оно требовало все у подданныхъ и, въ концѣ-концовъ, заботилось о своей кассѣ а не о всенародномъ хозяйствѣ. Сознаніе, что государство не только должно брать, но и давать, открывая новые источники доходовъ,—такое сознаніе появилось здѣсь лишь къ концу XVII столѣтія. Какъ сильно давила народъ налоговая машина, видно изъ того, что народъ массами оставлялъ землю, и правительство было вынуждено создать принудительную организацію налогоплательщиковъ. А что при этомъ государственныя власти допускали большія злоупотребленія, это ясно и безъ дальнѣйшаго.

Такимъ образомъ, сила русскаго государства, его политическая независимость и завоеванія куплены цѣной уничтоженія личной свободы и народнаго благосостоянія. Русскій народъ, несмотря на пріобрѣтеніе имъ колоссальныхъ земельныхъ пространствъ, остался страшно бѣднымъ и понынѣ еще не можетъ выйти изъ голодной нужды.

Однако, безъ гигантскихъ усилій и большихъ жертвъ русскій народъ не могъ бы удержаться, и не потому, что ему пришлось бороться съ могущественными врагами и суровой природой, но потому, что вначалѣ предстоявшая ему задача далеко превосходила его обыкновенныя силы. Вообразимъ себѣ сравнительно небольшой народъ и огромную слабо населенную равнину; чтобы защитить ее по неизмѣримой пограничной линіи, нужны были необыкновенныя усилія. И на всемъ протяженіи своей исторіи Россіи суждено было видѣть себя поставленной передъ задачами, которыя она едва могла разрѣшить, событія опережавшія ея внутреннее развитіе, почти всегда застигали ее врасплохъ въ такой моментъ, когда она едва могла собрать свои силы. Безграничность равнины заставляла, однако, русскій народъ, въ интересахъ собственной безопасности, постоянно дѣлать дальнѣйшія завоеванія и никогда не давала ему возможности зажить спокойно.

Въ этой многовѣковой борьбѣ русскій народъ долженъ былъ истощить свои силы и къ уже перечисленнымъ жертвамъ присоединить еще одну еще большую: сильно отстать въ дѣлѣ цивилизаціи. Культурно поднять привыкшее къ варварству и мраку населеніе стоило тяжелыхъ трудовъ. Но и эти культурные успѣхи могли быть достигнуты только на основѣ прогресса въ хозяйствѣ Россіи, и здѣсь передъ русскимъ народомъ опять предстала задача, до рѣшенія которой онъ не доросъ. Для развитія основательной системы хозяйства необходима извѣстная густота населенія— русскій же народъ, хотя и многомилліонный, все же тонулъ въ своей огромной странѣ. Экономически страдая отъ безграничности своей равнины, онъ долгое время велъ хищническое хозяйство просто потому, что для введенія лучшихъ системъ послѣдняго его численность была еще слишкомъ невелика. То же произошло и со средствами обращенія, которыя безусловно необходимы для развитія народной жизни. Природа страны, значитъ, въ первую линію обусловила культурную отсталость русскаго народа.

b) Русская непріязнь къ цивилизаціи.

Однако, часть вины падаетъ и на самый народъ, или вѣрнѣе—на его правительство. Правда, жизнь протекала здѣсь въ столь суровыхъ условіяхъ, что населеніе, ведя вѣчную борьбу съ дикими племенами, должно было одичать. Однако, ошибка народа заключалась въ томъ, что онъ привыкъ къ некультурности, призналъ ее своей національной особенностью и пересталъ понимать цѣну культуры. Вмѣсто того, чтобы всѣми силами стараться наверстать упущенное подъ гнетомъ обстоятельствъ, вмѣсто того, чтобы основывать школы и начать культурное соревнованіе съ Западной Европой,—русское правительство довольствовалось и довольствуется однимъ введеніемъ западноевропейской культуры въ домашній обиходъ. Гигантская имперія въ 22$^{1}/_{2}$ милліона кв. километровъ и въ 130 милліоновъ жителей должна довольствоваться десятью университетами и едва 200 гимназіями, тогда какъ Германія имѣетъ, на ряду съ 460 гимназіями—21, Швейцарія—7, Австрія—8 цвѣтущихъ университетовъ. Цѣлыя провинціи, болѣе обширныя, чѣмъ западноевропейскія государства, остаются здѣсь безъ культурныхъ центровъ. Въ то время какъ въ европейскихъ государствахъ со смѣшаннымъ населеніемъ народы борются за каждую народную или среднюю школу, изъ зависти оспаривая ихъ другъ у друга и хорошо зная имъ цѣну,—Россія, которая должна бы имѣть сто высшихъ школъ, ниче-

го не хочетъ для себя сдѣлать и намѣренно держитъ населеніе въ невѣжествѣ, какъ если бы послѣднее необходимо было для существованія имперіи. Но уже 17 іюля 1866 года Оскаръ Пешель пустилъ въ ходъ крылатое слово, что „только народное просвѣщеніе рѣшаетъ исходъ войны... и если пруссаки побѣдили австрійцевъ, то это была побѣда нѣмецкаго народнаго учителя надъ австрійскимъ“. Народы не склоняются надолго передъ силой кулака, будь онъ хоть желѣзный, но лишь передъ силой высшей культуры. Между тѣмъ, иностранцы, попадающіе въ Россію, смотрятъ на русскій народъ сверху внизъ въ силу его культурной отсталости, а русскіе, которые ѣдутъ за границу, неохотно возвращаются домой, отвѣдавъ лучшей жизни. Когда Борисъ Годуновъ послалъ нѣсколькихъ молодыхъ людей на Западъ для ученья, то никто изъ нихъ не вернулся. А какъ было дѣло съ Михаиломъ Васильевичемъ Ломоносовымъ? То же повстрѣчалось и позднѣе. Это недовольство самого народа создаетъ большую опасность для будущаго. Та часть русскаго государства, которая была бы отрѣзана отъ него послѣ какой-либо неудачи, скоро денаціонализировалась бы. Русскій, привыкшій рабски исполнять приказы своего правительства, быстро научится подчиняться и другимъ приказаніямъ. Культура, напротивъ, повышаетъ самосознаніе. „Пусть всякій,—говоритъ Гете,—будетъ грекомъ на свой манеръ, но пусть онъ имъ будетъ“. Если бы Россія была въ XVI столѣтіи, когда она начала завоеваніе Сибири, культурна, то для Англіи не оказалось бы въ Азіи мѣста. Какъ разъ дружественные цивилизаціи государи, какъ Петръ или Екатерина, и добились наибольшихъ успѣховъ.

Россія, согласно всяческому человѣческому предвидѣнію, стоитъ теперь у предѣла своихъ пріобрѣтеній въ Азіи. Пока она имѣла дѣло съ еще ниже ея стоящими народами, она легко могла сохранять надъ ними перевѣсъ—культурная же Японія побѣдила ее на сушѣ и на морѣ, и это могло поразить лишь людей несвѣдущихъ. Ея враги боролись не только при помощи пушекъ, но и оружіемъ культуры: опять-таки народная школа имѣетъ бо̀льшую цѣнность, чѣмъ батарея, высшее учебное заведеніе цѣннѣе бригады. На Западѣ дарили школы въ награду: во время освободительной войны съ Испаніей нидерландское правительство даровало въ 1575 году героическому городу Лейдену университетъ; то же сдѣлала Пруссія съ Берлиномъ передъ борьбой за освобожденіе. Этого недостаточно: Россіи грозитъ денаціонализація въ своей же странѣ. Вѣчная зависимость отъ чужой цивилизаціи привела къ тому, что тамъ быстро перенимается рядъ чужихъ понятій и словъ. Развѣ не такимъ же путемъ эллинизировалась исподтишка восточная половина Римской имперіи? Въ настоящее время, напримѣръ, съ неудержимой силой распространяется на Балканскомъ полуостровѣ и въ Россіи нѣмецкій языкъ.

Культура это—благосостояніе. Русскій народъ бѣденъ и всегда былъ такимъ, такъ какъ былъ невѣжественъ. Хозяйство въ Россіи остается, за немногими исключеніями, хищническимъ; русская почва такъ истощается, что русскій хлѣбъ лишь съ трудомъ можетъ конкуррировать съ заграничнымъ на мировомъ рынкѣ, такъ какъ все болѣе теряетъ въ своемъ достоинствѣ. Русскій крестьянинъ употребляетъ еще старую трехпольную систему. Рыбныя сокровища русскихъ водъ, звѣриныя богатства русскихъ лѣсовъ пропадаютъ, по крайней мѣрѣ, для среднихъ русскихъ. Пришельцы расхищаютъ рѣки и лѣса, лишь бы обогатиться. Кавказъ былъ богатъ цѣнными породами деревьевъ. Здѣсь были: Тисъ (Taxus baccata), доставлявшій красивое красноватое дерево, которое не гніетъ и не подвергается червоточинѣ; кленъ (Acer pseudoplatanus), дерево котораго красиво полируется; сѣверная ель или кавказская пальма (Buxus sempervirens), которое лучше персидскаго самшита; орѣховое дерево (juglans regia) и другія. Однако, торговля этими цѣнностями находится въ рукахъ

иностранцевъ, и все идетъ въ Марсель, Лондонъ, Ливерпуль, Парижъ. Самымъ значительнымъ рынкомъ для русскихъ является Лейпцигъ. Почва Россіи все еще скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ большія богатства—ихъ только не умѣютъ извлекать.

Русскіе промышленники, какъ и купцы, не могутъ серьезно конкуррировать съ западноевропейскими, такъ какъ не обладаютъ достаточной образовательной подготовкой. Они могутъ держаться только благодаря помощи, оказываемой имъ правительствомъ, тогда какъ англійскіе, нѣмецкіе и французскіе торговцы являются піонерами и завоевываютъ для своего отечества цѣлыя страны. Русскія деньги легко уплываютъ за границу, такъ какъ почти все приходится покупать тамъ, а въ это самое время нѣмецкая индустрія получаетъ извнѣ милліарды за одни только химическіе продукты. Почва Скандинавіи, навѣрное, бѣднѣе русской, и все же тамъ господствуетъ благосостояніе. Германскій сѣверъ уже давно выдвинулся впередъ въ школьномъ дѣлѣ. Рипенъ, городъ съ нѣсколькими тысячами жителей, уже въ началѣ XVI столѣтія имѣлъ 700 школьниковъ, большинство которыхъ жило подаяніями, маленькій Роскильдэ—900; то же было съ Копенгагеномъ и съ другими датскими городами. Сѣверная Америка въ теченіе одного столѣтія во всѣхъ отношеніяхъ подвинулась дальше, чѣмъ Россія въ продолженіе трехъ вѣковъ, такъ какъ первая, при благопріятныхъ, правда, обстоятельствахъ, прежде всего взялась за развитіе цивилизаціи. Германія, послѣ освободительныхъ войнъ, поставила себѣ въ своемъ благородномъ честолюбіи задачу: добиться тройного превосходства: въ наукѣ, военномъ дѣлѣ и финансахъ. Россія настоятельно нуждается еще въ одномъ Петрѣ Великомъ, который съ силой могъ бы ее оторвать отъ мрака. Она имѣла бы достаточно великихъ людей и ждетъ лишь одного, который, подобно Моисею, могъ бы своимъ волшебнымъ ударомъ исторгнуть изъ скалы богатый источникъ. Маленькій древнегреческій народъ завоевалъ нѣкогда своей культурой весь міръ, и даже народъ-владыка (римляне) склонился передъ мощью его духа. Россія же изъ-за своей враждебности къ культурѣ нажила себѣ не одного ожесточеннаго врага. Міръ можетъ въ настоящее время переносить и терпѣть лишь народы, дружественно расположенные къ культурѣ, и отъ великаго народа ждетъ прежде всего культурной работы. Западная Европа могла бы, наконецъ, кое-чему научиться у Россіи. Въ однихъ военныхъ и политическихъ пріобрѣтеніяхъ нѣтъ спасенія. Поэтому они едва ли стоили той огромной суммы жертвъ, которыя русскій народъ долженъ былъ принести для ихъ осуществленія.

Указатель.